

БИБЛИОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ШЕКСПИРЪ

Т.

IV.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНИЕ
БРОКГАУЗЪ-БРОНА
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

Заглавна вѣтѣка къ «Периклу», извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джи́лберта (Sir John Gilbert, род. 1817).

ГРЕЧЕСКИЙ ЮНОША.

Античная статуя.

ПЕРИКЛЪ.

I.

Мы знаемъ и любимъ Шекспира, главнымъ образомъ, какъ творца „Гамлета“ и „Лира“—его „Периклъ“ мало кому извѣстенъ. Напротивъ, его современники видѣли въ немъ главнымъ образомъ автора „Перикла“. Еще при его жизни эта пьеса была предметомъ величайшаго восторга (*a much admired play*), а въ одной, впрочемъ, неважной поэмѣ, появившейся ровно черезъ тридцать лѣтъ послѣ его смерти, авторъ характеризуетъ поэта въ слѣдующихъ словахъ: „Съ Софокломъ мы можемъ сравнить великаго Шекспира; никогда не было у Аристофана такого полета фантазіи, какъ у него; доказываетъ это его „Периклъ, принцъ Тирскій“.

Если спросить о причинѣ этого столь страннаго и поучительнаго явленія, этого столь рѣшительнаго вердикта современниковъ, кассированнаго потомствомъ, то от-

вѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ: „Периклъ“ плѣнилъ своихъ зрителей не оригинальностью и тщательностью характеристикъ, не тонкостью психологическаго анализа, не потрясающимъ трагизмомъ положеній, а только интересомъ своей фабулы. Но именно фабула и не была собственностью Шекспира; она заимствована имъ, хотя и косвенно, изъ любопытной книжки, возникшей еще въ античную эпоху и съ тѣхъ поръ непрерывно, въ теченіе четырнадцати вѣковъ, составлявшей любимое развлеченіе читающей публики Европы. Эта книжка—безыменная „Исторія Аполлонія царя Тирскаго“. Съ этого первоисточника шекспировской драмы мы и должны начать.

II.

Вотъ, прежде всего, его содержаніе. Жилъ нѣкогда Антиохъ, царь Антиохіи

получившей отъ него свое имя, отецъ единственной дочери, первой въ мірѣ красавицы. Воспылавъ преступной страстью къ ней и добившись, хотя и путемъ насилія, своей цѣли, онъ рѣшилъ придумать благовидный предлогъ, чтобы не выдавать ея замужъ; для этого онъ велѣлъ объявить, что всякій женихъ его дочери долженъ рѣшить предложенную имъ загадку, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, поплатиться жизнью. Много князей и вельможъ погибло такимъ образомъ; наконецъ, изъ Тира явился знатный юноша Аполлоній свататься за царевну. Антиохъ предложилъ ему загадку про свой собственный грѣхъ; Аполлоній ее разгадалъ, но царь не согласился съ его рѣшеніемъ и далъ ему тридцать дней для приготовления къ новой попыткѣ. Юноша, однако, у котораго охота стать царскимъ зятемъ послѣ такого открытія пропала, до истеченія 30 дней бѣжалъ въ Тиръ, а оттуда—предвидя, что разгнѣванный царь не проститъ ему его прозорливости—на кораблѣ, нагруженномъ хлѣбомъ, въ открытое море. Его опасенія оказались справедливыми. Антиохъ поручилъ вѣрному служителю, Талиарху, известить Аполлонія; но когда Талиархъ явился въ Тиръ, Аполлонія тамъ уже не было. Пришлось Антиоху удовольствоваться назначеніемъ высокой награды тому, кто принесетъ голову Аполлонія.

Тѣмъ временемъ Аполлоній пріѣхалъ въ Тарсъ; здѣсь онъ встрѣтилъ своего гостепріимца (hospes), тарскаго гражданина Странгвилліона (Stranguillio, латинское искаженіе греческаго имени Strongylion), который ему рассказывалъ про царящій въ городѣ голодъ. Аполлоній дешево продалъ гражданамъ свой запасъ и вырученную сумму употребилъ на нужды города, за что граждане поставили ему статую на площади; но такъ какъ Тарсъ находился слишкомъ близко къ царству Антиоха, то Аполлоній счелъ за лучшее оставить его и отправиться въ киренское Пятиградіе (Pentapolis, т. е. союзъ пяти городовъ на Малой Сиртѣ, главнымъ изъ которыхъ была Кирена; позднѣйшіе писатели, включая Шекспира, приняли слово Pentapolis за имя собственное города).

На пути въ Кирену, въ извѣстной своимъ опасностями Малой Сиртѣ, Аполлонія настигла буря; корабль погибъ, его одного волны вынесли на берегъ. Рыбакъ радушно его принялъ, далъ ему половину своего плаща и отправилъ въ Кирену. Тамъ какъ разъ, по желанію царя Архестрата, про-

исходило состязаніе въ игрѣ въ мячъ. Аполлоній всѣхъ побѣдилъ, былъ приглашенъ къ царской трапезѣ и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сталъ зятемъ киренскаго царя. Немного спустя Антиохъ съ дочерью были убиты молніей, и антиохійскіе граждане избрали царемъ Аполлонія; пришлось послѣднему опять пуститься въ плаваніе, этотъ разъ съ молодой, беременной женой. Еще во время плаванія царица родила дочь и вслѣдъ за тѣмъ впала въ летаргическое состояніе; такъ какъ суевѣрные матросы не терпѣли присутствія мертвой на кораблѣ, то Аполлоній уложилъ мнимую покойницу въ ящикъ, вмѣстѣ съ грамотой и грудой золота, и опустил его въ море. Но мысль о царской власти ему опротивѣла; желая облегчить свое горе странствованіями, онъ захватилъ въ Тарсъ, передалъ новорожденную съ ея кормилицей и богатымъ приданымъ своимъ гостепріимцамъ Странгвилліону и его женѣ Діонисіадѣ и просилъ ихъ воспитать ее, какъ свое родное дитя и назвать, по имени города Тарса, Тарсіей; послѣ этого онъ отправился странствовать.

Междутѣмъ ящикъ съ тѣломъ жены Аполлонія пригнало къ Эфесу, гдѣ его нашель старый врачъ, Херемонъ. Грамота гласила, чтобы тотъ, кто найдетъ ящикъ, половину золота употребилъ-бы на похороны, а другую оставилъ-бы себѣ, и Херемонъ со своимъ ученикомъ уже собирался съечь найденную на кострѣ, какъ вдругъ ученикъ замѣтилъ въ ней слѣды жизни. Вскорѣ удалось привести ее въ сознаніе; воскресшая царица пожелала быть принятой въ число жрицъ знаменитой эфесской Діаны, что и было ей разрѣшено.

Прошло съ того времени много лѣтъ. Терсіа стала прекрасной и искусной во всѣхъ женскихъ работахъ дѣвой; ея кормилица состарилась; видя, что смерть приближается, она открыла царевнѣ тайну ея происхожденія; вскорѣ затѣмъ она умерла. Діонисіада не любила Тарсію, которая во всемъ затмевала ея родную дочь; послѣ смерти кормилицы она рѣшила избавиться отъ нея и приказала своему рабу убить ее, воспользовавшись для этого одной изъ ея прогулокъ на морской берегъ къ могиламъ кормилицы. Рабу, однако, не удалось исполнить своего намѣренія: пираты на него напали, отняли у него Тарсію и увезли ее на островъ Лесбось, въ городъ Митилену, чтобы продать ее тамъ, какъ рабу. Купить ее пожелали двое, вельможа Аинагоръ и

сводникъ; досталась она послѣднему. Настало для Тарсіи тяжелое время; но все же ей удалось тронуть приходившихъ къ ея хозяину гостей—первымъ былъ Аѳинагоръ—и упросить ихъ пощадить ея невинность. Послѣднимъ былъ тронуть ея хозяинъ; онъ разрѣшилъ Тарсіи зарабатывать деньги пѣснями и музыкой.

Около этого времени Аполлоній захлѣвъ въ Тарсъ, чтобы узнать о судьбѣ дочери. Діонисіада, считавшая Тарсію убитой и воздвигшая ей даже памятникъ, призналась мужу въ своемъ преступленіи; оба рѣшили сказать Аполлонію, что его дочь умерла. Убитый горемъ Аполлоній приказалъ запереть себя въ самомъ темномъ уголку корабля и пустить послѣдній по вѣтру, надѣясь, что смерть избавитъ его отъ опротивѣвшей жизни. Корабль занесло въ Митилену, гдѣ его замѣтилъ Аѳинагоръ; узнавъ о тяжелой душевной болѣзни хозяина, онъ былъ пораженъ совпаденіемъ его имени съ именемъ отца Тарсіи и велѣлъ послать за ней, чтобы она своими пѣснями его развеселила. Долго это ей не удавалось; наконецъ, въ своемъ отчаяніи она спѣла ему пѣсню про себя и свои страданія. Такимъ образомъ Аполлоній узналъ свою дочь; онъ вернулся къ людямъ, снялъ траурное платье и выдалъ Тарсію за Аѳинагора (сводника граждане наказали по заслугамъ). Вскорѣ затѣмъ Аполлонію приснился вѣщій сонъ: ему явилась Діана и приказала отправиться въ ея эфесскій храмъ и тамъ передъ жертвенникомъ громко рассказать свою судьбу; онъ исполнилъ ея приказаніе и въ старшей жрицѣ узналъ свою жену. Заключение романа образуетъ рассказъ о томъ, какъ Аполлоній занялъ царскій престолъ въ Антиохіи, какъ онъ сдѣлалъ своего зятя Аѳинагора царемъ Тира, какъ въ Тарсѣ были побиты камнями Странгвилліонъ и Діонисіада, и какъ возрадовался царь киренскій Архистратъ, увидѣвъ своихъ дѣтей живыми и счастливыми.

III.

Романъ объ Аполлоніи какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ частностяхъ напоминаетъ обычную схему греческихъ романовъ, этихъ послѣдней греческой литературы. Любовь, разлука влюбленныхъ и окончательное ихъ соединеніе—вотъ общая большинству ихъ формула; при этомъ рассказъ о разлукѣ разнообразится всевозможными приключеніями героя и героини (къ

которымъ здѣсь прибавлено еще и третье лицо—дочь героя и героини). Романъ любви и приключеній—таковымъ былъ романъ въ античную эпоху. Таковымъ остался онъ и вплоть до 19 вѣка; „Помолвленные“ Манцони—одинъ изъ послѣднихъ классическихъ примѣровъ. Что касается частныхъ, то къ излюбленнымъ романическимъ мотивамъ древности принадлежатъ: пираты, летаргическій сонъ, приключенія цѣломудренной героини въ притонѣ разврата, признаніе въ храмѣ. Оригинальнымъ можетъ показаться мотивъ кровосмѣсительной связи Антиоха; зато онъ введенъ довольно неорганически. Что касается мотива загадки, то это очень распространенный, если не романический, то сказочный мотивъ.

Былъ ли нашъ романъ оригинальнымъ латинскимъ произведеніемъ, или переводомъ съ греческаго—сказать трудно; къ послѣднему мнѣнію склоняется El. Klebs, авторъ новѣйшаго, очень цѣннаго изслѣдованія о нашемъ романѣ и его судьбахъ въ средніе и новыя вѣка (*Die Erzählung von Apollonius aus Tyros*. Берлинъ. 1899). Во всякомъ случаѣ оригиналъ былъ написанъ еще до 4 в. по Р. Х.; онъ сдѣлался быстро любимцемъ читающей публики и испыталъ столько метаморфозъ, сколько ни одно литературное произведеніе ни до, ни послѣ него. Первой метаморфозой была попытка охристіанить нашъ романъ: не Діана, а ангелъ является Аполлонію во снѣ, Тарсіа проситъ своего убійцу дать ей передъ смертію помолиться Богу и т. д. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прогрессировала эта христіанизация; въ то же время традиція романа раздвоилась, обѣ редакціи то списывались отдѣльно, то переплетались между собой и образовывали новыя, смѣшанные тексты. А въ средніе вѣка пошли и переработки—сначала на латинскомъ языкѣ. Изъ нихъ насъ особенно интересуетъ переработка *Готфрида Витербскаго*, нотаріуса императора Фридриха Барбароссы, написавшаго въ 1185—91 г.г. своеобразную всемірную исторію подъ заглавіемъ „Pantheon“ въ особаго рода тристихахъ (соединеніе двухъ гексаметровъ съ однимъ пентаметромъ); въ составъ этой всемірной исторіи у него входила и исторія Аполлонія, причемъ онъ романическаго Антиоха отоже- ствилъ съ историческимъ, извѣстнымъ изъ исторіи Аннибала. Исторія передана у него въ очень сжатомъ видѣ, всего въ пятнадцать тристихахъ; есть и немало измѣненій, которыя не остались безъ вліянія на позднѣй-

шихъ переработкахъ. Аполлоній является у него съ самаго начала царемъ, „Транквиллонтъ“ вмѣстѣ со своей женой „Діонисіей“ злоумышляетъ противъ Тарсія, и т. д. Въ окончательной редакціи Готфридъ расширилъ нѣсколько свой эпизодъ, назвалъ сводника Леонинномъ, жену Аполлонія Клеопатрой и ввелъ нѣсколько маловажныхъ вставокъ.—Но латинскія переработки не могли всѣхъ удовлетворить; появились испанскія, французскія, нѣмецкія, итальянскія, греческія и, что насъ особенно интересуетъ, англійскія. Изъ послѣднихъ наиболѣе важна для насъ та, которую самъ Шекспиръ назвалъ своимъ источникомъ—переработка *Джона Гоуера* (Cower), современника и друга Чосера. Въ своей поэмѣ подъ заглавіемъ *Confessio amantis*, онъ воспользовался, какъ примѣромъ преступной любви, исторіей нашего Аполлонія; своимъ источникомъ онъ представляетъ „хронику, называемую Пантеономъ“; отсюда англійскіе критики вывели заключение, что Гоуеръ составилъ свой рассказъ единственно по Готфриду Витербскому—чему противорѣчатъ, однако, многочисленныя заимствованія изъ „исторіи Аполлонія“, касающіяся такихъ подробностей, которыя совсѣмъ пропущены у Готфрида. Итакъ, Гоуеръ пользовался двумя источниками—Готфридомъ и „исторіей“. Рассказъ написанъ четырехстопными ямбами; Аполлоній названъ (для удобства размѣра) Аполлиномъ, Талиархъ (по ошибкѣ)—Талиартомъ; введенъ другъ Аполлонія, *Hellican (us)* (передѣлано изъ *Hellinicus*, имени одной третьестепенной личности въ „исторіи“); Діонисія названа Діонизой, Тарсія—Таисой и т. д. Небезинтересна метаморфоза, происшедшая съ именемъ дочери Странгвилліона. Въ первоначальной редакціи она безыменна; въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ редакцій ей дано имя символизирующее ревность ея матери, именно *Philotimia*; Гоуеръ, очевидно ошибшись въ чтеніи, назвалъ ее *Philotenna*; отсюда произошло уже совершенно варварское *Philoten*, которое она носитъ у Шекспира. Конечно, такія недоразумѣнія произошли не въ однихъ только именахъ; приведемъ слѣдующій образчикъ, показывающій, какъ иногда возникаютъ поэтическіе мотивы (*Kiebs*, стр. 468). Согласно подлинной „исторіи“ врачъ Херемонъ, призвавъ къ жизни царицу, удочерилъ ее (*filiam sibi adoptavit*)—что было необходимо, такъ какъ оставаясь чужестранкой, она не могла бы быть жрицей эфесской богини. Между тѣмъ въ средневѣковой латыни *sibi* значитъ и

„себѣ“ и „ей“; понимая выписанную фразу въ послѣднемъ смыслѣ, Гоуеръ говоритъ про своего врача „Серимона“, что онъ предложилъ царицѣ „свою собственную дочь, чтобы она у нея служила, пока обѣ будутъ жить“. Шекспиру это предложеніе показалось, повидимому, слишкомъ великодушнымъ: у него (д. 3, сц. 4) дочь Серимона замѣнена племянницей (*a niece of mine shall there attend you*).—Крупныхъ измѣненій въ самой фабулѣ Гоуеръ не произвелъ; она сильно пострадала у него вслѣдствіе пропуска разговоровъ дѣйствующихъ лицъ латинскаго подлинника съ ихъ жизненнымъ, подчасъ юмористическимъ реализмомъ; у него все вышло гладко, однообразно и рутинно. Среда полуязыческая, полухристіанская: между прочимъ жена Аполлонія дѣлается у него въ Эфесѣ игуменьей. Вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время поэма Гоуера была бы точно такъ же забыта, какъ и масса другихъ посредственныхъ поэмъ этой эпохи, если бы не случайное обстоятельство, что она была источникомъ Шекспировскаго „Перикла“.

IV.

Впрочемъ, говоря о „Периклѣ“ Шекспира мы выражаемся не вполне точно съ точки зрѣнія новѣйшей критики; по ея вердикту—съ которымъ спорить трудно—Шекспиръ былъ не авторомъ, а только окончательнымъ редакторомъ нашей драмы, но все же редакторомъ очень самостоятельнымъ, вложившимъ не мало собственного труда въ чужое произведеніе. Скептицизмъ этотъ сравнительно недавняго происхожденія: въ эпоху самого Шекспира, да и нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти, публика благодушно восторгалась причудливой драмой, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что она была роднымъ дѣтищемъ ея любимца. Позднѣе, когда интересъ къ наивнымъ сказкамъ прошелъ, недостатки „Перикла“ были замѣчены, но ихъ объясняли предположеніемъ, что онъ былъ юношескимъ произведеніемъ великаго драматурга: Драйденъ (1675 г.) въ прологѣ къ „Цирцеѣ“ Чарльза Дэвенанта, проводя мысль о трудности съ перваго раза написать совершенную вещь, намекаетъ на Бена Джонсона и Флетчера, которые тоже не сразу написали своихъ „Вольпоне“ и „Арвака“, и продолжаетъ такъ: „Даже муза Шекспира первымъ родила Перикла—князя

Тирскій былъ старше Мавра (т.-е. Отелло). Увидѣть хорошую первинку, значитъ, увидѣть чудо; розы не цвѣтутъ о Рождествѣ". Но это предположеніе ошибочно: во-первыхъ, хронологическія данныя, о которыхъ рѣчь будетъ тотчасъ, его не допускаютъ, а во-вторыхъ, недостатки „Перикла“ существенно разнятся отъ тѣхъ, которые мы наблюдаемъ въ дѣйствительно юношескихъ драмахъ Шекспира. Къ тому же, и постороннія соображенія наводятъ насъ на мысль, что первоначальнымъ авторомъ „Перикла“ былъ другой поэтъ, и даже позволяютъ догадываться объ его имени.

Прежде всего, хронологія „Перикла“ довольно точно опредѣляется слѣдующими, чисто внѣшними данными. Въ первомъ его изданіи, появившемся въ 1609 г., онъ названъ „новой пьесой“ (the late... play); стало быть, онъ не могъ быть написанъ задолго до этого года. Къ тому же мы знаемъ, что въ 1608 г. издатель Блоунтъ внесъ нашу драму, вмѣстѣ съ „Антоніемъ и Клеопатрой“, въ списки книгоиздательской гильдіи, какъ имѣющую быть изданной имъ; это—самый ранній слѣдъ существованія „Перикла“. „Между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ Делиусъ (Shakespeare-Jahrbuch, III, 173), такая популярная драма, какъ „Периклъ“, пользовавшаяся такой выдающеюся и притомъ такой постоянной любовью публики, навѣрное оставила бы и болѣе ранніе слѣды, если бъ только она была поставлена раньше“. Итакъ, мы допускаемъ—въ согласіи съ Делиусомъ и наиболѣе авторитетными критиками Шекспира,—что „Периклъ“ былъ впервые поставленъ приблизительно въ 1608 г., т. е. что онъ принадлежалъ къ позднимъ драмамъ Шекспира, имѣя своими старшими братьями и „Гамлета“, и „Лира“, и „Отелло“.

Старшими, да, но не вполне родными: мы уже намекнули на полушекспировскій, такъ сказать, характеръ нашей пьесы. Оставляя въ сторонѣ внутреннія улики—мы отчасти къ нимъ вернемся при анализѣ драмы,—мы не можемъ не придать значенія тому факту, что въ первомъ полномъ изданіи Шекспира 1623 г. „Периклъ“ отсутствуетъ; повидимому, составители этого изданія не считали себя вправѣ распоряжаться „Перикломъ“ какъ полной литературной собственностью издаваемого ими автора. Но это еще не все: путемъ очень остроумной комбинаціи Делиусу—которому мы слѣдуемъ въ этой главѣ—удалось опредѣлить имя Шекспирова сотрудника, а новѣй-

шіе критики (Флэ, Бойль) привели новыя доказательства въ пользу этой комбинаціи.

Дѣло въ томъ, что въ томъ же 1608 г. нѣкто Джорджъ Уилькинсъ выпустилъ повѣсть подъ слѣдующимъ, по обычаю того времени неуклюжимъ заглавіемъ: „Горестныя приключенія Перикла, князя Тирскаго. Подлинный пересказъ драмы о Периклѣ, каковой она была недавно представлена *) почтеннымъ стариннымъ поэтомъ Джономъ Гоуеромъ“. Это, дѣйствительно, довольно точный пересказъ нашей драмы; тѣмъ болѣе странно, что Уилькинсъ называетъ его въ предисловіи: „бѣднымъ дѣтищемъ своего мозга“ (a poor infant of my braine). Конечно, при крайней растяжимости понятія литературной собственности возможно, что невзыскательный писатель и пересказъ драмы въ новеллистической формѣ счелъ достаточнымъ проявленіемъ поэтическаго творчества; но въ томъ то и дѣло, что Уилькинсъ такимъ невзыскательнымъ писателемъ не былъ. Онъ и самъ былъ драматургомъ; сохранившаяся его драма подъ заглавіемъ „Несчастія насильственнаго брака“ (the miseries of inforced marriage), хотя и не даетъ высокаго понятія объ его талантѣ, но все же доказываетъ его несомнѣнную писательскую самостоятельность. Но это еще не все: только что упомянутая драма Уилькинса и по содержанію, и по языку, и по technikѣ сильно напоминаетъ нешекспировскія части какъ „Перикла“ (т. е. главнымъ образомъ, первые два акта), такъ и „Тимона Аѳинскаго“. Особенно убѣдительную, хотя и внѣшнюю улику указалъ Fleay: это—число римованныхъ стиховъ какъ въ обѣихъ частяхъ „Перикла“, такъ и у Уилькинса. Ихъ всего 14 въ послѣднихъ трехъ актахъ противъ 195 въ первыхъ двухъ: и это послѣднее число вполне соотвѣтствуетъ манеру Уилькинса. Впрочемъ, не менѣе убѣдительно и болѣе интересное соображеніе высказалъ Клебсъ въ упомянутой выше книгѣ; а такъ какъ оно касается отношенія авторовъ „Перикла“ къ своимъ источникамъ, то будетъ полезно сказать о немъ подробнѣе.

Изъ самой драмы видно, что источникомъ ея былъ главнымъ образомъ Гоуеръ: не даромъ его духъ приглашается въ первомъ прологѣ „вновь спѣть пѣсню, давно

*) Presented. Слово «представлена» здѣсь надо понимать въ особомъ значеніи: presenter'омъ назывался въ англійской драмѣ тотъ, кто ее объяснялъ публикѣ, какъ это дѣлалъ Гамлетъ при представленіи пантомимы или Пигва въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Такова дѣйствительно въ «Периклѣ» роль Гоуера.

имъ пропѣтую". Но мнѣніе, будто онъ былъ единственнымъ ея источникомъ, ошибочно: сравненіе „Перикла“ съ Гоуеромъ съ одной стороны и „исторіей“ Апполонія съ другой доказываютъ намъ, что авторами была привлечена также и эта послѣдняя, а именно въ передѣлкѣ Туэйна (Twine), который читалъ ее въ знаменитомъ сборникѣ 14 вѣка, озаглавленномъ „Gesta Romanorum“. Такимъ образомъ генеалогія нашего „Перикла“ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Кстати: переводъ Туэйна появился въ 1600—1608 г. новымъ изданіемъ, такъ что и это обстоятельство говоритъ въ пользу принятой нами хронологіи „Перикла“.—Итакъ, авторы Перикла пользовались двумя источниками—но не одинаково. Улькинсъ явно предпочитаетъ Гоуэра, Шекспиръ столь же замѣтно старается замѣнить его первоисточникомъ, т.-е. самой „исторіей“ въ передѣлкѣ Туэйна (Клебсъ, стр. 447).

V.

Сказаннаго достаточно для посвященія читателя-неспециалиста во внѣшнюю такъ сказать обстановку „Перикла“; приступая къ анализу и характеристикѣ самой драмы, мы повторяемъ высказанное въ самомъ началѣ нашего очерка предостереженіе—что онъ будетъ имѣть дѣло съ поэмой, очень популярной въ свое время, но очень мало соотвѣтствующей вкусамъ нашей образованной публики. Наша публика отвергла даже романъ приключеній—еще менѣе въ состояніи она выносить вольную технику наизнанныхъ одно на другое приключеній въ драмѣ, этомъ сосредоточенномъ единствомъ дѣйствія, характеромъ, идеи, литературномъ произведеніи.

Вотъ тутъ то и слѣдуетъ остерегаться увлеченій и несправедливости. То требованіе къ драмѣ, которое ставимъ мы подъ косвеннымъ влияніемъ античной трагедіи,

не ставилось къ англійской драмѣ въ эпоху Возрожденія: для этого ея связь съ безформенными моралитетами среднихъ вѣковъ была слишкомъ велика. Съ точки зрѣнія этой эпохи обработать въ драматической формѣ исторію Апполонія было въ принципѣ ничуть не рискованнѣе, чѣмъ обработать исторію какого-нибудь англійскаго короля изъ хроники Голиншеда. Разница, если и была, то чисто количественная; а для того, чтобы уложить этотъ количественный излишекъ въ рамку драмы, можно было прибѣгнуть къ довольно простому средству, не разъ практиковавшемуся на англійской сценѣ,—а именно, къ соединенію эпического повѣствованія съ драматическимъ дѣйствіемъ. Чего нельзя было представить на сценѣ, то могъ рассказать прологистъ; изрѣдка можно было придти на помощь его сухому разсказу пантомимой. Такъ и было сдѣлано; это можетъ намъ не нравиться, но не слѣдуетъ упрекать автора—будь это Уилькинсъ или Шекспиръ—въ томъ, что по обычаю его эпохи вовсе не было недостаткомъ. Прологистомъ авторъ избралъ Гоуэра; это было данью благодарности тому поэту, который былъ его главнымъ источникомъ. А разъ рѣшившись вывести на сцену этого представителя ранней англійской поэзіи, авторъ соблюлъ и внутреннее правдоподобіе въ тѣхъ рѣчахъ, которыя онъ ему влагаетъ въ уста. Правда, онъ не заставляетъ его говорить языкомъ эпохи Плантагенетовъ, но онъ пользуется тѣмъ же четырехстопнымъ ямбомъ, которымъ написана и „Исповѣдь влюбленнаго“, воспроизводитъ тотъ же однообразный былинный стихъ, который такъ быстро надоедаетъ намъ въ ней; мало того—онъ подражаетъ своему образцу и въ его беззаботности относительно рима. Критики не преминули вѣнчать ему эту беззаботность въ вину, они цитируютъ вразумки, какъ ужасающій примѣръ, заключительное двустушіе изъ пролога къ IV дѣйствію:

Dionysa doth appear
With Leonine, a murderer.

(въ переводѣ эта особенность, разумѣется пропадаетъ); но они забываютъ при этомъ, что, если бы мы имѣли здѣсь неряшливость самого автора, а не сознательное подражаніе образцу, то она проявилась бы и въ тѣхъ 195 римованныхъ стихахъ, которые встрѣчаются въ первыхъ двухъ актахъ драмы. Нѣтъ, авторъ здѣсь несомнѣнно

архаизируетъ, а этотъ архаизмъ—столь же несомнѣнно нешекспировская черта.

Вообще же объ этихъ прологахъ мало можно сказать хорошаго; они скучноваты, многословны и часто повторяютъ извѣстное намъ уже изъ самаго дѣйствія. Но вотъ занавѣсъ поднимается, передъ нами событія, дѣйствія, живыя рѣчи, характеры. Что сказать о нихъ?

IV.

На первыхъ порахъ—тоже немного утѣшительнаго.

Мы въ Антиохіи; передъ нами—Антиохъ съ дочерью и Аполлоній. То есть, нѣтъ: не Аполлоній, а Перикль; это переименованіе требуетъ объясненія. Аполлоній такъ же мало годился для пятистопнаго ямба Уилькинса, какъ и для четырехстопнаго Гоуэра; этотъ послѣдній, поэтому, передѣлалъ его въ Аполлина; почему нашъ авторъ не послѣдовалъ его примѣру? Скажутъ: филологическая совѣсть шевельнулась. Конечно, Аполлинъ—совершенно невозможное имя; но оно ничуть не хуже Діонизы (вм. Діонисии), не говоря уже о Thaise и Philoten. Нѣтъ, причина была другая: въ тѣ времена пользовалась широкой извѣстностью поэма Сиднея „Аркадія“, и вотъ ея то героя, Пирокла (Pyrokles), расчетливый авторъ и усыновилъ. На это имѣются опредѣленные улики; но какимъ образомъ Пирокль превратился въ Перикла—это другой вопросъ. Быть можетъ, Шекспиръ не пожелалъ пользоваться отраженіемъ чужой славы; быть можетъ, дальнѣйшее преобразование было дѣломъ простаго авторскаго каприза.

Какъ бы то ни было, предъ нами Перикль въ присутствіи преступной четы. Рѣчи обоихъ мужчинъ чисто шаблонны; впрочемъ, другого отъ нихъ пока и требовать нельзя. Но вотъ заговорила и прекрасная Гесперида, жертва и соучастница отцовскаго нечестія; она желаетъ смѣлому пришельцу быть счастливымъ всѣхъ, которые пытались счастья до тѣхъ поръ. Что это? искреннее пожеланіе, вопль растерзаннаго стыдомъ и раскаяніемъ сердца? Но если такъ, то къ чему выбирать такую загадку, разгадка которой не можетъ не внушить жениху отвращенія къ запятанной невѣстѣ! Нѣтъ, какъ это ни больно, а приходится признать, что и здѣсь мы имѣемъ формальную, шаблонную вѣжливость, и болѣе ничего.—Загадка, черезъ чуръ уже прозрачная, прочитана: рѣшеніе найдено; Перикль сначала въ туман-

ныхъ, затѣмъ во все болѣе и болѣе ясныхъ выраженіяхъ даетъ царю понять, что его тайна обнаружена. Это мѣсто не безъ достоинствъ; особенно въ аллегорія съ кротомъ хотѣли видѣть проблескъ Шекспировскаго генія. Конечно, эта аллегорія приковываетъ наше вниманіе, чувствуется, что въ ней есть что то недюжинное; но картина расплывается, лишь только мы всмотримся въ нее попристральнѣе. Нѣтъ, скорѣе правъ Деліусъ, видящій здѣсь „вымученную туманность, съ притязаніемъ на философское глубокомысліе“ (стр. 181).—Остальные событія въ Антиохіи чередуются быстро. Рѣшеніе Перикла—рѣшеніе Антиоха—порученіе Антиоха Талиарду—бѣгство Перикла,—всѣ эти сцены ничего намъ не даютъ, кромѣ самой заурядной драматизаціи эпическаго разсказа.

Слѣдующія сцены переносятъ насъ въ Тиръ: ихъ содержаніе—уходъ изъ родины Перикла и передача власти Геликану. Задачей поэта было—выдвинуть этого послѣдняго изъ среды прочихъ вельможъ настолько, чтобы такое отличіе показалось намъ понятнымъ; онъ это сознавалъ, но силы ему измѣнили, и онъ потерпѣлъ полное фіаско. Дебютъ Геликана такъ же страненъ, какъ и гнѣвъ Перикла: онъ упрекаетъ своихъ товарищей въ лести, въ которой никто изъ нихъ не провинился; зарождается даже подозрѣніе, не сократила ли рука редактора рѣчи обоихъ царедворцевъ, отъ которыхъ осталось только три совершенно безцвѣтныхъ стиха. Но нѣтъ: вся сцена скомпанована одинаково неудовлетворительно, вездѣ видно письмо неумѣлаго подражателя, который при всемъ желаніи быть глубокомысленнымъ, нигдѣ не подымается выше посредственности. Одно только мѣсто составляетъ отрадное исключеніе: это—рѣчь Перикла въ началѣ Тирскихъ сценъ. Это уже не шаблонъ: поэтъ далъ намъ то, чего мы не встрѣчали и не встрѣтимъ во всемъ первомъ дѣйствіи—характеристику. Перикль весь отдался тоскѣ, попытки царедворцевъ доставить ему развлеченіе только раздражаютъ его. „Оставьте меня! Къ чему эти смѣны *) въ мысляхъ? Меланхолія съ тупымъ взоромъ—моя привычная спутница...“ Теперь мы можемъ сопоставить съ этимъ Перикломъ того, котораго мы видѣли въ Антиохіи, того, который „подобно веселому бойцу“, готовъ былъ отдать жизнь

*) Change—такое чтеніе оригинала. Издатели чаще печатаютъ change «обуза» (мыслей).

за надежду добыть плодъ Геспериды; плодъ оказался отравленнымъ—это сознание отравило и надежды, и веселье, и самую жизнь героя. Это мотивъ не новый: такъ и Гамлетъ отдался неотлучной спутницѣ—меланхолии, послѣ того, какъ онъ извѣрился въ чистотѣ своей матери; и какъ хорошъ весь этотъ монологъ Перикла, какъ удачно сравнение, которымъ онъ кончается! Вездѣ видна рука мастера; трудно отказаться отъ мысли, что здѣсь передъ нами—письмо Шекспира, воспользовавшагося для Перикла остатками тѣхъ красокъ, которыми онъ нѣкогда написалъ Гамлета.

Итакъ, основаніе характеристики положено; зная содержаніе „исторіи“, мы можемъ представить себѣ ея развитіе. Грусть Гамлета была неизлѣчимой: ядъ, отравившій его жизнь, исходилъ отъ матери, а другой матери судьба ему дать не могла. Другое дѣло—грусть Перикла; ея причиной была возлюбленная, излѣчить ее могъ, въ союзѣ со всеисцѣляющимъ временемъ, другой, болѣе достойный предметъ любви. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія этой спасительницы, киренской царевны, доброй и милой, какъ Офелія, но счастливѣе ея...

Сцены въ Тарсѣ насъ только задерживаютъ; конечно, онѣ нужны для поэта—надо же представить намъ будущихъ пріемныхъ родителей „дочери моря“—но намъ ихъ смыслъ почти непонятенъ, да и сами онѣ очень посредственны. Клеонъ—такъ переименовалъ поэтъ традиціоннаго Странгвиліона,—разсказываетъ своей женѣ вещи, которыя она сама отлично знаетъ; и онъ знаетъ, что она ихъ знаетъ—и что разсказъ его не нуженъ, и мотивируетъ его желаніемъ усыпить—собственное горе картиною чужихъ бѣдствій, совершенно забывая, что онъ этимъ вводитъ непозволительно наивный драматургическій пріемъ. Риторическая отдѣлка рѣчей Клеона не должна насъ смущать: со своими антитезами и гиперболами она совершенно въ духѣ моднаго въ тѣ времена „юфуизма“ (euphuism), и мы можемъ быть увѣрены, что даже такая явная нелѣпость, какъ съ „отвращеніемъ“ произносилось самое слово: *помощь* (the name of help grew odious to redeat), была гордостью ея автора. Зато дебютъ Перикла мы склонны признать слишкомъ мимолетнымъ; къ тому же онъ страдаетъ маленькой несообразностью. Вѣсть объ избавленіи отъ голода съ восторгомъ привѣтствуется присутствующими (omnes): боги Греціи да охранять тебя! мы будемъ молиться за тебя!“

(we will pray for you); Перикль отвѣчаетъ: „встаньте, прошу васъ, встаньте! Мнѣ нужна любовь, а не почитаніе“ (we do not look for reverence, but for love). Такъ могъ онъ отвѣчать только тогда, если присутствующіе молились не за него, а на него; не произошло ли здѣсь редакторскаго измѣненія первоначальной концепціи? *).

Но, повторяю, сцены въ Тарсѣ насъ только задерживаютъ; мы торопимся въ Кирену, къ ожидаемой спасительницѣ. Пусть любовь благодарныхъ тарсянъ облегчила грусть героя: окончательно излѣчить его можетъ только та, которая замѣнитъ собою образъ опороченной антиохійской царевны. Познакомить насъ съ нею второе дѣйствіе.

VII.

Мы въ Киренѣ или, какъ выражается поэтъ со словъ своего источника Гоуера, въ „Пентаполѣ“, передъ нами Перикль, спасшійся нагимъ изъ-подъ обломковъ разбитаго и утонувшаго корабля. Его монологъ совершенно въ духѣ предыдущихъ сценъ; но вотъ повѣяло чѣмъ то новымъ,—появляются три рыбака. Они говорятъ въ прозѣ; ихъ рѣчи шутливаго характера; вообще они и особенно третій изъ нихъ играютъ роль излюбленныхъ въ англійскомъ театрѣ „клоуновъ“, для которыхъ другого мѣста въ нашей трагедіи нѣтъ. Эта перемѣна настроенія такъ понравилась нѣкоторымъ критикамъ, что они не задумались признать руку Шекспира въ сценахъ съ рыбаками; конечно, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, не слѣдуетъ только забывать, что клоунское остроуміе—особенность не одного только Шекспира, и что специально *это* остроуміе имъ же показалось бы слабымъ въ сравненіи со схожими сценами въ „Венеціанскомъ купцѣ“ и др.

Здѣсь намъ впервые приходится отмѣтить крупное измѣненіе въ фабулѣ. Въ „исторіи“ нагой Аполлоній, получивъ очень скромную одежду, участвуетъ въ игрѣвъ мячъ и побѣждаетъ всѣхъ своихъ партнеровъ. Это было

*) Дѣйствительно, я склоненъ допустить, что Уилькинсъ, гораздо лучше Шекспира знакомый съ античными обычаями, имѣлъ въ виду настоящее обоготвореніе Перикла тарсянами, но что Шекспиръ, менѣе ученый и болѣе чуткій къ современнымъ ему чувствамъ, замѣнилъ языческое обоготвореніе христіанской (или нейтральной) молитвой. Это подтверждается третьимъ дѣйствіемъ, въ которомъ редакция Шекспира была наиболѣе энергична; и здѣсь (см. 3) Клеонъ ссылается на молитвы народа за Перикла.

совершенно въ античномъ духѣ; современная Англія тоже, вѣроятно, оцѣнила бы этотъ мотивъ; но для Англіи Шекспировской эпохи требовалось состязаніе по-серьезнѣе, требовался турниръ. А для турнира требуется панцырь, добыть который изъ глубины моря предоставляется, наперекоръ разсудку, рыбакамъ. О недостающихъ частяхъ вооруженія общаются позаботиться тоже рыбаки—какъ, это ихъ дѣло; Перикль отправляется на турниръ. Здѣсь зрителями будутъ царь страны, Симонидъ, соотвѣтствующій въ „исторіи“ Архистрату, и его красавица-дочь, Таиса... Какъ видитъ читатель, поэтъ далъ ей имя, которое первоначально принадлежало ей будущей дочери: Tarsia, Tharsia, Thaisia, Thaisa—мы можемъ еще прослѣдить въ различныхъ спискахъ и передѣлкахъ „исторіи“ постепенную метаморфозу имени дочери Аполлонія-Перикла. Объ этомъ искаженіи можно пожалѣть: называя свою дочь Тарсіей, Аполлоній оказываетъ гражданамъ Тарса учтивость въ совершенно античномъ вкусѣ, и Странгвилліонъ, узнавъ отъ своей жены объ ея убійствѣ, коритъ ее между прочимъ и за то, что она убила дѣвушку, носившую имя ихъ родного города. Но, конечно, въ формѣ Thaisa эта связь уже не ощущалась, а такъ какъ нашъ поэтъ имѣлъ на примѣтѣ другое имя для своей „дочери моря“, то ничто не мѣшало ему имя Таисы дать ей матери.

Насъ, конечно, интересуетъ не столько имя Таисы, сколько сама она, спасительница и исцѣлительница Перикла... но тутъ мы испытываемъ полнѣйшее разочарованіе. Трудно представить себѣ болѣе сумбурное изложеніе. Поэтъ, повидимому, даже не сознавалъ, что его задача—описать развитіе страсти въ душѣ обоихъ героевъ, борьбу любви съ грустью у Перикла, борьбу любви съ дѣвическимъ стыдомъ у Таисы. Съ самаго начала Таиса влюблена въ Перикла, еще болѣе въ него влюбленъ Симонидъ. Перикль же держитъ себя совершенно пассивно, нигдѣ не обнаруживая ни малѣйшаго волненія по поводу заискиваній какъ Симонида, такъ и его дочери. Въ концѣ концовъ его на ней женятъ, чему онъ безропотно покоряется, но наше ожиданіе этимъ *inforced marriage* обмануто самымъ жестокимъ образомъ. Повидимому, у первоначальнаго поэта не хватило таланта для его нелегкой задачи, Шекспиръ же отчаялся въ возможности одухотворить его рутинную работу и, махнувъ рукой на Таису, поберегъ свою палитру

для новой героини, жизнь которой начинается со слѣдующаго, третьяго акта.

VIII.

Тутъ съ самаго начала раздаются мощные звуки, заставляющіе насъ быстро забыть о бездушномъ второмъ актѣ со всѣми его нелѣпостями: видно, левъ проснулся, Шекспиръ заговорилъ. Перикль съ Таисой на морѣ, буря застигла ихъ какъ разъ въ то время, когда царица должна была дать жизнь новому существу. Контрастъ между разъяренной стихіей и беспомощностью новорожденного младенца понять и изображенъ поэтомъ съ той чуткостью и силой, которая свойственна гениямъ. Намъ вспоминается схожее положеніе въ „плачѣ Данаи“ поэта Симонида; трогательныя слова древнегреческой баллады, „засни, море,—засни, дитя,—засни, непредѣльное горе!“ хотѣлось бы поставить въ заголовокъ нашихъ сценъ, справедливо считающихся перломъ не только „Перикла“, но и Шекспирова творчества вообще. При оглушительномъ шумѣ урагана Таиса родила дѣвочку и сама—такъ думаютъ ея приближенные—потеряла жизнь; кормилица Ликорида приноситъ отцу его малютку-дочь. Вникните въ технику—если это слово здѣсь уместно—благословенія ей Перикла; въ сущности это тотъ же анти-тетическій стиль того же юфуизма, какъ и въ сценѣ Клеона съ Діонизой. Но почему онъ насъ здѣсь за душу беретъ, между тѣмъ какъ тамъ онъ наводитъ скуку?

Да, это Шекспиръ; мы узнаемъ его по его широкому, могучему письму, но узнаемъ также и по той наивной географической беззаботности, которая была ему свойственна всю жизнь, отъ „Комедіи ошибокъ“ до „Зимней сказки“. На свой вопросъ, гдѣ они находятся, Перикль получаетъ отвѣтъ: „недалеко отъ Тарса“—значитъ, въ юго-восточной части Малой Азіи, у самыхъ границъ Сиріи. Тѣмъ не менѣе, когда бросаютъ ящикъ съ тѣломъ Таисы, волны уносятъ его къ Эфесу, что на западномъ побережьи той же Малой Азіи. У Уилькинса мы такой наивности не находимъ и, судя по его заботливости въ арханизированіи, врядъ-ли имѣемъ право ему ее приписать. Точно также и дальнѣйшія сцены, въ Эфесѣ и Тарсѣ, мы смѣло можемъ считать собственностью великаго поэта; конечно, онъ не представляютъ того захватывающаго интереса, который имѣла для насъ сцена рожденія Морины, но онѣ написаны съ тактомъ, будучи одинаково чужды и безсвязности и много-

словія—обоихъ недостатковъ, которыми грѣшатъ нешекспировскія части „Перикла“. Кромѣ этихъ общихъ уликъ, критики обратили вниманіе на одну частичную—на роль музыки въ сценѣ пробужденія Таисы, напоминающую потрясающую сцену пробужденія Лира; но къ этой сценѣ мы найдемъ еще болѣе близкую параллель въ пятомъ актѣ.

Все же намъ кажется, что къ концу дѣйствія редакторская энергія Шекспира стала слабѣть; въ разговорѣ Перикла съ Клеономъ и Діонизой оставлены мотивы, соотвѣтствовавшіе, повидимому, первоначальному эскизу драмы, но потерявшіе свой смыслъ въ шекспировской редакціи. Клеонъ общается Периклу вѣрно исполнить свой долгъ по отношенію къ Моринѣ и, на случай измѣны, призываетъ гнѣвъ боговъ „на себя и своихъ до конца поколѣній“, совсѣмъ по античному. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ, писавшій эти слова, имѣлъ въ виду кару, постигшую Клеона и Діонизу за ихъ покушеніе на жизнь Морины; въ источникахъ эта кара описана подробно: не слѣдуетъ ли допустить, что и Уилькинсъ, рабски имъ слѣдовавшій, ее драматизировалъ? Между тѣмъ, въ шекспировской редакціи ея нѣтъ, а съ ней и самопроклятiе Клеона потеряло свой первоначальный, угрожающій смыслъ.— Съ еще болѣшимъ вѣроятiемъ мы заключительную сцену можемъ приписать Уилькинсу; на это насъ наводитъ упоминаніе весталокъ, о которомъ будетъ сказано по поводу аналогичнаго мѣста въ четвертомъ дѣйствіи. Сама по себѣ эта сцена вполне безразлична, не отличаясь ни особенными достоинствами, ни особенными недостатками.

Теперь семья разъединена; мать въ Эфесѣ, отецъ на морѣ, дочь въ Тарсѣ; по призыву „исторiи“, и наши поэты оставляютъ обоихъ родителей, чтобы заняться исключительно или почти исключительно судьбой дочери. Этимъ введеніемъ новаго героя развитію дѣйствія въ драмѣ нанесенъ самый серьезный ущербъ; мы понимаемъ теперь, почему Шекспиръ отказался отъ дальнѣйшей психологической разработки характера Перикла и оставилъ нетронутымъ все второе дѣйствіе: ему все равно пришлось бы предоставить новаго Гамлета его судьбѣ, такъ какъ „исторiя“ не давала ему никакихъ матеріаловъ для того, чтобы заполнить огромный пробѣлъ въ его жизни отъ передачи Морины до ея нахожденія въ послѣднемъ дѣйствіи. Онъ отправилъ его пока въ Тиръ, а затѣмъ пустилъ блуждать унылымъ призракомъ по проливамъ и бухтамъ

Средиземнаго моря: его и нашъ интересъ сосредоточивается на новомъ героѣ драмы, дочери моря—Моринѣ (въ оригиналѣ *Marina* отъ *mare*).

IX.

Четвертый актъ посвященъ исключительно ей. Морина выросла; чѣмъ дальше, тѣмъ больше она стала затмевать родную дочь своихъ пріемныхъ родителей, возбуждая этимъ зависть и ея самой, и еще болѣе ея матери, Діонизы. Со смертію своей кормилицы Ликориды она лишилась своего единственнаго друга въ домѣ Клеона; вмѣстѣ съ тѣмъ ея постоянныя прогулки къ кургану, насыпанному надъ прахомъ Ликориды по античному обычаю на берегу моря, облегчили ея ненавистницѣ исполненіе жестокаго плана. Она поручаетъ его своему служителю, Леонину (это имя Готфридъ далъ своднику; Шекспиръ, или Уилькинсъ, перенесъ его на убійцу, оставляя сводника безыменнымъ. Повидимому, грубая проза отвратительныхъ сценъ въ домѣ терпимости показалась ему несовмѣстимой съ классическимъ именемъ его содержателя).

До сихъ поръ Діониза была совсѣмъ блѣдной и безсодержательной фигурой, подобно своему супругу и прочимъ твореніямъ той же фантазіи Уилькинса; здѣсь впервые она является передъ нами характеромъ. Мы знаемъ уже, что ее гложетъ зависть; можно представить себѣ, какимъ ядомъ были пропитаны ея притворно-ласковыя слова къ Моринѣ, въ которыхъ она называла ее „своимъ образцомъ“ (*our paragon*), говорила объ ея „прекрасномъ видѣ, привлекавшемъ взоры молодыхъ и старыхъ“ и отвлекавшемъ ихъ отъ ея родной дочери. Расписывая ея красоту, она воскрешала въ своемъ сознаніи то, что было непростительной виною и смертнымъ приговоромъ ея питоми, она не давала проснуться протесту своей усыпленной совѣсти. Да, эта совѣсть усыплена окончательно: ненависть, выросшая изъ материнской любви, такъ же стихійна въ своихъ проявленіяхъ, какъ и она. „Она срамила мою дочь“, скажетъ она позднѣе (сц. 4) своему мужу, „стояла между ней и ея счастьемъ; никто не хотѣлъ смотрѣть на нее, всѣ преслѣдовали своими взорами лицо Морины, между тѣмъ какъ наша была посмѣшищемъ, жалкимъ уродомъ, недостойнымъ свѣта дня! Вотъ это меня возмущало; а если ты находишь мой поступокъ чудовищнымъ, то это значитъ, что ты не любишь своей дочери; по моему,

это подвигъ любви, который я совершила за твое дитя". Тутъ спорить нельзя; передъ нами проявленіе непосредственнаго инстинкта, увѣреннаго въ своей цѣли и неразборчиваго въ средствахъ. Морина затмевала ея дочь—онъ велитъ Леонину ее убить; Леонинъ можетъ выдать ея поступокъ—она его отравляетъ; Перикль собирается пріѣхать за дочерью—она посвящаетъ въ свою тайну мужа, нимало не сомнѣваясь, что онъ ее пойметъ и поможетъ ей скрыть слѣды преступленія. Отчаяніе и упреки Клеона она считаетъ достойными одного только презрѣнія: ей казалось, что ея мужъ, раздѣляя ея инстинкты, долженъ имѣть надъ ней перевѣсъ силы; его осужденіе она считаетъ доказательствомъ не противъ своихъ инстинктовъ, а противъ его силы—"видно, ты вторично дѣлаешься ребенкомъ", говоритъ она ему. Шекспиръ уже раньше изобразилъ схожую чету: это были—лордъ и лэди Макбетъ. Клеонъ и Діониза относятся къ нимъ точно такъ же, какъ Перикль въ первомъ дѣйствіи относился къ Гамлету.

Вернемся, однако, къ сценѣ покушенія на Морину. Насколько Діониза была многословна, настолько Леонинъ лакониченъ. Онъ нехотя согласился исполнить свою роль палача—его жертва уже тогда казалась ему „чуднымъ созданіемъ" (a goodly creature). Теперь она передъ нимъ; на берегу моря мысли дочери моря невольно уносятся въ прошлое, къ той минутѣ, которая дала ей жизнь; ея мечты и предстоящая ей теперь судьба образуютъ безсознательный, но тѣмъ болѣе дѣйствительный контрастъ. Ея спутникъ не въ состояніи съ ней разговаривать—онъ не Діониза, совѣсть въ немъ не усыплена. Наконецъ, онъ грубо ее обрываетъ: „скорѣй твори молитву!" Переходъ кругъ, связи съ предыдущимъ нѣтъ никакой: но это не та ученическая безсвязность, которой грѣшили первые два акта—это безсвязность глубоко естественная и художественная. Дай Леонинъ Моринѣ продолжать ея трогательный рассказъ о своемъ рожденіи—и его рѣшимость растаяла бы, какъ ледъ подъ лучами весенняго солнца.

Покушеніе не удастся, пираты похищаютъ Морину, она въ Митиленѣ, въ домѣ разврата. Поэтъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы контрастъ между нѣжной дѣвой и обстановкой, въ которую она попала, вышелъ какъ можно разительнѣе; эти краски онъ взялъ изъ грубой современности, а не изъ античной литературы, въ

которой отталкивающее дѣйствіе разврата смягчается дымкой красоты. Съ новыми хозяевами Морины мы знакомимся заблаговременно; это извѣстнаго рода клоунская параллель къ Клеону съ Діонизой. Сводникъ въ сущности не лишенъ „совѣсти": мало того, онъ *galantuomo* въ томъ смыслѣ, въ какомъ его товарищи по ремеслу въ Италіи и нынѣ себя такъ именуютъ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы, обезпечивъ себѣ безбѣдную старость, передать заведеніе въ другія руки и затѣмъ подумать о чемъ то вродѣ спасенія души. Его супруга этой слабости не подвержена: зарабатывать средства къ жизни не запрещено; что же касается грѣха, то развѣ другіе безгрѣшны? Въ концѣ концовъ женскій инстинктъ беретъ верхъ надъ мужскимъ разумомъ; да и пора заняться болѣе практическими потребностями. А таковыя есть: достойная чета сильно нуждается въ „свѣжемъ товарѣ". И вотъ въ такую то обстановку попадаетъ Морина; описаніе, отвратительное и раньше, дѣлается еще отвратительнѣе въ моментъ ея появленія. Чистый, душистый цвѣтокъ падаетъ въ грязь, и вотъ грязь дѣлаетъ всякія усилія, чтобы его смять и испачкать. Сводникъ отступаетъ на задній планъ; его замѣняютъ болѣе рѣшительныя натуры, сводня и ихъ „вышибало". Но всѣ ихъ труды напрасны; гость за гостемъ приходятъ, но всѣ они, вмѣсто ожидаемаго чувственнаго наслажденія, находятъ въ домѣ сводника—свою собственную совѣсть; Марина стала гениемъ цѣломудрія... въ притонѣ разврата.

Все это на словахъ звучитъ недурно; но, думается намъ, не одинъ читатель найдетъ сцены обращенія мужчинъ до вышибалы включительно черезчуръ наивными. Ужъ очень простымъ и легкимъ дѣломъ представлялъ себѣ поэтъ вразумленіе грѣшниковъ! Или, быть можетъ, люди были въ тѣ времена впечатлительнѣе нынѣшнихъ?—Да, это вѣрно: происходящее передъ нашими глазами ничуть не убѣдительно для насъ. Античный романистъ оставилъ своимъ новѣйшимъ послѣдователямъ непосильную для нихъ задачу—задачу переубѣжденія. Переубѣжденіе предполагаетъ переубѣдимость, а съ нею и челоуѣка античной, а не новѣйшей формаціи.

Одна подробность въ этихъ сценахъ привлекаетъ наше вниманіе. Мы исходили изъ предположенія, что авторомъ всей митиленской драмы былъ Шекспиръ; это предположеніе, будучи само по себѣ очень вѣроятно, подтверждается еще тѣмъ об-

стоятельствомъ, что ея источникомъ былъ Туэйнъ, а не Гоуэръ (ср. гл. IV кон.). Между тѣмъ мы знаемъ беззаботность Шекспира по части архизмовъ; если уже къ исходу древности исторія Аполлонія была охристианена, а Гоуэръ еще усилилъ путаницу, то вѣроятно ли, чтобы Шекспиръ взялъ на себя роль послѣдовательнаго возстановителя античной обстановки? Не думаемъ; зато эта роль вполне къ лицу Уилькинсу, котораго мы уже знаемъ какъ архаиста. Теперь прошу обратить вниманіе на слѣдующій потѣшно-наивный архаизмъ. Обращенный второй „джентльменъ“ (сц. 5) далъ зарокъ никогда не посѣщать домовъ терпимости и спрашиваетъ своего знакомаго, не пойти ли имъ „слушать пѣніе весталокъ?“ Конечно, Шекспиръ, если бѣ дѣло зависѣло отъ него, просто отправилъ бы новообращенныхъ отслужить обѣдню; но онъ былъ связанъ пуризмомъ своего предшественника. Собственно весталокъ внѣ Рима не было; благодаря фантазіи Уилькинса таковыя оказались и въ Эфесѣ (д. III, стр. 4); могли быть, стало быть, и въ Митиленѣ. А ужъ кто виновенъ въ ихъ пѣніи, этого мы сказать не можемъ.

X.

Соединеніе разъединенной семьи—задача пятаго акта, столь же шекспировскаго, какъ и оба предыдущіе. Не будемъ строги къ мотивировкѣ дѣйствія, торопливо и насильственно ведущаго къ развязкѣ; предоставимъ себя довѣрчиво поэту—не „Перикла“, а старинной „исторіи“, щедро высипавшему на нашего героя въ немного дней всѣ благодѣянія, съ которыхъ онъ столько лѣтъ такъ упорно ему отказывалъ. Корабль моряка-скитальца заѣхалъ, наконецъ, и въ Митилену, самъ онъ въ шатрѣ на палубѣ, нѣмой и безчувственный; мгла его несчастья плотно окутала его, отдѣляя его еще при жизни отъ міра живыхъ. По совѣту правителя Митилены Лисимаха, пришедшаго навѣстить знатнаго чужестранца, посылаютъ за Мориной, чтобы она своею пѣснью вылѣчила его.

То, что теперь слѣдуетъ, намъ уже знакомо. Морина и Периклъ—это то же самое, что Корделія и Лиръ. И тамъ, вѣдь, любящая дочь чарами своей нѣжности возвращаетъ міру живыхъ своего безумѣвшаго отъ горя отца. Но, конечно, цѣльный и единый Лиръ возбуждаетъ наше участіе въ гораздо

большей мѣрѣ, чѣмъ неудачно огамлеченный герой стариннаго романа—тамъ Шекспиръ творилъ свободно, здѣсь онъ наносилъ на чужой рисунокъ взятыхъ съ чужой палитры краски. Сцена излѣченія Перикла дочерью подробно была описана въ „исторіи“; Шекспиръ довольно близко придерживается своего источника, драматизируя это эпическій рассказъ.

Но все же и въ нашей сценѣ красоты есть. Морина поетъ—Периклъ ея не слышитъ; она съ нимъ заговариваетъ—онъ ее грубо отталкиваетъ *). Но именно это оскорбленіе и заставляетъ ее вспомнить о своемъ происхожденіи; только въ устахъ *обиженной* Морины уместны гордые слова, которыми она хочетъ оградить свое достоинство и которыя поневолѣ обращаютъ на нее вниманіе осиротѣлаго отца. Все что красиво, трогательно и въ то же время вполне убѣдительно. Въ дальнѣйшемъ развитіи разговора есть длинноты; есть, кромѣ того, и одна крупная несообразность, о которой, однако, можно быть увѣреннымъ, что ни читатель, ни зритель ея съ перваго раза не замѣтитъ. Она связана съ тѣмъ, что можно бы назвать драматической полифоніей. Передъ нами отецъ, узнающій свою дочь, но также и дочь, узнающая своего отца; правильное развитіе психическаго акта узнаванія повело бы къ настоящей драматической полифоніи—перипетіямъ въ душѣ отца должны бы соответствовать такія же перипетіи въ душѣ дочери: по волненію, по торопливымъ разспросамъ чужестранца она должна бы мало по малу догадываться, кто передъ нею. Но это задача, слишкомъ трудная для наивныхъ поэтовъ, какими были Гомеръ и Шекспиръ—Софоклъ ее блистательно рѣшилъ

*) Это прямо не сказано; но не подлежитъ сомнѣнію, что это и есть дѣйствіе, которое, по замыслу поэта, должно было сопровождать первыя—не слова, а звуки Перикла (him, ha!). Въ „исторіи“ подробно рассказано, какъ Тарсія, когда Аполлоній приказалъ ей удалиться, попыталась было ласковой силой вывести его на палубу, какъ онъ сталъ сопротивляться, какъ она при этомъ упала и ушиблась. Здѣсь такой рассказъ былъ бы неумѣстенъ; тѣмъ не менѣе мы догадываемся о происшедшемъ по словамъ Морины: «если бы ты зналъ мое происхожденіе, то не нанесъ бы мнѣ оскорбленія» (you would not do me violence), а изъ словъ Перикла «не сказала ли ты, когда я оттолкнулъ тебя—а это случилось, какъ только я тебя замѣтилъ» (when I perceived thee)—что и т. д.» мы узнаемъ также и моментъ, когда это произошло. Установленіе этого момента важно для развитія дѣйствія въ нашей сценѣ.

въ схожей сценѣ между Эдипомъ и Иокастой, непосредственно передъ смертью послѣдней. Ихъ психологія монофонная; Перикль стоитъ въ центрѣ сцены, роль Морины чисто служебная: она должна воскресить воспоминанія отца, до ея собственныхъ чувствъ поэту нѣтъ дѣла. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою отца, узнающаго потерянную дочь, но не видимъ дочери, узнающей потеряннаго отца.

Очень красивъ опять конецъ сцены. Пѣсня Морины точно застылъ въ ушахъ у отца—она, вѣдь, еще не была его дочерью, когда онъ ее слышалъ. Теперь она какъ будто пробуждается; Перикль слышитъ музыку, „небесную музыку“; подъ ея звуки онъ засыпаетъ.

Для насъ интересъ драмы съ этой сценой исчерпанъ; слѣдующія — появленіе Діаны, соединеніе Перикла съ Таисой, послѣднія распоряженія Перикла — ничего къ ней не прибавляютъ, это—шумные мажорные аккорды, торжественно заключающіе симфонію.

XI.

Таковъ этотъ „Перикль“, давшій, помнѣнію современниковъ, Шекспиру право сравняться съ корифеями драматургическаго искусства классической старины. Намъ теперь легко, умудреннымъ опытомъ трехъ столѣтій, смѣяться надъ наивнымъ вердиктомъ, ставившимъ эту неорганическую работу двухъ (если не болѣе) поэтовъ, эту не вездѣ удачную драматизацію неважнаго романа въ одинъ рядъ съ „Эдипомъ“ и „Медеей“ и, косвенно, выше „Гамлета“ и „Лира“. Поистинѣ, „времена мѣняются, и мы мѣняемся съ ними“.

Только кто это—эти „мы“?

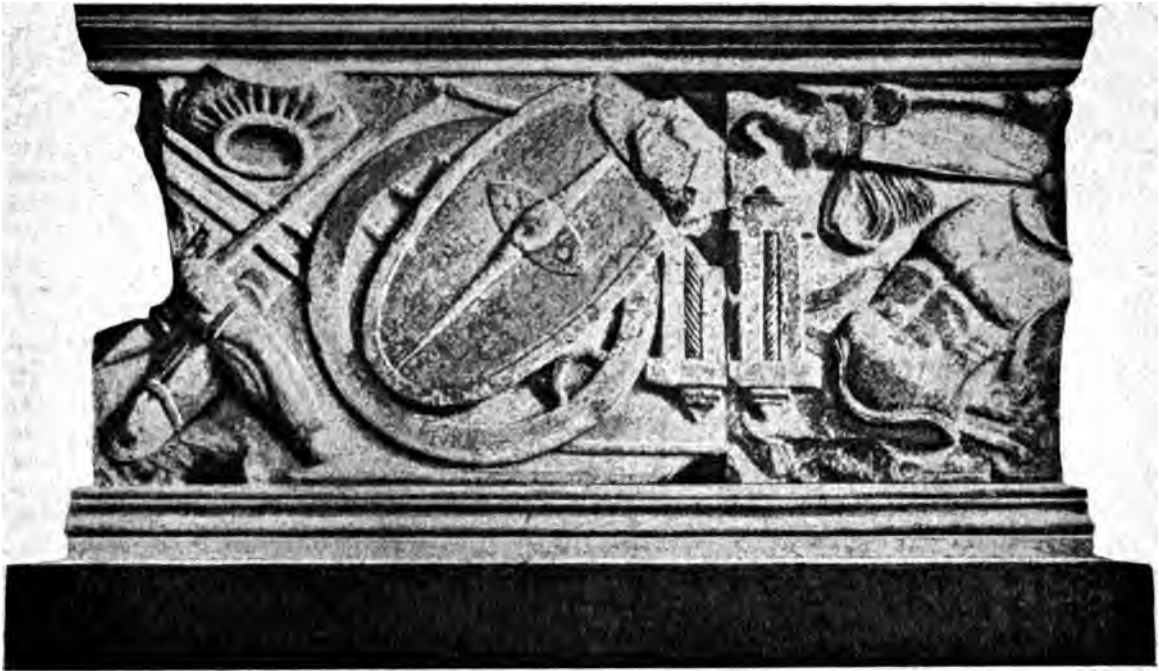
Намъ извѣстно, каковъ былъ составъ

публики, наслаждавшейся „Перикломъ“. Въ одномъ анонимномъ памфлетѣ той эпохи читаются слѣдующіе стихи (указалъ на нихъ впервые Мелонъ): „съ удивленіемъ стоялъ я, смотрѣлъ на эту толпу, громко галдѣвшую точно на представленіи новой драмы; помѣщеніе кишѣло смѣсью чистой публики съ чернью (*gentles mix'd with grooms*), такъ что я вообразилъ, что всѣ они пришли смотрѣть Іоанну Шоръ или „Перикла“.

Повидимому, чистая публика совершенно сходилась съ чернью въ оцѣнкѣ „Перикла“; этимъ объясняется его полный и продолжительный успѣхъ. Образование тогда еще не успѣло воздвигнуть стѣны между обѣими частями общества; то, чѣмъ привилегированная часть возвышалась надъ другой, лишь въ очень незначительной мѣрѣ затрогивало ея умственный элементъ, развитіе котораго было индивидуальнымъ, а не общественнымъ дѣломъ. Теперь „чистая публика“ ушла впередъ; можно ли сказать то же самое о „черни“? Можно ли быть увѣреннымъ, что неподготовленная простая публика, имѣя выборъ между „Гамлетомъ“ и „Перикломъ“, отдастъ предпочтеніе первому? Тамъ глубокомысленная душевная трагедія, восхищающая насъ, но дающая неразвитому уму только „слова, слова, слова“: здѣсь пестрая вереница интересныхъ событій, возмутительныхъ или трогательныхъ картинъ съ конечнымъ торжествомъ добродѣтели, которое, правда, пріѣлось намъ, но нравится и понынѣ умамъ, неизмученнымъ работой мысли... Нѣтъ, успѣхъ „Перикла“, понятный на порогѣ семнадцатаго вѣка, былъ бы понятенъ и теперь, когда всѣ столѣтія живутъ вмѣстѣ, скрециваясь и сплетаясь въ причудливомъ калейдоскопѣ современной жизни.

Ө. Зѣлинскій.

ВООРУЖЕНИЕ ЭЛЛИНСКАГО ВОСТОКА.

(Из Пергамских раскопок; барельефъ).

Дѣйствующія лица:

Антиохъ, царь Антиохіи.
 Периклъ, принцъ тирскій.
 Геликанъ, } тирскіе сановники.
 Эсканъ, }
 Симонидъ, царь Пентаполиса.
 Клеонъ, правитель Тарса.
 Лизимахъ, правитель Митилень.
 Церимонъ, эфесскій вельможа.
 Тальярдъ, антиохійскій вельможа.
 Филемонъ, слуга Церимона.
 Лвонидъ, слуга Діониссы.
 Маршалъ.

Содержатель притона.
 Болтъ, его слуга.
 Дочь Антиоха.
 Діонисса, жена Клеона.
 Танса, дочь Симонида.
 Морина, дочь Перикла и Тансы.
 Лихорида, няня Морины.
 Сводня.
 Діана.
 Говеръ (Гоуеръ), какъ хоръ.
 Вельможи, дамы, рыцари, моряки, пираты, рыба-
 ки и гонцы.

Дѣйствіе происходитъ въ разныхъ странахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Передъ дворцомъ Антіоха).

Говеръ (*Входитъ*).
 Чтобъ пѣсню спѣть минувшихъ лѣтъ,
 Явился Говеръ вновь на свѣтъ;
 Въ немъ пробудился прежній духъ,
 Чтобъ глазъ плѣнять и тѣшить слухъ;
 Не разъ на пиршествахъ гостей—
 Онъ пѣсню забавлялъ своей;
 О прошлыхъ дняхъ его рассказъ
 Вельможъ и дамъ плѣнялъ не разъ.
 Онъ исправлять людей надѣясь
 (*Et bonum quo antiquius, eo mellius*),
 Свои стихи порою писалъ
 И, научая, забавлялъ.
 Коль старецъ древній, вновь явѣсь,
 Любовь къ себѣ пробудить въ васъ,
 Онъ будетъ радъ, добру уча,
 Сгорѣть предъ вами, какъ свѣча.
 Теперь прошу идти со мной
 Въ Антіохію, градъ большой,
 Что Антіохъ построилъ встарь;
 Его столицей сдѣлалъ царь;
 Какъ лѣтописцы говорятъ,
 То лучший былъ сирійскій градъ.
 Жену взялъ царь; она жила
 Недолго съ нимъ и умерла,
 Оставивъ дочь, что красотой
 Плѣняла. Щедрою рукой
 Ей небеса повергли въ даръ
 Всѣ обольщенія тайныхъ чаръ.
 Отецъ къ ней страстью воспылалъ.
 И въ преступленіе съ нею впалъ.
 Коль дочь скверна, отецъ сквернѣй,
 Рѣшившись съ дочерью своей
 Кровосмѣшеніе совершить;
 Но не порвать привычки нить:
 Они забыли, средь утѣхъ,
 Что совершаютъ гнусный грѣхъ.
 О красотѣ ея проникъ
 Повсюду слухъ. Прелестный ликъ
 Преступной дѣвы всѣхъ плѣнялъ,
 И витязь не одинъ искалъ
 Ея руки. Чтобъ отогнать
 Всѣхъ жениховъ и дочь не дать,
 Преступной страстью увлеченъ,
 Царь Антіохъ издалъ законъ,
 Что тотъ, кто хочетъ въ жены брать
 Принцессу, долженъ отгадать
 Загадку. Кто же не пойметъ

Ея значенія, смерть найдетъ.
 И многихъ принцевъ уже нѣтъ;
 Здѣсь желтый черепъ, тамъ скелетъ..
 Но я теперь разстанусь съ вами;
 Что впереди—узнайте сами. (*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Антіохія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Антіохъ, Периклъ, и свита.

Антіохъ.

О, юный тирскій принцъ! тебѣ открыть я
 Опасность замышляемаго дѣла.

Периклъ.

Да, Антіохъ; но смерть мнѣ не страшна
 При мысли о величій награды,
 Что я могу со славою стяжать.

Антіохъ.

Введите дочь мою въ вѣнчальномъ платьѣ,
 Достойномъ даже Зевса самого,
 Когда бъ онъ ей раскрылъ свои объятія.
 При самомъ ужъ зачатіи ея,
 Когда еще жива была Луцина,
 Природа ей въ приданое дала
 Красу, распространяющую радость,
 И всѣ планеты въ ней соединили
 Рѣдчайшія достоинства свои.

(*Музыка. Входитъ дочь Антіоха*).

Периклъ.

Она идетъ—весною убрана;
 Ей граціи дары свои подносятъ;
 Ея душа—незыблемое царство
 Всѣхъ доблестей, что смертныхъ укра-
 шаютъ;
 Ея лицо—скрижалъ хвалебныхъ гимновъ,
 Лишь счастьемъ и отрадѣ посвященныхъ,
 Которымъ горе чуждо. Лютый гнѣвъ
 Сопутствовать не можетъ добротѣ,
 Что дышетъ въ ней. О, праведные боги,
 Создавшіе меня рабомъ любви,
 Въ груди моей зажегшіе желанье
 Вкусить плодовъ отъ древа неземного
 Иль пастъ въ борбѣ тяжелой и неровной,

Взываю къ вамъ! И васъ прошу помочь
Поклоннику и сыну вашей воли
Достигнуть безграничнаго блаженства.

Антиохъ.

О, принцъ Периклъ!

Периклъ.

Онъ сыномъ Антиоха
Назваться бы хотѣлъ.

Антиохъ.

Передъ тобою
Садъ Гесперидъ съ плодами золотыми,
Что грозные драконы охраняютъ,
А потому коснуться ихъ опасно.
Ея прекрасный ликъ, какъ сводъ небесъ,
Тебя влечетъ къ нѣмому созерцанью
Ея безсчетныхъ прелестей; но ты
Ихъ обладанье долженъ заслужить;
Попытка не удастся—и пощады;
Себѣ не жди. Не мало славныхъ принцевъ
Погибло здѣсь. Ихъ привлекла молва,
Ихъ страсть воспламеняла; но, увы!
Сраженные въ бою съ любовнымъ богомъ,
Они, какъ жертвы, пали. Только звѣзды
Покровомъ служатъ имъ. Взгляни на нихъ:
Безгласными устами блѣдныхъ лицъ
Они тебѣ совѣтуютъ бѣжать
Отъ гибельныхъ тенетъ грозящей смерти.

Периклъ.

Благодарю, что ты мнѣ далъ понять
Ничтожество земного бытія,
Что плоть мою ты къ смерти приготовилъ
Ужаснымъ этимъ зрѣлищемъ; быть можетъ,
Такая же меня постигнетъ участь.
А смерти мысль, какъ зеркало, должна
Насъ приучать къ тому, что жизнь лишь вздохъ,
Что на нее разсчитывать безумно;
А потому оставляю завѣщанье,
Беря примѣръ съ опаснаго больного,
Что знаетъ свѣтъ и небеса прозрѣлъ:
Объятый смертной мукой, онъ, какъ прежде,
Не дорожитъ утѣхами земными.
Тебѣ и добрымъ людямъ завѣщаю:
Отраднѣе миръ, властителямъ пріятнѣе;
Сокровища свои—тому народу,
Что мнѣ ихъ даровалъ.

(Обращаясь къ дочери Антиоха).

Тебѣ жъ одной—

Моей любви святой и чистый пламень!
Готовый въ путь къ гибели иль славы,
И худшее перенести сумѣю.

Антиохъ.

Ты пренебрегъ совѣтами моими,

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ГОРОДА АНТИОХІИ.
(Tyche Antiochia).

Античная статуя IV вѣка до Р. Х. (Ватиканъ).

Прочти жъ загадку; если не поймешь
Того, что скрыто въ ней, клянуся я,
Умрешь, какъ тѣ, что пали до тебя.

Дочь.

Изъ всѣхъ лишь одному тебѣ желаю
Во всемъ я счастья и успѣха.

Периклъ.

Какъ рыцарь, презирающій опасность,
Вступаю въ бой и внемлю лишь совѣтамъ,
Что мнѣ дають отвага и любовь.

(Читаетъ загадку).

„Хоть я на свѣтъ не родилась змѣей,
Питаюсь тѣломъ матери родной;
Какъ замужъ мнѣ идти пора пришла,
Въ своемъ отцѣ я мужа обрѣла.
Отца, супруга, сына вижу въ немъ; .

Я мать, жена и дочь его при томъ.
 Какъ это въ двухъ все можно сочетать,—
 Чтобъ не погибнуть, надо отгадать.
 Нѣмая смерть, тяжелое лѣкарство...
 Скажите мнѣ, таинственные силы,
 Что небеса усѣяли очами
 Безчисленныхъ свѣтилъ, чтобъ созерцать
 Дѣянія людей, какъ вы могли
 Ихъ не завѣсить мрачной пеленою,
 Коль правда то, что я прочелъ, блѣднѣя?
(Беретъ принцессу за руку и обращается къ ней).

Ты, какъ хрусталь, бросаешь чудный свѣтъ;
 Я шель къ тебѣ, святымъ огнемъ согрѣтъ;
 Любовь къ тебѣ казалась свѣтлымъ сномъ;
 Но ты—ларецъ роскошный, полный зломъ,
 Я возмущенъ. Въ томъ чести нѣтъ, повѣрь,
 Кто, видя грѣхъ, къ нему стучится въ дверь.
 Ты—дивный альтъ волшебнаго искусства;
 Въ его струнахъ свои ты скрыла чувства;
 Когда бы въ ладъ его раздался звонъ,
 И небо, и боговъ плѣнилъ бы онъ;
 Но до него коснулись тлѣнья руки—
 И подъ его разстроенные звуки
 Лишь пляшетъ адъ; я шель къ тебѣ, любя;
 Но я теперь ужъ не ищу тебя..

Антиохъ.

О, принцъ Перикль, подъ страхомъ лютой
 смерти
 Не прикасайся къ ней. Законы наши
 Опасностью и въ этомъ угрожаютъ.
 Прошелъ ужъ срокъ, назначенный тебѣ:
 Иль отгадай, иль къ смерти приготовься.

Перикль.

Великій царь, не многимъ слушать лестно
 О тѣхъ грѣхахъ, что любятъ совершать:
 Тебя я оскорбилъ бы, все сказавъ,
 Что отгадалъ. Имѣющему книгу,
 Гдѣ внесены всѣ царскія дѣянья,
 Вѣрнѣй ее закрытою держать.
 Порокъ подобенъ вѣтру, что несется,
 Въ глаза бросая пыль. Промчится онъ,
 И вновь глаза очистятся отъ пыли;
 Но кто бы удержать его хотѣлъ,
 Жестоко поплатился бъ за попытку.
 Незрящій кротъ, приподнимая землю,
 Показываетъ небу, какъ она
 Придавлена людьми, и умираетъ
 За этотъ подвигъ, жалкое созданье!
 Цари—земные боги. Имъ законъ
 Лишь волей ихъ, въ порокахъ, начерченъ.
 Коль грѣшенъ Зевсъ, кто Зевса обвинить?
 Благоразумье мнѣ молчать велить.
 Достаточно ужъ высказался я;
 Есть тайны, что боятся блеска дня;

А каждый плоть свою любить привыкъ:
 Чтобъ голову спасти, сдержу языкъ.

Антиохъ *(въ сторону)*.

Твоею головою владѣть хотѣлъ бы!
 Онъ отгадалъ; прибѣгнуть надо къ ласкѣ.
(Громко).

О, юный тирскій принцъ! Хотя по закону
 Ты казни подлежишь за то, что ложно
 Ты разъяснилъ значеніе загадки,
 Но, чувствуя твое происхожденье,
 Мы иначе рѣшили поступить.
 Мы сорокъ дней даемъ тебѣ отсрочки;
 Коль въ это время тайну отгадаешь,
 Мы съ радостью тебя признаемъ сыномъ;
 Судить о томъ по нашей ласкѣ можешь.
 До той поры получишь содержанье,
 Что будетъ соответствовать вполне
 Твоимъ правамъ и нашему величью.
(Уходятъ всѣ, кромѣ Перикла).

Перикль.

Ты хочешь преступленье лаской скрыть;
 Но лицемѣрье хорошо лишь съ виду;
 Коль правда, что въ разгадкѣ я ошибся,
 Не осквернился ты кровосмѣшеньемъ;
 Но ты не можешь быть отцомъ и сыномъ
 Въ одно и то же время, если ты
 Не палъ въ объятія дочери своей,
 Даря ей ласки мужа, не отца.
 Она бъ не пожирала мать свою,
 Когда бъ ея не оскверняла ложа.
 Она и ты—чудовищныя змѣи,
 Что лучшими питаются цвѣтами,
 А извергаютъ ядъ. Чтобъ не погибнуть,
 Я отъ тебя стремиться долженъ прочь.
 Преступныя дѣла мрачны, какъ ночь;
 Оглаской ихъ тревожится злодѣй.
 Чтобъ скрыть одно отъ свѣта и людей,
 Онъ и въ другомъ готовъ принять участие.
 Къ убійству такъ же близко сладострастье,
 Какъ дымъ къ огню. Предательство и ядъ
 Отъ срама и огласки грѣхъ хранятъ;
 Они его и руки, и щиты.
 Чтобъ скрыть позоръ, стараться будешь ты
 Меня убить, коварный Антиохъ!
 Спасусь, чтобъ цѣли ты достичь не могъ.
(Уходитъ).

Антиохъ *(возвращается)*.

Антиохъ.

Загадку понялъ онъ, а потому
 Онъ головою долженъ поплатиться.
 Погибнетъ онъ, чтобъ тайною осталось
 Нечестіе мое; чтобъ онъ не могъ
 О тяжкомъ преступленіи Антиоха
 Повѣдать міру. Каждое мгновенье

ПЕРИКЛЪ ДОБИВАЕТСЯ РУКИ ДОЧЕРИ АНТІОХА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Мнѣ дорого. Должна свершиться месть;
Коль онъ умретъ, свою спасу я честь.
Ко мнѣ! Кто тамъ?

(Входитъ Тальярдъ).

Тальярдъ.
Что приказать изволишь?

Антіохъ.
Тальярдъ, ты облеченъ довѣрьемъ нашимъ;
Мы тайныя дѣла тебѣ ввѣряемъ.

За преданность награду ты получишь.
Гляди, Тальярдъ: вотъ золото, вотъ ядъ
Мы ненависть питаемъ къ принцу Тира
И умертвить его повелѣваемъ;
Ты о причинахъ спрашивать не смѣй!
Причина та, что это наша воля.
Исполнишь ли приказъ?

Тальярдъ.
Исполню вѣрно.

Антіохъ.
Ни слова больше.

(*Входит гонецъ*).

Духъ переведи!

Съ какимъ извѣстьемъ спѣшнымъ ты при-
мчался?

Гонецъ.

Принцъ Тира убѣжалъ. (*Уходитъ*).

Антиохъ.

Коль хочешь жить,
Ты устремись за принцемъ, какъ стрѣла,
Что попадаетъ въ цѣль, не смѣй вер-
нуться,

Не возвѣстя, что онъ окончилъ вѣкъ.

Тальярдь.

О, государь, когда къ нему съумѣю
Приблизиться на выстрѣлъ пистолета,
Не долго жить ему; затѣмъ, прости!

Антиохъ.

Прости, Тальярдь. Пока онъ не умретъ,
Не сбросить мнѣ съ души боязни гнѣть!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тиръ. Комната во дворцѣ.

Входитъ Перикль.

Перикль (*обращаясь къ нахо-
дящимся извне*).

Покоя моего не нарушайте!
Зачѣмъ меня гнетутъ своимъ наплывомъ
Тревожныя мечты? Обычной гостьей
Унылая подруга дней моихъ,
Нѣмая скорбь, является ко мнѣ.
Ни свѣтлый день, ни мирный отдыхъ ночи,
Могила, гдѣ страданье засыпаетъ,
Не могутъ мнѣ дарить успокоенья.
Меня развлечь стараются напрасно;
Въ утѣхахъ для меня отрады нѣтъ;
Опасность, что грозила мнѣ исчезла:
Отъ Антиоха такъ я удаленъ,
Что онъ меня настигнуть здѣсь не можетъ;
И что жъ? меня томятъ увеселенья
И не дарить покоя отдаленность.
Предчувствія грядущихъ испытаній
Тревожатъ духъ невольнымъ опасеньемъ;
И страхъ того, что можетъ приключиться,
Старѣя, превращается въ заботу
О томъ, чтобъ не нагрязнула бѣда.
Я не могу бороться съ Антиохомъ;
Такъ силенъ онъ, что всякое желанье
Ему легко осуществить. Онъ можетъ
Бояться оглашенья страшной тайны

Хотя бъ я обѣщалъ ему молчать.

Моимъ онъ не повѣритъ увѣреньямъ

Въ любви и уваженьи, зная вѣрно,

Что я могу принести ему безчестье.

Чтобъ скрыть позоръ, къ насилью онъ при-
бѣгнетъ.

Онъ наводнитъ страну враждебнымъ вой-
скомъ

И такъ надъ нею грозно пронесется,

Что, подданныхъ моихъ лишивъ отваги,

Ихъ побѣдитъ, не встрѣтивъ и отпора,—

И бѣдные невинно пострадаютъ.

Я лишь за нихъ боюсь, не за себя.

Цари сходны съ верхушками деревъ,

Что корни защищаютъ и хранятъ.

Я удрученъ заботою тяжелой

О подданныхъ моихъ—и потому

Я истомленъ и тѣломъ и душою.

(*Входятъ Геликанъ и другіе сановники*).

1-й сановникъ.

Да поселится радость и покой

Въ твоей душѣ священной!

2-й сановникъ.

Вкуси, вернувшись къ намъ,

Отраду и спокойствіе!

Геликанъ.

Довольно!

Пусть наставленіе опыта раздѣлится...

Тотъ врагъ царя, кто хочетъ льстить ему.

Отъ лести раздуваются пороки,

Какъ пламя отъ мѣховъ. Кто внемлетъ ей,

Становится лишь искрой, что пылаетъ,

Бросая свѣтъ, какъ на нее подуютъ.

Правдивые и честные совѣты

Нужны царямъ; они, вѣдь, тоже люди,

А потому способны заблуждаться.

Когда угодникъ жалкій льститъ тебѣ,

Опасенъ онъ; за дерзкое сужденіе

Простить иль покарать имѣешь власть.

Склоняясь во прахъ, могу ль я ниже пасть?

Перикль.

Оставьте насъ однихъ; идите въ гавань.

Чтобъ корабли и грузы осмотрѣть.

Затѣмъ сюда вернитесь (*Сановники уходятъ*).

Геликанъ,

Ты изволновалъ меня. Что видишь ты

Въ моихъ очахъ?

Геликанъ.

Я въ нихъ читаю гнѣвъ.

Перикль.

Опасенъ гнѣвъ царя. Своею рѣчью

Какъ смѣлъ его ты вызвать?

ЦАРЬ ИЗЪ ДИНАСТІИ АНТІОХОВЪ.

Антіохъ III; античная статуя II вѣка до Р. Х. въ парижскомъ Луврѣ.

Геликанъ.

Какъ растенья
Держать иногда взглянуть на небо,
Что пищу имъ даетъ.

Периклъ.

Тебѣ извѣстно,
Что жизни я могу тебя лишить.

Геликанъ (*опускаясь на колѣни*).
Я наточилъ топоръ: рази, коль хочешь.

Периклъ.

Возстань и сядь. Я вижу—ты не лстецъ;
Благодарю за то. Избави небо,
Чтобъ о винахъ своихъ цари внимали,
Завѣсивъ уши. Тотъ лишь другъ царя
И преданный служитель, кто умѣетъ
Его заставить мудростью своею
Совѣтамъ внять и подчиниться имъ.
По твоему, что жъ надо дѣлать мнѣ?

Геликанъ.

Переносить съ терпѣньемъ то горе,
Что на себя накликаешь самъ.

Периклъ.

О, Геликанъ, ты дѣлаешь, какъ врачъ,
Что, прописавъ лѣкарство, самъ не хочетъ
Испробовать его. Внимай же мнѣ.

Я былъ у Антіоха и, какъ знаешь,
Опасности тяжелой подвергаясь,
Искалъ руки красавицы отмѣнной,
Что мнѣ могла бъ потомство принести.
Потомство укрѣпляетъ власть царей
И подданнымъ приноситъ миръ и радость.
Ея лицо, красой, достойно неба;
Она жъ сама,—я шепотомъ скажу,
Черна, какъ любострастье. Убѣдившись,
Что тайну я узналъ, отецъ преступный
Не сталъ карать, но къ ласкѣ обратился.
Когда тиранъ лобзаетъ, опасайся!
Усилился мой страхъ—и я бѣжалъ,
Благодаря покрову темной ночи.
Теперь я о послѣдствіяхъ забочусь.
Я знаю—онъ тиранъ, а страхъ тирановъ
Умѣриться не можетъ, а растеть
Быстрѣй, чѣмъ ихъ года. Боясь, что я
Повѣдаю, какъ много славныхъ принцевъ
Погибло неповинно, чтобы скрыть,
Что ложе опозорено его,
Мою страну онъ наводнитъ войсками,
Ища предлогъ въ вредѣ мной нанесенномъ,
И по винѣ моей, коль я виновенъ,
Моя страна объята будетъ бранью,
Что не даетъ пощады и невиннымъ.
Ея дѣтей люблю я и тебя,
А ты меня за это укоряешь.

Геликанъ.

О, государь!

Перикль.

Тяжелое раздумье

Меня беретъ, съ лица сгоняя краску.
Я сна совсѣмъ лишился. Эти думы
Во мнѣ вселяютъ тысячи сомнѣній
Въ возможности предотвратить грозу.
Своей странѣ не знаю—какъ помочь;
А потому томлюсь и день, и ночь.

Геликанъ.

Ты мнѣ позволилъ правду говорить,—
И потому я буду откровененъ.
Коль ты боязнъ питаешь къ Антиоку,
И вправѣ ты тирана опасаться,
Который хочетъ дни твои пресѣчь
Иль тайною измѣной, иль войною,
Отправься путешествовать на время,
Пока его не укротится гнѣвъ
Иль не погибнетъ онъ по волѣ рка.
Кому нибудь правленье поручи;
Коль мнѣ, о царь, довѣришь должность эту,
Не будетъ день служить вѣрнѣ свѣту,
Чѣмъ я тебѣ.

Перикль.

Я въ вѣрности твоей
Не сомнѣваюсь. Что предпримешь ты,
Коль на мои онъ посягнетъ права
Въ отсутствіи моемъ?

Геликанъ.

Тогда земля,
Что насъ вскормила съ лаской и любовью,
Упьется и его, и нашей кровью!

Перикль.

Прощай же, Тирь! свой путь направлю въ
Тарсъ;

Тамъ буду ждать извѣстій отъ тебя.
По нимъ соображу, что надо дѣлать.
Судьбу страны родной тебѣ вѣряю,
Того достойна опытность твоя.
Не надо клятвъ: и слову вѣрю я.
Кто слова своего сдержать не можетъ,
Въ томъ чести нѣтъ—и клятва не помо-
жетъ.

Я убѣжденъ въ правдивости твоей
И знаю, что ты вѣренъ будешь ей.
Себя не опозоришь ты измѣной;
Другъ въ другъ не найдемъ мы переменъ:
Ты будешь преданъ мнѣ, увѣренъ въ томъ,
А я останусь доблестнымъ царемъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тирь. Передняя дворца.

Входитъ Тальярдъ.

Тальярдъ. Вотъ—Тирь и его дворецъ.
Я долженъ здѣсь убить царя Перикла; коль
этого не сдѣлаю, я увѣренъ въ томъ, что
меня повѣсятъ, когда я возвращусь во
свои. Это опасно. Я замѣчаю по всему,
что онъ человѣкъ весьма умный; посту-
пилъ онъ осмотрительно, отказавшись
узнать тайны царя, когда его спросили,
чего онъ отъ него хочетъ. Я замѣчаю те-
перь, что онъ имѣлъ на то основательныя
причины. Коль царь прикажетъ кому ни-
будь сдѣлаться негодяемъ, тотъ обязанъ
сдѣлаться имъ вслѣдствіе принесенной
присяги. Но вотъ, идутъ сюда сановники
Тира.

Входятъ Геликанъ, Эсканъ и другіе.

Геликанъ.

Достойные товарищи мои,
Вамъ ничего я больше не могу
Повѣдать объ отъѣздѣ государя.
Уѣхалъ онъ; объ этомъ утверждаетъ
Та грамота, что онъ оставилъ мнѣ.

Тальярдъ (въ сторону).

Уѣхалъ царь!

Геликанъ.

Вамъ сообщить могу
Причину, что заставила его
Уѣхать, не простясь со всѣми вами.
Въ то время, какъ онъ былъ у Антиоха...

Тальярдъ.

Что скажетъ онъ?

Геликанъ.

Не знаю—почему,
Царя онъ въ гнѣвъ привелъ иль, можетъ
быть,
Ему такъ показалось. Чтобъ загладить
Свою вину и доказать при этомъ,
Какъ онъ о ней глубоко сожалѣетъ,
Себѣ избралъ онъ долю моряка,
Который смерть ежеминутно видитъ.

Тальярдъ (въ сторону).

Прекрасно все устроилось; я вижу,
Что висѣлица мнѣ не угрожаетъ:
Отплытіе его меня спасетъ.
Узнавъ о томъ, нашъ царь не будетъ въ
горѣ:
Онъ спасся здѣсь, за то погибнетъ въ морѣ.

Представляюсь имъ.

Миръ вамъ, вельможи Тира!

Геликанъ.

Привѣтствуемъ посла отъ Антиоха!

Тальярдъ.

Пріѣхалъ я съ письмомъ къ царю Периклу;
Но, такъ какъ онъ отправился въ дорогу
И цѣль его поѣздки неизвѣстна,
Я долженъ отвезти письмо обратно.

Геликанъ.

Ты правъ: намъ до письма и дѣла нѣтъ;
Оно не къ намъ, а къ нашему царю.
Но Тиръ глубоко преданъ Антиоху.
Позволь же намъ, страну твою любя,
Передъ отъѣздомъ угостить тебя!
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ Клеонъ, Діонисса и свита.

Клеонъ.

О, Діонисса, здѣсь поищемъ отдыхъ;
Не облегчимъ ли собственнаго горя
Разказами о бѣдствіяхъ другихъ.

Діонисса.

Несчастный другъ! то—тщетное старанье
Утѣшить скорбь: посредствомъ раздуванья
Ты не надѣйся пламя потушить!
Безуменъ тотъ, кто хочетъ гору скрыть.
Коль цѣли онъ достигнетъ, трудъ теряя,
Повыше первой явится другая.
Такъ наша скорбь; растенье сходно съ ней:
Подстричь его—оно растетъ сильнѣй.

Клеонъ.

О, Діонисса, кто жъ, нуждаясь въ пищѣ,
Не скажетъ, что она необходима,
И до кончины голодъ утаить?
Пусть наши вопли воздухъ оглашаютъ;
Пускай изъ глазъ текутъ потоки слезъ,
Чтобъ до небесъ дошли моленья наши.
Коль небо спитъ, когда мы въ тяжкомъ горѣ,
Пусть раздаются стоны и рыданья,
Пока оно намъ помощи не явитъ;
Поэтому я буду говорить
О бѣдствіяхъ, переносимыхъ нами...
Не станетъ словъ, мнѣ помощи слезами!

Діонисса.

Твое дѣлю я горе.

Клеонъ.

Въ гордомъ Тарсѣ,

Которымъ правлю я, цариль достатокъ;
Сокровища по улицамъ валялись,
Дивя собой пріѣзжихъ иноземцевъ;
Такъ высоко его вздымались башни,
Что крыши ихъ ласкали облака.
Такъ жители богато убирались,
Что каждый могъ бы зеркаломъ служить,
Чтобъ передъ нимъ въ наряды облекаться.
Накрытый столъ плѣнялъ убранствомъ
глазъ.

Не столько для ѣды, какъ на показъ,
Онъ украшался щедрою рукой;
Безжалостно гнушались нищетой;
Накрыла гордость всѣхъ своимъ покровомъ,
И слово „помощь“ стало браннымъ сло-
вомъ.

Діонисса.

Да, это правда!

Клеонъ.

Небо возмутилось

И покарало Тарсъ. Уста, что прежде
Ни море, ни земля, ни даже воздухъ
Не въ состояньи были ублажить,
Хоть щедрыя даянья приносили,—
Увяли отъ того, что пищи нѣтъ,
Какъ портятся дома, гдѣ нѣтъ жильцовъ.
Не болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ про-
мчалось,

И тѣ жъ уста, что, полны пресыщенья,
Искали новыхъ яствъ, чтобъ тѣшить вкусъ,—
Теперь бы рады вымолить и хлѣба.
Тѣ матери, что золото бросали,
Чтобъ разряжать своихъ малютокъ милыхъ,
Готовы ихъ пожрать. Такъ страшень го-
лодь,

Что жены и мужья бросаютъ жребій—
Кому скорѣе пасть, чтобъ дни другого
Продлить немного. Въ ужасъ страна.
Здѣсь вопли мужъ бросаетъ, тамъ жена;
Спасенья нѣтъ; повсюду плачъ и вой;
Въ страданьяхъ жертвы падаютъ толпой;
А у живыхъ недостаетъ и силы
Отъ голода погибшихъ класть въ могилы.
Не правда ль, что сказалъ я?

Діонисса.

Наши щеки

И тускляя, безжизненные очи
Твои слова безмолвно подтверждаютъ.

Клеонъ.

О, если бъ города, что пьютъ изъ чаши
Всѣхъ благъ земныхъ, обильемъ упиваясь
Могли бы услышать нашъ скорбный вопль!

И ихъ постигнуть можетъ та же доля!
Послать бѣду—небесъ святая воля...

Входитъ сановникъ.

Сановникъ.

Гдѣ мнѣ найти правителя?

Клеонъ.

Онъ здѣсь.

Какое горе хочешь сообщить?

На радость мы разсчитывать не смѣемъ.

Сановникъ.

Сюда плывутъ большіе корабли;
Отъ гавани они ужъ не далеко.

Клеонъ.

Я этого боялся. Никогда
Безъ спутника несчастье не приходитъ,
Готового наслѣдовать ему.
Какой-нибудь завистливый сосѣдъ,
Желая нашимъ горемъ поживиться,
Свои суда войсками нагрузилъ,
Чтобъ насъ сразить, сраженныхъ ужъ бѣдою,
И надо мной, несчастнымъ, одержать
Безславную побѣду.

Сановникъ.

Нѣтъ, не бойся!

Судя по бѣлымъ флагамъ, что мы видимъ,
Они несутъ намъ миръ—и къ намъ идутъ
Не какъ враги, а добрыми друзьями.

Клеонъ.

Ты говоришь, какъ тотъ, кто не слыхалъ,
Что, чѣмъ наружность лучше, тѣмъ она
Обманчивѣй бываетъ. Пусть они
Приносятъ, что желаютъ. Опасаться
Намъ нечего. Коль смерть они несутъ,
Могила передъ нами ужъ отверсты;
Скажи ихъ предводителю, что мы
Его здѣсь ждемъ, чтобъ онъ повѣдалъ намъ,
Зачѣмъ сюда онъ прибылъ и откуда,
Какая цѣль его?

Сановникъ.

Сейчасъ отправлюсь.

(Уходитъ).

Клеонъ.

Коль это миръ, мы шлемъ ему привѣтъ;
Коль брань, у насъ къ отпору силы нѣтъ!

Входитъ Периклъ со свитой.

Периклъ.

Правитель этихъ странъ! ты не подумай,
Что мы сюда прислали корабли,
Чтобъ ими устрашать. О вашемъ горѣ
Еще мы въ Тирѣ слышали и сами
Здѣсь, въ городѣ, со страхомъ увидали,
Какое васъ несчастье постигло.
Мы къ вашимъ слезамъ скорби не при-
бавимъ,

А уменьшимъ ихъ горечь. Въ корабляхъ,
Какъ нѣкогда въ конѣ осады Трои,
Не скрыты, съ злостнымъ умысломъ, войска:
Всѣ корабли нагружены зерномъ,—
И мы страну отъ голода спасемъ.

Всѣ.

За это, боги Греціи, храните
Великаго царя; мы за него
Молиться будемъ имъ.

Периклъ.

Прошу васъ, встаньте!

Передо мной колѣна не склоняйте;
Я не ишу почета, а любви,
И жду гостепріимнаго приема.

Клеонъ.

Коль кто-нибудь тебѣ откажетъ въ немъ
И за твои благодаренія къ намъ
Тебѣ неблагодарностью заплатитъ,
Да разразитъ того проклятье неба!
Не вѣрю, чтобъ могло случиться это.
Теперь же я прошу тебя принять
Привѣтствія и города, и наши!

Периклъ.

Твои мнѣ пожеланія пріятны;
Я погостить хочу въ твоей странѣ,
Пока судьба не улыбнется мнѣ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЙ КОРАБЛЬ.

ПЕНТАПОЛИССКІЕ РЫБАКИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Говерьъ.

Я двухъ царей представилъ вамъ;
Одинъ изъ нихъ,—о, тяжкій срамъ!—
Кровосмѣшенемъ очерненъ:
Въ грѣхъ свой вѣкъ проводитъ онъ;
Другой—и доблестенъ, и смѣлъ;
Извѣстенъ правдой словъ и дѣлъ.
Его невзгоды злыя ждутъ;
Не бойтесь, бѣдствія пройдутъ.
Вамъ предстоитъ узнать теперь,
Какъ иногда цѣной потерь
Стяжать возможно благодать:
Песчинку бросивъ, гору взять.
Все въ Тарсѣ добрый царь живетъ;
Встрѣчаетъ онъ вездѣ почетъ;
Ему готовы всѣ внимать;
Чтобы достойно честь воздать
Его дѣламъ, его уму,
Воздвигли памятникъ ему.
Но мнѣ пора покинуть васъ—
И потому прерву разсказъ.

ПАНТОМИМА.

Входятъ, съ одной стороны, Периклъ, разговаривая съ Клеономъ; каждое изъ нихъ сопровождаетъ свита. Съ противоположной стороны входитъ гонецъ съ письмомъ къ Периклу, который даетъ его прочесть Клеону.

Периклъ награждаетъ юнца и возводитъ его въ рыцари. Затѣмъ Периклъ и Клеонъ расходятся.

ГОВЕРЬ.

Все въ Тирѣ Геликанъ живетъ;
Но онъ не ѣстъ, какъ трутень, медъ.
Добру уча, справляясь съ зломъ,
Онъ не живетъ чужимъ трудомъ.
Онъ свято чтитъ царя завѣтъ
И вотъ—прислалъ ему привѣтъ
И вѣсть о томъ, что въ Тирѣ былъ
Тальярдъ и смерть ему сулилъ,
А потому ему бѣ вѣрнѣй
Разстаться съ Тарсомъ поскорѣй.
Царь принялъ мудрости совѣтъ;
Надеждой жизнь спасти согрѣтъ,
Онъ ввѣрилъ вновь волнамъ морскимъ
Свою судьбу; но тутъ надъ нимъ
Бѣда тяжелая стряслась;
Вскипѣли волны, грянулъ громъ,
Корабль и всѣ пловцы на немъ
Пошли ко дну; лишь царь одинъ,
Извѣдавъ гнѣвъ морскихъ пучинъ,
Спастися могъ; страданья полнъ,
Онъ долго былъ игрушкой волнъ;
Но, наконецъ, судьбой спасенъ—
На дальнѣйшій берегъ вышелъ онъ.

Не расскажу вамъ продолженья;
Что дальше—дѣло представленья.
(Уходитъ).

СЦЕНА I.

Пентаполисъ. Открытый берегъ моря.

Входитъ Перикль, отряхая воду.

Перикль.

О, гнѣвныя созвѣзды, укротитесь!
Бушующія волны, громъ и вѣтры,
Вы забывать напрасно не должны,
Что человѣкъ покорѣнъ вашей власти
И вынести борьбы не можетъ съ вами!
Меня сразили вы! На груди скалъ
Меня бросало море и носило
Изъ мѣста въ мѣсто; я въ живыхъ остался,
Чтобъ только о кончинѣ помышлять.
Къ несчастному явите состраданье!
Лишивъ меня друзей и достоянья,
Сдержите гнѣвъ. О, сжальтесь надо мной;
Я спасся отъ могилы водяной;
Но смерть моя, я знаю, неизбежна;
Хоть умереть мнѣ дайте безмятежно!

(Входятъ 3 рыбака).

1-й рыбакъ. Иди сюда, простофиля.

2-й рыбакъ. Приходи сюда и тащи за собой сѣти.

1-й рыбакъ. Торопись же, оборванецъ.

3-й рыбакъ. Что прикажешь, хозяинъ?

1-й рыбакъ. Не мямли, а то задамъ тебѣ.

3-й рыбакъ. Я все сожалѣю о несчастныхъ, что волны поглотили совсѣмъ у насъ въ виду.

1-й рыбакъ. Меня совершенно разстроили крики о помощи этихъ бѣдныхъ людей, но мы сами еле-еле спаслись.

3-й рыбакъ. Развѣ я не предсказывалъ, видя, какъ дельфинъ прыгалъ и носился по волнамъ, что случится недоброе? Они, какъ слышно, на половину рыба, на половину мясо. Будь они прокляты! Увидишь дельфина—такъ и знай, что придется покупать. Удивляетъ меня, хозяинъ, какъ это рыбы живутъ въ морѣ!...

1-й рыбакъ. Да такъ же, какъ и люди на землѣ. Богатый скупецъ подобенъ акулѣ: она, плескаясь, гонитъ передъ собой цѣлую ватагу мелкой рыбы, а затѣмъ и набиваетъ себѣ ею полный ротъ и пожираетъ ее всю. Такія акулы встрѣчаются, какъ я слыхалъ, и на землѣ; онѣ все глотаютъ, пока не

спрячутъ въ утробѣ и приходъ, и церковь, и колокольную, и колокола, словомъ—все.
Перикль (*въ сторону*). Не дурно нравоученье.

3-й рыбакъ. Исполняя я должность звонаря, мнѣ было бы пріятно случиться на колокольную въ этотъ день.

2-й рыбакъ. Что такъ, любезный?

3-й рыбакъ. Тогда бы и-я угодилъ въ ея чрево и сталъ бы звонить, да такъ бы раззвонился, что она бы извергла и колокола, и колокольную, и приходъ, и церковь. Раздѣляя добрый царь Симонидъ мое мнѣнье...

Перикль (*въ сторону*). Симонидъ!

3-й рыбакъ. Онъ бы очистилъ всю сторону отъ этихъ трутней, что поѣдаютъ весь медъ у пчелъ.

Перикль (*въ сторону*).

Привычки рыбъ съ успѣхомъ изучая,
Они о человѣческихъ порокахъ
Невольно вспоминаютъ. Царство водъ
Наводитъ ихъ на все, что люди хвалятъ
Иль осуждаютъ. (*Громко*). Честнымъ рыбакамъ
Въ трудахъ желаю счастья и успѣха!

2-й рыбакъ. Что жъ, что мы честны? Какой изъ этого толкъ? Коль случится удачный день, вычеркни его изъ календаря и повѣрь, что никто о немъ не пожалѣетъ.

Перикль.

На берегъ вашъ меня извергло море.

2-й рыбакъ. Какимъ же пьянымъ негодяемъ было море, если изрыгнуло тебя на нашу дорогу!...

Перикль.

Бушуя на просторѣ, непогода
И яростныя волны, какъ мячомъ,
Играли мной. Страдальца пожалѣйте.
Васъ просить тотъ, кто еще просьбѣ не вѣдалъ.

1-й рыбакъ. Ты не умѣешь просить. Жаль: у насъ здѣсь, въ Греціи, несравненно больше добываютъ, прося милостыню, чѣмъ мы трудомъ.

2-й рыбакъ. Не умѣешь ли, по крайней мѣрѣ, ловить рыбу?

Перикль. Никогда не пробовалъ.

2-й рыбакъ. Плохо твое дѣло: умрешь съ голоду; здѣсь, если не съумѣешь самъ что-нибудь выудить, ничего не добудешь.

Перикль.

Чѣмъ нѣкогда я былъ, того не помню;
Чѣмъ сталъ теперь, о томъ напоминаеть
Жестокая нужда. Я весь дрожу

Отъ холода, и кровь застыла въ жилахъ;
Едва могу пошевелить языкъ,
О помощи взывая. Если вы
Не внемлете молениямъ, мнѣ не жить;
Тогда прошу меня похоронить.

1-й рывакъ. Не зачѣмъ умирать; да спасутъ тебя отъ этого боги. Накинь мой плащъ и согрѣйся. Какой ты красивый малый! Мой домъ для тебя открытъ, пойдемъ; будетъ у насъ говядина для праздниковъ, рыба для постовъ, будутъ пироги и вафли; повѣрь, я гостю радъ.

Периклъ. Отъ души благодарю.

2-й рывакъ. Ты сказалъ, любезный, что ты не въ состояніи нищенствовать?

Периклъ. Могу только умолять.

2-й рывакъ. Только умолять? Такъ я самъ буду умолять и такимъ образомъ избѣгну розогъ.

Периклъ. Возможно ль, что у васъ всѣхъ нищихъ порятъ?

2-й рывакъ. Нѣтъ, другъ, не всѣхъ, не всѣхъ. Если бы ихъ всѣхъ пороли, я бы съ радостью принялъ должность палача. Надо пойти, однако, хозяинъ, вытаскивать сѣти. (*Уходитъ съ 3-мъ рыбакомъ*).

Периклъ (*въ сторону*). Какъ этотъ честный смѣхъ ихъ красить трудъ.

1-й рывакъ. Знаешь ли ты, любезный, гдѣ находишься?

Периклъ. Не совсѣмъ.

1-й рывакъ. Такъ я скажу тебѣ: нашъ городъ носитъ имя Пентаполиса, а царь нашъ—добрый Симонидъ.

Периклъ. Вы его называете добрымъ царемъ Симонидомъ?

1-й рывакъ. Да, и онъ вполне заслужилъ это названье, благодаря мирному царствованію и хорошему управленію.

Периклъ. Счастливъ этотъ царь, коль заслужилъ отъ подданныхъ названіе добраго за свое управленіе государствомъ. Въ какомъ разстояніи отъ этого побережья находится его дворецъ?

1-й рывакъ. До него не болѣе, какъ полдня пути. У нашего царя—красавица дочь; завтра день ея рожденья. Со всѣхъ концовъ свѣта съѣхались принцы и рыцари, чтобъ чествовать этотъ торжественный день турниромъ—и, добиваясь ея любви, ломать копыя въ честь ея.

Периклъ. Если бъ мое счастье могло равняться моимъ желаньямъ, какъ мнѣ было бы отрадно участвовать въ этомъ ристалищѣ.

1-й рывакъ. О, господинъ, нужно всему предоставлять свое теченіе; и чего

человѣкъ не можетъ самъ добиться, онъ имѣетъ законное правораздобывать, жертвуя спасеніемъ души своей жены.

(*2-й и 3-й рыбаки возвращаются, вытаскивая сѣть*).

Помоги, хозяинъ, помоги! Вотъ рыба, которая запуталась въ сѣти, какъ права бѣдниковъ запутываются въ сѣтяхъ законниковъ. Ну, наконецъ, вытащили сѣть, и могу сказать, не безъ труда; и что жъ? ожидаемая рыба превратилась въ ржавую кольчугу.

Периклъ.

Кольчугу вы нашли? друзья, позвольте мнѣ на нее взглянуть; судьба мнѣ шлетъ Возможность чѣмъ-нибудь вернуть потери! Кольчуга эта мнѣ принадлежала; Въ кончины часъ, отецъ съ такимъ наказомъ мнѣ передалъ ее: „Прощу тебя, О, мой Периклъ, беречь ее и холить; Она щитомъ отъ смерти мнѣ служила; Храни ее, какъ память обо мнѣ; Быть можетъ, въ мигъ опасности и ты Въ ней обрѣтешь охрану“. Съ этихъ поръ Не разставались мы, и я, какъ друга, Любилъ ее; но буря разразилась,— И море, что не вѣдаетъ пощады, Меня съ ней разлучило, хотъ теперь Добычу возвратило, укротясь,— И я могу съ своимъ мириться горемъ Съ тѣхъ поръ, какъ даръ отца мнѣ отданъ моремъ.

1-й рывакъ. Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

Периклъ.

Васъ просить

Мнѣ уступить завѣтную кольчугу, Что нѣкогда царю щитомъ служила; По этому значку ее призналъ я. Любимаго отца я память чту И потому кольчуги добиваюсь. Затѣмъ прошу мнѣ указать дорогу, Ведущую къ дворцу; въ dospѣхахъ бранныхъ Передъ царемъ, какъ рыцарь, я предстану. Коль грозная судьба мнѣ улыбнется, Я за добро вамъ отплачу добромъ; А нѣтъ—останусь вашимъ должникомъ.

1-й рывакъ. Ты въ честь принцессы хочешь подвизаться?

Периклъ. О, нѣтъ, хочу лишь доблесть показать.

1-й рывакъ. Возьми кольчугу—и да помогутъ тебѣ боги отличиться!

2-й рывакъ. Хорошо, любезный; но только помни, что порвавъ сѣти, мы вытащили ихъ съ большимъ трудомъ; за это

слѣдуетъ вознагражденіе. Коль тебѣ удастся поправить обстоятельство, надѣюсь, что ты не забудешь тѣхъ, которые тебѣ помогли въ этомъ!..

Перикль.

Повѣрь, услуги вашей не забуду;
Вы дали мнѣ одежду, а коня,
Что зрителей плѣнить своей красою,
Добуду я за цѣнное кольцо,
Что море не могло съ руки сорвать.
Недостаётъ мнѣ только чепраковъ.

2-й рыбакъ. И ихъ добудемъ; вырѣжи ихъ изъ моего лучшаго платья—и самъ я тебя провожу до дворца.

Перикль.

Во имя чести цѣль себѣ прославлю;
Возвышусь иль бѣду къ бѣдѣ прибавлю!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дорога, ведущая къ ристалищу. Въ сторонѣ бесѣдки для царя, принцессы и вельможъ.

Входятъ Симонидъ, Таиса, вельможи и свита.

Симонидъ.

Гдѣ жъ рыцари? пора начать ристанье!

1-й вельможа.

Всѣ собрались они; для представленья Они лишь твоего прихода ждутъ.

Симонидъ.

Скажи, что мы готовы ихъ принять.
Устроили мы это торжество,
Чтобъ дочери отпраздновать рожденье;
Какъ чудо красоты, сидитъ она
И для того природой создана,
Чтобъ возбуждать восторгъ и удивленье.

Таиса.

Мой царственный отецъ, твои хваленья
Не въ мѣру льстятъ достоинствамъ моимъ.

Симонидъ.

Такъ слѣдуетъ: вѣдь, небо создаетъ
Земныхъ владыкъ подобными себѣ;
Въ пренебреженьи жемчугъ блескъ теряетъ;
Такъ и цари свою теряютъ силу,
Коль почестей имъ мало воздаютъ.
Когда предъ нами рыцари предстанутъ,
Ихъ помыслы должна ты объяснять
По выбраннымъ девизамъ.

Таиса.

Постараюсь,
Какъ слѣдуетъ, исполнить порученье.

(Входитъ рыцарь; онъ проходитъ; его оруженосецъ представляетъ его щитъ принцессы).

Симонидъ.

Кто первымъ предстаётъ?

Таиса.

Спартанскій рыцарь;
Онъ выбралъ щитъ, что носить Эфіюпа,
Который длань протягиваетъ къ солнцу.
Его девизъ: Lux tua vita mihi ¹⁾

Симонидъ.

Кто жизнь готовъ отдать, тотъ крѣпко любить.

(Второй рыцарь проходитъ).

А кто второй?

Таиса.

То—македонскій принцъ.
Ему эмблемой служить: рыцарь въ латахъ,
Что домой побѣжденъ; подъ этимъ подпись
Гласить: Piu por dulzura que por forza ²⁾.
(Третій рыцарь проходитъ).

Симонидъ.

Кто третьимъ къ намъ пришелъ?

Таиса.

Сирійскій рыцарь;
Его девизъ—побѣдная награда
Съ словами: Me rompraе provexit apex ³⁾.

(Четвертый рыцарь проходитъ).

Симонидъ.

Какой девизъ четвертаго щита?

Таиса.

Горящій факелъ, долу обращенный,
И подпись: Quod me alit, me exinguit ⁴⁾.

Симонидъ.

Онъ красоты провозглашаетъ власть;
Кто вѣренъ ей, тотъ съ честью можетъ пасть.

(Пятый рыцарь проходитъ).

Таиса.

На пятомъ нарисована рука,
Что держитъ въ тучѣ золота кусокъ
И золото на камнѣ испытуетъ.
Слова девиза: Sic spectanda fides ⁵⁾.
(Шестой рыцарь (Перикль) проходитъ).

¹⁾ Твой свѣтъ—моя жизнь.

²⁾ Нѣжностью больше, чѣмъ силой.

³⁾ Достигъ вершины славы.

⁴⁾ Что меня кормитъ, то и гаситъ.

⁵⁾ Такимъ образомъ познается вѣрность.

Симонидъ.

Но кто шестой и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній,
Что самъ такъ ловко щить тебѣ представилъ?

Таиса.

Мнѣ кажется, онъ рыцарь иностранный;
Его эмблема—высохшая вѣтка
Съ верхушкой, что одна лишь зеленѣетъ.
Его девизъ гласитъ: in hac spe vivo ¹⁾).

Симонидъ.

Девизъ прекраснѣйшій себѣ избралъ онъ
Въ его судьбѣ коль примешь ты участие,
Въ надеждѣ онъ извѣдать снова счастье.

1-й вельможа.

По внѣшности онъ мало общается:
Его доспѣхи ржавчиной покрыты,
И по всему замѣтно, что онъ лучше
Кнутомъ владѣть умѣетъ, чѣмъ оружіемъ.

2-й вельможа.

Онъ, можетъ быть, и вправду иностранецъ:
Другой бы не осмѣлился прибыть
На торжество въ такихъ доспѣхахъ жалкихъ.

3-й вельможа.

Ихъ, можетъ быть, не чистили нарочно
И ржавчину на нихъ приберегли,
Чтобъ самъ онъ могъ ихъ вычистить въ пыли.

Симонидъ.

Какая неразумная привычка
Лишь по наружности судить людей!
Но рыцари готовы. Въ галлерею
И намъ пора итти.
(Уходятъ; за сценой слышны громкіе крики:
„О, жалкій рыцарь“).

СЦЕНА III.

Залъ во дворцѣ. Накрытый столъ.

Входятъ Симонидъ, Таиса, дамы,
вельможи, рыцари и свита.

Симонидъ.

О, рыцари, излишне говорить
О томъ, что мы вамъ рады. Я надѣюсь,
Что отъ меня вы перечня не ждали
Всѣхъ подвиговъ, что совершили вы;
Я не хочу служить листомъ заглавнымъ
Къ той книгѣ, что описываетъ ихъ;
Къ тому жъ оно напрасно: честь и доблесть
Умѣютъ сами выказать себя.
Прошу гостей готовиться къ веселью;
На пиръ пусть оно намъ служить цѣлью!

¹⁾ Этой надеждой живу.

Таиса.

Тебя жъ, мой гость и рыцарь, я царемъ
Провозглашаю нынѣшняго дня—
И подношу тебѣ вѣнокъ побѣды.

Периклъ.

Случайности я болѣе обязанъ
Въ успѣхѣ, чѣмъ достоинствамъ моимъ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЙ РЫБАКЪ.

Античная статуя III вѣка до Р. Х.
(Римъ, Ватиканъ).

Симонидъ.

Суди, какъ хочешь; все жъ ты побѣдитель.
Завистниковъ межъ нами не найдешь.
Въ искусствѣ равныхъ нѣтъ; одинъ хорошъ,
А все другому долженъ уступить;
Всѣ доблестны они, а побѣдить
Лишь удалось тебѣ. Начнемте пиръ;
О, дочь моя, ты, празднества кумиръ,
Царицей же возсядь. Гостей моихъ
Разсадить маршалъ по заслугамъ ихъ.

Рыцари.

Благодаримъ за доброе вниманье.

Симонидъ.

Я честь люблю и радъ честнымъ гостямъ.
Кто чести врагъ, тотъ врагъ и небесамъ.

Маршалъ.

Вотъ мѣсто, что назначено тебѣ.

Периклъ.

Я этого отличья не достоинъ.

Маршалъ.

Не возражай; мы зависти не знаетъ
И вышихъ чтимъ; ихъ доблестямъ дивясь,
Не презираемъ тѣхъ, кто ниже насъ.

Периклъ.

Благодарю за честь.

Симонидъ.

Садись, садись!

(Тихо). Клянусь Зевсомъ, богомъ размыш-
лений,
Такъ мысль о немъ преслѣдуетъ меня,
Что въ ротъ нейдетъ кусокъ.

Тайса (тихо).

Клянусь Юноной,
Богиней браковъ, такъ желаю я,
Чтобъ этотъ витязъ сталъ моею пищею,
Что не могу дотронуться до яствъ!
Онъ—рыцарь благородный и отважный.

Симонидъ (тихо).

Онъ просто деревенскій дворянинъ;
Переломавъ копье иль два,
Немногимъ предъ другими отличился
И занимать не долженъ больше насъ.

Тайса (тихо).

Онъ для меня, что предъ стекломъ алмазь.

Периклъ (тихо).

Съ моимъ отцомъ какъ сходенъ этотъ царь!
Онъ такъ же славенъ былъ и такъ же принцы
Какъ звѣзды, окружали тронъ его,—
И въ сомнѣ ихъ онъ всѣмъ казался солнцемъ.
Какъ меньшее свѣтило передъ большимъ,
Такъ передъ нимъ склонялися они.
А я свѣтлякъ, что блещетъ лишь въ тѣни
И меркнетъ, только день блеснетъ лучами.
Сѣдое время, ты царишь надъ нами!
Людей рождаешь ты и губишь ихъ,
И держишь ихъ судьбу въ рукахъ своихъ!

Симонидъ.

Не скучно ли вамъ, рыцари?

Всѣ.

Возможно ль

Въ присутствіи царя не веселиться!

Симонидъ.

По самый край я кубокъ наполняю
И такъ, какъ вы привыкли это дѣлать,
Когда красавицъ чествовать хотите,
Я, полной чашей, пью здоровье ваше.

Всѣ.

Премного благодарны!

Симонидъ.

Странно мнѣ,

Что рыцарь-побѣдитель что-то мраченъ,
Какъ будто пиръ, хотъ онъ богатъ и пы-
шенъ,
Не по нему. Какъ думаешь, Тайса?

Тайса.

Какое же до этого мнѣ дѣло?

Симонидъ.

О, дочь моя! ты помни, что цари
Должны и въ этомъ дѣйствовать, какъ боги,
Что осыпаютъ щедрыми дарами
Того, кто къ нимъ приходитъ на моленье.
Тотъ государь, что этому примѣру
Не слѣдуетъ, на комара похожъ:
Онъ все жужжитъ, а, коль его убьешь,
Ничтожностью своею поражаетъ.
А потому, чтобъ рыцаря потѣшить,
Скажи ему, что пью его здоровье.

Тайса.

О, мой отецъ, неловко съ незнакомцемъ
Такъ смѣло обращаться; онъ, пожалуй,
Мою любезность плохо объяснитъ:
Отъ женщины излишнее вниманье
Мужчина принимаетъ за признание
И за безстыдство.

Симонидъ.

Дѣлай, какъ велю,
Иль раздражишь меня.

Тайса (въ сторону).

Клянусь богами,

Его приказъ я съ радостью исполню.

Симонидъ.

Скажи затѣмъ, что я узнать желаю,
Откуда онъ и какъ его зовутъ.

Тайса.

Мой царственный отецъ, отважный рыцарь,
Твое здоровье пьетъ.

Периклъ.

Благодарю.

Т а и с а.

При этомъ онъ тебѣ желаетъ счастья.

Периклѣ.

Ему я благодаренъ и тебѣ—
И въ вашу честь свой кубокъ осушаю.

Т а и с а.

Онъ мнѣ велѣлъ, при томъ, тебя спросить,
Откуда ты и какъ тебя зовутъ?

Периклѣ.

Я тирскій дворянинъ; зовусь Перикломъ;
Военныя науки изучивъ,
Отправился искать я приключеній;
Но море, разразившись грозной бурей,
Меня судовъ и спутниковъ лишило
И бросило меня на этотъ берегъ.

Т а и с а.

Тебѣ онъ благодаренъ за привѣтъ;
Изъ Тира онъ; его зовутъ Перикломъ;
Онъ потерпѣлъ крушеніе и, лишившись
Своихъ судовъ, сюда былъ брошенъ моремъ.

Симонидѣ.

Я о его несчастьѣ сожалею
И прогону печаль съ его лица.
Окончимъ пиръ. Мы долго засидѣлись,
Теряя только время понапрасну;
Пора искать другихъ увеселеній;
Прошу васъ поплясать въ доспѣхахъ бран-

ныхъ;

Доспѣхи пляску рыцаря лишь красятъ;
Пусть мнѣ не говорятъ, что звонъ оружія
Не хорошо подѣйствуетъ на дамъ;
Всѣ дамы любятъ, что бы тамъ ни пѣли,
Мужчинъ въ оружіи такъ же, какъ въ постели
(*Рыцари пляшутъ*).

Благодарю, отвѣтъ достоинъ просьбы;
Сюда любезный рыцарь! здѣсь безъ дѣла
Скучаетъ дама; съ нею потанцуй;
Вѣдь, я слыхалъ, что рыцари изъ Тира
Умѣютъ ловко съ дамами справляться
И мастера они въ степенныхъ танцахъ.

Периклѣ.

Да, государь, кто въ этомъ упражнялся.

Симонидѣ.

Любезностью отдѣлаться не думай.

(*Рыцари и дамы пляшутъ*).

Пора и кончить; всѣмъ я благодаренъ;
Всѣ отличились вы; (*Периклу*) ты больше
всѣхъ;

Позвать пажей, чтобъ рыцарей они
Въ ихъ комнаты съ свѣчами проводили.
Тебѣ жъ покой близъ нашихъ отведенъ.

Периклѣ.

Къ твоимъ услугамъ я.

Симонидѣ.

Прощайте, принцы;
Пора и отдохнуть; за позднимъ часомъ
Любовные прервите разговоры,
Хоть вы отъ нихъ, пожалуй, и не прочь.
Вернетесь къ нимъ, когда промчится ночь.
(*Уходятъ*).

РЫСАКЪ.

Античная статуя II вѣка до Р. Х. (Римъ).

СЦЕНА IV.

Тиръ; комната въ домѣ правителя.

Входятъ Геликанъ и Эсканъ.

Геликанъ.

Эсканъ, узнай всю правду! Антиохъ
Свой гнусный вѣкъ мрачилъ кровосмѣ-
шеніемъ,

И боги, не желая отложить

Я, выборъ одобряя, радъ ему;
Но все жъ о томъ ей было неизвѣстно,
Какъ это я приму; но все равно—
Не зятю я дѣла. Вотъ—и онъ;
Притворствовать немного не мѣшаетъ.

Перикль (*входитъ*).
Во всемъ желаю счастья Симониду.

Симонидъ.
Такимъ же я желаньемъ отвѣчаю.
Благодарю за чудную игру,
Которой насъ плѣнилъ ты прошлой ночью.
Я никогда еще не тѣшилъ слуха
Гармоніей такой.

Перикль.
Меня ты хвалишь
По добротѣ, никакъ не по заслугамъ.

Симонидъ.
Ты музыки давать бы могъ уроки.

Перикль.
Мнѣ въ пору только быть ученикомъ.

Симонидъ.
Позволь тебя спросить, любезный рыцарь,
Какъ думаешь о дочери моей?

Перикль.
Принцесса—добродѣтелей палата.

Симонидъ.
При томъ она прекрасна!...

Перикль.
Да, прекрасна,
Какъ чудный лѣтній день.

Симонидъ.
Въ ея глазахъ
И ты—достойный рыцарь; въ ученицы
Она къ тебѣ желаетъ поступить;
Ты долженъ это къ свѣдѣнію принять.

Перикль.
Повѣрь, я не гожусь въ учителя.

Симонидъ.
Она не раздѣляетъ это мнѣнье.
Прочти ея письмо.

Перикль (*въ сторону*).
Глазамъ не вѣрю!
Въ своей любви принцесса признается,
То замыселъ царя на жизнь мою.
(*Громко*).
О, государь, зачѣмъ запутать хочешь
Ты рыцаря, сраженнаго несчастьемъ,

Что къ дочери твоей лишь относился
Съ глубокимъ уваженьемъ, о любви
И помышлять не смѣя.

Симонидъ.
Негодяй,
Ты дочь мою къ себѣ приворожилъ.

Перикль.
Клянусь, не заслужилъ твоихъ упрековъ.
Я никогда ничѣмъ не вызывалъ
Ея любви, и гнѣвъ напрасенъ твой.
Симонидъ. Предатель, лжешь!
Перикль. Предатель?
Симонидъ. Да, предатель.

Перикль.
Лишь предъ царемъ склоняю я главу;
Другому отомстилъ бы за обиду.

Симонидъ.
Мнѣ нравится его неустрашимость.

Перикль.
И помыслы, и дѣйствія мои
Полны и благородства и отваги;
Во имя чести прибылъ я сюда,—
Не для того, чтобъ стать бунтовщикомъ.
Кто съ этимъ не согласенъ, бойся мести!
Я докажу мечомъ, что тотъ врагъ чести.

Симонидъ.
Отъ дочери я разъясненій жду.
(*Входитъ Таиса*).

Перикль.
Прекрасна ты и, вѣрно, правду любишь.
Разгнѣванъ твой отецъ; ему повѣдай,
Что о любви ни словомъ, ни письмомъ,
Тебѣ не намекалъ я никогда.

Таиса.
Будь это правда, въ чемъ же тутъ бѣда?
Меня не оскорбилъ бы ты участиемъ,
Когда его я почитаю счастьемъ.

Симонидъ.
Какое своеволье! (*Въ сторону*).
Отъ души

Я радъ тому. (*Громко*).
Смирить тебя съумѣю;
Покорности я выучу тебя;
За иноземца выйти собралась ты,
Не получивъ согласия моего! (*Въ сторону*).
А этотъ незнакомецъ, я увѣренъ,
Мнѣ по рожденью равенъ. (*Громко*).
Вамъ обоимъ
Даю совѣтъ не слишкомъ зазнаваться:
Коль подчиниться мнѣ вы не хотите,

Я сдѣлаю васъ мужемъ и женой.
 Приблизьтесь. Вы союзъ должны скрѣпить
 Пожатіемъ рукъ и нѣжнымъ поцѣлуемъ.
 Соединяя васъ, надежды ваши
 Разрушилъ я и, къ довершенью бѣдъ.
 Васъ обвѣнчать даю теперь обѣтъ,
 Желая счастья. Что жъ, довольны вы?

Таиса (*Периклу*).
 Я счастлива, коль любишь ты меня.

Периклъ.
 Люблю, какъ жизнь, какъ кровь, что въ
 жилахъ льется.

Симонидъ.

Согласны вы вѣнчаться?

О б а.

Государь,
 Согласны, если такъ тебѣ угодно.

Симонидъ.

Скорѣ свадьбу надо намъ сыграть;
 Затѣмъ, какъ только можно—и въ кровать.

ВООРУЖЕНІЕ ЭЛИНСКАГО ВОСТОКА.
 Изъ персидскихъ раскопокъ; (III—II в. до Р. Х.).

НЕПТУНЪ.

Античная статуя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ГОВЕРЬ (*входитъ*).

Оконченъ пиръ; все спитъ кругомъ;
 Дворецъ объятъ глубокимъ сномъ;
 Умолкли крики, всюду тишь;
 Лишь сторожить глазамимышь,
 Близъ норъ запрятавшійся, котъ.
 Сверчокъ въ печуркѣ пѣснь поетъ;
 Сыграли свадьбу, часъ пришелъ,—
 И дѣву юную возвелъ
 На ложе брака Гименей;
 Въ ту ночь съ невинностью своей
 Разсталась дѣва—и она,
 Зачавъ, быть матерью должна.
 Все досказанное мной
 Дополнить надо вамъ мечтой.
 Но, вотъ—нѣмое представленье.
 Вамъ разъясню его значенье.

ПАНТОМИМА:

Входятъ съ одной стороны Перикль и Симонидъ со свитами. Къ нимъ идетъ на встрѣчу гонецъ, который склоняетъ ко-

лна предъ Перикломъ и вручаетъ ему письмо. Перикль показываетъ письмо Симониду. Вельможи становятся на колѣни предъ Перикломъ. Входитъ беременная Таиса съ Лихоридой. Симонидъ даетъ дочери письмо: она радуется. Она и Перикль прощаются съ царемъ и уходятъ съ Лихоридой и свитой. Послѣ этого уходятъ Симонидъ и остальные.

Повсюду посланы гонцы;
 Они летятъ во всѣ концы;
 Перикла ищутъ здѣсь и тамъ,
 По отдаленнѣйшимъ странамъ,
 И каждый уголокъ земли
 Хотятъ извѣдать. Корабли
 По всѣмъ морямъ за нимъ летятъ;
 Ни силъ, не денегъ не щадятъ.
 И вотъ, какъ ужъ узнали вы,
 Его по голосу молвы
 Нашли, и посланный гонецъ
 Ему приносить во дворецъ
 Письмо изъ Тира. Такъ гласить.

Посланье: „Антиохъ убить
Огнемъ небесъ за тяжкій грѣхъ;
А въ Тирѣ, по желанью всѣхъ,
Возвестъ хотѣли въ царскій санъ
Правителя; но Геликанъ,
Желая бунтъ предотвратить,
Сказалъ, что согласится быть
Царемъ, но только черезъ годъ:
Перикла долженъ ждать народъ“.
Какъ эти вѣсти разнеслись,
Возликовалъ Пентаполисъ;
Въ восторгѣ всѣ; всѣмъ лестно знать,
Что вѣнценосецъ—царскій зять.
Рѣшили тотчасъ ѣхать въ Тиръ,
Чтобъ водворить въ немъ снова миръ.
Царица лишь беретъ съ собой
Свою кормилицу. Рѣкой
Струятся слезы изъ очей
Таисы. Съ родиной своей
Разстаться бѣдная должна;
Пускай беременна она,
Но мужа ей оставить жаль—
И вотъ корабль несетъ ихъ въ даль.
Корабль плыветъ, судьбой хранимъ.
Нептунъ сначала ласковъ къ нимъ;
До половины пройденъ путь.
Вдругъ вѣтеръ сталъ ревѣть и дуть,—
И вѣтеръ, мрачный и сѣдой,
Такою страшною грозой
Дохнулъ на море, гнѣва полнъ,
Что сталъ корабль, средь лютыхъ волнъ,
Нырять, какъ утка. Всѣ дрожать;
Со всѣхъ сторонъ и смерть и адъ;
Царица такъ потрясена,
Что стала мучиться она
Родами. Здѣсь покину васъ,
И представленье мой рассказъ
Замѣнить вамъ. Внимайте снова;
Передаю актерамъ слово.

СЦЕНА I.

Входитъ Периклъ на палубу корабля.

Периклъ.

О, богъ морскихъ пучинъ, къ тебѣ взываю!
Бушующія волны укроти,
Что поглотить готовы адъ и небо.
А ты, что власть имѣешь надъ вѣтрами,
Изъ глубины вызвавъ ихъ, закуй ихъ въ цѣпи.
Довольно длилась буря. Пусть умолкнутъ
Раскаты оглушающаго грома—
И молніи сѣрнистыя угаснутъ!
О, Лихорида, какъ царица можетъ?
Ты хочешь, буря, въ яростныхъ порывахъ
Всю выхлестать себя. Сигналъ матроса

Не слышенъ, словно шепотъ въ ухо смерти.
Владычица пресвѣтлая, Луцина,
Что внемлешь ночью воплямъ и мольбамъ,
Спаси корабль, что утонуть готовъ,
И облегчи моей царицы муки!

Входитъ Лихорида съ ребенкомъ.

Периклъ.

Что, Лихорида?

Лихорида.

Вотъ тебѣ ребенокъ,
Что слишкомъ юнъ, чтобъ понимать опас-
ность,
Которой намъ не суждено избѣгнуть.
Ребенокъ этотъ—даръ, послѣдній даръ
Скончавшейся царицы.

Периклъ.

Что я слышу!

Лихорида.

Тяжелую утрату, государь,
Перенеси съ терпѣньемъ. Грозной бурѣ
Не помогай проклятьями. Царица,
Оставивъ дочь-малютку, умерла.
Мужайся для нея и постарайся
Сдержать свое отчаянье.

Периклъ.

О, боги,
Зачѣмъ вы заставляете любить
Свои дары роскошные, когда
Такъ скоро ихъ уносите обратно?
Что мы даримъ, то не беремъ назадъ;
И въ этомъ человѣкъ достойнѣй васъ.

Лихорида.

Для дочери снеси съ терпѣньемъ горе.

Периклъ.

Пусть жизнь твоя промчится безмятежно
За то, что ты такъ бурно родилась!
Пусть будетъ нравъ твой кротокъ, потому
Что никогда на свѣтъ не появлялась
Съ такимъ привѣтомъ грубымъ дочь царя!
Пусть счастье осѣнитъ твою главу.
Огонь и воздухъ, небо и земля,
Разгнѣванные волны,—всѣ стихіи
Слились, чтобъ возвѣстить съ зловѣщимъ
ревомъ

О томъ, что родилась ты; не успѣла
Ты глазъ открыть, какъ понесла утрату,
Что замѣнить ничто не въ состоянъи.
Надъ бѣдною малюткой сжальтесь, боги,
И съ милостью взгляните на нее!

Входятъ два матроса.

1-й матросъ.

Мужайся, цари! Господь храни тебя!

Перикль.

Отваженъ я и бури не боюсь;
Лишивъ меня всего, что я любилъ,
Она мнѣ зла не можетъ больше сдѣлать.
Лишь изъ любви къ несчастному младенцу,
Что обреченъ на плаванье съ рожденья,
Желаю я, чтобъ стихла злая буря.

1-й матросъ. Одного только боюсь,
что порвутся канаты; а то пусть себѣ злится
и мечется буря.

2-й матросъ. Только бы выбраться
въ открытое море, а тамъ мнѣ все равно:
взбалмученныя и покрытыя пѣной волны,
цѣлуйтесь, если хотите, хоть съ мѣсяцемъ!

1-й матросъ. Государь, надо выбро-
сить трупъ царицы за бортъ: море такъ
гнѣвно, вѣтеръ такъ злится, что они не
угомонятся, пока на корабль останется
успокая.

Перикль. Это одинъ предрасудокъ.

1-й матросъ. Не сердись, государь,
но мы всегда этого держимся и свято
читимъ этотъ обычай. Ты долженъ намъ
уступить. Непремѣнно надо выбросить ея
тѣло въ море.

Перикль. Пусть будетъ по-вашему; о,
злосчастная царица!

Лихорида. Тамъ, государь, тѣло ея.

Перикль.

Подруга дорогая, для родовъ
Ужасное тебѣ досталось ложе:
Ни свѣта, ни огня. Тебя забыли
Враждебныя стихіи. Не могу я
Тебя съ обрядами предать землѣ родной:
Въ пучину водъ твой трупъ я долженъ
бросить,

Едва твой гробъ заколотить успѣютъ;
Я не могу воздвигнуть мавзолея
Надъ милою и освѣтить его огнемъ
Неугасаемыхъ лампадъ;
Ты ляжешь между раковинъ простыхъ,—
И только волны съ ропотомъ и плескомъ
Да бьющія фонтанами киты
Твое придавятъ тѣло! Лихорида,
Скажи, чтобъ Несторъ мнѣ сюда принесъ
Чернильницу, бумаги, ароматовъ
И ящикъ съ драгоценностями; также
Пусть принесетъ Никандръ ларецъ рос-
кошный.

Ребенка положите на подушку.
Я, между тѣмъ, прочту надъ ней молитвы
И съ ней прощусь на вѣки. Торопись.

(Лихорида уходитъ).

2-й матросъ. Государь, у насъ подъ
палубой находится совершенно готовый
ящикъ; онъ осмоленъ и законопаченъ.

Перикль. Благодарю. Скажи мнѣ, мо-
рякъ, какой этотъ берегъ?

2-й матросъ. Мы невдалекѣ отъ Тарса.

Перикль.

Такъ, вмѣсто Тира, въ Тарсъ направимъ
путь;

Какъ скоро до него добраться можно?

2-й матросъ. Къ разсвѣту, если только
буря стихнетъ.

Перикль.

Поѣдемъ въ Тарсъ. Клеона я увижу;
Съ младенцемъ мнѣ до Тира не доѣхать.
Его оставляю въ Тарсѣ: тамъ его
И вырастятъ, и вскормятъ превосходно.
Ступай же. Тѣло вынесу сейчасъ.

СЦЕНА II.

Эфесъ. Комната въ домѣ Церимона.

*Входятъ Церимонъ, слуга и нѣсколько
человѣкъ, что потерпѣли кораблекрушеніе.*

Церимонъ.

Эй, Филемонъ, сюда!

Филемонъ *(входя)*.

Меня позвалъ ты?

Церимонъ.

Немедленно ты разведи огонь
И накорми усталыхъ бѣдняковъ.
Всю эту ночь свирѣпствовала буря.

Слуга.

Я много буръ видалъ, но никогда
Такой не приходилось еще видѣть.

Церимонъ.

Твой господинъ свой вѣкъ окончить раньше,
Чѣмъ ты назадъ прійдешь. Я не могу
Ему помочь ничѣмъ *(Филемону)*.

Сходи въ аптеку

И мой рецептъ отдай; потомъ мнѣ скажешь
Какъ дѣйствуетъ лѣкарство на больного.
*Всѣ уходятъ, кромѣ Церимона. Входятъ
два господина.*

1-й господинъ.

Мое почтеніе.

2-й господинъ.

Здравствуй, Церимонъ!

Церимонъ.

Чуть брезжитъ свѣтъ, а вы ужъ поднялись!

1-й господинъ.

На самомъ берегу жилища наши;
Дома во время бури колыхались,
Какъ при землетрясеніи. Все дрожало;
Казалось намъ, они готовы рухнуть.
Лишь страхъ одинъ меня изъ дома выгналъ.

2-й господинъ.

Другой причины нѣтъ, что мы такъ рано
Тебя побезпокоили.

Церимонъ.
Нисколько!

1-й господинъ.

Я удивленъ, что ты одѣтъ съ зари
И ужъ стряхнулъ съ себя отдохновенья
Оковы золотыя. Странно мнѣ,
Что безъ причинъ себя тревожишь ты.

Церимонъ.

Всегда считалъ я знаніе и доблесть
Дарами, что гораздо драгоценнѣй,
Чѣмъ знатное рожденіе и богатство.
Растратить деньги, имя опозорить—
Распутному наслѣднику легко,
Тогда какъ добродѣтели и знанье
Къ безсмертію ведутъ и человѣка
Уподобляютъ Богу. Вамъ извѣстно,
Что жизнь я медицинѣ посвятилъ;
Я изучалъ по опыту и книгамъ
Науки этой тайны; я узналъ
Цѣлебныя особенности травъ,
Металловъ и камней и, изучивъ
Болезни, удручающія смертныхъ,
Врачую ихъ; я въ этомъ нахожу
Гораздо больше истиннаго счастья,
Чѣмъ въ суетныхъ отличьяхъ и въ погонѣ
За золотомъ, что смерть придетъ отнять.

2-й господинъ.

Ты по всему Эфесу расточалъ
Твои благодѣянія, и сотни
Тобою излѣченныхъ называютъ
Тебя своимъ спасителемъ. На помощь
Приходишь ты не только міромъ знаній
И личными трудами, но для бѣдныхъ
Всегда готовъ свой кошелекъ открыть.
Ты увѣнчалъ себя такою славой,
Что обезсмертилъ имя Церимона.

(Входятъ 2 или 3 служителя съ ящикомъ).

1-й служитель.

Поставь его сюда.

Церимонъ.
Что это?

1-й служитель.

Ящикъ,

Что выбросило море; надо думать,
Что съ корабля разбитаго онъ брошенъ.

Церимонъ.

Разсмотримъ ящикъ.

2-й господинъ.

Онъ похожъ на гробъ.

Церимонъ.

Что бъ ни былъ онъ, а все тяжело ужасно.
Немедленно мы вскрыть его должны.
Коль чрево моря золотомъ полно,
Недурно, что оно его извергло
На берегъ нашъ.

2-й господинъ.

Конечно.

Церимонъ.

Это ящикъ

Законопаченъ и облитъ смолой.
Ты говоришь, что выброшенъ онъ моремъ?

1-й служитель.

Онъ принесенъ огромною волной;
Я никогда такой еще не видѣлъ.

Церимонъ.

Съ него снимите крышку осторожно...
Какъ сладостно благоухаетъ онъ!

2-й господинъ.

Прекрасный запахъ.

Церимонъ.

Волны аромата

По воздуху несутся. Сбросьте крышку!
О, боги! трупъ я вижу.

1-й господинъ.

Просто чудо.

Церимонъ.

Завернуть онъ парчею драгоценной;
Бальзамами онъ облить и обложить
Мѣшками благовоній. Тутъ же свитокъ.
О, Аполлонъ, дай руку разобрать!

(Читаетъ свитокъ).

„Коль этотъ гробъ невидимой судьбою
На берегъ моря выброситъ волна,
Узнайте: въ немъ, утраченная мною,
Царемъ Перикломъ, милая жена.
Земля святой ея предайте тѣло;
Примите въ даръ, лежащій съ нею, кладъ,—
И пусть за это праведное дѣло
Стороною васъ боги наградятъ.“
Коль живъ Периклъ, его разбито сердце,
А это нынче ночью приключилось.

2-й господинъ.

Весьма возможно.

Церимонъ.

Да, сегодня ночью:
Взгляни, какъ ликъ ея красивъ и свѣжъ.
Ее поторопились бросить въ море.
Раздуй огонь и принеси сюда
Изъ кабинета ящики съ лѣкарствомъ.

(*Слуга уходитъ*).

Порою смерть на многіе часы
Природу подавляетъ, но случалось,
Что жизни духъ одерживалъ побѣду
И рвалъ оковы смерти. Слышалъ я
Разсказъ объ египтянкѣ, что лежала,
Какъ бы объята смертью, въ продолженіе
Восьми часовъ. Она затѣмъ воскресла,
Благодаря хорошему уходу.

(*Входитъ слуга съ ящиками, полотенцемъ и одеждою*).

Церимонъ.

Ну, вотъ бѣлье, а также и огонь;
У насъ здѣсь нѣтъ хорошихъ музыкантовъ,
Но пусть они играютъ. Дай мнѣ склянку,
Скорѣй, скорѣй! Пусть музыка играетъ;
Какъ можно больше воздуха ей надо!
Царица оживетъ—я въ томъ увѣренъ;
Она ужъ пробуждается, я слышу
Ея дыханіе теплое. Не больше
Пяти часовъ она лежитъ безъ чувствъ.—
И жизни цвѣтъ къ ней снова возвратился.

1-й господинъ.

Черезъ тебя свершилось это чудо—
И ты на вѣкъ свое прославилъ имя.

Церимонъ.

Она жива; опущенныя вѣжды,
Хранилища утраченныхъ Перикломъ
Сокровищъ, начинаютъ раздвигать
Бахромки золотыя—и алмазы,
Воды чистѣйшей, скоро засверкаютъ,
Чтобъ міръ обогатить своей красою.
Живи, цвѣтокъ роскошный, и разсказомъ
Объ участи своей чудесной
Заставь насъ плакать.

(*Она дѣлаетъ движеніе*).

Таиса.

Діана, гдѣ же я? Кто эти люди?
Гдѣ мой супругъ?

1-й господинъ.

Я изумленъ.

2-й господинъ.

Я тоже.

Церимонъ.

Прошу молчать, любезные сосѣди;
Перенести ее мнѣ помогите

Въ покой сосѣдній; дайте мнѣ бѣлья.
Съ ней обходиться надо осторожно,
А иначе ее погибель ждетъ;
О, Эскулапъ, приди ко мнѣ на помощь!
(*Уходятъ, унося Таису*).

СЦЕНА III.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ Периклъ, Клеонъ, Діонисса
и Лихорида съ Мориной на рукахъ.

Периклъ.

Клеонъ, я долженъ ѣхать: годъ прошелъ,
И въ Тиръ ненадежно. На прощанье
Сердечную признательность мою
Я выразить вамъ долженъ. У боговъ
Прошу я васъ всѣхъ лучшихъ въ мірѣ
благъ!

Клеонъ.

Тебя смертельно ранившія стрѣлы
Безжалостной судьбы—и насъ сразили.

Діонисса.

Я въ горѣ, что по волѣ злого рока
Прелестную царицу ты не могъ
Сюда привести, чтобъ мой утѣшить взоръ.

Периклъ.

Невольно покориться надо небу.
Когда я могъ ревѣть и волноваться,
Какъ море, гдѣ покоится она,
Все тщетными остались бы усилія
Перемѣнить рѣшенія судьбы.
Я поручаю вашей добротѣ
Мою малютку милую, Морину.
Такое имя мною ей дано,
Такъ какъ она на морѣ родилась.
Ее заботамъ вашимъ довѣряя,
Прошу ее по-царски воспитать,
Какъ требуетъ того ея рожденіе.

Клеонъ.

Объ этомъ, государь, не безпокойся!
Мою страну ты спасъ своимъ зерномъ,
За что народъ тебя доселѣ славить;
Мы доказать съумѣемъ благодарность
И дочери твоей. Когда бъ я могъ
Къ ней отнестись съ позорнымъ равно-
душьемъ,
Народъ, тобой спасенный, заклеилъ бы
Мою неблагодарность. Если только
Нуждаюсь я въ подобномъ побужденіи,
Да разразятъ меня за это боги,
Моихъ дѣтей и все мое потомство!

ЦЕРИМОНЪ ЧИТАЕТЪ ГРАМОТУ ПЕРИКЛА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Периклъ.

Тебѣ я вѣрю. Честь твоя и доблесть
Безъ клятвъ—порукой въ томъ. Клянусь
Діаной,

Которую мы чествуемъ и славимъ,
Что ножницы моихъ волосъ не тронутъ,
Пока не выйдетъ замужъ дочь моя,
Хотя бъ и зло могли увидѣть въ этомъ.
Затѣмъ прощаюсь съ вами. Діонисса,
Надѣюсь, что меня ты осчастлививишь,
Заботливо малютку возвращая.

Діонисса.

И у меня есть дочь, ее любить
Не буду больше я, чѣмъ дочь твою.

Периклъ.

Въ моихъ мольбахъ тебя я не забуду.

Клеонъ.

До берега тебя проводимъ мы
И тамъ твою судьбу Нептуну ввѣримъ,
Прося его защиты и покрова.

Перикль.
 Я принимаю ваше предложенье;
 Пора идти. Не плачь, о, Лихорида;
 Съ любовью ты малютку охраняй;
 Твоихъ услугъ она не позабудетъ,
 Когда большая станетъ. Время ѣхать!
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Эфесъ; комната въ домѣ Церимона.

Входятъ Церимонъ и Таиса.

Церимонъ.
 Съ тобой въ гробу сокровища лежали:
 Они твои; письмо нашелъ я также.
 Не знаешь ли, кѣмъ писано оно?

Таиса.
 Моимъ супругомъ. Помню хорошо,

Что на корабль беременной я сѣла;
 Но не могу навѣрное сказать,
 Клянусь богами, тамъ ли разрѣшилась.
 Увы! Перикла вновь я не увижу,
 Любимаго супруга моего.
 И потому одѣнусь я весталкой
 И откажусь отъ радостей земныхъ.

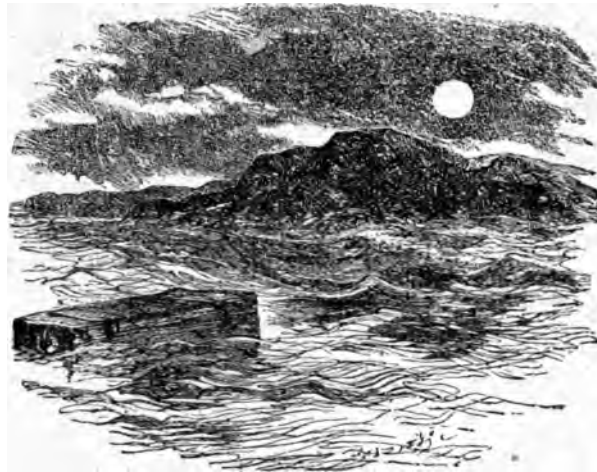
Церимонъ.

Царица, если такъ рѣшила ты,
 Недалеко отсюда храмъ Діаны,
 Гдѣ можешь поселиться навсегда.
 Коль хочешь, я племянницу свою
 Тебѣ пришлю, чтобъ за тобой ходила.

Таиса.

Могу лишь благодарностью платить
 За щедрыя твои благодарья:
 Утративъ все, дарю одни желанья.

(Уходятъ).

Рисовка Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входитъ Говерь.

Периклъ безъ бѣды пріѣхалъ въ Тиръ;
 Тамъ онъ нашелъ любовь и миръ;
 Убѣжищемъ Діаны храмъ
 Его жена избрала. Тамъ.
 Она, убитая тоской,
 Живетъ. Къ Моринѣ молодой
 Вернемся въ Тарсъ. Красы полна,
 Собою плѣняетъ всѣхъ она;
 Ее встрѣчаетъ хоръ похвалъ;
 Ее на славу воспиталъ
 Клеонъ; но зависть бдитъ въ тѣни,
 Ея пресѣчь желая дни.
 У Діониссы дочь растеть;
 Она во всемъ примѣръ беретъ
 Съ Морины; ловкостью своей
 Она сравнится хочеть съ ней;
 Но это тщетная мечта:
 Ей Филотена не чета.
 Во всемъ Морина верхъ беретъ,
 Коль шелкъ она порой плететь
 Рукою, что бѣла какъ снѣгъ,—
 Ея работа лучше всѣхъ;
 Иглою ли ранить полотно,
 Плотнѣй становится оно;
 Поетъ ли съ лютнею своей,
 Въ лѣсу смолкаетъ соловей;
 Діанѣ пишетъ ли привѣтъ—
 И въ этомъ ей соперницъ нѣтъ,
 Голубка Пафоса бѣла;
 Ужель сравнится бѣ съ ней могла
 Ворона? Такъ Клеона дочь
 Съ Мориной точно день и ночь.
 Хвалы, какъ долгъ, а не какъ даръ,
 Моринѣ шлются. Злой ударъ
 Готовитъ Діонисса ей,
 Чтобы она красой своей—
 Не затемняла дочь. И вотъ
 Ее убійца стережетъ.
 Въ живыхъ ужъ Лихориды нѣтъ—
 И легче скрыть убійства слѣдъ.
 Года летятъ; въ хромыхъ стихахъ
 Я разсказалъ вамъ о дѣлахъ
 Минувшихъ лѣтъ, Когда бѣ со мной
 Вы не пошли одной тропой,
 Затмится могъ бы мой разсказъ.
 Пора мнѣ вновь покинуть васъ;
 Вотъ Діонисса; рядомъ съ ней
 Стоитъ подкупленный злодѣй.
 Оставляю васъ: чрезъ представленье
 Узнать должны вы продолженье. (*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Тарсъ. Берегъ моря.

Входятъ Діонисса и Леонинъ.

Діонисса.

Давъ клятву, ты ее исполнить долженъ;
 Никто не будетъ вѣдать объ убійствѣ;
 Свершивъ его, обогатишься разомъ;
 Отбрось совѣты совѣсти холодной,
 Которая разнѣжитъ можетъ сердце,
 Въ него любовь вливая. Состраданью
 Вели молчать; оно, какъ это видишь,
 Отвергнуто и женщиной. Будь твердъ
 И доверши задуманное дѣло.

Леонинъ.

Я буду твердъ, но все жъ она прекрасна.

Діонисса.

Тѣмъ болѣе она боговъ достойна.
 Она сюда свой направляетъ путь,
 Оплакивая смерть любимой няни.
 Рѣшился ль на убійство?

Леонинъ.

Да, рѣшился.

Входитъ Морина съ корзиною цвѣтовъ.

Морина.

Я Теллу обездолю, чтобы цвѣтами
 Покрыть твою могилу. Какъ ковромъ,
 Все лѣто застилать ее я буду
 Цвѣтами желтыми и голубыми,
 Фіалками и ноготками. О, горе мнѣ,
 Несчастной дѣвѣ! Въ бурю родилась я,
 Въ тотъ часъ, когда моя скончалась мать,—
 И съ дня рожденья только бури вижу,
 Что отъ меня друзей моихъ уносятъ.

Діонисса.

Что жъ ты одна, Морина? Какъ случилось,
 Что нѣтъ съ тобою дочери моей?
 Не изнуряй себя напраснымъ горемъ;
 Я няню замѣню тебѣ вполнѣ.
 О, боги, какъ лицо твое поблекло
 Отъ скорби безполезной! Дай цвѣты;
 Отъ волнъ морскихъ они увянутъ скоро.
 Здѣсь воздухъ свѣжъ. Ты можешь съ Лео-
 нининомъ

По берегу пройтись. Тебя прогулка
 Навѣрно освѣжитъ. (*Леонину*).

Дай руку ей

И съ нею погуляй.

Морина.
Я не хочу
Лишить тебя служителя.

Діонисса.
Ты знаешь, что тебя и твоего отца
Люблю я, какъ родныхъ. Онъ скоро будетъ
И, коль свое сокровище найдетъ
Увявшимъ и больнымъ, жалѣть онъ станетъ,
Что долго такъ отсутствовалъ. На насъ
Вознегодуетъ онъ за то, что мы
Не сберегли тебя. Пройдись немного
И прежнюю веселость не теряй;
Старайся сохранить свою красу,
Что стариковъ и юношей плѣняетъ.
Прошу, не безпокойся обо мнѣ:
Я и одна могу домой вернуться.

Морина.
Изволь, я погуляю, если хочешь;
Но этого совсѣмъ я не желаю.

Діонисса.
Тебѣ прогулка пользу принесетъ. *(Леонину)*.
Не меньше получаса съ ней гуляй
И не забудь, что я тебѣ сказала.

Леонинъ.
Не безпокойся, я приказъ исполню.

Діонисса.
Тебя я оставляю не надолго;
Не утомляй себя ходьбою быстрой:
Вѣдь, о тебѣ заботиться должна я.

Морина.
Благодарю. *(Діонисса уходитъ)*.

Не западный ли вѣтеръ
Здѣсь дуетъ?

Леонинъ.
Юго-западный.

Морина.
Когда
Я родилась, онъ съ сѣвера стремился.

Леонинъ.
Какъ это знать ты можешь?

Морина.
По рассказамъ
Моей старухи-няни. Мой отецъ,
Отваги полнъ, одушевлялъ матросовъ
Своимъ примѣромъ. Царственные руки
Онъ не жалѣлъ, канаты натягая.
Держась за мачту, съ моремъ онъ боролся,
Что палубу почти совсѣмъ разбило.

Леонинъ.
Когда жъ случались то?

Морина.
Какъ родилась я;
Ужасная свирѣпствовала буря.
Матроса, что справлялся съ парусами,
Снесло волною въ море. Всѣ смутились
И бросились къ кормѣ, покинувъ снасти.
Одинъ свисталъ; другой кричалъ безъ цѣли—
И всѣ пришли въ смятеніе.

Леонинъ.
Брось рассказъ;
Читай свои молитвы.

Морина.
Что жъ ты хочешь?

Леонинъ.
Я помолиться время дамъ тебѣ.
Но торопись. Тебя услышатъ боги;
Я жъ поклялся съ тобой мгновенно кон-
чить!...

Морина.
Зачѣмъ меня ты хочешь умертвить?

Леонинъ.
Я госпожи своей исполню волю.

Морина.
Скажи, зачѣмъ нужна ей смерть моя?
Клянусь, я никогда не оскорбляла
Ея ничѣмъ, ей угождать стараясь.
Ни одному живому существу
Я въ жизни зла не дѣлала. Повѣрь—
Ни мыши я, ни мухи не убила,
И если разъ я раздавила червя,
То плакала о томъ. Какой обидой
Могла я заслужить ея вражду?
Чѣмъ смерть моя ей можетъ быть полезна
И жизнь моя опасна?

Леонинъ.
Разсужденій
Не требуютъ моихъ; лишь приказанье
Исполнить долженъ я.

Морина.
О, невозможно,
Чтобъ ты его исполнилъ. По глазамъ
Я вижу, что ты добрый человѣкъ;
Недавно, объ опасности забывъ
И ранамъ подвергаясь, рознялъ ты
Двухъ дравшихся. То было благородно.
Ты и теперь не иначе поступишь.
Коль Діонисса мнѣ сулитъ погибель,

ОДЕЖДЫ ГРЕЧАНОКЪ.

(Античныя статуэтки изъ Танагры).

Стань между ней и мной и пощади
Слабѣйшую изъ двухъ.

Леонинъ.

Я клятву далъ
И въ жертву принести тебя я долженъ.
(Бросается на нее).

Входятъ пираты.

1-й пиратъ. Остановись, негодяй!
(Леонинъ убѣгаетъ).

2-й пиратъ. Добыча! добыча!

3-й пиратъ. Раздѣлимъ ее пополамъ,
друзья, пополамъ. Тащи ее немедленно на
судно.

(Пираты уходятъ съ Мориной).

СЦЕНА II.

Леонинъ (входитъ).

Леонинъ.

Разбойники похитили Морину;
Они изъ шайки грознаго Вальдеса.

Желаю ей счастливаго пути.

Она ужъ не вернется. Поклянусь,
Что я ее убилъ и въ море бросилъ;
Но подождать я долженъ: можетъ быть,
Они хотятъ потѣшиться лишь ею
И не возьмутъ съ собой. Когда вернется,
Похищенную мнѣ убить придется.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Митилены. Комната въ публичномъ домѣ.

Входятъ Пандеръ, сводня и Бультъ.

Пандеръ. Бультъ!

Бультъ. Что прикажете, хозяинъ?

Пандеръ. Поищи ты на рынкѣ товара.
Митилены полны веселыхъ людей; мы и
такъ уже много потеряли денегъ, очутив-
шись во время ярмарки безъ женщинъ.

Сводня. Никогда еще не было у насъ
такой бѣдности. Остались только три жал-

кія твари, и онѣ выбиваются изъ силъ, отъ непрерывной работы онѣ совсѣмъ сгнили.

Пандеръ. Необходимо поэтому достать новыхъ, сколько бы ни пришлось заплатить за нихъ. Во всякомъ дѣлѣ нужно быть добросовѣстнымъ, а то никогда не процвѣтешь.

Сводня. Ты правду сказалъ: вѣдь не взращиваніемъ же бѣдныхъ подкидышей—а я ихъ воспитала штукъ одиннадцать дѣвчонокъ.

Бультъ. Да, лѣтъ до одиннадцати вы ихъ растили, чтобы потомъ ихъ губить. Чтоже, пойти поискать?

Сводня. Конечно. Вѣдь та дрянь, что у насъ есть, свалится отъ перваго сильного вѣтра, до того всѣ онѣ больны.

Пандеръ. Да, правда, онѣ слишкомъ ненадежны, говоря по совѣсти. Бѣдная венгерка, родившая ребенка, вѣдь умерла.

Бультъ. И ребенка спроводила до того, сдѣлала его жаркимъ для червей. Пойду-ка я за товаромъ (*Уходитъ*).

Пандеръ. Хорошо бы имѣть тысячи три-четыре цехиновъ, жить спокойно и бросить дѣло.

Сводня. Зачѣмъ же бросать, скажи на милость? Стыдно, что ли, получать доходы на старости лѣтъ?

Пандеръ. Добрая слава не проходитъ вмѣстѣ съ доходами, да и доходовъ меньше чѣмъ непріятностей: хорошо бы скопить, пока мы молоды, состояннице и закрыть двери на запоры. Къ тому же мы въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ богами изъ-за нашихъ занятій, и это достаточная причина, чтобы поскорѣе уйти отъ дѣла.

Сводня. Ну вотъ еще! Во всякомъ дѣлѣ люди грѣшатъ.

Пандеръ. Конечно, но мы больше, чѣмъ кто либо. Да наши занятія нельзя назвать дѣломъ,—это совсѣмъ не профессія. Но вотъ и Бультъ вернулся.

Входитъ Бультъ, пираты и Морина.

Бультъ (*Моринѣ*). Иди-ка сюда. Вы, господа, говорите, что она дѣвственница?

І-й пиратъ. Мы въ этомъ не сомнѣваемся.

Бультъ. Хозяинъ, вотъ что я раздобылъ. Если она вамъ понравится, отлично; если нѣтъ, я потерялъ задатокъ, который далъ за нее.

Пандеръ. Бультъ, обладаетъ ли она какиминибудь талантами?

Бультъ. У нея красивое лицо, она хорошо говорить и отлично одѣта—какихъ тамъ еще талантовъ спрашивать?

Сводня. А сколько за нее требуютъ?

Бультъ. Меньше чѣмъ за тычачу: никакъ не уступаютъ.

Пандеръ. Ну, хорошо, господа, пойдемте со мной, я сейчасъ же вамъ уплачу деньги. Жена, возьми ее къ себѣ, объясни ей ея обязанности, научи ее быть обходительной съ гостями.

(*Пандеръ и пираты уходятъ*).

Сводня. Бультъ, запомни ея примѣты, цвѣтъ волосъ, ростъ, цвѣтъ лица, возрастъ, напиши ручательство въ дѣвственности и объяви аукціонъ; кричи: „кто больше всѣхъ дастъ, тому она достанется первому“. За такую дѣвственность прежде дорого платили, когда мужчины были не чета теперешнимъ. Исполни все въ точности.

Бультъ. Все будетъ сдѣлано согласно вашему приказанію. (*Уходитъ*).

Морина. Горе мнѣ! Почему Леонинъ такъ медлилъ, почему не сразу убилъ меня, а разговаривалъ? Или почему пираты не были достаточно жестокими и не бросили меня за бортъ искать мою мать на днѣ морскомъ?

Сводня. О чемъ печалишься, красотка?

Морина. О томъ, что я красива.

Сводня. Напрасно, боги надѣлили тебя многими дарами.

Морина. Я ихъ и не обвиняю.

Сводня. Ты попала въ мои руки, и твоя жизнь спасена.

Морина. Въ томъ то и горе мое, что я избѣгла смерти.

Сводня. Ты будешь жить въ довольствѣ и радости.

Морина. Нѣтъ.

Сводня. Говорю тебѣ, что тебѣ будетъ хорошо, ты отвѣдаешь самыхъ разныхъ господъ. Заживешь отлично—разнообразія будетъ сколько угодно. Почему ты затыкаешь уши?

Морина. Вы жейщина?

Сводня. А чѣмъ бы ты хотѣла, чтобы я была?

Морина. Или честной женщиной, или совсѣмъ не женщиной.

Сводня. Да, ну тебя, дурочка! Придется, кажется, еще повозиться съ тобой. Образумься, ты еще совсѣмъ молодая лоза и будешь гнуться, какъ я захочу.

Морина. Да защитятъ меня боги!

Сводня. Если боги защитятъ тебя при посредствѣ людей, то нужно, чтобы нашелся человѣкъ, или нѣсколько человѣкъ, которые бы утѣшили тебя, кормили тебя,

растормошили тебя. А вотъ и Бультъ вернулся.

(*Входитъ Бультъ*).

Сводня. Ну что, объявилъ ты на площади о ней?

Бультъ. Я обо всемъ раструбилъ, чуть ли не каждый ея волосокъ перечислилъ, нарисовалъ полный ея портретъ словами.

Сводня. Ну и чтожъ, какъ къ этому отнеслась публика, въ особенности молодежь?

Бультъ. Они слушали съ такимъ вниманіемъ, точно имъ читали завѣщаніе ихъ отца. У одного испанца прямо таки слюнки потекли, и онъ пошелъ лечь въ постель отъ одного только описанія.

Сводня. Онъ навѣрное явится завтра къ намъ разряженный.

Бультъ. Еще сегодня вечеромъ онъ будетъ здѣсь. А вѣдь вы знаете, хозяйка, француза, который трясется когда ходитъ?

Сводня. О комъ ты говоришь, о monsieur Veroles?

Бультъ. Ну да. Онъ хотѣлъ подскочить отъ радости, слушая мое описаніе,—но только застоналъ отъ боли и поклялся, что придетъ посмотреть ее завтра.

Сводня. Отлично. Что касается его, то онъ принесетъ уже съ собой болѣзнь и здѣсь только возобновитъ ее. Я знаю, онъ прячется сначала въ тѣнь нашего дома, а потомъ показываетъ на солнцѣ свою лысину.

Бультъ. Если бы сюда собрались пріѣзжіе со всѣхъ странъ, они охотно бы поселились въ гостиницѣ подъ такой вывѣской, какъ эта дѣвушка.

Сводня (*Моринѣ*). Подойди ко мнѣ, пожалуйста. Тебя ожидаетъ счастье. Но помни: ты должна дѣлать видъ, что не согласна на то, что въ дѣйствительности готова сдѣлать, должна казаться безкорыстной, чтобы тѣмъ вѣрнѣе нажитья. Плачась на свою жизнь здѣсь, ты возбудишь жалость въ любовникахъ, а жалость порождаетъ доброе отношеніе, что составляетъ прямую выгоду.

Морина. Я васъ не понимаю.

Бультъ. Объясните ей все хорошенько, хозяйка. Эту краску стыда нужно согнать съ ея лица привычкой къ дѣлу.

Сводня. Ты правъ, такъ оно и будетъ. Вѣдь даже новобрачны стыдятся сначала того, на что имѣютъ законное право.

Бультъ. Иныя стыдятся, иныя нѣтъ. Но послушайте, хозяйка, я ходилъ на рынокъ за жаркимъ...

Сводня. Можешь отрѣзать себѣ кусокъ съ вертела.

Бультъ. Могу?

Сводня. Какъ тебѣ въ этомъ отказать? Идемъ, дѣвочка. Мнѣ нравится твоя одежда!

Бультъ. Нечего еще мѣнять ее.

Сводня. Бультъ, разгласи по всему городу о нашемъ новомъ пріобрѣтеніи. Тебѣ же будетъ лучше отъ наплыва почитателей. Когда природа создала эту дѣвушку, она старалась о твоей выгодѣ. Поэтому расхвали ее какъ можно больше и ты пожнешь плоды своихъ стараній.

Бультъ. Ручаюсь вамъ, хозяйка, что громъ такъ не разбудитъ спящихъ угрей, какъ мои описанія ея красоты взволнуютъ распутниковъ. Я сегодня приведу нѣсколькихъ.

Сводня. Ступай. А ты иди за мной.

Морина.

Будь жгучь—огонь, сталь—острой, дно—глубокимъ,

Свой дѣвственный я поясъ сохраняю.

И будь мнѣ въ томъ помощницей, Діана!

Сводня. Что у насъ общаго съ Діаной? Пожалуйста, иди за мной. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ Клеонъ и Діонисса.

Діонисса. Что сдѣлано, то сдѣлано. Напрасно выходишь изъ себя.

Клеонъ.

О, Діонисса,

Ни солнце, ни луна еще досель

Такого злодѣянья не видали.

Діонисса.

Ты, кажется, выпадаешь снова въ дѣтство.

Клеонъ.

Владѣй я цѣлымъ міромъ, я бы отдалъ Вселенную, чтобъ только уничтожить Ужасное злодѣйство. О, Морина, Ты чудной добродѣтелью своей Рожденіе превышала, хоть оно Ни одному царю не уступало. Жена, ты Леонина отравила; Какъ жаль, что съ нимъ не выпила ты яда! Достойную ты казнь бы понесла, Что скажешь благородному Периклу, Когда онъ дочь потребуетъ свою?

Діонисса.

Скажу ему, что умерла она.
Вѣдь парки не приставлены, какъ няньки,
Чтобъ смертныхъ охранять. Скажу, что
ночью

Она скончалась. Кто жъ опроверженъ
Мнѣ можетъ дать, коль самъ не прокричишь,
Желая добродѣтельнымъ прослыть,
Что вѣкъ ея убійство прекратило?

Клеонъ.

Ты совершила страшное злодѣйство.
Его ужаснѣй нѣтъ.

Діонисса.

Коль хочешь, думай,
Что птички Тарса выпорхнутъ отсюда,
Чтобъ обо всемъ Периклу рассказать.
Позоришь ты свое происхожденъе
Подобнымъ малодушьемъ.

Клеонъ.

Гнусенъ тотъ,
Кто можетъ одобрять злодѣйство это,
Хотя бы въ немъ не принималъ участъя.

Діонисса.

По твоему пусть будетъ; но никто
Съ тѣхъ поръ, какъ Леонинъ окончилъ дни,
Не знаетъ и не можетъ даже знать,
Какъ умерла она! На дочь мою
Она съ пренебреженіемъ глядѣла
И между ней и счастьемъ становилась.
Никто на Филотену не смотрѣлъ;
Всѣ взоры на Морину обращались,
И наша дочь во мракъ обрѣталась,
Какъ истуканъ, не стоящій вниманья.
Меня только это—и, хотъ ты,
Не любящій ребенка своего,
Считаешь и чудовищнымъ, и гнуснымъ
Поступокъ мой,—его я совершила,
Лишь дочь свою единую любя.

Клеонъ.

О, да простятъ тебѣ убійство боги!

Діонисса.

Периклу никогда о немъ не вѣдать.
Мы плакали, ее сопровождая
Къ послѣдному жилищу; мы донинѣ
По ней все носимъ трауръ; скоро будетъ
Готовъ ея надгробный монументъ;
Онъ говоритъ словами золотыми,
Блестящей эпитафіей о томъ,
Какъ много въ ней скрывалось рѣдкихъ
качествъ;

А также о заботливости нашей,
Воздвигнувшей ей памятникъ богатый.

Клеонъ.

Ты съ Гарпіей сходна; она плѣняетъ
Лицомъ, достойнымъ ангела, въ то время,
Какъ сердце рветъ орлиными когтями.

Діонисса.

А ты похожъ на тѣхъ, что слезно ропщутъ
На то, что мухъ во время стужи нѣтъ;
Я знаю—ты исполнишь мой совѣтъ.

(Уходятъ).

Входитъ Говерь.

(Памятникъ Морины въ Тарсѣ).

Говерь.

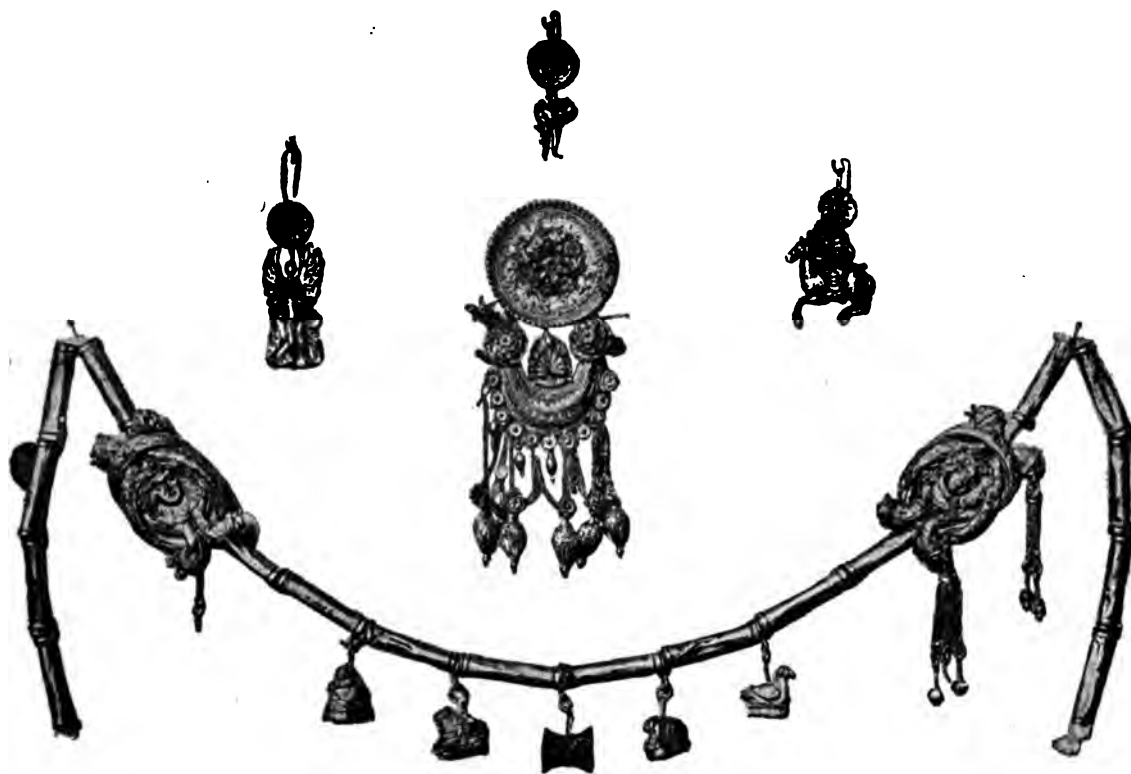
Мы укрощаемъ времени течение;
Моря переплываемъ мы порой
И часто, на крылахъ воображенья,
Изъ края одного летимъ въ другой.
Я васъ водилъ по разнымъ странамъ свѣта,
Но все одинъ языкъ употреблялъ;
Въ томъ нѣтъ бѣды, и вы простите это,
Чтобъ начатый рассказъ я продолжалъ.
Покинувъ Тиръ, Периклъ пустился въ море,
Сановниками, свитой окруженъ;
Ничѣмъ не можетъ онъ утѣшить горе
И вотъ—увидѣть дочь желаетъ онъ.
Старикъ Эсканъ правителемъ остался;
Съ Перикломъ же поѣхалъ Геликанъ;
Корабль летитъ: попутный вѣтръ поднялся
И ихъ несетъ подъ небо дальнихъ странъ.
Предъ ними Тарсъ; оконченъ путь далекій;
Царь хочетъ взять съ собою дочь свою,—
Но ужъ ее сразилъ ударъ жестокий.
Я ихъ на мигъ, какъ тѣни, вамъ явлю.

ПАНТОМИМА:

Съ одной стороны входитъ Периклъ со свитой: съ другой Клеонъ и Діонисса. Клеонъ показываетъ Периклу памятникъ Морины. Периклъ выражаетъ глубокую скорбь, надѣваетъ траурное платьѣ и уны- жаетъ, сраженный горемъ.

Говерь.

Обманъ и ложь отъ честныхъ взоровъ скрыты;
Не уличить притворную печаль!
Периклъ всему повѣрилъ и, убитый
Отчаяньемъ, свой путь направилъ въ даль.
Въ его душѣ не свѣтитъ лучъ надежды;
Онъ поклялся не стричъ своихъ волосъ,
Не мыть лица и траурной одежды
Не покидать: его корабль понесъ
Въ обратный путь; вскипѣли вновь пучины;
Но спасся царь. Теперь прошу—со мной
Прочтите эпитафію Морины,

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЯ ЖЕНСКІЯ УКРАШЕНЬЯ.

Древности С.-Петербургскаго Эрмитажа. («Художественныя Сокровища Россіи»).

Произведеніе Діониссы злой:

(Читаетъ надпись на памятникъ Морины).

„Морина здѣсь лежитъ, принцесса Тира;
Ее сгубила смерть во цвѣтѣ лѣтъ.
Сливались въ ней всѣ совершенства міра;
Подобной ей и не было и нѣтъ.
Θетидѣ, возгордѣвъ ея рожденьемъ,
Край свѣта поглотить дала волнамъ;
Чтобъ вновь не подвергаться наводненьямъ,
Земля ее вернула небесамъ;
На землю разсердясь, въ порывѣ горя,
Θетидѣ поклялась за дочь отмстить;
Съ тѣхъ поръ она кремнистый берегъ моря
Старается волнами затопить“.
Коварству часто лести оплотомъ служить.
Периклъ несется вдаль, судьбой гонимъ;
О дочери все плачетъ онъ и тужить;
На время мы должны разстаться съ нимъ.
Познавъ судьбы печальныя измѣны,
Въ невоѣ тяжкой дочь его живетъ.
Судьба ея ужасна. Въ Митилены,
Чтобъ съ ней побыть, направимъ свой по-
летъ. (Уходитъ).

СЦЕНА V.

Митилены. Улица передъ публичнымъ домомъ.

Изъ публичнаго дома выходятъ два господа.

1-ый господинъ. Слыхали ли вы что нибудь подобное?

2-ой господинъ. Нѣтъ, и никогда не услышу въ такомъ мѣстѣ, когда ея тамъ не будетъ.

1-ый господинъ. Говорить о религіи въ такомъ домѣ? Могло ли это присниться?

2-ой господинъ. Нѣтъ, нѣтъ. Надоѣли мнѣ притоны разврата. Ужъ не пойти ли лучше послушать пѣніе весталокъ?

1-ый господинъ. Я теперь способенъ на все добродѣтельное и навсегда потерялъ охоту къ распутству.

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Комната въ публичномъ домѣ.

Входятъ Пандеръ, сводня и Бультъ.

Пандеръ. Я былъ бы радъ заплатить вдвое противъ того, что она стоила, лишь бы ее здѣсь никогда не было.

Сводня. Негодяйка! Она можетъ заледенить самого бога Пріапа и помѣшать появленію на свѣтъ цѣлаго поколѣнія! Нужно или лишить ее невинности, или избавиться отъ нея. вмѣсто того, чтобы угождать кліентамъ и исполнять свои обязанности, она принимается за свои выходы, за разсужденія, убѣжденія, молитвы, становится на колѣни; она самого черта превратила бы въ пуританина, если бы онъ вздумалъ покупать у нея поцѣлуй.

Бультъ. Я непременно лишу ее невинности, а то она отвадитъ отъ насъ всѣхъ гостей и превратитъ всѣхъ нечестивцевъ въ священниковъ.

Пандеръ. Чума срази ее за ея отвращеніе ко мнѣ!

Сводня. Конечно, ничѣмъ инымъ не избавиться отъ нея, какъ наславъ на нее скверную болѣзнь. Вотъ идетъ Лизимахъ, переодѣтый.

Бультъ. У насъ толпились бы и знатные, и простые люди, если бы эта упрямая тварь уступала желаніямъ гостей.

Входитъ Лизимахъ.

Лизимахъ. Ну что, почему дюжина невинностей?

Сводня. Благослови Господь вашу милость!

Бультъ. Я радъ видѣть вашу милость въ добромъ здравіи.

Лизимахъ. Ты и долженъ радоваться. Для тебя выгодно, чтобы ваши посѣтители были здоровы. Скажи ка, нечестивецъ, найдется у тебя такая, съ которой можно было бы имѣть дѣло, не обращаясь послѣ того къ врачу?

Сводня. Есть у насъ одна, ваша милость, если бы только она согласилась—но въ Митиленахъ никогда еще не бывало подобнаго ей созданія.

Лизимахъ. Ты хочешь сказать, если бы она согласилась продѣлать то, что дѣлается въ темнотѣ?

Сводня. Ваша милость хорошо знаетъ, о чемъ я говорю.

Лизимахъ. Ну, позови ее, позови.

Бультъ. Что касается ея лица, то это

кровь съ молокомъ; вы увидите настоящую розу и она была бы дѣйствительно розой, если бы ее только...

Лизимахъ. Что именно?

Бультъ. О, ваша милость, я умѣю быть скромнымъ.

Лизимахъ. Скромность дѣлаетъ честь и своднику, такъ же какъ репутація цѣломудрія красить всякаго человѣка.

Входитъ Морина.

Сводня. Вотъ та, которая цвѣтетъ какъ роза на стеблѣ; она еще никѣмъ не сорвана, ручаюсь за это. Ну что, развѣ она не хороша собой?

Лизимахъ. Да, ею можно было бы удовольствоваться послѣ долгаго морского плаванія. Вотъ возьми (*даетъ деньги*) и оставь насъ наединѣ.

Сводня. Умоляю вашу милость, позвольте мнѣ сказать ей еще пару словъ.

Лизимахъ. Пожалуйста.

Сводня (*Моринѣ*). Прежде всего помни, что это почтенный человѣкъ.

Морина. Я бы очень хотѣла, чтобы онъ оказался таковымъ, и чтобы я могла уважать его.

Сводня. Затѣмъ, онъ правитель края, и я отъ него въ зависимости.

Морина. Если онъ управляетъ городомъ, вы конечно зависите отъ него, но насколько почтенна для него ваша зависимость, я не знаю.

Сводня. Пожалуйста, безъ цѣломудренныхъ отвѣдовъ. Будешь ты съ нимъ любезна? Онъ насыпетъ тебѣ полный пердникъ золота.

Морина. Все, что онъ даетъ изъ милости, я приму съ благодарностью.

Лизимахъ. Кончили вы ваши разговоры?

Сводня. Она еще не вышколена, ваша милость; вамъ придется еще потрудиться, чтобы приручить ее. Идемъ, оставимъ его милость наединѣ съ нею.

Лизимахъ. Отправляйтесь. (*Уходятъ сводня, Пандеръ и Бультъ*). Скажи мнѣ, красотка, съ которыхъ поръ ты занимаешься этимъ ремесломъ?

Морина. Какимъ ремесломъ?

Лизимахъ. Я не могу назвать его, не обидѣвъ тебя.

Морина. Меня нельзя обидѣть, назвавъ мое ремесло. Пожалуйста назовите.

Лизимахъ. Съ какихъ поръ ты занялась этой профессіей?

Морина. Съ тѣхъ поръ какъ себя помню.

Лизимахъ. Какъ, такъ рано? Неужели

ты пошаливала уже въ пять лѣтъ, или въ семь?

Морина. Еще ранѣе, если можно сказать, что я это дѣлаю теперь.

Лизимахъ. Однако домъ, въ которомъ ты живешь, свидѣлствуетъ о томъ, что ты продажное созданіе.

Морина. Какъ, вы знаете, что этотъ домъ таковъ, и приходите сюда? А мнѣ сказали, что вы почтенный человѣкъ и правитель края?

Лизимахъ. Развѣ твоя хозяйка открыла тебѣ, кто я?

Морина. Кто моя хозяйка?

Лизимахъ. Да вотъ эта продавщица овощей, которая съѣтъ зерна позора и зла. А, такъ тебѣ сказали о томъ, какой я обремененъ властью, и ты уклоняешься, ожидая болѣе настоячивыхъ убѣжденій. Но общаю тебѣ, красotka, что я не отнесусь къ тебѣ какъ начальникъ, или во всякомъ случаѣ буду милостивымъ начальникомъ. Пойдемъ, уведи меня въ какой-нибудь укромный уголокъ: идемъ, идемъ!

Морина.

Коль скоро честь вамъ врождена—явите Ее теперь, когда жъ ее вы сами Пріобрѣли—постановите судъ, Достойный васъ.

Лизимахъ. Что? что? Еще помудрствуй.

Морина.

Я дѣвушка, хотя судьбой жестокой
Заброшена я въ этотъ хлѣвъ свиной,
Гдѣ съ той поры, какъ я пришла—дороже
Оплачены болѣзни, чѣмъ лѣкарства.
Когда бъ меня освободили боги,
Въ ничтожнѣйшую пташку превративъ,
Что рѣшетъ въ чистомъ воздухѣ!

Лизимахъ.

Не думалъ,
Чтобъ говорить такъ складно ты могла.
Приди сюда я съ сердцемъ развращеннымъ,
Его ты измѣнила бы. Возьми,
Вотъ золото. Иди путемъ достойнымъ
И впредь; тебя пусть боги подкрѣпятъ!

Морина.

Да сохранятьъ васъ боги!

Лизимахъ.

Знай, безъ злого
Я умысла пришелъ. По мнѣ и дверь
И окна здѣсь имѣютъ гнусный запахъ.
Прости. Ты добродѣтельна, и вѣрю,
Воспитана была ты благородно.

Вотъ золото еще. Клянусь того—
Пускай умретъ онъ воромъ—кто похититъ
Добро твое. И если вновь услышишь
Ты обо мнѣ, то къ благу для себя.

Бульть (возвращается).

Бульть. Пожалуйста, ваша милость и мнѣ дайте одинъ золотой.

Лизимахъ. Прочь, гнусный привратникъ. Вашъ домъ, если бы его не охраняло присутствіе этой дѣвственницы, провалился бы и раздавилъ васъ подъ своими развалинами. Прочь! (Уходитъ).

Бульть. Это что такое? Мы должны по иному справиться съ тобой. Если твое упрямое цѣломудріе, которое не стоитъ и завтрака въ самой дешевой странѣ на свѣтѣ, погубитъ цѣлую семью, то пусть меня выхолостятъ какъ щенка. Иди за мной.

Морина. Что тебѣ отъ меня нужно?

Бульть. Я долженъ лишить тебя невинности, или придется поручить это палачу. Идемъ. Больше ты не будешь отваживать нашихъ гостей. Идемъ, говорю тебѣ.

Сводня (возвращается).

Сводня. Что случилось? въ чемъ дѣло?
Бульть. Частъ отъ часу не легче. Она наговорила святыхъ словъ Лизимаху.

Сводня. Какая мерзость!

Бульть. Она трубитъ о зловоніи нашей профессіи передъ лицомъ боговъ.

Сводня. Повѣситъ бы ее за это!

Бульть. Правитель обошелся бы съ ней какъ подобаетъ знатному господину, а она выпроводила его холоднымъ какъ комъ снѣга—да еще вдобавокъ съ молитвами на устахъ.

Сводня. Бульть, забери ее, потѣшься надъ ней вволю, разбей стекло ея дѣвчества и сдѣлай ее болѣе податливой.

Бульть. Будь она еще болѣе строптива, чѣмъ въ дѣйствительности, я добьюсь своего.

Морина. Внемлите, о внемлите, боги!

Сводня. Она заклинаетъ боговъ: вонъ ее. И зачѣмъ только она попала ко мнѣ въ домъ! Повѣситъ бы ее! Она создана намъ на погибель. Ты не согласна покориться женской участи? Подожди, перестанешь кичиться своимъ цѣломудріемъ. (Уходитъ).

Бульть.

Пойдемъ со мной моимъ путемъ, красotka.

Морина.

Куда ведешь меня?

Бульть.

Чтобъ взять алмазь твой,
Который ты такъ цѣнишь высоко.

Морина.

Мнѣ на одинъ вопросъ отвѣтъ сначала.

Бульть.

Ну, предлагай вопросъ твой.

Морина.

Чѣмъ желалъ бы
Ты сдѣлаться врагу?

Бульть.

Пускай бы сталъ
Хозяиномъ, иль нѣтъ: моей хозяйкой.

Морина.

Онъ и она не такъ дурны, какъ ты,
Такъ какъ они тобой повелѣваютъ.
На мѣстѣ ты, которое занято
Послѣдній чортъ изъ ада бы стыдился:
Привратникъ ты у той двери проклятой,
Куда идетъ за тварью каждый пентюхъ,
И въ гнѣвъ можетъ каждый грубіанъ
Дать по уху тебѣ. Подобна пища
Твоя—отрыжки легкихъ зараженныхъ.

Бульть. А по твоему, что я долженъ
былъ бы дѣлать? быть солдатомъ и идти
на войну? Иной солдатъ служить семь
лѣтъ и въ награду лишается ноги, и даже
не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы ку-
пить себѣ деревяшку!

Морина.

Все дѣлай, лишь не это. Очищай
Отъ нечистотъ вмѣстилища и трубы,
У палача подручнымъ будь. Любая
Изъ этихъ службъ—достойнѣ твоей.
И павіанъ ее для чести счелъ бы,
Позорящей—умѣй онъ говорить.
Вотъ золото. Когда добыть хозяинъ
Хотѣлъ его черезъ меня—скажи:
Пѣть и плясать, и шить и прясть могу я.
Есть у меня и качества другія,
Которыми я хвастать не хочу;
Могу всему я этому учить.
И въ многолюдномъ городѣ, конечно,
Достаточно учениковъ найду.

Бульть. И этому всему учить ты можешь?

Морина.

Коль не смогу, верни меня обратно,
И худшему изъ всѣхъ, кто здѣсь бываетъ.
Отдай меня на поруганье.

Бульть. Ну хорошо, я похлопочу за
тебя. Если смогу тебѣ найти мѣсто, я при-
строю тебя.

Морина. Но только въ домъ честной
женщины.

Бульть. [У] меня, сказать по правдѣ,
мало знакомыхъ среди нихъ. Но такъ какъ
тебя купили мои хозяева, то безъ ихъ со-
гласія ничего нельзя сдѣлать. Поэтому, я
сообщу имъ о твоёмъ предложеніи, и на-
дѣюсь уломать ихъ. Идемъ, я все что могу
сдѣлаю для тебя. Идемъ-же. (*Уходятъ*).

БУЛЬТЬ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

МИТИЛЕНЬ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ Говеръ.

Морина, покидая домъ разврата,
У честныхъ женъ нашла себѣ пріютъ;
Поетъ ли, вдохновеніемъ объята,
Всѣ думаютъ: безсмертныя поютъ;
Танцуетъ ли—богиней выступаетъ,
Плѣняя всѣхъ волшебною игрой;
Она умомъ ученыхъ поражаетъ;
Съ природою соперничать иглой
Старается она; шитьемъ выводитъ
Цвѣты и вѣтки, птицы и плоды,
И роза рукъ ея вполнѣ походитъ
На розу клумбъ; она на всѣ лады
Умѣетъ шить—и шерстью и шелками,
Что, подъ ея искусною рукой,
Съ красивой спѣлой вишней близнецами
Становятся. Ученики толпой
Стремятся къ ней. Работой ли, урокомъ
Добудетъ денегъ,—своднѣ ихъ несетъ.
Къ отцу ея вернусь; гонимый рокомъ
И бурями, онъ къ берегу пристаеъ,
Гдѣ дочь его влачить въ борьбѣ безплодной
Свой грустный вѣкъ, узнавъ тяжелый плѣнъ.
Въ тотъ день Нептуна праздникъ ежегодный
Справляетъ население Митилень.
Периклъ, скорбя о горестной потерѣ,

На кораблѣ повѣсилъ черный флагъ;
Въ своей, роскошно убранной, галерѣ
Къ нему плыветъ навстрѣчу Лизимахъ.
Войдемте на корабль; воображеньемъ
Дополните, что скроется отъ глазъ,
И дѣйствіе послужитъ продолженьемъ
Того, что вамъ повѣдалъ мой рассказъ.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Палуба Периклова корабля, близъ Митилень. На ней бесѣдка, завѣшанная занавѣсками. Въ ней Периклъ, лежащій на ложѣ. Подлѣ корабля галеры.

Входятъ 2 матроса: одинъ изъ нихъ принадлежитъ экипажу тирскаго корабля, другой съ галеры. За ними входитъ Геликанъ.

1-й матросъ.

Гдѣ жъ Геликанъ? Одинъ онъ только можетъ
Рѣшить вопросъ. Да, вотъ, онъ самъ идетъ.
Изъ Митилень пристала къ намъ галера;
Въ ней Лизимахъ, правитель; онъ желаетъ
Корабль нашъ посѣтить. Какъ ты прикажешь?

Геликанъ.

Угодное ему мы можемъ сдѣлать.
Пусть явятся вельможи.

1-й матросъ.

Господа,
Пожаловать васъ проситъ Геликанъ.
(*Входятъ 2 или 3 вельможъ*).

1-й вельможа.

Ты пожелалъ насъ видѣть?

Геликанъ.

Нашъ корабль
Желаетъ посѣтить сановникъ важный;
Прошу его принять съ большимъ почетомъ.

Вельможи и матросы *впускаются въ галерею*. *Входятъ Лизимахъ со свитой,*
вельможи и 2 матроса.

Тирскій матросъ.

Вотъ тотъ, который здѣсь повелѣваетъ.

Лизимахъ.

Привѣтствую тебя, почтенный старецъ;
Желаю, чтобъ тебя хранили боги!

Геликанъ.

Желаю, чтобъ и ты могъ пережить
Мои года и жизнь бы увѣнчалъ
Счастливою кончиною.

Лизимахъ.

Благодаренъ
За пожеланья добрыя. Нептуна
Мы чувствуемъ сегодня. Увидавъ
Роскошный вашъ корабль, я поспѣшилъ
Прибыть, чтобы спросить—откуда вы?

Геликанъ.

Позволь узнать, кто ты?

Лизимахъ.

Я Лизимахъ,
Правитель этихъ мѣстъ.

Геликанъ.

Корабль нашъ тирскій;
На немъ нашъ царь. Три мѣсяца ни слова
Онъ не сказалъ и пищу принимаетъ
Лишь для продленья горя своего.

Лизимахъ.

Не знаешь ли причинъ его унынья?

Геликанъ.

Мнѣ тяжело объ этомъ говорить.
Онъ сталъ такимъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ,
Жену и дочь.

Лизимахъ.

Могу ль его увидѣть?

Геликанъ.

Напрасно ты свиданья ищешь съ нимъ:
Онъ говорить не станетъ.

Лизимахъ.

Разрѣши
Исполнить мнѣ желанье.

Геликанъ.

Я согласенъ.
(*Отдѣрживаетъ занавѣсъ; виденъ Периклъ*).
Нашъ царь былъ и величественъ, и статенъ
До той ужасной ночи, что его
Такъ потрясла глубоко.

Лизимахъ.

Государь,
Привѣтствуя тебя, прошу боговъ
О ниспосланьи царственному гостю
Душевнаго спокойствія и здравья.

Геликанъ.

Привѣтъ напрасенъ твой: онъ не отвѣтитъ.

1-й сопутствующій Лизимаху.

Есть дѣва въ Митиленахъ, что навѣрно
Съумѣла бы уста его разверзнуть.

Лизимахъ.

Прекрасно ты придумалъ: я увѣренъ,
Что безъ вопросовъ, голосомъ волшебнымъ
И чуднымъ обаяньемъ чаръ своихъ,
Она его расшевелитъ съумѣетъ
И въ немъ пробудитъ чувства, что заглохли
Отъ тяжкаго страданья, лучше всѣхъ.
Она теперь съ подругами гуляетъ
Близъ острова, въ тѣни прохладной рощи.
(*Шепчется съ однимъ изъ своихъ спутниковъ,*
который отплываетъ въ галерѣ).

Геликанъ.

Напрасно все, я въ этомъ убѣжденъ;
Но мы ничѣмъ пренебрегать не смѣемъ,
Что можетъ принести хоть долю пользы.
На доброту твою располагаясь,
Позволь мнѣ разрѣшенія просить
На золото купить у васъ припасовъ—
Не потому, чтобъ въ нихъ нуждались мы,
Но потому, что порча ихъ коснулась.

Лизимахъ.

Когда отказъ послѣдуетъ на просьбу,
Какъ кару, могутъ праведные боги
Послать на наши жатвы саранчу
И цѣлую страну привести въ унынье.
Позволь полюбопытствовать еще,
О чемъ скорбятъ вашъ царь?

Геликанъ.

Присядь сюда—
И обо всемъ я расскажу тебѣ.
Но, видишь, мнѣ мѣшаютъ.

Входитъ одинъ изъ сопутствующихъ Лизимаху съ Мориной и ея подругой.

Лизимахъ.

Вотъ она,
Та дѣва, за которой я послалъ.
Привѣтъ тебѣ, красавица. Не правда ль,
Какъ хороша она?

Геликанъ.

Вполнѣ прекрасна.

Лизимахъ.

Когда бъ я зналъ, что древенъ родъ ея,
Не пожелалъ бы лучшей я подруги
И съ нею бракъ—я счастьемъ бы считалъ.
(*Обращаясь къ Моринѣ*).

Щедротами тебя осыплетъ царь,
Коль отъ тебя получить облегченье,
Коль дивными дарами ты сѣмъ будешь
Его заставить вновь заговорить:
Въ награду за лѣкарство ты получишь
Все то, что можешь только пожелать.

Морина.

Употребить всѣ средства постараюсь,
Чтобы ему помочь. Съ моей подругой
Къ нему я подойду. Пусть остальные
Оставляютъ насъ.

Лизимахъ.

Исполнимъ ихъ желанье—
И боги да помогутъ предпріятію.
(*Морина поетъ*).

Лизимахъ.

На пѣнье обратилъ ли онъ вниманье?

Морина.

Онъ даже на меня и не взглянулъ.

Лизимахъ.

Съ нимъ рѣчь она заводитъ.

Морина.

Государь,
Вонми моимъ моленьямъ.

Периклъ.

Что я слышу!

Морина.

Я дѣвушка стыдливая; всегда
Пройти я незамѣченной стараюсь,
А на меня, какъ на комету, смотреть.
Страданья наши взвѣсь и, можетъ быть,

Мое не уступаетъ твоему,
Подавлена я злобною судьбою,
А все происхожу отъ предковъ славныхъ,
Что спорили могуществомъ съ царями.
Родителей моихъ на свѣтѣ нѣтъ—
И стала я рабою жалкой міра
И жертва злыхъ случайностей.

(*Въ сторону*). Хотѣла бъ

Я бросить предпріятіе свое;
Но краска выступаетъ на ланиты
И что то шепчетъ мнѣ: „не уходи,
Пока съ тобой онъ въ разговоръ не всту-
пить“.

Периклъ.

О родѣ знаменитомъ... о страданьяхъ,
Испытанныхъ тобой, ты говорила,
Страданьяхъ, что моимъ не уступаютъ?

Морина.

Когда бъ ты зналъ мое происхождение
Не сталъ бы ты, о, царь, гнушаться мной.

Периклъ.

Тебѣ готовъ я вѣрить; на меня,
Прошу, взгляни. Какой-то чудный образъ
Твои черты напоминаютъ мнѣ.
Гдѣ родина твоя? Скажи—не здѣсь ли?

Морина.

Не на землѣ я обрѣла отчизну,
Однако родилась на свѣтѣ, какъ всѣ,
И правды я притворствомъ не скрываю.

Периклъ.

Я преисполненъ горя и сдержатъ
Рыданій я не въ силахъ. Эта дѣва
Сходна съ моею милою женою;
Такою же была бы дочь моя.
Да, сходство поразительно; у ней
Открытое чело моей царицы
И тотъ же ростъ. Она стройна, какъ сте-
бель;

Ея прелестный голосъ серебристъ;
Глаза блестятъ, какъ чудные алмазы
Въ оправѣ драгоценной; какъ Юнона,
Идетъ она; чѣмъ больше говсрить,
Тѣмъ больше ей хотѣлось бы внимать—
И ей нельзя отрадными рѣчами
Вполнѣ насытить слухъ. Гдѣ ты живешь?

Морина.

Я прирѣна чужими: ты отсюда
Увидѣть можешь домъ, гдѣ обитаю.

Периклъ.

Скажи, гдѣ воспитанье получила
И гдѣ приобрѣла тѣ дарованья,
Которыя собою украшаешь?

Морина.

Такъ странны похождения мои,
Что можетъ показаться жалкой ложью
Разсказъ о нихъ.

Перикль.

Открой мнѣ жизнь свою,
Не вѣдая притворства; ты скромна,
Какъ истина святая; я увѣренъ,
Что ты—дворецъ, гдѣ правда обитаетъ.
Ту женщину, что любилъ я глубоко,
Напоминаешь ты, а потому
Тебѣ повѣрю я; заставлю чувства
Увѣровать и въ то, что даже можетъ
Несбыточнымъ и ложнымъ показаться.
Кто близкіе твои? Ты мнѣ сказала,
Что я съ тобой сурово обошелся,
Хоть знатнаго ты рода.

Морина.

Это правда.

Перикль.

Повѣдай же, откуда приходишь?
Ты говорила, кажется, что много
Невзгодъ и скорби въ жизни повстрѣчала,
И что тобой испытанное горе
Съ моимъ сравниться можетъ.

Морина.

Вѣроятнымъ
Мнѣ кажется предположеніе это.

Перикль.

О, разскажи исторію свою.
Коль тысячную часть ты испытала
Того, что вынесъ я, ты—твердый мужъ,
А я страдалъ, какъ женщина. Съ тер-
пѣньемъ,
Взирающимъ на царскія могилы,
Имѣешь сходство ты, скрывая горе
Улыбками. Прошу тебя назвать
Своихъ друзей; какъ потеряла ихъ?
О, милая, свое повѣдай имя;
Подсядь ко мнѣ.

Морина.

Меня зовутъ Мориной.

Перикль.

Насмѣшка злая! вѣрно гнѣвный богъ
Прислалъ тебя сюда, чтобъ надо мною
Смѣялся цѣлый свѣтъ.

Морина.

О, успокойся,
Иль болѣе ни слова не скажу.

Перикль.

Сдержу себя, но ты не можешь знать,
Какъ именемъ Морины я глубоко
Былъ потрясенъ.

Морина.

Мнѣ это имя далъ
Мой царственный отецъ.

Перикль.

Ты дочь царя—
И названа Мориной?

Морина.

Мнѣ повѣрить
Ты общалъ. Я продолжать не стану,
Чтобъ твоего покоя не нарушить.

Перикль.

Не духъ ли ты безплотный и безкровный.
Не призракъ ли волшебный? Продолжай.
Гдѣ родина твоя—и почему
Тебя зовутъ Мориной?

Морина.

Родилась я
На кораблѣ, что плылъ по волнамъ моря;
Вотъ отчего мнѣ дано это имя.

Перикль.

Кто мать твоя?

Морина.

Ея отецъ былъ царь;
Она въ тотъ мигъ скончалась, какъ меня
Произвела на свѣтъ. Объ этомъ часто
Мнѣ говорила няня Лихорида,
Горючими слезами обливаясь.

Перикль.

На мигъ прерви разсказъ. Я жертва сна,
Что мнѣ послалъ волшебное видѣнье,
Чтобъ надъ глупцомъ несчастнымъ издѣ-
ваться.

Не можетъ это быть; вѣдь дочь моя
Въ могилѣ спитъ. Тебѣ, дрожа, я внемлю;
Кто воспиталъ тебя? Я буду слушать
Разсказъ твой до конца, безъ перерывовъ.

Морина.

Ты повѣсти моей съ трудомъ повѣришь;
Не лучше ль мнѣ ея не продолжать?

Перикль.

Чтобъ ни сказала ты, всему повѣрю;
Но какъ же ты могла сюда попасть
И гдѣ ты воспитанье получила?

Морина.

Меня оставилъ въ Тарсѣ царь-отецъ,
И злой Клеонъ съ преступницей-женою
Задумали меня со свѣта сжить;

Убийца ими былъ подговоренъ,
 Чтобъ умертвить меня; онъ собирався
 Исполнить гнусный замыселъ, когда
 Нагрянули пираты и меня
 Съ собою въ Митилены увезли...
 О, добрый царь, о чемъ ты слезы льешь?
 Ты думаешь, быть можетъ, что тебя
 Обманываю я; о, нѣтъ, клянусь!
 Я дочь царя Перикла, если только
 На свѣтѣ существуетъ царь Периклъ.

Периклъ.

Приблизься, Геликанъ.

Геликанъ.

Меня позвалъ ты?

Периклъ.

Совѣтникъ ты и мудрый, и правдивый:
 Не можешь ли сказать, кто эта дѣва,
 Что такъ меня заставила рыдать?

Геликанъ.

Не знаю, но правитель Митилень
 Ей воздастъ обильныя хвалы.

Лизимахъ.

Она отъ всѣхъ скрывала постоянно
 Свое происхождение и, когда
 Объ этомъ ей вопросы предлагали,
 Молчаньемъ и слезами отвѣчала.

Периклъ.

О, Геликанъ, ударь меня иль рану
 Мнѣ нанеси, дай чувствовать мнѣ боль,
 Чтобъ море мной извѣданнаго счастья
 Не потопило смертности моей,
 Чтобъ въ сладости его не утонулъ я,
 Иди ко мнѣ. Ты возвратила жизнь
 Тому, кто произвелъ тебя на свѣтъ!
 Иди ко мнѣ, рожденная на морѣ,
 Почившая близъ Тарса и опять
 На морѣ обрѣтенная чудесно!
 О, Геликанъ, колѣни преклони
 И голосомъ, что силой равенъ грому.
 Благодаря богамъ, Морина это.

(Обращается къ Моринѣ).

Еще вопросъ: какъ звали мать твою?
 Не бесполезно правду подтверждать,
 Хотя сомнѣнья спать.

Морина.

Скажи мнѣ прежде,
 Какъ звать тебя?

Периклъ.

Я тирскій царь Периклъ.

Теперь, прошу тебя, скажи мнѣ имя
 Моей царицы, въ морѣ утонувшей.
 Все правда, что досель ты говорила.

И будешь ты наслѣдницей престола,
 И ты отца въ Периклъ обрѣтешь.

Морина.

Чтобы назваться дочерью твоею,
 Ужель сказать лишь надо, что Таисой
 Звалась мать Морины? Да, Таисой
 И умерла она, мнѣ жизнь даруя.

Периклъ.

Прими благословенія мои:
 Возстань, ты—дочь моя. Одежды скорби
 Съ себя хочу я сбросить. Геликанъ,
 Я дочь обрѣлъ. Она не пала въ Тарсѣ,
 Какъ этого хотѣлъ злодѣй Клеонъ;
 Она сама тебѣ расскажетъ все,
 Когда предъ ней склонись ты во прахъ,
 Въ ней дочь царя Перикла признавая.
 А это кто?

Геликанъ.

Правитель Митилень;

Узнавъ, что ты въ унынье погруженъ,
 Онъ прибылъ, чтобы привѣтствовать тебя.

Периклъ.

Прими мое лобзанье. Дайте мнѣ
 Другое платье. Въ траурной одеждѣ
 Я мраченъ и унылъ. О, небеса!
 Благословите дочь. Но что я слышу?
 Какіе-то божественные звуки
 Нисходятъ съ неба. Милая Морина,
 Все расскажи дословно Геликану,
 Чтобъ его сомнѣнія разсѣять.
 Опять я слышу сладостные звуки!

Геликанъ.

Я ничего не слышу.

Периклъ.

Ничего?

То музыка небесъ. Морина, слушай!

Лизимахъ.

Не слѣдуетъ ему противорѣчить;
 Не возражай.

Периклъ.

Божественные звуки!..

Ты слышишь ихъ?

Лизимахъ.

Я слышу, государь. (Музыка).

Периклъ.

О, музыка волшебная! Хотѣлъ бы
 Я ей внимать; но сонъ рукой тяжелой
 Мои сжимаетъ вѣжды. Я усну. (Засыпаетъ)

Лизимахъ.

Подушку подложите вы ему
 Подъ голову. Затѣмъ его оставимъ;

Иди ко мнѣ, желанная подруга,
И скоронись опять въ моихъ объятяхъ.

Морина.

Душою рвусь я къ матери своей.
(*Становится на колѣни передъ Таисой*).

Перикль.

Гляди, кто предъ тобою на колѣняхъ!
То дочь твоя Морина. Это имя
Дано ей потому, что въ злую бурю
Она тобой на морѣ рождена.

Таиса.

Тебя благословляю, дочь моя!

Геликанъ.

Привѣтствую тебя, моя царица!

Таиса.

Не знаю я тебя.

Перикль.

Бѣжавъ изъ Тира,
Намѣстнику я передалъ правленье;
Не можешь ли его припомнить имя?
Его не разъ я называлъ тебя.

Таиса.

Ты часто говорилъ о Геликанѣ.

Перикль.

Вотъ подтвержденіе новое! Онъ самъ
Передъ тобой. О, обними его,
Таиса дорогая. Я теперь
Хочу узнать, какъ обрѣли тебя,
Какъ къ жизни возвратили и кого,
Опречь боговъ, благодарить я долженъ
За чудное спасеніе твое.

Таиса.

Привѣтствуй Церимона; чрезъ него
Могущество явили боги;
Онъ можетъ рассказать тебѣ подробно,
Какъ воскресилъ меня.

Перикль.

Почтенный мужъ,
Служа богамъ, ты ликомъ имъ подобенъ.
Повѣдай мнѣ, какъ къ жизни ты вернулъ
Почившую царицу.

Церимонъ.

Все узнаешь.
Но ты сначала домъ мой посѣти;

Тамъ покажу тебѣ тѣ украшенья,
Что я нашелъ при ней, и объясню,
Какъ въ храмъ она попала. Отъ тебя
Не ускользнетъ малѣйшая подробность.

Перикль.

Хвала тебѣ, о, чистая Діана,
За чудный сонъ, что ты послала мнѣ!
Таиса, этотъ принцъ—женихъ Морины.
Въ Пентаполисѣ свадьбу ихъ сыграемъ.
Я волосы теперь могу обстричь,
Что мнѣ даютъ такой суровый видъ,
И бороду, къ которой столько лѣтъ
Не прикасалась бритва, я обрѣю,
Чтобъ бракъ счастливый чествовать.

Таиса.

Увы

До Церимона вѣрныя извѣстья
Дошли о томъ, что мой отецъ скончался.

Перикль.

Да станетъ онъ звѣздой свѣтлой въ небѣ!
А все же тамъ отпразднуемъ ихъ свадьбу,
А сами въ этомъ царствѣ проведемъ
Остатокъ нашихъ дней. А сынъ и дочь
Пусть на престолѣ Тира возсѣдаютъ!
Объщанное сдержитъ Церимонъ
И, что не знаемъ мы, доскажетъ онъ.
(*Уходятъ*).

Входитъ Говерь.

Наказанъ Антиохъ; всегда злодѣйства
Караютъ справедливо божество.
Въ Перикль и въ судьбѣ его семейства
Я показалъ вамъ правды торжество.
Коль рокъ ее преслѣдуетъ, участие
Въ богахъ она находитъ; перенесъ
Не мало мукъ Перикль, но ласку стасья
Ему опять извѣдать довелось.
Вамъ Геликамъ и вѣрности и чести
Явилъ примѣръ, а славный Церимонъ
Вамъ образецъ того, кто чуждый лести,
Творитъ добро и въ мудрость погруженъ.
Когда народъ узналъ о злодѣяннѣ,
Что совершилъ Клеонъ, его онъ сжегъ
Въ дворцѣ со всѣмъ отродьемъ. Наказанья
И этотъ извергъ избѣжать не могъ.
Такъ покарали боги преступленье,
Что довершить не могъ вполнѣ злодѣй.
На этомъ я окончу представленье—
И съ вами распрощусь до лучшихъ дней.

П. Козловъ.

Древнейший греческий орнаментъ (Глиняный саркофагъ изъ Клазоменъ; русская надпись и розетка подъ ней стилизованы).

трубадура Генриха II английскаго, около 1160 г. Въ этой поэмѣ, „Histoire de la guerre de Troie“, около 30,000 стиховъ. Сентъ-Моръ вноситъ жизнь въ сухой островъ Дареса. Дѣйствующія лица его поэмы преисполнены рыцарскихъ чувствъ, среди которыхъ, конечно, не можетъ отсутствовать любовь. Онъ заимствовалъ у Дареса образъ Бризеиды и сдѣлалъ ее дочерью Калхаса, которая остается въ Троѣ послѣ того, какъ ея отецъ перешелъ къ грекамъ (онъ, какъ и у Шекспира, представленъ въ поэмѣ троянцемъ). Троилю страстно влюбленъ въ нее, и она отвѣчаетъ ему взаимностью. Послѣ захвата Антенора, Калхасъ напоминаетъ греческимъ вождамъ объ обѣщанной ему наградѣ, и проситъ ихъ обмѣнять Антенора на его дочь. Греки на это соглашаются, и въ Трою отправляютъ Діомедя за Бризеидой. Такимъ образомъ всѣ основные мотивы любовной интриги въ „Троилю и Крессидѣ“ уже имѣются въ этомъ раннемъ произведеніи.

Было бы слишкомъ долго слѣдить за интереснымъ развитіемъ этого сюжета втеченіе вѣковъ до того, какъ онъ вылился въ окончательную форму въ трагедіи Шекспира. Но укажемъ на одну изъ важнѣйшихъ стадій этого развитія на Filostrato Боккачіо.

У Боккачіо сюжетъ сталъ истинно поэтическимъ и приобрѣлъ ту колоритность и психологическую глубину, которая сдѣлала его пригоднымъ для Чоусера и Шекспира. Гризеида Боккачіо поэтический образъ его собственной возлюбленной. Она вдова, и Троилю впервые видитъ ее въ траурѣ въ храмѣ Паллады и сразу влюбляется въ нее. Она вначалѣ чиста, но становится жертвой хитраго Діомеда и послѣ того быстро и непоправимо падаетъ. Боккачіо вводитъ въ свой рассказъ Пандара въ качествѣ кузена Гризеиды, способствующаго встрѣчамъ любящихъ.

Слѣдующей стадіей въ разработкѣ сюжета была поэма Чоусера „Troilus and Creseide“ въ пяти книгахъ. Она написана около 1372 г. или на 20 лѣтъ позже, чѣмъ „Филострато“ Боккачіо; точная дата появленія „Филострато“ неизвѣстна, но предполагаютъ, что она написана была около 1350 г. Отношеніе поэмы Чоусера къ Боккачіо выяснено Альфонсомъ Киссеромъ, который доказываетъ, что поэма Чоусера вольный переводъ—насколько это было возможно—итальянской. Чоусеръ придалъ любовной исторіи Троиля и Крессиды окончательную форму, въ которой она и перешла къ

Шекспиру; ничего въ ней не было измѣнено ни Лидгатомъ, ни Какстономъ, разрабатывавшими этотъ сюжетъ послѣ Чоусера. Разсказомъ Какстона Шекспиръ пользовался въ драмѣ только поскольку онъ касается исторіи Гектора. Что его источникомъ для этой части драмы былъ именно Какстонъ, а не Лидгатъ, какъ утверждалъ Деліусъ, доказано д-ромъ Смолемъ (Small) въ его „Stage quarrel“ (Breslau, Marcus). Онъ сравниваетъ имена въ прологѣ и въ пятомъ актѣ съ именами у Лидгата и Какстона и выясняетъ, что всѣ они взяты у Какстона.

Такимъ образомъ, что касается любовной интриги „Троиля и Крессиды“, то совершенно ясно, что она не имѣетъ ничего общаго съ классической древностью; сюжетъ этотъ—созданіе среднихъ вѣковъ и поэзіи трубадуровъ. У Шекспира не было никакого намѣренія написать пародію на Гомеровскій міръ въ этой части драмы, и его характеристики греческихъ героевъ и Гектора исключаютъ возможность подобной пародіи. Шекспиръ взялъ готовый сюжетъ, и теорія Ульрици объ умышленномъ пародированіи совершенно падаетъ.

„Троилю и Крессидѣ“ состоитъ изъ трехъ переплетенныхъ между собой сюжетовъ: 1) любовная исторія Троиля и Крессиды; 2) исторія Улисса; 3) исторія Гектора или поединка. Хотя до сихъ поръ не возникало сомнѣній въ принадлежности этой драмы Шекспиру, но многіе авторитетные критики сомнѣваются, чтобы декламаторскій тонъ шести сценъ (отъ 4—10) V акта могъ принадлежать Шекспиру. Ни одинъ изъ авторитетныхъ критиковъ новѣйшаго времени не рѣшается утверждать, что вся пьеса цѣликомъ, съ этими сценами включительно—произведеніе Шекспира. Флэй въ своемъ „Shakespeare Manual“ 1878 г. говоритъ слѣдующее: „я считаю, что въ драмѣ сплетены три сюжета, каждый изъ которыхъ былъ разработанъ отдѣльно, въ иной манерѣ и въ другое время, нежели два другіе. Первой была написана исторія Троиля и Крессиды на основаніи Чоусеровской поэмы, затѣмъ исторія вызова Гектора Аяксу, ихъ поединковъ и убійство Гектора Ахилломъ на основаніи Какстоновскихъ „Трехъ разрушеній Трои“. Позже всего написана была исторія хитрости Улисса, побудившаго Ахилла вернуться на поле битвы тѣмъ, что противъ него выступилъ Аяксъ. Этотъ эпизодъ написанъ послѣ появленія Чапмановскаго перевода Гомера, изъ котораго заимствованъ Терситъ,

главное действующее лицо въ этой части драмы. Сидней Ли и д-ръ Смоль, въ изслѣдованіи, появившемся въ 1899 г., напротивъ того, считаютъ „Троила и Крессиду“ пьесой, написанной сразу въ 1602 г. и принадлежащей всецѣло Шекспиру. Въ 1900 г. нижеподписавшійся помѣстилъ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ статью, напечатанную послѣ того въ „Englische Studien“, (30 B., Heft 1) за 1901 г., гдѣ доказываетъ, что Флэй былъ правъ, усматривая въ драмѣ три различныхъ сюжета. Но онъ считаетъ только слабыя семь сценъ пятаго акта, написанными другимъ авторомъ. Въ вышеупомянутой статьѣ доказывается путемъ сравненія со стихосложеніемъ пьесъ перваго періода, что „Троиль и Крессиды“ въ исторіи любви героя и героини очень близко подходятъ по языку къ „Ромео и Джульетѣ“. Найденный Сиднеемъ Ли экземпляръ folio, по которому видно, что первоначально драма „Троиль и Крессиды“ должна была слѣдовать за „Ромео и Джульетой“, въ значительной степени подкрѣпляетъ эту догадку, доказывая, что издатели folio полагали, какъ и Флэй, что „преданная и вѣрная Джульета“ „лживая, вѣроломная Крессиды“ дополняютъ одна другую. Тщательное разсмотрѣніе именъ собственныхъ показало особенность въ употребленіи слова „Ilium“. Въ такой формѣ это слово появляется во всѣхъ сценахъ, касающихся любви Троила и Крессиды. Въ сценахъ же, заимствованныхъ у Какстона, видоизмѣняется въ „Ilion“, а въ третьемъ сюжетѣ, въ исторіи Улисса, употребляется только названіе „Троя“. Такъ какъ и метрическая форма мѣняется въ трехъ сюжетахъ, то самое естественное объясненіе разнородности пьесы заключается въ слѣдующемъ: Шекспиръ написалъ около 1594—5 г., вскорѣ послѣ или до „Ромео и Джульеты“, любовную исторію Троила и Крессиды. Это была пьеса, существовавшая въ 1602 г.; права на печатаніе ея и добивался такъ тщетно Робертсъ. Она же упоминается въ Westward Ho“ пьесѣ, представленной на Рождествѣ 1604 г., и, вѣроятно, извѣстной года за два до того. Въ „Westward Ho“ (A. V, сц. 3) говорится: „этому нельзя помочь, почтенный Троиль, и мнѣ столь же грустно, что вы сегодня будете лишены вашей лживой Крессиды, потому что здѣсь нѣтъ сэра Пандара, который провелъ бы васъ въ вашу комнату“. Это мѣсто доказываетъ, что драма „Троиль и Крессиды“ въ первоначальной формѣ была хороша из-

вѣстна около 1604 г. Но ни въ одной пьесѣ до 1609 г. нѣтъ какого либо намека на другія части содержанія драмы, кромѣ любовнаго эпизода. Въ той части, которую мы назвали исторіей Гектора, есть несомнѣнный намекъ на книгу Бэкона, „Advancement of Learning“ (книга V), изданную въ 1605 г. Изъ намека явствуется, что эта часть была присоединена къ любовной исторіи не ранѣе конца 1605 или въ 1606 г. Около того же времени, или во всякомъ случаѣ не многимъ позже, какъ это доказывается особенностями стихосложенія, Шекспиръ началъ пересмотръ драмы. Онъ прибавилъ исторію Улисса, т. е. исторію несогласій въ греческомъ лагерѣ къ любовной интригѣ, но эта переработка обрывается съ концомъ третьяго акта. Мы должны поэтому предположить, что Шекспиръ отложилъ пьесу, и его труппа поручила другому драматургу закончить ее. Тотъ прибавилъ къ законченной уже исторіи Троила и Улисса исторію вызова, посланнаго Гекторомъ. Эта третья исторія была по всей вѣроятности написана современникомъ Шекспира, Марстономъ. Она имѣетъ всѣ особенности стили и стиха Марстона, какъ доказываетъ тщательная свѣрка съ извѣстными его драмами.

Эта догадка, подтверждаемая очевидными доказательствами, объясняетъ необъяснимую ничѣмъ другимъ разнородность состава драмы. Что семь сценъ пятаго акта принадлежатъ другому автору—всѣ допускаютъ. Но стиль этихъ семи сценъ такой же, какъ и во всей исторіи Гектора, такъ что отсюда слѣдуетъ, что авторъ семи сценъ также авторъ исторіи Гектора. Много данныхъ говорятъ за то, что этотъ авторъ—Марстонъ. Ни одинъ писатель того времени не былъ такъ склоненъ, какъ Марстонъ, къ декламации, которая является наиболѣе характерной чертой „Троила и Крессиды“. Это можетъ быть доказано сравненіемъ его „Parasitaster“а съ тѣмъ, что мы приписываемъ ему въ нашей драмѣ. Есть поразительныя совпаденія въ мысляхъ и выраженіяхъ между нашей драмой и „Parasitaster“омъ; вотъ почему наиболѣе простое и естественное объясненіе этого факта заключается въ предположеніи, что товарищи Шекспира поручили Марстону закончить пьесу, отложенную Шекспиромъ. Наша догадка, объясняющая, почему актеры-издатели folio 1623 года сначала затруднились включить „Троила и Крессиду“ (какъ это явствуется изъ отсутствія пагинаціи въ печатномъ текстѣ), и

объясняющая также их колебания относительно порядка ее помещения, сильно подтверждается и несомненным несходством стиха в трех частях драмы. Но главное подтверждение—в характеристиках действующих лиц. Участники любовной драмы написаны совершенно в манеру ранних пьес Шекспира. Они относятся к эпохе „Ромео и Джульетты“, „Двух веронцев“ и „Венецианского купца“. К тому же, лица, действующие в этой части, не появляются ни в одной из двух остальных, а герои истории Гектора появляются только в сцене прихода троянцев в греческий лагерь. Наконец, история Улисса резко отличается от двух остальных частей драмы и относится вполне к периоду великих трагедий. Эта часть тесно связана с „Королем Лиром“ в изображении чувств. Много из того, что говорит Эдгар в „Лире“, повторяется Улиссом в нашей драме. В особенности протест против астрологических и иных суеверий и рационалистическое понимание жизни роднит эти два лица между собою и поражает читателя, как проявление одних и тех же философских взглядов на жизнь. Подробный анализ психологии главных действующих лиц нашей драмы подтверждает истину сказанного нами. Правдивый, верный Троиц вполнѣ напоминает верного и постоянного Валентина из „Двух веронцев“. Его правдивость и постоянство выдвинуты с такой же яркостью, как те же черты у Валентина, и тем же самым способом—т. е. при помощи контрастов. Валентин противопоставляется Протею, Троиц Крессидѣ. Чувственность, сильно подчеркнутая в характере Троица, отсутствует у Валентина, но эта черта, свойственная большинству героев драмы первого периода, и проявляется даже в самой поздней из пьес первого периода—„Венецианском купце“ в лице Бассанио (А. I, сц. 2).

Есть некоторая необтесанность в Валентинѣ, которая проявляется наиболее ясно в его писании тяжелых стихов Сильвии, (А. III, сц. 1), а также в том, как он ошибается относительно Сильвии, характер которой ему становится понятным только послѣ разъяснения Спиды во 2-м акте (сц. 1). Эта черта соответствует открытости и искренности характера Валентина. Троиц проявляет свою несвѣтскость в предостережении Крессидѣ (А. IV, сц. 3).

У юных греков много Достоинств. Знай—они любезны, щедро Надѣлены дарами какъ природы, Возвышенной искусствомъ, такъ и долгимъ Заботливымъ, изящнымъ воспитаньемъ. Меня страшитъ,—какое впечатлѣнье Произведутъ и новизна и прелесть Ихъ личностей на бѣдную Крессиду? Увы—предчувствіе, какъ злая гидра, Мнѣ не даетъ покоя.

Оба они, очевидно, созданы по одному образцу и относятся к одному и тому же периоду творческой жизни поэта. Единственный разъ, когда Троиц появляется в позднейшей части пьесы—это сцена, в которой Улисс убѣждает его в предательствѣ Крессиды. В этой сценѣ онъ только яростно негодуетъ на ее измену (конец IV и начало V акта). Очень трудно определить, кому принадлежит эта сцена; по всей вѣроятности, в ней принимали участие оба автора. Отчасти она производит впечатлѣние юношескаго творчества, отчасти относится к болѣе зрѣлому периоду. Во всякомъ случаѣ она ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ Троица, вполнѣ законченной в предыдущихъ актахъ. В ней Шекспиръ почти не уклоняется отъ изложения Чоусера. В изображении Крессиды онъ значительно отступаетъ отъ характеристики Чоусера, рисуя ея в привлекательномъ видѣ даже послѣ ея паденія. Шекспиръ, напротивъ того, безжалостно раскрываетъ ея природную порочность. В любовной драмѣ она представлена ловкой кокеткой и грубощувственной натурой. В IV акте (сц. 5), написанной отчасти Шекспиромъ, отчасти Марстономъ, Улиссъ даетъ ея точную характеристику, завершающуюся словами:

Я знаю ихъ, безстыжихъ, что способны
То предлагать, чего у нихъ не просить
Пока никто, и записную книжку,
Куда въ разбродъ занесены ихъ мысли,
Открыть предъ каждымъ, кто читать
умѣетъ.

Какъ грязныя случайности отрепья,
Какъ дочерей разгула, всѣ должны бы
Ихъ презирать...

Это совершенно соответствуетъ широкому знанію людей и жизни, которое Шекспиръ приписываетъ Улиссу, что побуждаетъ меня приписать приведенное мѣсто Шекспиру, несмотря на то, что оно написано рифмованными стихами. Послѣдній разъ Крес-

сида появляется во 2-й сценѣ V-го акта, гдѣ она выражаетъ нѣкоторое сожалѣніе о томъ, что покинула Троила, но въ то же время высказываетъ твердую рѣшимость остаться при своемъ второмъ избранникѣ. Шекспировскій Пандаръ еще болѣе далекъ отъ Чоусеровскаго образца, чѣмъ Крессиды. Онъ все болѣе и болѣе нравственно падаетъ по мѣрѣ развитія дѣйствія и въ концѣ драмы становится профессиональнымъ сводникомъ такимъ, что имя его стало нарицательнымъ для человѣка, занимающагося этимъ ремесломъ. Въ folio 1623 г. мы находимъ въ его словахъ, обращенныхъ къ Троилу доказательство, что первоначальная драма, т. е. исторія Троила и Крессиды, заканчивалась на 3-й сценѣ V акта.

Входитъ Пандаръ.

Пандаръ. Слышишь ли, принцъ, слышишь?

Троилъ. Что такое?

Пандаръ. Письмо отъ бѣдняжки Крессиды. *(Передаетъ свитокъ).*

Троилъ. Прочтемъ.

Пандаръ. Ахъ, эта шурина дочь, чухотка. Какъ она, шурина дочь, мучитъ меня, а не менѣе ея мучать нелѣпныя неудачи этой дѣвчонки. По той ли, или другой причинѣ, а мнѣ придется на-дняхъ распрощаться со всѣми вами. Потомъ глаза у меня слезятся; а ломота въ костяхъ доходитъ до того, что, не умѣй я ругаться да богохульствовать, право, не зналъ бы, что на это сказать или подумать. *(Троилу).* Что она пишетъ?

Троилъ.

Слова, слова, одни слова пустыя,—
И ничего, что трогало бы сердце;
Другому отдано, какъ видно, чувство.
(Разрываетъ письмо и бросаетъ верхъ клочки).
Лети жъ, лети на вѣтеръ и по волѣ
Его кружись, вертись и измѣняйся...
Да, мной она безжалостно играетъ.
Другого же любовью награждаетъ.

Это все есть во всѣхъ изданіяхъ. Но въ folio прибавлено еще слѣдующее:

Пандаръ. Нѣтъ, выслушайте раньше...

Троилъ. Убирайся, братецъ-прислужникъ, низость и позоръ отнынѣ пусть преслѣдуютъ тебя всю твою жизнь и живи навсегда съ такимъ именемъ. *(Hence brother laekie, ignomie and shame pursue thy life and live aye with name).*

Это первоначальное заключеніе пьесы

было исправлено Марстономъ. Если сравнить теперешнее окончаніе съ прежнимъ, то самымъ важнымъ измѣненіемъ является перемѣна стиха: „Hence, broker, lackie, ignomy and shame“.

Замѣна слова „brother“ другимъ, „broker“, допускаетъ предположеніе, что Марстонъ имѣлъ въ рукахъ экземпляръ первоначальной пьесы и замѣтилъ искаженіе, вкравшееся въ текстъ.

Изъ другихъ лицъ, относящихся къ любовной драмѣ ни одно не представляетъ чего либо выдающагося.

Изъ дѣйствующихъ лицъ, вставленныхъ Шекспиромъ въ драму при пересмотрѣ ея, наиболѣе значительное и характерное—Улиссъ. Основная черта его, какъ сказано выше, большая жизненная мудрость и знаніе людей. Но мудрость Улисса не будитъ въ немъ любви къ людямъ. Напротивъ того, онъ пользуется ею главнымъ образомъ для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ своей жизненной философіи, она представляетъ большое сходство съ другимъ лицомъ изъ „Короля Лира“ Эдмундомъ. Но онъ пользуется людьми не для своей личной выгоды, а въ интересахъ дѣла, которому посвятилъ себя. Онъ стоитъ по-уму выше всѣхъ остальныхъ грековъ, даже выше Нестора, который считаетъ Крессиду только „смышленной женщиной“. Несторъ и Агамемнонъ, не говоря о Менелай и остальныхъ, стушевываются передъ выдающимся умомъ Улисса.

Стоитъ задуматься надъ тѣмъ, почему Ахиллъ выставленъ Шекспиромъ въ такомъ несимпатичномъ видѣ. Ульрици видитъ въ этомъ подтвержденіе своего предположенія, что драма задумана какъ пародія. Но, какъ уже указано, не слѣдуетъ забывать, что греческій герой почерпнуть не изъ греческаго источника, а изъ произведенія среднихъ вѣковъ, когда принято было низводить все греческое и восхвалять троянцевъ. Единственное лицо, навѣянное Иліадой,—Терситъ. Только семь пѣсенъ Иліады, и то не въ послѣдовательномъ порядкѣ, появились по англійски, когда написана была наша драма. Но Терситъ только намѣченъ Гомеромъ; въ драмѣ же онъ низведенъ до глубинъ паденія и стоитъ на одной ступени съ Пандаромъ. Онъ такъ же ненавидитъ и презираетъ людей, какъ Тимонъ Аѳинскій, но въ немъ нѣтъ величія Тимона. Въ рукахъ Марстона, въ IV и V актахъ, Терситъ въ значительной степени утрачиваетъ свой умъ и становится отвратительнымъ. Это—особенность всѣхъ дѣйствующихъ

лицъ этой драмы, намѣченныхъ Шекспиромъ и разработанныхъ Марстономъ. Гекторъ отличается скромностью въ замыслѣ Шекспира, но при встрѣчѣ съ Ахилломъ онъ соперничаетъ съ нимъ въ напыщенности и ярости. Напыщенность—особенность всѣхъ характеровъ Марстона, какъ я выяснилъ въ статьѣ о „Троилѣ и Крессидѣ“ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (ноябрь, 1900 г.), гдѣ собранъ обширный матерьялъ для сравненія извѣстныхъ пьесъ Марстона съ приписываемыми ему здѣсь сценами въ драмѣ Шекспира. Не только Гекторъ и Ахиллъ, но Діомедъ, Эней, и даже мудрый Несторъ обнаруживаютъ склонность къ напыщенности (А. V, сц. 5). Улиссъ тоже не чуждъ этой черты, и въ той же сценѣ (стихи 30—42) есть много слѣдовъ ея. Правда, онъ говоритъ объ Ахиллѣ, а не о себѣ, какъ другіе, но тонъ, все таки, остается напыщеннымъ.

И именно это ослабленіе пьесы къ концу и не позволяетъ допустить, чтобы Шекспиръ былъ отвѣтствененъ за ея напыщенность. Даже убѣжденные поклонники поэта охотно допускали, что послѣднія семь сценъ не имъ написаны. Но кто точно прослѣдитъ за развитіемъ характеровъ и сравнитъ ихъ между собой въ пятомъ актѣ и въ части, приписываемой Марстону въ предшествующихъ актахъ, убѣдится, что та же напыщенность, которая портитъ послѣднее дѣйствіе, искажаетъ ихъ и въ предшествующихъ. Для того, чтобы помочь всякому, кто займется такимъ изслѣдованіемъ, я даю таблицу съ раздѣленіемъ драмы на то, что написано Шекспиромъ раньше на то, что написано имъ же позже, и на то, что принадлежитъ Марстону. Такая таблица, конечно только приблизительно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но и въ такомъ видѣ она можетъ помочь разобраться въ

этой, самой запутанной по составу, драмѣ Шекспира ¹⁾).

Нельзя также точно установить относительно Марстона, какъ относительно Бомонта, Флетчера, Джонсона и другихъ, что актеры королевской труппы приглашали его писать для своего театра. Но однако фактъ, что Вилькинсъ написалъ 1-ый и 2-ой акты „Перикла“, хотя тоже нельзя доказать, что онъ когда либо былъ приглашенъ писать для этого театра. Въ такихъ случаяхъ нельзя добиваться несомнѣнныхъ доказательствъ и нужно ограничиваться наиболѣе вѣроятными предположеніями.

Робертъ Бойль ²⁾.

¹⁾ Шекспиръ (ранній періодъ): Исторія любви Троила и Крессиды. I актъ: сц. 1—9 до 107 стиха; сцена 2-ая, цѣликомъ. III актъ: сцена 1-ая и 2-ая цѣликомъ. IV актъ: сцена 2, 3, 4-ая—цѣликомъ; сцена 4-ая, стихи отъ 1—110. Сцена 5-ая стихи отъ 27—293, измѣнены Шекспиромъ позже. V актъ: сцена 3, отъ ст. 97—112 (первоначальный конецъ пьесы).

Шекспиръ (позднѣйшій періодъ). Исторія несогласій въ греческомъ лагерѣ: I актъ, сц. 3-я, 1—212 и 310—392. II актъ, сцена 1-ая, 1—132, сц. 3-я, —вся. III актъ, сц. 3-я, —цѣликомъ.

Марстонъ. Исторія Гектора. I актъ, сц. 1-я, 108—119. Сц. 3-я, 213—310. II актъ, сц. 1-я, 134—141, сц. 2-я вся IV актъ, сц. 1-я—вся Сц. 4-я, 111—150. Сц. 5-я вся (за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ первоначальной пьесы пересмотрѣнныхъ Шекспиромъ).

V актъ: сц. 1-я вся, сц. 3-я, 1—96, сц. 4-я—вся и конецъ пятого акта. По этому раздѣленію Шекспиру принадлежатъ около 1100 стиховъ ранняго періода и около 740 позднѣйшаго, а Марстону почти 1200 стиховъ.

²⁾ Переводъ (Зин. А. В. Венеровой) съ рукописи. Статья написана для нашего изданія. Авторъ одинъ изъ видныхъ современныхъ шекспирологовъ, до извѣстной степени принадлежитъ и русской ученой средѣ. Шотландецъ по происхожденію (р. 1842), Робертъ Ивановичъ Гойль живетъ около 30 лѣтъ въ Россіи, былъ лекторомъ англійскаго языка въ Дерптскомъ Унив., а теперь состоитъ профессоромъ англ. яз. въ Академіи Генеральнаго Штаба и Appenschule. Ред.

Герои Троянской войны въ изображеніяхъ античныхъ вазъ. (Ваза въ Дуврѣ: Ахиллесъ и Патроклъ прощаются съ родителями; James Millingen, Painted Greek, vases London, 1822).

Дѣйствующія лица:

Пріамъ, царь троянскій.	Ахиллесъ.	Греческіе вожди.
Гекторъ.	Аяксъ.	
Парисъ.	Улиссъ.	
Троилъ.	Несторъ.	
Дейфобъ.	Діомедъ.	
Элленъ.	Патроклъ.	
Эней.	Терситъ, безобразный и непристойный грекъ.	
Антеноръ.	Александръ, слуга Крессиды.	
Калхасъ, троянскій жрецъ, сторонникъ грековъ.	Елена, жена Минелая.	
Пандаръ, дядя Крессиды.	Андромаха, жена Гектора.	
Маргарелонъ, побочный сынъ Пріама.	Кассандра, дочь Пріама пророчица.	
Агамемнонъ, греческій полководецъ.	Крессиды, дочь Калхаса.	
Менелай, братъ его.	Троянскіе и греческіе солдаты, слуги и народъ.	

Дѣйствіе происходитъ частію въ Трою, частію въ греческомъ лагерѣ.

МѢСТНОСТЬ ДРЕВНЕЙ ТРОИ.

(Schliemann, Troja, Leipzig, 1884).

ПРОЛОГЪ.

Арена—Троя. Гнѣвомъ благороднымъ
Охваченные, къ гавани Аѳинъ
Шлютъ корабли властители Эллады.
На корабляхъ—войска, орудья битвъ.
Все—для войны. И вотъ, шестьдесятъ девять
Увѣнчанныхъ царей даютъ обѣтъ
Разрушить Трою, и отъ волнъ аѳинскихъ
Пускаются къ далекимъ берегамъ.
Тамъ нѣжится за крѣпкими стѣнами,
Похищена Парисомъ и въ его
Объятіяхъ—супруга Менелая—
Предметъ раздора. Греки пристають
Къ Тенедосу. Тяжелыя суда
На берегъ грузъ воинственный спустили,
И бодрые, не смятые борьбой,
На царственныхъ равнинахъ дарданійскихъ
Разбили греки пышные шатры.
Всѣ шесть воротъ у города Пріама:
Тимбрійскія, Троянскія ворота,
Аттеноридскія, Дарданскія, Хетскія

И Илліонскія,—скрывая за собой
Питомцевъ Трои, замкнуты вплотную
Желѣзными засовами внутри,
Входящими въ огромнѣйшія скобы.
Надежда на себя такъ разжигаетъ
Тѣхъ и другихъ, что греки и троянцы
Равно рассчитываютъ только на удачу.
И если я, Прологъ, являюсь здѣсь
Вполнѣ вооруженнымъ, то, конечно,
Не съ тѣмъ, чтобы актеровъ защитить
Иль автора перо, а лишь повѣдать,
О, зрители почтеннѣйшіе, вамъ,
Облекшись въ плащъ, достойный представ-
ленья,

Что, опустивъ начало той войны,
Все дѣйствіе начнется съ середины
И оборвется тамъ, гдѣ надо. Вы
Хвалите представленье, иль браните,
Все въ вашей волѣ. Здѣсь, какъ на войнѣ,
Отъ случая зависитъ все вполнѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Троя; передъ дворцомъ Пріама.

Входитъ вооруженный Троиль, съ нимъ Пандаръ.

Троиль.

Зови слугу. Я вновь сниму доспѣхи.
Зачѣмъ мнѣ биться внѣ троянскихъ стѣнъ,
Когда во мнѣ, во мнѣ самомъ ужаснѣй
Кипитъ война! Пусть съ греками ужъ тотъ
Сражается, кто самъ надъ сердцемъ вла-
стенъ.

Троиль, увь, утратилъ эту власть.

Пандаръ.

Ты нянчиться съ собой намѣренъ долго?

Троиль.

Умѣютъ греки силою своей
Распорядиться. Ловкость ихъ доходитъ
До лютости, а лютость—до геройства...
Я-жъ женскихъ слезъ слабѣе, я пугливѣй
Ночного сна, глупѣе, чѣмъ незнанье.
Геройства-же во мнѣ не больше, чѣмъ
У дѣвушки въ полночи. Ловкости! Ловкости!
Любой ребенокъ превзойдетъ меня.

Пандаръ. Ладно. Достаточно у насъ
съ тобой было говорено объ этомъ. Больше
я не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло.
Кто желаетъ получить пшеничный пирогъ,
пусть подождетъ, пока смелютъ пшеницу.

Троиль. Развѣ мало я ждалъ!

Пандаръ. Да, пока мололи. Подожди,
пока просѣютъ.

Троиль. Развѣ мало я ждалъ!

Пандаръ. Да, пока просѣивали. По-
дожди, когда взойдетъ тѣсто.

Троиль. Ждалъ и этого.

Пандаръ. Да... тѣста! Но это не все.
Еще надо замѣстить тѣсто, сдѣлать пирогъ,
затопить печь и посадить въ нее пирогъ...
Да и этого еще мало. Надо дать пирогу
простыть, а не то, не равно, губы обож-
жешь.

Троиль.

Терпѣнье—Богъ, но даже онъ едва-ли
Сносить страданья можетъ такъ, какъ я!
Когда, порой, за трапезой Пріама
Въ моихъ мечтахъ возникнетъ какъ то вдругъ

Чарующій и свѣтлый ликъ Крессиды—
Возникнетъ! О, какъ смѣю я такъ лгать!
Да есть-ли мигъ, когда онъ не со мною!

Пандаръ. Надо сознаться, вчера вече-
ромъ она мнѣ показалась особенно краси-
вой. Врядъ-ли могла соперничать съ нею
какая нибудь другая женщина.

Троиль.

О, да! Я также видѣлъ. Въ цѣломъ мірѣ
Прекраснѣй нѣтъ. А сердце! Ахъ, оно
Отъ вздоховъ то грозило разорваться,
То выскочить изъ груди. Но, боясь,
Чтобы отецъ иль Гекторъ не постигли
Завѣтной тайны, я ее скрывалъ
Улыбкою. Такъ солнце поглощаетъ
Своимъ сіяньемъ тучи. Но печаль,
Прикрытая притворною улыбкой,
Подобна счастію: блеснетъ
И вдругъ во тмѣ страданья пропадетъ.

Пандаръ. Не будь ея волосы немного
потемнѣе, чѣмъ у Елены, по моему, ихъ и
сравнивать было бы немислимо. Впрочемъ,
она мнѣ родственница, и я вовсе не желаю
нареканий въ томъ, что, какъ говорится,
выхваляю ее. Однако, я желалъ бы, чтобы
кто нибудь вчера подслушалъ, какъ я, ея
разговоръ. Конечно, я нисколько не умаляю
ума твоей сестры Кассандры, но...

Троиль.

О, Пандаръ, замолчи! Когда тебѣ
Я говорю, что всѣ мои надежды
Потоплены навѣкъ...—ты измѣряешь
Всю глубину пожравшей ихъ пучины...
Какъ другу, довѣряюся тебѣ,
Что отъ любви къ Крессидѣ я сгораю,
Схожу съ ума,—а ты терзаешь мнѣ
Сердечную, мучительную рану
То царственною поступью ея,
То чудными глазами, то щекою,
То волосами. О ея рукѣ
Ты говоришь, въ сравненіи съ которой
Все бѣлое—чернила, лишь къ тому
И годныя, чтобы въ этомъ расписаться.
Лебяжій пухъ тяжелъ и грубъ съ ней рядомъ.
А нѣжное дыханіе Зефира—
Шершавѣ ладони землепашца.
Хоть говоришь безспорную ты правду,
Но для чего она, когда я самъ

Одно и то же вѣчно повторяю:
„Люблю! Люблю безумно!“ И взамѣнь
Цѣлебнаго бальзама, ты мнѣ въ рану
Вонзаешь ножъ любви.

Пандаръ. Что-жъ, правду не перерос-
стешь.

Троилъ. Ты не сравнишься съ правдой.

Пандаръ. Ладно. Если такъ, мое дѣло
сторона. Пусть она будетъ такой, какъ ей
заблагоразсудится. Хороша — тѣмъ лучше
для нея. Не хороша — средство помочь бѣдѣ
у нея подъ руками.

Троилъ. Ну, полно, Пандаръ, добрый
мой Пандаръ.

Пандаръ. И вотъ награда за всѣ мои
старанія. Изъ-за нея — твое пренебреженіе
ко мнѣ, изъ-за тебя — ея пренебреженіе.
Я-то мечусь отъ одной къ другому, и вотъ —
благодарность!

Троилъ. Неужели ты обидѣлся, Пан-
даръ? Это на меня-то!

Пандаръ. Если она мнѣ родственница,
такъ значить и не можетъ быть хороша,
какъ Елена. А не будь родственницей — о,
тогда ее и въ пятницу можно признать
столь-же красивой, какъ Елена въ воскре-
сеніе. Да мнѣ то что за дѣло! Будь она
такъ же черна и дурна, какъ арапка, не все-
ли мнѣ равно!

Троилъ. Да развѣ я говорю, что она
не хороша?

Пандаръ. Не все-ли мнѣ равно, гово-
ришь ты, или нѣтъ. Дура она, что остается
здѣсь безъ отца. Отправилась бы къ гре-
камъ. При первой же встрѣчѣ я ей это
внушу. Ну, а я? Мое дѣло — сторона. Не
стану я въ это мѣшаться.

Троилъ. Пандаръ!

Пандаръ. Ни въ какомъ случаѣ!

Троилъ. Славный мой Пандаръ...

Пандаръ. Сдѣлай милость, не приста-
вай. Я, какъ все засталъ, такъ и оставляю.
Кончено. (*Уходитъ*).

(*За сценой трубятъ тревогу*).

Троилъ.

Умолкни, гулъ противный! Замолчите
Вы, звуки возмутительные! Всѣ,
Всѣ вы глупцы, и греки и троянцы!
Пусть хороша Елена, если вы
Здѣсь каждый день своею кровью въ этомъ
Расписываетесь. Но я
Не въ силахъ воевать за это: поводъ
Ничтожный здѣсь для моего меча.
Но, Пандаръ! Пандаръ! Какъ вы безпо-
щадны
Ко мнѣ о, боги! Безъ него, увы,

Мнѣ не проникнуть никогда къ Крессидѣ,
А оны! Лишь только рѣчь зайдетъ о ней,
Становится такимъ же безпощаднымъ,
Такимъ же грязнымъ, какъ она сама,
Когда свою невинность защищаетъ
Отъ пламенныхъ намѣреній моихъ.
О, Аполлонъ! Хоть ради Дафны только
Скажи мнѣ, что Крессидѣ? Пандаръ? Я?
Ей Индія и ложе и отчизна,
Жемчужина безцѣнная она...
Межъ ней и мной и нашимъ Иліономъ
Какъ бы кипитъ мятежный океанъ.

Я противъ волнъ плыву за ней, а Пан-
даръ

Мой утлый членъ, мой кормчій, якорь мой,
Маякъ надеждъ, обманчивый въ туманѣ.

(*Снова трубятъ тревогу*).

Входитъ Эней.

Зачѣмъ ты здѣсь, а не на полѣ битвы?

Троилъ.

Зачѣмъ, что здѣсь. Отвѣтъ, конечно, бабій,
Но кстати онъ. Не правда ль? Быть не тамъ,
Умѣстно бабѣ. Но скажи скорѣе,
Что новаго на полѣ битвы?

Эней.

То,

Что раненый Парисъ домой вернулся.

Троилъ.

Кѣмъ раненъ?

Эней.

Менелая.

Троилъ.

О, пускай

Струится кровь. Забавна только рана:
Ее нанесъ рогами Менелай.

(*Тревога*).

Эней.

Ты слышишь-ли, какая за стѣнами
Идетъ потѣха?..

Троилъ.

Я бы предпочелъ

Ее въ стѣнахъ, когда бѣ въ одно слилися
Хотѣть и мочь. Но время. Дѣло къ спѣху
Идешь?

Эней.

Сейчасъ.

Троилъ.

Такъ вмѣстѣ на потѣху!
(*Уходятъ*).

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЮНОША.

(Левинский акрополь, VI—в. до Р. X.).

СЦЕНА II.

Другая улица въ Троѣ.

Входятъ КРЕССИДА и АЛЕКСАНДРЪ.

КРЕССИДА.

Кто это былъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Елена и Гекуба.

КРЕССИДА.

Куда-жъ онъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

На битву поглядѣть—

Къ восточной башнѣ, царственно стоящей
Надъ полемъ. Гекторъ нынче раздраженъ.
Куда терпѣнье дѣлосы! Андромаху
Онъ разбранилъ, прибилъ оруженосца.
Съ разсвѣтомъ, какъ прилежный земледѣ-
лецъ,

Одѣлъ доспѣхи бранные и въ поле
Направился, гдѣ весь въ ростъ цвѣтокъ
Какъ бы слезами горестными плачетъ,
Несчастіе предвидя, какъ пророкъ.

КРЕССИДА.

А что его взбѣсило такъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Да слухи,
Что будто въ станѣ грековъ есть герой,
Троянецъ—кровью, съ именемъ Аякса...
Племянникъ Гектора при этомъ...

КРЕССИДА.

И затѣмъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Онъ, говорятъ, весьма своеобразенъ
И держится всегда особнякомъ.

КРЕССИДА. Да и всякій такъ держится,
коли не пьетъ, не боленъ и съ цѣлыми
ногами.

АЛЕКСАНДРЪ. Этотъ человѣкъ, по от-
зывамъ, воспринялъ всѣ качества звѣрей:
онъ храбръ, какъ левъ, грубъ, какъ мед-
вѣдь, неповоротливъ, какъ слонъ. Природа
до того перепутала въ немъ всѣ эти
крайности, что его мужество граничитъ съ
глупостью, зато въ глупости прорывается
истинная мудрость. Нѣтъ того порока и
добродѣтели, которые не сказались бы въ
немъ такъ или иначе. Онъ безъ причины
бываетъ печаленъ и ни съ того, ни съ
сего веселъ. У него всего много, но все въ
разладъ: это какъ-то паралитикъ—Бріа-

рей: сто рукъ и не управляется съ ними,— или—Аргусъ: весь въ глазахъ и ничего не видить.

Крессиди. И этотъ забавный человекъ могъ взбѣсить Гектора!

Александръ. Слышно, вчера, въ бою; онъ схватился съ Гекторомъ и повалилъ его; оттого Гекторъ, пристыженный и униженный, пересталъ ѣсть и спать.

Крессиди. Кто тамъ идетъ?

Александръ. Вашъ дядя Пандаръ.

Входитъ Пандаръ.

Крессиди. А все-же Гекторъ храбрый человекъ.

Александръ. Во всемъ мѣрѣ нѣтъ равнаго ему по храбрости.

Пандаръ. Въ чемъ дѣло? О чемъ рѣчь?

Крессиди. Добраго утра, дядя Пандаръ.

Пандаръ. Добраго утра, племянница Крессиди. О чемъ это вы бесѣдовали? Добраго утра, Александръ. Какъ поживаешь племянница? Когда изъ Иллиона?

Крессиди. Нынче утромъ, дядя.

Пандаръ. О чемъ шла рѣчь, когда я подходилъ къ вамъ... А Гекторъ дома былъ, когда ты шла въ Иллионъ, или онъ ужъ вооружился и ушелъ? А Елена, вѣрно, и не вставала еще?

Крессиди. Гекторъ уже ушелъ, но Елена еще не вставала.

Пандаръ. Раненько-же онъ ушелъ сегодня!

Крессиди. Объ этомъ-то мы и бесѣдовали, когда ты подошелъ. Да еще о томъ, что онъ былъ въ ярости.

Пандаръ. А онъ былъ въ ярости?

Крессиди. Да, вотъ по его словамъ.

Пандаръ. Такъ оно и есть. Я знаю почему. Достанется нынче отъ него грекамъ! Да и Троилю отъ него не отстанеть. Берегись они Троиля! Могу поручиться!

Крессиди. Какъ! развѣ онъ тоже сердитъ?

Пандаръ. Кто? Троилю? Да Троилю—то еще позначительнѣе будетъ.

Крессиди. О, Юпитеръ! Можно-ли ихъ сравнивать!

Пандаръ. Троиля съ Гекторомъ! Да развѣ ты не отличишь мужа, развѣ увидѣвъ его?

Крессиди. Разумѣется, если я прежде видала и отличала его?

Пандаръ. Вотъ я и говорю. Троилю есть Троилю.

Крессиди. И я убѣждена, что онъ не можетъ быть Гекторомъ.

Пандаръ. Но за то Гекторъ не Троилю. Крессиди. Справедливо. Каждый самъ по себѣ.

Пандаръ. Самъ по себѣ! Увы, бѣдный Троилю! Если-бы онъ могъ быть самъ по себѣ.

Крессиди. Такъ онъ и есть.

Пандаръ. Если-бы было такъ, я бы съ радости босикомъ въ Индію сходилъ.

Крессиди. Однако, не сталъ же онъ Гекторомъ.

Пандаръ. Самъ по себѣ! Желалъ-бы я, чтобъ онъ былъ самъ по себѣ. Но вѣдь есть-же надъ нами боги! Время все можетъ исправить. Жди, Троилю, придетъ твое время. Желалъ-бы я, чтобы въ ея груди было мое сердце. Нѣтъ, Гекторъ ни въ какомъ случаѣ не лучше Троиля.

Крессиди. Ну, ужъ извини.

Пандаръ. Онъ, во-первыхъ, старше.

Крессиди. Извини, извини.

Пандаръ. А Троилю еще не дожилъ до его лѣтъ. Посмотримъ, что ты скажешь, когда онъ доживетъ. Гектору не мѣшало-бы признанъ ума у младшаго, но только... не въ этомъ году.

Крессиди. Ему и незачѣмъ занимать: своего достаточно.

Пандаръ. Нѣтъ у него тѣхъ достоинствъ, какія есть у Троиля.

Крессиди. Какія это?

Пандаръ. Во-первыхъ, нѣтъ такой красоты.

Крессиди. Зачѣмъ ему такая красота? Своя къ нему больше идетъ.

Пандаръ. У тебя недостаетъ вкуса, племянница. Давеча сама Елена клялась, что смуглость Троиля для мужчины... онъ правда смугль... въ томъ нелзя не сознаться... И однако, несомнѣно.

Крессиди. Совсѣмъ смугль.

Пандаръ. По правдѣ, онъ и смугль и не смугль.

Крессиди. По правдѣ, эта правда—неправда.

Пандаръ. По ея словамъ, цвѣтъ его лица куда лучше, чѣмъ у Париса.

Крессиди. По моему, румянецъ у Париса достаточно свѣжъ.

Пандаръ. Достаточно.

Крессиди. Значитъ, Троилю не въ мѣру румянъ. Если Елена говорила, что цвѣтъ его лица лучше, чѣмъ у Париса, значитъ онъ ярче, а такъ какъ Парисъ достаточно румянъ, онъ долженъ быть ярче яркаго. Изъ этого слѣдуетъ, что такая похвала слишкомъ ярка. Пожалуй, такъ зо-

лотой язычекъ Елены найдетъ, что у Троила мѣдный носъ, и станеть его восхвалять за это.

Пандаръ. Я готовъ дать клятву, что Еленѣ онъ нравится больше, чѣмъ Парисъ.

Крессиди. О, значить, у этой гречанки прелегкомысленный нравъ!

Пандаръ. Я увѣренъ, что онъ ей нравится. На дняхъ она приблизилась къ нему... Онъ стоялъ у оконной ниши... Ты знаешь, вѣдь у него на подбородкѣ всего три-четыре волоска растутъ.

Крессиди. Да, откровенно говоря, ихъ легко счесть и безъ математики. Любой трактирный слуга подсчитаетъ.

Пандаръ. Да, онъ еще очень молодъ. И все таки, сила у него такая, что онъ... ну, можетъ быть, на три фунта меньше вытянетъ, чѣмъ его братъ Гекторъ!

Крессиди. Да неужели! Такъ молодъ и такая прыть!

Пандаръ. И вотъ доказательство, что Елена къ нему не равнодушна: она подошла къ нему и прикоснулась своей бѣлой ручкой къ его раздвоенному подбородку.

Крессиди. О, сжался Юнона! Кто-же ему раздвоилъ подбородокъ?

Пандаръ. Не то. У него, знаешь, ямочка на подбородкѣ. По моему, во всей Фригии ни у кого нѣтъ подобной улыбки.

Крессиди. О, улыбка у него замѣчательная!

Пандаръ. Не правда-ли?

Крессиди. Какъ осенняя туча.

Пандаръ. Ну, говори, говори... Однако, чтобы доказать тебѣ, что Елена влюблена въ Троила...

Крессиди. Докажи это Троилу. Ему интереснѣе.

Пандаръ. Троилу! Но она для него не интереснѣе выѣденнаго яйца.

Крессиди. Если ты такъ же любишь выѣденныя яйца, какъ пустыя головы, то поѣшь всѣхъ невылупившихся цыплятъ.

Пандаръ. Вспомнить не могу безъ смѣха какъ она щекотала ему подбородокъ. Вѣдь, у Елены дивная ручка, надо сознаться.

Крессиди. И даже—безъ пытки.

Пандаръ. Вдругъ, она нашла сѣдой волосокъ на его подбородкѣ.

Крессиди. Бѣдный подбородокъ! Онъ можетъ позавидовать многимъ бородавкамъ.

Пандаръ. Сколько тутъ было смѣха! Царица Гебука хохотала до слезъ; онъ выкатывались у нея...

Крессиди. Какъ жернова.

Пандаръ. И Касандра хохотала такъ... Крессиди. Что глаза выкатывались? Или и у нея изъ глазъ катились слезы?

Пандаръ. И Гекторъ до того смѣялся...

Крессиди. Надъ чѣмъ-же они, однако, такъ надрывались отъ смѣха?

Пандаръ. Да все надъ тѣмъ-же сѣдымъ волоскомъ, который Елена открыла на Троиловомъ подбородкѣ.

Крессиди. Вотъ если-бы зеленый волосъ она у него нашла, я бы, пожалуй, посмѣялась тоже.

Пандаръ. Ихъ размѣшилъ еще не столько волосъ, сколько забавный отвѣтъ его.

Крессиди. Что-же онъ такое отвѣтилъ?

Пандаръ. „Знаешь,—сказала Елена,—у тебя на подбородкѣ всего пятьдесятъ одинъ волосъ и одинъ изъ нихъ посѣдѣлъ.“

Крессиди. Только и всего?

Пандаръ. Постой. „Пятьдесятъ одинъ.—отвѣчаетъ онъ,—и одинъ изъ нихъ посѣдѣлъ. Значить, этотъ сѣдой—мой отецъ, а остальные—его сыновья“. „О, Юпитеръ!—воскликнула она на это.—Который-же изъ нихъ супругъ мой—Парисъ?“—„Раздвоенный—отвѣчаетъ Троиль.—Вырви его и отдай ему“. Тутъ всѣ залились смѣхомъ, Елена такъ покраснѣла, а Парисъ такъ разозлился... Ну, а всѣ остальные чуть не лопнули отъ хохота.

Крессиди. Довольно. А то лопнетъ мое терпѣніе отъ этихъ пустяковъ.

Пандаръ. Дѣло твое, племянница. Я тебѣ вчера кое-что сообщилъ. Подумай объ этомъ.

Крессиди. Думаю.

Пандаръ. Клянусь, это сушая правда. Троиль такъ плачетъ о тебѣ, какъ будто въ апрѣлѣ родился.

Крессиди. Такъ я вырасту отъ его слезъ, какъ майская крапива. (*Въѣтъ отбой*).

Пандаръ. Смотри, вотъ они возвращаются съ поля битвы. Станемъ здѣсь и поглядимъ, какъ они будутъ проходить въ Иллионъ. Не такъ-ли, моя добрая племянница, моя милая Крессиди?

Крессиди. Пожалуй.

Пандаръ. Стой здѣсь. Отличное мѣсто! Отсюда мы прекрасно все разглядимъ. Я буду называть тебѣ всѣхъ по имени, сообразно съ тѣмъ, какъ они будутъ проходить. Но ты обращай вниманіе на одного Троила.

Крессиди. Не такъ громко.

Проходитъ Эней.

Пандаръ. Вотъ Эней. Это-ли не дивный

мужчина! Могу сказать по совѣсти—одинъ изъ цвѣтковъ Трои. Но все-же ты обращай вниманіе на Троила. Вотъ ты увидишь, каковъ онъ.

Крессидѣ. А это кто?

Проходитъ Антеноръ.

Пандаръ. Это Антеноръ. Могу по совѣсти сказать—умнѣйшая голова и очень недурень собой. Однако, что-же не идетъ Троиль? Увидишь, какъ только онъ замѣтитъ меня, сейчасъ сдѣлаетъ условный знакъ головою.

Крессидѣ. Осчастливитъ тебя.

Пандаръ. Увидишь.

Крессидѣ. Велика важность.

Проходитъ Гекторъ.

Пандаръ. А вотъ и Гекторъ. Вонъ тотъ... тотъ самый молодчина. Да, племянница, Гекторъ мужчина хоть куда! Храбрый, мужественный... Замѣть, какъ онъ смотритъ! Какова осанка! Это величіе. Развѣ не молодчина?

Крессидѣ. Неоспоримо.

Пандаръ. Не правда-ли! Сердце радуется при взглядѣ на него. Замѣть, какіе рубцы на его шлемѣ. Взглядишь хорошенько. Видишь? Это не шутка. По этимъ рубцамъ видно, что жаркое дѣло было. Это рубцы!

Крессидѣ. И все отъ мечей?

Пандаръ. Не все-ли равно, отъ мечей, или не отъ мечей. Хоть самъ чортъ на него напади, онъ не поддастся. Всѣхъ боговъ призываю въ свидѣтели,—сердце радуется при взглядѣ на него. А вонъ Парисъ идетъ. Видишь, вотъ, вотъ Парисъ.

Проходитъ Парисъ.

Пандаръ. Смотри на него племянница. Развѣ не красивъ и онъ! Что-же ходили слухи, что онъ уже возвратился домой и раненъ? Ни малѣйшей раны! То-то обрадуется Елена, когда онъ вернется домой невредимымъ! Теперь бы взглянуть на Троила. Что-же Троиль?

Проходитъ Эллень.

Крессидѣ. А это кто?

Пандаръ. Эллень. Странно, однако,—нѣтъ и нѣтъ Троила. Да... Эллень... Или тотъ сегодня не выходилъ на бой?.. Этотъ... да... Этотъ—Эллень.

Крессидѣ. А развѣ Эллень тоже въ состояніи сражаться?

Пандаръ. Эллень-то? Куда ему! То есть, такъ себѣ... и въ состояніи и не въ состояніи... Удивляюсь, куда запропастился

Троиль? Слушай... Тамъ, кажется, кричатъ: „Троиль“?.. Нѣтъ, куда Эллень дратся! Эллень трусъ.

Крессидѣ. А это что за пиголица переступаетъ тамъ?

Проходитъ Троиль.

Пандаръ. Гдѣ?... А, ты не про того! Это—Дейфобъ... А вотъ—Троиль. Что, племянница! Каковъ человѣкъ! Да, доблестный Троиль. Герой надъ героями!

Крессидѣ. Тише. Постыдился бы!

Пандаръ. А ты взглядишь въ него. Запомни хорошенько. О, храбрый Троиль! Замѣть, какъ окровавленъ мечъ его. А шлемъ-то! Шлемъ-то! Изсѣченъ больше, чѣмъ у Гектора. Замѣть какой взглядъ! Какая поступь! О, дивный юноша! И ему нѣтъ двадцати трехъ лѣтъ! Иди своей дорогой, Троиль! Иди своей дорогой! Будь у меня сестра грація, или дочь богиня, я предоставилъ бы ему любую. Дивный мужчина! Парисъ? Парисъ—тѣфу передъ нимъ. Елена съ радостью отдала-бы за этого—того, да еще собственный глазъ въ придачу.

Проходятъ нѣсколько простыхъ воиновъ.

Крессидѣ. Вотъ и еще идутъ.

Пандаръ. Ослы! Дураки! Олухи! Труха и солома! Солома и труха! Похлебка послѣ мяса! Я до самой смерти могъ бы, кажется, не сводить глазъ съ Троила. Ну, что ты смотришь еще? Что? Улетѣли орлы, остались только вороны да галки, галки, да вороны. Ужъ если на кого походить, такъ я предпочелъ бы быть Троиломъ, скорѣе, чѣмъ всѣми греками вмѣстѣ, съ прибавкой Агамемнона.

Крессидѣ. Среди грековъ есть Ахиллесъ. Далеко до него Троилу.

Пандаръ. Ахиллесъ! Да это ломовой извожикъ, носильщикъ, верблюдъ!... и больше ничего.

Крессидѣ. Полно, полно.

Пандаръ. Чего полно! Есть у тебя понятіе? Есть глаза? Не можешь отличить мужа! Развѣ порода, красота, статность, краснорѣчіе, мужество, образованіе, воспитаніе, любезность, добродѣтель, юность, щедрость и все прочее—не та соль, не тѣ пряности, которыя приправляютъ человѣка.

Крессидѣ. И не говори! Человѣкъ изъ особеннаго тѣста, въ которое и финиковъ класть не надо: безъ нихъ всходить.

Пандаръ. Престранная ты женщина. Нѣтъ возможности предвидѣть твои от-

вѣты, на какое слово ты наляжешь и отъ какого ускользнешь.

Крессиди. Я полагаюсь на спину, чтобы защитить животь, на умъ, чтобы защитить лукавство, на скромность, чтобы защитить честь. Маской защищаю я красоту, а тобою—все это разомъ. Вотъ тѣ слова, на которыя я опираюсь при отвѣтахъ. У меня ихъ не счесть, какъ и средствъ для само-защиты.

Пандаръ. Нельзя-ли узнать хоть одно?

Крессиди. Ни за что. Лучшее средство за защиты—молчаніе. Если то, что нуждается въ защитѣ, я не сѣмью сохранить отъ постороннихъ рукъ, то, по крайней мѣрѣ, я скрою пораженное мѣсто. Развѣ ужъ, если оно вспухнетъ до очевидности... Тогда ужъ поздно охранять.

Пандаръ. Престранное ты существо.

Входитъ мальчикъ, слуга Троила.

Мальчикъ. (*Пандару*). Мой господинъ желаетъ сейчасъ-же поговорить съ тобою.

Пандаръ. Гдѣ онъ?

Мальчикъ. У тебя на дому. Онъ снимаетъ теперь свои доспѣхи.

Пандаръ. Передай ему, славный юноша, что я иду. (*Мальчикъ уходитъ*). Боюсь, не раненъ ли онъ! Прощай, любезная племянница.

Крессиди. Прощай, дядя.

Пандаръ. Я скоро опять увижусь съ тобою.

Крессиди. Съ чѣмъ тебя ждать, дядя?

Пандаръ. Съ доказательствомъ любви Троила. (*Уходитъ*).

Крессиди. И тѣмъ окончательно докажешь, что ты—сводникъ.

Всѣ жертвы, всѣ дары любви, признанья, Восторгъ, печаль и слезы и стенанья Отъ имени другого онъ сулитъ.

Не знаетъ онъ, что сердце говоритъ
Мнѣ о высокихъ качествахъ Троила—
Въ сто разъ яснѣй, сильнѣй, чѣмъ отразило
Ихъ зеркало напыщенныхъ похвалъ.
Но не сдаюсь,—какъ онъ бы ни желалъ.
Мы, женщины, мы ангелы, покуда
Въ мужчинахъ къ намъ горитъ огонь. Но
чудо

Становится ничѣмъ, когда его
Онъ, вдругъ, возьметъ. Одинъ лишь мигъ
всего—

И смерть любви! Нѣтъ, какъ бы ни любила
Я милаго,—уста мои могила!

(*Уходитъ*).

ПАНДАРЪ И КРЕССИДА. (Дѣйствіе I, сц. 2).

Картина англійскаго художника Кирка (Th. Kirk † 1797). Малая Бойделлевская Галлерей.

СЦЕНА III.

Станъ грековъ передъ шатромъ Агамемнона. Трубы. Проходятъ Агамемнонъ, Несторъ, Уллизъ, Менелай и другіе.

АГАМЕМНОНЪ.

Скажите мнѣ, князья и полководцы,
Какая скорбь туманитъ ваши лица
Болѣзненной, зловѣщей желтизною?
Случалось-ли, чтобъ всѣ предначертанья,
Всѣ планы челоуѣка исполнялись,
Согласно съ ожиданьями? О, нѣтъ,
И самыя великія дѣянья
Нерѣдко на пути своемъ встрѣчаютъ
Препятствія и бѣды; и они
Нерѣдко развиваются, подобно
Уродливымъ наростамъ, иль узламъ
На царственныхъ могущественныхъ кедрахъ.
Движеніе соковъ въ вѣткахъ и корняхъ
Они въ себѣ задерживаютъ жадно,
И стройный стволъ кривится. Такъ, друзья,
Повѣрьте мнѣ, не стоитъ огорчаться,
Что все еще надежды не сбылись

И злыхъ и добрыхъ равно наставляя.
Но стоитъ разъ планетамъ обойти
Порядокъ свой,—о, сколько бѣдъ возник-
нетъ,

Чудовищно мятежныхъ! Сколько бурь,
Землетрясеній, столкновеній грозныхъ
И перемѣнъ! Смятеніе, ужасъ, мракъ
Цвѣтущихъ странъ разрушатъ міръ бла-
женный.

Гдѣ лѣстница для величавыхъ дѣлъ!
Что, кромѣ смерти, ждетъ всѣхъ предпріятъ!
Чѣмъ держится порядокъ стройный школъ!
Сословья въ городахъ, торговля! Только
Священною охраной правъ! Попробуй
Ступени эти вырвать, или вѣру
Поколебать, и скоро вы разладъ
Во всемъ найдете. Въ мірѣ все къ борьбѣ
Настроено. Недвижимыя воды
Мгновенно возмутятся; затопивъ
Всѣ берега, онѣ и міръ затопятъ,
И станетъ онъ похожъ на мокрый хлѣбъ.
Насиліе поработаетъ слабость,
И извергъ-сынъ отца замучитъ. Право
Замѣнить сила. А еще вѣрнѣй—
Неправда съ правдой, посреди которыхъ
Есть справедливость,—всѣ сольются вдругъ,
И сгинутъ скоро даже ихъ названья.
Все подпадетъ подъ иго своеволя,
Сама-жъ она—подъ иго грубой силы,
А своеволие—рабъ чревоугоды.
Чревоугоды—ненасытный волкъ,
При помощи сподвижниковъ подобныхъ,
Въ концѣ-концовъ, пожретъ само себя.
Такъ вотъ, о вождь блистательный, что
выйдетъ,

Коль упразднить чинопочинанье. Да,
Хаосъ вездѣ, во всемъ! Уничтоженіе
Во время войны ведетъ лишь къ одному:
Все, что впередъ не движется, обратно
Должно пойти. Ближайшій подчиненный
Съ презрѣніемъ отнесется къ полководцу,
А къ этому—еще стоящій ниже.
Такъ, вырастая съ каждою ступенью,
Переходя отъ одного къ другому,
Оно влечетъ соперничество, зависть,
И до сихъ поръ своимъ спасеніемъ Троя
Обязана не мужеству защиты,
А роковымъ раздорамъ въ нашемъ станѣ!
Чтобъ рѣчь мою пространную закончить
Я повторяю: Троя невредима
Не потому, что мужество въ ней сильно,
А потому, что мы безсильны сами.

Несторъ.

Я признаю,—недугъ, гнетущій насъ,
Опредѣлилъ Улиссъ премудро, вѣрно.

Агамемнонъ.

Недугъ открыть, но чѣмъ его лѣчить?

Улиссъ.

Чѣмъ? Ахиллесъ великій, тотъ, кого
Молва зоветъ десницей гордыхъ грековъ,
Въ своей палаткѣ, лестью упоенъ,
Валяется, кичась и насмѣхаясь
Надъ нашими стараньями. Патроклъ
Съ ними заодно глумится надъ врагами
И насъ клеймитъ позорной клеветой.
Что мы! Тебя, Агамемнонъ великій,
Онъ не щадитъ... ни имени, ни сана,
И, какъ актеръ бездарный, всѣ таланты
Котораго лишь въ подкольной жилѣ,
Въ бесѣдѣ ногъ съ кроватью деревянной,
Позоритъ онъ твое величье дерзко,
Тѣмъ голосомъ, который дребезжитъ,
Какъ колоколъ разбитый, и словами,
Которыя въ устахъ Тифона даже
Казались бы гиперболами злыми!
Смотря на эти пошлости, Ахиллъ
Отъ грубыхъ плечъ до живота хохочетъ
И громко восклицаетъ: „Ну, совсѣмъ
Агамемнонъ! Отлично! Превосходно!
Теперь представь мнѣ Нестора, какъ онъ
Предъ каждой рѣчью бороду погладитъ,
Покашляетъ...“ И представляетъ тотъ.
Пускай одно похоже на другое,
Какъ на Вулкана мощнаго—жена,
Но Ахиллесъ все вопитъ: „Превосходно,
Ну, сущій Несторъ! А теперь, Патроклъ,
Представь, какъ онъ въ часы ночной тревоги
Вооружается“. И вотъ, Патроклъ опять
Надъ немощами старости глумится:
Онъ кашляетъ, плюетъ и съ дрожью рукъ
Какъ будто бы застегиваетъ латы,
Не попадая въ пряжку ремешкомъ.
А тотъ, герой, катается отъ смѣха,
Крича: „Довольно! Будетъ! Будетъ, другъ,
А то умру отъ смѣха!“ Такъ всѣ наши
Достоинства, таланты и черты,
Намѣренія, успѣхи, неудачи
И выдумка и правда—все ему
Посмѣшищемъ и поруганьемъ служить.

Несторъ.

А нечестивцевъ пагубный примѣръ,
Богъ вѣсть за что,—какъ нашъ Улиссъ за-
мѣтилъ,—
Возведенныхъ едва не на Олимпъ
И прочихъ заражаетъ. Для примѣра
Взять хотъ Аякса. Этотъ тоже сталъ
Заносчивъ, гордъ, себялюбивъ, не меньше,
Чѣмъ Ахиллесъ. Онъ, какъ и тотъ, теперь
По цѣлымъ днямъ въ шатрѣ своемъ пи-
руетъ,

Съ величіемъ оракула глумясь
Надъ нашими невзгодами. Онъ даже
Науськиваетъ подлаго Терсита,
Безстыжаго раба, чья желчь и злость
Чеканить, какъ фальшивую монету,
И клевету и гнусности объ насъ.
Что до того ему, что подрываетъ
Онъ языкомъ своимъ довѣрье войскъ!

Улиссъ.

Они позорятъ нашу осторожность
И трусостью зовутъ и на войнѣ
Считаютъ лишней. Тамъ, по ихъ понятіямъ,
Одинъ кулакъ полезенъ. А работу
Ума, который долженъ вычислять
И звѣшивать наличность силъ враждебныхъ,
Они не ставятъ ни во что. Такой
Полезный трудъ они считаютъ даже
Стратегикой постельной, кабинетной.
Они таранъ, за страшный вѣсъ его
И гибельную скорость, почитаютъ
Достойнѣе, почтеннѣй той руки,
Которой онъ сработанъ, или мысли,
Его создавшей.

Несторъ.

Коль повѣрить имъ,
Такъ этакъ конь Ахилла въ состояннѣ
Прижить дѣтей съ Оетидою.
(За сценой трубы).

Агамемнонъ.

Трубить.

Мой братъ, взгляни, что тамъ!

Менелай.

Посоль изъ Трои.

Входитъ Эней.

Агамемнонъ.

Зачѣмъ, посоль, явился къ намъ?

Эней.

Прошу

Отвѣтитъ: здѣсь шатеръ Агамемнона?

Агамемнонъ.

Онъ здѣсь.

Эней.

Осмѣлится-ль герольдъ и вождь
Слухъ царственный его склонить къ по-
сланью?

Агамемнонъ.

Не меньше Ахиллесова меча
Мои слова надежны, и порукой
Они, что здѣсь посланіе твое
Дойдетъ къ Агамемнону передъ тѣми,
Кто отличилъ избраніемъ его.

Эней.

Достойная порука и любезность.
Но какъ же мнѣ, простому пришлецу,
Царя царей не знавшему доселѣ,
Отъ прочихъ смертныхъ какъ мнѣ отли-
чить?

Агамемнонъ.

Какъ отличить?

Эней.

Да, свой вопросъ тебѣ
Я задаю, чтобъ встать съ благоговѣньемъ
Предъ взорами царя, чтобы зажглись
Такимъ румянцемъ вдругъ мои ланиты,
Съ какимъ Заря на Феба обращаетъ
Невинный взоръ. Итакъ, повѣдай мнѣ,
Гдѣ этотъ Богъ по сану и властитель
Сердецъ и думъ? Гдѣ царь Агамемнонъ?

Агамемнонъ.

Надъ нами насмѣхается троянецъ?
Иль царедворцы льстивые они?

Эней.

Да, можетъ быть, мы, правда, царедворцы,
Когда привѣтъ и миръ несемъ друзьямъ,
Но кличъ войны насъ превращаетъ въ бурю:
Мечи блестятъ, какъ молніи въ рукахъ.
Свидѣтель Зевсъ, троянцы не бѣжали.
Но замолчи, Эней! Троянецъ, стой!
Перстъ на уста! Хвала теряетъ цѣну,
Когда она относится къ тому,
Кто говоритъ ее. Лишь та хвала прекрасна,
Которая слетаетъ съ устъ врага.

Агамемнонъ.

Скажи, посоль троянскій, не Энеемъ
Тебя зовутъ?

Эней.

Да, такъ меня зовутъ.

Агамемнонъ.

Съ чѣмъ ты пришелъ къ намъ?

Эней.

Я скажу объ этомъ

Агамемнону.

Агамемнонъ.

Онъ не захочетъ
Посланіе троянское, какъ тайну,
Выслушивать.

Эней.

Изъ Трои я пришелъ
Не съ тайною, шептаться я не буду!
Труба со мной, чтобъ сонный слухъ будить

И рѣчь свою начну тогда я только,
Когда его вниманіе зажгу.

Агамемнонъ.

Троянецы! Пусть свободную, какъ вихрь,
Услышу рѣчь. Теперь Агамемнону
Не время спать. Онъ самъ передъ тобой.

Эней.

Греми, труба! Греми звончѣй! Пусть льются
Изъ глубины могучей мѣдной груди
Живые звуки въ вялые шатры!
Пусть каждый грекъ услышитъ то, что
Троя

Въ лицѣ моемъ открыто говорить.

(Трубащи трубятъ).

Ты, царь Агамемнонъ, слыхалъ, быть мо-
жетъ,

Что въ Троѣ есть царевичъ Гекторъ, сынъ
Достойнѣйшій достойнаго Пріама.
Наскуча долгимъ перемирьемъ, онъ
Мнѣ предложилъ при трубномъ звукѣ громко
Вамъ возвѣстить условіе свое,
Цари, вожди и воины!

Найдется-ль

Средь грековъ благороднѣйшихъ—одинъ,
Кто-бъ честь поставилъ выше, чѣмъ покой.
Кто, добиваясь славы, презираетъ
Опасности, надѣясь на свое
Могущество, совсѣмъ не знаетъ страха?
Кто сердцемъ любитъ женщину и можетъ
Свою любовь открыто доказать
Съ оружіемъ въ рукахъ при всемъ народѣ?
Найдется-ль! Пусть услышитъ вызовъ мой,
И мужественный Гекторъ нашъ докажетъ
Иль доказать попробуетъ герою
Передъ лицомъ всѣхъ грековъ и троянъ,
Что въ мірѣ знаетъ женщину, красою,
И вѣрностью съ которой ни одна
Изъ женъ, которыхъ греки обнимаютъ,
Соперничать не можетъ! Если вы
Согласны,—онъ, Гекторъ, завтра трубнымъ

звукомъ

Васъ извѣститъ, что тамъ, на полпути
Межъ греческимъ и межъ троянскимъ ста-
номъ,

Онъ ждетъ того, кто можетъ отстоять
Честь вашихъ женъ. Онъ ждетъ его съ
привѣтомъ,

А не найдется,—всюду разгласить,
Что жены грековъ всѣ черны отъ солнца,
Не стоитъ изъ-за нихъ ломать копья.
Я кончилъ.

Агамемнонъ.

Мы передадимъ все это,
Эней, влюбленнымъ нашимъ. Коль изъ нихъ

Никто рѣчей не приметъ близко къ сердцу,
Такъ значить дома дремлютъ всѣ бойцы.
Но если такъ, и самъ еще я воинъ!
Пусть прослыветъ ничтожнымъ трусомъ
тотъ,
Кто самъ влюбленнымъ не былъ и влюб-
леннымъ
Не мнилъ себя. И такъ, когда средь нихъ
Объявится такой, что былъ влюбленнымъ,
Иль мнилъ себя такимъ,—отвѣтитъ онъ
На вызовъ Гектора; а не найдется,—
Я отвѣчаю самъ.

Несторъ.

Скажи ему,

Что есть еще у грековъ Несторъ, воинъ,
Который мужемъ былъ уже тогда,
Когда еще у материнской груди
Кормился дѣдъ его, отецъ Пріама.
Пусть Несторъ старъ, но если въ войскахъ
грековъ

Не сыщется способный постоять
За женщину любимую, повѣдай,—
Я бороду сребристую мою
Подъ золотымъ забраломъ спрячу, руки
Изсохшія я скрою отъ него
Въ наручникахъ и, выступлю на битву,
Скажу ему: „Жена моя была
Прекраснѣй бабки Гектора и чище
Всѣхъ женщинъ въ мірѣ! Крови капли три
Во мнѣ осталось. Я готовъ на встрѣчу.
За святость словъ я кровью той отвѣчу.“

Эней.

Храни васъ Зевсъ! Ужель бойцовъ такъ
мало
Средь юношей, что выступить старикъ!

Улиссъ.

Да будетъ такъ.

Агамемнонъ.

Тебѣ, Эней, я руку

Хочу пожать и лично проводить
Къ себѣ въ шатеръ. Твой вызовъ Ахиллесу
Передадимъ мы тотчасъ же, а также
И всѣмъ вождямъ ахейскимъ, изъ шатра
Въ шатеръ. Теперь ты гость нашъ. Вмѣстѣ
съ нами

Пойдемъ. Тебя гостепріимство ждетъ,
Въ гостяхъ у насъ и недругъ встрѣтитъ
дружбу.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Улисса и Нестора).

Улиссъ.

Ну, Несторъ!

Несторъ.

Что скажешь, царь Итаки?

Улиссъ.

Блеснула мысль въ умъ моемъ. Она
Еще въ зародышѣ, но ты замѣнишь
Мнѣ время и придашь ей зрѣлость.

Несторъ.

Что

Задумалъ ты?

Улиссъ.

Послушай: острымъ камнемъ
Разсѣчь не трудно узелъ. Гордость ту,
Что словно колосъ зрѣлый налилась
Въ душѣ Ахилла, надо подкосить,
Не то на землю высыпятся зерна
И среди насъ посяютъ столько бѣдъ,
Что мы погибнемъ.

Несторъ.

Правда. Только

какъ же

Все это сдѣлать?

Улиссъ.

Дерзкій вызовъ тотъ,
Съ которымъ Гекторъ обратился къ гре-
камъ,
Относится къ Ахиллу.

Несторъ.

Мнѣ расчетъ
Понятенъ, какъ итогъ несложный. Если
Ахиллъ услышитъ вызовъ, будь мозги
Его бесплодны такъ, какъ Ливіи пески—
А что бесплодны—знаетъ Апполонъ,—
Герой нашъ мудрый все-же угадаетъ
Кому тотъ вызовъ.

Улиссъ.

А рѣшится онъ
Отвѣтить Гектору?

Несторъ.

Я полагаю.
Къ тому же это неизбежно. Кто
Поддержитъ честь побѣды въ поединкѣ
Съ такимъ врагомъ, какъ Гекторъ? Лишь
Ахиллъ.

Хотя троянца вызовъ лишь забава,
Но для молвы побѣда намъ важна.
О, вкусу изощренному троянцевъ
Хотѣлось бы объѣдковъ нашей славы
Попробовать. И вѣрь, Улиссъ, хотя
Предложенъ вызовъ въ очень странномъ
видѣ,

Онъ можетъ крупный вредъ намъ принести.
Бой шуточный,—исходъ для насъ серьезный:
Въ немъ образъ нашъ, заглавье, что въ себѣ

Таить суть книги. Всѣ рѣшатъ, что избранъ
Для поединка съ Гекторомъ герой,
Мѣрило силы, доблести ахейской,
И если Гекторъ верхъ надъ нимъ возьметъ,
Какъ возгордится весь враждебный лагерь
Своей побѣдой! Какъ онъ возомнитъ,
О торжествѣ своемъ надъ побѣжденнымъ!
Общественному мнѣнію—рука
Такой же другъ, какъ лукъ, иль мечъ по-
слушный

Для той руки.

Улиссъ.

Прости, что перебую
Тебя я, Несторъ. Рѣчь твою я понялъ.
Такъ! На борьбу Ахилла не должны
Мы выпускать... Мы какъ купцы посту-
пимъ:

Товаръ поплоче выпустимъ, и съ рукъ,
Быть можетъ, онъ сойдетъ. А если этотъ
Расчетъ не оправдается, то все-жъ
Того подниметъ цѣну, что въ запасѣ.
Не надо соглашаться, чтобъ Ахиллъ
Сражался съ Гекторомъ. Тогда побѣда
И поражение—только грусть для насъ.

Несторъ.

Быть можетъ, такъ глаза мои ослабли,
Послѣдствій грустныхъ я не разгляжу.

Улиссъ.

Надъ Гекторомъ блестящая побѣда
Была бъ, пожалуй, нашимъ торжествомъ,
Когда бъ Ахиллъ такъ гордъ безмѣрно не
былъ.

Онъ и теперь заносчивъ безъ границъ.
Повѣрь мнѣ, легче намъ стоять подъ солн-
цемъ

Палящей Африки, чѣмъ выносить
Надменный взглядъ Ахилла при побѣдѣ;
А если Гекторъ побѣдитъ; на насъ
Падетъ позоръ: сильнѣйшій грекъ повер-
женъ.

Не лучше-ль бросить жребій такъ, чтобъ
онъ

Глупцу Аяксу выпалъ, Такъ полезный
Урокъ Ахиллу мы дадимъ и тѣмъ
Излѣчимъ навсегда и Мирмидона
Великаго отъ спеси. Пусть скромнѣй
Свой пестрый гребень носить: отъ хваленій
Онъ у него превыше поднялся,
Чѣмъ даже лукъ сверкающей Ириды.
Когда Аяксъ безмозглый изъ сраженья
Вдругъ выйдетъ побѣдителемъ, его
Мы вознесемъ до неба.—Если жъ будетъ
Онъ побѣжденъ, останется у насъ
Увѣренность, что есть бойцы получше.

Удастся ль, не удастся-ли нашъ планъ,
Мы все-жъ достигнемъ цѣли. Избирая
Аякса, мы избраніемъ такимъ
Ахиллу перья всѣ расшевелимъ.

Несторъ.

Твой планъ, Улиссъ, мнѣ по душѣ и надо

Его внушить Агамемнону. Пусть
Онъ и его расшевелить. Пусть оба
Рычащихъ пса одинъ другого рвутъ,
И, если гордость крѣпче всякихъ путь,
Пусть ихъ она обоихъ съѣстъ, какъ злоба.

(Уходятъ).

Древнегреческій воинъ въ полномъ вооруженіи. (Античная статуя, Берлинъ. Антиквариумъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть греческаго лагеря.

Входитъ Аяксъ и Терситъ.

Аяксъ. Терситъ!

Терситъ. О, чтобы волдыри вскочили
у этого Агамемнона на всемъ тѣлѣ!

Аяксъ. Терситъ!

Терситъ. Если-бы волдыри эти по-
томъ вскрылись и онъ бы вытекъ. Что
скажешь?

Аяксъ. Псина!

Терситъ. По крайней мѣрѣ, хоть чѣмъ
нибудъ бы проявилъ себя, а то теперь и
этого нѣтъ.

Аяксъ. Твои уши оглохли, волчій сынъ,
такъ я заставлю чувствовать твои бока.

(Бьетъ его).

Терситъ. Чтобы греческая проказа
тебя взяла, ублюдохъ съ бычачьимъ мозгомъ!

Аяксъ. Поговори еще, поговори. Я тебя
буду взбивать, какъ прокислое тѣсто, пока
красавца изъ тебя не сдѣлаю.

Терситъ. Скорѣй насмѣшки мои пре-
вратятъ тебя въ умнаго и благочестиваго
человѣка, хотя лошадь твоя и та скорѣе вы-
учишь наизусть любую проповѣдь, чѣмъ ты вы-
учишь наизусть хоть одну молитву. Дерись,
дерись, возьми тебя чесотка съ твоими ло-
шадиными наклонностями.

Аяксъ. Говори, поганый грибъ, что давеча тамъ провозглашали?

Терситъ. Иль, по твоему, я не чувствую твоихъ ударовъ.

Аяксъ. Что провозглашали, я спрашиваю?

Терситъ. Глупость твою, разумѣется.

Аяксъ. Ой, берегись, дикобразъ. Берегись, у меня руки раззудѣлись и безъ того.

Терситъ. Чтобы тебя всего зудъ взялъ, а мнѣ бы разрѣшили драть тебя. Я бы живо тебя обратилъ въ гнуснѣйшую греческую язву.

Аяксъ. Будешь ты говорить, что провозглашали?

Терситъ. Извѣстно, что ты безпрестанно лаешь и ворчишь на Ахилла изъ зависти, какъ Церберъ на красоту Прозерпины.

Аяксъ. Баба-Терситъ.

Терситъ. Такъ побей его.

Аяксъ. Лепешка.

Терситъ. Онъ бы тебя двумя пальцами въ порошокъ стеръ.

Аяксъ. Потаскушкино отродье!

(*Бьетъ его*).

Терситъ. Попробуй сунься.

Аяксъ. Вѣдьминъ пометъ!

Терситъ. Бей, ослиная голова, бей! У тебя мозгу въ ней не больше, чѣмъ у меня въ локтяхъ. Осель могъ бы научить тебя храбрости. Ты вѣдь только и годенъ давить троянцевъ, а для умныхъ людей ты дикій хамъ. Если ты еще будешь меня колотить, я примусь тебя обрабатывать съ головы до пятъ. Такъ переберу, что любо.

Аяксъ. Псина.

Терситъ. Паршивый герой.

Аяксъ. Харя! (*Бьетъ его*).

Терситъ. Бей, Марсовъ болванъ, бей, дикій хамъ, бей, верблюдъ... бей, бей!

Входятъ Ахиллъ и Патроклъ.

Ахиллъ. Въ чемъ дѣло, Аяксъ? За что ты его колотишь? Да расскажи-же, Терситъ, какъ и что?

Терситъ. Видѣли, каковъ гусь? Видѣли?

Ахиллъ. Да въ чемъ суть, однако?

Терситъ. Погляди на него хорошенько.

Ахиллъ. Гляжу,—ну, что-жъ изъ этого?

Терситъ. Нѣтъ, ты получше погляди.

Ахиллъ. Да гляжу.

Терситъ. И все-таки, не какъ надо, потому что за что бы ты его ни принималъ,—онъ останется Аяксомъ.

Ахиллъ. Само собою разумѣется, дуракъ!

Терситъ. Само собою разумѣется, для васъ, да не для этого дурака.

Аяксъ. За это я и бью тебя.

Терситъ. Ну, вотъ это образецъ его плоскихъ остротъ. У всѣхъ его фразъ длиннѣйшія уши. Его мозгъ пострадалъ отъ меня больше, чѣмъ мое тѣло отъ его кулаковъ. Мозгъ его не стоитъ и воробьиного хвоста, а вѣдь десятку воробьевъ—грошъ цѣна! Словомъ, Ахиллъ, тебѣ сразу стало ясно, что я говорю про Аякса, у котораго мозгъ въ брюхѣ, а кишки въ головѣ.

Ахиллъ. Что-же говоришь?

Терситъ. Я говорю,—у Аякса...

Ахиллъ (*останавливаетъ Аякса, который хочетъ ударить Терсита*). Полно, добрейшій Аяксъ.

Терситъ. Не хватаетъ ума даже...

Ахиллъ. Прекрати, дуракъ...

Терситъ. Я бы прекратилъ, да дуракъ то не прекращается. Вотъ этотъ, видишь.

Аяксъ. Проклятая собака! Вотъ я!...

Ахиллъ. Неужто ты съ дуракомъ станешь состязаться въ умъ!

Терситъ. Ручаюсь, что нѣтъ: каждый дуракъ заткнетъ его за поясъ умомъ.

Патроклъ. Сдержись, Терситъ!

Ахиллъ. Да изъ-за чего у васъ загорѣлось?

Аяксъ. Я спрашиваю у этого гнуснаго филина, что вышло сегодня въ лагерь, а онъ лается.

Терситъ. Я не слуга твой.

Аяксъ. Хорошо, продолжай, продолжай.

Терситъ. Я служу здѣсь самъ по себѣ

Ахиллъ. Однако, послѣдняя твоя служба была совсѣмъ не такова. Подъ колотушки самъ по себѣ не полѣзешь. Тутъ вѣдь Аяксъ дѣйствовалъ добровольно, а ты-то не по доброй волѣ получалъ.

Терситъ. И то! Иль многіе врутъ, или и часть твоего ума въ мышцахъ. Вотъ Гекторъ-то разинетъ ротъ, когда разможивъ твою или его голову, увидитъ, что расколотъ гнилой орѣхъ безъ признака ядра.

Ахиллъ. Какъ? Ты уже и меня задѣваешь?

Терситъ. Взять Улисса, или стараго Нестора. У нихъ умъ и тогда уже плѣсенью началъ покрываться, когда у вашихъ дѣдовъ и ногтей еще не росло. Вотъ они и запрягли теперь васъ, какъ яремыхъ воловъ въ плугъ... заставляютъ пахать поле битвы.

Ахиллъ. Что? Что?

Терситъ. Вѣрно... Гей, гей Ахиллъ. Гей, гей, Аяксъ!... Гей, гей!

Аяксъ. Я вырву языкъ твой!
Терситъ. Не бѣда. Я и безъ него буду
не менѣ краснорѣчивъ, чѣмъ ты.

Патрокль. Молчи, Терситъ. Довольно!
Терситъ. Такъ я и замолчу по требо-
ванію Ахиллесовой ищейки.

Ахиллъ. Вотъ и тебѣ попало, Патрокль.

Терситъ. Будетъ съ меня. Я приду
въ ваши палатки развѣ затѣмъ, чтобы
увидѣть подвѣшенными пустыя головы. По-
кидаю копье дурней. Буду только тамъ
отнынѣ, гдѣ сіяетъ умъ. (*Уходитъ*).

Патрокль. Счастливаго пути.

Ахиллъ.

Коль хочешь знать, Аяксъ, провозглацали,
Что завтра въ пять часовъ, когда взойдетъ,
Сіяя солнце,—межъ стѣнами Трои
И нашими шатрами, Гекторъ самъ
При громѣ трубъ заявить громогласно,
Что вызываетъ дерзкаго на бой,
Того, кто утверждать при немъ посмѣетъ,
А что... не знаю... Глупости!.. Прощай..

Аяксъ. Прощай. Но кто-жъ на вызовъ
отзовется?

Ахиллъ. Не знаю... Слышно, жребіемъ
рѣшать...

Найдется...

Аяксъ. Онъ не на тебя-ли мѣтитъ?
Пойду узнать.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Троя. Комната во дворѣ Приама.

Входятъ ПРИАМЪ, ГЕКТОРЪ, ТРОИЛЬ,
ПАРИСЪ и ЭЛЕНЪ.

ПРИАМЪ.

Друзья мои, не мало
Рѣчей, часовъ и жизней утекло,
И вотъ что намъ вѣщаетъ снова Несторъ
Отъ имени соотчичей: „Елену
Верните намъ, а всѣ иныя жертвы:
Труды и честь, утраты, кровь и раны,
Погубленное время и друзья—
Все, что война такъ алчно поглотила,
Забудется... Что скажешь, Гекторъ, ты?

ГЕКТОРЪ.

Хоть врядъ-ли кто боится грековъ меньше,
Чѣмъ я, хоть мнѣ среди женщинъ равнойнѣтъ
Своимъ губкоподобнымъ, мягкимъ сердцемъ,
Чужую скорбь вливающимъ въ себя,
И все-таки, Приамъ несокрушенный,
Я признаюсь... и закричать готовъ

ПАРИСЪ.

(Одна изъ статуй фронтона Эгинскаго храма
Афины, нынѣ въ Мюнхенѣ; VI—V в. до Р. X.).

Предъ цѣлой Троей: „Кто намъ поручится
За будущее гибельной войны?
Въ себя одна лишь безопасность вѣрить:
Плодъ не войны, а мира. Недовѣрье
Разумное—и мѣра—и маякъ
Въ густомъ туманѣ будущаго; съ ними
Мудрецъ спокойно разбираетъ все...
Елену отпустите. Съ той поры,
Какъ въ этой распрѣ обнаженъ впервые
Былъ острый мечъ, не каждая-ль изъ десяти
Погибшихъ душъ, а ихъ такъ много сгбло—
Была, какъ и Елена, дорога?
Безстрашно и упорно защищая
Намъ женщину чужую, принесли
Мы много жертвъ кровавыхъ... Я не вижу
Достаточнаго повода послать
Отказъ на эту просьбу грековъ.

ТРОИЛЬ.

Стыдися, Гекторъ. Царственную честь,
Достоинство такого властелина
Великаго, какъ нашъ родитель, ты
Желаешь взвѣсить жалкими вѣсами,
Могучихъ крыльевъ царственный размахъ
Сковать ничтожной рамкой разсужденій;

Отъ имени боговъ я говорю:
„Стыдись, стыдись“...

Эленъ.

Меня не удивляетъ,
Что ты, Троилъ, врагъ разсуждений... Но
Лишь потому, что нѣтъ ихъ у Троила,
Нельзя вмѣнять въ обязанность отцу
Ихъ презирать въ дѣлахъ особо-важныхъ.

Троилъ.

Эленъ, какъ жрецъ, къ мечтамъ и грезамъ
склоненъ;
Перчатки даже подбиваетъ онъ
Благоразумьемъ... Напримѣръ, извѣстно,
Что непріятель намъ желаетъ зла,
Что обнажать розящій мечъ опасно,
—Бѣду разсудкомъ можно отвратить,
Поэтому легко понять, что стоитъ
Ему съ оружіемъ грека увидать,
Чтобъ прицѣпить къ ногамъ разсудка крылья
И улетѣть, какъ самъ Меркурій вдаль
Отъ грозныхъ глазъ разгнѣваннаго Зевса,
Иль какъ звѣзда, сошедшая съ пути.
Итакъ, друзья, ужъ если намъ нельзя
Бѣжать разсудка—ворота замкнемъ
И ляжемъ спать спокойно. Что намъ честь
И мужество! Пускай они, какъ зайцы,
Дрожатъ въ потьмахъ, достойныя тебя.
Блѣднѣетъ печень, мужество хирѣетъ
Отъ этого благоразумья!

Гекторъ.

Братъ,
Сама Елена жертвъ такихъ не стоитъ.

Троилъ.

Своею мѣрой всякій мѣритъ...

Гекторъ.

Да,
Но цѣнность-то сильна не произволомъ,
Достоинство цѣну опредѣлитъ ей,
Достойный звѣситъ. Если поклоненье
Преувеличить божество,—оно
Уже зовется идолопоклонствомъ,
Благоговѣнье-жъ страстное къ тому,
Въ чемъ то мы чтимъ, чего нѣтъ даже тѣни,
Безуміе!

Троилъ.

Я нынѣ изберу
Себѣ жену. Послушенъ волѣ выборъ,
А волю вдохновляли и глаза,
И уши,—двое славныхъ кормчихъ,
Свершающихъ отважно вѣчный путь
Между двумя подводными скалами—

Желаніемъ и разумомъ. Когда-жъ
Мое желанье смѣнить отвращенье,
Могу-ль я безсердечно отвергать?
Ту, на кого палъ выборъ мой свободный?
Нѣтъ, никогда! И съ честью примирить
Нельзя такой поступокъ. Мы не смѣемъ
Запятнанныя ткани возвращать
Купцу, который чистыми ихъ продалъ.
Остатки яствъ не валимъ мы въ лохань
Лишь потому, что послѣ пира сыты.
Париса подстрекали всѣ, когда
Задумалъ мстить онъ грекамъ. Ты припомни,
Какою бурей дружнаго согласья
Вздувались паруса его! Моря
И вѣтры, имъ враждебные, сошлись
Въ союзъ мирномъ, въ рабскомъ угрож-
деньѣ.

Достигъ завѣтной цѣли онъ. Успѣхъ
Вѣнчаетъ подвигъ брата. Онъ привозитъ
Взамѣнъ старухи-тетки—дивный перлъ,
Красавицу-царицу. Передъ ней
Самъ Аполлонъ—старикъ морщинистый,
Блѣдна заря... Туманно утро мая.
Зачѣмъ ее мы держимъ? А зачѣмъ
Въ плѣну еще и нынѣ держать греки
Старуху-тетку? Стоило-ль держать
Въ плѣну Елену? Да, о, да! Конечно.
Безцѣнный перлъ! Не тысячи-ль судовъ
За ней моря переплывали дерзко!
Не падали-ль вѣнцы къ ея ногамъ
И короли въ купцовъ преображались.
Когда согласны вы, что поступилъ
Парисъ благоразумно... А вѣдь съ этимъ
Не согласиться вамъ нельзя: не вы-ль
Ему кричали: „Въ путь Парисъ! Смѣлѣ!“
И если вы безцѣнною тогда
Его добычу называли, крича:
„О, чудо! Чудо! и рукоплескали,—
Изъ-за чего-жъ порочите теперь
Плоды своихъ совѣтовъ и творите
То, что Фортуна сдѣлаетъ едва-ль:
Презрѣніемъ клеймите вы теперь
То, что казалось раньше вамъ безцѣннымъ
Земли и неба! Для чего же красть
То, что боитесь у себя оставить?
Мы наглые воришки и того
Не стоящіе, что мы воровали.
Обиду злую грекамъ нанеся,
Ее мы сами испугались скоро...
О, стыдъ! О, срамъ! О тягости позора!

Кассандра (за сценой).

Плачь, Троя, плачь!

Пріамъ.

Кто тамъ кричитъ такъ скорбно?

Троиль.

Ахъ, то сестра безумная—ее
По голосу узналъ я.

КАССАНДРА.

Плачь, плачь, Троя!

Входитъ Кассандра, въ дикомъ возбужденіи.

Гекторъ (*при видѣ сестры*).
Кассандра!

КАССАНДРА (*Прорицая*).

Плачь, плачь, Троя! Дай, мнѣ дай,
Дай десять тысячъ глазъ мнѣ, чтобы я
Изъ нихъ лила пророческія слезы!

Гекторъ.

Молчи, молчи, сестра.

КАССАНДРА.

О, всѣ вы, всѣ,

И юноши, и дѣвы, и младенцы,
Умѣющіе только лишь кричать,
И взрослые, и старцы... О, скорѣе
Въ мой скорбный вопль вливайте вы свой
плачь...

Мы выплачемъ хоть часть тѣхъ слезъ за-
ранѣ,

Которыя грядущее сулить...

Плачь, Троя, плачь! Ты такъ приучишь очи
Къ слезамъ! На гибель ты обречена...

Твой Иллионъ сіяющій я вижу
Въ могильномъ пеплѣ... Насъ сожжетъ
Парисъ—

Онъ страшный факелъ! Плачь, плачь горько
Троя!

Кричите всѣ: Елена и несчастъ!
Свободу ей! Свободу! Или грянетъ
Ужасный громъ и Троя пепломъ станетъ!
(*Убѣгаетъ*).

Гекторъ.

О, юный мой Троиль,—неужто голосъ
Пророческій сестры твоей въ душѣ
Не пробуждаетъ страшныхъ опасеній?
Неужто такъ пылаетъ кровь твоя,
Что охладить ее уже не въ силахъ
Ни горькій вопль разсудка, ни позоръ,
Преслѣдующій всѣ дѣла дурныя?

Троиль.

Нѣтъ, убѣжденъ я, что не можетъ случай
Быть мѣрой правды или дѣла... Нельзя
Духъ мужества гасить на основаніи
Безумныхъ словъ Кассандры. Бредъ ея
Не знаменье, что самый поводъ къ распрѣ
Вдругъ измельчалъ. Не сами-ль мы клялись

Считать его священнымъ. Мнѣ онъ не
ближе,
Чѣмъ всѣмъ другимъ сынамъ Пріама. Но
Молю я Зевса, онъ да насъ избавитъ
Отъ тѣхъ дѣяній, гдѣ заключено
Сомнѣнье въ томъ, что намъ необходимо
Стоять за дѣло правды до конца.

Парисъ.

О, да, должны мы начатое кончить,
Иначе міръ осыпетъ насъ хулой,
Упреками: меня за легкомыслѣе
Моихъ поступковъ, за совѣты васъ.
Клянусь самимъ Олимпомъ, опасенье
Съ такимъ поступкомъ связанное, въ прахъ
Разсѣяно согласьемъ вашимъ дружнымъ.
Что сдѣлала-бъ одна моя рука!
Что стойкость одного бойца предъ силой
И бѣшеною злобою толпы,
Всѣхъ, клявшихся казнить виновныхъ въ
распрѣ!

И все-же я открыто говорю,
Что если бы мнѣ одному пришлось
Преодолѣть преграды и мое
Могущество моей равнялось волѣ,
Я и тогда отречься бы не могъ
Отъ сдѣланнаго мною и тогда бы
Начатое упорно продолжалъ.

Пріамъ.

Мой сынъ Парисъ—блаженствомъ упоенный
Ты потому и судишь такъ: подай
Тебѣ весь медъ, другимъ-же—горечь желчи.
Такой отвагѣ честь не велика.

Парисъ.

Родитель нашъ, не только тѣмъ блажен-
ствомъ,

Которое несетъ намъ красота,
Я упоенъ. Но я еще желаю,
Владѣя ей, лелѣя и храня,
Смыть то пятно, которымъ на неѣ
Ложится похищенье. И возможно-ль
Отдать ее супругу, если такъ
Желаешь городъ! Это-ль не безчестье,
Не злой позоръ для твоего вѣнца,
А для нея—жестокая обида!...
Не можетъ быть, чтобъ мысль такая вдругъ
Въ твоемъ умѣ зажглася. Межъ слабѣйшихъ
Найдется врядъ-ли воинъ и одинъ,
Чтобъ острый мечъ не поднялъ за Елену.
Никто изъ благородныхъ не найдетъ,
Что посвятить Еленѣ жизнь—паденье,
Что умереть безславно за нее.
Нашъ долгъ стоять съ отвагой неизмѣнной
За ту, кому нѣтъ равной во вселенной!

Гекторъ.

Я отдаю обоимъ справедливость—
Тебѣ—Парисъ, тебѣ—Троицъ. Вы оба
Прекрасно говорили, но коснулись
Вопроса лишь поверхностно. Подобны
Вы юношамъ, которыхъ Аристотель
Считаетъ неспособными учиться
Моральной философіи. Скорѣй
Всѣ ваши разсужденія могли бы
Кровь разжигать, чѣмъ отдѣлять во тѣмъ
Добро отъ зла, отъ правды ложь; извѣстно,
Что мечь и сластолюбье глухи больше,
Чѣмъ скрытая улитка, если рѣчь
Зайдетъ о томъ, что называютъ „право“.
Природа всѣмъ права распредѣлила
И ничего нѣтъ въ мірѣ выше правъ
Супружества... Порою страсти дерзко
Законъ природы нарушаютъ... Духъ,
Заблудшійся, хотя-бы и высокій,
Идетъ ему наперекоръ... Но есть
Во всякомъ обществѣ свои законы,
Чтобы держать въ настойчивой уздѣ
Мятежную, безудержную похоть.
Елена,—несомнѣнно, по закону
Жена царя спартанскаго и значитъ
Права природы и законы міра,—
Все требуетъ, чтобъ мы вернули мужу
Его жену. Такъ думаетъ о правѣ
Самъ Гекторъ. Но, однако-жъ, не взирая
На это, братья пылкіе мои,
Я подаю вамъ руку: да, Елену
Необходимо удержать,—вѣдь тутъ
Замѣшана не наша только честь,
Но честь всего народа.

Троицъ.

Да, коснулся
Ты именно натянутой струны...
Когда-бы лишь разгаръ страстей безумныхъ
Насъ побуждалъ, а не стремленіе къ славѣ
Я за Елену не далъ бы ни капли
Троянской крови. Но она для насъ,
Достойный Гекторъ, воплощеніе славы
И чести, вдохновенный зовъ
Къ величію и подвигамъ. Сіянье
Ея очей въ насъ распаляетъ духъ
И гибелью грозитъ онъ гордымъ грекамъ.
Во тѣмъ времени грядущихъ возвеличить
Оно насъ всѣхъ и озаритъ лучомъ
Безсмертной славы.

Гекторъ.

Доблестная вѣтвь
Великаго Приама! Я послалъ
Въ станъ греческій свой громоносный вы-
зовъ...
Привыкшіе къ сонливой, празднои лѣни,

Какъ изумятся греки!.. Стороной
Ужъ слышалъ я, что спитъ ихъ полково-
децъ,
А зависть и соперничество тамъ
Свирѣпствуютъ... Конечъ ихъ сладкимъ
снамъ!

СЦЕНА III.

Греческій лагерь, передъ палаткой Ахиллеса.

Входитъ Терситъ.

Терситъ. Что-же это такое, Терситъ?
Ты совсѣмъ потерялся въ лабиринтѣ твоего
гнѣва! Неужели слонъ-Аяксъ всегда возъ-
метъ верхъ? Онъ меня бьетъ, а я отвѣчаю
насмѣшками. Нечего сказать, утѣшеніе!
Было бы гораздо лучше—наоборотъ: я его
бью, а онъ отвѣчаетъ насмѣшками. Ну, да
стой-же! я выучусь вызывать дьяволовъ въ
качествѣ сподручныхъ... Только бы выйти
изъ этого гнуснаго положенія, въ которомъ
ничего нѣтъ, кромѣ злости. А тутъ еще
Ахиллъ! Ахъ, мужъ и ловко-же онъ ве-
детъ подкопы. Стѣны Трои, коль дожи-
вемъ до этого,—скорѣе разрушатся отъ
ветхости, чѣмъ отъ ухищреній этой па-
рочки. (*Преклоня коленъ*). О, великій
Олимпъ Громовержецъ, забудь, что ты
Юпитеръ, а ты, Меркурій, прости съ жез-
ломъ, одухотвореннымъ змѣиною мудростью,
если вы не отнимете у нихъ ту капельку...
менѣе чѣмъ капельку умишка, которымъ
они надѣлены, при содѣйствіи котораго,—
даже близорукая глупость видитъ это,—
они и муху изъ сѣтей не освободятъ, не
разорвавъ паутины. А потомъ, проклятіе и
мечь всему лагерю! Пусть неаполитанская
костоѣда пожираетъ ихъ: не эта ли бо-
лѣзнь бичуетъ тѣхъ, кто гоняется за юб-
ками! (*Вставая*). Всѣ мои молитвы кончены.
Пусть дьяволъ зависти изречетъ—аминь.
Ну, гей, герой Ахиллъ! Гдѣ ты?

Входитъ Патроклъ.

Патроклъ. Кто тамъ? А, любезный
Терситъ. Иди сюда и заводи руготню.

Терситъ. Если-бы мнѣ пришла на умъ
позолоченная мѣдьяшка, я бы остался съ
тобой. Впрочемъ, бѣда не велика: останься
съ самимъ собою. Пусть обычное прокля-
тіе, тяготящее надъ людьми,—глупость и
безуміе, будутъ твоимъ удѣломъ. Да сохра-
нить тебя небо отъ всякаго разумнаго со-
вѣта и да не упадетъ тебѣ въ голову ни
одна живая мысль! Пусть похотливая кровь

твоя до самой смерти управляетъ тобою и, если та, которая будетъ обмывать тебя послѣ смерти, скажетъ, что ты красивый покойникъ, я поклонюсь чѣмъ хочешь, что она не завертывала въ саванъ только прокаженныхъ. Аминь. Гдѣ Ахиллъ?

Патрокль. Какъ, ты сталъ ханжой? Ты молился?

Терситъ. Да, услышь меня небо!

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ. Кто здѣсь?

Патрокль. Терситъ, мой господинъ.

Ахиллъ. Гдѣ? Гдѣ? Ага, такъ ты пришелъ. Ну-съ, мой сыръ, моя желудочная настойка—почему тебя не подавали къ моему столу? Ну-ка, что такое Агамемнонъ?

Терситъ. Твой командиръ.

Ахиллъ. А теперь ты, Патрокль, скажи мнѣ, что такое Ахиллъ?

Патрокль. Твой господинъ, Терситъ. Теперь скажи на милость, что такое ты самъ?

Терситъ. Человѣкъ, который видитъ тебя насквозь. А теперь скажи мнѣ, Патрокль, какъ по твоему,—кто ты таковъ?

Патрокль. Если ты такъ хорошо меня знаешь,—скажи самъ.

Ахиллъ. Ну-ка, скажи, скажи.

Терситъ. Я просклоняю весь вопросъ. Агамемнонъ командуетъ Ахилломъ; Ахиллъ—господинъ надо мною; я тотъ, кто изучилъ Патрокла, а Патрокль—дуракъ.

Патрокль. Ахъ, ты, негодяй!

Терситъ. Молчи, дуракъ, я еще не кончилъ.

Ахиллъ. Онъ на особыхъ правахъ. Продолжай, Терситъ.

Терситъ. Агамемнонъ—дуракъ, Ахиллъ дуракъ, Терситъ дуракъ и Патрокль дуракъ, какъ уже было сказано раньше.

Ахиллъ. Изволь объяснить,—почему?

Терситъ. Агамемнонъ дуракъ, потому что вздумалъ командовать Ахилломъ, Ахиллъ дуракъ, потому что слушаетъ приказы Агамемнона, Терситъ дуракъ, зачѣмъ служить такому дураку, а Патрокль дуракъ самъ по себѣ, коренной.

Патрокль. Почему-же это я дуракъ?

Терситъ. Спроси объ этомъ Создателя, а съ меня достаточно знать, кто ты таковъ. Смотрите-ка, кто это идетъ сюда.

Входятъ Агамемнонъ, Улиссъ, Несторъ, Диомедъ и Аяксъ.

Ахиллъ. Патрокль, я ни съ кѣмъ не хочу говорить. Иди за мной, Терситъ.

(Уходитъ).

Терситъ. Все это такая гадость! Вздоръ! Раболѣпство! Вся ссора вышла изъ-за мужа рогоносца и распутной бабенки. Нечего сказать, славная ссора! Есть отчего враждовать между собою и заниматься кровопусканіемъ. Ахъ, возьми сухая парша виновныхъ всего этого! Пропади они всѣ отъ войны и распутства!

(Уходитъ).

Агамемнонъ. Гдѣ Ахиллъ?

Патрокль. Въ палаткѣ онъ, но только онъ не въ духѣ.

МЕНЕЛАЙ И ЕЛЕНА.

Античная ваза, изъ коллекціи Бартольдъ въ Римѣ; James Milingen, Painted Greek vases, London. 1822).

А Г А М Е М Н О Н Ъ .

Пойди, скажи ему, что мы пришли. Онъ отослалъ гонцовъ моихъ обратно, И, отложивъ достоинство свое, Я самъ къ нему иду. Но пусть не мнитъ онъ,

Что мѣсто я ему не укажу, Или забуду,—кто я!

Патрокль. Я скажу.

(Уходитъ).

Улиссъ. Мы видѣли его въ дверяхъ палатки—не боленъ онъ.

Аяксъ. Да, боленъ, львиною болѣзнью, бо-

лень отъ сердечной гордости: можешь назвать это печалью, если хочешь простить ему. Но, клянусь моей головой, это гордость—только чѣмъ, чѣмъ онъ можетъ такъ гордиться,—пусть бы показалъ намъ!—Агамемнонъ, одно слово, господинъ мой.

(Отводитъ Агамемнона въ сторону).

Несторъ. Съ чего это Аяксъ такъ лаетъ на него?

Улиссъ. Ахиллъ переманилъ у него шута.

Несторъ. Кого? Терсита?

Улиссъ. Его самого.

Несторъ. Ну, значить, Аяксу не о чемъ будетъ говорить, такъ какъ онъ потерялъ тему для разговоровъ.

Улиссъ. Нѣтъ, отчего-же! Какъ видишь, теперь онъ говоритъ о томъ, кто отнялъ у него эту тему,—объ Ахиллѣ.

Несторъ. Тѣмъ лучше. Раздоръ между ними желательнѣе для насъ, чѣмъ ихъ дружба. Однако, крѣпокъ же былъ союзъ, если дуракъ могъ разорвать его!

Улиссъ. Дружба, не скрѣпленная мудростью, легко можетъ быть разорвана глупостью. Вотъ идетъ Патроклъ.

Несторъ. Но безъ Ахилла.

Входитъ Патроклъ.

Улиссъ. У слона есть суставы, но не для любезностей. Ноги ему даны лишь на потребу, а не для колѣнопреклоненій.

Патроклъ.

Ахиллъ отвѣтитъ приказалъ, что онъ Душевно сожалѣетъ, если васъ Со свитою влекли инныя цѣли, Помимо развлеченья... Онъ вполне Надѣется, что это лишь прогулка Для твоего пищеваренья.

Агамемнонъ.

Слушай,

Патроклъ. Отвѣты эти намъ знакомы. Презрѣнемъ окрыленные, они Не могутъ ослѣпить ни нашихъ взоровъ, Ни нашей мысли. Да, въ Ахиллѣ есть Достоинства... мы признаемъ охотно; Однако-же, всѣ доблести его, Направленныя часто не ко благу, Теряютъ постепенно яркій блескъ... Такъ поданные на нечистомъ блюдѣ Душистые плоды не возбуждаютъ Желанія отвѣдать ихъ и плѣсенью Покроются. Ступай, скажи Ахиллу, Что мы пришли сюда для объясненій. И ты не погрѣшишь, когда прибавишь,

Что выше мѣры гордъ онъ, а учтивъ Гораздо ниже, что у него гораздо меньше Почтенныхъ качествъ, чѣмъ пустого само-мнѣнья.

Пусть знаетъ онъ, что болѣе достойный, Забывъ свое величье и санъ, Презрѣвъ обиды, царственно снисходитъ Къ его капризнымъ требованьямъ. Даже Считается съ его блажною волей И сторожить приливы и отливы Смѣшныхъ причудъ и настроеній, точно Онъ центръ войны и главная пружина. Ступай, скажи... Добавь еще, что если Онъ черезчуръ высокую себя Назначить цѣну, можемъ обойтись мы И безъ него. Пусть, какъ снарядъ тяжелый, Онъ пылью покрывается, какъ хламъ, Мы-жъ будемъ говорить: Онъ хоть и славенъ, Но для войны негоденъ. Даже карликъ, Способный двигаться, намъ на войнѣ Дороже осовѣлаго героя... Такъ и скажи ему все это...

Патроклъ.

Такъ

Все передамъ и вамъ отвѣтъ доставлю. *(Уходитъ).*

Агамемнонъ.

Изъ устъ вторыхъ отвѣтъ, однако, врядъ-ли Насъ удовлетворитъ. Вѣдь мы желали Увидѣться съ нимъ лично, такъ иди Къ нему хоть ты, Улиссъ, *(Улиссъ уходитъ).*

Аяксъ. Чѣмъ же онъ превосходитъ всякаго другого?

Агамемнонъ. Только тѣмъ, что онъ о себѣ воображаетъ.

Аяксъ. И это такъ много значить! Не воображаетъ ли онъ, что во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ меня?

Агамемнонъ. Безъ сомнѣнія!

Аяксъ. И ты раздѣляешь его мнѣніе? Скажешь, онъ выше меня?

Агамемнонъ. Нѣтъ, благородный Аяксъ. Ты такъ же силенъ, такъ же храбръ, такъ же уменъ, но разница та, что ты вѣжливѣе и обходительнѣе.

Аяксъ. Не понимаю, чѣмъ иной разъ гордятся люди? Откуда эта гордость! Я даже не знаю, что такое, собственно.

Агамемнонъ. Твой умъ, Аяксъ, свѣтлѣе и твои добродѣтели привлекательнѣе. Гордецъ самъ себя пожираетъ. Гордость—его собственное зеркало, собственная его труба, собственная лѣтопись. Всякій, прославляющій себя не только дѣлами, пожираетъ дѣла самохвалствомъ.

Аяксъ. Гордые люди ненавистны мнѣ,
какъ жабѣ сѣмя.

Нѣсторъ (*въ сторону*). А себя-то, однако, любить. Не странно-ли это!

Возвращается Улиссъ.

Улиссъ.

Ахиллъ не выйдетъ завтра въ бой.

Агамемнонъ.

Причины?

Улиссъ.

Да никакихъ. Капризно отдался
Онъ буйному, заносчивому нраву.
Ему совсѣмъ нѣтъ дѣла до другихъ;
Его законъ—пустое своеволие.

Агамемнонъ.

Но почему на дружный нашъ призывъ
Онъ изъ шатра не хочетъ даже выйти,
Чтобъ наслаждаться свѣжестью дневной!

Улиссъ.

Всѣ отговорки жалкія его
Ничтожны, какъ ничто. Онъ просьбу вашу
Не исполняетъ только потому,
Что это просьба. Онъ совсѣмъ помѣшанъ
На собственномъ величьи, и самъ
Съ собою даже говоритъ, какъ съ богомъ.
А мнимое величье до того
Въ немъ раздуваетъ спесь и самомнѣнье,
Что порождаетъ явное безумье:
Онъ самъ себя бичуетъ и казнить.
Что въ немъ еще?... Его самовлюбленность
Такъ велика, что выхода ей нѣтъ.

Агамемнонъ.

Аяксъ, сходи къ нему, съ нимъ объяснись
Привѣтливѣй. Всѣ говорятъ, что мнѣнья
Онъ о тебѣ высокаго... Иди,
И, можетъ быть, нелѣпое рѣшенье
Отмѣнить онъ.

Улиссъ.

О, нѣтъ, Агамемнонъ!

Осмѣлюсь-ли сказать тебѣ... Напрасно...
Не посылай... Напротивъ, мы должны
Благословлять все то, что отдѣляетъ
Аякса отъ Ахилла. Какъ! Гордецъ,
Питающій свое высокомерье
Своимъ же жиромъ, презирая все,
Что не въ его мозгахъ перемололось,—
Передъ собой увидить вдругъ того,
Кто намъ дороже всѣхъ Ахилловъ въ мірѣ!
Нѣтъ, трижды нѣтъ. Герой, боецъ храб-
рѣйшій

Излишнею любезностью не долженъ

Безславить лавровъ первенства... Нѣтъ,
нѣтъ!

Я не даю согласья на безславые
Достоинства высокаго! Ему—
Идти—къ кому-жъ! Къ Ахиллу! Этимъ
только

Въ Ахиллъ откормили-бъ мы свинью
Надутой спеси. Ублажать Ахилла,
Въ созвѣздье Рака угли подсыпать!!
И безъ того горитъ оно надменно
Огнемъ Гиперіона. Чтобъ Аяксъ
Пошелъ къ Ахиллу! Да спаси насъ Зевсъ!
Пусть онъ гремитъ: „Ахиллъ, иди къ Аяксу!“

Нѣсторъ (*про себя*).

Вотъ ловко. Онъ его пощекоталъ!

Діомедъ (*про себя*).

Какъ льетъ онъ лести!

Аяксъ.

Къ нему идти готовъ я,
Но лишь затѣмъ, чтобъ черепъ раскроить.

Агамемнонъ.

Ты не пойдешь.

Аяксъ.

А чваниться онъ станетъ,—
Приглажу чванство я... Иду къ нему!

Улиссъ.

Нѣтъ, никогда, хотя бы весь успѣхъ нашъ
Зависѣлъ отъ того!

Аяксъ.

Онъ просто негодай!

Нѣсторъ (*про себя*).

Какъ ловко онъ себя опредѣляетъ!

Аяксъ.

Неужели онъ не научится
Обходиться съ людьми какъ подобаетъ!

Улиссъ (*про себя*). Ругается надъ чер-
нымъ цвѣтомъ воронъ.

Аяксъ. Я выпущу изъ него кровь.

Нѣсторъ (*въ сторону*). Самъ боленъ,
а хочетъ быть врачомъ.

Аяксъ. О, если бы всѣ думали, какъ я!

Нѣсторъ (*про себя*). Умъ совсѣмъ вы-
шелъ бы изъ употребленія.

Аяксъ. Онъ бы не отдѣлался отъ меня
дешево. Я бы заставилъ его проглотить
мой мечъ. Неужто гордость такъ-таки и
восторжествуетъ!

Нѣсторъ (*въ сторону*). Если-бы востор-
жествовала, половина побѣды была-бы на
твой счетъ.

Улиссъ (*въ сторону*). Пожалуй, и всѣ
десять десятыхъ.

Аяксъ. Я въ муку сотру его и превращу въ мякишъ.

Несторъ (*въ сторону*). Подогрѣйте его похвалами. Онъ еще не совсѣмъ готовъ. Надо поливать его честолюбіе, пока оно томится жаждой.

Улиссъ (*Агамемнону*).
Нѣтъ, храбрый вождь, ты эту непріятность
Ужъ слишкомъ близко принимаешь къ сердцу.

Несторъ.
Великій вождь, забудь о ней.

Диомедъ.
Повѣрь,
Ахиллъ не важенъ намъ для поединка.

Улиссъ.
Одно ужъ имя это раздражаетъ
Великаго вождя... Вотъ человѣкъ...
Но что со мной... Не принято, не ловко
Хвалить въ глаза, и я молчу.

Несторъ.
Зачѣмъ?
Онъ не Ахиллъ и нѣтъ въ немъ честолюбы.

Улиссъ
Пусть знаетъ міръ, что онъ безмѣрно храбръ!
Аяксъ. Этотъ проклятый щенокъ только
и умѣетъ поднимать всѣхъ на смѣхъ! О,
какъ бы я желалъ, чтобы онъ былъ тро-
янцемъ!

Несторъ.
Прискорбно было бъ, еслибы Аяксъ...

Улиссъ.
Былъ такъ же гордъ...

Диомедъ.
Иль къ похваламъ такъ
жаденъ!

Улиссъ.
Упрямъ... сварливъ...

Диомедъ.
Самолубивъ... надутъ...

Улиссъ.
Хвала богамъ за доброе смиреніе.

Честъ матери, въ тебя вдохнувшей жизнь
И грудью благородною вскормившей!
Хвала наставнику, хотя онъ шелъ
Лишь за твоей душою одаренной...
Но пусть тому, кто приучилъ твои
Властительныя руки для сраженій,—
Пусть, разрубивши вѣчность пополамъ,
Марсъ подарить счастливцу половину!
Что-жъ говорить о силѣ! Самъ Милонъ,
Кротонскій волоносецъ, ей уступилъ
Свои права. Не стану восхвалять
Твой свѣтлый умъ: онъ, какъ плотина,
берегъ
Иль гребень горъ, опредѣляетъ грань
Могучаго размаха дарованій.
Вотъ, предъ тобою Несторъ: умудренъ
Лѣтами онъ, таковъ и отъ природы,
Инымъ онъ быть не можетъ. Но, прости,
Маститый дѣдъ, невольное признанье.
Аякса умъ, хотя и юнъ, высокъ,
Не ниже ты, но и не выше.

Аяксъ.
Дай мнѣ
Назвать тебя отцомъ.

Улиссъ.
О, милый сынъ,
Зови, зови!

Диомедъ.
Пусть онъ и руководить
Тобой, Аяксъ.

Улиссъ.
Здѣсь дольше пребывать
Намъ нѣтъ нужды. Подобно лани, въ де-
ряхъ
Застрѣлъ Ахиллъ. Угодно-ли созвать
Великому вождю совѣтъ военный?
Ужъ новые союзные цари
Примкнули къ намъ. Всѣ наши силы завтра
Должны быть въ полномъ сборѣ. Вотъ боецъ.
Пусть витязи стекаются съ Востока
И съ Запада, пусть лучшій цвѣтъ дружинъ
Пошлутъ на бой,—Аяксъ имъ не уступитъ.

Агамемнонъ.
Итакъ, въ совѣтъ! Пусть спитъ Ахиллъ
спокойно:
Когда корабль бездѣйствуетъ средь волнъ,
Его легко обгонитъ утлый челнъ.

КРЕССИДА.

Картина президента Лондонской Академіи художествъ Пойнтера
(Edward John Poynter. R. A. P., род. 1836).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Троя. Комната во дворцѣ Приама.

Входятъ Пандаръ и слуга.

Пандаръ. Эй, дружище, на пару словъ! Ты, кажется ходишь за юнымъ Парисомъ?

Слуга. Да, когда онъ идетъ передо мною.

Пандаръ. Я хотѣлъ сказать: ты служишь ему.

Слуга. Я служу Господу Богу.

Пандаръ. Ты служишь прекрасному Господину—нельзя не похвалить Его.

Слуга. Честь и слава Ему!

Пандаръ. Вѣдь ты знаешь меня? Вѣрно?

Слуга. Знаю, да не очень.

Пандаръ. Такъ взглядишь въ меня по-пристальнѣе. Я—Пандаръ.

Слуга. Надѣюсь проникнуть тебя вполнѣ.

Пандаръ. Искренно желаю.

Слуга. Значить, въ настоящую минуту вы въ полномъ блескѣ.

Пандаръ. Въ полномъ блескѣ! Нѣтъ, дружище, покуда далеко не въ полномъ. (За сценой музыка). Что это за музыка?

Слуга. Музыка, какъ музыка, но я знаю ее не вполнѣ.

Пандаръ. Но можетъ быть, знаешь музыкантовъ.

Слуга. О, ихъ я знаю вполне?

Пандаръ. Для кого они играютъ?

Слуга. Для тѣхъ, кто ихъ слушаетъ.

Пандаръ. Для чьего удовольствія?

Слуга. Для моего и для удовольствія всякаго любителя музыки.

Пандаръ. Я имѣю въ виду того, кто приказалъ?

Слуга. Только не меня.

Пандаръ. Мы, любезный, не понимаемъ другъ друга. Я слишкомъ вѣжливъ съ тобой, а ты не въ мѣру увертливъ. А потому опять спрашиваю,—кто приказалъ музыкантамъ играть?

Слуга. Такъ бы и сказали! Они играютъ по приказанію Париса, моего господина, который тамъ своею собственной персоной, а съ нимъ—земная Венера, сердце красоты, воплощенная душа любви.

Пандаръ. А, значитъ тамъ моя племянница Крессидѣ!

Слуга. Не Крессидѣ, а Елена. Не трудно догадаться по описаннымъ мною ея особенностямъ.

Пандаръ. Не видѣлъ-же ты, пустомеля, Крессиды. Отъ имени царевича Троила я явился къ Парису переговорить съ нимъ. Сейчасъ я наговорю ему любезностей съ три короба. Спѣши—дѣло кипитъ.

Слуга. Кипитъ... Воистинну—кухонный языкъ.

Входятъ Парисъ и Елена со свитой.

Пандаръ. Привѣтъ тебѣ, о доблестный Парисъ, и всей твоей блестящей свитѣ! Счастливейшее исполненіе всѣхъ счастливыхъ желаній, а твоихъ, царица, въ особенности! О, да будутъ ваши нѣжныя мысли изголовьемъ вашимъ!

Елена. Твоя рѣчь, любезный Пандаръ, полна красотъ.

Пандаръ. Только красоты души твоей могутъ вызвать эти красоты. *(Парису).* Какъ жаль, царевичъ, что прервалась такъ неожиданно такая прекрасная музыка.

Парисъ. Не ты-ли самъ-же и прервалъ ее, дядя, но, клянусь честью, самъ-же ты и исправишь,—по-просту, исполнишь какое нибудь свое сочиненіе. Знаешь, Елена, онъ весь одна гармонія.

Пандаръ. О, нѣтъ, царица!

Елена. О, сдѣлай милость!

Пандаръ. Мой голосъ грубъ, право, грубъ.

Парисъ. Пустая отговорка. Ты капризничаешь.

Пандаръ. У меня есть дѣло къ Парису, прекраснѣйшая царица! Угодно тебѣ, любезный Парисъ, выслушать меня?

Елена. Эта уловка, однако, не можетъ лишить насъ удовольствія насладиться твоимъ пѣніемъ.

Пандаръ. Ты изволишь шутить со мною, очаровательная царица. Но клянусь, мое дѣло очень важно. Вотъ видишь-ли, любезный Парисъ, мой близкій другъ, твой братъ родной Троиль...

Елена. Любезный Пандаръ, сладчайшій Пандаръ...

Пандаръ. Сладчайшая царица, продолжай... Царевичъ, во-первыхъ, свидѣтельствуешь тебѣ свое глубочайшее почтеніе.

Елена. Хорошо... хорошо... Но тѣмъ болѣе ты не рѣшишься оставить насъ безъ пѣсни и такимъ образомъ огорчить сладчайшую.

Пандаръ. Сладчайшая царица... Наисладчайшая!.. Надѣюсь...

Елена. Не надѣйся, а знай, что и наисладчайшую царицу не трудно превратить отказомъ въ наискучнѣйшую.

Пандаръ. Увы, и этимъ ты меня не тронешь, клянусь, не тронешь? Я глухъ временами и къ такимъ рѣчамъ. Я съ просьбою къ тебѣ. Парисъ: если Троила потребуютъ къ столу Пріама, извини какъ нибудь его отсутствіе.

Елена. Слушай, Пандаръ.

Пандаръ. Что угодно моей царицѣ, моей наи...

Елена. Нѣтъ, Пандаръ, какъ угодно...

Пандаръ. Что угодно наисладчайшей царицѣ моей?

Парисъ. Что тамъ у него? Съ кѣмъ ужинаетъ онъ?

Елена. Не въ томъ дѣло, царевичъ, но...

Пандаръ. Что угодно очаровательной царицѣ? Не допытывайся только объ этомъ. Моя племянница ужасно разсердится, если узнаетъ, что объ этомъ ужинъ извѣстно другимъ.

Парисъ. Головой ручаюсь,—дѣло идетъ о Крессидѣ.

Пандаръ. Нѣтъ, нѣтъ не говори этого. Ты не проникателенъ. Крессидѣ совсѣмъ не здорова сегодня.

Парисъ. Я догадываюсь.

Пандаръ. Догадываешься? О чемъ догадываешься? Но довольно! Лютню мнѣ! Лютню! Я иду пѣть, моя сладчайшая царица!

Елена. Вотъ это мило.

Пандаръ. Ахъ моя племянница безъ

ума отъ одной вещи, принадлежащей тебѣ, сладчайшая царица.

Елена. Эта вещь будетъ принадлежать ей, если, конечно, рѣчь идетъ не о Парисѣ.

Пандаръ. О, нѣтъ и нѣтъ! Какой тамъ Парисъ, они теперь въ ссорѣ, они раздвоились.

Елена. Ну, послѣ ссоры такъ подчасъ мирятся, что изъ раздвоенія выходятъ утроеніе.

Пандаръ. Полно, полно. Уши-бы мои не слышали! Лучше спою-ка я вамъ пѣсенку.

Елена. Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! А знаешь-ли, милѣйшій Пандаръ, у тебя прекрасный лобъ.

Пандаръ. Пріятно слышать хоть до завтра.

Елена. Нѣтъ, лучше пой о любви, объ одной любви! Знаешь отой, что погубить всѣхъ насъ. О, Купидонъ! Купидонъ! Купидонъ!

Пандаръ. Именно—любовь погубить.

Елена. И все-таки, пой любовь, любовь, одну любовь.

Пандаръ. Пѣсня моя именно такъ и начинается. (*Поетъ*).

Любовь! Одна любовь вездѣ!

Она и стрѣлы мечетъ.

Самецъ и самка съ ней въ бѣдѣ.

Она же ихъ и лѣчитъ.

„Ахъ, ахъ!“ сильнѣе пѣтуха

Любовникъ восклицаетъ.

Но скоро счастье въ „ха-ха-ха“

„Ахъ, ахъ“ преображаетъ.

Елена. Да Пандаръ влюбленъ! Такъ могутъ пѣть только по-уши влюбленные.

Парисъ. Онъ охотникъ до голубей, ну, а голуби, извѣстно, горячатъ кровь, горячая кровь возбуждаетъ пылкія мысли, пылкія мысли рождаютъ пылкія дѣла, а пылкія дѣла—любовь.

Елена. И это родословная любви! Горячая кровь, пылкія мысли, пылкія дѣла! Да это все ехидны. Неужели-же любовь порожденіе ехиднъ. А кто былъ сегодня въ битвѣ, царевичъ?

Парисъ. Гекторъ, Дейфобъ, Эленъ, Антеноръ, а съ ними и лучший цвѣтъ Трои. Я тоже хотѣлъ вооружиться и идти съ ними, да моя дорогая Елена воспротивилась. Какъ хорошо, однако, случилось, что и братъ Троиль также не пошелъ туда.

Елена. Онъ прилипъ къ чему-то губами. Тебѣ это должно быть извѣстно, любезный Пандаръ.

Пандаръ. Не знаю, моя наисладчайшая

царица, не знаю. Самому хотѣлось бы знать, что они такое затѣваютъ сегодня? (*Парису*). Такъ ты не забудешь извиниться за него передъ царемъ-отцомъ?

Парисъ. Нѣтъ не забуду.

Пандаръ. До свиданья, наисладчайшая царица.

Елена. Поклонись отъ меня своей племянницѣ.

Пандаръ. Буду кланяться, очаровательная царица. (*Уходитъ. Вдали бьютъ отбой*).

Парисъ.

Они идутъ обратно съ поля битвы? Отправимся и мы въ дворецъ Пріама Привѣтствовать бойцовъ. Еще хочу Молить тебя, прекрасное созданье, Помочь мнѣ снять доспѣхи боевые Съ героя Гектора. Упорная стальная Застежки ихъ скорѣ упадутъ Отъ нѣжныхъ рукъ, чѣмъ отъ мечей враждебныхъ.

Ты превзойдешь здѣсь силою своей Всѣхъ греческихъ царей и полководцевъ.

Елена.

О, мой Парисъ безцѣнный, я горжусь Подобнымъ порученьемъ: въ немъ, быть можетъ, Залогъ безсмертной славы я явлю...

Парисъ.

О, милая, какъ я тебя люблю!

СЦЕНА II.

Троя. Передъ садомъ Пандара.

Пандаръ и слуга Троиля встрѣчаются.

Пандаръ. А, это ты! Ну, гдѣ-же теперь твой хозяинъ? Не у моей-ли племянницы Крессиды?

Слуга. Нѣтъ, сударь, онъ ожидаетъ, чтобы вы проводили его туда.

Пандаръ. А вотъ и самъ онъ идетъ. (*Появляется Троиль*). Что такое? Скажи, что такое?

Троиль (*слугѣ*). Ты, болванъ, иди отсюда. (*Слуга уходитъ*).

Пандаръ. Видѣлся ты съ моей племянницей?

Троиль.

Нѣтъ, Пандаръ, нѣтъ. Все время я блуждалъ Лишь у дверей завѣтныхъ, какъ блуждаетъ Мятежная и грѣшная душа.

У береговъ таинственнаго Стикса
И ждеть ладью. О, Пандаръ мой, молю,
Будь мнѣ Харономъ, отвези меня
Къ полямъ благоухающимъ, тамъ страстно
Я упаду на дѣвственное ложе,
Достойное избранника. Сорви
Съ плечъ Купидона вычурныя крылья
И мы на нихъ съ тобою полетимъ
Къ моей Крессидѣ.

Пандаръ.

Погуляй по саду.
Я приведу ее къ тебѣ. (*Уходитъ*).

Троилъ.

Я весь
Дрожу. Меня волнуютъ ожиданья,
Воображаемое счастье мнѣ
Такъ сладостно, что опьяняетъ чувства.
Что-жъ будетъ въ тотъ благословенный
мигъ,

Когда прильну я жадными устами
Къ ея устамъ и влажный нектаръ вдругъ
Прольется въ груди! Боюсь, что смерть мгновенно

Прерветъ любовь, иль обморокъ затмитъ
Сознаніе, иль знойное блаженство
Могучее и тонкое пронзитъ
Мой грубый умъ. Я трепещу заранѣ...
Я, кажется, утрачу въ наслажденіи
Способность разбираться, какъ въ бою,
Когда врага смѣщавшагося гонишь...

Пандаръ (*возвращается*). Она прина-
ряжается и сейчасъ придетъ сюда. Царе-
вичъ, будь смѣлѣе. Какъ будто духи бѣд-
ную напугали. Она волнуется, краснѣетъ,
дышетъ такъ тяжело, иду за ней. Сегодня
она необыкновенно привлекательна, но это
нисколько не мѣшаетъ ей дышать, подобно
пойманному воробью. (*Уходитъ*).

Троилъ.

И мнѣ до боли страсть стѣсняетъ сердце.
Какъ въ лихорадкѣ все оно горитъ,
Трепещетъ... Я растерянъ... Я дрожу,
Какъ подданный подъ взглядами монарха.

Входятъ Пандаръ съ Крессидой.

Пандаръ. Ну, иди, иди... Что ужъ крас-
нѣтъ. Стыдливость—младенецъ. Вотъ она
передъ тобой. Разсыпся передъ нею въ
клятвахъ, какъ рассыпался предо мной. Ты,
кажется, опять намѣреваешься улетучиться?
Значитъ, тебя слѣдовало-бы проманежить
хорошенько, чтобы сдѣлать ручной. Да,
придется-таки прибѣгнуть къ этому. Идемъ—

ка рядомъ со мною, а вздумашь артачиться,
попадешь въ дышло. Ну, ты чего-же ничего
ей не выскажешь? Поднимай-ка занавѣсъ
и показывай картину. Ахъ, этотъ дневной
свѣтъ! Вы оба, повидимому, боитесь оскор-
бить его. Будь теперь ночь, вы поскорѣе
бы сблизились.—Вотъ такъ отлично. Цѣ-
луй свою владычицу, да такъ, чтобы по-
цѣлуй занялъ цѣлую вѣчность. Дѣйствуй,
строитель. Воздухъ здѣсь благотворный...
Клянусь, я до тѣхъ поръ не выпущу васъ,
пока вы не выскажете другъ другу все, что
накопилось въ сердцахъ. Ну, сокола сегодня
можно будетъ поздравить съ соколихой. Въ
этомъ я готовъ клясться всѣми утками,
плавающими въ рѣкѣ.

Троилъ. Милая! Ты лишила меня языка.

Пандаръ. Языкъ тутъ ни при чемъ.
Долгъ платежомъ красенъ. Плохо, если на
дѣло не хватитъ силъ. Такъ, такъ... опять
ужъ носъ съ носомъ... Отлично... „Когда
обѣ стороны приходятъ ко взаимному со-
глашенію“... и проч... и проч. Войдите, вой-
дите въ двери, а я поищу огня. (*Уходитъ*).

Крессида. Угодно тебѣ войти, ца-
ревичъ?

Троилъ. О, Крессида! Какъ долго я
томился ожиданьемъ этого счастья.

Крессида. Томился ожиданьемъ! О, да
исполнять боги твое желаніе, мой власти-
тель!

Троилъ. Да исполнять боги твое же-
ланіе! Къ чему такое восклицаніе! Или въ
тихомъ ручѣ нашей любви моя красавица
увидѣла тину?

Крессида. Болѣе тины, чѣмъ свѣтлой
любви, если только у предчувствія моего
зоркіе глаза.

Троилъ. Ихъ страхъ способенъ пре-
вратить въ демона и херувима.

Крессида. Но все-же слѣпой страхъ
меньше спотыкается, когда поводиремъ у
него зрячій разумъ, чѣмъ слѣпой разумъ,
безъ страха. Бояться худшаго нерѣдко
значитъ—избѣгать худшаго.

Троилъ. О, пусть моя красавица забу-
детъ о страхѣ. Чудовища никогда не смѣютъ
проникнуть во владѣнія Купидона.

Крессида. А чудовищное?

Троилъ. Ничто, кромѣ нашихъ превыс-
шенныхъ клятвъ—пролить океаны слезъ,
жить въ огнѣ, ѣсть скалы, укрощать тиг-
ровъ, воображая, что нашей возлюбленной
труднѣе придумать для насъ тяжкіе по-
движки, чѣмъ намъ ихъ выполнить. Въ любви,
моя Крессида, чудовищно только одно: воля

безгранична, а дѣйствіе рабски заключено въ оковы.

Крессида. Говорятъ, влюбленные обѣщаютъ больше, чѣмъ въ силахъ исполнить и вѣчно клянутся натворить дѣлъ, которыхъ никогда не совершаютъ. Клянутся свершить десятки подвиговъ, а не свершаютъ и десятой части одного изъ нихъ. Развѣ тотъ, кто кричитъ по львиному, а поступаетъ по заячьему—не чудовище?

Троиль. Неужто есть такіе! Я не изъ нихъ. Хвали меня по испытанію, цѣни по заслугамъ, но никогда не осуждай прежде испытанія. Голова моя будетъ непокрыта, пока не заслужитъ вѣнка. Ни одинъ подвигъ въ грядущемъ пусть не встрѣтитъ похвалъ въ настоящемъ. Не станемъ возвеличивать мужество прежде проявленія его, а проявится,—скромно опредѣлимъ его значеніе. Вотъ тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ мой символъ вѣры. Троиль по отношенію къ Крессидѣ останется такимъ, что сама зависть не найдетъ въ немъ ничего для насмѣшки, развѣ—кромѣ его неизмѣримой вѣрности, а вѣрность эта превзойдетъ самую истину.

Крессида. Угоднотѣбѣвойти, царевичъ?

Пандаръ *возвращается*.

Пандаръ. Какъ! Все еще продолжаетъ краснѣть! Не было вамъ развѣ времени сговориться!

Крессида. Хорошо, дядюшка. Отнынѣ всѣ свои глупости я посвящаю вамъ.

Пандаръ. Покорно благодарю. Если у тебя отъ него будетъ ребенокъ, ты и его мнѣ посвятишь? Будь только вѣрна царевичу, а если онъ станетъ отбиваться отъ рукъ,—вини меня.

Троиль. Теперь, моя красавица,—тебѣ извѣстны мои заложники: слово моего дяди и моя непоколебимая вѣрность.

Пандаръ. Прекрасно. А за Крессиду я тебѣ даю слово. Въ нашемъ роду долго не сдаются, но разъ сдавшись, остаются навѣкъ постоянны. Тебѣ, царевичъ, я могу это сообщить. Мы всѣ—точно репы: куда насъ кинутъ, тамъ и прицѣпляемся.

Крессида.

Теперь ко мнѣ вернулась снова смѣлость, А вмѣстѣ съ ней—рѣшимость все сказать. О, мой Троиль, царевичъ мой, послушай: Въ теченье долгихъ мѣсяцевъ и дней И днемъ и ночью я тебя любила.

Троиль.

Зачѣмъ-же былъ такъ страшно труденъ путь Къ твоей любви?

Крессида.

Я долго притворялась, Что не люблю тебя, а между тѣмъ Я всей душой тебѣ принадлежала Едва-ль не съ той минуты, какъ впервой Увидѣла... Узнавъ мою любовь, Ты тотчасъ обратился бы въ тирана. Люблю тебя, люблю, о, мой Троиль, Но и любя, я все-жъ имѣю силы Владѣть собой. Нѣтъ, нѣтъ, неправда, лгу! Давно, давно всѣ мысли обратились Въ балованныхъ дѣтей, и мать, увь, Безсильна съ ними справиться. Вотъ видишь,

Насколько всѣ мы глупы! Я сейчасъ Все разболтала. Какъ же избѣжимъ Злословья мы, когда и о себѣ Все выболтать готовы... Я любила, Не подавая вида, что люблю, А втайнѣ сожалѣла, что не смѣю О страсти говорить своей, что я— Я не мужчина... О, Троиль, скорѣе Мнѣ прикажи молчать, иначе здѣсь Въ чаду любви я выскажу такъ много, Что первая раскаюсь. О, смотри! Смотри—однимъ молчаніемъ умѣлымъ Изъ глубины душевныхъ тайниковъ Исторгъ ты рой признаній... О, молю, Замкни уста мои.

Троиль (*цѣлуя ее*).

Я повинуюсь
И заглушаю музыку любви.

Пандаръ.

Вотъ это ловко сдѣлано!

Крессида.

О, милый...

Молю тебя, прости меня, повѣрь, Я далека намѣреній безстыдныхъ Такъ поцѣлуй выпрашивать... Сама Стыжусь того, что вырвалось. О, боги! Что я сказала! Сдѣлала! Позволь Мнѣ удалиться... Это такъ ужасно!

Троиль.

Какъ! Покидать меня! Такъ скоро!

Пандаръ.

Вздоръ
Покинетъ, до... до завтра на разсвѣтѣ.

Крессида.

Молю, пусти меня...

Троиль.

Но чѣмъ-же ты
Оскорблена?

Крессиди.

Сама собой.

Троиль.

Такъ значить,
Ты отъ себя не можешь убѣжать.

Крессиди.

Молю тебя, вдохни мнѣ эти силы!
Пускай здѣсь часть останется меня,
Но эта часть такъ зла, что не допуститъ
Меня служить игрушкой... Словомъ, мнѣ
Бѣжать! Бѣжать!.. О, гдѣ-же мой разсудокъ?
Что говорю? Сама не знаю—что!

Троиль.

О, нѣтъ, повѣрь, кто говоритъ такъ мудро,
Отлично знаетъ то, что говорить.

Крессиди.

Такъ, можетъ быть, я больше проявляю
Находчивости, хитрости ума,
Чѣмъ искренней любви. Ты можешь думать,
Что страстные признанія мои
Лишь удочки, которыми хотѣла
Поймать твое признание я... Слыхалъ
Ты, видимо, что быть возможно умнымъ
Лишь не любя. Нѣтъ, смертнымъ не дано
Любить, блистая разумомъ... Нѣтъ, это
Лишь небожителямъ однимъ доступно.

Троиль.

Я доселѣ
Мечталъ, что женщинѣ и въ томъ числѣ
тебѣ
Въ своей груди хранить доступно вѣчно
Святой огонь любви и оживлять
Съ весенней нѣгой силу постоянства,
Чтобы имѣть возможность возрождать
Блескъ красоты былой воспоминаньемъ.
О, если бы съ сознаниемъ такимъ
Я вѣрить могъ, что страсть моя и вѣрность
Пробудятъ и найдутъ въ твоей душѣ
Такой же отзвукъ ласковый и нѣжный,
Какъ и любовь моя... Я весь бы, весь
Наполнился невыразимымъ счастьемъ!
Ты видишь, какъ я дѣтски простъ... Повѣрь,
Моя любовь проста, наивна такъ же.

Крессиди.

Я въ этомъ бы поспорила съ тобой.

Троиль.

О, дивное, святое состязанье!
Здѣсь спорить вѣрность съ вѣрностью о
томъ,
Кто искреннѣй и глубже... О, я знаю—

Настанетъ день, когда въ своей любви
И вѣрности лишь именемъ Троила
Влюбленный станетъ клясться; истощивъ
Сокровищницу пламенныхъ сравненій
И образовъ и страстныхъ обѣщаній,
Наскучивъ повторять, что ихъ любовь
Крѣпка, какъ сталь, дружна, какъ солнце

съ утромъ,
Приливъ съ луной, магнитъ съ сѣдымъ
желѣзомъ,
Съ голубкой голубъ, ну, а шаръ земной
Съ той силою, что правитъ имъ,—придется
Окончить тѣмъ, чтобъ коротко сказать:
„Я вѣренъ, какъ Троиль!“

Крессиди.

О, еслибъ это
Пророчество сбылось! Мой ненаглядный
О, если разлюблю когда-нибудь тебя я,
Пусть именемъ моимъ зовутъ измѣну!
И даже тамъ, въ грядущемъ, пусть, когда
Забвенію дряхлѣющее время
Предастъ себя,—влюбленные, клеймя
Презрѣніемъ все лживое, какъ рѣчи
Волковъ къ ягнятамъ, какъ мачехи любовь
Перечисляя все, что скоротечно,
Измѣнчиво, какъ вѣтеръ, волны, люди,—
И ужъ въ концѣ, исчерпавъ всѣ сравненія
Нелестныя,—пусть просто скажутъ: „Лжива,
Какъ эта ложь по имени Крессиди“.

(Троиль цѣлуетъ ее).

Пандаръ. Дѣло! Договоръ заключенъ.
Скрѣпляйте, скрѣпляйте его. Я буду сви-
дѣтелемъ. Дай мнѣ руку. И ты, племян-
ница, тоже. Если, несмотря на всѣ мои
старанія васъ соединить, вы все-таки ока-
жетесь невѣрными другъ другу,—пусть,
пока есть свѣтъ на свѣтъ, всѣ жало-
стливые посредники между любящими зо-
вутся моимъ именемъ и пусть всѣ обра-
щаются съ ними, какъ съ истинными Пан-
дарами! Да! пусть всѣ вѣроломные лю-
бовники зовутся Троилами, всѣ коварныя
женщины—Крессидами, а всѣ сводники—
Пандарами. Говорите: „Аминь“.

Троиль. Аминь.

Крессиди. Аминь.

Пандаръ. Аминь. Теперь идемте—я
покажу вамъ вашу спальню. Чтобы кро-
вать не болтала о проказахъ вашихъ, да-
вите ее до смерти. Ступайте. (Троиль и
Крессиди уходятъ).

Всѣмъ скромнымъ дѣвамъ здѣсь пусть
дастъ Амуръ три дара:
И спальню, и постель, и сводника Пандара.

— —

СЦЕНА III.

Греческій станъ.

Входятъ Агамемнонъ, Улиссъ, Діомедъ, Несторъ, Аяксъ, Менелай и Калхасъ.

Калхасъ.

Цари! Теперь, когда идетъ все гладко, Осмѣлюсь я награду попросить За важныя услуги. Вамъ извѣстно,— Благодаря предвидѣнію, я Покинулъ Трою; все мое имѣнье Оставилъ тамъ и заслужилъ еще Названіе измѣнника. Не мало Вѣрнѣйшихъ благъ принесъ я на алтарь Безвѣстнаго грядущаго: всѣ связи Я разорвалъ, презрѣлъ привычки, санъ— Все, что слилось со мною неразрывно, Для пользы грековъ родину презрѣвъ; Я всѣмъ сталъ чуждъ, далекъ и ненавистенъ. Теперь прошу я въ счетъ грядущихъ благъ, Общанныхъ за всѣ мои услуги, Лишь милости, и, право, не большой.

Агамемнонъ.

Чего-жъ ты хочешь? говори.

Калхасъ.

Троянецъ

Вчера былъ въ плѣнъ взятъ вами; Антеноръ

Его зовутъ; онъ въ Троѣ чтимъ высоко, Припомните, не разъ готовность вы Мнѣ изъявляли,—я вамъ благодаренъ,— За дочь мою Крессида дать взаменъ Любого плѣнника, на это Троя Отказомъ отвѣчала... Часъ насталъ. Для грековъ важенъ Антеноръ; онъ—сила, Руководитель ихъ, и за него Они отдать готовы даже сына Пріамова... Такъ пусть-же Антеноръ О, гордые цари и полководцы, Идетъ домой и выкупомъ живымъ За дочь мою послужить, а Крессида Вполнѣ собой меня вознаградить За всѣ мои важнѣйшія услуги.

Агамемнонъ.

Проводить Антенора Діомедъ И приведетъ Крессида! Я исполню, Калхасъ, твое желаніе, А ты, Мой милый Діомедъ, какъ подобаешь Послу царя Агамемнона, будь На высотѣ призванія, доспѣхи Блестящіе одѣнь, да, кстати, тамъ Узнай,—готовъ-ли Гекторъ къ поединку: Аяксъ готовъ.

Діомедъ.

Довѣрюсь такимъ

Я вознесенъ и все исполню точно.

(Уходятъ съ Калхасомъ).

Ахиллъ и Патроклъ *выходятъ изъ своихъ палатокъ.*

Улиссъ.

Смотри: Ахиллъ стоитъ въ дверяхъ палатки. Прими, о, полководецъ, мой совѣтъ И на него не обращай вниманья, Когда пойдешь ты мимо. И цари Другіе пусть поступятъ такъ же, взглянуть— И далѣе пойдутъ своимъ путемъ. Последнимъ я пройду. Меня онъ, вѣрно, Вопросомъ остановитъ: почему Относятся къ нему съ такимъ презрѣньемъ? И я его насмѣшкой угошу Холодною и ѣдкой, какъ лѣкарствомъ Отъ гордости. Ему такой урокъ Полезенъ будетъ. Гордость знаетъ только Одно лишь зеркало, и это—гордость: Въ него взглянуть умѣстно ей... Когда Всѣ гордецу потворствуютъ,—бѣда!

Агамемнонъ.

Совѣтъ хорошъ, и мы его исполнимъ. Мы всѣ пройдемъ, не кланяясь ему, Какъ люди незнакомые... Нѣтъ, лучше Иные пусть поклонятся, но такъ, Чтобы чувствовалъ онъ ихъ пренебреженіе; Его задѣнеть это посильнѣй, Чѣмъ невниманье полное. Пойдемте; Я—первый.

Ахиллъ.

Какъ! Со мною говорить,

Повидимому, хочетъ полководецъ? Но я сказалъ, что больше не хочу Съ троянцами сражаться...

Агамемнонъ *(Нестору).*

Ахиллъ тамъ что-то говоритъ? Чего Отъ насъ онъ хочетъ?

Несторъ. Мнѣ кажется, прославленный Ахиллъ, ты хочешь что-то сказать Агамемнону?

Ахиллъ. Нисколько!

Несторъ. Нѣтъ, государь.

Агамемнонъ. Тѣмъ лучше.

*(Уходитъ съ Несторомъ).*Ахиллъ *(Менелая).* Здравствуй.Менелай. Будь здоровъ. *(Уходитъ).*

Ахиллъ. Что это! Рогоносецъ насмѣхается надо мною?

Аяксъ. Привѣтъ Патроклу.
 Ахиллѣ. Добраго утра, Аяксъ.
 Аяксъ. А?
 Ахиллѣ. Добраго утра.
 Аяксъ. До завтра. (*Уходитъ*).

Ахиллѣ. Что за дерзкое нахальство!
 Иль не хотятъ они Ахилла знать!

Патроклѣ.

Да, это странно. Всѣ передъ Ахилломъ
 Сгибалися, бывало,—издали
 Его улыбкой лъстивою встрѣчая
 И пресмыкаясь, какъ предъ алтаремъ.

Ахиллѣ.

Да, это странно. Иль за это время
 Я обдѣнѣлъ? Давно извѣстно всѣмъ:
 Когда величье во враждѣ съ фортуной,
 И всѣ къ нему враждебны. Кто упалъ,—
 Въ глазахъ другихъ прочтеть свое паденье.
 Вѣдь люди—это бабочки, они
 Раскрашенные крылья распускаютъ
 Лишь въ теплый день. Они глядятъ на насъ
 Не какъ на человѣка; чтутся только
 Лишь внѣшніе дары: богатство, санъ,
 Прославленность, все, чѣмъ играетъ случай
 Съ достойными. Капризный пьедесталъ!
 Распался онъ—и рухнула съ нимъ вмѣстѣ
 Непрочная любовь. Однако я
 Съ фортуною покуда еще друженъ,
 Все, чѣмъ владѣлъ, попрежнему мое,
 Помимо развѣ только этихъ взглядовъ,
 Которые открыли вдругъ во мнѣ—
 Не знаю что—обидное для ихъ
 Вниманье. Вотъ Улиссъ идетъ... Я чтенье
 Его прерву.—Улиссъ!

Улиссъ.

Что отъ меня
 Желаетъ сынъ прославленный Ѳетиды?

Ахиллѣ.

Что ты читалъ?

Улиссъ.

Да вотъ, одинъ чудакъ
 Мнѣ пишетъ вдругъ, что какъ бы ни былъ
 смертный
 Превознесенъ, и такъ и сякъ богатъ,—
 Онъ никогда похвастаться не можетъ,
 Что всѣ дары дѣйствительно его,
 А не живутъ въ его воображеніи,
 Что чувствуетъ онъ только ихъ, когда
 Отражены въ другихъ они, какъ будто
 Лишь озаривъ и обогрѣвъ другихъ,
 Онъ самъ живетъ счастливымъ отраженьемъ.

Ахиллѣ.

Тутъ ничего чудного нѣтъ, Улиссъ.
 И красота, которою другіе
 Любуются,—лишь въ нихъ отражена;
 Глазъ самого себя не можетъ видѣть,
 Онъ проводникъ чистѣйшій нашихъ чувствъ,
 И, встрѣтившись съ другимъ такимъ же
 глазомъ,

По отраженью судить о себѣ.
 Самихъ себя не могутъ видѣть люди,
 И о себѣ доступно имъ судить
 По отношенью къ нимъ другихъ: вотъ это
 Единственное зеркало.

Улиссъ.

Меня

Не самая основа удивляетъ;
 Она стара, и я согласенъ съ ней.
 Но слѣдствіе... Доказываетъ авторъ,
 Что никого нѣтъ въ мірѣ, кто бы могъ,
 Хотя сто пядей имѣй во лбу,—похвастать,
 Что убѣжденъ въ себѣ, пока ему
 Не выкажутъ вниманія другіе.
 Онъ часто самъ не вѣдаетъ о нихъ,
 Пока ихъ въ отраженіи не увидитъ,
 Иль не услышитъ ихъ въ рукоплесканьяхъ,
 Какъ въ звонкихъ сводахъ собственное эхо,
 Какъ отблескъ солнца въ стали...

Пораженъ

Такъ глубоко я былъ блестящей мыслью,
 Что тотчасъ-же подумалъ объ Аяксѣ:
 „Вѣдь вотъ оселъ,—подумалъ я,—и сразу
 Онъ въ честь попалъ. О, сколько въ мірѣ
 есть

Такихъ вещей, которыя полезны,
 Однако ихъ презрѣніемъ клеймятъ.
 Другія же на взглядъ и драгоцѣнны,
 А имъ лишь грошъ цѣна. И можетъ быть,
 Мы завтра же увидимъ, какъ Аякса
 Прославить случай... Боги! О, зачѣмъ
 Приходится однимъ свершать дѣянья,
 Когда другіе призваны къ тому!
 Иной въ чертогъ Фортуны своенравной
 Ползетъ себѣ, въ то время, какъ другой
 Разинетъ ротъ... Иные рвутъ у славы
 Себѣ куски, другіе-же ее
 Изъ гордости минуютъ, иль отъ лѣни.
 Смотрѣть противно, какъ вездѣ теперь
 Привѣтствуютъ Аякса лъстиво греки,
 Какъ будто онъ ужъ гордо попираетъ
 Грудь Гектора ногой своей, иль Троя
 Колеблется могуществомъ его.

Ахиллѣ.

Да, да, я вѣрю этому. Какъ скряги
 Предъ нищими, сейчасъ они прошли...
 Вотъ здѣсь прошли,—меня не удостоивъ

Ни словомъ, ни привѣтомъ. Неужель
Всѣ подвиги мои уже забыты?

Улиссъ.

Не забывай, что время за спиной
Несетъ суму, въ которую бросаетъ
Забвенію подачки. Это звѣрь,
Чудовище,—оно неблагодарно,
И какъ бы ни былъ подвигъ величавъ,—
Забвеніе пожрать его готово.
Повѣрь, Ахиллъ, не подвиги въ быломъ
Опора славы,—мудрость въ настоящемъ.
Что подвиги бывые? Лоскуты,
Колеблемые вѣтромъ, ржавый панцырь,
Подвѣшенный на гвоздикъ для смѣха.
Скорѣ въ путь! Узка, тѣсна тропа,
Проложенная къ славѣ, невозможно
По ней идти двоимъ. Не уступай
Другому путь. Знай, у соревнованья
Есть тысячи испытанныхъ сыновъ,
Бѣгущихъ неустанно за тобою.
Лишь уступи имъ первенство въ пути,
Отстань на мигъ,—и на тебя всѣ хлынутъ,
Какъ волны моря злобныя, сомнутъ
И позади забытаго оставятъ.
Такъ, впереди всегда привыкшій быть,
Горячій конь оступится случайно
И упадетъ, и черезъ него тогда
Пронесутся другіе, безпощадно
Топча его копытами. Таковъ
Теперь и ты съ своей поблекшей славой.
Пусть далеко героямъ скороспѣлымъ
До подвиговъ такихъ, но вѣдь за то
Ихъ положеніе выгоднѣе. Время—
Воспитанный хозяинъ. Руку жметъ
Онъ гостю уходящему небрежно,
Входящему—объятыя и почеть.
Здороваются люди, улыбаясь;
Прощаются, вздыхая. Не ищи
За прошлаго дѣла вознагражденья.
Всѣ блага жизни: красота, любовь,
Умъ, сила, власть, происхождение, дружба,—
Клеветниковъ завистливыхъ родятъ,
И время, несомнѣнно—самый злѣйшій.
Весь міръ роднитъ единая черта:
Всѣхъ увлекаетъ новость бездѣлушекъ,
Хоть на нихъ прошедшаго печать.
И золото, облѣпленное грязью,
Предъ грязью позолоченной—ничто.
Дневное къ дню приковано, и ты,
Герой великій, не дивись, коль греки
Всѣ поголовно стануть обожать
Бездарнаго Аякса. Что недвижно—
Не такъ въ глаза бросается, какъ то,
Что движется. Восторги,
Которыми ты прежде встрѣченъ былъ,
Могли-бы не умолкнуть и нынѣ;

Могла бы слава гордая избрать
Своимъ жилищемъ постояннымъ ставку
Того, кто здѣсь, на этихъ же поляхъ,
Умѣлъ свою храбрость безмѣрной
Такой восторгъ всеобщій возбуждать,
Что даже Марсъ отъ зависти бѣсился!

Ахиллъ.

Да, я ушелъ отъ дѣлъ, но у меня
На это есть разумныя причины.

Улиссъ.

Но противъ нихъ найдутся безъ труда
И болѣе достойныя героя.
Извѣстно всѣмъ, что страстно ты влюбленъ
Въ одну изъ дочерей Пріама.

Ахиллъ.

Вотъ какъ!

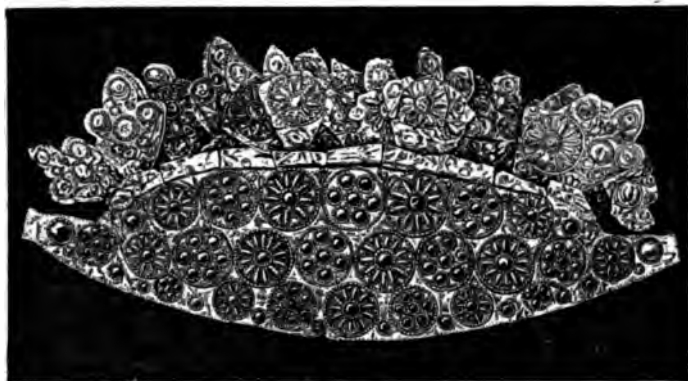
Извѣстно всѣмъ?

Улиссъ.

Ты удивленъ? Но знай,
Правительство все видитъ и все слышитъ.
Ему извѣстно, все: и золото, что въ нѣдрахъ
Земли хранить Плутосъ, и тайны
Глубокихъ безднъ. Оно способно вскрыть
Тѣ помыслы, что зрѣютъ въ колыбели.
Въ душѣ любого государства есть
Таинственная сила, и доннынъ
Исторія ея не поняла,
Умъ не постигъ, не выразило слово.
Намъ такъ же хорошо, какъ и тебѣ,
Извѣстна связь твоя съ семьей Пріама.
Но слушай: Поликсена, можетъ быть,
Красива—побѣдить, однако,
Почтеннѣй для Ахилла не ее,
А Гектора. Какое горе Пирру
Ты принесешь, когда сто устъ молвы
Передадутъ ему, что дочь Пріама
Ты славы предпочелъ, а рои дѣвъ
Съ насмѣшкой и укоромъ въ хороводѣ
Вдругъ запоятъ: „Сестру плѣнилъ
У Гектора Ахиллъ,
Но Гекторъ самъ—позоръ и стыдъ!
Аяксомъ былъ убитъ“.
Прощай—уже стоитъ на льду глупецъ—
Взломай тотъ ледъ и вновь возьми вѣнецъ!
(Уходитъ).

Патроклъ.

Тебѣ не разъ совѣтовалъ я то же.
Хоть женщина съ ухваткою мужской
Противна всѣмъ, не лучше и мужчина,
Когда во время гибельной войны
На женщину походить. Не меня-ли
Винять въ твоихъ поступкахъ? Всѣ вполне
Убѣждены, что только отвращеніе

Древнегреческая золотая корона. Из Микенских раскопок Шлимана.

Мое къ войнѣ способно удержать
Тебя средь битвъ. Страхни-жъ любовь
 скорѣе,
Какъ съ гривы левъ полночную росу,—
И Купидонъ слѣпой, сластолюбивый
Падетъ во прахъ.

Ахиллъ.
Такъ неужель Аяксъ
Сразится съ Гекторомъ?

Патроклъ.
Да, и за трудный,
Отважный подвигъ славу обрѣтетъ.

Ахиллъ.
Въ опасности моя бывая слава—
Я самъ нанесъ ей гибельный ударъ.

Патроклъ.
Такъ берегись. Нѣтъ тяжелѣе раны
Той, что своей рукой нанесена.
Опасности являются нерѣдко
Отъ собственной оплошности; онъ,
Какъ лихорадка, часто заражаютъ,
Когда сидимъ на солнцѣ мы.

Ахиллъ.
О, дорогой Патроклъ мой, позови
Ко мнѣ Терсита. Я шута отправлю
Посломъ къ Аяксу съ просьбой пригласить
Ко мнѣ вождей троянскихъ послѣ битвы.
Пусть это прихоть женская, но я
Горю желаньемъ Гектора увидѣть
Безъ латъ стальныхъ, а въ мирномъ
 одѣяньи.
Лицомъ къ лицу хочу съ нимъ говорить...
Но вотъ Терситъ—ты отъ хлопотъ избав-
 лень
Иди за нимъ.

Входитъ Терситъ.

Терситъ. Вотъ такъ чудо!

Ахиллъ. А что такое?

Терситъ. Аяксъ шатается взадъ-впе-
редъ по полю и ищетъ самого себя.

Ахиллъ. Какъ такъ?

Терситъ. Онъ долженъ завтра идти
на поединокъ съ Гекторомъ, и геройская
потасовка, которую онъ получить, дѣлаетъ
его до того пророчески гордымъ, что онъ
бредитъ безъ словъ.

Ахиллъ. Неужели?

Терситъ. Вѣрно. Распустилъ хвостъ,
какъ павлинъ. Походитъ, походитъ и оста-
новится, какъ трактирщица, которой негдѣ
свести своихъ счетовъ, кромѣ своей головы.
Онъ, какъ вельможа, кусаетъ себѣ губу,
словно хочетъ глубокомысленно возвѣстить:
„Въ этой головѣ ума палата, да только онъ
изъ нея выходитъ не хочетъ“. И точно,
онъ въ ней есть, да только не выскаки-
ваетъ, какъ изъ кремня искра, покуда его
не стукнутъ какъ слѣдуетъ. Малый этотъ
погибъ окончательно; если ему Гекторъ не
слоमितъ шеи, то она переломится отъ тя-
желаго тщеславія. Меня онъ не узнаетъ
ужъ: Я говорю ему: „Здравствуй, Аяксъ“,
а онъ мнѣ на это: „Благодарю, Агамем-
нонъ“. Ну, что вы скажете о человѣкѣ,
принимающемъ меня за полководца! Онъ
превратился въ настоящую береговую рыбу,
безгласное чудовище... Велика радость славы!
Ее, какъ кожаную куртку, можно и на из-
нанку выворочивать.

Ахиллъ. Я хочу тебя, Терситъ, отпра-
вить къ нему посломъ.

Терситъ. Меня? Напрасный трудъ. Отъ
него теперь ни на одинъ вопросъ не до-

бьешься отвѣта: онъ выше этого; только ничтожество разговариваетъ. Онъ ходитъ, держа языкъ въ кулакѣ. Я готовъ вамъ представить его. Пусть Патроклъ спрашиваетъ меня. Вы увидите живого Аякса.

Ахиллъ. Хорошо. Ты, Патроклъ, подойди и скажи ему, что я прошу покорнѣйше доблестнаго Аякса пригласить нахрабрѣйшаго Гектора придти безъ оружія въ мой шатеръ и добыть для него пропускъ отъ великаго, дважды, трижды прославленнаго предводителя греческихъ войскъ Агамемнона и т. д. Начинай.

Патроклъ. Да благословить Зевесъ великаго Аякса.

Терситъ. Гм...

Патроклъ. Я пришелъ отъ имени достойнаго Ахилла.

Терситъ. А...

Патроклъ. Онъ покорнѣйше проситъ тебя пригласить Гектора въ его палатку.

Терситъ. Гм...

Патроклъ. И добыть ему свободный пропускъ отъ Агамемнона.

Терситъ. Отъ Агамемнона?

Патроклъ. Да, отъ него, свѣтлѣйшій Аяксъ.

Терситъ. А...

Патроклъ. Что ты на это скажешь?

Терситъ. Да хранить тебя Зевсъ... Отъ чистаго сердца.

Патроклъ. А твой отвѣтъ?

Терситъ. Если завтра будетъ хорошій день съ утра, я подумаю и дамъ отвѣтъ; такъ или иначе, онъ дорого заплатитъ прежде, чѣмъ одолѣетъ меня.

Патроклъ. Твой отвѣтъ, дорогой Аяксъ?

Терситъ. Будь здоровъ... отъ всей души.

Ахиллъ. Неужто онъ поетъ въ такомъ духѣ?

Терситъ. Напротивъ, онъ не въ духѣ. Какая будетъ изъ него музыка, когда Гекторъ завтра выколотитъ изъ него мозги, — не знаю. Вѣроятно, ни малѣйшей, если Аполлонъ не вытянетъ изъ него жилы и не надѣлаетъ изъ нихъ струнъ.

Ахиллъ. Ты сейчасъ же отнесешь ему посланіе.

Терситъ. Давай лучше письмо къ его лошади: изъ нихъ двоихъ она все же умнѣе.

Ахиллъ. Мой умъ, какъ источникъ, взволнованный бурей, до того смутенъ, что я самъ не вижу его дна.

(Ахиллъ и Патроклъ уходятъ).

Терситъ. Ахъ, еслибы источникъ твоего ума снова просвѣтлѣлъ хоть настолько, чтобы мнѣ въ немъ осла напоить! Лучше бы я желалъ быть подкожнымъ паразитомъ у барана, чѣмъ такимъ безнадежно храбрымъ дуракомъ!

(Уходитъ).

Изъ троянскихъ раскопокъ Шмидана (кубокъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Троѣ.

*Съ одной стороны входитъ Эней, за нимъ—
слуга съ факеломъ, съ противоположной—
Парисъ, Дейфовъ, Антеноръ, Діомедъ
и другіе, также съ факелами.*

Парисъ.

Эй, кто идетъ?

Дейфовъ.

Эней.

Эней.

Да, это принцъ!

Самъ принцъ Парисъ! Ну, принцъ, когда-
бы мнѣ

Такой предлогъ блаженствовать въ постели,
Небесный гнѣвъ лишь могъ меня-бъ отвлечь
Отъ жаркаго, томительнаго ложа,
Отъ нѣгъ и ласкъ подруги дорогой.

Діомедъ.

Меня-бы тоже. А, Эней! Здорово.

Парисъ.

Передъ тобою, славный мой Эней,
Грекъ доблестный. Ты самъ тому свидѣтель:
На полѣ битвы онъ не мало дней
Преслѣдовалъ тебя.

Эней.

Прійми привѣтъ мой,
Достойный воинъ. Счастливъ будь, пока
Сіяетъ миръ. А встрѣтимся въ dospѣхахъ,—
Жди вызова такого отъ меня,
Какого никогда не создавала
Ничья вражда и мужество ничье
Не выполняло.

Діомедъ.

Что-жъ, благодарю
За то и за другое. А пока
Спокойна кровь, тебѣ такого-жъ счастья
Желаеть Діомедъ. Но вспыхни бой,
Явися случай и, Зевесъ свидѣтель!—
Со всею силой, съ ловкостью, съ отвагой
За жизнь твою брошусь я!

Эней.

Ты бросишься за львомъ, а онъ не ста-
нетъ
Ни отступать, ни убѣгать. Съ тобой—
Ко глазу глазъ—онъ встрѣтится. Но встрѣча

Такая впереди, а до нея,
Прошу тебя пожаловать къ намъ въ Трою.
Клянуся головой Анхиза, ты
Желаннымъ гостемъ будешь въ ней. Я даже
Готовъ рукой Венеры клясться здѣсь,
Что никогда, никто не могъ такъ сильно
Любить того, кого хотѣлъ убить.

Діомедъ.

Вполнѣ тебѣ сочувствую. Юпитеръ!
О, дай еще лѣтъ тысячу прожить
Энею, если смерть его не можетъ
Меня прославить. Если же-она
Прославить мечъ мой,—пусть умретъ онъ
завтра!

Эней.

Другъ друга мы узнали хорошо.

Діомедъ.

Но жаждемъ знать другъ друга и похуже.

Эней.

Я никогда привѣта не слыхалъ
Столь злобнаго и дружескаго вмѣстѣ,
Столь полного любви и ненависти.

Діомедъ.

Что

Тебя такъ рано подняло?

Эней.

За мною

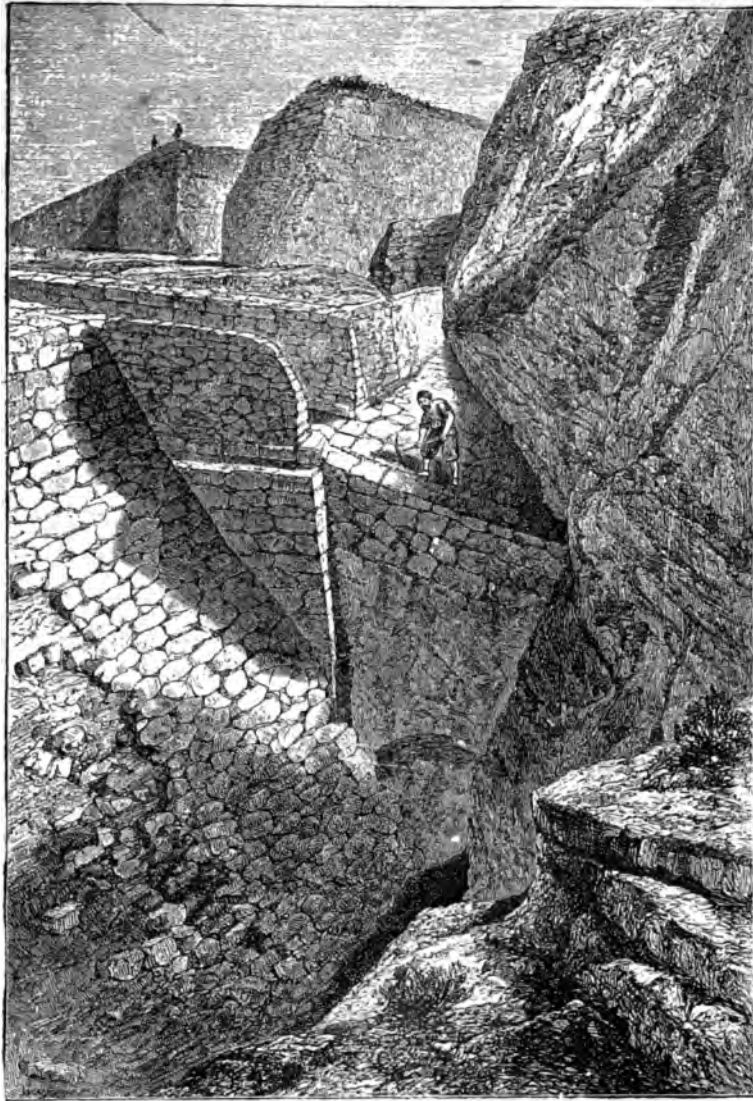
Самъ царь Пріамъ гонца послалъ. Зачѣмъ,—
Не знаю.

Парисъ.

Онъ предупреждаетъ
Твое желанье. Долженъ проводить
Ты молодого грека въ домъ Калхаса.
И привести взаимъ его сюда
Красавицу Крессиду. Если хочешь,
Пойдемъ со мною вмѣстѣ, иль, будь добръ,
Опреди насъ. Мнѣ сдается сильно...
Нѣтъ, болѣе! Я убѣжденъ вполнѣ,
Что нынче тамъ мой братъ Троилъ ночуетъ.
Предупреди его, скажи, что мы
Идемъ во слѣдъ, да объясни причину,
Заставившую насъ не пощадить
Его блаженства. Вѣрно тамъ насъ примутъ
Не очень-то любезно.

Эней.

Да, конечно,
Троилу легче видѣть увезенной
Всю Трою въ Грецію, чѣмъ дочь Калхаса
Изъ Трои увозимую.

ОСТАТКИ ТРОИ.

(Раскопки Шлимана въ 1870-хъ гг.).

ПАРИСЪ.

Что дѣлать!
Такъ время повелѣло. Но скорѣе
Иди впередъ. Мы—за тобою слѣдомъ

ЭНЕЙ.

Прощай. (*Уходитъ*).

ПАРИСЪ.

Скажи мнѣ, честный Діомедъ,
Какъ слѣдуетъ товарищу, открыто:
Кому по справедливости должна
Принадлежать Елена: Менелаю,
Иль мнѣ? Рѣши.

ДІОМЕДЪ.

Обоимъ вамъ. Ему

За то, что онъ, презрѣвъ свое безчестье,
Цѣною жертвъ, терзаній и борьбы
Старается вернуть ее. Тебѣ-же
За то, что ты, не чувствуя ея
Позора, все безъ сожалѣнья губишь!
Друзей своихъ, сокровища. Готовъ
Слезливый рогоносецъ тотъ упиться
Подонками изъ чаши, налитой
Давно напиткомъ выдохшимся. Ты-же
Не прочь изъ нѣдръ развратнѣйшихъ имѣть
Наслѣдниковъ. Коль взвѣситъ васъ обоихъ,
Другъ другу вы окажетесь подъ стать.
Но, впрочемъ, онъ съ рогатымъ украшеньемъ
Ей болѣе подходитъ.

П А Р И С Ъ.

Ты жестокъ
Къ прекрасной соотечественницѣ.

Діомедъ.

Право,

Къ отечеству ея жестокость злѣй.
Послушай: капля каждая ея
Распутной крови куплена цѣною
Прекрасной жизни грека. Каждый скрупулъ
Ея позоромъ вскормленнаго тѣла
Оплаченъ смертью храбраго троянца.
Съ тѣхъ поръ, какъ заболталъ ея языкъ,
Она сказала меньше словъ разумныхъ,
Чѣмъ за нее погибло въ схваткахъ шумныхъ
Троянъ и грековъ.

П А Р И С Ъ.

Въ этомъ Діомедъ

Подобенъ покупателю: желая
Купить предметъ, его стремится онъ
Унизить. Но мы, молча, сохраняемъ
Заслуженную стоимость... Итакъ,
Зоветь насъ путь. Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Троя. Дворъ при домѣ Пандара. Утро.

Входятъ Троиль и Крессидда.

Троиль.

Моя голубка,

Вернись... Опасенъ утренникъ сырой.

Крессидда.

Хочу я кликнуть дядю, о, мой милый,
Чтобъ отперъ намъ ворота.

Троиль.

Нѣтъ, оставь.

Въ постель! Въ постель! Пусть
Сонъ сомкнетъ рѣсницы,
Покоемъ дѣтскимъ чувства оковавъ.

Крессидда.

Такъ добрый день.

Троиль.

Иди, усни, молю я.

Крессидда.

Ужъ я тебѣ наскучила?

Троиль.

Молчи!

Крессидда! Еслибъ жаворонокъ звонкій
Не разбудилъ назойливаго дня,
Не поднялъ всѣхъ воронъ сластолюбивыхъ,
И еслибъ ночь завѣсою своей
Мечтательной и темною прикрыла
Блаженство наше, я-бъ не въ силахъ былъ
Тебя оставить.

Крессидда.

О, какъ ночь поспѣшна!

Троиль.

Проклятая колдунья безъ конца
Съ терпѣньемъ адскимъ топчется на мѣстѣ
Она для злыхъ... А отъ блаженныхъ ласкъ
Летитъ быстрѣе мысли. Что-жъ ты медлишь?
Простудишься и проклянешь меня.

Крессидда.

Молю, позволь хоть мигъ побыть съ тобою!
Не любишь ты, какъ всѣ мужчины, ждать.
О, глупая Крессидда! Будь я тверже,
Не уступи, ты поневоля-бъ ждалъ...
Но слушай... Тамъ идутъ...

Пандаръ (*за сценой*).

Что это значить?

Всѣ двери настежь.

Троиль.

Это дядя твой.

Крессидда.

Ахъ, пропади онъ пропадомъ! Я знаю,
Посыпятся насмѣшки... Что за жизни!

Входитъ Пандаръ.

Пандаръ. Ну, какъ чувствуетъ себя
твоя невинность?.. Да гдѣ же моя племян-
ница Крессидда? Я оставилъ дѣвственницу,
а эта...

Крессидда. Оставь, ты, дядя, злой
насмѣшникъ. Самъ же меня подвелъ и
надо мной глумится.

Пандаръ. Я подвелъ? Къ чему под-
велъ? Ну, скажетъ пусть онъ—къ чему?

Крессидда.

Негодный и безпутный человѣкъ!
Порядочнымъ никакъ ты быть не можешь,
Да и другихъ сбиваешь.

Пандаръ. Ха-ха-ха! О, моя глупенькая
бѣдняжка! Ты всю ночь не спала. Тебѣ мѣ-
шали! Вѣрно, все этотъ несносный чело-
вѣкъ, забодая его быкъ! (*Стучатъ въ дверь*).

Крессидда.

Я говорила! Право, было-бъ славно,
Когда-бъ стучали въ голову его
Вотъ такъ, вотъ такъ... какъ въ эту дверь.

Но кто тамъ?

Пойди, взгляни-ка, дядя... Милый мой,
А ты ко мнѣ вернись... Но ты смѣешься,
Какъ будто здѣсь дурное видишь.

Троиль.

Гм...

КРЕССИДА.

Рисунокъ известнаго англійскаго иллюстратора Кини Медоуса (Kenry Meadows, 1790—1874).

КРЕССИДА.

Ошибся, милый. Ничего такого
Я не желала. (*Стукъ сильнѣе*). Ахъ, какъ
тамъ стучать!

Пожалуйста, уйдемъ, уйдемъ отсюда.
Я—половины Трои не возьму
За то, чтобъ здѣсь сейчасъ тебя застали.
(*Уходитъ съ Троиломъ*).

Пандаръ (*подходя къ двери*). Кто тамъ?
Что случилось? Этакъ ворота не трудно
выломать. (*Отпирая*). Да что-же, наконецъ,
случилось?

Входитъ Эней.
Здорово. Съ добрымъ утромъ.

ПАНДАРЪ.

Что такое?
Эней! Клянусь, я не узналъ тебя.
Скажи, зачѣмъ такъ рано?

Эней.

Я къ Троилу.

ПАНДАРЪ.

Какой Троиль? Подумай самъ, зачѣмъ
Въ такую рань онъ будетъ здѣсь?

Эней.

Я знаю,
Онъ ночевалъ у васъ. Не прекословъ,
Веди къ нему. То, что сказать я долженъ,
Глубоко важно...

Пандаръ. Гм... Такъ ты говоришь,— онъ здѣсь... Мнѣ и въ голову не приходило. Клянусь! Я самъ вернулся поздно. Подумай, что ему здѣсь дѣлать—ни свѣтъ, ни заря.

Эней. Что дѣлать ему? Ну, полно... Иди за нимъ, не то своимъ упорствомъ ты повредишь ему: вѣрность иногда хуже измѣны. Можешь не знать, что онъ здѣсь, но все-же позви его.

(Пандаръ уходитъ).

Входитъ Троилъ.

Троилъ.

Въ чемъ дѣло?

Эней.

Принцъ... Прости, что не могу привѣтствовать тебя какъ должно. Видишь, Сюда, за мною слѣдуютъ: твой братъ Парисъ, Дейфобъ, грекъ Діомедъ, а также Явившійся изъ плѣна Антеноръ. Взамѣнъ его, предъ жертвоприношеньемъ Мы Діомеду выдать здѣсь должны Красавицу Крессиду.

Троилъ.

Такъ рѣшили?

Эней.

Прямъ съ совѣтомъ Трои, и сейчасъ Они придутъ, чтобъ выполнить рѣшенъе.

Троилъ.

О, счастье! Ты глумишься надо мной! Я встрѣчу ихъ... А ты, Эней, ты скажешь, Что мы случайно встрѣтились съ тобой— Не здѣсь... не здѣсь... А гдѣ-нибудь, гдѣ знаешь...

Эней.

О, будь покоенъ. Тайну сохраняю Я глубже, чѣмъ хранить ее природа.

(Троилъ и Эней уходятъ).

Пандаръ. Вотъ такъ штука! бѣдный малый! Только что добылъ и приходится терять! Бѣдный принцъ, пожалуй, съ ума сойдетъ. Чтобы приказа поразила этого Антенора! Чтобъ онъ шею себѣ сломалъ!

Входитъ Крессидда.

Крессидда.

Что здѣсь за шумъ и что еще случилось?

Пандаръ.

Ахъ!

Крессидда.

Ты вздыхаешь? Гдѣ Троилъ? Ушелъ?

О, дядя! Что случилось? Что случилось?

Пандаръ. Отъ души желалъ бы провалиться на два аршина подъ землю.

Крессидда.

О, боги! Что случилось?

Пандаръ. Уходи, прошу тебя. Лучше бы тебѣ, бѣдняжка, на свѣтъ не родиться. Я такъ и зналъ, что ты вгонишь его въ гробъ. О, бѣдный, бѣдный! Проклятый Антеноръ!

Крессидда. Дядя, на колѣняхъ умоляю тебя, скажи, въ чемъ дѣло.

Пандаръ. Ты должна уйти отсюда, о, бѣдная моя дѣвочка! Тебя продали, вымѣняли на Антенора. Ты должна уйти, покинуть Троила, идти къ отцу. Это погубить Троила, уложить его въ гробъ: онъ не вынесетъ разлуки.

Крессидда. Боги! Боги! Я не пойду отсюда!

Пандаръ. Тебя принудятъ.

Крессидда.

Нѣтъ, не пойду! Я узъ родства не знаю! Забыла отца. Ни кровныхъ узъ, ни чувствъ, Ни близкихъ, ни родныхъ и никого на свѣтѣ И ничего въ душѣ моей! Одна Любовь къ Троилу! Боги! Пусть Крессидой Зовутъ непостоянство, если я Когда-нибудь забуду о Троилѣ! О, время! Смерть! Бичующая сила! Возьмите тѣло хрупкое мое, Терзайте, мучьте! Но основа, зданъе Моей любви прочны, какъ центръ земли... Пойду къ себѣ и тамъ запрусь, чтобъ пла-
каться!

Пандаръ. Плачь, плачь, бѣдняжка.

Крессидда.

Я повывру пряди Моихъ волосъ, царапать стану щеки, Рыданіями голосъ надорву И сердце разорву, крича Троила, Но не уйду изъ Трои!

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Тамъ-же. Передъ домомъ Пандара.

Входятъ Парисъ, Антеноръ, Троилъ, Эней, Дейфобъ, Діомедъ и др.

Парисъ.

Ужъ разсвѣло. Чаѣ пробилъ и Крессиду Должны мы сдать съ рукъ на руки красавцу,

Пришедшему изъ греческаго стана.

Спѣши, Троиль, и объясни Крессида,—
Что предстоитъ ей.

Троиль.

Вы войдете въ домъ.
Я постараюсь вывести Крессида.
Въ тотъ мигъ, когда ее я греку сдамъ,—
Знай, что твой братъ Троиль приноситъ
въ жертву
Растерзанное сердце. (*Уходитъ*).

Парисъ (*про себя*).

Ахъ и мнѣ
Любовь знакома! Я желалъ бы страстно
Ему помочь, утѣшить... Но, увы!
Идемъ, друзья. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната Крессида.

Входятъ Пандаръ и Крессида.

Пандаръ.

Ну, полно, не отчаивайся.

Крессида.

Какъ!
Ужель меня ты хочешь успокоить?
Но безысходно, ядовито горе,
И какъ вина его, неумолимо.
Какъ заглушить отчаяніе!? Еслибъ
Могла любовь я подавить, ослабить,
Расхлодить!... О, я тогда, конечно,
Могла бы горе легче выносить...
Но ни любовь, ни горе не стихаютъ...
Такъ велика потеря!

Входитъ Троиль.

Пандаръ.

Вотъ онъ самъ.
Ахъ, бѣдненькій цыпленокъ!

Крессида.

Ты? О, боги!
О, мой Троиль! (*Обнимаетъ его*).

Пандаръ. Вотъ парочка! Точно два
стекла въ очкахъ, они созданы другъ для
друга. Дайте мнѣ расцѣловать васъ. Какъ
это славно сказано въ стихахъ:

О, сердце, сердце, почему
Себя ты такъ тревожишь?

А сердце отвѣчаетъ:

Увы, вѣдь горю моему
Ничѣмъ ты не поможешь.

Сколько правды въ этихъ стихахъ. Ненадо
пренебрегать никакимъ вздоромъ, потому
что и стихи иногда бываютъ кстати: въ
этомъ сами можете убѣдиться. Но какъ-же
быть, однако, ягнятки мои?

Троиль.

Крессида! Я люблю тебя такъ страстно,
Что сами боги въ злобѣ поднялись,
Завидуя, что холодны и слабы
Въ сравненіи съ огнемъ моей любви
Молитвенные вздохи всѣхъ живущихъ.

Крессида.

Ужель богамъ доступна зависть?

Пандаръ.

Конечно, да! Доказывать не стоитъ
Того, что очевидно.

Крессида.

И неужто
Изъ Трои я должна уйти?

Троиль.

Увы!

Крессида.

Сказать „прости“ Троилю?

Троиль.

И Трои! И Троилю

Крессида.

Нѣтъ, не можетъ быть!

Троиль.

Такъ надо.
Намъ злобный рокъ не хочетъ дать про-
ститься,

Отказывая даже и въ отсрочкѣ.
У насъ съ тобой онъ грубо отнимаетъ
Блаженство снова слить уста въ лобзаньи,
Въ объятіяхъ другъ друга сжать, и клятвы
Въ одно дыханье слить. И оба мы,
Купившіе цѣной несчетныхъ вздоховъ
Другъ друга,—мы должны продать сегодня
Все счастье мимолетное за вздохъ,
За тайный вопль страданія. А время,
Какъ жадный воръ, бессмысленно уноситъ
Сокровища, зарытыя въ сердцахъ,
Прощанія, несчетныя, какъ звѣзды,
И каждое съ особымъ выраженіемъ,
Съ особымъ поцѣлуемъ. Какъ въ мѣшокъ,
Въ одно „прости“ оно забило грубо
И отравило бѣдный поцѣлуй
Солеными и горькими слезами.

Эней.

Готова-ль въ путь Крессида, принцъ?

Троиль.

Ты слышишь,
Тебя зовутъ. Не такъ-ли геній смерти
Кричитъ: „иди“ тому, кто предназначенъ.
Пусть подождутъ. Она сейчасъ придетъ.

Пандаръ. Гдѣ мои слезы? Тѣ слезы,
которыя, подобно дождю должны укротить
бурю, или она съ корнемъ вырветъ мое
сердце. (*Уходитъ*).

Крессида.

Такъ я должна, должна вернуться къ гре-
камъ?

Троиль.

Да это неизбѣжно.

Крессида.

О, Крессида!
Печальная среди веселыхъ грековъ!
Когда опять увидимся?

Троиль.

Послушай—
Будь только мнѣ вѣрна...

Крессида.

Что? Я—вѣрна!
Откуда это злостное сомнѣнье?

Троиль.

Въ разлуки часъ не надо ссоръ и споровъ.
Не потому сказалъ я: „будь вѣрна“,
Чтобъ сомнѣвался... Самой смерти брошу
Перчатку я въ защиту чистоты
Твоей души. Я рѣчь свою не кончилъ—
„Будь только мнѣ вѣрна,—хотѣлъ ска-
зать я,—
И я приду“.

Крессида.

Опасенъ твой обѣтъ,
Но буду я вѣрна.

Троиль.

Тогда опасность
Я обольщу. Носи наручникъ мой.

Крессида.

А ты—мои перчатки. Такъ когда-же
Свиданья день?

Троиль.

Сегодня-жъ подкуплю
Я часовыхъ и буду каждой ночью
Съ тобой! Съ тобой! Будь только мнѣ вѣрна.

Крессида.

Опять „вѣрна“. О, боги!

Троиль.

Но послушай,
Вотъ почему я это говорю:
У грековъ молодыхъ достоинствъ много,
Они любезны всѣ, одарены
Природой щедрой; ловкимъ воспитаньемъ
Возвышены. Подумать страшно мнѣ,
Что новизна прельститъ тебя, совмѣстно
Съ ихъ красотой. Предчувствія змѣя
Впились въ меня и не даютъ покоя.

Крессида.

Меня совсѣмъ не любишь ты, Троиль.

Троиль.

Пусть, если такъ, погибну я злодѣемъ!
Я не твоей невѣрности боюсь,
А недостатковъ собственныхъ. Не знаю
Я тѣхъ наукъ, въ которыхъ такъ сильны,
Искусны греки. Не владѣю даромъ
Ни говорить красно, ни пѣть. Могу,
Однако-же, сказать тебѣ, что дьяволъ
Подъ ихъ прельстительной личиною сокрытъ,
Чтобъ обольщать таинственно и тихо.
Но ты, Крессида, не плѣняйся имъ.

Крессида.

Я! дьяволомъ!... Ты думаешь?...

Троиль.

Нисколько

Не думаю. Но снами иногда
Бываетъ то, о чемъ мы не гадаемъ.
Мы демоны порою для себя,
Когда не зная бѣдность нашей силы,
Ее мы искушаемъ..

Эней (*за сценой*).

Что-же принцъ?

Троиль.

Цѣлуй меня и разлучимся.

Парисъ (*за сценой*).

Братъ мой,

Троиль!

Троиль.

Войди о, милый мой Парисъ,
Введи Энея, грека...

Крессида.

Ненаглядный
Мой принцъ,—ты будешь вѣренъ мнѣ?

Троиль.

Кто? Я!

Да весь порокъ мой, весь мой недостатокъ

Въ томъ, что когда другіе въ высь идутъ
То хитростью, то кознями,—я кротко
Довольствуюсь лишь ясной простотой.
Они умѣютъ позлащать искусно
И мѣдныя вѣнцы, тогда какъ я
Ношу вѣнецъ такой, какой имѣю.
Не сомнѣвайся въ вѣрности моей.
Знай навсегда, что „простота и вѣрность“
Вотъ мой девизъ.

*Входятъ Эней, Парисъ, Антеноръ,
Дейфовъ и Діомедъ.*

Троиль (*Діомеду*).

Прошу васъ. Вотъ Крессиды.
Которую мы грекамъ отдаемъ
За Антенора. До воротъ Крессиду
Я провожу и по дорогѣ все
Тебѣ о ней открою. А покуда
Я одного прошу, чтобъ обращался
Привѣтливо ты съ нею и, клянусь,
Прекрасный грекъ, когда ты мечъ мой
встрѣтишь,—
Лишь назови Крессиду,—жизнь твоя
Ненарушима будетъ, какъ въ стѣнахъ
Священныхъ Илліона—жизнь Пріама.

Діомедъ.

Красавица Крессиды, я прошу
Избавь меня отъ тѣхъ благодареній,
Которыхъ принцъ Троиль, я сознаюсь,
Заслуживаетъ... Нѣтъ, твоя улыбка,
Твоихъ очей сіянье и ланитъ
Плѣнительный румянецъ—все внушаетъ
Невольное обожанье. Діомедъ
Тебя своей властительницей видитъ,
Себя—рабомъ восторженнымъ твоимъ.
Повелѣвай.

Троиль.

Блестящій грекъ, со мною
Ты неучтивъ. Разсыпавъ вслухъ хвалы,
Ты унижаешь мой завѣтъ. Запомни,
Сынъ Греціи, еще: Крессиды выше
Твоихъ похвалъ настолько, что рабомъ
Ты недостойнъ быть, но обращайтесь,—
Я требую,—какъ слѣдуетъ вы съ ней
Не только ради красоты ея, но также
И ради просьбъ моихъ. Клянусь тебѣ
Плутономъ грознымъ,—иначе, будь трижды
Самъ Ахиллесъ защитникомъ твоимъ,
Я горло разрублю тебѣ.

Діомедъ.

Напрасно
Ты горячишься, принцъ. Признай за мной
Права посла и знатности. Я свободенъ
Въ своихъ рѣчахъ. Изъ города уйду,—
И никому въ дѣлахъ не дамъ отчета.

Не выношу я принужденій, но
Достоинства Крессиды вынуждаютъ
На уваженіе. Если-жъ ты, Троиль,
Потребуешь, чтобъ я приказъ твой слу-
шалъ,—
Изъ гордости отвѣчу я: „Нѣтъ! Нѣтъ!“

Троиль.

Идемъ къ воротамъ. Діомедъ, запомни:
Я дерзость не прошу тебѣ и ты
Изъ-за нея не разъ скрываться станешь.
Крессиды, дай мнѣ руку—обо всемъ
Дорогой мы условимся. Идемъ.
(*Троиль и Крессиды уходятъ. За ними—
Діомедъ. Вдали трубятъ.*)

Парисъ.

То Гектора труба.

Эней.

Какъ пронеслось
Сегодня утро! Гекторъ вправѣ будетъ
Считать меня лентяемъ. Какъ нарочно
Я поклялся быть первымъ на конѣ.

Парисъ.

Во всемъ Троиль виновенъ. Но идемте,
Идемте въ поле съ Гекторомъ.

Дейфовъ.

Скорѣй.

Эней.

Да, полетимъ за Гекторомъ съ провор-
ствомъ
Влюбленного въ невѣсту жениха.
Вѣдь отъ него зависить слава Трои.
Мы иль падемъ иль будемъ съ нимъ—герои!

СЦЕНА V.

Греческій лагерь. Передъ нимъ обнесенное из-
городью мѣсто для поединка.

*Входятъ Аяксъ, Агамемнонъ, Ахиллъ,
Патроклъ, Менелай, Улисъ, Несторъ
и другіе.*

Агамемнонъ.

А, ты ужъ здѣсь, Аяксъ, вооруженный
И полный жизни, свѣжести! Труби!
Пусть мужество твое ударить громомъ
И грозный вызовъ Троѣ донесетъ.
Пусть гордый врагъ воспрянетъ и на битву
Спѣшитъ сюда!

Аяксъ.

Вотъ кошелекъ, трубачъ.
Греми сильнѣе, не жалѣя легкихъ

И мѣдныхъ стѣнъ трубы своей! Дуй, дуй
Въ ея жерло, чтобъ вѣтромъ налилося,
Какъ чрево Аквилона отъ натугъ,
Чтобы глаза наполнилися кровью!
Вѣдь ты гремишь для Гектора.

(Звукъ трубы).

Улиссъ.

Никто

На зовъ не отвѣчаетъ.

Ахиллъ.

Слишкомъ рано.

Агамемнонъ.

Не Диомедъ-ли тамъ съ Крессидой?

Улиссъ.

Онъ.

Ужъ видно по походкѣ: онъ какъ будто
По воздуху отъ пылости скользить.

Входятъ Диомедъ съ Крессидой.

Агамемнонъ.

Такъ вотъ она—Крессидида.

Диомедъ.

Да, Крессидида.

Агамемнонъ (*цѣлуя ее*).

Прекрасная! Сердечнѣйшій привѣтъ
Тебѣ отъ грековъ.

Несторъ.

Этимъ поцѣлуемъ

Почтилъ тебѣ нашъ предводитель.

Улиссъ.

Но

Хоть искренній привѣтъ, а все-же личный.
Будь общимъ,—онъ значительнѣе-бъ былъ.
Не такъ-ли, Несторъ?

Несторъ.

Правда, принимаю

Я твой совѣтъ. Вотъ Нестора привѣтъ.

Ахиллъ.

Прекрасная! Печать зимы холодной
Я съ устъ твоихъ хотѣлъ бы удалить.
Прійми привѣтъ Ахилла.

Менелай.

Ахъ, имѣлъ я тоже
Когда-то право цѣловать!

Патрокль.

Пускай—

Изъ этого не слѣдуетъ, однако,

Чтобъ сохранилъ ты право и теперь—
Парисъ за то имъ пользуется, вѣрь!

Улиссъ.

О, оскорбленье злостное! Вина
Насмѣшки и глумленія надъ нами.
Онъ губить насъ позорными рогами.

Патрокль.

Вотъ поцѣлуй... онъ былъ за Менелая.
Сейчасъ тебя цѣлую за себя я.

Менелай.

Вѣдь вотъ злодѣй!

Патрокль.

Съ Парисомъ, безъ стѣсненья
Мы за него цѣлуемъ.

Менелай.

Съ позволенья

Красавицы я поцѣлую самъ.

Крессидида.

Ты поцѣлуй даешь иль принимаешь?

Менелай.

И то и это, если пожелаешь.

Крессидида.

Нѣтъ, цѣловать себя тебѣ не дамъ:
Что ты даешь совсѣмъ не интересно.
Такъ значить и мѣняться такъ—нечестно.

Менелай.

За твой одинъ тремъ я заплачу.

Крессидида.

Не надо. Я чужого не хочу.

Ты—мочь.

Менелай.

А кто-жъ не мочь?

Крессидида.

О томъ изволить

Твоя жена съ Парисомъ знать.

Менелай.

Какъ колетъ

Твой язычекъ.

Крессидида.

Ты сердишься напрасно.

Улиссъ.

О, съ нимъ шутить, красавица, опасно—
Того гляди наколешься на рогъ.
А я бы могъ разсчитывать?

Крессидида.

Да, могъ.

Улиссъ.
Молю тебя...

КРЕССИДА.
Моли.

Улиссъ.
Какъ только снова
Его жена невинность обрѣтетъ
И жить къ нему вернется безъ заботъ,—
О, поцѣлуй тогда меня!

КРЕССИДА.
Готова.
Я у тебя въ долгу и безъ труда
Свой долгъ отдамъ, когда настанетъ время.

Улиссъ.
Онъ за тобой. Не тягостное бремя.
Тѣмъ болѣе, что срокъ твой—никогда!

Діомедъ.
Пора къ отцу, красавица.
(Уходитъ съ Крессидой).

Несторъ.
Дѣвица
Пребойкая.

Улиссъ.
Такихъ не надо намъ.
Въ ней все: языкъ, глаза и даже ноги
Безъ умолку болтаютъ, и сквозить
Въ движеніяхъ, въ улыбкѣ—легкомыслѣ.
Я знаю ихъ, готовыхъ предлагать
То, что у нихъ никто еще не просить,
И раскрывать предъ грамотными весь
Нечистый свитокъ мыслей и желанья.
Игрушки прихоти! Порочныя созданья!
(Воали трубятъ).

Всѣ.
Труба троянцевъ.

Агамемнонъ.
Да. А вотъ они.
*Входитъ Гекторъ, вполне вооруженный.
За нимъ—Эней, Троиля и другіе троян-
скіе вожди со свитой.*

Эней.
Привѣтъ героямъ Греціи. Скажите,
Какъ побѣдитель долженъ быть почтенъ?
Хотите-ль вы, чтобъ именемъ счастливымъ
Гордился міръ? Хотите-ль также вы,
Чтобы бойцы сражались на смерть, или
Разстались—лишь какъ прогремѣть труба?
Желаешь это Гекторъ знать заранѣ.

Агамемнонъ.
А какъ желаетъ Гекторъ самъ?

Эней.
Ему
Все это безразлично.

Ахиллъ.
Предложенъ
Достойно Гектора; въ немъ все есть: гор-
дость
И самомнѣнье, только уваженья
Къ противнику не чувствуется.

Англійская актриса 18 вѣка Килеръ (Cuyler)
въ роли Крессиды.

Эней.
Ты самъ Ахиллъ?

Ахиллъ.
Будь я не онъ, я, значить,
Совсѣмъ ничто.

Эней.
Такъ значить ты—Ахиллъ.
Но знай, кто-бъ ни былъ ты—соединились
И неразрывны гордость съ доблестью живой
У Гектора: одна ничтожна такъ же,
Какъ велика другая. Ты взглядишь

Внимательный въ него и угадаешь,—
 Не гордость то, а вѣжливость. Аяксъ,
 На половину той-же славной крови,
 И Гекторъ потому на бой принесъ
 Лишь половину Гектора, другая
 Осталась въ Троѣ. Вашъ боецъ—Аяксъ,
 Онъ полу-грекъ, полу-троянецъ родомъ,
 И потому увидитъ лишь полъ-силы,
 Полъ-сердца Гектора, полъ-мужества его.

Ахиллъ.

Ну, это бабья битва будетъ. Знаю.

Діомедъ *возвращается.*

Агамемнонъ.

Вотъ Діомедъ. Будь стороной Аякса.
 Ты опытенъ и заодно съ Энеемъ
 Опредѣли условья поединка:
 Сражаться на смерть, иль для вида только.
 Противники родня, и это ихъ
 Еще до боя тайно примиряетъ.

Аяксъ и Гекторъ *выходятъ на арену.*

Улиссъ.

Они сошлись лицомъ къ лицу.

Агамемнонъ.

Кто тамъ

Съ такимъ печальнымъ видомъ? Онъ изъ
 Трои?

Улиссъ.

То младшій сынъ Пріама. Молодъ онъ,
 Но воинъ настоящій и не много
 Соперниковъ имѣетъ. Въ словъ твердъ
 И больше дѣломъ говоритъ, чѣмъ словомъ.
 Онъ сердцемъ тихъ, на ссору не податливъ,
 Но, вызванный на ссору, помнитъ зло.
 Онъ добръ и щедръ. Рука его и сердце
 Открыты: онъ имѣетъ, что даетъ,
 Высказываетъ то, что думаетъ, но вздорной
 Не выскажетъ онъ мысли и не дастъ
 Ни гроша зря. Онъ мужественъ, отваженъ,
 Какъ Гекторъ, но опаснѣе его.
 И среди боя яростнаго тотъ
 Способенъ чувствамъ женственнымъ под-
 даться,

А онъ въ разгарѣ боя тверже, злѣй
 И мстительный любви ревниво-грознай.
 На юношу,—зовутъ его Троилю,—
 Надежды смѣло возлагаетъ Троя
 И ихъ, какъ Гекторъ, оправдаетъ онъ.
 Эней о немъ повѣдалъ намъ все это,
 Когда мы были въ Троѣ. Онъ его
 Высоко цѣнитъ оттого, что знаетъ.

Трубятъ. Аяксъ и Гекторъ сражаются.

Агамемнонъ.

Бой начался.

Несторъ.

Держись, Аяксъ.

Троилю.

Ты, Гекторъ,

Какъ будто дремлешь. Такъ проснись скорѣй.

Агамемнонъ.

Какъ ловко онъ удары направляетъ.

Держись, Аяксъ!

Діомедъ.

Довольно. *(Трубы умолкаютъ).*

Эней.

Да, пора

Остановиться.

Аяксъ.

Нѣтъ, начнемъ бой снова;
 Я не успѣлъ сойтись.

Діомедъ.

Если такъ

Угодно Гектору.

Гекторъ.

Нѣтъ. Неудобно.

О, доблестный Аяксъ, ты мнѣ родня,
 Ты сынъ сестры великаго Пріама,
 Двоюродный мнѣ братъ и родственная связь
 Не допускаетъ здѣсь кровопролитья.
 Когда бы явно могъ ты отличить
 Въ себѣ троянца кровь отъ крови грека
 И объявить, что эта вотъ рука
 Принадлежитъ троянцу, эта греку,
 Все въ той ногѣ, помимо нервовъ, жилъ,—
 Троянское, а прочее отъ грека.
 Иль-въ той щекѣ играетъ кровь отца,
 Здѣсь—матери. Тогда, клянусь Зевсомъ,
 Ты ни одинъ суставъ—наслѣдье грека—
 Не вынесъ бы изъ боя нарушимымъ:
 Печать ожесточенья я бѣ оставилъ
 На нихъ вездѣ. Но небу неудобно,
 Чтобъ мечъ мой пролилъ даже каплю крови,
 Дарованной тебѣ сестрой Пріама,
 Моею теткой, матерью твоей,
 Чью память чту я свято и понынѣ.
 Обнимемся-же; Зевсомъ я клянусь,
 Что руки у тебя сильны и ловки,
 И я желаю, чтобъ онъ сейчасъ
 Ко мнѣ упали дружески на плечи.
 Хвала тебѣ, Аяксъ, мой милый братъ!

Аяксъ.

О, Гекторъ—правда, ты великодушенъ
 И скромнень. Я же съ цѣлью шель сюда

Убить тебя и тѣмъ снискать себѣ
Немеркнущую славу.

Несторъ.

Самъ великій
Неоптолемъ, на чьемъ челѣ перстомъ
Безсмертной славы начерталось: „Чтите
Его—то онъ“,—едва-ль сравниться могъ
Онъ съ Гекторомъ и храбростью, и честью.

Эней.

Та и другая сторона желаютъ
Знать, какъ рѣшить.

Гекторъ.

Скажите нашъ отвѣтъ:
Былъ братскій поцѣлуй исходомъ боя.
Прощай, Аяксъ.

Аяксъ.

Когда-бъ я думать могъ,
Что просьба увѣнчается успѣхомъ,
Я доблестнаго брата бы просилъ
Нашъ лагерь посѣтить.

Диомедъ.

О томъ же просить
Агамемнонъ, и славный Ахиллесъ
Сгараютъ жаждой Гектора увидѣть
Вблизи и безъ оружія.

Гекторъ.

Троилу

Скажи, Эней, что я его зову,
А также передай и всѣмъ троянцамъ,
Сопровождавшимъ насъ, о приглашеньи.
Пускай домой вернутся. Дай мнѣ руку,
Любезный братъ. Пируя за столомъ,
Мы съ радостью увидимъ славныхъ грековъ.

Аяксъ.

Агамемнонъ великій къ намъ идетъ.

Гекторъ.

Ты назовешь мнѣ всѣхъ знатнѣйшихъ гре-
ковъ.

Ахилла я узнаю, вѣрно, самъ
По доблестной и царственной осанкѣ.

Агамемнонъ.

Привѣтъ тебѣ, великій вождь, мы рады
Принять тебя, насколько эта радость
Идетъ къ врагу, подобному тебѣ.
Привѣтъ мой вышелъ не совсѣмъ радуш-
нымъ,—

Я выскажусь яснѣе. Что прошло,
Пусть замететъ забвенье сорнымъ прахомъ,
Грядущее пусть скроется во тьмѣ,
А этотъ мигъ свиданья безусловно
И искренній, и честный. Потому

Отъ всей души, о, Гекторъ именитый,
Прошу тебя пожаловать.

Гекторъ.

Прійми,

Агамемнонъ великій, благодарность
Отъ Гектора.

Агамемнонъ (*Троилу*).

Привѣтъ мой и тебѣ,
Прославленный троянецъ.

Менелай.

Добавляю

Къ привѣтамъ брата я и свой привѣтъ:
Пожалуйте, воинственные братья!

Гекторъ.

Кого въ лицѣ твоёмъ благодарить?

Эней.

Да Менелая.

Гекторъ.

О, я радъ знакомству
Съ царемъ великой Спарты и, клянусь
Перчаткой Марса,—очень благодаренъ.
Надъ клятвою непринятой моею
Не смѣйся царь. Твоя quondam жена
Венериной перчаткою клянется.
Она вполне здорова, но тебѣ
Привѣтствій передать не поручала.

Менелай.

Воспоминанья эти—старый ножъ
Моей души!

Гекторъ.

Ахъ, я тебя обидѣлъ!

Несторъ.

Не разъ видалъ я, доблестный троянецъ,
Такъ ты, покорный гибельной судьбѣ,
Кровавый путь свой пролагалъ среди грековъ.
Иль въ зломъ бою, пылая какъ Персей,
Летѣлъ впередъ, высоко мечъ вздымая
И на скаку фригійскаго коня
Осаживалъ, бояся тронуть павшихъ.
И говорилъ стоявшимъ вокругъ меня:
Смотрите, вонъ Юпитеръ, въ вихрь битвы
Властительно даритъ онъ жизнь и смерть".
Видалъ и то, какъ въ сонмѣ грековъ мощно
Ты сдерживалъ горячаго коня,
Переводя дыханіе. Да, правда,
Не разъ я это видѣлъ, но лицо,
Твое лицо я подъ стальнымъ забраломъ
Не различалъ. Я дѣда своего
Когда то зналъ, онъ былъ достойный воинъ,
Но все-жъ, клянуся Марсомъ, далеко
Ему до внука было. Такъ позволъ-же
О, доблестный воитель, старику

Обнять тебя и съ радостнымъ привѣтомъ
Сказать: „Добро пожаловать въ нашъ станъ“.

Эней.

Вѣдь это Несторъ!

Гекторъ.

Онъ? живая память
Минувшаго! Позволь тебя обнять.
Ты долго вель въ пути съ собою время.
Душевно радъ прижать тебя къ груди.

Несторъ.

Желалъ бы я, чтобъ эти руки снова
Могли съ тобой помѣряться въ бою,
Какъ вотъ теперь въ объятяхъ дружбу
мѣрять.

Гекторъ.

Я былъ бы радъ.

Несторъ.

О, будь возможность, я
Съ тобой сразился бъ завтра же... Но нынѣ
Скажу—одно: „Довольно... Было время“.
Теперь добро пожаловать въ нашъ станъ.

Улиссъ.

Дивлюся я, какъ не упала Троя,
Когда ея опора здѣсь, у насъ.

Гекторъ.

Я узнаю, Улиссъ, твою любезность.
Да, мудрый царь Итаки, свершенно
Троянами и греками не мало
Великихъ дѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ въ
Иліонъ

Посланникомъ пришелъ ты съ Діомедомъ,
И я тебя увидѣлъ въ первый разъ.

Улиссъ.

Я предсказалъ тогда-жъ конецъ раздора.
На полпути пророчество мое,
Но скоро стѣны царственныя Трои
И башни, что цѣлуютъ облака,
Разрушатся и поцѣлуютъ землю.

Гекторъ.

Не вѣрится. Еще троянцы живы
И стѣны ихъ незыблемы, какъ встарь,
И если гибель Трою ждетъ, то каждый
Фригійскій камень будетъ смертью греку.
Конецъ вѣнчается дѣло; время, старый
Судья, рѣшитъ когда нибудь нашъ споръ.

Улиссъ.

Такъ все ему рѣшить и предоставимъ.
Ну, а пока привѣтствую тебя,
О, храбрый Гекторъ! Ты Агамемнона
Сначала посѣтишь, потомъ меня,

Ахиллъ.

Я перебую, Улиссъ, твое желанье.
Ну, Гекторъ, я тобой насытилъ взоръ,
Я изучилъ всего тебя, измѣрилъ
Малѣйшіе суставы.

Гекторъ.

Предо мной
Ахиллъ?

Ахиллъ.

Да, я Ахиллъ.

Гекторъ.

Постой-же
Прошу тебя—вглядѣться дай.

Ахиллъ.

Смотри

Хоть до утра.

Гекторъ.

Я кончилъ.

Ахиллъ.

Слишкомъ скоро.
А я такъ вотъ готовъ смотрѣть тебя
Вторично, членъ за членомъ, какъ покупку.

Гекторъ.

Твое желанье—точно интересъ
Къ забавной книгѣ. Но читай ее
Хоть сотни разъ, ты встрѣтишь въ ней не
мало

Такого, что вѣдьки не поймешь.
Что на меня ты такъ упорно смотришь?

Ахиллъ.

Скажите мнѣ, всевидящіе боги,
Куда ударъ направить, чтобъ вѣрнѣй
Его сразить? Я знать хочу то мѣсто,
Откуда вылетитъ его душа.
О, боги! Я жду вашего отвѣта!

Гекторъ.

Тщеславный человѣкъ, отвѣтъ подобный
Боговъ стыдомъ покрылъ бы. Или ты
Воображаешь, что довольно мѣсто
Въ своемъ умѣ назначить, и меня
Ты поразишь?

Ахиллъ.

Увѣренъ.

Гекторъ.

Нѣтъ, едва-ли.
Будь даже ты оракуломъ, и то
Твоимъ словамъ хвастливымъ я-бъ не вѣ-
рилъ.

Но берегись отнынѣ, потому
Что я искать не стану мѣстъ заранѣ—
Здѣсь поразить, иль тамъ—о, нѣтъ, клянусь

Я кузницей, гдѣ Марсу шлемъ ковали,
Тебя всего я разомъ поражу
И раскрою потомъ, какъ ветошь, въ клочья.
Простите мнѣ, мудрѣйшіе изъ грековъ,
Такое самохвальство, но оно
Порождено лишь дерзостью безмѣрной.
Я постараюсь, чтобъ мои слова
На дѣлѣ оправдались,—иначе
Пусть никогда...

Аяксъ.

О, мой любезный братъ,
Не гнѣвайся. А ты Ахиллъ, угрозы
Оставь, пока лицомъ къ лицу васъ случай,
Или желанья рока не поставятъ.
Ты, если хочешь, можешь каждый день
Питаться Гекторомъ, коль хватить
Желанья твоего. А впрочемъ, я
Не думаю, что даже всѣмъ совѣтомъ
Уговорять тебя тягаться съ нимъ.

Гекторъ.

Я радъ тебя на полѣ битвы встрѣтить.
Съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ битву, мы
Въ войну играемъ только.

Ахиллъ.

Ты сраженья
Желаешь, Гекторъ? Что-же я готовъ
Къ тебѣ на бой грознѣе смерти выйти.
До завтра. А сегодня дружба!

Гекторъ.

Дай
Мнѣ руку въ знакъ взаимнаго согласья.

Агамемнонъ.

Пусть Греции отважные вожди
Идутъ впередъ, въ шатеръ мой. Если-жъ
дальше

У васъ желанье будетъ, у него—
Досугъ, къ себѣ вы приглашайте гостя.
При звукѣ трубъ и громѣ барабана
Пройдетъ нашъ другъ изъ вражескаго стана.
(*Всѣ уходятъ, кромя Улиса и Троила*).

Троиль.

Теперь, Улиссъ, скажи мнѣ, гдѣ палатка
Калхаса?

Улиссъ.

Онъ, свѣтлѣйшій принцъ, пока
Живетъ у Менелая. Мнѣ извѣстно,
Что онъ къ себѣ сегодня приглашалъ!
Красавца Діомеда; тотъ, утративъ
Способность видѣть землю, небеса,
Влюбленнымъ взоромъ видитъ лишь Крес-
сиду.

Троиль.

Признателенъ тебѣ я буду, если
Проводишь ты туда меня, когда
Мы кончимъ пиръ въ шатрѣ Агамемнона.

Улиссъ.

Я радъ служить. Повѣдай только мнѣ,
Какой славой пользовалась въ Троѣ
Красавица Крессиды? Можетъ быть,
Въ разлукѣ съ ней, о ней скорбитъ лю-
бовникъ?

Троиль.

Насмѣшки и презрѣнія достоинъ,
Кто раной сердца хвастается самъ.
Иди впередъ... Прошу... Она любила...
Была любима... Любить и любима
И до сихъ поръ!... Но страсти такъ тре-
вожны...
А женщины, какъ волны, ненадежны.

Древнегреческій воинъ. (Античная ваза въ Вѣнскомъ музее древностей).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Греческій лагерь передъ палаткой Ахилла.

Входятъ Ахиллъ и Патроклъ.

Ахиллъ.

Въ немъ нынче кровь виномъ разгорячу я,
А завтра охлаждаю ее мечемъ.
Патроклъ, готовъ для гостя пиръ на славу!

Патроклъ.

Сюда идетъ Терситъ.

Входитъ Терситъ.

Ахиллъ.

Что, зависти волдырь,
Позорище природы, что случилось?

Терситъ. Вотъ письмо тебѣ, вывѣска
своего ничтожества, кумиръ идиотовъ.

Ахиллъ. Откуда, оскребокъ человѣчества?

Терситъ. Изъ Трои, олицетвореніе
дураковъ, изъ Трои.

Патроклъ. Кто теперь сторожитъ
палатку?

Терситъ. Фельдшерская связка инстру-
ментовъ для больного, которому придется
перевязывать рану.

Патроклъ. Мѣтко сказано, воплощенная
безсмыслица, но только безцѣльно.

Терситъ. Молчи, молокососъ. Мнѣ
прямой ущербъ болтовня съ тобою. Вѣдь
ты мужская прислужница Ахилла.

Патроклъ. Какъ мужская прислужница!
Что это значитъ, негодяй?

Терситъ. Ну, если хочешь, наложница.
Чума, колотья, грыжа, параличъ, гніеніе
печени—всѣ сорокъ черныхъ недуговъ, всѣ
вы набросьтесь на эту сволочь за всѣ ея
безобразія и грызите и глотайте, пока не
уничтожите.

Патроклъ. Какъ смѣешь ты, гнусное
скопище ядовитой зависти, такъ ругать и
клясться!

Терситъ. Гдѣ же тутъ клятвы и
ругательства?

Патроклъ. А развѣ нѣтъ, треснувшій
боченокъ, выкидывшъ разврата!...

Терситъ. Не клятвы и не ругатель-
ства, а истинная правда, потому ты и

злишься, скверный мотокъ сырца, лоскутъ
зеленой матеріи для гнойныхъ глазъ, ки-
сточка отъ кошелька мота. О, боги, какъ
зараженъ воздухъ смрадными тучами этихъ
мошекъ, позорящихъ самую природу!

Патроклъ. Вонъ отсюда, тварь!

Терситъ. Ахъ ты воробьиное яйцо-
болтунъ.

Ахиллъ.

Мой другъ Патроклъ. Разбиты всѣ мечты
О застрашномъ сраженіи. Отъ царицы
Гекубы я посланье получилъ.

А въ немъ приписка дочери,—безцѣнной
Моей любви: мольбы не измѣнять
Имъ данной клятвы. И ее, клянусь,
Я не нарушу! Пусть погибнуть греки
И честь моя и слава,—я теперь
Подвластенъ только сердцу. Помогите мнѣ,
Терситъ, для пира мой шатеръ убрать.
Ночь напролетъ мы будемъ пировать.
Пойдемъ, Патроклъ.

(Ахиллъ и Патроклъ уходятъ).

Терситъ. Да, благодаря обилію крови
и недостатку мозга, обоимъ молодцамъ
этимъ не трудно спятить съ ума. Но пусть
я навѣки останусь лѣкаремъ въ домѣ ума-
лишенныхъ, если они когда нибудь спя-
тятъ съ ума по обратной причинѣ. А этотъ
Агамемнонъ! Онъ ничего себѣ парень и
большой любитель перепелокъ, а мозгу у
него тоже не больше, чѣмъ сыр въ ушахъ.
А тотъ—чудесное превращеніе Юпитера
въ быка, братецъ его, Менелай,—первобыт-
ный истуканъ, кривой символъ рогонос-
цевъ, жалкій рожокъ для напяливанія баш-
маковъ, пристегнутой вѣчно на цѣпочкѣ
къ ногѣ своего брата!.. Гдѣ найдетъ соот-
вѣтствующую посуду для его ума острота,
взбодренная злостью, или злость взбодрен-
ная остротой? Оселъ?... Нѣтъ онъ и оселъ
и быкъ въ то же время. Будь я собакой,
муломъ, котомъ, хорькомъ, жабой, ящери-
цей, селедкой безъ икры,—куда ни шло,
не Менелаемъ!—нѣтъ слуга покорный! Я
возмущусь противъ судьбы. Не допытывай-
тесь, чѣмъ бы я желалъ видѣть себя, если-
бы не былъ Терситомъ, потому что не на-
зывать же вошь паршивца вмѣсто Менелая!
А вотъ наши остряки идутъ сюда съ огнемъ.

Входятъ съ факелами Гекторъ, Троиль, Аяксъ, Агамемнонъ, Улиссъ, Несторъ, Менелай и Діомедъ.

Агамемнонъ.
Мы сбились съ пути.

Аяксъ.
Нѣтъ, вѣрно! Свѣтъ мелькаетъ.

Гекторъ.
Я беспокою васъ.

Аяксъ.
Нисколько!

Улиссъ.
Вотъ онъ самъ
Идетъ на встрѣчу намъ.

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ.
Привѣтъ, великій Гекторъ.
Добро пожаловать, достойные вожди.

Агамемнонъ.
Спокойной ночи, царственная отрасль
Могучей Трои! Стражею твоей
Начальствовать я поручилъ Аяксу.

Гекторъ.
Благодарю властителя, и самъ
Ему желаю доброй ночи.

Менелай.
Гекторъ,
Спокойной ночи.

Гекторъ.
Также и тебѣ,
Любезный Менелай, спокойной ночи.
Терситъ. Любезный Менелай. Не
лучше-ли сказать: любезное отхожее мѣсто,
Любезная сточная канава, помойная яма...

Ахиллъ.
Спокойной ночи уходящимъ. Всѣмъ
Оставшимся—привѣтъ.

Агамемнонъ.
Спокойной ночи.
(Уходитъ. За нимъ Менелай).
Маститый Несторъ остается здѣсь,
И ты останься, Діомедъ. Вотъ Гекторъ.
Мы попируемъ часъ-другой.

Діомедъ.
Нѣтъ, нѣтъ,

Любезный Ахиллесь. Я долженъ
Спѣшить: дѣла есть важныя... Прощай,
Великій Гекторъ!

Гекторъ.
Руку!

Улиссъ *(тихо Троилю)*.
Прямо слѣдуй
За факеломъ его. Стремится онъ
Къ шатру Калхаса. Я пойду съ тобою.

Троиль.
О, царь Итаки, я благодарю
За эту честь. *(Діомедъ уходитъ, за нимъ
Троиль и Улиссъ)*.

Гекторъ.
Ну, если такъ, прощайте.

Ахиллъ.
А мы въ шатеръ. *(Уходитъ съ Гекторомъ,
Аяксомъ и Несторомъ)*.

Терситъ. Этотъ Діомедъ—отъявлен-
ный бездѣльникъ, продувная бестія. Я скло-
ненъ вѣрить его улыбка не больше, чѣмъ
ласковому шипѣнью змѣи. Ему обѣщать
такъ же легко, какъ собакъ лаять на вѣтеръ;
что касается исполненія, если его пред-
скажутъ звѣздочеты, берегись какого ни-
будь бѣдствія: солнце станетъ заимство-
вать у луны свой свѣтъ и прочее. Лучше
ужъ я откажусь видѣть Гектора, а этого
выслѣжу. Говорятъ, онъ связался съ этой
троянской прелестницей и вѣчно трется
подъ палаткой Калхаса. Пойду за нимъ.
Куда ни плюнь,—развратъ. Всѣ гнусные
развратники. *(Уходитъ)*.

СЦЕНА II.

Передъ шатромъ Калхаса.

Входитъ Діомедъ.

Діомедъ.
Эй, отзовитесь, кто не спитъ!

Калхасъ *(за сценой)*.
А кто тамъ?

Діомедъ.
Я—Діомедъ. Калхасъ?... Гдѣ дочь твоя?

Калхасъ.
Сейчасъ придетъ къ тебѣ.

Входят Троиль и Улиссъ. Останавливаются въ отдаленіи. За ними Терситъ.
Улиссъ.

Ты стань подальше,
Чтобъ насъ не освѣтило.

Входитъ Крессидѣ.

Троиль. Вотъ къ нему
Крессидѣ вышла.

Диомедъ.
Ну, мой другъ, что скажешь?

Крессидѣ.
Мой милый охранитель, я пришла
Къ тебѣ на пару словъ. Послушай.
(*Шепчутся*).

Троиль. Боги!
Такая близость!

Улиссъ.
О, она мужчинъ
Какъ книги раскрываетъ.
Терситъ. Ну, да и ее раскрыть не
трудно мужчинъ. Было бы чѣмъ! А тогда
читай безъ указки.

Диомедъ.
Будешь помнить?

Крессидѣ.
О, буду помнить!

Диомедъ.
Значить, въ добрый часъ.
Лишь бы слова не расходились съ дѣломъ.

Троиль.
О чемъ онъ просить помнить?

Улиссъ.
Слушай.

Крессидѣ. Нѣтъ,
О, милый грекъ, ты вкрадчивою рѣчью
Не соблазней меня.

Троиль.
Коварство!

Диомедъ. Да?

Крессидѣ.
О, выслушай.
Диомедъ.
Все, что-бъ ты ни сказала,
Все вѣроломствомъ будетъ.

Крессидѣ.

Почему?
Что отъ меня ты требуешь?

Терситъ (*въ сторону*).
Э, вздоръ!
Не на словахъ согласье дать,—на дѣлѣ!

Диомедъ.
Не ты-ль ли клялась исполнить все?

Крессидѣ. Нѣтъ, нѣтъ!
Молю тебя, о, милый грекъ, я рада
Исполнить все... не это только. Нѣтъ!

Диомедъ.
Коль такъ, прощай.

Троиль.
О, небо, ниспошли
Терпѣнье мнѣ! Терпѣнье!

Улиссъ.
Что съ тобой!

Крессидѣ.
О, Диомедъ, послушай!

Диомедъ. Нѣтъ, прощай.
Я не хочу быть въ дуракахъ!

Терситъ. Однако,
Другой и лучше, а остался имъ.

Крессидѣ.
Постой, одно лишь слово.

Троиль.
О, мученье!

Улиссъ.
Ты такъ взволнованъ! Поскорѣй уйдемъ.
Боясь, твой гнѣвъ потокомъ словъ прорвется.
Опасное здѣсь мѣсто, да и часъ—
Зловѣщій часъ. Уйдемъ, уйдемъ отсюда.

Троиль.
Постой, прошу тебя.

Улиссъ. Нѣтъ, нѣтъ уйдемъ
Ты внѣ себя.

Троиль.
Прошу, прошу, останься
О, адомъ я клянусь и мукой ада...
Я буду нѣмъ.

Диомедъ.
Итакъ, прощай.

ТРОИЛЪ ПОДСЛУШИЗАЕТЪ РАЗГОВОРЪ КРЕССИДЫ СЪ ДІОМЕДОМЪ.

Картина знаменитой швейцарско англійской художницы Анджелики Кауфманнъ (Angelica Kauffmann, 1741—1807).

КРЕССИДА. Но ты
Разгнѣваннымъ уходишь?
Троилъ. Это грустно
Тебѣ, созданье наглое?
Улиссъ. А что
Ты говоришь недавно?
Троилъ. Я Зевесомъ
Клянусь быть терпѣливымъ.
КРЕССИДА. О, молю,
Останься здѣсь, защитникъ мой.
Діомедъ. Я вижу,
Лукавишь ты.

КРЕССИДА. Нисколько. О, побудь!
Улиссъ.
Ты весь дрожишь. Уйдемъ. Собою не въ
Ты овладѣть. силахъ
Троилъ.
Она его рукой
Ласкаетъ по щекѣ.
Улиссъ.
Уйдемъ скорѣе!
Троилъ.
Нѣтъ подожди! Я Зевсомъ поклялся
И не скажу ни слова. Отъ кровавой
Моей обиды волю отдѣляетъ
Стѣна терпѣнья. О, Улиссъ, побудемъ
Два-три мгновенья здѣсь!
Терситъ (въ сторону). А демонъ сла-

добротами своимъ жирнымъ, толстымъ
пальцамъ, такъ и щекочетъ обоихъ. Ну, раз-
горайся, похоты! Хорошенько разгорайся въ
нихъ!

Диомедъ.

Теперь исполнишь?

Крессидда.

О, клянусь, исполню.
Иль никогда не вѣрь мнѣ!

Диомедъ.

Дай въ залогъ
Мнѣ что нибудь.

Крессидда.

Сейчасъ (*Уходитъ*).

Улиссъ.

Ты далъ мнѣ слово
Быть терпѣливымъ.

Троиль.

Брось сомнѣнья. Ты
Сейчасъ увидишь все мое терпѣнье.
Сознаніемъ я въ сердцѣ задушу
Страданія. Я буду весь терпѣнье!

Крессидда *возвращается*.

Терситъ.

Посмотримъ твой залогъ.

Крессидда.

Вотъ, Диомедъ,
Мой нарукавникъ.

Троиль.

Красота! О, гдѣ-же,
Гдѣ вѣрность?

Улиссъ.

Будь-же терпѣливъ, Троиль.

Крессидда.

Ты смотришь на подарокъ мой, красавецъ?
Онъ твой! (*Про себя*). О, вѣроломное со-
зданье!

Троиль тебя любилъ! (*Диомеду*). О, нѣтъ,
отдай

Его назадъ. Скорѣй!

Диомедъ.

Чей онъ былъ прежде?

Крессидда.

Не все-ль равно. Отдай. Вотъ такъ. Я завтра
Къ тебѣ не выйду ночью, Диомедъ.
Не приходи и ты ко мнѣ. Молю я.

Терситъ. Теперь она его поджигаетъ.
Искусно, надо сознаться.

Диомедъ.

Онъ будетъ у меня?

Крессидда.

Какъ! Нарукавникъ?

Диомедъ.

Конечно, онъ.

Крессидда.

О, драгоценный даръ!
Твой господинъ поκειται на ложѣ
И страстно воспоминаетъ обо мнѣ,
Вздыхая, онъ зоветъ меня, къ устамъ
Перчатку прижимаетъ и цѣлуетъ,
Какъ я тебя. Не отнимай его.
Кто у меня его отниметъ, сердце
Мое отниметъ.

Диомедъ.

Сердце отдала
Ты раньше мнѣ и, значить, нарукавникъ—
Мой!

Троиль.

Я клялся терпѣть!

Крессидда.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!
Я что нибудь въ подарокъ дамъ другое.

Диомедъ.

Его! Его! Но чей онъ раньше былъ?

Крессидда.

Не все-ль равно?

Диомедъ.

Кому принадлежалъ онъ?

Крессидда.

Тому, кто такъ любилъ меня, какъ ты
Во вѣки не полюбишь. Но ты хочешь,—
Возьми его.

Диомедъ.

Чей нарукавникъ? Чей?

Крессидда.

Клянусь Діаной и дѣвственной свитой—
Ты не узнаешь этого!

Диомедъ.

На шлемъ

Нарочно завтра я припилю,
Что разозлить того, кто не дерзнетъ
Его назадъ потребовать.

Троиль.

Ошибся!

Будь дьяволъ ты и я его сорву
Съ твоей башкой рогатой.

Крессидѣ.

Полно, полно...
Ужъ то прошло... Нѣтъ, не прошло... Нѣтъ,
нѣтъ!

Я не могу исполнить обѣщанья.

Диомедъ.

Коль такъ—прощай. Глумиться не тебѣ
Надъ Диомедомъ!

Крессидѣ.

Не могу я слова
Произнести, чтобъ не сердился ты.

Диомедъ.

Я не терплю лomanья. Помни это.

Терситъ (*съ стороны*). Я тоже не терплю
этого, но теперь готовъ полюбить, чтобы
не сойтись съ тобой въ чемъ нибудь. Клянусь
Плутономъ.

Диомедъ.

Ну, чтожъ, приходи мнѣ завтра?

Крессидѣ.

Да. Я небомъ
Молю—прийди. Я истерзалась вся.

Диомедъ.

Такъ до свиданья.

Крессидѣ.

Доброй ночи, милый.
А завтра жду тебя въ блаженный часъ.
(*Диомедъ уходитъ*). Прощай, Троиль...
Еще одинъ мой глазъ
Тобою полнъ, другой-же съ сердцемъ ско-
ванъ

И отвернулся. Бѣдный ты нашъ полъ!
Ошибка глазъ—надъ нами произволъ.
И весь нашъ путь глазами заколдованъ.
Въ концѣ концовъ—пусть это между нами—
Бѣда душъ, обманутой глазами!
(*Уходятъ*).

Терситъ.

Сильнѣй итогъ трудненько подыскать—
Себя осталось *сволично* назвать.

Улиссъ.

Увы, Троиль, все кончено!

Троиль.

Да, вижу.

Улиссъ.

Чего-жъ мы ждемъ?

Троиль.

Хочу я перебрать
Въ своемъ умѣ все, что здѣсь говорилось,
Все, до послѣдней думы. Но ужель,
Все повторивъ, всю правду этой сцены,
Я не солгу! Нѣтъ, все еще горитъ
Въ моей душѣ тоскующая вѣра,
Сверкаетъ лучъ надежды и она,
Безумная, не хочетъ... больно вѣрить
Своимъ глазамъ и слуху! Иль они
Для клеветы лишь созданы? Иль это
Быль только призракъ... не Крессидѣ?

Улиссъ.

Я

Не вызыватель духовъ.

Троиль.

Вѣрно, вѣрно...

То не она...

Улиссъ.

Невѣрная,—она!

Троиль.

Но вѣдь не бредъ сомнѣнїе мое!

Улиссъ.

Тѣмъ болѣе—не бредъ мои слова.
Крессидѣ здѣсь была.

Троиль.

О, ради чести женщинъ,
Всѣхъ женщинъ, дай разрушить это мнѣ.
Иначе въ руки мы даемъ оружье
Всѣмъ тѣмъ, что женщинъ презираютъ.
Вѣдь по ней
По этой... по Крессидѣ будутъ вправѣ
Судить о нашихъ матеряхъ. Скорѣй
Забудемъ, что была Крессидѣ!

Улиссъ.

Полно!

Чѣмъ можетъ такъ жестоко опозорить
Крессидѣ нашихъ матерей!

Троиль.

Ничѣмъ,

Ничѣмъ, конечно, если... если только
Ея здѣсь не было.

Терситъ. Онъ готовъ опровергать даже
свои собственные глаза.

Троиль.

О, если правда—здѣсь была Крессидѣ,—
То не моя,—Крессидѣ Диомедѣ!
У красоты есть сердце и, конечно,
То не она! Душа ведетъ къ святынѣ.
Боговъ святыня радуется и, если

Гекторъ.
Веселая игра!

Троиль.
Нѣтъ, Гекторъ, нѣтъ,
Преглупая игра!

Гекторъ.
Какъ?!

Троиль.
Состраданье
Оставимъ мы на долю матерей.
А мечъ въ рукахъ,—такъ пусть пылаеть
мщенье,
Пусть мчится мечъ на грозныя дѣла,
Пусть разгорается пожаромъ злоба
И милосердье гибнетъ подъ ударомъ.

Гекторъ.
Стыдись, дикарь, стыдись!

Троиль.
Тогда къ чему
Война?

Гекторъ.
Я не желалъ бы, братъ мой,
Чтобъ нынче ты сражался.

Троиль.
Кто меня
Удержать? Нѣтъ, ни рокъ, ни послушанье,
Ни самый Марсъ, хотя бы онъ жезломъ
Велѣлъ остановиться, ни молящій
Пріамъ, ни плачъ колѣнопреклоненной
Гекубы съ покраснѣвшими глазами
Отъ горькихъ слезъ, ни даже ты, мой Гек-
торъ!
Меня сразить ты можешь смертоноснымъ
Своимъ мечомъ, но не отрѣзать путь!

Возвращается Кассандра съ Пріамомъ.

Кассандра.
Отецъ, отецъ, держи его сильнѣе!
Онъ посохъ твой, и если только ты
Опору потеряешь въ немъ—и Троя,
Которой ты опорой, упадетъ.

Пріамъ.
О, Гекторъ! Возвратись домой. Послушай—
Твоей женѣ приснился мрачный сонъ,
Недоброе Кассандра сердцемъ чувствуетъ.
И твой отецъ, предчувствіемъ томимъ,
Тебя съ слезами молитъ: „О, останься!
Вернись домой. Несчастный нынче день“.

Гекторъ.
Уже Эней сражается. Я грекамъ далъ

Торжественную клятву нынче быть
Въ сраженіи и показать воочью,
Чего, я стою.

Пріамъ.
Лишь не нынче.

Гекторъ.
Нѣтъ!

Я не нарушу клятву. Иль не знаешь
Ты, мой отецъ, что рыцарь чести я.
О, царственный Пріамъ! Родного сына
Не вынуждай отказывать тебѣ
Въ повиновеньи, иль презрѣть его.
Дай съ твоего согласія мнѣ выйти
Въ кровавый бой.

Кассандра.
Не уступай, Пріамъ.

Андромахъ.
Не уступай, отецъ мой!

Гекторъ (*Андромахъ*).
Огорчаешь
Меня ты. Именемъ любви прошу
Въ послѣдній разъ—уйди, уйди отсюда!
(*Андромахъ уходитъ*).

Троиль.
Всему виною ты, одна лишь ты,
Трусливая и глупая дѣвчонка.
Но вздоръ всѣ предсказанія твои!

Кассандра.
Прощай, о, дорогой о, милый Гекторъ!
Смотри, смотри, какъ умираешь ты!
Померкли очи, кровь течетъ ручьями...
Прислушайся, вотъ стонетъ Троя!... вотъ
Рыдаетъ Андромахъ и Гекуба...
Отчаяніе, бѣшенство и ужасъ
Объяли всѣхъ... И общій вопль звучитъ;
„Гдѣ Гекторъ? Гдѣ нашъ Гекторъ? Умеръ
Гекторъ!“

О, Гекторъ! Гекторъ!“

Троиль.
Замолчи! Уйди!

Кассандра.
Прощай... Нѣтъ стой... Мой Гекторъ,
Прійми мое послѣднее „прости“.
Самообманомъ ты обманешь Троя.
(*Убѣгаетъ*).

Гекторъ.
О, мой отецъ и царь! Злымъ предска-
заньемъ
Моей сестры ты пораженъ. Вернись

КАССАНДРА.

Картина Ромнея (George Romney, Р. А. 1734—1802).

Скорѣй домой и успокой нашъ городъ.
Для славныхъ дѣлъ мы въ грозный бой
идемъ.
О нихъ тебѣ расскажемъ мы потомъ.

ПРИАМЪ.

Иди, мой сынъ—храни тебя, о небо!
(Уходитъ въ одну сторону. Гекторъ—въ
другую. За сценой шумъ битвы).

ТРОИЛЬ.

А, трубы загремѣли. Это Гекторъ
Въ бой ринулся. Иду и я за нимъ.
Ну, Діомедъ!.. Иль я паду со славой,
Иль нарукавникъ мой достанетъ мечъ кро-
вавый!

Въ то время, какъ Троиль идетъ въ одну
сторону, съ другой появляется Пандаръ.

Пандаръ. Принцъ, принцъ! на одно
слово!

Троиль. Что такое?

Пандаръ. Письмо отъ этой бѣдной дѣ-
вочки.

Троиль. Прочтемъ.

Пандаръ. Рѣшительно, меня мучить
эта собачья дочь—чахотка, подлая чахотка.
Но не меньше ея мучать нелѣпныя неудачи
этой дѣвочки. Такъ или иначе, а мнѣ
скорохонько придется распрощаться со
всеми вами. Ко всему этому—у меня глаза
слезятся, а кости ломаютъ до того, что я
думаю, ужъ не порча ли это... Что она
пишетъ?

ТРОИЛЬ.

Слова, слова... Ни искренняго звука!
Вся искренность другому отдана.
(Разрываетъ письмо и бросаетъ его по вѣтру).
Лети, лети, о вѣтренность, по вѣтру
И вмѣстѣ съ нимъ кружись и измѣняйся.
Со мной она безжалостно играетъ.
Его дарить любовью и ласкаетъ.

(Хочетъ идти).

Пандаръ. Что съ тобой? Послушай.

ТРОИЛЬ.

Прочь, сводникъ, съ глазъ! Пускай и ночь
и день
Тебя позоръ преслѣдуетъ, какъ тѣнь!
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Равнина между Троей и греческимъ лагеремъ.

Шумъ битвы. Схватки. Входитъ Терситъ.

Терситъ. Кажется, начали лупцоваться.
Пойти посмотрѣть. И этотъ каналья Діо-
медъ—тоже—прицѣпилъ къ своему шлему
нарукавникъ этого шуплаго, безмозглаго
троянца. Воображаю, какъ они схватятся! Я
бы желалъ, чтобы троянскій оселъ, обо-
жающій эту дѣвку, отнялъ бы у нашего
развратника Діомеда свой нарукавникъ, а
его самого отправилъ къ той сладострастной
и лицемѣрной шкурѣ безъ признаковъ муж-
чины. А эта продѣлка нашихъ отъявлен-
ныхъ мошенниковъ!.. Этотъ Несторъ, по-
крытый плѣсенью, изѣденный мышами ку-
сокъ сыра! Эта помѣсь лисицы и собаки,
именуемая Улиссомъ!.. Своими уловками,
не стоящими и волчьей ягоды, они натра-
вили ублюдка на такого-же пса—Ахилла,
и теперь Аякъ задралъ носъ выше Ахилла
и объявилъ, что не пойдетъ драться,—
хоть ты тресни. Въ просакъ попали мо-
лодцы и все искусство грековъ снизвели
до варварства. Но—осторожность! Вотъ на-
стоящій владѣлецъ нарукавника, а за нимъ
прошедшій.

Вбѣгаетъ Діомедъ, преслѣдуемый Трои-
лемъ.

ТРОИЛЬ.

Стой, Діомедъ! Напрасныя попытки.
Не убѣжать тебѣ, и еслибъ даже въ Стиксъ
Ты бросился,—я-бъ поплылъ за тобою.

ДИОМЕДЪ.

Ты бѣгствомъ называешь отступление.
Я не бѣглець! Я вырвался въ просторъ,
Чтобы съ тобой свободнѣе сразиться.
Ну, берегись!..

Терситъ. Сильнѣе держись, грекъ, за
свою потаскушку... Троянецъ... Ну-ну-ну...
Хорошенько стой за нарукавникъ... За на-
рукавникъ его!

Діомедъ и Троиль удаляются, сражаясь.

Входитъ Гекторъ.

ГЕКТОРЪ.

Кто ты такой? По крови и дѣламъ
Достоинъ-ли ты съ Гекторомъ сразиться?

Терситъ. Нѣтъ, нѣтъ, какая тамъ кровь
и дѣла! Я паршивая дрянь, клеветникъ и
бездѣльникъ.

Гекторъ.

Живи—Я вѣрю. (*Уходитъ*).

Терситъ. Хвала небесамъ, что повѣрилъ. Но пусть возьметъ тебя чортъ за то, что ты напугалъ меня. Куда-же дѣвались эти развратники?—Ужъ не сожрали-ли они другъ друга? Вотъ потѣшило-бы меня такое чудо. А, впрочемъ, похоть и такъ сама себя пожираетъ. Пойду искать ихъ!

Уходитъ.

СЦЕНА V.

Появляется Диомедъ и слуга.

Диомедъ.

Пойди сюда. Возьми коня Троила И отведи къ Крессидѣ. Передай Ей отъ меня привѣтъ, скажи, что словно Я проучилъ Троила и теперь Вполнѣ ея достоинъ.

Слуга.

Все исполню.

(Уходитъ).*Входитъ Агамемнонъ.*

Агамемнонъ.

Скорѣй туда! На помощь, Диомедъ! Свирѣпый Полидамъ повергъ Менона Маргарелонъ, ублюдокъ, взялъ Дорея И, какъ колось, ногами попираетъ Царей, сраженныхъ на смерть: Епострофа И Цедія. Погибъ нашъ Поликсенъ И ранены смертельно—Анфимахъ Съ Ѳеадомъ, а Патроклъ иль плѣнникъ, Иль также трупъ. Изрубленъ Пеламедъ. Какой-то разъярившійся Центавръ Войска въ смятенъе дикое приводитъ. Спѣши на помощь, Диомедъ, иль мы Погибнемъ всѣ.

Входитъ Несторъ.

Несторъ.

За мной! Вы трупъ Патрокла Къ Ахиллу отнесите. Пусть Аяксъ, Лѣнивая улитка, устыдится И схватится за мечъ. Тамъ не одинъ Отважный Гекторъ—тысячи! То здѣсь онъ На боевомъ конѣ своемъ Галатѣ, То—пѣшій—тутъ. Всѣ передъ нимъ бѣгутъ, Всѣ падаютъ, какъ мелкая рыбешка предъ китомъ. Онъ сразу тамъ и здѣсь... вездѣ и всюду! То грековъ въ плѣнъ беретъ, то на-смерть бьетъ, И ловкостью своей съ отвагой спорить. Онъ чудеса такія совершаетъ, Что кажется—все это лишь во снѣ.

Входитъ Улиссъ.

Улиссъ.

Мужайтесь, ахейскіе герои. Я видѣлъ самъ: великій нашъ Ахиллъ Съ рыданьями, съ проклятьями, съ обѣтомъ Губительнаго мщенія схватилъ Доспѣхи боевые. Смерть Патрокла Въ немъ распалила стынущую кровь, А видъ разбитыхъ жалкихъ мирмедонцевъ Кровавыхъ, изуродованныхъ на смерть И проклинавшихъ Гектора, сильнѣе Разжегъ въ немъ гнѣвъ. Аяксъ лишился друга

И также, съ пѣной на губахъ, схватилъ Оружіе и ринулся на битву. Крича: „Троила! Подайте мнѣ Троила!“ А нынче тотъ, не менѣе, чѣмъ братъ, Прославится кровавыми дѣлами. Онъ съ удалю и мощью беззаботной Проносится и дерзко и легко Надъ самой смертью, точно счастье нынче Летитъ предъ нимъ, наперекоръ всему.

Входитъ Аяксъ.

Аяксъ.

Гдѣ трусь Троила?

Диомедъ.

Онъ тамъ. За нимъ! (*Аяксъ уходитъ*).

Несторъ.

Такъ вмѣстѣ!

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ.

Гдѣ Гекторъ! Гдѣ дѣтей убійца злобный? Пусть онъ покажетъ подлое лицо И поглядитъ, каковъ Ахиллъ во гнѣвѣ. Гдѣ Гекторъ? Гдѣ? Мнѣ нуженъ только онъ. (*Убѣгаетъ*).

СЦЕНА VI.

*Другая часть поля.**Появляется Аяксъ.*

Гдѣ, гдѣ Троила? Пусть только носъ покажетъ Трусилка мнѣ!

Входитъ Диомедъ.

Диомедъ.

Троила! Гдѣ Троила?

Аяксь.

Зачѣмъ тебѣ онъ?

Диомедъ.

Прочить мальчишку.

Аяксь.

Будь предводителемъ, я-бъступилъ свой санъ
Скорѣй, чѣмъ это счастье... Гдѣ онъ скрылся?
Троиль! Троиль!

Вбѣгаетъ Троиль.

Троиль.

Гдѣ Диомедъ? Гдѣ онъ?

Взгляни въ глаза мнѣ, лжецъ, обманщикъ
низкій,

И поплатися жизнью за коня.

Диомедъ.

А, наконецъ-то, ты передъ врагами!

Аяксь.

Товарищъ, стой! Съ нимъ биться буду я.

Диомедъ.

Нѣтъ, нѣтъ, моя добыча! Я не только
Свидѣтель боя!

Троиль.

Здѣсь мы не для словъ.

Я васъ двоихъ на битву вызываю.

(Уходятъ сражаясь).

Появляется Гекторъ.

Гекторъ.

Гдѣ мой Троиль? Гдѣ братъ мой? Нынче
бьется

Онъ хорошо.

Входитъ Ахиллъ.

А, наконецъ-то я

Тебя нашелъ. Ну, Гекторъ, берегися!...
Теперь ты мой!

Гекторъ.

Ой, прежде отдохни!

Ахиллъ.

Противна мнѣ твоя любезность, гордый
Троянецъ! ты ужъ счастливъ тѣмъ сейчасъ,
Что все мое оружье притупилось.
Бездѣйствіе невольное щадить
Жизнь Гектора, но ты меня увидишь!
Теперь живи и жди своей судьбы.

Гекторъ.

Прощай. *(Ахиллъ уходитъ).* Ну, еслибъ я
предвидѣлъ встрѣчу,—
Сберегъ бы силъ немного для тебя.

Входитъ Троиль.

Гекторъ.

Что, милый братъ?

Троиль.

Аяксь взялъ въ плѣнъ Энея,
Допустимъ-ли мы это! Нѣтъ, клянусь
Огнями неба, что его я вырву
Изъ вражьихъ рукъ, иль самъ паду. О, рокъ!
О, грозный рокъ! Ты слышишь эту клятву?
Не все-ль равно, когда ни умирать!

(Убѣгаетъ).

*Появляется воинъ въ великолѣпномъ воору-
женіи.*

Гекторъ.

Нарядный грекъ, ни съ мѣста! Ты по виду
Вполнѣ достоинъ моего меча.
Не хочешь? Мнѣ пришлось такъ по вкусу
Твои доспѣхи, что—одинъ ударъ,
И я собою всѣ пряжки. Нѣтъ, не хочешь?
Бѣги-же, если трусишь, негодяй,
А я, свидѣтель небо, не оставлю
Тебя, покуда шкуру не сдеру.

(Оба уходятъ).

СЦЕНА VII.

Другая часть того-же поля.

Ахиллъ.

Сюда, сюда стекайтесь, мирмидонцы,
И слушайте, что я скажу. Меня
Живымъ кольцомъ замкните вы средь битвы
И ринитесь впередъ, не нанося
Ни одного удара, вплоть до встрѣчи
Съ злодѣемъ Гекторомъ. Тогда всю свѣ-
жестъ силъ

Вы на него обрушьте! Окружите
Его стѣною копій и мечей,
Колите, бейте, рѣжьте безпощадно.
Теперь—за мной, товарищи! Впередъ!
Пусть Гекторъ славенъ,—нынче онъ умретъ!

(Уходитъ).

*Появляются Парисъ и Менелай. За
ними—Терситъ.*

Терситъ. Эге! Рогоносецъ сцѣпился съ
тѣмъ, кто ему приставилъ рога. Ну, быкъ!
ну, щенокъ... Живѣ! Кусай его, Парисъ...
Что-же ты... Ой, ой, быкъ одолеваетъ. Бе-
регись, у него здоровенные рога!

ПАРИСЬ и МЕНЕЛАЙ удаляются.

Входит МАРГАРЕЛОНЪ.

МАРГАРЕЛОНЪ.

Рабъ, повернись ко мнѣ и защищайся.

ТЕРСИТЬ.

Кто ты?

МАРГАРЕЛОНЪ.

Побочный сынъ Пріама.

ТЕРСИТЬ. Я тоже побочный. Побочные мнѣ по душѣ. Я побочно рожденъ, побочно воспитанъ, побочно уменъ, побочно храбръ... Я побочный во всѣхъ статьяхъ. И медвѣди не кусаютъ другъ друга, такъ зачѣмъ же станеть кусать побочный побочнаго. А сверхъ того, ссора не принесла бы намъ счастья. Сынъ распутницы, вступаясь за распутницу, самъ врядъ-ли распутается за это передъ богами. Прощай, побочный!

(Уходитъ).

МАРГАРЕЛОНЪ. Чортъ бы тебя побралъ, трусъ. *(Уходитъ).*

СЦЕНА VIII.

Другая часть поля битвы.

Входитъ ГЕКТОРЪ.

Такая гниль въ прекрасной оболочкѣ! Доспѣховъ блескъ принесъ тебѣ мракъ смерти. На этотъ день довольно. Ты, мой мечъ, Напили крови до-сыта и жадно... Вкуси покой. Здѣсь такъ дышать отрадно. *(Снимаетъ шлемъ и щитъ и кладетъ оружіе за собою).*

АХИЛЛЪ.

А, Гекторъ, ты! Смотри, садится солнце... Зловѣщее дыханье затая, Подходить ночь, а съ ней и смерть твоя.

ГЕКТОРЪ.

Стыдись, Ахиллъ—гляди, я безоруженъ.

АХИЛЛЪ.

Сюда! ко мнѣ! Вотъ тотъ, кто былъ мнѣ нуженъ!

Убить его. *(Мирмидонцы бросаются на Гектора. Онъ падаетъ).*

Оплоть враговъ сраженъ!

Погибъ ихъ умъ и сила. Иліонъ!

Такъ рухнешъ ты и царственная Троя!

Здѣсь все твое могущество земное.

Идемте, мирмидонцы! „Гекторъ палъ“! Кричите такъ, чтобъ воздухъ задрожалъ! *(За сценой трубятъ отступленіе).* Что это? трубы грековъ! Отступленья!

МИРМИДОНЕЦЪ.

Трубятъ троянцы тоже.

АХИЛЛЪ.

Ночь кругомъ

Раскинулась драконовымъ крыломъ

И, какъ судья, воюющихъ разводитъ.

Мой мечъ еще насыщенъ не вполнѣ...

Но Гекторъ палъ. Одна лишь смерть здѣсь бродить.

Мой мечъ, пора подумать и о снѣ!

(Мечъ влагаетъ въ ножны).

Къ хвосту коня я этотъ трупъ привѣшу

И съ нимъ промчусь и грековъ имъ потѣшу.

(Уходитъ).

СЦЕНА IX.

Другая часть равнины.

Съ барабаннымъ боемъ входятъ Агамемнонъ, Аяксъ, МЕНЕЛАЙ, НЕСТОРЪ, ДІОМЕДЪ и др. За сценой радостныя крики.

АГАМЕМНОНЪ.

Прислушайтесь, что тамъ за ликование?

НЕСТОРЪ.

Молчите, барабаны...

За сценой голоса.

О, хвала!

Хвала Ахиллу! Гекторъ палъ, сраженный Ахилломъ! О, хвала! хвала! хвала!

ДІОМЕДЪ.

Толпа кричитъ, что Гектора не стало: Палъ отъ руки Ахилла онъ!

АЯКСЪ.

И что-жъ!

При чемъ-же здѣсь ликующіе крики?

Гордиться нечѣмъ. Гекторъ былъ великій, Ну, а Ахиллъ—поменьше.

АГАМЕМНОНЪ.

Такъ впередъ,

Впередъ, друзья! Пускай Ахиллъ прійдетъ

Ко мнѣ въ шатеръ. Смерть Гектора отрада

Такая намъ, что лучше и не надо.

Хвала богамъ... Окончена война,

И Троя вся на смерть обречена.

(Уходятъ).

АХИЛЛЪ: „ГЕКТОРЪ ПАЛЪ!“

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА X.

Другая часть поля.

Входятъ Эней, Парисъ, Антеноръ и Дейфовъ.

Эней.

Эй, стойте здѣсь. За нами поле битвы.
Хоть впроголодь, а мы ночуемъ здѣсь.

Вбѣгаетъ Троиль.

Троиль.

Нашъ Гекторъ палъ!

Троянцы.

Палъ Гекторъ! Боги! Боги!

Троиль.

Убить.. Убить! А гнусный побѣдитель
Трупъ привязалъ къ хвосту коня и мчить,
Ругаясь, позорнымъ полемъ битвы.
Его! Его! Достойнѣйшаго! Небо,
Затмися тучами и разразись громами!
А вы, о, боги, съ царственныхъ высотъ
Улыбкой ясной Трою озарите,—
И если ей погибнуть суждено,—
Скорѣй! Скорѣй!

Эней.

Ты опечалишь войско
И бодрости лишишь его, Троиль.

Троиль.

Нѣтъ, ты меня не понялъ. Не о бѣгствѣ
И не о страхѣ смерти я кричу—нѣтъ нѣтъ!
Я брошусь самъ туда, гдѣ есть опасность...
Но Гекторъ умеръ! Кто пойдетъ туда
Съ такою вѣстью страшною?... Къ Пріаму?
Къ Гекубѣ! Пусть, кто хочетъ слыть совою,
Тамъ, въ Иліонѣ скажетъ: „Гекторъ умеръ“.
Двухъ словъ такихъ довольно, чтобъ Пріамъ,
Старикъ отецъ нашъ—обратился въ камень,
Всѣ дочери—въ потоки слезъ, всѣ жены—
Въ скорбящихъ Ніобей, вся молодежь
Въ нѣмыя изваянія, а Троя—
Въ страшилище себѣ. Идемъ... Идемъ!
Нѣтъ Гектора и больше словъ не надо.
Иль—нѣтъ еще! Вы, гнусныя палатки,
Вы подлые ахейскіе шатры,
Разбитые здѣсь на поляхъ фригійскихъ—
Внемлите! Пусть вашъ выскочка Титанъ
За васъ возстанетъ грудью,—я пройду
Межъ вашими рядами завтра. О, подлый,
О, вѣроломный трусъ! Ни время, ни про-
странство

Моей вражды къ тебѣ не отдѣлять!
Преслѣдовать я буду неустанно
Тебя вездѣ, какъ совѣсть, и терзать,
Терзать твой умъ мучительнымъ укоромъ,
Я горе задушу въ своей груди,
Чтобы тебѣ отмстить за смерть героя...
Звучи труба! Насъ ждетъ родная Троя!
Эней и троянцы *уходятъ. Въ то время,*
когда за ними собирается слѣдовать Троиль,
съ противоположной стороны появляется

Пандаръ.

Пандаръ.

Послушай, послушай, Троиль.

Троиль.

Прочь! сводникъ! прочь! Пускай и ночь и день
Тебя позоръ преслѣдуетъ, какъ тѣнь.
(*Уходитъ*).

Пандаръ. Что-жъ, это будетъ хорошее
средство противъ моей ломоты. О, свѣтъ,
свѣтъ! Вотъ какъ въ тебѣ презираютъ бѣд-
ныхъ посредниковъ. О, предатели и свод-
ники! Какъ васъ запрягаютъ, когда надо, и
какъ скверно вознаграждаютъ! Не понимаю,
отчего такъ любятъ ваши услуги и такъ
презираютъ ваше ремесло! Какой бы сти-
шокъ приспособить къ этому? Поищемъ...

Пока у пчелки въ лапкахъ медъ,
Она рѣзнится и поетъ,
Но чуть лишилась она жала—
И медъ и пѣсни,—все пропало.

Да, друзья мои, торгующіе человѣче-
скимъ мясомъ,—зарубите себѣ это на носу.

Когда средь васъ, о, милые друзья,
Есть хоть одинъ, кто боленъ такъ, какъ я,
Пусть онъ слезу надъ Пандаромъ уронитъ,
А нѣтъ слезы—отъ боли пусть застонетъ...
О, всѣ вы, всѣ съ такимъ-же ремесломъ!
Въ наслѣдство я оставляю вамъ свой домъ..
Но не сейчасъ... Молю васъ подождать.
Я чистъ душой, но мнѣ страшны, о братья,
Шипѣнье, свистъ винчестерскихъ гусей...
Но не хочу томить я васъ, ей-ей!

И на прощанье, если вамъ въ охоту,
Я завѣщать могу свою лому!

(Уходитъ).

А. Федоровъ.

КОРІОЛАНЪ

КАПИТОЛІЙСКАЯ ВОЛЧИЦА.

(Античная бронза, вѣроятно IV вѣка до Р. Х.; сосуціє волчицу Ромулъ и Ремъ—придѣланы въ XVI вѣкѣ).

лана, который, съ другой стороны, видитъ въ нихъ только сволочь, только одну сплошную, презрѣнную и воняющую чернь, трусливую и мятежную: „подъ знаменами, чѣмъ удалство свое вы показали? одними бунтами. У васъ на спинахъ рубцы и краснота, а въ лицахъ блѣдность смерти. Какъ понята угодливость сената желудкамъ черни?.. Сами мы возростили сѣмя злое, позволивши съ собой смѣшаться черни и власти часть отдавши этимъ нищимъ (beggars)“. Съ своими противниками Коріоланъ не разсуждаетъ, не споритъ, онъ просто только ругается: „пусть вонь и срадь идутъ отъ васъ по воздуху!“ По его словамъ, трибуны были избраны „среди бунта, въ смутный часъ, когда была закономъ сила. Эта власть, распавшаяся на двое, сведеть Римъ къ ничтожеству“ (д. III, явл. 1). Поразительно въ этихъ словахъ полнѣйшее непониманіе смысла римской исторіи. Въ 509 г. изгнанъ послѣдній царь, Тарквиній. Четырнадцать лѣтъ спустя (495 г.) произошелъ не бунтъ, а уходъ лучшей части плебса, возвращающагося съ побѣдоноснаго похода на Святую гору (у впаденія Аніо въ Тибръ) для основанія здѣсь новаго города. Риму грозило распаденіе не власти, но города, и сведеніе города Рима къ ничтожеству. Безъ всякаго насилія, посредствомъ одного самообладанія и строгой оппозиціонной выдержки плебеи заставили патриціатъ заключить съ ними договоръ, сплотившій единство распадающихся частей.

Цементомъ этого соглашенія было учрежденіе института народныхъ трибуновъ, сначала только двухъ, причемъ избраны были тѣ самые, которые представлены въ трагедіи въ каррикатурномъ видѣ: Сициній и Юній Брутъ. Трибуны оказались отличными организаторами, получили право приостанавливать распоряженія консуловъ, устроили плебейскія народныя собранія по трибамъ, приобрѣли и судейскую власть и сдѣлались неприкосновенными (*sa cros a ncti*). Посягательство на отиѣну трибуната было равносильно покушенію произвести государственный переворотъ въ реакціонномъ духѣ, за что Коріоланъ могъ на законномъ основаніи поплатиться сверженіемъ съ Тарпейской скалы или изгнаніемъ. Шекспиръ смотрѣлъ, конечно, на древній Римъ въ V вѣкѣ до Р. Хр. сквозь призму своего XVII вѣка послѣ Р. Хр. Онъ и называетъ патриціевъ *gentry* и *nobles*, а плебеевъ *commoners*. По справедливому замѣчанію Стаффера (*Shakespeare et l'Antiquité*. 1879). Шекспировскій

Коріоланъ имѣетъ видъ средневѣковаго рыцаря въ латахъ, съ высоты своего сѣдла обращающагося къ вилланамъ и невольникамъ. Высота его презрѣнія никакъ необъяснима при древнеримской системѣ, уравнившей уже при царѣ Сервіѣ Туллиѣ всѣ классы въ одинаковомъ несеніи воинской повинности и патриціями, и плебеями. Шекспиръ смѣшалъ всю народную массу съ чернью, а въ особенности съ городской чернью, и относится къ этой черни недружелюбно не потому только, чтобы того требовалъ заимствованный имъ у Плутарха сюжетъ, но потому, что ненависть къ грубой толпѣ была у него субъективная, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ его душевною организаціею и съ особенностями его личнаго положенія въ обществѣ, какъ актера и писателя. По натурѣ своей онъ былъ въ полномъ значеніи этого слова аристократъ, таковъ же, какъ тѣ вельможи, которые вели съ нимъ знакомство и ему покровительствовали. Причины недолюбливанія черни могутъ быть различны. Можно имѣть физическое отвращеніе къ тому, что воняетъ лукомъ, чеснокомъ, плохимъ виномъ, сквернымъ сыромъ, что нечистоплотно, гудяще и шумливо. Перенесемъ мысленно въ шекспировскій театръ. Кругомъ вдоль стѣнъ сцены и даже на переду ея сидятъ и лежатъ знакомые люди, тонкіе цѣнители, а внизу, гдѣ накурено, есть помѣщеніе для стоящихъ зрителей, для такъ называемыхъ *the understanding gentleman on the ground*. Каждую идею, каждый намекъ автора хватили налету тонкіе цѣнители, но идеи съ трудомъ проникаютъ въ головы толпы, не увлекаютъ ихъ, а между тѣмъ она рѣшаетъ вопросъ объ успѣхѣ и при случаѣ можетъ попотчивать актеровъ гнилыми яблоками и орѣхами. Было еще и другое обстоятельство, разобшавшее Шекспира съ среднимъ классомъ, съ англійскими коммонерами. Въ XVII вѣкѣ совершался переходъ отъ феодальнаго, дворянскаго самодержавія къ парламентскому народоправству, къ которому примкнули отдѣлившіеся отъ аристократіи элементы. Подходящую новую волну двигали впередъ соединенныя силы двухъ смыкающихся въ одну революцій: религіозной (пуританской) и республиканской. По имѣвшему огромное значеніе въ движеніи религіозному элементу его, должно было вымести все искусство и закрыть театры, какъ сатанинское изобрѣтеніе. Шекспиръ не могъ поэтому сочувствовать пуританамъ. По своему призванію и убѣжденіямъ онъ былъ на сторонѣ

дворянскаго самодержавія, имѣвшаго въ лицѣ Якова I самаго плохого и малоуважаемаго представителя. Политическія мечты и надежды Шекспира были безповоротно разбиты еще при королевѣ Елисаветѣ съ паденіемъ Эссекса и его партіи. Послѣ этой неудачи не было въ Англіи настоящей аристократіи, будущее представлялось безнадежнымъ, наступало, на взглядъ Шекспира, вырожденіе, разложеніе. Послѣдній періодъ шекспировскаго творчества, включительно до „Тимона“, запечатлѣнъ сильно пессимистическимъ настроеніемъ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, сознающимъ свое безконечное превосходство и свой разладъ съ окружающей средою. Въ немъ усиливались антидемократическія чувства, которыя ему помѣшали оцѣнить Ю. Цезаря по его достоинству и даже понять, въ чемъ заключалась мощь Аѳинъ при Периклѣ и Рима въ пуническихъ войнахъ, то есть уразумѣть, что только одемократившаяся городская община, послѣ окончательной отмены привилегій патриціата и установленія полной равноправности всѣхъ гражданъ, приобрѣла достаточную притягательную силу для завладѣнія не только Италіею, но и всѣмъ бассейномъ Средиземнаго моря. Отрицательное отношеніе Шекспира къ толпѣ и большинству усилило въ немъ культъ героев и представленіе о томъ, что общество состоитъ изъ немногихъ крупныхъ единицъ и изъ безчисленныхъ нулей. Въ его воображеніи обрисовался одинъ такой герой сильнѣе Геркулеса, гордый, неустойчивый и притомъ какихъ то сверхчеловѣческихъ размѣровъ, которые даются людямъ только въ эпосѣ, а не въ дѣйствительности. Несомнѣнно, что въ этого Коріолана Шекспиръ вложилъ нѣкоторую долю своего личнаго пренебреженія къ толпѣ. Почти всю трагедію наполняетъ собою одинъ Коріоланъ. И его друзья патриціи, и его противники: народъ и трибуны мелки и ничтожны, они хватаютъ ему, можно сказать, только по поясъ. Все произведеніе удивительно цѣльное. Оно есть трагедія характера, а въ этого рода трагедіи Шекспиръ не имѣетъ себѣ равнаго. Коріоланъ есть геройское лицо, трагически, роковымъ образомъ погибающее отъ оборотной стороны тѣхъ качествъ, которыя составляютъ его величіе: огневого необузданно порывистаго нрава, съ которымъ онъ не въ силахъ совладать. По своему темпераменту Коріоланъ импульсивный человѣкъ, дѣйствующій всегда по первому

влеченію. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшей доли государственности, умѣнія выжидать, лгать, отмалчиваться, хитрить и лицемѣрить. Онъ самъ это сознаетъ: „пустъ римлянамъ буду я служить по моему, чѣмъ править ихъ дѣлами по ихнему“. Онъ исключительно только солдатъ, умѣющий командовать и неустойчивый, сражающійся оригинально, но не по-римски безъ благородства, постоянно кричащій и ругающійся, какая то „смѣсь быка со львомъ“ (Чуйко, Шекспиръ 1889). Этотъ сказочный боецъ сильнѣе цѣлаго войска. По Плутарху, онъ ворвался въ Коріолы съ небольшимъ числомъ ратниковъ. Шекспиръ превзошелъ Плутарха. Его Коріоланъ проникаетъ къ Коріолѣ единолично, выходитъ изъ нихъ весь кровавый и покрытый ранами и передаетъ, что „три часа сражался до-сыта“. Когда онъ явился въ Актіумъ уже изгнанникомъ, Авфидій величаетъ его просто „Марсомъ“, вольскиваются съ нимъ будто съ „сыномъ и наслѣдникомъ Марса“. И честолюбіе у Коріолана не гражданское, а только солдатское, и притомъ въ средневѣковомъ стилѣ странствующихъ рыцарей. Въ Римѣ нѣтъ чело-вѣка, который въ бою могъ бы съ нимъ сравняться. Единственнымъ бойцомъ, съ которымъ бы ему хотѣлось состязаться, считаетъ онъ Туллія Авфидія, предводителя вольсковъ: „такого льва не скоро встрѣтишь; если бы не собою, то имъ конечно хотѣлъ-бы быть“. Въ концѣ концовъ, Авфидій побѣждаетъ Коріолана, но не силою мышцъ и не силою оружія, а только политикою („не силой, такъ коварствомъ я добуду себѣ побѣду надъ моимъ врагомъ“, говоритъ Авфидій въ д. 1, явл. 10).

По государственному уму Коріоланъ сущій ребенокъ по сравненію съ своею матерью Волумніею, начерченной прямо по Плутарху. Морозный холодъ вѣетъ отъ этой величавой, но суровой матроны римлянки, которая сыну говоритъ: „я строптивѣе, чѣмъ ты“, и увѣряетъ, что если бы имѣла двѣнадцать сыновей, то легче перенесла бы гибель одиннадцати изъ нихъ за отечество, нежели трусливую и праздную жизнь послѣдняго. При изображеніи Коріолана Шекспиръ существенно отступилъ отъ Плутарха, изобразившаго его какъ лицо, всѣмъ вообще непріятное по вспышкамъ гнѣва, жестоко-сердію, упрямству и спеси. Шекспиръ сдѣлалъ его добрымъ и отзывчивымъ по отношенію, если не ко всѣмъ, то къ патриціямъ, притомъ весьма и до избытка откровеннымъ, чѣмъ и привлекаетъ къ нему пу-

блику. Тѣсная связь, неодинаковой впрочемъ съ обѣихъ сторонъ, любви соединяетъ сына съ матерью. Въ народѣ говорятъ, что Марцій „не для родного края, а изъ любви къ матери своей и изъ тщеславія дрался за отечество“; она воспитала его и сдѣлала его тѣмъ воиномъ, какимъ онъ есть (д. V, явл. 3). Она—сухая женщина—вселила въ него и то аристократическое высокомеріе, вслѣдствіе котораго онъ привыкъ смотрѣть на плебеевъ, какъ на людей низшей породы, которымъ чужды чувства отваги и чести. „Дивлюсь я одному, говоритъ Коріоланъ (д. III, явл. 2), что мать моя, звавшая всегда этихъ вассаловъ въ овчинкахъ (woollen vassals) презрѣнными рабами, торговцами, безумными зѣваками въ собраніяхъ, гдѣ о войнѣ и мирѣ говорятъ достойнѣйшіе люди, теперь мои поступки осуждаетъ“. Это воспитаніе, которымъ Марцій обязанъ матери, было одностороннее. Оно не приучило его уравнивать свои страстные порывы, всегда доходящіе до крайностей, а можетъ быть, онъ былъ и по темпераменту неподатливъ внушеніямъ здраваго разсудка, которыя преподаетъ ему мать уже слишкомъ поздно, въ самый моментъ раздражающей катастрофы: „ты облекись сначала во власть, а потомъ изнашивай ее; знай, что должно вспышки чувства гнѣва сдерживать. Какъ на войнѣ не стыдно скрывать свои намѣренія и обманывать врага, зачѣмъ не дѣлать такъ и безъ войны... Иди, скажи плебеямъ, что ты ихъ воинъ, что въ бояхъ ты взросъ и кротостью не могъ обогатиться... Но что, любя народъ, намѣренъ ты перемѣнить себя и стать такимъ, какъ граждане желаютъ справедливо“. Коріоланъ дѣлаетъ сверхъестественныя усилія, чтобы исполнить эти внушенія здраваго смысла: „прочь, гордость честная! пусть поселится во мнѣ душа развратницы. Пусть голосъ, покрывавшій когда-то звуки трубъ, поспоритъ съ рѣчью евнуха пискливой... Я буду лгать и ворочусь домой любимцемъ римской черни!“ Напрасныя усилія! Коріоланъ неспособенъ притворяться. Первый грубѣйшій подвохъ трибуновъ въ народномъ собраніи приводитъ Коріолана въ бѣшенство и выкидываетъ его, такъ сказать, изъ его сѣдла. Онъ вспыл�илъ, и всѣ благія его пожеланія улетучились. Оказалось, что трибуны лучше его знали, нежели онъ себя самъ, и играли съ нимъ навѣрняка. Намъ приходится заглянуть въ его душу и опредѣлить выдающіяся ея качества.

Главная патологическая черта у Коріолана та, которая прямо и указана авторомъ. Это до невѣроятныхъ размѣровъ доходящая гордость, подавляющая въ Марціѣ все хорошее и дѣлающая его опаснымъ и для его отечества, которое онъ своими военными способностями возвысилъ. Гордость, хотя бы соединенная съ пренебреженіемъ другихъ, не всегда бываетъ порокомъ. Въ ней можетъ выражаться сознание своего превосходства и достоинства, чуткое чувство своей и сословной чести. Она становится нелѣпою и вырождается въ явную несправедливость, когда въ ней говоритъ духъ касты, когда она выражается въ непризнаніи людьми, считающими себя принадлежащими къ какой-то высшей породѣ, никакого достоинства въ низшей породѣ, никакого добра, никакихъ правъ даже на то, чтобы ѣсть и жить. Коріоланъ возмущается, что плебеи „смѣли пословицы намъ повторять, что съ голода и крѣпости сдаются, что кормъ собакамъ нуженъ, что отъ неба ниспосланъ хлѣбъ не богачамъ однимъ“. „Хлѣба они хотятъ; хлѣба много по ихъ словамъ. Когда бъ сенатъ держалъ себя поостроже и мнѣ съ мечомъ позволили на нихъ напасть, изъ этихъ мертвыхъ гадовъ я навалилъ бы гору, вышиною въ мое копье“. Это презрѣніе къ плебсу одинаково у Марціа и у его матери, а можетъ быть, и у многихъ другихъ, напримѣръ у Мененія Агриппы, который популяренъ у плебеевъ, потому что ихъ не ругаетъ, а только осмѣиваетъ. Въ своей аристократической средѣ Марцій нѣжный отецъ и мужъ, добрый товарищъ, почтительный къ старшимъ, не добивающійся власти и охотно идущій на враговъ подъ командою Коминія. Но гордость Коріолана не держится на одномъ этомъ сословномъ корнѣ. Она несравненно шире: она чудовищна по своимъ размѣрамъ, и притомъ она вполне эгоистическая. Въ сердцѣ его интересы и патриціата, и Рима имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Онъ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считается, въ цѣломъ мірѣ онъ только одинъ; что онъ призналъ, то правда, что онъ рѣшилъ, то благо. Народъ и трибуны обвиняютъ его въ хвастливости, въ тщеславіи, но это чистѣйшее недоразумѣніе. Тщеславенъ Мененій Агриппа, который страшно любитъ, чтобы его хвалили, но Коріоланъ терпѣть хваленій не можетъ, уходитъ изъ собранія, когда заводятъ рѣчь о его ранахъ, которыя онъ называетъ царапинами, потому что, каковы бы ни были похвалы,

онъ не могутъ соотвѣтствовать его заслугамъ. Онъ уклонился послѣ взятія Коріолъ и отъ десятины въ добычѣ („не привыкъ я плату принимать за дѣло брани“). Онъ на видъ скромнѣе, но это есть смиреніе паче гордости. Зато онъ не стѣсняется въ словахъ насчетъ плебеевъ и добивается того, чтобы быть непопулярнымъ. Объ немъ и въ народѣ говорятъ, что онъ „не заботится о ненависти черни“, а другіе,—что „онъ ищетъ ненависти народной и на вражду напрашивается“. Нѣкоторыми сторонами своего характера Коріоланъ совсѣмъ выходитъ изъ рамокъ античнаго міра и становится почти что нашимъ современникомъ. Душа его совсѣмъ не римская. Мать ему говоритъ въ глаза, въ послѣднемъ съ нимъ свиданіи: „отъ вольной матери на свѣтъ ты родился, твоя жена въ Коріолахъ, а этотъ мальчикъ случайно только на тебя похожъ“. Сущность всякаго патриціата заключается, *во-первыхъ*, въ извѣстномъ безусловномъ подчиненіи непреложному, по преданію передающемуся обычаю и, *во-вторыхъ*, въ беззавѣтномъ самопожертвованіи собою наивысшему сборному существу,—своему отечеству. И то, и другое для Коріолана необязательно. Обычаями Коріоланъ пренебрегаетъ и выражаетъ это словами, которыя болѣе подходятъ къ Гетевскому Фаусту, нежели къ римскому патрицію, потому что кореннымъ образомъ подрываютъ всякій патріотизмъ: „я голосовъ прошу—таковъ обычай! Но еслибы обычая во всемъ повиновались мы—никто не смѣлъ бы пыль старины считать, а правдѣ вѣкъ сидѣть бы загорами заблужденій“ (д. II, яв. 3). Что касается до привязанности къ отечеству, то Марцій подвергся изгнанію потому, что не сумѣлъ защитить себя отъ недобросовѣстнаго обвиненія въ измѣнѣ и въ умыслѣ присвоить себѣ верховную власть, но послѣ того онъ тотчасъ же доказалъ, что въ сущности противники его были правы, потому что онъ оказался способнымъ сдѣлаться измѣнникомъ и изъ Рима направился прямо къ вольскамъ.

Снабдивъ Марцію не римскою душою, Шекспиръ по своему обыкновенію обошелся съ исторіею въ трагедіи весьма свободно и сущственно измѣнилъ въ ней многое въ видахъ сообщенія характеру героя наибольшей цѣльности и рельефности. Крупнѣйшій политическій фактъ—уходъ плебеевъ на Святую гору и учрежденіе трибуната превращены въ мелкій эпизодъ политической борьбы изъ-за даровой раздачи хлѣба голодающимъ, въ непрости-

тельную уступчивость слабого и близорукаго сената. Коріоланъ поставилъ себѣ задачею поправить эту ошибку отъѣною трибуновъ. Переменна эта сдѣлалась возможна только послѣ эпопеи похода на вольсковъ, взятія Коріолъ и триумфальнаго возврата въ Римъ героя, какихъ еще не бывало. Къ этому-то позднѣйшему времени приурочена Шекспиромъ и сказка Меменія Агриппы о желудкѣ и другихъ членахъ тѣла, которая, по сказанію Плутарха, побудила плебсъ вернуться со Святой горы въ Римъ. Сказка эта передана обоими, и Плутархомъ и Шекспиромъ, съ полнѣйшимъ незнаніемъ системы кровообращенія, открытой Гарвеемъ (Harvey†1658), лѣкаремъ королей Якова I и Карла I („пищу ту я—желудокъ—шлю вамъ вмѣстѣ съ кровью; черезъ нее и мозгъ и сердце живы“) Коріоланъ не ищетъ консульства, онъ говоритъ трибуну Бруту, что не будетъ „консульства искать, какъ всѣ другіе“, то есть запрашивать народъ, чтобы его избрали. Онъ и самого себя спрашиваетъ: „а въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ консульство“ (д. III, явл. 1)? Но онъ большая сила, которою воспользуется патриціатъ для своихъ партійныхъ видовъ. Консулы, какъ извѣстно, были замѣстителями послѣ 509 г. бывшихъ царей, пожизненно назначаемыхъ на вѣчѣ; они разнились отъ царей не по власти, а только тѣмъ, что ихъ было двое и что они назначались не пожизненно, а только на годъ. Кончающій исправленіе своей власти консулъ назначалъ преемника, опросивъ сенатъ и освѣдомившись о желательныхъ народу кандидатахъ. Назначеніе происходило въ центуратскихъ комиціяхъ, то есть въ народныхъ собраніяхъ, организованныхъ царемъ Сервіемъ Тулліемъ и состоящихъ изъ патриціевъ и изъ плебеевъ, а голоса подавались сообразно съ землевладѣльческимъ цензомъ плательщиковъ податей. Оказывается, что Шекспиръ промахнулся, вложивъ въ уста Мененію слѣдующія слова, обращенныя къ Коріолану: „по волѣ благороднаго сената, санъ консула вручается тебѣ.... теперь одно осталось: долженъ ты держать къ народу рѣчь“, то есть запрашивать народъ. Еще менѣе удачными считаю я слѣдующія слова, приписываемыя трибуну Сицинію: „народъ имѣетъ голосъ: уклоненій отъ *древняго* обычая онъ не стерпитъ“, наконецъ, слова Мененія: „и самъ добудь, какъ добывали его *издревле* консулы“. Консулы учреждены только въ 509 году, чисто плебейскія народныя собранія (*concilia plebis* или комиціи)

по трибунамъ могли возникнуть только послѣ учрежденія трибуновъ въ 495 году, за четыре года до изгнанія Коріолана. Въ теченіе столь короткаго времени не могъ образоваться ни новый, ни въ особенности древній обычай. У Плутарха сказано, что соискатели консульскаго сана являлись обыкновенно на форумъ безъ тогъ, въ простой одеждѣ и дѣйствовали въ качествѣ просителей, хвастаясь полученными въ бояхъ рубцами. На этомъ вѣрномъ или невѣрномъ фактѣ, записанномъ Плутархомъ, построилъ Шекспиръ дивныя по мастерству обработки, народныя сцены 2-го дѣйствія трагедіи, изображающія искательства Коріоланомъ консульскаго сана, которыя могутъ смѣло быть поставлены на одномъ ряду со знаменитымъ 3-мъ дѣйствіемъ „Юлія Цезаря“, то есть съ рѣчами Брута и Антонія надъ трупомъ Цезаря и впечатлѣніемъ этихъ рѣчей на народъ. Кандидатура Коріолана равносильна борьбѣ его съ трибунами не на животь, а на смерть. Брутъ говоритъ Сицинію: „и наша власть уснетъ при консулѣ такомъ; одно изъ двухъ—или онъ, или сила наша“.

Еслибы Шекспиръ поставилъ себѣ задачею написать драму историческую, то есть изобразить одинъ моментъ настоящей исторіи Рима, то онъ бы не представилъ народныхъ трибуновъ такими пошляками, какими они у него изображены, людьми, дѣйствующими только по однимъ личнымъ, своекорыстнымъ побужденіямъ. Не Марцій, а только Мененій называетъ ихъ въ глаза, правда шутивно откровенничая, „лысыми ослами, болтунами, достойными пастухами плебейскаго стада“. Они скорѣе похожи на важничавшихъ современныхъ чиновниковъ, нежели на носителей великой демократической идеи, въ ходу эволюціи которой преемниками ихъ будутъ Гракхи, Марій, пожалуй и Катилина, но затѣмъ Юлій Цезарь.—„Вы любите, говоритъ Марцій, чтобы голяки вамъ кланялись, вы тратите все утро на разбирательство дѣла между торговкою померанцами и тряпичникомъ изъ-за трехъ грошей и откладываете рѣшеніе на слѣдующій день“ (д. II, явл. I). Не сразу поймешь, какъ могли такія мелкія пивки, при всей своей злости, затравить такого великана, какъ Марцій. Ихъ оружіе не сила воодушевляющей ихъ идеи, но только наипростѣйшая интрига, соединенная съ вѣрнымъ расчетомъ на слабыя стороны характера Марція и на глупость плебейскаго стада.—„За поводомъ не будетъ остановки

при гордости его“, говорятъ они между собою; „мы подстрекнемъ его, какъ подстрекаютъ собакъ на стадо барановъ; тогда плебеи вспылятъ, точно тощій хворостъ, и закоптятъ его на вѣкъ“.—Будь Коріоланъ немного больше римлянинъ, то есть чело-вѣкъ, пріученный къ публичной жизни на площади, на вѣчѣ, которое со временъ Сервія Туллія состояло уже изъ патриціевъ и плебеевъ (центуриатскія комиціи), онъ бы соблюдалъ обычай, онъ бы нашелъ возможность исполнить его, не унижаясь, и разстроилъ бы всѣ затѣи трибуновъ. Онъ явился бы безъ тоги и безъ пояса, сказалъ бы сухо, важно, но учтиво нѣсколько словъ приличныхъ случаю, относящихся къ цѣлой массѣ собравшихся избирателей, и при громкой популярности, пріобрѣтенной свѣжею побѣдою, онъ бы былъ выбранъ единогласно. Онъ не въ мѣру чувствителенъ, считаетъ всякое выпрашиваніе голосовъ униженіемъ и, досадуя за то самъ на себя, вымещаетъ эту досаду и на себѣ, и на избирателяхъ, къ которымъ обращается по одиночкѣ со словами нескрываемого издѣвательства: „стою здѣсь изъ-за моихъ заслугъ, конечно не по собственной охотѣ—я не хотѣлъ бы бѣдныхъ обѣднать. На мнѣ есть раны, я покажу ихъ вамъ, когда хотите, когда будемъ наединѣ. Я выучусь и кланяться—я буду лицемѣрить; я услужу всякому по его желанію, а потому и спрашиваю вашего согласія на мое консульство“. Само по себѣ это издѣвательство Коріолана, не будь только трибуновъ, сошло бы для него благополучно, потому что сборное существо,—народъ у Шекспира большой добрякъ, съ хорошими инстинктами, но безпредѣльно глупъ, легко самъ собою возбуждается, когда дѣйствуетъ толпою, и воспламеняется, когда его подожгутъ опытною рукою. Всѣмъ извѣстно, что „для народа Марцій хуже собаки, что онъ „бичъ для враговъ родины и плетка для ея друзей“, однако и тѣ, которые это говорятъ, увѣрены, что, когда онъ попроситъ—ему не будетъ отказа, что „люби онъ побольше народъ—не было бы консула лучше его“. Народъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „конечно, мы имѣемъ право (не выбрать его), да вправѣ ли мы теперь имѣть это право. Чей языкъ повернется на отказъ“.—Только послѣ голосованія поднялись сомнѣнія, не сплеховалъ ли народъ, не подымалъ ли Коріоланъ голосующихъ на смѣхъ, не издѣвался ли онъ надъ ними. Этими колебаніями воспользовались трибуны: „вамъ

должно было сказать ему, что если по заслугамъ достоинъ онъ санъ консульскій принять, то все-таки любить онъ долженъ васъ и въ благодарность за народный выборъ радѣть о васъ, быть другомъ вашимъ". Тогда было бы одно изъ двухъ: „или обѣщалъ бы онъ плебеямъ льготы, иль, что вѣрнѣе,—духъ его строптивый прорвался бы съ запальчивостью рьяной, и вы тогда-бъ имѣли основаніе его не выбрать".—Народу внезапно уяснилось, что онъ оплошалъ, онъ ухватился мгновенно за подсказанную ему рѣшимость взять назадъ свои голоса, не переданные еще сенату. Направляя народъ въ сенатъ съ отказомъ Коріолану въ консульствѣ, трибуны прячутся за народъ, какъ за ширмы: „не щадите насъ, скажите, что мы трубили про его побѣды, ввели васъ въ заблужденіе этой рѣчью".—„Теперь, говоритъ одинъ трибунъ другому, въ Капитолій! чтобы никто не могъ про насъ подумать, что мы народъ къ волненію подстрекнули". Впослѣдствіи, когда Коріоланъ, уже измѣнникъ, станетъ съ вольсками у вратъ Рима, та же толпа, которая его изгнала, отречется отъ своего участія въ его изгнаніи. (1 гражданинъ: „что до меня, то я его жалѣю, хотъ требовалъ изгнанія—еще при изгнаніи я говорилъ, что дѣло не ладно".—2 гражданинъ: „и я". 3 гражданинъ: „мы хлопотали объ общей пользѣ и хотъ соглашались на изгнаніе, однако соглашались противъ общей воли" „д. IV, яв. 5).

Картина выборовъ у Шекспира исторически невѣрная. Не могъ уже назначенный сенатомъ консулъ быть переизбираемъ народомъ на вѣчѣ, не могъ народъ сдѣлать недѣйствительными поданные уже голоса. Шекспиръ существенно отступилъ отъ разсказа Плутарха о томъ, что послѣдовало послѣ несостоявшихся выборовъ. По словамъ Плутарха, Марцій заперся дома, взволнованный и раздраженный, и сдѣлался главою партіи молодого патриціата, а затѣмъ, когда во время голодовки пришли изъ Сиракузъ ксрабли съ хлѣбомъ, присланнымъ въ видѣ подарка Риму тиранномъ Гелонномъ, Коріоланъ предложилъ сенату сдѣлать даровую раздачу этого хлѣба, только подъ условіемъ, чтобы народные трибуны были отмѣнены. На это предложеніе, содержащее въ себѣ попытку на государственный переворотъ, трибуны отвѣтили осужденіемъ реакціонера на сверженіе его съ Тарпейской скалы. Шекспиръ поступилъ какъ и слѣдовало драматургу: онъ изобразилъ судьбу Коріолана отъ неудавшихся

выборовъ до его изгнанія въ видѣ одной послѣдовательной катастрофы безъ всякихъ перерывовъ. Вопросъ о дѣйствительности выборовъ перенесенъ въ сенатъ, куда является Марцій уже въ консульскомъ нарядѣ.—Вопросъ былъ формальный, юридическій, сенатъ могъ признать выборы, все зависѣло отъ того, какъ поведетъ себя Коріоланъ. Онъ самъ сыгралъ въ руки своимъ противникамъ и попалъ въ разставленные для него сѣти. По своему личному вопросу, не столковавшись со своими сторонниками, никого не предупредивъ и ничего не подготовивъ, этотъ *enfant terrible* патриціата дѣлаетъ вдругъ публичное воззваніе къ упраздненію трибуната, то есть предлагаетъ нѣчто достижимое только посредствомъ насильственной реакции, а когда трибуны при помощи своихъ эдиловъ берутся его арестовать какъ „нарушителя законовъ"—(въ подлинникѣ какъ *traitorous innovator* измѣнническаго новатора, д. III, яв. 1), то Марцій отталкиваетъ священную особу одного изъ трибуновъ словами: „прочь, сѣдой козелъ!" Начинается рукопашная свалка, молодые патриціи отстояли Марціа, но трибуны осудили его на немедленную смерть. Надъ нимъ повисла опасность. Весь интересъ сосредоточивается на томъ, выручатъ ли Коріолана его пріатели патриціи?

Мы уже выразили, что Шекспиръ низвелъ римскій плебсъ до значенія черни и опошлилъ трибуновъ, превративъ ихъ въ мелкихъ демагоговъ-интригановъ. И о патриціатѣ можно сказать тоже, что Шекспиръ умалилъ его не въ мѣру. Когда въ нашедшемъ на Римъ Коріоланѣ съ ратью вольсковъ послы отъ сената стараются пробудить чувства сожалѣнія по отношенію къ его римскимъ друзьямъ, то онъ отвѣчаетъ, что „некогда ему ихъ выбрать изъ гнилой мякинной кучи", что: „куча сгоритъ и не стоитъ ее щадить изъ-за лежащихъ въ ней двухъ или трехъ несчастныхъ хлѣбныхъ зеренъ", причемъ Мененій беретса объяснить, кто эти зерна: онъ, Мененій, мать, жена и сынокъ Коріолана, да Коминій.—Этотъ Мененій Агриппа—одно изъ живѣйшихъ и типичнѣйшихъ лицъ въ театрѣ Шекспира, римскій вельможа, но не эпохи Коріолана, а временъ упадка республики, эпикуреецъ и какъ бы современникъ Горация. По убѣжденіямъ и привычкамъ, онъ такой же узкій, односторонній аристократъ, какъ Коріоланъ, онъ также искренно и радикально презираетъ плебеевъ, но не ругается, а только потѣшается надъ ними и,

не стѣсняясь въ выраженіяхъ, вышучиваетъ ихъ. Такъ какъ онъ никого не задѣвалъ, ни съ кѣмъ ни сталкивался, такъ какъ онъ умѣетъ говорить съ народомъ на его же языкѣ и остроуменъ и націоналенъ въ каждомъ своемъ словечкѣ, то и слыветъ онъ у плебеевъ „всегдашнимъ другомъ народа“, и самимъ трибунамъ, которыхъ нисколько не щадить, извѣстенъ онъ какъ неопасный человѣкъ, съ которымъ можно жить („ты радъ болтать безъ умолку за столомъ, а не въ Капитоліѣ“). Онъ старый весельчакъ, вѣроятно холостякъ, живущій себѣ въ сласть, любящій чистое вино безъ малѣйшей капли Тибрской воды, охотникъ поѣсть, знающій, что „натошакъ мы всѣ угрюмы, злы, не склонны ни къ щедрости, ни къ кротости... „что надо съ каждымъ сытаго ждать часа“. Въ Мененіѣ нѣтъ ни малѣйшей доли геройства; вѣроятно потому, что онъ сознаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, онъ влюбленъ въ Коріолана, онъ его обожаетъ, относится къ нему, какъ къ своему идеалу, и служитъ ему по мѣрѣ силъ. Ему удается порою улаживать острымъ словомъ или шуткою мелкія столкновенья, но когда раздоръ обострился, когда толпа забушевала и прорвала всѣ плотины, тогда обнаруживается полное безсиліе его какъ миротворца, который одновременно внушаетъ расхолодившемуся Коріолану: „успокойся!“ и ласкаетъ трибуновъ: „ну, говори, Сициній добрый!—Даже и въ такія бурныя минуты Мененій не теряетъ самоувѣренности и рассуждаетъ такимъ образомъ: „попытаю, что мой старый умъ придумать можетъ для людей безумныхъ.—Пора какой-нибудь заплатой пестрой бѣду поправить“.—Вмѣшательство Мененія въ процессъ Коріолана принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы. Когда судились римскіе граждане за преступленія, подсудимый имѣлъ право сказать: *provoco*, то есть перенести дѣло, уже рѣшенное царемъ, а по изгнаніи царей консуломъ или инымъ судьей, въ народное собраніе. Когда послѣ схватки патрицевъ съ плебеями Коріоланъ ушелъ изъ форума, Мененій непрошенный сдѣлалъ за него такую провокацію: „по закону назначьте судъ“ и почти поручился за явку его: „къ законному суду онъ самъ придетъ съ покорностью“. На эту провокацію накинулись съ удовольствіемъ трибуны: „Мененій добрый, мы съ тобой согласны, такъ поступай же именемъ народа какъ знаешь“ (въ подлинникѣ: *be then as the people's officer*—будь сановникомъ народа)

и приведи намъ Марція. При частномъ совѣщаніи на дому у Коріолана вопросъ такъ былъ поставленъ Коминіемъ: „или готовься ты силой силу встрѣтить, или смирись, или бѣги изъ Рима“.—Всѣ въ одинъ голосъ настаивали: „смирись—рѣчь покорная поможетъ“.—Коріоланъ подчинился только волѣ матери, сказавшей: „онъ долженъ—стало быть онъ ее скажетъ“. Но при этомъ совѣщаніи никто не возбудилъ вопроса о подсудимости, о томъ, изъ кого будетъ состоять вѣче и какъ оно будетъ судить. Трибуны были гораздо предусмотрительнѣе. Они устроили народное собраніе по трибамъ, то есть съ преобладаніемъ плебейскаго элемента. Они и подѣлились между собою ролями. Брутъ постарается съ первыхъ словъ взбѣсить Коріолана. Сициній внушаетъ толпѣ посредствомъ эдиловъ, что она должна дѣлать: „чтобъ ни сказалъ я: пеню, смерть, изгнаніе—народу надо тотчасъ крикъ поднять: коль я скажу про смерть—то смерть ему! Коль пеню: пеню! пеню! опираясь на дѣло правое и власть плебеевъ“.—Трибуны столь мало увѣрены въ томъ, что они одолѣютъ Коріолана, что считаютъ возможнымъ, что онъ отдѣлается только пенею. Прежде всего они стараются оформить подсудность и заставляютъ Коріолана подчиниться добровольно устроенному ими суду по трибамъ: „сановниковъ народа признаешь ли, а главное, готовъ ли подчиниться приговору?“ Само обвиненіе измѣнено, оно поставлено по подлиннику такъ: „you have contrived to take—from Rome all seasoned office and to wind you self into a power tyrannical“ или дословно въ переводѣ: что ты умыслилъ отмѣнить въ Римѣ всѣ законныя власти и сдѣлаться самодержцемъ. Вмѣсто того, чтобы отнестись хладнокровно къ этой небывальщинѣ и сказать: докажите, что это такъ! Коріоланъ не защищаясь сталъ поносить своихъ обвинителей, которые великодушно ограничились тѣмъ, что въ данную минуту было для нихъ существенно—они провели на вѣчѣ не смертную казнь, а только изгнаніе. Эта рѣшимость основана была только на расчетѣ и лишена всякаго благородства. Они внушаютъ народу послѣ приговора его: „скорѣй за нимъ идите до воротъ, ругайтесь надъ нимъ, какъ онъ ругался надъ нами всѣми!“ На вѣчѣ Коріоланъ былъ одинъ противу всѣхъ, нельзя сказать, чтобы на его сторонѣ былъ даже Мененій, который не оправдываетъ его, а только смягчаетъ его вину мелкими словами: „вы злобой не считай-

те жесткой рѣчи, онъ къ ней привыкъ какъ воинъ, а не какъ врагъ народныхъ правъ". На вѣчь не нашлось ни одного патриція, который бы, перебивая самого Коріолана, выступилъ бы громко, защитилъ бы его словами сильнаго убѣжденія, и сказалъ бы, что обвиненіе очевиднѣйшая ложь.

Съ уходомъ Марція изъ Рима (д. IV, явл. 1) кончается часть трагедіи, въ которой Шекспиръ обнаружилъ по отношенію къ своему источнику Плутарху наибольшую изобрѣтательность. Затѣмъ слѣдуетъ почти простая передача событій и рѣчей (напримѣръ рѣшающей рѣчи Волумніи къ сыну), заимствованныхъ у Плутарха съ небольшими только сокращеніями. Вслѣдствіе одного изъ такихъ сокращеній въ трагедіи остается большой, едва ли простительный пробѣлъ. Мы остаемся въ полной неизвѣстности, когда и какъ совершился такой переворотъ въ душѣ Марція, что изъ патриота онъ сдѣлался врагомъ родины и измѣнникомъ. Въ 1 дѣйствіи (явл. 7) онъ звалъ войско на врага словами: „пусть всѣ, которымъ слава Рима себя дороже, идутъ на бой за Марціемъ". Во 2 дѣйствіи (явл. 2) онъ, правдолюбецъ, не притворяющийся никогда, говорилъ сенату: „въ рукахъ твоихъ и жизнь моя и служба". Въ жестокой для него моментъ изгнанія, онъ, не подумавши ни минуты, разражается словами, совсѣмъ не подходящими къ римлянину и психологически невозможными: „Я изгоняю васъ... я презираю васъ и городъ вашъ! я прочь иду—*есть міръ и кромѣ Рима!*" Міръ древне-римскій, античный, состоялъ только изъ разросшихся и сдѣлавшихся государствами городовъ. Значеніе лица и его достоинства опредѣлялись: 1) отношеніемъ его города къ окружающему городъ міру и, затѣмъ, 2) положеніемъ лица въ этомъ городѣ, который для него былъ все, потому что внѣ его лицо обрѣталось въ чужой, или даже во враждебной средѣ. Для такихъ патриціевъ, какъ Коминій, Волумнія и Коріоланъ, городъ, матеріально понимаемый, былъ отечествомъ и только трибуны противопоставляютъ такому понятію отечества болѣе широкое начало: „а что такое городъ? народъ есть городъ!" Не могъ Коріоланъ проклинать городъ Римъ, потому что онъ бы проклялъ и свою семью и своихъ приверженцевъ патриціевъ, которые, какъ это видно изъ трагедіи (д. IV, явл. 3), готовились отнять власть у плебса, отдѣлаться отъ трибуновъ и вернуть къ себѣ Марція. Что замыселъ мести Риму былъ вполнѣ

чуждъ Коріолану, когда онъ прощался съ семьей какъ выходецъ, видно изъ его послѣднихъ прощальныхъ словъ: „а отъ меня, пока хожу я на землѣ, вамъ вѣсти будутъ. Вѣрьте, прежній *Марцій останется такимъ же какъ и встарь*". Послѣ этихъ словъ, кончающихъ 1 явленіе IV дѣйствія, идутъ два явленія (2-е и 3-е) безъ Коріолана, а затѣмъ въ 4-мъ Коріоланъ уже не тотъ, какимъ онъ былъ встарь и совершенно измѣнившійся, вкрадывается перелѣтый странникомъ къ Авфидію въ Акціумъ и предлагаетъ ему, что самъ пойдетъ съ вольсками мстить городу Риму, причемъ, конечно, городъ Римъ можетъ быть разрушенъ, а его жители, въ числѣ которыхъ есть и его семья, будутъ поработены. Значитъ, въ теченіе одного и того же дѣйствія, между моментомъ, когда Коріоланъ ушелъ со сцены, и другимъ моментомъ, когда онъ опять появился на сценѣ, произошло ничѣмъ и ничѣмъ не объяснимое событіе, что Коріоланъ выродился, что онъ изъ патриота сдѣлался измѣнникомъ, что онъ сдѣлался предметомъ омерзенія для всѣхъ римлянъ, даже и для тѣхъ, которыхъ мнѣніемъ и сочувствіемъ онъ въ особенности дорожилъ. Есть у Плутарха два указанія, которыми Шекспиръ пренебрегъ. Одно въ главѣ 21, въ которой Плутархъ объясняетъ, какъ въ изгнаніи въ теченіе дней, проведенныхъ въ одиночествѣ, кипучій гнѣвъ превратился въ Марція въ холодное озлобленіе, породившее страсть внушенный, но исподволь обдуманной замыселъ мести родинѣ. Второе указаніе у Плутарха, во главѣ 29, заключается въ томъ, что когда Коріоланъ пошелъ съ вольсками на Римъ, то плебеи первые раскаялись и посылали просить о пощадѣ, но сенатъ до конца упорствовалъ въ сопротивленіи, не хотѣлъ унизиться до заискиванія милости у предателя. Выборными отъ Рима просителями могли быть въ концѣ концовъ какіе-нибудь неважные патриціи, могъ пойти просить его слабохарактерный Мененій, но никакъ уже не Коминій, который выставленъ у Шекспира, какъ посолъ отъ Рима къ Коріолану, совершенно напрасно.

Возникаетъ вопросъ: почему Шекспиръ уклонился совсѣмъ отъ психологическаго объясненія измѣны Коріолана и ввелъ ее только какъ немотивированный историческій фактъ, общеизвѣстный и безспорный?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего отмѣтимъ, что взгляды на тяжесть пре-

ступленія подобиго тому, которое совершилъ Коріоланъ, не одинаковы въ разные періоды исторіи. Измѣна родинѣ въ иномъ видѣ представляется намъ, націоналистамъ XX вѣка, и человѣку Возрожденія, какимъ былъ Шекспиръ, волнуемому еще средневѣковыми чувствами и обсуждающему древне-римскія отношенія, созерцаемая имъ сквозь призму государственности XVII вѣка, въ которомъ еще не были окончательно выработаны большія, цѣльныя единицы—національности. Наслоеніе этихъ массъ еще не было вертикальное какъ теперь, а вѣрнѣе горизонтальное. До реформации всякій католикъ чувствовалъ, что его домъ, его родина вся Европа. Еще и послѣ начала реформации знатный рыцарь и феодалъный вельможа переѣзжалъ на службу свободно и добровольно отъ одного сюзерена къ другому, не чувствуя особыхъ упрековъ совѣсти по случаю этой перемѣны службы. Мы теперь болѣе классики, нежели люди Возрожденія. Въ нашей этикѣ вмѣщается несравненно болѣе, нежели у Шекспира, прямыхъ заимствованій изъ античнаго міра.

Затѣмъ мы приходимъ къ заключенію, что Шекспиру неудобно было, какъ художнику, останавливаться на перемѣнѣ къ худшему, произошедшей въ его героѣ послѣ его изгнанія. Шекспиръ былъ величайшій мастеръ въ области сценическихъ впечатлѣній и зналъ, что уронилъ бы окончательно своего героя и сдѣлалъ бы его крайне несимпатичнымъ, если бы далъ публикѣ заглянуть въ скверное нутро души предателя, ставящаго себя добровольно въ положеніе, которое онъ изображаетъ словами: „ни матери, ни сына, ни жены не знаю я; дѣла мои и право на пощаду я отдалъ вольскамъ“. Отказавшись отъ мотивировки измѣны, Шекспиръ выдвинулъ впередъ и особенно ярко освѣтилъ другой капитальный историческій фактъ, мирящій насъ съ Марціемъ: геройскій подвигъ матери его Волумнии и нравственную побѣду ея надъ сыномъ. Оказалось, что и въ этомъ измѣнникъ есть неразложимый остаточекъ

любви къ отечеству. Онъ предвидитъ, что онъ своею жизнью жертвуетъ, уступая матери: „о, родная! для счастья Рима побѣдила ты, для сына же ужасна та побѣда—можетъ быть, въ ней скрыта смерть!“ Послѣ пощады Рима Марціемъ съ нимъ сводитъ соперникъ его Авфидій свои личные и національные счеты, за другую, обратную измѣну. По странной ироніи судьбы, заколотому Авфидіемъ и заговорщиками Коріолану вольски справили великолѣпные похороны.

Всѣ критики Шекспира согласны въ томъ, что трагедія „Коріоланъ“ есть одно изъ совершеннѣйшихъ и достойныхъ величайшаго удивленія созданій Шекспира не какъ изображеніе древне-римской жизни, а какъ мастерской опытъ представленія своеобразнаго темперамента и характера. Ее обыкновенно сопоставляетъ съ „Отелло“. Трагедія эта по содержанію несложная, по плану построения весьма простая, съ быстрымъ, ускоряющимся дѣйствіемъ и вполне логическою развязкою. Написана она языкомъ сжатымъ, рѣзкимъ, необычайно сильнымъ и вполне подходящимъ къ сюжету. Герой пьесы, ограниченный своими кастовыми предрассудками, до невообразимой степени заносчивый и слѣпый, какимъ то волшебнымъ образомъ возбуждаетъ въ насъ интересъ и привязываетъ насъ къ себѣ, до того онъ натура размашистая, мощная, а главное—непосредственная, до того онъ правдолюбецъ, не выносящій ни малѣйшаго притворства. Онъ лицо одного, такъ сказать, отлива, вполне соответствующее характеристикѣ, даваемой ему восторгающимся имъ эстетически, но составляющимъ съ нимъ полнѣйшій контрастъ—Менениемъ (д. III, явл. 1):

Онъ слишкомъ чистъ и прямъ душой для міра;
Онъ не польститъ Нептуну за трезубецъ,
Юпитеру за право громъ метать!
Его душа на языкѣ: онъ смѣло
Всѣмъ говорить, что въ сердцѣ родилось,
А въ гнѣвѣ забываетъ онъ, что слышалъ
Когда то слово смерть.

В. Спасовичъ.

Храмъ Юпитера.

Храмъ Юноны. Тарпейская скала.

КАПИТОЛІЙСКІЙ ХОЛМЪ.

Реконструкція италійскаго архитектора-археолога Канини (Luigi Canina, 1795—1856).

Дѣйствующія лица.

Каіѣ Марціѣ Коріоланѣ, благородный римлянинъ.

Титъ Ларціѣ { римскіе полководцы въ войну
Коминіѣ { противъ вольсковъ.

Мененіѣ Агриппа—другъ Коріолана.

Сициніѣ Велутѣ } народные трибуны.
Юніѣ Брутѣ }

Маленькій Марціѣ—сынъ Коріолана.

Римскіѣ вѣстники.

Туллѣ Авфидіѣ—полководецъ вольсковъ.

Военачальникъ, подчиненный Авфидію.

Заговорщики въ пользу Авфидіѣ.

Гражданинъ изъ Анціума.

Двое часовыхъ изъ дружины вольсковъ.

Волумніѣ—мать Коріолана.

Виргиліѣ—жена Коріолана.

Валеріѣ—подруга Виргиліѣ.

Благородныя римлянки.

Римскіе и вольскіе сенаторы, патриціѣ, эдилы, ликторы, воины, граждане, вѣстники, слуги Авфидіѣ и другія лица.

Дѣйствіе происходитъ частію въ Римѣ, частію—на земляхъ вольсковъ и анціатовъ.

ОСТАТКИ ДРЕВНѢЙШЕЙ ЧАСТИ РИМА.

(Круглый храм на берегу Тибра).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Римѣ.

Входятъ толпою возмущившіеся граждане, съ дубинами, кольями и другимъ оружіемъ.

1-ый гражданинъ. Прежде чѣмъ итти дальше, дайте мнѣ сказать одно слово.

Всѣ граждане. Говори, говори! (*Говорятъ разомъ*).

1-ый гражданинъ. Рѣшились вы всѣ скорѣе умереть, чѣмъ терпѣть голодъ?

Всѣ. Рѣшились, рѣшились!

1-ый гражданинъ. Вы знаете, конечно, что Каій Марцій—первый врагъ народу?

Всѣ. Знаемъ, знаемъ!

1-ый гражданинъ. Такъ убьемъ же его—и тогда хлѣбъ подешевѣетъ. Рѣшено, что ли?

Всѣ. Нечего тутъ толковать—убьемъ его! Пойдемте, пойдемте!

2-ой гражданинъ. Одно слово, честные граждане.

1-ый гражданинъ. Какіе тебѣ честные граждане! Бѣдняковъ не зовутъ честными: патриціи они честны. У нихъ всего по горло, а мы нуждаемся. Пусть бы отдали они намъ хоть часть своего избытка вовремя—мы бы имъ могли сказать „спасибо“ за ихъ милосердіе; но это для нихъ слишкомъ разорительно! Имъ любо глядѣть на нашу худобу да на наше горе—свой достатокъ кажется имъ слаще. Мщеніе, граждане! Пока еще осталась у васъ сила въ рукахъ—хватайте колья! Боговъ призываю я въ свидѣтели—не отъ злобы, а отъ голода я говорю это.

2-ой гражданинъ. За что жъ начинать ты хочешь съ Каія Марція?

1-ый гражданинъ. Съ него перваго: онъ хуже собаки для народа.

2-ой гражданинъ. Вспомни хоть про его заслуги отечеству.

1-ый гражданинъ. Помню—и хвалилъ бы ихъ, да онъ и безъ моей похвалы ими гордится не въ мѣру.

2-ой гражданинъ. Говори безъ злости.

1-ый гражданинъ. Я тебѣ говорю—изъ одной гордости онъ служилъ родинѣ. Простакѣ хвалятъ въ немъ любовь къ Риму: не для родного края, а изъ угожденія своей матери да изъ тщеславія дрался онъ за отечество. Пускай дрался онъ храбро, да храбрость въ немъ не ниже надменности.

2-й гражданинъ. Ты на недостатокъ природы глядишь, какъ на преступленіе. Развѣ онъ жаденъ? Ты можешь быть, и этотъ порокъ на него взвалишь?

1-ый гражданинъ. И безъ жадности на немъ грѣховъ не оберешься. (*Слышны крики*). Это кто шумитъ? Поднялась и та часть города. Что мы здѣсь болтаемъ пустое? Въ Капитолій!

Всѣ. Идемъ, идемъ въ Капитолій!

1-ый гражданинъ. Тише—кто это пришелъ къ намъ?

Входитъ Мененій Агриппа.

2-ой гражданинъ. Почтенный Мененій Агриппа—всегдашній другъ народа.

1-ый гражданинъ. Съ нимъ бы можно жить хорошо. Если бы всѣ такіе были!

Мененій Агриппа.

Эй, вы, товарищи, куда плететесь Съ дубинами и кольями? Въ чемъ дѣло?

1-ый гражданинъ. Въ чемъ дѣло? Сенатъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Давно уже онъ догадывается—сегодня мы ему все растолкуемъ. Въ сенатѣ говорятъ, что у бѣдныхъ просителей терпѣнье крѣпко. А теперь узнаютъ, что и руки наши не слабы.

Мененій Агриппа.

Друзья мои, сосѣди дорогіе, Опомнитесь! Зачѣмъ хотите вы Попасть въ бѣду?

1-й гражданинъ.

Да мы и такъ въ бѣдѣ!

Мененій Агриппа.

Друзья, повѣрьте, съ горемъ и заботой Глядятъ на васъ патриціи. Я знаю, Что вы въ нуждѣ, что дорогъ хлѣбъ, но также Я знаю, что разумнѣй будетъ вамъ Противъ небесъ поднять свои дубины, Чѣмъ противъ государства. Не сломить Вамъ безпощадной, грозной силы Рима: Хотя бѣ сильнѣй вы были во сто кратъ— Онъ раздробитъ васъ всѣхъ. Не богачи,

А боги намъ нужду и скудость шлютъ; Не угрожать руками—гнуть колѣна Вамъ для спасенья надо. Горел горел! Бѣда въ бѣду влечетъ васъ; вы хулите Отцовъ-правителей—въ своихъ отцахъ Враговъ вы видите!

1-ый гражданинъ. Въ своихъ отцахъ! Хорошо они о насъ заботятся. Никогда не были они намъ отцами! Мы голодаемъ, а у нихъ амбары отъ хлѣба ломятся. Ихъ законы поддерживаютъ однихъ ростовщиковъ. Всякій день отмѣняется какой-нибудь законъ, тяжкій для богачей; каждый день выдумывается другой законъ бѣднякамъ на угнетенье. Если война насъ не губитъ—они насъ губятъ хуже войны всякой. Вотъ какъ насъ любятъ отцы отечества!

Мененій Агриппа.

Или вы злы—и въ томъ должны сознаться, Или вы глупы. Расскажу я вамъ Хорошенькую сказку. Можетъ быть, Ее слышали вы. Она годится Намъ прямо къ дѣлу. Что, хотите слушать?

1-ый гражданинъ. Отчего не выслушать, добрый господинъ; только не проведешь ты насъ своей сказкой. Говори же.

Мененій Агриппа.

Разъ какъ-то противъ живота возстали Другіе члены тѣла, въ обвиненье Ему сказавши, что животъ одинъ Сидитъ безъ дѣла посреди ихъ всѣхъ, Набившись пищей, съ лѣности позорной Труда не зная вовсе, между тѣмъ Какъ всѣ другіе члены смотрятъ, ходятъ, Соображаютъ, слушаютъ и вмѣстѣ Всѣмъ человѣкомъ правятъ. Имъ животъ Такъ отвѣчалъ...

1-ый гражданинъ.

Что жъ отвѣчалъ животъ?

Мененій Агриппа.

Сейчасъ скажу. Съ презрительной улыбкой—

Вы знаете, что въ сказкѣ самъ животъ Не только говорить, смѣяться можетъ— Онъ отвѣчалъ взволнованнымъ безумцамъ, Которые, завидуя тому, Что онъ всегда былъ полонъ, на него Кричали такъ, какъ вы теперь кричите Противъ отцовъ сената.

1-ый гражданинъ.

Что же могъ

Отвѣтитъ онъ и бдительному глазу, И головъ подъ царственнымъ вѣнцомъ,

Рукъ—бойцу, и языку—герольду,
И сердцу вѣщему, ногамъ, носящимъ насъ,
И всѣмъ другимъ помощникамъ и членамъ,
Когда они...

Менений Агриппа.

Когда они! Что жъ дальше?
Зачѣмъ ты перебилъ меня? Что жъ дальше?

1-ый гражданинъ.

Когда они возстали справедливо
Противу хищника...

Менений Агриппа.

Ну, что жъ потомъ?

1-ый гражданинъ.

На ихъ правдивое негодование
Что могъ животь отвѣтить?

Менений Агриппа.

Это я
Сейчасъ скажу, когда способенъ ты
Имѣть терпѣнье.

1-ый гражданинъ.

Говори жъ скорѣе.

Менений Агриппа.

Замѣть, мой другъ, что важный нашъ животь
Спокоенъ былъ при бѣшенномъ волненіи
Своихъ враговъ. Онъ имъ отвѣтилъ такъ:
„Друзья, вы правы въ томъ, что поглощаю
Изъ васъ я первый общую намъ пищу;
Но есть тому причина—тѣло все
Живетъ моимъ запасомъ. Не забудьте,
Что пищу ту я шлю вамъ вмѣстѣ съ
кровью.

Что чрезъ нее и мозгъ, и сердце живы,
Что отъ меня вся сила человѣка,
Что жилы всѣ мельчайшія его
Черезъ меня свою имѣютъ долю.
Итакъ, друзья, животь все продолжаетъ...

1-ый гражданинъ.

Ну, хорошо: мы понимаемъ. Дальше.

Менений Агриппа.

„Итакъ, друзья-сочлены, хотъ всегда
Мои дары приходятъ къ вамъ незримо,
Но вспомните, что мною вамъ дается
Отъ пищи лучшій цвѣтъ и что ее
Не для себя я берегу“. Ну, что же?
Хорошъ отвѣтъ?

1-ый гражданинъ.

Отвѣтъ совсѣмъ не дуренъ.
Что жъ намъ-то изъ того, Агриппа?

Менений Агриппа.

Животь разумный—это нашъ сенать,

Вы жъ—члены непокорные. По правдѣ
Вы оцѣните всѣ его заботы,
Подумайте объ общемъ нашемъ дѣлѣ—
И вы поймете, что отъ старшей власти,
Что не отъ васъ зависитъ благо края.
Вы поняли? Что скажешь мнѣ теперь,
Ты, палець отъ ноги?

1-ый гражданинъ.

Какой я палець,
За что я палець отъ ноги?

Менений Агриппа.

За то,
За то, что ты, дрянной и самый низкій
Изъ членовъ всѣхъ, впередъ предъ всѣми
лѣзешь;
За то, что ты, презрѣнный плутъ, въ на-
деждѣ

На выгоды, другихъ ведешь туда,
Откуда первый убѣжишь. Готовьте жъ
Скорѣй свои вы страшныя дубины!
Противу Рима крысы поднялися
Кому-нибудь на горе.

Входитъ Каій Марцій.

Менений Агриппа.

Храбрый Марцій,
Привѣтъ тебѣ.

Марцій.

Спасибо. Эй, въ чемъ дѣло?
Зачѣмъ вы, безпокойные мерзавцы,
Поддавшись зуду жалкихъ вашихъ мнѣній,
Себѣ коросту начесали?

1-ый гражданинъ.

Къ намъ
Всегда ты ласковъ.

Марцій.

Будетъ тотъ подлець
Изъ всѣхъ льстецовъ презрѣннѣйшій, кто
скажетъ
Вамъ ласковое слово. Что вамъ нужно,
Псы, недовольные войной и миромъ?
Войны вы трусите, въ спокойной долѣ
Вы носъ дерете вверхъ. Кто вѣритъ вамъ,
Въ бою найдетъ васъ зайцами, не львами,
Гусей увидитъ, гдѣ нужны лисицы,
Надежнѣй васъ на льду горячій уголь
И градъ подъ солнцемъ. Вы на то годи-
тесь,
Чтобъ поклоняться извергамъ преступнымъ
И правду проклинать. Кто смѣлъ и славенъ,
Тотъ гадокъ вамъ; а сердце ваше рвется,
Какъ у больного прихоть, лишь туда,
Гдѣ гибель скрыта. Тотъ, кто вѣритъ вамъ
И дружбѣ вашей—плаваешь въ водѣ

Съ свинцомъ на шеѣ. Твари—вѣрить вамъ,
Когда вашъ нравъ мѣняется съ минутой,
Когда во прахъ передъ врагомъ вчерашнимъ
Вы пресмыкаетесь, а прежняго кумира
Врагомъ зовете? По какому праву
Вы бродите по городу и съ крикомъ
Позорите вы славный нашъ сенатъ,
Сенатъ, который, вмѣстѣ съ божьей властью,
Васъ держитъ въ страхъ и мѣшаетъ вамъ
Другъ друга жрать? (*Мененію Агриппѣ*).
Чего хотятъ они?

Мененій Агриппа.
Другой цѣны на хлѣбъ. По ихъ словамъ,
Запасовъ много въ городѣ.

Марцій.
Мерзавцы!
По ихъ словамъ! Они, за печью сидя,
Хотятъ знать все, что дѣлается въ Римѣ,
По прихоти судьбу рѣшая края!
Они все знаютъ—кто силенъ, кто слабъ,
Кто женится, кто въ ходъ пошелъ, въ раз-
сказахъ
Превознося друзей своихъ и съ прахомъ
Противниковъ мѣшая. Хлѣба много,
По ихъ словамъ? Когда бъ сенатъ построже
Себя держалъ и мнѣ съ мечомъ позволилъ
На нихъ напасть, изъ этихъ мертвыхъ га-
довъ
Я навалилъ бы гору—вышиною
Съ мое копье!

Мененій Агриппа.
Молчи! Они затихли
И, несмотря на все свое нахальство,
Расходятся, какъ трусы. Что же случилось
Съ другой толпой?

Марцій.
Разсѣялись. Скоты,
Они на голодъ жаловались, смѣли
Пословицы намъ повторять о томъ,
Что съ голода и крѣпости сдаются,
Что кормъ собакамъ нуженъ, что отъ неба
Ниспосланъ хлѣбъ не богачамъ однимъ,
И вслѣдъ за тѣмъ представили сенату
Такую просьбу, отъ которой въ сердце
Патриціатъ нашъ будетъ пораженъ
И власти смѣлый взглядъ померкнетъ.
Что жъ?
Имъ отвѣчали, приняли ихъ просьбу;
Они же заорали отъ восторга
И шапки вверхъ кидали, будто сила
Повѣсить ихъ на лунные рога.

Мененій Агриппа.
Что жъ имъ дано?

Марцій.
Для поддержанья ихъ затѣй негодныхъ
Даны имъ пять трибуновъ—Юній Брутъ,
Сициній Велутъ—все по ихъ избранью,
Еще... не помню. Смерть и гибель! Прежде
Чернь раскидала бъ Римъ до основанья,
Чѣмъ отъ меня добыть такой законъ!
Пройдутъ года—плоды его созрѣютъ
На горе государству!

Мененій Агриппа.
Странно, странно!

Марцій.
Ступайте прочь, отбросы!
Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Здѣсь Кай Марцій.
Марцій.
Здѣсь. Что тамъ случилось?

Вѣстникъ.
Есть новости: опять поднялись вольски.

Марцій.
Я очень радъ—теперь мы скоро сбудемъ
Избытокъ скверный. Вотъ идутъ вожди.
*Входятъ Коминій, Титъ Ларцій и дру-
гіе сенаторы, Юній Брутъ и Сициній
Велутъ.*

1-ый сенаторъ.
Сбылось, что предсказалъ ты, честный
Марцій:
Вооружились вольски.

Марцій.
Есть у нихъ
Великій полководецъ, Туллъ Авфидій.
Съ нимъ будутъ хлопоты. Я сознаюсь,
Завидна лишь его неустрашимость—
И если не собой, то имъ, конечно,
Хотѣлъ бы быть я.

Коминій.
Ты сражался съ нимъ.

Марцій.
Когда бъ весь міръ распался на два войска
И Туллъ со мною шелъ, я бъ поднялъ бунтъ,
Чтобъ биться съ нимъ: такого льва, какъ онъ,
Не скоро встрѣтишь.

1-ый сенаторъ.
Благородный Марцій,
Ты и Коминій—выбраны вождями.

Коминій.
Ты самъ того желалъ.

Марцій.

Я и теперь

Не откажусь. Титъ Ларцій, снова намъ
Лицомъ къ лицу придется Тулла встрѣтить.
Состарѣлся ты? остаешься?

Титъ Ларцій.

Нѣтъ,

Хоть мнѣ придется драться костью
И на костыль опершись—не останусь
Я сзади васъ.

Менений Агриппа.

Мой благодородный Ларцій!

1-ый сенаторъ.

Идемъ же въ Капитолій—тамъ, я знаю,
Друзья собрались наши.

Титъ Ларцій.

Хорошо,

Идите же—мы за тобой, Коминій,
Какъ за вождемъ достойнымъ.

Коминій.

Честный Ларцій!

1-ый сенаторъ (*гражданамъ*).

Ступайте жъ по домамъ.

Марцій.

Нѣтъ, пусть за нами

Идутъ они. У вольсковъ много хлѣба—
Мы пустимъ этихъ крысъ на ихъ запасы.
(*Народу*). Вы, сорванцы почтенные, за нами!
Вы очень храбры—намъ до васъ есть дѣло.
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Сицинія и Брута*).

Сициній.

Бывали ли когда на свѣтѣ люди
Надменнѣй Марція?

Брутъ.

Нѣтъ, никогда!

Сициній.

Когда насъ избиралъ народъ въ трибуны...

Брутъ.

Смотрѣлъ ли ты хоть на глаза его,
На губы?

Сициній.

Нѣтъ, но я довольно слушалъ.

Брутъ.

Взбѣсившись, онъ боговъ не пощадить.

Сициній.

Надъ скромною луной онъ посмѣется.

Брутъ.

Война его погубить. Слишкомъ гордъ
Онъ для того, чтобъ честно биться.

Сициній.

Полонъ

Онъ дерзостью и презираетъ насъ,
Какъ тѣнь полдненную. Дивлюсь, однако,
Какъ согласился онъ принять въ вожди
Коминія.

Брутъ.

Ему всего дороже

То, чѣмъ богатъ онъ—слава. Чтобъ вѣрнѣ
Ее сберечь, второе мѣсто въ войскѣ
Удобнѣй перваго. При неудачѣ,
Хотя бъ Коминій былъ людей всѣхъ выше,
Онъ будетъ обвиненъ, какъ полководецъ,
И станутъ дураки кричать: „о, если бъ
Нашъ Марцій вель дѣла!“

Сициній.

А при побѣдѣ

Народный голосъ, ласковый къ нему,
Съ Коминія часть славы сниметъ.

Брутъ.

Правда,

Чужой заслугой завладѣетъ онъ;
Ошибки же чужія увеличатъ
Его заслуги.

Сициній.

Такъ; пойдемъ же слушать

Рѣшеніе сената—и узнать,
Какимъ порядкомъ Марцій поведетъ
Свои дѣла.

Брутъ.

Идемъ, идемъ скорѣе. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Сенатъ въ Коріоли.

Входятъ Туллъ Авфидій и сенаторы.

1-ый сенаторъ.

Итакъ, вполне увѣренъ ты, Авфидій,
Что римляне проникли нашу тайну
И знаютъ все?

Авфидій.

И самъ ты это знаешь.

Задумывали ль здѣсь какое дѣло
Тайкомъ отъ Рима? Вотъ со мной письмо:
Четыре дня тому, какъ мнѣ его
Доставили. (*Читаетъ*). Ужъ собраны войска,
Хоть назначенья ихъ никто не знаетъ.
Хлѣбъ въ Римѣ дорогъ, чернь въ большомъ
волненьи,

И слухи ходятъ, что Коминій, Марцій,
Твой старый врагъ, такъ ненавистный черни,

И храбрый римлянинъ, старикъ Титъ Ларцій,
Всѣ трое поведутъ дружины Рима—
Куда?—не знаю. Можетъ быть, что къ вамъ.
Готовьтесь же.*

1-ый сенаторъ.

Ужъ мы давно готовы.
Не сомнѣвались мы, что силы Рима
Идутъ на насъ.

Авфидій.

Ты самъ тому причиной:
Ты говорилъ, что не къ чему скрывать
Приготовленій нашихъ. Что же вышло?
Извѣстно въ Римѣ все, что мы рѣшили,
И цѣль ушла отъ насъ, и не успѣемъ
Мы захватить хоть нѣсколько селеній
Врасплохъ, до появленія римской силы.

2-ой сенаторъ.

Скорѣй же въ путь, Авфидій благородный!
Прими войска, а насъ оставь однихъ,
Чтобъ охранять Коріюли. Быть можетъ,
Врагъ подойдетъ сюда—тогда на помощь
Ты къ намъ придешь. Но думается мнѣ,
Что не готовы римляне.

Авфидій.

Я знаю,
Что римляне готовы; знаю я,
Что часть ихъ войскъ уже давно въ походѣ
И прямо къ намъ идетъ. Отцы, прощайте!
Мы поклялись съ Марціемъ—при встрѣчѣ
Сойтись на безпощадный бой.

Всѣ сенаторы.

Пусть боги
Тебѣ помогутъ!

Авфидій.

И хранятъ всѣхъ насъ!

1-й сенаторъ.

Счастливы путь тебѣ!

2-ой сенаторъ.

Прощай, Авфидій!

Всѣ сенаторы.

Прощай, Авфидій! (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Римъ. Комната въ домѣ Марціа.

Волумнія и Виргилія шьютъ, сидя на
низенькихъ стульяхъ.

Волумнія. Прошу тебя, дочь, или
пой, или будь повеселѣе. Если бѣ Марцій

былъ мнѣ мужемъ, мнѣ радостнѣе казалось
бы его славное отсутствіе, нежели самые
жаркіе брачные поцѣлуи. Онъ у меня
одинъ,—а въ то время, когда тѣло его
было еще нѣжно, когда его дѣтская кра-
сота плѣняла постороннихъ—въ ту пору,
когда мать, изъ-за цѣлаго дня царской
просьбы, не рѣшится на одинъ часъ спу-
стить сына съ своихъ глазъ, я радостно
посылала его искать опасности и съ ней
славы. Я понимала, что такому сыну ну-
женъ людской почетъ; что, не отзываясь
на призывъ чести, сынъ мой былъ бы не

ВОЛУМНІЯ И ВИРГИЛІЯ.

Картина англ. художника Портера (Robert Ker Porter, 1777—1842).
(Малая Бойделевская галлерей).

человѣкомъ, а картиной для украшенія
стѣнъ. На тяжкую войну я его послала—
и онъ вернулся ко мнѣ съ дубовымъ вѣн-
комъ за заслуги. И повѣрь, дочь моя, меньше
радовалась я, услыхавъ, что родила маль-
чика,—меньше радовалась я тогда, нежели
въ тотъ часъ, когда увидала его послѣ по-
хода, увидала его истиннымъ мужемъ.

Виргилія. А если бѣ онъ погибъ на
войнѣ, что сказала бы ты тогда?

Волумнія. Память о немъ стала бы
мнѣ за сына: въ его славѣ нашла бы я

себѣ потомство. По совѣсти говорю тебѣ: будь у меня двѣнадцать сыновей, равно любимыхъ, любимыхъ такъ, какъ любимъ нами нашъ добрый Марцій, я бы легче перенесла погибель одиннадцати изъ нихъ за отечество, нежели трусливую и праздную жизнь двѣнадцатиго.

Входитъ прислужница.

Прислужница (*Волумнія*). Благородная Валерія желаетъ васъ видѣть.

Виргилія (*Волумнія*). Позволь мнѣ уйти отсюда.

Волумнія.

Зачѣмъ уйти!

Мнѣ кажется—я слышу барабаны,
Отсюда вижу Марція, какъ онъ,
Въ честномъ бою, Авфидія хватаетъ
За волосы и въ прахъ передъ войскомъ
Его влечетъ. Какъ дѣти отъ медвѣдя,
Бѣгутъ враги отъ Марція. Гляди,
Какъ онъ впередъ идетъ, какъ возбуждаетъ
Свои войска: *вы трусы, дѣти Рима,*
Зачатыя въ часъ робости позорной!
Вотъ онъ! Рукой, закованною въ сталь,
Онъ кровь съ лица отеръ и снова въ сѣчу
Идетъ, какъ будто жнецъ, который взялся
Обжать все поле.

Виргилія.

Нѣтъ, клянусь Зевсомъ,
Не надо крови на лицѣ!

Волумнія.

Ребенокъ,

Не знаешь ты, что эта кровь для мужа
Прекраснѣе, чѣмъ золото въ трофеяхъ!
Когда Гекуба Гектора-младенца
Кормила грудью—грудю той краса
Равнялась ли съ красой чела троянца,
Когда оно своей пятнало кровью
Мечи ахейскіе (*Прислужница*). Проси сюда
Почтенную Валерію.

(*Прислужница уходитъ*).

Виргилія.

Пусть Боги
Спасутъ его отъ бѣшенago Тулла!

Волумнія.

Ему на горло ступить храбрый Марцій
И голову его колѣномъ сдавить!

Входитъ Валерія съ проводникомъ и прислужницей.

Валерія. Добрый день, благородныя хозяйки!

Волумнія. Милая Валерія!

Виргилія. Я рада тебя видѣть.

Валерія. Здоровы ли вы? Васъ нигдѣ не видно: вы вѣчно дома—за дѣломъ. Что это вы шьете? (*Виргилія*). Прекрасная вышивка, клянусь честью. Что дѣлаетъ твой мальчишка?

Виргилія. Благодарю тебя—онъ здоровъ.

Волумнія. Не любитъ онъ только учиться—ему бы все мечи да барабаны.

Валерія. Весь въ отца—милый ребенокъ! Я съ полчаса глядѣла на него въ прошлую среду: въ лицѣ у него что-то такое смѣлое. Онъ бѣгалъ за красивой бабочкой, ловилъ ее и пускалъ на волю: поймаешь, пустить, потомъ побѣжить и опять поймаешь. Тутъ онъ какъ-то упалъ, разсердился, да какъ стиснетъ зубы—и разорвалъ бабочку. Надо было видѣть, какъ онъ въ нее вцѣпился!

Волумнія. Вспылилъ—по отцовски.

Валерія. Да, да, славный мальчишка!

Виргилія. Шаловливъ очень.

Валерія. Кстати, перестань шить, поленись немного—я пришла за тобою.

Виргилія. Нѣтъ, милая Валерія, я не пойду изъ дома.

Валерія. Не пойдешь изъ дома?

Волумнія. Пойдетъ, пойдетъ.

Виргилія. Нѣтъ, нѣтъ, какъ хотите. Покуда мужъ не вернется, я не переступлю нашего порога.

Валерія. Полно, вѣдь, это безуміе! Пойдемъ навѣстить больную сосѣдку.

Виргилія. Я помолюсь за нее. Я желаю ей скорѣй поправиться, а итти къ ней не могу.

Волумнія. Да почему же, скажи намъ?

Виргилія. Не по лѣности и не по холодности.

Валерія. Ты хочешь быть Пенелопой. Она все ткала, дожидаясь мужа: зато и развела моли на весь островъ. Жаль, что твое полотно не чувствуетъ боли: ты бы перестала, хоть изъ жалости, колоть его своей иглой. Ну, пойдемъ же съ нами!

Виргилія. Прости меня, милая Валерія—я не пойду.

Валерія. Нѣтъ, пойдешь. Я расскажу тебѣ хорошія вѣсти про Марція.

Виргилія. Добрая Валерія, еще некогда притти вѣстямъ отъ мужа.

Валерія. Я не шучу. Ночью получено извѣстіе.

Виргилія. Неужели?

Валерія. Въ самомъ дѣлѣ—одинъ сенаторъ при мнѣ сказывалъ. Вольски вы-

шли въ поле; противъ нихъ пошелъ Коминій, а Ларцій съ твоимъ мужемъ осадили Коріюли. Всѣ говорили, что война скоро кончится со славой. Даю тебѣ мое слово—все это правда. Ну, пойдемъ же съ нами.

Виргилія. Прости меня, Валерія. Въ другой разъ, послѣ.

Волумнія. Оставь ее, Валерія; она и на насъ скуку нагонитъ.

Валерія. Да—и я то же думаю. Прощайте. Пойдемъ же, добрая Волумнія. Полно, Виргилія—прогони свою заботу, пойдемъ вмѣстѣ.

Виргилія. Еще разъ навсегда я говорю тебѣ, что не могу. Прощайте и вселитесь.

Валерія. Прощай, Виргилія. *(Уходятъ)*.

СЦЕНА IV.

Передъ Коріюли.

Входятъ съ барабаннымъ боемъ и знаменами, Марцій, Титъ Ларцій, свита, войско. Къ нимъ идетъ вѣстникъ.

Марцій.

Есть новости. Побьемся объ закладъ: Сраженъе было.

Титъ Ларцій.

Нѣтъ,—коня я ставлю.

Марцій.

И я.

Титъ Ларцій.

Согласенъ *(Вѣстнику)*. Что, дрались наши?

Вѣстникъ.

Войска сошлись, но не было сраженья.

Титъ Ларцій.

Конь мой!

Марцій.

Я выкуплю его.

Титъ Ларцій.

Не надо

Мнѣ выкупа, а можешь взять его Себѣ на время—лѣтъ на пятьдесятъ.

Марцій *(вѣстнику)*.

Войска—далеко?

Вѣстникъ.

Миляхъ въ двухъ отъ насъ.

Марцій.

Нашъ бранный крикъ дойдетъ до ихъ ушей, А ихъ—до нашихъ. Марсъ непобѣдимый, Дай быстроту намъ: пусть въ кровавыхъ латахъ

Поспѣемъ мы къ друзьямъ своимъ на помощь, Покончивъ здѣсь. Эй, трубы: дайте знакъ!

Трубы. На стѣны выходятъ сенаторъ и войско.

Марцій.

Здѣсь Туллъ Авфидій? съ вами онъ?

1-ый сенаторъ.

Здѣсь нѣтъ

Авфидія, какъ нѣтъ здѣсь человѣка, Который васъ боялся бѣ.

(Слышна музыка). Эти трубы

На бой зовутъ все юношество наше.

Намъ стѣнъ не нужно—въ городѣ ворота

Не заперты, а тростникомъ закрыты.

Мы выйдемъ къ вамъ навстрѣчу.

(Музыка въ другой сторонѣ). Слышишь ты?

Авфидія то трубы: разметалъ онъ

Дрянное войско ваше.

Марцій.

Такъ, тамъ бьются!

Титъ Ларцій.

Чего жъ намъ ждять? Эй, лѣстницы! Всѣ впередъ!

Вольски выходятъ на сцену.

Марцій.

Насъ не боятся вольски! Врагъ нашъ смѣетъ Итти навстрѣчу римлянамъ! Друзья, Щиты на груди: пусть сердце въ каждой

груди

Забьется, твердое какъ щитъ. Впередъ!

Впередъ, Титъ Ларцій! Можно ль было

думать,

Что мы врагу не страшны! Я въ поту

Отъ бѣшенства. Товарищи, впередъ!

Кто шагъ отступить, я того приму

За вольска—и убью его на мѣстѣ.

(Сраженіе. Римляне прогнаны назадъ).

Марцій возвращается.

Марцій *(воинамъ)*.

Пусть южная чума на васъ нагрянетъ!

Вы—Рима стыдъ! вы—стадо! пусть задавить

Васъ туча цѣлая срамныхъ недуговъ,

Пусть язвы васъ покроютъ, пусть другъ друга

Вы заражаете, пусть смрадъ и вонь
Идутъ отъ васъ по вѣтру! Что бѣжите
Вы, гуси въ человѣческомъ уборѣ?
Чего боитесь вы? И обезьяны
Съ такимъ врагомъ управятся! Проклятье!
На спинахъ кровь у васъ, на лицахъ ужасъ
И блѣдность смертная. Стой! всѣ впередъ!
Скорѣй впередъ. Клянусь! огнемъ небеснымъ,
Я брошу вольсковъ и начну рубить—
Смотрите, васъ самихъ! И такъ, впередъ!
Мы ихъ загонимъ къ женамъ ихъ, отплатимъ
Мы имъ за бѣгство наше!

(Опять битва, вольски бѣгутъ къ воротамъ,
Марцій за ними).

МАРЦІЙ.

Хорошо:

Ворота настѣжъ. Не для бѣглецовъ—
Для побѣдителей ворота настѣжъ.
Смѣлѣй теперь! Въ ворота! Всѣ за мною!

(Вбѣгаютъ въ ворота, ихъ тотчасъ запи-
раютъ).

1-ый воинъ.

Онъ лѣзетъ, какъ безумный! Не пойду я.

2-ой воинъ.

Я тоже не пойду.

1-ый воинъ.

Гляди, ворота

Замкнулись ужъ.

Всѣ.

Теперь совсѣмъ пропалъ онъ.
(Шумъ боя продолжается).

Входитъ Титъ Ларцій.

Титъ Ларцій.

Гдѣ Марцій нашъ?

Воины.

Убить, въ томъ нѣтъ сомнѣнья.

1-ый воинъ.

За бѣглецами онъ ворвался въ городъ,
Ворота заперлись—одинъ онъ тамъ
Противу всѣхъ.

Титъ Ларцій.

О, воинъ благородный!
Хвала тебѣ: ты тверже бранной стали!
Мечъ гнется—ты не гнешься. Брошенъ ты,
Утраченъ драгоцѣнный камень Рима.
Въ мечтахъ своихъ Катонъ не создавалъ
Такого воина. Въ минуты боя

Не силой рукъ одной ты грозенъ былъ,
Но взоромъ страшнымъ, голосомъ громовымъ
Враговъ ты въ страхъ кидалъ, и имъ ка-
залось,
Что цѣлый міръ хвораетъ лихорадкой
И весь трясется подъ ногами ихъ.

Входитъ Марцій, весь въ крови, преслѣдуе-
мый вольсками.

1-ый воинъ.

Смотри, смотри!

Титъ Ларцій.

Онъ живъ! За мною всѣ!
Спасемте Марція, иль съ нимъ погибнемъ.
(Дерутся—и всѣ входятъ въ городъ).

СЦЕНА V.

Улица въ Коріоли.

Вбѣгаютъ римляне съ добычей.

1-ый римлянинъ. Вотъ это я отнесу
въ Римъ.

2-ой римлянинъ. А я—это.

3-ий римлянинъ. Какой дряни я на-
хваталъ!

Это не серебро. (Трубы и шумъ боя).

Входятъ Титъ Ларцій и Марцій съ
трубачемъ.

МАРЦІЙ.

Взгляни на этихъ удалцовъ: какъ славно
Они ведутъ себя! Не конченъ бой,
А ужъ они хватаютъ, кто подушку,
Кто ложку оловянную, кто тряпки,
Какихъ палачъ съ преступника не снялъ бы.
Прочь, подлецы! Стой! слушай! Шумъ не
смокнулъ

Въ той сторонѣ, гдѣ нашъ Коминій: надо
Скакать къ нему. Тамъ врагъ мой,—тамъ
Авфидій:

Тѣснить онъ римлянъ. Ларцій, ты возьми
Часть воинства и городъ береги;
Я жъ поведу надежнѣйшихъ бойцовъ
Коминію на помощь.

Титъ Ларцій.

Ты въ крови,
Мой храбрый воинъ. Изнуренный боемъ,
Какъ въ бой пойдешь ты?

МАРЦІЙ.

Не хвали меня:
Еще не разгорѣлся я. Прощай же!

Я радъ, что кровь течетъ: гораздо легче
Мнѣ отъ потери крови. Пусть Авфидій
Меня въ крови увидить передъ боемъ!

Титъ Ларцій.
Пускай Фортуна, свѣтлая богиня,
Тебя полюбитъ и своею силой
Отклонитъ мечъ противниковъ твоихъ.
Будь счастливъ, честный вождь!

Марцій.
Прощай, мой Ларцій!
Пусть счастье благоволитъ тебѣ
Не менѣ чѣмъ тѣмъ, кого она
Такъ высоко возноситъ.

Титъ Ларцій.
О, воинъ истинный! (*Трубачу*).
Иди на площадь,
Тамъ затруби и собери ко мнѣ
Всѣхъ городскихъ начальниковъ: мы имъ
Объявимъ волю нашу. Ну, ступай же!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

У лагеря Коминія.

Коминій и его войска отступаютъ.

Коминій.
Друзья, переведите духъ—вы бились,
Какъ римляне: безъ дерзости безумной,
Безъ трусости при отступленіи. Вѣрьте,
Не конченъ бой. Во время жаркой сѣчи
Къ намъ вѣтеръ доносилъ отъ нашихъ брать-
евъ
Военный кликъ. Пускай же боги Рима
И насъ, и ихъ ведутъ къ одной побѣдѣ!
Пусть оба войска радостно сойдутся
На жертву благодарственную!

Входитъ вѣстникъ.

Коминій. Эй,
Что новаго?

Вѣстникъ.
На вылазку враги
Пошли изъ города. Сраженъе было,
Когда сюда я ѣхалъ; нашихъ гнали
Къ самимъ валамъ.

Коминій.
Хоть говоришь ты правду,
Мнѣ рѣчь твоя не нравится. Давно ли
Ты видѣлъ бой?

Вѣстникъ.
Тому не больше часа.

Коминій.
Вблизи, недавно, слышали мы трубы,
Не дальше какъ за милю. Почему
Такъ долго ѣхалъ ты?

Вѣстникъ.
За мною гнались;
Я длинный поворотъ былъ долженъ сдѣ-
лать—
И съ вѣстью опоздалъ я.

Входитъ Марцій.

Коминій.
Что за воинъ
Пришелъ къ намъ, весь въ крови? Благіе
боги!
На Марція похожъ онъ. Мнѣ случалось
Его видать въ крови.

Марцій.
Что?—опоздалъ я?

Коминій.
Скорѣй пастухъ не распознаетъ грома
Отъ звуковъ бубна, чѣмъ не отличу
Я голосъ Марція межъ голосами
Другихъ людей. Ты Марцій!

Марцій.
Опоздалъ я?

Коминій.
Да, если ты покрыть своею кровью—
Не вражеской.

Марцій.
Дай мнѣ обнять тебя
Такъ крѣпко, какъ жену я обнимаю.
Мнѣ весело, какъ на вѣнчальномъ пирѣ,
Передъ огнями—у постели брачной!

Коминій.
Скажи мнѣ, цвѣтъ вождей, гдѣ нашъ Титъ
Ларцій?

Марцій.
Порядкомъ въ городѣ теперь онъ занятъ.
Однихъ казнить, другихъ онъ шлетъ въ
изгнанье,
Прощаетъ третьихъ, назначая выкупъ.
Въ Коріоли онъ правитъ римской властью,
И горожанъ ихъ держитъ, словно свору
Послушныхъ псовъ.

Коминій.
Гдѣ рабъ, который мнѣ
Осмѣлился сказать, что васъ прогнали
Къ самимъ валамъ? Послать его!

МАРЦІЙ.

Не нужно:
Онъ правъ. Одни патриціи дрались.
Плебеи жъ—и трибуновъ имъ!—постыдно
Бѣжали такъ отъ подлой вольской рати,
Какъ мышь отъ кошки бѣгать не привыкла.

КОМИНІЙ.

Но какъ же одолѣли вы?

МАРЦІЙ.

Не время
Теперь болтать. Мнѣ кажется... Гдѣ вольски?
Ты побѣдилъ ли? Если нѣтъ—зачѣмъ
Вы перестали драться?

КОМИНІЙ.

Храбрый Марцій,
Не побѣдили мы, но отступаемъ
Съ хорошей цѣлью.

МАРЦІЙ.

Боевой порядокъ
Какой у нихъ? Съ которой стороны
У нихъ полки отборныя?

КОМИНІЙ.

Дружина
Передовая вся изъ анціатовъ,
Бойцовъ надежнѣйшихъ, Авфидій съ ними—
Ихъ лучшая надежда.

МАРЦІЙ.

Заклинаю
Тебя, во имя дружескихъ обѣтовъ,
Во имя битвъ, гдѣ кровь мы лили вмѣстѣ,
Дай мнѣ сейчасъ итти на анціатовъ,
На ихъ вожда. Не пропускай минуты:
Пусть засверкаютъ въ воздухѣ сейчасъ же
Мечи и копья.

КОМИНІЙ.

Лучше бъ я желалъ
Тебя свести туда, гдѣ теплой влагой
Твои обмоютъ раны; но не смѣю
Противорѣчить я. Бери полки,
Какіе пожелаешь.

МАРЦІЙ.

Я желаю
Съ собой взять тѣхъ, кто самъ того же-
лаетъ.

(Къ войску).

Когда здѣсь есть—и преступленьемъ было бы
Въ томъ сомнѣваться—храбрые борцы,
Привѣтливо глядящіе на кровь,
Которой я раскрашенъ; если здѣсь
Если воины, которымъ слава Рима
Себя дороже, для кого безславые

Страшнѣе смерти, для кого милѣй
Кончина честная, чѣмъ жизнь въ позорѣ,
Пусть тотъ и всѣ, кто съ нимъ согласны
будутъ,

Подымутъ руки—и идутъ на бой
За Марціемъ. (*Поднимаетъ руку. Крики.*
Воины бросаютъ копья и подхватываютъ
Марція на руки). Пустите: я не мечъ—
Зачѣмъ хватать меня? Когда вы точно
Такъ рветесь въ бой, то четверыхъ враговъ
Здѣсь каждый воинъ стоитъ. Вамъ не стра-
шенъ

Авфидій самъ: съ могучимъ полководцемъ,
Щитомъ къ щиту, изъ васъ достоинъ всякій
На бой сойтись. Благодарю васъ всѣхъ,
Но выберу немногихъ: свой чередъ
Придетъ и остальнымъ въ другое время!
Впередъ, друзья: скорѣе въ путь! Изъ васъ
Я четверымъ вождамъ велю избрать
Охотниковъ.

КОМИНІЙ.

Впередъ, впередъ, друзья!
Скорѣе оправдайте ожиданье—
И наградимъ мы васъ за подвигъ вашъ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Площадь у воротъ Коріоли.

Титъ Ларцій, оставивъ отрядъ для за-
щиты города, выходитъ съ военной музыкой
на помощь къ Коминію и Марцію. При немъ
вожди, воины и проводники.

Титъ Ларцій (*офицеру*).

Замкнуть ворота—и не забывать
Моихъ приказовъ. Избранныя сотни
Прислать ко мнѣ, едва я вѣсть подамъ,
А съ остальными защитишь ты городъ
На краткій срокъ. Сраженье потерявши,
Его не удержать намъ.

Офицеръ.

На меня
Ты можешь положиться.

Титъ Ларцій.

Прочь. За нами
Замкни ворота. Проводникъ, иди—
Веди насъ въ римскій лагерь. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VIII.

Поле. Сраженіе между лагеремъ римлянъ и
вольсковъ.

*Боевые крики. Входятъ съ противополож-
ныхъ сторонъ Марцій и Авфидій.*

МАРЦІЙ.

Съ тобой однимъ я бьюсь: клятвопреступ-
никъ

Мнѣ ненавистенъ менѣе, чѣмъ ты!

АВФИДІЙ.

По ненависти оба мы равны:
Ты мнѣ гнуснѣй, чѣмъ африканскій гадъ,
Со всей твоею злобою и славой.
Готовься къ бою.

МАРЦІЙ.

Кто отступить первый,
Пусть навсегда идетъ въ рабы къ другому—
И небесами проклятъ будетъ.

АВФИДІЙ.

Марцій,
Когда я отступлю, кричи мнѣ вслѣдъ,
Какъ зайцамъ вслѣдъ кричать.

МАРЦІЙ.

Я три часа
Одинъ, въ стѣнахъ Коріоли, сегодня
Сражался досыта. Ты видишь, кровью
Я весь покрытъ: то—кровь твоихъ друзей.
Готовься мстить—сбери свои всѣ силы!

АВФИДІЙ.

Хотя бъ ты Гекторъ былъ, которымъ въ
Римѣ
Такъ хвалятся, ты не уйдешь теперь.
(*Сражаются; бѣгутъ вольски на помощь
Авфидію.*)

Не кстати мнѣ теперь услуга ваша:
Мнѣ стыдно за себя. Впередъ! впередъ!
(*Уходятъ сражаясь, юнимы Марціемъ.*)

СЦЕНА IX.

Римскій лагерь.

(*Трубные звуки. Съ одной стороны входитъ
Коминій и римляне, съ другой—Клій Мар-
цій (съ подвязанной рукою) и его свита.*)

КОМИНІЙ (*Марцію*).

Когда бъ про все, что, сдѣлалъ ты сегодня,
Я рассказалъ тебѣ, своимъ дѣламъ
Ты не повѣрилъ бы; но я храню

Для Рима мой рассказъ. Отцы сената,
Съ улыбкою сквозь слезы, будутъ слушать,
И славные патриціи, внимая
Мнѣ съ трепетомъ, придутъ всѣ въ изумленье,
И жоны задрожать въ испугъ сладкомъ,
И жалкіе завистники-трибуны
Воскликнуть поневолѣ: „слава Небу
За то, что въ Римѣ есть такой воитель!“
Едва засталъ ты наше торжество:
Пиръ собственный свершалъ ты.

Титъ Ларцій и войско, преслѣдовавшее
непріятеля, возвращаются.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ

(*указывая на Марціа, Коминію*).

Полководецъ,

Вотъ бранный конь нашъ Марцій. Мы съ тобою
Одинъ уборъ его. Когда бъ ты видѣлъ...

МАРЦІЙ.

Друзья, довольно. Тошно слушать мнѣ
И матери моей хвалы, хотя она
Свое дитя хвалить имѣетъ право.
Я сдѣлалъ то, что сдѣлали вы всѣ,
Что могъ я сдѣлать. Родинѣ своей
Равно мы служимъ; тотъ меня славнѣе,
Кто послужилъ ей такъ, какъ бы желалъ.

КОМИНІЙ.

Мы не дадимъ тебѣ твоей заслуги
Въ молчаньи погребсти; узнаетъ Римъ,
Какіе дѣти у него. Кто смѣетъ
Отъ родины скрывать такую славу—
Тотъ воръ и сокровенный клеветникъ.
И потому, безъ мысли о наградахъ,
Но какъ свидѣтельства заслугъ твоихъ,
Тебя прошу я передъ нашимъ войскомъ
То выслушать, то я скажу тебѣ.

МАРЦІЙ.

Израненъ я; а если вспоминаютъ
О ранахъ тѣхъ, болятъ онѣ.

КОМИНІЙ.

Намъ должно
О нихъ твердить: одна неблагодарность
Ихъ можетъ растравить смертельнымъ ядомъ,
Итакъ, изъ боевой добычи нашей,
Изъ всѣхъ коней, а ихъ добыто много,
Изъ городскихъ сокровищъ, мы даемъ
Тебѣ одну десятую. На выборъ
Бери ее предъ дѣлежомъ добычи,
Какъ знаешь самъ.

МАРЦІЙ.

Спасибо, полководецъ!

Но не привыкъ я платы принимать
За дѣло брани. Не возьму я дара.
Пусть мнѣ дадутъ ту часть, что всѣмъ дается
Изъ боевыхъ товарищей—не болѣ.

(Трубы и музыка въ честь Марція. Всѣ кричатъ: „Марцій“! кидаютъ шапки вверхъ и поднимаютъ ихъ на коня. Титъ Ларцій и Коминій снимаютъ шлемы).

МАРЦІЙ.

Пусть эти трубы бранныя навѣкъ
Останутся безъ звука: оскрамили
Вы голосъ ихъ. Не позволяйте трубамъ
И барабанамъ лстать на полѣ чести!
Пусть въ городахъ и при дворахъ живутъ
Одни лгуны изнѣженные: тамъ,
Какъ сталь мягка, какъ шелкъ на паразитѣ,
Для боя не годна она. Довольно,
Прошу я васъ, молчите! Не за то ль,
Что не успѣлъ я носъ обмыть отъ крови,
Что нѣсколькихъ я слабыхъ бѣдняковъ
Убилъ въ бою, какъ всякій можетъ сдѣлать,
Вы мнѣ привѣтъ напыщенный кричите,
Какъ будто бѣ я не вспомнилъ безъ того
Своихъ заслугъ неважныхъ?

КОМИНІЙ.

Скромень ты;
Жестокъ ты къ славѣ собственной; не цѣ-
нишь
Своихъ правдивыхъ читателей. Нѣтъ нужды,
Мы не допустимъ, чтобъ ты самъ себѣ
Теперь вредилъ. Тебѣ мы руки свяжемъ
И станемъ говорить съ тобой потомъ.

(Къ войску).

Пусть знаютъ люди, здѣсь и въ цѣломъ
свѣтѣ,
Что Каій Марцій въ настоящей брани
Вѣнокъ побѣдный честно заслужилъ!
Въ залогъ того, изъ всѣхъ моихъ коней
Я лучшаго, извѣстнаго всей рати,
Ему дарю, со всей богатой сбруей!
За подвиги жъ великіе вождя,
Передъ Коріоли и въ разныхъ битвахъ,
Пускай впередъ зовется онъ отъ насъ,
При шумныхъ и хвалебныхъ крикахъ войска:
Каіемъ Марціемъ Коріоланомъ.
Привѣтъ ему—и пусть отнынѣ онъ
Прозваніе свое со славой носить!

(Громкая музыка; трубы; клики).

Всѣ. Каій Марцій Коріоланъ!

МАРЦІЙ.

Пойду, умоюсь я, а тамъ глядите—
Я покраснѣлъ иль нѣтъ. Спасибо всѣмъ!
Я стану ѣздить на конѣ, а также
Стараться, чтобъ привѣтное прозванье
Съ достоинствомъ носить.

КОМИНІЙ.

Пойдемъ теперь
Въ палатку нашу. Тамъ, не отдыхая,
Я напишу письмо съ хорошей вѣстью
И въ Римъ пошлю. Титъ Ларцій, воротись
Скорѣй въ Коріоли и въ Римъ оттуда
Пришли гражданъ надежныхъ, чтобъ условья
Постановить на пользу всѣмъ.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Сейчасъ же

Туда я ѣду.

КОРИОЛАНЪ.

Боги надо мною
Хотятъ шутить. Сейчасъ я отказался
Отъ царственныхъ даровъ, а подхожу
Къ тебѣ я съ просьбою.

КОМИНІЙ.

На все согласенъ!

Въ чемъ просьба?

КОРИОЛАНЪ.

Я въ Коріоли не разъ
Имѣлъ ночлегъ въ дому у одного
Изъ гражданъ города. Всегда онъ былъ
Со мною ласковъ. Онъ теперь въ плѣну
И звалъ меня; но я, въ минуты боя,
Гонялся за Авфидіемъ, отъ гнѣва
Забывши жалость. Я прошу тебя—
Освободи его.

КОМИНІЙ.

Святая просьба!

Хотя бѣ убилъ онъ сына моего—
Останется вольнѣ вѣтра. Ларцій,
Освободи его.

ТИТЪ ЛАРЦІЙ.

Какое имя

У плѣнника?

МАРЦІЙ.

Клянусь Зевесомъ, вспомнить
Не въ силахъ я. Усталъ я и какъ будто
Лишился памяти. Здѣсь есть вино?

КОМИНІЙ.

Идемъ въ палатку. На твоёмъ лицѣ
Кровь запеклась; давно пора подумать
О перевязкахъ. Ну, идите всѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА X.

Лагерь вольсковъ.

*Крики, музыка. Входитъ
Туллъ Авфидій, весь въ
крови, и нѣсколько воиновъ.*

Авфидій.
Нашъ городъ взять!

1-ый воинъ.
Его намъ возвратятъ
На выгодныхъ условіяхъ.

Авфидій.
Зачѣмъ я
Не римлянинъ! Условіяхъ!
Зачѣмъ я
Родился здѣсь! Условія!
Какихъ
Условій ждаты тотъ можетъ,
кто во власти
У побѣдителей? Пять разъ
я, Марцій,
Съ тобой сражался, побѣ-
жденъ пять разъ
Я былъ тобой, и побѣждать
ты будешь,
Хотя бъ съ тобой встрѣ-
чались мы такъ часто.
Какъ хлѣбъ ѣдимъ. Стихи-
ями клянусь—
Пусть разъ еще сойдуся я
съ тобою—
Лицомъ къ лицу, одинъ изъ
насъ не встанетъ!
До этихъ поръ мы честно
бились оба;
Теперь не то: я вижу, что тебя
Мнѣ не сломить въ простомъ единоборствѣ.
Не силой, такъ коварствомъ я добуду
Себѣ побѣду надъ моимъ врагомъ!

1-ый воинъ.
Онъ сущій дьяволъ?

Авфидій.
Онъ смѣлѣе бѣса,
Но не хитрѣй. Онъ запятналъ мнѣ славу—
Не дорожу я ею. Пусть онъ спитъ,
Пусть въ храмѣ онъ, пусть онъ лежитъ
больной,
Пусть безъ меча идетъ онъ въ Капитолій—
Меня не остановятъ ни молитвы,
Ни жертвы часъ, ни торжества жрецовъ:
Чтобъ утолить вражду—пойду я смѣло
Противъ гнилыхъ законовъ и привычекъ
За ищеніемъ. Гдѣ ни найду его я,

КОРІОЛАНЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Хотя въ моей семьѣ, хоть подъ защитой
У брата кровнаго, на зло преданьямъ,
На зло гостепріимству—я руками
Изъ груди сердце вырву у него!
Ступай скорѣе въ городъ—тамъ узнаешь,
Что новаго и кто изъ гражданъ посланъ
Заложниками въ Римъ.

1-ый воинъ.

А ты не съ нами?

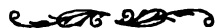
Авфидій.

Нѣтъ, ждуть меня здѣсь, въ кипарисной
рощѣ,
У мельницы. Туда мнѣ дай извѣстье:
Тамъ я рѣшу, что дѣлать мнѣ.

1-ый воинъ.

Я ѣду.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Мѣсто Народная площадь.

Входят Мененій Агриппа, Сициній Брутъ и Юній Брутъ.

Мененій Агриппа. Къ вечеру будутъ
звѣтъ. Ахъ сказалъ это.

Брутъ. Добрыя? худыя?

Мененій Агриппа. По крайней мѣрѣ,
не по народному вкусу, коли народъ не
любитъ Марція.

Сициній. И звѣрь различаетъ того,
кто съ нимъ ласковъ.

Мененій Агриппа. А скажи-ка мнѣ—
кто, напримѣръ, волкъ любитъ?

Сициній. Ягненка.

Мененій Агриппа. Да, чтобъ его
съѣсть. Такъ и голодные плебеи хотѣли бы
съѣсть Марція.

Брутъ. Хорошо ягненокъ! Зачѣмъ онъ
только блѣдетъ по-медвѣжьему?

Мененій Агриппа. Можетъ быть, онъ
и медвѣдь, да живетъ по овечьи. Оба вы
пожилые люди, такъ отвѣчайте мнѣ теперь
на одинъ вопросъ.

Ова трибуна. Что жѣ, спрашивай.

Мененій Агриппа. Скажите мнѣ: есть
ли хоть одинъ грѣхъ, въ которомъ Марцій
не казался бы бѣднякомъ передъ вами?

Брутъ. Нѣтъ ни одного грѣха, въ ко-
торомъ онъ бѣденъ: всѣми богатъ онъ по
горло.

Сициній. А пуще всего гордостью.

Брутъ. Хвастливостью—еще болѣе.

Мененій Агриппа. Странное дѣло! А
знаете ли, въ чемъ мы, порядочные люди въ
городѣ, упрекаемъ вашу братью? Не знаете?

Ова трибуна. Ну, ну, въ чемъ насъ
упрекаютъ?

Мененій Агриппа. Да вѣдь вы, по-
жалуй, разсердитесь; сейчасъ лишь рѣчь
шла про гордость.

Ова трибуна. Ничего, ничего, говори
себѣ.

Мененій Агриппа. Да и въ самомъ
дѣлѣ, теряйте себѣ терпѣніе, бѣситесь въ
волю, закусывайте удила, злитесь, сколько
угодно, разумѣется, если вамъ угодно
злиться. Вы браните Марція да гордость?

Брутъ. Не одни мы, добрый господинъ.

Мененій Агриппа. Знаю, знаю, что
одни вы не много знаете. Помощниковъ

у васъ много: безъ нихъ-то чего бы и
ждать отъ васъ, ребятишекъ, кромѣ однихъ
глупостей! Вы толкуете про гордость—
а кабы умудрились заглянуть въ свои мѣшки
за спинами! если бъ вамъ на себя погля-
дѣть хорошенько!

Брутъ. Ну, что жъ бы тогда?

Мененій Агриппа. Тогда разглядѣли
бы вы оба пару безумнѣйшихъ, гордыхъ,
дерзкихъ, безтолковыхъ трибуновъ, такихъ
трибуновъ—или такихъ дураковъ—какихъ
и въ Римѣ немного.

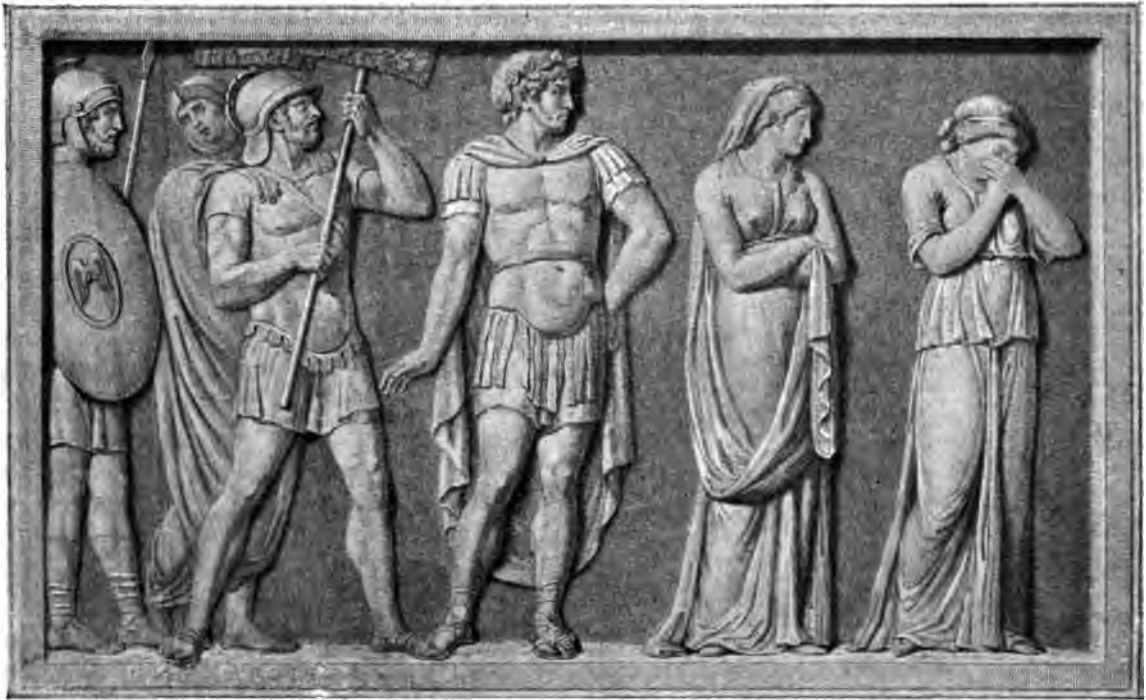
Сициній. Ну, ну, мы тебя, вѣдь, хо-
рошо знаемъ, Мененій.

Мененій Агриппа. Меня всѣ знаютъ.
Меня знаютъ за весельчака патриція, за
охотника до чаши вина, въ которую не
подольетъ онъ и капли воды изъ Тибра.
Говорятъ, что я таю отъ первой жалобы,
загораюсь, какъ трутъ, отъ малой искры,
что я больше знакомъ съ хвостомъ ночи,
чѣмъ солбомъ утра. Я говорю то, что думаю,
а въ сердцахъ молчать не умѣю. Встрѣчу
я такихъ государственныхъ людей, какъ
вы оба—не хватить у меня духу провозгла-
сить васъ Ликургами. И коли ваше питье
мнѣ не по нраву, я морщусь, не таясь.
Не могу жъ я сказать, что ваша ослиная
рѣчь отчетлива; когда другіе люди назы-
ваютъ васъ достойными мужами, я не воз-
ражаю, но не могу же я не назвать лгу-
номъ того, кто восхищается красотой лицъ
вашихъ. Все это вы про меня знаете, да
изъ того не слѣдуетъ, чтобъ меня самого
вы хорошо знали!

Брутъ. Довольно, довольно! Все-таки
мы тебя знаемъ.

Мененій Агриппа. Не знаете вы ни
меня, ни себя—да и просто ничего не
знаете. Вы любите, чтобъ разные голяки
вамъ кланялись; вы рады тратить цѣлое
утро, рѣшая споръ между торговкой апель-
синами и продавщикомъ. Схватить у васъ
животъ во время этихъ споровъ—и все
терпѣніе ваше пойдетъ прахомъ, и дѣло
запутается пуще прежняго. И правый, и
виноватый у васъ мошенники: это, по
вашему, значитъ рѣшать споры. Оба вы
порядочные чудаки, надо признаться!

Брутъ. Ну, ну, какъ будто и мы тебя
не знаемъ? За столомъ ты радъ болтать
безъ умолку, въ Капитоліѣ—другое дѣло.

КОРИОЛАНЪ-ТРИУМФАТОРЪ.

*Барельефъ англійской скульптуры Анны Дамеръ (Anne S. Damer, 1748—1828).
(Большая Бойделевская Галлерей).*

МЕНЕНИЙ АГРИППА. Сами жрецы наши выучатся хохотать, часто встрѣчая вашу братью! И въ лучшей рѣчи вашей смысла меньше, чѣмъ въ покачиваніи бородъ вашихъ; а что до этихъ бородъ, то лучше бы итти имъ въ набивку ослиныхъ сѣделъ. Да, по вашему, Марцій гордъ, очень гордъ; да, онъ, и по скупой оцѣнкѣ, дороже всѣхъ вашихъ предковъ, съ Девкаліона, хоть иные изъ нихъ и были потомственными палачами. Прощайте же, достойные пастухи плебейскаго стада: голова закружится отъ болтовни съ вами. Осмѣливаюсь вамъ откланяться.

(Брутъ и Сициній отходятъ въ глубину сцены).

Входятъ Волумнія, Виргилія и Валерія.

МЕНЕНИЙ АГРИППА. Что съ вами, мои прекрасныя и благородныя дамы? Куда это вы спѣшите, соперницы луны непорочной? Куда вы глядите съ такимъ нетерпѣніемъ?

ВОЛУМНІЯ. Почтенный Менений, мы встрѣчаемъ моего сына Марція. Идемте же, ради Юноны!

МЕНЕНИЙ АГРИППА. Какъ! Марцій вступаетъ въ городъ?

ВОЛУМНІЯ. Да, достойный Менений, и съ великою славою.

МЕНЕНИЙ АГРИППА *(кидая шапку вверхъ)*. Вотъ тебѣ моя шапка и мой привѣтъ, великій Юпитеръ! Марцій вернулся къ намъ?

ВОЛУМНІЯ и Виргилія. Да, да, это вѣрно.

ВОЛУМНІЯ. Смотри, вотъ его письмо ко мнѣ. Въ сенатѣ получено другое, его женѣ пришло третье, а одно уже къ тебѣ послано.

МЕНЕНИЙ АГРИППА. Весь мой домъ сегодня пляшетъ отъ радости! Письмо ко мнѣ?

Виргилія. Я его сама видѣла.

МЕНЕНИЙ АГРИППА. Письмо ко мнѣ? Оно принесетъ мнѣ на семь лѣтъ здоровья. Что мнѣ въ лѣкаряхъ? Какое ихъ пойло сравнится съ такимъ лѣкарствомъ? Раненъ Марцій? Онъ всегда возвращался домой раненымъ.

Виргилія. О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

ВОЛУМНІЯ. Да, онъ раненъ: хвала богамъ за это!

МЕНЕНИЙ АГРИППА. Хвала богамъ! Лишь бы раны не были опасны. Раны идутъ къ нему; и побѣду принесъ онъ въ карманѣ?

Волумнія. На челѣ, Менений. Третій разъ вступаетъ онъ съ дубовымъ вѣнкомъ въ городъ.

Менений Агриппа. Хорошо проучилъ онъ Авфидія?

Волумнія. Титъ Ларцій пишетъ, что они бились между собою. Авфидій бѣжалъ отъ сына.

Менений Агриппа. И хорошо сдѣлалъ—даю мое слово! Быть на его мѣстѣ не захотѣлъ бы я за все золото въ Коріоли. Сенатъ обо всемъ уже знаетъ?

Волумнія. Валерія, Виргилія—идемте же! Да, да, да, сенату писано все—ему писано, что мой сынъ превзошелъ всѣ свои прежнія дѣла, что за нимъ останется вся слава цѣлаго похода.

Валерія. Про него рассказываютъ чудеса.

Менений Агриппа. И правду говорятъ—даю мое слово!

Виргилія. Боги—пусть все это будетъ правда!

Волумнія. Правда? еще бы!

Менений Агриппа. Правда? Ручаюсь, что все правда. *(Трибунамъ, которые приближаются)*. Привѣтъ вамъ, почтенные мужи! Марцій вступаетъ въ городъ—теперь-то онъ загордится пуще прежняго. *(Волумніи)*. Куда онъ раненъ?

Волумнія. Въ плечо—въ лѣвую руку. Ему будетъ, что показать народу при случаѣ. Семь разъ былъ онъ раненъ, когда отбивались отъ Тарквинія.

Менений Агриппа. Одна рана на шеѣ, двѣ на ногѣ—всего девять мнѣ извѣстныхъ.

Волумнія. На немъ было двадцать пять ранъ передъ этимъ походомъ.

Менений Агриппа. Теперь ихъ двадцать семь—каждая была гибелью для супостата. *(Трубы)*. Слышите, трубятъ.

Волумнія.

Такъ, это вѣсть о Марціи! Предъ нимъ Народъ ликуетъ. Вопли побѣжденныхъ За нимъ несутся. Черной смерти духъ Живетъ во взмахѣ рукъ его могучихъ!

Трубы. Входятъ герольдъ, Коминій и Титъ Ларцій, между двумя послѣдними Коріоланъ въ дубовомъ вѣнкѣ, за ними вожди и воины.

Герольдъ.

Пусть знаетъ Римъ, что средь столицы вражьей

Одинъ сражался Марцій, что съ побѣдой Себѣ онъ добылъ къ прежнимъ именамъ

Прозванье славное Коріолана!
Привѣтъ тебѣ отъ Рима, побѣдители!
Привѣтъ тебѣ, Коріоланъ нашъ славный!
(Трубы).

Народъ.

Привѣтъ тебѣ, Коріоланъ нашъ славный!

Коріоланъ.

Прошу васъ, перестаньте: сердцу больно. Довольно съ васъ.

Коминій.

Смотри, здѣсь мать твоя.

Коріоланъ *(матери, становясь на колѣни)*.
О, знаю я—ты всѣхъ боговъ молила
Послать мнѣ счастья!

Волумнія.

Встань, мой добрый воинъ,
Мой милый Марцій, храбрый Кай—встань!
Какое имя новое со славою
Ты добылъ! Встань же, мой Коріоланъ!
Вотъ и жена твоя!

Коріоланъ.

Привѣтъ тебѣ,
Моя смиренница! Ужели бѣ стала
Смѣяться ты, меня встрѣчая мертвымъ,
Когда теперь, при славной этой встрѣчѣ,
Ты вся въ слезахъ? О, милая моя,
Въ Коріоли такъ плачутъ вдовы падшихъ
И матери бездѣтныя!

Менений Агриппа.

Пусть боги

Тебя теперь вѣнчаютъ!

Коріоланъ *(Агриппѣ)*.

Мой старикъ,
Ты живъ еще! *(Валеріи)*. Ты здѣсь, прости
меня,
Валерія прекрасная!

Волумнія.

Не знаю,

Куда и повернуться! Всѣхъ съ возвратомъ
Привѣтствую! Привѣтъ тебѣ отъ насъ,
Нашъ полководецъ! Всѣмъ вамъ мой привѣтъ!

Менений Агриппа.

Сто тысячъ вамъ привѣтовъ! Я готовъ
И плакать, и смѣяться. Мнѣ легко
И вмѣстѣ тяжело. Привѣтъ мой всѣмъ!
Пусть будетъ проклятъ тотъ, кто не сумѣетъ
Порадоваться на тебя! Васъ трехъ
Весь Римъ лелѣять долженъ, хотъ, признаться,

Здѣсь есть дички, къ которымъ не привьешь
Расположенья къ вамъ. Вожди, здорово!
Крапивою мы привыкли звать крапиву
И глупостью—глупцовъ дѣла.

Коминій.

Ты правъ.

Коріоланъ.

Все прежній ты, Мененій.

Герольдъ.

Прочь съ дороги!

Впередъ, впередъ.

Коріоланъ (*матери и женѣ*).

Давайте руки ваши!

Предъ отдыхомъ въ родномъ дому я долженъ
Привѣтствовать патриціевъ почтенныхъ
За ласку ихъ и почестъ.

Волумнія.

Дожила я

До исполненія всѣхъ моихъ мечтаній,
Всѣхъ помысловъ моихъ. Одно желанье
Еще осталось мнѣ—и нѣтъ сомнѣнья,
Что Римъ его исполнить.

Коріоланъ.

Нѣтъ, родная,

Пусть лучше римлянамъ служить я буду
По-моему, чѣмъ править ихъ дѣлами
По-ихнему!

Коминій.

Впередъ же въ Капитолій!

(*Трубы. Прѣжнее торжественное шествіе.*
Уходятъ всѣ, кромѣ двухъ трибуновъ).

Брутъ.

Все говорить о немъ: слѣпые люди,
Чтобъ на него взглянуть, очки надѣли;
Забывъ дѣтей, ревушихъ изступленно,
Глаза таращатъ няньки на него,
Прикрывши шею лучшею тряпицей,
На стѣну лѣзутъ грязныя кухарки
И жадно смотрятъ. Окна и ворота
Запружены толпою; по заборамъ
Верхомъ сидятъ зѣваки: все слилось
Въ одномъ желаньи жадномъ—и жрецы,
Которыхъ рѣдко видимъ мы въ народѣ,
Толкаются въ толпѣ, а жены сами,
Забывши покрывала, предаютъ
Лобзаньямъ Феба нѣжный свой румянецъ.
Подумаешь, что богъ какой-нибудь
Его привелъ и слился вмѣстѣ съ нимъ,
Чтобы придать ему очарованье.

Сициній.

Ручаюсь я—сейчасъ ему дадутъ
Санъ консула.

Брутъ.

И наша власть уснетъ
При консулѣ такомъ.

Сициній.

Нѣтъ, не способенъ

Онъ перенести спокойно эту почестъ
И кончить такъ, какъ началъ. Потеряетъ
Онъ все, что добылъ.

Брутъ.

Это хоть отраднѣе!

Сициній.

Вѣрь мнѣ—народъ, съ которымъ заодно мы
Народъ, недавно такъ ему враждебный,
При первомъ поводѣ, легко забудетъ
Всю эту славу новую. Ручаюсь—
За поводомъ не будетъ остановки
При гордости его.

Брутъ.

При мнѣ онъ клялся,
Что онъ не будетъ консульства искать
Такъ, какъ другіе: не пойдетъ на площадь
Не станетъ надѣвать передъ народомъ
Смиренія одежду и, на раны
Показывая, не попроситъ онъ
Согласія у смрадныхъ ротозѣевъ.

Сициній.

Вотъ это хорошо.

Брутъ.

Такъ онъ сказалъ:

Онъ не захочетъ консульства иначе,
Какъ по желанью и по просьбѣ знати.

Сициній.

Пусть будетъ такъ, пускай онъ все испол-
нитъ,
Какъ ты сказалъ.

Брутъ.

И онъ исполнить это.

Сициній.

И тутъ-то онъ, какъ мы того желаемъ,
Погибнетъ самъ.

Брутъ.

Одно изъ двухъ теперь:

Онъ или сила наша. Поспѣшимъ же
Народу то припомнить, какъ всегда

Онъ презиралъ народъ, какъ онъ старался
Плебеевъ обращать въ ословъ презрѣнныхъ,
Какъ зажималъ онъ рты друзьямъ народа,
Какъ ополчался противъ нашихъ правъ,
Считая чернь—по свойствамъ и душѣ—
Не выше тѣхъ верблюдовъ, что при войскахъ
Везутъ припасы, получая кормъ
За тяжкую работу, и которыхъ
Жестоко бьютъ, когда они подъ ношей
Повалются.

Сициній.

Все то, что ты сказалъ,
Народу мы расскажемъ, пусть лишь только
Онъ дерзостью своею образумитъ
Слѣпую чернь; а это будетъ скоро.
Мы подстрекнемъ его, какъ подстрекаютъ
Собаку на барановъ—а тогда
Плебеи вспыхнутъ, словно тощій хворостъ,
И закоптятъ его навѣкъ.

Входитъ вѣстникъ.

Сициній.

Что скажешь?

Вѣстникъ.

Васъ въ Капитолій требуютъ. Ужъ слышно,
Что Марцій будетъ консуломъ. Я видѣлъ—
Слѣпцы толкались, чтобъ его послушать,
Глухія, чтобъ взглянуть ему въ лицо;
Когда онъ шель, свои платки, повязки
Ему кидали женщины и дѣвы.
Патриція склонялись передъ нимъ,
Какъ предъ кумиромъ Зевса; изъ толпы же
Дождемъ летѣли шапки и привѣты
Неслись, какъ громъ. Нѣтъ никогда не
видѣлъ

Я ничего подобнаго!

Брутъ.

Скорѣй

Идемъ же въ Капитолій. Будемъ слушать
И видѣть то, что дѣлается нынче,
Въ душѣ къ событіямъ инымъ готовясь.

Сициній. Идемъ же. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Капитолій.

*Входятъ два служителя съ подушками
для скамеекъ.*

1-ый служитель. Иди, иди, сейчасъ
они будутъ. А сколько всѣхъ—кто ищетъ
консульства?

2-ой служитель. Трое, какъ слышно,
да едва ли кто пересилитъ Коріолана.

1-ый служитель. Храбрецъ онъ—не-
чего сказать—только гордъ, да и къ на-
роду ужъ очень неласковъ.

2-ой служитель. Эхъ! Да сколько
сильныхъ людей льстили народу—и пона-
прасну, а другихъ народъ любилъ, и сами
они не знаютъ—зачто: такъ стало-быть, коли
чернь умѣетъ любить безъ толку, то и не-
навидитъ она безъ причины! А Коріоланъ
это знаетъ: онъ не заботится ни о любви,
ни о ненависти черни, да по своей откро-
венности и не скрываетъ этого.

1-ый служитель. Коли бы ему было
все равно, любъ онъ или нелюбъ народу—
не сталъ бы онъ дѣлать ни зла, ни добра
черни. Нѣтъ, онъ словно ищетъ ненависти
народной: поминутно силится выказать себя
открытымъ противникомъ плебеевъ. А на-
прашиваться на вражду черни такъ же
худо, какъ и льстить ей, какъ ухаживать
за толпою.

2-ой служитель. Онъ честно служилъ
отечеству. Онъ прославился не пустяками,
не поклонами народу; онъ умѣлъ сдѣлать
то, что молчать о его славѣ, не цѣнить
заслугъ его—есть и неблагодарность, и
преступленіе. Кто унижаетъ его, тотъ лжетъ
и самъ готовить себѣ наказаніе.

1-ый служитель. Довольно, довольно—
онъ славный человѣкъ. Прочь съ дороги—
сюда идутъ.

*Трубы. Входятъ, импѣликторовъ впереди, кон-
сулъ Коминій, Мененій Агриппа, Ко-
ріоланъ, сенаторы, Сициній Велутъ
и Юній Брутъ. Сенаторы занимаютъ свои
мѣста, трибуны садятся на свои.*

Мененій Агриппа.

Такъ какъ ужъ мы за Ларціемъ послали
И съ вольсками рѣшили всѣ дѣла,
То остается намъ—и это цѣль,
Съ которою мы всѣ сюда собрались—
Вознаградить великія заслуги
Того, кто такъ за родину стоялъ.
И потому я предложить осмѣлюсь
Вамъ, честные и мудрые отцы,
Сидящаго здѣсь консула и вмѣстѣ
Начальника въ минувшей славной брани
Просить о томъ, чтобъ передалъ онъ намъ
Хоть часть одну великихъ дѣлъ, свершен-
ныхъ

Кадемъ Марціемъ Коріоланомъ,
Съ которымъ здѣсь сошлись мы всѣ, желая
Благодарить его и честью должной
Ему воздать.

КОНСУЛЫ, СЕНАТОРЫ и КОРІОЛАНЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

1-ый сенаторъ.

Коминій благородный,
Рѣчь за тобой. Не сокращай разсказа—
Пусть усомнимся мы не въ нашей волѣ,
Но въ средствахъ государства для награды!

(Трибунамъ).

У васъ теперь, избранники народа,
Вниманія мы просимъ, а затѣмъ
Предстательства и дружественной рѣчи
О томъ, что мы рѣшимъ.

Сициній.

Отрадна намъ
Собранья цѣль, и мы душой готовы
Почтить Коріолана по заслугамъ.

Брутъ.

И радостнѣй намъ было бъ дѣло это,
Когда бъ онъ самъ цѣнилъ народъ побольше,
Чѣмъ до сихъ поръ.

Мененій Агриппа.

Не кстати рѣчь твоя:
Молчалъ бы лучше ты. Желаетъ слушать
Коминія?

Брутъ.

Желаю и, однако,
Скажу тебѣ, что рѣчь моя была
Умѣстнѣй, чѣмъ твое опроверженіе.

Мененій Агриппа.

Оставь его. Онъ любитъ вашъ народъ:
Не требуй же, чтобъ онъ въ одной постели
Съ нимъ вмѣстѣ спалъ. Коминій благо-
родный,

Ты можешь говорить.

(Коріоланъ хочетъ уйти).

Куда же ты?

Останься.

1-ый сенаторъ.

Садись, Коріоланъ. О славномъ дѣлѣ
Разсказовъ не стыдятся.

Коріоланъ.

Нѣтъ, отцы,
Отъ ранъ моихъ пріятнѣе лѣчиться,
Чѣмъ вспоминать про нихъ.

Брутъ.

Надѣюсь я,
Что не мои слова тебѣ мѣшаютъ
Остаться здѣсь.

Коріоланъ.

Конечно, не твои,

Хотя отъ словъ я бѣгалъ чаще, чѣмъ
Отъ вражескихъ ударовъ. Ты не льстишь
И, стало-быть, меня не оскорбляешь;
А твой народъ люблю я такъ, какъ онъ
Того достоинъ.

Менений Агриппа.
Ну, садись, садись же.

Кориоланъ.

Нѣтъ, ни за что. Скорѣе въ часъ тревоги
Безъ дѣла стану я сидѣть на солнцѣ
И голову почесывать, чѣмъ слушать
Дѣламъ моимъ ничтожнымъ похвалу!
(Уходитъ).

Менений Агриппа.

Смотрите, представители народа—
Сойдется ль онъ съ болтающей и вздорной
Толпою вашей, если онъ не въ силахъ
Разсказа слушать о своихъ побѣдахъ?
Коминій, говори.

Коминій.

Для этой рѣчи

Мой голосъ слабъ: къ дѣламъ Кориолана
Онъ не подходитъ. Если вѣримъ мы,
Что мужество вѣнецъ людскихъ достоинствъ,
Что храбрый вожь достоинъ высшей славы,
То воинъ, о которомъ рѣчь идетъ,
Себѣ подобныхъ не имѣетъ въ мірѣ!
Когда на Римъ войною шелъ Тарквиній,
Онъ, юношей въ шестнадцать лѣтъ, сра-
жался
Храбрѣе взрослыхъ. Нашъ диктаторъ слав-
ный

Самъ видѣлъ, какъ щетинистыя губы
Бѣжали передъ голымъ подбородкомъ.
Въ глазахъ вожь онъ подоспѣлъ на помощь
Поверженному воину и тутъ же
Троихъ враговъ убилъ, потомъ пошелъ
Тарквинію на встрѣчу, и въ сраженьи
Его свалилъ онъ съ ногъ. Въ тотъ слав-
ный день,

Когда съ лица онъ могъ играть на сценѣ
Роль женщины, за мужество въ бою
Его вѣнкомъ дубовымъ увѣнчали.
Такъ началъ онъ—и росъ, подобно морю,
Въ честномъ пылу семнадцати сражений,
Награды всѣхъ лишая. А теперь,
Чтобъ передать всѣ подвиги его
Въ Кориоли и въ битвахъ этой брани,
Не въ силахъ я придумать словъ достойныхъ.
Онъ бѣглецовъ остановилъ, онъ трусамъ
Своимъ примѣромъ мужество внушилъ;
Онъ шелъ впередъ такъ, какъ летитъ по
морю

Корабль подъ парусами—и предъ нимъ
И падали, и разступались люди,
Какъ бы трава морская. Вѣсь въ крови,
Поднявши мечъ и сѣя съ каждымъ взмахомъ
Смерть на враговъ, одинъ ворвался онъ
Въ Кориоли открытыя ворота.

Тамъ бился онъ одинъ и безъ подмоги;
Оттуда вышелъ, собралъ силу нашу
И снова налетѣлъ на вражій городъ,
Такъ, какъ звѣзда летитъ съ небесъ, и съ боя
Онъ городъ взялъ. Все кончено, но вотъ
Средь тишины онъ слышитъ чуткимъ ухомъ
Звукъ дальней битвы и идетъ опять,
Забывъ усталость, кровь свою и раны,
На помощь къ намъ, и снова въ жаркой сѣчѣ
Ниспровергаетъ вражескую рать,
И цѣлый день, покуда не рѣшилась
И города, и битвы той судьба,
Ни разу онъ не далъ себѣ мгновенья,
Чтобъ духъ перевести.

Менений Агриппа.

Достойный мужъ!

1-ый сенаторъ.

И почестъ та, что приметъ онъ отъ насъ,
Къ нему пристанетъ.

Коминій.

Бранную добычу

Онъ оттолкнулъ; на цѣнныя награды
Глядѣлъ онъ, какъ на грязь. Онъ меньше
взялъ,
Чѣмъ могъ бы дать ему послѣдній скряга—
И лучшую себѣ онъ видитъ плату
Въ самихъ дѣлахъ.

Менений Агриппа.

Да, благороденъ онъ.

Позвать его!

1-ый сенаторъ.

Призвать Кориолана!

1-ый служитель.

Онъ ужъ идетъ сюда.

Кориоланъ возвращается.

Менений Агриппа.

Кориоланъ,

По волѣ благороднаго сената,
Санъ консула вручается тебѣ.

Кориоланъ.

Въ его рукахъ и жизнь моя, и служба.

Менений Агриппа.

Теперь одно осталось: долженъ ты
Держать къ народу рѣчь.

Кориоланъ.

Позвольте мнѣ

Обычай этотъ миновать: не въ силахъ
Я стать полунагимъ передъ толпою,

Указывать ей раны и за нихъ
Униженно просить избранья. Нѣтъ,
Такой обрядъ тяжель мнѣ.

Сициній.

И, однако,
Народъ имѣетъ голосъ: уклоненій
Отъ древняго обряда онъ не стерпитъ.

Мененій Агриппа (*Коріолану*).
Не раздражай его. Прошу тебя,
Смирись передъ обычаемъ народнымъ,
И санъ добудь себѣ, какъ добывали
Его издревле консулы.

Коріоланъ.

Мнѣ стыдно
Такую роль играть, и я хотѣлъ бы
Не повторять ея передъ народомъ.

Брутъ (*Сицинію*).

Ты слышишь ли?

Коріоланъ.

Могу ли я хвалиться,
Себя хвалить—показывать тѣ раны,
Что зажили и скрыты быть должны?
Какъ будто получилъ я ихъ, желая
Народу угодить!

Мененій Агриппа.

Оставь упрямство!
Трибуны, поручаемъ вамъ теперь
Народу передать рѣшеніе наше.
Затѣмъ отъ всѣхъ отъ насъ Коріолану
Передаемъ мы всякихъ благъ желанье.

1-ый сенаторъ.

Желаемъ мы всѣхъ благъ Коріолану!
(*Трубы. Сенаторы расходятся*).

Брутъ.

Ты видишь, какъ намѣренъ обращаться
Съ народомъ онъ?

Сициній.

Когда бы догадались
О томъ плебеи!

Брутъ.

Мы передадимъ
О томъ, что было здѣсь. Идемъ скорѣе:
Я знаю, насъ ужъ ждутъ на площади.

СЦЕНА III.

Тамъ же. Площадь.

Входитъ толпа гражданъ.

1-ый гражданинъ. Нечего толковать:
коли онъ попроситъ голосовъ нашихъ, ему
не будетъ отказа.

2-ой гражданинъ. Будетъ, коли за-
хотимъ.

3-й гражданинъ. Конечно, мы имѣемъ
на то право, да вправѣ ли мы теперь
имѣть это право? Если онъ разскажетъ намъ
свои дѣла и покажетъ свои раны, чей языкъ
повернется противъ этихъ ранъ на худое
дѣло? Неблагодарность—чудовищна, и не-
благодарный народъ—чудовище, а кто изъ
насъ захочетъ быть частью чудовища?

1-ый гражданинъ. Да и теперь ужъ
мы почти что чудовище. Помнишь, когда
мы возстали изъ-за хлѣба, онъ же насъ
прозвалъ многоголовою толпою.

3-й гражданинъ. Многіе такъ насъ
прозывали. И не за то, что у насъ головы
у иныхъ черны, у иныхъ бѣлобрысы, у
иныхъ плѣшивы, а за то, что умы наши
черезчуръ разноцвѣтны. Я самъ думаю,
что если бъ нашимъ умамъ пришлось вы-
браться изъ черепа, они разомъ разлетѣ-
лись бы по всѣмъ точкамъ компаса.

2-ой гражданинъ. Вотъ какъ! Ну, а
мой умъ куда бы полетѣлъ? въ какую сторону?

3-й гражданинъ. Да еще есть ли онъ
у тебя? Онъ забить такъ далеко, что, по-
жалуй, и не вылетитъ.

2-ой гражданинъ. Однако, куда именно?

3-й гражданинъ. На югъ, гдѣ туману
побольше. Тамъ три четверти его растаютъ
среди гнилыхъ паровъ, приносимыхъ южнымъ
вѣтромъ, а послѣдняя четверть изъ совѣст-
ливости вернется къ тебѣ, чтобы помочь
тебѣ раздобыть жену.

2-ой гражданинъ. Вѣчно отпускаетъ
шутки! Ну, продолжай.

3-й гражданинъ (*толпѣ*). Ну, что же
съ голосами? Хотите дать ему ваши? Впро-
чемъ, пусть большинство рѣшитъ, какъ
знаетъ, я все-таки скажу—люби онъ на-
родъ побольше, не было бы въ свѣтѣ та-
кого хорошаго консула.

*Входятъ Коріоланъ и Мененій
Агриппа.*

3-й гражданинъ. Вотъ онъ и самъ,
въ нарядѣ смиренія—смотрите же, какъ
онъ будетъ себя вести. Кстати, однако, не
надо намъ стоять всѣмъ вмѣстѣ, станемъ
подходить къ нему вдвоемъ, втроемъ, по-

одинокѣ. Пусть онъ просить каждого особо—тогда каждый дастъ свой голосъ своимъ языкомъ, съ должной честью. Идите же всѣ за мною—я расскажу, какъ надо проходить будетъ.

Всѣ. Хорошо, хорошо. *(Уходятъ)*.

Менений Агриппа.

Нѣтъ, ты не правъ. Достояннѣйшіе люди Всегда обычай этотъ соблюдали.

Кориоланъ.

Что жъ говорить мнѣ надо? „Мужъ почтенный,
Прошу тебя!“ Проклятье! Не умѣю
На этотъ ладъ я свой языкъ настроить.
„Взгляни, достойный мужъ, на эти раны,
Я добылъ ихъ въ бою, въ тотъ самый часъ,
Когда иные изъ твоихъ собратій
Бѣжали съ ревомъ...“

Менений Агриппа.

Боги! Нѣтъ, не надо
Имъ говорить про это. Ты проси ихъ,
Чтобъ вспомнили тебя.

Кориоланъ.

Меня? Чтобъ имъ
Здѣсь удавиться! Пусть они забудутъ
Меня совсѣмъ, какъ честность позабыли
Ту, что жрецы совѣтуютъ!

Менений Агриппа.

Я вижу,
Ты все погубишь. Ну, прощай покуда.
Еще прошу тебя—будь ласковъ съ ними.
Не забывай же! *(Уходитъ)*.

Кориоланъ.

Прежде ты скажи,
Чтобы они свои умыли рожи
Да вычистили зубы. А, идутъ!

(Входятъ два гражданина).
Вотъ цѣлыхъ двое.

(Входитъ 3-й гражданинъ).

Доблестные мужи,
Вы знаете, зачѣмъ стою я здѣсь?

3-й гражданинъ.
Мы знаемъ. Для чего жъ стоишь ты здѣсь?

Кориоланъ.
Изъ-за моихъ заслугъ.

2-ой гражданинъ.
Твоихъ заслугъ?

Кориоланъ.

Конечно, не по собственной охотѣ.

3-й гражданинъ.

Какъ не по собственной?

Кориоланъ.

Я не хотѣлъ бы
Моею просьбой бѣдняковъ смущать.

3-й гражданинъ. Не забывай, однако,
что если ты получишь что-нибудь отъ насъ,
то, конечно, получишь не даромъ.

Кориоланъ.

А коли такъ, то объяви теперь же,
Что можетъ стоить консульство?

1-ый гражданинъ.

Одной

Радужной просьбы.

Кориоланъ.

Просьбы? хорошо,
Такъ дай же мнѣ его. На мнѣ есть раны,
Я покажу тебѣ ихъ, если хочешь,
Когда-нибудь наединѣ.
(2-му гражданину). И ты,
Почтенный мужъ, дай мнѣ свой голосъ.
Что же

Ты скажешь мнѣ?

2-ой гражданинъ.

Онъ твой, достойный воинъ!

Кориоланъ.

Ну, сторговались мы. Какъ жалкій нищій,
Я выпросилъ два голоса. Спасибо
За подаваніе. Теперь прощайте.

3-й гражданинъ.

А странно что-то!

2-ой гражданинъ.

Если бъ снова... Ну!
Что сдѣлано, того не перемѣнишь.
(Уходятъ).

Входятъ еще два гражданина.

Кориоланъ. Прошу васъ—коли оно со-
гласно съ расположеніемъ вашимъ—вашихъ
голосовъ на мое консульство. Видите, я въ
установленномъ обычаемъ нарядѣ.

4-ый гражданинъ. Ты честно слу-
жилъ и не служилъ отечеству.

Кориоланъ. То есть?

5-ый гражданинъ. Ты былъ бичомъ
для враговъ и плетью для друзей родины:
никогда не любилъ ты простого народа.

*Молодой человек отвечает апострофу. Картина (John Keble, 1857—1860)
из музея Копенгагена*

КОРІОЛАНЪ. Лучше бы тебѣ цѣнить меня за то, что я не расточалъ моей любви просто всякому. Впрочемъ, достойный мужъ, теперь я намѣренъ угождать народу. Я стану ему льстить, гоняться за его пріязнью; если онъ любить мои поклонны больше, чѣмъ мою душу—что же!—я выучусь и кланяться. Я буду лицемѣрить, стану поддѣлываться подъ привычки друзей черни и служу всякому по его желанію. А потому, спрашиваю вашего согласія на мое консульство.

5-ый гражданинъ. Мы надѣемся на твою пріязнь и охотно даемъ тебѣ голоса наши.

4-ый гражданинъ. Ты получилъ много ранъ за отечество!

КОРІОЛАНЪ. Такъ зачѣмъ же ихъ и показывать, если ты про нихъ знаешь? Я слишкомъ цѣню ваши голоса, а потому не намѣренъ беспокоить васъ долѣе.

Ова гражданина. Пусть же боги пошлютъ тебѣ счастье! (*Уходятъ*).

КОРІОЛАНЪ.

О, какъ мнѣ сладки эти голоса! Нѣтъ, лучше умереть голодной смертью, чѣмъ нами жъ заслуженную награду Выпрашивать! Зачѣмъ стою я здѣсь въ одеждѣ жалкой и у Дика съ Гобомъ Я голосовъ прошу? Таковъ обычай. Но если бы обычаю во всемъ Повиновались мы, никто не смѣлъ бы Пыль старины сметать, а правдѣ вѣкъ Сидѣть бы за горами заблужденій. Зачѣмъ себя позорю я? Не лучше ль Другому предоставить честь и мѣсто? Нѣтъ, я ужъ много вытерпѣлъ, осталось Стерпѣть и остальную часть. Идутъ.

(*Входятъ еще три гражданина*).

Другіе голоса: граждане Рима, Прошу я голосовъ. Для нихъ я бился, Для вашихъ голосовъ ночей не спалъ, Для вашихъ голосовъ ношу на тѣлѣ Ранъ боевыхъ двѣ дюжины; я видѣлъ И слышалъ восемнадцать битвъ тяжелыхъ; Для вашихъ голосовъ свершилъ я много И важныхъ, и не очень важныхъ дѣлъ. Давайте жъ голоса; я въ самомъ дѣлѣ Хочу быть вашимъ консуломъ, граждане.

6-ой гражданинъ. Онъ свершилъ много подвиговъ, ни одинъ честный человѣкъ не откажетъ ему въ голосѣ.

7-ой гражданинъ. Конечно, пускай будетъ онъ консуломъ. Да благословятъ

его боги, и пусть дадутъ они ему любовь къ народу.

Всѣ. Да, да, да! Да здравствуетъ благородный консулъ. (*Уходятъ*).

КОРІОЛАНЪ. Почетные голоса!

Входитъ Мененій Агриппа съ Брутомъ и Сициніемъ.

Мененій Агриппа.

Прошелъ часъ испытанья: ужъ несутъ Тебѣ трибуны голоса плебеевъ.

Теперь, въ одеждѣ консульской, ты долженъ Въ сенатъ явиться.

КОРІОЛАНЪ.

Кончено ли дѣло?

Сициній.

Ты выполнилъ прошенія обрядъ, Народъ согласенъ—и теперь осталось Избранье утвердить.

КОРІОЛАНЪ.

Въ сенатъ?

Сициній.

Да.

КОРІОЛАНЪ.

Такъ я могу одежду эту сбросить?

Сициній.

Конечно, можешь.

КОРІОЛАНЪ.

Я переодѣнусь

И, сдѣлавшись опять самимъ собой, Явлюсь въ сенатъ.

Мененій Агриппа.

И я пойду съ тобою.

А вы?

Брутъ.

Мы скажемъ слова два народу.

Сициній.

Прощайте жъ (*Коріоланъ и Мененій Агриппа уходятъ*). Такъ—добился онъ до цѣли! Глаза его восторгомъ такъ и блещутъ!

Брутъ.

Какъ гордо онъ въ смиренія одеждѣ Сейчас стоялъ! Что, распустить народъ?

Входитъ толпа гражданъ.

Сициній (*народу*).

Ну, что, друзья? онъ выбранъ?

1-й гражданинъ.

Голоса

Ему мы дали.

Брутъ.

Молимъ боговъ,

Чтобъ оправдалъ довѣріе онъ ваше!

2-ой гражданинъ.

Такъ, такъ. А все жъ спроста мнѣ показалось,

Что онъ просилъ народныхъ голосовъ
Какъ будто на-смѣхъ.

3-й гражданинъ.

Я замѣтилъ то же:

Онъ просто издѣвался надъ народомъ.

1-ый гражданинъ.

Нѣтъ, не смѣялся онъ! ужъ онъ всегда
Такъ говоритъ.

2-ой гражданинъ.

Одинъ ты такъ болтаешь;

Мы жъ всѣ безъ исключенья догадались,
Что презираетъ насъ онъ. Показалъ ли
Онъ намъ слѣды заслугъ, на тѣлѣ раны?

Сициній.

Конечно, показалъ онъ ихъ.

Всѣ граждане.

Нѣтъ, нѣтъ,

Никто ихъ не видалъ.

3-й гражданинъ.

Сказалъ онъ намъ,

Что раны есть, что ихъ онъ намъ покажетъ
Когда-нибудь наединѣ—и, гордо
Помахивая шапкой, онъ прибавилъ!
„Мнѣ хочется быть консуломъ: обычай
Старинный требуетъ отъ васъ согласья—
А потому мнѣ нужны голоса“.Когда жъ мы согласились: „спасибо
За ваши голоса“, сказалъ онъ намъ:„Почтеннѣйшіе голоса, теперь
Покончили мы съ вами—такъ прощайте“.
Ужъ это не насмѣшка ль?

Сициній.

Какъ же вы,

Глупцы, того не поняли тотчасъ же
И, какъ толпа безмозглыхъ ребятишекъ,
Разстались съ голосами?

Брутъ.

Для чего

Не говорили съ нимъ вы такъ, какъ васъ
Тому учили? Для чего ему

Вы не сказали, что во время службы,
Безъ власти въ государственныхъ дѣлахъ,
Онъ постоянно былъ врагомъ народа;
Что противъ вашихъ правъ онъ возставалъ,
Что противъ всякой льготы для плебеевъ
Онъ рѣчь держалъ? Что ежели при власти
Онъ не смягчитъ своей вражды къ народу,
То ваши голоса на васъ самихъ
Бѣду обрушатъ. Такъ вамъ должно было
Сказать ему: что если по заслугамъ
Достоинъ онъ санъ консульскій принять,
То, все-таки, любить онъ долженъ васъ
И, въ благодарность за народный выборъ,
Свою вражду на дружество смѣнить,
Радѣть о васъ, быть другомъ вашимъ!

Сициній.

Если бъ

Вы рѣчь держали такъ, какъ васъ учили,
То онъ разгорячился бы и прямо
Себя вамъ высказалъ. Одно изъ двухъ:
Иль обѣщалъ бы онъ плебеямъ льготы
И вы могли, при случаѣ, ему
Напоминать объ этихъ обѣщаньяхъ,
Иль, что вѣрнѣе, духъ его строптивый,
Уступокъ и обѣтовъ вѣчный врагъ!
Прорвался бы съ запальчивостью рыной,
И вы тогда имѣли бъ основанье
Его не выбрать.

Брутъ.

Видѣли вы сами,

Что онъ, нуждаяся въ пріязни вашей,
Васъ презиралъ открыто: что же будетъ
Тогда, какъ онъ къ презрѣнію прибавитъ
Возможность васъ давить и сокрушать?
Что натворили вы? Иль сердца нѣту
У васъ въ груди? Иль языкъ вамъ данъ
Затѣмъ лишь, чтобъ вопить противъ раз-
судка?

Сициній.

На то ли вамъ случилось отвергать
Чужія просьбы, чтобъ теперь, безъ нужды,
Безъ просьбы, голоса давать тому,
Кто смѣло издѣвается надъ ними?

3-й гражданинъ.

Еще не утвержденъ онъ—можно будетъ
Его отвергнуть.

2-ой гражданинъ.

Мы его отвергнемъ!

Я голосовъ пять сотъ сейчасъ добуду.

1-ый гражданинъ.

Я тысячу и больше.

Брутъ.

Такъ сейчасъ же
Идите всѣ къ друзьямъ своимъ: скажите
Вы имъ, что консулъ ими избранъ славный,
Что онъ лишитъ ихъ всякихъ льготъ и ста-
нетъ
Держать ихъ, какъ собакъ, которыхъ бьютъ,
Когда онъ и лаютъ и не лаютъ!

Сициній.

Сберитесь всѣ и уничтожьте тутъ же
Свой безразсудный выборъ; не забудьте
Припомнить гордость Марція, а также
Старинную его вражду къ плебеямъ.
Скажите всѣмъ, съ какимъ презрѣньемъ онъ
Стоялъ средь васъ въ смиренія одеждъ,
Съ какой насмѣшкой голосовъ искалъ;
Признайтесь всѣмъ, что лишь одинъ почетъ
Къ его недавнимъ подвигамъ не далъ вамъ
Замѣтить сразу оскорбленій этихъ,
Ему внушенныхъ ненавистью къ намъ.

Брутъ.

Сложите всю вину на насъ, трибуновъ,
Скажите всѣмъ, что мы, наперекоръ
Народнымъ опасеньямъ, всѣхъ склоняли
На пользу Марція.

Сициній.

Что онъ и избранъ
По нашимъ настояньямъ, что, повѣривъ
Вы убѣжденьямъ нашимъ, неохотно,
Противъ желанья, подали свой голосъ
За Марція. Пусть мы всему причиной.

Брутъ.

Да, не щадите насъ. Скажите всѣмъ,
Что мы трубили про его побѣды,
Про то, какъ рано онъ пошелъ на службу,
Какъ долго онъ отечеству служилъ,
Какъ доблестенъ родъ Марціевъ, откуда
Произошли: Гостилія наследникъ,
Анкъ Марцій, римскій царь и Нумы внукъ,
Квинтъ съ Публиемъ, которые въ нашъ Римъ
Впервые провели водопроводы,
И Цензоринусъ, дорогой плебеямъ,
Такъ названный за то, что дважды былъ
Здѣсь цензоромъ.

Сициній.

Что мы одни твердили
Про родъ его высокій и про доблесть,
Прославившую Марція, что мы
Ввели васъ въ заблужденіе этой рѣчью,
Но что теперь, все обсудивши здраво,
Припомнимъ прежнее и оцѣнивъ
Его гордыню, въ немъ вы признаете
Врага закоренѣлаго—и разомъ
Свой выборъ отмѣняете.

Брутъ.

Сильнѣе

На то вы упирайтесь, что трибуны
Виною ошибки въ выборѣ, а тамъ,
Собравши голоса, скорѣй идите,
Всѣ въ Капитолій.

Всѣ.

Такъ, пойдемъ! Ужъ всѣ
Раскаялися въ выборѣ! (Уходятъ).

Брутъ.

Пускай

Идутъ себѣ. Намъ выгоднѣй теперь же
Возстанье изготovitъ, чѣмъ другого,

Остатки древнѣйшей части римскаго форума.
(Храмъ Кастора и Полукса, V в. до Р. Х.).

Страшнѣйшаго возстанья ожидать.
Намъ надо ждать; о Марціи жъ мы знаемъ,
Что ихъ отказъ разгнѣваетъ его—
И мы тогда запальчивостью этой
Воспользуемся.

Сициній.

Надо намъ итти

Теперь же въ Капитолій, чтобъ въ тотъ
часъ,

Когда туда потокъ народа хлынетъ,
Никто не могъ про насъ съ тобой подумать,
Что мы его къ волненью подстрекнули.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Римѣ.

Трубы. Входятъ Кориоланъ, Менений Агриппа, Коминій, Титъ Ларцій, сенаторы и патриціи.

Кориоланъ.
Итакъ, Авфидій все не укротился?

Титъ Ларцій.
Нѣтъ, все грозитъ онъ; потому и миромъ Мы поспѣшили.

Кориоланъ.
Стало-быть, и вольски Попрежнему минуты выжидаютъ, Чтобы на насъ нагрянуть?

Коминій.
Честный консулъ, Изнурены они, и намъ едва ли Въ нашъ вѣкъ придется снова увидеть Знамена вольсковъ.

Кориоланъ.
Гдѣ жъ теперь Авфидій? Его видалъ ты?

Титъ Ларцій.
Онъ ко мнѣ являлся И проклиналъ согражданъ, сдавшихъ городъ. Теперь онъ удалился къ анціатамъ.

Кориоланъ.
Онъ про меня не говорилъ ли?

Титъ Ларцій.
Да.

Кориоланъ.
Что жъ говорилъ онъ?

Титъ Ларцій.
То, что въ цѣломъ мірѣ Ему нѣтъ человѣка ненавистнѣй; Онъ говорилъ про то, какъ часто вы Встрѣчались съ мечомъ на полѣ брани; Что онъ отдалъ бы весь достатокъ свой За то, чтобъ одолѣть тебя.

Кориоланъ.
Теперь Онъ въ Анціумѣ?

Титъ Ларцій.
Въ Анціумѣ.

Кориоланъ.

Да,
Хотѣлъ бы я съ нимъ снова повстрѣчаться На новую борьбу! *(Титу Ларцію).* Тебя съ возвратомъ Я поздравляю.

Входятъ Сициній и Брутъ.

Кориоланъ.
Вонъ идутъ трибуны, Дрянные языки народной пасти. Они противны мнѣ: нѣтъ силъ сносить Ихъ болтовни кичливой! *(Хочетъ идти).*

Сициній.
Стой!—не смѣй Ходить на площади!

Кориоланъ.
Что?

Брутъ.
Не смѣй—опасно На площади!

Кориоланъ.
Какъ?

Менений Агриппа.
Что за перемѣна?

Коминій.
Онъ избранъ и сенатомъ, и народомъ!

Брутъ.
Нѣтъ, онъ не избранъ.

Кориоланъ.
Развѣ отъ мальчишекъ Я добылъ голоса?

Сенаторы.
Трибуны, прочь— Дорогу консулу.

Брутъ.
Народъ взволнованъ Противъ него.

Синицій.
Не двигайтесь—не то,
Не миновать возстанья.

КОРІОЛАНЪ.

Вотъ оно,
Вотъ стадо ваше! Вотъ къ чему ведутъ
Права на голосъ данныя тому,
Кто самъ готовъ отъ словъ своихъ от-
речься!

(Трибунажъ).
Чего жъ глядите вы? Уста народа
Съ его зубами справиться не въ силахъ?
Иль сами вы...

Мененій Агриппа.
Ну, полно—успокойся.

КОРІОЛАНЪ.
Здѣсь заговоръ—здѣсь явное желанье
Итти противъ патриціевъ и власти!
Что жъ? уступите! поживите вмѣстѣ
Съ народомъ, неспособнымъ управлять,
А надъ собой властей не признающимъ!

Брутъ.
Нѣтъ, то—не заговоръ. Народъ кричитъ,
Что ты надъ нимъ смѣялся, что недавно,
Во время даровой раздачи хлѣба,
Ты осуждалъ ее, что ты открыто
Защитниковъ народа поносилъ,
Звалъ ихъ врагами власти и льстецами!

КОРІОЛАНЪ.
Всѣ это прежде знали.

Брутъ.
Нѣтъ, не всѣ.
КОРІОЛАНЪ.
Такъ ты теперь и разгласилъ?

Брутъ.
Кто? я?

Коминій.
Способенъ ты на это.

Брутъ.
Такъ же мало,
Какъ и хвалить тебя.

КОРІОЛАНЪ.
А, въ самомъ дѣлѣ,
Къ чему мнѣ консульство? Клянуся Зевсомъ,
Мнѣ выгодно унизиться. (Бруту). А ты
Возьми меня въ товарищи-трибуны.

Синицій.
Вотъ и теперь ты высказалъ вполнѣ

То, чѣмъ народъ взволнованъ. Если хочешь
Достигнуть цѣли—спрашивай учтивѣй
О томъ пути, съ котораго ты сбился.
Безъ этого ни консуломъ не будешь,
Да и трибуномъ также.

Мененій Агриппа.
Тише, тише,
Прошу я васъ.

Коминій.
Обмануть нашъ народъ.
Всѣ эти споры недостойны Рима,
И нашъ Коріоланъ не заслужилъ
Такой преграды подлой и обидной
На славномъ поприщѣ.

КОРІОЛАНЪ.
Напомнить смѣютъ!
Они про хлѣбъ! Я говорилъ тогда
То, что скажу и нынче.

Мененій Агриппа.
Послѣ, послѣ.

1-ый сенаторъ.
Нѣтъ, не теперь: взволнованъ ты.

КОРІОЛАНЪ.
Такъ что же?
Теперь, клянусь въ томъ жизнью. Вы, друзья,
Меня простите въ томъ;
А что до черни, смрадной и безпутной,
Я льстить не въ силахъ ей, и пусть она
Въ моихъ рѣчахъ любитъ собою.
Я повторю при всѣхъ, что угождая
Плебейской волѣ, сѣмъ сами мы
Посѣвы буйства, дорзости и бунта;
Что сами мы для нихъ вспахали землю;
Что сами мы взростили сѣмя злое,
Позволивши съ собой смѣшаться черни,
Пустить ее въ нашъ благородный сонмъ
И власти часть отдавши этимъ нищимъ!

Мененій Агриппа.
Довольно же.

Сенаторы.
Довольно, перестань!

КОРІОЛАНЪ.
Какъ перестань? Я, не страшась враговъ,
За родину лиль кровь на полѣ брани,
Такъ побоюсь ли я слова чеканить,
Покуда цѣлы легкія мои,
На обличенье прокаженныхъ этихъ,
Къ которымъ мы идемъ на встрѣчу?

Брутъ.

Стой!

Ты смѣешь говорить противъ народа,
Какъ богъ-каратель—не какъ человѣкъ,
По слабости съ нимъ равный.

Сициній.

Должно будетъ

Плебеймъ это передать.

Менений Агриппа.

Ты станешь

Переносить слова, что онъ сказалъ
Въ минуту гнѣва?

Кориоланъ.

Гнѣва? Никогда!

Будь я покойнѣе, чѣмъ сонъ полночный,
Клянусь Зевесомъ, я сказалъ бы то же!

Сициній.

Такъ пусть рѣчь эта одному тебѣ
Отравой будетъ.

Кориоланъ.

Будетъ! Каково?

Каковъ тритонъ снѣтковъ и мелкихъ ры-
бокъ!

Какъ повелительно онъ произнесъ
Намъ слово: *будетъ!*

Коминій.

Нѣтъ въ томъ ничего

Противнаго законамъ.

Кориоланъ.

Будетъ! будетъ!

О, добрые и слабые отцы,
Сенатъ почтенный, но не дальновидный!
Затѣмъ ли вы народной гидрѣ дали
Трубу и голосъ въ этихъ болтунахъ,
Чтобы они съ своимъ строптивымъ „будетъ“
Открыто собиралися направить
Въ болото вашъ властительный потокъ!
Когда у нихъ на то хватаетъ силы,
Склоняйтесь же, безумцы, передъ ними!
А если нѣтъ—опомнитесь и бросьте
Вы гибельную слабость. Мудры вы,
Такъ не сходитесь съ глупыми, но если
Вы сами глупы, то сажайте ихъ
Съ собою рядомъ! Если вы плебеи,
Они сенаторы—слышнѣй ихъ голосъ,
Чѣмъ ваши голоса. Избрала чернь
Себѣ сановника—и онъ теперь
Кидаетъ слово дерзостное „будетъ“
Въ глаза собранью доблестныхъ мужей,
Какого и у грековъ не бывало.
Клянусь Зевесомъ! консульская власть

Унижена, и сердцу больно видѣть,
Какъ между двухъ разрозненныхъ властей
Тѣсняются смуты и одну изъ нихъ
Другую ломаютъ!

Коминій.

Полно, всѣ на площади!

Кориоланъ.

Тотъ, кто совѣтъ вамъ далъ—запасы хлѣба
Безъ платы раздавать, какъ иногда
Оно у грековъ дѣлалось...

Менений Агриппа.

Довольно!

Кориоланъ.

Хоть тамъ народъ имѣлъ и больше власти,
Совѣтомъ тѣмъ—я говорю открыто—
Вскормилъ онъ своевольство и бѣду
Для родины.

Брутъ.

Какъ? и народъ свой голосъ

Отдастъ тому, кто это говоритъ?

Кориоланъ.

Дослушай дѣло—поважнѣй оно,
Чѣмъ голосъ черни! Знаютъ всѣ плебеи,
Что не въ награду данъ имъ этотъ хлѣбъ.
Чѣмъ былъ заслуженъ даръ? Когда стояли
Враги на сердцѣ родины—народъ
За ворота отказывался вытти!
За подвиги такіе не даютъ
Безплатно хлѣба! А подъ знаменами
Чѣмъ удалство свое онъ показалъ?
Одними бунтами противъ сената.
Кто обвиненъя вздорныя придумалъ?
Вѣдь, не за нихъ же щедро раздаютъ
Награды хлѣбомъ. Я спрошу теперь,
Какъ понята угодливость сената
Желудкомъ черни? Всѣ дѣла плебеевъ
Намъ говорятъ яснѣ словъ: „насъ больше!
Мы захотѣли хлѣба—и отъ страха
Они намъ дали хлѣбъ“. И святость власти
Унижена, и снисхожденье наше
Зовется трусостью—и близко время,
Когда спадутъ замки съ воротъ сената,
А галки налетятъ клевать орлов!

Менений Агриппа.

Довольно же.

Брутъ.

Довольно, и съ излишкомъ.

Кориоланъ.

Нѣтъ, стой, бери еще! Конечъ дослушай,
А въ истинѣ его я поклянусь
И небомъ, и землею. Эта власть,

КОРІОЛАНЪ: прочь, гниль негодная!

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Распавшаяся надвое—заставитъ
Забуть про благо родины и Римъ
Сведеть къ ничтожеству. Тамъ, гдѣ одни
Правители другихъ бранять безумно,
Гдѣ имъ за дерзость платятъ справедливымъ
Презрѣніемъ, гдѣ родъ и санъ и мудрость
Безильны предъ крикливымъ большин-

ствомъ,
Тамъ нѣтъ дорогъ разумному правленью,
Тамъ нѣтъ порядка! Потому теперь
Я заклинаю всѣхъ, кто дорожитъ
Законами родной земли, кто кротокъ,
Но безъ боязни вдаль глядѣть умѣетъ,
Кто любитъ славу больше долгой жизни—
Рѣшайтесь на опасное лѣченье.
Не бойтесь потрясти больное тѣло:
И безъ того въ немъ смерть. Рѣшитесь раз-

зомъ,
Многоголосный вырвите языкъ,
Чтобъ онъ не смѣлъ питаться сладкимъ ядомъ!
Опомнитесь! вашъ собственный позоръ
Лишаетъ власть единства и свободы:
Вы на добро безильны—нѣту хода
Ему отъ зла, опутавшаго васъ.

Брутъ.

Онъ высказался весь.

Сициній.

Какъ злой измѣнникъ,
Онъ говорилъ и будетъ отвѣчать,
Какъ всѣ измѣнники.

Коріоланъ.

Скорѣй, мерзавецъ,
Отъ бѣшенства ты лопнешь. Для чего
Народу эти лысе трибуны?
Чтобъ, опершись на нихъ, пытался онъ
Тягаться съ высшей властью? Ихъ избрали
При бунтѣ, въ смутный часъ, когда была
Закономъ сила; нынче часъ другой.
Пусть право будетъ правомъ; сбросьте въ
прахъ

Вы ту власть!

Брутъ.

Открытая измѣна!

Сициній.

И это консулъ? Никогда!

Брутъ.

Эдилы!

Сюда! схватить его!

Входитъ эдилъ.

Сициній.

Созвать народъ!

(Эдилъ уходитъ. Коріолану).

Отъ имени народа, обвиняю
Тебя, какъ нарушителя законовъ,
Какъ общаго врага. Иди за мной,
Иди къ отвѣту....

Коріоланъ.

Прочь, сѣдой козель!

Сенаторы.

Мы за него въ отвѣтъ.

Коминій *(Сицинію).*

Руки прочь,

Старикъ!

(Сициній хочетъ схватить Марція).

Коріоланъ *(Сицинію).*

Прочь, гниль негодная! Не то—
Изъ этихъ тряпокъ встрясу я кости!

Сициній.

На помощь, граждане!

Входятъ эдилы и толпа гражданъ.
Мененій Агриппа *(Коріолану и Сицинію).*
Опомнитесь! Приличіе!

Сицицій.

Народъ,

Вотъ человѣкъ, который власть твою
Отнять намѣренъ.

Брутъ.

Взять его подъ стражу,

Эдилы!

Граждане.

Смерть! Убить его сейчасъ же!

Сенаторы.

Оружіе сюда!

(Толпятся вокругъ Коріолана).

Трибуны! стойте!

Эй, граждане! патрици, Сициній!

Коріоланъ! Брутъ! граждане!

Граждане.

Въ чемъ дѣло?

Остановитесь! стойте!

Мененій Агриппа.

Быть бѣдъ!

Я задыхаюсь—говорить нѣтъ силы!

Трибуны, говорите. Успокойся,

Коріоланъ! Ну, что же, говори,

Сициній добрый!

Сициній.

Граждане, сюда!

Молчать и слушать рѣчь мою.

Граждане.

Молчите!

Послушаемъ трибуна. Говори же!

Сициній.

Намъ всѣмъ грозитъ утрата нашихъ правъ!
Ихъ отнимаетъ Марцій, вашъ избранникъ
Въ санъ консула.

Мененій Агриппа.

Опомнись, это значить

Не усмирять, а бунтовать!

1-ый сенаторъ.

И городъ]

Сравнять съ землей.

Сициній.

А что такое городъ?

Народъ есть городъ.

Граждане.

Дѣльно! правда, правда!

Народъ есть городъ.

Брутъ.

Съ общаго согласья,

Мы саномъ представителей народа
Облечены.

Граждане.

И мы довольны вами.

Мененій Агриппа.

Вашъ санъ при васъ останется.

Коріоланъ.

При нихъ?

Затѣмъ, чтобъ городъ палъ, чтобъ кровли
башенъ

Свалились въ прахъ и сила государства
Подъ грудой развалинъ погреблась?

Сициній.

Рѣчь эта стоитъ казни.

Брутъ.

Время намъ

За нашу власть вступить или навѣки
Разстаться съ ней. Отъ имени народа,
Народа, насъ избравшаго, теперь же
Мы осуждаемъ Марція на смерть—
Немедленную смерть!

Сициній.

Взвести его

На верхъ скалы Тарпейской
и низвергнуть
Его оттуда.

Брутъ.
Взять его, эдилы!

Граждане.
Сдавайся, Марцій!

Мененій Агриппа.
Слушайте, трибуны!
Одно лишь слово!

Эдилы.
Тише! тише! тише!

Мененій Агриппа (*трибунамъ*).
Опомнитесь, коль вы друзья
народа!
Откиньте гнѣвъ, поразсудите прежде
О дѣлѣ всемъ...

Брутъ.
При гибельномъ недугѣ
Холодная медлительность
вреднѣе,
Чѣмъ смертный ядъ. Скорѣй схватить его
И на утесъ!

Коріоланъ (*обнажаетъ мечъ*).

Я лучше здѣсь умру!
Изъ васъ иные ужъ меня
видали
Передъ врагомъ, теперь вы
на себѣ
Извѣдайте, каковъ я.

Мененій Агриппа.
Стой! Трибуны!
Назадъ, назадъ! Вложи свой
мечъ!

Брутъ.
Скорѣе!
Схватить его!

Мененій Агриппа.
Патриции, сюда!
Спасайте Марція! Всѣ, всѣ сюда!

Граждане.
Смерть, смерть ему, измѣннику, злодѣю.
(*Происходитъ схватка. Трибуны, народъ и эдилы отбиты прочь*).

Мененій Агриппа.
Иди въ свой домъ! Скорѣй, иль всепогибнетъ.

РИМСКАЯ МАТРОНА.
(*Античная статуя*).

2-ой сенаторъ.
Иди домой!

Коріоланъ.
Сомкнемся—силы равны,
У насъ друзей довольно.

Мененій Агриппа.
Неужели
До этого дойдетъ?

1-ый сенаторъ.
Избави, Небо!
Прошу тебя, нашъ благородный другъ,
Иди къ себѣ—мы все устроимъ.

Мененій Агриппа.
Да.
Вѣдь, это язва общая—безъ насъ
Тебѣ не сладить съ ней.
Иди скорѣе
Домой.

Коріоланъ.
Зачѣмъ не варвары они,
А римляне, на срамъ родной земли
Зачатыя у входа въ Капитолій!

Мененій Агриппа.
Иди домой—не медли же.
Въ молчаньи
Смири свой правый гнѣвъ;
пора отплаты
Придетъ сама.

Коріоланъ.
Полсотни этихъ тварей
Я положилъ бы въ чистомъ полѣ.

Мененій Агриппа.
Самъ
Убрать бы могъ я лучшихъ
двухъ—пожалуй,
Хоть и трибуновъ.
Коминій.

Здѣсь нельзя бороться;
Одни безумцы селятся на плечахъ
Поддерживать валящееся зданье.
Иди къ себѣ, пока не ворвалась сюда толпа,
какъ бѣшеный потокъ,
Прорвавшій всѣ плотины.

Мененій Агриппа.
Такъ, иди.
Я жъ попытаю, что мой старый умъ

Придумать можетъ для людей безумныхъ.
Пора какой-нибудь заплатой пестрой
Бѣду поправить.

Коминій (*Коріолану*).

Я съ тобой. Пойдемъ!
(*Уходитъ съ Коріоланомъ и нѣсколькими сенаторами*).

1-ый патрицій.

Самъ погубилъ онъ счастье свое!

Мененій Агриппа.

Онъ слишкомъ чистъ и прямъ душой для
міра:

Онъ не польститъ Нептуну за трезубецъ,
Юпитеру—за право громъ метать!
Его душа на языкъ; онъ смѣло
Всѣмъ говоритъ, что въ сердцѣ родилось,
А въ гнѣвъ забываетъ онъ, что слышалъ
Когда-то слово: смерть. (*Шумъ за сценой*).
Ну, будутъ хлопоты!

2-ой патрицій.

О, лучше бъ спали

Они теперъ!

Мененій Агриппа.

Пускай хоть въ самомъ Тибрѣ!
Что стоило ему держать къ нимъ рѣчь
Поласковѣ!

*Входитъ Брутъ и Сициній съ толпой на-
рода.*

Сициній.

Гдѣ ехидна эта,
Гдѣ тотъ, кто хочетъ городъ обезлюдить
И самъ быть всѣмъ?

Мененій Агриппа.

Почтенные трибуны...

Сициній.

Онъ будетъ сброшенъ со скалы Тарпейской:
Онъ сталъ противъ закона, а законъ
Безъ розысканій предастъ его
Во власть имъ оскорбленнаго народа!

1-ый гражданинъ.

Да, пусть пойметъ онъ, что уста гражданъ
Въ трибунахъ нашихъ, мы же—руки ихъ.

Всѣ граждане. Да, пусть онъ это
знаетъ.

Мененій Агриппа. Выслушайте меня.
Сициній. Молчи!

Мененій Агриппа.

Зачѣмъ бѣснуетесь вы, если можно
Безъ шума все покончить?

Сициній.

Отчего

Ему помочь ты вырваться отъ насъ?

Мененій Агриппа.

Послушайте, я знаю хорошо
Заслуги консула и знаю также,
Въ чемъ грѣшенъ онъ.

Сициній.

Про консула какого

Ты говоришь?

Мененій Агриппа.

Про консула Коріолана.

Брутъ.

Что?

Онъ консулъ?

Граждане.

Нѣтъ, не консулъ онъ! нѣтъ! нѣтъ!

Мененій Агриппа.

Когда народъ нашъ добрый и трибуны
На то согласны, я бъ желалъ сказать
Имъ слова два. Потеря въ томъ какая?
Немного времени.

Сициній.

Такъ говори,

Да покороче: надо намъ скорѣй
Покончить съ той змѣей. Изгнать его
Опасно будетъ; здѣсь его оставивъ,
Мы сами пропадемъ—а потому
Сегодня же онъ умретъ.

Мененій Агриппа.

Благіе боги

Допустятъ ли, чтобъ нашъ великій Римъ,
Котораго признательность и память
О доблести своихъ великихъ гражданъ
Занесены въ Юпитереву книгу,
Какъ звѣрь безчувственный, свое дитя
Пожралъ бы самъ!

Сициній.

А развѣ язву злую

Не вырѣзаемъ мы?

Мененій Агриппа.

Нѣтъ, онъ не язва—

Онъ членъ больной, способный къ исцѣленью.
Ты отсѣки тотъ членъ—и все пропало!
Чѣмъ провинился онъ передъ отчизной,
Чѣмъ заслужилъ онъ смерть? Тѣмъ, что ра-
зилъ

Онъ родины враговъ? Тѣмъ, что за Римъ
Онъ пролилъ больше крови, чѣмъ теперь
Въ его осталось жилахъ? Если вы

Прольете тотъ остатокъ—срамъ великій
И вѣчный насъ покроетъ.

Сициній.

Пустяки!

Брутъ.

И вздоръ одинъ. Когда онъ Римъ любилъ,
Его мы чтили.

Мененій Агриппа.

Забывать должно ли

О томъ, что омертвѣвшая нога
Служила прежде намъ.

Брутъ.

Чего тутъ слушать!

Идите въ домъ къ нему, скорѣй возьмите
Его оттуда, чтобъ зараза эта
Не разошлась и на другихъ.

Мененій Агриппа.

Одно,

Одно лишь слово. Съ быстротою тигра
Слѣшить вашъ гнѣвъ—смотрите жъ, чтобъ
потомъ

И слишкомъ поздно не пришлось вамъ
Оплакивать ту скорость! По закону
Начните судъ. Вѣдь, онъ друзей имѣетъ,
Пойдетъ борьба—и нашъ великій Римъ
Погибнетъ черезъ римлянъ.

Брутъ.

Если такъ...

Сициній.

Что ты болтаешь—или не видали
Мы, какъ онъ повинуется закону?
Кто руку поднималъ на эдиловъ? Кто
Трибунамъ воспротивился?

(Народу). Идемъ! же!

Мененій Агриппа.

Подумайте—онъ вскормленъ былъ войной
Съ тѣхъ поръ, какъ мечъ поднять въ немъ
стало силы,

Гдѣ могъ рѣчамъ онъ краснымъ научиться?
Вотъ почему теперь онъ безъ разбора
Мякину и муку заразы намъ сыплеть.
Позвольте мнѣ сходить къ нему; быть мо-
жетъ,

Къ законному суду онъ самъ придетъ
Съ покорностью.

1-ый сенаторъ.

Почтенные трибуны,

Такъ лучше будетъ; иначе безъ крови
Не обойдется дѣло и—какъ знать,
Чѣмъ кончится оно.

Сициній.

Ну, хорошо,

Мененій добрый: мы съ тобой согласны.
Такъ поступай отъ имени народа,
Какъ знаешь. (Народу). Эй, оружіе сложить!

Брутъ (народу).

Не расходиться!

Сициній.

Мы на площади

Сойдемся всѣ. Туда ты приведешь
Къ намъ Марція, не то—мы все покончимъ,
Какъ думали сейчасъ.

Мененій Агриппа.

Прійдемъ мы оба.

(Сенаторамъ).

Пойдемте всѣ къ нему. Итти онъ долженъ,
Иль все пропало.

Сенаторы.

Такъ идемъ къ нему.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Коріолана.

Входятъ Коріоланъ и патриціи.

Коріоланъ.

Пускай грозятся растоптать меня
Копытами коней, пусть общають
Мнѣ смерть на колесѣ, пусть взгромоздятъ
Утесовъ десять на утесъ Тарпейскій,
Пусть до небесъ они его поднимутъ—
Я тотъ же съ ними буду.

Входитъ Волумнія.

1-ый патрицій.

Благородно

Ты говоришь.

Коріоланъ.

Дивлюсь я одному:

Какъ мать моя, ихъ знавшая всегда
Презрѣнными рабами, торгашами,
Безмолвными зѣваками въ собраньяхъ,
Гдѣ о войнѣ и мирѣ говорятъ
Достойнѣйшіе люди—какъ она
Теперь мои поступки осуждаетъ!

(Увидавъ Волумнію.)

Рѣчь про тебя идетъ. Затѣмъ ты хочешь,
Чтобъ уступилъ я имъ? Неужто я
Тебѣ въ угодность долженъ измѣнить
Своей природѣ? Лучше я останусь
Тѣмъ, чѣмъ я созданъ—такъ ли?

Волумнія.

Сынъ мой, сынъ мой!
Ты прежде облеклись во власть, а тамъ
Изнашивай ее!

Коріоланъ.
Пускай она

Износится!

Волумнія.

И безъ тревогъ всѣхъ этихъ
Ты могъ всегда остаться тѣмъ, чѣмъ созданъ.
Зачѣмъ, не выждавши своей минуты,
Ты высказался весь передъ врагомъ?

Коріоланъ.
Пускай ихъ перевѣшаютъ!

Волумнія.

И даже
Сожгутъ потомъ.

Входитъ Мененій Агриппа.

Мененій Агриппа (*Коріолану*).

Ну, ну, признайся намъ,
Что ты былъ жестокъ, даже грубъ отчасти.
Пойдемъ на площадь и поправимъ дѣло.

1-й сенаторъ.

Иначе нѣтъ спасенья—смуты вспыхнутъ
Въ родной землѣ и пропадетъ нашъ городъ!

Волумнія.

Прошу тебя, послушай ихъ совѣта:
Я по душѣ строптивѣе, чѣмъ ты;
Но знаю я, что должно вспышки гнѣва
Велѣніямъ разсудка подчинять.

Мененій Агриппа.

Волумнія, ты правду намъ сказала:
Когда бъ не польза общая, когда бъ
Не тягостный недугъ временъ тяжелыхъ—
Не сталъ бы я къ уступкамъ подлой черни
Его склонять, а лучше бъ, черезъ силу,
Тяжелые доспѣхи самъ надѣлъ.

Коріоланъ.

Что долженъ сдѣлать я?

Мененій Агриппа.

Со мной вернуться
Къ трибунамъ.

Коріоланъ.

Хорошо; а послѣ, послѣ?

Мененій Агриппа.

Въ своихъ рѣчахъ предъ ними повиниться.

Коріоланъ.

Я этого передъ лицомъ боговъ
Свершить не въ силахъ: какъ же передъ
ними

Я повинюсь?

Волумнія.

Въ упорствѣ безполезномъ
Нѣтъ благородства. Гордость тамъ вредна,
Гдѣ крайность говорить. Не отъ тебя ль
Слышала я, что мужество и хитрость—
Подруги неразлучныя—вдвоемъ
Взросли на полѣ брани? Если такъ,
То для чего ты рознишь ихъ при мирѣ?

Коріоланъ.

Молчи, молчи!

Мененій Агриппа.
Разуменъ твой вопросъ.

Волумнія.

Коль на войнѣ скрывать не стыдно намъ
Намѣренья свои отъ супостата,
Коль на войнѣ обманывать врага
Полезно и спасительно, зачѣмъ же
И безъ войны, въ опасный часъ и трудный,
Передъ врагомъ хитрить не можешь ты?

Коріоланъ.

Къ чему вся рѣчь твоя?

Волумнія.

Къ тому, чтобъ ты
Теперь рѣшился говорить съ народомъ
Не такъ, какъ самъ бы ты хотѣлъ того,
Не такъ, какъ сердце гнѣвное стремится,
Но чуждыми душъ твоей словами
И незаконнымъ ложнымъ языкомъ.
Повѣрь мнѣ—не унизишь ты себя
Такою рѣчью. Вражескую крѣпость
Взять выгоднѣе крѣпкимъ увѣщаньемъ,
Чѣмъ неудачу тяжкій бой поднять.
Наперекоръ природѣ, я сама
Безъ ропота готова притворяться,
Коль надобно друзей своихъ спасать
И будущность свою. Тебя мы всѣ—
Твоя жена, твой сынъ, отцы сената—
О томъ же просимъ; но тебѣ милѣй
Упрямо хмуриться передъ толпою,
Чѣмъ, приласкавъ ее, добыть себѣ
Привязанность народа, безъ которой
Мы всѣ погибли.

Мененій Агриппа.

Дивная жена! (*Коріолану*).
Идемъ же вмѣстѣ. Ласкою спасешься
Ты отъ опасности и возвратишь,
Что кажется потеряннымъ.

Волумнія.

Мой сынъ,
Иди, прошу тебя. Передъ народомъ
Смиренно, съ непокрытой головою,
Съ ужимками униженными стань.
Коль нужно то—склони свои колѣни:
Движенія краснорѣчивѣй слова;
Глаза невѣждъ смышленѣй, чѣмъ ихъ уши.
Смири свой гордый духъ, твори поклоны—
И сердце пусть смягчится у тебя,
Какъ спѣлый плодъ. Иди, скажи плебеямъ,
Что ты ихъ воинъ, что въ бояхъ ты взросъ
И кротостью не могъ обогатиться;
Что этимъ недостаткомъ ты теперь
Народу неугоденъ показался.
Но что, любя народъ, намѣренъ ты
Переимѣнить себя и стать такимъ,
Какъ граждане желаютъ справедливо.

Мененій Агриппа.

И если ты все исполнишь—народъ
Тебѣ отдастъ сердца свои. Вѣдь, чернь
И на прощенье такъ же таровата,
Какъ на слова пустяга.

Волумнія.

Умоляю,
Послушайся! Сама я знаю: слаще
Тебѣ сойтись на бой съ врагомъ своимъ
Въ пучинѣ огненной, чѣмъ лстать ему
Между цвѣтовъ. Идетъ сюда Коминій.

Входитъ Коминій.

Коминій (*Коріолану*).

Я былъ на площади: или готовься
Ты силой силу встрѣтить, иль смиришь,
Или бѣги изъ Рима. Все возстало!

Мененій Агриппа.

Одна бы рѣчь покорная.

Коминій.

Конечно,
Она поможетъ, если онъ согласенъ
Сказать ее.

Волумнія.

Онъ долженъ—стало быть,
Ее онъ скажетъ.

(*Сыну*). Ну, скажи жъ „согласенъ“
И выходи.

Коріоланъ.

Ужели долженъ я
Предъ ними стать съ открытой головою
И рабскимъ языкомъ, и ложью подлой
Позорить сердце доблестное? Ну,
Я уступаю вамъ, но знайте всѣ—
Когда бы чернь грозила только мнѣ,

Я бы скорѣе позволилъ истереть
Себя во прахъ и разбросать по вѣтру.
Идемъ на площади! Дали вы задачу,
Съ которой мнѣ не сладить.

Коминій.

Мы готовы

Помочь тебѣ.

Волумнія.

Мой милый сынъ, когда-то
Ты говорилъ, что похвалы мои
Въ тебя вдохнули воинскую доблесть.
Коль хочешь новыхъ, сдѣлай то, чего
Еще не дѣлалъ ты.

Коріоланъ.

Такъ, рѣшено!

Прочь, гордость честная: пусть поселится
Во мнѣ душа развратницы! Пусть голосъ,
Когда-то покрывавшій звуки трубъ,
Поспорить съ рѣчью евнуха пискливой
Иль съ колыбельной пѣсенкой дѣвчонки!
Зову себѣ холопскую улыбку
Я на уста, и пусть изъ глазъ моихъ
Польются слезы школьниковъ! Добуду
Себѣ языкъ у нищаго: какъ нищій,
Я стану гнуть колѣна,
Которыя лишь гнулись въ стремяхъ.
Все сдѣлаю. Нѣтъ, не могу, не въ силахъ
Я предъ собою лгать. Подобнымъ дѣломъ
Себя приучишь къ подлости навѣкъ!

Волумнія.

Какъ хочешь, сынъ. Моленьями моими
Я болѣе унизилась сама,
Чѣмъ могъ ты унижаться передъ чернью.
Пусть гибнетъ все—и матери твоей
Отъ гордости сыновней гибнуть легче,
Чѣмъ ждать въ тоскѣ, чѣмъ кончится твое
Безумное упрямство. Какъ и ты,
Я не боюсь смерти. Поступай,
Какъ знаешь самъ. Безстрашіе свое
Ты отъ меня всосалъ, но гордость эту
Ты добылъ самъ себѣ.

Коріоланъ.

Идемъ на площадь!

Мать, не кори меня: я повинуюсь—
Я вымолю привязанность отъ нихъ,
Я буду лстать и ворочусь домой
Любимцемъ римской черни. Погляди,
Я ужъ иду. Женѣ моей привѣтъ
Ты передай. Я консуломъ вернусь,
А если нѣтъ, то пусть не довѣряютъ
Впередъ моимъ способностямъ на лесть.

Волумнія.

Какъ хочешь, такъ и поступай. (*Уходитъ*).

Коминий.

Идемъ же:
Трибуны ждутъ. Вооружись въ отвѣтахъ
Великой кротостью: враги, какъ слышно,
Собрали обвиненія, важнѣй
Всѣхъ прежнихъ обвиненій.

Коріоланъ.

Хорошо,
Пусть взводятъ на меня, что имъ угодно—
Я честно имъ отвѣчу.

Мененій Агриппа.

Да—и кротко.

Коріоланъ.

Да, кротко. Да, я имъ отвѣчу кротко.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Форумъ.

Входятъ Сициній Велутъ и Юній Брутъ.

Брутъ.

Всего сильнѣе нападай на то,
Что онъ хотѣлъ похитить власть, а если
Онъ въ этомъ оправдывается, припомни
Его вражду всегдашнюю къ плебеямъ,
Да намекни, что бранная добыча,
Отъ анціатовъ взятая, досель
Еще не роздана.

Входитъ эдиль.

Брутъ.

Ну, что—идетъ онъ?

Эдиль.

Идетъ.

Брутъ.

Кто съ нимъ.

Эдиль.

Мененій старый

И нѣсколько сенаторовъ, всегдашнихъ
Его друзей.

Сициній.

Ты взялъ съ собою списокъ
Народнымъ голосамъ?

Эдиль.

Онъ у меня.

Сициній.

Ихъ помѣстилъ по трибамъ?

Эдиль.

Помѣстилъ.

Сициній.

Сбери жъ народъ скорѣй. Внуши ему,
Что чуть скажу я: „въ силу нашей власти
И правъ народныхъ будетъ то и то“,
Что бъ ни сказалъ я: пеню, смерть, изгнанье,
Народу надо тотчасъ крикъ поднять:
Коль я скажу про смерть, то—„смерть ему!“
Коль пеню—„пеню! пеню“, опираясь
На дѣло правое и власть плебеевъ.

Эдиль.

Все будетъ сдѣлано.

Брутъ.

И крикъ поднявши,
Пускай орутъ безъ умолку, пока
Тѣмъ шумомъ не заставимъ мы исполнить
Свой приговоръ.

Эдиль.

Исполню.

Сициній.

Да еще

Скажи имъ, что теперь зѣвать не надо,
Пускай глядятъ на насъ и знака ждутъ.

Брутъ.

Ступай. (Эдиль уходитъ).

А ты старайся съ первыхъ словъ
Его взбѣсить. Къ побѣдамъ онъ привыкъ
И къ первенству при спорахъ. Стоитъ только
Его поджечь—и тутъ же осторожность
Забудетъ онъ и выскажетъ намъ все,
Что на душѣ, а тамъ грѣховъ довольно
На то, чтобъ шею онъ себя сломалъ.

Входятъ Коріоланъ, Мененій, Коминий,
сенаторы и патриціи.

Сициній.

А, вотъ и онъ.

Мененій.

Веди жъ себя спокойнѣй.

Коріоланъ.

Да, какъ холопъ, котораго за грошъ
Бездѣльникомъ ругаетъ всякій въ волю.
Пусть боги славные хранятъ нашъ Римъ!
Пускай въ судахъ сидятъ благіе мужи,
Чтобъ мы въ согласьи жили, чтобъ у насъ
По улицамъ не кровь текла, а въ храмахъ
Толпы народа миръ торжествовали!

1-ый сенаторъ.

Пусть будетъ такъ.

Мененій.

Почтенная молитва!

Входятъ эдилы и граждане.

Сициній.
Приблизьтесь, граждане.

Эдилы.
Эй! тише, слушать
Своихъ трибуновъ.

Кориоланъ.
Прежде мнѣ позвольте
Держать къ вамъ рѣчь.

Ова трибуна.
Ты можешь говорить.
(Къ народу). Молчать и слушать!

Кориоланъ.
Здѣсь ли долженъ я
Рѣшеній ждать, и здѣсь ли я узнаю,
Въ чемъ обвиненъ?

Сициній.
Дай мнѣ отвѣтъ теперь же:
Покорствуешь ли ты народной волѣ,
Сановниковъ народа признаешь ли,
А—главное—готовъ ли подчиниться
Ты приговору нашему, когда
Законъ того потребуетъ?

Кориоланъ.
Готовъ я.

Мененій.
Вотъ, граждане—вы слышите—готовъ онъ!
Припомните жъ теперь его заслуги;
Подумайте, что у него на тѣлѣ
Ранъ боевыхъ не меньше, чѣмъ могилъ
На кладбищѣ святомъ.

Кориоланъ.
Рубцы пустые,
Ничтожныя царипины!

Мененій.
Про то
Подумайте, что если не всегда онъ
Такъ говорить, какъ должно гражданину,
За то бойца вы въ немъ всегда найдете.
Вы злобой не считайте жесткой рѣчи:
Онъ къ ней привыкъ, какъ воинъ, не какъ
врагъ
Народныхъ правъ.

Коминій.
Довольно же объ этомъ.

Кориоланъ (народу).
Скажите жъ мнѣ, чѣмъ могъ я заслужить,
Что вы, избравъ меня единодушно

Въ санъ консула, безчестите теперь
Немедленной отмѣною избранья?

Сициній.
Ты долженъ прежде намъ отвѣтити!

Кориоланъ.
Я слушаю—и отвѣчать готовъ. Правда.

Сициній.
Итакъ—тебя мы обвиняемъ въ томъ,
Что умышлялъ ты уничтожить разомъ
Всѣ мудрыя постановленья Рима
И власть себѣ верховную присвоить.
За это ты провозглашенъ отъ насъ
Измѣнникомъ отечеству.

Кориоланъ.
Какъ—я?
Я, я—измѣнникъ?

Мененій.
Вспомни обѣщанье—
Умѣренности!

Кориоланъ.
Пусть васъ и вашъ народъ
Спалятъ огни изъ преисподней ада!
Меня назвать измѣнникомъ! Мерзавецъ,
Трибунъ-ругатель, если бъ у тебя
Въ глазахъ сдѣлали тысячи смертей,
Въ твоихъ рукахъ еще по миллиону
И столько жъ на поганомъ языкѣ—
Я и тогда сказалъ бы, что ты лжешь,
Сказалъ бы такъ спокойно и свободно,
Какъ я богамъ молюсь!

Сициній.
Народъ, ты слышишь?
Гражданинъ.
Такъ на скалу его—скорѣй!

Сициній (народу).
Вниманье!
Къ чему искать намъ обвиненій новыхъ?
Вы видѣли, какъ онъ ведетъ себя,
И слышали, какъ говорить онъ съ вами:
Онъ васъ ругалъ, онъ билъ эдиловъ вашихъ,
Ударами онъ отвѣчалъ закону,
И вызовы кидаетъ онъ теперь
Своимъ судьямъ. За преступленья эти
Онъ стоитъ злѣйшей казни.

Брутъ.
Но, припомнивъ
Его заслуги Риму...

КОРИОЛАНЪ.

Смѣешь ты,
Болтунъ, припоминать мои заслуги!

БРУТЬ.

Я говорю про то, что знаю.

КОРИОЛАНЪ.

Ты
Ихъ знаешь!

МЕНЕНІЙ (*Кориолану*).

Матери своей
Что общалъ ты?

КОМИНИЙ.

Выслушай, прошу я!

КОРИОЛАНЪ.

Нѣтъ, не хочу—довольно слушалъ я!
Пускай меня столкнутъ съ тарпейской кручи,
Пускай сдираютъ кожу, пусть скитаться
Пошлютъ меня въ изгнанье, посадятъ
Въ темницу и дадутъ на пропитанье
Одно зерно на сутки—не скажу
Имъ одного привѣтливаго слова.
Я не склонюсь предъ ними, не куплю
Пощады я у нихъ, хоть для того
Мнѣ стоило бъ сказать мерзавцамъ этимъ:
„День добрый“.

СИЦИНИЙ.

За то, что онъ, по мѣрѣ средствъ и силъ,
Открыто шелъ всегда противъ народа,
За то, что онъ вредилъ правамъ плебеевъ.
И, наконецъ, за то, что въ грозный часъ
Суда надъ нимъ осмѣлился нанести
Удары исполнителямъ закона—
Мы, именемъ народа, въ силу данной
Трибунамъ власти, здѣсь, безъ промедленья,
Ему велимъ оставить городъ нашъ
И не входить вѣкъ въ ворота Рима,
Подъ страхомъ низверженія съ утеса
Тарпейскаго. Отъ имени народа
Да будетъ такъ!

ГРАЖДАНЕ.

Да, да! да будетъ такъ!
Долой его—изгнать его!

КОМИНИЙ.

Друзья,
Послушайте!

СИЦИНИЙ.

Ужъ сказанъ приговоръ—
И слушать нечего!

КОМИНИЙ.

Прошу я слова:
Я самъ былъ консуломъ, и я на тѣлѣ

Ношу слѣды отъ вражескихъ ударовъ.
Я родину люблю не меньше васъ,
А чту ее и больше, и святѣе,
Чѣмъ собственную жизнь, чѣмъ честь жены,
Чѣмъ нашей крови плодъ—моихъ младен-
цевъ,
И потому я вправѣ здѣсь сказать...

СИЦИНИЙ.

Мы знаемъ, что ты скажешь. Говори же.

БРУТЬ.

Зачѣмъ намъ эти рѣчи? Изгнанъ онъ,
Какъ врагъ народа и родного края.
Да будетъ такъ!

НАРОДЪ.

Да, да, пусть будетъ такъ!

КОРИОЛАНЪ.

Вы—стая подлыхъ сукъ! Дыханье ваше
Противнѣй мнѣ, чѣмъ вонь гнилыхъ болотъ!
Любовью вашей дорожу я столько жъ,
Какъ смрадными, раскиданными въ полѣ
Остатками враговъ непогребенныхъ!
Я изгоняю васъ: живите здѣсь
Съ безуміемъ и малодушьемъ вашимъ!
Пусть тѣнь бѣды васъ въ дрожь и страхъ
кидастъ,
Пускай враги, встряхнувши гривой шлемовъ,
Шлютъ бурей вамъ отчаянье въ сердца!
Храните дольше вашу власть и право—
Въ изгнанье слать защитниковъ своихъ,
Покуда, наконецъ, глупцы, придется
Вамъ на себѣ извѣдать слишкомъ поздно,
Что врагъ вашъ—сами вы. И пусть тогда
Чужой народъ придетъ на васъ, безумцевъ,
И въ рабство васъ, рабовъ, возьметъ безъ
боя!

Я презираю васъ и городъ вашъ!
Я прочь иду—есть мѣръ и кромѣ Рима!
(*Кориоланъ, Менений, Коминій и патриціи
уходятъ*).

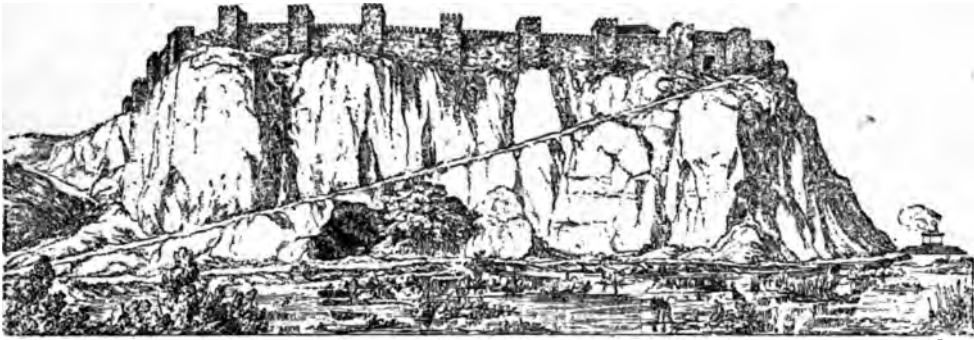
Эдилы. Ушелъ, ушелъ врагъ народа!
НАРОДЪ. Нашъ врагъ изгнанъ! Ушелъ,
ушелъ! у! у! у!
(*Кричатъ и кидаютъ шапки вверхъ*).

СИЦИНИЙ.

Скорѣй за нимъ идите до воротъ,
Ругайтесь надъ нимъ, какъ онъ ругался
Надъ нами всѣми. Эти оскорбленья
Самъ заслужилъ онъ. Стража, черезъ городъ
Иди за нами.

НАРОДЪ.

Ну, пойдемъ, пойдемъ:
Проводимъ до воротъ его! Скорѣе!
Да здравствуютъ трибуны! Ну—идемъ же!
(*Уходятъ*).

ПАЛАТИНСКИЙ ХОЛМЪ. (Древнѣйшая часть Рима).
Реконструкція Канины.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Передъ городскими воротами.

Входятъ Кориоланъ, Волумнія, Вирги-
лія, Мененій, Коминій *и множество*
молодыхъ патриціевъ.

Кориоланъ.

Ну, полно плакать. Сократимъ прощанье.
Я вытолкнутъ изъ города скотомъ
Многоголовымъ. Мать, не надо плакать:
Гдѣ мужество твое? Не отъ тебя ли
Слыхали мы, что духъ нашъ крѣпнеть въ
горѣ,

Что мелкимъ людямъ мелкая бѣда
Подъ силу лишь, что на морѣ спокойномъ
Всѣ корабли равно умѣютъ плавать,
Но что душѣ геройской лишь дается
Судьбы удары съ мужествомъ сносить.
Твои я помню рѣчи: вѣрю я,
Что сердце, ими вскормленное, можетъ
Несокрушимымъ быть.

Виргилія.

О, Небо! Небо!

Кориоланъ.

Жена, прощу тебя!...

Волумнія.

Пусть отъ чумы
Ремесленники Рима передохнуть!

Кориоланъ.

Къ чему? къ чему? Разставшись со мной,
Они меня оцѣнятъ. Мать, не плачь,
Припомни, какъ ты говорила прежде,
Что если бы супругой Геркулеса

Звалася ты, то шесть его трудовъ
Окончила бѣ, герою помогая.
Коминій, не тужи! прощай! Прощайте,
Жена и мать! Я стану жить не худо.
Не плачь, Мененій, вѣрный мой старикъ:
Твоимъ глазамъ солѣная вода
Вредна, какъ ядъ.

(Коминію). Мой бывшій полководецъ,
Всегда умѣлъ глядѣть ты твердымъ взгля-
домъ

На душу леденящія картины,—
Такъ объясни жъ ты этимъ бѣднымъ жонамъ,
Что стоны, при бѣдѣ неотразимой,
Безплодны, какъ и смѣхъ. Послушай, мать!
Ты утѣшалась доблестью моею:
Вѣрь мнѣ, что и теперь твой сынъ въ из-
гнаньи,

Одинъ, подобно лютому дракону,
Что сѣетъ страхъ кругомъ своей пещеры,
Иль удивитъ весь міръ, или погибнетъ,
Не безъ борьбы, отъ хитрости одной.

Волумнія.

Куда жъ пойдешь ты, мой безцѣнный сынъ?
Ты добраго Коминія съ собой
Возьми на-время: вы вдвоемъ скорѣй
Придумаете что-нибудь, а въ гнѣвъ
Случайностямъ себя ты не ввѣрай.

Кориоланъ.

О, боги!

Коминій.

Я иду съ тобой—и мѣсяцъ
Мы вмѣстѣ проведемъ, а тамъ увидимъ,
Гдѣ жить тебѣ и какъ съ тобой вѣстями
Пересылаться, чтобъ, когда отмѣна
Изгнанью будетъ, не пришлось намъ,

Теряя случай и удобный мигъ,
Искать тебя по всей землѣ широкой.

КОРІОЛАНЪ.

Прощай, мой вожды! Годовъ и бранныхъ бурь
Усталость тяготѣетъ надъ тобою;
Нетронутъ ими я—и вмѣстѣ намъ
Не странствовать. Съ тобой за воротами
Прощуся я. Ты, нѣжная супруга,
Мать милая, и вы, друзья мои,
Идемте же. За воротами вы
Скажите мнѣ „прощай“—и улыбнитесь.
Идемте же, прошу васъ. Отъ меня,
Пока еще хожу я по землѣ,
Вамъ вѣсти будутъ. Вѣрьте, прежній Марцій
Останется такимъ же, какъ и встарь.

МЕНЕНІЙ.

Для всѣхъ ушей такая рѣчь отраднa:
Не надо плакать. Если бы лѣтъ семь
Съ моихъ костей я могъ страхнуть—теперь же,
Клянусь богами, всюду за тобою
Побрелъ бы я!

КОРІОЛАНЪ.

Дай руку. Ну, пойдемте.

СЦЕНА II.

Тамъ же. Улица, неподалеку отъ воротъ.

Входятъ Сициній, Брутъ и эдилъ.

Сициній (*эдилу*).

Гони ихъ по домамъ. Онъ удалился,
И намъ пора притихнуть. Ужъ косятся
На насъ патриціи, его друзья.

БРУТЪ.

Мы показали нашу власть—и надо
Теперь себя вести поосторожнѣй.

СИЦИНІЙ.

Пускай расходятся. Скажи имъ всѣмъ:
„Вашъ врагъ ушелъ, и восстановлено
Старинное могущество плебеевъ“.

БРУТЪ.

Ступай же, распусти ихъ. (*Эдилъ уходитъ*).

Входятъ Волумнія, Виргилия и
Мененій.

БРУТЪ.

Погляди,
Проходитъ мать его.

СИЦИНІЙ.

Свернемъ съ дороги.

БРУТЪ.

Зачѣмъ же?

СИЦИНІЙ.

Говорятъ, она совсѣмъ
Сошла съ ума.

БРУТЪ.

Теперь нельзя уйти—
Она насъ видитъ.

ВОЛУМНІЯ.

Здравствуйте: я рада,
Что вижу васъ. Пусть божескія кары
На васъ нагрянутъ!

МЕНЕНІЙ.

Тише—успокойся.

ВОЛУМНІЯ.

Когда бъ не слезы эти, я могла бъ
Сказать вамъ кое-что—и я скажу.
(*Бруту*). Не уходи!

Виргилия (*Сицинію*).

И ты останься здѣсь!
О если бъ такъ я Марція могла
Остановить!

СИЦИНІЙ (*Волумнію*).

Иди своей дорогой,
Безумная!

ВОЛУМНІЯ.

Ну что жъ, что я безумна?
Ты такъ уменъ! Ты показалъ свой разумъ,
Изгнавъ вожда, который супостатамъ
Нанесъ ударовъ болѣе, чѣмъ словъ
Ты выболталъ съ тѣхъ поръ, какъ въ свѣтъ
родился.

СИЦИНІЙ.

О, боги!

ВОЛУМНІЯ.

И ударовъ славныхъ больше,
Чѣмъ умныхъ словъ сказалъ ты. И для Рима
Онъ бился такъ! Ступай же! Нѣтъ, стой—
Еще скажу я что-то. Я бъ хотѣла,
Чтобъ сынъ мой былъ въ Аравіи теперь
И родъ твой весь предъ нимъ-бы находился
А онъ съ мечомъ въ рукъ предъ нимъ
стоялъ-бы.

СИЦИНІЙ.

Что жъ дальше?

Виргилия.

То, что онъ бы разомъ кончилъ
Съ тобою.

ВОЛУМНІЯ ПРОКЛИНАЕТЪ БРУТА И СИЦИНІЯ.

Картина англ. художника сэра Джемса Линтона (sir John Drogmole Linton, год. 1840).

Волумнія.

И съ родней твоей презрѣнной.
О, сколько ранъ онъ получилъ за Римъ!

Мененій Агриппа.

Ну, полно же.

Сичиній.

И самъ желалъ бы я,
Чтобъ Риму онъ остался такъ же вѣренъ,
Какъ прежде былъ, и нить заслугъ своихъ
Не разрывалъ.

Брутъ.

И я бѣ желалъ того же.

Волумнія.

„И я бѣ желалъ!“ А кто же на него
Поднялъ народъ? Не вы ли, кошки злыя,
Животныя, способныя судить
Его заслуги столько жъ, сколько я
Судить могу о скрытыхъ тайнахъ неба.

Брутъ.

Пойдемъ, Сичиній.

Волумнія.

Доблестные мужи,
Сама я васъ прошу—идите прочь!
Вы славно поступили. На прощанье
Скажу одно: на сколько Капитолій
Перевышаетъ римскія лачуги,
На столько сынъ мой и супругъ вотъ этой,
Вотъ этой женщины, что передъ вами—
На столько онъ, изгнанникъ, выше васъ.

Брутъ.

Ну, хорошо, прощай.

Сичиній.

Не стоитъ слушать
Нападки отъ безумной. *(Трибуны уходятъ).*

Волумнія.

Такъ возьми жъ
Съ собой мои молитвы! Я бѣ желала,

Входитъ Коріоланъ.

Коріоланъ.

Хорошій домъ, и всюду пахнетъ пиромъ,
Лишь я пришелъ не гостемъ.

Входитъ снова первый слуга.

1-ый слуга. Что тебѣ нужно, пріятель?
Откуда ты? Здѣсь тебѣ не мѣсто. Ступай-ка
за двери.

Коріоланъ (*про себя*).

Коріолану лучшаго пріема
И ожидать не слѣдуетъ.

Входитъ снова второй слуга.

2-ой слуга (*Коріолану*).

Эй, ты!

Откуда тебя принесло? Видно, у сторожа
глазъ во лбу нѣтъ—впускать сюда такую
сволочь! Убирайся, пожалуйста.

Коріоланъ. Оставь меня.

2-ой слуга. „Оставь меня!“ Ты оставь
насъ!

Коріоланъ. Прочь, ты надоѣлъ мнѣ!

2-ой слуга. Вотъ какой храбрецъ на-
шелся! Но мы съ тобой долго болтать не
станемъ.

Входитъ третій слуга.

3-ий слуга. Это что за человѣкъ?

1-ый слуга. Чудакъ, какого я не ви-
дывалъ. Не могу выпроводить его отсюда.
Пожалуйста, попроси сюда господина.

3-ий слуга (*Коріолану*). Зачѣмъ ты сюда
пришелъ, негодяй! Убирайся, сдѣлай одол-
женіе.

Коріоланъ. Оставь меня здѣсь—развѣ
я кого трогаю?

3-ий слуга. Да кто ты такой?

Коріоланъ. Дворянинъ.

3-ий слуга. Должно быть, дворянинъ ты
бѣдный.

Коріоланъ. Бѣдный, твоя правда.

3-ий слуга. Пожалуйста, бѣдный дво-
рянинъ, поищи себѣ другого мѣста: здѣсь
не до тебя. Ну, иди же, убирайся прочь!

Коріоланъ. Знай свое дѣло. Пошелъ къ
своимъ объѣдкамъ. (*Отталкиваетъ слугу*).

3-ий слуга. Такъ ты не хочешь уйти?
(*2-му слугу*). Поди-ка, скажи господину, что
за гость къ нему забрался.

2-ой слуга. Иду. (*Уходитъ*).

3-ий слуга (*Коріолану*). Гдѣ ты живешь?

Коріоланъ. Подъ небесами.

3-ий слуга. Подъ небесами?

Коріоланъ. Да.

3-ий слуга. Гдѣ же это подъ небесами?

Коріоланъ. Съ коршунами и воронами?

3-ий слуга. Съ коршунами и воронами.
Что за осель! А съ глупыми сычами ты
живешь тоже?

Коріоланъ. Развѣ я служу твоему го-
сподину?

3-ий слуга. Что? что? Чего ты привя-
зался къ моему господину?

Коріоланъ. Оно лучше, чѣмъ связаться
съ твоей госпожей. Довольно болтать: по-
шелъ къ своему дѣлу. Вонъ! (*Выталкиваетъ
его прочь*).

Входитъ Авфидій и 2-ой слуга.

Авфидій. Гдѣ этотъ человѣкъ?

2-ой слуга. Вотъ онъ. Если бъ не гости
въ домъ, я бы избилъ его, какъ собаку.

Авфидій (*Коріолану*).

Откуда ты? Чего тебѣ здѣсь надо?
Зачѣмъ молчишь ты? Отвѣчай же мнѣ,
Кто ты таковъ?

Коріоланъ (*открывая лицо*).

Когда меня Авфидій

Не назоветъ и не узнаетъ самъ,
То не замедлю я предъ нимъ теперь же
Назвать себя.

Авфидій.

Скажи свое мнѣ имя.

(*Слуги удаляются*).

Коріоланъ.

Не радостно звучитъ оно для вольсковъ,
И тяжело оно ушамъ твоимъ.

Авфидій.

Что жъ—говори. Сурово ты глядишь,
И на лицѣ ты носишь власти признакъ.
Хоть паруса изорваны твои,
Но изъ-подъ нихъ глядитъ корабль могучій.
Кто ты такой?

Коріоланъ.

Готовься вспыхнуть гнѣвомъ.
Не узнаешь меня?

Авфидій.

Не узнаю.

Коріоланъ.

Я—Кай Марцій, тотъ, что много золь
И тяжкихъ бѣдъ нанесъ твоей отчизнѣ,
Въ залогъ чего народъ прозвалъ меня
Коріоланомъ. Трудныя заслуги,
И смертныя опасности, и кровь,
Пролитая за Римъ неблагодарный,
Награждены однимъ прозваньемъ этимъ,

Зологомъ гнѣва и вражды твоей.
 Оно одно при мнѣ—все остальное
 Изъ зависти сожрала злая чернь,
 И предъ лицомъ патриціевъ трусливыхъ
 Безсмысленными криками рабовъ
 Изъ Рима изгнанъ я. Вотъ почему
 Я здѣсь теперь—предъ очагомъ твоимъ.
 Когда бъ искалъ спасать я жизнь свою,
 Я не пришелъ бы самъ подъ эту кровлю:
 Я здѣсь для мщенія. Съ врагомъ моимъ
 Я за изгнанье долженъ расплатиться.
 Вотъ почему я предъ тобой. Когда
 Ты хочешь смыть пятно съ твоей отчизны,
 Когда ты хочешь Риму отплатить
 Жестокой мстью за свои обиды,
 Рѣшайся разомъ—случай предъ тобою.
 Передъ тобою мститель и сподвижникъ—
 Бери меня, а я готовъ сражаться,
 Какъ лютый духъ изъ адской глубины,
 Противъ моей отчизны зараженной.
 Но если ты отвагой не богатъ
 И утомился бранными трудами,
 То говорить намъ нечего—я самъ
 И утомленъ, и жизнью скучаю.
 Убей меня, вотъ грудь моя—рази
 Во имя прежней ненависти нашей!
 Припомни, что врагомъ ожесточеннымъ
 Тебѣ я былъ; что много бочекъ крови
 Изъ самой груди родины твоей
 Я выцѣдилъ; что, пощадивъ меня,
 Ты будешь глупъ; что жизнь моя должна
 Тебѣ служить стыдомъ или подпорой.

А в ф и д і й.

О, Марцій, Марцій! Съ каждымъ этимъ словомъ

Ты исторгаешь изъ души моей
 Всѣ корни злой вражды. Когда бъ Зевесъ
 Изъ облаковъ со мной заговорилъ
 Про тайны неба и своею клятвой
 Ихъ подтверждалъ—священному глаголу
 Не вѣрилъ бы я больше, чѣмъ тебѣ,
 Мой благородный Марцій. О, позволь
 Обнять себя! Дай мнѣ обвить руками
 Того, на комъ копье мое ломалось,
 Обломками взлетая до луны.

(Обнимаетъ Марція).

Здѣсь наковальню моего меча
 Сжимаю я въ объятіяхъ моихъ,
 И сладко мнѣ въ любви съ тобою спорить,
 Какъ спорили мы ревностно и жарко
 Въ безстрашіи на нашихъ встрѣчахъ бран-
 ныхъ.

Послушай, Марцій: я любилъ когда-то
 Святой любовью дѣвушку одну,
 Она—жена моя. Но въ самый часъ,
 Когда моя избранница ступила

Чрезъ мой порогъ—не билось это сердце
 Такъ радостно, какъ здѣсь, при нашей
 встрѣчѣ.

Марсу равный, ты долженъ знать, что мы
 Собрали войско. Снова мнѣ хотѣлось
 Щитомъ къ щиту съ тобой опять сойтись
 Для смерти иль побѣды. Въ браняхъ нашихъ
 Двѣнадцать разъ я побѣжденъ тобою,
 И съ той поры не проходило ночи,
 Чтобъ не видалъ во снѣ я нашихъ встрѣчъ.
 Во снѣ, въ бою съ тобой я на-земь падалъ,
 Срывалъ твой шлемъ, хваталъ тебя за горло,
 Изнемогалъ—и просыпался вдругъ.

КОРІОЛАНЪ ВЪ ДОМѢ АВФИДІЯ.

Картина англ. художника *Портера (Rob. Kere Porter, 1777—1842).*

(Малая Бойделлевская Галлерей).

Теперь, мой храбрый Марцій, если бъ мы
 И не готовились бороться съ Римомъ,
 То за одно изгнаніе твое
 Мы собрали бъ и отроковъ, и старцевъ,
 Чтобъ яростнымъ потокомъ налетѣть
 Къ неблагодарнымъ римлянамъ въ предѣлы.
 Иди жъ въ мой домъ—тамъ руку ты подашь
 Моимъ друзьямъ-сенаторамъ: сегодня
 Я пиръ для нихъ даю, прощаясь съ ними
 Передъ походомъ въ римскіе предѣлы,
 Хоть не на самый Римъ.

Коріоланъ.

Благіе боги,

Меня благословили вы!

А вѣдѣй.

Теперь

Ты здѣсь хозяинъ. Если хочешь ты
Распоряжаться самъ своею отплатой,
Сдаю тебѣ полвлости я надъ войскомъ.
Рѣшай, какъ знаешь: болѣе, чѣмъ мы,
Знакомъ ты съ римскою силою. Если надо
Нагрнуть прямо на ворота Рима,
Иль, предъ ударомъ, въ областяхъ далекихъ
Разсѣять ужасъ и опустошеніе,
Мы за тобою всѣ. Войди жъ ко мнѣ:
Я покажу тебя вельможамъ нашимъ—
И всѣ они согласіемъ отвѣтятъ
На замыслы твои. Привѣтъ тебѣ,
Мой бывшій врагъ и настоящій другъ!
А сильно враждовали мы, мой Марцій!
Дай руку! здравствуй! тысяча привѣтовъ!
(Коріоланъ и Авфидій уходятъ).

1-ый слуга (выходя впередъ). Вотъ ужъ превращеніе!

2-ой слуга. А я-то собирался угостить его палкой, да смекнулъ какъ-то, что нельзя вѣрить его наряду.

1-ый слуга. А рука то у него какая? Онъ меня повернулъ двумя пальцами, какъ кубарь какой-нибудь.

2-ой слуга. Ужъ по лицу его я догадался, что тутъ что-нибудь да есть. Да и лицо-то у него какое,—ужъ не знаю, что и сказать.

1-ый слуга. Да, да, въ немъ что-то такое. Пусть меня повѣсятъ, коли я не догадался сразу.

2-ой слуга. И я догадался. Такого человека не часто встрѣтишь.

1-ый слуга. И я такъ думаю. Впрочемъ, одного воина—еще получше—и ты знаешь.

2-ой слуга. Кого это? нашего господина, что ли?

1-ый слуга. Да хоть бы и его.

2-ой слуга. Ну, онъ-то и шестерыхъ такихъ стоитъ.

1-ый слуга. Ужъ это слишкомъ много, хоть онъ и отличный воинъ.

2-ой слуга. Тутъ, видишь ты, рѣшать трудно. Коли надо оборонять города, нашъ господинъ большой мастеръ.

1-ый слуга. Да и брать ихъ онъ умѣетъ.

Уходитъ 3-й слуга.

3-й слуга. Ну, братцы, вотъ это такъ новости!

1-ый и 2-ой слуга. Говори, говори, что такое?

3-й слуга. Не хотѣлъ бы я теперь быть римляниномъ. Оно теперь хуже, чѣмъ имѣть петлю на шеѣ.

1-ый и 2-ой слуга. Отчего же бы?

3-й слуга. Да оттого, что здѣсь теперь Каіи Марцій, тотъ, кто колотилъ нашего господина.

1-ый слуга. Какъ! Кто колотилъ господина?

3-й слуга. Я не говорю, чтобъ колотилъ, а такъ, въ бою, былъ ему всегда подъ пару.

2-ой слуга. Но чего тутъ скрывать—вѣдь, мы товарищи. Онъ всегда одолѣвалъ нашего-то; самъ онъ при мнѣ признавался.

1-ый слуга. Нечего таиться: что правда, то правда. Подъ Каріоли онъ исколотилъ господина, какъ котлету.

2-ой слуга. Такъ, что будь онъ людоѣдомъ, оставалось-бы только изжарить и съѣсть его.

1-ый слуга. Ну, а еще что новаго?

3-й слуга. Наши-то теперь съ нимъ носятъя будто съ сыномъ и наслѣдникомъ Марса. За столомъ отвели ему первое мѣсто; кто изъ сенаторовъ заговорить съ нимъ, такъ прежде самъ съ мѣста встанетъ. А господинъ нашъ съ нимъ, словно съ любовницей: то слушаетъ его, выпуча глаза, то дотронется до руки его—да такъ учтиво. Да, главная-то новость въ томъ, что теперь нашего вождя раздѣлили на-двое: половина власти сдана Марцію—такъ за столомъ всѣ и рѣшили. Я, говоритъ Марцій, римскаго привратника за уши возьму, все передъ собой скошу; гдѣ я ни пройду, говорить, все станеть гладко!

2-ой слуга. И такъ все сдѣлается, какъ сказано—скорѣе, чѣмъ кто-нибудь!

3-й слуга. Сдѣлается—еще бы! Принимаешь ли: дома у него столько же друзей, сколько непріятелей, только друзья-то—возьми въ толкъ хорошенько—боятся показаться его друзьями, то-есть, какъ говорится, трусятъ, до тѣхъ поръ, пока онъ, такъ сказать, у народа въ подозрительности.

1-ый слуга. Какъ это въ подозрительности?

3-й слуга. А какъ увидятъ эти друзья, что онъ поднялъ голову, такъ и выползутъ изъ своихъ норъ и соберутся къ нему на подмогу.

1-ый слуга. А когда же въ походъ?

3-й слуга. Завтра, сегодня, сію минуту. Послѣ обѣда и забьютъ въ барабанъ. Встанутъ изъ-за стола—и за дѣло!

2-ой слуга. Опять пойдетъ веселое время! Что проку въ мирѣ? Желѣзо ржавѣтъ, портные плодятся, стихотворцы разводятся!

1-ый слуга. И по мнѣ война лучше. Передъ миромъ, она какъ день передъ ночью. Сколько жизни, хлопотъ, слуховъ, разсказовъ! А миръ—будто сонъ или параличъ какой-нибудь: скука, глухота, вялость. Только незаконнорожденныхъ ребятишекъ родится больше, чѣмъ на войнѣ людей гибнетъ.

2-й слуга. Правда, правда. На войнѣ насильно таскаютъ чужихъ жонъ, а при мирѣ и сами онѣ мужей надуваютъ.

1-ый слуга. Да и люди въ мирную пору другъ на друга больше злятся.

3-й слуга. Потому что никто не нуженъ другому. То ли дѣло война! Вотъ теперь и римляне будутъ такъ же дешевы, какъ и вольски. Слышишь, встаютъ изъ-за стола?

Всѣ. Идемъ, идемъ скорѣе. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Римъ. Народная площадь.

Входятъ Сициній и Брутъ.

Сициній.

О немъ не слышимъ мы, да и не стоитъ
О немъ заботиться. Зачѣмъ онъ намъ?
Народъ, при немъ такъ буйный и строптивый,

Теперь покоенъ, миръ цвѣтетъ теперь вездѣ,
Хоть оттого патрици краснѣютъ,
Хоть имъ пріятнѣе было бы глядѣть
На скопища, на неурядицы въ Римѣ.
Не весело имъ видѣть, что въ порядкѣ
Идутъ дѣла, что весело поютъ
Простолюдины, сидя за работой.

Входитъ Мененій Агриппа.

Брутъ.

Да, въ пору постояли мы за дѣло.
А—и Мененій здѣсь?

Сициній.

Да, это онъ.
Поласковѣ сдѣлался онъ съ нами.
Привѣтъ тебѣ, почтенный мужъ!

Мененій Агриппа.

Спасибо.

И вамъ привѣтъ.

Сициній.

А вѣдь нельзя сказать,
Чтобъ очень о твоёмъ Коріоланѣ
Жалѣли всѣ: республика стоитъ,
На зло ему, покойнѣе, чѣмъ прежде.
Мененій Агриппа.
Все хорошо и вдвое бѣ лучше было,
Когда бѣ онъ уступилъ.

Сициній.

Гдѣ онъ теперь?

Мененій Агриппа.

Я ничего не знаю:
Ни матери своей онъ, ни женѣ
Не шлетъ извѣстій.

Входятъ нѣсколько гражданъ.

1-ый гражданинъ.

Честные трибуны,
Пусть боги васъ хранятъ!

Сициній.

А, добрый день
Сосѣди добрые!

Брутъ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ!

1-ый гражданинъ.

Мы всѣ, съ дѣтьми и жонами, должны
Молить боговъ за васъ.

Сициній.

Живите въ мирѣ
И счастіи!

Брутъ.

Сосѣди дорогіе,
Прощайте же. Когда бѣ Коріоланъ
Любилъ васъ такъ, какъ мы.

1-ый гражданинъ.

Прощай. Пусть боги
Хранятъ обоихъ васъ!

Ова трибуна.

Друзья, прощайте.
(*Граждане уходятъ*).

Сициній.

Вотъ эти дни покойнѣе тѣхъ дней,
Когда народъ шатался съ дикимъ крикомъ
По улицамъ.

Брутъ (*Мененію Агриппѣ*).

Да, Кай Марцій твой
Хорошій вождь, но былъ онъ гордъ и дерзокъ,

Честолюбивъ превыше всякой мѣры,
Самолубивъ.

Сициній.
Онъ жаждалъ высшей власти
Для одного себя.

Мененій Агриппа.
Едва ли такъ!

Сициній.
На горе намъ, мы бѣ убѣдились въ этомъ,
Когда бѣ остался консуломъ онъ въ Римѣ.

Брутъ.
Но боги насъ спасли—и безъ него
Покоенъ Римъ.

Входитъ эдилъ.

Эдилъ.
Почтенные трибуны,
Какой-торабъ, ужъ схваченный подъ стражу,
Болталъ, что вольски, въ двухъ большихъ
отрядахъ,
Вломились въ наши земли и со злобой
Все встрѣчное и жгутъ, и разрушаютъ.

Мененій Агриппа.
Такъ, это—Туллъ Авфидій. Донеслась
Къ нему молва о томъ, что Марцій изгнанъ:
Онъ высунулъ опять свои рога,
Которые, покамѣстъ Марцій славный
За Римъ стоялъ, показывать не смѣлъ.

Сициній.
Чего ты все безъ умолку толкуешь
Про Марція!

Брутъ (*эдилу*).
Чтобъ вѣстовщикъ сейчасъ
Былъ высѣченъ. Не можетъ быть, чтобъ
вольски
Посмѣли миръ нарушить.

Мененій Агриппа.
Какъ не можетъ?
Или тому примѣровъ не бывало?
Три раза на своемъ вѣку я видѣлъ
Подобное. Чѣмъ понапрасну бить
Того, кто вѣсть даетъ и про опасность
Намъ сообщилъ—вели спросить его,
Откуда вѣсть онъ добылъ.

Сициній.
Не можетъ быть, я знаю.
Пустяки,
Брутъ.
Невозможно!

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Патриціи толпой бѣгутъ въ сенатъ.
Всѣ лица блѣдны. Бѣдственное что-то
Случилось.

Сициній (*эдилу*).
Я знаю—это рабъ.
Сейчасъ его передъ народомъ высѣчь!
Онъ поднялъ всѣхъ! онъ слухи распустилъ!

Вѣстникъ.
Достойный мужъ, тѣ слухи подтвердились,
И новые, еще страшнѣе прежнихъ,
Ужъ носятъся.

Сициній.
Еще страшнѣе прежнихъ?

Вѣстникъ.
Всѣ говорятъ и громко говорятъ—
Не знаю, правда ли—что Каій Марцій
Съ Авфидіемъ ведетъ войска на Римъ;
Что онъ грозитъ мстью столь огромной,
Какъ разница огромна въ этомъ свѣтѣ
Между древнѣйшей и новѣйшей вещью.

Сициній.
Все это вздорный слухъ.

Брутъ.
И распустили
Его затѣмъ, чтобъ трусовъ побудить
Къ возврату Марція.

Сициній.
Вотъ вся разгадка.

Мененій Агриппа.
Я самъ не вѣрю. Марцій и Авфидій
Другъ съ другомъ не сойдутся никогда.

Входитъ другой вѣстникъ.

Вѣстникъ.
Васъ требуютъ въ сенатъ. Въ огромныхъ
силахъ
Войной ворвался врагъ въ предѣлы наши.
Съ Авфидіемъ соединился Марцій:
Онъ къ намъ идетъ, ломая всѣ преграды,
Пожаромъ и грозой опустошенья
Свой путь обозначая.

Входитъ Коминій.
Коминій (*трибунамъ*).
Ну, друзья,
Надѣлали вы дѣлъ!

Менений Агриппа.

Что, что случилось?

Коминий (*трибунамъ*).

То, что безчестить вашихъ дочерей
Придутъ враги; что въ пламени пожара
Растопленный свинецъ отъ римскихъ кро-
вель
На голову самимъ вамъ литься станетъ;
То, что теперь позорить вашихъ жонъ
У васъ предъ носомъ будутъ.

Менений Агриппа.

Боги! боги!

Да чтожъ случилось?

Коминий.

То, что храмы ваши
Сгорятъ до основанья; что права,
Такъ дорогія вашему народу,
Улягутся всѣ въ дырочки ничтожной.

Менений Агриппа.

Да говори, въ чемъ дѣло? Мнѣ сдается,
Что вы бѣды надѣлали. Ну, что же?
Неужли Марцій съ вольсками?

Коминий.

Неужли!

Онъ богъ для нихъ: онъ носится предъ ними,
Какъ будто духъ, имъ посланный отъ Неба,
Не созданный природой человѣкъ!
И всѣ за нимъ, слѣпой отвагой полны,
Идутъ на насъ, какъ лѣтомъ ребятишки
Бѣгутъ за бабочкой, какъ мясники
Идутъ бить мухъ.

Менений Агриппа (*трибунамъ*).

Ну, заварили кашу

Вы съ вашими рабочими-друзьями!
Не понапрасну вы за чернь стояли,
Такъ чеснокомъ протухшую!

Коминий.

Весь Римъ

Онъ разгромить—и все на васъ повалить.

Менений Агриппа.

Какъ Геркулесъ, сбивая спѣлый плодъ.
Надѣлали вы славныхъ дѣлъ!

Брутъ.

Однако,

Все это правда ли?

Коминий.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Какъ ни блѣдный ты. Радостно и быстро
Всѣ области ему передаются,

Надъ каждою попыткою борьбы
Смѣются всѣ, и гибнуть храбрецы
Въ своей безумной вѣрности. И кто же
Противъ него пойдетъ? И другъ, и врагъ
Въ немъ признаетъ достоинствъ хоть немного.

Менений Агриппа.

Мы всѣ пропали, если храбрый вождь
Не дастъ пощады намъ.

Коминий.

Да кто жъ пойдетъ

Просить пощады? Отъ стыда трибунамъ
Итти нельзя. Народъ пощады стоитъ,
Какъ волкъ отъ пастуха; а если мы,
Его друзья, и скажемъ про пощаду,
То оскорбимъ его и заодно
Съ его врагами станемъ.

Менений Агриппа.

Правда, правда!

Когда бъ, при мнѣ, онъ поджигалъ мой домъ,
Я не имѣлъ бы права заступиться
И вымолвить: „оставь меня въ покоѣ“.

(*Трибунамъ*).

Да, нечего сказать, вы съ вашей чернью
Трудолюбивой потрудились славно.

Коминий.

Наслали же горячку вы на Римъ
Неизлѣчимую, какой доселѣ
Онъ не видалъ.

Сициний.

Не мы ее наслали.

Менений Агриппа.

Да кто жъ другой? немцы ли? Былъ онъ дорогъ
Намъ всѣмъ, но мы, какъ глупые скоты,
Какъ нѣженки и трусы, разступились
Передъ толпою вашей, а толпа
Его изгнала съ крикомъ.

Коминий.

И на крикъ

Онъ явится, боюсь я. Туллъ Авфидій,
Второй по войску, словно воинъ младшій
Ему во всемъ покоренъ—и для Рима
Опора, сила и подмога вся
Въ одномъ отчаяньи.

Входитъ толпа гражданъ.

Менений Агриппа.

А, вотъ и сволочь!

Такъ и Авфидій съ нимъ?

(*Народу*). На Римъ заразу

Вы навлекли въ тотъ часъ, когда кидали
Свои засаленныя шапки вверхъ,

Въ тотъ часъ, когда привѣтствовали крикомъ
Изгнаніе Коріолана. Вотъ
Онъ самъ идетъ къ намъ и несетъ съ собою
На васъ бичей не меньше, чѣмъ волосъ
У воиновъ его на головахъ.
Онъ вамъ припомнить ваши голоса:
За шапки, что кидали вы когда-то,
Онъ столько же снесетъ головъ безмозглыхъ.
Что толковать? Да если всѣхъ насъ онъ
На уголья сожжетъ—и тутъ скажу я:
„Намъ по дѣломъ!“

Граждане.

Да, да, худыя вѣсти
До насъ дошли.

1-ый гражданинъ.

Что до меня, то я
Его жалѣлъ! хотъ требовалъ изгнанья.

2-ой гражданинъ. И я.

3-ий гражданинъ. И я, да—по правдѣ
сказать—и многіе изъ насъ говорили то же.
Мы хлопотали объ общей пользѣ, и хотъ
соглашались на изгнаніе, однако соглаша-
лись противъ воли.

Коминій.

Да, славно вы даете голоса!

Мененій Агриппа.

Надѣлала же дѣла ваша стая! (*Коминію*).
Что жъ, въ Капитолій намъ?

Коминій.

Куда же больше?

(*Уходитъ*).

Сициній.

Сосѣди—по домамъ! Не надо труситы!
Вѣдь, это все друзья его: имъ любо
На всѣхъ насъ накликать бѣду. Ступайте жъ
Да пободръй глядите.

1-ый гражданинъ. Пусть боги надъ
нами смилуются! Пойдемъ по домамъ, то-
варищи! Еще при изгнаніи говорилъ я, что
дѣло не ладно.

2-ой гражданинъ. Да и всѣ то же го-
ворили. Ну, идемъ домой. (*Уходятъ*).

Брутъ.

Не по сердцу мнѣ вѣсти эти.

Сициній.

Да—

И я съ тобой согласенъ.

Брутъ.

Поскорѣй

Пойдемъ же въ Капитолій. Я бы отдалъ

Сейчасъ же половину состоянья,
Чтобъ услыхать, что это ложь.

Сициній.

Пойдемъ же,

Пойдемъ скорѣй. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Лагерь вольсковъ недалеко отъ Рима.

*Входитъ Авфидій и одинъ изъ военачаль-
никовъ.*

Авфидій.

Такъкъ римлянину льнуть они, какъ прежде?

Военачальникъ.

Въ немъ колдовство какое-то живетъ!
Войска твои о немъ одномъ толкуютъ,—
На мѣсто предобѣденныхъ молитвъ,
И за столомъ, и кончивши обѣдъ,
Лишь Марція, какъ Бога, величаютъ.
Да, полководецъ нашъ, въ походѣ этомъ
Своими ты забыть.

Авфидій.

Я все снесу,

Не то—мои всѣ цѣли захромаютъ.
Онъ и со мной надменнѣе, чѣмъ ждалъ я
Въ тотъ часъ, когда обнялъ его впервые,
Но онъ такимъ ужъ созданъ: мы должны
То извинять, чего нельзя поправить.

Военачальникъ.

О, лучше бъ для твоей же славы было
Его не брать въ товарищи-вожди,
А самому вести войска, иль вовсе
Ему начальство сдать.

Авфидій.

Тебя я понялъ;

Но, вѣрь мнѣ, самъ еще не знаетъ онъ,
Въ чемъ я могу, въ часъ общаго разсчета,
Его винить предъ всѣми. Онъ увѣренъ,
И вѣрятъ всѣ, и простакъ повѣрятъ,
Что честно онъ для пользы вольсковъ слу-
жить;

Что, какъ драконъ свирѣпый, онъ дерется;
Что, обнаживши мечъ, онъ такъ же быстро
Побѣдою рѣшаетъ каждый бой;
Но, вѣрь мнѣ, впереди еще расчеты—
И дѣло то не сдѣлано, которымъ
Онъ или я другъ другу шею сломимъ.

Военачальникъ.

Ты думаешь, онъ овладѣетъ Римомъ?

Авфидій.

Всѣ города ему сдаются прежде,
Чѣмъ ихъ обложить онъ. Всѣ власти Рима,
Патрици, сенать—ему друзья.
Трибуны не вожди, а ихъ народъ
Усерднѣй станеть звать его назадъ,
Чѣмъ слалъ въ изгнанье. Мощный по при-

родѣ,
Онъ схватить Римъ, какъ мелкихъ рыбъ
хватаетъ

Морской орелъ. Когда-то Марцій Риму
Служилъ геройски, но не снесъ онъ самъ
Своихъ заслугъ. То гордость ли была,
Всегдашній плодъ удачъ житейскихъ на-

шихъ,
Иль пылкость, неспособная вести
Весь рядъ удачъ къ одной разумной цѣли,
Иль, можетъ быть, сама его природа,
Упорная, несклонная къ уступкамъ,

Изъ-за которой на скамьяхъ совѣта
Онъ шлема не снималъ и въ мирномъ дѣлѣ
Былъ грозенъ, словно вождь на полѣ брани.
Тѣмъ иль другимъ изъ этихъ онъ пороковъ
Народу сталъ опасенъ и немилъ.
Народъ изгналъ его. Свои заслуги,
Твердя про нихъ, онъ уничтожилъ самъ;
Онъ позабылъ, что доблесть человека
Зависитъ лишь отъ общаго суда,
Что силѣ, хотъ и стоящей похвалѣ,
Вѣрнѣйшая могила въ той трибунѣ,
Въ которой про ея твердятъ заслуги.
Отъ одного огня другой спасаетъ,
Гвоздемъ мы выбиваемъ вбитый гвоздь,
Отъ силы гибнетъ сила, и права
Идутъ въ отмѣну чрезъ права другія.
Пойдемъ же. Если Марцій Римъ возьметъ,
Я имъ самимъ, несчастнымъ, завладѣю.

(Уходятъ).

Римскій центуріонъ древнѣйшихъ временъ.
(Литичный барельефъ въ Веронѣ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Народная площадь.

Входятъ Мененій Агриппа, Коминій, Сициній, Брутъ и другіе.

Мененій Агриппа (*трибунамъ*).

Нѣтъ, не пойду. Вы слышали, что Марцій Сказалъ тому, кто былъ его вождемъ, Тому, кѣмъ онъ любимъ былъ свѣше мѣры? Когда-то и меня отцомъ онъ звалъ, Да что жъ въ томъ проку? Нѣтъ, идите вы, Его изгнавшіе, передъ шатромъ За милю упадите на колѣна И, лежа въ прахѣ, попытайте счастья. Когда Коминія не сталъ онъ слушать, Мнѣ дѣлать нечего.

Коминій.

Не захотѣлъ онъ
Узнать меня.

Мененій Агриппа (*трибунамъ*).
Вы слышите?

Коминій.

Однако,
По имени меня онъ называлъ разъ.
Ему напомнилъ я про дружбу нашу,
Про то, какъ кровь мы вмѣстѣ проливали.
Не отвѣчалъ онъ мнѣ, не отозвался
На имя прежнее Коріолана,
И лишь сказалъ, что для него именъ
Нѣтъ никакихъ, пока въ горящемъ Римѣ
Не выкуетъ онъ новаго прозванья.

Мененій Агриппа.

Хвала вамъ ввѣкъ, товарищи-трибуны!
Васъ долго будутъ помнить: въ цѣломъ
Римѣ

Подешевѣютъ уголья теперь.

Коминій.

Я представлялъ ему, какъ благородно
Прощать того, кто даже о прощеньи
Молить не смѣетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ,
Что римлянамъ смѣшно просить пощады
У римскаго изгнанника.

Мененій Агриппа.

И могъ ли
Иначе отвѣчать онъ?

Коминій.

Я старался

Въ немъ жалость пробудить къ его друзьямъ:
Онъ отвѣчалъ, что некогда ему
Ихъ выбрать изъ гнилой мякинной кучи;
Что куча та сгоритъ и что не стоитъ
Ее щадить изъ-за лежащихъ въ ней
Двухъ или трехъ несчастныхъ хлѣбныхъ
зеренъ.

Мененій Агриппа.

Двухъ или трехъ? Одно зерно—я самъ,
Жена и мать его, его младенецъ!
Да этотъ храбрый воинъ—вотъ и зерна;
А вы мякина сгнившая—и вонь
Превыше мѣсяца идетъ отъ васъ.
За васъ сгоримъ мы.

Сициній.

Не сердись же. Если
Не хочешь ты помочь намъ въ тяжкій часъ,
То не кори насъ нашею бѣдою.
Такъ, вѣримъ мы, что если бъ ты взялся
За родину просить Коріолана,
Языкъ твой ловкій больше намъ помогъ бы,
Чѣмъ всѣ дружины наши.

Мененій Агриппа.

Въ это дѣло
Я не хочу мѣшаться.

Сициній.

Молимъ мы:
Иди къ нему!

Мененій Агриппа.

За чѣмъ, съ какою цѣлью?

Брутъ.

Хоть испытай, что можетъ дружба ваша
Для Рима сдѣлать.

Мененій Агриппа.

Для того ль, чтобъ мнѣ
Вернуться, какъ Коминій возвратился—
Неузнаннымъ, невыслушаннымъ даже?
Чтобъ я пришелъ къ вамъ, тяжело оскорб-
ленный
Холодностію друга? такъ ли?

Сициній.

Все же—
И за попытку добрую весь Римъ
Тебѣ спасибо скажетъ.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Попытаюсь!

Мнѣ кажется, меня онъ станетъ слушать,
Хоть страшно и подумать про суровость,
Съ какой онъ на Коминія глядѣлъ.
Быть можетъ, часъ не добрый былъ для
встрѣчи:

Онъ не обѣдалъ—натошакъ мы всѣ
Угрюмы, злы на утреннее солнце,
Кровь наша холодна, несклонны мы
Ни къ щедрости, ни къ кротости. Когда же
Наполнимъ мы себя виномъ и пищей,
Другая кровь у насъ, нѣжнѣе сердце,
Чѣмъ прежде, въ часъ угрюмага поста.
Такъ сытаго себѣ я выжду часа,
И ласково мою онъ просьбу приметъ.

Брутъ.

Ты знаешь вѣрный путь къ его душѣ
И не свернешь съ него.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Рѣшаюсь я.

Пусть будетъ то, что будетъ. И не долго
Придется ждать мнѣ. (*Уходитъ*).

Коминій.

Не захочетъ Марцій

Его и слушать.

Сициній.

Почему же нѣтъ?

Коминій.

Я говорю тебѣ—весь въ золотѣ,
Сидитъ онъ, и глаза его сверкаютъ
Для Рима сокрушительнымъ огнемъ:
Обиды память держать въ немъ подѣ
стражей

Всѣ помыслы о жалости. Колѣна
Предъ нимъ склонилъ я. „Встань“, едва
проговорилъ онъ

И удалиться подалъ знакъ рукою.
Условіе онъ писанное выслалъ
Вослѣдъ за мной, и значилась тамъ клятва,
Какой себя связалъ онъ противъ насъ.
Надежды нѣтъ для насъ. Я слышалъ только,
Что будто мать его, съ женой, рѣшились
Его молить за родину. Намъ должно
Теперь же къ нимъ итти и ихъ просить,
Чтобы онъ съ своей спѣшили просьбой.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Вольскій лагерь передъ Римомъ.

*Часовые на своихъ мѣстахъ. Къ нимъ под-
ходитъ* МЕНЕНІЙ АГРИППА.

1-ый часовой.

Стой! Ты откуда?

2-ой часовой.

Стой! ступай назадъ!

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Вы честно стражу держите—хвалю васъ;
Но я сановникъ и имѣю дѣло
Къ Коріолану.

1-ый часовой.

Да откуда ты?

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Изъ Рима я.

1-ый часовой.

Нельзя пройти—назадъ!

Не хочетъ вождь имѣть сношеній съ Римомъ.

2-ой часовой.

Твой Римъ сгоритъ скорѣй, чѣмъ ты успѣешь
Съ Коріоланомъ говорить.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Друзья,

Случалось вамъ, конечно, отъ вождя
Слышать про Римъ и про людей, что въ Римѣ
Его друзьями были? Я ручаюсь,
Что про меня онъ говорилъ. Зовусь я
Менениемъ.

1-ый часовой.

И все-таки—назадъ!

Здѣсь съ именемъ твоимъ не проберешься.

МЕНЕНІЙ АГРИППА.

Пріятель, я скажу тебѣ—твой вождь
Меня всегда любилъ. Его заслугъ
Я былъ живою книгой: въ книгѣ этой
Читали люди о великой славѣ;
По-дружески ту славу я вознесъ
Превыше всякихъ мѣръ, а иногда
И выше правды: я таковъ съ друзьями!
Онъ первый другъ мой: для него не разъ
И въ похвалахъ переступалъ границы
И слишкомъ заносился въ даль, какъ шаръ,
Когда его толкнуть съ крутого спуска.
Поэтому, пусти меня, мой другъ.

1-ый часовой. Увѣряю тебя, когда бъ
ты нагаль въ его похвалу столько же,

сколько наговорилъ словъ въ свою пользу—и тогда я тебя не пропустилъ бы. Назадъ!

Мененій Агриппа. Да пойми же, пріятель, что меня зовутъ Мененіемъ, что я всю жизнь былъ на сторонѣ твоего начальника.

1-ый часовой. То-есть, ты лгалъ на него, какъ самъ сознаешься; я же служу у него и говорю правду. Пройти нельзя: ступай назадъ.

Мененій Агриппа. Не можешь ты мнѣ сказать, обѣдалъ онъ или нѣтъ? Я бы не хотѣлъ толковать съ нимъ до обѣда.

1-ый часовой. Датыримлянинъ, чтоли?

Мененій Агриппа. Римлянинъ, какъ и твой начальникъ.

1-ый часовой. Такъ тебѣ надо ненавидѣть Римъ, какъ онъ его ненавидитъ. Неужели вы думаете въ Римѣ, что, бросивши врагу свой собственный щитъ изъ-за народнаго безумія и изгнавши своего защитника, вы еще будете въ силахъ устоять передъ его мстью? Чѣмъ вы ее встрѣтите? стонами старухъ, сложенными руками дѣвушекъ, просьбами выжившаго изъ лѣтъ болтуна, въ родѣ тебя? Ты самъ едва дышешь, а еще собираешься задуть пламя, которое охватило твой городъ. Вы всѣ гшиблись, а потому ступай себѣ въ Римъ оотовиться къ общей казни. Всѣ осуждены: дачальникъ поклялся, что никому не будетъ пощады.

Мененій Агриппа. Не забывайся! Будь твой начальникъ здѣсь, онъ бы принялъ меня ласково.

2-ой часовой. Полно болтать, онъ тебя и не знаетъ вовсе.

Мененій Агриппа. Я говорю о вашемъ полководцѣ.

1-ый часовой. Много нашъ полководецъ думаетъ о тебѣ! Назадъ—долго ли мнѣ говорить? Вонъ?—или я вылью изъ тебя твою полупинту крови! Пошелъ назадъ!

Мененій Агриппа. Да послушай ты меня, пріятель!

Входятъ Коріоланъ и Авфидій.

Коріоланъ. Что тутъ случилось?

Мененій Агриппа *(часовому)*. Ну, пріятель, теперь мы съ тобой сочтемся, какъ должно. Ты увидишь, знаютъ ли меня здѣсь, и я тебѣ покажу, что какому-нибудь часовому не отогнать меня отъ Коріолана, отъ моего сына. Ты теперь на волосъ отъ петли, а, пожалуй, отъ чего-нибудь и похуже. Гляди же сюда, да повались безъ чувствъ отъ страха! *(Коріолану)*. Великие

боги каждый часъ держать совѣтъ о твоёмъ благоденствіи. Они любятъ тебя столько же, сколько любятъ тебя твой старый отецъ Мененій! Сынъ мой, сынъ мой, ты готовишь для насъ пожаръ, и вотъ слезы, которыя зальютъ это пламя. Меня едва упросили итти къ тебѣ, и я не пошелъ бы, если бъ не зналъ того, что одинъ я могу тебя тронуть. Вздохи выдули меня изъ воротъ Рима. Прости же ему, прости твоихъ умоляющихъ согражданъ. Пусть благіе боги умягчатъ твое сердце и направятъ остатки твоего гнѣва вотъ на этого негодяя, который, какъ чурбанъ, загородилъ мнѣ къ тебѣ дорогу!

Коріоланъ. Прочь!

Мененій Агриппа. Какъ—прочь?

Коріоланъ.

Ни матери, ни сына, ни жены
Не знаю я. Во мнѣ одно лишь мщеніе.
Дѣла мои и право на пощаду
Я отдалъ вольскамъ. Память дружбы нашей
Меня не склонитъ къ милости; скорѣе
Я дружбу ту забвеньемъ отравлю.
Иди же прочь! Мой слухъ для словъ мольбы
Надежнѣй замкнуть, чѣмъ ворота Рима
Отъ войскъ моихъ. Возьми бумагу эту.

(Даетъ ему свитокъ).

Ты былъ мнѣ милъ когда-то. Для тебя
Я написалъ ее и самъ послалъ бы
Ее къ тебѣ. Затѣмъ, Мененій, словъ
Передо мной не трать. Авфидій, въ Римъ
Его любилъ я, но теперь—ты видишь...

Авфидій.

Да, вѣренъ ты себѣ, военачальникъ..

(Коріоланъ и Авфидій уходятъ)

1-ый часовой. Ну, достойный мужъ—такъ твое имя Мененій!

2-ой часовой. Ты видишь, какъ много въ немъ могущества! Я думаю, ты знаешь дорогу домой?

1-ый часовой. А хорошо насъ отдѣляли за то, что мы осмѣлились не пропустить такого великаго мужа?

2-ой часовой. Отчего же это мнѣ надо было повалиться безъ чувствъ отъ страха?

Мененій. Нѣтъ мнѣ дѣла ни до вашего вожда, ни до всего свѣта; о такой же дряни, какъ вы, и думать не стоитъ. Кто самъ готовъ поднять на себя руку, тотъ не побоятся убійцы. Пусть полководецъ вашъ злодѣйствуетъ въ волю, а вы оставайтесь тѣмъ, что вы теперь, только съ годами дѣлайтесь еще ничтожнѣе! Говорю вамъ то

же, что мнѣ сказали: „прочь отъ меня вы оба!“ (*Уходитъ*).

1-ый часовой. Нечего сказать, славный человекъ!

2-ой часовой. Славный человекъ нашъ начальникъ! Будто скала или дубъ, съ которымъ вѣтру не справиться.

СЦЕНА III.

Шатеръ Коріолана.

Входятъ Коріоланъ, Авфидій и прочіе.
Коріоланъ.

Такъ, завтра мы поставимъ наше войско
Подъ римскими стѣнами. Мой товарищъ,
Ты можешь разсказать въ своемъ сенатѣ—
Исполненъ ли мой долгъ.

Авфидій.

Какъ честный воинъ,
За насъ ты бился; ты молениямъ Рима
Не уступилъ, не выслушалъ ни разу
И робкой просьбы отъ друзей своихъ,
Увѣренныхъ въ тебѣ.

Коріоланъ.

Да. Тотъ старикъ,
Котораго сейчасъ, съ разбитымъ сердцемъ,
Прогналъ я въ Римъ, боготворилъ меня,
Любилъ меня отцовскою любовью.
Послѣднюю надеждой было Риму
Посольство то. Изъ жалости къ нему—
Хоть онъ сурово принять былъ—я далъ
Ему одно условіе для мира—
Условіе, отвергнутое разъ.
Его они не примутъ—и теперь
Свободенъ я отъ всѣхъ посольствъ и просьбъ
Изъ Рима и отъ близкихъ мнѣ.

(*Слышны голоса*). Что это?
Неужели опять ко мнѣ идутъ
Склонять меня, чтобъ я обѣтъ нарушилъ,
Сейчасъ лишь данный? Этого не будетъ!

Входятъ, въ печальной одеждѣ, Виргилія,
Волумнія, маленькій Марцій, Валерія
и свита.

Коріоланъ.

Жена моя идетъ сюда; за нею
Та форма благородная, въ которой
Сложилось это тѣло—и ведетъ
Она младенца-внука! Прочь любовь!
Разсыптесь въ прахъ, святой природы связи
Моя въ упорствѣ сила. Боги, боги!
Вы сами бѣ вашимъ клятвамъ измѣнили
За этотъ взглядъ голубки! Не сильнѣе

Другихъ людей на свѣтъ я сотворенъ!
Склонилась предо мною мать моя:
Олимпъ согнулся предъ холмомъ ничтож-
нымъ!

И мой мальчишка жалобно глядитъ
И мнѣ твердитъ съ природой: „Сжался,
сжался!“

Нѣтъ, я не сжалюсь. Пусть пройдетъ по Риму
Соха враговъ, пусть взборонятъ они
Италію—я не поддамся сердцу,
Не сдѣлаюсь безсильнымъ я пленцомъ:
Я буду твердъ, какъ долженъ твердъ остаться
Мужъ безъ родни и родины.

Англ. актриса 18 в. Йетс (Yates) въ роли
Волумнии (*Дѣйствіе V, сц. 3*).

Виргилія.

Супругъ мой

И повелитель!

Коріоланъ.

Мы съ тобой не въ Римѣ:
Я на тебя гляжу не прежнимъ взглядомъ.

Виргилія.

Отъ горя измѣнились мы—не можешь
Ты не узнать насъ.

Коріоланъ.

Какъ актеръ негодный,
Я роль забылъ свою, и ждетъ меня
Позоръ великій. Милая подруга,

Прости меня. Не говори мнѣ только:
„Прощенье римлянамъ!“ (*Цѣлуетъ жену*).

О, слаще мести
Мнѣ поцѣлуй твой, долгій какъ изгнанье!
Клянусь ревнивою царицей ночи,
Хранилъ я свято на губахъ моихъ
Твой поцѣлуй прощальный. Боги, боги!
Болтаю я—и позабылъ поклономъ
Я встрѣтить мать почтеннѣйшую въ мірѣ.

(*Становится на колѣни*).

Во прахъ, мои колѣна и въ пыли
Оставьте слѣдъ, какого не оставилъ
Еще никто изъ сыновей!

Волумнія.

Мой сынъ,
Встань, я тебя благословляю. Должно
Мнѣ предъ тобой упасть на жесткій камень,
Мнѣ преклонить колѣна, хотъ предъ сыномъ
Мать не должна склоняться.

(*Становится на колѣни*).

Кориоланъ.

Что я вижу?
Ты на колѣна стала передъ сыномъ,
Котораго наказывала ты?
Такъ пусть камня съ береговъ бесплодныхъ
Ударятъ вверхъ по звѣздамъ, вѣтеръ буйный
Захлещетъ пусть вѣтвями гордыхъ кедровъ
По огненному солнцу! Что жъ на свѣтѣ
Зовется невозможностью?

Волумнія.

Ты сынъ мой,
Ты воинъ мой. Ты спутницу мою
Узналъ ли? (*Показываетъ Валерію*).

Кориоланъ.

Непорочную луну
Мнѣ не узнать? Достоянная сестра
Великаго Валерія, душою
Такъ чистая, какъ льдинка, что виситъ
На высотѣ Діанинаго храма,
Привѣтъ тебѣ, Валерія!

Волумнія

(*подводя къ нему маленькаго Марція*).
Вотъ сокращенье бѣдное твое,
Которое, въ развитіи годовъ,
Съ тобой сравниться можетъ.

Кориоланъ.

О, пусть боги
Великіе: Зевесъ—метатель молній
И Марсъ—воитель—наградятъ тебя
Душой возвышенной, чтобъ тѣнь упрека
Вовѣки не коснулась дѣлъ твоихъ!
Пусть, какъ маякъ великій въ темномъ морѣ,
Сіяешь ты въ бояхъ, несокрушимый,
Для всѣхъ друзей спасеніемъ.

Волумнія (*ребенку*).

Скорѣй

Склони колѣни.

Кориоланъ.

Славный мой мальчишка!

Волумнія.

Я, онъ, Валерія, жена твоя,
Мы здѣсь—просители.

Кориоланъ.

Молчи! молчи!

Иль передъ просьбой вспомни, что я клялся
Не уступать въ одномъ. Не говори,
Чтобъ распустилъ я воиновъ моихъ,
Чтобъ примирился съ гнусной чернью Рима!
Не называй меня жестокосерднымъ
И голосомъ холоднаго разсудка
Моей вражды и мщенья не пытайся
Обуздывать.

Волумнія.

Довольно, о, довольно!

Мы именно пришли просить того,
Въ чемъ отказать ты хочешь раньше просьбы;
Но все равно: ты слушаешь насъ,
Хотя бъ затѣмъ, чтобъ твой отказъ суровый
Обрушился на самого тебя...
Готовъ ты слушать?

Кориоланъ.

Подойдите, вольски;
Авфидій—слушай. Не таимъ мы нашихъ
Сношеній съ Римомъ.

(*Волумніи*). Говори—въ чемъ дѣло?

Волумнія.

И безъ рѣчей—по нашимъ блѣднымъ лицамъ,
По платьямъ нашимъ—можешь угадать,
Какъ жили мы съ тѣхъ поръ, какъ ты въ
изгнанье
Пошелъ отъ насъ. Подумай самъ, найдешь ли
На свѣтѣ женщинъ ты несчастнѣй насъ,
Насъ, для которыхъ этотъ часъ свиданья,
На мѣсто радостей и слезъ восторга,
И ужасъ, и печаль съ собой несетъ!
Супруга, мать, твой сынъ—должны мы ви-
дѣть,

Какъ ты, отецъ, супругъ и сынъ, терзаешь
Родной свой край. И бѣднымъ намъ то горе
Еще больнѣй—черезъ тебя лишились
Послѣдней мы и общей всѣмъ отрады:
Ты насъ лишилъ молитвы. Долгъ велитъ
Молить боговъ за родину; но какъ же
Мы за тебя богамъ молиться можемъ,
Какъ долгъ велитъ? Отторгнуться должны мы
Отъ родины—кормилицы безцѣнной,
Иль отъ тебя, одной утѣхи нашей!
Ты побѣдишь, иль нѣтъ—намъ все равно:

МАТЬ И ЖЕНА УМОЛЯЮТЪ КОРИОЛАНА ПОЩАДИТЬ РИМЪ.

Картина англ. живописца Гевина Гамильтона (Gavin Hamilton, 1730—1795). (Большая Бойделлевская Галлерей).

Намъ всюду гибель. Иль увидимъ мы,
Какъ повлекутъ тебя въ цѣпяхъ по Риму
На казнъ измѣнниковъ, иль въ торжествѣ
Ты вступишь на развалины родныя
И примешь побѣдителя вѣнокъ,
Проливши кровь родной жены и сына.
Что до меня, мой сынъ, я не дождусь,
Чѣмъ кончится война: коль я не въ силахъ
Склонить тебя на миръ великодушный,
То, вѣрь мнѣ, прежде чѣмъ итти на Римъ,
Черезъ мой трупъ перешагнуть ты долженъ.
Ступи жъ на грудь, которая вскормила
Кориолана.

(Падаетъ ницъ передъ Кориоланомъ).

Виргилія (тоже падая на землю).

И на эту грудь,
Вскормившую несчастнаго младенца
Изъ рода Марціевъ.

Маленькій Марцій
(вырываясь отъ матери).

Нѣтъ, я не дамся,

Онъ на меня не ступитъ—убѣгу я,
А вырасту—я самъ сражаться буду.

КОРИОЛАНЪ.

Когда не хочешь женщиною стать,
То не гляди на жонъ и ребятишекъ.

(Встаетъ).

Я слишкомъ долго слушалъ.

Волумнія.

Нѣтъ, не можешь
Ты такъ оставить насъ. Когда бы мы
Тебя молили римлянъ пощадить
На гибель вольсковъ, что идутъ съ тобою,
Ты могъ бы видѣть вѣчное безчестье
Въ мольбѣ такой. Но мы пришли не съ

тѣмъ,—

Мы мира просимъ, мы хотимъ, чтобъ вольски
Могли сказать: „даримъ пощаду Риму!“
А римляне: „мы приняли пощаду!“
И пусть тогда сойдутся два народа
Благословлять тебя за данный миръ!
Ты знаешь, сынъ, успѣхъ измѣнчивъ бранный

Но вѣрно то, что, овладѣвши Римомъ,
Ты тѣмъ создашь безславіе себѣ
Да имя, нераздѣльное съ проклятьемъ!
И скажутъ про тебя изъ рода въ родъ:
„Онъ былъ великъ, но, съ родиною вмѣстѣ,
Онъ погубилъ свою навѣки славу—
И перешло прозваніе его
Въ вѣка на посрамленіе.“ Что жъ молчишь ты?
Не ты ль всегда стремился честнымъ быть,
По милости—богамъ уподобляться,
Что громомъ рвутъ широкой тверди щеки,
Но молніей одни дубы громить?
Что жъ ты молчишь? Иль честно мужу славы
Обиды помнить?

(*Виргили*). Дочь, на слезы онъ
Не смотреть—говори же съ нимъ.

(*Внуку*). Малютка,
Моли и ты: быть-можетъ, дѣтскій лепетъ
Подѣйствуетъ сильнѣе нашихъ словъ.
Не болѣе ли всѣхъ людей на свѣтѣ
Онъ матери обязанъ, а предъ нимъ
Болтаю я—и нѣту мнѣ отвѣтовъ.
Ты къ матери всегда неласковъ былъ,
Для ней же, для насѣдки одинокой,
Въ тебѣ вся жизнь была: она тебя,
Кудахтая, взростила для войны
И радостно встрѣчала изъ походовъ,
Гдѣ славу добылъ ты. Что жъ? Гони
Меня домой съ отказомъ на моленья.
Но если справедливы тѣ мольбы,
То чести нѣтъ въ тебѣ и—гнѣвъ боговъ
За матери права тебѣ отплатить.
Онъ отвернулся—припадемте жъ всѣ
Къ его ногамъ и пристыдимъ его!

(*Всѣ падаютъ къ ногамъ Коріолана*).
Коріоланомъ прозванъ онъ, но гордость—
Не жалость съ этимъ именемъ сроднилась.
Въ послѣдній разъ падемте на колѣна:
Откажетъ онъ—уйдемте и умремъ
Среди сосѣдей, дома. Погляди
Хоть на малютку ты: онъ самъ не знаетъ,
О чемъ просить, но на колѣняхъ съ нами
Къ тебѣ простеръ ручонки. Неужели
Ты и теперь отвергнешь насъ?

(*Помолчавъ*). Довольно,
Пойдемъ отсюда. Этотъ человѣкъ
Отъ вольской матери на свѣтѣ родился,
Жена его въ Коріоли—онъ только
Лицомъ похожъ на нашего младенца.
Что жъ ты не гонишь насъ? Молчать я стану,
Пока нашъ Римъ пожаромъ не заляется,
А тамъ—еще поговорю я.

КОРІОЛАНЪ

(*въ молчаніи взявъ Волумнію за руку*).

Мать!

О, мать моя, что сдѣлала ты съ нами?

Взгляни: разверзлось небо, сами боги
На эту небывалую картину
Глядятъ съ великимъ смѣхомъ. О, родная!
Для счастья Рима побѣдила ты,
Для сына же—повѣрь мнѣ, о, повѣрь мнѣ—
Ужасна та побѣда: можетъ быть,
Въ ней скрыта смерть. Пусть будетъ то,
что будетъ!

Авфидій, если не способенъ я
Вести войну, какъ слѣдуетъ, то въ силахъ
Миръ выгодный давать. Авфидій добрый,
Скажи мнѣ самъ—будь ты на мѣстѣ этомъ,
Ужели предъ мольбою материнской
Не уступилъ бы ты?

Авфидій.

Я самъ былъ тронуть.

КОРІОЛАНЪ.

Ты тронуть былъ—и я: клянусь тебѣ,
Изъ глазъ моихъ исторгнуть трудно слезы.
Ну, добрый другъ, совѣтуй мнѣ теперь,
Какъ заключать условія. Не въ Римъ
Теперь пойду я, въ Анціумъ за вами
Я возвращусь—и потому прошу
Теперь помочь мнѣ. Мать! жена моя!

Авфидій. (*въ сторону*).

Я очень радъ, что честь и состраданье
Въ тебѣ столкнулись—этимъ я себѣ
Вновь ворочу удачу дней бывалыхъ.

(*Женщины хотятъ прощаться съ Коріоланомъ*).

КОРІОЛАНЪ.

Не торопитесь. Вмѣстѣ выпьемъ мы
Теперь вина, а тамъ вы понесете
Съ собой свидѣтельство—надежнѣй словъ—
Нашъ договоръ за подписаньемъ нашимъ.
Идемте же. За женскій подвигъ въ Римѣ
Вамъ храмъ соорудятъ; безъ васъ вся сила
Италіи и ей сосѣднихъ странъ
Не привела бы насъ къ такому миру.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Римъ. Народная площадь.

Входятъ Мененій Агриппа и Сициній.

Мененій Агриппа. Видишь ты тотъ
угловой камень Капитолія?

Сициній. Ну, что жъ далѣе?

Мененій Агриппа. Сдвинь-ка его
мезинцемъ—тогда я скажу, что римлянки—
особенно его мать—одолѣютъ упорство

Марція. Нечего надѣяться, говорю я тебѣ. Веревка у насъ на шеѣ—остается только покончить.

Сициній. Можно ли думать, что человекъ такъ мѣняется въ короткое время!

Мененій Агриппа. Червякъ не бабочка, а бабочка была-таки червякомъ. Марцій сталъ дракономъ изъ человекъ: выросли крылья—ползаетъ ему нечего!

Сициній. Онъ такъ нѣжно любить свою мать.

Мененій Агриппа. И меня любилъ онъ прежде. Онъ заботится о матери меньше, чѣмъ осьмилѣтній жеребенокъ. Отъ его жесткихъ взглядовъ зрѣлый виноградъ портится; самъ же онъ ходитъ, какъ стѣнби́тый таранъ: земля дрожитъ отъ его походки. Взглядомъ онъ, кажется, пробьетъ панцырь; голосъ его—словно колоколь или бранные крики. Сидитъ онъ—точно Александрова статуя, будто богъ какой, лишь безъ вѣчности да безъ трона на небѣ.

Сициній. Да и безъ милости, коли ты говоришь правду.

Мененій Агриппа. Я выдумывать не стану. Вотъ посмотришь, какихъ милостей принесетъ намъ мать его. Милости въ немъ искать—это искать молока у самца-тигра. Это узнаетъ нашъ городъ изъ-за тебя съ товарищами.

Сициній. Пусть боги сжалятся надъ нами!

Мененій Агриппа. Не сжалятся надъ нами боги. Когда мы изгоняли его, мы про нихъ не вспомнили: теперь они не вспомнятъ насъ, когда онъ придетъ всѣмъ намъ свернуть шею.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ (Сицинію).
Бѣги домой, спасай себя скорѣй!
Плебеями ужъ схваченъ твой товарищъ:
Они его по улицамъ волочатъ
И поклялися разорвать на части,
Коль жоны римскія не пренесутъ
Извѣстья о пощадѣ.

Входитъ другой вѣстникъ.

Сициній.
Что случилось?

2-ой вѣстникъ.
Вѣсть добрая! За жонами побѣда!
Ушли враги и Марцій вмѣстѣ съ ними.
Римъ не видалъ дня радостнѣе, даже
Въ ту пору, какъ Тарквиній изгнанъ былъ!

Сициній.

Мой другъ—то правда ли? ты вѣрно знаешь?

Вѣстникъ.

Такъ вѣрно, какъ я знаю солнца свѣтъ!
Да гдѣ жъ сидѣлъ ты? или ты не видѣлъ,
Какъ римляне въ восторгъ за ворота
Потокомъ переполненнымъ стремятся?

(Трубы, барабаны и радостные крики за сценой).

Не слышишь развѣ? Барабаны, трубы,
Литавры, флейты! Отъ веселыхъ криковъ
И солнце веселится! Слышишь?

СЕМЬЯ КОРИОЛАНА УМОЛЯЕТЪ ЕГО ПОЩАДИТЬ РИМЪ.

Картина нѣмец. художника Адамо (Max Adamo, p. 1837).

Мененій Агриппа.

Правда,
Вотъ эта вѣсть такъ радостна! Пойду я
На встрѣчу жонамъ. (Крики за сценой).

Цѣлаго сената
И консуловъ, и всей толпы отцовъ
Одна Волумнія дорожке стоитъ;
Трибуновъ же такихъ, какъ ты—безъ счета
На морѣ и на сушѣ. Вѣрно, вы
Усердно помолилися сегодня:
Поутру я не далъ бы и гроша
За десять тысячъ римскихъ душъ.

(Крики и музыка за сценой).

На слазу
У нихъ веселье!

Сициній (*встѣпнику*).

За такія вѣсти
Пусть боги награждать тебя; прими жъ
И отъ меня ты благодарность.

Вѣстникъ.

Всѣ мы
Должны боговъ хвалить.

Сициній.

Онъ ужъ близко?

Вѣстникъ.

Сейчасъ войдутъ въ ворота.

Сициній.

Такъ пойдемъ
И радоваться, и встрѣчать ихъ вмѣстѣ:

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Улица близъ городскихъ воротъ.

Римлянки, *ходившія къ Коріолану, въ сопровожденіи сенаторовъ, патриціевъ и народа, проходятъ черезъ сцену.*

1-й сенаторъ (*народу*).

Глядите, вотъ спасительницы Рима!
Вотъ наша жизнь! Скликайте ваши трубы,
Хвалите Небо, зажигайте всюду
Огни веселья, усыпайте жонамъ
Цвѣтами путь. Пусть прежній крикъ изгнанья

Потонетъ въ крикъ радостномъ привѣта
Коріолана матери. Пусть Марцій
Вернется къ намъ на этотъ зовъ! Кричите:
„Привѣтъ вамъ, жоны Рима!“

Всѣ.

Жоны Рима
Да здравствуютъ! Привѣтъ имъ отъ народа.
(*Трубы и барабаны. Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Анціумъ. Народная площадь.

Входитъ Туллъ Авфидій со свитой.

Авфидій.

Сказать въ сенатѣ, что вернулись мы.
Пусть тамъ теперь прочтутъ бумагу эту
И всѣ идутъ на площадь, гдѣ я стану
Передо всѣмъ народомъ подтверждать
То, что въ ней писано. Ужъ обвиненный

Прибыль сюда, и самъ передъ народомъ
Себя словами хочеть оправдать.
Спѣшите же.

(*Свита Авфидія уходитъ*).

*Входятъ нѣсколько заговорщиковъ
партіи Авфидія.*

Авфидій.

Привѣтъ вамъ!

1-ый заговорщикъ.

Полководецъ,

Что? какъ дѣла твои?

Авфидій.

Какъ у того,
Кто подаяніемъ своимъ отравленъ
И гибнетъ отъ своей же доброты.

2-ой заговорщикъ.

Достойный вождь, когда своихъ рѣшеній
Не измѣнилъ ты—отъ такой напасти
Спаси тебя готовы мы.

Авфидій.

Рѣшаться

Здѣсь не легко—и дѣйствовать должны мы
Съ народомъ заодно.

3-ій заговорщикъ.

Народъ измѣнчивъ;
Онъ колебаться станетъ между вами,
Покуда не падетъ одинъ изъ двухъ,
Оставивши другому все наслѣдство.

Авфидій.

Все знаю я—и наступило время
Нанести ударъ. Возвысилъ я его,
Я за него моей ручался честью,
А онъ за то, смиривъ свою природу,
Свободную и гордую дотоль,
Сталъ поливать онъ новыя растенья
Росою лести—и друзей моихъ
Тѣмъ обольстилъ.

3-ій заговорщикъ.

А прежде, изъ упорст
Онъ не умѣлъ смиряться—и утратилъ
Санъ консула.

Авфидій.

Про то и говорю я.

Его изгнали—онъ пришелъ въ мой домъ
И шею подъ ударъ поставилъ смертный.
Я взялъ его въ товарищи по власти;
Я уступалъ всѣмъ замысламъ его;
Изъ всѣхъ дружинъ я далъ ему на выборъ

Надежнѣйшихъ бойцовъ, и самъ пошелъ
Съ нимъ пожинать ту славу, что присвоилъ
Теперь онъ всю себѣ. И я гордился
Той жертвою, покуда не замѣтилъ,
Что я слугой—не полководцемъ сталъ,
Что платить мнѣ онъ милостивымъ взглядомъ,
Какъ бы наемщику.

1-ый заговорщикъ.

Все это правда,
И войско все дивилось тому.
И, наконецъ, когда предъ самымъ Римомъ
Стояли мы, на славу и добычу
Заранѣ считая...

Авфидій.

Тутъ-то я
И напругу въ борьбѣ мои всѣ силы.
За капли онъ дешевыхъ женскихъ слезъ
Не продалъ ли и кровь, и трудъ тяжелый
Великаго похода? Онъ умереть,
И чрезъ его паденье я воскресну!
Вы слышите?

(Звукъ трубъ и барабановъ, радостные крики народа).

1-ый заговорщикъ.

Его встрѣчаютъ крикомъ,
А ты, въ родной свой городъ, безъ привѣта
Вошелъ, какъ бы гонецъ какой-нибудь.

2-ой заговорщикъ.

И горло глупое дерутъ себѣ
Тѣ крикуны, чьихъ сыновей недавно
Онъ убивалъ.

3-ий заговорщикъ.

Спѣши жъ, пока народа
Онъ рѣчью не успѣлъ къ себѣ привлечь!
Берись за мечъ: мы станемъ за тобою!
Умереть онъ—ты съумѣешь оправдаться,
А тамъ ужъ похоронять вмѣстѣ съ трупомъ
Его защиту.

Авфидій.

Нечего болтать:
Сенатъ идетъ сюда.

Входятъ сановники города.

Сенаторы.

Привѣтъ тебѣ!

Авфидій.

Не стою я привѣтовъ.
Прочли ли вы, достойные отцы,
То, что писалъ я?

Сенаторы.

Да.

1-ый сенаторъ.

Съ большою скорбью,
Всѣ прежніе проступки безъ труда
Мы извиняемъ въ немъ; но такъ покончить,
Едва начавъ, пожертвовать напрасно
Издержками, народомъ и трудами,
Миръ даровать поверженнымъ врагамъ—
Тутъ оправданій нѣтъ и быть не можетъ!

Авфидій.

Вотъ онъ и самъ. Пусть намъ отчетъ онъ
дастъ.

КОРИОЛАНЪ И МОЛЯЩАЯ ЕГО О ПОЩАДѢ
РИМА СЕМЬЯ.

Изъ незаконченнаго эскиза Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach).

*Входитъ Кориоланъ, при звукахъ трубъ
и барабановъ; за нимъ толпа гражданъ.*

КОРИОЛАНЪ.

Привѣтъ, отцы! Вашъ воинъ къ вамъ вер-
нулся;
Не зараженъ онъ, такъ же, какъ и прежде,
Любовью къ Риму; такъ же, какъ и прежде,
Покоренъ онъ великой вашей власти.
Успѣшенъ былъ послѣдній мой походъ:
Путемъ кровавымъ я довелъ дружины
До римскихъ стѣнъ. Цѣна добычи бранной
Перевышаетъ цѣлой третьей частью
Издержки наши. Миръ добыли мы,
Позорный Риму—анціатамъ славный.
Вотъ договоръ, съ печатію сената,
За подписаньемъ консуловъ, а также
Патриціевъ.

Авфидій.

Читать его не стоитъ,
Отцы. Измѣннику скажите прямо,
Что власть, ему врученную отъ васъ,
Во зло употребилъ онъ.

Коріоланъ.

Какъ? измѣнникъ?
Кто здѣсь измѣнникъ?

Авфидій.

Ты измѣнникъ, Марцій!

Коріоланъ.

Какъ? Марцій? я?

Авфидій.

Да, Марцій—Каіѣ Марцій.
Но думаешь ли ты, что звать я стану
Тебя Коріоланомъ, тѣмъ прозваньемъ,
Что ты себѣ въ Коріоли укралъ?
Отцы, главы народа, вѣроломно
Онъ измѣнилъ довѣренности вашей:
Онъ отдалъ городъ, вамъ принадлежавшій,
За капли слезъ соленыхъ; онъ вашъ Римъ
Своей женѣ и матери запродавъ.
Военнаго совѣта не созвавъ,
Онъ разорвалъ и клятву, и рѣшимость,
Какъ рвутъ гнилую нитку; онъ проплакалъ
Побѣды ваши. Могъ онъ только хныкать,
При видѣ слезъ кормилицы своей,
На стыдъ мальчишкамъ и мужамъ на диво!

Коріоланъ.

Ты слышишь, Марсъ!

Авфидій.

И Марса призывать
Ты смѣешь здѣсь, заплаканный ребенокъ!

Коріоланъ.

А!

Авфидій (*презрительно*).

Да, ребенокъ.

Коріоланъ.

Безпримѣрный лжецъ,
Ты мѣры переполнилъ. Я ребенокъ?
О, подлый рабъ! Отцы, простите мнѣ:
Я въ жизнь мою едва ль не въ первый разъ
На рѣчь такую вызванъ. Обличите
Своимъ судомъ во лжи собаку эту.
Пусть мерзкій лжецъ, что слѣдъ моихъ
ударовъ
На тѣлѣ не износитъ до могилы,
Пусть онъ во всемъ сознается и ложью
Своею же подавится.

1-ый сенаторъ.

Молчите

Вы оба. Слушать то, что я скажу!

Коріоланъ.

Сюда, всѣ вольски! Мальчики и мужи,
Въ моей крови мечи свои омойте,
Въ куски меня рубите! Я ребенокъ?
Ты лжешь, собака! Если правда есть
Въ преданіяхъ и лѣтописяхъ вашихъ,
То тамъ найдете вы, что я одинъ
Такъ, какъ орелъ, влетѣвшій въ голубятню,
Въ Коріоли вгонялъ дружины вольсковъ!
И я ребенокъ?

Авфидій (*сенаторамъ*).

Честные отцы,

И вамъ въ глаза хвастунъ безбожный этотъ
Осмѣлится твердить безъ наказанья
О всѣхъ слѣпыхъ, постыдныхъ намъ удачахъ?

Заговорщики.

Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ умретъ теперь за
это!

Народъ. Разорвать его въ куски!
Убить его сейчасъ же! Онъ убилъ моего
сына! Мою дочь! Онъ убилъ моего брата
Марка! Онъ убилъ моего отца!

2-ой сенаторъ.

Молчать, вы всѣ, молчать безъ оскорбленій!
Онъ благороденъ: слава дѣлъ его
Раскинулась по всей землѣ широкой.
Послѣднюю вину его обсудимъ
Мы здѣсь по справедливости. Авфидій,
Не нарушай порядка.

Коріоланъ.

Я бѣ желалъ,
Чтобъ онъ и шесть Авфидіевъ еще,
И племя все его ко мнѣ явились
Попробовать вотъ этой честной стали.
(*Берется за мечъ*).

Авфидій.

Ты, дерзкій плутъ...

Заговорщики.

Убить его, убить!
Такъ, смерть ему!

Сенаторы.

Молчать, остановитесь!

(*Авфидій и заговорщики, вынувъ мечи, бро-
саются на Коріолана и убиваютъ его. Ко-
ріоланъ падаетъ; Авфидій наступаетъ на
его трупъ*).

Авфидій.

Достойные сенаторы, у васъ
Прошу я слова.

1-ый сенаторъ.

Что ты сдѣлалъ, Туллъ!

3-ий сенаторъ.

Отъ дѣлъ такихъ рѣкой польются слезы
Изъ мужественныхъ глазъ.

1-ый сенаторъ.

Не попирай
Его ногой! Вложить мечи! Молчите,
Вы, граждане!

Авфидій.

Почтенные отцы,
Онъ вызвалъ самъ отчаянное дѣло:
Онъ не далъ мнѣ предъ вами объяснить
Опасности, какой мы подвергались.
Когда вы все узнаете,—вы сами
Порадуетесь гибели его.
Въ сенатъ меня зовите—тамъ отвѣчу
Я, какъ слуга достойный, иль отъ васъ
Безропотно приму я злую кару.

1-ый сенаторъ.

Возьмите трупъ—и пусть по этомъ мужъ
Начнется скорбь великая. Пусть знаютъ
Во всемъ народѣ, что славнѣ праха
Герольдъ не провожалъ еще до урны.

3-ий сенаторъ.

Съ Авфидія снята ужъ часть вины
Черезъ Марціа строптивость. Покоримся
Тому, чего перемѣнить нельзя.

Авфидій.

Прошелъ мой гнѣвъ, скорбью потрясенъ я.
Берите трупъ вы, трое изъ вождей
Достойнѣйшихъ; самъ буду я четвертымъ.
Пусть барабанъ гремитъ печальнымъ зву-

комъ,
Пусть копья преклоняются. Хоть многихъ
Онъ въ Анціумѣ сдѣлалъ сиротами,
Хоть вдовами нашъ городъ онъ наполнилъ,
Хоть слезы ихъ донинѣ не обсохли,
Но славной памятью почитать должны
Мы славнаго вождя. Берите тѣло!

(Уходятъ съ трупомъ Коріолана. Погребаль-
ный маршъ).

А. Дружининъ.

Конецъ Джильберта (Gilbert).

АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА

Верхъ и низъ виньетки—египетскій орнаментъ (коршунъ—эмблема высшей силы; нижній рисунокъ—живопись на лицѣхъ съ муміей). Медальоны—(сильно увеличенныя) египетская серебряная монеты съ изображеніемъ Антонія и Клеопатры въ качествѣ супруговъ.

СМЕРТЬ АНТОНІЯ И КЛЕОПАТРЫ.

Посмертный, незаконченный эскиз Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach).

АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА.

I.

Подъ Филиппами тѣнь Цезаря и Брутъ вторично увидѣлись; молодая слава освободителя Рима поблекла передъ грознымъ проклятіемъ убитаго диктатора, исполнителемъ котораго явились оба наслѣдника его обаянія, Цезарь младшій и Антоній. Послѣ гибели послѣдняго войска республики у римской свободы остался только одинъ заступникъ: Секстъ Помпей, сынъ Помпея Великаго. Но легіоновъ у него не было, и его военныя силы—сицилійскіе рабы и морскіе разбойники—могли только держать въ осадномъ положеніи изнуренную Италію, но не сулили ему сколько нибудь значительныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ побѣдоносными триумвирами, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ дѣйствовали согласно. Правда, надежды на это согласіе были очень слабы: холодная раз-

счетливость молодого Цезаря и безразсудная страстность Антонія взаимно отталкивали другъ друга, и ихъ союзъ, хотя и сплоченный кровью Цицерона и множествомъ другихъ жертвъ проскрипцій 43 года, никакихъ залоговъ долговѣчности въ себѣ не заключалъ. Связующими звеньями между ними были мужчина и женщина: Лепидъ и Фульвія. Но мужчина былъ слишкомъ женственнаго, а женщина слишкомъ мужского характера для того, чтобы удачно исполнить свою роль.

Лепидъ былъ не только третьимъ членомъ триумvirата—онъ могъ даже приписать себѣ заслугу его основанія. Всѣмъ былъ памятенъ тотъ день, когда онъ, осторожный и нерѣшительный, стоялъ со своими легіонами въ Галліи, а Антоній, разбитый и преслѣдуемый, съ остатками своего войска искалъ у него защиты и, не будучи имъ принятъ, расположился лагеремъ по

сосѣдству съ нимъ. Никогда еще чарующая сила личности не сказалась съ такой поразительной, всепобѣждающей мощью: солдаты Лепида высыпали посмотрѣть и послушать бывшаго помощника послѣдняго диктатора Рима и участника его славы, нѣкогда всемогущаго нынѣ освященнаго несчастьемъ. И вотъ раздѣляющій валъ между обѣими стоянками разрушается, Антоній входитъ триумфаторомъ въ чужой лагерь, приближается къ оставленному и испуганному Лепиду—и внезапно бросается на колѣни передъ нимъ, называя его своимъ отцомъ и спасителемъ. Что это? Разсчетъ? Нѣтъ, увлеченіе; но одно изъ тѣхъ увлеченій, которыя коренясь въ самой природѣ чело-вѣка, силой своей непосредственности вмигъ завоевываютъ симпатіи и лучше всякаго разсчета содѣйствуютъ цѣлямъ увлекающагося. Съ этого дня начинается второе возвышеніе Антонія... или, говоря правильнѣе, третье, такъ какъ второе мы должны начать съ той минуты, какъ онъ, посредствомъ такого же заразительнаго увлеченія, отбилъ у республиканцевъ впечатлительную городскую толпу—читатели знаютъ эту безподобную сцену изъ „Юлія Цезаря“ нашего поэта. Тогда молодой Цезарь положилъ предѣлъ его дальнѣйшимъ успѣхамъ, подъ стѣнами Мутины солнце Антонія затмилось: теперь, послѣ его безкровной побѣды надъ Лепидомъ, оно опять сіяло въ прежнемъ блескѣ, и умный Цезарь не счелъ полезнымъ для себя продолжать вражду. У той же Мутины былъ заключенъ роковой для Рима триумвиратъ, первымъ послѣдствіемъ котораго были проскрипціи, а вторымъ — походъ обоихъ противниковъ въ Македонію, гдѣ подъ ихъ ударами пали послѣдніе бойцы за римскую республику. Во время македонскаго похода въ Италіи остался Лепидъ въ званіи консула—и Фульвія, которая, въ качествѣ жены Антонія и тещи Цезаря, была какъ бы геніемъ (или фуріей) триумвирата.

Эта женщина, едва ли не самая замѣчательная изъ римскихъ тигрицъ той эпохи, имѣла тогда за собой богатое и разнообразное прошлое. Мы видимъ ее впервые женой мятежнаго демагога Клодія, кумира римской черни и заклятаго врага Цицерона; ихъ бракъ былъ счастливъ, благодаря сходству ихъ натуръ, и она сильно горевала объ его безвременной смерти—смерти въ свалкѣ на большой дорогѣ, достойно завершившей безпокойную жизнь этого чело-вѣка. Вскорѣ затѣмъ, однако, она вышла

за Куріона, „перваго среди геніальныхъ“ повѣсь того времени“, какъ его называетъ Моммзенъ, главное орудіе Цезаря въ его разрывѣ съ сенатомъ. Куріонъ вскорѣ погибъ въ Африкѣ и Фульвія вторично осталась вдовой. Ближайшимъ другомъ убитаго былъ нашъ Маркъ Антоній; онъ не побоялся взять въ свой домъ женщину, похоронившую двухъ своихъ мужей, и любилъ ее страстно, несмотря на насмѣшки своего врага Цицерона, что „римскій народъ ждетъ отъ Фульвіи третьяго подарка“. Много разговоровъ возбудилъ тогда одинъ случай, хотя и маловажный, но все же доказывающій всю романтичность, если можно такъ выразиться, натуры Антонія. Во время испанскаго похода Цезаря, когда Римъ съ трепетомъ ждалъ вѣсти о новой побѣдѣ или о гибели своего властителя, Антоній по государственнымъ дѣламъ долженъ былъ выѣхать изъ Рима; Фульвія осталась въ городѣ, томимая тоской и ревностью: любовь къ супругу не препятствовала Антонію любить на сторонѣ другую, прекрасную актрису Цитериду. Вдругъ... но расскажемъ дальнѣйшее словами Цицерона: „Около десятаго часа дня Антоній пріѣхалъ къ Краснымъ Скаламъ, засѣлъ въ какой то харчевнѣ и провелъ тамъ за виномъ остатокъ дня; затѣмъ онъ быстро въ коляскѣ вернулся въ городъ и, окутавъ голову плащомъ, поспѣшилъ домой. Привратникъ: кто тамъ? Отвѣтъ: гонецъ отъ Марка. Тотчасъ его ведутъ къ той, ради которой онъ и пришелъ, и онъ передалъ ей письмо. Она его читаетъ, плачетъ... а письмо было любовное, и его содержаніе сводилось къ тому, что онъ прекращаетъ свою связь съ той актрисой, что онъ всю любовь, которую питалъ къ ней, переноситъ на жену. Слезы Фульвіи льются все сильнѣе и сильнѣе—и вотъ нашъ сердобольный супругъ не можетъ долѣе сопротивляться, обнажаетъ голову, бросается ей на шею...“ „О него-дѣй!“ восклицаетъ гнѣвно ораторъ, „для того, значить, чтобы твоя жена увидѣла тебя неожиданно въ роли Ганимеда (по нашему: селадона), для того ты распространилъ по Риму ночную тревогу, по Италіи—многодневный страхъ?“. Да, эта черта была въ Антоніи: увлекаясь любовью, онъ не щадилъ не только нервовъ, но и крови своихъ согражданъ. Будущее оправдало эту оцѣнку гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ могъ предполагать прозорливый Цицеронъ.

Итакъ, Фульвія была женой Антонія ко времени триумвирата; по желанію войска,

Цезарь Младшій женился на ея молоденькой дочери отъ перваго брака и падчерицъ своего новаго союзника, Клодіи; благодаря этому она стала самой вліятельной женщиной, а по удаленіи Антонія и Цезаря въ Македонію и самой вліятельной личностью въ Римѣ. Сенатъ и народъ были къ ея услугамъ, между тѣмъ какъ обоимъ консуламъ, изъ которыхъ однимъ былъ Лепидъ, досталась скромная роль исполнителей ея желаній. Особенно краснорѣчиво сказалось вліяніе Фульвіи къ концу 42 г., нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Филиппскаго побоища. Ея деверь Луцій Антоній былъ намѣстникомъ Верхней Италіи; пришлось ли ему, въ качествѣ такового сразиться съ воинственными альпійскими племенами, или нѣтъ—мы не знаемъ, но фактъ тотъ, что онъ приписывалъ себѣ кое какія военныя заслуги и на этомъ основаніи потребовалъ триумфа. Сенатъ, занятый македонскими и другими дѣлами, туго откликался на его заискиванія; тогда онъ обратился къ заступничеству Фульвіи, и цѣль была достигнута. Перваго января слѣдующаго года Луцій Антоній вошелъ триумфаторомъ въ Римъ—триумфаторомъ по милости Фульвіи.

Вообще надобно сказать, что новая властительница Рима льнула гораздо болѣе къ своему мужу, чѣмъ къ своему зятю; когда поэтому оба триумвира—такъ приходится говорить, такъ какъ Лепида никто въ расчетъ не принималъ—подѣлили между собой свои дальнѣйшія задачи и Цезарь вернулся въ Италію, столкновеніе между ними и Фульвіей стало неминуемо. Задача Цезаря была тяжела во всѣхъ отношеніяхъ: онъ долженъ былъ надѣлать землю ветерановъ своего побѣдоноснаго войска, притомъ, согласно уговору, очень богато, а для этого—отнять землю у прежнихъ, законныхъ владѣльцевъ. Возропала Италія; правда, расположеніе солдатъ могло служить противовѣсомъ ея неудовольствію; но тутъ уже Фульвія постаралась о томъ, чтобы Цезарь не очень могъ полагаться на этотъ противовѣсъ, заискивая отъ имени Антонія самымъ беззащитнымъ образомъ передъ ветеранами общаго войска. Возмущенный Цезарь развелся съ ея дочерью. Это, конечно, всего менѣе могло заставить Фульвію и Луція Антонія прекратить свои происки и новая междоусобная война стала неизбежной. Чтобы увеличить свои шансы, Луцій развернулъ знамя свободы—и дѣйствительно, этимъ привлекъ на свою сторону много республиканцевъ: Фульвія

не сразу рѣшилась согласиться съ его не въ мѣру смѣлыми идеями, но начавшаяся было между ними ссора была быстро улажена общимъ другомъ, подсказавшимъ ей оригинальное, чисто женское соображеніе. Фульвія и Луцій соединили, свои силы; началась война—„перузинская война“, какъ ее принято называть по имени города, занятаго врагами Цезаря. Она быстро кончилась; черезъ три мѣсяца Перузія сдалась. Луцій Антоній призналъ власть побѣдителя, но непримиримая Фульвія, равно какъ мать обоихъ Антоніевъ, Юлія, предпочла оставить Италію. Юлія была съ почетомъ принята Секстомъ Помпеемъ въ Сициліи, который былъ радъ завязать черезъ нее сношенія съ ея могущественнымъ сыномъ; что касается Фульвіи, то она отправилась въ Грецію и вскорѣ затѣмъ умерла въ пелопоннесскомъ городкѣ Сиціонѣ.

То женское соображеніе, которое склонило Фульвію поднять знамя возстанія, состояло въ слѣдующемъ: „пусть въ Италіи разгорается междоусобная война; каковъ бы ни былъ ея ходъ—она заставитъ Марка Антонія опомниться и вырветъ его изъ объятій Клеопатры“.

II.

Послѣ разлуки съ Цезаремъ Младшимъ Антоній отправился завоевывать Востокъ, находившійся на сторонѣ республиканцевъ. Военная часть его задачи никакихъ затрудненій не представляла—никто не думалъ о сопротивленіи; но ему нужно было также добыть крупныя суммы золота для пополненія своей казны и для вознагражденія деньгами тѣхъ же солдатъ, которыхъ Цезарь предполагалъ надѣлать землею. Это было непріятно, но—при врожденномъ малодушіи привыкшаго къ обидамъ Востока, далеко не такъ опасно, какъ передѣлъ Италіи. Къ тому же, Антоній по всему своему характеру былъ способенъ плѣнить эллинизованный Востокъ. Онъ производилъ себя отъ (вымышленнаго) Антона, сына Геракла; но Геракломъ онъ былъ только на войнѣ, въ мирное же время онъ болѣе старался воплотить въ себѣ другое греческое божество—бога весны и веселья, благодатнаго друга смертныхъ Діониса. Греки охотно шли на встрѣчу этой его мечтѣ. Въ Эфесѣ устроили въ его честь вакханскій хороводъ; женщины нарядились вакханками, мужчины сатирами, звуки флейтъ и тим-

пановъ оглашали городъ... Таковъ былъ въѣздъ въ провинцію представителя римской власти. Романтикъ по природѣ, онъ охотно превращалъ дѣйствительность въ сказку, жизнь въ сновидѣніе; вполне отождествляя себя со своими мечтаніями, онъ и самъ скользилъ сновидѣніемъ по жизни своихъ близкихъ, то грознымъ, то чарующимъ, но всегда причудливымъ, всегда противорѣчащимъ дѣйствительности. И вотъ, когда его не стало, имъ показалось невѣроятнымъ, чтобы онъ когда либо существовалъ; сама подруга его мечтаній говоритъ о немъ:

Мнѣ *снилось*: былъ властитель Маркъ Антоній...

Но мы заглядываемъ впередъ. Въ Эфесѣ, столицѣ сказочной Азіи, начался для Антонія волшебный сонъ; въ Тарсѣ онъ всецѣло его опуталъ своими чарами. Триумиръ возсѣдалъ на городской площади, творя судъ, окруженный сановниками города, царями и представителями сосѣднихъ областей и многотысячной толпой народа; вдругъ толпа заколыхалась, одна группа за другой покинула площадь, Антоній остался одинъ со своими ликторами. Что случилось? „Это Афродита“, говорили, „пришла навѣстить Діониса“. Какъ пришла и зачѣмъ—этого мы можемъ не повторять, нашъ поэтъ пересказываетъ эту встрѣчу со всѣми историческими подробностями устами Азнобарба¹⁾ во второй сценѣ второго дѣйствія.

Выражаясь прозаически, египетская царица Клеопатра явилась къ главѣ римскаго Востока, чтобы вмѣстѣ съ другими царями принять участіе въ совѣщаніи о предстоящемъ походѣ противъ парянъ и кстати оправдаться въ своихъ дѣйствіяхъ послѣ смерти диктатора Цезаря, которыхъ многимъ казались двусмысленными. Она была дочерью царя Птолемея Авлета; ей было тринадцать лѣтъ, когда ея отецъ въ 51 г. умеръ, оставляя наслѣдниками престола ее и ея десятилѣтняго брата Птолемея Діониса. По его волѣ, согласной съ египетскимъ обычаемъ, они должны были вступить въ супружество и управлять страной вмѣстѣ; но вслѣдствіе происковъ Потина, совѣтника малолѣтняго царя, Клеопатра

была изгнана; она находилась въ Сиріи, когда въ 48 г. Помпей Великій, разбитый Цезаремъ подъ Фарсаломъ, искалъ убѣжища въ Египтѣ. Онъ могъ разсчитывать на благосклонность царя, отецъ котораго ему былъ обязанъ своимъ престоломъ; но Потинъ, желая прислужиться побѣдителю, велѣлъ умертвить его во время переправы съ судна на сушу. Въ своихъ разчетахъ онъ обманулся: Цезарь, придя въ Александрію, объявилъ, что онъ намѣренъ самъ рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи, и велѣлъ обоимъ царямъ явиться къ нему. Но онъ былъ безъ войска, съ небольшою свитой; египтяне его осадили въ александрійскомъ дворцѣ, сама Клеопатра только украдкой могла его посѣтить (по анекдоту, на который нашъ поэтъ намекаетъ въ 6 сц. II д., ее внесли во дворецъ, зашитой въ тюфякъ); шесть мѣсяцевъ продолжалось его стѣсненное положеніе, но подъ конецъ онъ побѣдилъ. Дѣлъ оставалось еще много, Римъ далеко не былъ еще умиротворенъ; но Цезарь, казалось, забылъ о дѣлахъ и вмѣстѣ со своей новой подругой, шестнадцатилѣтней Клеопатрой, отправился вверхъ по Нилу, въ глубь чудесной страны Фараоновъ. Когда онъ наконецъ уѣхалъ, Клеопатра стала царицей Египта—и матерью младенца, которому она дала имя Цезаріона. Смерть диктатора была тяжелымъ ударомъ для нея; все же она продолжала дѣйствовать въ его духѣ и только нехотя, вынужденная обстоятельствами, оказала незначительную помощь Кассію. Именно въ этой помощи ей теперь приходилось оправдываться. Антоній отправилъ къ ней своего повѣреннаго Деллія, умнаго человѣка, того самаго, которому Гораций въ послѣдствіи посвятилъ свою знаменитую оду:

Покой не забывай душевный сохранять

Въ минуты трудныя.

Такой же совѣтъ онъ самъ теперь далъ Клеопатрѣ. Та его поняла; узнавъ отъ посла о романтической натурѣ владыки Востока, она явилась къ нему той царицей сказки, которой его душа давно ждала. Афродита навѣстила Діониса, приплыла къ нему на своей волшебной ладѣ по рѣкѣ Кидну, призвала его къ себѣ... Тщетна была его попытка соблюсти достоинство римскаго вожда; вскорѣ въ лицѣ Клеопатры сказка заключила его въ свои объятія. За краткимъ упоеніемъ Тарсосскаго свиданія послѣдовалъ долгій сонъ египетскихъ ночей. Римъ и легіоны, Цезарь и Фульвія были

¹⁾ Почтенный авторъ предисловія въ транскрипціи именъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи становится на строго-филологическую точку зрѣнія. См. подробнѣе примѣчанія къ «Антонію и Клеопатрѣ».

забыты; даже раскатамъ перузинской войны не удалось разрушить сладкую дремоту, въ которую былъ погруженъ духъ обвороженаго полководца. Съ грустью слѣдили его римскіе друзья за постепеннымъ усиленіемъ этого забытья, съ ужасомъ замѣчалъ онъ самъ, какъ онъ съ каждымъ днемъ терялъ часть самого себя въ своей новой любви; его цѣпи были прочны, и краткія минуты отрезвленія служили только къ тому, чтобы еще нагляднѣе показать ему его полную отчужденность отъ міра дѣйствительности, чтобы еще сильнѣе возбудить въ немъ тоску по покинутой сказкѣ. Пусть духъ умершей Фульвіи—умершей не безъ его вины—зоветъ его продолжать ея дѣло, пусть холодный и разсудительный Цезарь предлагаетъ ему новый дѣлежъ міра подъ условіемъ его помощи противъ владыки морей Секста Помпея, пусть общіе друзья стараются его связать съ дѣйствительностью рукой и ласками нѣжной и благородной Октавіи; ему не по себѣ въ римской обстановкѣ,—въ обществѣ старыхъ и новыхъ друзей, за трапезой Цезаря, даже въ теремѣ голубоокой Октавіи онъ чувствуетъ жгучій взоръ своей сказки, знаетъ, что она ждетъ его тамъ, далеко, въ лицѣ его „змѣи у древняго Нила“. Все сильнѣй и сильнѣй манитъ она его къ себѣ; за Римомъ—Аѳины, за Аѳинами—Египетъ, Александрія, Клеопатра; волшебный сонъ вторично завладѣлъ покореннымъ вождемъ и этотъ разъ не выпустилъ его изъ своихъ объятий вплоть до самой смерти.

Разсказъ объ этомъ снѣ, съ его краткими болѣзненными перерывами и окончательнымъ роковымъ пробужденіемъ, составляетъ содержаніе „Антонія и Клеопатры“ Шекспира. Анализировать его мы не будемъ. Методъ, примѣненный нами въ настоящемъ изданіи къ сравнительно посредственнымъ „Комедіи ошибокъ“ и „Периклу“, былъ бы неумѣстенъ здѣсь, по отношенію къ признанной жемчужинѣ шекспировской поэзіи. Историческую обстановку, желательную для ея пониманія, дали обѣ предыдущія главы; быть можетъ, впрочемъ, читателю будетъ еще интересно узнать, что сама драма обнимаетъ десятилѣтній промежутокъ между перузинской войной въ 41 г. и смертью обоихъ героевъ въ 30 до Р. Х.; что Антонію къ началу драмы было 40 лѣтъ, Цезарю—22, а Клеопатрѣ—23; что примиреніе между обоими триумвирами состоялось въ Брундизіи въ 40 году; свадьба Антонія и Октавіи въ Римѣ въ 40-же году (у Шекспира оба событія

разсказаны во 2 дѣйствіи, какъ происшедшія въ Римѣ), а примиреніе триумвировъ съ Секстомъ Помпеемъ въ Мизенѣ въ слѣдующемъ 39 г.; что новая война Цезаря съ Секстомъ Помпеемъ, на которую намечается въ 4 сц. III д., началась въ 38 г., а отрѣшеніе Лепида, упоминаемое тамъ же въ 5 сц., состоялось въ 36 г., между тѣмъ какъ убіеніе Секста Помпея легатами Антонія, о которомъ говорится въ той же сценѣ, произошло лишь годомъ спустя; что александрійскія распоряженія Антонія—на которыя сѣтуетъ Цезарь тамъ же въ 6 сценѣ, имѣли мѣсто въ томъ же 36 г., актійское же сраженіе, къ которому круто переходитъ въ 7 сценѣ, лишь въ 31 г.; что, наконецъ, послѣдніе два акта обнимаютъ событія одного только 30 г. Вообще анахронизмовъ мало, къ хронологіи поэтъ отнесся довольно заботливо.

Что касается хронологіи самой драмы, то она достаточно опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1608 г. пьеса подъ заглавіемъ *Antony and Cleopatra* была внесена въ книгопродавческіе списки (*Stationers' Registers*) Блѣнтомъ—тѣмъ самымъ Блѣнтомъ, которому принадлежитъ первое изданіе нашей трагедіи въ 1623 г. Конечно, написана она могла быть и раньше; но противъ слишкомъ ранняго ея происхожденія говорятъ метрическія ея особенности, а именно статистика такъ назыв. „мягкихъ окончаній“, приближающая ее къ пьесамъ позднихъ періодовъ. Мы допускаемъ поэтому, вмѣстѣ съ большинствомъ издательей, что Шекспиръ написалъ „Антонія и Клеопатру“ въ 1607 году.

III.

Его источникомъ былъ опять, какъ и въ „Юліи Цезарѣ“ и „Коріоланѣ“—Плутархъ. Зависимость отъ этого признаннаго мастера біографіи выдѣляетъ эти три „римскія“ драмы вмѣстѣ съ „Комедіей ошибокъ“ въ особую группу. Въ остальныхъ своихъ драмахъ Шекспиръ своимъ источникамъ былъ обязанъ только матерьяломъ—сознавая ихъ художественную низкопробность, онъ въ построеніи и одушевленіи фабулы слѣдовалъ не имъ, а своему собственному чутью; здѣсь онъ и въ техническомъ, и въ художественномъ отношеніи чувствовалъ свою зависимость и съ тѣмъ благороднымъ прямодушіемъ, на какое способенъ только гений, подчинился обаянію своихъ образцовъ. Особенно это относится къ Плутарху

и прежде всего къ его „Антонію“. Правда, это была біографія; но драматическій характеръ специально *этой* біографіи сознавался самимъ Плутархомъ: переходя отъ Деметрія Поліоркета къ Антонію, онъ говоритъ: „пора, однако, послѣ развязки македонской драмы приняться за римскую“. И дѣйствительно, онъ далъ намъ захватывающую, потрясающую трагедію, хотя и съ довольно длиннымъ прологомъ; прологъ занимаетъ первую тридцать главъ (изъ 87) до смерти Цезаря, когда Антоній былъ только второстепеннымъ персонажемъ въ великой драмѣ, героемъ которой былъ диктаторъ.

Кто читалъ Плутарха и имѣлъ возможность сравнить съ нимъ Шекспира, тому бросается въ глаза, прежде всего, трогательная любовь къ нему этого послѣдняго, его желаніе воспользоваться всѣми сколько-нибудь интересными частностями, которыя онъ находилъ въ своемъ образцѣ, и притомъ воспользоваться по возможности дословно. Гдѣ только можно было, онъ воссоздавалъ плутарховскія сцены—такова въ особенности сцена смерти героини. Быть можетъ, его выросшимъ на „юфуизмѣ“ современникамъ послѣднія слова умирающей Харміаны (д. V, сц. 20) показались черезчуръ прѣсными въ ихъ строгой, античной красотѣ; быть можетъ, и онъ при другихъ обстоятельствахъ придумалъ бы тираду поэффектнѣе. Но онъ чувствовалъ себя связаннымъ; Плутархъ (гл. 85) въ слѣдующихъ словахъ описываетъ картину, представившуюся вошедшимъ въ комнату Клеопатры: „... они нашли ее умершей, лежащей въ царскомъ украшеніи на золотой постели. Изъ нея подругъ та, что называлась Ирадой, умирала у ея ногъ, Харміана же, уже шатающаяся и съ тяжелой головой, поправляла царскій вѣнецъ на ея челѣ. Тутъ кто-то въ гнѣвъ сказалъ: И это хорошо, Харміана? Очень хорошо, отвѣтила она, и достойно царицы, отпрыска столькихъ царей. Больше же она ничего не сказала и тутъ же пала возлѣ постели“.—А гдѣ невозможно было непосредственно представить плутарховскія сцены, тамъ поэтъ влагалъ ихъ въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ, особенно тому, кого онъ сдѣлалъ какъ бы хоромъ своей трагедіи, Азнобарбу: такова вышеупомянутая сцена встрѣчи на Киднѣ и много другихъ. Можно сказать, что цѣлый рядъ сценъ только для того и созданъ поэтомъ, чтобы въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ сообщить зрителямъ подробности, которыя у Плутарха рассказаны эпически; сюда отно-

сятся почти всѣ сцены третьяго дѣйствія. Конечно, онѣ не изъ самыхъ удачныхъ: насколько Плутархъ помогаль Шекспиру тамъ, гдѣ его сцены носили сами въ себѣ драматическій элементъ и только ждали руки драматурга, настолько онъ былъ ему помѣхой тамъ, гдѣ его рассказы вслѣдствіе своего существенно эпического характера туго поддавались драматизаціи. Опытный читатель сразу узнаетъ эти сцены; но только сличеніе съ источникомъ позволить ему понять и оцѣнить технику нашего поэта.

Вообще третій актъ нашей трагедіи носитъ нѣсколько своеобразный характеръ; уже изъ предложенной выше хронологической схемы читатель могъ усмотрѣть, что съ него поэтъ втиснулъ всѣ промежуточные событія 38—31 г., между тѣмъ какъ первые два акта, подобно послѣднимъ двумъ, представляютъ связную цѣпь слѣдующихъ одна за другой сценъ. Отсюда отрывочность этого акта; мало того, можно даже предположить, что поэтъ первоначально задумалъ другую его концепцію, которую онъ впоследствии не смогъ или не пожелалъ осуществить. Въ самомъ дѣлѣ, пусть читатель припомнитъ содержаніе обоихъ извѣстѣй, заставившихъ Антонія стряпнуть съ себя египетскую дремоту: однимъ были римскія дѣла, другимъ успѣхъ „парейскаго вождя“ Лабіена. Римскими дѣламъ были посвящены первые два акта; теперь въ третьемъ поэтъ переноситъ насъ въ землю пареянъ; доблестный и умный Вентидій одержалъ крупную побѣду надъ этими страшнѣйшими врагами Рима, но ихъ окончательное укрощеніе онъ благоразумно предоставилъ своему полководцу Антонію. Итакъ, подготовленъ парейскій походъ этого послѣдняго; мы ждемъ его обстоятельного изображенія—такъ вѣдь и Плутархъ, вкратцѣ сказавъ о подвигѣ Вентидія (гл. 34... „Вентидій же отказался отъ мысли преслѣдовать пареянъ въ глубь ихъ страны, опасаясь зависти со стороны Антонія“—изъ этихъ словъ Шекспиръ извлекъ цѣлую сцену: д. III, сц. 1), затѣмъ въ гл. 35—52 описываетъ богатый всякаго рода приключеніями походъ Антонія. Но наше ожиданіе не сбывается—очевидно потому, что принявъ въ фабулу парейскій походъ, поэту пришлось бы разбить свою драму, подобно „Генриху IV“, на двѣ части. Такъ первая сцена осталась неорганической вставкой среди другихъ, началомъ безъ продолженія, а характеристика Антонія лишилась одной важной черты. Мы ви-

димъ его Діонисомъ—царемъ веселья и любви, но не видимъ его Геракломъ—укротителемъ враговъ.

Впрочемъ, говоря о построении сценъ и о вліяніи на него плутархова изложенія, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что въ немъ составляетъ особенность самого поэта, въ чемъ проявляется давно знакомое намъ свойство его таланта. Я говорю объ его страсти отдѣлять характеръ сценъ посредствомъ контраста. Такъ въ только что названномъ „Генрихъ IV“ серьезныя сцены войны съ мятежниками чередуются съ веселыми событіями въ истчипской харчевнѣ и прочими дѣяніями сэра Джона Фальстафа, причемъ мы постоянно переходимъ отъ одного театра дѣйствій къ другому. Такъ здѣсь трезвая дѣйствительность государственныхъ сценъ выступаетъ передъ нами въ перемежку съ отдѣльными актами египетской сказки до тѣхъ поръ, пока онѣ не сливаются и сказка не гибнетъ отъ жесткаго прикосновенія реальной жизни.—Вообще же, чтобы покончить съ вопросомъ о зависимости отдѣльныхъ сценъ отъ Плутарха, мы можемъ разбить ихъ съ этой точки зрѣнія на три категоріи. Къ первой принадлежатъ драматизованныя плутарховскія сцены; сюда относятся главнымъ образомъ послѣдніе два акта, изъ первыхъ лишь немногія явленія. Ко второй—сцены, которыхъ у Плутарха нѣтъ, но въ которыхъ поэтъ нуждался для сообщенія зрителямъ того, что у Плутарха передается въ формѣ эпического разсказа; сюда относится, согласно сказанному, большинство сценъ третьяго акта. Къ третьей, наконецъ,—сцены, тоже у Плутарха отсутствующія и прибавленныя Шекспиромъ для расширенія дѣйствія и въ видахъ болѣе живой характеристики дѣйствующихъ лицъ; сюда относятся многія сцены, принадлежащія къ лучшимъ твореніямъ Шекспира, въ особенности же сцены съ Клеопатрой въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ.

Это наводитъ насъ на вопросъ о характерахъ въ нашей трагедіи; мы займемся ими по порядку, начиная тѣми, которые не тронуты сказкой, продолжая тѣми, которые въ большей или меньшей мѣрѣ подчинились ея чарамъ; и кончая ею самой. Другими словами: мы начнемъ съ Цезаря, будемъ продолжать Антоніемъ и кончимъ Клеопатрой, группируя послѣдовательно второстепенныя фигуры вокругъ главныхъ.

IV.

Молодого Цезаря мы знаетъ уже изъ трагедіи, посвященной его пріемному отцу; и тамъ мы видѣли его врагомъ сказки—сказки о римской республикѣ, воплощенной въ лицѣ Брута. Но тамъ онъ былъ еще ученикомъ; въ одномъ только мѣстѣ чувствуется и будущій властелинъ—это въ томъ, гдѣ онъ настаиваетъ на своемъ желаніи начальствовать правымъ флангомъ въ битвѣ подъ Филиппами (д. V сц. I): „я не прекословлю, но я такъ хочу“. По этому своему упорству онъ можетъ напомнить намъ Генриха Готспура, но нѣтъ: тотъ упрямится, горячится, и все таки подъ конецъ уступаетъ,—Цезарь не то: холоднымъ и нерушимымъ, точно приговоръ рока, стоитъ его „я такъ хочу“. Онъ заранѣе взвѣсилъ всѣ препятствія, но и всю силу своей личности; онъ умѣетъ не хотѣть, тамъ гдѣ враждебныя начала перевѣшиваютъ, а потому никогда не терпитъ пораженія. Онъ знаетъ, что такимъ путемъ создается обояніе, удесятеряющее наше значеніе. Да, сила Цезаря—продуктъ его ума, характеръ же этого ума—трезвая разсудительность, никогда не опирающаяся на иллюзіи, кромѣ чужихъ, но зато имѣющая изъ каждой удобной констелляціи извлекать ту пользу, которая можетъ изъ нея быть извлечена. Но съ другой стороны это умъ не узкій: подчиняя свои дѣйствія своему расчету, а не своей любви, Цезарь сохраняетъ за собою свободу любить и ненавидѣть согласно влеченію своего сердца, а не согласно требованіямъ расчета. Тѣ, кого онъ любитъ—не тѣ же, что его союзники; тѣ, съ кѣмъ онъ враждуетъ—не тѣ же, что его ненавистники; сильный умомъ, онъ откинулъ отъ себя обычную слабость умныхъ людей, подчиняющихъ своимъ расчетамъ не только окружающій міръ, но и себя самихъ. Зная, что его любовь ему не опасна, онъ любитъ все, что прекрасно, благородно, все, что возвышаетъ голову надъ приземистостью того людского стада, среди котораго ему суждено жить и дѣйствовать. Онъ любилъ Брута подъ Филиппами, онъ любитъ Антонію не только въ Александріи, но и въ Римѣ. Свои чувства къ нему онъ выражаетъ въ одну изъ рѣдкихъ минутъ откровенности слѣдующимъ образомъ (д. II сц. 2).

Нельзя дружить

Намъ при такомъ различіи въ поступкахъ,
Но существуй настолько крѣпкій обручъ,
Чтобъ насъ связать—то въ поискахъ за нимъ
Изъ края въ край весь міръ я обошелъ-бы.

На случай дружбы—Октавія; на случай ражды—легионы: Цезарь знаетъ, что второе средство всегда остается въ его рукахъ и никогда ему не измѣнить, потому онъ смѣло пускаетъ въ ходъ первое. Октавію онъ любитъ: „никогда еще братъ такъ не любилъ своей сестры“. Онъ любитъ въ ней именно себя, ту часть своей души, которая независима отъ расчетовъ политики; любитъ за ту счастливую свободу, которой она пользуется, свободу подчинять своей любви не только свои чувства, но и свои дѣйствія. Пусть она отправляется со своимъ супругомъ въ Брундизій, въ Аѳины... пожалуй, даже въ Сирію, пусть она всецѣло отдается своей любви къ нему; служа ей, она будетъ безсознательно служить и его цѣлямъ. Все равно ей придется вернуться къ нему, когда завѣса сказки опустится за Антоніемъ; тогда пусть звукъ боевой трубы разбудитъ того, до котораго уже не долетаютъ слова кроткой и чистой любви. Этимъ толкованіемъ всѣ затрудненія устранены. Кто находитъ несогласуемымъ съ любовью Цезаря къ Октавіи то, что онъ выдаетъ ее за Антонію, тотъ не принялъ въ расчетъ его спокойной самоувѣренности, взвѣсившей заранее всѣ шансы опасной игры и знающей поэтому, до какихъ предѣловъ можно рисковать любовью, не жертвуя ею и собой.

Вполнѣ ли правъ теперь Крейсигъ, называя послѣднія слова Цезаря, посвященные уничтоженному врагу: „пышной драпировкой насытившагося себялюбія“? И правъ ли Брандесъ, видя трагедію „гибели вселенной“ въ этомъ грустномъ исходѣ сказки, погибшей отъ рукъ Цезаря? Нѣтъ; въ нашей трагедіи погибаетъ то, что несомнѣнимо съ земной жизнью, погибаютъ тѣ, кто потребовалъ для себя большей доли изъ чаши радости, чѣмъ сколько разрѣшено даже любимцамъ жизни. Но жизнь торжествуетъ,—жизнь трезвая и ясная. Мы вышли изъ волшебнаго грота; наши глаза, привыкшіе къ призрачнымъ переливамъ его багровыхъ огней, склонны найти слишкомъ блѣднымъ свѣтъ дня, окружившій насъ такъ внезапно. А между тѣмъ это тотъ самый свѣтъ, который раститъ травы и деревья, тотъ самый, которымъ живетъ и движется весь міръ. Имя его здѣсь—Цезарь; онъ возсоздалъ разлагающееся римское государство, а для этого было одно только средство—уничтоженіе сказки, уничтожающей жизнь. Сказка обольстила его великаго отца, диктатора Цезаря, призракомъ царскаго вѣнца; сказка увлекла Брута въ Филиппы, нашептывая ему

сладкое имя свободы; сказка убаюкала Антонію на берегахъ Нила въ объятіяхъ земной любви. И вотъ Цезарь палъ подъ ударами Брута, Брутъ подъ ударами Антоніи, Антоній подъ ударами Цезаря Младшаго; и если этотъ послѣдній въ свою очередь не испыталъ участи своихъ предшественниковъ, то потому только, что онъ остался вѣренъ знамени жизни. Не будемъ же клеветать на жизнь: она кому-же не вся погрязла въ себялюбіи, она не чуждается нѣжныхъ, благородныхъ, возвышенныхъ чувствъ: рядомъ съ Цезаремъ мы видимъ Октавію.

Нѣсколько словъ и объ Октавіи. Въ ней поэтъ воспроизвелъ тотъ самый типъ преданной и великодушной римской матроны, который мы нашли въ „Юліи Цезарь“ (Порція) и „Коріоланъ“ (Валерія), но спеціально римскимъ этотъ типъ назвать нельзя. Корделія, Дездемона, Имогена, Герміона—при всемъ разнообразіи въ оттѣнкахъ, естественно вытекающемъ изъ разнообразія положеній, это въ сущности одинъ и тотъ же женскій характеръ. И въ этомъ ничего страннаго нѣтъ: Октавія—это сама женственность, тотъ образъ, который мы любимъ... не въ обществѣ, быть можетъ, не въ свѣтскомъ разговорѣ, не въ игрѣ страстей, будь то легкая пѣна флирта или бурное волненіе влюбленности,—но зато въ нашей семьѣ, у нашего очага, тамъ, гдѣ совершается самый здоровый, самый зидительный процессъ нашей жизни. И этотъ образъ, который намъ кажется родственнымъ съ самыми свободными твореніями шекспировской музыки—на дѣлѣ точный снимокъ съ исторической Октавіи; тѣ слова, въ которыхъ съ наибольшей силой проявляется ея благородная душа (д. III, сц. 4).

Нѣтъ женщины меня несчастнѣй! Быть
Межъ двухъ враговъ, молиться за обоихъ,
Чтобъ надо мной смѣялись сами боги,
Когда скажу: «благословите мужа»
И вслѣдъ за тѣмъ, наперекоръ мольбѣ,
Воскликну я: «благословите брата!»

—ихъ она произноситъ у Плутарха, только въ разговорѣ не съ мужемъ, а съ братомъ. „Вышедши на встрѣчу Цезарю и пригласивъ изъ его друзей Агриппу и Мецената, она стала ихъ уговаривать, чтобы они не сдѣлали ее изъ счастливѣйшей женщины самой несчастной изъ всѣхъ: „Теперь всѣ съ почтеніемъ смотрятъ на меня, какъ на сестру одного и жену другого властелина міра;

если же злое рѣшеніе возьметъ вверхъ, то кто изъ васъ побѣдитъ или будетъ побѣжденъ,—неизвѣстно, моя же судьба въ обоихъ случаяхъ безотраднѣе“ (гл. 35). Но историческая Октавія сдѣлала гораздо болѣе для своего мужа. Родивъ ему двухъ дочерей, она послѣ его смерти взяла въ свой домъ его сиротъ отъ Клеопатры, Александра-Солнце съ Клеопатрой-Луной (эти гордые имена были имъ присвоены отцомъ все въ томъ же упоеніи египетскихъ ночей) и Птолемея, тѣхъ самыхъ, о которыхъ говорится въ д. III, сц. 6, и воспитывала ихъ вмѣстѣ съ собственными дѣтьми; позднѣе Клеопатра-Луна вернулась въ свою родную Африку, ставъ женой Юбы, царя Мавританіи.

О другихъ приближенныхъ Цезаря много говорить не приходится; Агриппа и Меценатъ въ своей безцѣтной добропорядочности превосходно отражаютъ джентльменскую сторону его души, и только; интереснѣе была бы другая пара, Долабелла и Прокулей, но ихъ характеры оставлены въ какомъ то загадочномъ полумракѣ. Зачѣмъ Антоній, умирая, совѣтуетъ Клеопатрѣ довѣриться Прокулею, который такъ мало оправдываетъ ея довѣріе? Положимъ, Шекспиръ заимствовалъ эту черту изъ Плутарха (гл. 77), и Прокулей былъ дѣйствительно великодушнымъ человѣкомъ, какъ видно изъ отзыва о немъ Горация (ода II, 2, пер. Фета):

Братской любовью въ вѣкахъ отдаленныхъ

Будетъ сіять Прокулей величаво и т. д.

Но здѣсь его роль—если не прибѣгать къ натяжкамъ—остается непонятной. И зачѣмъ Долабелла оказываетъ царицѣ ту услугу, которой она, согласно завѣщанію мужа, была вправѣ ждать отъ Прокулея? Или поэтъ въ его лицѣ хотѣлъ изобразить вліяніе сказки даже на самые трезвые умы, чтобъ тѣмъ болѣе подчеркнуть хладнокровіе и стойкость самого Цезаря?

Не на сторонѣ Цезаря, но все же на сторонѣ олицетвореннаго въ немъ міросозерцанія стоятъ два другихъ претендента на всемірную власть, Лепидъ и Секстъ Помпей. Ихъ фигуры у поэта остались торсами; введши ихъ въ дѣйствіе довольно эффектно, онъ ихъ потомъ предоставилъ ихъ участи, о свершеніи которой мы узнаемъ изъ отрывочныхъ сценъ III акта. Причина, по которой они пострадали, повидимому та-же, которая заставила поэта урѣзать весь восточный походъ Антонія: нежеланіе дѣлать драму на двѣ части. За то можно сказать,

что въ знаменитой сценѣ банкета символически предоставлена ихъ будущая судьба: Лепидъ, добродушный миротворецъ, напивается до безчувствія и его уносятъ, какъ никому ненужную вещь изъ общества властителей міра; Помпей, окружившій себя пиратами, пытается и среди пиратовъ остаться римляниномъ и этимъ подписываетъ свой собственный приговоръ. Оба они, сказали мы только что, стоятъ на сторонѣ цезарева міросозерцанія, т. е. на точкѣ зрѣнія трезвой и реальной политики; но они олицетворяютъ ее въ значительно болѣе слабой степени и легко поэтому затмеваются имъ. У Цезаря только одинъ равный ему по силѣ противникъ—это Маркъ Антоній.

V.

Антонія мы тоже уже знаемъ изъ „Юлія Цезаря“, даже гораздо лучше, чѣмъ его юнаго соперника; это тотъ, котораго диктаторъ противопоставляетъ угрюмому Кассію, какъ человѣка, „любящаго игры“; тотъ, который во время шумнаго римскаго карнавала—выражаясь по нашему,—превратившись изъ консула въ шаловливаго „луперка“, трижды предложилъ диктатору царскій вѣнецъ; тотъ, наконецъ, который послѣ его убійства выступилъ неподобнымъ актеромъ на подмосткахъ римской трибуны и съ помощью гениальной трагедіи вырвалъ Римъ изъ рукъ республиканцевъ. Мы узнали его страсть къ призрачной жизни и къ блестящей мечтѣ, попирающей и поработавшей дѣйствительности; онъ любитъ обманъ, но не хитростью, а обаяніемъ: его покровитель—не лукавый Гермесъ, а Діонисъ, владыка обманчивыхъ чаръ, свободный побѣдитель людскихъ сердецъ. Но это въ то же время тотъ, который во главѣ легионовъ двинулся подъ Филиппы, выставивъ имя противъ идеи и приковывая къ этому имени надежды и любовь своего войска; его второй покровитель—тотъ, кто силой своей личности объединялъ рати, труженикъ-воинъ Гераклъ. Обои мы старались онъ подражать, смотря по обстоятельствамъ жизни или по вдохновенію минуты. Онъ любилъ Фульвію, Октавію, Клеопатру, не говоря о другихъ, и съ гордостью сверхчеловѣка смотрѣлъ на юное племя, плодъ его явныхъ и тайныхъ браковъ, безопасно игравшее у его ногъ. „Такъ и его радоначальникъ, говаривалъ онъ (Плут. 36), былъ рожденъ Геракломъ, который не отъ одной только женщины требовалъ себѣ наслѣдниковъ, не опасаясь соло-

новыхъ законовъ и налагаемыхъ ими на незаконныхъ отцовъ взысканій, и предоставлялъ природѣ производить родоначальниковъ многихъ родовъ". А впрочемъ „характера былъ онъ прямодушнаго и, хотя медленно и съ трудомъ замѣчалъ свои прегрѣшенія, но разъ ихъ замѣтивъ, сильно въ нихъ раскаивался и признавался передъ тѣми самыми, которые были имъ оскорблены. Въ наградахъ, какъ и въ наказаніяхъ, онъ не зналъ мѣры; но все же онъ чаще ее переступалъ въ ласкѣ, чѣмъ въ гнѣвѣ. Его же рѣзкость въ шуткахъ и насмѣшкахъ носила свое противоядіе въ себѣ самой: разрѣшалось отвѣчать насмѣшкой на насмѣшку и рѣзкостью на рѣзкость, и ему было не менѣе пріятно быть мишенью, чѣмъ авторомъ шутки. И этимъ онъ часто портилъ свои дѣла. Въ любителяхъ прямодушныхъ шутокъ онъ не подозрѣвалъ серьезныхъ льстецовъ и поэтому легко давалъ себя обманывать ихъ похвалами, не понимая, что нѣкоторые просто во избѣжаніе приторности приправляютъ лести прямодушіемъ". Вотъ та характеристика нашего героя, которую Шекспиръ имѣлъ передъ глазами (Плут. 24); читатель безъ труда замѣтитъ, какъ хорошо онъ ее иллюстрировалъ частностями въ его бесѣдахъ съ друзьями и приближенными. „Таковъ былъ Антоній, продолжаетъ Плутархъ, когда его постигло самое рѣшительное несчастье его жизни—любовь къ Клеопатрѣ“.

Разрушительность этой любви объясняется тѣмъ, что она соответствовала самымъ кореннымъ, интимнымъ потребностямъ его души; та сверхземная, призрачная жизнь, та волшебная сказка, ради осуществленія которой онъ сталъ политикомъ на форумѣ и военачальникомъ подъ Филиппами—она предстала передъ нимъ вдругъ, готовая и осязаемая, въ лицѣ египетской царицы. Теперь все остальное показалось ему излишнимъ и ненужнымъ—несовершеннымъ орудіемъ счастья, которое мы съ легкимъ сердцемъ бросаемъ, когда у насъ есть въ рукахъ болѣе подходящее. Тотъ „внѣцъ трудовъ“, который онъ добылъ себѣ, подобно своему родоначальнику Гераклу—онъ былъ теперь заброшенъ и забытъ, и его хозяинъ безпечно давалъ времени отрывать одинъ его листъ за другимъ. Фульвія, Лепидъ, Помпей вели, сознательно или нѣтъ, его дѣло на западъ; вмѣстѣ съ ними гибла и его слава. Италія ускользала изъ рукъ недавняго своего кумира—онъ благодушно пировалъ съ царицей и прочими товари-

щами „неподражаемой жизни“ на берегахъ Нила. Онъ помнилъ время, когда этотъ Цезарь былъ его ученикомъ; онъ и понинѣ чувствовалъ себя много сильнѣе его и воображалъ, что стоитъ ему захотѣть—и прежнія ихъ отношенія возобновятся сами собою. Да, стоило только захотѣть: но именно эту способность захотѣть онъ съ каждымъ годомъ утрачивалъ. Незачѣмъ было: тотъ міръ, изъ-за котораго онъ спорилъ съ Цезаремъ, съ каждымъ годомъ терялъ свое значеніе для него; все было блѣдно и убого въ сравненіи со сказкой, которая его окружала. А она была вѣрна ему... конечно, вѣрна! ради ея, вѣдь, онъ пожертвовалъ всѣмъ. Да, онъ то всѣмъ пожертвовалъ; но подлинно ли она была ему вѣрна? И вотъ иногда его точно встряхивало всего; герой превращался въ труса, великодушный человѣкъ—богъ въ жестокаго варвара—это было тогда, когда ему казалось, что его сказка ускользаетъ отъ него, что она оставляетъ его нагимъ и поруганнымъ, чтобы другимъ передать. вѣнецъ его трудовъ и утѣхъ. Такъ мы его видимъ при Актіи, при Пелусіи, послѣ посѣщенія Фирса; поклонникъ обманчивыхъ чаръ запутался въ сѣти обмановъ, сплетенной болѣе искусной рукой; послѣдній, самый жестокой изъ всѣхъ, лишаетъ его жизни.

И не онъ одинъ—всѣ товарищи „неподражаемой жизни“*), всѣ, вкусившіе сладкаго яда сказки, смертью искупили свое счастье. Ихъ было много, но одного поэтъ избралъ представителемъ всѣхъ, самаго веселаго и остроумнаго изъ ихъ среды—Домитія Аэнобарба. Его трагедія у Плутарха занимаетъ всего нѣсколько строкъ (гл. 63, передъ Актіискимъ сраженіемъ): „Онъ ласково обошелся и съ Домитіемъ, вопреки желанію Клеопатры. Страдая уже лихорадкой, этотъ человѣкъ сѣлъ въ небольшую шлюпку и перешелъ къ Цезарю; Антоній былъ очень огорченъ его поступкомъ, но все же отослалъ ему все его имущество, вмѣстѣ съ его друзьями и слугами. Домитій раскаялся, видя, что его невѣрность и предательство

*) Она распустила тотъ прежній кружокъ „неподражаемой жизни“ (ἀνιμίετοβίοι) и основала другой, не уступающій ему въ нѣгѣ, пышности и респектибельности, который она назвала „кружкомъ товарищей въ смерти“ (συναρῶν ἀνιμηνοῖ-κοιμῶν τῶν φίλων). Плутархъ гл. 71. На имѣ перваго кружка намекаетъ Антоній у Шекспира д. I с. 1: „благородство жизни состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ... а въ этомъ мы, знай это, міръ, под страхомъ наказанія—неподражаемы“ (peerless).

стали известными Антонию, и вслед за тем умереть. Его то Шекспир сдѣлалъ лучшим другомъ Антонія, товарищемъ всѣхъ дней его жизни, кромѣ послѣднихъ. Мы видимъ, какъ онъ вначалѣ не менѣе своего полководца отдается безпечному веселію египетскихъ ночей; привыкши преломлять серьезные „аспекты жизни“ въ игровой призмѣ своего добродушнаго юмора, онъ не чувствуетъ никакихъ угрызений совѣсти—онъ не прочь бы и долѣе остаться въ Александріи, и только строгое внушеніе Антонія (д. I, сц. 2: „довольно пустыхъ отвѣтовъ!“) заставляетъ его вспомнить о реальной жизни. На трезвой италійской почвѣ въ немъ просыпается его римская душа: теперь онъ—воинъ, подчиненный своему обожаемаго полководца. Правда, юморъ и прямодушіе не оставляютъ его и тутъ—мы видимъ его въ роли, напоминающей роль Мененія Агриппы въ „Коріоланѣ“; но все же сѣмя разлада запало ему въ сердце; та римская душа уже не даетъ себя усыпить вновь. Вопреки волѣ Клеопатры и желанію обвороженнаго ею Антонія, онъ настаиваетъ на необходимости сухопутнаго сраженія безъ участія египетской царицы (д. III, сц. 7); неразуміе и неудача ихъ дѣйствій дѣлаютъ раздоръ въ его душѣ очевиднымъ и неизлѣчимымъ. Отнынѣ его тянетъ къ Цезарю, онъ чувствуетъ, что „разумъ“ на той сторонѣ, и хотя на первыхъ порахъ его старинная привязанность и беретъ верхъ, однако мы догадываемся, что она не долго устоитъ противъ его внушеній (д. III, сц. 8). И вотъ планъ измѣны зарождается и зрѣетъ въ его душѣ, его исполненіе поэтъ, отступая нѣсколько отъ исторіи, отложилъ до послѣднихъ сраженій на египетской почвѣ. Вначалѣ мы видимъ его суровымъ критикомъ увлеченій своего начальника; затѣмъ онъ исчезаетъ—совершается то, что мы выше рассказали словами Плутарха. Поэтъ не пожелалъ представить намъ непосредственно перехода Аэнобарба къ Цезарю *).

*) Любители символизма могутъ сказать, что онъ представилъ его иносказательно въ той эффектной ночной сценѣ (д. IV, сц. 3), въ которой солдаты-караульные слышатъ, не то подъ землей, не то въ воздухѣ, звуки удаляющейся чудесной музыки и толкуютъ это знаменіе въ томъ смыслѣ, что это богъ-покровитель Антонія покидаетъ его. Сцену эту Шекспиръ тоже заимствовалъ у Плутарха (гл. 75), но при этомъ допустилъ довольно крупную ошибку. Плутархъ выражается неопредѣленно: спрашивая себя о смыслѣ знаменія, они рѣшили, что Антонія покидаетъ тотъ богъ, которому онъ всегда

мы слышимъ о немъ изъ устъ солдата (д. IV, сц. 5).

И нѣтъ сомнѣнія, что это гораздо красивѣе и благодарнѣе: мы застигнуты врасплохъ не менѣе самого Антонія и можемъ, поэтому, вполне оцѣнить его благородство. Все же, избирая этотъ исходъ, поэтъ долженъ былъ пропустить одну важную подробность: что Аэнобарбъ *былъ уже боленъ*, когда рѣшилъ перейти къ Цезарю. Вслѣдствіе этого пропуска его смерть въ 9 сц. является не совсѣмъ понятной. По Плутарху, его свела въ могилу его физическая немочь, усиленная нравственными мученіями раскаянія. Тутъ актеръ долженъ прійти на помощь поэту; Аэнобарбу нездоровится въ сц. 2, гдѣ онъ такъ угрюмо критикуетъ Антонія; онъ боленъ въ сц. 6, гдѣ онъ впервые появляется въ сѣти Цезаря; презрительное съ нимъ обращеніе его новаго господина еще болѣе разстраиваетъ его; онъ вздрагиваетъ, слыша оскорбительный намекъ Цезаря на перебѣжничество; да, онъ дурно поступилъ, и отнынѣ для него нѣтъ болѣе радости. И именно въ эту минуту, когда его римская душа разбита—онъ слышитъ далекій, грустно-ласковый привѣтъ отъ той сказки, которую онъ такъ безсердечно и безразсудно, со смертью въ крови, хотѣлъ промѣнять

болѣе всего старался подражать и уподоблять себя. Какой это богъ? Изъ всего описанія явленія (музыка пѣсни, крики «эвоэ!» прыжки сатировъ) видно, что—Діонисъ; Шекспиръ по ошибкѣ отнесъ его къ другому богу-покровителю Антонія, Гераклу. Та же 75 глава еще въ двухъ другихъ мѣстахъ была неправильно понята поэтомъ. На вызовъ Антонія Цезарь отвѣчаетъ, что «у Антонія есть и много другихъ путей къ смерти»; у Шекспира онъ, вопреки смыслу, говоритъ «есть у меня много другихъ путей къ смерти» (д. IV сц. 1: Let the old ruffian know, I have many other ways to die). Затѣмъ, по Плутарху, Антоній «видя своихъ друзей плачущими, сказалъ имъ, что онъ не поведетъ ихъ въ бой, въ которомъ онъ ищетъ для себя скорѣе славной смерти, чѣмъ спасенія и побѣды». У Шекспира эти унылыя слова превращены въ бодрія и самоуверенныя: «я хочу повести васъ туда, гдѣ я скорѣе жду побѣдоносной жизни, чѣмъ смерти и чести» (д. IV, сц. 2: I will lead you where rather I'll expect victorious life, than death and honour). Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ поэтъ былъ введенъ въ заблужденіе неопредѣленностью North'ова перевода Плутарха, которымъ онъ пользовался. (Caesar answered him, that he had many other ways to die than so; . . . that he would not lead them to battle where he thought not rather safely to return with victory than valiantly to die with honour); при сличеніи подлинника, однако, неопредѣленность исчезаетъ—и вотъ, вѣроятно, причина, почему ошибки Шекспира до сихъ поръ остались незамѣченными.

на трезвую жизнь. Вторично сказка имь овладѣваетъ, но уже не для игры и веселья—она усыпляетъ его вѣчнымъ сномъ смерти.

VI.

Но что же сказать теперь о самой царицѣ сказки, этомъ яркомъ и ядовитомъ цвѣткѣ, выросшемъ на вѣковомъ перегноѣ рода Птолемеевъ—рода нѣкогда богатырскаго, нынѣ разслабленнаго и отравленнаго рядомъ послѣдовательныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ? Есть ли такая формула, въ которую бы укладывалась эта до нельзя сложная, до нельзя нервная и капризная натура, всѣ проявленія которой причудливы и неожиданны, какъ видѣнія лихорадочнаго сна?—„Нѣтъ и не можетъ быть“, склоненъ сказать читатель послѣ перваго бѣглаго ознакомленія съ ней; „должна быть и есть“, скажетъ онъ при болѣе зрѣломъ обсужденіи, вспомнивъ о томъ, что есть же разница между волей демонической женщины и прихотями дегенерантки, у которой вслѣдствіе безкровія мозга связь между явлениями сознанія нарушена—и что только первая можетъ быть предметомъ поэзіи.

Да, эта формула есть; во всей сухости она гласитъ такъ: Клеопатра—натура двойственная; одной половиной своей души она управляетъ той сказкой, которой живетъ другая. Первая своимъ видимымъ коварствомъ и вѣроломствомъ вызываетъ иллюзію сознательности и расчета; говорю—„иллюзію“, такъ какъ настоящей сознательности въ ея дѣйствіяхъ такъ-же мало, какъ въ дѣйствіяхъ лисицы или змѣи, и мы скорѣе должны признать въ нихъ природный инстинктъ самки, смутно чувствующей, что ей слѣдуетъ быть распорядительницей любовныхъ чаръ, чтобы не стать ихъ жертвой. Вторая—вся упоеніе, вся восторгъ, вся преданность и самоотверженіе. Апоеозъ же Клеопатры состоитъ въ томъ, что эта вторая часть ея души освобождается отъ назойливаго надзора и вмѣшательства первой и побѣдоносно увлекаетъ ее въ тихую пристань смерти.

Быть можетъ, одна изъ причинъ этой двойственности заключается въ томъ, что Клеопатра не была той красавицей, которою ее обыкновенно представляютъ. „Ея красота“, говоритъ Плутархъ (гл. 27),—„сама по себѣ не была столь несравненна, она не очень поражала зрителей; но въ ея общеніи была неотразимая, чарующая

сила, и ея наружность, *вмѣстѣ* съ ея обворожительной рѣчью и таинственной прелестью ея обхожденія, оставляла жало въ душѣ тѣхъ, кто ее зналъ“. Будучи поставлена въ необходимость восполнить умомъ недочеты своей внѣшности, она инстинктивно должна была удерживать себя отъ чрезмѣрныхъ увлеченій и своей головой находиться выше той теплой волны, которая такъ чудно ласкала ея прочее существо. Въ ранней своей юности она плѣнила диктатора Цезаря, которому было тогда уже пятьдесятъ два года; была ли и она имь плѣнена? Ея подруга Харміона это прекрасно помнить (д. I, сц. 5); если она сама называетъ свое тогдашнее сужденіе незрѣлымъ, то это доказываетъ только искренность ея теперешняго увлеченія, не упраздняя искренности того перваго. Еще раньше она, если вѣрить молвѣ, плѣнила старшаго сына Помпея Великаго, отправленнаго отцомъ въ Александрію набрать тамъ вспомогательное войско; но ничто не обязываетъ васъ вѣрить молвѣ, которой самъ Антоній вѣритъ лишь въ минуты изступленія *) (д. IV, сц. 11). Ее настоящимъ возлюбленнымъ былъ Маркъ Антоній; и вотъ въ то время, какъ она своей увлекающейся душой отдается этой страсти, ея женскій инстинктъ учитъ ее распредѣлять и приправлять свои ласки такъ, чтобы ихъ предметъ отъ нея не ускользнулъ. На римскихъ друзей Антонія ея любовь производитъ впечатлѣніе лъстивой разсчетливости; они называютъ ее—съ забавнымъ анахронизмомъ, вызваннымъ созвучіемъ словъ *egyptian* и *gipsy*—„цыганкой“ и даже хуже; но мы скорѣе узнаемъ, что они ошибаются. Къ Антонію явились послы изъ Рима; Клеопатрѣ страшно не

*) Къ тому же, Шекспиръ по ошибкѣ относитъ эту молву къ Помпею Великому, вмѣсто его сына Гнея. Интересно прослѣдить происхожденіе этой ошибки. У Плутарха (гл. 25) просто сказано: «Клеопатра, основываясь на прежнихъ своихъ побѣдахъ надъ Цезаремъ и Гнеемъ, сыномъ Помпея, надѣялась легко покорить и Антонія». (У Норта: . . . by the former accesse and credit she had with Julius Caesar and C. Pompey, the son of Pompey the Great). Шекспиръ, очевидно, проглядылъ Плутархову оговорку; а такъ какъ онъ, съ другой стороны, помнилъ, что Помпей Великій при жизни Клеопатры даже не коснулся египетской почвы, а былъ убитъ во время переправы, то у него получилась слѣдующая восхитительная, но чисто фантастическая картина « . . . и великій Помпей стоялъ, и его взоръ пускалъ корни въ моей брови; тамъ на якорѣ стоялъ его взоръ, и онъ умеръ, всматриваясь въ то, что было его жизнью » (д. I сц. 5).

хочется, чтобъ онъ ихъ выслушалъ—именно поэтому она отъ него этого требуетъ. Ея тайное желаніе исполняется: посламя отказано. Но опасность этимъ лишь отсрочена; несмотря на все, „римская мысль“ коснулась обвороженнаго триумвира, онъ узнаетъ о смерти Фульвіи, о могуществѣ Цезаря, о парейскомъ погромѣ—его отъѣздъ необходимъ, онъ долженъ проститься съ Клеопатрой.

Сцены прощанія у Плутарха нѣтъ—она принадлежитъ къ тѣмъ, которыя мы выше выдѣлили въ ту особую третью категорію (гл. III): Шекспиръ ее вставилъ, чтобы полнѣе обрисовать характеръ обоихъ героевъ. Все же было бы ошибочно предполагать, что она сочинена вполне свободно: ея образцомъ была знаменитая сцена прощанія Энея съ Дидоной—не столько, впрочемъ, въ оригинальной обработкѣ Виргилія, сколько въ передѣлкѣ его подражателя Овидія (*Heroides* 7); Дидона Овидія представляетъ изъ себя такую же нервную натуру, какъ и наша Клеопатра. Антоній хочетъ уйти—надобно его задержать; если-же это невозможно—надобно устроить такъ, чтобы онъ вернулся. Для этого Шекспиръ пользуется мотивомъ, заимствованнымъ у Овидія: пусть Антоній знаетъ, что ихъ союзъ не остался безъ послѣдствій... Стоитъ обратить вниманіе, какъ Клеопатра подготавливаетъ свое признаніе: ей душно, она можетъ упасть въ обморокъ; ей то дурно, то хорошо—„такъ любить Антоній...“ И когда ничего не понимающій другъ, хочетъ уйти, она зоветъ его обратно; „Постой, учтивый сударь, одно слово. Государь мой, мы должны разстаться... но это не то. Государь мой, мы любили другъ друга... но это не то. Это ты хорошо знаешь: что то я хотѣла тебѣ сказать; *о мое забвеніе—подлинный Антоній, и я совсѣмъ забыта!*“

Courteous lord, one word.

Sir, y u and I must part, but that's not it:

Sir, you and I have lov'd—but there's not it;

That you know well: something it is I would —

O, mu oblivion is a very Antony

And I am all forgotten.

Ея слова повергли въ недоумѣніе новѣйшихъ толкователей; лучше ихъ всѣхъ, какъ намъ кажется, понималъ, однако, благодаря своему поэтическому чутью, нашъ Пушкинъ, который явно подражалъ имъ въ знаменитомъ мѣстѣ своей „Русалки“:

Постой; тебѣ сказать должна я—

Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя

Я все готова... Нѣтъ, не то... постой...

Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ.

Меня ты могъ покинуть... Все не то...

Да, вспомнила: сегодня у меня

Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Антонію слова царицы непонятны, онъ считаетъ ихъ „неразуміемъ“ (*idleness*); тогда она выражается нѣсколько яснѣе: „Тяжело“, говоритъ она, носить *такое* неразуміе *такъ близко къ сердцу*, какъ это дѣлаетъ Клеопатра“. Наконецъ Антоній понималъ; Клеопатра это замѣтила, она знаетъ, что теперь онъ ей обезпеченъ, что никакимъ „римскимъ мыслямъ“ не вырвать того жала, которое она оставила въ его душѣ. Она благословляетъ его въ походъ и онъ удаляется, сказавъ ей съ такою-же двусмысленностью, что онъ, уходя, все-же остается съ нею.

Такъ дѣйствуетъ Клеопатра подъ вліяніемъ своей первой души; но вотъ дѣло сдѣлано. Антоній уѣхалъ—она можетъ свободно отдаваться второй. Какъ искренно, какъ безумно она его любитъ—это видно изъ слѣдующихъ сценъ ея томительнаго выжиданія, ея упойтельныхъ воспоминаній—„теперь онъ говоритъ или шепчетъ: гдѣ-то моя змѣя у стараго Нила? Такъ, вѣдь, онъ называлъ меня. А теперь я сама питаюсь самымъ сладкимъ изъ всѣхъ ядовъ!“... ядомъ сказки можемъ мы прибавить, который дѣйствуетъ на нее съ полной силой теперь, когда она вполне отдается влеченію своего сердца. Да, выжиданіе, воспоминанія—а затѣмъ, страшное извѣстіе о его женитьбѣ на Октавіи, изступленіе ревности и постепенное успокоеніе при вымышленныхъ показаніяхъ вѣстника о внѣшности соперницы—все это послѣдовательно и понятно. Свѣтъ падаетъ съ одной только стороны, нѣтъ того смущающаго скрещиванія тѣней, которое мы наблюдали въ первыхъ сценахъ.

Какъ встрѣтила Клеопатра Антонія, когда онъ вторично и окончательно къ ней вернулся? Была у нихъ рѣчь объ Октавіи, или же ихъ занимало только ихъ собственное счастье, нагляднымъ символомъ котораго были младенцы-близнецы, Александръ-Солнце и Клеопатра-Луна, увидѣвшіе свѣтъ

во время отсутствія отца? Мы этого не знаемъ; сцена возвращенія пропала въ общемъ сумбурѣ третьяго дѣйствія. Мы у Актія; гибель нависла надъ нашей четой. Опять Антоній съ Клеопатрой; и опять то, что мы называли ея первой душой, назойливо даетъ знать о себѣ и препятствуетъ любви проявлять свою силу. До самой смерти Антонія свѣтъ опять падаетъ съ двухъ сторонъ; не совсѣмъ легко разобратъ въ замысловатомъ узорѣ скрещивающихся тѣней.

Сохранить Антонія—это первая забота; сохранить царство—вторая. Почему Клеопатра настаиваетъ на томъ, чтобы сраженіе было дано на морѣ? Потому что тогда, въ случаѣ пораженія, ея флотъ можетъ спастись въ Египетъ и обезпечить ей владѣніе этой недоступной страной. Почему она при первой неудачѣ даетъ сигналъ къ бѣгству? По той же причинѣ. Но почему Антоній, постыдно оставляя свои вѣрные легіоны, слѣдуетъ ея примѣру? Потому что ему здѣсь впервые, въ шумѣ и сумятицѣ битвы, объявилась та первая душа его царицы. Онъ думалъ, что они вмѣстѣ уносятся теплой волной сказки, готовые вмѣстѣ, если такъ нужно, въ ней утонуть. Возможно-ли, чтобы Клеопатра дала ему умереть одному, спасая свою жизнь безъ него? Да, это оказалось возможнымъ; началась жестокая игра Клеопатры съ тѣмъ, кто весь отъ нея зависитъ и не имѣетъ болѣе любви, счастья, власти внѣ ея кругозора.

И вотъ они опять вмѣстѣ, но ролями они помѣнялись: не Антонія, а Клеопатру тянетъ отъ сказки къ жизни, или вѣрнѣе—въ третью сказку, героемъ которой долженъ быть Цезарь. Его отца по усыновленію она нѣкогда плѣнила; почему ей не испытать силы своихъ чаръ и на сынѣ? Положительно ея первая душа властвуетъ надъ нею; она благосклонно принимаетъ Оирса, явившагося послѣ отъ Цезаря, она подтверждаетъ его фикцію, будто ея союзъ съ Антоніемъ былъ дѣломъ принужденія, а не свободной любви. А Антоній? Послѣ своего актійскаго бѣгства она примирила его поцѣлуемъ; ея переговоры съ Оирсомъ приводятъ его въ бѣшенство, но стоитъ ей еще разъ пустить въ ходъ свою обычную лъстивость—и онъ опять ей подчиняется. Лишь третій обманъ открываетъ ему глаза; когда послѣ его геройской защиты флотъ Клеопатры отдается Цезарю (д. IV, сц. 10)—онъ чувствуетъ, что онъ проданъ; ея ласки не помогаютъ,

требуются болѣе сильныя, болѣе дѣйствительныя чары. Когда-то они, распустивъ кружокъ „неподражаемой жизни“, назвались „товарищами въ смерти“; эта совмѣстная смерть представлялась достойнымъ финаломъ ихъ сказки. Пусть же Антоній знаетъ, что Клеопатра сдержала свое обѣщаніе; пусть эта увѣренность наполнитъ сладостью прежнихъ дней его неминуемую кончину. Сирена ласкова и сострадательна; она не желаетъ печальной смерти тому, кто отдалъ ей всѣ силы своей жизни. А тамъ—новая побѣда, новый другъ, новая волшебная сказка.

По отношенію къ Антонію она окажется права; но такъ же ли хорошо разсчитала она дѣйствіе своего замысла на свое собственное сердце?

Весь гнѣвъ Антонія прошелъ; онъ хочетъ послѣдовать за Клеопатрой и умолить ее простить ему. Ему представляется продолженіе ихъ земной сказки за предѣлами смерти: „тамъ, гдѣ блаженные духи отдыхаютъ на цвѣтистыхъ лугахъ, тамъ мы будемъ гулять рука объ руку...“—вотъ его предсмертная мечта. Но ему не удастся покончить съ собою рѣшительнымъ ударомъ; раненый на смерть, онъ идетъ умирать передъ глазами своей царицы. Именно этого она не разсчитала. Въ пламени его самоотверженной любви гибнетъ ея земная, себялюбивая и коварная душа. Очищенная отъ ея оскверняющаго прикосновенія, Клеопатра становится окончательно той великодушной царицей сказки, какой она была въ лучшіе моменты своей жизни. Сохранить Антонія—теперь уже поздно; сохранить царство—что царство безъ Антонія! Сирена подчинилась своимъ собственнымъ чарамъ; та пѣсня сладкой смерти, которую она сложила для Антонія, теперь звучитъ въ ея собственныхъ ушахъ.

Пятый актъ принадлежитъ Клеопатрѣ; его содержаніе—ея борьба съ Цезаремъ, его конецъ—ея побѣда надъ нимъ. Погружаясь душою въ свою сказку, она возносится все выше и выше надъ тѣмъ, что ее привязывало къ землѣ; когда то ее тянуло къ этому Цезарю, въ которомъ она видѣла побѣдителя ея друга—теперь его участь кажется ей жалкой, онъ кажется ей рабомъ того счастья, которому она уже перестала служить. Ей говорятъ про Цезаря; она въ забытѣ отвѣчаетъ:

Мнѣ снилось, былъ властитель Маркъ Антоній...

О, разъ еще увидѣть бы тотъ сонъ!

Все таки она во власти этого Цезаря; надо ее стряхнуть, надо изъ душевной темницы жизни вырваться на волю, въ обитель чарующихъ сновъ. Она возбудила подозрѣніе Цезаря своими неосторожными рѣчами; надо усыпить его бдительность, пусть онъ считаетъ ее неразрывно привязанной къ жизни. Съ этой цѣлью она разыгрываетъ передъ нимъ комедію съ Селевкомъ... Что это была комедія, видно изъ Плутарха, который свой рассказъ о ней заключаетъ словами: „Цезарь былъ обрадованъ, видя, что она такъ дорожитъ жизнью, и ушелъ отъ нея въ увѣренности, что онъ ее обманулъ, *на дѣлѣ же онъ самъ былъ ею обманутъ*“ (гл. 83); но и Шекспиръ позаботился о томъ, чтобъ мы не относились слишкомъ довѣрчиво къ мнимой наивности Клеопатры. Едва успѣлъ Цезарь уйти, какъ она говоритъ своимъ подругамъ: „онъ хочетъ меня обмануть, дѣвушки, чтобы я не была благородна от-

носительно самой себя“, и тотчасъ посылаетъ Харміонъ за крестьяниномъ и змѣями. Нѣтъ, несомнѣнно Клеопатра хитритъ; сговорила ли она съ Селевкомъ, или, что вѣроятнѣе, заранѣе рассчитала его образъ дѣйствій—этого поэтъ не счелъ нужнымъ намъ сказать; тутъ такту актера предоставлена полная свобода.

Своею послѣднею хитростью Клеопатра искупила всѣ прежніе обманы своей жизни. Благодаря ей смерть вошла въ ея послѣднее убѣжище—смерть величавая и торжествующая, какъ закатъ солнца въ пескахъ ливійской пустыни; смерть нѣжная и сладкая, какъ ласкающая дремота египетскихъ ночей. Ирада, Клеопатра, Харміана—одна за другой волшебницы неподражаемой жизни оставляютъ свою поруганную, земную обитель; съ послѣдними словами послѣдней изъ нихъ сказка навсегда уносится въ свою вѣчную родину, туда, гдѣ „блаженные духи отдыхаютъ на цвѣтистыхъ лугахъ“.

Ө. Зѣлинскій.

СФИНКСЪ. (Древне-греческая статуя).

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НИЛА.
(Гигантская античная группа II вѣка до Р. Х. въ Ватиканѣ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРКЪ АНТОНІЙ	} Триумвиры.	ТАВРЪ, главный военачальникъ Цезаря.	
ОКТАВІО ЦЕЗАРЬ		КАПИДІЙ, главный изъ военачальниковъ Антонія.	
МАРКЪ ЭМИЛІЙ ЛЕППІДЪ		СИЛІЙ, одинъ изъ вождей подъ начальствомъ Вентидія.	
СЕКСТЪ ПОМПЕЙ.		ЭВІРОНІЙ, посолъ отъ Антонія къ Цезарю.	
ДОМИЦІЙ ЭНОВАРЕЪ	} Придворные Антонія.	АЛЕКСАСЪ	} Придворные Клеопатры.
ВЕНТИДІЙ		МАРДІАНЪ	
ЭРОСЪ		СЕЛЕВКЪ	
СКАРЪ		ДИОМЕДЪ	
ДЕРЦЕТЪ		ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ.	ПОСЕЛЯНИНЪ.
ДЕМЕТРІЙ	} Приверженцы Цезаря.	КЛЕОПАТРА, царица Египта.	ОКТАВІА, сестра Цезаря и жена Антонія.
ФИЛОНЪ		ХАРМІАНА	} Прислужницы Клеопатры.
МЕЦЕНАТЪ		ИРА	
АГРИППА		} Приверженцы Помпея.	ВОЖДІ, воины, гонцы, слуги и придворные.
ДОЛАБЕЛЛА			
ПРОКУЛЕЙ			
ТИРЕЙ			
ГАЛЛЪ			
МЕНАСЪ			
МЕНЕКРАТЪ			
ВАРРІЙ			

Мѣсто дѣйствія—въ разныхъ частяхъ Римской имперіи.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКИЙ ОРНАМЕНТЪ.

(Живопись на ящикъ съ муміями).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Александрія. Зала во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ Деметрій и Филонъ.

Филонъ.

Нѣтъ, полководца нашего безумье
Всѣ перешло границы. Тѣ глаза
Безстрашные, что нѣкогда сверкали,
Какъ Марсъ въ бронѣ, предъ строемъ ле-
гионовъ,
Теперь устремлены съ покорной страстью
На смуглое лицо. Героя сердце,
Что въ полѣ грозныхъ битвъ своимъ бѣньемъ
Застежки рвало на его груди,
Забывъ себя, вдругъ стало опахаломъ,
Чтобъ охлаждать любовный жаръ—цыганки.
Но вотъ идутъ. Внимательно смотри,
Увидишь самъ, какъ третій столбъ вселенной
Шутомъ блудницы сталъ. Лишь примѣчай.

*Трубы. Входятъ Антоній и Клеопатра
со свитой. Ея奴и съ опахалами окружаютъ
царицу.*

Клеопатра.

Коль вправду любишь, то скажи, насколько.

Антоній.

Бѣдна любовь, которую возможно
Измѣрить.

Клеопатра.

У границъ твоей любви
Хочу поставить камень порубежный.

Антоній.

Коль такъ, то землю новую создай
Подъ новымъ небомъ.

(Входитъ слуга).

Слуга.

Вѣсти, повелитель,
Изъ Рима.

Антоній.

Скука! Говори короче.

Клеопатра.

Нѣтъ, долженъ ты ихъ выслушать, Антоній!
Какъ знать, быть можетъ, Фульвія не въ
духъ,
Иль шлетъ тебѣ скудобородый Цезарь
Приказъ свой властный: „сдѣлай то иль это!
То царство покори, тому дай волю.
Спѣши! Не то осудимъ мы тебя!“

Антоній.

Какъ, другъ мой?

Клеопатра.

Можетъ быть, иль нѣтъ, навѣрно
Тебѣ не жить здѣсь дольше. Цезарь шлетъ

Тебѣ отставку. Выслушай ее.
Гдѣ вызовъ въ судъ отъ Фульвіи?

Иль нѣтъ,
Отъ Цезаря, хотѣла я сказать,
Отъ нихъ обоихъ? Призови-жъ

пословъ.
Клянусь вѣнцомъ египетской
царицы,

Ты покраснѣлъ, Антоній. Эта краска—
Дань Цезарю. Иль отъ стыда, быть можетъ,
Ты такъ привыкъ краснѣть, когда, ругаясь,
Языкъ свой чешетъ Фульвія. Пословъ!

Антоній.

Пусть Римъ свалится въ Тибръ! Пусть рух-
нутъ своды

Имперіи обширной. Здѣсь мой міръ!
Всѣ царства—тлѣнь, и грязная земля
Скотовъ, равно какъ и людей, питаетъ.
Вотъ благородство жизни въ чемъ!

(Цѣлуетъ ее).

Когда

Чета, какъ мы, такъ передъ цѣлымъ свѣтомъ
Рѣшила поступить въ любви взаимной,
Клянусь, ей нѣтъ подобной пары въ мірѣ!

Клеопатра.

Возвышенная ложь! Зачѣмъ женился
На Фульвіи, когда ея не любишь?
Я глупой лишь кажусь теперь, но знаю:
Самимъ собой останется всегда
Антоній.

Антоній.

Вдохновленный Клеопатрой.

Но изъ любви къ любви и къ упоенью
Ея часовъ не станемъ тратить время
На споры. Ни одна минута жизни
Пусть не проходитъ безъ утѣхъ. Чему
Мы вечеръ посвятимъ?

Клеопатра.

Прими пословъ!

Антоній.

Сварливая царица! Ты, кому
Пристало все,—и брань, и смѣхъ, и слезы.
Всѣ страсти ухитряются въ тебѣ
Стать красотой и вызвать восхищенье.
Я не хочу пословъ. Съ тобой вдвоёмъ
По улицамъ мы будемъ въ этотъ вечеръ
Бродить и нравы черни наблюдать.
Идемъ, моя царица. Ты сама
Хотѣла такъ вчера. А вы молчите!
Антоній, Клеопатра со свитой уходятъ.

Деметрій.

Ужель такъ мало Цезаря онъ цѣнитъ?

Филонъ.

Порой, когда онъ больше не Антоній,

Теряетъ онъ всѣ доблести, какими
Антоній долженъ быть всегда
украшенъ.

Деметрій.

Печально видѣть мнѣ, что под-
тверждаетъ

Онъ сплетни всѣ, идущія по Риму.
Но я хочу надѣяться, что завтра
Онъ образумится. Счастливой ночи!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Александрія. Другая зала.

Входятъ ХАРМИАНА, ИРА, АЛЕКСАСЪ
и ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ.

ХАРМИАНА. Господинъ Алексасъ, сла-
достный Алексасъ, несравненный Алексасъ,
совершенство въ образѣ Алексаса, гдѣ пред-
сказатель, котораго ты такъ расхваливалъ
царицѣ? О, встрѣтитъ бы мнѣ мужа, кото-
рый, какъ ты говоришь, украшаетъ свои
рога цвѣтами!

Алексасъ. Предсказатель!

Предсказатель. Что прикажешь?

ХАРМИАНА. Такъ вотъ онъ кто? Это ты
знаешь все на свѣтѣ?

Предсказатель.

Я въ необъятной книгѣ тайнъ природы
Кой-что могу прочесть.

Алексасъ.

Ты покажи

Ему свою ладонь.

Входитъ ЭНОВАРЬ.

Эноварь.

Несите все для пира!

Вина, чтобы пить здоровье Клеопатры!

ХАРМИАНА. Хорошій человекъ, награди
меня хорошей судьбой.

Предсказатель. Я судьбы не дѣлаю.
а только предсказываю.

ХАРМИАНА. Ну такъ прошу тебя, пред-
скажи мнѣ что-нибудь хорошее.

Предсказатель. Ты станешь гораздо
прекраснѣе, чѣмъ ты теперь.

ХАРМИАНА. Онъ думаетъ, что я раз-
добрѣю.

ИРА. Нѣтъ, на старости лѣтъ ты на-
чнешь краситься.

ХАРМИАНА. Только бѣ не было морщинъ!

Алексасъ. Не мѣшай его премудро-
сти. Слушай внимательно.

Хармиана. Тс!...

Предсказатель. Ты будешь чаще влюблена, чѣмъ любима.

Хармиана. Въ такомъ случаѣ я предпочла-бы грѣтъ свою печень виномъ.

Алексасъ. Слушай его.

Хармиана. А теперь предскажи мнѣ что-нибудь великолѣпное. Въ одинъ день дай мнѣ выйти замужъ за трехъ королей и остаться послѣ нихъ вдовой. Или въ пятьдесятъ лѣтъ дай мнѣ родить сына, который заткнетъ за поясъ Ирода Іудейскаго. Или выдай меня замужъ за Октавія Цезаря и сравни меня съ своей госпожей.

Предсказатель.

Переживешь свою ты госпожу, Которой служишь.

Хармиана. И отлично! Я долгую жизнь предпочитаю всѣмъ пряникамъ.

Предсказатель.

Твоя судьба была досель счастливей, Чѣмъ будетъ впредь.

Хармиана. Значитъ, мои дѣти останутся безъ имени. Будь милостивъ, скажи, сколько мнѣ на роду написано имѣть мальчиковъ и дѣвочекъ?

Предсказатель.

Будь вождельные каждое твое Плодородящимъ чревомъ,—милліонъ.

Хармиана. Ступай прочь, шутъ. Тебя прощаютъ только потому, что ты колдунъ.

Алексасъ. А ты воображала, что о твоихъ вождельніяхъ знаютъ только твои простыни?

Хармиана. Довольно обо мнѣ. Теперь предсказывай Ирѣ.

Алексасъ. Мы всѣ хотимъ знать свою судьбу.

Эноварь. Мнѣ и большинству изъ васъ сегодня судьба завалиться въ постель пьяными.

Ира. Вотъ ладонь, предвѣщающая цѣломудренную жизнь, если не что либо другое.

Хармиана. Такъ же, какъ разливъ Нила предвѣщаетъ голодъ.

Ира. Молчи, буйная сопостельница, что ты смыслишь въ гаданьи?

Хармиана. Нѣтъ, если влажная ладонь не признаку плодородія, то я не умѣю почесать у себя за ухомъ. Пожалуйста, предскажи ей самую будничную судьбу.

Предсказатель. Ваши судьбы одинаковы.

Ира. Какимъ образомъ? Какимъ образомъ? Объясни подробнѣе.

Предсказатель. Я все сказалъ.

Ира. Какъ? Я не буду ни на вершокъ счастливѣе ея?

Хармиана. А если-бы твоя судьба была на вершокъ длиннѣе моей, куда-бы ты поставила этотъ вершокъ?

Ира. Ужъ конечно не къ мужнину носу.

Хармиана. Да исправить небо наши грѣховныя мысли! Очередь за Алексасомъ, его судьбу, его судьбу! О! молю тебя, сладчайшая Изида, жени его на безмогой женѣ, и пусть она умретъ, а ему дай жену еще похуже. И такъ пусть онѣ слѣдуютъ другъ за дружкой одна хуже другой, до тѣхъ поръ пока самая скверная смѣясь не сведетъ его въ могилупятидесятикратнымъ рогиносцемъ. Услышь эту мольбу, добрая Изида, и откажи мнѣ въ чемъ-нибудь другомъ, болѣе важномъ, о добрая Изида! молю тебя.

Ира. Аминь. Услышь молитву твоихъ рабынь, о всеблагая богиня! Ибо если сердце терзается при видѣ порядочнаго человѣка, женатаго на потаскушкѣ, то смертельно грустно видѣть негодяя не рогагымъ. И такъ, всеблагая Изида, будь справедлива и награди его по заслугамъ.

Хармиана. Аминь!

Алексасъ. Каково! Если-бы отъ нихъ зависѣло сдѣлать меня рогиносцемъ, онѣ бы не задумались стать распутницами, лишь бы добиться своего.

Эноварь.

Тсс... Вотъ идетъ Антоній.

Хармиана.

Нѣтъ, царица.

Входитъ Клеопатра.

Клеопатра. Видѣли вы полководца?

Эноварь. Нѣтъ, повелительница.

Клеопатра. Его не было здѣсь?

Хармиана. Нѣтъ, царица.

Клеопатра.

Онъ склоненъ былъ къ веселью, вдругъ сталъ мраченъ,

Задумавшись о Римѣ. Эноварь!

Эноварь.

Царица!

Клеопатра.

Отыщи и приведи

Его сюда! Алексасъ гдѣ?

Алексасъ.

Онъ здѣсь

*Древне-египетская прическа.
(Древне-египетское изображеніе принцессы Неферть).*

И приказаній ждётъ. Но вотъ идетъ
Къ намъ повелитель.

*Входитъ Антоній, въ сопровожденіи посла
и свиты.*

Клеопатра.
На него не взглянемъ.

Идемте!

Клеопатра, Энобарвъ, Алексасъ, Ира,
Харміана, предсказатель и свита ухो-
дятъ.

Вѣстникъ.
Первой выступила въ поле
Твоя супруга Фульвія.

Антоній.
Чтобъ съ братомъ
Моимъ сразиться, Люціемъ?

Вѣстникъ.
Да, съ нимъ.
Но брань не долго длилась. Власть событій
Сдружила ихъ. Они, соединясь,
На Цезаря пошли, но въ первой схваткѣ
Онъ побѣдилъ, принудивъ ихъ покинуть
Италію.

Антоній.
Похуже нѣтъ вѣстей?

Вѣстникъ.

Дурныя вѣсти тѣнь свою бросаютъ
На вѣстника.

Антоній.

Въ глазахъ глупца иль труса.
Разсказывай? Что было, то прошло.
И знай: тому, кто правду говоритъ мнѣ,
Будь это вѣсть о смерти, я внимаю,
Какъ если-бы онъ льстилъ мнѣ.

Вѣстникъ.

Лабіенъ
(Жестока вѣсть моя!) съ пареянскимъ вой-
скомъ

Всю занялъ Азію. Его знамена
Побѣдно вѣютъ отъ Евфратскихъ водъ,
Отъ Сиріи до Лидіи и самой
Іоніи, въ то время какъ...

Антоній.

Антоній,
Желаешь ты сказать.

Вѣстникъ.

О, повелитель!

Антоній.

Будь откровененъ. Не смягчай молвы
И Клеопатру называй, какъ въ Римѣ

Ее зовутъ. Брани меня нещадно
Словами Фульвіи. Мои ошибки
Клейми со всею силою, какую
Даютъ негодование и правдивость.
Мы производимъ сорную траву,
Когда не вѣтетъ вѣтеръ благотворный.
Твердить намъ объ ошибкахъ нашихъ
значить—

Ихъ выполоть. Пока прощай.

Вѣстникъ.

Я повинуюсь.

Антоній.

Изъ Сикіона вѣсти! Говори!

Первый изъ свиты.
Гонецъ изъ Сикіона! Гдѣ онъ?

Второй изъ свиты.

Ждетъ

Твоихъ онъ приказаній.

Антоній.

Пусть войдетъ.

Египетскія крѣпкія оковы
Я разобью или погибну въ нѣгѣ.

Входитъ другой вѣстникъ.
Что скажешь?

Второй вѣстникъ.

Фульвія, твоя супруга,
Скончалась.

Антоній.

Гдѣ?

Второй вѣстникъ.

Скончалась въ Сикіонѣ.
О ходѣ-же болѣзни и другихъ
Извѣстяхъ важныхъ здѣсь прочтешь.

Антоній.

Оставь меня.

Вѣстникъ *уходитъ*.

Антоній.

Великая душа ушла изъ міра.
Я этого хотѣлъ. Но что когда-то
Отвергли мы, намъ часто вновь желанно,
Межъ тѣмъ какъ наслажденіе, повторяясь,
Становится противно въ настоящемъ.
Покинувъ міръ, она мнѣ дорога.
Рука, ее прогнавшая, хотѣла-бъ
Ее вернуть. Съ волшебницей-царицей
Разстаться должно. Десять тысячъ бѣдъ,
Невѣдомыхъ родитъ мнѣ эта праздность.
Эй, Энобарбъ!

Входитъ Энобарбъ.

Энобарбъ.

Что, господинъ, прикажешь?

Антоній.

Мнѣ нужно прочь отсюда и немедля.

Энобарбъ. Ну, этимъ, мы убьемъ всѣхъ
нашихъ женщинъ. Мы видимъ, какъ смер-
тельно на нихъ дѣйствуетъ малѣйшая наша
невнимательность. Какъ только онъ узна-
ютъ, что мы уѣзжаемъ,—тутъ имъ и смерть.

Антоній. Я долженъ уѣхать.

Энобарбъ. Если въ самомъ дѣлѣ
нужно, пусть женщины умираютъ! Было-бы
жаль бросить ихъ изъ-за пустяковъ, но
если приходится выбирать между ними и
важнымъ дѣломъ, онъ сами должны быть
сочтены за пустякъ. Клеопатра, при одномъ
намекѣ на это, умереть немедленно. Я ви-
дѣлъ, какъ она двадцать разъ умирала по по-
водамъ менѣе важнымъ. Думаю, въ смерти
скрытъ огонь, дѣйствующій на нее любов-
нымъ образомъ: больно охоча она умирать.

Антоній. Она хитра свѣше всякаго
вѣроятія.

Энобарбъ. Увы, повелитель, нѣтъ! Ея
страсти сплетены изъ тончайшихъ частицъ
чистой любви. Ея вздохи и слезы нельзя
называть просто вѣтромъ и водою. Это—
буря и ураганы, которыхъ не знаетъ кален-
дарь. Все это въ ней не можетъ быть хит-
ростью. Если-же это хитрость, то она про-
изводитъ дождь и бурю такъ же легко, какъ
Юпитеръ.

Антоній. Лучше-бы я никогда не ви-
дѣлъ ее!

Энобарбъ. О, господинъ, тогда-бы ты
не видѣлъ чудеснѣйшаго изъ созданій. Не
вкусивъ этого счастья, ты лишилъ-бы свое
путешествіе всякой прелести.

Антоній. Фульвія скончалась.

Энобарбъ. Что, господинъ?

Антоній. Фульвія скончалась.

Энобарбъ. Фульвія?

Антоній. Умерла.

Энобарбъ. Ну, что-жъ, повелитель,
принеси небожителямъ благодарственную
жертву; когда ихъ богоподобіемъ случается
отозвать жену у мужа, послѣднему остается
смотрѣть на нихъ, какъ на портныхъ
земли, утѣшаясь мыслью, что когда старое
платье изношено, любому изъ нихъ можно
заказать новое. Если-бы послѣ Фульвіи не
осталось другихъ женщинъ, твое дѣло было-
бы плохо. А теперь горе увѣнчается утѣ-
шеніемъ. Старая сорочка превратится въ
новую юбку, и поистинѣ, слезы, которыя
можно проливать по этому случаю, скры-
ваются въ головкѣ лука.

Антоній.

Затѣянная въ Римѣ ей дѣла,
Отсутствія не терпятъ моего.

Эноварвѣ. А дѣла, затѣянные тобою, не терпятъ твоего отсутствія здѣсь. Въ особенности дѣла съ Клеопатрой, которая цѣликомъ зависать отъ твоего присутствія.

Антоній.

Довольно шутокъ. Свѣтъ передай
Рѣшеніе наше. Самъ-же я царицѣ
Причинѣ всѣхъ отъѣзда объясню
И выпрошу согласіе на разлуку.
Не только смерть жены, но и другія
Зовутъ насъ неотложныя дѣла,
И лучшія друзья изъ Рима въ письмахъ
Меня домой торопятъ. Секстъ Помпей,
На Цезаря возставъ, уже владѣетъ
Морями. Нашъ измѣнчивый народъ,
(Любовью награждающій героевъ,
Не раньше чѣмъ они ушли отъ міра),
Всѣ доблести великаго Помпея
Сталъ видѣть въ сынѣ. Онъ-же знатность

рода
Возвысилъ личной храбростью и силой
И сталъ вождемъ людей. Его полетъ
Опасностью для міра угрожаетъ.
Не мало расплодилось тамъ такого,
Въ чемъ жизнь, какъ въ конскомъ волосѣ,
таится

Хоть не грозитъ оно змѣинымъ ядомъ.
Повѣдай подчиненнымъ нашу волю,
Скажи, чтобъ въ путь собирались.

Эноварвѣ.

Повинуюсь.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Александрія. Другая зала.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира и
Алексасъ.

Клеопатра.

Гдѣ онъ?

Харміана.

Его я больше не видала.

Клеопатра.

Взгляни-ка, гдѣ онъ, кто съ нимъ, чѣмъ
онъ занятъ?

Не говори, что я тебя послала.

Коль грустенъ онъ, скажи, что я пляшу,

Коль веселъ—что внезапно заболѣла.

Ступай и возвращайся.

Алексасъ уходитъ.

Харміана.

О, царица,

Мнѣ кажется, коль искренно ты любишь,

Ты путь въ любви избрала, не ведущій
Къ взаимности.

Клеопатра,

А что должна-бъ я сдѣлать?

Харміана.

Уступчивою быть и не перечить

Ему ни въ чемъ.

Клеопатра.

Безумная, ты учишь,

Какъ потерять его.

Харміана.

Не доводи

До крайности его, будь терпѣлива.

Мы начинаемъ ненавидѣть тѣхъ,

Кого боялись долго. Вотъ Антоній!

Входитъ Антоній.

Клеопатра.

Мнѣ грустно. Я больна.

Антоній.

Какъ тяжело

Мнѣ сообщить теперь свое рѣшеніе!

Клеопатра.

О, помоги мнѣ выйти, Харміана!

Я падаю. Не можетъ это длиться,

Природа дольше выдержать не въ силахъ

Антоній.

Царица милая!

Клеопатра.

Прошу, подальше.

Антоній.

Но что случилось?

Клеопатра.

Вижу по глазамъ,

Ты получилъ хорошія извѣстія.

О чемъ гласитъ письмо жены законной?

Что жъ, уѣзжай. О, если-бъ никогда

Она тебя сюда не отпускала!

Такъ пусть не говоритъ, по крайней мѣрѣ,

Что я тебя держу. Я надъ тобою

Безсильна. Весь ты ей принадлежишь.

Антоній.

Богамъ извѣстно...

Клеопатра.

Ни одна царица

Такъ не была обманута, какъ я.

Я чуяла измѣну.

Антоній.
Клеопатра!

КЛЕОПАТРА.
Могла-ль я ждать, что мнѣ ты
будешь вѣренъ,
Ты, обманувшій Фульвію, хо-
тя-бы
Ты клятвами поколебалъ пре-
стола
Боговъ! Безумно сердцемъ до-
вѣряться
Обѣтамъ устъ, что клятвы
нарушаютъ
Въ тотъ мигъ, когда даютъ
ихъ.

Антоній.
О, царица
Любимая!

КЛЕОПАТРА.
Не скрашивай, молю,
Отъѣзда своего. Простись—
и въ путь!
Въ тотъ день, когда молили
ты разрѣшенья
Остаться здѣсь—слова зву-
чали кстати.
Ты про отъѣздъ тогда не го-
ворилъ.

Въ моихъ глазахъ, въ устахъ ты видѣлъ
вѣчность,
Въ дугахъ бровей—блаженство. Все во мнѣ
Небеснымъ звалъ. Я та-же, что и прежде,
Иль ты, первѣйшій въ мірѣ воинъ, былъ
Лжецомъ первѣйшимъ.

Антоній.
Но, царица!

КЛЕОПАТРА.
Если-бъ
Имѣла я твой ростъ, узналъ бы ты,
Что храбрыя сердца есть и въ Египтѣ.

Антоній.
О, послушай, царица. Нашу службу
Необходимость этихъ бурныхъ дней
На время призываетъ, но останусь
Я сердцемъ твой. Италія полна
Мечей междоусобныхъ. Секстъ Помпей
Къ стѣнамъ подходитъ Рима. Равносилъ
Двухъ внутреннихъ властей готовитъ смуты.
Кто былъ вчера народу ненавистенъ,
Достигнувъ власти, приобрѣлъ любовь.
Богатъ отцовской славою, изгнанникъ
Помпей сердца тѣхъ гражданъ покорилъ,

КЛЕОПАТРА въ видѣ изиды.
Египетскій барельефъ эпохи
Клеопатры.

Кто выгоды не извлекъ изъ
настоящихъ
Порядковъ,—ихъ число вну-
шаетъ страхъ.
Бездѣйствіемъ болѣя, дряб-
лость духа
Здоровья ждетъ отъ перемѣнъ
мятежныхъ.
Моя-жъ причина личная—это
Тебя вполне съ отъѣздомъ
примирить—
Смерть Фульвіи.

КЛЕОПАТРА.
Хотя не отъ безумья,
Мой возрастъ отъ ребячества
защита!
Ужели можетъ Фульвія скон-
чаться?

Антоній.
Она мертва, царица. Вотъ,
взгляни,
Ты здѣсь прочтешь, въ часы
досуговъ царскихъ,
О смутахъ, что она тамъ на-
творила,
И, наконецъ, о лучшемъ,—
гдѣ и какъ
Скончалася.

КЛЕОПАТРА.
О, лживая любовь!

Гдѣ-жъ урны съ влагой слезъ твоихъ? Я
вижу,
По смерти вижу Фульвіи, какъ примешь
Ты смерть мою.

Антоній.
Довольно вздорить. Лучше
Узнай мои желанья. Отъ тебя
Зависитъ, сбыться имъ или нѣтъ! Клянусь
Огнемъ, животворящимъ нильскій иль,
Что ухожу я, какъ слуга твой вѣрный,
Какъ воинъ твой, готовый на войну
Или на миръ, по твоему рѣшенью.

КЛЕОПАТРА.
Шнуровку распусти мнѣ, Харміана.
Не нужно. Я здорова и больна,
Вотъ какъ любовь Антонія.

Антоній.
Довольно,
Царица милая! Моей любви
Довѣрься. Съ честью выдержать она
Любое испытанье.

КЛЕОПАТРА.
Доказала

Мнѣ это участь Фульвіи. Прошу,
Къ сторонкѣ отвернись, поплачь по ней,
Потомъ простишься со мною, увѣряя,
Что это слезы по Египту. Вотъ что,
Съ притворствомъ тонкимъ сцену мнѣ сы-
грай,
Изобрази въ ней искренность искусно.

Антоній.

Меня разсердишь ты—и только.

Клеопатра.

Могъ-бы
Сыграть ты лучше—но и такъ недурно.

Антоній.

Мечомъ клянусь я!

Клеопатра.

И щитомъ. Отлично!
Онъ дѣлаетъ успѣхи. То-ль еще
Умѣетъ онъ! Взгляни, о Харміана,
На Геркулеса римскаго. Какъ тонко
Онъ скрытый гнѣвъ сыгралъ!

Антоній.

Я уйду.

Клеопатра.

Одно лишь слово, господинъ учтивый.
Другъ друга мы покинемъ,—нѣтъ, не то.
Другъ друга мы любили,—нѣтъ, не то.
Все это знаешь самъ. Хотѣла что-то
Сказать я. Только память у меня
Похожа на Антонію. Забыта
Я имъ совсѣмъ.

Антоній.

Когда-бъ не зналъ я, что тебѣ
Подвластно легкомысліе, я счелъ-бы
Тебя за легкомысліе живое.

Клеопатра.

Повѣрь, не такъ легко такъ близко къ сердцу
Такое легкомысліе носить,
Какъ носить Клеопатра. Но прости мнѣ.
Все, что во мнѣ не нравится тебѣ,
Мнѣ кажется убійственнымъ самой.
Тебя зоветъ отсюда глосъ чести,
Итакъ, будь глухъ къ безумью моему.
И боги да хранятъ тебя. Твой мечъ
Пускай побѣда лавромъ увѣнчаетъ,
Удача уравниетъ твой путь.

Антоній.

Прощай.

Разлука насъ и держитъ, и торопитъ.
Здѣсь оставаясь, ты идешь со мною,
Я-жъ, удаляясь, остаюсь съ тобой.
Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

(Римъ. Комната въ замкѣ Цезаря).

Входятъ Октавій Цезарь и Лепидъ.

Цезарь.

Итакъ, Лепидъ, ты будешь знать отнынѣ,
Что не въ природѣ Цезаря питать
Къ великому сопернику вражду.
Вотъ всѣ извѣстья изъ Александріи:
Онъ ловить рыбу, пьетъ, проводитъ ночи
При факелахъ средь оргій. На мужчину
Не больше онъ похожъ, чѣмъ Клеопатра,
Вдова-же Птолемея не больше
На женщину похожа, чѣмъ онъ самъ.
Съ трудомъ принявъ пословъ, насилу вспо-
мнилъ,
Что у него друзья есть. Согласись,
Онъ скопище живое всѣхъ пороковъ.

Лепидъ.

Не вѣрю, чтобъ пороки въ немъ затмили
Всѣ доблести. Его несовершенства,
Что звѣзды въ небѣ, яркія на фонѣ
Полночной тьмы. Они въ немъ врождены,
Не развиты самимъ. Ихъ устранить
Не въ силахъ онъ, но самъ не одобряетъ.

Цезарь.

Ты слишкомъ добръ. Пусть не грѣшно, до-
пустимъ,

Понѣжиться на ложѣ Птолемея,
За мигъ веселья царствомъ заплатить,
Съ рабами состязаться въ пьянствѣ, въ
полдень

По улицамъ шататься, на кулачкахъ
Бороться съ чернью, провонявшей пѣтомъ,
Допустимъ, это все ему пріятно
(Хоть долженъ быть тотъ созданъ не какъ
всѣ,

Кого-бы это все не запятнало),
И все-жъ онъ оправданья не нашелъ бы
Своимъ порокамъ, вспомнивши, какъ тяжко
Намъ всѣмъ отъ легкомыслія его.
Пускай-бы дни досуга посвятилъ онъ
Разврату,—пресыщеніе и сухотка
Въ костяхъ ему за то наградой были-бъ,
Но праздно убивать такое время,
Какъ это, что зоветъ его отъ нѣги,
Какъ барабанный бой, напоминая
О собственной его и нашей власти,—
За это можно только побранить,
Какъ школьниковъ бранятъ, когда они,
Уже вкусивъ отъ знанья, для минутной
Забавы про ученье забываютъ
На зло разсудку.

Входитъ вѣстникъ.

Лепидъ.
Вотъ еще извѣстья.

Вѣстникъ.
Исполненъ твой приказъ, великій Цезарь.
Ты ежечасно будешь получать
Извѣстья о событіяхъ внѣ страны.
Помпей владѣетъ моремъ. Онъ привлекъ
Сердца людей, что Цезарю служили
Изъ страха только. Въ гавани стеклись
Толпами недовольные. Повсюду
Его считаютъ жертвой.

Цезарь.
Долженъ былъ я
Предвидѣть это. Съ древнихъ лѣтъ насъ
учить
Исторія, что приобрѣвшій власть
Любимъ, покалишь къ власти онъ стремился,
А потерявшій власть, хотя-бъ онъ прежде
Не зналъ и не заслуживалъ любви—
Исчезнувши, становится всѣмъ дорогъ.
Похожа чернь на водоросль рѣчную,
Что движется безъ отдыха съ волною
И отъ своей подвижности гніетъ.

Вѣстникъ.
Еще извѣстье, Цезарь. Менекратъ
Съ Менасомъ,—знаменитые пираты,—
Поработили море, бороздя
Его поверхность разными судами.
На берега Италіи они
Свершили не одинъ набѣгъ отважный.—
Прибрежный житель, чуть о нихъ заслышитъ,
Блѣднѣетъ отъ испуга. Молодежь
Горячая волнуется. Корабль,
Чуть выйдетъ въ море, въ плѣнъ къ нимъ
попадаетъ.
Помпея имя больше намъ вредить,
Чѣмъ всѣ его отряды.

Цезарь.
О, Антоній!
Воспрянь отъ оргій праздныхъ! Въ дни
былые,
Когда ты, консуловъ убивши Панса
И Гиртія, былъ изгнанъ изъ Модены,
И голодъ по пятамъ твоимъ гнался,—
Тогда ты терпѣливѣй, чѣмъ дикарь,
Переносилъ лишенья, хотъ воспитанъ
Былъ въ роскоши. Пилъ конскую мочу,
И воду желтую болотъ, которой
Не стали-бъ пить и звѣри. Не гнушался
Кислѣйшихъ ягодъ на кустахъ дичайшихъ,
Глодалъ кору древесную, подобно
Оленю средь зимы, когда луга

Покрты снѣгомъ. Говорятъ, на Альпахъ
Такимъ питался мясомъ, что при видѣ
Его иной-бы умеръ. И все это
(Теперь разсказъ мой честь твою позорить)
Ты выноси, какъ солдатъ, и даже щеки
Твои не похудѣли отъ лишеній.

Лепидъ.
Какъ жаль его!

Цезарь.
О, если-бъ стыдъ вернулъ
Его скорѣе въ Римъ! Пора обоимъ
Намъ въ поле выступить. Для этой цѣли
Совѣтъ поспѣшно созовемъ. Помпею
Полезна наша праздность.

Лепидъ.
Завтра, Цезарь
Тебѣ смогу я точно указать,
Какія силы на водѣ и сушѣ
Въ моемъ распоряженіи для борьбы
Съ грозящею опасностью.

Цезарь.
До встрѣчи
И я займуся тѣмъ-же. До свиданья.

Лепидъ.
Прощай. За это время всѣ извѣстья,
Какія ты получишь отовсюду,
Прошу мнѣ сообщить.

Цезарь.
Не сомнѣвайся
Я знаю, это долгъ мой.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Александрія. Залъ во дворцѣ.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира и
Мардіанъ.
Клеопатра. Харміана!
Харміана. Царица.

Клеопатра.
Дай мандрагоры выпить мнѣ.
Харміана.
Зачѣмъ?

Клеопатра.
Чтобъ время все проспавъ, пока Антоній
Въ отсутствіи.

Харміана.
Ты думаешь о немъ
Ужъ слишкомъ много.

КЛЕОПАТРА.
Это вѣдь измѣна!

ХАРМИАНА.
Едва-ль, царица.

КЛЕОПАТРА.
Евнухъ Мардіанъ!

МАРДІАНЪ.
Чѣмъ повелишь служить тебѣ, царица?

КЛЕОПАТРА.
Не пѣніемъ своимъ. Какая радость
Мнѣ въ томъ, что есть у евнуха. Ты сча-
стливъ,
Что оскропленъ. Твои мечты свободны,
Не мчатся изъ Египта. Ты любишь
Способенъ?

МАРДІАНЪ.
Да, царица.

КЛЕОПАТРА.
Въ самомъ дѣлѣ?

МАРДІАНЪ.
Не въ самомъ дѣлѣ. Дѣлать не умѣю
Того, что въ самомъ дѣлѣ дѣлать должно.
И все-жъ я знаю страсть. Я вижу въ мысляхъ
Все, что Венера съ Марсомъ совершали.

КЛЕОПАТРА.
О, Харміана! Какъ ты полагаешь,
Гдѣ онъ теперь? Стоитъ онъ иль сидитъ?
Пѣшкомъ идетъ-ли? Сѣлъ-ли на коня?
О конь счастливый, на себѣ несущій
Антонія! Безстрашенъ будь, о конь!
Ты знаешь-ли, кого несешь? Атласа,
Кто полъ-земли поднялъ, десницу, щитъ
Людского рода! Можетъ быть, теперь онъ
Шепнулъ: „гдѣ змѣйка нильская моя?“
Онъ такъ меня зоветъ. Но я питаю
Сама себя сладчайшею отравой
Захочетъ-ли онъ думать обо мнѣ,
Столь смуглой отъ лучей влюбленныхъ Феба,
Столь глубоко морщинами покрытой
Рукою времени. Вотъ въ дни былые,
Когда былъ живъ широколобый Цезарь,
Была кускомъ я царскимъ! И великій
Помпей стоялъ недвижно, взоръ вперяя
Въ мое лицо. Хотѣлъ бы здѣсь онъ бросить
Восторгаякорь и глядѣть до смерти
На ту, кто стала жизнью для него.

Входитъ Алексасъ.

АЛЕКСАСЪ.
Привѣтъ тебѣ, владычица Египта!

КЛЕОПАТРА.
Какъ мало ты лицомъ похожъ на Марка

Антонія! Но онъ тебѣ прислалъ,
И этотъ чудодѣйственный напитокъ
Тебя позолотилъ. Какъ поживаетъ
Мой храбрый Маркъ Антоній?

АЛЕКСАСЪ.

О, царица,
Въ послѣдній мигъ передъ моимъ уходомъ
Въ послѣдній разъ поцѣловалъ онъ эту
Восточную жемчужину. Слова-же,
Что онъ сказалъ, въ моемъ таятся сердцѣ.

КЛЕОПАТРА.
Мой слухъ желаетъ вызвать ихъ оттуда.

КЛЕОПАТРА.

Античная статуя въ Британскомъ музеѣ.

АЛЕКСАСЪ.
„Мой добрый другъ“,—сказалъ онъ: „пе-
редай,
Что вѣрный римлянинъ послалъ великой
Египтянкѣ сокровище вотъ это,
Изъ раковины взятое. Намѣренъ
У ногъ ея онъ искупить ничтожность
Такого дара, царствами украсивъ
Ея престолъ могучій. Весь востокъ,
Скажи ей, будетъ звать ее царицей“.
Затѣмъ, кивнувъ мнѣ головой, онъ важно
Сѣлъ на коня ретиваго, и конь
Заржалъ такъ громко, что мои слова
Навѣрно заглушилъ-бы.

КЛЕОПАТРА.
Былъ онъ веселъ
Или грустилъ?

РИМСКИЙ ОРНАМЕНТЪ.
(Помпейская мозаика).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

(Мессина. Домъ Помпея).

Входятъ Помпей, Менократъ и Менасъ.

Помпей.

Коль боги справедливы, то они
И праведныхъ людей въ дѣлахъ поддержать.

Менократъ.

Повѣрь, Помпей достойный, промедленье
Не есть отказъ.

Помпей.

Покуда предстоимъ
Ихъ алтарямъ, чего мы просимъ—гибнетъ.

Менократъ.

Въ невѣдѣннѣ мы часто просимъ бѣдъ,
Въ нихъ мудрые отказываютъ боги,
И нашихъ же молитвъ неисполненье—
На благо намъ.

Помпей.

Мнѣ суждена удача.
Народомъ я любимъ, владѣю моремъ,
И власть моя растетъ; мнѣ говоритъ
Предчувствіе: достигну полной власти.
Обѣдаетъ въ Египтѣ Маркъ Антоній
И не начнетъ войны внѣ дома. Цезарь
Чтобъ золото скопить—сердца теряетъ.

Лепидъ имъ льститъ, и оба льстятъ ему,
Но никого не любить, и никѣмъ
Изъ нихъ онъ не любимъ.

Менасъ.

Лепидъ и Цезарь
Съ громаднымъ войскомъ двинулись въ
походъ.

Помпей.

Ложь! Кто сказалъ тебѣ объ этомъ?

Менасъ.

Сильвій.

Помпей.

Пригрезилось ему. Ждутъ оба въ Римъ
Антонія. Всѣ прелести любви
Пусть блеклыя уста твои украсятъ,
О Клеопатра жгучая! Ты чары
Соедини съ красой и сладострастьемъ,
Любовника влеки на поле пиршествъ,
Мозгъ отумань. Искуснѣйшій пусть поваръ
Приправами въ немъ голодъ возбуждаетъ,
Которыми пресытиться нельзя.
Обжорство, сонъ—да усыпятъ въ немъ
честь,
Пока она не канетъ въ бездну Леты.

Входитъ Варрій.

Помпей.

Съ какою вѣстью, Варрій?

ВАРРІЙ.

Съ достовѣрной.
Антонія ждуть въ Римѣ каждый часъ.
Со времени отъѣзда изъ Египта—
Имѣлъ онъ время, чтобъ туда прибыть.

ПОМПЕЙ.

Охотнѣй бы я внялъ не важной вѣсти.
Не думалъ-я, чтобъ онъ—любви обжора—
Свой шлемъ надѣлъ изъ-за пустой войны.
Онъ тѣхъ двоихъ въ бою опаснѣй вдвое.
Гордиться мы должны, что изъ объятій
Египетской вдовы—попыткой нашей
Исторнуть сластолюбецъ ненасытный.

МЕНАСЪ.

Не думаю, чтобъ Цезарь и Антоній
Могли сойтись. Покойною женою
Антонія былъ оскорбляемъ Цезарь,
И братъ его съ нимъ воевалъ, хотя
Тутъ не вина Антонія.

ПОМПЕЙ.

Не знаю
Какъ разростись вражда пустая можетъ.
Но не возстань мы противъ нихъ—воз-
можно,
Что межъ собой сцѣпились бы они.
Чтобъ вынуть мечъ—у нихъ причинъ до-
вольноно.
Но можетъ ли ихъ страхъ предъ нами—
связью
Для нихъ служить, раздоры ихъ смиливъ—
Вотъ мы чего не знаемъ. Да свершится
Угодное богамъ. Спасаться нужно,
И къ этому приложимъ силы дружно.
Менасъ, идемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Римъ. Въ домѣ Лепида.

Входятъ Энобарбъ и Лепидъ.

ЛЕПИДЪ.

Ты, Энобарбъ, достойно поступилъ бы,
Когда бъ вождя ты мягче выражаться
Уговорилъ.

ЭНОБАРБЪ.

Пусть отвѣчаетъ онъ
По своему, и Цезаремъ затронутъ,
Пускай глядитъ Антоній свысока
На Цезаря и, словно Марсъ, гремитъ.
Клянусь богами, будь я съ бороною
Антонія—не сталъ бы нынче бриться.

ЛЕПИДЪ.

Но время ли теперь для личныхъ счетовъ?

ЭНОБАРБЪ.

Ко времени—все, что имъ рождено.

ЛЕПИДЪ.

Но мелкіе должны дать мѣсто крупнымъ.

ЭНОБАРБЪ.

Нѣтъ, если тѣ явились раньше.

ЛЕПИДЪ.

Гнѣвно

Ты говоришь... Не разгребай золы.
Вотъ доблестный Антоній.

Входятъ Антоній и Вентидій.

ЭНОБАРБЪ.

Вотъ и Цезарь.

Входятъ Цезарь, Агриппа, Меценатъ.

АНТОНИЙ.

Какъ только въ Римѣ всѣ дѣла устроимъ—
Отправимся, Вентидій—на пареанъ.

ЦЕЗАРЬ.

Не знаю, Меценатъ, спроси Агриппу.

ЛЕПИДЪ.

Достойные друзья, важна причина,
Сближающая насъ. Да не разлучать
Насъ мелочи. Есть поводъ для вражды,—
Его обсудимъ мягко: разбираясь
Запальчиво въ обидахъ совершаемъ
Убійство мы, но не врачуемъ ранъ.
Товарищи, молю, возможно мягче
Касайтесь въ вопросовъ самыхъ жгучихъ,
Запальчивость да не усилить зла.

АНТОНИЙ.

Рѣчь добрая, и будь мы предъ войсками,
Готовыми къ сраженью—точно такъ
Я сдѣлалъ бы.

ЦЕЗАРЬ.

Тебѣ привѣтъ мой въ Римѣ.

АНТОНИЙ.

Благодарю.

ЦЕЗАРЬ.

Садись.

АНТОНИЙ.

Садись и ты.

ЦЕЗАРЬ.

Ну, хорошо.

Антоній.

Я слышалъ, ты дурное
Находишь тамъ, гдѣ нѣтъ его, а если бѣ
Оно и было—дѣло не твое.

Цезарь.

Смѣшонъ я былъ бы, если бѣ обижался
На мелочи, тѣмъ больше—на тебя;
Еще смѣшнѣй—когда бѣ тебя порочилъ,
Межъ тѣмъ какъ мнѣ не слѣдовало даже
И называть тебя.

Антоній.

Но чѣмъ касалось
Тебя мое въ Египтѣ пребыванье?

Цезарь.

Не болѣе, чѣмъ въ Римѣ жизнь моя—
Тебя въ Египтѣ, но когда бѣ оттуда
Ты вздумалъ козни строить—то меня
Коснулось бы оно.

Антоній.

Что значить: козни?

Цезарь.

Въ виду всего, здѣсь бывшаго—уловишь
Ты мысль мою. Со мной вели войну
Жена твоя и братъ. Служилъ предлогомъ
Ты для нея, ты былъ—ихъ бранный кличъ.

Антоній.

Ошибся ты. Не посвященъ я братомъ—
Въ его дѣла, о нихъ освѣдомляясь,
Былъ извѣщенъ я вѣрными людьми,
Что бились за тебя. Скорѣй безславилъ
Онъ власть мою съ твоею заодно,
И мнѣ наперекоръ съ тобой сражался,
Затѣмъ, что цѣль у насъ съ тобой одна.
И раньше въ томъ ты изъ моихъ посланій
Увѣрился. Ища предлоговъ къ ссорѣ,
Изъ цѣльнаго ты не составишь ихъ,
Сшивай изъ лоскутковъ.

Цезарь.

Въ непониманьи
Коря меня, ты хвалишься, но самъ
Сшилъ на живую нитку извиненья.

Антоній.

О, нѣтъ. Я знаю, убѣжденъ: не могъ
Ты не признать тотъ очевидный выводъ,
Что я, союзникъ твой въ томъ самомъ дѣлѣ,
Противникомъ котораго онъ сталъ—
Не могъ войнѣ сочувствовать, грозящей
Покою моему. Что до жены—
Пусть духъ ея вселился бы въ другую!
Владѣя третью міра—на веревкѣ
Ты поведешь его, но не ее.

Эноварь. Хорошо бы всѣмъ намъ
имѣть такихъ женъ! Тогда мужчины могли
бы воевать съ женщинами.

Антоній.

Я съ грустью, Цезарь, допустить готовъ:
Ея неодолима сварливость
(Не лишена лукаваго разчета),
Доставила тебѣ не мало горя,
Но, согласишься, я невиновенъ въ томъ.

Цезарь.

Пока въ Александріи пировалъ ты—
Я написалъ тебѣ, но ты засунулъ.
Письмо въ карманъ и оскорбилъ гонца.

Антоній.

Онъ ворвался ко мнѣ безъ разрѣшенья.
Троихъ царей я угощалъ въ ту пору
И менѣе былъ трезвъ, чѣмъ поутру.
Сознался въ томъ на слѣдующій день,
И этимъ я какъ бы просилъ прощенья.
Да будетъ онъ въ раздорахъ непричемъ,
И если намъ повздорить суждено—
Его не вспоминай.

Цезарь.

Условия клятвы
Нарушилъ ты, меня же не дерзнешь
Въ томъ обвинить.

Лепидъ.

Будь мягче, Цезарь.

Антоній.

Нѣтъ,
Пусть говоритъ. Честь для меня священна,
Которой, судя по его словамъ,
Я измѣнилъ. Пусть продолжаетъ Цезарь.
Условия клятвы...

Цезарь.

Въ случаѣ нужды—
Подмогу и оружье дать... Въ обоихъ
Ты отказалъ.

Антоній.

Скорѣе: упустилъ.
Сознанія тогда, въ часы отравы,
Я былъ лишенъ. Насколько въ состояньи—
Винюсь я предъ тобой, но откровенность
Не умалить величья моего,
Достоинствомъ не дамъ мнѣ поступиться.
Вотъ истина: чтобъ я Египетъ бросилъ—
Тутъ Фульвія затѣяла войну,
И—поводъ къ ней невольный—за нее
Я приношу тебя всѣ извиненья,
Которыя лишь допускаетъ честь.

Лепидъ.

Достойныя слова!

МЕЦЕНАТЬ.

Обидъ взаимныхъ
Вы не касайтесь больше. Ихъ забыть
Не значить ли—признать, что примиренья
Необходимость требуетъ отъ васъ.

ЛЕПИДЪ.

Ты говоришь достойно, Меценать.

Эноварвѣ. Или одолжите другъ другу—
на время вашу любовь, затѣмъ можете
взять ее обратно, когда о Помпей не будетъ
болѣе и рѣчи. Довольно у васъ будетъ
времени для ссоръ, когда не окажется дру-
гого занятія.

АНТОНИЙ.

Лишь воинъ ты. Молчи.

ЭНОВАРВЪ.

Почти забылъ я,
Что истина нѣмою быть должна.

АНТОНИЙ.

Ты оскорбилъ со-
бранье. Замолчи же.

ЭНОВАРВЪ.

Я превратился въ ка-
мень. Продолжайте.

ЦЕЗАРЬ.

Несмыслѣнѣе, лишь
способъ выраженья
Не одобряю я. Нельзя
дружить

Намъ при такомъ различіи въ поступкахъ,
Но существуй настолько крѣпкій обручъ,
Чтобъ насъ связать—то въ поискахъ за
нимъ
Изъ края въ край весь міръ я обошелъ бы.

АГРИППА.

Дозволь мнѣ, Цезарь...

ЦЕЗАРЬ.

Говори, Агриппа.

АГРИППА.

Есть у тебя по матери сестра—
Октавія. Великій Маркъ Антоній
Теперь вдовецъ.

ЦЕЗАРЬ.

Агриппа, замолчи.
Когда бъ тебя слыхала Клеопатра—
Ты заслужилъ бы въ дерзости укоръ.

АНТОНИЙ.

Я, Цезарь, не женатъ еще. Агриппу
Дай выслушать.

АГРИППА.

Чтобъ въ дружбѣ вѣчной жили
И братьями вы стали, неразрывнымъ
Узломъ сердца соединивъ—женой
Пусть назоветъ Октавію Антоній:
Ея краса достойна изъ мужей
Первѣйшаго, а качества и прелесть—
Краснорѣчивѣй словъ. При этомъ бракъ
Соперничество мелкое—теперь
Столь важное, и страхъ, бѣдой грозящій—
Становятся ничѣмъ, а правда—сказкой.
Межъ тѣмъ теперь и въ сказкѣ видятъ правду.
Ея любовь къ обоимъ вамъ—любовь
Межъ вами родила бѣ, а вслѣдъ за нею—
Всеобщую любовь къ обоимъ вамъ.
Простите мнѣ. Мысль эта не внезапна,
И долгомъ внушена.

АНТОНИЙ.

Что скажетъ Цезарь?

ЦЕЗАРЬ.

Онъ—ничего, покуда
не узнаетъ
Что думаетъ объ этомъ
Маркъ Антоній?

АНТОНИЙ.

Когда скажу: „да бу-
детъ такъ, Агриппа!“
Какую власть имѣетъ
онъ исполнить,
Что говорилъ?

ЦЕЗАРЬ.

Власть Цезаря, его
Вліянье на Октавію.

АНТОНИЙ.

Во вѣки
Не вздумаю мѣшать я исполненью
Прекраснѣйшаго замысла! Дай руку.
Осуществи его, отнынѣ нами
Въ любви и нашихъ замыслахъ великихъ—
Пусть братскія сердца руководятъ.

ЦЕЗАРЬ.

Вотъ и моя рука. Тебѣ вручаю
Сестру мою; такъ ни одну сестру
Братъ не любилъ; пускай для единенья
Сердечъ и нашихъ царствъ живетъ она,
Пусть нашъ союзъ во вѣкъ мы не расторгнемъ.

ЛЕПИДЪ.

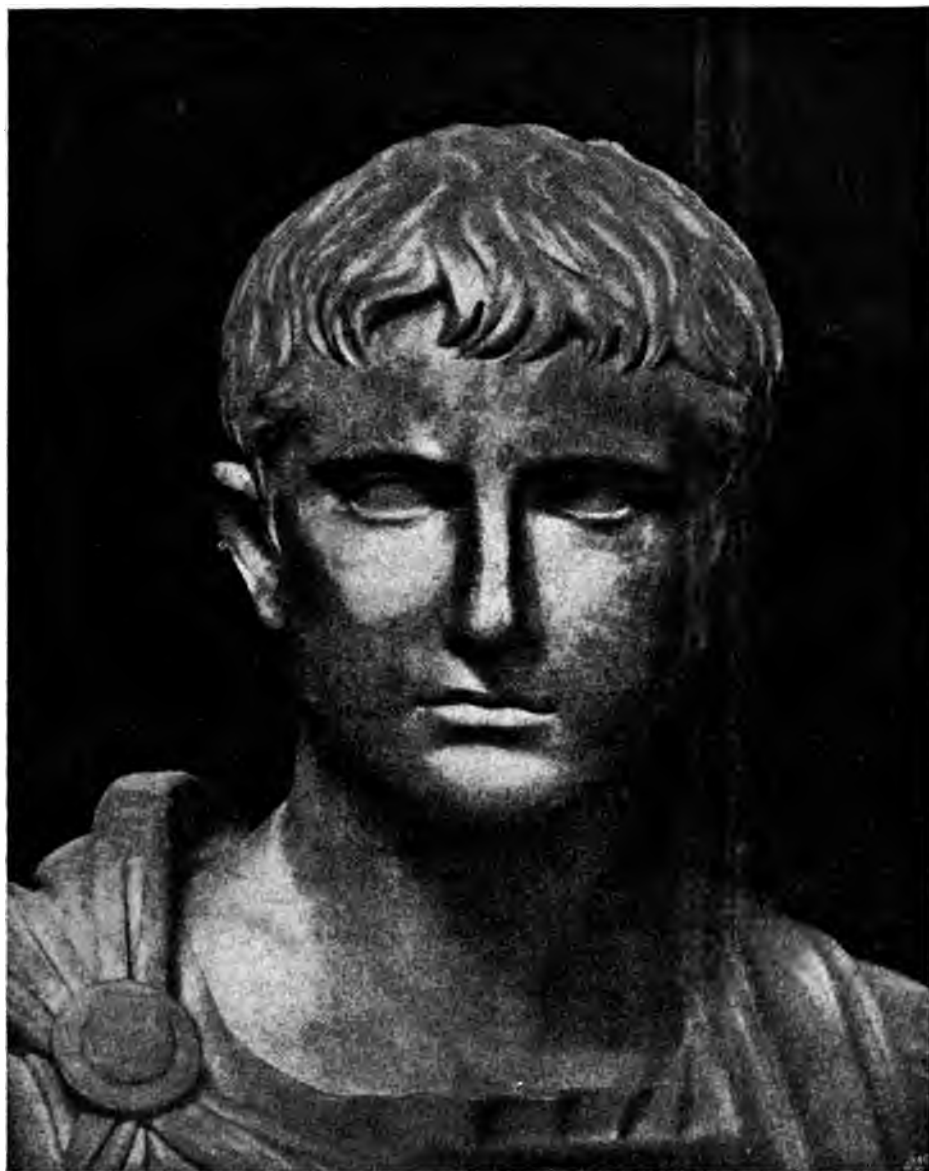
Да будетъ такъ.

АНТОНИЙ.

Поднять мечъ на Помпея

Золотая монета (увеличена) съ изображеніемъ
Лепиды (Берлинскій музей).

ЦЕЗАРЬ АВГУСТЪ.

(Античная статуя; Флоренція, Уффиции).

Не думалъ я. Недавно оказалъ
Онъ важныя услуги мнѣ. Я долженъ
Благодарить его, чтобъ не навлечь
Укоръ въ неблагодарности, а послѣ
Я вызову его.

Лепидъ.

Не терпѣть время.
Сейчасъ идти должны мы на Помпея,
Иль онъ пойдетъ на насъ.

Антоній.

Гдѣ онъ теперь?

Лепидъ.

Вблизи горы Мизены.

Антоній.

Велики ли

Войска его на сушѣ?

Лепидъ.

Велики,

И все растутъ. Онъ моремъ всѣмъ владѣетъ.

Антоній.

Такъ говоритъ молва. Скорѣй бы съ нимъ

Увидѣться! Такъ поспѣшимъ, Но прежде,
Чѣмъ намъ вооружаться-завершимъ
Рѣшенное.

Цезарь.

Съ готовностью великой.
Зову тебя увидѣться съ сестрою,
Тебя веду къ ней прямо.

Антоній.

Не лишай
Насъ твоего присутствія, Лепидъ.

Лепидъ.

Антоній благородный, не удержитъ
Меня сама болѣзнь.

(Трубы. Цезарь, Антоній и Лепидъ уходятъ).

Меценатъ.

Тебѣ привѣтъ
Съ пріѣздомъ изъ Египта!

Эноваръ.

Половина
Ты Цезарева сердца, Меценатъ!
Агриппа, другъ мой.

Агриппа.

Эноваръ достойный!
Меценатъ. Мы должны радоваться, что
дѣло устроилось такъ прекрасно. Хорошо
ли вамъ жилось въ Египтѣ?

Эноваръ. Отлично. Мы спали, покуда
не закатывался день, и пьянствовали, по-
куда не начинало свѣтать.

Меценатъ. Правда ли, что для двѣнадцати
человѣкъ вы зажаривали къ завтраку
восемь кабановъ?

Эноваръ. Это все—лишь муха по
сравненію съ орломъ. У насъ происходили
на пиршествѣ болѣе чудовищныя и достой-
ныя вниманія вещи.

Меценатъ. Если молва справедлива,
она—женщина, противъ которой трудно
устоять?

Эноваръ. При первой же встрѣчѣ съ
Антоніемъ на рѣкѣ Киднѣ, она пронзила
его сердце.

Агриппа. Дѣйствительно ли она яви-
лась тамъ, или рассказывавшій мнѣ объ
этой встрѣчѣ прибѣгнулъ къ вымыслу для
ея прославленія.

Эноваръ.

Я расскажу вамъ. Судно, на которомъ
Она плыла, сверкало какъ престолъ.

Была корма изъ золота литого;
А паруса пурпурные такъ были
Насыщены благоуханьемъ дивнымъ,
Что вѣтры отъ любви томились къ нимъ.
Серебряныя весла опускались
Подъ звуки флейтъ, и словно въ ихъ удары
Влюбленная—вода быстрѣй бѣжала.
Что до нея—всѣ описанья блѣдны...
Царица возлежала подъ шатромъ
Изъ ткани золотой, затмивъ Венеру,
Въ чьемъ образѣ искусство превзошло
И самую природу. По бокамъ,
Подобныя смѣющимся амурамъ,
Стояли дѣти съ ямками на щекахъ,
Но вѣянье ихъ пестрыхъ опахалъ
Усиливало жаръ, не охлаждая
Щекъ нѣжныхъ Клеопатры, и они
Уничтожали собственное дѣло.

Агриппа.

Сколь дивный видъ Антонію предсталъ!

Эноваръ.

Наперсницы, подобны nereидамъ,
Морскимъ сиренамъ, взоръ ея лова,
Плѣнительно склонялись передъ нею.
Рулемъ, казалось, правила сирена,
И подъ рукой ея, цвѣтку подобной,
Но правившей искусно—трепетали
И шелковыя снасти. Дивный запахъ,
Невидимый, съ галеры неся къ намъ,
И чувства возбуждалъ. На встрѣчу городъ
Весь высыпалъ, на площади Антоній
Сидѣлъ на тронѣ одинокъ, и воздухъ
Онъ кликомъ оглашалъ, но если бъ воздухъ
Оставить могъ въ природѣ пустоту—
Умчался бъ онъ на встрѣчу Клеопатрѣ.

Агриппа.

О, дивная египтянка!

Эноваръ.

Когда

Она сошла, на ужинъ приглашенъ
Антоній ей послалъ, она жъ сказала:
Ему въ гостяхъ быть у нея пристойнѣй,
Ей уступилъ учтивый нашъ Антоній,
Что женщину сказать не можетъ: нѣтъ!
Онъ брѣтается, на пиръ идя, разъ десять,
И какъ всегда, даетъ въ уплату сердце
За то, что онъ лишь взоромъ пожиралъ.

Агриппа.

Державная развратница! Самъ Цезарь
Оставилъ мечъ на ложѣ у нея.
Онъ пахарь былъ, она давала жатву.

Эноваръ.

На улицѣ я видѣлъ: пробѣжала

КЛЕОПАТРА НА КИДНѢ

Картина знаменитаго англо-голландскаго живописца Альмы Тадемы (Alma Tadema, p. 1836).

До сорока шаговъ она, когда же
Она остановилась, задыхаясь—
Въ ней недостатокъ совершенствомъ сталъ:
Едва дыша, красой она дышала.

Меценатъ.
И вотъ ее Антоній долженъ бросить.

Эноварвъ.
Нѣтъ, никогда. Ее не старятъ годы,
Ея разнообразье бесконечно:
Привычкою его не истощить.
Всѣ женщины, желаньямъ уступая,
Рождаютъ пресыщенье, но она
Чѣмъ больше насыщаетъ человѣка,
Тѣмъ голодъ въ немъ сильнѣе возбуждаетъ.
Все гнусное плѣняетъ въ ней, и жрецъ
Ей на соблазнъ даетъ благословенье.

Меценатъ.
Когда краса и скромность—могутъ сердце
Антонія плѣнить, то онъ находитъ
Въ Октавіи счастливую судьбу.

Агриппа.
Идемъ. Пока ты остаешься въ Римѣ,
Прошу, будь гостемъ, добрый Эноварбъ,
Ты у меня.

Эноварвъ. Благодарю сердечно.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Римъ. Въ домѣ Цезаря.

Входятъ Цезарь, Антоній, между ними
Октавія.

Антоній.
Порою изъ твоихъ объятій будетъ
Меня мой долгъ воинскій исторгать.

Октавія.
Тогда склонивъ колѣна предъ богами
Ихъ за тебя молить я не устану.

АНТОНІЙ.

Покойной ночи, Цезарь. Не суди,
Октавія моя, моихъ ошибокъ
По отзыву молвы. Границы долга
Я преступалъ, но этому—конецъ.
Покойной ночи, милая. Тебѣ
Покойной ночи, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ.

Доброй ночи.

(Октавія и Цезарь уходятъ).

Входитъ Прорицатель.

АНТОНІЙ. Ну что? Хотѣлъ бы ты въ
Египтъ быть?

ПРОРИЦАТЕЛЬ. О, если бъ я никогда
не покидалъ Египта, и ты никогда не прѣз-
жалъ сюда!

АНТОНІЙ. Если можешь, скажи причину.

ПРОРИЦАТЕЛЬ. Ее провижу я пророче-
скимъ духомъ, но высказать не могу и,
тѣмъ не менѣе, зову тебя обратно въ Еги-
петъ.

АНТОНІЙ. Скажи мнѣ, чья звѣзда под-
нимется выше: моя или Цезаря.

ПРОРИЦАТЕЛЬ.

Его звѣзда. Поэтому, Антоній,
Оставь его. Твой демонъ—(духъ-храни-
тель)

Отваженъ, гордъ, великъ и несравнимъ,
Когда нѣтъ духъ Цезаря. При немъ же
Становится похожимъ онъ на страхъ.
Итакъ, пускай васъ раздѣлитъ пространство.

АНТОНІЙ.

Не говори объ этомъ.

ПРОРИЦАТЕЛЬ.

Никогда

И никому, тебѣ лишь, и съ тобою.
Во что бы съ нимъ вы ни играли—долженъ
Ты проиграть: благодаря удачѣ
Онъ побѣдитъ, хотя бъ игра сложилась
И къ выгодѣ твоей. Твой свѣтъ блѣднѣетъ
Вблизи него. Я снова говорю:
При немъ твой духъ помочь тебѣ страшится,
А безъ него отваженъ онъ.

АНТОНІЙ.

Ступай.

Вентидію скажи, что мнѣ онъ нуженъ.

(Прорицатель уходитъ).

Пойдетъ онъ на пареянъ. Искусство ль,
случай—

Кудесникъ правъ. Послушны даже кости
Ему въ игрѣ. Мое же превосходство

Удачею его побѣждено.

Выигрываетъ онъ, коль бросимъ жребій,
Его пѣтухъ выигрываетъ бой,
И бьютъ моихъ, помимо всѣхъ расчетовъ,
Его перепела. Вернусь въ Египетъ.
Спокойствіе купилъ я этимъ бракомъ,
Но на востокъ—радости мои.

(*Входитъ Вентидій*).

Отправишься ты на пареянъ, Вентидій.
Идемъ, тебѣ вручу я полномочье.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Римъ. Улица.

ЛЕПИДЪ.

Прошу, не беспокойтесь. Торопите
Своихъ вождей.

АГРИППА.

Пусть только Маркъ Антоній
Октавію обниметъ—мы идемъ.

ЛЕПИДЪ.

Покуда васъ я не увижу въ латахъ,
Что вамъ къ лицу—простимся.

МЕЦЕНАТЬ.

Если точно
Разсчитанъ путь, къ Мизенѣ мы прибудемъ
Скорѣй тебя.

ЛЕПИДЪ.

У васъ—кратчайшій путь.
Меня дѣла задержать. Впереди—
Вы на два дня.

МЕЦЕНАТЬ и АГРИППА.

Съ тобой успѣхъ да будетъ!

ЛЕПИДЪ.

Простите.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Александрія. Во дворцѣ.

Входятъ КЛЕОПАТРА, ХАРМИАНА, ИРА,
АЛЕКСАСЪ и СЛУГА.

КЛЕОПАТРА.

Эй, музыку! Она питаетъ грусть
Всѣхъ насъ—влюбленныхъ!

СЛУГА.

Музыку сюда.
(*Входитъ Мардіанъ*).

Англійская актриса 18-го вѣка Гартлей (Mrs. Hartley) въ роли Клеопатры.

КЛЕОПАТРА.

Не надо. Мы сыграемъ на билльардѣ
Съ тобою, Харміана.

ХАРМІАНА.

У меня
Болишь рука. Играйте съ Мардіаномъ.

КЛЕОПАТРА.

Что съ евнухомъ, что съ женщиной играть—
Не все ль равно? Со мной играть желаешь?

МАРДІАНЪ.

Царица, постарайся, какъ могу.

КЛЕОПАТРА.

Когда есть воля добрая, хотя
Ея одной и мало—ты имѣешь
Права на снисхожденіе. Нѣтъ, не надо.
Мнѣ удочку подайте, и поидемъ
Всѣ на рѣку. Тамъ рыбокъ золотистыхъ
При звукахъ дальней музыки я стану
Ловить крючкомъ за скользкія ихъ жабры,
И представляя каждую себѣ
Антоніемъ, скажу:—Ага, попался!

ХАРМІАНА.

Смѣялись мы, когда побилась ты
Съ нимъ объ закладъ: кто болѣе наловить?
А водолазъ твой рыбу прикрѣпилъ
Соленую на крюкъ его, и важно
Ее тянулъ Антоній...

КЛЕОПАТРА.

Въ этотъ день—
День чудный!—смѣхомъ вывела его

Я изъ себя, и смѣхомъ усмирила
Его въ ту ночь, а слѣдующимъ утромъ
Я, напоивъ его съ восьми часовъ,
Чтобъ онъ заснулъ на ложѣ—облекла
Его въ свои одежды, а себѣ
Филиппа мечъ я прицѣпила.

(Входитъ ионецъ).

Изъ Рима ты? мой слухъ давно безплодный
Ты плодоносной вѣстью освѣжи.

Гонецъ.

О, госпожа!

КЛЕОПАТРА.

Антоній умеръ? Если,
Презрѣнный, да! ты скажешь, то царицу
Убьешь свою, когдажь: здоровъ, свободенъ!—
Вотъ золото, вотъ жилки голубыя
Руки моей тебѣ для поцѣлуя:
Ее цари лобзали, трепеща.

Гонецъ.

Царица, хорошо ему.

КЛЕОПАТРА.

Бери,

Вотъ золото еще, но только помни,
О мертвомъ говорятъ: имъ хорошо!
И если клонишь къ этому—расплавивъ
То золото, которымъ одарила,
Волью тебѣ въ зловѣщую гортань...

Гонецъ.

Меня, царица, выслушай...

КЛЕОПАТРА.

Согласна,

Но добраго твой видъ не предвѣщаетъ.

Когда здоровъ Антоній, полонъ силъ—
Зачѣмъ несешь съ такимъ лицомъ унылымъ
Столь радостную вѣсть? Когда жъ онъ боленъ,
То фуріей, ехиднами вѣнчанной,
Не человѣкомъ—долженъ ты предстать.

Гонецъ.

Тебѣ угодно ль выслушать?..

Клеопатра.

Хочу я
Тебя ударить раньше, чѣмъ начнешь.
Но если ты мнѣ скажешь, что Антоній
Живъ и здоровъ, у Цезаря не плѣнникъ,
Но друженъ съ нимъ—осыплю золотымъ
Тебя дождемъ и градомъ изъ жемчужинъ.

Гонецъ.

Онъ здравствуетъ!

Клеопатра.

Вѣсть добрая!

Гонецъ.

И друженъ
Онъ съ Цезаремъ.

Клеопатра.

Ты—честный человѣкъ.

Гонецъ.

Онъ никогда съ нимъ не бывалъ дружище.

Клеопатра.

Обогащу тебя...

Гонецъ.

Но все жъ, царица...

Клеопатра.

Не нравится мнѣ: но! Лишь умаляетъ
Оно вступленіе доброе твое.
Не надо: но! Тюремщику подобно,
Ужаснаго злодѣя за собою
Ведетъ оно. Другъ, встряхни мнѣ въ уши
Всю кучу добрыхъ и дурныхъ вѣстей,
Прошу тебя. Онъ съ Цезаремъ дружить,
Ты говорилъ, здоровъ онъ и свободенъ...

Гонецъ.

Я не сказалъ: свободенъ. Связанъ онъ
Съ Октавіей.

Клеопатра.

Въ какомъ же смыслѣ?

Гонецъ.

Въ лучшемъ:
Онъ дѣлитъ ложе съ нею.

Клеопатра.

Харміана,

Блѣднѣю я.

Гонецъ.

Онъ съ нею обвинчался.

Клеопатра.

Будь злѣйшею чумой ты пораженъ. *(Бьетъ его).*

Гонецъ.

Терпѣніе, царица.

Клеопатра.

Что сказалъ ты? *(Снова бьетъ его).*
Вонъ, гнусный рабъ! Тебѣ глаза я выбью,
И, какъ шары, покатаются они
Передъ тобой! Всѣ волосы я вырву.
(Съ силою трясетъ его).
Бить прутьями желѣзными велю,
И въ щелокъ варить тебя, въ рассолъ
Доваривать на медленномъ огнѣ!

Гонецъ.

Хотя принесъ, великая царица,
Тебѣ я вѣсть, не я устроилъ бракъ.

Клеопатра.

Скажи, что нѣтъ его—получишь область!
Тебя я возвеличу, мой ударъ
Тебѣ за то зачтется, что меня
Ты прогнѣвилъ, тебя всѣмъ награжу я
Чего просить тебѣ дозволить скромность.

Гонецъ.

Царица, онъ женился.

Клеопатра.

Слишкомъ долго
Ты жилъ, злодѣй!
(Выхватываетъ ножъ).

Гонецъ.

Бѣгу я... Въ чемъ, царица,
Винишь меня? Тутъ нѣтъ моей вины.
(Убѣгаетъ).

Харміана.

Сдержи себя, царица, онъ невиненъ.

Клеопатра.

Громъ не щадитъ порою и невинныхъ.
Да наводняютъ Египетъ воды Нила!
Всѣ добрые да обратятся въ змѣй!
Вернуть раба! Кусаться я не стану,
Хотя и обезумѣла.

Харміана.

Страшится
Вернуться онъ.

КЛЕОПАТРА.

Его не трону я.
И безъ того безчестила я руку,
Поднявъ ее на низшаго, чѣмъ я,
Межъ тѣмъ какъ я сама—всему виною.

(Входитъ ионецъ).

Приблизься. Честно, но всегда опасно
Быть вѣстникомъ дурнымъ. Пусть сотней
устъ

Вѣсть добрая глаголетъ, а дурная
И безъ того дастъ о себѣ намъ знать.

Гонецъ.

Я исполнялъ свой долгъ.

КЛЕОПАТРА.

Женился онъ?
Сильнѣе, чѣмъ теперь, возненавидѣть
Я не могу тебя, коль скажешь: да!

Гонецъ.

Царица, онъ женатъ.

КЛЕОПАТРА.

О, будь богами
Ты осужденъ! Стоишь ты на своемъ?

Гонецъ.

Прикажешь лгать?

КЛЕОПАТРА.

Пускай бы ты солгалъ,
Хотя бъ въ волнахъ отъ этого погибла
Египта половина, превратилась
Въ цистерну змѣй чешуйчатыхъ! Ступай.
Будь какъ Нарциссъ прекрасенъ—мнѣ бъ
казался
Уродомъ ты. Такъ онъ женатъ?

Гонецъ.

Прости меня, царица. Молю,

КЛЕОПАТРА.

Онъ женился?

Гонецъ.

О, не гнѣвись, тебя я заклинаю.
Наказывать за исполненіе воли—
Несправедливо слишкомъ. Онъ повѣнчанъ
Съ Октавіей.

КЛЕОПАТРА.

Его поступокъ сдѣлалъ
Безчестнымъ и тебя, и ты—не то,
Чѣмъ самъ себя считаешь. Вонъ отсюда!
Таваръ, тобой изъ Рима привезенный—

Не по карману мнѣ. Пусть на рукахъ
Онъ у тебя останется, и съ нимъ
Ты разорись.

(Гонецъ уходитъ).

ХАРМИАНА.

Царица, успокойся.

Знаменитая современная итальян. актриса Дузе
(Eleonora Duse) въ роли Клеопатры.

КЛЕОПАТРА.

Превознося Антонія, хулила
Я Цезаря.

ХАРМИАНА. И много разъ, царица.

Клеопатра.

И вотъ—моя награда! Уведи
 Меня скорѣй! Лишаюсь я сознанья...
 О, Харміана, Ира! Нѣтъ, прошло.
 Сыщи гонца, Алексасъ, пусть опишетъ
 Октавіи черты, года и нравъ.
 Да не забудь спросить его о цвѣтѣ
 Ея волосъ... Скорѣй носи отвѣтъ.

(Алексасъ уходитъ).

Я отъ него навѣки отрекаюсь...
 Нѣтъ, Харміана! Пусть Горгоны маску
 Со стороны одной онъ носить, все же
 Съ другой—онъ Марсъ.

(Мардіану).

Пусть также ростъ ея
 Узнаетъ онъ... Жалѣй, о Харміана,
 Не говори со мной! Веди меня.

(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Близъ Мизены.

*Входятъ Помпей и Менасъ при звукахъ
 трубъ и барабановъ. Съ другой стороны—
 Цезарь, Лепидъ, Антоній, Эноваръ
 и Меценатъ въ сопровожденіи воиновъ.*

Помпей.

Заложниковъ обмѣнъ мы совершили,
 Начнемъ переговоры.

Цезарь.

Къ нимъ сперва
 Намъ слѣдуетъ прибѣгнуть. Съ этой цѣлью
 Мы письменно послали предложенья,
 И если ты ихъ взвѣсилъ, сообщи:
 Достаточны ль они, чтобъ удержать
 Твой недовольный мечъ и вновь отправить
 Въ Сицилію тѣхъ юношей бойцовъ,
 Которыхъ ждетъ здѣсь гибель?

Помпей.

Къ вамъ троимъ—
 Единственнымъ властителямъ вселенной,
 Намѣстникамъ боговъ—зываю я.
 Отецъ мой сына и друзей оставилъ,
 И въ мстителяхъ онъ долженъ ли нуж-
 даваться,

Когда—явившись Бруту при Филиппахъ—
 Увидѣлъ Юлій Цезарь какъ дрались
 Вы за него? Изъ-за чего участие
 И блѣдный Кассій въ заговоръ принялъ?
 Изъ-за чего высоко-чтимый Брутъ,
 Честнѣйшій римскій мужъ, съ его друзьями,

Любившими прекрасную свободу—
 Рѣшилъ обрызгать кровью Капитолій?
 Желанье имъ одно руководило,
 Чтобъ человѣкъ лишь человѣкомъ былъ!
 Вотъ почему и флотъ соорудилъ я,
 И пѣнится, разгнѣванъ, океанъ
 Подъ бременемъ его. Я съ этимъ флотомъ
 Карать намѣренъ ненавистный Римъ,
 Что выказалъ отцу неблагодарность.

Цезарь.

Не торопись.

Антоній.

Своими парусами
 Насъ не пугай. Поговоримъ на морѣ,
 А наше преимущество на сушѣ—
 Ты знаешь самъ.

Помпей.

Въ числѣ тѣхъ преимуществъ—
 Имѣешь ты и мой отцовскій домъ.
 Хозяйничай покуда въ немъ: кукушка
 Не вьетъ гнѣзда...

Лепидъ.

Но это все—въ быломъ.
 Благоволи сказать: что отвѣчаешь
 На предложенье наше?

Цезарь.

Въ этомъ суть.

Антоній.

Не поддавайся нашимъ уговорамъ,
 Но собственную выгоду ты взвѣсь.

Цезарь.

А также—все, что повлечетъ за собою
 Твое стремленье къ большему.

Помпей.

Даете
 Съ Сициліей Сардинію вы мнѣ,
 Чтобъ море я очистилъ отъ пиратовъ,
 И также хлѣбъ въ количествѣ извѣстномъ
 Доставилъ въ Римъ. И въ случаѣ согласья—
 Щитовъ не поцарапавъ, и мечей
 Не иззубривъ, мы разойдемся?

Лепидъ.

Такъ.

Помпей.

Узнайте: я на эти предложенья
 Согласіе принесъ, но Маркъ Антоній
 Гнѣвитъ меня. Хотя мою заслугу
 Разказомъ умаляю, но узнай:
 Когда твой братъ и Цезарь воевали—

Въ Сицилію явилась мать твоя
И дружескій пріемъ нашла.

Антоній.

Объ этомъ
Извѣстно мнѣ. Помпей, и благодарность
Глубокую тебѣ принесть—мой долгъ.

Помпей.

Дай руку, я не думалъ, что съ тобою
Тутъ свижусь.

Антоній.

Ложь на Востокъ—мягко.
Благодарю. Тобой раньше вызванъ
Я былъ сюда, чѣмъ думалъ, и при этомъ
Лишь выигралъ.

Цезарь.

Перемѣнился ты
Съ послѣдняго свиданья.

Помпей.

На лицѣ
Пусть злобный рокъ чертитъ, что поже-
лаетъ—
Изъ сердца онъ не сдѣлаетъ раба.

Лепидъ.

Счастливое свиданье!

Помпей.

Да, надѣюсь.
Такъ—рѣшено. Пусть договоръ напишутъ.
Скрѣпимъ его.

Цезарь.

Да, ранѣ всего.

Помпей.

Почтимъ другъ друга пиромъ на прощанье.
По жребію: кто первый.

Антоній.

Я, Помпей.

Помпей.

Нѣтъ, жребій кинь. Но первый, иль по-
слѣдній—
Всѣхъ тонкою египетской стряпней
Ты превзойдешь. Я слышалъ: Юлій Цезарь
Тамъ разжирѣлъ.

Антоній.

Ну, мало ль, что ты слышалъ!

Помпей.

Я ничего не разумѣлъ дурного.

Антоній.

И не сказалъ.

Помпей.

Вотъ что еще я слышалъ:
Что приносилъ къ нему Аполлодоръ...

Эноварвъ.

Ну приносилъ, и—будетъ.

Помпей.

Что такое?

Эноварвъ.

Извѣстную царицу на постели.

Помпей.

А, это ты? Какъ поживаешь, воинъ?

Эноварвъ.

Отлично; впредь, надѣюсь, такъ же будетъ.
Предвижу я четыре празднества.

Помпей.

Дай руку, я тебѣ враждебенъ не былъ,
Тебя въ бою видалъ я, тебѣ
Завидовалъ.

Эноварвъ.

Къ тебѣ любви особой
Я не питалъ, но я хвалилъ тебя,
Когда гораздо большего ты стоилъ,
Чѣмъ словъ моихъ.

Помпей.

Хвалю за прямоту:
Она тебѣ къ лицу. Васъ приглашаю,
Патриціи, на бортъ моей галеры.
Пожалуйте.

Цезарь, Антоній, Лепидъ.
Ты впереди.

Помпей.

Идемъ.

(Уходятъ Помпей, Цезарь, Антоній, воины
и свита).

Менасъ (въ сторону). Твой отецъ, Пом-
пей, никогда бы не заключилъ такого до-
говора. Мы съ тобой знали другъ друга.

Эноварвъ. На морѣ, кажется.

Менасъ. Да.

Эноварвъ. Ты хорошосражался на морѣ.

Менасъ. А ты на сушѣ.

Эноварвъ. Я буду хвалить всякаго,
кто хвалитъ меня,—хотя, во всякомъ слу-
чаѣ, нельзя отрицать моихъ заслугъ въ
сраженіи на сушѣ.

Менасъ. Ни моихъ на морѣ.

Эноварвъ. Кое-что тебѣ слѣдуетъ отрицать ради твоей же безопасности: ты былъ большимъ морскимъ разбойникомъ.

Менасъ. А ты разбойникомъ на сушѣ.

Эноварвъ. Этого-то я не отрицаю. Но дай мнѣ руку, Менасъ. Если бы наши глаза были начальствомъ, они могли бы задерживать двухъ обнимающихъ другъ друга воровъ.

Менасъ. У всѣхъ людей честныя лица—что бы ни дѣлали ихъ руки.

Эноварвъ. Но красивая женщина никогда не имѣетъ честнаго лица.

Менасъ. И лица ихъ не клеветуютъ въ этомъ случаѣ—вѣдь красавицы похищаютъ сердца.

Эноварвъ. Мы явились сюда сражаться съ вами.

Менасъ. Что касается меня, то я жалѣю, что вмѣсто сраженія началась попойка. Помпей сегодня погубилъ свое счастье неумѣстнымъ весельемъ и смѣхомъ.

Эноварвъ. Да, и едва ли ему удастся вернуть счастье слезами.

Менасъ. Вѣрно сказано. Мы не посмотрѣли на Марка Антонія. Скажи, пожалуйста, онъ женился на Клеопатрѣ?

Эноварвъ. Сестру Цезаря зовутъ Октавией.

Менасъ. Вѣрно; она была женой Кая Маркелла.

Эноварвъ. Но теперь она жена Марка Антонія.

Менасъ. Что ты говоришь!

Эноварвъ. Я говорю правду.

Менасъ. Значитъ Цезарь и онъ теперь на вѣки связаны.

Эноварвъ. Если бы мнѣ нужно было высказать о будущности этого союза, я бы не то предсказалъ.

Менасъ. Я полагаю, что желаніе союза болѣе способствовало этому браку, чѣмъ любовь жениха и невесты.

Эноварвъ. Я того же мнѣнія. Но ты увидишь, что то, что должно скрѣпить ихъ дружбу, какъ разъ послужитъ причиной разрыва. Октавія кроткая, молчаливая и спокойная женщина.

Менасъ. Всякому хотѣлось бы, чтобы его жена была такая.

Эноварвъ. Тому, кто самъ не таковъ, не нужно такой жены. А Маркъ Антоній не таковъ. Его потянетъ обратно къ египтянкѣ. Тогда Октавія начнетъ вздыхать и это подниметъ пожаръ въ сердце Цезаря. Такимъ образомъ—какъ я сказалъ—то, что должно

было бы скрѣпить ихъ дружбу, прямо приведетъ къ разрыву. Любовь Антонія останется тамъ, гдѣ она теперь; женился вѣдь онъ только ради выгоды.

Менасъ. Это весьма вѣроятно. Идемъ на бортъ. Я хочу выпить за твое здоровье.

Эноварвъ. Согласенъ. Мы въ Египтѣ пріучили свои глотки къ питью.

Менасъ. Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

На палубѣ галеры Помпея, стоящей близъ Мизенскаго мыса.

Музыка. Входятъ нѣсколько слугъ, накрывающихъ столъ для пирушества.

1-ый слуга. Они сейчасъ придутъ, брать. Они уже едва на ногахъ держатся, такъ что малѣйшій вѣтеръ ихъ можетъ повалить на-земь.

2-ой слуга. Лепидъ весь раскраснѣлся.

1-ый слуга. Его заставили выпить все, что уже не лѣзло въ другихъ.

2-ой слуга. Когда кто нибудь началъ заирать другого, онъ принимался уговаривать, кричалъ: довольно, мирилъ ихъ и самъ пилъ за ихъ примиреніе.

1-ый слуга. Но это еще болѣе ссорило его съ благоразуміемъ.

2-ой слуга. И все это онъ продѣлываетъ для того, чтобы быть въ обществѣ людей съ именемъ; по моему, лучше имѣть въ рукахъ ничтожную тростинку, чѣмъ копье, которое не можешь поднять.

1-ый слуга. Быть въ знатномъ обществѣ и оставаться въ немъ незамѣченнымъ—то же, что имѣть вмѣсто глазъ пустыя глазныя впадины, уродующія лицо.

Трубы. Цезарь, Антоній, Лепидъ, Агриппа, Меценатъ, Эноварвъ, Менасъ и другіе вожди.

Антоній.

Такъ дѣлаютъ на пирамидахъ, Цезарь, Отмѣтки есть о прибыли воды:

Подъемъ высокій, средній или низкій—

Несетъ съ собой иль урожай, иль голодъ.

Чѣмъ выше Ниль—тѣмъ больше урожай.

Спадетъ вода—и землепашецъ зерна

Бросаетъ въ иль, и быстро всходитъ жатва.

Лепидъ. У васъ тамъ есть странныя змѣи.

Антоній. Да, Лепидъ.

Лепидъ. Здѣшнія земноводныя рож-

даются изъ ила, благодаря дѣйствию солнца, какъ напимѣрь крокодилы.

Антоній. Вѣрно.

Помпей. Садись. Эй, вина сюда! За здоровье Лепида!

Лепидъ. Мнѣ несовсѣмъ здоровится—но я отъ васъ не отстану.

Эноварвъ. Боюсь, что нездоровье отъ тебя не отстанетъ, пока ты не выплещешься.

Лепидъ. А мнѣ говорили, что Птолемеевскія пирамиды славныя штучки. Не прекословьте мнѣ—я это навѣрное знаю.

Менасъ. Помпей, два слова.

Помпей. На ухо шепни.

Менасъ. Встань съ мѣста, вождь, и выслушай, молю я.

Помпей. Ну, подожди. Вотъ кубокъ за Лепида.

Лепидъ. Что это за штука крокодилъ?

Антоній. Онъ по внѣшнему виду похожъ на самого себя—и широкъ въ свою ширину. Роста онъ такого, какъ ему полагается, и онъ движется при посредствѣ своихъ собственныхъ членовъ; онъ живетъ тѣмъ, что его питаетъ, и когда его составныя части распадаются, онъ переселяется въ другія вещества.

Лепидъ. Какого онъ цвѣта?

Антоній. Своего собственнаго.

Лепидъ. Странная змѣя.

Антоній. Дѣйствительно. И слезы у него влажныя.

Цезарь. Что же, онъ удовлетворится такимъ описаніемъ.

Антоній. Если ему недостаточно того, что ему далъ выпить Помпей—то онъ не насытнѣн гуляка.

Помпей (*тихо Менасу*).

Повѣсься ты! Сказать мнѣ что то?... Прочь! Исполни приказанье. Гдѣ же кубокъ?

Менасъ (*тихо*).

Изъ-за моихъ заслугъ передъ тобой—Встань, выслушай.

Помпей (*тихо*).

Безуменъ ты... Въ чемъ дѣло? (*Встаетъ и отходитъ въ сторону*).

Менасъ.

Тебѣ служилъ я вѣрою и правдой.

Помпей.

Ты вѣрно мнѣ служилъ. Ну, что жъ еще? Друзья мои, пируйте.

Антоній.

Этой мели

Страшись, Лепидъ, ты сядешь на нее.

Менасъ.

Желаешь быть владыкой міра?

Помпей.

Что?...

Менасъ.

Желаешь быть владыкой міра? Дважды Я говорю.

Помпей.

Какъ это можетъ быть?

Менасъ.

Лишь согласишься, и—какъ ни бѣденъ—дамъ я Тебѣ весь міръ.

Помпей.

А много ль выпилъ ты?

Менасъ.

Нѣтъ, я, Помпей, отъ кубка воздержался. Дерзни,—и ты—Юпитеръ на землѣ; Что небеса и океанъ вмѣщаютъ—Лишь захоти, и все—твое.

Помпей.

Но какъ?

Менасъ.

Три властелина міра, триумвиры—На кораблѣ твоёмъ. Отсѣчь канаты Мнѣ повели, когда же выйдемъ въ море—Имъ горло перерѣжемъ, и тогда Все здѣсь—твое.

Помпей.

О, если бѣ, не сказавъ мнѣ, Ты сдѣлалъ такъ! Со стороны моей—Вѣдь это было бѣ низостью, съ твоей же—Лишь добро услугой. Честь моя, Ты долженъ знать, не выгодѣ послушна, Но выгода руководима честью. Твой замыселъ—зачѣмъ языкъ твой выдалъ? Исполненный безъ вѣдома—онъ былъ бы Одобрень мной, теперь его обязанъ Я осудить. Забудь о немъ и пей.

Менасъ (*въ сторону*).

Ну, если такъ, не слѣдую я больше За меркнувшей звѣздой твоей. Кто ищетъ И не беретъ, когда ему дають—Вѣкъ будетъ нищъ.

Помпей.

За здравіе Лепида!

Антоній.

Снести на берегъ его. Тебѣ, Помпей,
Я за него отвѣчу.

Эноварвѣ.

За здоровье

Твое, Менасъ.

Менасъ.

Охотно, Энобарбъ.

Помпей.

Лей до краевъ.

Эноварвѣ (*указывая на раба, уносящаго
Лепиду*).

Менасъ, вотъ такъ силачъ.

Менасъ. Почему?

Эноварвѣ. Онъ несетъ на себѣ треть
міра.

Менасъ. Такъ значитъ треть міра пьяна.
Почему же онъ не весь пьянъ? Пусть бы
все шло кругомъ.

Эноварвѣ.

Способствуй общему круженью—выпей.

Менасъ.

Пью.

Помпей.

И все жъ у насъ—не пиръ Александрійскій.

Антоній.

Къ тому идетъ. Ну, чокнемся. Я пью
За Цезаря.

Цезарь.

Я могъ бы обойтись

Безъ этого. Ужасное занятіе:

Мозгъ полоскать, чтобъ загрязнить его.

Антоній.

Будь времени ты сыномъ.

Цезарь.

Подчини,

Его себѣ, и я тебѣ отвѣчу.

Но лучше бъ я четыре дня постился,

Чѣмъ столько выпить въ продолженіе дня.

Эноварвѣ.

Что, храбрый вождь, пирушку не почтить ли
Египетскою пляскою въ честь Вакха?

Помпей.

Да, славный вождь.

Антоній.

Мы за руки возьмемся,

Пока вино не погрузитъ побѣдно

Въ спокойную и сладостную Лету

Сознанье наше.

Эноварвѣ.

За руки беритесь,

Пусть музыка намъ уши оглушитъ!

Составимъ кругъ, пусть мальчикъ запѣваетъ,

И всѣ ему подтягивайте въ ладъ,

Насколько силъ у вашихъ легкихъ хватить.

(*Музыка играетъ. Энобарбъ разставляетъ го-
стей въ круговую, соединивъ ихъ руки*).

ПѢСНЯ.

Ты—властитель надъ лозами,

Бахусъ съ красными глазами,

Намъ вино—въ скорбяхъ отрада,

Мы изъ гроздіи винограда

Увѣнчаемся вѣнкомъ.

Лей,—чтобъ все пошло кругомъ.

Цезарь.

Не будетъ ли? Помпей, спокойной ночи.

Дозволь тебя, братъ милый, увести.

Важнѣйшія задачи не мирятся

Съ подобнымъ легкомысліемъ. Друзья,

Разстанемся. Пылаютъ наши щеки;

Могучій Энобарбъ—слабѣй вина,

Мой собственный языкъ въ рѣчахъ заплелся.

Безуміе почти перерядило

Всѣхъ насъ въ шутовъ. Къ чему еще слова?

Покойной ночи. Руку мнѣ, Антоній.

Помпей.

Я посмотрю на сушѣ васъ.

Антоній.

Увидишь.

Дай руку мнѣ.

Помпей.

Антоній, ты присвоилъ

Отцовскій домъ... Но что я?.. Мы—друзья.

Садись въ ладью.

Эноварвѣ.

Не оступитесь. Тише.

(*Уходятъ Помпей, Цезарь, Антоній и свита*).

Я на берегъ, Менасъ, не съѣду.

Менасъ.

Нѣтъ.

Ко мнѣ, въ каюту! Эй вы, барабаны,

Эй, трубы, флейты! Что тамъ! Пусть Нептунъ

Услышитъ самъ, какъ шумно мы съ друзьями

Великими прощаемся. Гремите!

Чума на васъ! Гремите!

(*Трубы и барабаны*).

Эноварвѣ.

Эй, вы тамъ!

Всѣ шапки вверхъ.

Менасъ.

Идемъ, вождь благородный.

ДРЕВНЕ-РИМСКИЙ ОРНАМЕНТЪ.
(Берлинскій музей).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Равнина въ Сиріи.

Торжественно входитъ Вентидій въ сопровожденіи Силія и др. римлянъ, вождей и воиновъ. Передъ нимъ несутъ трупъ Пакора.

Вентидій.

Страна пареянъ, на стрѣлы не взирая—
Ты сражена! Судьбою избранъ я
За Марка Красса мстителемъ. Предъ войскомъ
Несите трупъ царевича! Ородъ,
Твой сынъ Пакоръ за Марка Красса платить.

Силій.

Вентидій благородный! Бѣглецовъ,
Покуда мечъ въ крови пареянъ дымится,
Преслѣдуй ты въ землѣ месопотамской
И въ Мидіи, гдѣ бѣ только не укрылись,
Чтобъ триумфальной колесницей могъ
Тебя почитать твой славный вождь Антоній,
И лавромъ увѣнчать.

Вентидій.

О, Силій, Силій!

Довольно много сдѣлано, Замѣть:
Усердствовать не долженъ подчиненный,
И лучше не додѣлать, ты пойми,
Чѣмъ чрезчуръ дѣяньями своими
Прославиться въ отсутствіи вожда.
И Цезарь, и Антоній побѣждали
Благодаря помощникамъ скорѣй,
Чѣмъ доблестямъ своимъ. Утратилъ Соссій,
Мой въ Сиріи предшественникъ, всю милость
Антоній, прославясь слишкомъ быстро.

Кто болѣе чѣмъ вождь свершить въ бою—
Становится вождемъ вожда. А доблесть,
Что воину присуща: честолюбье—
Свой неуспѣхъ готова предпочесть
Побѣдѣ той, что для вожда обидна.
Антонію могъ лучше я служить,
Но тѣмъ ему нанесъ бы я обиду,
И въ ней свои заслуги погубилъ.

Силій.

Ты качества имѣешь, безъ которыхъ
Не отличишь солдата отъ меча.
Антонію напишешь ты?

Вентидій.

Смирненно
Увѣдомляю его о томъ, что нами
Совершенно здѣсь именемъ его,
Которое намъ служить браннымъ кличемъ,
Творящимъ чудо: какъ съ его войсками,
Оплаченными щедро, подъ его
Знаменами одержана побѣда
Надъ конницей пареянъ непобѣдимой.

Силій.

Гдѣ онъ теперь?

Вентидій.

Въ Аѳины держать путь.
Туда спѣшимъ, насколько позволяетъ
Добычи грузъ, предстать ему. Впередъ!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Римъ. Дворецъ Цезаря.

Съ разныхъ сторонъ входятъ Агриппа и
Эноварвъ.

Агриппа.
Ну что? Простились братья?

Эноварвъ.
Нѣтъ, они
Покончили съ Помпеемъ. Онъ уѣхалъ,
А тѣ втроемъ скрѣпляютъ договоръ
Печатами. Октавія рыдаетъ,
Прощаясь съ Римомъ, Цезарь опечаленъ,
Лепидъ же послѣ пира у Помпея
Желтухою страдаетъ, какъ увѣрилъ
Меня Менасъ.

Агриппа.
О, доблестный Лепидъ!

Эноварвъ.
Достойнѣйшій! Какъ Цезаря онъ любитъ!

Агриппа.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ ему Антоній дорогъ!

Эноварвъ.
О, Цезарь... Тотъ—Юпитеръ межъ людей.

Агриппа.
Но божество Юпитера—Антоній.

Эноварвъ.
О Цезарь что скажешь? Несравнимъ.

Агриппа.
Лишь фениксу подобенъ Маркъ Антоній.

Эноварвъ.
Чтобъ Цезаря хвалить—скажи лишь: Цезарь.

Агриппа.
Хвалами онъ обоихъ угнетаетъ.

Эноварвъ.
Онъ больше любитъ Цезаря, но—ахъ!
Антонія такъ любить онъ, что цифры,
Сердца и языки, писцы и барды
Съ поэтами—исчислить не могли бы,
Прочувствовать, сказать и описать,
Воспѣть и сриемовать его любовь
Къ Антонію! А Цезарь? На колѣни!
Дивись ему, и—на колѣни!

Агриппа.
Любить
Обоихъ онъ.

Эноварвъ.
Онъ—мужъ, тѣ оба крылья,
И такъ...

(Трубы).
Пора садиться на коней.
Простимся же, Агриппа благородный.

Агриппа.
Будь счастливъ, воинъ доблестный. Прощай.
(Уходятъ).

Входятъ: Цезарь, Антоній, Лепидъ и
Октавія.

Антоній.
Не провожай насъ дальше.

Цезарь.
Ты уводишь
Часть самого меня, итакъ люби
Ты въ ней меня. Сестра, женою будь,
Какой тебя всегда мечталъ я видѣть;
Мои слова во всей ихъ полнотѣ
Ты оправдай. Антоній благородный,
Пускай она, святая добродѣтель,
Которая скрѣпляетъ нашу дружбу—
Не станетъ рычагомъ, что сокрушитъ
Ея твердыню. Лучше бы сдружились
Мы безъ нея, когда равно не станемъ
Ее цѣнить мы оба.

Антоній.
Недовѣрьемъ
Не оскорбляй меня.

Цезарь.
Я все сказалъ.

Антоній.
Ты не найдешь, хотя меня и склоненъ
Подозрѣвать—причины ни малѣйшей
Къ тому, чего ты, кажется, боишься.
Охраною тебѣ да будутъ боги.
Да привлекутъ сердца всѣхъ римлянъ къ
цѣлямъ
Они твоимъ. Разстанемся мы здѣсь.

Цезарь.
Будь счастлива, любимая сестра,
Прости! Къ тебѣ да будутъ благосклонны
Стихи всѣ, тебѣ даруя радость.
Будь счастлива.

Октавія.
О, братъ мой благородный!

Антоній.
Въ ея очахъ—весна любви, апрѣль,
А вотъ и дождь весенній. Успокойся.

Октавія.
Взирай на домъ супруга моего
Съ любовью и...

Цезарь.
Октавія, что жъ дальше?

Октавія.
Я на ухо скажу.

Антоній.
Языкъ ея
Не слушается сердца, языку
Приказывать не въ состояннѣ сердце.
Такъ на волнѣ прибоя пухъ лебяжій
Колеблется, склониться не рѣшаясь
Ни въ ту, ни въ эту сторону.

Энобарвъ (*Агриппа*).
Ужель
Заплачетъ Цезарь?

Агриппа.
Туча затемнила
Чело его.

Энобарвъ.
Знакъ темный искажаетъ
И лобъ коня, не только челоуѣка.

Агриппа.
Но, Энобарвъ, чуть не ревѣлъ Антоній
Когда найденъ былъ мертвымъ Юлій Цезарь,
И при Филиппахъ плакалъ онъ, когда
Убитъ былъ Брутъ.

Энобарвъ.
Отъ насморка страдая
Въ тѣ времена, оплакивалъ онъ все,
Что проклиналъ. Когда и я заплачу—
Повѣрь ему.

Цезарь.
Нѣтъ, милая сестра,
Ты отъ меня имѣть извѣстья будешь.
Думъ о тебѣ—не перегонитъ время.

Антоній.
Довольно, брать! Съ тобой поспорю въ силѣ
Моей любви. Тебя я обниму
И поручу богамъ.

Цезарь.
Прости, будь счастливъ.

Лепидъ.
Да озарятъ небесныя созвѣзды
Твой свѣтлый путь!

Цезарь.
Прости, прости.
(*Цѣлуетъ Октавію*).

Антоній.
(*Трубы. Всѣ уходятъ*). Прости.

СЦЕНА III.

Александрія. Дворецъ.

Входятъ Клеопатра, Хармиана, Ира,
Алексасъ.

Клеопатра.
Гдѣ тотъ гонецъ?

Англійская актриса 18 вѣка Поупъ (*Мрса. Роу*)
въ роли Клеопатры.

Алексасъ.
Войти онъ не дерзаетъ.

Клеопатра.
Пускай войдетъ.
(*Входитъ гонецъ*).

Поди сюда.

Гонецъ.

Царица,
Самъ Иродъ іудейскій не посмѣетъ
Разгнѣванной тебѣ смотрѣть въ лицо.

КЛЕОПАТРА.

Я голову снять съ Ирода желаю,
Но какъ теперь добыть ее, когда
Антонія здѣсь нѣтъ, черезъ кого
Я требовать могла ее... Приблизься.

Гонецъ.

Славнѣйшая царица...

КЛЕОПАТРА.

Ты видалъ

Октавію?

Гонецъ.

Да, грозная царица.

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ?

Гонецъ.

Въ Римѣ. Тамъ я разсмотрѣлъ ее—
Идущей межъ Антоніемъ и братомъ.

КЛЕОПАТРА.

Она какъ я—такого жъ роста?

Гонецъ.

Нѣтъ.

КЛЕОПАТРА.

Что у нея глухой иль звонкій голосъ?

Гонецъ.

Глухой. Ее я слышалъ.

КЛЕОПАТРА.

Некрасиво!

Не можетъ долго онъ ее любить.

ХАРМИАНА.

Любить ее? Изиди! Невозможно.

КЛЕОПАТРА.

Я думаю! Языкъ неповоротливъ,
Ростъ карлицы... Припомни, величава ль
Осанка у нея, коль скоро видѣлъ
Величье ты?

Гонецъ.

Такъ ползаетъ она,
Что не поймешь: стоитъ она иль ходитъ?
Нѣтъ жизни въ ней, на статую похожа,
Не на живую женщину, она.

КЛЕОПАТРА.

И правда—все?

Гонецъ.

Иль я—не наблюдатель.

ХАРМИАНА.

Въ Египтѣ трое лучше не подмѣтять.

КЛЕОПАТРА.

Да, сметливъ онъ, я вижу. Значитъ нѣтъ
Въ ней ничего... Онъ здраво судить.

ХАРМИАНА.

Очень.

КЛЕОПАТРА.

Какъ думаешь: ей сколько лѣтъ?

Гонецъ.

Царица,

Она вдова.

КЛЕОПАТРА.

Вдова? О, Хармиана!

Гонецъ.

Я думаю, лѣтъ тридцать.

КЛЕОПАТРА.

А лицо

Запомнилъ ты? Оно—продолговато,
Иль круглое?

Гонецъ.

До безобразія кругло.

КЛЕОПАТРА.

И въ большинствѣ такія лица—глупы.
А цвѣтъ ея волосъ?

Гонецъ.

Царица, темный,

И лобъ ея такъ низокъ, какъ возможно
Лишь пожелать.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ золото тебѣ,

И не сердись на прежнюю суровость.

Я вновь тебя пошлю, я нахожу,
Что ты весьма способенъ къ порученьямъ.
Сбирайся въ путь. Готовы наши письма.

ХАРМИАНА.

Онъ—человѣкъ достойный.

КЛЕОПАТРА.

Это правда,

И жаль, что съ нимъ была я такъ рѣзка.
Когда ему повѣрить—нѣтъ такого
Въ ней ничего...

ХАРМИАНА.

О, ничего, царица!

КЛЕОПАТРА.
Величіе онъ видѣлъ, и понятие
Онъ долженъ бы имѣть о немъ.

ХАРМИАНА.
Видаль ли
Величіе онъ? Помилуй насъ, Изида!
Онъ—столько лѣтъ служившій вамъ!

КЛЕОПАТРА.
Одно
Хочу еще узнать я, Хармиана...
Но все равно, веди его туда,
Гдѣ буду я писать. Еще возможно
Уладить все.

ХАРМИАНА.
Ручаюсь въ томъ, царица!

СЦЕНА IV.

Лопны. Дворецъ.

Входятъ Антоній и Октавія.

АНТОНИЙ.
Октавія, не это лишь; оно
И тысячи вещей ему подобныхъ—
Простительны, но онъ войну съ Помпеемъ
Затѣялъ вновь, составилъ завѣщанье,
Прочтенное передъ народомъ. Въ немъ
Онъ обо мнѣ едва упоминаетъ,
И тамъ, гдѣ былъ онъ долженъ поневолю
Меня хвалить, онъ сухо говорилъ
И холодно, отмѣривая скупю
Мнѣ похвалы, всѣ поводы такіе
Онъ обходилъ иль говорилъ сквозь зубы.

ОКТАВІЯ.
Не вѣрь всему, мой добрый повелитель,
И даже вѣря, къ сердцу слишкомъ близко
Всего не принимай. Случится ссора—
Нѣтъ женщины меня несчастнѣй! Быть
Межъ двухъ враговъ, молиться за обоихъ,
Чтобъ надо мной смѣялись сами боги,
Когда скажу „благословите мужа“,
И вслѣдъ за тѣмъ, наперекоръ мольбѣ,
Воскликну я: „благословите брата!“
Но братъ иль мужъ, который бы изъ двухъ
Ни побѣдилъ—мнѣ предстоитъ погибель:
Межъ крайностей нѣтъ для меня середины.

АНТОНИЙ.
Октавія, склони твою любовь
Къ той сторонѣ, что больше прилагаетъ
Старанія, чтобъ сохранить ее.
Утративъ честь—я тѣмъ себя утрачу,

И лучше мнѣ совсѣмъ не быть твоимъ,
Чѣмъ быть твоимъ въ безславіи. Но, впрочемъ,
Посредницей явись, какъ ты желаешь.
Межъ тѣмъ къ войнѣ приготовленья наши
Бросають тѣнь на брата твоего.
Итакъ, спѣши. Я внялъ твоимъ желаньямъ.

ОКТАВІЯ.
Благодарю, супругъ мой. Самъ Юпитеръ
Мнѣ—безконечно слабой—да поможетъ
Васъ примирить. Война межъ вами—то же,
Какъ если бы раздвоился весь міръ
И трупами заполнилася бездна.

АНТОНИЙ.
Узнаешь ты зачинщика вражды—
Къ нему направь свое неодобренье.
Не можемъ оба ошибаться равно,
Чтобъ равно ты межъ нами колебаться
Могла въ любви. Распоряжайся всѣмъ,
Назначь отъѣздъ и свиту по желанью.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Лопны. Другая часть дворца.

Входятъ Эноваръ и Эросъ.

ЭНОВАРЪ. Ну, что, другъ Эросъ?
ЭРОСЪ. Получены странныя вѣсти.
ЭНОВАРЪ. Какія?
ЭРОСЪ. Цезарь и Лепидъ воевали съ
Помпеемъ.

ЭНОВАРЪ. Это старо. И чѣмъ же все
кончилось?

ЭРОСЪ. Цезарь, воспользовавшись по-
мощью Лепида въ войнѣ съ Помпеемъ,
отвергъ его, какъ товарища; онъ не захо-
тѣлъ удѣлить ему долю военной славы, и
не довольствуясь этимъ, обвинилъ его въ
предварительной перепискѣ съ Помпеемъ.
Онъ задержалъ его на основаніи собствен-
наго своего обвиненія, и вотъ несчастный
тріумвиръ остается въ заточеніи покуда
смерть не освободитъ его.

ЭНОВАРЪ.
Міръ! У тебя двѣ пасти остаются,
И еслибъ въ нихъ всю пищу бросилъ ты—
То всетаки онъ пожрутъ другъ друга.
Антоній гдѣ?

ЭРОСЪ.
Въ саду. Ногой швыряетъ
Онъ прутики, твердя: глупецъ Лепидъ!
И удавить грозитъ вождя, который
Помпея умертвилъ.

ЭНОВАРЬ.

Готовъ къ отплытью
Нашъ славный флотъ.

ЭРОСЪ.

Въ Италию отплыть
На Цезаря. Вотъ что еще, Домицій:
Тебя нашъ вождь потребовалъ къ себѣ;
Я вѣсть мою могъ передать и позже.

ЭНОВАРЬ.

Напрасно онъ зоветъ, но все равно.
Къ Антонію веди меня.

ЭРОСЪ.

За мною! (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Римъ. Дворецъ Цезаря.

Входятъ Цезарь, Агриппа и Меценатъ.

ЦЕЗАРЬ.

Такъ поступилъ онъ изъ презрѣнья къ Риму.
Еще не все. Въ виду всего народа,
На площади въ Александріи, рядомъ
Возсѣлъ онъ съ Клеопатрой на помостъ
Изъ серебра, на тронахъ золотыхъ.
Цезаріонъ у ногъ ихъ помѣщался—
Слывшій сыномъ моего отца—
Совсѣмъ другимъ потомствомъ незаконнымъ,
Родившимся съ тѣхъ поръ отъ ихъ распут-
ства.

Ей онъ вручилъ Египтомъ управленье,
Провозгласивъ ее самодержавной
Царицей нижней Сирии и Кипра,
И Лидіи.

МЕЦЕНАТЪ.

И это—предъ народомъ?

ЦЕЗАРЬ.

На площади, гдѣ происходятъ игры.
И тамъ царей царями объявилъ
Онъ сыновей своихъ: далъ Александру
Всю Парію онъ съ Мидіей Великой,
И Сирией, а Птолею далъ
Киλικію съ землею финикійской,
И Сирию. Царица въ этотъ день
Явилася Изидою народу,
И, говорятъ, въ подобномъ видѣ часто
Является она.

МЕЦЕНАТЪ.

Пускай узнаетъ
Объ этомъ Римъ.

АГРИППА.

Безстыдствомъ возмущенъ,
Римъ у него отниметъ уваженъе.

ЦЕЗАРЬ.

Все знаетъ Римъ, а также—обвиненъе,
Что онъ прислалъ.

АГРИППА.

Кого же онъ винить?

ЦЕЗАРЬ.

Меня: что я, отторгнувъ у Помпея
Сицилію, не выдѣлилъ ему
Часть острова, затѣмъ онъ утверждаетъ,
Что кораблей ему не возвратилъ я,
И наконецъ скорбитъ, что исключенъ
Лепидъ изъ триумвировъ и задержанъ
Его доходъ былъ нами.

АГРИППА.

Дать отвѣтъ

На это нужно.

ЦЕЗАРЬ.

Сдѣлано. Гонца
Отправилъ я. Пишу я, что не въ мѣру
Лепидъ жестокимъ сдѣлался и, власть
Во зло употребляя, заслужилъ онъ
Смѣщеніе свое, что часть добычи
Готовъ я уступить, но подъ условьемъ,
Чтобъ долю онъ въ Арменіи мнѣ далъ,
Какъ и въ другихъ земляхъ, имъ покорен-
ныхъ.

МЕЦЕНАТЪ.

На это онъ вѣкъ не согласится.

ЦЕЗАРЬ.

Тогда ему и я не уступлю.

Входитъ Октавія со свитой.

ОКТАВІЯ.

Привѣтъ тебѣ, мой братъ и повелитель.

ЦЕЗАРЬ.

Я мнилъ ли звать отверженной тебя?

ОКТАВІЯ.

Такъ звать меня—причинъ ты не имѣешь.

ЦЕЗАРЬ.

Зачѣмъ же къ намъ подкралась ты? Предстала
Ты здѣсь не такъ, какъ Цезаря сестра.
Предшествовать Антонію супругъ
Должно бы войско, ржаніе коней
Всѣмъ возвѣстить, задолго до прибытья
Должно о немъ, деревья на пути

Должны быть всѣ утѣяны народомъ,
Томящимся въ безплодномъ ожиданьи,
И до небесъ должна вздыматься пыль,
Поднятая бѣгущей вслѣдъ толпою...
Но въ Римъ простой торговкой ты явилась,
И не дала намъ выказать любовь,
Которая, когда не проявляютъ
Ея ничѣмъ—утрачиваетъ смыслъ.
Рядъ цѣлый встрѣчъ на морѣ и на сушѣ—
Тебя бы ждалъ, и возросталъ восторгъ...

ОКТАВІЯ.

Мой добрый братъ, сюда безъ принужденія,
По доброй волѣ, такъ явилась я.
Супругъ мой, Маркъ Антоній, услышавшій,
Что ты къ войнѣ готовишься, повѣдалъ
Мнѣ горестную вѣсть, и потому—
Уѣхать я просила дозволенія.

ЦЕЗАРЬ.

Онъ далъ его охотно: ты преградой
Была межъ нимъ и похотью его.

ОКТАВІЯ.

Не говори мнѣ этого.

ЦЕЗАРЬ.

Слѣжу я
За нимъ вездѣ: несутся съ вѣтромъ вѣсти.
Гдѣ онъ теперь?

ОКТАВІЯ.

Въ Аѳинахъ.

ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, сестра,
Жестоко оскорбленная! Его
Однимъ кивкомъ вернула Клеопатра.
Развратницѣ вручилъ онъ власть свою,
И на войну со мной они ссылаютъ
Владыкъ земныхъ. Возсталъ ливійскій Бокхъ,
И Архелай, монархъ кападокійскій,
Царь паелагонскій Филадельфъ, еракійскій
Царь Адалласъ и аравійскій Мальхъ,
Понтійскій царь, царь Иродъ іудейскій,
Царь комагенскій Митридатъ; мидійскій
Царь Полемонъ; Аминтъ—ликаонійскій.
И множество еще царей другихъ.

ОКТАВІЯ.

Несчастливая! Межъ близкихъ двухъ, взаимно
Другъ друга обвиняющихъ—я сердце
Должна дѣлить.

ЦЕЗАРЬ.

Привѣтствую тебя.
Ты письмами разрывъ нашъ отдаляла,
Покуда самъ не убѣдился я,
Насколько ты обманута, а также—

Что намъ грозитъ невидимо опасность.
Бодрѣ будь. Сурово неизбѣжны—
Да не смутятъ тебя печали дни.
Пускай идетъ опредѣленнымъ ходомъ
Рѣшенное судьбой. Не плачь о немъ.
Тебя, что мнѣ всего дороже въ мирѣ—
Привѣтствую я здѣсь. Оскорблена
Безмѣрно ты; я и друзья твои—
Мы избраны великими богами,
Чтобъ правосудье оказать тебѣ.
Утѣшься, будь у насъ желанной гостьей.

АГРИППА.

Привѣтъ тебѣ.

МЕЦЕНАТЪ.

Октавію привѣтъ!
Всѣ римскія сердца полны къ тебѣ
Любви и состраданья. Лишь Антоній,
Прелюбодѣй разнузданный, отвергъ
Твою любовь, во власть предавшись твари
Что противъ насъ его возстановляетъ.

ОКТАВІЯ.

О, правда ли это?

ЦЕЗАРЬ.

Истинная правда.
Сестра, добро пожаловать. Съ терпѣньемъ
Будь неразлучна, милая сестра.
(Уходятъ).

СЦЕНА VII.

Лагерь Антонія у мыса Акціумъ.

Входятъ Клеопатра и Энобаръ.

КЛЕОПАТРА.

Увѣренъ будь: я отплачу тебѣ.

ЭНОБАРЪ.

За что? За что?

КЛЕОПАТРА.

Ты осуждалъ участие
Мое въ войнѣ, считая непристойнымъ...

ЭНОБАРЪ.

А что жъ оно, по твоему, пристойно?

КЛЕОПАТРА.

Когда воюютъ съ нами, почему же
Намъ собственной особой здѣсь не быть?

ЭНОБАРЪ (про себя).

Сказалъ бы я, что если бъ взяли вмѣстѣ
Мы на войну коней и кобылицъ—

Пропаль бы конь: кобыла увлекла бы
И всадника съ конемъ.

КЛЕОПАТРА.
Что говоришь?

ЭНОВАРЬ.
Присутствіе твое должно стѣснять
Антонія, смущая умъ и сердце,
А занятое время отнимая.
Его и такъ винять за безразсудство:
Римъ говоритъ, что здѣсь ведутъ войну
Прислужницы твои и Фотинъ, внухъ.

КЛЕОПАТРА.
Погибни Римъ, отсохни языки,
Позорящіе насъ! Я правлю царствомъ
И тягости войны несу, какъ мужъ.
Не возражай, я войска не оставлю.

ЭНОВАРЬ.
Да будетъ такъ. Я кончилъ. Вотъ и вождь.

Входятъ Антоній и Канидій.

АНТОНИЙ.
Не странно ли, Канидій, что покинувъ
Брундузіи и Тарентъ, могъ переплыть
Онъ море Іонійское такъ быстро
И овладѣть Ториной? Дорогая,
Ты слышала объ этомъ?

КЛЕОПАТРА.
Быстротѣ
Никто сильнѣй лѣнивца не дивится.

АНТОНИЙ.
Такой укоръ въ медлительности—былъ бы
Мудрѣйшаго среди мужей достоинъ.
Сраженіе морское мы дадимъ.

КЛЕОПАТРА.
Морское—да! Какое же иное?

КАНИДІЙ.
Но почему морское, государь?

АНТОНИЙ.
Онъ съ моря шлетъ мнѣ вызовъ.

ЭНОВАРЬ.
Но его
Ты звалъ на поединокъ...

КАНИДІЙ.
При Фарсалѣ,
Гдѣ ты желалъ уравновѣсить бой
Помпея съ Цезаремъ. Но онъ отвергнулъ
То, что къ его невыгодѣ клонилось.
Такъ поступи и ты.

ЭНОВАРЬ.
Суда твои

Снаряжены небрежно, а матросы—
На службу силой взятые: жнецы,
Погонщики. У Цезаря есть люди
Помпея побѣжавшіе; легки
Его суда, твои—тяжеловѣсны.
Въ томъ нѣтъ стыда, чтобъ на морѣ не
биться,
Когда на сушѣ биться ты готовъ.

АНТОНИЙ.
Нѣтъ, на морѣ и на морѣ!

ЭНОВАРЬ.
Ты губишь,
Великій вождь, добытую тобою
На сушѣ славу ратную, войска—
Пѣхоту боевую—раздробляешь,
И собственный твой опытъ остается
Безъ примѣненія къ дѣлу. Ты обходишь
Къ побѣдѣ путь; ввѣряешься—взамѣнъ
Увѣренности прочной—ты удачѣ
И случаю.

АНТОНИЙ.
Я на морѣ сражусь.

КЛЕОПАТРА.
Есть шестьдесятъ судовъ у насъ—не худ-
шихъ,
Чѣмъ у него.

АНТОНИЙ.
Мы лишніа сождемъ.
Матросы съ нихъ—число людей усилить
На корабляхъ оставшихся, и съ тѣми
Отъ Акціума Цезаря отбросимъ.
Не побѣдимъ—на сушѣ грянетъ бой.
Въ чемъ дѣло?

Входитъ гонецъ.

ГОНЕЦЪ.
Слухи справедливы: Цезарь
Торину взялъ.

АНТОНИЙ.
Самъ Цезарь? Невозможно.
Что войско здѣсь—дивлюсь я и тому!
Канидій, девятнадцать легіоновъ
На сушѣ здѣсь ты примешь подъ начальство,
И конницы двѣнадцать тысячъ. Мы же—
На корабли. Идемъ, моя Фетида.

Входитъ воинъ.

АНТОНИЙ.
Что скажешь, другъ?

ВОИНЪ.
О, благородный вождь,
Не бейся на морѣ, не довѣрайся
Гнилымъ доскамъ. Ужель не вѣришь ты

Вотъ этому мечу и этимъ ранамъ?
Пусть плаваютъ, какъ утки, финикійцы,
Египтяне. Мы побѣждаемъ стоя,
Нога къ ногѣ.

Антоній.
Ну, хорошо. Идемъ.

(Уходятъ Антоній, Клеопатра и Энобарбъ).

Канидій.
Но я былъ правъ, клянусь Геркулесомъ!
Ты, воинъ, правъ, но дѣйствуетъ Антоній,
Не на свою дѣйствительную силу
Въ сраженьѣ опираясь. У вождя
Есть вождь, и мы—у женщинъ подъ нача-
ломъ.

Воинъ.
Всей конницы и пѣшихъ легионовъ
Начальникъ—ты, не такъ ли?

Канидій.
Маркъ Октавій,
Маркъ Юстій, Целій, Публикола—силой
Начальствуютъ морской, мы—сухопутной.
Но Цезаря прибытье непонятно
По быстротѣ.

Воинъ.
Покуда былъ онъ въ Римѣ,
Войска его, разбившись на отряды,
Разсѣялись повсюду, обманувъ
Лазутчиковъ.

Канидій.
А кто его помощникъ?

Воинъ.
Я слышалъ—нѣкій Тавръ.

Канидій.
Его я знаю.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.
Канидія желаетъ видѣть вождя.

Канидій.
Событьями теперь чревато время,
И ихъ на свѣтъ рождаетъ каждый мигъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА VIII.

Равнина близъ Акціума.

Входятъ Цезарь, Тавръ, вожди и войско.

Цезарь.
Тавръ!

ТАВРЪ.
Государь?

Цезарь.
Отъ битвы сухопутной
Ты уклонись, пока идетъ морская,
Изложенныхъ въ томъ свиткѣ приказаній
Не измѣняй: залогъ успѣха—въ нихъ.
(Проходятъ).

Входятъ Антоній и Энобарбъ.

Антоній.
Мы конницу поставимъ у холма,
Въ виду у войска Цезаря, оттуда
Число судовъ увидѣвъ, сообразно
Мы этому—и дѣйствія начнемъ.
(Уходятъ).

*(Входятъ съ разныхъ сторонъ войска Анто-
нія подъ начальствомъ Канидія и войска Це-
заря подъ предѣлительствомъ Тавра. По-
уходъ ихъ слышенъ шумъ морской битвы.
Тревога. Возвращается Энобарбъ).*

Энобарбъ.
Всему конецъ! Я зрѣлища такого
Не въ силахъ снестъ. Корабль нашъ адми-
ральный—
„Антоніадъ“ и шестьдесятъ другихъ,
Вдругъ повернувъ, ударился въ бѣгство.
При видѣ томъ готовъ я былъ ослѣпнуть!

Входитъ Скаръ.

Скаръ.
На помощь къ намъ, всѣ боги и богини!

Энобарбъ.
Ты внѣ себя?..

Скаръ.
Не лучшая ль часть міра
Загублена по безразсудству? Царства
И области—процѣловали мы.

Энобарбъ.
Какъ бой идетъ?

Скаръ.
Пятно чумы смертельной—
Виднѣется на насъ. Да поразить
Проказою египетскую вѣдъму
Развратную! Когда въ разгарѣ битвы
На близнецовъ похожи были: нашъ
И Цезаря успѣхъ, и нашъ едва ли
Не старше былъ, корова эта, словно
Ужалена слѣпнемъ юньскимъ—парусъ
Вдругъ подняла и въ бѣгство обратилась.

ЭНОВАРЬ.

Отъ зрѣлища такого стало больно
Моимъ глазамъ: его не вынесъ я.

СКАРЬ.

Едва она руль подняла по вѣтру,
Какъ доблестная жертва чаръ ея—
Антоній, крылья распутивъ морскія,
Помчался вслѣдъ—растерянною уткой,
Оставивъ бой во всемъ его разгарѣ.
Я не знавалъ подобнаго позора!
Не видано, чтобъ доблесть, честь и опытъ—
Казнили такъ самихъ себя.

ЭНОВАРЬ.

Увы!

Входитъ Канидій.

КАНИДІЙ.

На морѣ счастье наше, обезсилѣвъ,
Идетъ ко дну плачевно. Оставайся
Нашъ вождь такимъ, какимъ онъ прежде
былъ—
Все было бъ хорошо, но недостойно
Онъ къ бѣгству самъ даетъ примѣръ.

ЭНОВАРЬ (*про себя*).

Вотъ что

Задумалъ ты! Тогда прости, конечно.

КАНИДІЙ.

Въ Пелопонезѣ бѣжалъ онъ.

СКАРЬ.

Это близко.

Туда спѣшу—событій выжидать.

КАНИДІЙ.

Я конницу мою и легіоны
Сдалъ Цезарю, мнѣ шестеро царей
Даютъ примѣръ.

ЭНОВАРЬ.

Я раненому счастью

Антонія останусь все же вѣренъ,
Хотя въ другую сторону влекутъ
Меня и умъ, и вѣтеръ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IX.

Александрія. Дворецъ.

Входитъ Антоній и свита.

АНТОНІЙ.

Вы слышите? Землею я отвергнуть,
Носить меня ей стыдно. Подойдите,

Друзья мои. Такъ запоздалъ я въ міръ,
Что путь свой потерялъ. Есть у меня
Съ казной корабль, ее себѣ возьмите
И, подѣливъ, бѣгите отъ меня
Вы къ Цезарю.

ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

Чтобъ мы бѣжали? Нѣтъ.

АНТОНІЙ.

Я самъ бѣжалъ и научилъ другихъ
Показывать я спину. Уѣзжайте.
Я путь избралъ, гдѣ въ васъ я не нуждаюсь.
Ступайте же, тамъ въ гавани—казна,
Берите все. О, не могу безъ краски
Подумать я о томъ, къ чему стремился.
Все—до волосъ—во мнѣ возмущено:
Съдая прядь прядь черную винить
За безразсудство, черная—сѣдую
За немощность и трусость. Уходите,
Друзья мои, васъ письмами снабжу я,
Которыя расчистятъ путь. Прошу,
Такъ грустно не глядите и не спорьте,
Воспользуйтесь совѣтомъ, что исторгнуть
Отчаяньемъ: того покиньте, кто
Покинулъ самъ себя. Скорѣе въ гавань!
Вручаю вамъ корабль со всей казной...
Оставьте же меня, на мигъ оставьте!
Приказывать я право потерялъ,
И потому прошу. Сейчасъ за вами
Я слѣдую.

(*Садится*).

*Входятъ Эросъ, Клеопатра, которую
поддерживаютъ Ира и Харміана.*

ЭРОСЪ.

Поди къ нему, царица,
Утѣшь его.

ИРА.

Да, милая царица.

ХАРМІАНА.

Ступай къ нему. Что жъ дѣлать?

КЛЕОПАТРА.

О, Юнона!

Хочу я сѣсть...

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

ЭРОСЪ.

О, государь, взгляни...

АНТОНІЙ.

Противно, гадко...

АНТОНІЙ ВЪ ОТЧАЯНІИ. (Дѣйствіе III, сц. 9).

Картина англійскаго художника (Henry Tresham, R. A. 1749—1814).
(Большая Бойделевская галерея).

Царица... ХАРМИАНА.

ИРА.
О, царица!

ЭРОСЪ.
Государь!

АНТОНІЙ.
Да, другъ мой, да! Октавій при Филиппахъ
Носилъ свой мечъ, какъ въ танцахъ, между
тѣмъ,
Какъ сморщенного Кассія разилъ я.
Безумца Брута я убилъ, а Цезарь—
Онъ дѣйствовалъ всегда черезъ своихъ
Помощниковъ, не смысла въ дѣлѣ ратномъ.
И вотъ теперь... Но все равно.

КЛЕОПАТРА.

Ко мнѣ!

ЭРОСЪ.
Царица! Государь!

ИРА.
Къ нему приблизься,
Поговори. Онъ—внѣ себя отъ горя.

КЛЕОПАТРА.
Ну, хорошо... На васъ я обопрусь.

ЭРОСЪ.
Встань, государь. Царица—предъ тобой:
На смерть обречена, съ челомъ поникшимъ...
Утѣшь ее, и ты ее спасешь.

АНТОНІЙ.
Я славѣ измѣнилъ, себя позорно
Я распустилъ.

ЭРОСЪ.
Царица, государь.

АНТОНІЙ.
Египтянка, о, до чего меня
Ты довела! Смотри, мой стыдъ скрывая

Отъ глазъ твоихъ, оглядываюсь я,
И позади обломки славы вижу.

Клеопатра.

О, повелитель мой, прости моимъ
Пугливымъ парусамъ! Вѣдь я не знала,
Что ты за мной послѣдуешь.

Антоній.

Прекрасно,
Египтянка, ты знала, что привязанъ
Я къ твоему кормилу нитью сердца,
И за собой ты увлечешь меня.
Ты видѣла, что надъ душой моею
Всевластна ты, и знака твоего
Достаточно, чтобъ я нарушилъ волю
Самихъ боговъ.

Клеопатра.

Прости мнѣ!

Антоній.

Нынѣ долженъ
Мальчишкѣ слать смиренно я мольбу;
Хитрить и прибѣгать къ уловкамъ низкимъ
Обязанъ тотъ, кто половиной міра
Привыкъ играть, по волѣ созидая
И разрушая счастье. Знала ты
Громадность всю твоей побѣды, знала,
Что страстью обезсиленный покоренъ
Тебѣ мой мечъ.

Клеопатра.

Прости меня, прости.

Антоній.

Прошу, не плачь... Одна слеза твоя
Все выкупить, что выиграть возможно,
Иль проиграть. Дай поцѣлуй одинъ,
Онъ будетъ мнѣ за все вознагражденьемъ.
Наставника дѣтей къ нему послалъ я.
Вернулся ль онъ? Вина сюда! За ужинъ!
И чѣмъ ударъ судьбы моей грознѣй—
Тѣмъ болѣе я посмѣюсь надъ ней.

(Уходитъ).

СЦЕНА X.

Лагерь Цезаря въ Египтѣ.

Входятъ Цезарь, Долабелла, Тирей и др.

Цезарь.

Пускай посоль Антонія предстанетъ.
Его ты знаешь?

Долабелла.

Цезарь, онъ—наставникъ

Его дѣтей. Суди какъ онъ ошипанъ,
Когда прислалъ столь жалкое перо
Изъ своего крыла, онъ—такъ недавно
Гонцовъ-царей въ излишествѣ имѣвшій!

Входитъ Эвфроній.

Цезарь.

Поди сюда и говори.

Эвфроній.

Я самъ

Какъ ни былъ бы ничтоженъ, но являюсь
Антонія посломъ. Въ его судьбѣ
Недавно былъ лишь утренней росинкѣ
На миртовомъ листкѣ подобенъ я,
Въ сравненіи съ его обширнымъ моремъ.

Цезарь.

Пусть такъ. Но то, съ чѣмъ присланъ—
изложи.

Эвфроній.

Властителя судьбы своей въ тебѣ
Привѣтствуетъ Антоній, умоляя,
Чтобъ ты ему позволилъ жить въ Египтѣ,
Но въ случаѣ отказа, будетъ меньшимъ
Доволенъ онъ, и просить дозволенья
Дышать межъ небомъ и землей въ Аѳинахъ,
Вдали отъ дѣлъ. Объ этомъ просить онъ.
А что до Клеопатры—признавая
Величіе твое, покорна власти,
Она своимъ испрашиваетъ дѣтямъ
Корону Птоломея, что зависить
Отъ милости твоей.

Цезарь.

Я глухъ къ мольбѣ
Антонія. Царицу же согласенъ
Я выслушать и сдѣлать, какъ желаетъ,
Съ условіемъ, чтобъ другъ ея, покрывшій
Себя стыдомъ, былъ изгнанъ изъ Египта
Иль преданъ ею смерти. Пусть она
Исполнить это: будутъ не безплодны
Ея мольбы. Таковъ отвѣтъ обоимъ.

Эвфроній.

Будь счастливъ ты!

Цезарь.

Провесь его чрезъ лагерь.
(Эвфроній уходитъ).

Цезарь (къ Тирею).

Испробовать всю силу краснорѣчья
Теперь пора. Спѣши и Клеопатру
Съ Антоніемъ поссорь. Ей посули
Ты именемъ моимъ все, что захочетъ,
И отъ себя, что вздумаешь—прибавь.
Вѣдь женщины—и въ счастіи не стойки,

Въ несчастіи—чистѣйшей изъ весталокъ
Не устоять. Яви свое искусство
И самъ назначь награду. Намъ законъ—
Слова твои.

ТИРЕЙ.
Я отправляюсь, Цезарь.

ЦЕЗАРЬ.
Замѣть, какъ онъ перенесетъ ударъ,
И помыслы его—во всѣхъ движеніяхъ
Ты прослѣди.

ТИРЕЙ.
Я все исполню, Цезарь.
(Уходятъ).

СЦЕНА XI.

Александрія. Дворецъ.

Входятъ КЛЕОПАТРА, ЭНОВАРЬ, ХАР-
МИАНА, ИРА.

КЛЕОПАТРА.
Что, Эноварь, намъ дѣлать?

ЭНОВАРЬ.
Поразмыслить
И умереть.

КЛЕОПАТРА.
Антоній виновать,
Иль мы?

ЭНОВАРЬ.
Одинъ Антоній, давшій волю
Желанію надъ разумомъ! Когда
Предъ грознымъ ликомъ брани, изъ рядовъ,
Другъ другу угрожавшихъ, ты бѣжала—
Зачѣмъ бѣжалъ онъ также? Страсти зудъ
Не долженъ былъ смущать вожда въ то
время,

Когда сошлись двѣ половины міра
Лицомъ къ лицу въ войнѣ изъ-за него.
Въ томъ, чтобъ летѣть за парусомъ бѣ-
гущимъ,
Покинувъ свой ошеломленный флотъ—
Не меньшій стыдъ былъ для него, чѣмъ
гибель.

КЛЕОПАТРА.
О, замолчи!
Входятъ Антоній съ Эвфроніемъ.

АНТОНИЙ.
Таковъ его отвѣтъ?

ЭВФРОНИЙ.
Да, государь.

АНТОНИЙ.
Сулитъ царицѣ милость,
Коль скоро мной пожертвуетъ она?
ЭВФРОНИЙ.
Такъ онъ сказалъ.

АНТОНИЙ.
Пускай она узнаетъ,
Сѣдѣющую голову мою
Пошли сейчасъ ты Цезарю-мальчишкѣ,
И царствами онъ до краевъ наполнитъ
Твои желанья.

КЛЕОПАТРА.
Голову твою?

АНТОНИЙ.
Вернись къ нему. Скажи, что въ немъ бли-
стаетъ
Цвѣтъ юности, и дѣлъ великихъ міръ
Ждетъ отъ него, что могутъ даже трусу
Принадлежать суда и легіоны,
Казна его,—что ратники его
И подъ начальствомъ малаго ребенка
Одерживать побѣды такъ же могутъ,
Какъ подъ начальствомъ Цезаря. Прошу
Поэтому чтобъ онъ о превосходствѣ
Своемъ забылъ, со мною—побѣжденнымъ—
Скрестивъ свой мечъ въ единоборствѣ. Буду
Объ этомъ я писать ему. Идемъ.
(Антоній и Эвфроній уходятъ).

ЭНОВАРЬ.
Похоже ли, чтобъ Цезарь побѣдитель,
Опасности удачу подвергая,
Съ такимъ борцомъ сталъ драться на по-
казъ?
Я вижу: разумъ смертныхъ—лишь частица
Ихъ счастія, и внѣшнее паденье
Влечетъ съ собой духовныхъ качествъ ги-
бель.

Самъ вѣдая, какъ много вѣситъ Цезарь,
Какъ мало—онъ, ужель мечтать онъ можетъ
Чтобъ мѣряться тотъ согласился съ нимъ,
И разумъ въ немъ ты побѣждаешь, Цезарь?

Входитъ прислужникъ.

ПРИСЛУЖНИКЪ.
Отъ Цезаря посоль.

КЛЕОПАТРА.
Привѣтъ короткій!
Вотъ, милая, предъ розою въ цвѣту
Тотъ затыкаетъ носъ, кто преклонялся
Предъ ней, когда она была лишь почкой.
Пускай войдетъ.

Эноварь (про себя).

Съ моею честью началъ
Я враждовать. Безумцу вѣрнымъ быть—
Безуміе,—и все же кто владыкъ
Развѣнчанному вѣренъ—побѣждаетъ
Того, къмъ былъ владыка побѣжденъ,
Въ исторіи приобрѣтая мѣсто.

Входитъ Тирей.

Клеопатра.

Чего желаетъ Цезарь?

Тирей.

Я скажу

Тебѣ одной.

Клеопатра.

Здѣсь лишь друзья, не бойся.

Тирей.

Но всѣ они—Антонія друзья?

Эноварь.

Антонію друзья нужны не меньше,
Чѣмъ Цезарю, иль насъ ему не надо.
Но пожелай лишь Цезарь—будетъ другомъ
Ему нашъ вождь, мы—заодно съ вождемъ,
И значить будемъ Цазаревы.

Тирей.

Такъ.

Но выслушай, царица. Просить Цезарь
Тебя забыть о нынѣшнемъ твоёмъ
Печальномъ положеніи, и помнить,
Что Цезарь онъ.

Клеопатра.

По царски. Продолжай.

Тирей.

Онъ вѣдаетъ, что страхомъ, не любовью—
Ты связана съ Антоніемъ.

Клеопатра.

Увы!

Тирей.

Поэтому о ранахъ, отъ которыхъ
Страдаетъ честь твоя—жалѣетъ онъ:
Былъ вынужденъ позоръ твой, не заслуженъ.

Клеопатра.

Онъ—богъ, и знаетъ правду. Честь моя
Не поддавалась, но силъ уступила.

Эноварь (въ сторону).

Для вѣрности Антонія спрошу...
Ты течь даешь повсюду, остается
И намъ тебя крушенью предоставить,

Когда тебя то, что всего дороже—
Покинуло. (*Уходитъ*).

Тирей.

Насчетъ твоихъ желаній
Что Цезарю скажу? Отчасти ждеть
Онъ просьбъ твоихъ, желая ихъ исполнить.
Онъ былъ бы радъ, когда бъ себѣ опорой
Ты счастье его взяла, какъ посохъ.
Но чувства эти подогрѣла бъ вѣсть
О томъ, что ты съ Антоніемъ разсталась
И отдалась подъ власть владыки міра.

Клеопатра.

Какъ звать тебя?

Тирей.

Тиреемъ.

Клеопатра.

Добрый вѣстникъ,

Ты Цезарю великому скажи,
Что чрезъ тебя руки побѣдоносной
Касаюсь я устами, и готова
Я мой вѣнецъ къ ногамъ его сложить
И преклонить у ногъ его колѣни.
Скажи ему: изъ устъ его, которымъ
Покорно все—Египту приговоръ
Я слышала.

Тирей.

Ты лучший путь избрала.

Въ борьбѣ ума съ судьбой, когда дерзаетъ
Онъ на одно возможное, случайность—
Ему ничто. Дозволь запечатлѣть
Мнѣ на рукѣ твоей дань уваженья.

Клеопатра.

Когда мечталъ онъ царства покорить—
И Цезаря отецъ устами часто
Руки моей касался недостойной,
И поцѣлуи сыпались дождемъ.

Возвращаются Антоній и Эноварь.

Антоній.

Какъ? Милостью она его дарить?
Юпитеромъ клянусь, что мечетъ грома!
Кто ты такой?

Тирей.

Я—исполнитель воли
Славнѣйшаго изъ смертныхъ и кому
Достойнѣ всего повиноваться.

Эноварь (про себя).

Отвѣдаешь ты плети!

Антоній.

Эй, ко мнѣ,

Антоній: Дай поцѣлуй одинъ
Онъ будетъ мнѣ за все вознагражденьемъ.

Картина известнаго англійскаго художника Франка Дикси (Frank Dicksee, p. 1853).

Вы, коршуны! Во имя всѣхъ боговъ
Съ чертами, власть моя, какъ видно, таетъ?
Не такъ давно на зовъ мой, какъ мальчишки,
Цари бѣжали съ крикомъ: что прикажешь?
Оглохли вы? Еще Антоній я!

(Появляются прислужники).

Схватить шута и наказать плетью.

Эноваръ *(про себя)*.

Играть удобнѣй съ львенкомъ, чѣмъ со старымъ,
Готовымъ къ смерти львомъ.

Антоній.

Луна и звѣзды!

Плетей ему! Будь Цезаревыхъ двадцать
Здѣсь данниковъ и обойдись такъ нагло

Они съ рукою этой... я не знаю,
Какъ звать ее теперь, когда она—
Не Клеопатра болѣе?.. Сѣките,
Пока лицо искрививъ, не запросить
Пощады онъ, визжа, какъ мальчуганъ.
Увести его отсюда.

Тирей.

Маркъ Антоній...

Антоній.

Убрать его, и послѣ наказанья
Привести сюда. Рабъ Цезаря съ посольствомъ
Отправится къ нему же.

(Тирей уводитъ). До того
Какъ я узналъ тебя—наполовину
Ты отцвѣла. И въ Римѣ я оставилъ
Затѣмъ ли ложе брачное несмытымъ,

Затѣмъ ли я потомства не имѣю
Отъ женщины—жемчужины всѣхъ женъ,
Чтобъ тварью быть обманутымъ, которой
Угодны и рабы?

Клеопатра.
Мой повелитель...

Антоній.
• Ты вѣчно притворялась, но когда
Въ порокѣ мы—о горе намъ!—коснемъ,
То боги, въ ихъ премудрости, глаза
Намъ завязавъ, нашъ разумъ погружаютъ,
Который чистъ—въ грязь собственную нашу,
Вселяютъ въ насъ къ ошибкамъ обожанье,
Смѣясь тому, какъ въ бездну мы идемъ.

Клеопатра.
Ужель дошло до этого?

Антоній.
Нашелъ я
Тебя кускомъ остывшимъ на тарелкѣ
У Цезаря покойнаго. Была
Обѣдкомъ ты Помпея, не считая
Другихъ, молвъ народной неизвѣстныхъ—
Кого въ часы желаній сладострастныхъ
Ты подбирала. Я увѣренъ въ томъ,
Что если ты и понимаешь даже,
Что значить воздержанье, то его
Не знала ты.

Клеопатра.
О, для чего все это?

Антоній.
Тому дозволить, кто беретъ подачку
И говоритъ: „Васъ боги да хранятъ“,
Какъ равному, съ рукою обращаться—
Съ моей подругой, царственной печатью,
Заложницей великихъ душъ! Зачѣмъ я
Не на холмѣ Базанскомъ, чтобъ оттуда
Перекричать ревущія стада?
Для ярости есть у меня причины;
Быть сдержаннымъ вѣдь значить—посту-
пать,
Какъ висѣльникъ съ веревкою на шеѣ,
Благодарящій палача за ловкость.
(Возвращаются прислужники съ Тиреемъ).
Наказанъ онъ?

1-ый прислужникъ.
Да, государь, исправно.

Антоній.
Кричалъ? Молилъ пощады онъ?

2-ой прислужникъ.
Молилъ.

Антоній.
Когда отецъ твой живъ—пусть онъ жалѣетъ,
Что ты—не дочь, а ты жалѣй о томъ,
Что слѣдовалъ за Цезаревымъ счастьемъ,—
За это былъ наказанъ ты плетью.
Отнынѣ трепещи, какъ въ лихорадкѣ,
При видѣ бѣлыхъ женскихъ рукъ. Вернись
Ты къ Цезарю—повѣдать о приѣмѣ.
Скажи ему, что онъ гнѣвитъ меня;
Презрѣніе ко мнѣ, высокомерье
Выказывая нынѣ, позабылъ
Онъ кажется о томъ, чѣмъ былъ я прежде.
Гнѣвить меня легко теперь, когда
Созвѣздія, что мною благосклонно
Руководили—вышли изъ орбитъ,
Огнями бездну ада озаряя.
Когда ему рѣчь и мои поступки
Не нравятся, скажи, что у него
Остался мой отпущенникъ Гиппархъ,
Онъ можетъ сѣчь его, повѣситъ, мучить,
Какъ вздумаетъ, чтобъ расквитаться съ нами.
Проси о томъ. Вонъ! Уноси рубцы.
(Тирей уходитъ).

Клеопатра.
Ты все сказалъ?

Антоній.
Увы, она померкла
Моя луна земная, и одно
Лишь это—мнѣ погибель возвѣщаетъ!

Клеопатра.
Я подожду.

Антоній.
Чтобъ Цезарю польстить—
Подмигивать готова ты слугѣ,
Что Цезарю застегиваетъ пряжки!

Клеопатра.
Какъ? До сихъ поръ не знать меня!

Антоній.
Со мною
Не холодна ли ты?

Клеопатра.
О, если такъ—
Пусть небеса изъ ледяного сердца
Градъ ниспосллютъ, да будетъ онъ отравленъ
Въ источникъ своемъ! Съ градинкой первой,
Упавшею мнѣ въ горло—да растаетъ
И жизнь моя! Цезарю онъ второю
Да будетъ умерщвленъ, покуда всѣ
Плоды моей утробы и мои
Египтяне—подъ бурей ледяною
Смерть не найдутъ, когда растаетъ градъ.

И да лежать они безъ погребенья,
Покуда мухи съ нильскими червями—
Ихъ не пожрутъ!

Антоній.

Довольно, занялъ Цезарь
Александрію; тамъ съ его звѣздой
Поспору я. На сушѣ войско наше
Держалось стойко, нашъ разбитый флотъ
Вновь на морѣ грозитъ врагу, собравшись.
Гдѣ было ты, о мужество мое?
Царица, слушай; если съ поля брани
Еще разъ я вернусь—поцѣловать
Твои уста я весь въ крови предстану.
Я и мой мечъ—мы лѣтопись напишемъ.
Надежда есть.

Клеопатра.

Ты снова—мой герой.

Антоній.

Въ себѣ утрою сердце, духъ и мышцы,
Отчаянно я стану биться. Прежде,
Когда текли безпечно дни мои,
И счастливо—случалось осужденнымъ
Жизнь у меня за шутку выкупать.
Теперь же, стиснувъ зубы, стану въ бездну
Всѣхъ посылать, кто всталъ мнѣ на пути.
Еще разъ ночь мы проведемъ въ весельѣ.
Позвать сюда вождей, въ уныньѣ впавшихъ!
Виномъ наполнимъ кубки и еще разъ
Мы надъ полночнымъ звономъ посмѣемся.

Клеопатра.

Сегодня день рожденья моего.
Я пировать не думала, но другъ мой—
Антоній вновь, я буду Клеопатрой.

Антоній.

Мы побѣдимъ еще.

Клеопатра.

Вождей достойныхъ
Къ Антонію зовите.

Антоній.

Да! Хочу я
Держать имъ рѣчь, а въ ночь рубцы ихъ
ранъ—
Смочить виномъ. Идемъ, моя царица.
Еще во мнѣ есть силы, и въ бою
Въ себя влюблю я смерть, съ ея косою
Зловѣщею въ усердьи состязаясь.

(Антоній, Клеопатра и прислужники
уходятъ).

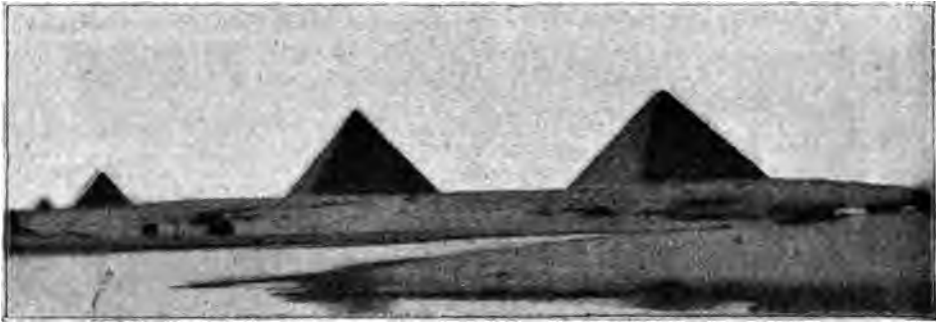
Эноваръ.

Теперь готовъ онъ молнію спугнуть.
Предъ яростью боязнь бѣжитъ въ испугъ,
И голубь самъ въ подобномъ состоянн
За ястребомъ погнался бѣ. Вижу я,
Что ослабленіе мозга повышаетъ
Въ немъ бранный духъ. Когда живетъ отвага
Насчетъ ума—то мечъ свой боевой
Пожретъ она. Подумаю о томъ;
Какъ лучше мнѣ Антонія покинуть.

(Уходитъ).

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ БЕЗДѢЛУШКА.

ОБЩІЙ ВИДЪ ПИРАМИДЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь Цезаря подъ Александріей.

Входятъ Цезарь, читая письмо, Агриппа, Меценать и др.

ЦЕЗАРЬ.

Зоветь меня мальчишкой, угрожаетъ
Какъ-если-бъ въ силахъ былъ меня про-
гнать

Прочь изъ Египта. Моего посла
Велѣлъ избить, меня же вызываетъ
На поединокъ—съ Цезаремъ Антоній.
Пусть знаетъ забіяка старый: много
Есть къ смерти у меня иныхъ путей.
Смѣюсь надъ этимъ вызовомъ.

МЕЦЕНАТЬ.

Ты знаешь,
О, Цезарь: если столь великій духъ
Неистовствомъ объять, остановиться
Не въ силахъ онъ, пока не упадетъ.
Ты не давай вздохнуть ему. Безумьемъ
Воспользуйся его. Плохой охраной
Всегда бывала ярость.

ЦЕЗАРЬ.

Сообщи

Вождамъ, что мы на завтра назначаемъ
Послѣднюю изъ многихъ битвъ. Довольно
Въ рядахъ у насъ солдатъ, служившихъ
прежде

Съ Антоніемъ—они его изловятъ.
Смотри, чтобъ такъ и сдѣлали они.
Да угости войска. Запасовъ хватить.

Солдаты нашу щедрость заслужили.
О, бѣдный Маркъ Антоній (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Александрія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Антоній, Клеопатра, Энобаръ, Хармиана, Ира, Алексасъ и другіе.

АНТОНІЙ.

Со мной не хочетъ биться онъ, Домицій?

ЭНОВАРЬ.

Нѣтъ.

АНТОНІЙ.

Почему не хочетъ онъ, скажи.

ЭНОВАРЬ.

Онъ думаетъ, что будучи разъ двадцать
Счастливей тебя, въ бою поставитъ
Онъ двадцать противъ одного.

АНТОНІЙ.

Съ нимъ завтра

На сушѣ и на морѣ буду биться.
Иль я останусь живъ, иль честь моя,
Омывшись кровью, снова оживетъ.
Ты будешь храбро драться?

ЭНОВАРЬ.

Брошусь въ битву

Я съ возгласомъ: „погибни все“.

КЛЕОПАТРА.

Картина Альма Тадемы (Alma Tadema).

АНТОНІЙ.

Отлично.

Идемъ. Позвать всѣхъ слугъ. Пусть въ
эту ночь
Обилень будетъ пиръ нашъ.

(Входятъ слуги).

Дай мнѣ руку.

Ты былъ всегда мнѣ вѣренъ. Также ты,
И ты,—и ты,—вы всѣ служили вѣрно,
И вамъ цари товарищами были.

КЛЕОПАТРА.

(Въ сторону Энобарба). Что значитъ это все?Энобарвъ *(въ сторону).*

Одна изъ тѣхъ причудъ,
Которыя изъ сердца выжимаютъ
Печаль.

АНТОНІЙ.

Ты также честенъ былъ. О если-бъ

Я могъ распасться на толпу людей,
Вамъ равную числомъ, а вы бы всѣ
Въ единого Антоніа сплотились,
Я-бъ честно отслужилъ вамъ вашу службу.

СЛУГА.

Да не допустить боги.

АНТОНІЙ.

Ну, друзья,

Еще разъ въ эту ночь мнѣ послужите.
Мой кубокъ наполняйте, не считая,
Забойтесь обо мнѣ, какъ въ дни, когда
Всѣ слушались меня и государство
Товарищемъ вамъ было.

КЛЕОПАТРА *(въ сторону).*

Что онъ вздумалъ?

ЭНОБАРВЪ *(въ сторону).*

Желаешь онъ у нихъ исторгнуть слезы.

Антоній.

Еще сегодня мнѣ поугожайте.
Кто знаетъ, не конецъ ли вашей службѣ?
Быть можетъ, больше вамъ меня не видѣть
Иль видѣть изувѣченной тѣнью.
Быть можетъ, завтра будете служить
Другому господину. Я на васъ
Гляжу, какъ передъ вѣчною разлукой.
Я не гоню васъ, честные друзья.
Что до меня, я сжился съ вашей службой,
Хотѣлъ бы васъ до смерти сохранить.
Итакъ, сегодня два часа,
Я больше не прошу. И пусть за все
Вознаградятъ васъ боги.

Эноваръ.

О, зачѣмъ
Приводишь ихъ въ унынье, повелитель?
Всѣ плачутъ, погляди. И я, осель,
Кого лишь лукъ заставить можетъ плакать...
Не посрами. Не превращай насъ въ женщинъ.

Антоній.

Ну, будетъ, будетъ. Унеси меня
Колдунья, если такъ я это думалъ.
Гдѣ дождь такой упалъ, взростетъ добро.
Сердечные друзья, ужъ слишкомъ мрачно
Вы поняли мои слова. Я ими
Желалъ васъ ободрить и эту ночь
Попировать при факелахъ. Узнайте-жъ,
Что свѣтлыя надежды возлагаю
На завтрашній я день. Я васъ веду
Скорѣй къ побѣдѣ, чѣмъ на встрѣчу смерти.
Такъ сядемъ же, друзья, теперь за ужинъ.
Утопимъ размышленіе въ вѣнѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Александрія. Передъ дворцомъ.

Входятъ два воина.

1-ый воинъ.

Покойной ночи, братецъ. Завтра будетъ
Дѣнекъ.

2-ой воинъ.

Который все рѣшитъ. Прощай.
Ты ничего по городу не слышалъ?

1-ый воинъ.

Нѣтъ. Развѣ есть что новаго?

2-ой воинъ.

Лишь слухи.

1-ый воинъ.

Прощай. Покойной ночи.

Входятъ два другихъ воина.

2-ой воинъ.

Эй, солдаты,

Смотрите въ оба!

3-й воинъ.

Также вы. Прощайте.

(Первые два воина занимаютъ посты).

4-ый воинъ.

Мы—тутъ. (Занимаютъ мѣста).

Коль завтра флоту повезетъ,
То въ сухопутныхъ я вполне увѣренъ.

3-й воинъ.

То храбрыя и стойкія войска.

(Подъ сценой слышны звуки боёвъ).

4-ый воинъ.

Тсс... Что за звуки?

1-ый воинъ.

Тише, тише! Дайте

Послушать.

2-ой воинъ.

Гдѣ-то въ воздухѣ играютъ.

3-й воинъ.

Нѣтъ, подъ землей.

4-ый воинъ.

Хорошій знакъ, неправда ль?

3-й воинъ.

О, нѣтъ!...

1-ый воинъ.

Молчи. Что-бъ это означало?

2-ой воинъ.

Богъ Геркулесъ, Антоніемъ любимый,
Уходитъ отъ него.

1-ый воинъ.

Идемъ, узнаемъ,

Всѣ-ль часовые слышали, что мы?

(Направляются къ другому посту).

2-ой воинъ.

Ну, что, друзья?

Воины.

Ну, что? и вы слышали?

1-ый воинъ.
Не странно-ль это?

3-ий воинъ.
Слышите-ль, друзья?

1-ый воинъ.
Послѣдуемъ за музыкой до самыхъ
Предѣловъ нашей стражи. Прослѣдимъ,
Какъ звуки стихнуть.

Воины.
Ладно. О, какъ странно!
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Александрія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Антоній и Клеопатра въ сопровожденіи Харміаны и др.

Антоній.
Мои доспѣхи, Эросъ.

Клеопатра.
Ты-бъ уснулъ.

Антоній.
Эй, доспѣхи, Эросъ!
О, нѣтъ, голубка.

Входитъ Эросъ съ вооруженіемъ.

Антоній.
Пріятель, облеку меня въ желѣзо.
Коль нынче противъ насъ фортуна будетъ,
То лишь за наше къ ней презрѣнье. Живо!

Клеопатра.
Дай мнѣ помочь тебѣ, мой другъ. На что
Вотъ это?

Антоній.
Ахъ, оставь, прошу! Ты только
Оруженосецъ сердца моего.
Напутала, напутала... Вотъ такъ.

Клеопатра.
Постой. Я помогу. Такъ вѣрно?

Антоній.
Ладно.
Теперь мы справимся. Ступай пріятель.
Вооружись и ты.

Эросъ.
Сейчасъ.

КЛЕОПАТРА ПОМОГАЕТЪ АНТОНИЮ
ОДѢТЬ ДОСПѢХИ.

*Картина Генри Трешема (Henry Tresham, R. A.
1749—1814).*

Клеопатра.
Я развѣ
Невѣрно застегнула?

Антоній.
Дивно, дивно.
Кто разстегнуть посмѣетъ это раньше,
Чѣмъ намъ самимъ угодно будетъ снятъ
Для отдыха, тотъ встрѣтится съ грозой.
Ты, Эросъ, сплеховаль. Моя царица
Куда тебя искуснѣе. Скорѣй!
О еслибъ ты, дружокъ, меня сегодня
Въ бою видала, за работой царской,
Сказала-бъ ты, что я работникъ славный.
(Входитъ вооруженный воинъ).
Здорово! Съ добрымъ утромъ. Ты, сдастся,
Ко мнѣ пришелъ съ военнымъ порученіемъ.
Для дѣла по душѣ встаемъ мы рано,
Спѣшимъ къ нему съ восторгомъ.

Воинъ.
Какъ ни рано,
Но тысячи солдатъ, въ желѣзныхъ латахъ,
Близъ пристани собравшись, ждутъ тебя.

ЕГИПТЯНКА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА.

(Живопись на лицихъ съ муіей II—III в. послѣ Р. X.).

Крики. Звуки трубъ. Входятъ военачальники и воины.

Военачальникъ.
Съ прекраснымъ утромъ. Здравствуй, полководецъ.

Всѣ.
Да здравствуетъ нашъ вождь!

Антоній.
Привѣтъ отрадный!
Проснулось рано нынѣшнее утро,
Какъ геній юноши, кто хочетъ славы.
Вотъ такъ. Подай мнѣ это. Превосходно.
Прощай, царица. Что-бъ меня ни ждало,
Вотъ поцѣлуй солдата.

(Цѣлуетъ ее).

Было-бъ стыдно
Мнѣ медлить здѣсь средь нѣжностей мѣщанскихъ.

Привѣтъ мой въ сталь закованъ, какъ и я.
За мной, кто хочетъ въ битву. Къ ней веду васъ.

Прощай!

(Антоній, Эросъ, военачальники и воины уходятъ).

Харміана.
Не хочешь-ли уйти къ себѣ?

Клеопатра.
Веди меня. Онъ храбро удалился.
О, если-бъ Цезарь не отвергъ съ упорствомъ
Великій споръ рѣшить единоборствомъ!
Тогда Антоній... Но теперь... Идемъ!
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Лагерь Антонія близъ Александріи.

Трубы. Входятъ Антоній и Эросъ. На встрѣчу имъ идетъ воинъ.

Воинъ.
Пускай даруютъ боги день счастливый
Антонію.

Антоній.
О, если-бъ ты и раны
Твои меня тогда склонили биться
На сушѣ!

Воинъ.
Если-бъ такъ ты поступилъ,
То всѣ цари, отпавшіе и воинъ,
Покинувшій тебя сегодня утромъ,
Теперь въ твоей бы свитѣ находились.

Антоній.
Но кто меня покинулъ утромъ?

Воинъ.
Кто?
Одинъ изъ близкихъ. Кликни Энобарба,
Онъ зова не услышитъ. Иль отвѣтитъ
Изъ стана Цезаря: „не твой я больше“!

Антоній.
Что говоришь?
Воинъ.
Онъ Цезарю предался.

Эросъ.
Оставивъ здѣсь сокровища и вещи.

Антоній.
Онъ вправду перешелъ?

Воинъ.
Сомнѣнья нѣтъ.

Антоній.

Ступай, отправь ему всё вещи, Эросъ!
Все до послѣдней нитки. Такъ хочу я.
Пошли ему—я подпишу письмо—
Привѣтъ прощальный съ пожеланьемъ
счастья.

Прибавь, что въ будущемъ ему желаю
Причины не имѣть мѣнять господъ.
О, жребій мой и честныхъ развращаетъ!
Идемъ скорѣе... Энобарбъ!..
(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Лагерь Цезаря близъ Александріи.

*Трубы. Входитъ Цезарь, въ сопровожденіи
Агриппы, Энобарва и др.*

Цезарь.

Ступай, Агриппа, и начни сраженіе.
Хочу, чтобы живымъ былъ взятъ Антоній.
Пусть это знаютъ.

Агриппа.

Повинуюсь, Цезарь.
(Уходитъ).

Цезарь.

Всеобщій миръ ужъ близко. Если этотъ
Несетъ намъ счастье день, три части свѣта
Украсятся оливы мирной вѣткой.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Антоній прибылъ только-что на поле.

Цезарь.

Скажи Агриппѣ, пусть онъ въ первый рядъ
Поставитъ перебѣжчиковъ, чтобы ярость
Антонія обрушилася противъ
Него-же самого.

(Цезарь и его свита уходятъ).

Энобарбъ.

Алексасъ измѣнилъ.
Онъ посланъ былъ въ Іудею по дѣламъ
Антонія. Тамъ хитростью склонилъ
Онъ Ирода Великаго покинуть
Антонія и Цезарю предаться.
Его за то велѣлъ повѣсить Цезарь.
Канидій и другіе, что отпали,
Приобрѣли мѣста, но не довѣрье
Почетное. Я дурно поступилъ
И горько такъ виню себя, что счастья
Мнѣ не видать во вѣки.

Приходитъ воинъ Цезаря.

ЕГИПТЯНИНЪ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА.

(Живопись на ящикѣ съ муміей II—III вв. послѣ
Р. Х.).

Воинъ.

Энобарбъ,
Тебѣ вослѣдъ Антоній посылаетъ
Сокровища твои и свой привѣтъ.
Посланникъ подъ моей охраной прибылъ.
Онъ разгружаетъ муловъ предъ твоей
Палаткой.

Энобарбъ.

Все дарю тебѣ.

Воинъ.

Ты не шути.
Я правду говорю. Ты проводилъ-бы
Посла изъ лагеря. Спѣшу на постъ,
Не то я самъ его-бы проводилъ.
Вашъ полководецъ продолжаетъ быть
Юпитеромъ.

(Уходитъ).

Энобарбъ.

Я всѣхъ презрѣннѣй въ мірѣ
И всѣхъ сильнѣй то чувствую. Антоній,
Рудникъ великодушія! Какъ щедро
Ты-бъ вѣрность наградишь, когда измѣну

СЦЕНА X.

Между двумя лагерями.

Входят Антоній, Скаръ, за ними войско.

Антоній.

Сегодня приготовились они
Къ морскому бою. Знать, мы имъ на сушѣ
Не нравимся.

Скаръ.

На сушѣ и на морѣ.

Антоній.

Пускай въ огнѣ, на воздухѣ дерутся.
И тамъ мы встрѣтимъ ихъ. Однако, къ дѣлу.
Пѣхота остается на холмахъ
Вкругъ города. Приказъ ужъ отданъ флоту,
И онъ покинулъ гавань. Мы отсюда
Его передвиженья будемъ видѣть.

(Уходятъ).

Входитъ Цезарь, за нимъ войско.

Цезарь.

Коль онъ не нападетъ, мы неподвижно
Останемся на душѣ. Такъ, надѣюсь,
И будетъ, оттого что на галеры
Послалъ онъ войска цѣтъ. Займемъ рав-

нину,—

И сохранимъ всѣ выгоды свои. *(Уходитъ).*

Возвращаются Антоній и Скаръ.

Антоній.

Еще не сшиблись. Съ мѣста, гдѣ сосна,
Я все увижу. Вскорѣ возвращусь
И сообщу о ходѣ битвы. *(Уходитъ).*

Скаръ.

Въ парусахъ

Царицы свиты ласточками тнѣзда.
Авгуры говорятъ, что ничего
Не знаютъ, смотрятъ мрачно, не дерзая
Сказать того, что вѣдаютъ. Антоній
То духомъ бодръ, то снова угнетенъ.
Надтреснутое счастье въ перемежку
Его волнуетъ страхомъ и надеждой
За то, что есть, за то, чего ужъ нѣтъ.
(Отдаленный шумъ морской битвы).

Возвращается Антоній.

Антоній.

Все, все погибло! Преданъ я безчестной
Египтянкой! Мой флотъ врагу отдался.
Они кидаютъ шапки вверхъ, пьютъ вмѣстѣ,
Какъ долго разлученные друзья.

О, трижды вѣроломная блудница,
Тобой я преданъ этому мальчишкѣ,
И сердце лишь съ тобой одной воюетъ.
Скажи, чтобъ всѣ бѣжали. Чародѣйкѣ
Лишь отомщу—тогда всему конецъ!
Пусть всѣ бѣгутъ. Ступай.

(Скаръ уходитъ).

О, солнце! Больше

Я не вижу твоего восхода.
Антоній и Фортуна расстаются,
И здѣсь, прощаясь жмутъ другъ другу руки.
Вотъ до чего дошло. Кто лишь вчера
Какъ собаченка бѣгая за мной,
Вымаливалъ подачекъ,—тѣ сегодня,
Растаявъ лестью сладкою покорно
Вкругъ Цезаря расцвѣтшаго сошлись.
А та сосна, что всѣмъ имъ тѣнь давала,
Ободранной стоитъ. Обмануть я!
О, лживая душа Египта! Злая
Волшебница, которой взгляды единый
То въ битву посылалъ мои войска,
То призывалъ ихъ вспять,—которой грудь
Короной мнѣ была и цѣлью высшей!
Какъ истая цыганка, ты фальшивой
Игрой мое опустошила сердце.
Эй, Эросъ! Эросъ.

Входитъ Клеопатра.

Прочь, исчадье зла!

Клеопатра.

Зачѣмъ мой повелитель на свою
Любовь разгнѣванъ?

Антоній.

Прочь! Иль по заслугамъ

Воздамъ тебѣ и Цезаря триумфъ
Испорчу! Пусть онъ выставитъ тебя
Ликующимъ плебеймъ на потѣху,
Пусть повлечетъ тебя за колесницей,—
Какъ худшее пятно природы женской.
Пускай тебя показываютъ всѣмъ
За мелкую монету, какъ уroda.
Пусть кроткая Октавія тебѣ,
Лицо избородитъ ногтями!

(Клеопатра уходитъ).

И хорошо, что ты ушла, коль жизнь
Мила тебѣ, хоть лучше-бъ отъ моей
Ты ярости погибла: эта смерть
Отъ тысячи смертей тебя спасла бы.
Эй, Эросъ!... Вотъ на мнѣ рубашка Несса.
Алкидъ, мой предокъ! Научи меня
Ты гнѣву своему. О, дай мнѣ силу
Забросить на рога луны Лихаса!
И этими руками, что владѣли
Тягчайшей палицей, дай истребить мнѣ
Свое же доблестное я. Колдунья

Умреть! Она лукаво предала
 Меня мальчишкѣ римскому, и гибну
 Я отъ ея предательства. За это
 Она умреть! Эй, Эросъ!
 (*Уходитъ*).

СЦЕНА XI.

Александрія. Комната во дворцѣ.

Входятъ Клеопатра, Харміана, Ира и
 Мардіанъ.

Клеопатра.

Ко мнѣ на помощь, милыя мои.
 Бѣснуется онъ больше, чѣмъ Аяксъ
 Изъ-за щита Ахилла. Тессалійскій
 Не такъ былъ страшенъ вепрь.

Харміана.

Скорѣй къ гробницѣ!
 Запрись внутри, ему-жъ пошли сказать,
 Что ты сама покончила съ собою.
 Не такъ страшна разлука духа съ тѣломъ,
 Какъ разставаніе съ величьемъ.

Клеопатра.

Да, къ гробницѣ!
 Ты, Мардіанъ, пойдѣ къ нему, скажи
 Что я себя убила. Передай,
 Что мой послѣдній возгласъ былъ: „Антоній“;
 Изобрази все это погрузнѣе.
 Спѣши, о Мардіанъ! Потомъ расскажешь,
 Какъ принялъ вѣсть о смерти онъ моей.
 Къ гробницѣ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА XII.

Александрія. Во дворцѣ Антонія.

Входятъ Антоній и Эросъ.

Антоній.

Еще меня ты видишь, Эросъ?

Эросъ.

Да,

Мой господинъ.

Антоній.

Порой мы видимъ тучу,
 Подобную дракону, клубы пара,
 Похожіе на льва иль на медвѣдя,
 На крѣпость съ башнями, утесъ нависшій,
 На кряжъ зубчатыхъ горъ, на синій лѣсъ,

Съ деревьями, кивающими міру,
 И взоръ нашъ обольщенъ воздушной ложью,
 Ты видѣлъ эти образы—красу
 Темнѣющаго вечера?

Эросъ.

Да, видѣлъ.

Антоній.

Что кажется конемъ, быстрѣ мысли
 Вдругъ таетъ, становясь неразличимымъ,
 Какъ средь воды вода.

Эросъ.

Да, такъ бываетъ.

Антоній.

Такой-же призракъ, о мой вѣрный Эросъ,
 Теперь твой вождь: пока еще Антоній,
 Но ужъ безсильный удержать свой образъ
 Войну я для египтянки затѣялъ.
 Царица-же, чѣмъ сердцемъ, мнѣ казалось,
 Владѣлъ я, какъ она моимъ владѣла
 (О, будь оно свободно, удержалъ-бы,
 Я миллионъ сердецъ, теперь отпавшихъ),—
 Она подтасовала карты, Эросъ,
 Для Цезаря, и проиграла славу
 Мою, чтобъ торжество врагу доставить.
 Не плачь, мой Эросъ! У меня остался
 Еще я самъ, чтобъ съ собой покончить.

Входитъ Мардіанъ.

Проклятіе твоей царицѣ подлой!
 Она мой мечъ украла.

Мардіанъ.

Нѣтъ, Антоній,

Она тебя любила, и всецѣло
 Ея судьба съ твоей переплелась.

Антоній.

Прочь, гнусный евнухъ! Замолчи! Она
 Мнѣ измѣнила и за то умреть.

Мардіанъ.

Одинъ лишь разъ мы платимъ долгъ свой
 смерти.

Она ужъ заплатила этотъ долгъ.
 Что хочешь совершить, ужъ свершено.
 Ея послѣдній возгласъ былъ: „Антоній!
 Антоній доблестный!“ Но зовъ „Антоній“
 Былъ прерванъ посрединѣ воплемъ тяжкимъ
 И замеръ на устахъ ея и въ сердцѣ.
 Царица испустила духъ, въ немъ имя
 Твое похоронивъ.

Антоній.

Такъ умерла?

МАРДІАНЪ.

Да, умерла.

АНТОНІЙ.

Снимай доспѣхи, Эросъ!

Оконченъ трудъ медлительнаго дня,
Пора уснуть!—(Къ Мардіану). Ступай. Ты
цѣль уходишь:
То щедрый даръ за трудъ твой.

(Мардіанъ уходитъ).

Все долой!

Не могъ-бы семипластный щитъ Аякса
Отвести ударъ отъ сердца моего!
Разверзись, грудь! Ты, сердце, будь сильнѣе
Чѣмъ эта клѣтка брѣнная твоя.
Разрушь ее. Скорѣй, скорѣе, Эросъ.
Я болѣе не воинъ! Прочь, обломки
Моихъ доспѣховъ! Я носилъ васъ съ честью.
Теперь меня оставь здѣсь на мгновенье.

(Эросъ уходитъ).

Я догоню тебя, о Клеопатра,
И выплачу прощенье себѣ!
Да будетъ такъ. Теперь отсрочка смерти
Была-бы пыткой. Факель твой потушень,
Такъ лягъ и не броди въ потьмахъ. Теперь
Старанья всѣ собой-же упразднятся
И сила ополчится на себя.
Клади печать—и кончено.—Эй, Эросъ!
Иду, царица!—Эросъ!—Жди меня.
Туда, гдѣ души на цвѣтахъ почіютъ,
Пойдемъ рука съ рукой, и видъ нашъ
бодрый
Всѣхъ духовъ поразить. Эней съ Дидоной
Лишится провожатыхъ, и всѣ тѣни
Послѣдуютъ за нами.—Эросъ!

Входитъ Эросъ.

Эросъ.

Что скажетъ повелитель мой?

АНТОНІЙ.

Съ тѣхъ поръ,
Какъ Клеопатра умерла, живу я
Въ безчестіи такомъ, что низость эту
Презрѣли боги. Я, кто цѣлый міръ
Крошилъ мечемъ и на спинѣ зеленой
Нептуна строилъ города судовъ,—
Я осуждаю самъ себя за то,
Что женщинѣ въ отвагѣ уступаю.
Я благородствомъ бѣденъ передъ нею,
Своею смертью Цезарю сказавшей:
„Да, я побѣждена, но лишь собой“.
Ты, Эросъ, мнѣ клялся, что въ день нужды
(А онъ насталъ),—въ тотъ день, когда
увидю,
Что гонятся за мной позоръ и ужасъ,—
Ты, если прикажу, меня убьешь.

Что-жъ, дѣйствуй. Часъ тотъ пробилъ. Не
меня
Ты поразишь, но Цезаря ограбишь.
Верни румянецъ на свое лицо!

Эросъ.

Пусть боги отстранять такое дѣло
Отъ рукъ моихъ! Какъ совершу, любя,
Чего свершить, враждуя, не могли
Парейнскія всѣ стрѣлы?

АНТОНІЙ.

А хотѣлъ-бы, Эросъ,
Ты у окна стоять въ великомъ Римѣ
И видѣть господина своего,
Идущаго съ скрещенными руками,
Съ поникшею, привыкшей гнуться шеей,
Съ стыдомъ, глубоко вѣѣвшимся въ лицо,—
И колесницу Цезаря счастливца,
Твердящую о низости того,
Кто слѣдуетъ за ней?

Эросъ.

Нѣтъ, не желалъ-бы
Я это видѣть.

АНТОНІЙ.

Такъ скорѣй держай!
Я исцѣленъ могу быть только раной.
Вынь честный мечъ, отчизнѣ послужившій.

Эросъ.

О, пощади!

АНТОНІЙ.

Когда я отпускалъ
Тебя на волю, не далъ-ли ты клятву
По моему приказу это сдѣлать?
Исполни, иль твою былую службу
Случайностью безсмысленной сочту.
Вынь мечъ свой и приблизься.

Эросъ.

Отведи
Отъ глазъ моихъ свой образъ благородный:
На немъ сіяетъ все величье міра.

АНТОНІЙ.

Скорѣй!

Эросъ.

Я вынулъ мечъ.

АНТОНІЙ.

Такъ пусть свершаетъ
То, для чего онъ вынуть.

Эросъ.

Дорогой
Мой господинъ, мой вожь, мой повелитель!
Предъ тѣмъ, какъ нанести ударъ кровавый,
Позволь сказать: прости!

Диомедъ.

Эй, стража! Полководецъ васъ зоветъ.

Входитъ стража.

Антоній.

Туда меня, друзья мои, снесите,
Гдѣ скрылась Клеопатра. Нынче вы
Послѣднюю сослужите мнѣ службу.

1-ый стражникъ.

О, горе намъ, что ты не пережилъ
Послѣдняго изъ вѣрныхъ слугъ твоихъ.

Всѣ.

О, тяжкій день!

Антоній.

Нѣтъ, добрые друзья,
Не тѣшьте злобный рокъ своей печалью,
Того радушно примемъ, кто пришелъ
Насъ покарать. И сами покараемъ
Его своей безпечностью. Возьмите
Меня на руки. Часто васъ я велъ,
Теперь меня, друзья мои, несите.
И всѣ мою примите благодарность.
(*Стража уноситъ Антонія*).

СЦЕНА XIII.

Александрія. Могильный памятникъ.

*Наверху появляются Клеопатра, Харміана
и Ира.*

Клеопатра.

О, Харміана, никогда отсюда
Не выйти мнѣ.

Харміана.

Утѣшься, о царица.

Клеопатра.

Нѣтъ, не хочу. Пускай ко мнѣ приходятъ
Всѣ ужасы, но лишь не утѣшенье.
Пусть соразмѣрна будетъ наша скорбь
Съ причиной, породившею ее.
И столь-же велика.

Клеопатра.

(*Внизу появляется Диомедъ*).

Скажи, онъ умеръ?

Диомедъ.

Смерть носится надъ нимъ, но онъ не умеръ.
Взгляни туда, въ ту сторону. Вонъ стража
Несетъ его сюда.

(*Внизу появляется стража, несущая
Антонія*).

Клеопатра.

Сожги, о солнце,
Обширный кругъ, который ты обходишь!
Пусть въ мракъ цѣпенѣтъ пестрый міръ!
Антоній! О, Антоній! О, Антоній!
Друзья, на помощь! Харміана, Ира!
Его поднять всѣ помогите.

Антоній.

Тише.

Не мощью Цезаря сраженъ Антоній,
Но самъ себя Антоній сокрушилъ.

Клеопатра.

Такъ должно было ждать. Одинъ Антоній
Могъ побѣдить Антонія. Но горе,
Что это все случилось.

Антоній.

Умираю,
Египтянка, но задержалъ я смерть,
Чтобъ на устахъ твоихъ запечатлѣть
Изъ многихъ тысячъ поцѣлуевъ жалкій,
Послѣдній поцѣлуй.

Клеопатра.

Не смѣю, милый,
О, дорогой, прости, сойти не смѣю,
Чтобъ не попасться въ плѣнъ. Нѣтъ, ни-
когда

Тріумфъ блестящій Цезаря счастливца
Не будетъ мной украшенъ. Но покуда
Есть жало у зми, у яда—сила,
И у кинжала остріе,—я спасена.
Октавія, жена твоя, съ ея
Смирненнымъ взоромъ, сдержанностью тихой,
Не доживетъ до чести мною править.
Ко мнѣ, ко мнѣ, Антоній! Помогите,
О женщины, сюда его поднять.
На помощь всѣ!

Антоній.

Скорѣй, иль я умру.

Клеопатра.

Вотъ такъ занятъ! Какъ тяжелъ мой другъ!
Мы всѣ отъ тяжелой скорби ослабѣли,
Вотъ тяжести причина. Обладай
Я властію Юноны, самъ Меркурій
Могучекрылый поднѣлъ-бы тебя,
Съ Юпитеромъ-бы рядомъ посадилъ.
Еще ко мнѣ!... Всегда желанья были
Безумны. Ну, еще, еще!

(*Втаскиваетъ Антонія къ себѣ*).

Добро

Пожаловать. Умри, гдѣ жилъ донинѣ,
Баюкаемъ лобзаньями. О, если-бъ
Въ моихъ устахъ скрывалась сила жизни,
Теперь я-бъ истощила эту силу.

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ.

(Судъ надъ усопшими въ подземномъ царствѣ; изъ рукописи «Книги о Мертвыхъ», находящейся въ Британскомъ музее).

Всѣ.
О, зрѣлище печали!

Антоній.
Умираю,
Египтянка. Дай мнѣ глотокъ вина,
Чтобъ могъ я говорить.

Клеопатра.
Я говорить хочу.
Я приживалку лживую Форту
Хочу бранить такъ громко, что со злости
Она свое сломаетъ колесо.

Антоній.
Одно лишь слово, милая царица.
Ищи у Цезаря спасенья жизни
И чести. О!..

Клеопатра.
Онѣ несомѣстимы.

Антоній.
Послушай, милый другъ, лишь Прокулею
Изъ приближенныхъ Цезаря довѣрься.

Клеопатра.
Я вѣрю лишь рѣшимости своей
И твердости руки, но никому
Изъ приближенныхъ Цезаря не вѣрю.

Антоній.
Не плачь о перемѣнахъ злополучной

Моей судьбы теперь. Питай свой духъ
Воспоминаньемъ о величьи прошломъ,
Когда я былъ вождемъ сильнѣйшимъ въ мірѣ,
А также благороднѣйшимъ.. И нынѣ
Я умираю, не какъ трусъ презрѣнный,
Но шлемъ передъ своими-же снимаю.
Я римлянинъ, и римляниномъ честно
Былъ побѣжденъ. Но духъ мой отлетаетъ.
Я не могу...

Клеопатра.
Ты хочешь умереть,
О, лучшій изъ людей! Иль обо мнѣ
Ты вовсе позабылъ? Ужель должна я
Одна остаться въ этомъ грустномъ мірѣ,
Который безъ тебя не лучше хлѣва?
О, женщины, глядите!

(Антоній умираетъ).
Вотъ растаялъ
Вѣнецъ земли. Мой властелинъ любимый!
Упало знамя воина, поблекъ
Побѣдный лавръ войны. Теперь сравнялись
Съ мужчинами мальчишки и дѣвчонки.
Нѣтъ лучшихъ! Не осталось ничего
Достойнаго вниманья подъ луною.

Хармиана.
Царица, успокойся.

Ира.

И она

Съ нимъ умерла.

ХАРМИАНА.
Царица!

ИРА.
Госпожа!

ХАРМИАНА.
О, государыня!

ИРА.
Владычица Египта!

ХАРМИАНА.
О, тише, Ира!

КЛЕОПАТРА.
Я теперь не больше,
Какъ женщина, покорна тѣмъ же жалкимъ
Страстямъ, какъ и коровница простая.
Хотѣлось-бы мнѣ бросить скипетръ свой
Въ лицо богамъ завистливымъ и крикнуть:
„Нашъ мѣръ былъ равенъ вашему, покуда

Жемчужины въ нашей не украли“.
Теперь-же все ничто. Терпѣнье—глупость,
А нетерпѣнье—порокъ, приличный
Лишь бѣшеной собакѣ. Неужели-жъ
Грѣшно не ожидать прихода смерти,
А къ ней нагрянуть въ тайную обитель?
Что съ вами, милыя? Вы ободритесь!
Ну, полно, Хармиана! Дорогія!
О, женщины, глядите: нашъ свѣтильникъ
Угасъ.

(Стражъ, остававшейся внизу).

А вы, друзья, не унывайте.
Его мы похоронимъ, а потомъ
Все доблестно свершимъ и благородно,
Какъ намъ велитъ обычай славный Рима.
И возгордится смерть, насъ принимая.
Идемъ. Ужъ охладѣла оболочка
Души великой. Женщины, идите.
Друзей, теперь могущихъ быть опорой,
Найдемъ въ рѣшимости да въ смерти скорой.

(Уходятъ, унося тѣло Антонія).

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКІЙ СФИНКСЪ.

(Съ чертами царицы Гатчепсавиты; XVI вѣкъ до Р. Х.).

ОДНА ИЗЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ЕГИПЕТСКИХЪ ПИРАМИДЪ.
(Близъ Саккары).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь Цезаря подъ Александріей.

Входятъ Цезарь, Агриппа, Долабелла, Меценатъ, Галль, Прокулей и другіе.

Цезарь.

Ступай къ нему и требуй, чтобъ онъ сдался.
Скажи ему, что въ этомъ положеньи
Онъ всякою дальнѣйшей проволочкой
Лишь надъ самимъ собою надсмѣется.

Долабелла.

Исполню все. (*Уходитъ*).

Входитъ Дерцетъ съ обнаженнымъ мечемъ
Антонія.

Цезарь.

Что это значитъ? Кто ты,
Дерзнувшій такъ явиться передъ нами?

Дерцетъ.

Меня зовутъ Дерцетомъ. Я служилъ
Антонію, какъ лучшему владыкѣ
Слуга вѣрнѣйшій. Былъ ему я преданъ,
Пока онъ жилъ и могъ повелѣвать.
Въ борьбѣ съ его врагами не щадилъ
Я дней своихъ. А нынѣ, коль желаешь,
Тебѣ служить я стану, какъ ему,
А не желаешь—жизнь мою возьми.

Цезарь.

Что хочешь ты сказать?

Дерцетъ.

Я говорю, о Цезарь:
Антоній умеръ.

Цезарь.

Вѣсть о столь великомъ
Событіи не такъ-бы прозвучала.
Земля, дрожа кругомъ, загнала-бъ львовъ
На улицы, а горожанъ—въ пустыни.
Со смертію Антонія скончался
Не онъ одинъ, но въ имени его
Заклучено полъ-міра.

Дерцетъ.

Умеръ онъ,

Убитый не слугою правосудья
И не ножемъ наемнымъ. Та рука,
Что начертала собственную славу
Дѣяньями своими, вдохновившись
Безстрашнымъ сердцемъ, въ сердце мечъ
вонзила.
Въ этотъ мечъ. Онъ извлеченъ изъ раны
И кровью благородной обогрентъ.

Цезарь.

Друзья, вы опечалены? Пусть боги
Меня накажутъ, если эта вѣсть
Не въ силахъ и царей заставить плакать.

Агриппа.

Какъ странно, что природа намъ велитъ
Встрѣчать слезами то, чего такъ страстно
Желали мы.

Меценатъ.

Достоинства его
Велики были, какъ его пороки.

Агриппа.

Возвышеннѣе духъ не управлялъ

Никѣмъ изъ смертныхъ. Только вы, о боги,
Пороками насъ надѣлили, въ память
Того, что мы лишь люди. Цезарь тронуть.

Меценатъ.

Въ такомъ великомъ зеркалѣ не можетъ
Онъ не увидѣть самого себя.

Цезарь.

Антоній!

До этой смерти я тебя довелъ!
Но рѣжемъ-же мы собственное тѣло
Въ болѣзни. Долженъ былъ одинъ изъ насъ
Быть зрителемъ паденія другого,
Для насъ двоихъ былъ слишкомъ тѣсенъ міръ.
За то теперь хочу я громко плакать
Завѣтными, какъ сердца кровь, слезами
Объ участи твоей, мой братъ, мой другъ
По замысламъ высокимъ, мой союзникъ
По власти, мой товарищъ по оружію.
О, вѣрная рука моя, о сердце,
Въ которомъ разгоралась мысль моя,
О томъ я плачу, что созвѣзды наши
Разъединили такъ непримиримо
Союзъ нашъ тѣсный.—Слушайте, друзья...

(Входитъ вѣстникъ).

Но расскажу о томъ въ другое время.
У человѣка этого въ глазахъ
Написано, что онъ явился съ вѣстью.
Послушаемъ, что скажетъ.—Ты откуда?

Вѣстникъ.

Я бѣдный лишь египтянинъ. Царица,
Владычица моя, въ своемъ послѣднемъ
Владѣннѣ запершись—въ своей гробницѣ,—
Желаетъ знать намѣренія твои,
Чтобъ къ долгу приготовиться заранѣ
Которая ей предстоитъ.

Цезарь.

Пусть духомъ

Не падаетъ. Она узнаетъ скорѣ
Черезъ одного изъ нашихъ приближенныхъ,
Какъ для нея почетно и какъ мягко
Рѣшеніе наше. Цезарь быть не можетъ
Жестокосердъ, покуда живъ.

Вѣстникъ.

Пусть боги

Тебя хранятъ. (Уходитъ).

Цезарь.

Ступай къ ней, Прокулей,

Скажи, мы не хотимъ ее унижить
Утѣшь ее въ отчаяніи страстномъ,
Смотри, чтобъ насъ самоубійствомъ гордымъ
Она не побѣдила. Пребыванье
Царицы въ Римѣ было-бъ для меня

Триумфомъ вѣчнымъ. Такъ ступай и быстро
Вернись, чтобъ сообщить ей отвѣтъ
И то, какой найдешь ее.

Прокулей.

Спѣшу,

О Цезарь! (Уходитъ).

Цезарь.

Галлы! Ступай и ты. (Галлы уходятъ).

Гдѣ Долабелла?

Онъ шель-бы съ Прокулеемъ.

Агриппа и Меценатъ.

Долабелла!

Цезарь.

Нѣтъ, не зовите. Вспомнилъ я, что самъ
Послалъ его, но онъ вернется скорѣ.
Пойдемте въ мой шатеръ. Тамъ убѣдитесь,
Какъ неохотно началъ я войну,
Какъ въ письмахъ былъ миролюбиво-сдер-

жанъ.

Идемъ. Я покажу вамъ все, что можно.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Александрія. Могильный памятникъ.

Входятъ Клеопатра, Хармиана и Ира.

Клеопатра.

Отчаянье мнѣ силы придаетъ
Для лучшей жизни. Что такое Кесарь?
Не будучи Фортуной, онъ лишь рабъ
Фортуны, прихотей ея свершитель.
Величье лишь въ одномъ: исполнить то,
Что всѣмъ другимъ дѣламъ конецъ поло-

жить,

Случайности скуеть, превратность свяжетъ,
Въ сонъ погрузить и вкусъ притупить къ
грязи,

Что нищаго и Кесаря питаетъ.

Входятъ Прокулей и Галлы; за ними
воины.

Прокулей.

Египетской царицѣ Цезарь шлетъ
Привѣтъ и предлагаетъ ей обдумать,
О чемъ она намѣрена просить.

Клеопатра.

Зовешься какъ?

Прокулей.

Мнѣ имя—Прокулей.

АВГУСТЪ—ИМПЕРАТОРЪ.

(Античная статуя, найденная въ 1863 г. въ виллѣ Ливіи подѣ Римомъ; теперь въ Ватиканѣ).

Клеопатра.

Антоній говорилъ мнѣ о тебѣ,
Совѣтовалъ тебѣ лишь довѣряться,
Но мнѣ обманъ не страшенъ съ той поры,
Какъ я въ довѣрьи больше не нуждаюсь.
Коль господинъ твой хочетъ, чтобъ царица
Просила подаянья у него,
Скажи, что я, изъ одного приличья,
Могу просить лишь царство. Коль желаетъ
Онъ мнѣ отдать для сына моего

Египетъ завоеванный, за даръ
Моихъ владѣній собственныхъ согласна
Я преклонить колѣна передъ нимъ.

Прокулей.

Не унывай. Ты въ царственные руки
Кладешь свой рокъ. Не бойся ничего.
Вполнѣ довѣрься моему владыкѣ,
Онъ милостивъ и милость изливаетъ
На всѣхъ, кто въ ней нуждается. Позволь

Ему о добровольномъ подчиненнѣ
Твоемъ донести, и ты въ немъ обрѣтешь
Такого побѣдителя, который
Изъ дружбы самъ тебѣ предложить все,
О чемъ его ты просишь на колѣняхъ.

КЛЕОПАТРА.

Прошу, скажи ему, что я раба
Его судьбы, что признаю величье,
Которое онъ самъ завоевалъ.
Что упражняюсь каждый часъ въ наукѣ
Покорности, что съ радостью предстану
Передъ его лицо.

ПРОКУЛЕЙ.

Все передамъ, царица.
Ты можешь быть покойна, ибо знаю:
Онъ сострадаетъ твоему несчастью,
Хотя и самъ причиною его.

ГАЛЛЪ.

Взгляни: теперь легко ей овладѣть.
*(Прокулей съ двумя воинами проникаетъ по
лѣстницѣ въ мавзолей и становится позади
Клеопатры. Другіе воины, сломавъ засовы,
отворяютъ двери).*

Вы до прибытья Цезаря ее
Здѣсь вмѣстѣ стерегите.

(Уходитъ).

ИРА.

О, царица!

ХАРМИАНА.

О, Клеопатра! Ты въ плѣну, царица!

КЛЕОПАТРА *(вынимая кинжалъ)*.
Скорѣй, о, руки вѣрныя, на помощь!

ПРОКУЛЕЙ.

Остановись, царица!
(Обезоруживаетъ ее).

ПОЖАЛѢЙ

Сама себя! Повѣрь: тебя спасаю,
Не предаю!

КЛЕОПАТРА.

Какъ! Лишена я смерти,
Въ которой не отказываемъ псамъ,
Чтобъ ихъ спасти отъ мукъ!

ПРОКУЛЕЙ.

О, Клеопатра,
Не злоупотребляй ты добротою
Владыки моего, не покушайся
На жизнь свою. Позволь предъ цѣлымъ
свѣтомъ

Ему явить свое великодушье.
Твоя-же смерть была-бъ тому помѣхой.

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ ты, о смерть?

Приди, приди, приди!
Возьми царицу, стоящую сотни
Дѣтей и нищихъ!

ПРОКУЛЕЙ.

Успокойся сердцемъ!

КЛЕОПАТРА.

Другъ, я не буду ѣсть, не буду пить,
И—чтобъ сказать все сразу—спать не буду.
Я оболочку смертную свою
Разрушу, что бы Цезарь ни задумалъ.
Знай, другъ, что не хочу стоять въ оковахъ
Въ дворцѣ владыки твоего, ни ждать,
Чтобъ глупая Октавія меня
Своимъ смиреннымъ взоромъ бичевала;
Я не хочу быть поднятой на воздухъ
Предъ чернью злословящаго Рима.
Пусть лучше яма первая въ Египтѣ
Могилою мнѣ будетъ. Въ тину Нила
Меня пусть лучше бросятъ обнаженной,
Чтобъ водяныя мухи искушали
И превратили въ чудище меня.
Пускай одна изъ пирамидъ высокихъ
Моей страны мнѣ висѣлицей станеть,
И пусть меня повѣсятъ на цѣпяхъ!

ПРОКУЛЕЙ.

Сама даешь просторъ зловѣщимъ мыслямъ,
Въ нихъ Цезарь неповиненъ.

Входитъ Долабелла.

ДОЛАБЕЛЛА.

Прокулей,
О томъ, что здѣсь случилось, Цезарь знаетъ.
Тебя къ себѣ зоветъ онъ, за царицей
Мнѣ поручивъ надзоръ.

ПРОКУЛЕЙ.

Такъ, Долабелла,
И мнѣ всего пріятнѣй. Будь къ ней добръ.
(Къ Клеопатрѣ).

Я Цезарю согласенъ передать
Все, что тебѣ угодно.

КЛЕОПАТРА.

Передай,
Что умереть хочу.
(Прокулей и воины уходятъ).

ДОЛАБЕЛЛА.

Великая царица,
Ты обо мнѣ слыхала-ль?

КЛЕОПАТРА.

Не припомню.

Доллабелла.
Ты вѣрно знаешь, кто я.

Клеопатра.
Все равно,
Слыхала я иль нѣтъ. Вѣдь вы смѣтаетесь,
Коль женщины иль дѣти повѣствуютъ
О снахъ своихъ? Вѣдь вашъ таковъ обычай?

Доллабелла.
Не понимаю словъ твоихъ, царица.

Клеопатра.
Мнѣ снилось: жилъ Антоній императоръ.
Ахъ, видѣть-бы еще разъ сонъ такой,
Чтобъ встрѣтить вновь такого человѣка.

Доллабелла.
Коль такъ тебѣ угодно...

Клеопатра.
Точно небо,
Его лицо сіяло, и на немъ
Луна и солнце путь свой совершали,
Ничтожный озаря шаръ земной.

Доллабелла.
Прекрасная царица...

Клеопатра.
Море онъ
Ногами попиралъ. Его рука
Подъятая была какъ украшенье,
Вѣнчающее шлемъ. Его похожъ былъ голосъ
На музыку небесныхъ сферъ, когда
Онъ говорилъ съ друзьями. Но, желая
Всю землю потрясти онъ рокоталъ,
Какъ громъ небесный. Доброта его
Зимы не знала, но была, какъ осень,
Тѣмъ больше принося плодовъ, чѣмъ больше
Ихъ пожинали. Прихоти его
Высоко поднимались, какъ дельфины,
Надъ той стихіей, средь которой жили.
Его ливрею короли носили
И принцы. Точно мелкую монету,
Онъ сыпалъ изъ кармана острова
И царства цѣлыя.

Доллабелла.
О, Клеопатра...

Клеопатра.
Скажи, существовалъ-ли въ самомъ дѣлѣ,
Существовать-ли могъ подобный смертный,
Какъ тотъ, кто мнѣ приснился?

Доллабелла.
Нѣтъ, царица.

Клеопатра.
Ты лжешь, и боги слышатъ эту ложь.
Но если есть иль былъ подобный смертный,

Онъ могъ всѣ сновидѣнья превзойти.
Въ созданьи дивныхъ формъ безсильна
спорить
Съ фантазіей природа. Но, создавъ
Антонія, природа превзошла
Фантазію, и въ тѣни превратила
Ея созданья.

Доллабелла.
Выслушай, царица.
Твоя потеря такъ же велика,
Какъ ты сама. Ее ты переносишь,
Какъ подобаетъ тяжести ея.
И пусть не знаю въ жизни я удачи,
Коль скорбь твоя меня не заразила
И сердце до основъ не потрясла.

Клеопатра.
Благодарю. Извѣстно-ли тебѣ,
Какъ поступить со мной намѣренъ Цезарь?

Доллабелла.
Мнѣ тяжело сказать и все-жъ хочу я,
Чтобъ знала ты.

Клеопатра.
Молю тебя, скажи.

Доллабелла.
Онъ какъ ни благородень...

Клеопатра.
Поведетъ
Меня за триумфальной колесницей?

Доллабелла.
Да, поведетъ, царица. Знаю это.
(Голоса за сценой: *дорогу Цезарю!*).

*Входятъ Цезарь, Галлъ, Прокулей,
Меценатъ, Селевкъ и свита.*

Цезарь.
Кто здѣсь царица
Египта?

Доллабелла (Клеопатрѣ).
Предъ тобою императоръ.
(Клеопатра преклоняетъ колѣна).

Цезарь.
Встань. Не должна ты преклонять колѣна.
Встань. Встань, царица!

Клеопатра.
Такъ хотѣли боги.
Я побѣдителю и властелину
Должна повиноваться.

Цезарь.
Прогони

Ты мысли черныя. Хоть оскорбленья,
Тобою нанесенныя намъ прежде,
Начертаны глубоко въ нашемъ сердцѣ,
Мы ихъ считать случайностью хотимъ!

КЛЕОПАТРА.

Не въ силахъ я, о царь единый міра,
Свое же дѣло такъ тебѣ представить,
Чтобъ выяснитъ въ немъ все. Но сознаюсь,
Что подчинялась слабостямъ, нерѣдко
И до меня позорившимъ нашъ полъ.

ЦЕЗАРЬ.

Знай, Клеопатра, намъ скорѣй угодно
Смягчить твои страданья, чѣмъ усилить.
Коль ты моимъ противиться не станешь
Намѣреньямъ, къ тебѣ столь благосклон-

нымъ,—

Тебѣ послужить въ пользу перемѣна
Твоей судьбы. Но если, подражая
Антонію, на насъ набросишь тѣнь
Жестокости, то у себя-жъ похитишь
Благодѣянья наши, а равно
Дѣтей подвергнешь мукамъ, отъ которыхъ
Я ихъ избавлю, если подчинишься.
Теперь я ухожу.

КЛЕОПАТРА.

Въ любое мѣсто міра:
Онъ весь тебѣ принадлежитъ. А мы,
Твои трофеи, знаменья побѣды,
Должны висѣть, гдѣ ты прикажешь. Здѣсь,
Мой властелинъ...

ЦЕЗАРЬ.

Въ сношеньяхъ съ Клеопатрой
ама моей совѣтницей ты будешь.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ опись денегъ, драгоценныхъ блюдъ
И украшеній, мнѣ принадлежащихъ.
Имъ всѣмъ цѣна указана. Межъ ними
Нѣтъ ни единой бездѣлушки. Гдѣ
Селевкѣ?

СЕЛЕВКЪ.

Я здѣсь, царица.

КЛЕОПАТРА.

Это мой
Казнохранитель. Головой своей
Тебѣ отвѣтитъ онъ, что ничего я
Не утаила. Говори-же правду,
Селевкѣ.

СЕЛЕВКЪ.

Царица, лучше-бъ мнѣ печатью
Закрывать мои уста, чѣмъ на свою
Погибель лгать.

КЛЕОПАТРА.

Что утаила я?

СЕЛЕВКЪ.

Вещей довольно, чтобъ купить всѣ тѣ,
Что въ описи показаны твоей.

ЦЕЗАРЬ.

Царица, не краснѣй! Я одобряю
Такую осторожность.

КЛЕОПАТРА.

Видишь, Цезарь?

Смотри, какъ всѣ бѣгутъ за тѣмъ, кто сча-
стливъ.

Служители мои твоими стали,
А помѣняйся мы судьбой, твои
Передались-бы мнѣ. Неблагодарность
Селевка въ бѣшенство меня приводитъ.
О, рабъ! Ты также вѣренъ, какъ любовь
Продажная! Ты пятишься? Клянусь,
Ты побѣдишь. Но я твои глаза,
Поймаю, будь у нихъ хоть крылья. Рабъ!
Подлецъ бездушный! Песъ! какая низость!

ЦЕЗАРЬ.

Прошу тебя, добрейшая царица...

КЛЕОПАТРА.

О, Цезарь! Какъ мнѣ горекъ этотъ стыдъ!
Ты, властелинъ, меня въ моемъ паденьи
Высокимъ посѣщеніемъ удостоилъ,
А собственный слуга мой прибавляетъ
Къ моимъ скорбямъ еще свою вражду.
Допустимъ, Цезарь, что я скрыла пару
Вещицъ ничтожныхъ, женскихъ бездѣлу-
шекъ,
Какія мы даримъ друзьямъ домашнимъ,
Пусть, предположимъ даже, отложила
Я нѣсколько предметовъ драгоценныхъ.
Чтобъ милость мнѣ Октавія снискала
И Ливіи,—ему-ль, кто мной возвышенъ,
Меня избличать? О боги! Это
Больше сердцу, чѣмъ само паденье.

(Селевку).

Прошу, уйди отсюда, иль подъ пепломъ
Моихъ несчастій впыхнетъ пламя гнѣва
Будь мужемъ ты, меня-бъ ты пожалѣлъ.

ЦЕЗАРЬ.

Уйди, Селевкѣ. (Селевкѣ уходитъ).

КЛЕОПАТРА.

Да будетъ всѣмъ извѣстно:
Насъ, сильныхъ міра, часто обвиняютъ
Въ чужихъ грѣхахъ. Когда-жъ мы пали,
каждый
На нашъ-же счетъ свою являетъ доблесть.
И потому въ величьи и въ паденьи
Мы жалости достойны.

ЦЕЗАРЬ.

Клеопатра,

Мы не включимъ въ военную добычу
Вещей, тобой объявленныхъ иль скрытыхъ.
Онъ—твой. Распоряжайся ими,
Какъ хочешь. Знай, что Цезарь не торгашъ
И торговаться о вещахъ не станетъ,
Которыя намъ продаютъ купцы.
Утѣшься-же, не создавай темницы
Изъ мрачныхъ думъ. Нѣтъ, милая царица
Я такъ намѣренъ поступать съ тобой,
Какъ ты сама совѣтовать мнѣ будешь.
Брось мысль о голодѣ и мирно спи.
Заботы наши о тебѣ и жалость
Такъ велики, что мы друзьями будемъ.
Итакъ, прости!

КЛЕОПАТРА.

Мой царь и повелитель!

ЦЕЗАРЬ.

Не такъ. Прощай.

(Трубы. Цезарь со свитою уходитъ).

КЛЕОПАТРА.

Словами, милая, словами хочеть
Меня заморозить онъ, чтобъ самой
Себѣ я измѣнила. Харміана,
Послушай, что скажу.

(Шепчетъ ей на ухо).

ИРА.

Кончай скорѣй, царица.

День свѣтлый миновалъ, и ночь близка.

КЛЕОПАТРА.

Скорѣе возвращайся. Я давно
Дала приказъ и, вѣрно, все готово.
Ступай, поторопи.

ХАРМІАНА.

Иду, царица.

Входитъ Долабелла.

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица гдѣ?

ХАРМІАНА.

Передъ тобою.

КЛЕОПАТРА.

Долабелла!

ДОЛАБЕЛЛА.

По твоему желанію, царица,
Которому покорна, какъ святынь,
Моя любовь, тебѣ я сообщаю,
Что Цезарь путь чрезъ Сирію направитъ,
Тебя-жъ съ дѣтьми пошлетъ чрезъ трое су-
токъ

Онъ прямо въ Римъ. Воспользуйся, какъ
знаешь,
Моею вѣстью. Я исполнилъ просьбу
Твою и обѣщаніе свое.

КЛЕОПАТРА.

Я останусь навѣкъ твоей должницей.

ДОЛАБЕЛЛА.

А я твоимъ слугой. Прощай, царица.
Сопровождать я Цезаря обязанъ.

КЛЕОПАТРА.

Прощай. Благодарю.

(Долабелла уходитъ).

Что скажешь, Ира?

Какъ я, ты будешь выставлена въ Римѣ,
Египетская кукла, на показъ.
Ремесленники, въ фартукахъ нечистыхъ,
Заткнувъ за поясъ молотокъ съ линейкой,
Поднимутъ насъ, чтобъ было насъ виднѣй.
И мы, окружены дыханьемъ смраднымъ,
Отрыжкой грубой пищи, вмѣстѣ будемъ,
Вдыхать ихъ испаренья.

ИРА.

Да хранять

Отъ этого насъ боги!

КЛЕОПАТРА.

Неизбѣжно

Все это съ нами будетъ. Дерзкій ликторъ
Насъ свяжетъ, какъ распутницъ. Шелудивый
Риемачъ охрипнетъ, въ пѣсняхъ насъ браня.
Комедіанты ловкіе мгновенно
Насъ выведутъ на сцену, представляя
Пиръ александрійскіе. Антоній
Въ нихъ будетъ пьянымъ вынесенъ на сцену,
А я увижу, какъ пискливый мальчикъ
Придастъ мнѣ видъ и голосъ потаскухи
И надъ моимъ величьемъ насмѣется.

ИРА.

О, боги!

КЛЕОПАТРА.

Да, все это будетъ съ нами.

ИРА.

Я не увижу этого. Я знаю,
Что ногти у меня сильнѣе глазъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ вѣрный путь ихъ замыслы разстроить
И обуздать безумье ихъ надеждъ.

(Возвращается Харміана).

Что, Харміана? Милыя мои,
Теперь меня царицей нарядите—
Подайте мнѣ, Ира, лучшіе уборы.
Я вновь на Киднѣ тороплюсь на встрѣчу

Антонію. Теперь, о Харміана,
Покончимъ въ самомъ дѣлѣ. А когда
Сослужишь эту службу мнѣ, гуляй
До страшнаго суда. Подай корону
И остальное.

(Ира выходитъ).

Что за шумъ?

Входитъ одинъ изъ стражей.

Пришелъ

Какой то поселянинъ, непременно
Тебя желаетъ видѣть. Онъ принесъ
Корзину съ фигами.

КЛЕОПАТРА.

Впусти его.

(Стражъ уходитъ).

При помощи какихъ орудій жалкихъ
Творятся благородныя дѣла!
Онъ мнѣ принесъ свободу. Неизмѣнно
Мое рѣшеніе. Ничего во мнѣ
Нѣтъ больше женскаго. Я вся теперь
Отъ головы до пятъ тверда, какъ мраморъ,
И не зову измѣнчивой луны
Своей планетой болѣе.

(Возвращается стражъ съ поселяниномъ, держащимъ корзину).

СТРАЖЪ.

Вотъ онъ.

КЛЕОПАТРА.

Оставь его и удались.

(Стражъ уходитъ).

Ну что,

Запасся-ль ты красивой нильской змѣй-
кой,

Которая безъ боли убиваетъ?

Поселянинъ. Конечно, она со мной.
Но не совѣтую тебѣ трогать ее. Ея укусъ
безсмертенъ. Кто отъ него умеръ, тотъ
воскресаетъ рѣдко, а то никогда.

КЛЕОПАТРА. Припомнишь ли случай,
чтобы кто нибудь отъ него умеръ?

Поселянинъ. Сколько угодно, мужчины
и женщины. Вотъ не дальше, какъ вчера,
я слышалъ объ одномъ изъ нихъ. Честная
женщина, которая, какъ всѣ женщины, не-
много привираетъ (чего бы онъ не должны
были дѣлать, развѣ изъ честности), раз-
сказывала, какъ она умерла и чего нате-
рпѣлась. Говоря правду, она отозвалась о
змѣйкѣ очень хорошо, но вѣдь кто повѣ-
ритъ тому, что люди говорятъ, тому не
пойдетъ впрокъ и половина того, что они
дѣлаютъ. Одно внѣ всякой несомнѣнности:
змѣйка эта—чудная змѣйка.

КЛЕОПАТРА. Можешь насъ оставить.
Прощай.

Поселянинъ. Желая тебѣ всякихъ ра-
достей отъ этой змѣйки. *(Ставитъ корзину
на полъ).*

КЛЕОПАТРА. Прощай.

Поселянинъ. Можешь быть увѣрена,
что змѣя змѣею и останется.

КЛЕОПАТРА. Хорошо, хорошо, прощай.

Поселянинъ. Видишь-ли, на змѣю
можно положиться только на рукахъ бла-
горазумнаго человѣка, потому что, говоря
правду, въ змѣѣ ничего нѣтъ добраго.

КЛЕОПАТРА. Не бойся. Будемъ осто-
рожны.

Поселянинъ. И отлично. Не давай ей
ничего—не стоитъ она корма.

КЛЕОПАТРА. Не съѣсть-же она меня!

Поселянинъ. Не такъ я простъ,
чтобы не знать, что женщину и самъ
дьяволъ не съѣстъ. Женщина кушанье бо-
говъ, если только дьяволъ не приправитъ
ее по своему. А говоря правду, эти негод-
ные дьяволы здорово пакостятъ богамъ че-
резъ женщинъ. Изъ каждаго десятка жен-
щинъ, которыхъ смастерятъ боги, дьяволы
перепортятъ пять.

КЛЕОПАТРА. Хорошо. Ступай. Прощай.

Поселянинъ. Право такъ. Желая тебѣ
вдоволь натѣшиться моей змѣйкой.

*(Уходитъ. Возвращается Ира, неся пор-
фиру, корону и проч.).*

КЛЕОПАТРА.

Подай порфиру, прикрѣпи вѣнецъ.
Я вся истосковалась по безсмертьи.
Отнынѣ устъ моихъ не увлажятъ
Египетскія гроздья сладкимъ сокомъ.
Скорѣе, Ира! Чудится мнѣ, будто
Я слышу зовъ Антоніа. Я вижу,
Какъ онъ изъ гроба всталъ, чтобы похвалить
Меня за благородный мой поступокъ.
Я слышу, онъ надъ Цезаремъ смѣется,
Надъ счастьемъ, которое намъ боги
Ниспосылаютъ съ тѣмъ, чтобы оправдать
Впослѣдствіи грозящую намъ кару.
Супругъ, иду къ тебѣ! Такъ называться
Даётъ мнѣ право мужество мое.
Я вся огонь и воздухъ. Остальныя
Стихи оставляю низшей жизни.
Все кончено? Придите-же, примите
Вы устъ моихъ послѣднее тепло.
Прощай, о Харміана дорогая!
Прощай надолго, Ира!

(Цѣлуетъ ихъ. Ира падаетъ и умираетъ).
Неужели

Въ моихъ устахъ ехид-
ны скрыто жало?
Ты вдругъ упала? Если-
же природа
И ты разстались такъ
легко, то смерти
Ударъ — любовника
щипокъ: хотъ больно,
Но ждешь его. Ты-ль
такъ лежишь недви-
жно?
Исчезнувъ такъ, ты
будто говоришь,
Кто міръ не стоитъ,
чтобъ мы съ нимъ
прощались.

КЛЕОПАТРА ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.
Барельефъ англійской скульпторши Анны Димеръ
(*Anne S. Damer, 1718—1828*).
(*Большая Бойделевская галерея*).

ХАРМИАНА.

Разлейся, туча черная, дождемъ,
Чтобъ я могла сказать, что сами боги
Заплакали теперь.

КЛЕОПАТРА.

Какой позоръ!
Коль первая она пойдетъ на встрѣчу
Антонію кудрявому, онъ съ нею
Заговоритъ и дастъ ей то лобзанье
Котораго, какъ неба, жажду я.
Приди-же, смертоносная шалунья
(*вынимаетъ змѣю и прикладываетъ къ своей груди*).

И спутанный всей нашей жизни узелъ
Вмигъ острыми зубами разсѣки.
О, дурочка, пропитанная ядомъ,
Будь злой и торопись! Когда-бъ могла
Ты говорить, я-бъ вѣрно услышала,
Какъ Цезаря великаго зовешь
Осломъ безмозглымъ.

ХАРМИАНА.

О, звѣзда востока!

КЛЕОПАТРА.

О, тише, тише! Развѣ ты не видишь,
Что я держу младенца на груди?
Кормилицу онъ засосетъ до смерти.

ХАРМИАНА.

О, сердце, разорвись!

КЛЕОПАТРА.

Какъ воздухъ, нѣжно,
И сладко, какъ бальзамъ. И такъ отрадно—
О, мой Антоній!... И тебя возьму я.
(*Прикладываетъ къ рукъ другую змѣю*).
Что медлить мнѣ!
(*Падаетъ на постель и умираетъ*).

ХАРМИАНА.

Въ пустынномъ этомъ
мірѣ?
Прости навѣкъ! Те-
перь ликуй, о смерть!
Въ твоихъ владѣннхъ
лучшая изъ женщинъ.
Вы, окна нѣжныя, за-
кройте! Больше
на золотого Феба ни-
когда
Столь царственнымъ
очамъ не устрем-
ляться.
Вотъ на тебѣ корона
покосилась.
Поправлю и за дѣло!

(*Вбѣгаетъ нѣсколько стражей*).

1-ый стражъ.

Гдѣ царица?

ХАРМИАНА.

Потише! Не будите спящей!

1-ый стражъ.

Цезарь

Послалъ—.

ХАРМИАНА.

Гонца, который слишкомъ медлилъ.
(*Прикладываетъ къ своему тѣлу змѣю*).
Ко мнѣ! Скорѣй! Я чувствую едва.

1-ый стражъ.

Но! ладно здѣсь! Смотри! Обмануть Цезарь.

2-ой стражъ.

Сюда прислалъ онъ Долабеллу. Клики
Его скорѣе.

1-ый стражъ.

Что-же тутъ свершилось?

Хорошее-ль то дѣло, Хармиана?

ХАРМИАНА.

Отличное, достойное царицы,
Считающей средь предковъ столько славныхъ
Царей! Ахъ, воины!
(*Умираетъ. Возвращается Долабелла*).

Долабелла.

Что здѣсь случилось?

2-ой стражъ.

Всѣ—мертвыя.

Долабелла.

Сбылися опасенья
Твои, о Цезарь. Ты сейчасъ придешь

ХАРМИАНА: Потише, не будите спящей!

*Картина Трешема (Henry Tresham, R. A.).
(Малая Бойделлевская галлерея).*

И самъ увидишь дѣло роковое,
Которое желалъ ты отвратить.

(Голоса за сценой: дорогу Цезарю!).

Входитъ Цезарь въ сопровожденіи свиты.

Долабелла.

О, повелитель!
Ты слишкомъ вѣрный авгуръ. То сбылось,
Чего ты опасался.

Цезарь.

Доблестный конецъ!
Намѣренія наши отгадавши,
Она по царски свой избрала путь.
Какъ умерли онъ? Не вижу крови.

Долабелла.

Кто былъ у нихъ послѣдній?

1-ый стражъ.

Поселянинъ,
Принесшій фиги. Вотъ его корзина.

Цезарь.

Отъ яда, значить?

1-ый стражъ.

О, великій Цезарь!

Вотъ эта, Хармиана, за минуту
Предъ тѣмъ, какъ ты пришелъ, была жива,
Стояла на ногахъ и говорила.
Я видѣлъ, какъ корону поправляла
Она на головѣ царицы мертвой.
Она шаталась, стоя, и внезапно
Свалилась на полъ.

Цезарь.

Доблестная слабости!
Будь это ядъ, у нихъ тѣла распухли-бъ.
Царица точно притворилась спящей,
Какъ если-бъ въ сѣти красоты хотѣла
Антонія другого заманить.

Долабелла.

Немного крови вижу на груди
И легкую припухлость. Замѣчаю
Я то же на рукъ ея.

1-ый стражъ.

То слѣдъ

Змѣинаго укуса. Листья фиговъ
Покрываютъ той-же слизью, что ехидны
Въ пещерахъ Нила часто оставляютъ.

Цезарь.

Весьма правдоподобно, что она
Прибѣгла къ этой смерти. По рассказамъ
Ея врача, она разузнавала
О способахъ легчайшихъ умереть.
Царицу вмѣстѣ съ ложемъ поднимите
И удалите прочь тѣла прислужницъ.
Ее положимъ рядомъ въ мавзолеѣ
Съ Антоніемъ, и на землѣ не будетъ
Гробницы съ болѣ славною четою.
Событія, какъ эти, потрясаютъ
И тѣхъ, кто подготовилъ ихъ. Сказанье
Объ ихъ судьбѣ возбудитъ жалость къ
жертвамъ,

Не меньшую, чѣмъ слава полководца,
Кто былъ всему причиной. Пусть войска
Торжественно проводятъ прахъ—и въ Римъ!
Ты, Долабелла, властью облеченъ
Руководить обрядомъ похоронъ.

(Уходятъ).

Н. Минскій и О. Чюмина ¹⁾).

¹⁾ Н. М. Минскій перевелъ 1, 4 и 5 дѣйствія,
2 и 3 дѣйствія переведены О. П. Чюминой.

Виньетка къ «Цимбелину» известнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберти
(Sir John Gilbert, p. 1817).

Древнѣйшіе остатки британской культуры (Стонхенджъ—Stonehenge—остатки храма или кладбища; повидимому древнѣе вторженія римлянъ).

ЦИМБЕЛИНЪ.

Въ „Многошумуизъничего“ и въ „Отелло“ трагедія ревности оказалась одновременно трагедіей клеветы и несправедливости. Жертвой вопіющей и бессмысленной клеветы пала Дездемона; отъ такой же злобной клеветы страдаетъ и Геро; но не будь такъ рѣшительно и порывисто знойное сердце мавра Отелло, не будь такъ легко воспламенимъ пылкій Клавдіо, ядъ предательскихъ навѣтовъ Яго и донъ Жуана не могъ бы въ нихъ такъ свободно проникнуть. Причина бѣдствій, постигшихъ этихъ нѣжныхъ, преданныхъ и безотвѣтныхъ существъ—Дездемону и Геро, коренится въ самомъ характерѣ ревнивцевъ. Особенно тщательно обработана психологія ревности въ „Отелло“. И когда Шекспиръ вновь обратится къ трагедіи ревности въ своей комедіи „Зимняя Сказка“, мотивъ клеветы уже будетъ совершенно отсутствовать. Самого пустого, ничего незначащаго предлога будетъ достаточно Леонату, чтобъ осудить Герміону на смерть. Зловѣщій порывъ ревности вызванъ тутъ уже одной игрой слишкомъ стремительнаго воображенія.

Такъ же быстро, въ какомъ-то умственномъ ослѣпленіи, безудержно и страстно вѣрить и Постумъ Леонатъ въ „Цимбелинъ“, что благодарная и любящая жена его, Имогена, отдалась въ его отсутствіи другому.

Постумъ Леонатъ такая же импульсивная натура, какъ и воинственный Отелло. Онъ также человѣкъ дѣла, а не словъ и размышленій. Онъ также склоненъ лишь къ быстрымъ душевнымъ движеніямъ. Онъ также храбрый воинъ. Еще раньше, чѣмъ мы видимъ его на полѣ брани, гдѣ онъ выказалъ свою отвагу, уже въ томъ первомъ разговорѣ въ домѣ Филарія въ Римѣ, куда онъ только что прибылъ, изгнанный Цимбелиномъ, съ первыхъ его словъ ярко очерчиваются его рѣшительность, смѣлость и вспыльчивость. Встрѣча съ французомъ заставляетъ Постума вспомнить, какъ однажды въ Орлеанѣ онъ горячо заспорилъ о превосходствѣ своей возлюбленной надъ всѣми остальными женщинами міра, и дѣло тогда чуть не дошло до поединка; теперь Постуму приходится благодарить своего собесѣдника, француза, за то, что тотъ сѣумѣлъ тогда

отвратить это столкновение, грозившее принять серьезный оборотъ. Постумъ увѣряетъ, что тогда онъ былъ еще „молодымъ путешественникомъ, гораздо болѣе склоннымъ протестовать противъ всего, что слышитъ, чѣмъ руководствоваться въ поступкахъ чужой опытностью“. Но онъ очевидно говоритъ это лишь изъ любезности. И теперь еще поводъ тогдашней ссоры кажется ему далеко не маловажнымъ, вполне достаточнымъ для того, чтобы схватиться за оружіе. Дѣйствительно, довольно было итальянцу, Іахимо, возобновить этотъ споръ и усомниться, что дама Постума „лучше, умнѣй добродѣтельнѣй и постояннѣй“ любой женщины, и вотъ онъ снова отдается цѣликомъ подобной же распрѣ, забывается до того, что соглашается биться объ закладъ о чести своей жены и доставить Іахимо возможность ее увидѣть, расстаётся даже съ перстнемъ, который онъ получилъ отъ Имогены.

Еще характернѣй та сцена, когда Іахимо хвастливо и съ дѣланной усмѣшкой рассказываетъ Постуму о своей мнимой побѣдѣ надъ Имогеной. Увидя подаренный имъ Имогенѣ браслетъ въ рукахъ Іахимо, Постумъ уже теряетъ всякую вѣру въ честность жены. Онъ уже отчаивается, всюду видитъ обманъ и грустно восклицаетъ, что „нѣтъ правды въ клятвахъ женщины!“. Простое предположеніе, что браслетъ могъ быть потерянъ или украденъ, не приходится ему даже въ голову. Это приходится подсказать ему Филарію. Но, вотъ, Іахимо клянется Юпитеромъ, что получилъ браслетъ въ подарокъ въ минуту страсти, и уже никакія убѣжденія Филаріа не могутъ остановить воображенія Постума. Главное доказательство Іахимо о его близости съ Имогеной, это родимое пятнышко, которое онъ подсмотрѣлъ ночью, пока Имогена спала. Постуму въ сущности вовсе не нужно; онъ даже не хочетъ и слушать Іахимо; теперь онъ уже безповоротно увѣренъ, что Имогена измѣнила ему. И эта мысль поглотила его цѣликомъ; она не позволяетъ ему ни на минуту опомниться; его влечетъ къ ней какимъ-то злобнымъ порывомъ. Въ его глазахъ уже все измѣнилось, и весь міръ показался ему такимъ мрачнымъ, насквозь пропитаннымъ порокомъ.

Въ монологѣ, слѣдующемъ непосредственно за разговоромъ съ Іахимо, Постумъ сомнѣвается даже въ честности своей родной матери, ненавидитъ всѣхъ женщинъ и въ больной его душѣ тогда зарождается мысль о мщеніи. Приказъ Пизанію убить Имогену и пре-

дательское, лживое письмо, которое заманиваетъ ее въ Мильфордъ-Гэвенъ якобы на свиданіе съ мужемъ, уже послѣдняя низшая степень нравственнаго паденія когда-то благородной натуры Постума. И до него доходитъ этотъ Постумъ Леонатъ, о которомъ въ первой же сценѣ мы узнаемъ, что при дворѣ Цимбелина

Для мальчиковъ онъ добрымъ сталъ примѣромъ,
Для взрослыхъ вѣрнымъ зеркаломъ, съ которымъ
Они свѣряли качества свои,
И даже тѣ, которые достигли
Ужъ старыхъ лѣтъ, охотно сознавались,
Что этотъ баювень во многомъ
Былъ выше ихъ!

Таковы послѣдствія вспыльчивости и легкомысленной порывистости души этого героя. Вѣдь бѣда именно въ томъ легкомыслии, съ какимъ Постумъ рѣшился биться объ закладъ, въ той стремительности, съ какой онъ отдается каждому минутному увлеченію.

Горестныя испытанія Имогены объясняются такимъ образомъ психологически изъ душевныхъ особенностей Постума, и образъ его свободно возникъ въ воображеніи Шекспира рядомъ со сродными ему образами Клавдію, Отелло и Леонта. Напротивъ, самыя обстоятельства этихъ испытаній, т. е. самая завязка комедіи, заимствованы великимъ драматургомъ изъ извѣстнаго бродячаго разсказа о женской вѣрности и наказаніи хвастуна, дерзко посягнувшаго на честь неприступной красавицы.

Въ средневѣковой европейской литературѣ разсказъ этотъ встрѣчается въ двухъ различныхъ версіяхъ. Одна изъ нихъ, т. наз. „сказка о розѣ“, пересказана дважды, и въ стихахъ, и въ прозѣ въ романѣ XIV в. „Perceforest“. Другая легла въ основу болѣе древнихъ романовъ: Guillaume de Dole, le Roman de la Violette, Girard de Nevers, и болѣе широкую извѣстность приобрѣла тогда, когда ее обработалъ Боккаччіо въ девятой новеллѣ 2-ого дня „Декамерона“. Обѣ версіи разсказа проникли довольно рано и въ Англію: первую мы находимъ въ поэмѣ XIV в. „The Wright's chaste wife“ какого то Адама де-Кобзама, а вторую въ повѣсти начала XVI в. „Westward for Smelts“. По обѣимъ версіямъ, мужъ, надолго уѣхавшій изъ дому, бьется объ закладъ, что жена его устоитъ въ его отсутствіе противъ всякихъ ухаживателей и останется вѣрной ему. Находятся смѣльчаки, готовые поставить все свое состояніе на карту и попытаться склонить неприступную красавицу къ измѣнѣ.

Побѣдителемъ изъ этой распри выходитъ однако неизмѣнно мужъ, и хвастливые искатели любовныхъ приключеній получаютъ достойное возмездіе.

Такова общая схема разсказа, но развѣивается она различно. Въ „сказкѣ о розѣ“ мужъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что побѣда останется за нимъ. Онъ бережно хранитъ въ особой коробочкѣ чудесную розу, которая не увянетъ до тѣхъ поръ, пока жена его сохранитъ свою вѣрность. И роза эта не блекнетъ; какъ только назойливые ухаживатели попадаютъ въ домъ красавицы она не только не слушаетъ ихъ любовныхъ рѣчей, но хитростью привлекаетъ ихъ въ особый подвалъ, гдѣ они должны, чтобы не умереть съ голоду, готовить ей пряжу. Мужъ спокойно возвращается такимъ образомъ домой и освобождастъ своихъ опозоренныхъ и проигравшихъ закладъ противниковъ. Совершенно иначе представляется дѣло по другой версіи. Тутъ, какъ и въ Цимбелинѣ, мужъ не только сомнѣвается въ добродѣтели жены, но противнику его удастся даже доставить повидимому несомнѣнное доказательство того, что онъ обладалъ ею. И въ средневѣковыхъ романахъ родимое пятнышко на тѣлѣ красавицы, которое удалось подсмотреть лукавому ухаживателю, описывается, во всѣхъ подробностяхъ. Оно, оказывается напоминаетъ своей формой либо розу, либо фіалку. Только послѣ ряда испытаній удастся несчастной женщинѣ доказать лживость обвиненій противъ нея и наказать по заслугамъ обманщика.

Вниманіе Шекспира остановилось лишь на второй версіи. Онъ уже пользовался для своихъ „Виндзорскихъ Кумушекъ“ повѣстью Westward for Smelts, а теперь въ „Цимбелинѣ“ послѣдовалъ шагъ за шагомъ вслѣдъ за Боккаччіо, подставивъ только вмѣсто итальянскаго купца изъ Генуи, Амброджиуло, британскаго воина, Леоната-Постума, и вмѣсто купеческой жены Джиневры дочь древняго короля Британіи, Цимбелина. И первая версія, конечно, не представляетъ такого психологическаго интереса, какъ вторая. Она не болѣе, какъ забавный разсказецъ. Мотивъ неблекнувшей розы уже слишкомъ сказоченъ. Я упомянулъ однако объ обѣихъ версіяхъ разсказа, потому что, при сопоставленіи ихъ яснѣе выступаетъ, съ какимъ собственно разсказомъ мы имѣемъ дѣло. Повѣсть объ испытаніи вѣрности жены прежде всего—повѣсть о ея добродѣтели. Этотъ чудесный символъ не-

блекнущей розы, хотя онъ и не играетъ собственно никакой почти роли въ разсказѣ, указываетъ на его внутренній основной смыслъ. Женщина здѣсь превознесена, окружена ореоломъ не только вѣрности, но неприступности, твердости, энергіи и изворотливости; этими ея качествами объясняется посрамленіе и униженіе ея ухаживателей. При этомъ въ той версіи, къ которой принадлежитъ новелла Боккаччіо и „Цимбелинъ“ Шекспира, до извѣстной степени, униженъ и наказанъ еще и мужъ красавицы.

Эта черта, проходящая красною нитью черезъ тотъ сюжетъ, на которомъ построилъ Шекспиръ свою комедію, для насъ въ высшей степени важна. Она наложила свою печать на характеръ Имогены.

По самому замыслу Имогена не могла быть уже такой пассивной, исключительно любящей, неприступной своей преданностью и чистотой женщиной, какъ Геро, Дездемона, Герміона. Имогена натура сильная. Ея нравственныя достоинства коренятся не въ одной любви, не въ одной преданности. Она горда и рѣшительна, стойка и смѣла. Имогена не боится своей злой мачихи; она споритъ съ отцомъ, открыто и твердо отстаиваетъ свое право любви Постума. Прощаясь съ нимъ, она даже говоритъ ему:

Иди жъ скорѣй! пускай
Я выдержу одна грозу упрековъ
И гнѣвный взоръ.

Рѣшимость Имогены мы видимъ также не только въ сценѣ съ безпощадно изгнаннымъ ею глупымъ Клотеномъ, за котораго, стоятъ однако, и отецъ, и мачиха, готовые отмстить ей за обиду. Когда Постумъ зазвалъ ее въ Мильфордъ-Гэвенъ, и Пизаніо не можетъ болѣе скрывать отъ нея приговора надъ ней ея мужа, Имогена не боится смерти. Она колеблется наложить сама на себя руку, но безстрашно открываетъ грудь передъ Пизаніо и искренно хочетъ смерти. Письмо Постума ужъ въ сущности убило ее. Оттого ей остается только съ горькой усмѣшкой спросить Пизаніо:

Когда о смерти я
Прошу сама, то что-жъ тебѣ-то медлить
Исполнить долгъ послушнаго слуги?

Чтобы дать Имогенѣ развернуться передъ нами во всемъ блескѣ ея богатой и высокой натуры, Шекспиръ отступилъ отъ текста Боккаччіо и ввелъ сцену заискиваній Іахимо. У Боккаччіо обманщикъ сразу под-

купаютъ одну женщину, чтобы пробраться къ Джиневрѣ. Но Шекспиру было необходимо поставить Іахимо и Имогену лицомъ къ лицу. Въ этой сценѣ Имогена какъ-бы торжествуетъ свое нравственное превосходство даже надъ Постумомъ. Когда Іахимо хочетъ увѣрить ее, что Постумъ ее забылъ, что онъ увлекается легко достающимися прелестями итальянокъ, Имогена не вѣритъ этимъ навѣтамъ. Въ ней больше довѣрія и больше хладнокровія, чѣмъ въ ея слишкомъ импульсивномъ мужѣ. Ея нравственный обликъ возвышеннѣе. Она стоитъ выше клеветническихъ обвиненій. И Іахимо хорошо чувствуетъ, что если, послѣ того, какъ онъ пустилъ въ ходъ свои лживые намеки на легкомысліе Постума, онъ заговорить о своей любви, ничего кромѣ презрѣнія онъ не дождется отъ этой гордой, неприступной женщины.

Создать величавый обликъ Имогены Шекспиру, можетъ быть, помогли его старые милые образы немного строптивыхъ, умѣющихъ постоять за себя и рѣшительныхъ дѣвушекъ вродѣ Розалинды и Беатриче, Порціи и Віолы. Имогена также появляется передъ нами въ мужскомъ костюмѣ, и она умѣетъ заставить уважать себя въ непривычной ей роли прислужника, Фиделія, къ которому сразу такъ привязался римскій военачальникъ Кай Луцій.

Перипетіи любви Постума и Имогены разыгрываются среди героическихъ нравовъ времени древняго британскаго короля Цимбелина или Кунобелина. О его судьбѣ Шекспиръ узналъ изъ той же хроники Голиншеда, которою онъ часто пользовался для своихъ историческихъ хроникъ. Правда, историческая обстановка ни мало не стѣсняла здѣсь великаго драматурга, и кромѣ развѣ того, что герои его стали клясться Юпитеромъ и др. языческими богами, въ „Цимбелинѣ“ было-бы напрасно искать хотя бы малѣйшей попытки перенести насъ въ эпоху Юлія Цезаря и Августа—и соблюсти историческое правдоподобіе. Вся пьеса остается строго романтической и по замыслу, и по внѣшнему строю. Дѣйствіе поминутно переносится изъ Британіи въ Римъ, изъ одной части Англіи въ другую. Въ одномъ и томъ же актѣ гонцы, и даже дѣйствующія лица, успѣваютъ проѣхать черезъ всю Европу на пути между Италіей и Англіей. Отдѣльныя приключенія, встрѣчи и переодѣванія, ведущія къ ошибкамъ и запутывающія дѣйствіе, свободно рождаются въ воображеніи поэта. Все причудливо, пестро и неправдоподобно въ этой

комедіи. Съ самаго „Сна въ лѣтнюю ночь“ Шекспиръ только въ одной комедіи, „Какъ вамъ это понравится“, такъ свободно бросалъ одинъ за другимъ то потрясающіе, то необычайные образы, эпизоды и сцены. Однако, несмотря на романтическій складъ „Цимбелина“, въ него вложены и героическія черты, сказывающіяся въ прославленіи храбрости бриттовъ, въ ихъ побѣдѣ надъ войсками римскаго императора, въ страстномъ влеченіи сбросить съ себя чужеземное иго.

Событія при дворѣ короля Цимбелина также, какъ нельзя лучше, подходятъ къ трагедіи ревности и клеветы. Какъ заявляетъ одинъ придворный лишь только подымается занавѣсъ:

унылый видъ успѣли

Принять здѣсь всѣ.

Цимбелинъ попалъ въ руки своей второй жены, коварной женщины, затѣвающей темную дѣла. Она велитъ приготовить себѣ разные яды и ждетъ удобнаго случая, чтобы отравить даже самого короля. Ея пустой, заносчивый и ничтожный сынъ занимаетъ при дворѣ чуть не первое мѣсто. Цимбелинъ хочетъ насильно выдать за него дочь и изъ-за этого шлетъ своего любимаго воспитанника. Постума, въ изгнаніе. И это не первая несправедливость Цимбелина. Двадцать лѣтъ тому назадъ, по лживому навѣсту, заподозривъ въ измѣнѣ, онъ изгналъ и честнаго Беларія, и тотъ въ отместку похитилъ его сыновей, законныхъ наслѣдниковъ британскаго престола. Въ такой обстановкѣ живетъ Имогена. На ея личное горе еще болѣе мрачную тѣнь налагаетъ эта семейная неурядица, всѣ эти коварные замыслы ея мачихи, нелѣпныя честолюбивыя заискиванія Клотена и преступная слабость ея отца.

И по мѣрѣ того, какъ развивается дѣйствіе, все болѣе и болѣе становится, казалось бы, неизбежной трагическая катастрофа. Въ первомъ изданіи соч. Шекспира (in folio 1623 г.) „Цимбелинъ“ и названъ трагедіей. Когда поддерживаемый королевой Цимбелинъ отказывается платить дальше дань римскому императору и римское войско быстро вторгается въ Британію, уже ничего, казалось бы, не можетъ остановить полной гибели Цимбелина. Гроза, казалось, надвигается и мракъ ея уже охватилъ короля, осиротѣлаго безъ поддержки всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы помочь ему.

И къ 2-ой сценѣ V дѣйствія трагическая

катастрофа уже какъ будто и наступила. Британскія войска бѣгутъ передъ римскими легіонами и Цимбелинъ взятъ въ плѣнъ.

Но катастрофа эта только мнимая. Зритель невольно ждетъ иного исхода. Онъ ужъ предупрежденъ. Онъ знаетъ, что Имогена жива, хотя она и выпила ядъ, приготовленный ей королевой, и подружившіеся съ ней такъ быстро Гвидерій и Арвирагъ видѣли ее мертвой; она жива и скоро появится, несмотря на то, что въ рукахъ Постума окровавленный платокъ, присланный ему Пизанію въ доказательство того, что приговоръ его приведенъ въ исполненіе. И живъ также и Постумъ. Вѣдь, не на его обезглавленномъ трупѣ плакала Имогена, а на трупѣ жалкаго и низкаго Клотена. Зрители также ужъ знаютъ, кто такіе Гвидерій и Арвирагъ. И отважныя сердца этихъ юношей, воспитанныхъ честнымъ Беларіемъ, уже востреплились при шумѣ битвы. Самое раскаяніе Іахимо, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда римское войско готово разбить на голову британцевъ, служить уже зловѣщимъ признакомъ того, что удача не должна оставаться на сторонѣ насильниковъ.

Потому-то, когда Беларій, Гвидерій и Арвирагъ врываются на сцену, когда они своимъ крикомъ: „Ни съ мѣста, трусы! въ бой!“ внезапно возбуждаютъ храбрость въ дрогнувшихъ сердцахъ британскихъ воиновъ, когда они освобождаютъ Цимбелина, ихъ появленіе не такъ не ожиданно. Иначе и не могло быть. Подвигъ спасенія отечества принадлежитъ имъ по праву, какъ наслѣдникамъ престола. Истинную помощь Цимбелинъ могъ получить только отъ нихъ и отъ избранника своей дочери, Постума. Цимбелинъ долженъ разстаться съ чужими ему и тайно ненавидящими его королевой и Клотеномъ. Они причина всѣхъ его несчастій. Смерть королевы логически необходима въ тотъ самый моментъ, когда побѣда остается за британцами. Цимбелина ждетъ близость съ истинными друзьями и настоящей семьей. Отъ нихъ онъ получитъ истинное, а не воображаемое, основанное на насиліи, счастье.

И счастливый исходъ этой драмы Шекспира въ высшей степени характеренъ для того момента, когда она возникла.

Въ творествѣ Шекспира съ „Цимбелиномъ“ начинается новый періодъ. Его зовутъ обыкновенно періодомъ „примиренія“. Время великихъ трагедій уже прошло. Въ „Тимонѣ Авинскомъ“ Шекспиръ излилъ уже

жгучій пессимизмъ, охватившій его душу со времени „Юлія Цезаря“ и „Гамлета“. Теперь его сердце стало биться ровно и спокойно. „Не много найдется въ литературѣ, пишетъ Дауденъ, болѣе интересныхъ переходовъ, чѣмъ тотъ рѣзкій переломъ, который отдѣляетъ въ творествѣ Шекспира трагедіи страстей отъ этихъ серьезныхъ и въ то же время столь радостныхъ романтическихъ пьесъ послѣднихъ лѣтъ его писательской дѣятельности. Это переходъ отъ бури съ ея раскатами грома и съ блескомъ молній къ широкому простору свѣтлаго затишья. Въ авторѣ „Цимбелина“, „Зимней Сказки“ и „Бури“ уже нѣтъ и помину свойственнаго молодости легкаго отношенія къ явленіямъ жизни; онъ твердо знаетъ зло жизни; онъ видитъ пороки людей, но онъ какъ будто бы обрѣлъ теперь душевное спокойствіе въ любви, надеждѣ и упованіи на возможность счастья“.

Когда собственно написанъ „Цимбелинъ“, въ точности неизвѣстно. Астрологъ д-ръ Форманъ, отмѣтившій въ своихъ запискахъ, что 15 мая 1611 г. онъ присутствовалъ при представленіи въ Шекспировскомъ театрѣ Глоубъ „Зимней сказки“, помѣтилъ „Цимбелина“ подъ 1610—1611 годомъ. Но первое изданіе этой комедіи есть лишь изданіе in folio 1623 года, и чужая рука прошла по этому созданію Шекспира. Всѣ критики согласны между собою въ томъ, что сцена видѣнія Постума написана не великимъ драматургомъ. Да и по ходу дѣйствія въ ней и не чувствуется ни малѣйшей надобности. Она введена лишь для того, чтобы усилить патріотическіе мотивы комедіи. Равнымъ образомъ въ самой послѣдней сценѣ между словами Постума къ принцу Арвирагу: „Я готовъ быть вамъ слугою, принцы“ и словами Цимбелина: „Да будетъ такъ! Начнемъ-же съ мира“, несомнѣнно также вставка, введенная посторонней рукой только для того, чтобы вновь напомнить сцену видѣній. По мнѣнію Флея, „Цимбелина“ вовсе не играли при жизни Шекспира, потому что онъ былъ оконченъ какъ разъ къ 1609 году, когда Англія страдала отъ моровой язвы, и придворные спектакли, для которыхъ писалъ въ то время Шекспиръ, были прекращены; объ этомъ совершенно достоверно свидѣлствуютъ дошедшіе до насъ списки придворныхъ спектаклей. Очевидно именно при постановкѣ „Цимбелина“, когда Шекспира уже не было въ живыхъ, и сдѣлана вставка. Возникла ли эта комедія между „Бурей“

и „Зимней Сказкой“, какъ думали въ 70-ыхъ годахъ, или какъ, предполагаютъ теперь, „Цимбелинъ“ открылъ собою серію этихъ трехъ комедій, слѣдовавшихъ быстро одна за другою, во всякомъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ „Зимней Сказкой“ и „Бурей“ входитъ въ совершенно особую категорію художественныхъ замысловъ Шекспира. Всѣ эти комедіи не только отвѣчаютъ тому настроенію спокойнаго примиренія съ жизнью, какое отиѣтилъ Дауденъ, но въ нихъ сказались и новые, еще не затронутые до тѣхъ поръ Шекспиромъ мотивы. Въ центрѣ ихъ стоить родительское чувство. Черезъ призму его разсматриваются и самыя сцены любви. Назвавши свою комедію по имени самого Цимбелина, Шекспиръ, очевидно, считалъ его фигурой центральной. Это его судьба приковала къ себѣ вниманіе великаго драматурга. Черезъ всѣ свои перипетіи дѣйствіе шло къ спокойному счастью престарѣлаго короля, когда онъ вновь соберетъ вокругъ себя своихъ дѣтей и станетъ въ долгіе вечера слушать рассказы Гвидеріа и Арвирага, Имогены и Постума. Особой задушевностью вѣетъ отъ этихъ словъ Цимбелина:

Когда о всемъ узнаю я подробно?
Изъ быстрыхъ словъ, какія слышалъ я.
Понятно мнѣ, что есть о чемъ вамъ много
Поразсказать.

Тутъ чувствуется тихая радость счастливой встрѣчи съ близкими послѣ долгой разлуки.

Послѣдніе пять лѣтъ своей жизни Шекспиръ провелъ въ Стратфордѣ, гдѣ онъ уже давно сталъ крупнымъ домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ. Свою часть въ театрѣ, Глоубъ, онъ въ то время уже продалъ и въ Лондонѣ бывалъ только наѣздомъ. Еще не старый поэтъ, такъ недавно еще другъ Бенъ Джонсона и другихъ завсегдатаевъ таверны „Краснаго Льва“, становится теперь семьяниномъ. Онъ жилъ теперь постоянно со своими двумя дочерьми, и вѣроятно проснувшееся въ немъ родительское чувство и отразилось въ его комедіяхъ. Вѣдь счастливые отцы его послѣднихъ произведеній: Цимбелинъ, Леонтъ, Просперо, съ особенно теплымъ чувствомъ относятся именно къ дочерямъ, къ Имогенѣ, Мирандѣ и Пердиттѣ. Старшая дочь Шекспира, Сусанна, 5 іюня 1607 года вышла замужъ за доктора Джона Голля, а въ сентябрѣ 1608 года Шекспиръ сталъ дѣдушкой. Если во всѣхъ этихъ послѣднихъ комедіяхъ радость отца просыпается именно отъ су-

пружества дочери, то тутъ такимъ образомъ можно видѣть черту личныхъ душевныхъ ощущеній Шекспира. Какое глубокое различіе между торжественной и холодной рѣчью, съ какой привѣтствуетъ Цимбелинъ своихъ сыновей, и тѣми словами, какія относятся къ Имогенѣ и Постуму:

Смотрите, вотъ Постумъ:

За Имогену держится съ восторгомъ
Какъ якорь онъ, она же на него.
На насъ на всѣхъ, на братьевъ и на Кая,
Изъ свѣтлыхъ глазъ потоки мечетъ искръ,
Какъ молній рядъ, но молній безопасныхъ.
Такой огонь приноситъ только радость,
И тѣмъ же ей мы отвѣчаемъ всѣ.

И семейныя радости во всѣхъ этихъ трехъ послѣднихъ комедіяхъ еще оттѣняются любовью къ затишью, къ природѣ, къ тихой жизни вдаль отъ городской суеты. Пастушеская обстановка, которая такъ заманчиво просіяла передъ нами въ „Какъ вамъ это понравится“, теперь опять манитъ къ себѣ воображеніе драматурга. Въ „Зимней Сказкѣ“ онъ переноситъ дѣйствіе въ настоящую пастушескую среду, какъ ее изображали пасторальные романы того времени, а въ „Цимбелинѣ“ и въ „Бурѣ“ поэтъ ведетъ насъ на немного сказочное лоно природы, вглубь какихъ-то древнихъ, дремучихъ лѣсовъ. Это лоно природы, очевидно, придумано; дѣло не въ немъ—все, дѣло въ удаленіи отъ города и отъ городскихъ заботъ, отъ всей сложности современнаго строя жизни.

Городскую суетолюку Шекспиръ называетъ въ своихъ комедіяхъ „придворной хитрой жизнью“. И что такое дворъ съ его интригами, отсутствіемъ искренности въ отношеніяхъ, съ его дѣланностью и манерностью въ нравахъ, Шекспиръ, конечно, не могъ не знать по опыту, особенно въ первые годы царствованія Якова I, когда ему такъ часто приходилось играть передъ королемъ. Но разумѣетъ Шекспиръ подъ „хитрой жизнью“ не только дворъ. Это ясно видно изъ словъ Беларія, бѣжавшаго вглубь лѣсовъ и размышляющаго о суетѣ міра. Беларій говоритъ:

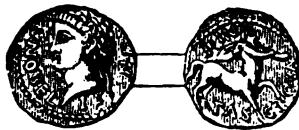
Ничтожный жукъ броней своей бываетъ
Прикрытъ отъ зла вѣрнѣе, чѣмъ орелъ.
Да! жить, какъ мы, почетнѣй, чѣмъ гоняться
За милостью! Пріятнѣй, чѣмъ гоняться
Вездѣ корысть, и лучше, чѣмъ рядиться
Въ шелка и бархаты, забранные въ долгъ.

Такъ говорилъ и герцогъ въ „Какъ вамъ это понравится“, но онъ говорилъ это только себѣ въ утѣшеніе. Беларій не только изгнанникъ, пострадавшій отъ несправедливости Цимбелина: онъ еще воспитатель его дѣтей. Правда онъ похитилъ Гвидеріа и Арвирага изъ мести, но за то и онъ, и жена его всѣ силы свои отдали на то, чтобы сдѣлать изъ королевичей настоящихъ мужей, смѣлыхъ и простыхъ, бодро и трезво смотрящихъ на жизнь. Мысль о правильномъ воспитаніи молодого поколѣнія, очевидно, стала теперь вкрадываться въ сознаніе поэта вмѣстѣ съ проснувшимся чувствомъ отца, и этотъ интересъ Шекспира къ вопросамъ воспитанія стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣмъ его міровоззрѣніемъ. Онъ уже читалъ въ это время Монтэня, и французскій мыслитель влилъ въ его міровоззрѣніе то спокойное созерцательное отношеніе къ великой загадкѣ міра, къ тѣмъ нравственнымъ проблеммамъ, которыя такъ взволновали тревожную душу Гамлета. Шекспиръ вѣритъ теперь въ добро и въ его силу. Онъ вѣритъ въ то, что въ душѣ человѣка испорченность и закоснѣлость, о которыя разбиваются реформаторскія затѣи Брута, не составляютъ несправимаго закона мірозданія, какъ это думалъ Тимонъ Авинскій. Поэтъ думаетъ также, что правду людямъ можно говорить не только въ шу-

товскомъ колпакѣ, какъ увѣрялъ насъ меланхоликъ Жакъ. Правда сама по себѣ должна восторжествовать. Коварство и злоба людей не болѣе, какъ посторонній налетъ. Такъ же точно, какъ сама природа хороша въ своей постоянной, не тронутой человѣческой рукой, непосредственной, хотя и немного дикой, красотѣ, такъ же точно и человѣкъ въ глубинѣ себя не можетъ не быть добръ и справедливъ. И эта врожденная доброта человѣка и облегчаетъ задачу воспитателя.

Но Беларій только слабый набросокъ болѣе могучей фигуры ученаго Просперо въ „Бурѣ“. Когда въ лицѣ Просперо Шекспиръ разобьетъ свой волшебный жезлъ, чтобы навсегда уйти изъ міра, онъ завѣщаетъ ему утѣшенія, уже въ болѣе продуманныхъ словахъ, чѣмъ слова Беларія. И черезъ полтора вѣка человѣчество вспомнитъ воспитательныя затѣи изгнаннаго британскаго полководца и кудесника-отшельника. Онѣ произведутъ тогда чудеса обновления, раскроютъ передъ человѣчествомъ новый просторъ упованій на лучшія времена. Идеи наслѣдника Беларія и Просперо, великаго женевскаго философа, повлекутъ за собой цѣлый переворотъ въ жизненныхъ устояхъ человѣчества.

Евг. Аничковъ.

Древняя монета съ изображеніемъ Кунобеллина.

ЦИМБЕЛИНЪ,

Дѣйствующія лица:

Цимбелинъ, король Британіи.

Клотенъ, сынъ королевы отъ перваго брака.

Леонатъ Постумъ, дворянинъ, супругъ Имогены.

Беларій, изгнанный вельможа, подъ именемъ Моргана.

Гвидерій } сыновья Цимбелина, подъ именами
Арвирагъ } Полидора и Кадвала, мнимыхъ сы-
новей Беларія.

Филаріо, другъ Постума } итальянцы.
Іахимо, пріятель Филаріо }

Кай Луцій, римскій полководецъ.

Пизаніо, слуга Постума.

Корнелій, врачъ.

Французъ, пріятель Филаріо.

Римскій военачальникъ.

Два британскихъ военачальника.

Два лорда.

Два дворянина.

Гадатель.

1-ый тюремщикъ.

2-ой тюремщикъ.

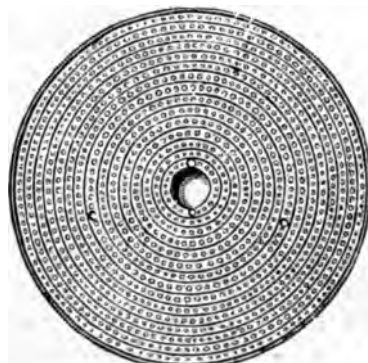
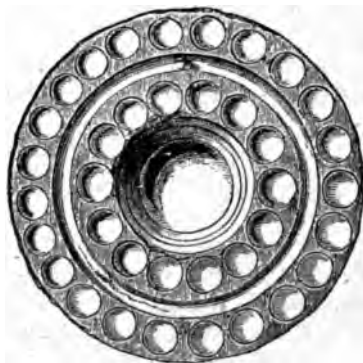
Королева, супруга Цимбелина.

Имогена, дочь Цимбелина отъ перваго брака.

Елена, прислужница Имогены.

Лорды, придворныя дамы, римскіе сенаторы, трибуны, духи, голландецъ, испанецъ, музыканты, военачальники, солдаты, вѣстники и свита.

Мѣсто дѣйствія—частію въ Британіи, частію—въ Римѣ.

ДРЕВНЕ-БРИТАНСКІЕ ЩИТЫ.

ЦИМБЕЛИНЪ ИЗГОНЯЕТЪ ПОСТУМА.

*Картина известнаго англійскаго живописца Гамильтона (W. Hamilton, R. A. 1751—1801).
(Большая Бойделевская Галлерей).*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Садъ при дворцѣ Цимбелина.

Входятъ два дворянина.

1-ый дворянинъ.

Да, пасмуренъ тутъ каждый! Наша кровь
Не болѣе покорна небесамъ,
Чѣмъ королю придворный: каждый хочетъ
Такимъ, какъ онъ, казаться.

2-ой дворянинъ.

Въ чемъ же дѣло?

1-ый дворянинъ.

Онъ дочь свою, наслѣдницу престола,
Хотѣлъ отдать за сына королевы,
Съ которою недавно сочетался;
Но дочь сама себѣ избрала мужа:

Онъ не богатъ, но духомъ благороденъ.
И вотъ онъ изгнанъ, дочь заключена;
На видъ всѣ въ горѣ, а король, конечно,
Скорбитъ въ душѣ.

2-ой дворянинъ.

Ужели онъ одинъ?

1-ый дворянинъ.

И тотъ, кто изгнанъ; ну, и королева,
Желавшая союза. Но за то
Изъ всѣхъ придворныхъ нѣтъ ни одного—
Хотя они предъ королемъ всѣ грустны—
Который бы не радовался тайно
Ихъ общей скорби.

2-ой дворянинъ.

Это почему жъ?

1-ый дворянинъ.

Тотъ, кто невѣсту потерялъ—такая
Дрянная тварь, что хуже быть не можетъ;
А тотъ, кто сталъ ей мужемъ и за это
Въ изгнаніи—такое совершенство,
Что если-бъ свѣтъ пришлось обойти,
Подобнаго другого не отыщешь.
Мнѣ кажется, что нѣтъ ни у кого
Такой души прекрасной въ сочетаньи
Съ тѣлесной красотой.

2-ой дворянинъ.

Вы захвалили!

1-ый дворянинъ.

Нисколько; я скорѣй не дохвалилъ:
Скорѣе сѣзидилъ, чѣмъ расширилъ кругъ
Его достоинствъ.

2-ой дворянинъ.

Какъ его зовутъ

И родомъ онъ откуда?

1-ый дворянинъ.

Я не знаю

Его происхожденія; но Сицилій,
Его отецъ, ходилъ съ Кассибеланомъ
Противъ римлянъ и славою увѣнчался.
Потомъ его Тенанцій отличалъ,
Которому служилъ онъ съ рѣдкимъ сча-
стьемъ.

И призванъ былъ за храбрость Леонатомъ.
Онъ, кромѣ сына этого, имѣлъ
Еще двоихъ, но оба, въ цвѣтъ лѣтъ,
Съ мечомъ въ рукахъ, на полѣ чести пали,
И старецъ такъ былъ этимъ потрясенъ,
Что умеръ отъ тоски. Его жъ вдова,
Родивъ на свѣтъ младенца, о которомъ
Идетъ здѣсь рѣчь, скончалась; но король,
Взявъ сироту-младенца подъ защиту,
Назвалъ его Постумомъ-Леонатомъ.
Онъ воспиталъ его и сдѣлалъ пажемъ,
И путь ему открылъ ко всѣмъ познаньямъ,
Уму его доступнымъ. Онъ науки
Впивалъ въ себя, какъ мы впиваемъ воздухъ,
И ужъ весной далъ жатву; при дворѣ жъ,
Что рѣдкость, былъ любимъ и восхваляемъ:
Для юношей—примѣръ, для возмужалыхъ—
Зерцало всѣхъ душевныхъ совершенствъ,
И поводырь для стариковъ, которые ужъ сами
Итти не могутъ; а его супруга,
Виновница изгнанья, показала
Достоинства души своей вполнѣ,
Избравъ и чтя его за добродѣтель.
По выбору ея судить вамъ можно,
Что онъ за человѣкъ.

2-ой дворянинъ.

Я уважаю

Его изъ словъ ужъ вашихъ. Но скажите
Одна ли дочь у короля?

1-ый дворянинъ.

Одна.

Двухъ сыновей имѣлъ онъ... Если вамъ
О нихъ узнать желательно, то я
Вамъ расскажу. Трехъ лѣтъ былъ старшій
сынъ,
Второй еще въ пеленкахъ, какъ изъ дѣтской
Похитили обоихъ—и донинѣ
Не вѣдаетъ никто объ ихъ судьбѣ.

2-ой дворянинъ.

И ужъ давно?

1-ый дворянинъ.

Лѣтъ двадцать ужъ тому.

2-ой дворянинъ.

Какъ дѣти короля могли исчезнуть!
Какъ можно было ихъ беречь такъ дурно
И не найти потомъ?

1-ый дворянинъ.

Какъ ни странна,

Какъ ни смѣшна подобная небрежность,
А такъ оно на дѣлѣ.

2-ой дворянинъ.

Я вамъ вѣрю.

1-ый дворянинъ.

Намъ нужно удалиться: королева
Идетъ сюда, съ ней Постумъ и принцесса.
(Уходятъ).

Входятъ королева, Имогена и По-
стумъ.

Королева.

Нѣтъ, дочь моя, повѣрь, ты не найдешь
Враждебныхъ чувствъ во мнѣ, какъ говорить
О мачехахъ молва. Хотя куда
Ты узница моя, но твой тюремщикъ
Тебѣ самой вручить ключи темницы.
О васъ же, Постумъ—только лишь удастся
Мнѣ усмирить волненіе короля—
Ходатаемъ я буду; но теперь
Онъ сильно раздраженъ, а потому
Велѣнью покоритесь и терпите,
По указанью мудрости.

Постумъ.

Я, ваше

Величество, сегодня же уѣду.

Королева.

Вы знаете опасность. Я пройдуся

Здѣсь по саду. Любви гонимой горе
 Меня гнететъ, хотя и приказалъ
 Король, чтобъ вы ужъ больше не видались.
(Уходитъ).

Имогена.
 О, доброта притворная! Змѣя
 Щекочетъ нѣжно тамъ, гдѣ уязвляетъ!
 Супругъ мой милый, мнѣ хотя и страшенъ
 Отцовскій гнѣвъ, но, нашъ союзъ священный
 Храня, я не боюсь его ударовъ.
 Ты долженъ ѣхать, я останусь здѣсь—
 Всегдашней цѣлью взоровъ раздраженныхъ.
 Останется одно мнѣ утѣшенье.
 Что мѣръ хранить сокровище мое,
 Чтобъ возвратить ко мнѣ.

Постумъ.
 Моя царица,
 Мой милый другъ, не плачь, чтобъ не сказали,
 Что слабости душевной я поддался,
 Столь недостойной мужа! Я останусь
 Тебѣ навѣкъ супругомъ неизмѣннымъ.
 Я въ Римѣ жить намѣренъ, у Филарьо:
 Онъ друженъ былъ съ отцомъ моимъ, но мнѣ
 По письмамъ лишь знакомъ. Пиши туда—
 Я буду пить слова твои глазами,
 Хоть желчью будь чернила!

Королева *(возвращается)*.
 Поспѣшите!
 Когда король придетъ, то на меня
 Весь гнѣвъ его обрушится *(Въ сторону)*.
 Но лучше

Я подведу сама его сюда:
 Поссорившись со мною, всякій разъ
 Онъ щедро искупаетъ примиренье.
(Уходитъ).

Постумъ.
 Когда-бъ всю жизнь прощанье наше дли-
 лось,
 Разлуки горе все расло-бъ. Прощай.

Имогена.
 О, не спѣши! Когда-бъ ты уѣзжалъ
 Лишь на прогулку получасовую,
 Такъ коротко мы вѣрно-бъ не прощались.
 Мой другъ, вотъ перстень матери моей!
 Возьми его и сохраняй, пока
 Другой жены себѣ не изберешь,
 Когда меня не станетъ.

Постумъ.
 Какъ! другой?
 О, боги, мнѣ лишь эту сохраните,
 Меня жъ избавьте смертью отъ объятій
 Другой жены! *(Надѣваетъ кольцо)*.

О, оставайся тутъ,
 Пока я живъ! О, милая моя,
 Когда свою ничтожность далъ въ обмѣнъ я
 Твоей любви, ты много потеряла:
 Такъ и теперь я въ прибыли отъ дара.
 Носи вотъ эти нѣжные оковы,
 Которыя хочу я наложить
 На узницу прелестную.
(Надѣваетъ ей браслетъ).

Имогена.
 О, боги,
 Когда опять мы свидимся!
Входитъ Цимбелинъ со свитою.

Постумъ.
 Король!
 Цимбелинъ.
 Прочь съ глазъ моихъ, презрѣнный! Если
 будешь
 Еще нашъ дворъ собою тяготить,
 То смерть тебѣ! Ступай: твой видъ не-
 сносный
 Отрава мнѣ.

Постумъ.
 Да сохранять васъ боги
 И съ вами всѣхъ достойныхъ при дворѣ
 Иду. *(Уходитъ).*

Имогена.
 Такихъ тяжелыхъ мукъ, какъ эта,
 У смерти нѣтъ!

Цимбелинъ.
 Преступное созданье,
 Ты юность мнѣ могла бы возвратить,
 А между тѣмъ мнѣ прибавляешь годы.

Имогена.
 Не сокрушайте, государь, себя
 Отдавшись гнѣву; онъ меня не тронетъ.
 Подъ игомъ скорби тяжелой и глубокой
 Исчезъ мой страхъ.

Цимбелинъ.
 А кротость, послушанье?

Имогена.
 Да, нѣтъ надежды—нѣтъ и состраданья.

Цимбелинъ.
 Какъ! сыну королевы отказать!

Имогена.
 Я поступила хорошо: орла
 Я избрала, а ворона отвергла.

ПРОЩАНІЕ ИМОГЕНЫ И ПОСТУМА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Цимбелинъ.

Ты нищаго взяла, чтобъ сдѣлать тронъ мой
Сѣдалищемъ ничтожности.

Имогена.

О, нѣтъ!
Я новый блескъ ему бы придала.

Цимбелинъ.

Презрѣнная!

Имогена.

Вы сами, о родитель,

Виновны въ томъ, что Постума люблю я
Его со мной вы вмѣстѣ воспитали.
Онъ стоитъ каждой женщины и, вѣрно,
Меня собой далеко превосходитъ.

Цимбелинъ.

Что? не сошла ли ты съ ума?

Имогена.

Почти.

Будь Небо мнѣ защитой! О, когда бы
Отецъ мой былъ пастухъ, а Леонать—
Сосѣда сынъ.

Входитъ королева.

Цимбелинъ.

О, глупая дѣвчонка!
Они опять сходились тутъ: опять
Приказъ мой не исполненъ. Взять ее
И запереть!

Королева.

Молю васъ, успокойтесь!
Дочь милая, молчи. Мой государь,
Оставьте насъ однихъ и развлекитесь,
На сколько можно.

Цимбелинъ.

Ну, такъ пусть же сохнетъ
Она на каплю крови каждый день,
И въ старости умретъ въ своемъ безумьи!
(*Цимбелинъ и свита уходятъ*).

Королева.

Ты уступить должна.

Входитъ Пизаніо.

королева.

Вотъ твой служитель.
Что новаго намъ скажешь?

Пизаніо.

Принцъ, вашъ сынъ,
На господина моего напалъ.

Королева.

Несчастья не случилось ли?

Пизаніо.

Могло бы
Оно случиться, но мой господинъ
Скорѣй шутилъ, а не дрался серьезно
И не увлекся гнѣвомъ; постороннимъ
Разнять ихъ удалось.

Королева.

Ахъ, какъ я рада!

Имогена.

Да, сынъ вашъ другъ отцу и за него
Готовъ стоять. Великое геройство—
На бѣднаго изгнанника напасть!
Вотъ лучше бѣ въ Африкѣ они сошлись,
А я бы тутъ съ иголкою стояла
Колоть того, кто будетъ отступать.
Зачѣмъ же ты ушелъ отъ господина?

Пизаніо.

Онъ такъ велѣлъ и не позволилъ мнѣ
Итти за нимъ до гавани; при этомъ
Мнѣ предписанье далъ, какъ вамъ служить,

Коль служба вамъ моя угодна будетъ.

Королева.

Онъ былъ тебѣ всегда слугою вѣрнымъ
И—я ручаюсь—будетъ имъ и впредь.

Пизаніо.

Примите благодарность, королева!

Королева.

Пойдемъ гулять.

Имогена.

А ты зайди ко мнѣ
Черезъ полчаса: ты сходишь на корабль
Къ супругу моему. Теперь оставь насъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Площадь.

Входитъ Клотенъ съ двумя лордами.

1-ый лордъ. Принцъ, я бы вамъ со-
вѣтовалъ перемѣнить сорочку: вслѣдствіе
сильнаго движенія, отъ васъ идетъ паръ,
какъ отъ жертвы. Гдѣ воздухъ выходитъ,
тамъ онъ и входитъ, и никакой внѣшній
воздухъ не можетъ быть такъ здоровъ, какъ
тотъ, который вы отдѣляете.

Клотенъ. Если бы рубашка моя была
окровавлена, то я перемѣнилъ бы ее. Что?
ранилъ я его?

2-ой лордъ (*про себя*). Нисколько, ни
даже его терпѣнья.

1-ый лордъ. Ранили ль его? Да его
тѣло сквозной скелетъ, если онъ не ра-
ненъ; столбовая дорога для стали, если онъ
не раненъ.

2-й лордъ (*про себя*). А его мечъ
обходилъ его, какъ должникъ избѣгающій
встрѣчи съ кредиторомъ и пробирался сто-
ронкой.

Клотенъ. Негодяй! онъ не могъ устоять
противъ меня.

2-й лордъ (*про себя*). Конечно, по-
тому что бѣжалъ впередъ, прямо тебѣ на
встрѣчу.

1-ый лордъ. Гдѣ ему! У васъ самихъ
довольно земли, а онъ захотѣлъ еще уве-
личить ваши владѣнія: онъ уступилъ вамъ
и ту, которая была подъ нимъ.

2-ой лордъ (*про себя*). Да, ровно столько
дюймовъ, сколько у тебя океановъ; олухи!

Клотень. Эхъ, досадно, что намъ помѣшали!

2-ой лордъ (*про себя*). Да и мнѣ досадно, а то бы ты доказалъ намъ, какой длины дуракъ, когда онъ лежитъ на землѣ.

Клотень. И она могла полюбить этого олуха и отвергнуть меня!

2-ой лордъ (*про себя*). Да, если грѣшно сдѣлать хорошій выборъ, то не спастись ей отъ проклятія.

1-ый лордъ. Принцъ, я всегда вамъ говорилъ, что красота ея не соответствуетъ уму; она прелестная картина, но я не замѣтилъ въ ней отраженія ума.

2-ой лордъ (*про себя*). Она не свѣтитъ на дураковъ, чтобъ ей не повредило отраженіе.

Клотень. Пойдемъ въ мою комнату. А жаль, что не случилось бѣды.

2-ой лордъ (*про себя*). Нисколько; развѣ палъ бы осель—такъ это еще небольшая бѣда.

Клотень. Вы пойдете съ нами?

1-ый лордъ. Я слѣдую за вами, принцъ.

Клотень. Нѣтъ, ужъ пойдете всѣ вмѣстѣ.

2-ой лордъ. Извольте, ваше высочество. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ Имогена и Пизаніо.

Имогена.

О, какъ бы я желала, чтобы ты Приросъ, какъ камень, къ берегу морскому И говорилъ бы съ каждымъ кораблемъ. Что, если онъ напишетъ мнѣ, а я Не получу письма? Его утрата Сравнится лишь съ утратою прощенья, Котораго съ тоскою ждетъ преступникъ. Что было у него послѣднимъ словомъ?

Пизаніо.

Послѣднимъ было: „о, моя царица!“

Имогена.

И онъ махалъ платкомъ?

Пизаніо.

И цѣловалъ его.

Имогена.

Бездушный холстъ счастливѣе меня! И это было все?

Пизаніо.

О, нѣтъ, принцесса!

Пока я могъ и слухомъ, и глазами Его отъ прочихъ отличить на декѣ, Онъ все стоялъ, махая мнѣ платкомъ, Перчатками и шляпой, чѣмъ тревогу Своей души печальной выражалъ— Какъ медленно онъ сердцемъ удалялся Отъ этихъ странъ, какъ быстро плылъ корабль!

Имогена.

Ты-бъ долженъ былъ слѣдить за нимъ, покуда Онъ сдѣлался-бъ не болѣе вороны.

Пизаніо.

Я такъ за нимъ, принцесса, и слѣдилъ.

Имогена.

Я надорвала-бъ всѣ глазные нервы, Чтобъ услѣдить за нимъ, пока онъ сталъ бы Величиной съ конецъ моей иглы; Смотрѣла бы за нимъ, пока въ эфирѣ, Какъ мошка, онъ исчезъ бы, и тогда Я отвернулась бы и стала плакать. Когда о немъ получимъ мы извѣстье?

Пизаніо.

Увѣренъ я, что съ первымъ кораблемъ.

Имогена.

Я не простила съ нимъ, а мнѣ хотѣлось Сказать ему такъ много дорогого: Какъ буду я о немъ воспоминать Въ извѣстный часъ, и клятву взяты забыла, Что правъ моихъ и чести онъ своей Не подаритъ красоткамъ итальянскимъ... Я не успѣла вымолить, чтобъ въ полдень, Въ полночный часъ и утромъ въ шесть часовъ

Встрѣчался онъ молитвами со мной, Затѣмъ, что въ это время въ небесахъ Я буду за него; еще хотѣла Я дать ему прощальный поцѣлуй И два волшебныхъ слова; но отецъ мой, Какъ сѣверный суровый вѣтеръ, сдулъ Цвѣтокъ любви, готовый распуститься.

Входитъ придворная дама.

Придворная дама.

Пожалуйте, принцесса, къ королевѣ.

Имогена.

Исполни все, что я тебѣ велѣла— Меня ждетъ королева.

Пизаніо.

Все исполню. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Римъ. Въ домѣ Филаріо.

Входятъ Филаріо, Іахимо, французъ, голландецъ и испанецъ.

Іахимо. Повѣрьте мнѣ, я зналъ его въ Британіи; тогда слава его росла, и всѣ ожидали отъ него тѣхъ достоинствъ, которыя теперь приписываютъ ему; но я и тогда смотрѣлъ бы на него безъ удивленія, если-бъ къ нему припиленъ былъ реэстръ всѣхъ его совершенствъ и я могъ бы прочитать его по статьямъ.

Филаріо. Ты говоришь о томъ времени, когда еще онъ не вполне обладалъ тѣми совершенствами, какія отличаютъ его теперь въ духовномъ и тѣлесномъ отношеніи.

Французъ. Я видѣлъ его во Франціи; но тамъ было много такихъ, которые могли столь-же твердо смотрѣть на солнце.

Іахимо. Онъ женился на дочери короля—и его должно цѣнить не столько по его собственнымъ, сколько по ея достоинствамъ: вотъ главная причина, почему его такъ превозносятъ.

Французъ. И потомъ его изгнанье...

Іахимо. Но и тѣ, которые сочувствуютъ этой печальной разлукѣ и горю принцессы, превозносятъ его выше всякой мѣры, быть можетъ, только потому, чтобы укрѣпить ея выборъ, который бы, конечно, не устоялъ противъ слабаго обстрѣливанія, если бы избранный ею нищій не былъ украшенъ всѣми совершенствами. Но отчего же онъ будетъ жить у васъ? Какъ вы съ нимъ познакомились?

Филаріо. Я былъ товарищемъ его отца по оружію и не разъ былъ ему обязанъ болѣе, чѣмъ жизнью.

Входитъ Постумъ.

Филаріо. Вотъ идетъ этотъ британецъ. Примите его, какъ прилично людямъ съ вашимъ образованіемъ принимать иностранца съ такими достоинствами. Прошу васъ всѣхъ покороче познакомиться съ этимъ господиномъ, котораго представляю вамъ, какъ моего благороднаго друга. Пусть лучше время выкажетъ его достоинства, чѣмъ мнѣ вычислять ихъ при немъ.

Французъ. Мы, кажется, были знакомы съ вами въ Орлеанѣ.

Постумъ. Да, и съ тѣхъ поръ я вашъ должникъ въ тѣхъ любезностяхъ, которыя вы мнѣ оказали, и сколько бы ни старался—все-таки останусь имъ навѣки.

Французъ. О, вы цѣните слишкомъ высоко мои ничтожныя дружескія услуги. Душевно радъ, что успѣлъ примирить васъ съ моимъ землякомъ: было бы жаль, если-бы дошло до кровавой развязки изъ-за такого ничтожнаго дѣла.

Постумъ. Извините меня—я былъ тогда молодой путешественникъ, нѣсколько упрямый, чтобы безусловно соглашаться съ тѣмъ, что мнѣ говорятъ, и мало расположенный въ каждомъ дѣйствіи руководиться опытомъ другихъ. Впрочемъ, и теперь, когда мой умъ уже созрѣлъ—не считите это за хвастовство—дѣло это представляется мнѣ не совсѣмъ ничтожнымъ.

Французъ. Но во всякомъ случаѣ, оно не стоило того, чтобы рѣшать его оружіемъ, особенно для такихъ противниковъ, изъ которыхъ одинъ сразилъ бы другого, или оба пали бы вмѣстѣ.

Іахимо. Не будетъ ли нескромнымъ, если я спрошу, о чемъ былъ этотъ споръ?

Французъ. О, нѣтъ! это дѣло происходило публично, и нѣтъ никакого препятствія рассказать его. Оно похоже на нашъ вчерашній споръ, въ которомъ каждый изъ насъ превозносилъ красавицу своей родины. Этотъ господинъ утверждалъ тогда, и притомъ съ готовностью подтвердить слова свои кровью, что его дама прекраснѣе, добродѣтельнѣе, умнѣе, цѣломудреннѣе, скромнѣе и постояннѣе, чѣмъ лучшая изъ французенокъ.

Іахимо. Конечно, эта дама уже умерла, или увѣренность этого господина стала теперь слабѣе.

Постумъ. Она осталась при своей добродѣтели, а я при своемъ мнѣніи.

Іахимо. Но вы, конечно, не рѣшитесь поставить ее выше нашихъ итальянокъ.

Постумъ. Если-бъ меня такъ же раздражили, какъ тогда во Франціи, я не оцѣнилъ бы ея ни на волосъ ниже, хотя-бы это придало мнѣ видъ не любовника ея, а обожателя.

Іахимо. Утверждать, что она столь же прелестна и добродѣтельна какъ наши итальянки—хотя это слишкомъ общее сравненіе—было бы черезчуръ много для каждой британской дамы. Если она на столько превосходитъ другихъ, которыхъ я зналъ, на сколько этотъ брилльянтъ сіяетъ лучше другихъ, которые я видѣлъ, то я долженъ согласиться, что она только лучше многихъ. Но между многими драгоценностями, какія есть на свѣтѣ, я навѣрное, не видалъ

самой дорогой, такъ же какъ и вы между женщинами самой совершенной.

Постумъ. Я цѣню ее по собственной оцѣнкѣ, какъ и этотъ камень.

Іахимо. А какъ высоко вы его цѣните?

Постумъ. Выше всего, чѣмъ можетъ похвалиться міръ.

Іахимо. Или ваша несравненная любезная не существуетъ, или какая-нибудь ничтожная вещь можетъ быть ея дороже.

Постумъ. Вы въ заблужденіи: одну можно продать или подарить, если у кого достанетъ богатствъ, чтобы пріобрѣсть ее, или заслугъ, чтобы получить ее въ подарокъ; другую же получить не такъ легко: она даръ боговъ.

Іахимо. Который подарили вамъ боги?

Постумъ. Да, и она останется моею по милости боговъ.

Іахимо. Вы можете ее считать своею по имени; но вы знаете—чужія птицы спускаются на прудъ сосѣда. Вашъ перстень можетъ также быть украденъ. Значитъ, изъ вашихъ двухъ безцѣнныхъ сокровищъ одно слабо, а другое подвержено случайностямъ. Искусный воръ или ловкій въ подобныхъ дѣлахъ волокита могутъ попытаться отнять у насъ и то и другое.

Постумъ. Во всей Италіи нѣтъ того искуснаго волокиты, который могъ бы быть опасенъ для чести моей любезной, если вы считаете ее слабою въ сохраненіи своей чести. Я нисколько не сомнѣваюсь, что воровъ у насъ очень много—и я все-таки не боюсь за свой перстень.

Филаріо. Остановимся на этомъ, друзья мои.

Постумъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Этотъ уважаемый синьоръ, спасибо ему, не обходится со мною, какъ съ чужимъ: мы сблизились съ первыхъ же словъ.

Іахимо. Въ пять такихъ бесѣдъ я приложилъ бы себѣ путь къ сердцу вашей любезной и заставилъ бы ее отступить и поколебаться, если бы имѣлъ только доступъ и случай.

Постумъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Іахимо. Я готовъ держать половину моего имѣнія противъ вашего перстня—оно, по моему мнѣнію, стоитъ болѣе—но я держу свой закладъ болѣе противъ вашей увѣренности, чѣмъ противъ чести вашей дамы, и чтобы исключить тутъ всякое оскорбленіе я готовъ сдѣлать это испытаніе съ какою угодно дамою на свѣтѣ.

Постумъ. Вы крайне заблуждаетесь въ своей слѣпой самонадѣянности, и я не

сомнѣваюсь, что вы за подобную попытку получите то, чего достойны.

Іахимо. А что же именно?

Постумъ. Отказъ; хотя эта попытка, какъ вы её называете, заслуживаетъ большаго, а именно: наказанія.

Филаріо. Господа, оставьте этотъ споръ. Онъ возникъ такъ внезапно; пусть онъ и умретъ, какъ родился, и—прошу васъ—узнайте лучше другъ друга.

Іахимо. Я готовъ отвѣчать имѣніемъ своимъ и моего сосѣда, что подтвердилъ бы слова свои дѣломъ.

Постумъ. Какую же даму избираете вы для своего опыта?

Іахимо. Вашу, которой постоянство считаете вы такимъ несокрушимымъ. Я держу десять тысячъ червонцевъ противъ вашего перстня, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы отрекомендовали меня при дворѣ, гдѣ живетъ ваша дама; мнѣ болѣе ничего не нужно, кромѣ случая къ вторичному свиданію, и я привезу вамъ оттуда ея честь, которую вы считаете такою неприступною.

Постумъ. Я готовъ держать злото противъ вашего золота; но перстнемъ моимъ я такъ же дорожу, какъ пальцемъ. онъ часть его.

Іахимо. Вы любовникъ, а потому и осторожны. Но если вы заплатите миллионъ за золотникъ женскаго мяса, то и тогда не предохраните его отъ порчи. Впрочемъ, я вижу, что это для васъ святыня, а потому и трусите.

Постумъ. Вашъ языкъ болтаетъ по привычкѣ, и я считаю ваши намѣренія болѣе честными.

Іахимо. Я полный властелинъ своихъ словъ и готовъ исполнить то, что сказалъ; клянусь въ томъ моей честью.

Постумъ. Исполнили бы? Ну, такъ я довѣрю вамъ мой перстень до вашего возвращенія—пусть будетъ между нами заключенъ формальный договоръ. Моя любезная въ своей добродѣтели стоитъ безконечно выше вашихъ грязныхъ мыслей. Я вызываю васъ на этотъ закладъ: вотъ мой перстень!

Филаріо. Не нужно никакого заклада.

Іахимо. Клянусь богами, онъ состоялся! Если я представлю вамъ достаточныя доказательства, что я овладѣлъ лучшимъ сокровищемъ вашей любезной, то мои десять тысячъ червонцевъ остаются при мнѣ, вмѣстѣ съ вашимъ перстнемъ. Но если я получу отказъ и она сохранитъ свою честь, за которую вы такъ стоите, то она—ваше

сокровище, и тогда этотъ перстень и мое золото—ваши, но съ условіемъ: вы дадите мнѣ рекомендацію, чтобъ получить къ ней доступъ.

Постумъ. Я согласенъ на эти условія; составимъ нашъ договоръ. Вотъ въ чемъ вы мнѣ отвѣтите: если вы оправдаете ваше хвастовство и представите мнѣ ясныя доказательства, что вы побѣдили, то я не буду вамъ врагомъ, ибо тогда она не стоитъ вражды; но если она останется непорочною и вы мнѣ не докажете противнаго, то за дурное мнѣніе и нападеніе на ея невинность вы мнѣ отвѣтите мечомъ.

Іахимо. По рукамъ; идетъ! Мы скрѣпимъ этотъ договоръ законнымъ образомъ, и я тотчасъ отправлюсь въ Британію, чтобъ предпріятіе не простыло и не заглохло. Я принесу свое золото и велю составить письменное условіе.

Постумъ. Согласенъ.

(Постумъ и Іахимо уходятъ).

Французъ. Какъ вы думаете, состоится ли это дѣло?

Филаріо. Синьоръ Іахимо отъ него не отступится. Пойдемте за ними.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Британія. Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ королева, придворныя дамы и Корнелій.

Королева.

Пока роса ночная не обсохла, Скорѣй цвѣтовъ нарвите мнѣ. Гдѣ списокъ?

Придворная дама.

Онъ у меня.

Королева.

Такъ поскорѣе.

(Придворныя дамы уходятъ).

Докторъ,

Принесъ ли ты мнѣ зелій?

Корнелій (подавая ей коробку).

Королева,

Я вашъ приказъ исполнилъ—вотъ они; Но смѣю ли спросить—не разсердитесь На мой вопросъ: его внушаетъ совѣсть—Зачѣмъ составъ вамъ нуженъ ядовитый, Который смерть наноситъ неизбежно, Хоть медленно, но вѣрно?

Королева.

Удивляюсь

Вопросу твоему: не у тебя ли Училась я? не ты ль мнѣ показала, Какъ смѣшивать, перегонять духи, Такъ что не разъ великій нашъ король Хвалилъ мои составы. Не считая Меня въ связи съ нечистымъ, ты не долженъ Тому дивиться, что свои познанья Хочу развить я въ опытахъ другихъ, Такъ и теперь хочу искусства силы Лишь на такихъ животныхъ испытать, Которыхъ мы и вѣшать не желаемъ, Но не на людяхъ. Дѣйствіе узнавъ, Я примѣню его противоядье И разныхъ силъ вліянье испытаю.

Корнелій.

Но опыты такіе ваше сердце Ожесточатъ, а видъ подобныхъ дѣйствій И вреденъ, и противенъ.

Королева.

Будь покоенъ.

Входитъ Пизаніо.

Королева (про себя).

А вотъ и лстецъ лукавый. Такъ съ него-то Я и начну: онъ преданъ господину И ненавидитъ сына моего. (Громко). А, это ты, Пизаніо! Ну, докторъ, Теперь ступай: ты больше мнѣ не нуженъ.

Корнелій (про себя).

Не вѣрю я тебѣ; но не удастся Твой замыселъ.

Королева (къ Пизанію).

Тебѣ сказать хочу я...

Корнелій (про себя).

Ее проникъ я. Пусть воображаетъ, Что я ей далъ медлительнаго яда: Я никому, съ подобною душой, Не ввѣрилъ бы отравы. Что я далъ ей, То чувства лишь на время притупляетъ. Она сперва надъ кошкой иль собакой Попробуетъ, а самъ пойдетъ и выше; Но въ омертвѣнны томъ вреда не будетъ, И жизни духъ, окованный на время, Вновь оживетъ еще свѣжѣе. Пусть Обманется она, въ моемъ коварствѣ Я буду правъ.

Королева.

Ну, докторъ, удались, Пока тебя не позовутъ.

Корнелій.

Иду. (Уходитъ).

Королева.

Ты говоришь, все слезы льетъ она?
Ужель ее не успокоить время
И глупости не превозможеть умъ?
Ты дѣлай все, что можешь. Если скажешь,
Что, наконецъ, ей сынъ мой сталъ любезенъ,
Тогда тебѣ скажу я, что ты сталъ
Такимъ, какъ Постумъ былъ, и даже выше:
Его теперь уже безмолвно счастье,
А имя съ нимъ умереть. Ни возвратиться
Не можетъ онъ, ни жить, гдѣ онъ живетъ;
Мѣнять мѣста ему—мѣнять лишь горе,
И дня труды день новый разрушаетъ.
Чего ты ожидаешь, опираясь
На то, что упадетъ и можетъ
Быть поднято, и даже не имѣетъ
Друзей, чтобъ поддержать его?
(Королева роняетъ коробку. Пизаніо поднимаетъ ее).

Ты поднялъ,

Чего и самъ не знаешь; но за трудъ
Возьми ее себѣ; я составляла
Сама лѣкарство это и пять разъ
Спасала имъ отъ смерти короля:
Нѣтъ лучшаго крѣпительнаго въ мірѣ.
Возьми его въ задатокъ той награды,
Которая назначена тебѣ.
Ты госпожѣ своей представь, какъ должно,
Ея судьбу—какъ-будто отъ себя.
Какое счастье ждетъ тебя, подумай:
Ты милостей принцессы не утратишь,
Приобрѣтешь благоволенье сына
И короля, супруга моего,
Который—я объ этомъ постараюсь—
Исполнить все, чего ни пожелаешь;
И, наконецъ—ручаюсь въ томъ—примѣрно
Твои труды сама я награжу.
Пошли ко мнѣ придворныхъ дамъ и помни
Мои слова. (Пизаніо уходитъ).

Упорный, хитрый плутъ:

Онъ, какъ скала, стоитъ за господина
И вѣрность въ ней питаетъ; но едва
Онъ приметъ то, что я ему дала—
И у нея вѣстовщика не будетъ
Для милаго дружка; а не смирится,
То и сама попробуетъ лѣкарства.

Пизаніо и придворныя дамы возвращаются.

Королева.

Все такъ, все такъ; прекрасно:
Фалки, ноготки, ушки медвѣжьи—
Снесите въ спальню ихъ. Прощай и помни
Слова мои, Пизаніо.

(Королева уходитъ въ сопровожденіи дамъ).

Пизаніо.

Постараюсь.

Но если измѣнить меня заставить свѣтъ,
Я задушу себя—вотъ мой тебѣ обѣтъ!
(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входитъ Имогена.

Имогена.

Отецъ жестокъ, а мачеха лукава,
Женихъ—дуракъ: онъ сватаетъ жену,
Которой мужъ въ изгнаньи. О, несчастный!
Вѣнецъ моей тоски! Ахъ, сколько мукъ
Я за него терплю! Зачѣмъ, какъ братьевъ,
Не унесли меня? Вотъ было-бъ счастье!
Мучительно томиться на престолѣ!
Блаженны тѣ, хотя и въ низкой долѣ,
Чьи скромныя сбываются желанья
На радость имъ. Кто тамъ опять ко мнѣ?

Входятъ Пизаніо и Іахимо.

Пизаніо.

Принцесса, вотъ изъ Рима господинъ
Привезъ письмо отъ вашего супруга.

Іахимо.

Вы, кажется, испуганы, принцесса?
Достопочтенный Леонатъ здоровъ
И вамъ поклонъ сердечный посылаетъ.
(Подаетъ ей письмо).

Имогена.

Благодарю. Я рада вамъ душевно.

Іахимо (про себя).

Въ ней все, что видно глазу—совершенство.
Когда жъ прекрасна также и душа,
То предо мною фениксъ аравійскій.
Я проигралъ! Будь мнѣ подругой, смѣлость,
И съ головы до ногъ вооружи,
Не то, какъ парсь, я убѣгая долженъ биться,
Иль, попросту, бѣжать позорно съ поля.

Имогена (читаетъ).

„Это одинъ изъ благороднѣйшихъ людей,
котораго дружбѣ я безконечно обязанъ.
Прими его такъ, какъ велитъ тебѣ долгъ
твой.“

Леонатъ.

Вотъ это вслухъ; но дальше что онъ пишетъ,
То сердце мнѣ восторгомъ наполняетъ,
И благодарна я ему за то.
Привѣтъ вамъ отъ меня. Что на словахъ
Могу сказать, исполню то на дѣлѣ,
По мѣрѣ силъ.

Іахимо.

Благодарю, принцесса!

О, какъ безумны люди! Имъ природа
Дала глаза, чтобъ видѣть небеса—
Роскошный сводъ надъ моремъ и землею;
Они умѣютъ звѣзды различать
И на кремнистомъ берегу камня—
И отличить не можетъ этотъ органъ
Дурное отъ прекраснаго!

Имогена.

Синьоръ,

Что заставляетъ васъ такъ удивляться?

Іахимо.

Не зрѣнье тутъ виною: павіанъ
Межъ двухъ подобныхъ самокъ предпо-
челъ бы

Одну другой; и умъ нельзя винить:
Вѣдь, идіотъ судьбою былъ бы мудрымъ
Предъ красотой; и чувственность невинна:
Всю грязь ея предъ блескомъ непорочнымъ
Подавить страсть сама, и къ пищѣ гнусной
Манить ее не будетъ.

Имогена.

Сэръ, что съ вами?

Іахимо.

Пресыщенная воля, жадность страсти
И сытой, но все алчущей, сосудъ
Наполненный, но съ течью, пожираетъ
Сперва ягненка, а потомъ еще
Бросается на внутренность.

Имогена.

Скажите,

Что раздражило васъ? Вы не больны ли?

Іахимо.

Благодарю, принцесса, я здоровъ.

(Къ Пизанію).

Прошу васъ, другъ: слуга мой тамъ—сыщите
Его; онъ здѣсь не знаетъ никого.

Пизанію.

Я самъ хотѣлъ итти къ нему съ привѣтомъ.

(Уходитъ).

Имогена.

Что мой супругъ? Скажите, онъ здоровъ?

Іахимо.

Да, онъ здоровъ, достойная принцесса.

Имогена.

И веселъ онъ? Надѣюсь, что онъ веселъ?

Іахимо.

О, какъ еще! Тамъ нѣтъ ни одного,

Кто-бъ такъ любилъ шутить и веселиться,
Какъ онъ, и всѣ за то его зовутъ,
„Повѣсоу-британцемъ“.

Имогена.

Здѣсь, напротивъ

Онъ больше грустенъ былъ, хотя и самъ
Не зналъ тому причины.

Іахимо.

Никогда

Я грустнымъ не видалъ его. Тамъ есть
Одинъ французъ, его пріятель. Онъ
Отличный господинъ и очарованъ
Землячкою своею; то и дѣло
Вздыхаетъ о ней; а нашъ „повѣса-
Британецъ“, вашъ супругъ, надъ нимъ хо-
хочетъ

И говоритъ: „Я со смѣха бы лопнулъ,
Представивъ, что мужчина—зная самъ
Изъ опыта и чтенья, что такое
Всѣ женщины и чѣмъ имъ должно быть—
Въ свободные часы свои тоскуетъ
О вѣрномъ рабствѣ“.

Имогена.

Такъ сказалъ мой мужъ?

Іахимо.

Да, и при этомъ плакалъ онъ отъ смѣха.
И весело послушать, какъ трунить
Онъ надъ французомъ тѣмъ! Но видитъ Небо,
Тамъ многіе съ грѣхомъ.

Имогена.

Не онъ, надѣюсь.

Іахимо.

О, нѣтъ, не онъ; но къ дару Неба должно
Быть болѣе признательнымъ. И странно
Все это въ немъ—при васъ, не по заслугамъ
Дарованной ему. Какъ удивляюсь
Я этому, такъ долженъ я, конечно,
И сострадать.

Имогена.

Кому же это, сэръ?

Іахимо.

Двумъ существамъ.

Имогена.

Не я ль одно изъ нихъ?

Вы на меня смотрите,—иль нашли вы
Во мнѣ причину сострадать?

Іахимо.

О, горе!

Бѣжать отъ блеска солнца и улады
Искать въ тюрьмѣ, при свѣтѣ ночника!

КОРНЕЛІЙ ДАЕТЪ КОРОЛЕВѢ КОРОБКУ СЪ ЯДОМЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ИМОГЕНА.

Прошу васъ, сэръ, скажите откровенно,
Что вамъ велить жалѣть такъ обо мнѣ?

ІАХИМО.

То, что другіе..
Сказать хотѣлъ я... васъ лишаютъ... Но
Обязанность боговъ карать за это,
А не моя рассказывать.

ИМОГЕНА.

Случайно
Вамъ что-нибудь провѣдать удалось,
Что до меня касается. Нерѣдко
Сильнѣе мучить опасенье зла,
Чѣмъ убѣжденіе въ немъ. Иной бѣды
Не избѣжишь; но, во-время узнавъ,
Увращевать ея мы можемъ рану;
А потому скажите, что хотѣли
Вы мнѣ открыть и что васъ удержало?

ІАХИМО.

Когда-бъ я могъ устами прикоснуться
Къ такой щекѣ, къ такой рукѣ лилейной,
Которой лишь одно прикосновенье
Въ душѣ обѣтъ быть вѣрнымъ укрѣпляетъ;
Когда-бъ моимъ былъ этотъ ликъ, манящій
Къ себѣ мой взоръ блуждающій: ужель,
О, стыдъ!—себя дерзнулъ бы осквернить,
Касаясь губъ, всѣмъ общимъ, какъ ступени
У Капитолія; сжимая руки,

Которыя въ коварствѣ постоянномъ—
Коварство—ихъ работа—загрубли;
Впиваясь въ глаза, которыхъ взглядъ
Такъ тусклъ, какъ свѣтъ отъ сальнаго
огарка!

Я стоилъ бы тогда, чтобъ на меня
Обрушились всѣ муки преисподней
За грѣхъ такой!

ИМОГЕНА.

Ужъ не забылъ ли мужъ мой
Британію?

ІАХИМО.

И самого себя.
Я самъ не сталъ бы о его паденьи
Вамъ говорить, когда бы ваша прелесть
Не вызвала, отъ скорби, тяжкихъ словъ
На мой языкъ.

ИМОГЕНА.

Другихъ не нужно болѣ.

ІАХИМО.

О, дивное созданье, ваше горе
Сжимаетъ сердце мнѣ! Жену такую
Прелестную, наслѣдницу царя,
Которая могла-бъ удвоить славу
Великаго монарха, приравнять
Къ прелестницамъ, заплаченнымъ дарами,
Которые отъ васъ онъ получилъ,
Къ бродягамъ зараженнымъ, изъ корысти

Вкусить готовымъ всякую болѣзнь,
Которой соки могутъ отравить
И самый ядъ! Отмстите жъ за себя!
Иль ваша мать была не королева,
И вы пошли не въ свой высокій родъ.

Имогена.

Отмстить—но какъ? будь это даже правда—
Хотя такое сердце у меня,
Что не легко ушамъ повѣрить—какъ
Я буду мстить?

Іахимо.

Заставилъ бы меня

Онъ жить весталкой на холодномъ ложѣ,
Межъ тѣмъ, какъ самъ купается въ утѣхахъ,
Какъ на смѣхъ вамъ, на вашъ же счетъ!

Отмстите!

Я самъ готовъ вамъ предложить себя
Взамѣнъ того, кто кинулъ ваше ложе—
И сохранять любовь я вашу буду
И въ вѣрности, и въ тайнѣ.

Имогена.

Эй, Пизаньо!

Іахимо.

Могу ль скрѣпить объѣтъ мой поцѣлуемъ?

Имогена.

Прочь отъ меня! Проклятіе моимъ
Ушамъ, что долго такъ тебѣ внимали!
Когда-бъ ты честенъ былъ, ты мнѣ ска-
залъ бы.

Такую вѣсть съ желаніемъ добра,
А не съ такой постыдно-низкой цѣлью.
Ты мужа благороднаго чернишь,
Который такъ далекъ отъ клеветы
Твоей, какъ ты—отъ чести; предлагаешь
Свою любовь женѣ, которой ты
Противнѣе, чѣмъ дьяволъ. Эй, Пизаньо!
Я королю скажу про твой поступокъ,
И если онъ найдетъ благопристойнымъ,
Чтобъ вель себя здѣсь, при его дворѣ,
Какъ въ римской банѣ, дерзкій чужеземецъ
И обнажалъ бы скотскій свой порывъ,
То онъ дворомъ своимъ не дорожитъ
И дочь не уважаетъ. Эй, Пизаньо!

Іахимо.

Счастливецъ Леонать! Теперь скажу я:
Увѣренность супруги благородной
Вполнѣ достойна вѣрности твоей,
А блескъ твоихъ достоинствъ отвѣчаетъ
Увѣренности этой. О, живите
Въ блаженствѣ долговѣчномъ, вы, супруга
Достойнѣйшаго мужа на землѣ!
Царица вы того, кто васъ достоинъ!
Простите, я хотѣлъ лишь испытать,

Глубоко ли укоренилась въ васъ
Довѣренность къ нему. Теперь супругъ вашъ
Сталъ снова тѣмъ, кѣмъ былъ: всѣхъ пре-
восходитъ

По нравственности онъ, и такъ собою
Сердца людей чаруетъ, что ему
Всѣ преданы.

Имогена.

Я съ вами примирюсь.

Іахимо.

Онъ точно богъ въ кругу своихъ друзей,
И высоко возносить уваженъе
Надъ смертными его. О, не сердитесь,
Достойная принцесса, что дерзнулъ я
Васъ! ложью испытать! Но ваша мудрость
Явилась въ этой твердости и въ томъ,
Что вами избранъ лучший изъ мужей
И слабостей всѣхъ чуждый. Изъ любви
Къ нему я клеветалъ; но Небесами
Вы созданы превыше всѣхъ. Простите жъ!

Имогена.

Теперь ужъ все забыто. Чѣмъ могу я
Служить вамъ при дворѣ—исполню все.

Іахимо.

Благодарю, принцесса. Я едва
Не позабылъ просить васъ о бездѣлкѣ,
Но важной тѣмъ, что къ вашему супругу
Относится она. Я самъ съ друзьями
Участникъ тутъ.

Имогена.

Скажите, что жъ такое?

Іахимо.

Двѣнадцать насъ, римлянъ, и вашъ супругъ—
У насъ въ крылѣ онъ лучшее перо—
Купить подарокъ Цезарю сложились.
Я, ихъ агентъ, во Франціи досталъ
Изъ серебра работы рѣдкой утварь,
Каменьевъ разныхъ въ дорогой оправѣ
И, какъ пріѣзжій здѣсь, не знаю, гдѣ
Ихъ лучше уберечь: нельзя ли вамъ
На сохраненъе взять ихъ?

Имогена.

О, съ охотой!

И въ цѣлости ихъ вамъ я поручусь.
А такъ какъ мужъ мой въ долѣ тутъ, то
въ спальню
Поставлю ихъ къ себѣ.

Іахимо.

Они въ сундукъ

Уложены; онъ у моей прислуги.
Могу ль прислать его на эту ночь?
Я завтра долженъ ѣхать.

Имогена.

О, нѣтъ, нѣтъ!

Іахимо.

Простите мнѣ—я долженъ, или слово
Нарушу я. Изъ Галліи сюда
Я плылъ затѣмъ, что видѣть васъ желалъ
И общалъ.

Имогена.

Благодарю за трудъ!
Но завтра вы не ѣдете.

Іахимо.

Я долженъ,
А потому прошу васъ, если будетъ
Отъ васъ письмо къ супругу, напишите
Сегодня же: я ужъ и такъ промедлилъ;
Намъ очень важно поднести подарокъ
Ко времени.

Имогена.

Я напишу. Пришлите
Ко мнѣ сундукъ. Онъ будетъ сбереженъ
И въ цѣлости вамъ отданъ. До свиданья!
(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Дворъ предъ дворцомъ Цимбелина.

Входятъ Клотенъ и два лорда.

Клотенъ. Ну, было ли съ кѣмъ такое
несчастіе! мой шаръ уже приближался къ
другимъ—и вдругъ его отшибли! Я го-
товъ былъ поставить сто фунтовъ; а тутъ
еще проклятый ротозѣй привязался къ мо-
имъ ругательствамъ, какъ-будто я занялъ
ихъ у него и не могу сорить ими, какъ
мнѣ вздумается.

1-ый лордъ. И что онъ выигралъ этимъ?
Вы разбили ему голову шаромъ.

2-ой лордъ (*про себя*). Будь у него въ
головѣ столько ума, сколько у разбившаго
ее, то онъ, конечно, бы вытекъ.

Клотенъ. Если человѣку знатнаго рода
придетъ охота ругаться, то прилично ли
присутствующимъ вмѣшиваться и препят-
ствовать его ругательствамъ? А?

2-ой лордъ. Нѣтъ, принцъ! (*Про себя*).
Такъ же, какъ и тебѣ терзать имъ слухъ.

Клотенъ. Проклятая собака! И тре-
буетъ еще удовольствія! Вотъ если бъ
онъ былъ мнѣ равный!

2-ой лордъ (*про себя*). То-есть такой
же дуралей, какъ ты?

Клотенъ. Чортъ поberi! ничто насвѣтъ
не можетъ разсердить меня такъ! Лучше
бы я былъ не такого знатнаго рода: никто
и подражаться-то со мною не смѣетъ, оттого
что я сынъ королевы; каждый дуракъ де-
рется, сколько душѣ угодно, а я хожу одинъ,
какъ пѣтухъ, къ которому никто не смѣетъ
подступить.

2-ой лордъ (*про себя*). Ты и похожъ
на пѣтуха, потому что пѣтушишься.

Клотенъ. Ну, что ты скажешь?

2-ой лордъ. Вашей свѣтлости непри-
лично драться со всякимъ, кого вы оскор-
били.

Клотенъ. Я самъ это знаю; но развѣ я
не могу оскорблять тѣхъ, кто ниже меня?
2-ой лордъ. Да, это можно только вамъ
однимъ.

Клотенъ. Ну вотъ, я самъ такъ ду-
маю.

1-ый лордъ. Вы слышали объ ино-
странцѣ изъ-за моря, который сегодня ве-
черомъ пріѣхалъ ко двору?

Клотенъ. Изъ-за моря—и я объ этомъ
ничего не знаю?

2-ой лордъ (*про себя*). Онъ самъ за-
морскій звѣрь—и этого не знаетъ!

1-ый лордъ. Это италіанецъ, и какъ
говорятъ, другъ Леоната.

Клотенъ. Леоната? этого выгнаннаго
негодяя? Стало-быть, и этотъ такая же
птица, кто бы онъ ни былъ. Кто сказалъ
тебѣ объ этомъ иностранцѣ?

1-ый лордъ. Одинъ изъ пажей вашей
свѣтлости.

Клотенъ. Прилично ли будетъ, если я
пойду посмотрѣть на него? Не унижу ли я
этимъ себя?

2-ой лордъ. Вамъ, принцъ, нельзя себя
унизить.

Клотенъ. Да, я думаю, что это не
такъ легко.

2-ой лордъ (*про себя*). Ты такой отъ-
явленный дуракъ и на столько ниже всѣхъ
по уму, что тебя ничто не сдѣлаетъ ниже,
что бы ты ни сдѣлалъ.

Клотенъ. Пойдемъ, я хочу взглянуть
на этого италіанца. Что проигралъ я въ

шары, то ворочу съ него сегодня же вечеромъ. Пойдемъ.

2-ой лордъ. Къ вашимъ услугамъ, принцъ!

(*Клотенъ и 1-ый лордъ уходятъ*).

Могла же мать, лукавая, какъ дьяволъ, Родить осла! Она своимъ умомъ Всего достигнуть можетъ; сынъ ея же Вовѣкъ не вытетъ двухъ изъ двадцати, Чтобы въ остаткѣ вышло восемнадцать. О, бѣдная принцесса Имогена! Что ты должна терпѣть! Тутъ—твой отецъ Рабъ мачехи, тамъ—мать съ сѣтями козней, А тутъ—женихъ, который ненавистнѣй Тебѣ, чѣмъ ссылка милого супруга И съ нимъ разводъ. Да укрѣпить Всевышній Въ тебѣ твердыню чести и избавить Отъ оскверненья храмъ твоей души! Да награждать за вѣрность, наконецъ, Тебя возвратъ супруга и вѣнецъ!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Спальня Имогены. Въ углу стоитъ сундукъ.

Имогена читаетъ, лежа въ постели. Въ отдаленіи Елена.

Имогена.

Кто здѣсь? Елена, ты?

Елена.

Я здѣсь, принцесса!

Имогена.

Который часъ?

Елена.

Теперь почти что полночь.

Имогена.

Ужъ три часа читала я: устали Глаза. Загни тутъ листъ и спать ложись. Свѣчу оставь—пускай она горитъ; А если ты часа въ четыре встанешь, То разбуди меня. Сонъ такъ и клонитъ.

(*Елена уходитъ*).

Подъ свой покровъ меня примите, боги, И сохраните бѣдную меня Отъ духовъ злыхъ и грѣшныхъ искушеній! (*Она засыпаетъ*).

Іахимо выходитъ изъ сундука.

Іахимо.

Сверчки поютъ; уставшій отъ трудовъ

Крѣпитъ покоемъ силы. Такъ Тарквиній, По тростнику подкравшись, разбудилъ Невинность злодѣяньемъ. О, Цитера, Какъ можешь ты свое украсить ложе! Ты—лилія, бѣлѣе всѣхъ покрововъ! Могу ль тебя коснуться поцѣлуемъ— Однимъ лишь поцѣлуемъ? Вы, рубины Небесныя, какъ нѣжно вы сомкнулись! Все здѣсь ея дыханья ароматомъ Наполнено. Огонь свѣчи—и тотъ Склонился къ ней и хочетъ заглянуть Подъ сѣнь рѣсницъ, чтобы увидѣть звѣзды, Закрытыя завѣсами окна: Лазурь и бѣлизну подъ мракомъ неба. Однако, мнѣ пора заняться дѣломъ; Замѣчу все кругомъ и запишу: Картины тѣ и тѣ; вотъ здѣсь окно; Постели пологъ, тутъ коверъ, фигуры— Все матерьялъ для моего разсказа. Ахъ, если бъ мнѣ открытъ на ней примѣту, Которая скрѣпила бы вѣрнѣе, Чѣмъ тысячи другихъ, мои слова! Ты, обезьяна смерти, сонъ, сильнѣе Сдави ее: пускай она лежитъ, Какъ статуя во храмѣ! Снять скорѣе!

(*Снимаетъ съ нея браслетъ*).

Онъ, точно узелъ гордіевъ, запутанъ. Ты мой! Вотъ онъ, наглядный мой свидѣтель! Могучій, какъ сознанье, онъ, навѣрно, До бѣшенства супруга доведетъ. А, пятнышко на лѣвой груди! Точно Пять капелекъ пурпурныхъ на вѣнцѣ У ноготка. Вотъ этотъ мой свидѣтель Сильнѣе, чѣмъ судейскій приговоръ: Онъ вмигъ его увѣритъ въ томъ, что я Сорвалъ замокъ и чести кладъ похитилъ. Довольно! Что жъ—чего недостаетъ? Къ чему писать, что врѣзалъ и замкнулъ Я въ памяти! Она сейчасъ читала Исторію Терей: листъ заложенъ На мѣстѣ, гдѣ сдается Филомела. Теперь скорѣй въ сундукъ: замкнись пружина!

Впередъ, драконы ночи! Пусть отъ лучей разсвѣта

Ослѣпнуть очи ворона! Мнѣ страшно! Тамъ ангелъ спитъ, а здѣсь бушуетъ адъ.

(*Бьютъ часы*).

Разъ, два, три! Ну, теперь пора ложиться

(*Скрывается въ сундукъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Передъ комнатою Имогены.

Клотенъ и два лорда.

1-й лордъ. Ваша свѣтлость при проигрышѣ самый терпѣливый и хладнокровный человѣкъ, какой только вскрывалъ карты.

Клотенъ. Я думаю, каждому холодно, когда онъ проигрываетъ.

1-й лордъ. Но не каждый такъ терпѣливъ, какъ показали вы, принцъ, своимъ благороднымъ примѣромъ, вы орячитесь и раздражаетесь только тогда, когда выигрываете.

Клотенъ. Выигрышъ придаетъ храбрости. Еслибъ мнѣ только удалось овладѣть этой своенравной Имогеной, то у меня было бы довольно золота. Никакъ ужъ утро?

1-й лордъ. Ужъ день на дворѣ, ваша свѣтлость.

Клотенъ. Когда-бъ скорѣе пришла музыка; мнѣ присовѣтывали позабавить ее утромъ музыкою; говорятъ, это пройметъ ее.

Входятъ музыканты.

Клотенъ. Эй, сюда! настройте инструменты! Если вамъ удастся пробрать ее пальцами—тѣмъ лучше; тогда мы попытаемся и языкомъ. Если же и это не поможетъ, то пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, а я отъ нея не откажусь. Сперва отличную, ловко-подлаженную штучку, а потомъ—чудно-сладостную арію съ эдакими забористо-чувствительными словами—тогда посмотримъ, что будетъ.

ПѢСНЯ.

Чу! жаворонка пѣснь звучить,
И Фебъ ужъ въ путь готовъ:
Коней росою онъ поитъ
Изъ вѣнчиковъ цвѣтовъ.
Страхнувши сонъ свой, ноготки
Глядятъ на небеса,
И улыбаются цвѣтки.
Вставай, моя краса,
Вставай, вставай!

Клотенъ. Ну, теперь, ступайте! Если это подѣйствуетъ—тѣмъ болѣе чести вашей музыкѣ, а нѣтъ, то уши у нея съ изъясномъ, котораго не исправятъ ни волосыяныя, ни кишечныя струны, ни голоса всѣхъ на свѣтѣ кастратовъ.

(Музыканты уходятъ).

Входитъ Цимбелинъ и королева.

2-ой лордъ. Вотъ идетъ король.

ЦАХИМО въ спальнѣ ИМОГЕНЫ.

Картина известнаго англійскаго живописца Весталля (Richard Westall, R. A. 1765—1836), (малая Бойделовская Галлерей).

Клотенъ. Я очень радъ, что до такой поздней поры оставался на ногахъ, потому что теперь чуть свѣтъ, а я уже на ногахъ. Онъ, какъ отецъ, приметъ это за доказательство моей любви. Честь имѣю пожелать вашему величеству и вамъ, матушка, добраго утра.

Цимбелинъ.

Не ждешь ли нашей дочери суровой
Здѣсь у дверей? Она не выходила?

Клотенъ. Я попытался атаковать ее музыкой; но она не удостоила меня своимъ вниманіемъ.

Цимбелинъ.

Да, въ ней свѣжо еще изгнанье друга:
Онъ въ памяти у ней; но скоро время
Его изгладитъ изъ ея души—
Тогда она твоя.

Королева.

Къ тебѣ король

Такъ милостивъ: ходатаемъ твоимъ
У дочери онъ будетъ; но и ты
Старайся самъ понравиться; ищи

Имогена.

Вотъ дураки, такъ тѣ ужъ
Съума не сходятъ.

Клотенъ.

Такъ значить—я дуракъ?

Имогена.

Такъ говорить мнѣ, сумасшедшей, можно!
Уймется вы—и мой недугъ пройдетъ:
Мы оба исцѣлимся. Мнѣ досадно,
Что изъ-за васъ забыть должна я скромность
И рѣзко отвѣчать. Разъ навсегда
Я вамъ скажу, свое извѣдавъ сердце,
Что я про васъ и слышать не хочу
И до того чуждаюсь снисхожденья—
Въ чемъ и винюсь—что ненавижу васъ.
Когда-бъ о томъ вы сами догадались,
Мнѣ этимъ бы хвалиться не пришлось.

Клотенъ.

Вы преступили долгъ повиновенья
Родителю. Вашъ бракъ съ презрѣннымъ
нищимъ,

Котораго вскормили подаяньемъ
И крохами двора, совсѣмъ не бракъ.
И если низкому породой—кто же
Ничтожнѣ его?—дозволить нужно
Скрѣплять узломъ по произволу сердце,
Вся цѣль кого—плодить свое отродье
Для нищенской суммы, то какъ же васъ
Не удержалъ отъ этакого срама
Престоль отца? Вы не должны сквернить
Достоинство его рабомъ ничтожнымъ,
Наемникомъ, лакеемъ, свинопасомъ,
Которому и это званье—честь.

Имогена.

Презрѣнный, будь Юпитера ты сыномъ,
А въ остальномъ такимъ же, какъ теперь,
То и тогда не стоилъ бы назваться
Его рабомъ; и если по заслугамъ
Обоихъ васъ цѣнить, высокой честью
Ты былъ бы облеченъ, когда бы сталъ
Подручнымъ палача въ его владѣньяхъ—
И былъ бы ты противенъ всѣмъ за это
Отличіе.

Клотенъ.

Убей его чума!

Имогена.

Быть названнымъ тобою—для него
Всего ужаснѣе. Сквернѣйшая одежда,
Какую могъ носить онъ, для меня
Дороже всѣхъ волосъ твоихъ, хотя бы
Изъ каждаго родился ты. Пизаньо!

ІАХИМО снимаетъ браслетъ съ руки
ИМОГЕНЫ.

*Рисунокъ извѣстнаго нѣмецк. художника проф.
Лиценмейера (Liechtenauer, род. 1839).*

Входитъ. Пизаньо.

Клотенъ.

Его одежда? Чортъ меня возьми!

Имогена (Пизанію).

Ступай скорѣй—сыщи мнѣ Доротею.

Клотенъ.

Его одежда!

Имогена.

Словно домовой,

Дуракъ меня преслѣдуетъ и сердить.
Вели браслетъ ей поискать—онъ какъ-то
Съ руки моей свалился: онъ супругомъ
Мнѣ подаренъ, и я не промѣняю
Его на всѣ сокровища царей.
Онъ, кажется, при мнѣ былъ нынче утромъ,
Но съ вечера—я помню хорошо—
Онъ былъ на мнѣ: его я цѣловала.
Не убѣжалъ же къ мужу онъ сказать,
Что безъ него другого я цѣлую.

Пизанію.

Онъ сыщется.

Имогена.

Надѣюсь. Поищи же!
(Пизанію уходитъ).

Клотенъ.

Обидно мнѣ: „сквернѣйшая одежда“...

Имогена.

Да, такъ сказала я; когда хотите
Начать процессъ—свидѣтелей зовите.

Клотенъ.

Я вашему отцу скажу.

Имогена.

Да кстати

И матери; она жъ меня такъ любитъ,
Что ей пріятно будетъ на меня
Позлобствовать. Имѣю честь остаться
Подъ вашей злобой. (*Уходитъ*).

Клотенъ.

О, я отомщу!

„Сквернѣйшая одежда!“ Хорошо же!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Римъ. Комната въ домѣ Филаріо.

Входятъ Постумъ и Филаріо.

Постумъ.

Не бойся, другъ; когда бъ я былъ увѣренъ
Такъ въ возвращеніи милостей монарха,
Какъ въ вѣрности жены!

Филаріо.

Но что же ты
Для примиренья сдѣлалъ?

Постумъ.

Ничего!

Жду, что придетъ, и дрогну на морозъ
Въ надеждѣ теплыхъ дней. Прими пока
Признательность мою: когда надежда
Обманетъ—должникомъ твоимъ умру.

Филаріо.

Ты дружбою и обществомъ своимъ
Мнѣ заплатилъ съ избыткомъ. Вашъ король
Теперь съ послами Августа. Кай Луцій
Исполнить порученье, и король
Заплатитъ дань свою и недоимки,
Не то—опять увидитъ наше войско,
А память ихъ у васъ еще свѣжа.

Постумъ.

Я не политикъ и не буду имъ,
Но думаю, что быть войнѣ, и вы
Услышите скорѣй, что ваше войско
Въ безстрашную Британію вступило,

Чѣмъ тамъ хоть пенсъ внесутъ. Народъ
британскій

Теперь искуснѣй въ ратномъ дѣлѣ сталъ,
Чѣмъ былъ въ тѣ времена, какъ Юлій
Цезарь

Смѣялся надъ незнаніемъ его,
Съ досадою дивясь его отвагѣ.
Теперь искусство, слитое съ отвагой,
Всѣмъ можетъ доказать, что нашъ народъ
Идетъ впередъ за вѣкомъ.

Входитъ Іахимо.

Филаріо.

А, Іахимо!

Постумъ.

Знать, быстрые олени васъ несли,
А паруса всѣ вѣтры цѣловали,
Чтобъ вашъ корабль быстрѣй летѣлъ.

Филаріо.

Съ пріѣздомъ!

Постумъ.

Надѣюсь, что такъ скоро вы вернулись
Отъ скорого отвѣта.

Іахимо.

Признаюсь,

Супруга ваша, благородный Постумъ,
Прелестнѣй всѣхъ, кого я только зналъ.

Постумъ.

И лучше всѣхъ, а то бы красотой
Она въ окно манила лишь сердца,
Обманывая ихъ.

Іахимо.

Вотъ вамъ и письма.

Постумъ.

Пріятныя?

Іахимо.

Надѣюсь, что пріятны.

Филаріо.

Кай Луцій былъ въ Британіи, когда
Вы были тамъ?

Іахимо.

Его тамъ ожидали,
Но онъ еще не прибылъ.

Постумъ (*прочитавъ письмо*).

Хорошо.

Что—камень мой попрежнему блеститъ,
Иль плохъ для васъ?

Іахимо.

Когда-бъ я проигралъ,

То золота-бъ на столько не лишился.
Но я готовъ свершить вторичный путь
Для ночи, столь пріятной и короткой,
Какъ ночь въ Британіи. Вашъ перстень мой.

Постумъ.

Трудненько вамъ добраться до него.

Іахимо.

Супруга ваша трудъ мнѣ облегчила.

Постумъ.

Ну, не шутите проигрышемъ такъ:
Вы знаете, намъ быть нельзя друзьями.

Іахимо.

Зачѣмъ же нѣтъ, когда мы сохранимъ
Условіе? Вотъ если-бъ я пріѣхалъ
Сюда ни съ чѣмъ, то мы дрались бы съ вами;
Но, выигравъ супруги вашей честь,
Я выигралъ и перстень; я невиненъ
Предъ ней и предъ вами, поступая
Съ согласія обоихъ.

Постумъ.

Если вы

Докажете, что съ ней дѣлили ложе,
То перстень вашъ; не то—за клевету
Позорную мой мечъ иль вашъ лишится
Хозяина, а можетъ быть, и оба
Падутъ изъ рукъ и будутъ тамъ лежать,
Пока ихъ подберутъ.

Іахимо.

Что я открою,

То къ правдѣ близко такъ, по всѣмъ при-
мѣтамъ,
Что вы повѣрите; но я готовъ
Все клятвой подтвердить, хотя, надѣюсь,
Вы отъ нея избавите меня,
Найдя ее ненужной.

Постумъ.

Говорите.

Іахимо.

Такъ слушайте жъ: во-первыхъ, спальня.

Въ ней,

Я сознаюсь, не спалъ; ну, да и было
Изъ-за чего не спать. Она обита
Обоями изъ шелку съ серебромъ;
На нихъ искусно выткана шелками
Исторія свиданья Клеопатры
Съ Антоніемъ, возлюбленнымъ ея;
Подъ ними Киднъ свои вздымаетъ волны
Отъ гордости иль тяжести судовъ.
Работа такъ искусна и богата,
Что мастерство въ ней борется съ цѣной.
Довольно надивиться я не могъ,

ІАХИМО показываеъ ПОСТУМУ браслетъ
ИМОГЕНЫ.

*Картина Вестоля (Richard Westall). (Малая
Бойделевская Галлерей).*

Какъ въ ней все ярко, тщательно и нѣжно
И, вмѣстѣ, полно жизни.

Постумъ.

Такъ, но это

Вы услышать могли и отъ меня,
Иль отъ другихъ.

Іахимо.

Слова мои скрѣпятъ

Подробности другія.

Постумъ.

Дайте ихъ,

Не то—вы чести клеветникъ.

Іахимо.

На югъ

Стоитъ каминъ, украшенный Діаной
Въ купальнѣ. Я прелестнѣй изваянья
Не видывалъ. Творя его, художникъ
Природу превзошелъ—и только нѣтъ
Дыханья и движенья.

Постумъ.

И про это

Могли узнать вы также изъ рассказовъ:
Оно извѣстно всѣмъ.

Іахимо.

На потолокъ
Красуются амуры золотые.
Чуть не забылъ—луцерны для огня:
Изъ серебра два милыхъ Купидона
Стоять и дремлютъ, нѣжно опершись
На факелы.

Постумъ.

И это честь ея!
Ну, пусть вы это видѣли—хвалю
Я вашу память; только описаньемъ
Того, что было въ комнатѣ, закладъ
Еще не выигранъ.

Іахимо (*показывая браслетъ*).

Ну, такъ блѣднѣйте,
Коль можете! Я эту драгоценность
На воздухъ выпущу: смотрите—вотъ!
Ну, спрятано. Ее мы съ вашимъ перстнемъ
Соединимъ: теперь они мои.

Постумъ.

Юпитеръ! Дайте, дайте мнѣ взглянуть:
Онъ тотъ ли, что я далъ ей?

Іахимо.

Да, тотъ самый.
Спасибо ей: она его сняла.
Вотъ какъ теперь смотрю: ея движеніе
Милѣй подарка было, возвышая
Достоинство его. Она сказала,
Вручая мнѣ его, что ей когда-то
Онъ дорогъ былъ.

Постумъ.

Быть можетъ, ей хотѣлось
Послать его ко мнѣ.

Іахимо.

Она такъ пишетъ?

Постумъ.

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы правы. Вотъ возь-
мите!

(*Отдаетъ ему перстень*).

Для глазъ моихъ онъ василискъ и взглядомъ
Убьетъ меня. Нѣтъ чести въ красотѣ,
Нѣтъ вѣрности въ смиреніи наружномъ,
И нѣтъ любви, гдѣ есть другой мужчина.
Обѣты женщинъ такъ же ненадежны,
Какъ добродѣтель ихъ; они—ничто.
О, верхъ коварства!

Филаріо.

Успокойся, другъ!

Оставь себѣ кольцо; оно куда
Еще твое; быть можетъ потеряла
Она браслетъ, иль кто-нибудь изъ слугъ,
Подкупленный, укралъ его.

Постумъ.

Да, правда—
И, вѣрно, такъ достался онъ ему.
Вы мнѣ представьте признакъ болѣ вѣрный,
Чѣмъ эта вещь: украдена она.

Іахимо.

Клянусь Юпитеромъ, онъ мною снятъ
Съ ея руки.

Постумъ.

Ты слышишь: онъ клянется,
Юпитеромъ клянется! Да, я вѣрю!
Возьмите перстень мой: я вѣрю вамъ!
Нельзя ей было потерять: прислуга
У ней вѣрна—поддастся ли на подкупъ,
Притомъ отъ иностранца? Нѣтъ, она
Была его: вотъ знакъ ея паденья
Какъ дорого позоръ она купила!
Возьми свое—и пусть барышъ раздѣлять
Всѣ дьяволы съ тобой!

Филаріо.

Другъ, успокойся:
Все это недостаточно, чтобъ быть
Увѣрену.

Постумъ.

Нѣтъ! болѣе ни слова!
Она была его.

Іахимо.

Угодно вамъ
Сильнѣйшихъ доказательствъ? На груди,
Горячихъ ласкъ достойной, есть значокъ,
Гордящійся столь сладостнымъ мѣстечкомъ.
Я цѣловалъ его, клянусь, и голодъ
Вновь возбудилъ въ себѣ, хотя и былъ
Сытехонекъ. Вамъ памятно, конечно,
То пятнышко?

Постумъ.

Оно—пятно позора,
Какой въ себѣ вмѣститъ лишь можетъ адъ,
Хотя бы адъ его лишь и вмѣщаль.

Іахимо.

Хотите ль вы еще меня послушать?

Постумъ.

Оставьте ариеметику свою,
Оставьте перечень; скажите разомъ—
Милльонъ.

Іахимо.
Клянусь...

Постумъ.
И этого не нужно:
Въ противномъ поклянетесь—
будетъ ложь,
И я убью тебя, коль отречешься,
Что мнѣ нанесъ позоръ.

Іахимо.
Не отрекусь.
Постумъ.
Будь здѣсь она, ее бы на куски
Я разорвалъ. Да, я пойду туда
И во дворцъ, въ глазахъ ея отца
Исполню это... не оставлю такъ!
(Уходитъ).

Филаріо.
Онъ внѣ себя! Вы выиграли споръ.
Пойдемъ за нимъ, чтобъ съ горя
надъ собою
Не сдѣлалъ онъ чего.

Іахимо.
О, я готовъ! (Уходятъ).

АВГУСТЪ.

(Античная статуя въ Мюнхенѣ).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Другая комната въ домѣ Филаріо.

Постумъ.
Ужели безъ участія жены
Нельзя родиться? Всѣ мы незаконны—
И тотъ почтенный мужъ, кого отцомъ
Я называлъ, былъ Богъ въсть гдѣ въ то
время,
Какъ зачали меня: я былъ чеканенъ
Монетчикомъ фальшивымъ. Мать моя
Слыла тогда Діаною, какъ нынѣ.
Слыветъ моя жена. О, мщенье, мщенье!
Она отъ ласкъ законныхъ устранилась,
Воздержности пресила отъ меня
И розовой стыдливостью своей
Воспламенить могла бы и Сатурна;
Она была, казалось мнѣ, чиста,
Какъ снѣгъ, не знавшій солнечныхъ лучей.
О, дьяволы! Іахимо смуглый—въ часъ—
Не правда ль? нѣтъ, скорѣе въ мигъ: едвали
Успѣлъ промолвить слово, точно вепрь
Откормленный, прохрюкалъ только „о“—
И овладѣлъ. Препятствіе одно
Нашелъ онъ, что подумалъ, какъ могла бы

Она его сдержать и что могло
Препятствовать ему. О, если бъ мнѣ
Все женское въ себѣ искоренить!
Клянусь, въ мужчинахъ нѣтъ такихъ по-
роковъ,
Которыхъ онъ не получилъ-бы
Отъ женщины въ наслѣдіе: обманъ—
Есть свойство женщинъ; лести и лживость
ихъ же;
Плотская страстность ихъ же, мщеніе ихъ же,
Коварство, скупость, честолюбье, спѣсь,
Предательство, измѣнчивость, капризы—
Все, что клеймимъ названіемъ порока,
Что аду лишь извѣстно одному—
Все это ихъ, иль частью, иль вполне,
Вѣрнѣе, что вполне, затѣмъ что въ нихъ
Нѣтъ постоянства даже и въ порокахъ:
Одинъ изъ нихъ, прожившій только мигъ,
Смѣняется другимъ, еще моложе.
Я стану противъ нихъ писать—и загремѣтъ
Проклятiя. Нѣтъ, чтобъ насытить мщенье,
Хочу молить, дать волю ихъ влеченью:
Сильнѣе кары не найдетъ и адъ!
(Уходитъ).

ДЪЙОТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Зала во дворцѣ Цимбелнна.

Входятъ съ одной стороны Цимбелинъ, королева, Клотенъ и свита; съ другой— Кай Луцій и его свита.

Цимбелинъ.

Скажи, чего желаетъ Августъ Цезарь?

Луцій.

Когда здѣсь Юлій Цезарь былъ—который На памяти у многихъ и навѣкъ Здѣсь пишу далъ и языку, и слуху— И покоришь страну, Кассибеланъ, Твой дядя, чтимый Цезаремъ самимъ, Какъ онъ того и стоилъ по заслугамъ, И за себя, и за своихъ потомковъ, Ему въ уплатѣ Риму обязался Трехъ тысячъ фунтовъ ежегодной дани. И вотъ теперь ее ты прекратилъ.

Королева.

И впредь ея не будетъ, чтобъ дивиться Вы перестали, наконецъ.

Клотенъ.

Мы много

Увидимъ цезарей, пока на свѣтъ Другой родится Юлій. Край британскій— Отдѣльный міръ; мы за свои носы Платить не будемъ вамъ.

Королева.

Удача, время,

Что помогли вамъ насъ поработить, Теперь и намъ помогутъ дать отпоръ. О, государь, подумайте о предкахъ, А также и о томъ, что островъ нашъ Весь укрѣпленъ природой! Онъ стоитъ, Какъ паркъ Нептуна, всюду окруженный Скалами неприступными, пучиной Клокочущей, грядою мелей, гдѣ Проходу нѣтъ судамъ врага, иль будутъ До выпеловъ они поглощены. Да, родъ побѣды одержалъ здѣсь Цезарь, Но не пришлось ему тутъ похвалиться Своимъ „пришель, увидѣлъ, побѣдилъ“. Нѣтъ, со стыдомъ, испытаннымъ впервые, Онъ два раза бѣжалъ отъ береговъ. Его суда на нашемъ страшномъ морѣ, Какъ скорлупа, носились, и валы

Ихъ безъ труда разбили объ утесы. Кассибеланъ, успѣхомъ ободренный, Ужъ былъ готовъ—обманчивое счастье— У Цезаря изъ рукъ исторгнуть мечъ, Огнями городъ Люду освѣтить, И бриттъ возсталъ, гордясь своей побѣдой.

Клотенъ. Ну, да что тутъ толковать! Дань платить мы больше не будемъ; теперь наше государство сильнѣе, чѣмъ было тогда, и, какъ я уже сказалъ, нѣтъ больше такихъ цезарей: иные могутъ имѣть такіе же горбатые носы, но ни у кого нѣтъ такихъ сильныхъ рукъ.

Цимбелинъ. Сынъ, не мѣшай говорить королевѣ.

Клотенъ. Между нами найдутся люди, которые постоятъ за себя не хуже Кассибелана; я не говорю, что я одинъ изъ такихъ, но и у меня есть кулаки. Что за дань! За что мы будемъ платить ее? Вотъ если Цезарь можетъ закрыть отъ насъ простынею солнце или спрятать въ карманъ мѣсяцъ—ну, тогда мы станемъ платить ему за свѣтъ; а иначе, сэръ, дани не будетъ; коротко и ясно.

Цимбелинъ.

Примпхни самъ: пока съ насъ не взялъ дани Насильно Римъ, народъ свободенъ былъ. Но честолюбье Цезаря росло, Такъ что почти расторгло все строенье Вселенной. Онъ безъ права и предлога Надѣлъ на насъ ярмо; его стряхнуть, Народъ отважный долженъ, а такимъ Считаemъ мы себя. Итакъ, повѣдай Ты Цезарю, что предкомъ нашимъ былъ Мульмуцій: онъ законы создалъ намъ: Мечъ Цезаря изранилъ ихъ, но мы Возстановить должны ихъ нашей властью. Пускай за это гнѣвается Римъ— Мульмуцій далъ законы намъ и первый Изъ бриттовъ былъ, который увѣнчалъ Себя вѣнцомъ и королемъ назвался.

Луцій.

Съ прискорбіемъ я долженъ, Цимбелинъ, Тебѣ сказать при всѣхъ, что Цезарь Августъ, Тотъ, у кого царей подвластныхъ больше, Чѣмъ у тебя придворныхъ, сталъ отнынѣ Тебѣ врагомъ. Отъ имени его Британіи войну и разоренье Провозглашаю я. Тебя постигнетъ

АУДИЕНЦІЯ ЛУЦІЯ У ЦИМБЕЛИНА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Весь гнѣвъ его за вызовъ; за себя же
Благодарю.

Цимбелинъ.

Я радъ тебѣ, Кай Луцій.

Твой Цезарь сдѣлалъ воиномъ меня!
Я юношей служилъ при немъ; онъ далъ
Мнѣ честь—теперь отнять ее желаетъ;
Но за нее я на смерть буду биться.
Я знаю, что паннонцы и далматы
Завоевать хотятъ себѣ свободу:
Не возбуди примѣръ ихъ и британцевъ—
Ихъ трусами сочтутъ; но никогда
Насъ не найдетъ такими Августъ Цезарь.
Луцій. Дѣло все рѣшить.
Клотень. Его величество вамъ радъ.

Погостите у насъ день, два или долѣе; а
если вы потомъ пожелаете къ намъ съ
другою цѣлью, то найдете насъ затянутыми
въ поясъ изъ соленой воды; если вамъ
удастся выбить насъ изъ него, то онъ вашъ;
а если вы ляжете при этой попыткѣ, то
доставите отличный обѣдъ нашимъ воро-
намъ. Вотъ и все.

Луцій. Такъ точно, принцъ.

Цимбелинъ.

Мысль Цезаря я знаю, онъ—мою;
А въ остальномъ я всѣмъ вамъ радъ ду-
шевно.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Другая комната во дворцѣ.

Входитъ Пизаніо съ письмами.

Пизаніо.

Что? какъ невѣрность? Что же ты не пишешь?
Какой подлецъ ее оклеветалъ?
О, Леонатъ, мой господинъ, какою
Наносною чумою зараженъ
Твой слухъ? Какой коварный итальянецъ—
У нихъ, вѣдь, ядъ въ рукахъ и языкъ—
Смутилъ твой умъ? Невѣрность! Нѣтъ, за
вѣрность

Она теперь, скорѣе, какъ богиня,
Чѣмъ какъ жена, страдаетъ и несетъ
Нападки ихъ, которая другую
Сломить могли бы. О, мой господинъ!
Ты ниже сталъ ея душой, чѣмъ прежде
Рожденіемъ былъ. И мнѣ ль ее убить,
Во имя клятвы вѣрности и долга,
Что мной дана? Мнѣ ль кровь ея пролить?
Коль служба эта честная, то честнымъ
Слугой меня не называй. Каковъ же
Передъ людьми я съ виду долженъ быть,
Когда ты мнѣ даешь такое дѣло?
(*Читаетъ*). „Исполни это; въ томъ она сама,
По моему письму, тебѣ поможетъ“.
Проклятый листъ, ты черенъ, какъ чернила!
Безчувственная тряпка, въ этомъ дѣлѣ
Участница и ты, а непорочной
Такую кажешься. А! вотъ она.

Входитъ Имогена.

Пизаніо.

Я притворюсь, какъ-будто неизвѣстно
Мнѣ ничего.

Имогена.

Что у тебя, Пизанъ?

Пизаніо.

Мой господинъ письмо вамъ посылаетъ.

Имогена.

Какъ? господинъ твой? Стало быть, и мой!
О, какъ бы тотъ прославился астрономъ,
Который звѣзды зналъ бы такъ, какъ я
Его письмо: онъ будущее зналъ бы.
О, боги, пусть, что здѣсь хранить бумага,
Мнѣ говоритъ лишь о любви, о томъ,
Что онъ здоровъ, доволенъ; но разлукой
Лишь огорченъ. Цѣлительна бываетъ
Для насъ печаль, и здѣсь она усилить
Его любовь. Пускай онъ всѣмъ доволенъ,
Но только бы не этимъ. Милый воскъ,
Позволь мнѣ снять тебя. Благословенье

Да будетъ, пчелы, вамъ, что вы слѣпили
Такой замокъ любовныхъ тайнъ! Молитвы
Любовниковъ и должниковъ различны.
Виновныхъ вы бросаете въ тюрьму,
А рѣчь любви скрѣпляетъ привѣтно.
О, боги, вѣсть пріятную мнѣ дайте!

(*Читаетъ*).

„Судъ и гнѣвъ твоего отца, если-бъ
онъ схватилъ меня въ своихъ владѣннхъ,
не могутъ такъ жестоко поразить меня,
чтобъ взоръ твой, моя дорогая, не возвра-
тилъ меня къ жизни. Знай, что я теперь
въ Кембри, въ Мильфордской гавани. Слѣ-
дуй совѣту, какой подастъ тебѣ любовь
при этомъ извѣстіи. Желая тебѣ всевоз-
можнаго счастья и, вѣрный своимъ обѣ-
тамъ, остаюсь съ возрастающею къ тебѣ
любовію, твой Леонатъ Постумъ“.

Скорѣй! коня крылатога! Ты слышалъ,
Пизаніо? Въ Мильфордѣ онъ: скажи,
Далеко ль это? Вѣдь, иной туда
Изъ пустяковъ въ недѣлю доползаетъ,
Такъ не могу ли въ день я долетѣть?
Пизаніо мой вѣрный, вѣдь и ты
Его желаешь видѣть, хоть не такъ,
Какъ я, слабѣй, чѣмъ я, однако
Желаешь же, хоть все не такъ, какъ я:
Я—безконечно! О, скажи скорѣе—
Ты, какъ любви союзникъ, былъ бы долженъ
Для словъ моихъ открыть всѣ входы слуха.
Далеко ли счастливый тотъ Мильфордъ?
И какъ Валлисъ такъ счастливъ сталъ,
что въ немъ

Такая гавань есть! Иль нѣтъ! во-первыхъ,
Скажи, какъ намъ отсюда ускользнуть
И чѣмъ отлучки время до возврата
Намъ извинить? Но прежде—какъ уйти?
Къ чему впередъ объ извиненьяхъ думать?
Ихъ послѣ мы прищемъ. О, скажи,
Мы много ли проѣхать можемъ въ часъ
Десятковъ миль?

Пизаніо.

Десятка одного,

Принцесса, вамъ на цѣлый день достанетъ.

Имогена.

И тотъ, кого ведутъ на казнь, не будетъ
Тащиться такъ. Про скачки я слыхала,
Гдѣ лошади бѣгутъ быстрѣй песка
Въ часахъ. Но нѣтъ, ребячество, вѣдь, это.
Скажи моей служанкѣ, чтобъ она
Прикинулась больной и опросилась
Домой къ отцу. Ты припаси мнѣ платье
Дорожное, попроще, чтобъ годилось
Для мызницы.

БЕЛАРІЙ, ГВИДЕРІЙ и АРВИРАГЪ НА МОЛИТВЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Пизаніо.

Подумайте, принцесса!

Имогена.

Я лишь впередъ гляжу, но ни направо,
Ни влѣво, ни назадъ: повсюду тамъ
Слѣпить меня туманъ. Прошу, скорѣе
Исполни все, пусть будетъ страхъ забыть.
Въ Мильфордъ! Туда мнѣ путь одинъ от-
крытъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Валлисъ. Гористая страна съ пещерою.

БЕЛАРІЙ, ГВИДЕРІЙ и АРВИРАГЪ
выходятъ изъ пещеры.

БЕЛАРІЙ.

Какъ ясенъ день: зачѣмъ сидѣть подъ
кровлей,
Гдѣ такъ она низка? Нагнитесь, дѣти!
Васъ эта дверь молиться Небу учить—
Она склоняетъ васъ къ святой молитвѣ
Въ часъ утренній. Царей могучихъ двери
Такъ высоки, что въ нихъ пройдетъ гигантъ,

Не снявъ чалмы надменной, чтобы утру
Отдать поклонъ. Привѣтъ тебѣ, о, Небо!
Мы, дѣти горъ, къ тебѣ не такъ суровы,
Какъ жители дворцовъ.

Гвидерій.

Привѣтъ тебѣ, о, Небо!

Арвирагъ.

Привѣтъ тебѣ, о, Небо голубое!

Беларій.

Теперь на ловъ. На этотъ холмъ внесутъ
Васъ молодая ноги; я жъ въ долинѣ
Останусь тутъ. Замѣьте же, когда я
Вамъ покажусь не болѣе вороны,
Что мѣсто все растить и уменьшаетъ—
Припомните, что я вамъ говорилъ
О короляхъ, дворахъ, дѣлахъ военныхъ:
Та служба, что исполнена, не служба,
Пока ее такую не признали.
Сужденіемъ такимъ изо всего
Мы пользу извлекаемъ: въ утѣшеніе
Самимъ себѣ, мы часто сознаемъ,
Что скорлупой покрытый жукъ счастливѣй
Парящаго орла. О, эта жизнь
Достойнѣе, чѣмъ лестъ и униженіе;
Богаче, чѣмъ бездѣлье и застой;
Важнѣе, чѣмъ шелковъ заемныхъ шелестъ.
Хоть шеголю поклонъ отвѣситъ тотъ,
Кѣмъ онъ одѣтъ, но счетъ все будетъ сче-
томъ.

Всѣхъ лучше наша жизнь.

Гвидерій.

Вы говорите

По опыту; но мы, еще птенцы
Безкрылые, далеко отъ гнѣзда
Не отлетали и не знаемъ даже,
Каковъ и воздухъ тамъ. Пусть наша жизнь
Всѣхъ лучше, если лучшее покой.
Тебѣ милѣй она затѣмъ, что зналъ
Ту худшую; но намъ она лишь склепъ
Незнанія, тюрьма, гдѣ заключенный
Переступить границъ ея не смѣетъ.

Арвирагъ.

О чемъ же будемъ говорить, когда
Состаримся? когда снаружи будутъ
Декабрьскій дождь и вѣтеръ бушевать?
Какъ намъ тогда, въ пещерѣ заключеннымъ,
Дни зимніе бесѣдой коротать?
Мы ничего не видѣли; мы—звѣри:
Лукавы, какъ лиса на ловлѣ; смѣлы,
Какъ волкъ на травлѣ; наша храбрость вся
Лишь въ томъ, что мы преслѣдуемъ бѣгу-
щихъ;

А наша пѣснь, какъ въ клѣткѣ пѣсня птицы
Звучить свободно о своей неволѣ.

Беларій.

Въ васъ говоритъ неопытность. Когда бы
Узнали вы пороки городовъ,
Извѣдали тщету придворной жизни,
Съ которою такъ сжиться тяжело
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ тягостно разстаться,
Гдѣ вѣрное паденье—быть вверху,
Гдѣ скользко такъ, что страхъ упасть оттуда
Несноснѣе паденья самого,
А тягости войны, гдѣ, ради славы,
Опасностей лишь ищутъ, чтобъ потомъ
Найти въ нихъ смерть и часто вмѣсто славы
Позорное надгробіе стяжать;
Гдѣ часто подвигъ чести ненавистенъ
И долженъ злѣбъ уступить! Ахъ, дѣти!
Все это свѣтъ на мнѣ увидѣть можетъ:
Я весь изсѣченъ римскими мечами,
Я выше всѣхъ когда-то былъ по славѣ,
Самъ Цимбелинъ любилъ меня, и въ войскѣ
Во всѣхъ устахъ мое звучало имя.
Какъ дерево, покрытое плодами,
Я былъ тогда; но какъ-то темной ночью,
Иль ураганъ, иль воры—назовите,
Какъ можете—плоды съ меня обили
И самый листъ—и нагъ остался я
Подъ стужею.

Гвидерій.

Измѣнчивое счастье!

Беларій.

Проступокъ мой, какъ я вамъ говорилъ,
Былъ только тотъ, что два коварныхъ плута,
Которыхъ клевета верхъ одержала
Надъ честностью моею, сказали королю,
Что я въ союзѣ съ Римомъ. И за это
Я изгнанъ былъ, и вотъ ужъ двадцать лѣтъ,
Какъ этотъ лѣсъ и скалы—мой пріютъ.
Я здѣсь живу въ свободѣ благородной
И небесамъ плачу молитвы долгъ
Усерднѣе, чѣмъ прежде. Но довольно!
Ступайте въ лѣсъ; то не языкъ ловцовъ.
Кто первый дичь сразить стрѣлой пернатой,
Тотъ будетъ нынче нашимъ королемъ
На празднествѣ; ему жъ другіе оба
Служить должны, и мы не побоимся
Предательской отравы, что порой
За пышными столами угрожаетъ.
Въ долинѣ здѣсь сойдемся мы опять.

(Гвидерій и Арвирагъ уходятъ).

Какъ трудно скрыть природы искры! Имъ
Не грезится, что ихъ отецъ—властитель,
И Цимбелинъ не знаетъ, что они
Еще живутъ; отцомъ своимъ считаютъ

Они меня. Хотя въ пещерѣ тѣсной
Въ ничтожествѣ выросли они, но мыслью
Они парятъ къ величію дворцовъ.
Природа учить ихъ въ дѣлахъ ничтожныхъ
Свой царскій духъ являть, къ чему другой
Искусствомъ не дойдетъ. Вотъ Полидоръ,
Наслѣдникъ Цимбелина и короны
Британской—онъ Гвидеріемъ былъ названъ
Своимъ отцомъ вѣнчаннымъ. О, Юпитеръ!
Когда я, сѣвъ на свой трехногій стулъ,
Начну рассказъ о подвигахъ военныхъ,
Свершенныхъ мною въ юности—онъ весь
Проникнется восторгомъ; какъ скажу я:
„Такъ палъ мой врагъ, такъ придавилъ ногой
Я грудь ему!“—вдругъ царственная кровь
Къ щекамъ его прихлынетъ, на челѣ
Проступитъ потъ, и молодые члены
Мои слова движеньемъ выражаютъ.
Меньшой Кадвалъ, онъ звался Арвирагомъ,
Не менѣе стремителенъ въ движеньяхъ
И рѣчь мою живить, волнуясь больше,
Чѣмъ слушающій. Но чу! спугнули дичь!
О, Цимбелинъ! Зевесъ и совѣсть знаютъ,
Что изгнанъ я цевинно—и за то
Твоихъ дѣтей, двухъ первенцовъ твоихъ—
По третьему и по второму году—
Я у тебя похитилъ: мнѣ хотѣлось
Лишить тебя потомковъ, какъ тобой
Былъ я лишень всего. Ты, Эврифила,
Вскормила ихъ—и матерью считали
Они тебя и чтутъ твою могилу;
Меня жъ, Беларія—теперь Моргана—
Зовутъ отцомъ. Но началась охота.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Близъ Мильфорда.

Входятъ Имогена и Пизаніо.

Имогена.

Когда съ коней сошли мы, ты сказалъ,
Что скоро мы на мѣстѣ. Никогда
И мать моя ко мнѣ такъ не стремилась,
Какъ я къ нему. Пизаніо, гдѣ же Постумъ?
Что у тебя въ душѣ, что такъ ты мраченъ?
Что значить твой глубокой вздохъ? Когда-бы
Нарисовать кого такимъ, то въ немъ
Отчаянья нашли-бъ изображеніе.
Ахъ, измѣни свой видъ ужасный, прежде
Чѣмъ чувства мнѣ безуміе осилить!
Что сдѣлалось съ тобой? зачѣмъ даешь
Мнѣ этотъ листъ съ такимъ зловѣщимъ
взоромъ?
Вѣсть о веснѣ—такъ улыбайся ей;

А о зимѣ—то къ ней твой видъ подходитъ.
Его рука! Отравленъ онъ дыханьемъ
Италіи, бѣда ему грозитъ?
Да говори жъ! Твои слова, быть можетъ,
Смягчатъ ударъ губительный, который
Меня убьетъ при чтеньи.

Пизаніо.

Нѣтъ, прочтите:

Увидите тогда, какое горе
Готовитъ мнѣ, несчастному, судьба.

Имогена (*читаетъ*).

„Госпожа твоя, Пизаніо, какъ потаску-
шка, опозорила мое брачное ложе; доказа-
тельства этого облили кровію мое сердце.
Я говорю это не изъ слабаго подозрѣнія,
но изъ полнаго убѣжденія, которое сильно,
какъ моя скорбь, и вѣрно, какъ мое мщеніе.
Ты долженъ исполнить его за меня, Пизаніо,
если вѣрность твоя не поколебалась отъ
ея вѣроломства. Убей ее собственною рукою:
я доставлю тебѣ къ тому случай въ гавани
Мильфорда. Для этой цѣли она получить
отъ меня письмо. Если ты побоишься убить
ее и удостовѣрить меня въ исполненіи моего
приказа, то ты соучастникъ ея безчестія и
измѣнникъ передо мною“.

Пизаніо.

Къ чему мнѣ трогать мечъ? Уже пронзило
Ей грудь письмо. Нѣтъ, это клевета!
Она разить сильнѣе всѣхъ мечей;
Она всѣхъ нильскихъ гадювъ ядовитѣй;
Ея слова, летя на крыльяхъ бури,
Позорятъ каждый край: царей, царицъ
И дѣвъ, и женщинъ; даже въ сѣнь могилы
Ползетъ ехидна клеветы. Что съ вами?

Имогена.

Я невѣрна? Что значить быть невѣрной?
Безъ сна лежать и думать лишь о немъ?
И плакать каждый часъ? А одолѣетъ
Природу сонъ—дрожать отъ страшной грезы
О немъ и вскакивать въ испугъ? Это ль
Невѣрной ложу значить быть? Скажи,
Не это ли?

Пизаніо.

О, добрая принцесса!

Имогена.

Я невѣрна? Гдѣ жъ совѣсть тутъ? Іахимо,
Когда его въ распутствѣ ты винилъ,
Ты мнѣ казался низкимъ; но теперь
Ты лучше сталъ. Знать, римская сорока,
Обязанная красотой румянамъ
Опутала его; а я ему
Не хороша: я—платье не по модѣ.
Но слишкомъ дорога; чтобъ такъ висѣть.

А потому—въ куски меня разрѣзать!
Предатели—мужскія клятвы намъ!
О, мой супругъ! черезъ твое паденье
Все стало зломъ, что носить видъ добра;
Не тамъ его отчизна, гдѣ оно
Блестить: оно приманкой лишь для женщинъ
Положено.

Пизаніо.
Послушайте, принцесса.

Имогена.
Въ тѣ времена, когда Эней скитался
И честныхъ за обманщиковъ считали;
Синона плачъ позорилъ честныхъ слезы,
И горе состраданія лишалъ:
Такъ, Постумъ, ты всѣхъ честныхъ запят-
налъ!
Да, благородство, доблесть—ложь, измѣна
Съ тѣхъ поръ, какъ палъ ты. Ну, ступай,
исполни,
Какъ слѣдуетъ, велѣнье господина.
Когда его увидишь, похвали
Слегка мою покорность. Вотъ, смотри,
Твой мечъ сама я вынула: рази
Любви пріютъ невинный—это сердце!
Что медлишь? Въ немъ все пусто; лишь
осталась
Одна тоска, въ немъ нѣтъ и господина.
А прежде онъ хранился въ немъ, какъ кладъ.
Исполни же приказъ: рази! Быть можетъ,
Ты былъ бы храбръ въ другомъ, честнѣй-
шемъ дѣлѣ,
А въ этомъ—трусъ.

Пизаніо (*бросая мечъ*).
Прочь, подлое орудье!
Не оскверню тобой руки,

Имогена.
Но я
Должна же умереть. Когда не ты
Меня убьешь, то не слуга ты честный;
Святой законъ клянеть самоубійство,
И слабая рука моя дрожить,
Вотъ грудь моя! Что это? Прочь, не нужно
Ей никакой охраны—пусть она
Покорна будетъ, какъ ножны. Что это?
А, письма Леоната! Вы теперь
Не ересью ли стали? Вы сгубили
Мою святую вѣру. Прочь отсюда—
Вамъ не лежать у сердца моего!
Такъ вѣрить лжи невинное дитя;
Обманутый страдаетъ отъ обмана,
Но и обманщикъ кары не уйдетъ.
Да, Постумъ, ты, который къ послушанью
Родителю увлекъ меня, что я
Руки моей искателей вѣнчаныхъ

Съ презрѣнемъ отвергала—ты узнаешь,
Что это былъ поступокъ не пустой.
А подвигъ рѣдкій; грустно бы мнѣ было
Подумать, какъ, насытившись своей
Преступною любовью, будешь ты
Терзаться, вспомнивъ обо мнѣ. Скорѣ!
Ягненокъ ободряетъ мясника.
Рази! Гдѣ мечъ? Что жъ медлишь ты ис-
полнить

Его приказъ, когда и я сама
Прошу тебя объ этомъ?

Пизаніо.
О, принцесса,
Съ тѣхъ поръ, какъ я приказъ тотъ получилъ,
Я глазъ не могъ сомкнуть!

Имогена.
Ну что жъ? исполни,
Потомъ засни.

Пизаніо.
Нѣтъ, лучше пусть отъ бдѣнья
Глаза мои ослѣпнутъ!

Имогена.
Такъ зачѣмъ же
Ты соглашался съ нимъ? зачѣмъ напрасно
Проѣхалъ столько миль? зачѣмъ мы здѣсь?
Къ чему клонились всѣ твои старанья,
И лошадей безплодная усталость,
И поздній часъ, и это безпокойство
Двора, куда нельзя мнѣ возвратиться?
Зачѣмъ зашелъ такъ далеко и вдругъ
Оставилъ цѣль въ виду желанной дичи?

Пизаніо.
Мнѣ время лишь хотѣлось протянуть,
Чтобъ устранить себя отъ злого дѣла!
И вотъ, принцесса, я придумалъ планъ,
Который васъ я выслушать съ терпѣнемъ
Прошу.

Имогена.
Болтай, пока не истощишься!
Я слышала названье потаскушки,
И эта ложь такъ сердце мнѣ пронзила,
Что раны я измѣрить не могу.

Пизаніо.
Я думаю, что вы не возвратитесь.

Имогена.
Ну, да!—ты самъ привелъ меня сюда,
Чтобъ умертвить.

Пизаніо.
О, нѣтъ, не оттого!
Когда бы такъ уменъ я былъ, какъ честенъ,

Имогена рази
Люби пріють невинный—это сердце.

Картина англійскаго художника Горнера (John Horpner, R. A., 1758—1810).

Мой планъ повелъ бы къ счастью; я увѣренъ,
Мой господинъ сталъ жертвою обмана:
Какой-нибудь мерзавецъ, ловкій плутъ,
Обоихъ васъ предательски опуталъ.

Имогена.
Да, римская любовница скорѣе.

Пизаніо.
Клянусь, что нѣтъ! Я извѣщу его,
Что вы убиты и пошлю ему
Окровавленный признакъ, какъ велѣлъ онъ.
Васъ при дворѣ не будетъ, это слуху
Скорѣй заставитъ вѣрить.

Имогена.
Но, мой другъ,
Что жъ буду дѣлать я? куда я скроюсь?
И что за радость жизнь, когда мертва
Для мужа я?

Пизаніо.
Хотите ль ко двору?

Имогена.
Нѣтъ, ни къ отцу, ни ко двору, гдѣ мучилъ
Меня надменный, грубый тотъ пошлякъ,
Клотень. Его искательство страшнѣе
Осады мнѣ.

Пизаніо.
Когда не при дворѣ—
Въ Британіи вамъ мѣста нѣтъ.

Имогена.
Но гдѣ же?
Иль солнце лишь въ Британіи сіяетъ?
Иль день и ночь лишь тутъ? Для всей все-
ленной

Британія побочное звено;
Въ большомъ пруду—гнѣздо лебяжье: люди
Живутъ и внѣ Британіи.

Пизаніо.
Я радъ,
Что вы о томъ припомнили. Кай Луцій,
Посланникъ римскій, завтра же прибудетъ

Чѣмъ въ нихъ во всѣхъ; все лучшее отъ
каждой
Соединилось въ ней, и всѣхъ собою
Она затмить: за то ее люблю;
Но презирать меня и отдавать
Свою любовь холопу—это такъ
Ея позорить вкусъ, что помрачаетъ
Всѣ прелести ея—и вотъ за это
Я ненавижу питаю къ ней и буду
Ей мстить. Когда глупцы хотятъ...

Входитъ Пизаніо.

Клотенъ.

Кто тамъ?
Такъ это ты, негодный, строишь козни?
Подя сюда, продажный сводникъ! Гдѣ
Твоя принцесса? Говори, не то—я
Пошлю тебя ко всѣмъ чертямъ!

Пизаніо.

О, принцъ!

Клотенъ.

Принцесса гдѣ? не то, клянусь Зевесомъ,
Не повторю вопроса. Плутъ упорный,
Я эту тайну вырву у тебя,
Или изъ сердца вырѣжу кинжаломъ;
Она теперь у Постума—скажи?
У Постума, въ которомъ пудъ позора
Не дастъ и грана чести.

Пизаніо.

Но, милордъ,
Какъ быть ей съ нимъ? Давно-ль ея здѣсь
нѣтъ,
А онъ, вѣдь, въ Римѣ.

Клотенъ.

Гдѣ жъ она? Скорѣе!
Оставь свои увертки—отвѣчай,
Что съ нею сдѣлалось?

Пизаніо.

Свѣтлѣйшій принцъ!

Клотенъ.

Свѣтлѣйшій ты мерзавецъ! Говори:
Гдѣ госпожа твоя? сейчасъ же,
Безъ всякихъ тамъ свѣтлѣйшихъ, а не то—
Твое молчанье будетъ приговоромъ
И смертью для тебя.

Пизаніо.

Сэръ, вотъ письмо:
Вы въ немъ найдете все, что о побѣгѣ
Извѣстно мнѣ.

(Подаетъ ему письмо).

Клотенъ.

Посмотримъ. Я за нею
Пойду до трона Августа.

Пизаніо *(про себя)*.

Что дѣлать?
Иль это, или смерть. Теперь принцесса
Ужъ далеко. Что онъ прочтетъ—ему
Доставить трудъ, а ей безвредно.

Клотенъ.

А!

Пизаніо *(про себя)*.

Я извѣщу его, что все исполнилъ.
О, Имогена, путь тебѣ счастливый!
Ступай же въ Римъ и возвратись въ от-
чизну!

Клотенъ.

Въ письмѣ подлога нѣтъ?

Пизаніо.

Я въ томъ увѣренъ.
Клотенъ. Это рука Постума—я ее знаю.
Ну, слушай: если ты перестанешь быть мо-
шенникомъ, а будешь вѣрно служить мнѣ,
исполнять всѣ мои порученія съ полнымъ
усердіемъ, то-есть, какое бы плутовство ни
поручилъ я тебѣ, исполнить его вѣрно и
добросовѣстно, то я буду считать тебя за
честнаго человѣка; ты можешь тогда раз-
считывать на мою помощь и на содѣйствіе
къ твоему возвышенію.

Пизаніо. Я готовъ, благородный принцъ.

Клотенъ. Ну, такъ ты согласенъ мнѣ
служить? Если ты такъ терпѣливо и вѣрно
служилъ нищенскому счастью Постума, то,
по долгу благодарности, будешь вѣрнымъ
моимъ слугою. Хочешь служить мнѣ?

Пизаніо. Хочу, принцъ.

Клотенъ. Протягивай руку: вотъ тебѣ
мой кошелекъ. Есть ли у тебя что изъ
платья твоего прежняго господина?

Пизаніо. У меня спрятано то самое,
принцъ, въ которомъ онъ былъ въ день
разлуки съ моей госпожою.

Клотенъ. Такъ начни службу своею тѣмъ,
что принеси мнѣ это платье. Вотъ это бу-
детъ твоя первая служба. Ступай.

Пизаніо. Сію минуту, принцъ. *(Уходитъ)*.

Клотенъ. Мнѣ нужно застать ее въ
Мильфордской гавани. Я забылъ спросить
его еще объ одномъ; ну, да это не уйдетъ.
Вотъ тамъ то я убью этого негодяя—По-
стума. Поскорѣ бы только достать его
платье. Она сказала мнѣ разъ—и горечь

этихъ словъ до сихъ поръ у меня въ сердцѣ—что самое послѣднее платье у Постума—для нея дороже моей собственной благородной особы, со всѣми ея совершенствами. Въ этомъ самомъ платьѣ хочу я овладѣть ею; но прежде убью его въ ея же глазахъ: пусть увидитъ она мою храбрость, и это будетъ ей мученіемъ за ея высокомеріе. Когда же будетъ онъ у ногъ моихъ, и я, наругавшись порядкомъ надъ его трупомъ, утолю свою страсть—что, какъ сказалъ я, исполню ей въ насмѣшку въ томъ же самомъ платьѣ—я пинками погоню ее домой. Ей доставляло удовольствіе презирать меня, такъ и я же наслажусь своимъ мщеніемъ.

Пизаніо возвращается съ платьемъ.

Клотенъ. То ли это платье?

Пизаніо. То самое, принцъ.

Клотенъ. А давно ли отправилась она въ Мильфордъ?

Пизаніо. Она едва ли тамъ теперь.

Клотенъ. Отнеси это платье ко мнѣ въ комнату: вотъ вторая тебѣ служба; третья—чтобъ ты никому не говорилъ о моемъ намѣреніи. Будь только вѣренъ—и ты достигнешь вышихъ почестей. Мое мщеніе теперь въ Мильфордѣ: если-бъ у меня были крылья летѣть туда за нею! Пойдемъ—и будь мнѣ вѣренъ! (*Уходитъ*).

Пизаніо.

Совѣтъ плохой: тебѣ чтобъ вѣрнымъ быть, Я господину долженъ измѣнить.

Ступай въ Мильфордъ! Не будетъ исполненія

Твоимъ мечтамъ. Пошли благословенье,
О Небо, ей! Глупцу пошли преграды,
Чтобъ онъ не зналъ въ дѣлахъ своихъ от-
рады.

СЦЕНА VI.

Валлисъ. Передъ пещерой Беларія.

Входитъ Имогена въ мужскомъ платьѣ.

Имогена.

О, тяжела, я вижу, жизнь мужчины:
Устала я. Двѣ ночи мнѣ постелью
Была земля, и я изнемогла бы,
Когда-бъ меня мой планъ не ободрялъ.
Мильфордъ, когда Пизаніо указалъ мнѣ
Тебя съ горы, ты близокъ мнѣ казался.
О, Небо, даже дома убѣгаютъ

ИМОГЕНА ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Картина Ричарда Весталля (Richard Westall, R. A.). (Большая Бойделеевская Галлерей).

Отъ бѣдняка, въ нихъ ищущаго крова!
Мнѣ на пути сказали двое нищихъ,
Что сбиться невозможно. Бѣдняки!
На нихъ, какъ казнь, ложатся испытанья,
А тоже лгутъ; такъ диво ли, что правды
Не говоритъ богачъ? Грѣшить въ богатствѣ
Позорнѣе, чѣмъ лгать отъ нищеты;
Ложь въ короляхъ презрѣннѣе, чѣмъ въ
нищихъ.

О, мой супругъ—и ты одинъ изъ лживыхъ!
При мысли о тебѣ проходитъ голодъ:
Еще сейчасъ была готова я
Отъ слабости упасть. Что тутъ такое?
Тропинка тутъ, какая-то пещера.
Не кликнуть ли? Нѣтъ, я боюсь; но голодъ
Природѣ храбрость придаетъ, пока
Совсѣмъ ея не побѣдитъ. Избытокъ
И миръ рождаютъ трусовъ, а нужда—
Мать смѣлости. Эй! кто тамъ? Отвѣчай,
Коль общества не чуждъ; а если дикій—
Возьми иль дай! Все тихо. Я войду.
Но прежде выну мечъ—и если врагъ мой
Бойтсся такъ меча, какъ я сама,
То на него сробѣетъ и взглянуть.
Такого мнѣ врага пошлите, боги! (*Уходитъ*).

А въ Галліи стоящихъ легионовъ
Не станеть, чтобъ вести войну съ отпавшей
Британіей, то призываетъ онъ
Патриціевъ къ походу. Онъ Люція
Проконсуломъ назначилъ. Васъ, трибуны,
Уполномочилъ онъ скорѣй, какъ можно,
Собрать полки. Даздравствуетъ нашъ цезарь!

1-ый трибунъ.
Начальникомъ ихъ будетъ Луцій?

2-ой сенаторъ.

Да.

1-ый трибунъ.
Онъ въ Галліи?

1-ый сенаторъ.

Онъ тамъ при легионахъ,
Которые наборомъ вашимъ будутъ
Пополнены. Приказъ укажетъ вамъ
Число всѣхъ войскъ и время ихъ отправки.

1-ый трибунъ.
Мы поспѣшимъ исполнить повелѣнье.
(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Валлисъ. Близъ пещеры Беларія.

Входитъ Клотенъ.

Клотенъ. Мѣсто, гдѣ они хотѣли сойтись, должно быть здѣсь поблизости, если Пизаніо мнѣ вѣрно описалъ его. Какъ в пору мнѣ его платье! Отчего бы не быть мнѣ в пору и его любезной, которую создалъ тотъ же, кто и портного? Вѣдь, говорятъ же, что всякая женщина придется в пору тому, кто сѣмъ въ пору къ ней подбиться; а ужъ это теперь мое дѣло. Я самъ могу сознаться—вѣдь, тутъ нѣтъ никакого тщеславія, если наединѣ заглянешь въ зеркало—что всѣ формы тѣла у меня такъ же правильны, какъ у него: я такъ же молодъ, но сильнѣе его, не ниже, а выше его по своему положенію, знатнѣе его родомъ и такъ же искусенъ во всѣхъ дѣлахъ, а въ одиночной схваткѣ, пожалуй, превзойду его—и все-таки эта своенравная дура любить его, мнѣ на зло. Смертнѣй, что ты такое? Голова твоя, Постумъ, которая пока сидитъ еще на плечахъ, черезъ часъ должна слетѣть долой; твою любезную постигнетъ насиліе; твоё платье будетъ изорвано въ куски предъ ея глазами, и потомъ, когда все это кончится, я погоню ее пинками домой къ отцу, который, можетъ быть, и посердится на меня за эту грубость; но мать моя, которая умѣетъ управлять его прихотями, все поведетъ къ лучшему. Я привязалъ свою лошадь. Выходи, мечъ мой, на кровавую работу! Фортунa, пошли ихъ въ мои руки! Это, должно быть, то самое мѣсто, гдѣ хо-

тѣли они сойтись: этотъ глупецъ не поспѣлъ бы обмануть меня.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Передъ пещерою Беларія.

Изъ пещеры выходятъ Беларій, Гвидерій, Арвирагъ и Имогена.

Беларій.
Ты не здоровъ: останься здѣсь въ пещерѣ;
Съ охоты мы опять къ тебѣ придемъ.

Арвирагъ.
Останься, братья! Вѣдь, братья мы, не такъ ли?

Имогена.
Да, братьями всѣ люди быть должны;
Но часто прахъ гордится передъ прахомъ,
Хоть оба только прахъ. Я нездоровъ.

Гвидерій.
Ступайте вы одни: я съ нимъ останусь.

Имогена.
Я нездоровъ, но не въ такой ужъ мѣрѣ...
Я не такой роскошный горожанинъ,
Чтобъ до болѣзни видѣть смерть. Оставьте
Меня, свой трудъ обычный исполняя:
Привычку нарушать—все нарушать.
Я нездоровъ, но помощи не будетъ.
Мнѣ отъ того, что будете со мной.
Нѣтъ, общество не будетъ утѣшеніемъ.
Несчастному; не такъ еще я боленъ,
Когда могу о томъ судить. Оставьте

МИЛЬФОРДЪ.

Гравюра 1840-хъ г. съ рисунка Сарджента (Sargent).

Меня здѣсь одного стеречь жилище:
Могу украсть лишь самого себя—
Умру, но это кража не большая.

Гвидерій.
Я такъ тебя люблю, что и отецъ
Родной мнѣ такъ не милъ.

Беларій.
Какъ? что такое?

Арвирагъ.
Коль грѣхъ такъ говорить, что вмѣстѣ съ
братомъ

И я грѣшу; не знаю, почему
Я юношу люблю. Ты говорилъ намъ,
Что нѣтъ въ любви причины. Стой тутъ гробъ
И умереть одинъ бы долженъ былъ,
То я сказалъ бы: пусть умереть отецъ—
Не юноша.

Беларій (*про себя*).
О, высшее влеченье!
Природное величье породы!
Ничтожность производитъ лишь ничтож-
ность;

Въ природѣ есть мякина и мука,
Презрѣнье и почетъ. Я не отецъ имъ,
Но странно, что чужой сталъ имъ дороже,
Чѣмъ я. Девятый часъ.

Арвирагъ.
Прощай же, братъ.

Имогена.
Счастливый путь вамъ.

Арвирагъ.
А тебѣ желаемъ
Въ болѣзни облегченья. Ну, пойдете!

Имогена (*про себя*).
Какъ добры эти люди! Сколько лжи
Я слышала, о боги, отъ придворныхъ!
Тотъ грубъ и дикъ, кто не изъ круга ихъ;
Но опытъ мнѣ другое открываетъ;
Морская глубь чудовищъ порождаетъ,
А ручейки намъ вкусныхъ рыбъ даютъ.
О, я больна, истомлена. Пизаньо,
Приму твое лѣкарство. (*Пьетъ изъ склянки*).

Гвидерій.
Ничего
Я не узналъ: что родомъ знаменитъ,
Намъ онъ сказалъ, но бѣдствуетъ; безчестно
Гонимъ людьми, но честенъ самъ.

Арвирагъ.
Мнѣ то же
Отвѣтилъ онъ, прибавивъ, что потомъ
Узнаю больше я.

Беларій.

Пора намъ въ лѣсъ!
Ну, мы идемъ; ты жъ отдохни въ пещерѣ.

Арвирагъ.

Мы скоро возвратимся.

Беларій.

Не хворай же:
Вѣдь, ты хозяйка наша.

Имогена.

И здоровый,
Какъ и больной—я много вамъ обязанъ.

Беларій.

Тебѣ и впредь готовы мы служить.
(Имогена уходитъ).

Какъ онъ ни бѣдствуетъ, но крови знатной
Онъ долженъ быть.

Арвирагъ.

Поетъ онъ—точно ангелъ!

Гвидерій.

А какъ въ стряпнѣ искусенъ, какъ умѣетъ
Коренья рѣзать, приправлять похлебку—
Что хоть больной Юнонѣ подавай.

Арвирагъ.

Какъ у него прелестно сочетанье
Улыбки съ тихимъ вздохомъ—точно вздохъ
Грустить о томъ, что не улыбка онъ;
Улыбка же надъ вздохомъ тѣмъ смѣется,
Что хочетъ онъ такой оставить храмъ,
Чтобъ слиться съ бурей, страшной моря-
камъ.

Гвидерій.

Терпѣнье въ немъ и скорбь такъ сочетались,
Что корни ихъ сплелись.

Арвирагъ.

Рости, терпѣнье,
Чтобъ корень скорби свой утратилъ ядъ
И изъ него далъ плодъ свой виноградъ.

Беларій.

Ужъ солнце высоко. Пойдемъ. Кто это?

Входитъ Клотень.

Я не нашель бродягъ; подлецъ меня,
Знать, обманулъ. Какъ я усталъ!

Беларій.

Бродягъ?
Не насъ ли ужъ? Онъ будто мнѣ знакомъ?
А, то Клотень, сынъ королевы. Нѣтъ ли

Измѣны тутъ? Его я не видалъ
Ужъ много лѣтъ; но знаю—это онъ.
Законъ насъ не хранить: уйдемъ скорѣе!

Гвидерій.

Онъ, вѣдь, одинъ; подитесь братомъ въ лѣсъ,
Еще кого тамъ нѣтъ ли—посмотрите,
А съ этимъ я раздѣляюсь.
(Беларій и Арвирагъ уходятъ).

Клотень.

Стой! Кто вы?
Кто тамъ бѣжитъ? Разбойники вы, что ли?
О нихъ есть слухъ. Ты что за негодяй?

Гвидерій.

Но не такой негодный, чтобъ на это
Ударомъ не отвѣтить.

Клотень.

Ты разбойникъ,
Мошенникъ, плутъ. Сдавайся, воръ!

Гвидерій.

Кому?
Тебѣ? Ты кто такой? Слабѣе, что ли,
Тебѣ рукою я? слабѣй душою?
Вотъ на словахъ сильнѣе ты, затѣмъ,
Чтосвой кинжалъ вору я неношу. Кто жъ ты,
Чтобъ сдался я тебѣ?

Клотень.

Подлецъ негодный!
Не узнаешь меня по платью?

Гвидерій.

Нѣтъ,
Ни даже дѣда твоего портнягу,
Который, сшивъ нарядъ тебѣ, подумалъ,
Что платье человѣка родить.

Клотень.

Врешь, мошенникъ!
Не мой портной шилъ это.

Гвидерій.

Такъ ступай,
Скажи тому спасибо, кто тебѣ
Пожаловалъ его. Ты пошлый олухъ—
И жаль мнѣ бить тебя.

Клотень.

Ахъ, ты мерзавецъ!
Узнай сперва, кто я, и трепещи!

Гвидерій.

Такъ назовись мнѣ.

Клотень.

Я—Клотень, мошенникъ!

Гвидерій: Я такъ тебя люблю, что и отецъ
Родной мнѣ такъ не милъ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Гвидерій.
Будь ты Клотень двойной мошенникъ,
этимъ
Меня не испугаешь; назовись
Ты жабою иль паукомъ—скорѣй бы
Смутился я.

Клотень.
Такъ вотъ, чтобъ доконать
Тебя совсѣмъ, скажу тебѣ, что я
Сынъ королевы.

Гвидерій.
Очень жаль, что ты
Не вышелъ въ свой высокій родъ.
Клотень. Ну что же?
Ты не дрожишь?
Гвидерій.
Кого я уважаю,
Тѣхъ и боюсь—лишь умныхъ; а глупцамъ
Смѣюсь въ глаза!

Клотень.

Ну, так умри жъ, негодный!
Убивъ тебя своей рукой, сыщу я
И тѣхъ двоихъ, которые ушли,
И въ Людѣ ваши головы повѣшу
На воротахъ. Сдавайся, или—смерть
Тебѣ, разбойникъ! (*Уходятъ, сражаясь*).

Беларій и Арвирагъ возвращаются.

Беларій.

Никого тамъ нѣтъ.

Арвирагъ.

Нѣтъ ни души: ты, вѣрно, въ немъ ошибся.

Беларій.

Его давно я не видалъ—не знаю;
Но время съ той поры не измѣнило
Въ немъ ни одной черты: и голосъ тотъ же—
Порывистый и грубый. Я увѣренъ,
Что это онъ.

Арвирагъ.

Они остались тутъ:

Не сдѣлалъ бы чего-нибудь онъ брату—
Онъ золь, ты говоришь?

Беларій.

Да, онъ такъ мало
Развить для человѣка, что не знаетъ,
Что значитъ страхъ: иной бываетъ страшень
Отсутствіемъ ума. Но вотъ и братъ твой!
Входитъ Гвидерій съ головою Клотена.

Гвидерій.

Клотень былъ олухъ: кошелекъ безъ денегъ;
И Геркулесъ не могъ бы выбить мозгу
Изъ головы его: она пуста.
Не сдѣлай я того, глупецъ носилъ бы
Такъ голову мою, какъ я его.

Беларій.

Что сдѣлалъ ты?

Гвидерій.

Я знаю, что я сдѣлалъ:
Снялъ голову я съ сына королевы,
Какъ назвалъ онъ себя; меня ругалъ онъ
Мошенникомъ, разбойникомъ и клялся,
Что онъ всѣхъ насъ изловить и убьетъ,
И наши головы повѣситъ въ Людѣ
На воротахъ.

Беларій.

О, горе! мы пропали!

Гвидерій.

О, дорогой отецъ, чего жъ лишиться

Мы можемъ, кромѣ жизни той, которой
Онъ клялся насъ лишить? Намъ отъ закона
Защиты нѣтъ: къ чему же слабодушно
Сносить, чтобы намъ говядины кусокъ
Надменно здѣсь грозилъ, былъ намъ судьей
И палачомъ—лишь потому, что страшень
Намъ тотъ законъ? Нашли ли вы кого?

Беларій.

Нѣтъ, ни души; по всѣмъ соображеньямъ,
Съ нимъ свита быть должна бы. Нравъ его
Измѣнчивъ былъ всегда, бросаясь часто
Отъ гадкаго на худшее; но прихоть
И дерзкое безумство не могли же
Такъ одолѣть его, чтобы онъ рѣшился
Притти сюда одинъ. Значить, при дворѣ
Провѣдали, что здѣсь живутъ въ ушельяхъ
Опальные бродяги, что изъ нихъ
Современемъ собраться можетъ шайка.
Онъ услышалъ про это и, всплывъ,
Какъ и всегда, насъ изловить поклялся.
Невѣроятно лишь, что онъ сюда
Пришелъ одинъ: и самъ онъ не посмѣлъ бы,
Да и едва ль пустили бы его.
А потому причина есть бояться,
Что хвостъ у тѣла этого опаснѣй,
Чѣмъ голова.

Арвирагъ.

Пускай придетъ бѣда,
Какую Небо намъ пошлетъ, но братъ мой
Былъ въ этомъ правъ.

Беларій.

Охотиться сегодня
Не буду я: Фиделію недугъ
Тревожилъ бы меня.

Гвидерій.

Его жъ мечомъ,
Которымъ онъ убить меня хотѣлъ,
Я голову отсѣкъ ему. Я брошу
Ее въ заливъ—пускай умчится въ море
И рыбамъ говорить, что онъ Клотень,
Сынъ королевы—что мнѣ до того.
(*Уходитъ*).

Беларій.

Боюсь, что мстить намъ будутъ за него.
О, Полидоръ! зачѣмъ ты это сдѣлалъ?
Отвагой ты богатъ...

Арвирагъ.

Нѣтъ, лучше бъ я
Его убилъ и мсть одинъ понесъ бы!
О, Полидоръ, тебѣ я братски преданъ,
Но тутъ тебѣ завидую, что отнялъ
Ты подвигъ у меня; пускай на насъ

Падеть ихъ мѣсть—лишь были-бъ силы ей
Противустать, мы ей дадимъ отвѣтъ.

Беларій.

Ну, хорошо; все кончено; сегодня
Охоты нѣтъ; безъ выгоды не нужно
Опасностей искать. Ступай въ пещеру:
Готовъ обѣдъ съ Фиделло; а я
Здѣсь Полидора быстрого дождусь
И съ нимъ приду къ обѣду.

Арвирагъ.

Бѣдный мальчикъ,
Иду къ тебѣ. Чтобъ влить въ твои ланиты
Румянецъ, я охотно бы убилъ
Толпу такихъ Клотеновъ и не счелъ бы
Себя безчеловѣчнымъ.

(Уходитъ).

Беларій.

О, святая
Природа! какъ ты дивно проявилась
Въ двухъ этихъ юношахъ-князяхъ! Они
Такъ кротки, какъ зефиръ, когда лобзаетъ
Фиалку онъ, цвѣтокъ едва колебля;
Но чуть вскипитъ въ нихъ царственная
кровь,

Они—свирѣпый ураганъ, который
Въ долину гнетъ сосны нагорной темя.
Какъ дивно образуетъ въ нихъ инстинктъ
Духъ царственный безъ всякихъ наставленій,
Приличье, честь безъ нравственныхъ при-
мѣровъ!

Въ нихъ мужество растеть и въ дикомъ видѣ,
И плодъ даетъ, какъ тщательный посѣвъ.
Но страшень мнѣ приходъ сюда Клотена;
И что насъ ждетъ за смерть его?

Гвидерій *возвращается*.

Гвидерій.

Гдѣ жъ братъ?
Я голову Клотена по теченью
Послалъ гонцомъ къ его двору, а трупъ
Останется залогомъ возвращенья.
(*Торжественная музыка*).

Беларій.

Чу, Полидоръ, мой чудный инструментъ!
Но для чего жъ на немъ теперь играетъ
Кадваль?

Гвидерій.

Онъ тамъ?

Беларій.

Сейчасъ туда ушелъ.

Гвидерій.

Что это значить? Съ матушкиной смерти
Онъ не звучалъ. Торжественные звуки
Торжественному дѣлу отвѣчаютъ.
Что жъ это онъ? Восторгъ изъ ничего
И плачь изъ пустяковъ—ребячья скорбь,
Забава обезьяны. Неужели
Рехнулся нашъ Кадваль?

*Входитъ Арвирагъ, неся на рукахъ без-
чувственную Имогену.*

Беларій.

Вотъ онъ идетъ
И на рукахъ несетъ вину печали,
Что непонятно намъ.

Арвирагъ.

Скончалась птичка,
Лелѣянная нами! Лучше мнѣ бы
Въ шестнадцать лѣтъ стать вдругъ на
шестьдесятъ
И бодрый шагъ клюкою замѣнить,
Чѣмъ видѣть это горе!

Гвидерій.

О, лилея
Прелестная, была ты вдвое краше,
Цвѣтя на стеблѣ, чѣмъ теперь, покоясь
У брата на рукахъ!

Беларій.

О, злое горе!
Кто въ глубину твою проникнетъ? кто
Измѣритъ дно твое, чтобъ указать,
Гдѣ лучше для заботъ тяжелыхъ пристань?
О, милое дитя, извѣстно Небу,
Какимъ бы ты достойнымъ мужемъ сталъ.
Но, ахъ, тоска свела тебя въ могилу!
Какъ ты нашелъ его?

Арвирагъ.

Безъ жизни онъ
Съ улыбкою лежалъ—какъ будто былъ
Лишь мухою во снѣ безпокоенъ,
А не стрѣлой смертельною сраженъ,
Склонясь къ подушкѣ правою щекою.

Гвидерій.

Гдѣ?

Арвирагъ.

На полу, и руки такъ сложивъ.
Я думалъ, что онъ спить и скинулъ обувь
Тяжелую свою, чтобъ сна его
Не потревожить стукомъ.

Гвидерій.

Да, онъ спить—

Надежду намъ даетъ. Я осматрю
Теперь войска: пусть будутъ всѣ готовы.
(Гадателю).

Ну, другъ, ты что провидишь о войнѣ?

Гадатель.

Мнѣ боги въ ночь видѣніе послали—
Я передъ тѣмъ постился и молилъ.
О просвѣтленьи свыше—и я видѣлъ,
Что нашъ орелъ, юпитерова птица,
Покинувъ югъ, на западъ прилетѣлъ
Сюда и скрылся въ солнечныхъ лучахъ:
Коль не мрачить мой умъ грѣховность, это
Хорошій знакъ для римлянъ.

Луцій.

Пусть всегда
Видѣнья посѣтятъ тебя такія
И пусть они и сбудутся всегда.
Но тише, что за стволъ тутъ безъ вер-
шины?

Останки говорятъ о славѣ зданья.
А вотъ и пажъ! Онъ мертвый или спитъ?
Вѣрнѣе, что онъ мертвый: вѣдь, природа
Чуждается подобнаго одра
Близъ мертвеца, на ложѣ смерти. Дайте
Мнѣ на лицо его взглянуть.

Вовначальникъ.

Онъ живъ.

Луцій.

Ну, такъ онъ дастъ намъ вѣсть о мерт-
вомъ. Мальчикъ,

Открой свою судьбу—она, какъ видно,
Достойна любопытства. Кто служилъ
Здѣсь для тебя кровавымъ изголовьемъ,
И кто дерзнулъ разрушить такъ работу
Природы благородной? Что при этомъ
Ты потерялъ? Какъ это все случилось?
Кто онъ? кто ты?

Имогена.

Ничто—и было-бъ лучше
Остаться имъ. Онъ былъ мой господинъ,
Британецъ доблестный; меня любилъ онъ;
Его убили горцы. Ахъ, такого
Другого нѣтъ на свѣтѣ господина!
И западъ, и востокъ я обойду,
О службѣ плача; многихъ я найду
Хорошихъ—и служить имъ вѣрно буду,
Но не найду такого.

Луцій.

Добрый мальчикъ,
Ты трогашъ меня своей печалью
Не менѣе, чѣмъ онъ своею кровью.
Но кто жъ твой господинъ?

Имогена.

Ричардъ дю Шанъ.
(Про себя). Я лгу; но ложь моя безвредна;
если
Ее услышатъ боги, то простятъ.

Луцій.

А какъ тебя зовутъ?

Имогена.

Фидельо, сэръ.

Луцій.

Ты показалъ себя такимъ на дѣлѣ;
По вѣрности ты имени достоинъ.
Не хочешь ли служить мнѣ? Если я
Не такъ хорошъ, какъ былъ онъ, то повѣрь,
Тебя любить никакъ не меньше буду.
Мнѣ Цезаря письмо черезъ сенатъ
Не такъ въ твою бы пользу говорило,
Какъ самъ ты за себя. Пойдемъ со мной.

Имогена.

Извольте, сэръ. Но прежде, если Небу
Угодно это будетъ, я сокрою
Мнѣ милый трупъ отъ мухъ такъ глубоко,
Какъ смогутъ эти бѣдныя лопаты.
Осыпавъ холмъ цвѣтами и травой
И прочитавъ два раза сто молитвъ,
Какія мнѣ извѣстны, я поплачу
И съ нимъ прошусь, и въ службу къ вамъ
вступлю,

Когда возьмете.

Луцій.

Да, мой добрый мальчикъ.
Отцомъ тебѣ—не господиномъ буду.
Нашъ долгъ, друзья, намъ отрокъ указалъ.
Отыщемъ лугъ красивыхъ маргаритокъ
И выроемъ концами нашихъ копій
Просторную могилу для него.
О, мальчикъ, онъ мнѣ милъ изъ-за тебя!
Возьмите трупъ: его мы похоронимъ,
Какъ воина. Утѣшься, другъ! Пойдемъ:
Порой, упавъ, возвысишься потомъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ Цимбелина.

Входятъ Цимбелинъ, лорды, Пизаніо и
свита.

Цимбелинъ.

Скорѣй узнайте объ ея здоровьѣ.
(Одинъ изъ свиты уходитъ).

Съ тѣхъ поръ какъ сынъ исчезъ, она въ жару,
Въ безпамятствѣ опасномъ. Боги, боги,
Какой ударъ внезапный! Имогены,
Моей отрады, нѣтъ; моя супруга
Слегла на смертный одръ, когда грозитъ
Мнѣ страшная война; исчезъ Клотень,
Который мнѣ такъ нуженъ. Всѣ несчастья
Обрушились—и нѣтъ надежды! Ты же,
Лукавый рабъ—ты знаешь, гдѣ она
И, притворясь, молчишь. Я пыткой выжму
Признание у тебя.

Пизаніо.

Я въ вашей власти,
И жизнь покорно вамъ готовъ отдать,
Но, право, я не знаю, гдѣ принцесса,
Зачѣмъ ушла и скоро ль возвратится.
Молю, повѣрьте вѣрности моей!

1-ый лордъ.

Онъ, государь былъ здѣсь въ тотъ самый день,
Когда принцесса скрылась; въ этомъ я
Порукой вамъ. Я знаю, онъ всегда
Былъ вѣрнымъ вамъ слугой. Клотена
Старательно разыскиваютъ всюду—
И, безъ сомнѣнья, скоро будетъ онъ
Отысканъ.

Цимбелинъ.

Тяжкое настало время!

(Къ Пизаніо).

На этотъ разъ ты вырвался; но знай,
Что ты подъ подозрѣньемъ.

1-ый лордъ.

Государь,
Ужъ легіоны галльскіе на берегъ
Сошли съ судовъ, и въ подкрѣпленіе къ нимъ
Отрядъ дворянъ сенатъ прислалъ изъ Рима.

Цимбелинъ.

О, вотъ теперь мнѣ былъ бы очень нуженъ
Совѣтъ жены и сына! Я теряюсь!

1-ый лордъ.

Но, государь, мы не слабѣй врага;
Пусть и еще придутъ—мы всѣ готовы;
Велите лишь войскамъ итти въ походъ.
Котораго всѣ ждуть.

Цимбелинъ.

Благодарю!

Мы встрѣтимъ рокъ, какъ насъ онъ самъ
застанетъ.

Не страшно намъ, чѣмъ Римъ намъ угро-
жаетъ:

Насъ мучить то, что ближе къ намъ. Пойдемъ!
(Всѣ, кромѣ Пизаніо, уходятъ).

Пизаніо.

Ни слова мнѣ не пишетъ господинъ мой
На вѣсть мою о смерти Имогены.
Не странно ли? Нѣтъ вѣсти и о ней,
Хотя она писать мнѣ общала;
Клотень пропалъ куда-то: это все
Меня тревожитъ. Да поможетъ Небо!
Въ обманѣ честенъ я, въ измѣнѣ вѣренъ;
Я въ битвѣ докажу, какъ я люблю
Британію: иль честь найду, иль смерть.
А время пусть разсѣетъ мракъ сомнѣнья;
Вотъ безъ руля несетъ домой теченье.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Валлисъ. Передъ пещерою Беларія.

Входятъ Беларій, Гвидерій и Арвирэгъ.

Гвидерій.

Кругомъ тревога.

Беларій.

Скроемся подальше.

Арвирэгъ.

Но что за радость убѣгать оттуда,
Гдѣ предстоитъ и подвигъ, и опасность?

Гвидерій.

Чего намъ ждать отъ бѣгства? Насъ римляне,
Какъ бриттовъ, умертвятъ; не то, принявъ
Насъ за бродягъ-бунтовщиковъ, заставятъ
Ихъ службу нести, а подъ конецъ убьютъ.

Беларій.

Уйдемте въ горы—тамъ мы безопасны.
Намъ къ войску короля пристать нельзя;
Клотена смерть—вѣдь, насъ никто не знаетъ,
Мы чужды всѣмъ—насъ приведетъ къ отвѣту,
Гдѣ жили мы: заставятъ насъ сознаться
И въ дѣлѣ томъ, а за сознаньемъ—смерть
Подъ муками.

Гвидерій.

Отецъ, то—страхъ пустой!
Въ такое время онъ къ тебѣ нейдетъ
И насъ не убѣдитъ.

Арвирэгъ.

Нельзя и думать,
Чтобъ, слыша ржанье вражескихъ коней
И видя ихъ костры, когда и зрѣнье,
И слухъ ослѣплены, оглушены
Тѣмъ, что важнѣй, для нихъ осталось время
Замѣтить насъ, развѣдывать, кто мы.

Беларій.

Но въ войскѣ знаютъ многіе меня.

Прошли года—тогда Клотенъ былъ молодъ,
А я его узналъ. Да и король
Любви не стоитъ вашей, ни услугъ.
Изгнаніе мое виною было,
Что выросли безъ воспитанья вы,
Какъ дикіе; что счастье вы лишились,
Которымъ васъ ласкала колыбель;
Что солнце васъ пекло; что вы дрожали
Зимою какъ рабы.

Гвидерій.

Нѣтъ, лучше смерть,
Чѣмъ эта жизнь! Прошу, пойдемъ къ вой-
скамъ;

Меня и брата тамъ никто не знаетъ,
А ты давно забыть ужъ, и никто
Съ разспросами къ тебѣ не обратится.

Арвирагъ.

Клянуся этимъ яснымъ солнцемъ, я
Иду туда! Мнѣ не случилось видѣть,
Какъ умираетъ мужъ: я видѣлъ кровь
Лишь робкихъ зайцевъ, ланей и оленей,
И на такомъ конѣ я только ѣздилъ,
Простой ѣздокъ котораго не вѣдалъ

Желѣзныхъ шпоръ. Мнѣ стыдно и смотрѣть
На солнца ликъ: я пользуюсь сіяньемъ
Его лучей святыхъ—и остаюсь
Въ ничтожествѣ.

Гвидерій.

Клянусь, и я иду!

Благослови меня и отпусти—
И веселѣй пойду я, а не хочешь,
То пусть меня за это покараетъ
Враждебный мечъ!

Арвирагъ.

И я съ тобой: амины!

Беларій.

Когда такъ мало дорожите жизнью
Своей, зачѣмъ же мнѣ беречь мою,
Увядающую? Иду я съ вами, дѣти!
И если васъ постигнетъ смерть въ бою,
Сложу и я тамъ голову свою.

(Про себя).

Они спѣшатъ. Въ нихъ пышетъ раздраженіе:
Оно въ дѣлахъ покажетъ ихъ рожденіе.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Британія. Римскій лагерь.

*Входитъ Постумъ, съ окровавленнымъ плат-
комъ въ рукахъ.*

Постумъ.

Я сберегу тебя, платокъ кровавый:
Я самъ хотѣлъ такимъ тебя имѣть.
Мужья, когда-бъ вы всѣ такъ поступали,
То многіе изъ васъ убили бъ женъ,
Достойнѣйшихъ, чѣмъ сами, за ничтожный
Проступокъ! О, Пизаніо! не все
Служитель вѣрный исполнять обязанъ,
Но только то, что честно. Если-бъ вы,
О боги, такъ грѣхи мои карали,
Не дожилъ бы до этого я дѣла!
Для благородной Имогены жизнь
Осталась бы для скорби, а меня бы,
Преступнаго, постигла кара Неба.
Но вы иныхъ берете изъ любви,
За малый грѣхъ, чтобы не пасть имъ глубже;
Другіе жъ, накопляя зло на зло
И водворяя ужасъ, остаются.
Она у васъ: да будетъ ваша воля,

Чтобъ свой удѣлъ въ смиреніи я несъ.
Я здѣсь съ войсками римскими, чтобъ биться
Съ землею моею супруги. Но тебѣ,
Британія, довольно и того,
Что я убилъ твою царицу—больше
Я ранъ тебѣ не нанесу. О, боги!
Примите благосклонно мой объѣтъ:
Сложу съ себя я римскую одежду
И наряжусь британскимъ селяниномъ.
Такъ буду я сражаться противъ тѣхъ,
Съ кѣмъ я сюда, въ отчизну, возвратился,
И за тебя паду я, Имогена,
Затѣмъ что каждый вздохъ мой для тебя
Не жизнь—а смерть. Незнаемый ни кѣмъ,
Не возбудивъ ни зависти, ни скорби
Ни въ комъ, себя на гибель я предаю.
Я покажу, что высшій духъ царилъ
Подъ этой бѣдной одеждой. Боги,
Мнѣ ниспошлите силу Леонатовъ!
И, устыдась, увидить міръ надменный
Простой сосудъ, но съ влагою драгоцѣнной.
(Уходитъ).

Постумъ: Я сберегу тебя платокъ кровавый.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

СЦЕНА II.

Поле сраженія между римскимъ и британскимъ лагерями.

Съ одной стороны входятъ Луцій, Іахимо и римскія войска, съ другой—британское войско. Леонать Постумъ слѣдуетъ за нимъ, какъ простой воинъ. Они проходятъ черезъ сцену. Тревога. Іахимо и Постумъ возвращаются, сражаясь; послѣдній побѣждаетъ и обезоруживаетъ Іахимо, послѣ чего удаляется.

Іахимо.

Тяжелый грѣхъ, мою гнущій душу,
Лишилъ меня отваги. Честь жены—
Принцессы здѣшной честь—я очернилъ
Позорной клеветой; за то и воздухъ

Здѣсь силъ меня лишилъ; а то какъ могъ бы
Простой поденщикъ побѣдить меня
Въ искусствѣ ратномъ? Санъ мой и почетъ—
Отнынѣ мнѣ стыда тяжелый гнетъ. **||**
Британія, когда твои дворяне
На столько выше мужика того,
Кто посрамить патриція такъ могъ,
То мы—ничто, изъ васъ же каждый—богъ.
(Уходитъ).

*Сраженіе продолжается; британцы бѣгутъ;
Цимбелинъ взятъ въ плѣнъ; Беларій,
Гвидерій и Арвирагъ спѣшатъ къ нему
на помощь.*

Беларій.

Стой, стой! за нами поле битвы: тамъ
Проходъ у насъ въ рукахъ; ничто не можетъ
Оттуда выбить насъ—одна лишь трусость.

Гвидерій и Арвирэгъ.

Да стойте жъ крѣпче! бейте ихъ смѣлѣй!

Постумъ возвращается и помогаетъ британцамъ; они освобождаютъ Цимбелина и уходятъ. Входятъ Луцій, Іахимо и Имогена.

Луцій.

Прочь, мальчикъ! здѣсь тебѣ не мѣсто: здѣсь
Друзья друзей въ смятеніи поражаютъ!
Бой слѣпъ и глухъ.

Іахимо.

Къ нимъ помощь подоспѣла.

Луцій.

Какъ счастье переменчиво! Пора
Искать намъ подкрѣпленья, иль бѣжать.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая часть поля.

Входятъ Постумъ и британскій лордъ.

Лордъ.

Оттуда ты, гдѣ бились наши?

Постумъ.

Да;

А вы, какъ видно, изъ бѣжавшихъ?

Лордъ.

Да.

Постумъ.

Вины тутъ нѣтъ. Потеряно все было—
Намъ помогло лишь Небо. Самъ король
Отбитъ былъ отъ своихъ, ряды смѣшались,
И только тылъ британцевъ виденъ былъ.
Стѣснились всѣ въ проходѣ; непріятель
Разилъ, алкая крови—видя больше
Для бойни жертвъ, чѣмъ самъ имѣлъ мечей—
Того слегка, другого на смерть; многихъ
Сражалъ и страхъ; убитыми заваленъ
Былъ весь проходъ; ихъ спины были въ ра-
нахъ,
А трусовъ смерть постыдная ждала.

Лордъ.

Гдѣ жъ этотъ былъ проходъ?

Постумъ.

У мѣста битвы,

На вскопанномъ лугу, которымъ съ пользой
Одинъ почтенный воинъ овладѣлъ.

Клянусь, тобылъ мужъ доблестный! Онъ этой
Заслугою отчизнѣ показалъ

Себя вполне сѣдинѣ своихъ достойнымъ.
Онъ сталъ въ проходѣ, съ нимъ двое мо-
лодыхъ,

По лѣтамъ—дѣти: имъ скорѣй пристало
Подъ музыку плясать, чѣмъ биться въ стѣнѣ,
Съ лицомъ на видъ красивѣй всякой маски,
Скрывающей стыдливость или прелесть,
Онъ сталъ въ проходѣ и крикнулъ на бѣ-
гущихъ:

„У насъ лишь зайцы въ бѣгствѣ умираютъ,
Не воины: вы, трусы, въ адъ бѣжите!
Назадъ, не то—мы римлянами станемъ
И, какъ скотовъ, васъ будемъ бить за то,
Что скотски вы бѣжите! Васъ спасетъ
Лишь гнѣвный взглядъ назадъ. Ни съ мѣ-
ста! Стойте!“

Три этихъ, какъ три тысячи героевъ—
Не менѣе по дѣлу и по силѣ,
Затѣмъ что три такихъ героя стѣятъ
Отряда нерѣшительныхъ бойцовъ,
Лишь возгласомъ: „ни съ мѣста!“ и удоб-
ствомъ

Той мѣстности, но больше видомъ смѣлымъ,
Который прялку обратилъ бы въ дротикъ,
Вспламенили вдругъ потухшій взоръ.
Проснулася стыдъ, проснулася и отвага:
Иные, лишь сробѣвши отъ примѣра—
Проклятье тѣмъ, кто первый въ томъ ви-
новенъ!—

Возстали вновь и бросились, какъ львы
На дротики ловцовъ. Остановились
Враги, смѣшались, стали отступать,
И тотъ, кто прежде, какъ орелъ, стремился
Впередъ, теперь, какъ голубь, улеталъ.
Вдругъ сталъ рабомъ надменный побѣдитель,
И трусы, какъ обломки корабля,
Намъ подали спасительную помощь,
Открывши тылъ врага неохранный.
О, боги! какъ ударили они
На раненыхъ, на мертвыхъ, на своихъ,
Которыхъ смыслъ послѣдній валъ. Гдѣ прежде
Десятерыхъ преслѣдовалъ одинъ,
Теперь изъ нихъ вдругъ каждый сталъ убій-
цей

Двадцатерыхъ, трепещущихъ предъ ними:
Кто прежде смерть предпочиталъ борьбѣ,
Тотъ сталъ теперь грозой битвы.

Лордъ.

Странно:

Одинъ проходъ, два мальчика и старецъ!

Постумъ.

Вамъ это странно. Легче вамъ дивиться
Дѣламъ другихъ, чѣмъ самому ихъ дѣлать.

Угодно ль вамъ, чтобъ я скропалъ стишки
На этотъ случай—такъ, для смѣху? Вотъ:
„Два мальчика, старикъ и узкій ходъ въ
горахъ
Намъ дали торжество, врагамъ бѣду и
страхъ“.

Лордъ.

Ну, не сердись.

Постумъ.

„Да я и не сержусь.
Кто предъ врагомъ трусливъ, съ тѣмъ по-
дружусь,
Затѣмъ что онъ по трусости своей
Какъ-разъ отъ дружбы убѣжитъ моей“.
Вотъ какъ плету я вирши,

Лордъ.

Ты сердишься. Ну, прощай—

(Уходитъ).

Постумъ.

Ушелъ! Вотъ это лордъ!
Герой! на битвѣ хочеть знать про битву!
Иной изъ нихъ и честь отдать готовъ,
Чтобъ кожу лишь спасти. Иной бѣжалъ,
А все-таки погибъ. Я, закаленный
Своей тоской, искалъ напрасно смерти,
Гдѣ слышалъ стонъ ея, и не попалъ
Подъ градъ ея губительныхъ ударовъ.
Она, чудовище, порой таится
Въ бокалахъ пиршества, на ложѣ нѣги
И въ ласковыхъ словахъ; она прислугой
Богаче насъ, ея мечомъ разящихъ.
Но что-бъ ни стало, отыщу ее!
До этихъ поръ за бриттовъ я сражался,
Но далѣе быть бриттомъ не хочу
И прежнее мое надѣну платье.

(Онъ переодѣвается).

Сражаться я не стану; я отдамъся
Послѣдному изъ здѣшнихъ мужиковъ.
Здѣсь римляне пролили много крови—
И бритты имъ за это отомстятъ.
Пусть будетъ смерть мой выкупъ. Я напрасно
Искалъ ее на каждой сторонѣ;
Но не уйти ей отъ меня—и я
Возмездіе приму за Имогену.

Входятъ два британскихъ военачальника
и воины.

1-ый военачальникъ.

Хвала богамъ: взять Луцій въ плѣнъ, а
старца
И мальчиковъ за ангеловъ считаютъ!

2-ой военачальникъ.

Еще четвертый былъ въ простой одеждѣ
И съ ними гналъ врага.

1-ый военачальникъ.

Такъ говорятъ;
Но всѣ исчезли. Эй! ты кто такой?

Постумъ.

Я римлянинъ и здѣсь бы не блуждалъ,
Когда бы всѣ такъ дѣлали, какъ я.

2-ой военачальникъ.

Эй! взять его, собаку! Въ Римъ ему
Ужъ не вернуться, чтобъ сказать, какъ галки
Клевали ихъ. Онъ свысока отвѣтилъ:
Должно быть, знатный. Къ королю его!

Входятъ Цимбелинъ со свитою, Бела-
рій, Гвидерій, Арвирагъ, Пизаніо, воины
и римскіе плѣнники. Военачальники пред-
ставляютъ Постума Цимбелину, который
велитъ тюремщику взять его. Потомъ всѣ
уходятъ.

СЦЕНА IV.

Британская тюрьма.

Входитъ Постумъ съ двумя тюремщи-
ками.

1-ый тюремщикъ.

Теперь тебя никто здѣсь не украдетъ:
Пасись, коль есть трава.

2-ой тюремщикъ.

Иль аппетитъ.

(Оба уходятъ).

Постумъ.

О, милы вы мнѣ, цѣпи! Въ васъ я вижу
Къ свободѣ путь. Я счастливѣе вдвое
Подагрика, которому пріятнѣй
Весь вѣкъ страдать, чѣмъ исцѣленнымъ быть
Врачомъ надежнымъ—смертью: лишь она
Есть ключъ отъ всѣхъ оковъ. О, совѣсти! ты
Закована сильнѣе рукъ и ногъ.
Пошлите мнѣ, о боги, искупленье
И вѣчную свободу отъ оковъ!
Довольно ли для васъ моихъ страданій?
Земныхъ отцовъ смягчаютъ этимъ дѣти,
А боги, вѣдь, добрѣй. Когда я долженъ
Покаяться, такъ лучше ужъ въ цѣпяхъ,
Желанныхъ, ненасильственныхъ: расплата—
Условіе свободы. Большой кары
Не требуйте, возьмите все мое.
Въ васъ больше милости, чѣмъ въ жадныхъ
людяхъ;

Но вѣдь, и тѣ порою съ должника
 Берутъ въ уплату долга треть, шестую,
 Десятую лишь часть, давая средства
 Поправиться ему. Мнѣ это много;
 За жизнь жены возьмите жизнь мою.
 Она не такъ цѣнна, но все же жизнь;
 Она нашъ даръ. Не всякую монету
 По вѣсу цѣнять: часто сходить съ рукъ
 И легкая, когда на ней есть штемпель.
 Возьмите же меня, какъ свой чеканъ.
 О, вѣчныя, благія силы Неба!
 Принявъ отчетъ, возьмите жизнь мою
 И счетъ мой уничтожьте! Имогена,
 Теперь къ тебѣ въ молчаньи обращусь.
(Засыпаетъ).

*Торжественная музыка. Видѣніе: является
 Сицилій Леонатъ, отецъ Постума, ста-
 рецъ въ одеждѣ воина; онъ ведетъ за руку
 жену свою, мать Постума. За ними слѣ-
 дуютъ два молодыхъ Леоната, братья По-
 стума, съ открытыми ранами, какъ пали
 они на полѣ битвы. Они окружаютъ спя-
 щаго Постума.*

Сицилій.
 О, громовержецъ! не рази
 Ничтожнаго червя:
 На Марса, на Юнону пусть
 Прольется месть твоя
 И весь твой гнѣвъ!

Мой сынъ такъ чистъ и кротокъ былъ,
 Отца онъ не знавалъ!
 Когда я умеръ—рокъ ему
 Лучъ свѣта показалъ.
 Отцомъ гонимыхъ и сиротъ
 Тебя считаетъ свѣтъ:
 Зачѣмъ же ты не спасъ его
 Отъ горькихъ жизни бѣдъ?

Мать.
 Луцина мнѣ не помогла—
 Я въ мукахъ умерла:
 Его ножомъ рука врача
 Для жизни извлекла.
 Мой бѣдный сынъ!

Сицилій.
 Какъ предки доблестные, онъ
 Былъ силенъ и высокъ;
 Моею отраслю свѣтъ
 Вполнѣ гордиться могъ.

Старшій братъ.
 Когда онъ зрѣлымъ мужемъ сталъ,
 Во странѣ своей родной
 Себѣ онъ равныхъ не встрѣчалъ

По доблести прямой;
 И дочь монарха взоръ на немъ
 Остановила свой.

Мать.
 И что жъ? За свой союзъ святой
 Пóшелъ въ изгнанье онъ,
 Лишенъ наслѣдія отцовъ
 И счастья лишенъ,
 И ласкъ жены!

Сицилій.
 Какъ ты дозволилъ хвосту
 Іахимо клеветой
 Въ немъ муки ревности разлить,
 Смутить его покой?
 Зачѣмъ такъ долженъ онъ страдать
 Отъ подлости чужой?

Младшій братъ.
 Отецъ и мать къ нему пришли
 Изъ области тѣней,
 И мы, стяжавшіе почетъ
 И смерть среди мечей,
 Храня Тенанція права
 И честь земли своей.

Старшій братъ.
 Такъ Цимбелину Постумъ нашъ
 Мечомъ своимъ служилъ;
 Зачѣмъ же ты, о царь боговъ,
 Его не наградишь
 И все, чего достигъ герой,
 Въ страданье обратилъ?

Сицилій.
 Открой кристальное окно,
 Внемли мольбамъ моимъ:
 Не дай, чтобъ древній, славный родъ
 Подъ гнѣвомъ палъ твоимъ.

Мать.
 Зевесъ, мой сынъ благочестивъ—
 О, сжался же надъ нимъ!

Сицилій.
 Взгляни изъ мраморныхъ палатъ—
 Внемли мольбѣ духовъ—
 Не то—мы съ жалобой своей
 Придемъ въ совѣтъ боговъ.

Ова брата.
 Внемли! не то—мы вознесемъ
 Къ богамъ свой горькій зовъ.

Юпитеръ спускается на орлѣ съ громомъ
 и молніею. Души падаютъ на колѣни.

Юпитеръ.
 Умолкни, сонмъ блуждающихъ тѣней!

Какъ смѣли вы, въ безумномъ ослѣплении,
Винить того, кто молніей своей
Разитъ мятежъ, караетъ преступленье?
Вамъ данъ Элизій—на лугахъ своихъ
Покойтесь тамъ, другихъ заботъ не зная;
Забудьте всѣ дѣла земного края:
Не вамъ, а мнѣ заботиться о нихъ.
Кто мной любимъ, пусть приметъ испытанье—

И тѣмъ цѣна награды возрастетъ;
Довѣрьтесь мнѣ: вашъ сынъ прошелъ страданье,

И для него вновь счастье зацвѣтетъ.
Явился въ свѣтъ онъ подъ моей звѣздой,
И бракъ его благословилъ мой храмъ;
Онъ счастье скрѣпилъ себѣ бѣдою—
Вновь Имогену я ему отдамъ.
Летите въ свой пріютъ! Вотъ книга вамъ:
Ее на грудь ему вы положите.
Въ ней заключенъ судьбы его залогъ—
И впредь меня роптаньемъ не гнѣвите.
Орелъ, лети въ кристальный мой чертогъ!
(Улетаетъ).

Сицилій.

Онъ съ громомъ къ намъ слетѣлъ, и сѣрный дымъ
Его объялъ; орелъ его священный
Такъ грозенъ былъ; но въ высь его полетъ
Былъ сладостенъ какъ райскій ароматъ,
При чемъ онъ клювомъ крылья расправлялъ:
Знать, богъ имъ былъ доволенъ.

Всѣ.

О, Юпитеръ!

Благодаримъ!

Сицилій.

Сводъ мраморный сомкнулся:
Онъ въ свой чертогъ сіяющій влетѣлъ.
Прочь, прочь скорѣй: исполнимъ повелѣнье
Царя боговъ для нашего спасенья.
(Духи исчезаютъ).

Постумъ (проснувшись).

О, сонъ! ты былъ мнѣ дѣдомъ: ты мнѣ создалъ
Отца и мать и братьевъ двухъ; но, ахъ!
Ихъ нѣтъ со мной; я ихъ опять лишился;
Едва родясь, исчезли вдругъ они!
Такъ и бѣднякъ, который положился
На милость сильныхъ, грезить, какъ и я;
Проснется онъ—и нѣтъ ужъ ничего,
Иного жъ безъ заслугъ и не во снѣ
Сама судьба дарами осыпаетъ.
Вотъ такъ и я вдругъ счастье золотое
Теперь нашель, и самъ не знаю какъ.
Не феи ли тутъ были? Что за книга?
О, чудный даръ, не будь на щеголя похожъ ты

Въ комъ лучше всѣ снаружи, чѣмъ внутри;
Будь все, что ты содержишь, не въ примѣръ
Придворнымъ нашимъ, также драгоцѣнно!
Исполни жъ то, что общаешь мнѣ.
(Читаетъ).

„Когда львенокъ, самъ того не зная и
безъ поисковъ, найдетъ струю нѣжного
воздуха и будетъ обнять ея; когда вѣтви,
отсѣченные отъ величественнаго кедра,
послѣ многолѣтней смерти, снова оживутъ,
приростутъ къ старому дереву и зацвѣтутъ
свѣжею зеленью—тогда окончатся страданія
Постума, Британія будетъ счастлива, и
процвѣтутъ въ ней миръ и изобиліе“.
Все это—сонъ, иль просто бредъ безумный!
Здѣсь что-нибудь изъ двухъ, или ничто:
Иль это рѣчь безъ смысла, иль загадка,
Которой смыслъ непостижимъ; но въ ней
Подобіе судьбы моей несчастной—
И потому я сберегу ее.

Входитъ тюремщикъ.

Тюремщикъ. Пойдемте, сударь! Готовы
ли вы къ смерти?

Постумъ. Давно готовъ: почти ужъ
пережарился.

Тюремщикъ. Вашъ конецъ—вистѣлица;
если вы къ ней готовы—значить, изжарены,
какъ слѣдуетъ.

Постумъ. А если зрители найдутъ меня
вкуснымъ, то кушанье само заплатитъ рас-
ходы.

Тюремщикъ. Тяжелый счетъ для васъ,
сударь; но вы можете утѣшиться тѣмъ, что
отъ васъ никогда больше не потребуютъ
никакихъ уплатъ; нечего бояться вамъ и
трактирныхъ счетовъ, которые такъ портятъ
разставанье, хотя сначала и было весело.
Вы пришли, еле-еле таща ноги, потому что
хотѣлось ѣсть, а уходите шатаясь, потому
что лишнее выпили; жалѣете, что много
выдали, жалѣете, что много приняли; и въ
головѣ, и въ кошелькѣ пустота; голова
тяжела, потому что была слишкомъ легка;
кошелекъ легокъ, потому что былъ слишкомъ
тяжелъ. О, теперь вы избавитесь отъ
всѣхъ этихъ противорѣчій! О, человѣко-
любіе копѣчной веревки! она въ одну ми-
нуту похѣриваетъ тысячные счета; она—
самый аккуратный бухгалтеръ, она завер-
шаетъ все прошедшее, настоящее и буду-
щее; ваша шея—все: и перо, и книга и
деньги—и расчетъ поконченъ въ минуту.

Постумъ. Мнѣ пріятнѣе умереть, чѣмъ
тебѣ жить.

Тюремщикъ. Совершенно справедливо,
сударь; кто спитъ, тотъ не чувствуетъ зуб-

ной боли. Но тотъ, кому бы пришлось уснуть вашимъ сномъ и кого бы палачъ уложилъ въ постель, охотно бы помѣнялся мѣстомъ съ своимъ прислужникомъ, потому что, видите ли, вы не знаете, по какой дорогѣ пойдете.

Постумъ. О, нѣтъ, пріятель, я хорошо ее знаю.

Тюремщикъ. Ну, такъ ваша смерть съ глазами; я никогда не видывалъ, чтобъ ее такъ писали. Вамъ должно будетъ или положиться на проводниковъ, которые утверждаютъ, что знаютъ эту дорогу, или взять это на себя; но такъ какъ я знаю, что вы не знаете этой дороги, то вамъ придется пуститься въ путь напропалую; ну, а какъ вы покончите свое путешествіе, то навѣрно объ этомъ никому не расскажете, потому что не вернетесь.

Постумъ. А я скажу тебѣ, что у всякаго есть глаза, чтобъ разсмотрѣть дорогу, по которой я пойду, кромѣ тѣхъ, кто замуривается и не пользуется своимъ зрѣніемъ.

Тюремщикъ. Вотъ была бы штука, если-бъ человѣкъ могъ употреблять глаза свои тамъ, гдѣ ничего нельзя видѣть! Я увѣренъ, что висѣлица заставитъ всякаго замуриться.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ. Сними оковы съ этого плѣнника и отправь его къ королю.

Постумъ. Ты принеся добрую вѣсть: меня зовутъ для того, чтобъ дать мнѣ свободу.

Тюремщикъ. Тогда я дамъ себя повѣсить.

Постумъ. И тогда ты будешь свободнѣ всякаго тюремщика: для мертвыхъ нѣтъ замковъ. *(Постумъ уходитъ съ вѣстникомъ).*

Тюремщикъ. Если-бъ кто хотѣлъ жениться на висѣлицѣ и наплодить висѣльниковъ—и тотъ, кажется, не былъ бы такъ въ нее влюбленъ, какъ этотъ. Но, сказать по совѣсти, хотя онъ и римлянинъ, а есть негодяи похуже его, которымъ хочется пожить, а между ними есть такіе, которые умираютъ противъ своей воли—такъ было бы и со мной, если-бъ я былъ негодяемъ. Я желалъ бы, чтобъ мы всѣ имѣли одинъ образъ мыслей, и чтобъ онъ былъ хорошъ; о, тогда бы уничтожились всѣ тюремщики и висѣлицы! Я говорю противъ своихъ собственныхъ выгодъ, но мое желаніе все-таки выгодно. *(Уходитъ).*

СЦЕНА V.

Въ ставкѣ Цимбелина.

Входятъ Цимбелинъ, Беларій, Гвидерій, Арвирагъ, Пизаніо, морды, воины и свита.

Цимбелинъ.

Сюда, ко мнѣ, вы, посланные Небомъ Спасти мой тронъ! Душѣ моей прискорбно, Что тотъ бѣднякъ, который такъ сражался, Что рубищемъ сіянье латъ затмилъ, Нагую грудь предъ ними поставляя, Нигдѣ не могъ быть найденъ. Счастливъ, кто Его найдетъ: его ждетъ наша милость.

Беларій.

Я не встрѣчалъ подобнаго геройства Въ смиреніи такомъ, ни столь высокихъ Дѣяній въ томъ, кто нищенскую робость Лишь могъ явить.

Цимбелинъ.

И нѣтъ его нигдѣ?

Пизаніо.

Межъ мертвыхъ и живыхъ его искали— И нѣтъ слѣдовъ.

Цимбелинъ.

Я, къ сожалѣнію, сталъ Наградъ его наслѣдникомъ *(Беларію, Гвидерію и Арвирагу)* и вамъ Ихъ отдаю,—вамъ сердце, мозгъ и печень Британіи: чрезъ васъ она жива. Теперь пора спросить мнѣ васъ, откуда Вы родомъ. Говорите.

Беларій.

Государь,

Изъ Кембріи мы родомъ и дворяне; Инымъ же чѣмъ хвалиться—было-бъ ложно И непристойно намъ. Прибавлю только, Что честны мы.

Цимбелинъ.

Склоните же колѣна!

(Беларій, Гвидерій и Арвирагъ становятся на колѣни; Цимбелинъ посвящаетъ ихъ рыцари).

Теперь вставайте, рыцари мои! Отнынѣ вы мнѣ ближе всѣхъ изъ свиты, И васъ почетъ, достойный сана, ждетъ.

Входятъ Корнелій и придворныя дамы.

Цимбелинъ.

На вашихъ лицахъ грусть! Зачѣмъ печалью Встрѣчаете побѣды нашей день? Вы римляне на видъ, а не британцы.

Корнелій.

Привѣтъ тебѣ, великій государь!
Твою смутить я долженъ радость вѣстью
О смерти королевы.

Цимбелинъ.

Вѣсть такая
Врачу идетъ всѣхъ меньше. Но мы знаемъ,
Что для лѣкарства жизнь, хотя отъ смерти
Не убѣжить и лѣкаръ. Какъ она
Скончалась?

Корнелій.

Какъ жила: ужасно, въ полномъ
Безуміи. Жестокая для міра,
Она въ жестокихъ мукахъ умерла.
Я вамъ открою всѣ ея признанья.
Пусть эти дамы обличать меня
Во лжи, когда скажу не такъ: онъ
При ней стояли, плача.

Цимбелинъ.

Говори.

Корнелій.

Она призналась мнѣ, что никогда
Васъ не любила. Ей хотѣлось только
Возвыситься чрезъ васъ: она съ престоломъ
Вступила въ бракъ, а къ вамъ всегда питала
Лишь ненависть.

Цимбелинъ.

То знала лишь она,
И, не признайся въ этомъ, умирая,
Я ей самой бы не повѣрилъ. Дальше!

Корнелій.

А ваша дочь, которую притворно
Ласкала такъ, была ей ненавистна,
Какъ скорпіонъ, и если-бъ не побѣгъ
Ей помѣшалъ, она бы ей отравой
Пресѣкла жизнь.

Цимбелинъ.

О, хитрый демонъ! Кто
Проникнетъ въ сердце женщины? Что дальше?

Корнелій.

И хуже есть! Она призналась мнѣ,
Что у нея былъ ядъ для васъ, который
Точилъ бы вашу жизнь ежеминутно,
По дюймамъ умерщвляя; а межъ тѣмъ
Заботами и лаской, и слезами
Васъ обмануть надѣялась, чтобъ вы,
Подъ дѣйствіемъ отравы, укрѣпили
За пасынкомъ свой тронъ. Но планъ ея
Разстроился его исчезновеньемъ.
Тогда она, забывши всякій стыдъ,

Съ отчаянья, въ укоръ богамъ и людямъ,
Свой замыселъ открыла, сожалѣя,
Что не свершился онъ,—и умерла
Съ проклятіемъ.

Цимбелинъ.

Все правда ль это, дамы?

1-ая дама.

Все правда, государь!

Цимбелинъ.

Мои глаза

Невинны тутъ—она была прекрасна,
Ни уши—рѣчь ея была привѣтна,
Ни сердце—омрачилъ его обманъ.
Одинъ порокъ питаетъ подозрѣнье!
Но, дочь моя, ты вправъ мнѣ сказать,
Что я безумецъ былъ: твое несчастье
То подтвердило. Помогите намъ Небо!

*Входятъ Луцій, Іахимо, гадатель и
римскіе плѣнники подъ стражею; потомъ—
Постумъ и Имогена.*

Цимбелинъ.

Теперь ты, Кай, не дань пришелъ собирать—
Ее сложили мы, хотя и многихъ
Намъ это храбрыхъ стоило; друзья ихъ
И кровные насъ просятъ примирить
Еще неуспокоенныя души
Почившихъ смертью всѣхъ военноплѣн-
ныхъ—

И я на то согласье наше далъ.
Такъ взвѣсь теперь судьбу свою.

Луцій.

Подумай

О всѣхъ превратностяхъ войны. Лишьслушай
Побѣду далъ тебѣ; будь благосклоненъ
Онъ намъ, то мы не стали-бъ хладнокровно
Такъ плѣнникамъ грозить. Но если боги
Хотятъ, чтобъ жизнь намъ выкупомъ была—
Пусть будетъ такъ; но знай, что всѣ мученья
Съ душою римской римлянинъ снесетъ;
Но Августъ живъ и отомститъ за это.
Что до меня, лишь объ одномъ прошу:
Здѣсь пажъ со мной, британецъ родомъ,
мальчикъ—

Позволь внести мнѣ выкупъ за него.
Никто слугой подобнымъ не владѣлъ:
Онъ вѣренъ, кротокъ, женственно-заботливъ,
Внимателенъ, услужливъ и прилеженъ.
Пусть подтвердятъ достоинства его
Ходатайство мое—и, я надѣюсь,
Его ты не отвергнешь, государь.
Хотя служилъ онъ римлянину, но
Британцамъ не вредилъ. Казни другихъ,
Но пощади его.

Цимбелинъ.

Его я гдѣ-то видѣлъ:
Его лицо знакомо мнѣ. Ну, мальчикъ,
Твой взоръ запалъ мнѣ въ сердце—и отнынѣ
Ты мой. Меня влечетъ—не знаю что—
Сказать тебѣ „живи“! Не господину
Обязанъ этимъ ты. Проси, что хочешь,
У Цимбелина—дастся все тебѣ,
Что твоему прилично положенью
И милости моей, хотя бы даже
То жизнь была славнѣйшаго врага.

Имогена.

Государь,
Благодарю въ смиреніи глубококомъ.

Луцій.

Прошу, моей не требуй жизни: знаю,
Что ты, дитя, о ней попросишь.

Имогена.

Нѣтъ,

Тутъ есть другое; вижу я, оно
Страшнѣ смерти мнѣ: ему уступить
И жизнь твоя.

Луцій.

Отвергнулъ онъ меня,
Оставилъ, презрѣлъ! Быстро исчезаетъ
То счастье, которымъ утѣшаетъ
Насъ мальчиковъ и дѣвочекъ любовь.
Но что жъ онъ такъ смущенъ?

Цимбелинъ.

Чего жъ ты хочешь?
Ты такъ мнѣ милъ... Подумай хорошенько,
Чего-бъ тебѣ хотѣлось. Ты глядишь
Все на него? Спасти его желаешь
Отъ смерти? Онъ родной тебѣ иль другъ?

Имогена.

Онъ римлянинъ и мнѣ родня не ближе,
Чѣмъ вы, иль нѣтъ, я къ вамъ гораздо ближе,
Какъ подданный.

Цимбелинъ.

Что жъ на него ты смотришь?

Имогена.

Я вамъ однимъ открою, коль угодно
Вамъ выслушать.

Цимбелинъ.

Съ охотою, мой милый:
Я весь—вниманье. Какъ тебя зовутъ?

Имогена.

Фиделіо.

Цимбелинъ.

Ты—пажъ мой, милый мальчикъ;
Я—господинъ твой: говори смѣлѣй.
(Цимбелинъ и Имогена говорятъ шопотомъ).

Беларій.

Не всталъ ли ужъ изъ мертвыхъ этотъ маль-
чикъ?

Арвирагъ.

Не такъ бываютъ схожи двѣ песчинки:
Ну, точно нашъ Фиделіо прекрасный,
Что умеръ.

Гвидерій.

Онъ предъ нами, какъ живой.

Беларій.

Но онъ на насъ не смотритъ. Погодите!
Бываютъ люди схожи: если-бъ это
Былъ точно онъ, заговорилъ бы съ нами.

Гвидерій.

Мы сами мертвымъ видѣли его.

Беларій.

Молчите, подождемъ.

Пизаніо (*про себя*).

Она! принцесса!

Ну, будь что будетъ, доброе иль злое—
Она жива!

Цимбелинъ.

Стань подлѣ насъ и дѣлай
Вопросы вслухъ. (*Иахимо*) Ты подойди сюда
И мальчику свободно отвѣчай;
Не то, клянусь и саномъ я, и властью,
Что пыткой жестокой отдѣлю
Я истину отъ лжи. Ну, говори же.

Имогена.

Пусть онъ откроетъ намъ, какъ этотъ пер-
стенъ
Попалъ къ нему.

Постумъ (*про себя*).

Что жъ до него ему?

Цимбелинъ.

Скажи, откуда перстенъ ты досталъ?

Иахимо.

Ты пыткой мнѣ грозишь, когда я скрою,
Но правда будетъ пыткой тебѣ.

Цимбелинъ.

Какъ? мнѣ?

Иахимо.

Я радъ, что долженъ говорить:

Молчаніе мнѣ мука. Я обманомъ
Досталъ кольцо; владѣлъ имъ Леонать,
Изгнанникъ твой—и для тебя не меньше,
Чѣмъ для меня, узнать прискорбно будетъ,
Что не было достойнѣйшаго мужа
На свѣтѣ никогда. Желаетъ больше
Еще узнать?

Цимбелинъ.

Все говори, что нужно.

Іоахимо.

Тотъ ангелъ, дочь твоя.. Лишь только вспомню
Я про нее—заплачетъ сердце кровью,
И духъ скорбитъ. Мнѣ дурно! Подождите!

Цимбелинъ.

Мое дитя? что съ нею? Ободрись:
Живи, пока не отзоветъ природа,
Но не уми въ молчаньи: говори!

Іахимо.

Однажды въ Римѣ—о, несчастный часъ
И проклятъ будь тотъ домъ!—во время
пира

(Зачѣмъ отравы не было въ той пищѣ,
Хоть только для меня!), достойный Постумъ,
(Я говорю „достойный“, даже слишкомъ,
Чтобъ межъ негодныхъ быть, когда онъ
могъ бы

Достойнѣйшимъ считаться между лучшихъ),
Задумчиво сидѣлъ и молча слушалъ,
Какъ мы своихъ любезныхъ восхваляли
За красоту, которую не могъ
Изобразить и тотъ, кто былъ изъ насъ
Краснорѣчивѣй всѣхъ—предъ ней ничто
Была краса Венеры и Минервы,
Всѣ прелести природы—и за умъ,
За чары всѣ, которыми плѣняютъ
Насъ женщины—тѣ чары, что сердца
Какъ удочкою ловятъ...

Цимбелинъ.

Я стою,

Какъ на огнѣ. Скорѣе!

Іахимо.

Слишкомъ скоро

Узнаешь все, когда желаешь горя.
Онъ, Постумъ, полонъ страсти благородной,
Принцессою любимый, говорилъ
Съ достоинствомъ, не осуждая тѣхъ,
Кого хвалили мы; какъ добродѣтель,
Онъ скромнѣе былъ. Онъ намъ представилъ
образъ

Своей любезной ярко такъ и живо,
Что наши всѣ могли предъ нею быть
Служанками, а наши всѣ слова
Пустою болтовней.

Цимбелинъ.

Скорѣе къ дѣлу!

Іахимо.

По чистотѣ дочь вашу—вотъ начало—
Онъ выше всѣхъ цѣнилъ, и передъ нею
Діаны сонъ былъ грѣшенъ, лишь она
Одна чиста. Надъ этимъ я, глупецъ,
Смѣяться сталъ и предложилъ закладъ:
Я золото поставилъ противъ перстня,
Который онъ носилъ, что обольщеніемъ
Его жены куплю его позоръ.
Тогда Постумъ, какъ рыцарь благородный,
Высоко честь ея цѣня, въ которой
Потомъ и самъ я убѣдился, перстень
Поставилъ свой и смѣло могъ то сдѣлать,
Будь даже онъ карбункулъ дорогой
Изъ колесницы Феба и цѣной
Превосходи всю упряжь. Я немедленно
Въ Британію отправился. Быть можетъ,
Вы помните, какъ былъ я при дворѣ.
Тутъ ваша дочь, прелестная принцесса,
Урокъ дала мнѣ строгій въ томъ, что есть
Различье межъ любовью и распутствомъ.
Такъ, потерявъ надежду, не желанье,
Задумалъ обойти британцевъ простоту
Мой итальянскій мозгъ, позорно, низко,
Но съ пользой для меня—и, словомъ, мнѣ
Такъ удался мой планъ, что, возвратясь,
Я столько далъ коварныхъ доказательствъ,
Что Леоната могъ свести съ ума.
Я ложными примѣтами своими
Поколебалъ увѣренность его
Въ невинности жены: я описалъ
Ковры, картины, показалъ браслетъ—
Его досталъ я хитростью—и даже
Назвалъ примѣту тайную на тѣлѣ.
Онъ долженъ былъ повѣрить, что она
Нарушила обязанности чести
И отдалася мнѣ. И вотъ—я вижу—
Онъ точно предо мной.

Постумъ (*выступая впередъ*).

Онъ предъ тобой,

О, дьяволъ итальянскій! Горе мнѣ!
Глупецъ я легковѣрный, злой убійца,
И воръ, все, чѣмъ лишь міръ клеймитъ
злodeвъ
Въ прошедшемъ, въ настоящемъ и гря-
дущемъ!

О, дайте мнѣ веревку, ядъ, кинжалъ,
Назначьте судъ! Король, вели придумать
Ужаснѣйшія пытки: я злодѣй,
Преступнѣе злодѣевъ всѣхъ на свѣтѣ!
Я, Постумъ—да, я дочь твою убилъ!
О, нѣтъ, я лгу безсовѣстно: я далъ

Другому, худшему чѣмъ я, злодѣю
И святотатцу совершить убійство.
Храмъ чистоты была она, иль нѣтъ—
Она была вся чистота. Заплюйте,
Каменьями и грязью закидайте
Преступника и псами затравите!
Пусть каждый негодяй зовется Постумъ—
И всякое иное злодѣянье
Ужъ будетъ не позоръ! О, Имогена!
Моя жена, царица, жизнь моя!
О, Имогена, Имогена!

Имогена.
Тише!

Послушайте, милордъ ..

Постумъ.

Что здѣсь такое?

Комедія? Ты смѣешь, дерзкій пажъ...
Вотъ роль твоя, возьми.

(Онъ ударяетъ ее, она падаетъ).

Пизаніо.

О, помогите!

То госпожа моя и ваша! Постумъ,
Ты лишь теперь убилъ ее. Спасите,
Спасите! О, принцесса дорогая!

Цимбелинъ.

Иль свѣтъ идетъ кругомъ передо мной?

Постумъ.

Иль я въ бреду?

Пизаніо.

Принцесса, пробудитесь!

Цимбелинъ.

Коль это такъ, то радостію боги
Убить меня хотятъ!

Пизаніо.

Какъ вамъ, принцесса?

Имогена.

рочъ съ глазъ моихъ! Ты далъ мнѣ яду.

Прочь,

Коварный человѣкъ! Не смѣй дышать,
Гдѣ короли!

Цимбелинъ.

То голосъ Имогены!

Пизаніо.

Срази меня небесный громъ, принцесса?
Коль не считалъ цѣлебнымъ я того,
Что вамъ давалъ: то даръ былъ королевы.

Цимбелинъ.

Что тамъ еще?

Имогена.

Мнѣ данъ былъ ядъ.

Корнелій.

О, боги,

Еще одно признанье королевы
Я позабылъ: оно тебя спасетъ.
„Когда Пизаніо—она сказала—
Принцессѣ далъ того, что я ему
За чудное лекарство подарила,
То услужилъ онъ этимъ ей, какъ крысамъ“.

Цимбелинъ.

Что ты сказалъ, Корнелій?

Корнелій.

Государь,

Не разъ меня просила королева
Достать ей ядъ для опытовъ ученыхъ:
Она его хотѣла испытать
Надъ тварями, которыхъ намъ не жаль—
Надъ кошкой иль собакой. Опасаясь,
Что цѣль иная тутъ, я и смѣшалъ
Такой составъ, который лишь на время
Духъ жизни подавляетъ, а потомъ
Вновь пробуждаетъ всѣ природы силы.
Вотъ не его ль вы приняли?

Имогена.

Конечно:

Я мертвою была.

Беларій.

Вотъ, что ввело

Въ ошибку насъ.

Гвидерій.

Да, это нашъ Фидельо.

Имогена.

Зачѣмъ жену свою ты отвергаешь?
Подумай, что сидишь ты на скалѣ
И сбрось меня. *(Обнимаетъ Постума).*

Постумъ.

Виси на мнѣ, какъ плодъ
На деревѣ, пока оно живетъ.

Цимбелинъ.

Что жъ, дочь моя, иль тутъ я только зритель,
И для меня нѣтъ слова у тебя?
Имогена *(бросаясь предъ нимъ на колѣни)*.
О, государь! благословите!

Беларій *(Гвидерію и Арвирану)*.

Вамъ

Простительно, что вы его любили:
Причина есть.

Цимбелинъ.

Пусть будутъ эти слезы
Тебѣ святой водой! О, Имогена!
Нѣтъ матери!

Имогена.

Мнѣ жаль ее, родители!

Цимбелинъ.

Ахъ, зла она была: она виною,
Что свидѣлись мы такъ; но сынъ ея
Куда-то вдругъ исчезъ.

Пизаніо.

О, государь,
Теперь безъ страха все открою! Принцъ,
Когда принцесса скрылась, внѣ себя
Отъ бѣшенства и обнаживъ свой мечъ,
Поклялся мнѣ убить меня на мѣстѣ,
Когда я не открою, гдѣ она.
При мнѣ тогда случайно находилось
Письмо отъ господина. Изъ него
Узналъ Клотенъ, что въ горы близъ Миль-
форда

Она ушла, и въ ярости туда
Отправился, въ его одѣвшихъ платьѣ,
Которое меня заставилъ выдать.
Онъ поспѣшилъ туда со злою цѣлю—
Принцессы честь насиліемъ похитить.
Что было съ нимъ потомъ—я не узналъ.

Гвидерій.

Я кончу твой рассказъ: онъ мной убитъ.

Цимбелинъ.

Избави Богъ, чтобъ за твои заслуги
Я осудилъ тебя на смерть! Прошу
Тебя, мой храбрый юноша, признайся,
Что ты солгалъ.

Гвидерій.

Что я сказалъ, то сдѣлалъ.

Цимбелинъ.

Но онъ былъ принцъ.

Гвидерій.

Большой невѣжа былъ онъ!
Обида мнѣ его не показала,
Какъ принца. Онъ своей позорной бранью
Такъ раздражилъ меня, что если бъ море
Гремѣло такъ, ему-бъ я далъ отпоръ.
Я голову отсѣкъ ему и радъ,
Что не придетъ сюда онъ похвалиться,
Что сдѣлалъ то со мною.

Цимбелинъ.

Жаль тебя.

Свой приговоръ сказалъ ты; по закону
Тутъ смерть—умри!

Имогена.

Я трупъ безъ головы
Считала за супруга.

Цимбелинъ.

Заковать
Преступника и отвести!

Беларій.

Постойте!

О, государь, онъ лучше, чѣмъ убитый:
И равенъ онъ тебѣ, и больше стоитъ,
Чѣмъ цѣлая толпа такихъ Клотеновъ;
Его рукамъ свободу возврати:
Не для оковъ онъ.

Цимбелинъ.

Зачѣмъ, старикъ,
Не получивъ еще своей награды,
Ты на себя навлечъ нашъ хочешь гнѣвъ?
Онъ равенъ намъ?

Арвирагъ.

Зашелъ онъ далеко.

Цимбелинъ.

Такъ смерть ему.

Беларій.

Всѣ трое мы умремъ;
Но прежде докажу, что оба вы
Равны ему породю. О, дѣти!
Открытъ я долженъ тайну, для меня
Опасную—счастливую для васъ.

Арвирагъ.

Опасное тебѣ—опасно намъ.

Гвидерій.

А наше счастье вмѣстѣ и твое.

Беларій.

Позвольте! Государь былъ у тебя
Вассалъ Беларій.

Цимбелинъ.

Что о немъ? Онъ изгнанъ,
Измѣнникъ онъ.

Беларій.

Онъ такъ же старъ, какъ я,
И точно, онъ изгнанникъ; но какой
Измѣнникъ онъ—не знаю.

Цимбелинъ.

Взять его!

Ему пощады нѣтъ.

Я побѣдилъ; но Цазарю и Риму
 Готовъ я подчиниться и платить
 Попрежнему ту подать, отъ которой
 Насъ отстранилъ совѣтъ супруги злобной;
 За то ее и сына поразила
 Тяжелая боговъ правдивыхъ месть.

Г а д а т е л ь.

Небесныхъ силъ персты коснулись струнъ
 Гармоніи и мира. То видѣнье,
 Которое я Луцію открылъ,
 Когда еще не начиналась битва,
 Исполнилось теперь. Орелъ нашъ римскій,
 Оставивъ югъ, на западъ полетѣлъ
 И, становясь все меньше, тамъ исчезъ
 Въ сіяніи лучей. Сонъ этотъ значилъ,
 Что царственный орелъ, великій Цезарь,
 Свою любовь съ могучимъ Цимбелиномъ,
 Сіяющимъ на западъ, сольетъ.

Ц и м б е л и н ъ.

Хвала богамъ! Да вознесется къ нимъ
 Нашъ еиміамъ отъ алтарей священныхъ!
 Всѣмъ подданнымъ да возвѣстится миръ!
 Пойдемъ домой — пусть вѣютъ вѣсты
 дружно

Британскія и римскія знамена!
 И такъ пройдемъ мы Люду—и во храмъ
 Юпитера миръ клятвою скрѣпимъ
 И торжествомъ покончимъ все. Въ походъ!
 Не дивно ли: дымятся руки кровью,
 А ужъ сердца враговъ горятъ любовью!

*(Всѣ уходятъ при звукахъ торжественнаго
 марша).*

Ө. Миллеръ.

Заглавная виньетки к «Зимней Сказке» Джильберта (Gilbert).

этому свирѣпый гнѣвъ Пандосто обрушился на беззащитную Белларію. Несчастливая королева была разлучена съ горячо любимымъ и многообщавшимъ сыномъ Гаринтеромъ (у Шекспира Мамиллій) и брошена въ тюрьму. Тамъ у нея родилась дочь. Извѣстіе объ этомъ, какъ подтверждавшее подозрѣніе о связи Белларіи съ Эгистомъ, привело Пандосто въ настоящее бѣшенство: онъ приказалъ, чтобы мать вмѣстѣ съ ребенкомъ была сожжена живо. Только усердныя просьбы придворныхъ, горячо любившихъ свою прекрасную и добрую королеву, заставили короля измѣнить свое жестокое рѣшеніе. Королеву онъ рѣшилъ подвергнуть публичному суду, а къ новорожденному младенцу остался безпощаденъ: по его приказанію, ребенокъ былъ положенъ въ лодку и пущенъ въ открытое море.

На судѣ Белларія держалась съ большимъ достоинствомъ, краснорѣчиво защищала себя и требовала, чтобы для рѣшенія ея дѣла былъ спрошенъ Дельфійскій оракулъ. По настоянію приближенныхъ, Пандосто снарядилъ посольство въ Дельфы. Отвѣтъ оракула гласилъ слѣдующее: „Подозрѣніе не есть доказательство; ревность—плохой судья; Белларія — цѣломудренна; Эгистъ—безупреченъ; Франіонъ — вѣрный подданный, Пандосто же измѣнникъ; его дитя невинно, и король долженъ остаться безъ наслѣдника, если то, что потеряно, не будетъ найдено“. Рѣшеніе Аполлона заставило короля раскаяться въ своемъ безуміи и просить прощенія у Белларіи. Все кончилось бы всеобщимъ примиреніемъ, если бы не пришла неожиданно печальная вѣсть о внезапной смерти единственнаго сына королевской четы. Белларія не вынесла новаго горя и умерла скорострѣжно. Пандосто пролежалъ безъ чувствъ три дня, а когда пришелъ въ себя, хотѣлъ лишить себя жизни отъ горя. Придворные едва удержали его руку. Устроивъ торжественныя похороны женѣ и сыну, Пандосто съ тѣхъ поръ каждый день плакалъ на ихъ могилѣ.

Такъ оканчивается первая часть повѣсти Грина, соотвѣтствующая первымъ тремъ дѣйствіямъ „Зимней сказки“. Во второй части повѣсти, болѣе обширной, чѣмъ первая, разсказывается исторія того несчастнаго ребенка, который, по приказанію Пандосто, былъ отданъ на произволъ вѣтра и волнъ.

Два дня утлый челнокъ носился по морю, пока не былъ выброшенъ на песчаный берегъ Сициліи. Здѣсь случайно на-

брелъ на него одинъ пастухъ, искавшій заблудившуюся овцу, и взялъ ребенка на воспитаніе. Кошелекъ съ золотомъ, найденный имъ при ребенкѣ, сдѣлалъ его зажиточнымъ человѣкомъ. Онъ и его жена привязались къ своей пріемной дочери, которой они дали имя Фавніи (у Шекспира—Пердита). Черезъ шестнадцать лѣтъ Фавнія превратилась въ очаровательную дѣвушку, слухъ о которой достигъ даже до сицилійскаго двора. Однажды Дорастъ (у Шекспира—Флоризель), единственный сынъ короля Эгиста, во время охоты, которая была его любимымъ занятіемъ, встрѣтился съ Фавніей, когда она, по обыкновенію, выгоняла своихъ овецъ и въ нарядѣ пастушки, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ, походила на богиню Флору. Молодые люди влюбились другъ въ друга со всѣмъ пыломъ юности. Ради Фавніи Дорастъ былъ готовъ отказаться отъ престола, который онъ долженъ былъ наслѣдовать, и сдѣлаться простымъ пастухомъ. Предвидя препятствія со стороны Эгиста, молодые люди рѣшились бѣжать въ Италію, при помощи одного стараго слуги Капнію, который снарядилъ для нихъ корабль. Но вмѣсто Итали, буря прибила корабль „къ берегамъ Богеміи“, гдѣ влюбленные скрылись въ глухой деревушкѣ. Однако, слухъ о прибывшей красавицѣ достигъ до Пандосто. Онъ пожелалъ увидѣть Фавнію и влюбился въ нее, не подозрѣвая, что она его родная дочь. Между тѣмъ Эгистъ, случайно узнавшій о мѣстонахожденіи своего сына, послалъ въ Богемію пословъ съ требованіемъ вернуть Дораста въ Сицилію, а его спутниковъ, въ томъ числѣ и Фавнію, казнить. Разгнѣвавшись на Фавнію за то, что она отвергла его преступную любовь, Пандосто былъ готовъ исполнить требованіе Эгиста, но пастухъ, мнимый отецъ Фавніи, открылъ тайну ея находки и представилъ вещи, которыя доказывали, что молодая дѣвушка—дочь Белларіи и Пандосто. Повѣсть оканчивается разсказомъ о свадьбѣ Дораста и Фавніи и о смерти Пандосто, который, мучимый укорами совѣсти за свое преступное поведеніе по отношенію къ Эгисту, Белларіи и дочери, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

IV.

Сравнивая „Зимнюю сказку“ съ новеллой Грина, мы, прежде всего, замѣчаемъ, что Шекспиръ измѣнилъ имена всѣхъ дѣй-

ствующихъ лицъ и перемѣнилъ мѣсто дѣйствія. Пандосто у него названъ Леонтомъ, Эгистъ—Поликсеномъ, Белларія—Гермионой, Фавнія—Пердитой, Дорастъ—Флоризелемъ и т. д. Трагическая часть новеллы Грина, исторія ревности Пандосто, происходитъ въ Богеміи, а любовная идиллія Дораста и Фавніи—въ Сициліи. У Шекспира наоборотъ: ревниваго Леонта онъ сдѣлалъ королемъ Сициліи, а подозрѣваемаго имъ Поликсена, отца Флоризеля,—королемъ Богеміи, гдѣ и воспитывается Пердита. Трудно предположить, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые комментаторы, чтобы эта перемѣна мѣста дѣйствія была результатомъ опредѣленнаго умысла со стороны Шекспира; скорѣе можно думать, что поэтъ не придавалъ большого значенія географическимъ указаніямъ новеллы Грина, такъ какъ задумалъ свою пьесу въ совершенно сказочномъ стилѣ, не считающемся съ точностью въ именахъ и названіяхъ.

Изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ новеллы Грина Шекспиръ сохранилъ Гаринтера, сына Пандосто, и выводитъ его подъ именемъ Мамиллія, удѣляя ему въ пьесѣ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ авторъ новеллы. Королевскаго виночерпія Франіона и стараго слугу Капнію, помогающаго бѣгству Дораста и Фавніи, Шекспиръ слилъ въ одно лицо придворнаго Камилло, который такимъ образомъ явился связующимъ звеномъ между первою и второю частью пьесы. Затѣмъ Шекспиръ создалъ самостоятельно три лица, на которыхъ нѣтъ никакого намека у Грина: энергичную Паулину, ея слабаго мужа Антигона и веселаго, оригинальнаго плута Автолика.

Въ новеллѣ Грина, какъ мы видѣли, главный интересъ сосредоточивается на любви Дораста и Фавніи, а исторія ревности Пандосто является какъ бы только прологомъ къ этому пастушескому разсказу. Шекспиръ напротивъ того, сдѣлалъ любовную идиллію только прелестнымъ эпизодомъ своей драмы, занимающимъ четвертый актъ, а центръ тяжести пьесы перенесъ на анализъ ревности Леонта и ея губительныхъ послѣдствій.

Пандосто у Грина не только ревнивецъ, но также тиранъ и сластолюбецъ. Шекспиръ придаетъ своему Леонту только одинъ недостатокъ—ревность и освобождаетъ его отъ другихъ. Поэтому онъ совершенно выпускаетъ возмущающій нравственное чувство эпизодъ любви Пандосто къ Фавніи. Съ тактомъ истиннаго художника онъ

оставилъ отъ всего этого эпизода только одинъ облагороженный и измѣненный намекъ, который онъ вложилъ въ уста Пердиты, обращающейся къ Леонту съ такими словами:

Государь,

У васъ въ глазахъ, мнѣ кажется, сквозить
Чрезчуръ отѣнокъ юности, и намъ
Приличнѣе бы было устремлять
Подобный взглядъ на вашу королеву,
Пока она жила, чѣмъ на меня.

Ревность Пандосто носить у Грина трагическій характеръ: она является причиною смерти его сына, жены и, наконецъ, его самого. Шекспиръ, назвавшій пьесу „Зимней сказкой“, долженъ былъ найти примирительный исходъ, какъ болѣе приличествующій сказочному содержанію. Его Герміона только считается всѣми за умершую, а на самомъ дѣлѣ скрывается въ продолженіе шестнадцати лѣтъ у Паулины. Эффектная сцена съ мнимой статуей Герміоны, оживающей на глазахъ мужа и дочери, принадлежитъ вполне Шекспиру*). Развязка пьесы ведетъ къ всеобщему примиренію, прощенію, радости и счастью: Леонтъ воссоединяется съ простившей его Герміоной, Пердита выходитъ замужъ за Флоризеля, а Паулина—за Камилло. Три счастливыхъ пары завершаютъ дѣйствіе комедіи.

Таковы важнѣйшія измѣненія, сдѣланныя Шекспиромъ. Укажемъ еще на нѣкоторыя подробности, доказывающія искусство драматурга при обработкѣ новеллы. Во многихъ случаяхъ Шекспиръ гораздо лучше, чѣмъ Гринъ, мотивируетъ дѣйствіе. Такъ у Грина Пандосто раскрывается немедленно послѣ того, какъ ему стало извѣстно рѣшеніе оракула. У Шекспира же Леонтъ въ своемъ безумствѣ доходитъ до того, что не вѣритъ словамъ оракула, и только внезапная смерть Мамиллія производитъ въ его душѣ спасительный переворотъ. У Грина Мамиллій умираетъ только въ силу прорицанія оракула, Шекспиръ же мотивируетъ смерть мальчика болѣзнью, постигшею его вслѣдствіе тоски по невинно-оклеветанной матери. Дѣйствіе слѣ-

*) Этотъ эпизодъ могъ быть навѣянъ разсказомъ Овидія о мраморной статуѣ Галатей, оживающей подъ страстными взглядами Пигмаліона, который ее изваялъ. Больте указалъ на сходный съ шекспировскимъ мотивъ въ одномъ голландскомъ произведеніи (Jahrbuch der d. Shakespeare-Gesellschaft за 1891 г.).

пого случая Шекспиръ нерѣдко замѣняетъ сознательно волею людей. Такъ у Грина челнокъ съ новорожденнымъ младенцемъ случайно прибываетъ волною къ владѣніямъ Эгиста. У Шекспира же Антигонъ сознательно везетъ ребенка въ Богемію, думая, что богемскій король его настоящий отецъ. Точно также у Грина буря случайно заноситъ Дораста и Фавнію во владѣнія отца молодой дѣвушки; у Шекспира же Флоризель и Пердита попадаютъ въ Сицилію по волѣ Камилло, страстно желавшаго вновь увидѣть давно покинутую родину. Самое бѣгство молодыхъ людей въ новеллѣ мотивировано очень слабо; въ пьесѣ же оно вполне намъ понятно, такъ какъ вызвано угрозами Поликсена противъ сына и его возлюбленной (Д. IV, сц. 3). Кстати слѣдуетъ замѣтить, что вся превосходная сцена сельскаго праздника въ IV дѣйствіи вмѣстѣ съ примыкающими къ ней комическими эпизодами—есть вполне самостоятельное прибавленіе Шекспира.

Существуетъ предположеніе, что кромѣ новеллы Грина, Шекспиръ пользовался еще какимъ-то другимъ, неизвѣстнымъ намъ источникомъ, заключавшимъ въ себѣ рассказъ сходнаго содержанія. Проф. Каро („*Englische Studien*“ 1878 г.), и вслѣдъ за нимъ Р. Бойль (Shakespeares Wintermärchen und Sturm, St.-Petersburg 1885 г.) указываютъ польско-литовское сказаніе, основанное на историческихъ фактахъ и представляющее нѣсколько пунктовъ сходства съ содержаніемъ шекспировской пьесы. Въ этомъ сказаніи фигурируютъ ревнивый мужъ-герцогъ Мазовіи Земовитъ, его невинно-оклеветанная жена Людмила, рожденный ею въ тюрьмѣ сынъ Генрихъ, обреченный герцогомъ на смерть, но спасенный доброй женщиной Саломеей, тайно воспитывающей его и т. д. Съ другой стороны, Карлъ Фризь недавно указалъ на одну нидерландскую драму XV в. „*Abel spel van Esmoreit*“, имѣющую значительное сходство какъ съ новеллой Грина, такъ и съ „Зимней сказкой“ (см. *Neue Jahrbücher für das klassische Alterthum, Geschichte und deutsche Literatur*, 1900 г. т. VI). Здѣсь ревнивцемъ является, какъ и у Шекспира, король Сициліи, заключающій жену въ тюрьму по подозрѣнію въ невѣрности. Ея сынъ Эсморейтъ, похищенный тотчасъ же послѣ рожденія и воспитанный при дворѣ Дамасскаго короля, влюбляется въ королевскую дочь Даміету, отъ которой узнаетъ о своемъ происхожденіи. Вернувшись въ Сицилію, онъ убѣж-

даетъ короля въ невинности королевы, вслѣдствіе чего послѣдняя освобождается изъ тюрьмы и прощаетъ мужу. Въ поискахъ за Эсморейтомъ Даміета пріѣзжаетъ въ Сицилію. Пьеса оканчивается свадьбой молодыхъ людей.

Въ этой нидерландской пьесѣ нельзя не замѣтить большого сходства съ „Зимней сказкой“. Въ обѣихъ мы находимъ оклеветаніе королевы Сициліи и заключеніе ея въ тюрьму, удаленіе и счастливое спасеніе ребенка, любовную идиллію въ далекой странѣ, возвращеніе юной пары и реабилитацию королевы.

Приведенные факты приводятъ къ заключенію, что, кромѣ новеллы Грина, Шекспиръ былъ знакомъ съ какой-нибудь другой версіей широко-распространеннаго сказанія о несправедливо оклеветанной женѣ. Одно изъ подобныхъ нѣмецкихъ сказаній выводитъ героиней „дочь русскаго царя“ („*Deu Tochter des Königes von Reuzen*“). См. v. d. Hagen, *Gesamtabenteuer*, II). Припомнимъ, что у Шекспира Герміона называетъ себя „дочерью русскаго императора“. (У Грина—на русской принцессѣ женатъ Эгистъ, соответствующій Поликсену у Шекспира).

Нѣкоторые комментаторы находятъ въ „Зимней сказкѣ“ также и автобиографическій элементъ, приводя ея содержаніе въ связь съ возвращеніемъ Шекспира въ родной Стратфордъ въ послѣдніе годы его жизни и испытанными имъ при этомъ впечатлѣніями. (Ср. вышеназванный этюдъ Бойля R. Boyle, и V. Berger, „*Wie das Wintermärchen entstand*“, Hamburg 1903). Примиреніе съ женою, которую надолго покинулъ онъ во время своей лондонской жизни и ея увлеченій, радость восстановления нарушенной семейной жизни, удовольствіе видѣть въ своей дочери Юдиенъ молодую цвѣтущую дѣвушку, поразительно напоминавшую его жену Анну Гесвъ въ эпоху его романа съ ней,—все это нашло себѣ такъ или иначе отраженіе въ отношеніяхъ между Леонтомъ, Герміоной и Пердитой, въ спокойномъ колоритѣ пьесы, какъ бы обвѣянной свѣжимъ дыханіемъ сельской природы, и въ ея примирительномъ исходѣ. Нельзя не замѣтить, что въ одновременныхъ съ „Зимней сказкой“ пьесахъ—„Цимбелинъ“ и „Буря“—рѣчь идетъ также о примиреніи и воссоединеніи разлученныхъ надолго членовъ семейства. Съ другой стороны, въ обрисовкѣ характера Мамилліа, осужденнаго на преждевременную смерть, какъ бы чувствуется скорбь Шек-

спира по безвременно погибшемъ, горячо имъ любимомъ сынѣ Гамлетѣ.

V.

Назвавъ свою пьесу „Зимней сказкой“, Шекспиръ намѣренно подчеркнул сказочность и полуфантастичность ея содержанія. Кромѣ того, въ самомъ текстѣ пьесы нѣсколько разъ Шекспиръ старается внушить читателю мысль о такомъ характерѣ пьесы. Рассказывая о признаніи Пердиты дочерью короля, придворный замѣчаетъ: „Въ одинъ часъ совершилось столько чудесъ, что не воспѣть ихъ даже балладнымъ стихотворцамъ“... „Новости, которыя выдаютъ за истину, до того подходятъ на старую сказку, что имъ трудно повѣрить“ (д. V, сц. 2). Разсказу о судьбѣ Антилона, разорваннаго медвѣдемъ, предпосылается замѣчаніе: „Тутъ дѣло становится опять похоже на сказку, которой все еще осталось что рассказать, несмотря на то, что довѣріе къ ней кончено, и никто не хочетъ ее слушать“ (ib.).

Какъ въ сказкѣ, мѣсто дѣйствія не имѣетъ здѣсь большого значенія: оно происходитъ „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ“, и читателю въ сущности совершенно безразлично, называется ли эта сказочная страна Сициліей, Богеміей или какъ нибудь иначе. „Морской берегъ“ Богеміи приводилъ въ смущеніе многихъ комментаторовъ. Составлялись всевозможныя гипотезы для объясненія этой географической ереси, заимствованной Шекспиромъ у Грина. Одни думали, что слово Bohemia попало по ошибкѣ вмѣсто Bythynia (Ганмеръ), другіе дѣлали историческія справки, доказывающія, что владѣнія короля богемскаго нѣкогда простирались до Средиземнаго моря, третьи старались доказать, что подъ Богеміей Шекспира мы должны разумѣть страну „бойевъ“, т. е. кельтовъ или галовъ (см. статью Kralik'a въ Jahrbuch der deutsch. Shakespeare-Gesellschaft за 1901 г.). На всѣ эти старанія реабилитировать географическія познанія Шекспира врядъ ли умѣстны. Эта сказочная „Богемія“ съ ея морскимъ берегомъ вполне гармонируетъ съ общимъ сказочнымъ складомъ всей пьесы, которая изобилуетъ всякими анахронизмами и несообразностями. Несмотря на греческія имена, трудно сказать, къ какой національности и къ какой религіи принадлежатъ дѣйствующія лица. На ряду съ Дельфійскимъ оракуломъ и языческими богами, упоминается также и о „пуританинѣ, ко-

торый поетъ подъ волынку псалмы“ (д. IV, сц. 2). Герміона—дочь русскаго императора, хотя она современница Дельфійскаго оракула, а ея мнимая статуя изваяна Джуліо Романо—итальянскимъ художникомъ эпохи Возрожденія, и т. д. По справедливому замѣчанію Брандеса, все это только усиливаетъ въ нашемъ впечатлѣніи сказочный характеръ пьесы. Этотъ сказочный характеръ долженъ служить исходною точкою для сужденія о драматической technikѣ „Зимней сказки“. Придирчивые нѣмецкіе критики, въ особенности Бультгауптъ (Dramaturgie der Klassiker), увлекаютъ Шекспира за болѣе эпическій, чѣмъ драматическій складъ его пьесы, за то, что она искусственно раздѣлена на двѣ, имѣющія мало между собою общаго части, между которыми проходитъ цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ, и т. п. Но всѣ эти обвиненія отпадутъ сами собою, если мы припомнимъ, что, по замыслу самого Шекспира, эта пьеса есть не столько драма, сколько драматизированная сказка. Кромѣ того, въ „Зимней сказкѣ“ есть несомнѣнное единство въ настроеніи и тонѣ, оставляющее цѣльное и вполне поэтическое впечатлѣніе. „Подобно тому, какъ картина, изображающая довольно чуждая одна другой группы, можетъ представлять единство въ сочетаніи линій и въ гармоніи красокъ, точно такъ же въ расчлененномъ дѣйстви драмы можетъ быть нѣчто въ общепоэтическомъ смыслѣ родственное, что можно было-бы назвать духомъ или основнымъ тономъ драмы, и этотъ духъ или основной тонъ съ увѣренностью проведенъ здѣсь“ (Брандесъ).

„Зимняя сказка“ похожа на музыкальную симфонію съ патетическимъ началомъ, идиллически-шутливой серединой и трогательно-примирительнымъ окончаніемъ, которое заключаетъ пьесу гармоническимъ аккордомъ.

VI.

Патетическую часть этой драматической симфоніи составляютъ три первыхъ дѣйствія. Тема ея—страсть ревности. Этой страсти Шекспиръ касался въ цѣломъ рядѣ своихъ драмъ: въ „Отелло“, „Цимбелинѣ“, „Троилѣ и Крессидѣ“ и, наконецъ, въ „Зимней сказкѣ“—и всякій разъ изображалъ ее въ особыхъ оттѣнкахъ и у людей съ различнымъ характеромъ. Наряду съ Отелло, Яго, Постумомъ и Троиломъ мы должны поставить Леоната. Какъ ни различны они по своему характеру, темпераменту и обще-

ственному положенію, страсть ревности сближает ихъ всѣхъ другъ съ другомъ. Сравненіе Леонта съ Отелло напрашивается само собою. Можно сказать, что оба героя представляютъ два противоположныхъ полюса губительной страсти. Отелло отъ природы чуждъ ревности; простой, доверчивый и благородный, онъ совершенно лишенъ мнительной подозрительности. Нужна дьявольская ловкость злобнаго Яго и роковое стеченіе обстоятельствъ, чтобы отравить его здоровую натуру губительнымъ ядомъ ревности. Заразившись этимъ ядомъ, онъ страдаетъ мучительно, невыносимо, страдаетъ не какъ эгоистъ, возмущенный посягательствомъ другихъ на принадлежащее ему добро, но какъ возвышенный идеалистъ, утратившій вѣру въ любимую женщину и въ возможность счастья и убѣдившійся, что жизнь его навѣки разбита.

Не таковъ Леонтъ, который какъ бы служить иллюстраціей къ словамъ Эмилиі въ „Отелло“: „ревность не нуждается въ поводахъ, люди ревнуютъ часто безъ всякихъ поводовъ, а потому, что ревнивы“. (Актъ III, сц. 4). Онъ отъ природы склоненъ къ ревности, носить ядъ ея въ собственной душѣ, поэтому ему не нужно никакихъ Яго, никакихъ вдохновителей и подстрекателей. Ревность нападаетъ на него внезапно, какъ ураганъ, и овладѣваетъ всецѣло всѣмъ его существомъ, все подчиняя своей тлетворной власти. У него гораздо менѣе поводовъ быть ревнивымъ, чѣмъ у Отелло: противъ него говоритъ старинная дружба съ Поликсеномъ, продолжительная счастливая жизнь съ безупречной Герміоной, убѣжденія окружающихъ лицъ, старающихся его образумить и т. д. Но все бессильно передъ его страстью ревности, „этого чудовища, создающаго пищу, которой само питается“ („Отелло“, д. III, сц. 3).

Взрывъ его страсти, вспыхнувшей „безъ всякихъ основаній, кромѣ дикихъ, безумныхъ подозрѣній“ (д. II, сц. 3), тѣмъ сильнѣе и разрушительнѣе, что онъ человѣкъ, избалованный своею королевскою властью, гордый своимъ саномъ и необыкновенно самоувѣренный. Неистовствуя противъ Герміоны, онъ напоминаетъ намъ Лира, который осыпаетъ проклятіями Корделію. Противорѣчія Паулины и другихъ приближенныхъ еще болѣе подливаютъ масла въ огонь его бѣшенства. Его упорству нѣтъ предѣловъ:

Если я

Ошибся въ основаніи, на которомъ

Построилъ эту мысль—то и земля
Окажется слаба, чтобы поддержать
Ничтожный мячикъ школьника!

Камилло хорошо характеризуетъ душевное состояніе Леонта слѣдующими словами:

Скорѣе вы

Успѣете остановить движеніе
Приплыва въ океанъ, чѣмъ сломить
Совѣтомъ, словомъ, клятвой ту неѣпость
Которой онъ проникся. Онъ увѣренъ
Въ ней, какъ въ себѣ, и будетъ защищать
Ее до самой смерти.

Къ Дельфійскому оракулу онъ посылаетъ не для того, что бы узнать отъ него истину, въ которой онъ не сомнѣвается, а лишь съ тою цѣлью,

чтобъ успокоить

Сомнѣнія невѣждъ, которыхъ глупость
Не хочетъ видѣть правды.

Поэтому, когда отвѣтъ оракула оказывается не въ его пользу, онъ доходитъ до того, что обвиняетъ его во лжи. Нужно было сильное нравственное потрясеніе, чтобы образумить зарвавагося безумца. Карающую десницу бога онъ видитъ въ смерти Мамилліа и въ похоронахъ на смерть обморокъ Герміоны—и въ душѣ его происходитъ крутой переломъ. Чѣмъ болѣе неистовствовалъ онъ ранѣе, тѣмъ глубже теперь его раскаяніе. Много лѣтъ сокрушается онъ въ своемъ грѣхѣ и страданіемъ очищается и облагораживаетъ свою душу. Разставаясь съ нимъ въ концѣ пьесы, мы видимъ его отрѣшившимся отъ своихъ недостатковъ и возрождающимся къ новой жизни.

Этотъ процессъ нравственнаго очищенія, прекрасно изображенный Шекспиромъ, возвышаетъ Леонта надъ низменными ревнивцами въ родѣ Яго, закоренѣлаго въ грубомъ себялюбіи. Леонта нельзя считать ничтожною личностью и отрицательнымъ явленіемъ. Онъ не злодѣй, для котораго нѣтъ ничего святого, а человѣкъ, заразившійся ревностью, какъ болѣзнью, которая находитъ самую обильную пищу въ его природномъ предрасположеніи и въ общемъ складѣ его самоувѣреннаго, своенравнаго и властнаго характера. Въ своемъ ослѣпленіи онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ несправедливости и жестокости, но стоило ему лишь прозрѣть, какъ онъ начинаетъ искупать свои преступленія жгучими слезами искренняго раскаянія.

VII.

Если Леонтъ не похожъ на Отелло, то и жертва его безумной ревности, Герміона, имѣетъ мало общаго съ Дездемоной. Герміонъ совершенно чужды отличающія Дездемону страстность, неосмотрительность и слабость. Въ вихрѣ любви Дездемона послѣдовала за Отелло, не размышляя, и тайно повѣнчалась съ нимъ. Изъ словъ Леонта мы узнаемъ, что Герміона долго думала прежде, чѣмъ рѣшиться соединить его судьбу съ своею:

По истеченіи трехъ тяжелыхъ
И длинныхъ мѣсяцевъ, успѣлъ достичь я
Того, что ты рѣшилась дать мнѣ руку,
Сказавъ: твоя *сполни!*

Съ большою осмотрительностью и серьезностью совершивъ такой важный въ жизни шагъ, она уже на вѣки остается идеальной и безупречной женой своего избранника. Спокойная, уравновѣшенная и стойкая, она не теряется, подобно Дездемонѣ, подъ градомъ несправедливыхъ обвиненій. Дездемона была бы не въ состояніи публично защищать себя съ такимъ удивительнымъ самообладаніемъ, съ такимъ благороднымъ и гордымъ сознаніемъ своей правоты. Никакія оскорбленія, никакія страданія не въ состояніи сломить твердости ея высокой души, соединяющей сильную волю съ мягкой женственностью:

Быть можетъ, вы,
Не видя слезъ въ глазахъ моихъ, и сами
Не станете жалѣть меня; но знайте,
Что я полна той благородной скорби,
Которая, упавши разъ на душу,
Томитъ ее и жжетъ съ такою силой,
Что не залить потокомъ горькихъ слезъ.

Защитительная рѣчь Герміоны въ судѣ—одинъ изъ перловъ шекспировской поэзіи. Никогда, кажется, величіе женской души не изображалось съ такимъ мастерствомъ, какъ въ этой сценѣ „Зимней сказки“. Герміонъ не страшны угрозы послѣ того, какъ съ потерей дѣтей и любви мужа она потеряла все:

Оставьте ваши
Угрозы, государи!—того, чѣмъ вы
Хотите запугать меня, желаю
Душевно я сама! Мнѣ жизнь по радости...

Она—, подруга короля, владѣвшая полцарствомъ, дочь монарха, мать полного надеждъ прекрасныхъ сына—теперь „столько же несчастна, сколько прежде была чиста“.

У нея жестоко оторвали послѣднее дитя и бросили на смерть „еще съ невинными устами, увлажненными невиннымъ молокомъ“.

Не о жизни, а о спасеніи своего добраго имени думаетъ оскорбленная и измученная жена и мать:

И не прошу
За жизнь свою: она мнѣ тяжела,
Какъ горе, отъ котораго всѣмъ сердцемъ
Желала бъ я взбавиться! но честь!—
Честь перейти должна и на потомство—
Ее хочу спасти я.

Въ такую бездну несчастья погрузила нелѣпая ревность Леонта эту „прекраснѣйшую женщину изъ всѣхъ, когда либо дѣлившихъ съ мужемъ счастье“. (Д. V, сц. 1). „Кротче самой благодати, добрый невиннаго младенца“ (Д. V, сц. 3), съ очами, сіявшими „ярче небесныхъ звѣздъ“ (ib.), Герміона—олицетвореніе женственной граціи и мягкой привѣтливости, соединенныхъ съ высокимъ благородствомъ и силою души. Она изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ „нѣжнымъ поцѣлуемъ легче сдвинуть на сотню миль, чѣмъ вынудить ступить ихъ шагъ крутою мѣрой“ (Д. I, сц. 2). Паулина не далека отъ истины, когда говоритъ Леонту, что „если-бъ собрать со всѣхъ живущихъ женщинъ всѣ лучшія ихъ свойства, чтобъ создать одну на диво міру—и тогда она бы не сравнялась“ съ Герміоной. (Д. V, сц. 1).

Въ галлерей женскихъ портретовъ, нарисованныхъ гениемъ Шекспира, Герміонъ должно принадлежать одно изъ почетныхъ мѣстъ. Благородный и въ высшей степени симпатичный образъ этой невинной страдальцы нарисованъ съ удивительнымъ совершенствомъ. Ея характеръ выставленъ намъ съ пластичностью, законченностью и рельефностью очертаній изящной мраморной статуи, въ видѣ которой она выступаетъ въ послѣднемъ дѣйствіи.

Герміона хорошо отгѣнена поставленной рядомъ съ нею Паулиной, женщиной энергичной, стремительной и запальчивой. Съ рѣдкою смѣлостью, не щадя себя, изобличаетъ она преступнаго короля, выступая въ защиту правды и справедливости. Она напоминаетъ благороднаго Кента, играющаго такую же роль передъ лицомъ самовластнаго короля Лира. Въ своей чрезмѣрной горячности она даже вредитъ дѣлу, раздражая еще болѣе короля, не выносящаго противорѣчій, но затѣмъ она содѣй-

ствуетъ тому, чтобы въ Леонтѣ заговорилъ долго заглушаемый голосъ совѣсти. Въ ея уста Шекспиръ влагаетъ высокія слова, въ которыхъ нельзя не видѣть его личнаго убѣжденія: „еретикъ тотъ, кто поджигаетъ костеръ, а не тотъ, кто на немъ горитъ“ (Д. II, сц. 3).

VIII.

За патетическою частью „Зимней сказки“, выдержанною съ начала до конца въ серьезномъ тонѣ, безъ всякой примѣси комическаго элемента, слѣдуетъ очаровательная пастораль, рисующая чистую юношескую любовь Пердиты и Флоризеля.

Предшествуетъ ей и сопровождаетъ ее рядъ комическихъ сценъ, въ которыхъ главная роль принадлежит Автолику. Это чрезвычайно оригинальная личность, не имѣющая подобной себѣ въ драмахъ Шекспира, человѣкъ на всѣ руки; пронира и плутъ, обманщикъ и весельчакъ. Прежде чѣмъ сдѣлаться профессиональнымъ воромъ, онъ перемѣнилъ много занятій: „ходилъ съ обезьяной, былъ разсылнымъ при судѣ, таскался съ кукольнымъ представленіемъ блуднаго сына, а потомъ женился на женѣ мѣдника“... (Д. IV, сц. 2). Со всѣмъ тѣмъ онъ сохранилъ въ себѣ неистощимый запасъ юмора и остроумія.

Нѣжными, поэтическими красками рисовалъ Шекспиръ привлекательный образъ молодой Пердиты. Ей въ сущности удѣлена одна сцена IV дѣйствія, изображающая сельскій праздникъ, тѣмъ не менѣе характеристика этой очаровательной молодой дѣвушки не оставляетъ желать ничего лучшаго. Когда она впервые является передъ нами, вся въ цвѣтахъ, похожая „на богиню Флору, предвѣстницу апрѣльскихъ ясныхъ дней“, то мы вполнѣ, такъ сказать, ощущаемъ справедливость словъ Флоризеля:

Твой каждый шагъ
Прелестнѣй предыдущихъ. Говоришь ли—
То хочется внимать тебѣ всегда;
Поешь ли ты—то хочется, чтобы пѣла
При всѣхъ своихъ дѣлахъ ты: при молитвѣ,
При хлопотахъ въ хозяйствѣ, при раздачѣ
Пособія бѣднякамъ! Когда ты пляшешь—
То хочется, чтобы ты была волной
И двигалась всегда, не измѣняя
Ни въ чемъ своихъ движеній. Словомъ, все,
Что ты ни станешь дѣлать, даже въ самыхъ
Пустыхъ дѣлахъ, увѣнчано въ тебѣ
Печатю чудной прелести, съ которой
Становишься ты царственной во всемъ.

Отличительную черту Пердиты составляетъ соединеніе величайшей простоты и естественности съ природною высотой души и наслѣдственнымъ царственнымъ величіемъ. Она не выноситъ ничего ложнаго и искусственнаго. Простые полевые цвѣты, которые она всѣ знаетъ наперечетъ со всѣми ихъ свойствами и съ относящимися къ нимъ примѣтами, ей гораздо милѣе и дороже, чѣмъ пышныя оранжерейныя растенія. Она не желала бы имѣть у себя левкоя и гвоздики, потому что „ихъ махровость дана имъ не природой, а искусствомъ“. За то „ноготки, привыкшіе ложиться за солнцемъ вслѣдъ, и также вмѣстѣ съ нимъ встающіе въ слезахъ“, нарциссы, „чей блѣдный цвѣтъ цвѣтетъ еще до ласточекъ“, „первые подснежники“, „буквицы, лиліи, ландыши“, представляють для Пердиты что-то близкое, родное, имѣющее тѣсное отношеніе къ ней самой. Образъ Пердиты и рисуется намъ не иначе, какъ среди душистыхъ цвѣтовъ, въ которыхъ она понимаетъ толкъ не менѣе, чѣмъ несчастная Офелія. Но съ этой очаровательной простотой и близостью къ природѣ Пердита соединяетъ черты высокой, царственной натуры:

Все, что она ни скажетъ, дышетъ чѣмъ-то
Возвышеннымъ и чуждымъ той средѣ,
Въ какой она живетъ.

Это сближаетъ Пердиту съ Герміоною. Между матерью и дочерью—родовыя черты сходства, тонко проведенныя Шекспиромъ. Отъ Герміоны Пердита унаслѣдовала не только величавое благородство, но и ея твердость души, постоянство и энергію чувства. Она такъ же безповоротно отдаетъ свое сердце Флоризелю, какъ нѣкогда Герміона отдала свое Леонту. Въ постоянствѣ своего чувства убѣждена она сама, убѣждаетъ и читателя:

Горе можетъ
Согнать румянецъ свѣжести со щекъ,
Но сердце будетъ вѣчно неизмѣннымъ.
(Дѣйствіе II, сц. 3).

Ошеломленная грубыми угрозами Поликсена, она молчитъ, но какая энергія звучитъ въ ея непосредственно за этимъ слѣдующихъ словахъ:

И дважды
Была почти готова перебить
Его, сказавъ, что то же солнце свѣтитъ
Надъ нашей бѣдной хижиной, какое
Сіяетъ и надъ крышею его
Блестящаго дворца.

И здѣсь видна въ ней дочь Герміоны, хотя она „и не умѣетъ красиво говорить и не можетъ придумать лучшихъ словъ“, какъ она выражается (Д. IV, сц. 3).

Читатель не можетъ не согласиться съ Флоризелемъ, что Пердитѣ „не нужно приданнаго иного, кромѣ качествъ ея души“, (ib.) и не можетъ не увидѣть въ ней, подобно придворному Леонту—„созданье, прелестнѣе котораго едва-ль когда нибудь лучи жили солнца“. (Д. V, сц. 1).

Вмѣстѣ съ Флоризелемъ Пердита составляетъ „пару влюбленныхъ, нѣжныхъ горлицъ, давшихъ слово во вѣкъ не разлучаться“ (Д. IV, сц. 3). Если Пердита „ручается за слово этихъ горлицъ“, то и юный Флоризель вполне подѣлать своей возлюбленной и также можетъ постоять за себя:

Вѣрь, что я

Весь твой, а не отца. Я не могу
Быть даже и своимъ, когда бы не былъ
Твоимъ навѣкъ;—могу ль принадлежать
Поэтому другимъ я?

Онъ считаетъ „благословеннымъ“ навѣки тотъ часъ, когда его соколъ опустился на поле ея родныхъ. Вся слава и могущество міра, всякіе таланты и превосходство надъ другими для него „не значать ничего безъ сердца этой дѣвушки“. Ни за какія сокровища онъ „не преступитъ клятвы вѣрности“, которую онъ далъ ей. „Послѣ угрозъ отца онъ „намѣренъ“ пробивать самъ дорогу къ счастью“. Правъ старый Камилло, выражающій убѣжденіе, что Флоризеля съ Пердитой „можетъ разлучить одна лишь только смерть“.

Чистая любовь двухъ пылкихъ юныхъ сердецъ, предназначенныхъ другъ для друга,

никогда не изображалась въ болѣе идеальномъ, поэтическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе правдивомъ и чуждомъ всякой слащавости свѣтѣ. Наряду съ прелестной четой Пердиты и Флоризеля можетъ быть поставлена только чета Миранды и Фердинанда въ „Бурѣ“, представляющая также излюбленныхъ дѣтищъ Шекспира, на которыхъ покоится его нѣжный, отеческій взоръ.

Нельзя не согласиться съ Гервинусомъ, высказавшимъ мнѣніе, что „не много написано Шекспиромъ такого, чтобы равнялось полнотою, движеніемъ и изяществомъ четвертому акту „Зимней сказки“. Съ нимъ соперничаетъ, по поэтическимъ достоинствамъ, и пятый актъ, похожій на заключительные, тихіе и полные нѣжной мелодіи, звуки вдохновенной симфоніи. Послѣ изображенія бурныхъ порывовъ слѣпой страсти и послѣ идиллической картины чистой, какъ кристаллъ, юношеской любви, поэтъ теперь чаруетъ насъ трогательными сценами семейной радости, примиренія и возрожденія къ новой, болѣе свѣтлой жизни. Символомъ этого возрожденія является статуя Герміоны, оживающая на нашихъ глазахъ. Заключительная сцена принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ шекспировскаго творчества. Ничто не можетъ сравниться съ высокой поэзіей и умиленной трогательностью того момента, когда Герміона, считаемая за статую, сходитъ, при тихихъ звукахъ музыки, съ пьедестала, безмолвно обнимаетъ почти оцѣпенѣвшаго отъ радости Леонта и даетъ материнское благословеніе восхищенной Пердитѣ, падающей передъ ней на колѣни.

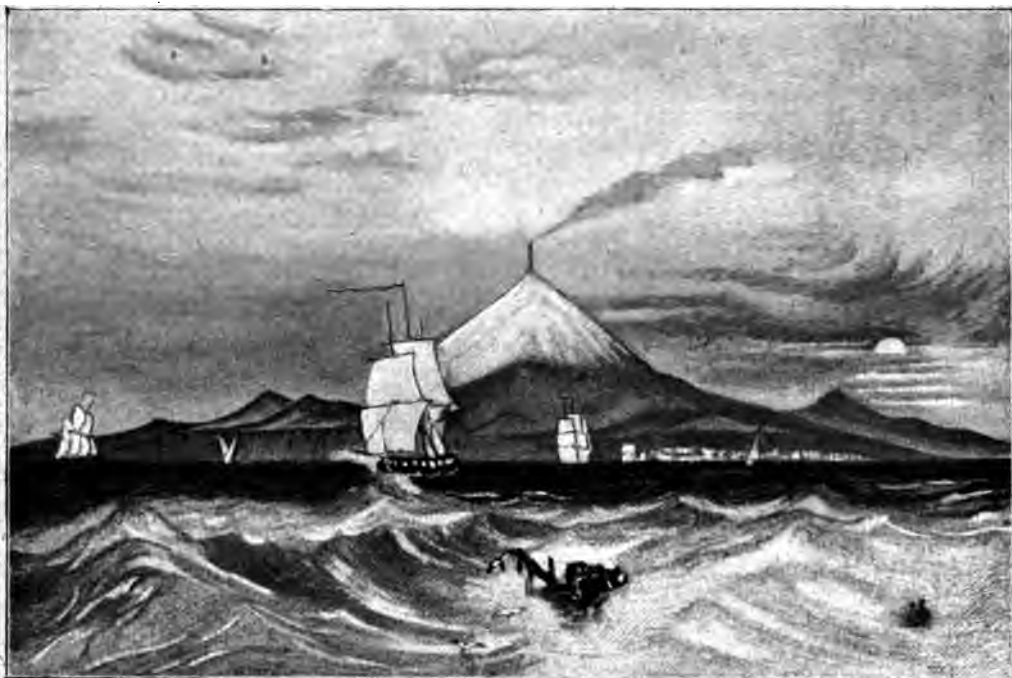
Подъ впечатлѣніемъ этой чудной сцены мы и расстаемся съ „Зимней сказкой“.

М. Розановъ.

Рамка эпохи итальянскаго Ренессанса (1513), работы знаменитаго типографика-художника Оттавіано деи Петручи (Ottaviano dei Petrucci) изъ Фоссомброне (въ Папской области).

ОБЩИЙ ВИДЪ НА СИЦИЛІЮ.

Гравюра 1840-хъ гг. съ рисунка Сарджента для изданія «The Book of Shakespeare Gems».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Передній залъ во дворцѣ Леонта.

Входятъ Камилло и Архидамъ.

Архидамъ. Если вамъ доведется, Камилло, посѣтить Богемію при подобныхъ же условіяхъ, при какихъ я теперь здѣсь,—вы увидите, увѣрю васъ,—огромную разницу между нашей Богеміей и вашей Сициліей.

Камилло. Я думаю, что будущимъ лѣтомъ король Сициліи посѣтитъ Богемію, отплативъ, по долгу приличія, визитъ богемскому королю.

Архидамъ. Если намъ и не удастся достойно принять васъ, то мы постараемся возмѣстить это сердечностью нашихъ чувствъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ...

Камилло. Полноте, что вы...

Архидамъ. Нѣтъ, я совершенно убѣжденъ, что мы не можемъ съ подобнымъ великолѣпіемъ, съ подобнымъ рѣдкимъ... я не знаю даже какъ выразиться... Мы уго-

стимъ васъ снотворными напитками, чтобы ваши чувства не замѣтили нашей неспособности, чтобы вы ужъ, если не нашли возможнымъ насъ похвалить,—по крайней мѣрѣ не осуждали-бы насъ.

Камилло. Вы слишкомъ дорого цѣните то, что дѣлается отъ души.

Архидамъ. Повѣрьте мнѣ, я выражаюсь такъ, какъ мнѣ говоритъ мой разсудокъ и какъ мнѣ подсказываетъ истина.

Камилло. Дружба короля Сициліи къ богемскому королю безпредѣльна: они были съ дѣтства вмѣстѣ воспитаны и съ тѣхъ поръ ихъ связала пріязнь, которая не можетъ быть расторгнута. Когда они возмужали, царственные заботы разлучили ихъ; и хотя лично не встрѣчались, но, по обычаю монарховъ, они обмѣнивались подарками, письмами, дружественными посольствами. Казалось, что хотя они жили врозь, но были вмѣстѣ, обмѣнивались издалека рукопожатьями, обнимались другъ съ другомъ съ разныхъ концовъ свѣта. Да продлятъ небеса ихъ дружбу!

Архидамъ. Я полагаю, нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы могло поколебать ее. Какъ вы счастливы, что у васъ есть маленькій принцъ, Мамиллій! Мнѣ не доводилось встрѣчать мальчика съ такими способностями.

Камилло. Я вполне раздѣляю эти надежды. Это чудный ребенокъ. Онъ способенъ оживить каждого, влить бодрость даже въ стариковъ; тѣ, кто до его рожденія ходили на костыляхъ, теперь хотятъ жить, чтобы увидѣть его взрослымъ.

рхидамъ. А вы полагаете, безъ этого они хотѣли-бы умереть?

Камилло. Да, если-бы у нихъ не было другой причины желать продолженія жизни.

Архидамъ. Если-бы у короля не было сына, они все таки пожелали-бы жить хотя-бы на костыляхъ, въ ожиданіи пока онъ родится.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ-же; зала дворца.

Входятъ Леонтъ, Герміона, Мамиллій, Поликсенъ, Камилло и свита.

Поликсенъ.

Уже въ лунѣ, властительницѣ водъ,
Пастухъ счелъ девять перемѣнъ, съ тѣхъ
поръ

Какъ нашъ престолъ покинуть. Столько-жъ
дней

Тебя, мой братъ, благодарить я долженъ,—
И все-же неоплатнымъ должникомъ
Уѣду я отсюда. Такъ позволь-же
Еще мою умножить благодарность
Одной, но вѣской цифрой,—и сказать
Еще одно „благодарю“.

Леонтъ.

Оставимъ

Все это до минуты разставанья.

Поликсенъ.

Я завтра ѣду, государь; боюсь,
Что опасенья сбудутся мои,—
Что вихрь возстанья, безъ меня раздутый,
Заставитъ насъ сказать: мы были правы;
Да и притомъ мы надѣли вамъ...

Леонтъ.

О, я выносивъ, братъ мой!

Поликсенъ.

Намъ пора.

Леонтъ.

Еще недѣлю?

Поликсенъ.

Завтра—неизбѣжно.

Леонтъ.

Ну, уступи мнѣ половину! Я
Сойдусь на этомъ.

Поликсенъ.

Тщетны уговоры!

Скорѣ всѣхъ ты можешь убѣдить
Меня, и я остался-бъ здѣсь, когда-бы
Была необходимость въ томъ. Но дѣло
Зоветь меня домой. Гостепріимство
Твое—бичъ для меня. Оставшись здѣсь,
Я только принесу для васъ заботы
И хлопоты—чтобы избѣжать ихъ, братъ мой,
Уѣхать лучше.

Леонтъ.

Что-же королева

Молчить? Проси!

Герміона.

Я думала молчать,
Пока не дастъ онъ клятву, что уѣдетъ.
Ты просишь слишкомъ холодно. Скажи,
Что вѣсти изъ Богеміи вчера
Ты получилъ: тамъ все спокойно. Этимъ
Разрушатся всѣ доводы его.

Леонтъ.

Чудесно, Герміона!

Герміона.

И добро-бы

Сказалъ онъ, что желаетъ видѣть сына,
То былъ-бы поводъ. Пусть онъ это скажетъ,
И—скатертью дорога: мы его
Погонимъ веретенами... Нѣтъ, вы
Намъ, государь, подарите недѣлю.
Когда мой мужъ въ Богемію поѣдетъ,
Я разрѣшу ему тамъ цѣлый мѣсяцъ
Прожить сверхъ срока. А клянусь, Леонтъ,
Люблю тебя не меньше, чѣмъ любя
Изъ женъ супруга любить. Остаетесь?

Поликсенъ.

Нѣтъ, королева.

Герміона.

Нѣтъ, вы остаетесь!

Поликсенъ.

Клянусь, нельзя.

Герміона.

Клянется? *)

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Какъ слабы ваши клятвы! Впрочемъ, если-бъ
Вы даже звѣзды вышибли изъ сферъ
Своими клятвами,—я повторяла-бъ:
„Клянусь, вы не уѣдете, король“!
Вѣдь наши клятвы сильны, какъ и ваши.
И все таки вы ѣдете? Хотите,
Чтобъ васъ не гостемъ, плѣнникомъ счи-
тали?

Тогда платите намъ за свой прокормъ!
Такъ что-жъ вы: плѣнникъ, иль гость? Кля-
нусь,
Однимъ изъ нихъ вы быть должны.

Поликсенъ.

Вашъ гость!
Въ плѣнъ, государыня, берутъ враговъ,
А легче вамъ плѣнить меня, чѣмъ мнѣ
Врагомъ быть вашимъ.

Герміона.

Ну, тогда и я—
Радужная хозяйка, не тюремщикъ.
Сознайтесь, вѣрно вы съ Леонтомъ въ дѣт-
ствѣ

Большими были сорванцами?

Поликсенъ.

Мы
Росли безъ горя, безъ заботъ, царица,
Не отличали завтра отъ сегодня
И думали, что дѣтство вѣчно.

Герміона.

Кто
Изъ васъ рѣзвѣ былъ?

Поликсенъ.

Мы были словно
Два близнеца ягненка, что рѣзвятся
На солнечномъ припекѣ. Мы дышали
Невинностью, не зная зла; не снились
Намъ даже злые люди; и когда-бы
Мы продолжали эту жизнь, не зная
Страстей земныхъ, могли-бы смѣло небу
Отвѣтить: „только первородный грѣхъ
Одинъ лежитъ на насъ,—иныхъ не знаемъ!“

Герміона.

Зато впоследствии вамъ довелось
Споткнуться?

Поликсенъ.

Государыня! Что жъ было
Намъ дѣлать: вѣдь соблазнъ явился позже.
Моя жена въ тѣ дни была ребенкомъ,
И мой товарищъ игръ еще не зналъ
Прелестную свою подругу...

Герміона.

Вотъ какъ!

Такъ я и ваша королева—мы
Два дьявола? Ну-съ дальше! Впрочемъ если
Мы привели васъ первыя къ паденью,
И вы до насъ ни съ кѣмъ не согрѣшили,—
Мы за такой соблазнъ должны отвѣтить.

Леонтъ.

Сдается онъ?

Герміона.

Да, государь, теперь
Остался онъ.

Леонтъ.

Меня-же не послушалъ.
Ты лучше, Герміона, никогда
Не говорила.

Герміона.

Никогда?

Леонтъ.

Нѣтъ... разъ
Еще...

Герміона.

Такъ, дважды? Какъ-же это было?
О, не стѣсняйся, осыпай меня
Своими похвалами. Не похвалишь—
И тысяча погибнетъ добрыхъ дѣлъ
Безъ поощренья. Намъ хвалы—награда:
За поцѣлуй—проскачемъ сотни миль,
А шпорою—едва насъ съ мѣста сдвинешь.
Ну, говори. Послѣдній подвигъ мой—
Что онъ остался. Ну, а первый подвигъ,—
Кто этотъ первенецъ? Когда онъ былъ?
О, чудный подвигъ! Говори, я вся
Горю отъ нетерпѣнія.

Леонтъ.

То было,
Когда, три мѣсяца меня промучивъ,
Въ отвѣтъ на пылкое мое признание,
Ты протянула бѣленькую ручку,
Шепнувъ: „твоя на вѣки!“

Герміона.

Славный подвигъ!
Два подвига: однимъ себѣ на вѣки
Приобрѣла супруга-короля,
Вторымъ—на время друга.

Леонтъ (про себя).

О, какъ много
Какъ много пылу! тутъ отъ дружбы шагъ
Одинъ до преступленья. О, какъ сердце
Трепещетъ... не отъ радости, о нѣтъ!
Бесѣда ихъ ужъ слишкомъ откровенна.
То не сердечность, не пріязнь... скорѣе

Распущенность. Привѣтливой быть можно,
Зачѣмъ-же руки пожимать, и пальцы
Сплетать, и точно въ зеркало улыбку
Взаимно отражать? Зачѣмъ вздыхать
Какъ раненый олень? О, эта близость!
И сердце и мой лобъ страдаютъ... Гдѣ ты,
Мамиллій! Ты вѣдь мой сынокъ?

Мамиллій.

Да, папа.

Леонтъ.

Да, ты мой сынъ! Фу, что за грязный носъ!
Онъ, говорятъ, похожъ на мой! Пріятель,
Вѣдь надо быть опрятнымъ... даже чи-
стымъ...

Ты знаешь, другъ: корова, быкъ, теленокъ—
Они опрятны... ну, а все-же... А!
Все рукъ не разнимаютъ... Ну, мой рѣзвый
Теленокъ... ты теленокъ мой?

Мамиллій.

Какъ хочешь...

Леонтъ.

Ты хочешь, быть мохнатымъ и съ рогами,
Какъ я? Мы, говорятъ, съ тобой похожи
Какъ два яйца,—такъ говоритъ бабье!
Болтаютъ бабы вздоръ... но несомнѣнно—
Фальшивѣй будь онъ, чѣмъ цвѣтъ линючій,
Чѣмъ вѣтеръ и вода,—будь такъ же лживы
Какъ кости плута-игрока, а все-же
Похожъ онъ на меня. Ну, пажъ, взгляни
Голубенькими глазками... О, плутъ,
Любимчикъ мой, дитя мое! ужели-жъ
На это мать способна? Подозрѣнье
Впилося мнѣ въ сердцѣ, и возможнымъ стало
Все невозможное... я на яву
Сталъ бредить! Какъ-же быть? Возможно ль
вѣрить

Въ то, что не существуетъ, въ то, чего
На самомъ дѣлѣ нѣтъ?... А если есть?
Не надо этого, я не хочу... но что-то
Я чувствую въ мозгу: онъ зараженъ...
Вотъ отвердѣніе въ вискахъ...

Поликсенъ.

Король...

Что съ нимъ?

Герміона.

Ему не по себѣ!

Поликсенъ.

Мой братъ,

Да что съ тобой? скажи мнѣ.

Герміона.

Государь,

Твои глаза блуждаютъ... ты разстроены...
Случилось что нибудь?

Леонтъ.

Нѣтъ, ничего!

Какъ человѣкъ смѣшонъ и глупъ бываетъ,
Когда при людяхъ съ огрубѣвшимъ сердцемъ
Покажетъ искренность!... Въ глаза ребенка
Смотрѣлъ я,—и, казалось, что назадъ
Я на двадцать три года перенесся.
На мнѣ зеленый бархатъ, нѣтъ штанишекъ,
Кинжалъ въ намордникѣ, чтобъ не кусался,
(Бываютъ вѣдь опасны украшенья!)
И былъ я схожъ съ горошиною этой,
Вотъ съ этой тыквой, съ этимъ кавалеромъ.
Ну, а обиду ты снесешь, пріятель?

Мамиллій.

Нѣтъ, я дамъ сдachi... *).

Леонтъ.

Ну, молодецъ, тебѣ удача будетъ!
Вы такъ же, братъ мой, любите сына,
Какъ мы?

Поликсенъ.

Когда я дома, государь,

Онъ вся моя забота и утѣха.
И радость. Онъ поочередно мнѣ
То другъ, то врагъ, то прихлебатель жалкій,
То рыцарь, то плотникъ. День іюля
Мнѣ съ нимъ короче, чѣмъ декабрьскій день.
Онъ лепетомъ морщины прогоняетъ.

Леонтъ.

Таковъ и этотъ воинъ. Съ сослуживцемъ
Моимъ пройдуся я. Васъ мы оставляемъ
За важнымъ дѣломъ. Изъ любви ко мнѣ
Ты угостишь его, теперь на славу.
Что дорого въ Сициліи, пусть даромъ
Достанется ему. Ты, этотъ мальчикъ
И онъ—я въ сердцѣ васъ троихъ ношу.

Герміона.

Мы въ садъ пойдемъ, ты тамъ найдешь
насъ? Да,
Найдешь?

Леонтъ.

Куда хотите отправляйтесь,
Я васъ вездѣ найду подъ солнцемъ. Ловля
Ужъ началась,—они сътей не видятъ.
Идите-жъ! Какъ она свой птичій носикъ
И губки поднимаетъ... Мужъ добрякъ,—
Смѣлѣй его обманемъ... Добрый путь!
(Герміона, Поликсенъ и свита уходятъ).
Я до колѣнъ въ грязи, на лбу рога...

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Иди, играй, мой мальчикъ... Мать играетъ...
И я играю... Роль гадка... Свистками,
Презрѣнъемъ за нее до самой смерти
Клеймятъ... Иди, играй, играй, мой маль-
чикъ.

Всегда мужей рогатыхъ было много.
Я думаю, ихъ много и теперь;
Они отлично съ женами живутъ,
Пока сосѣди потихоньку ловятъ
Чужую рыбку, выждавъ ихъ ухода
И шлюзъ чужой съ улыбкой открывъ.
Что-жъ; это утѣшеніе: у другихъ
Есть тоже ворота, съ свободнымъ ходомъ
Для всѣхъ незваныхъ. Если ужасаться
Измѣнѣ женъ—десятая часть міра
Должна повѣситься: одинъ лишь выходъ!
Есть звѣзды сводни—и подъ ихъ вліяніемъ
Весь свѣтъ: востокъ и западъ, югъ и сѣверъ.
Да, для утробы нѣтъ преградъ: и впустить
И выпустить врага—со всѣмъ добромъ
И деньгами. Такихъ какъ я—милліоны
Больныхъ,—и слѣпы всѣ. Такъ какъ-же,
мальчикъ?

Мамиллій.
Я на тебя похожъ!

Леонтъ.
Да, утѣшеніе
Большое въ этомъ. Ты, Камилло, здѣсь?

Камилло.
Здѣсь, государь.

Леонтъ.
Мамиллій, поиграй, пока ты честенъ.
(Мамиллій уходитъ).
А этотъ знатный гость опять остался?

Камилло.
Склонившись къ просьбамъ. Сколько разъ
онъ якорь
То поднималъ, то вновь бросалъ.

Леонтъ.
Ага!
Замѣтилъ ты?

Камилло.
Онъ не хотѣлъ остаться,—
Такъ много важныхъ дѣлъ...

Леонтъ.
Замѣтилъ ты?
(Про себя).
Да, всѣ замѣтили, всѣ видятъ, шепчутъ:
„Король Сициліи... гм... гм...“ Далеко
Зашло... Но скоро кончимъ... Почему
Остался онъ?

Леонтъ: Все рукъ не разнимаютъ.
Картина извѣстнаго нѣмец. художника Адамо
(Max Adamo, p. 1837).

Камилло.
Просила королева
Достойная...

Леонтъ.
Достойная? Зачѣмъ?
Такъ, просто—королева... Ну, да будетъ!—
Тѣ, что глупѣй,—замѣтили они?
Твой умъ острѣе, чѣмъ у этихъ чурокъ,
Но все-же между ними есть мозги,
Съ извѣстной воспріимчивостью, смѣткой
И чуткостью? А въ большинствѣ они
Вѣдь слишкомъ слѣпы, чтобъ увидѣть это?..

Камилло.
Что это, государь? Король богемскій,
Конечно, остается...

Леонтъ.
Ну?
Камилло.
Еще
Онъ здѣсь останется...

Леонтъ.
Но почему-же?

Камилло.
Онъ хочетъ вамъ и нашей королевѣ
Доставить удовольствіе.

Леонтъ.
Доставить
Ей удовольствіе? Доставить ей?
Ну, хорошо, довольно! Я всегда,
Камилло, довѣрялъ тебѣ всѣ тайны
И сердца моего, и государства.

Какъ духовникъ, ты очищалъ мнѣ душу,
Я облегченный покидалъ тебя.
Теперь мою не оправдалъ ты дружбу:
Со мной неискренъ ты.

Камилло.

Какъ, государь?

Леонтъ.

Да, ты не честенъ! Больше: если ты
Идешь такимъ путемъ—ты жалкій трусъ,
Сбивающій другихъ съ пути—кто честенъ.
Теперь одно изъ двухъ: или ты мой
Слуга, повѣренный всѣхъ тайнъ сердечныхъ,
Но не сѣмѣвшій оправдать довѣрья,
Или парадный шутъ, что, видя горе,
Мое, все въ шутку только обратить
Старается.

Камилло.

Властитель мой! Могу я
Быть нерадивымъ, глупымъ и трусливымъ,—
То свойственно природѣ человѣка;
И это—нерадѣнье, глупость, трусость
Нерѣдко въ обстоятельствахъ житейскихъ
Вдругъ скажутся. Когда въ дѣлахъ я вашихъ
Былъ нерадивъ, то это неспособность
Природная; когда игралъ нарочно
Шута,—и это нерадѣнье: я
Не могъ понять того, что видѣлъ. Если
Боялся я порою сдѣлать то,
Что не пророчило успѣхъ,—зовите
Меня трусливымъ,—трусостью бываютъ
Заражены и лучшіе умы;—
Отъ слабостей такихъ, мой государь,
И честность не свободна. Умоляю
Васъ, повелитель мой, все откровенно
Мнѣ высказать, чтобы отъ обвиненья
Я могъ очиститься...

Леонтъ.

Ты, полагаю, видѣлъ
(Иначе смотришь ты не черезъ стекла
Очковъ, а чрезъ рога мужей),—иль слышалъ
(Болтаютъ всѣ, когда для всѣхъ все ясно),—
Иль думалъ (для того и мозгъ что-бъ думать),
Что измѣняетъ мнѣ жена? Скажи,—
Сказать ты долженъ—у тебя есть уши,
Глаза и мысли,—назови жену
Доступной всѣмъ прохожимъ, просто дѣвкой
Распутной, что готова жить до свадьбы
Со всякимъ встрѣчнымъ.—Вотъ тогда ты
можешь
Оправдываться!

Камилло.

Больно сердцу слышать,
Какъ моего властителя супругу

Чернять... И не имѣть возможность мстить!
Клянусь, вы никогда такихъ позорныхъ
Рѣчей не говорили: грѣхъ великій
Не только высказать, но повторить
Такія подозрѣнія!

Леонтъ.

А эти

Шептанья вѣчныя, щека къ щекѣ,
Носъ къ носу, поцѣлуи прямо въ губы
И смѣхъ, и вздохи—ясный знакъ измѣны.
А пожиманья ногъ, а эти прятки
Въ укромныхъ уголкахъ, желанье, чтобы
Часъ былъ минутой, полдень—темной ночью,
Чтобъ всѣ ослѣпли, только ихъ глаза
Смотрѣли другъ на друга! Это все
По твоему ничто? Такъ сводъ небесный—
Ничто? Король Богеміи—ничто?
Моя жена—ничто? Да, если это
Ничто, тогда и все—ничто!...

Камилло.

Мой добрый
Король, скорѣй намъ надо исцѣлиться
Отъ этого недуга.

Леонтъ.

Что-жъ, не правду

Я говорю?

Камилло.

Нѣтъ, нѣтъ!

Леонтъ.

Неправда, лжешь,
Лжешь, лжешь, Камилло, ты мнѣ ненави-
стенъ!
Ты олухъ, глупый рабъ, или лукавый
Приспѣшникъ, что не хочетъ отличать
Добра отъ зла и служить имъ обоимъ.
Когда-бы печень у моей жены
Была гнила, какъ нравственность ея
Она не прожила-бы часа.

Камилло.

Кто-же

Виновникъ недуга?

Леонтъ.

Тотъ, у кого
Она виситъ на шеѣ, какъ медаль:
Король Богеміи! О, если-бъ я
Слугъ преданныхъ имѣлъ! они-бы о чести
Моей пеклись, какъ о своихъ доходахъ,
И разомъ все-бы кончили. Вотъ ты:
Тебя и вывелъ въ знать,—ты былъ ни-
чтоженъ...
Теперь ты кравчій... Для тебя вѣдь ясно,

Какъ небо и земля, что оскорбленъ я.
Ты могъ-бы дать ему такую чашу,
Что врагъ смежить свои глаза на вѣки,
А я здоровымъ стану.

Камилло.

Хорошо,—

Я, государь, готовъ на это. Ядъ
Я медленный возьму: замѣтна слишкомъ
Мгновенная отравка. Но ужели-жъ
Исполненная всякихъ лучшихъ качествъ
Такъ низко королева пастъ могла?
Хоть я люблю васъ...

Леонтъ.

Если ты не вѣришь,
Такъ будь-же проклять! О, да неужели
Ты думаешь, что я такъ подлъ, безуменъ,
Что самъ себя придумалъ пытку? Самъ
Свою позорю чистую постель,
Спокойный сонъ на ней я превращаю
Въ крапиву, иглы, жалы ось? Позорю
Кровь моего ребенка... Я надѣюсь,
Онъ мой... Его люблю я?... Что-жъ спо-
собенъ

На это не безумецъ?

Камилло.

Я вамъ долженъ

Повѣрить,—и я вѣрю; онъ уѣдетъ;
Но вы сойдетесь по его отъѣздъ
Какъ прежде съ королевою, хотя-бы
Во имя сына вашего и ради
Тѣхъ толковъ, что пойдутъ среди союзныхъ
И дружныхъ намъ державъ.

Леонтъ.

Я самъ такъ думалъ,
Какъ ты совѣтуешь: я честь ея
Оставлю незапятнанной! Нѣтъ! Нѣтъ!

Камилло.

Теперь *)
Пройдите въ садъ къ нимъ, государь, спо-
койно

И весело, какъ на пиру, болтайте
Съ обоими... И если кравчій вашъ
Не дастъ отравленной богеми чаша,—
Онъ больше не слуга вашъ.

Леонтъ.

Хорошо.

Исполнишь,—я тебѣ отдамъ полжизни;
Нѣтъ,—ты съ своей простишься.

Камилло.

Я исполню.

Леонтъ.

По твоему совѣту, притворюсь
Любезнымъ... (Уходитъ).

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Камилло.

О, несчастная царица!

Да и мое несчастье! Отравить
Добрѣйшаго богемица долженъ я...
Король велѣлъ... Онъ внѣ себя... За это
Я буду возвеличенъ... Пусть убійство
Помазанниковъ много тысячъ разъ
Вознаграждалась почестями,—я
Убійцею не буду. Никогда
Ни въ мраморѣ, ни въ мѣди, ни въ поземѣ
Оно не прославлялось, но тайлось
Въ позорной тѣмѣ. Покинуть дворъ я дол-
женъ,

Свершить убійство, или нѣтъ—равно
Погибнуть. Вотъ идетъ моя звѣзда
Счастливая—король богемиский.

Входитъ Поликсенъ.

Поликсенъ.

Странно!

Король перемѣнился. Онъ со мной
Не говоритъ. Камилло, здравствуй.

Камилло.

Добрый

День, государь.

Поликсенъ.

Что новаго у васъ?

Камилло.

Да ничего особеннаго.

Поликсенъ.

Что-же

Король суровъ? Онъ словно потерялъ
Любимую провинцію или область.
Я подошелъ сейчасъ къ нему съ привѣтомъ,
Онъ въ сторону скосилъ глаза, сжалъ губы
Съ пренебреженьемъ, и ушелъ, оставивъ
Меня раздумывать, что породило
Такую перемѣну въ обращеніи.

Камилло.

Мнѣ, государь, не должно это знать...

Поликсенъ.

Какъ? ты не долженъ знать? Или вѣрнѣе,
Не смѣешь мнѣ сказать, что знаешь? Если
Ты знаешь самъ, то самъ себя все скажешь,
Хотя не смѣешь. Все-же перемѣна
Въ твоёмъ лицѣ, какъ зеркалѣ, мой добрый
Камилло, говоритъ, что и меня
Коснулась эта перемѣна. Я
Самъ это чувствую въ себѣ.

Камилло.

Явилась

Средь насъ болѣзнь; страдаетъ кой кто ея;
Назвать ее я не могу; источникъ
Болѣзни—вы, хотя здоровы.

Поликсенъ.

Какъ?

Источникъ я болѣзни? Ты однако
Мнѣ придаешь способность василиска,
А тысячи людей отъ глазъ моихъ,
Скорѣе возвышались, чѣмъ гибли...
Камилло, ты безспорно благороденъ,
Ты образованъ, а ученость такъ же
Почетна, какъ и древнѣйшій родъ. Прошу,
Когда ты знаешь что нибудь, что должно
И мнѣ узнать, скажи, не сохраняя
Нелѣпныхъ тайнъ.

Камилло.

Я не могу сказать!

Поликсенъ.

Недугъ исходитъ отъ меня, а я
Здоровъ? Отвѣть-же мнѣ, отвѣть, Камилло,
Я заклинаю всѣмъ святымъ, всѣмъ лучшимъ,
Что есть въ тебѣ,—вѣдь и мои мольбы
Не менѣе чисты: скажи, что знаешь
О той бѣдѣ, что на меня идетъ,
Далека-ли она, близка? Возможно-ль
Ее предупредить? И какъ? А если
Нельзя,—то какъ ее перенести?

Камилло.

Когда къ моей вы обратились чести,
Какъ честный человекъ я все скажу.
Совѣтъ мой, государь, исполнить надо,
Какъ только сообщу его,—иначе
Прости-прощай всему!

Поликсенъ.

Я жду, мой другъ.

Камилло.

Поручено мнѣ отравить васъ.

Поликсенъ.

Кто

Далъ порученіе?

Камилло.

Король.

Поликсенъ.

За что?

Камилло.

Онъ думаетъ... нѣтъ, клятвой утверждаетъ,
Какъ будто самъ все видѣлъ, или былъ
Посланнымъ,—что вы съ его женою
Въ преступныхъ отношеніяхъ.

Поликсенъ.

О, пусть,

Свернется кровь моя въ заразный студень,
Пускай клеймятъ меня Іудой, имя
Мое пусть обратится въ гнусный смрадъ,
Пусть съ омерзеньемъ всякій отвернется,—
Когда приближусь я; пусть отъ меня
Бѣгутъ, какъ отъ болѣзни чумной, злѣй-
шей,—

Когда все правда это.

Камилло.

Если-бъ вы

Клялися всѣми звѣздами на небѣ
И каждую отдѣльно,—вы его
Не вразумите отъ его безумья;
Скорѣе вы повліяете на море,
Чтобы оно не слушалось луны!
Онъ убѣжденъ, и убѣжденіе въ немъ
Останется, пока онъ живъ.

Поликсенъ.

Откуда

Явилась эта мысль?

Камилло.

Не знаю. Но

Скажу, что думать надо не о томъ,
Какъ мысль явилась, а что выйти можетъ
Изъ этой мысли. Если въ честь мою
Вы вѣрите—возьмите это сердце
Заложникомъ,—сегодня ночью вы
Должны уѣхать. Свиту вашу я
Предупрежу, и по два—по три городъ
Они покинутъ разными путями.
Я отдаюсь вамъ весь. Здѣсь навсегда
Все кончено. Вы можете мнѣ вѣрить,
Клянусь въ томъ честью предковъ. Дока-
зательствъ

Не ждите: некогда,—осуждены

Вы на смерть,—въ томъ король поклялся.

Поликсенъ.

Да,

Тебѣ я вѣрю. По его лицу.

Я понялъ замыслы его. Дай руку
Будь кормчій мой, веди меня и рядомъ
Со мной иди. Суда мои готовы,
Еще два дня назадъ народъ мой ждалъ
Отплытія. Какъ, ревновать такое
Прелестное созданіе! Равна
Должна быть ревность въ красотѣ ея
И такъ страшна, какъ власть его могуча.
Онъ думаетъ, что опозоренъ другомъ,
Любившимъ такъ его, и въ этомъ ужасъ
Главнѣйшій! Страхъ я чувствую невольно,
Да будетъ счастье съ нами и съ преле-
стной,

Невинно-обвиненной королевой!
Пора! Спаси меня, и какъ отца
Тебя, Камилло, буду я любить.
Идемъ.

Камилло.
Ключи отъ городскихъ воротъ
Подвластны мнѣ. Прошу васъ, государь,
Не тратить времени, скорѣе въ путь!
(Уходитъ).

ЛЕОНТЪ И КАМИЛЛО.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ Леонта.

Входятъ Герміона, Мамиллій и придворныя дамы.

Герміона.

Возьмите мальчика, онъ такъ шалитъ,
Что нѣтъ терпѣнія.

1-ая дама.

Пойдемте, принцъ;
Хотите поиграть со мною?

Мамиллій.

Нѣтъ,
Я съ вами не хочу.

1-ая дама.

Но почему-же?

Мамиллій.

Вы крѣпко такъ цѣлуете меня
И говорите, какъ съ ребенкомъ. (Другой дамѣ).
Васъ

Люблю я больше.

2-ая дама.

Почему, мой принцъ?

Мамиллій.

Не потому, что брови ваши гуще,
Хотя считаютъ это красотой;
Когда онѣ не густы,—ихъ выводятъ
Таковыми полумѣсяцами кистью.

2-ая дама.

Откуда эти знанія?

Мамиллій.

Отъ васъ.
Скажите, цвѣтъ какой у васъ бровей?

1-ая дама.

Цвѣтъ сизый, принцъ.

Мамиллій.

Смѣетесь вы! Я видѣлъ
У женщинъ сизые носы—не брови.

1-ая дама.

Принцъ, ваша матушка полнѣетъ; скоро
У насъ еще прибудетъ принцъ; придете

Вы къ намъ, а мы тогда должны не съ
вами,
А съ нимъ играть...

2-ая дама.

Какъ разнёсло ее!
Дай, Господи, легко ей разрѣшиться.

Герміона.

Что вы тамъ шепчетесь? Иди ко мнѣ,
Мой принцъ. Мнѣ лучше стало. Сядь сюда
И Расскажи мнѣ сказку.

Мамиллій.

А какую?
Веселую иль грустную?

Герміона.

Что хочешь.
Повеселѣе—лучше.

Мамиллій.

Для зимы
Печальныя подходятъ сказки. Знаю
Одну, о призракахъ...

Герміона.

Ну вотъ—ее! Садись
И начинай; смотри, чтобъ страшно было!
Вѣдь ты умѣешь...

Мамиллій.

Жилъ да былъ...

Герміона.

Да сядь-же.

Мамиллій.

Онъ жилъ на кладбищѣ... Я буду тихо
Рассказывать, а то сороки слышать...

Герміона.

Ты на ушко мнѣ говори.
Входятъ Леонтъ, Антигонъ и свита.

Леонтъ.

Его
Тамъ видѣлъ ты со свитой и Камилло?

1-ый придворный.

Я встрѣтилъ ихъ за рощей пинній. Въ жизни
Не видѣлъ я, чтобъ такъ спѣшили. Прямо
Они стремились на суда.

Леонтъ.

О, счастье,—
Я не ошибся въ подозрѣннй! Лучше-бъ
Мнѣ было ошибиться. Въ этомъ счастьи
Такъ много горя! Чашу съ паукомъ

Иной до дна осушить и здоровымъ
Останется, не вѣдая, что мерзость
Была на днѣ; но ежели увидить,
Что выпилъ онъ, сейчасъ-же тошнота
Является и рвота. Осушилъ
Я чашу, и увидѣлъ паука...
Камилло былъ ихъ сводникъ: у меня
Они и жизнь и тронъ отнять хотѣли.
Я правъ былъ въ подозрѣніяхъ. Задумалъ
Сообщникомъ себѣ взять негодяя,—
Воспользовались раньше имъ, онъ продалъ
Мое рѣшеніе,—одураченъ я,
Я шутъ для нихъ! Но почему въ ворота
Ихъ пропустили?

1-ый придворный.

Было полномочье
По вашему приказу у Камилло.

Леонтъ.

Да, да, я помню. (*Герміонѣ*). Ты отдашь мнѣ
сына.

Я радъ, что не кормила ты его.
Онъ, правда, на меня похожъ, но все-же
Твоей въ немъ крови слишкомъ много.

Герміона.

Что?
Вы шутите?

Леонтъ.

Возьмите прочь его,
Ему не мѣсто здѣсь! Пусть шутитъ съ тѣмъ,
Который въ ней... вѣдь этимъ животомъ
Обязана ты Поликсену?

Герміона.

Нѣтъ,
Клянусь, все это ложь и ты мнѣ вѣришь,
Но притворяешься невѣрящимъ.

Леонтъ.

Синьоры!
Взгляните со вниманьемъ на нее;
Не правда-ли, она прекрасна? Но
Все-жъ справедливость требуетъ прибавить:
„Какъ жаль, что не честна и такъ порочна“.
Она очаровательна собой,
Я въ этомъ убѣжденъ, но вслѣдъ за этимъ
Приходится пожать плечами:—„гм...
Эге...“—намеки, что всегда позорятъ
Честь женщинъ... Нѣтъ, скорѣе воздаютъ
Имъ должное,—позорить можно только
Невинность... При словахъ „она прекрасна“
Запнуться надо, не дойдя до слова—
„Честна“. Я объявляю громогласно,—
Какъ мнѣ ни тяжело это обвиненіе,—
Она прелюбодѣйка!

ГЕРМІОНА.

Если-бъ это
Сказалъ мнѣ первый въ мірѣ негодяй,
Онъ сталъ еще бы гаже! Ну, а вы,
Король,—вы ошибаетесь...

Король.

Ошиблись

Вы, королева, спутавъ Поликсена
Со мной. Тебя я кличкою твоею
Не назову, а то глупцы начнутъ
Ее вводить вездѣ, забывъ различье
Межъ королемъ и нищимъ. Я сказалъ:
Она прелюбодѣйка. Я назвалъ
Ея сообщника. Прибавлю я: она
Виновна въ государственной измѣнѣ.
Камилло—сводникъ ихъ, онъ зналъ про все,
Чего она и подлый обольститель
Стыдились даже:—про мое безчестье,
Про то, что тварь она съ позорной кличкой!
И мало этого, она побѣгъ ихъ
Устроила.

ГЕРМІОНА.

Клянусь, я ничего
Не знала, государь. Вамъ будетъ больно,
Когда вы успокоитесь. Предъ всѣми
Вы опозорили меня жестоко.
Вамъ будетъ трудно оправдать меня,
Сознавшись даже въ собственной ошибкѣ.

ЛЕОНТЪ.

Ошибкѣ? Если основанія нѣтъ
Въ моихъ словахъ, то вся земля не въ силахъ
Поднять простой волчокъ. Въ тюрьму ее!
Кто слово скажетъ противъ, тотъ повиненъ
Въ измѣнѣ вмѣстѣ съ ней!

ГЕРМІОНА.

Мы подъ вліяньемъ
Какого-то враждебнаго созвѣздыя!—
Я буду ждать, пока смягчится небо.
Синьоры, мнѣ слезливость незнакома,
Хоть я и женщина; росой ненужной
Не размягчу я ваше состраданье;
Но горе жжетъ меня сильнѣй, чѣмъ слезы
Способны затопить его. Синьоры,
Прошу судить меня, какъ ваша совѣсть
Подскажетъ вамъ! Я королю готова
Повиноваться.

ЛЕОНТЪ.

Что-жъ приказъ мой? Ну!..

ГЕРМІОНА.

Но кто пойдетъ со мной? Прошу при мнѣ
Моихъ оставить женщинъ: государь,

ЛЕОНТЪ ОТНИМАЕТЪ СЫНА У ГЕРМИОНЫ.

Картина В. Гамильтона (W. Hamilton, R. A.)
(Малая Бойделевская Галлерей).

Уходъ мнѣ нуженъ, я больна. Не плачьте!
О чемъ? вы, дурочки, могли-бы плакать,
Когда-бы я, достойная тюрьмы,
Была свободна. А теперь мнѣ счастье
Тюрьма моя. Прощайте, государь.
Я не желала видѣть въ горѣ васъ,
Теперь увижу. Милыя, идемъ,—
Дозволено вамъ это.

ЛЕОНТЪ.

Прочь отсюда!

ГЕРМІОНА *подъ стражею уходитъ, за нею
слѣдуютъ женщины.*

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ.

Верните королеву, государь.

АНТИГОНЪ.

О, взвѣсьте, государь, рѣшеніе ваше,
Не то вашъ судъ въ насиліе обратится
И сгубить васъ, супругу и дитя.

1-ЫЙ ПРИДВОРНЫЙ.

Я жизнь готовъ отдать за королеву
И я ее отдамъ! О, государь,

Клянусь, она невинна передъ небомъ
И передъ вами—нѣтъ на ней грѣха.

Антигонъ.

О, если такъ, я въ хлѣвъ запру жену,
Глазъ не спущу съ нея, я не повѣрю
Ей ни на шагъ, покоенъ буду только
Ее держу руками; каждый атомъ
Въ крови у женщины есть ложь,—когда
И королева такова!

Леонтъ.

Молчать!

1-ый придворный.

Мой добрый государь...

Антигонъ.

Мы говоримъ
Для васъ, не для себя. Какойнибудь
Обманщикъ—будь онъ проклятъ!—въ заблужденъ
Васъ ввелъ. Знай я, кто онъ,—ему бы славно
Досталось. Три дѣвчонки у меня:
Одиннадцать лѣтъ старшей, девять—средней,
А младшей—пятый годъ. Коль это правда,—
Онъ поплатятся: я оскоплю ихъ,
Пока имъ нѣтъ четырнадцати лѣтъ,
Чтобъ незаконныхъ тварей не плодили.—
Мнѣ легче быть скопцомъ, чѣмъ дѣдомъ ихъ.

Леонтъ.

Довольно, перестань! Вы холодны,
Какъ мертвецы! Я чувствую, я вижу
Все дѣло такъ же ясно, какъ ты видишь
И чувствуешь вотъ эту руку.

Антигонъ.

Ну,

Тогда не нужно хоронить невинность:
Нѣтъ на землѣ ея, нѣтъ ни песчинки—
Все грязь одна.

Леонтъ.

Что-жъ все не вѣрятъ мнѣ?

1-ый придворный.

Желалъ-бы я, чтобы не мы, а вы
Не вѣрили винѣ супруги вашей.
Сердитесь на меня, но мнѣ пріятнѣй
Повѣрить оправданью, чѣмъ винѣ.

Леонтъ.

Ненужны намъ совѣты ваши. Вы
Должны насъ слушать. Ваши разсужденія
Излишни королю. Мы сообщили
Вамъ обо всемъ, по нашей добротѣ
Врожденной. Если вы настолько глупы
(Природно или притворно)—что не въ силахъ

Увидѣть истины—тѣмъ лучше! Намъ
Вы не нужны. Отвѣтственность за все,
Что можетъ быть—мы на себя беремъ.

Антигонъ.

Властитель мой, тѣмъ болѣе рѣшить
Должны вы это дѣло безъ огласки.

Леонтъ.

А какъ-же это сдѣлать? Ты съ годами
Сталъ глупъ, или родился дуракомъ?
Такъ поступать заставили меня
Побѣгъ Камилло и та близость ихъ,
Которая была такъ очевидна,
Что развѣ не хватало одного:
Увидѣть все воочію. Но все-же
Для подтвержденія большаго,—въ такихъ
Дѣлахъ должно быть осторожнымъ,—мы
Гонцовъ отправили въ свѣтые Дельфы
Въ храмъ Аполлона,—ты гонцы извѣстны
Вамъ за людей надежныхъ: то Діонъ
И Клеомень. Оракула священный
Отвѣтъ удержитъ насъ, или заставитъ
Немедля кончить дѣло. Хорошо-ли
Я поступилъ.

1-ый придворный.

Прекрасно, государь.

Леонтъ.

Я убѣжденъ, мнѣ подтвержденія лишни,
Но пусть оралуль успокоитъ совѣсть
Другихъ,—кто по довѣрчивости глупой
Не можетъ самъ до истины добраться.
Освободили мы особу нашу
Отъ королевы, заточивъ ее
Въ тюрьму, чтобъ она не могла исполнить
Бѣжавшихъ замыселъ. Теперь идемъ!
На гласный судъ передадимъ мы дѣло,
Оно возбудитъ всѣхъ...

Антигонъ (*про себя*).

Не возбудило-бъ
Оно насмѣшки, какъ узнаютъ правду.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тюрьма.

Входятъ Паулина, придворный и свита.

Паулина.

Позвать смотрителя тюрьмы. Скажите,
Кто я.

(*Придворный уходитъ*).

О, королева наша! Нѣтъ
Достойнаго тебя во всей Европѣ
Дворца,—зачѣмъ-же ты въ тюрьмѣ?

(*Входятъ придворный и тюремщикъ*).

Меня

Вы, сударь, знаете?

Тюремщикъ.

Вы уваженья

Достойная, и знатная синьора.

Паулина.

Мнѣ надо видѣть нашу королеву.

Тюремщикъ.

Я не могу, мнѣ строгій данъ приказъ,
Сударыня.

Паулина.

Какъ много хлопотни,
Чтобы невинность подъ замкомъ держать
И не пускать друзей ея! Быть можетъ,
Когонибудь изъ женщинъ можно видѣть?
Ну, хоть Эмилию?

Тюремщикъ.

Прошу, синьора,

Всѣхъ удалить кто съ вами,—я сюда
Эмилию впушу.

Паулина.

Я жду. (*Свѣтъ*). Идите.

(*Придворный и свѣта уходятъ*).

Тюремщикъ.

И, сверхъ того, я долженъ находиться
При вашемъ разговорѣ.

Паулина.

Хорошо,

Идите.

(*Тюремщикъ уходитъ*).

Сколько надобно усилий
Покрыть безчестьемъ то, въ чемъ нѣтъ без-
честья.

(*Тюремщикъ и Эмилиа входятъ*).

Ну, дорогая, какъ здоровье нашей
Прекрасной королевы?

Эмилиа.

О, насколько
Возможно существу, съ вершинъ величья
Низринутаго внизъ—она здорова.
Но—бѣдная—отъ горя и страданій—
Она до срока разрѣшилась.

Паулина.

Сыномъ?

Эмилиа.

Нѣтъ, дочерью, прелестною, здоровой,
Веселой. Королева, утѣшаясь,
Ей говоритъ: „Ахъ, узница, бѣдняжка,
Невинна ты, какъ я“.

Паулина.

Поклясться въ этомъ

Готова я. Проклятiе безумнымъ
И дикимъ выходкамъ Леонта. Долженъ
Онъ все узнать, что здѣсь произошло,
И это—дѣло женщины: я все
Ему скажу—и если подслащу
Я рѣчь мою, пусть вспухнетъ мой языкъ
И никогда не будетъ вѣстникъ правды!
Прошу васъ, засвидѣтельствуйте ей
Привѣтъ мой. Если мнѣ она довѣритъ
Ребенка, я снесу его къ Леонту
И буду громко говорить у трона
За честь ея. Быть можетъ, онъ смягчится
При видѣ крошки. Иногда невинность
Способна убѣдить сильнѣе словъ.

Эмилиа.

Вы такъ добры, честны и благородны,
Что васъ навѣрно ждетъ успѣхъ. Никто
Не можетъ лучше васъ исполнить это.
Сюда войдите. Передамъ царицѣ
Я замыселъ вашъ благородный. Нынче
Она о томъ-же думала, но страхъ
Отказа не позволилъ ни къ кому
Ей обратиться.

Паулина.

Вы скажите ей,

Эмилиа, что не напрасно данъ
Мнѣ рѣчи даръ и я заговорю!
Когда языкъ мой будетъ смѣлъ, какъ сердце,
Что бѣется здѣсь,—я за успѣхъ ручаюсь!

Эмилиа.

Благослови васъ богъ. Я къ ней иду;
Войдите-же сюда.

Тюремщикъ.

Когда ребенка

Вамъ отдадутъ,—не знаю, что за пропускъ
Мнѣ будетъ! Нѣтъ на это приказанья...

Паулина.

Не бойтесь, сударь, ничего: ребенокъ,
Въ утробѣ материнской заключенный,
Законами природы изъ тюрьмы
Отпущенъ на свободу. Гнѣвъ владыки
Нейдетъ такъ далеко, и онъ невиненъ,
Хотя-бы мать была виновна.

Тюремщикъ.

Я

Согласенъ съ вами...

Паулина.

Ничего не бойтесь:

Я выгорожу васъ, даю вамъ слово.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ Леонта.

Входятъ Леонтъ, Антигонъ, придворные и служители.

Леонтъ.

Покая нѣтъ ни днемъ, ни ночью. Слабость, Да, слабость—такъ все къ сердцу принимать! Она, прелюбодѣйка, у меня Въ рукахъ! Пусть тотъ король-развратникъ Сбѣжалъ отъ моего меча и мести,— Теперь его мой выстрѣлъ не достигнетъ. Но вѣдь она-то здѣсь,—велю я сжечь Ее,—и, можетъ быть, покой вернется Ко мнѣ хоть въ половину. Эй, кто тамъ?

1-ый служитель.

Я, государь.

Леонтъ.

Что сынъ мой?

1-ый служитель.

Спалъ спокойно,

Болезнь проходить.

Леонтъ.

Сколько благородства

Въ ребенкѣ! Матери позоръ понявъ, Онъ сталъ хирѣть, слабѣть; такъ принялъ къ сердцу

Ея вину, какъ собственную. Онъ Утратилъ сонъ, веселость, аппетитъ И чахнуть сталъ. Оставь меня, поди Узнай, что онъ.

(Служитель уходитъ).

Нѣтъ, нѣтъ, не надо думать!

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше мечь Силенъ въ своемъ могуществѣ; въ союзѣ Съ друзьями онъ... Придется отложить До времени... А мечь на ней одной Теперь излить! Камилло съ Поликсеномъ Ликують; имъ моя печаль—забава! Въ моихъ рукахъ они бы не смѣялись... Да и она не посмѣется...

Входитъ Паулина съ младенцемъ на рукахъ.

1-ый придворный.

Входа

Нѣтъ никому!

Паулина.

Вы лучше помогите,

Синьоры, мнѣ войти. Что вамъ ужаснѣй: Его-ли гнѣвъ, иль королевы смерть, Невинной болѣе, чѣмъ онъ ревнивъ.

Антигонъ.

Довольно!

1-ый придворный.

Онъ не спалъ всю ночь и отдалъ Приказъ, чтобъ никого не принимали.

Паулина.

Потише! Я пришла, чтобъ возвратить Пропавшій сонъ. Его лишили сна Всѣ вы: вокругъ блуждаете, какъ тѣни, При каждомъ вздохѣ короля вздыхая. Я говорить пришла, чтобъ исцѣлить Его словами правды и добра И устранить безсонницы причину.

Леонтъ.

Что тамъ за шумъ?

Паулина.

Не шумъ, мой повелитель.

Мы говоримъ, кого взять вашимъ кумомъ.

Леонтъ.

Что? Вывести наглую! Велѣлъ тебѣ Я, Антигонъ, не допускать ея. Я зналъ, что явится она.

Антигонъ.

Я ей

Сказалъ, чтобы она входить не смѣла, Подъ страхомъ гнѣва короля и мужа.

Леонтъ.

Гдѣ-жъ власть твоя?

Паулина.

Онъ властенъ удержать

Меня отъ гнусныхъ дѣлъ, но въ дѣлѣ чести Не можетъ онъ жену остановить, Не заключивъ ея, какъ вы, въ темницу.

Антигонъ.

Вы слышите! Какъ удила закусить Да понесетъ, ея не удержать.

Паулина.

О, мой владыка, я пришла молить,

АНТИГОНЪ КЛЯНЕТСЯ БРОСИТЬ РЕБЕНКА ГЕРМИОНУ.

Картина известнаго англійскаго живописца Опи (Опи, 1761—1807). (Большая Бойделовская Галерея).

Чтобъ выслушали вы рабыню вашу,
Врача-цѣлителя, совѣтника. Я смѣю
Явиться къ вамъ и не боюсь усилить
Вашъ ложный гнѣвъ. Я прихожу отъ нашей
Достойной королевы.

Леонтъ.

Какъ? Достойной?

Паулина.

Достойной, государь, достойной, да!
Будь я мужчиною, хотъ самымъ слабымъ,
Мечомъ я убѣдила-бъ васъ.

Леонтъ.

Прогнать

Ее!

Паулина.

Въ глаза вцѣплюсь!... Не подходите!
Сама уйду я, но сперва исполню,
Что слѣдуетъ. Достойная супруга...
Достойная, я повторяю,—дочь
Вамъ родила. Благословите крошку!
(Кладетъ передъ нимъ ребенка).

Леонтъ.

Прочь, вѣдьма! Вонъ ее отсюда! Прочь,
Пронырливая сводня!

Паулина.

Нѣтъ, я въ этомъ
Не свѣдуща, какъ вы во мнѣ. Честна я
Не менѣе, чѣмъ сумасбродны вы,
А этого достаточно для свѣта,
Чтобъ честной быть.

Леонтъ.

Предатели! Гоните
Ее скорѣй! Отдайте ей пашенка!
(Антигону).

Ты мямля! Курица твоя согнала
Тебя съ насѣста. Ну, убрать пашенка!
Убрать, отдай его своей каргѣ.

Паулина (мужу).

Да будутъ руки прокляты твои,
Когда посмѣешь тронуть ты принцессу,
Такъ опозоренную...

Леонтъ.

Онъ жены

Боятся!

Паулина.

Если-бы вы жены боялись,
То признавали бы дѣтей своими...

Леонтъ.

Гнѣздо измѣнниковъ!

Антигонъ.

Я не измѣнникъ!

Паулина.

Я тоже не измѣнница! Одинъ
Измѣнникъ здѣсь—король, предавшій честь
Свою, жены, наследника престола
И дочери на жертву клеветѣ,
Которая меча опаснѣй. Онъ
Не хочетъ—и нельзя его заставить—
Изъ сердца вырвать корень подозрѣнья.

Леонтъ.

Трещотка подлая: кусала мужа,
Теперь меня кусаетъ. Не мое
Отродье это,—Поликсина! Вонъ
Его, и вмѣстѣ съ матерью предать
Огню.

Паулина.

Нѣтъ, это ваша дочь. По старой
Пословицѣ—до гадости похожа
Она на васъ. Смотрите, господа,—
Хотъ оттискъ малъ, но какъ все отразилось
Отцовское: глаза, и носъ, и губы,
И лобъ, и брови, ямки на щекахъ
И подбородокъ. Та-жъ улыбка, та же
Рука, тѣ пальцы, ногти. О, святая
Природа-мать, что создала ее
Столь на него похожей, если можешь,
Не попусти, чтобъ желчное сомнѣнье
Заставилъ бы ее подозрѣвать,
Что не отъ мужа дѣти у нея.

Леонтъ.

О, вѣдьма гнусная! Тебя бы, мямля,
За болтовню ея повѣсить надо.

Антигонъ.

Придется перевѣшать всѣхъ мужей!
Едвадь одинъ останется придворный.

Леонтъ.

Еще разъ вонъ!

Паулина.

Нѣтъ мужа, что суровѣй
И гаже поступилъ бы.

Леонтъ.

На костеръ

Тебя!

Паулина.

Мнѣ все равно. Тотъ еретикъ,
Кто поджигаетъ, а не кто горить.

Тираномъ васъ нельзя назвать, но вашъ Поступокъ съ королевой,—безъ уликъ— Все на одномъ лишь смутномъ подозрѣннѣ Основанный,—онъ, право, отзываетъ Тиранствомъ и позорить ваше имя.

Леонтъ.

Кто мой слуга? пусть гонить прочь ее! Будь я тиранъ, она мертва была бы, И не могла-бъ меня тираномъ звать. Вонъ!

Паулина.

Не гоните, я сама уйду.
Взгляните на малютку—это ваша Дочь, государь, да, ваша. О, Юпитеръ! Пошли ей лучшаго хранителя. Оставьте! Зачѣмъ толкать меня? Никто изъ васъ, Приспѣшниковъ, добра ему не хочетъ! Никто, никто! Прощайте, я ушла.
(Уходитъ).

Леонтъ.

Ты натравилъ ее сюда, измѣнникъ! Мое дитя? Прочь съ нимъ! Ты, мягкосердный, Возьми ее отсюда, и сейчасъ Въ огонь ее! Ты это долженъ сдѣлать, Ты, ты, никто другой. Бери ее И черезъ часъ ты сказать мнѣ долженъ, Что все покончено,—иначе смерть Тебѣ со всей семьей. Когда не хочешь Исполнить, гнѣва не боишься,—прямо Скажи,—я черепъ размозжу дѣвчонкѣ Своей рукой. Сожги ее! вѣдь ты Свою жену сюда направилъ?

Антигонъ.

Нѣтъ;

То, государь, вамъ могутъ подтвердить Почтенные товарищи мои.

Придворные.

Мы подтверждаемъ, государь, что онъ Къ ея приходу не причастенъ.

Леонтъ.

Всѣ вы

Лжецы!

1-ый придворный.

Повѣрьте, повелитель, намъ.
Всегда мы вѣрно вамъ служили; будемъ И впредь служить вамъ. Просимъ на колѣ-
няхъ,
Хотя-бъ въ награду службы дней минувшихъ И будущихъ—приказъ вашъ отиѣнить: Онъ такъ кровавъ и такъ безчеловѣченъ, Что долженъ дать ужасные плоды... Мы молимъ васъ.

Леонтъ.

Да что-же я,—пушинка? Подуть, и нѣтъ ея? Я долженъ ждать, Чтобы пашенокъ звалъ меня отцомъ И на колѣняхъ ползалъ? Лучше сжечь Теперь, чѣмъ проклинать потомъ. А впро-
чемъ—
Я дамъ ей жизнь... безъ жизни. Съ Марга-
ритой,

Своею повитухой, хлопоталъ Ты объ ублюдкѣ этомъ... Что ублюдокъ Она, вѣдь это ясно, какъ и то, Что борода твоя сѣда. Что сдѣлать Ты можешь, чтобъ ублюдка жизнь спасти?

Антигонъ.

Все что я въ силахъ, все что честь позво-
литъ!
Готовъ отдать весь свой остатокъ крови, Чтобы спасти невинное создание,— Все что возможно!

Леонтъ.

О, вполне возможно!
Клянись моимъ мечемъ исполнить.

Антигонъ.

Клятву

Даю, властитель.

Леонтъ.

Ты исполнишь все.
Малѣйшая неточность,—смерть постигнетъ Тебя съ женой твоей долгоязычной, Которую на этотъ разъ прощаю. Тебѣ мы, какъ вассалу, повелѣли Взять этого пашенка и свезти Куда нибудь подальше, въ глушь, внѣ на-
шихъ

Владѣннй. Тамъ оставишь ты его Безъ состраданья, подъ открытымъ небомъ, На произволъ судьбы. Вѣдь онъ случайно Явился къ намъ, и справедливымъ будетъ, Когда такой-же случай умертвить Его иль жизнь даруетъ. Ты отвѣтишь Мнѣ за него и тѣломъ и душой.

Антигонъ.

Клянусь исполнить. Было-бъ милосерднѣй Сейчасъ убить его. Пойдемъ, дитя Несчастное. Быть можетъ, духъ великій Вскормить тебя прикажетъ хищнымъ пти-
цамъ;

Вѣдь говорятъ, что волки и медвѣди, Забывши злость, бывали милосердны Порою. Счастья, государь, желаю Вамъ большаго, чѣмъ заслужили вы. Спаси тебя, судьба, ребенокъ бѣдный...
(Уходитъ съ ребенкомъ).

Леонтъ.
Не нужно мнѣ чужихъ дѣтей!
(Входитъ слуга).

Слуга. Позвольте
Вамъ доложить: послы изъ Дельфы верну-
лись,—
Діонъ и Клеомень благополучно
Ужъ часъ назадъ на нашъ вступили берегъ
И ко дворцу спѣшаютъ.

1-ый придворный.
Ихъ быстрота
Невѣроятна, государь.

Леонтъ.
Да, двадцать
Три дня они всего въ дорогѣ были,—
Хорошій знакъ: желаетъ Аполлонъ
Скорѣ истину явить. Готовьтесь
Созвать судей и пусть предъ нимъ предста-
нетъ
Невѣрная жена: ее при всѣхъ
Я обвинилъ,—пускай при всѣхъ публично
Правдивый судъ исполнится надъ нею.
Мнѣ жизни нѣтъ, пока она жива!
Оставьте всѣ меня... Приказъ исполнить!
(Уходятъ).

БѢГСТВО ПОЛИКСЕНА И КАМИЛЛО.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

УЛИЦА ВЪ СИЦИЛИИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Сицилійскомъ портѣ.

Входятъ Клеомень и Діонъ,

Клеомень.

Тамъ дивный климатъ! воздухъ благотвор-
ный!
Цвѣтушій край! А храмъ—красой чудесной
Всѣ слухи превосходитъ...

Діонъ.

Я скажу,
Что восхищенъ небеснымъ облаченьемъ...
(Могу я такъ назвать его?) И какъ
Одежду эту величаво носятъ,
И что за пышность, красота, величье
Въ обрядѣ жертвоприношенья!

Клеомень.

Голосъ
Оракула, какъ громъ, сразилъ меня.
Казалось, то гремитъ Юпитерь. Я
Такъ былъ ничтоженъ въ этотъ мигъ...

Діонъ.

Когда-бъ
Была благопріятна королевѣ
Поѣздка наша, какъ была для насъ
Пріятна, любопытна и быстра...

Клеомень.

Все къ лучшему устроить Аполлонъ!
Насильственный надъ Герміоной судъ
Не по душѣ мнѣ...

Діонъ.

Быстрый дѣла ходъ
Сулитъ тотъ, иль другой конецъ недалгъ.
Когда сорвутъ печать жреца со свитка,
Оракулъ Аполлона намъ откроетъ
Чудесное рѣшенъе. Въ пути! Коней
Намъ добрыхъ подвели. Поможетъ Богъ,
Благополучно кончится все дѣло!...

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Залъ суда.

Входятъ Леонтъ, придворные и судьи.

Леонтъ.

Весь этотъ судъ для насъ—большое горе,
Онъ возбуждаетъ въ сердцѣ боль. Мы судимъ
Монарха дочь, супругу нашу, столь
Возлюбленную нами. Чтобы снять
Съ себя укоръ въ тиранствѣ,—отдаемъ
Ее на судъ открытый мы. Свободно

Пускай дадутъ ей кару, или милость.
Вестъ обвиненную!

Судья.

По приговору
Его величества, пусть королева
Предстанетъ предъ судомъ. Молчанье.

*Входитъ ГЕРМІОНА подъ стражей, ПАУ-
лина и прочая свита.*

Леонтъ.

Прочтите обвиненье.

Судья (*читаетъ*). „Герміона, королева
достопаднаго Леонта, короля Сициліи, ты
привлечена къ суду и обвиняешься здѣсь
въ великой измѣнѣ, въ прелюбодѣйствѣ съ
Поликсеномъ, королемъ Богеміи, и въ заго-
ворѣ съ Камилло противъ жизни нашего
великаго монарха, твоего царственнаго
супруга, и въ томъ, что когда вышеизло-
женное было обнаружено, ты, Герміона,
вопреки вѣрности и долгу подданной, совѣ-
товала и помогала имъ для большей безо-
пасности бѣжать ночью“.

ГЕРМІОНА.

Могу я только отрицать свою
Вину. Нѣтъ у меня иныхъ свидѣтельствъ,
Какъ только то, что говорю сама,
И потому мои слова безплодны.
Сказать—невинна я,—мнѣ не повѣрятъ:
Вѣдь честь мою ужъ запятнать съумѣли,
Такъ будетъ и теперь. Но если силы
Небесныя насъ видятъ (въ этомъ твердо
Убѣждена я),—то моя невинность
Заставитъ подлыхъ покраснѣть судей
И задрожать тирана передъ жертвой.
Вы не хотите вспомнить, государь,
Но знаете, что столь-же я была
Честна, чиста, невинна,—какъ теперь
Несчастна. Нѣтъ въ исторіи примѣра,
Нѣтъ драмы, источавшей слезъ потоки,
Съ такой судьбой печальной. Я дѣлила
Постель и власть съ монархомъ; дочь вла-
дыки,

И принца мать—надежды государства,
Я здѣсь стою, чтобы болтать о чести,
О жизни, передъ всякимъ, кто захочетъ
Прийти сюда послушать. Жизнь, какъ горе,
Мнѣ тяжела,—она моя, и защищать
Ее я буду. Государь! взываю
Я къ вашей совѣсти. До Поликсена
Я, по заслугамъ, въ милости была;
Пріѣхаль онъ—и что-то я свершила
Такое, что меня влекутъ на судъ...
Когда я дѣломъ, или помышленьемъ
Честь запятнала—судьи пусть меня

Осудятъ, а родные отъ могилы
Моей пусть съ отвращеньемъ отойдутъ.

Леонтъ.

Когда-жъ бывало, чтобы свершивъ про-
ступокъ,
Свершившій не былъ наглъ настолько, чтобы
Не отвергать его?

ГЕРМІОНА.

Да, это вѣрно,
Хотя ко мнѣ непримѣнимо вовсе.

Леонтъ.

Не сознаешься ты?

ГЕРМІОНА.

Я не могу
Сознаться въ томъ, въ чемъ я не виновата.
О, сознаюсь, что Поликсена я
Любила (въ этомъ вѣдь меня винятъ?),
Но лишь насколько позволяла честь,
Любовью той, какой любить должна
Такая женщина, какъ я,—не тою,
Какую вы придать хотите мнѣ.
Когда-бъ къ нему любви я не питала,
Была бы я ослушной мужу и
Неблагодарной дружбѣ вашей, съ дѣтства
Связавшей васъ, едва вы лепетать
Другъ съ другомъ начали. О заговорѣ
Не знаю, что сказать, хотя его
Навязываютъ мнѣ. Одно скажу:
Камилло былъ честнѣйшій человекъ;
Зачѣмъ бѣжалъ,—того не только я,—
Не знаютъ и всезнающіе боги.

Леонтъ.

Ты знала о его побѣгѣ. Знала,
Что безъ него должна была ты дѣлать.

ГЕРМІОНА.

Государь! *)
Я вашихъ словъ не понимаю. Вижу,
Что это—бредъ. Вамъ жизнь моя нужна?
Какъ вамъ угодно...

Леонтъ.

Ваше поведеніе—
Мой бредъ? А вашъ ублюдокъ, что рожденъ
Отъ Поликсена,—это тоже бредъ?
Ты стыдъ забыла, вмѣстѣ съ нимъ и правду
(Всегда бываетъ такъ); тебѣ расчетъ
Хитрить, но это не поможетъ. Нѣтъ!
Твоя дѣвчонка выброшена. Нѣтъ
У ней отца,—ты въ этомъ виновата!
Теперь тебя постигнетъ правосудье:
Легчайшей карой будетъ смерть твоя

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Герміона.

Зачѣмъ грозить мнѣ, государь? Я къ смерти
Стремлюсь, а вы меня хотите ею
Запугивать! Нѣтъ жизни у меня.
Престоль, богатство, ваше чувство,—все
Потеряно. Нѣтъ ничего. Причины-жъ
Я этого не знаю. Дальше:—сынъ мой,
Мой первенецъ, отторгнуть отъ меня,
Какъ отъ заразы. Наконецъ, ребенокъ,
Родившійся подъ гнѣвною звѣздой,
Отъ груди матери оторванъ, брошенъ
На смерть. Меня со злобой всюду славятъ
Развратницей. Всѣмъ женамъ всѣхъ со-
словій

Послѣ родовъ даютъ покой,—меня-жъ
Сюда влекутъ по холоду, когда
Я такъ слаба еще. Теперь скажите—
Да что-жъ меня привязываетъ къ жизни?
Ужели смерть страшна мнѣ? Продолжайте
Вашъ судъ. Еще скажу: не ошибитесь!
Я не о жизни говорю,—о чести,
Которой дорожу. Когда меня
Осудятъ, взявши вмѣсто доказательствъ
Лишь подозрѣнья ревности,—не судъ
То будетъ, а жестокость. Такъ и знайте!
Я предаю себя на волю бога:
Пусть Аполлонъ моимъ судьей будетъ!

1-й судья.

Законно ваше требованье.—Пусть
Оракулъ проречетъ намъ волю бога.
(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ).

Герміона.

Отцомъ моимъ былъ русскій императоръ.
О, если-бъ живъ онъ былъ и увидалъ,
Что судятъ дочь, какъ взоромъ состраданья
Проникъ бы онъ всю эту бездну горя,
Но мстить не сталъ бы за меня! *)

Возвращаются придворные съ Клеоменомъ
и Діономъ.

Судья.

Вотъ правосудья мечъ,—клянитесь здѣсь,
Діонъ и Клеоменъ, что въ Дельфахъ оба
Вы были, что оттуда привезли
Вы этотъ свитокъ за печатью, что
Его самъ жрецъ вручилъ вамъ, что печати
Священныя остались невредимы
И тайна вамъ отвѣта неизвѣстна.

Клеоменъ и Діонъ.
Клянемся.

Леонтъ.

Вскрыть печати и прочесть.

Судья (читаетъ). „Герміона—цѣломуд-
ренна; Поликсенъ—безвиненъ; Камилло—
вѣрный слуга; Леонтъ ревнивый деспотъ;
его невинное дитя—законно; и король оста-
нется безъ наслѣдника, пока потерянное
не будетъ найдено“.

Придворные.

Благословенъ да будетъ Аполлонъ!
Хвала ему!

Леонтъ.

Прочелъ ты вѣрно?

Судья.

Да,

Здѣсь все это написано.

Леонтъ.

Здѣсь нѣтъ

Ни капли правды, и оракулъ этотъ
Подложенъ. Продолжайте судъ.

Входитъ поспѣшно слуга.

Слуга.

Король!

Король!

Леонтъ.

Что тамъ такое?

Слуга.

Государь,

Я буду ненавистенъ вамъ, какъ вѣстникъ
Печали. Принцъ—отъ страха и сомнѣнья
За королеву—въ вѣчность отошелъ!

Леонтъ.

Какъ отошелъ?

Слуга.

Онъ умеръ!

Леонтъ.

Гнѣвъ небесъ

За мой проступокъ. Кара

Аполлона!

(Герміона падаетъ безъ чувствъ).

Что тамъ случилось?

Паулина.

Королеву это

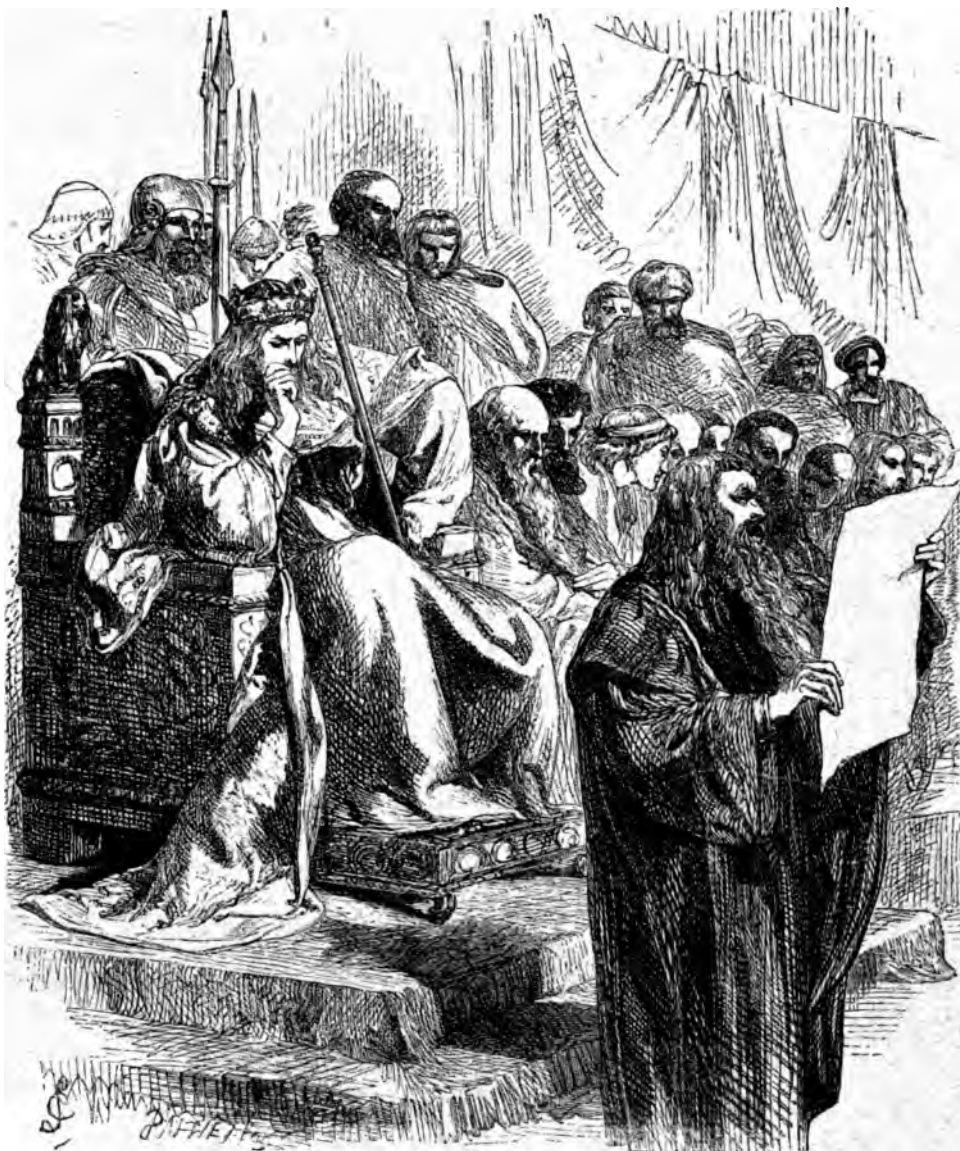
Извѣстіе сразило! Посмотрите,
Она совсѣмъ похолодѣла...

Леонтъ.

Надо

Ее отсюда взять. Ей дурно. Скоро
Она придетъ въ себя. Напрасно я

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

СУДЪ НАДЪ ГЕРМІОНОЙ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Такъ вѣрилъ подозрѣнья. Испытайте
Всѣ средства къ жизни возвратитъ ее.
(Паулина и придворныя дамы уносятъ Г'ер-
міону).

О, Аполлонъ, прости за богохульство
Противъ оракула! Я съ Полисеномъ
Вновь примирюсь, верну любовь жены,
Камилло возвращу, провозгласивъ
Его слугою честнымъ и достойнымъ.
Въ порывѣ ревности, къ кровавой мести
Стремился я и поручилъ ему,

Чтобъ друга отравилъ онъ; такъ и было-бъ
Исполнено, но доброта Камилло
Исполнить медлила приказъ, хотя
То смертью, то наградой я стращаль
И поощрялъ его. Какъ благородный
И честный человекъ, стирься онъ
Передъ высокимъ гостемъ, бросилъ всѣ
Свои огромныя богатства здѣсь
И отдался измѣнчивой судьбѣ.
Какъ ярко честь его теперь сіяетъ
Сквозь ржавчину моихъ дѣяній! Какъ
Я черенъ рядомъ съ нимъ!

СУДЪ НАДЪ ГЕРМІОНОЙ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Входитъ Паулина.

Паулина.

О, горе! горе!
Разрѣжьте мнѣ шнурки, покаѣсть сердце,
Ихъ разорвавъ, само не разорвется!

1-ый придворный.
Что съ вами?

Паулина.

О, тиранъ! Какія муки
Ты приготовишь для меня? Колеса?
Костерь, сдиранье кожи? иль кипѣнье

Въ свинцѣ и маслѣ? На какія пытки
Изъ старыхъ, или вновь изобрѣтенныхъ
Заслуженно меня отдашь за то,
Что я скажу? Твой глупый гнѣвъ и ревность,
Достойные мальчишки, иль дѣвчонки
Девятилѣтней,—до того дошли...
О, ты сойдешь съ ума, когда узнаешь...
Все прежнее ничто предъ этимъ дѣломъ.
Ты предалъ Поликсена,—это только
Непостоянство, глупость и измѣна,
Достойная презрѣнья. Честь Камилло
Ты ядомъ запятнать хотѣлъ, и это
Не важно. Коршунамъ въ добычу бросилъ

Малютку-дочь,—и это ничего,
Хотя самъ чортъ скорѣй бы изъ огня
Извлекъ слезу, чѣмъ сдѣлалъ это. Въ смерти
Наслѣдника, такъ много благородства
Явившаго въ столь юные года,
Ты косвенно причастенъ: разорвалось
Его сердечко отъ тиранства злого
Надъ бѣдной матерью. О, все ничто
Предъ тѣмъ, что сообщу я. Плачьте,
плачьте!

Чудесное и нѣжное созданье,
Скончалась королева—неотмщонной
За всѣ обиды.

1-ый придворный.

Да спасутъ насъ боги!

Паулина.

Клянусь, она скончалась! Если вы
Не вѣрите, взгляните. Возвратите
Ей цвѣтъ устамъ и блескъ ея глазамъ,
Согрѣйте тѣло, дайте ей дыханье,—
Я какъ боговъ васъ буду чтить. А ты,
Тиранъ,—тебѣ раскаиваться поздно.
Отчаянью предайся. Обнаженный
Подъ снѣжной бурей, на утесѣ голомъ,
Постомъ измученный, стой на колѣняхъ,
Не тысячу—десятки тысячъ лѣтъ
Моли прощенія, и все-же боги
Не обратятся съ милостью къ тебѣ!

Леонтъ.

Да, да, ты можешь говорить,—я долженъ
Отъ всѣхъ укоры слышать... Продолжай.

1-ый придворный.

Довольно! Что бы ни было, не вправѣ
Вы говорить все это.

Паулина.

Да, не вправѣ,
Да, виновата я и сознаюсь:
По женски слишкомъ поступила я...
Онъ тронутъ: сердце размягчилось въ немъ...
Что было, то прошло и не вернется.
Прошу, забудьте то, что я сказала,
Велите наказать меня... Зачѣмъ
Я вспомнила то, что забыть полезнѣй.
Мой добрый государь, властитель мой,
Простите безразсудную! Любовь,
Что я питала къ королевѣ... Вотъ
Опять я глупость... Поминать не буду
О ней, о вашихъ дѣтяхъ и о мужѣ,—
Его я тоже потеряла... Надо
Терпѣнья только—больше ничего.

Леонтъ.

Ты хорошо сказала: въ этомъ много

Горчайшей правды, но она мнѣ легче,
Чѣмъ сожалѣнія. Сведи меня
Къ тѣламъ жены и сына. Мы положимъ
Ихъ вмѣстѣ, сдѣлавъ на могилѣ надпись
О поводѣ ихъ смерти,—пусть позоръ мой
Увѣковѣченъ будетъ. Ежедневно
Къ могилѣ буду приходить я. Слезы
Мнѣ будутъ утѣшеньемъ. Дамъ обѣтъ
До смерти каждый день тамъ быть. Пой-
демъ,

Взглянуть на это горе...

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Богемія. Дикій морской берегъ.

Входитъ Антигонъ, неся ребенка; за нимъ
морякъ.

Антигонъ.

Увѣренъ ты, что насъ корабль привезъ
Въ пустынную Богемію?

Морякъ.

Да, сударь.

Но я боюсь, въ недобрый часъ на берегъ
Мы вышли.—Небо грозно. Будетъ буря.
О, небеса разгнѣвались за то,
Что мы свершить должны.

Антигонъ.

Да будетъ воля

Небесная, иди на свой корабль,
Смотри за нимъ. Я не промедлю долго
И окликъ дамъ.

Морякъ.

Не медлите, и очень

Не отходите далеко. По вѣтмъ
Примѣтамъ скоро разразится буря,
Вдобавокъ въ этомъ краѣ много хищныхъ
Звѣрей.

Антигонъ.

Ступай, приду я скоро.

Морякъ.

Очень

Я радъ, что отъ такого дѣла вы
Избавили меня.

(Уходитъ).

Антигонъ.

Пойдемъ, малютка

Несчастная. Слыхалъ я и не вѣрилъ,
Что мертвецы являются. Но видѣлъ

АНТИГОНЪ ПРЕСЛѢДУЕМЫЙ МЕДВѢДЕМЪ.

*Картина англійскаго живописца Джозефа Райта (Joseph Wright of Derby, 1697—1764).
(Большая Императорская Галерея).*

Я прошлой ночью королеву. Сонъ
Такъ съ жизнью не бываетъ схожъ. Печально

Она качала головой. Испита
Была до дна несчастій чаша ея.
Въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ, какъ богиня,
Она вошла въ каюту, гдѣ я спалъ.
Три раза наклонялась надо мною,
Но слезы ей дыханіе спирали
И затемняли взоръ. Собравшись съ силой,
Она сказала наконецъ: „О, добрый
„Мой Антигонъ, судьба тебѣ велѣла
„Стать палачомъ моей малютки бѣдной.
„Ты противъ воли клятвою былъ связанъ.
„Есть много мѣстъ въ Богеміи пустынныхъ...
„Брось тамъ ее,—пусть плачетъ. Всѣ погибшей

„Ее считаютъ. Пѣрдитой ее
„Ты назовешь, прошу тебя. Но такъ какъ
„Ты гнусное исполнилъ повелѣнье
„Властителя, то больше не увидишь

„Жены своей, Паулины!“—и со стономъ
Она исчезла въ воздухъ. Не могъ
Въ себя придти я. Мнѣ не сномъ казалось
Видѣніе. Сны—суевѣрье, вздоръ,
Но въ этотъ—вѣрю я. Ужъ Герміону
Постигла казнь и хочетъ Аполлонъ,
Чтобы ребенокъ, Поликсена дочь,
Была бы здѣсь живою или мертвой,
Но во владѣньяхъ своего отца.
Цвѣточекъ милый мой, Господь съ тобою!
Лежи. Вотъ имя здѣсь твое, и деньги
На воспитанье,—ежели судьба
Тебя захочетъ сохранить. Ужъ буря
Гудитъ. Бѣдняжка! Матери проступокъ
Тебя къ гибели ведетъ. Я плакать
Не въ силахъ. Сердце кровью облилось.
Я проклиная данную мной клятву.
Прощай. Какъ мрачно! Колыбельной пѣсней
Суровой убаюкана ты будешь.
Я не видалъ, чтобъ днемъ темно такъ
было.

Что тамъ за дикій крикъ? Скорѣй на борты!
Охота! Я погибъ!

(Уходитъ, преслдуемый медвѣдемъ).

Входитъ пастухъ.

Пастухъ. Хорошо было бы, кабы не было никакого возраста между десятью и двадцатью тремя годами,—если-бы этотъ промежутокъ можно было бы проспять; а то у нихъ только и дѣла, что беременить дѣвокъ, оскорблять стариковъ, грабить и заводить драки. Вотъ хоть-бы теперь: ну, кто кромѣ девятнадцати или двадцати трехъ лѣтнихъ олуховъ станеть охотиться въ такую погоду? Они спугнули двухъ моихъ лучшихъ барановъ, которыхъ, чего добраго, найдеть теперь скорѣе волкъ, чѣмъ хозяинъ. Вѣрнѣе всего, найти ихъ можно на берегу: они здѣсь ѣдятъ плоть. Ну, можетъ и найду! Это что такое? *(Беретъ на руки ребенка)*. Господи помилуй! Крошечка, да какая чудесная! Мальчикъ, или дѣвочка? Славная, славная! Чей нибудь грѣшокъ. Я хоть не ученый, а ясно вижу, что тутъ не обошлось безъ служанки. Была работа гдѣ нибудь подъ лѣстницей, на сундукъ, или за дверь. Во всякомъ случаѣ имъ было тогда теплѣе, чѣмъ этой бѣдняжкѣ теперь. Надо пожалѣть, нельзя не взять. Подожду только сынишку, онъ сейчасъ подавалъ голосъ. Ого-го!

Входитъ Поселянинъ.

Поселянинъ. Го-го!

Пастухъ. А, ты тутъ. Коли хочешь видѣть вещицу, о которой будутъ говорить, когда ты помрешь и сгнѣшь, поди сюда. Да что съ тобой такое?

Поселянинъ. Я то видѣлъ на морѣ и на землѣ, что и рассказать не могу. Впрочемъ не знаю, было-ли это на морѣ, потому что теперь не разберешь гдѣ небо, гдѣ море: между ними не просунешь и кончика иголки.

Пастухъ. Да въ чемъ-же дѣло?

Поселянинъ. Посмотрѣлъ-бы ты, какъ оно реветъ, ярится, бросается на берегъ! Да это бы еще что! А вотъ какъ кричатъ бѣдные люди,—то скроются, то опять вынырнуть; корабль то тыкался мачтой въ мѣсяцъ, то опять попадалъ въ пѣну и кружился, какъ пробка въ пивномъ боченкѣ. А посмотрѣлъ бы ты, какъ на сушѣ медвѣдь рвалъ его плечо, какъ онъ звалъ меня

на помощь, кричалъ, что онъ Антигонъ—дворянинъ... Но этотъ корабль... его море проглотило какъ изюминку. Несчастныя души, ревѣли, а волны хохотали надъ ними... И бѣдный дворянинъ все ревѣлъ, а медвѣдь издѣвался надъ нимъ и оба ревѣли страшнѣе, чѣмъ волны и буря.

Пастухъ. Ради всѣхъ боговъ, да когда ты это видѣлъ?

Поселянинъ. Теперь, теперь!.. Я мигнуть не успѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ это видѣлъ. Люди подъ водой еще теплые, и медвѣдь на половину еще пообѣдалъ дворяниномъ. Онъ еще и теперь, на немъ.

Пастухъ. Жаль, меня не было: помочь-бы старику.

Поселянинъ. Жаль, ты корабля не видѣлъ, помогъ бы ему,—ужъ пришлось бы повозиться около него.

Пастухъ. Печальная дѣла! Печальная! А посмотри-ка ты, малый, сюда. Ты вотъ все наталкиваешься на умирающихъ, а я натолкнулся на новорожденнаго, полюбуйся-ка! Пеленки-то: хоть господскому ребенку впору. Смотри-ка сюда. Вытаскивай, вытаскивай, раскрывай, смотри, что тамъ. Мнѣ предсказывали, что я буду богатъ. Это должно быть похищенный ребенокъ... Нутка, малый, раскрой, что тамъ внутри?

Поселянинъ. И везетъ тебѣ, старина, всѣ грѣхи твои прощены! Веселись на старости лѣтъ. Золота-то, золота сколько!

Пастухъ. А вѣдь это, малый, золото волшебное,—вотъ увидишь. Бѣги съ нимъ скорѣе, прячь его. Домой, домой ближней дорогой. Теперь, малый, мы счастливы, а чтобъ счастливыми остаться—никому ни слова. Бросимъ овецъ, пусть пасутся, пойдёмъ, паренекъ, домой кратчайшей дорогой.

Поселянинъ. Ты иди домой съ своей находкой, а я пойду взглянуть, сидитъ-ли еще медвѣдь на дворянинѣ и много-ли онъ объѣлъ его. Медвѣди вѣдь опасны только когда голодны. Коли что осталось, я схоплю.

Пастухъ. Доброе дѣло. Если изъ остатковъ можно будетъ узнать что нибудь о немъ, позови меня.

Поселянинъ. Ладно; ты мнѣ его и зарыть поможешь.

Пастухъ. Сегодня счастливый день, парень. Его надо отблагодарить добромъ.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Входитъ Время, изображающее хоръ.

Я—время. Я вселяю ужасъ. Я—
Добро и зло. Я—счастье и горе.
Я порождаю и караю грѣхъ.
Неотразимъ полетъ мой. Я могу
Перенести васъ чрезъ шестнадцать лѣтъ:
Ихъ точно не бывало. Я могу
Все ниспровергнуть—всѣ законы міра
Въ единый мигъ во тлѣнъ преобразить!
Нѣтъ перемѣнъ во мнѣ: такимъ-же было
Я на зарѣ далекой мірозданья;
Я видѣло начало всѣхъ началъ,—
При мнѣ круговоротъ вѣка свершали;
И наши дни я тожъ покрою пылью,
И яркое сіянье этихъ дней
Въ преданьяхъ назовется старой сказкой...
Итакъ—свершился длинный кругъ времени
Прошли года, какъ мимолетный сонъ,—
Леонтъ забылъ свой гнѣвъ, и удалился
Отъ свѣта и людей... Полетъ мой властный
Въ Богемію, въ цвѣтущій край прекрасный,
Перенесетъ васъ. Помните, что здѣсь
Живетъ сынъ Поликсена, Флоризель.
Здѣсь брошенная Пердита успѣла
Неслыханной красавицею стать...
Но я впередъ не буду забѣгать,
Пусть сами вы увидите, что будетъ:
Пусть жизнь сама раскроетъ передъ вами
Судьбу пріемной дочки пастуха...
Нерѣдко въ жизни намъ бываетъ скучно,—
Такъ поскучайте и сегодня тоже.
А если не знакомы вы со скукой—
Вы счастливы: я, Время, въ томъ порукой!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Богемія. Во дворцѣ Поликсена.

Входятъ Поликсенъ и Камилло.

Поликсенъ. Прошу тебя, мой добрый
Камилло, не надоѣдай мнѣ. Отказать тебѣ—
для меня все равно, что заболѣть; а согласи-
ться на это—все равно, что умереть.

Камилло. Пятнадцать лѣтъ, какъ я
не видѣлъ своей отчизны. Хотя большую
часть времени я провелъ въ чужихъ краяхъ,
но все-же хочу на родинѣ сложить свои
кости. Вдобавокъ раскаявшійся король, мой

властитель, присылалъ за мной. Я бы могъ
облегчить его печаль, у меня есть смѣ-
лость такъ думать,—и это тоже побуждаетъ
меня къ отъѣзду.

Поликсенъ. Во имя любви ко мнѣ,
Камилло, не уничтожай всѣхъ твоихъ пре-
жнихъ заслугъ, покидая меня теперь. Вѣдь
твой-же достоинства причина тому, что я
такъ привыкъ къ тебѣ; мнѣ легче было бы
совсѣмъ не знать тебя, чѣмъ сокрушаться,
что тебя нѣтъ. Ты долженъ сдѣлать дѣло,
которое никто не можетъ закончить какъ
ты, ты долженъ остаться здѣсь и довер-
шить начатое, иначе ты все увезешь съ
собою. Если я недостаточно цѣнилъ твои
заслуги, потому что онѣ не оцѣненны,—
я постараюсь насколько смогу усилить мою
благодарность,—это моя личная выгода.
Прошу тебя, не поминай больше объ этой
роковой странѣ—Сициліи. Одно ея названіе
угнетаетъ меня воспоминаніемъ о кающемся,
какъ ты его называешь, и примирившемся
со мною королѣ и братѣ. Утрата его чу-
десной супруги и дѣтей до сихъ поръ вы-
зываетъ слезы. Скажи, когда ты видѣлъ
моего сына, принца Флоризеля? Короли
не менѣе бываютъ несчастны, когда у нихъ
дурныя дѣти, чѣмъ когда они хоронятъ хо-
рошихъ дѣтей.

Камилло. Я видѣлъ, государь, принца
три дня назадъ. Не знаю, какія у него важ-
ныя дѣла, но несомнѣнно онъ—рѣже пока-
зывается при дворѣ и менѣе сталъ приле-
женъ въ своихъ занятіяхъ.

Поликсенъ. Я самъ это замѣтилъ, Ка-
милло, и это меня заботитъ. Я учредилъ
за нимъ надзоръ: за нимъ слѣдятъ. Мнѣ
извѣстно, что онъ почти все время прово-
дитъ въ домишкѣ простого пастуха, кото-
рый сперва былъ нищимъ, а потомъ, къ
удивленію сосѣдей, внезапно разбогатѣлъ.

Камилло. Я слышалъ о немъ, государь—
у него дочь поразительной красоты; слава
о ней такъ велика, что можно только удив-
ляться, какъ она исходитъ изъ такой лачуги.

Поликсенъ. И объ этомъ мнѣ говорили,
и я боюсь, не приманка-ли это для нашего
сына. Мы пойдемъ туда съ тобой и, не на-
зывая себя, кое о чемъ разспросимъ пастуха;
у простака не трудно будетъ узнать при-
чину посѣщеній моего сына. Прошу тебя,
помоги мнѣ въ этомъ дѣлѣ и выкинь изъ
головы мысли о Сициліи.

Камилло. Я готовъ повиноваться, государь.

Поликсенъ. О, дорогой Камилло! Ну, пойдемъ переодѣваться. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Дорога близъ мызы пастуха.

Автоликъ *входитъ и поетъ*.

Автоликъ.

Цвѣточки расцвѣтають вновь,
Хохъ! дѣвочки гуляютъ!
Играетъ лѣтомъ въ жилахъ кровь,
Зимою замерзаетъ...

Бѣлье повѣсили сушить...
Хохъ! внемлю пташекъ трелямъ!
Теперь воришкѣ славно жить:
Сидить, какъ царь, за элемъ!

Тюрлю-тюръ! птичкамъ щебетать
Чудесно на привольѣ!
Теперь-бы съ кумушкой поспать
На сѣнѣ,—вотъ раздолье!

Когда я служилъ у принца Флоризеля—
ходилъ въ бархатѣ. А теперь—мѣста нѣтъ!

Чего тужить, вѣдь по ночамъ
Все-жъ блѣдный мѣсяцъ свѣтитъ,
Хожу-брожу и здѣсь и тамъ,
И все мой глазъ замѣтитъ..

Лудильщикъ можетъ помышлять,
А чѣмъ его я гаже?

Отвѣтъ съумѣю ловкій дать
Я и въ колодкахъ даже!...

Я промышляю простынями, а въ ту пору,
когда хищныя птицы вьютъ себѣ гнѣзда,
я не пренебрегаю и мелкимъ бѣльемъ.
Мой отецъ назвалъ меня Автоликомъ, а
Автоликъ, какъ и я—родился подъ знакомъ
Меркурія и былъ воришкой. Игра въ кости
и веселыя дѣвицы нарядили меня въ такой
костюмъ и пришлось мнѣ жить надува-
тельствомъ. За разбой на большихъ доро-
гахъ вѣшаютъ и стегаютъ; а я терпѣть
не могу кнута и висѣлицы... Насчетъ буду-
щей жизни—я сплю спокойно... А, добыча,
добыча!

Входитъ поселянинъ.

Поселянинъ. Раскинемъ мозгами. Каж-
дые одиннадцать барановъ даютъ двадцать
восемь фунтовъ шерсти; каждые двадцать
восемь фунтовъ—это фунтъ стерлинговъ и
нѣсколько шиллинговъ. Острижено полторы
тысячи. Насколько-же всего шерсти?

Автоликъ. Если силокъ выдержитъ—
тетеря моя.

Поселянинъ. Безъ счета тутъ ничего
не подѣлаешь. Лучше смекнуть, что купить
къ празднику стрижки овецъ. „Три фунта са-
хару; пять фунтовъ коринки; рису“... За-
чѣмъ это сестренкѣ понадобился рисъ?
Отецъ ее назначилъ хозяйкой праздника,
и это ужъ ея дѣло. Она приготовила двад-
цать четыре букета для стригуновъ; скри-
гуны все пѣвцы на подборъ, пѣсни у нихъ
все на три голоса, но всѣ они большей
частью поютъ или жиденькимъ теноркомъ
или басомъ. Впрочемъ, одинъ пуританинъ
ловко выводитъ псалмы подъ волынку...
Еще надо—шафрану для подкраски яблоч-
ныхъ пироговъ; мушкатныхъ орѣховъ; фи-
никовъ... Нѣтъ, этого нѣтъ въ моей за-
пискѣ. „Семь мушкатныхъ орѣховъ; одинъ,
или два корешка имбирю“... Имбирь пой-
детъ въ придачу даромъ! „четыре фунта
черносливу; столько-же изюму“...

Автоликъ (*корчась на землю*). О, зачѣмъ
я родился!

Поселянинъ. Ради Бога, что такое?

Автоликъ. Помогите, помогите! Со-
рвите съ меня эти лохмотья и потомъ
дайте смерти, смерти!

Поселянинъ. Несчастливая твоя душа!
Не снимать тебѣ надо лохмотья, а напро-
тивъ, надѣть на себя побольше.

Автоликъ. О, господинъ, эта мерзость
позорнѣе для меня тѣхъ ударовъ, что я
выдержалъ, а ихъ было около милліона.

Поселянинъ. Ахъ, несчастный! миллі-
онъ ударовъ—это можетъ повредить человѣку.

Автоликъ. Да, господинъ, я ограбленъ
и избитъ,—мои деньги и платье отняты,
а на меня надѣта вотъ эта рвань.

Поселянинъ. Кто-же тебя такъ от-
дѣлалъ: конный или пѣшій?

Автоликъ. Пѣшій, добрый господинъ,
пѣшій.

Поселянинъ. Судя по тому платью,
что онъ тебѣ оставилъ, онъ навѣрно былъ
пѣшій. Если въ этой курткѣ ѣздили когда
верхомъ, такъ она послужила на своемъ вѣку.
Давай-же руку я помогу тебѣ. Давай руку.

(*Помогаетъ ему встать*).

Автоликъ. О, тише, тише, добрый го-
сподинъ.

Поселянинъ. Несчастный ты, несчаст-
ный!

Автоликъ. Осторожнѣй добрый госпо-
динъ. Я боюсь, не свихнута-ли у меня лопатка.

Поселянинъ. Ну, какъ теперь? можешь
встать?

Автоликъ. Потихоньку, дорогой мой (*вытаскиваетъ у него кошелекъ*), потихоньку, добрый господинъ. Вы меня просто облагодѣтельствовали.

Поселянинъ. Не нужно ли тебѣ денегъ, у меня есть мелочь.

Автоликъ. Нѣтъ, добрый мой господинъ, нѣтъ, сударь; у меня здѣсь въ трехъ четвертяхъ миліи родственниковъ; къ нему-то я и шелъ; тамъ у меня будутъ деньги и все, что мнѣ надо. Прошу васъ, не предлагайте мнѣ денегъ—это меня жестоко оскорбляетъ.

Поселянинъ. А каковъ съ виду былъ тотъ, кто тебя ограбилъ?

Автоликъ. Я, сударь, съ нимъ познакомился, играя въ фортунку; тогда онъ служилъ у принца. Ужъ не могу вамъ сказать, мой добрый, за какую добродѣтель, но его выдрали и прогнали со службы принца.

Поселянинъ. Ты вѣрно хотѣлъ сказать: за какой изъ пороковъ? Вѣдь за добродѣтель при дворѣ не стегаютъ, за ней напротивъ ухаживаютъ, чтобъ она тамъ оставалась,—а она все таки тамъ не держится.

Автоликъ. Я, сударь, и хотѣлъ сказать,—за порокъ. Я знаю хорошо этого человека. Сперва онъ таскался съ обезьянами, потомъ служилъ въ судѣ, потомъ показывалъ въ театрѣ маріонетокъ исторію блуднаго сына, потомъ женился на женѣ мѣдника, жившей всего въ одной миліи отъ моего родового помѣстья. Пройдя такимъ образомъ черезъ много мошенническихъ промысловъ, онъ сдѣлался бродягой. Его иногда зовутъ Автоликомъ.

Поселянинъ. Ни слова о немъ. Бездѣльникъ! Клянусь жизнью—бездѣльникъ! Онъ шатается по всѣмъ приходскимъ праздникамъ, по ярмаркамъ и по медвѣжьимъ травлямъ.

Автоликъ. Онъ, сударь, онъ самый! Вотъ этотъ-то бродяга и вырядилъ меня такъ.

Поселянинъ. Во всей Богеміи нѣтъ трусливѣе его, бродяги. Вамъ стоило сердито покоситься на него и харкнуть въ рожу, онъ бы тотчасъ далъ тягу.

Автоликъ. Я долженъ вамъ, сударь, сказать, что терпѣть не могу драться; въ этомъ отношеніи я совсѣмъ плохъ,—и это онъ зналъ, увѣряю васъ.

Поселянинъ. А какъ вы теперь себя чувствуете?

Автоликъ. Гораздо лучше, чѣмъ прежде, ласковый господинъ. Я могу не только стоять и идти, но даже проститься съ вами

АВТОЛИКЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

и помаленечку поплестись къ своему родственнику.

Поселянинъ. Не вывести-ли васъ на прямую дорогу?

Автоликъ. Нѣтъ, пригожій господинъ, нѣтъ, милый господинъ.

Поселянинъ. Ну, такъ прощайте,—мнѣ еще нужно закупить разныхъ спецій къ нашей стрижкѣ овецъ.

Автоликъ. Желаю вамъ успѣха, добрый господинъ.

(Поселянинъ уходитъ. Автоликъ продолжаетъ).

Хватить-ли у тебя въ кошелекъ спецій на покупку? Я буду съ тобой на этой овечьей стрижкѣ и если я не устрою другой стрижки и для тебя и для стригуновъ,—пусть мое имя помѣстятъ въ списокъ самыхъ добродѣтельныхъ людей. *(Поетъ).*

Впередъ, впередъ живѣе,

Шагай черезъ плетень.

Въ печали—часъ длиннѣе,

Чѣмъ съ пѣсней цѣлый день!...

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Лугъ передъ хижинной пастуха.

Входятъ Флоризель и Пердита.

Флоризель.

О, какъ идетъ костюмъ необычайный
Къ твоей красѣ. Ты не пастушка,—Флора,
Предвѣстница апрѣля. Праздникъ стрижи
Овецъ—сберетъ вокругъ тебя богинь,
И ты—властительница ихъ.

Пердита.

О, принцъ,
Не смѣю осуждать безумье ваше,—
Простите выраженье,—но вельможъ,
Какъ вы, нельзя скрывать своё величье
Въ одеждѣ пастуха,—меня-жъ—пастушку—
Богиней звать. Когда-бъ не нашъ обычай—
Въ день праздника рядиться, мнѣ бы стыдно
Въ такой одеждѣ было видѣть васъ...
Да и свое увидя отраженье,
Я обмереть готова.

Флоризель.

О, да будетъ
Благословенъ мой славный соколъ: онъ
Завелъ меня къ твоимъ полямъ.

Пердита.

Дай богъ,
Чтобъ не случилось худъ! Ваша страсть
Опасности не знаетъ. Я-жъ, при мысли
О разницѣ межъ нами, вся дрожу.
Вдругъ вашъ отецъ, какъ вы, зайдетъ слу-
чайно
Сюда? О, боги, что онъ скажетъ, видя
Созданіе свое въ такихъ одеждахъ,—
И какъ бы я въ нарядѣ этомъ чудномъ
Могла взглянуть въ глаза ему?

Флоризель.

Не бойся!
Насъ счастье ждетъ, вѣдь, сами боги часто,
Смирясь предъ любовью, превращались
Въ земныхъ существъ: Зевесъ мычалъ бы-
комъ,
Нептунъ блеялъ козломъ, и Аполлонъ,
Богъ златокудрый, какъ и я—простымъ
Являлся пастухомъ. Но никогда
Ихъ превращенья не были во славу
Такой красы, и не были стремленья
Ихъ столь-же непорочны, какъ мои.
Мои желанья не измѣнятъ чести
И страсть моя не перейдетъ границъ.

Пердита.

Но, принцъ, рѣшенье ваше устоятъ
Не можетъ передъ волей короля.

Одно изъ двухъ должно быть неизбежно:
Иль вы разстанетесь съ своимъ рѣшенемъ,
Иль я съ своею жизнію.

Флоризель.

Зачѣмъ

Ты омрачаешь мыслями такими
Нашъ свѣтлый праздникъ?.. О, краса моя?
Когда твоимъ не буду, то не буду
Я и отцу принадлежать. Иль твой,
Иль ничей. И будетъ такъ, хотя-бы
Сама судьба кричала—нѣтъ! Теперь
Развеселись, красавица моя,—
Взгляни, вокругъ ужъ праздникъ начался,
Вонъ идутъ гости! Будь такой вѣстливой,
Какъ будто день сегодня нашей свадьбы.
Вѣдь мы клялись, что онъ для насъ на-
станетъ.

Пердита.

О, да поможетъ намъ судьба!

Флоризель.

Ну вотъ,

Они ужъ близко. Встрѣтъ ихъ порадушнѣй,
Пускай царить веселіе вокругъ.

*Входятъ Пастухъ, Поселянинъ, Мопса,
Дорка и пр.; позднѣе Поликсенъ и Ка-
милло переодѣтые.*

Пастухъ.

Что-жъ это, дочка? Будь жива старуха,—
Была-бъ она теперь и управитель,
И ключница, и поваръ, и хозяйка,
И судомойка,—всѣмъ бы подавала,
И пѣсни пѣла и въ кругу плясала.
То на одномъ концѣ стола, то здѣсь,
Съ однимъ, другимъ,—лицо такъ и играетъ
Отъ хлопотни и чоканья со всѣми.
А ты въ сторонкѣ, точно не хозяйка?
Встрѣтъ по привѣтнѣй этихъ незнакомцевъ:
Привѣтливость—кратчайшій путь къ зна-
комству
И дружбѣ. Ну, не слѣдуетъ краснѣть.
Будь тѣмъ, чѣмъ быть должна—хозяйкой
полной
На праздникъ. Иди, зови гостей
Попировать: пусть пожелають счастья
Твоимъ стадамъ.

Пердита (*Поликсену*).

Прошу васъ, господа...
Отецъ велѣлъ мнѣ нынче быть хозяйкой...
(*Камилло*). Пожалуйте... Дай, Доркасъ, мнѣ
цвѣты...

Позвольте поднести вамъ: это рута
И размаринъ; они цвѣтутъ всю зиму...
Все тотъ-же цвѣтъ и запахъ... вы на память

Возьмите ихъ, пожалуйста... и будьте
Гостями.

Поликсенъ.

Милая пастушка,—ты
Цвѣты зимы приноровила къ нашимъ
Годамъ.

Пердита.

Нашъ годъ идетъ къ концу ужъ, су-
дарь,

Межъ знойнымъ лѣтомъ и зимой трескучей
Цвѣтутъ пышнѣй гвоздиками и левкои
Махровые,—иные называютъ
Ихъ незаконными дѣтьми природы.
У насъ въ саду такихъ и нѣтъ. Да я
О нихъ и не жалѣю.

Поликсенъ.

Отчего,

Красавица?

Пердита.

Да, говорятъ, они
Обращены въ махровые искусствомъ,
А не природой.

Поликсенъ.

Ну такъ что-жъ? природу
Ея-же средствами и улучшаютъ.
Искусство тожъ дитя природы. Красить
Она его. Мы вѣтку прививаемъ
На грубую кору, мой другъ, и дикий
Стволъ зачинаетъ отъ породы высшей,
Самъ лучше дѣлаясь. Итакъ, искусство
Природу улучшаетъ, иль, вѣрнѣе,
Немного измѣняетъ, оставаясь,
По прежнему, все тою же природой.

Пердита.

Да, это такъ...

Поликсенъ.

Выращивай въ саду
Цвѣты махровые и не зови
Ихъ незаконными.

Пердита.

Ни одного
Не посажу цвѣтка такого! Такъ же
Ростить ихъ стыдно, какъ свое лицо
Подкрашивать, чтобы прельщать мужчинъ.
Вотъ вамъ цвѣты—пахучая лаванда,
Вотъ мята, майоранъ, чеберъ, а вотъ
Подсолнечникъ, что спать ложится съ солн-
цемъ
И съ нимъ въ слезахъ встаетъ. Срединъ лѣта
Цвѣты—они идутъ для среднихъ лѣтъ.
Прошу за столъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ ПОМОГАЕТЪ АВТОЛИКУ ВСТАТЬ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Камилло.

Живи въ твоемъ я стадѣ,
Травы не ѣлъ, все на тебя смотрѣлъ бы.

Пердита.

Вы отощали бы и въ январѣ
Замерзли отъ морозовъ. Ахъ, какъ жалъ,
Прекрасный другъ мой, что весеннихъ нѣтъ
Теперь цвѣтовъ, которые тебѣ
По возрасту—и вамъ, мои подруги,
Своей бы дѣвственностью подходили.
О, Прозерпина, гдѣ твои цвѣты,
Въ испугѣ оброненные тобою
Съ волшебной колесницы? Гдѣ нарциссъ,
Предвѣстникъ ласточекъ, любимецъ даже
Вѣтровъ холодныхъ марта? Гдѣ фіалки,
Глубокія и нѣжныя, какъ взоры
Юноны, какъ дыханіе Венеры?
Гдѣ скороспѣлки блѣдныя, что гибнуть
Въ безбрачїи, какъ дѣвы, не успѣвъ
Дождаться поцѣлуевъ солнца? Гдѣ
И царскіе вѣнцы, и львиный зѣвъ,
И лиліи, и ирисъ,—чтобъ тебя,
Мой нѣжный другъ, осыпать?

Флоризель.

Какъ дѣла
Покойниковъ?

Пердита.

Какъ брачную постель!
Да, забросать всего тебя цвѣтами,
Но не для склепа—для моихъ объятій

Берите-же цвѣты. Въ нарядѣ этомъ
Я не похожа на себя: точь въ точь
Въ день Троицы актриса пасторали.

Флоризель.

Все, что ты дѣлаешь, все съ каждымъ мигомъ
Становится милѣе. Говоришь ли,
Хотѣлось бы все слушать. Пѣть начнешь—
Хотѣлось бы, чтобъ вѣчно пѣла ты.
Чтобъ продавала, покупала, бѣднымъ
Давала милостыню, хлопотала
По дому—и все съ пѣсней. Танцовать
Начнешь—хотѣлось бы, чтобъ танецъ длился
Какъ безконечный бѣгъ морской волны.
Въ тебѣ все обязательно, все чудно,
Все царственно прекрасно!

Пердита.

Черезчуръ
Вы хвалите меня, Дорикль мой милый.
Не будь вы такъ со мной чистосердечны,
Не будь такъ непороченъ вашъ румянецъ,—
Подумала бы я—вы не пастухъ,
И не чисты намѣренія ваши.

Флоризель.

Нѣтъ у тебя причинъ меня бояться,
Нѣтъ у меня причинъ тебя обидѣть.
Пора за танцы. Ручку дай. Мы—пара
Глубокъ неразлучныхъ.

Пердита.

Глубки-то
Бываютъ неразлучны!

Поликсенъ.

Средь пастушихъ
й, такой не видано красы.
Она проста, мила, но чѣмъ-то вышшимъ
И благороднымъ вѣетъ отъ нея.

Камилло.

Онъ шепчетъ что-то ей, она краснѣетъ.
Вотъ королева творога и сливокъ!

Поселянинъ.

Ну, запѣвай!

Доркасъ.

Ты съ Мопсой, прощальга?
Женись на ней, авось поправишь дѣло.

Мопса.

Сойдетъ и такъ.

Поселянинъ.

Молчать! У насъ здѣсь все
На тонкомъ обращенъ. Гопъ, впередъ!
(Музыка. Пары танцуютъ).

Поликсенъ.

Скажи, старикъ, кто этотъ пастушокъ,
Что съ дочкою твоей теперь танцуетъ?

Пастухъ.

Его зовутъ Дорикль: онъ говоритъ,
Что онъ богатъ, и я охотно вѣрю,
Хоть знаю это только отъ него.
На видъ онъ честный малый. Увѣряетъ,
Что любить дочь,—и этому я вѣрю:
Такъ часто мѣсяцъ не глядитъ въ волну,
Какъ онъ въ глазахъ ея любовь читаетъ.
Ихъ страсть равна,—никто не перетянетъ
На половину даже поцѣлуй.

Поликсенъ.

Она премило пляшетъ.

Пастухъ.

Какъ и все,
Что дѣлаетъ. Не слѣдъ бы такъ хвалить
Ее. Но если женится Дорикль—
Получить то, чего ему не снилось.

Входитъ работникъ.

Работникъ. Ну, хозяинъ, кабы ты по-
слушалъ разнощика, тамъ у воротъ, ни-
когда бы больше не плясалъ подъ бубны и
дудку, даже на волынку не посмотрѣлъ бы.
Поетъ онъ такъ скоро, какъ вы монеты
считаете. Онъ точно обожрался старыми
пѣснями. Тамъ всѣ уши и развѣсили.

Поселянинъ. Вотъ и разчудесно, пусть
судяидетъ. Очень я люблю старыя пѣсни, осо-
бенно когда весело поютъ что нибудь
грустное, а что нибудь веселое—со сле-
зами.

Работникъ. У него есть пѣсни и для
мужчинъ и для женщинъ разной длины:
такъ ни одинъ торговецъ не угодитъ пер-
чатками по мѣркѣ. Для молодыхъ дѣвицъ
у него есть любовныя пѣсенки безо всякихъ
пакостей, а, знаете, какая это рѣдкость;
припѣвы самые деликатные: „хватай ее,
валяй ее!“ Вѣдь иной безстыдникъ тутъ
всякихъ гадостей радъ ждать; а у него дѣ-
вица отвѣчаетъ: „шш... не дѣлай мнѣ
больно, добрый человѣкъ“. Такъ таки этимъ
самымъ и отдѣливается. „Шш... не дѣлай
мнѣ больно, добрый человѣкъ“.

Поликсенъ. Должно быть малый не
промахъ.

Поселянинъ. Да, ужъ это видно, на что
лучше! Ну а товары-то есть у него какіе
нибудъ?

Работникъ. Ленты всѣхъ цвѣтовъ
радуги. Плетенья такія, что такъ заплести

АВТОЛИКЪ РАСХВАЛИВАЕТЪ СВОИ ТОВАРЫ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

не съумѣетъ ни одинъ нашъ судейскій выжига, какъ-бы онъ ни зналъ законы, хотя бы оптомъ всѣ ихъ приобрѣлъ. Потомъ есть у него тесемки, полотна, холсты, батисты, но онъ ихъ такъ воспѣваетъ, точно это боги или богини. Просто подумаете, что онъ хвалитъ не женскую рубашку съ рукавчиками и прошивками, а небесное создание.

Поселянинъ. Зови его сюда, пусть споетъ здѣсь.

Пердита. Только скажи ему, чтобъ онъ никакихъ гадостей не пѣлъ.

(Работникъ уходитъ).

Поселянинъ. Эти разношники, сестрица, люди гораздо болѣе почтенные, чѣмъ ты думаешь.

Пердита. Или чѣмъ ихъ могу представить, братецъ?

Входитъ Автоликъ

Автоликъ (поетъ).

Полотно какъ снѣгъ бѣло,

Крепъ—что ворона крыло!
Перчатки, что розы въ Дамаскѣ!
Для лицъ, для носа маски!
Бусъ, ожерельевъ продамъ,
Духовъ самыхъ лучшихъ для дамъ!
Шапочекъ, корсетовъ купите,
Подарки дѣвкамъ подносите,
Щипцовъ, булавокъ головныхъ,—
Все, что нужно для дѣвицъ молодыхъ,
Покупайте, господа, покупайте!
Дѣвицы, парней къ товарамъ толкайте!
Покупайте!

Поселянинъ. Не будь я влюбленъ въ Мопсу, не видать бы тебѣ отъ меня ни гроша. Но такъ какъ я ея рабъ, то долженъ заплатить подать лентами и перчатками.

Мопса. Ты мнѣ ихъ обѣщаль къ празднику. Впрочемъ, еще не поздно.

Дорка. Мало-ли что онъ тебѣ обѣщаль... Мы это хорошо знаемъ.

Мопса. А ужъ тебѣ онъ предоставилъ все обѣщанное, можетъ быть даже больше, чѣмъ обѣщаль. Какъ отдавать будешь излишекъ—не покраснѣй.

Поселянинъ. Вы для дѣвицъ ведете себя неприлично. Скоро будете носить юбки на головѣ. Нѣтъ вамъ мѣста для вашихъ секретовъ въ коровникахъ, въ спальняхъ и въ кухняхъ? Непремѣнно нужно болтать передъ нашими гостями. Хорошо, что они заняты своими разговорами. Прикусите языки.

Мопса. Я кончила. Ты еще обѣщаль мнѣ бусы и пару душистыхъ перчатокъ.

Поселянинъ. Развѣ я тебѣ не рассказываль, какъ меня ограбили на дорогѣ? Всѣ деньги отняли.

Автоликъ. Это точно, сударь, — на здѣшнихъ дорогахъ очень много мошенниковъ. Ухъ, какъ надо быть осторожнымъ!

Поселянинъ. Ну, парень, ты здѣсь ничего не потеряешь, будь покоенъ.

Автоликъ. Да, ужъ только на это и рассчитываю: дорогого товару у меня много.

Поселянинъ. Это что у тебя, баллады?

Мопса. Ахъ, купи мнѣ пожалуйста нѣсколько штукъ,—я ихъ страсть люблю. Вѣдь въ печатныхъ книжкахъ всегда правда.

Автоликъ. Вотъ пожалуйста, очень хорошая, въ самомъ грустномъ тонѣ: о томъ, какъ жена одного ростовщика родила вмѣсто ребенка двадцать мѣшковъ съ золотомъ и какъ ей хотѣлось скушать головку ехидны и поджаренныхъ на уголькахъ жабъ.

Мопса. Да неужто это правда?

Автоликъ. Ну еще-бы! Это всего мѣсяцъ назадъ случилось.

Дорка. Вотъ низачто не пошла бы за ростовщика.

Автоликъ. Тутъ есть и имя бабки, что принимала,—г-жа Вздорная, и пяти-шести свидѣтельница, всѣ женщины самыя порядочныя. Зачѣмъ я буду продавать вздорныя сказки!

Мопса. Такъ купи мнѣ ее пожалуйста.

Поселянинъ. Ладно, отложи. Какія еще есть пѣсни? Другіе товары потомъ разберемъ.

Автоликъ. Вотъ еще баллада о рыбѣ; появилась она у берега восьмидесятаго апрѣля въ среду. Поднялась на сорокъ тысячъ сажень надъ водою и сочинила эту балладу противъ жестокихъ дѣвицъ. Надо думать, что это была женщина, обращенная въ холодную рыбу за то, что пожалѣла своего тѣла для того, кто былъ въ нее влюбленъ. Исторія очень жалостная и правдивая.

Дорка. Ты думаешь, правдивая?

Автоликъ. Ее удостовѣряютъ пять судебныхъ надписей, а остальныхъ свидѣтельствъ и въ коробъ мой не запрячешь.

Поселянинъ. Отложи и эту. Дальше что?

Автоликъ. Вотъ веселенькая пѣсня, самая превосходная.

Мопса. Ахъ, купи мнѣ веселую!

Автоликъ. Веселѣе не найти. Она поется на голосъ „Двѣ дѣвы одного любили“. Во всемъ округѣ нѣтъ дѣвицы, что-бъ не пѣла ее. На расхватъ берутъ, честное слово.

Мопса. Мы съ Доркой можемъ ее пропѣть, если и ты къ намъ пристанешь: вѣдь она на три голоса.

Дорка. Она ужъ мѣсяцъ назадъ была у насъ.

Автоликъ. Ладно. Еще-бъ мнѣ не пѣть: вѣдь это мое ремесло. Валяйте.

(Поютъ).

Автоликъ.

Вонъ пошла! Простылъ мой слѣдъ!

А куда—вамъ дѣла нѣтъ.

Дорка.

Куда?

Мопса.

Куда?

Дорка.

Куда?

Мопса.

А клятвы гдѣ? Вѣдь ты давалъ обѣты
Всегда мнѣ открывать свои секреты.

АВТОЛИКЪ РАСХВАЛИВАЕТЪ СВОИ ТОВАРЫ.

Картина известнаго англійскаго художника Лесли (C. R. Leslie, R. A., 1794 - 1859).

Дорка.

И мнѣ! О, я съ тобой иду туда!

Мопса.

Въ амбаръ, или на мельницу идешь?

Дорка.

Куда бы ты ни шель, ты пропадешь.

Автоликъ.

Ни, ни, ни!

Дорка.

Что, „ни, ни, ни“?

Автоликъ.

Ни, ни, ни!

Дорка.

А гдѣ-же, гдѣ твои обѣты?

Мопса.

И въ томъ-же самомъ клялся мнѣ ты...

Куда, куда? Ты клятвы вспомяни!

Поселянинъ. Ну, довольно пѣть; отецъ съ этими господами говоритъ о какихъ-то важныхъ дѣлахъ, не будемъ мѣшать имъ, пойдемъ со мной. Неси свой коробъ, вамъ я обѣимъ все накуплю. Слушай, разнощикъ, я у тебя первый покупатель. Пойдемте, дѣвочки.

Автоликъ. Ну, ужъ теперь слуплю я съ него.

Поселянинъ, Дорка, Мопса уходятъ. Автоликъ поетъ:

Пожалуйте шнурочковъ,
Всякихъ галуночковъ.
Ахъ, маленькій голубчикъ мой!
Шолку, нитокъ цвѣтныхъ.
И уборовъ вышивныхъ.
Ахъ, и модные фасоны!
Пожалуйте купите,

На деньги не смотрите.
Ахъ, только бы продаты!
(Уходитъ).

Входитъ РАВОТНИКЪ.

РАВОТНИКЪ. Хозяинъ, тамъ пришли три козлопаса, три волопаса, три овцепаса, три свинопаса, вырядились они людьми, у которыхъ шерсть растетъ; говорятъ, что ихъ зовутъ задирами, у нихъ есть танецъ, который наши дѣвки называютъ крошевомъ изъ прыжковъ, потому что сами въ этомъ танцѣ не участвуютъ. Но свинопасы думаютъ, что этотъ танецъ понравится, если не покажется грубымъ для тѣхъ, кто привыкъ только вертѣться въ вальсѣ.

ПАСТУХЪ. Пусть убираются—не надо! Здѣсь и безъ того слишкомъ много всякихъ деревенскихъ дурачествъ. Я думаю, господа, мы оскорбили этой грубостью вашу вѣсь.

ПОЛИКСЕНЪ. Но зачѣмъ-же оскорблять тѣхъ, кто насъ хочетъ потѣшить? Пожалуйста, дайте намъ взглянуть на эти четыре тройки.

РАВОТНИКЪ. Одна изъ этихъ троекъ, какъ сама рассказываетъ, плясала передъ самимъ королемъ и самый плохой задиръ изъ этой тройки подпрыгиваетъ по меньшей мѣрѣ на двадцать съ половиной футовъ.

ПАСТУХЪ. Да, полно врать-то! Ужъ коли этимъ почтеннымъ господамъ угодно,— пусть идутъ, да поживѣе.

РАВОТНИКЪ. Да они тутъ за воротами. *(Работникъ уходитъ и возвращается съ двенадцатью пастухами, переодѣтыми сатирами. Они танцуютъ и уходятъ).*

ПОЛИКСЕНЪ *(пастуху)*.
Старикъ! намъ только смерть дарить прозрѣнье!

(Камилло).

Ужъ не далеко-ли зашло у нихъ? Пора ихъ разлучить. Старикъ болтливъ и простоватъ. *(Флоризелью)*. Ну, что пастухъ, настолько ты увлеченъ, что праздникъ позабылъ? Когда-бъ влюбленъ и молодъ былъ я, столько Даровъ бы милой накопилъ, что всѣ Шелка бы выбралъ изъ тюка торговца, А ты ему уйти отсюда далъ И не взялъ ничего. Твоя красота Замѣтить можетъ, что ты скупъ и мало Къ ней чувствуешь любви; тебѣ труденько Предъ нею будетъ оправдаться, если Ты дорожишь ея любовью.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Право, Почтеннѣйшій, она не цѣнитъ эти Бездѣлки. Всѣ дары мои въ моемъ Сокрыты сердцѣ,—это сердце ей Принадлежитъ, хотя еще пока Не отдано совсѣмъ. Вотъ передъ этимъ Почтеннымъ старцемъ, нѣкогда любившимъ, Беру я, жизнь моя, тебя за ручку, Столь нѣжную, какъ голубинный пукъ, И бѣлую, какъ негра зубъ, или снѣгъ Отъ сѣвера вѣтрами принесенный...

ПОЛИКСЕНЪ.

Что-жъ дальше? ты усердно гладишь руку И безъ того ужъ гладкую. Посмотримъ,— Я перебилъ тебя,—что скажешь ты?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

О, будь свидѣтель...

ПОЛИКСЕНЪ.

И сосѣдъ мой тоже?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Всѣ! Вся земля и небо! Если-бъ я Носилъ вѣнецъ великаго монарха, Когда бы я былъ всѣхъ умнѣй, красивѣй, Сильнѣе всѣхъ и всѣхъ ученѣй въ мірѣ,— Все для меня цѣны бы не имѣло Безъ обладанья ею. Это все Лишь ей одной я посвятить хотѣлъ бы. Иначе мнѣ не нужно ничего!

ПОЛИКСЕНЪ.

Ты очень щедръ.

КАМИЛЛО.

Онъ страстно любитъ.

ПАСТУХЪ.

Дочка,

Что ты отвѣтишь?

ПЕРДИТА.

Не умѣю я

Сказать, какъ онъ, и лучшаго придумать Я не могу, но по себѣ самой Я чувствую, какъ любить онъ.

ПАСТУХЪ.

Ну, ладно,

Такъ по рукамъ. Вотъ новые друзья— Свидѣтели. Приданое я дамъ Достойное...

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Достоинства одни

Ея приданое. Богатъ чрезмѣрно, На изумленье вамъ, я буду послѣ Кончины одного лица. Теперь Благослови. Свидѣтели они...

Пастухъ.
Дай руку. Дочка, дай твою...

Поликсенъ.
Постой,
Старикъ. Есть у тебя отецъ?

Флоризель.
Да, есть,—
Что за вопросъ?

Поликсенъ.
Объ этомъ знаетъ онъ?

Флоризель.
Не знаетъ и не долженъ знать.

Поликсенъ.
Отецъ,
На каждой свадьбѣ—это гость желанный
На первомъ мѣстѣ за столомъ. Скажи мнѣ,
Быть можетъ, онъ ужъ выжилъ изъ ума
И память потерялъ, и одряхлѣлъ,
Ни говорить, ни видѣть и ни слышать
Не можетъ, позабылъ, кто онъ такой,
Лежитъ въ постели, недугомъ разбитый,
И въ дѣтство впалъ?

Флоризель.
Нѣтъ, онъ, почтенный другъ мой,
Здоровъ и крѣпокъ, какъ найдешь немногихъ
Людей въ его года.

Поликсенъ.
Клянусь сѣдою
Моею бородой,—плохой ты сынъ!
Ты оскорбилъ отца. Сынъ выбрать можетъ
Себѣ жену по разуму; но разумъ
Ему предпишетъ все сказать отцу.
Вѣдь для отца вся радость только въ че-
стномъ
Потомствѣ.

Флоризель.
Я вполнѣ согласенъ съ вами,
Но по другимъ причинамъ, о которыхъ
Позвольте умолчать,—я не скажу
Ни слова моему отцу.

Поликсенъ.
Скажи!

Флоризель.
Нѣтъ.

Поликсенъ.
Лучше, если скажешь.

Флоризель.
Нѣтъ, нѣтъ!

ПЕРДИТА И ФЛОРИЗЕЛЬ.

*Картина известнаго англійскаго художника
Вильяма Гамильтона (W. Hamilton, R. A.,
1751—1801).*

Поликсенъ.
Дай знать ему, мой сынъ, онъ огорчится,
Когда узнаетъ самъ.

Флоризель.
Нѣтъ, невозможно!
Скрѣпите договоръ нашъ.

Поликсенъ.
Вашъ разрывъ!
(*Являясь въ своемъ видѣ*).

Мальчишка, ты не сынъ мнѣ больше! слиш-
комъ
Ты низко палъ, тебѣ не нуженъ скипетръ,
Пастушій посохъ любишь ты! Ну, старый
Предатель! Жаль, тебя не стоитъ вѣшать,
И такъ черезъ недѣлю околѣешь!
А ты, кусокъ здоровый мяса, знала,
Колдунья, что онъ царскій сынъ?

Пердита.
О, сердце
Мое!

Поликсенъ.

Твою красу я ободрать
Велю терновникомъ, чтобъ стала вровень
Съ твоимъ рожденьемъ. Ну, а ты, повѣса,
Посмѣй о ней печалиться въ разлукѣ,—
Вы больше не увидите,—наслѣдья
Тебя лишу и отъ родства съ тобой
Я отрекусь: Девкалионъ не ближе
Роднымъ мнѣ будетъ. Помни это. Слѣдуй
За нами во дворецъ. А ты, холопъ,
Хоть наказанье заслужилъ—тебѣ
Даруемъ жизнь. Ты, чародѣйка, дивной
Красой не пастуху, а принцу въ жены
Годилась бы, не будь низка породой,—
Осмѣлся только дверь лачуги вашей
Открыть ему, или его обнять,—
Грожу тебѣ я казнью, тѣмъ жесточѣй,
Чѣмъ ты сама нѣжнѣй.

(Уходитъ).

Пердита.

Безъ казни я
Погибла. Онъ не испугалъ меня,
И нѣсколько я разъ сказать хотѣла:
Вѣдь то же солнце свѣтитъ надъ дворцомъ,
Что и надъ хижинкой. Предупреждала
Я, принцъ, чѣмъ это кончится. Заботьтесь
Теперь лишь о себѣ. Мой сладкій сонъ!
Проснулась я, забуду васъ и стану
По прежнему пасти мои стада
И горько плакать.

Камилло.

Говори, отецъ,
Пока еще ты живъ,—что скажешь?

Пастухъ.

Нѣтъ
Ни словъ, ни мыслей въ головѣ. О, принцъ,
Вы старика восьмидесяти трехъ
Годовъ сгубили. Думалъ я спокойно
Покончить жизнь, гдѣ умеръ мой отецъ,
И лечь въ могилу рядомъ съ нимъ, теперь-же
Палачъ надѣнетъ саванъ на меня
И безъ молитвы въ землю отойду я.
Проклятая, ты знала, что онъ принцъ,
И обмѣнялась клятвой съ нимъ? Погибъ!
Погибъ! О, если-бъ смерть моя пришла
Теперь—я счастливъ былъ бы!

(Уходитъ).

Флоризель.

Что ты смотришь
Такъ на меня? Я грустенъ, но робѣть
Не думаю. Лишь временно рѣшенъ
Мое отложено. Я тотъ-же, но сильнѣй,
Чѣмъ прежде, и совѣтовъ мнѣ не надо.

Камилло.

Извѣстенъ вамъ нравъ вашего отца:
Онъ не потерпитъ возраженій; впрочемъ,
Я думаю, вы сами не пойдете
Къ нему,—теперь онъ видѣть васъ не мо-
жетъ.

Пока его не укротился гнѣвъ,
Вамъ лучше не видать его.

Флоризель.

Да я

И не собираюсь. Вы, Камилло?

Камилло.

Я

Пердита.

Какъ часто говорила я, что такъ
Должно окончиться. Мое величье
Цвѣло, пока о немъ никто не зналъ.

Флоризель.

Не бойся ничего—тебѣ я вѣренъ,
А измѣню,—перевернется мѣръ,
Изсякнетъ жизнь; смотри, я отрекаюсь
Отъ трона, и одно мое наслѣдье—
Ея любовь!

Камилло.

Послушайтесь меня...

Флоризель.

Я слушаюсь моей любви совѣтовъ,
Коль мой разсудокъ согласится съ ними,—
Прекрасно. Нѣтъ,—безумцемъ, полнымъ
счастья,

Я буду жить.

Камилло.

Отчаянья рѣшимость!

Флоризель.

Какъ хочешь это называй, обѣтъ
Сдержать я долженъ: это дѣло чести.
Ни за престолъ Богемскій, полный славы,
Ни за какія царства на землѣ
И подъ землей, и подъ водою, я
Своей, Камилло, не нарушу клятвы.
Прошу тебя,—ты другъ отца ближайшій,—
Когда меня онъ потеряетъ,—я,
Клянусь, его ужъ не увижу больше,—
Старайся гнѣвъ его смягчить. Иду
За счастье биться у судьбы. Скажи
Ему, что такъ какъ здѣсь, на сушѣ, жить
Намъ не даютъ,—мы за море плывемъ,
По счастью, тутъ на якорѣ корабль
Стоитъ неподалеку, назначалъ
Его къ иной я цѣли. Онъ готовъ.
Для плаванья. Куда отправлюсь я.—

Не все-ль равно, — совсѣмъ не
надо знать
Вамъ этого.

Камилло.

О, принцъ, желалъ бы я
Чтобъ вы совѣтовъ слушались,
и были
Къ себѣ построже...

Флоризель.

Пердита, — два слова!
(Камилло). Съ тобой поговорю
потомъ.

(Отходитъ съ Пердитой въ глу-
бину).

Камилло.

Рѣшилъ
Безповоротно онъ бѣжать.
Когда бы
Его побѣгъ соединить я могъ
Съ своимъ желаньемъ: и его
спаси,
Сердечно послуживъ ему, и снова
Сицилію увидѣть и монарха
Печальнаго, — къ нему я рвусь
душой.

Флоризель.

Прости, Камилло, столько дѣлъ,
что я
Невѣжливъ предъ тобой.

Камилло.

Вамъ, принцъ, извѣстна
Моя любовь и малыя услуги,
Что оказалъ я вашему отцу...

Флоризель.

Великія услуги! Съ наслажденьемъ
О нихъ онъ вспоминаетъ и не знаетъ,
Чѣмъ можетъ наградить тебя за нихъ.

Камилло.

Прекрасно, принцъ! Итакъ, извѣстно вамъ,
Что короля люблю я, и люблю
Все близкое ему, и васъ, конечно.
Позвольте вамъ совѣтъ дать, если вы
Согласны планъ вашъ измѣнить отчасти.
Я укажу вамъ мѣсто, гдѣ найдете
Пріемъ, достойный принца, гдѣ свободно
Вы можете связать себя съ любимой
Особою. Я вижу, разлучить
(Не дай Господь!) васъ можетъ смерть одна.
Вы женитесь, а я здѣсь постараюсь
Гнѣвъ короля утишить сколь возможно
И вызвать къ примиренію.

ФЛОРИЗЕЛЬ И ПЕРДИТА.

Картина знаменатаго нѣмецкаго живописца Габріэля Макса
(Gabriel Max, род. 1840).

Флоризель.

Камилло!

Возможно-ль это чудо! Если такъ —
Ты болѣе, чѣмъ честный человѣкъ.
Я предаюсь тебѣ!

Камилло.

Куда вы путь

Себѣ намѣтили?

Флоризель.

Я — никуда!

Мы сразу порѣшили ѣхать. Это
Безумство, безъ сомнѣнья, — мы и будемъ
Рабами случая, и понесемъ
Куда подуетъ вѣтеръ.

Камилло.

Если такъ,

Послушайте. Когда рѣшили твердо

Вы свой побѣгъ, то направляйте путь
Въ Сицилію и тамъ съ своей принцессой
(Я вижу къ этому идетъ) явитесь
Къ Леонту прямо. Пусть она надѣнетъ
Одежду васъ достойную. Я вижу
Отсюда, какъ Леонтъ въ своихъ объятыхъ
Осиротѣлыхъ, со слезами васъ
Сожметъ и за отца у сына будетъ
Просить прощенья, руки цѣловать
У новобрачной. Гнѣвъ съ любовью снова
Борьбу затѣютъ въ немъ. Онъ гнѣвъ по-
давить,
Любовь-же быстро расцвѣтетъ.

Флоризель.

Камилло,
Но подъ какимъ предлогомъ я явлюсь
Къ нему?

Камилло.

Скажите, что отецъ прислалъ васъ,
Чтобъ передать привѣтъ и утѣшеніе.
Я напишу подробно вамъ, какъ вы
Должны держаться съ нимъ, что говорить
Отъ имени отца: есть кое-что
Извѣстное лишь намъ троицѣ. Должны
Знать все вы, до подробностей мельчайшихъ,
Чтобъ онъ въ лицѣ васъ видѣлъ Поликсена
И зналъ, что вамъ его извѣстна тайна.

Флоризель.

Благодарю, Камилло, это очень
Хитро придумано.

Камилло.

Притомъ надежнѣй,
Чѣмъ плаванье у дикихъ береговъ,
Средь водъ невѣдомыхъ, среди несчастій,
Гдѣ нѣтъ друзей, гдѣ вся надежда только
На якоря, которые сослужатъ
Вамъ службу, задержавъ васъ въ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ вы совсѣмъ и жить-то не хотите.
Вы знаете, спокойствіе—вѣрнѣйшій
Залогъ любви, а скорби разбиваютъ
Красу и чувства.

Пердита.

Не совсѣмъ: красу,
Пожалуй,—не отъ горя наши чувства
Не могутъ измѣниться.

Камилло.

О, вы вотъ какъ
Объ этомъ судите. Такихъ, какъ вы,
Въ семь лѣтъ одна родится.

Флоризель.

Да, Камилло,
Она настолько высока душою,

Насколько по рожденію низка.
Хоть не воспитана она,—но многимъ
Воспитаннымъ могла-бъ служить примѣромъ.

Пердита.

Вы заставляете краснѣть меня.

Флоризель.

О, радость
Моя, какъ путь тернистъ нашъ! Ты, Камилло,
Отца спаситель, нынче мой,—цѣлитель,
Другъ дома нашего,—скажи, какъ быть мнѣ:
Средствъ нѣту у меня, чтобы явиться
Въ Сицилію богемскимъ принцемъ.

Камилло.

О!

Не опасайтесь, я богатъ. Богатства
Мои остались тамъ. Я позабочусь
Васъ снарядить по царски, точно вы
Отцомъ отправлены туда. Да вотъ
Я вамъ примѣръ скажу. Пройдемъ сюда.

Отходятъ въ глубину. Входитъ Автоликъ.

Автоликъ. Ха, ха! До чего глупа чест-
ность и ея сводная сестрица—довѣрчивость.
Я распродалъ всю свою дрянь! Въ моемъ
коробѣ ни одного фальшиваго камня, ни
ленточекъ, ни зеркалъ, ни духовъ, ни бро-
шекъ, ни записныхъ книжекъ, ни пѣсен-
никовъ, ни ножичковъ, ни перчатокъ, ни
завязокъ для башмаковъ, ни браслетъ, ни
роговыхъ колечекъ,—ничего нѣтъ. Лѣзли
ко мнѣ наперебой, точно я продавалъ аму-
леты, что приносятъ благословеніе поку-
пателю. Я хорошо видѣлъ, чьи кошельки
были толще и твердо ихъ помню. Моему про-
стофилъ-поселянину недостаетъ кой чего,
чтобъ быть умнымъ человѣкомъ,—ему такъ
понравились пѣсни его дѣвокъ, что онъ не
могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не ску-
пилъ у меня всѣхъ пѣсень съ музыкой. Это
такъ повліяло на прочее стадо, какъ будто кро-
мѣ ушей у нихъ не было остальныхъ органовъ;
всѣ столпились вокругъ. Я могъ ущипнуть
любую юбку—она бы не почувствовала.
Можно было отрѣзать кошельки, ключи отъ
цѣпочекъ,—ничего не слышали, не чув-
ствовали, кромѣ дурацкихъ пѣсень, и до
того наслаждались этой чепухой, что я
могъ украсть и отрѣзать большинство ихъ
кошельковъ, набитыхъ для праздника,
словно они были въ обморокѣ. И не приди
старый пастухъ и не спугни онъ этихъ
галохъ съ мякны своимъ вытѣмъ о до-
чери и принцѣ, я бы не оставилъ ни одного
кошеля во всей компаніи.

(*Камилло, Флоризель и Пердита выступают вперед*).

Камилло.

Моимъ письмомъ все это разъяснится,
Оно прибудетъ вмѣстѣ съ вами, принцъ.

Флоризель.

А то, что намъ Леонтъ напишетъ?

Камилло.

Этимъ

Доволенъ будетъ вашъ отецъ.

Пердита.

Прекрасно,

Когда бы такъ случилось все.

Камилло.

Кто тамъ?

(*Автоликъ подходитъ*).

Вотъ намъ помощникъ. Вѣдь пренебрегать
Ничѣмъ не надо, все годится можетъ.

Автоликъ (*про себя*). Если они меня
подслушали,—конечно, быть мнѣ на ви-
сѣлицѣ.

Камилло. Чего тебя трясетъ молодецъ?
Не бойся, никто тебѣ зла не сдѣлаетъ.

Автоликъ. Я, сударь, человѣкъ бѣдный.

Камилло. Оставайся имъ всегда. Но
намъ нужно взять у тебя на поддержаніе
твою нищенскую внѣшность, а потому раз-
дѣвайся сейчасъ,—это намъ очень нужно,—
и обмѣняйся платьемъ съ этимъ господи-
номъ; хотя его костюмъ и не плохъ, ты
возьмешь его себѣ вотъ съ этой прибавкой.

Автоликъ. Я, сударь, человѣкъ бѣд-
ный. (*Про себя*). Я чудесно вижу, кто вы
такіе.

Камилло. Ну торопись, торопись! Ви-
дишь господинъ ужъ раздѣвается.

Автоликъ. Ахъ, такъ вы не шутите?
(*Про себя*). Эге, да тутъ плутни!

Флоризель. Поскорѣй, пожалуйста.

Автоликъ. Видите, оно конечно я
получилъ придачу, а только по совѣсти
мнѣ неудобно...

Камилло.

Отстегивай, отстегивай крючекъ.

(*Флоризель и Автоликъ мнѣются платьемъ*).

Счастливица, пусть надъ тобой мое
Исполнится пророчество. Подите
Куда нибудь, возлюбленного шляпу
Надвиньте на глаза, совсѣмъ закройте
Лицо, переодѣньте ваше платье,
Наружный видъ вашъ измѣните,—пусть
Никто васъ не узнаетъ, чтобы въ гавань
Пробратся незамѣченной.

Пердита.

Я вижу,

Что мнѣ играть придется роль серьезно.

Камилло.

Другого средства нѣтъ. Готовы вы?

Флоризель.

Меня отецъ бы не узналъ теперь.

Камилло.

Переимѣните шляпу. (*Пердита*). Уходите.
Прощай.

Автоликъ.

Прощайте, сударь.

Флоризель (*Пердита*).

На два слова.

Что мы забыли, Пердита... *).

Камилло (*про себя*).

Искусно надо рассказать объ ихъ
Побѣгѣ,—главное: куда бѣжали.
Настрою короля, а вмѣстѣ съ нимъ
Я вновь мою Сицилію увижу.
Какъ женщина беременная, я
Хочу ее.

Флоризель.

Судьба поможетъ намъ!

Итакъ Камилло, въ гавань мы идемъ
И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

(*Флоризель, Пердита и Камилло уходятъ*).

Автоликъ. Вотъ оно въ чемъ дѣло,
понимаю! Имѣть хорошій слухъ, быстрый
глазъ и ловкіе пальцы необходимо для каж-
даго карманника. Добрый нюхъ тоже не-
обходимая вещь, чтобы почуять работу для
другихъ чувствъ. Я вижу, въ наше время
мошенникъ можетъ хорошо пожить. Что
за обмѣнъ безъ пользы, что за польза безъ
обмѣна? Нынче небо къ намъ милостиво и
мы можемъ иногда продѣлывать не ожи-
данные обороты. Самъ принцъ мошенни-
чаетъ: удираетъ отъ отца съ поличнымъ.
Если-бы я не думалъ, что сообщить объ
этомъ королю—дѣло порядочнаго человѣка,
я бы это сейчасъ сдѣлалъ; но гораздо без-
честнѣе утаить это, а потому я долженъ
остаться вѣренъ своему ремеслу. (*Входятъ
наступъ и поселенникъ*). Отойдемъ къ сторонкѣ.
Моему пылкому уму предстоитъ работа.
Настоящему дѣльцу всюду есть работа: на
каждомъ перекресткѣ, въ лавчонкѣ, въ
церкви, на судѣ, даже возлѣ висѣлицы.

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Поселянинъ. Что ты за человекъ, въ самомъ дѣлѣ? Я тебѣ говорю, нѣтъ другого выхода какъ сказать королю, что она подкидышъ, а не твоя плоть и кровь.

Пастухъ. Да слушай, что я тебѣ скажу...

Поселянинъ. Слушай, что я тебѣ скажу...

Пастухъ. Ну, скорѣе...

Поселянинъ. Если она не твоя плоть и кровь, значить твоя плоть и кровь не нанесла королю обиды; значить твоя плоть и кровь не должна подвергнуться наказанію; покажи вещи, что тогда нашлись при ней, все что было до сихъ поръ скрыто, но что ей принадлежало. Сдѣлай такъ и пусть попробуютъ тебя судить по закону. Ну-ка!

Пастухъ. Я все открою королю, слово за словомъ; да кстати и продѣлки его сына. Онъ поступилъ безчестно и съ отцомъ и со мной: въ королевскіе зятя хотѣлъ меня пожаловать.

Поселянинъ. Именно въ зятя, никакъ не меньше. Каждая унція нашей крови, еслибы ты сдѣлался его зятемъ, несомнѣнно вздорожала бы, я отлично знаю, насколько.

Автоликъ (*про себя*). И умны-же, собачьи дѣти!

Пастухъ. Пойдемъ къ королю; когда посмотритъ онъ въ этотъ узелъ, такъ почесеть себѣ бороду.

Автоликъ (*про себя*). Не помѣшалъ бы этотъ доносъ побѣгу моего барина!

Поселянинъ. Только бы застать его во дворцѣ.

Автоликъ (*про себя*). Хотя я по природѣ не добродѣтеленъ, но иногда при случаѣ бываю и такимъ! Теперь надо только припрятать въ карманъ слѣды отъ разнощика. (*Снимаетъ фальшивую бороду*). Эй, вы, деревенщина, кудаковыляете?

Пастухъ. Во дворецъ, ваша честь.

Автоликъ. У васъ дѣла тамъ? Какія, съ кѣмъ? Содержимое этого узла? ваше мѣстожителство? ваше имя? ваши года? какое состояніе? Сейчасъ-же объявите, ибо все это должно быть извѣстно.

Поселянинъ. Мы, сударь, люди простые.

Автоликъ. Обманъ! Вы грубы, вы косматы, не смѣть обманывать. Обманываютъ только купцы. Они часто надуваютъ насъ, солдатъ, а мы имъ за это платимъ звонкой монетой, вмѣсто закаленной стали. Даже за обманъ мы платимъ.

Поселянинъ. А вотъ, ваша милость, кажется собирались подарить мнѣ монету, да вовремя остановились.

Пастухъ. Вы—придворный, съ вашего позволенія?

Автоликъ. Съ позволенія, или безъ позволенія, я придворный; развѣ ты не видишь по наружности, что я придворный? развѣ въ моей походкѣ не чувствуется дворъ? развѣ твой носъ не чувствуетъ запахъ двора? развѣ я не выказываю къ твоему ничтожеству самого придворнаго презрѣнія? Ты, быть можетъ, сомнѣваешься въ моей придворности, потому что я спрашиваю у тебя о твоихъ дѣлишкахъ. Я придворный отъ головы до пятокъ. Я тотъ, который можетъ и подвинуть твое дѣло и въ концѣ его загубить, а потомъ излагать все по порядку.

Пастухъ. У меня, господинъ, дѣло до короля.

Автоликъ. Адвокатъ есть?

Пастухъ. А это, съ вашего позволенія, что такое?

Поселянинъ (*тихо пастуху*). Адвокатами при дворѣ называютъ индюковъ, скажи, что у тебя ихъ нѣтъ.

Пастухъ. Нѣтъ, сударь: у меня нѣтъ ни индюковъ, ни пѣтуха, ни курицы.

Автоликъ.

Какое счастье, что мы не мужики!

Но такъ какъ таковымъ, я все-же могъ быть созданъ,

То имъ не буду я пренебрегать.

Поселянинъ. Онъ долженъ быть изъ важныхъ придворныхъ.

Пастухъ. Платье на немъ богато, только сидитъ какъ-то странно.

Поселянинъ. Это-то чудачество и доказываетъ, что онъ самый знатный господинъ. Я ручаюсь, что это великій человекъ: онъ въ зубахъ ковыряетъ зубочисткой.

Автоликъ. Что за узелъ? Что тамъ въ узлѣ? Зачѣмъ этотъ ящикъ?

Пастухъ. Въ этомъ узлѣ, сударь и въ ящикѣ лежатъ такіе тайны, которыя можетъ знать одинъ король и которыя онъ узнаетъ тотчасъ-же, какъ я только доберусь до него.

Автоликъ. Старикъ, даромъ потратишь трудъ.

Пастухъ. Почему-же, сударь?

Автоликъ. Короля нѣтъ во дворцѣ; чтобы разсѣяться и освѣжиться, онъ сѣлъ на новый корабль; если ты способенъ къ серьезному мышленью, то долженъ понять, что король огорченъ.

Пастухъ. Тутъ говорили, сударь, что все дѣло въ его сынѣ, который хотѣлъ жениться на дочери пастуха.

ПОЛИКСЕНЪ И КАМИЛЛО НАБЛЮДАЮТЪ ЗА ФЛОРИЗЕЛЕМЪ И ПЕРДИТОЙ.

Картина англійскаго живописца Лесли (C. R. Leslie, R. A.).

Автоликъ. И если этотъ пастухъ еще не подь стражей, пусть удираетъ; его ждутъ такія пытки, такія муки, которыя могутъ не только разбить становой хребетъ человѣка, но даже сердце чудовища.

Поселянинъ. Вы такъ думаете, сударь?

Автоликъ. И не только онъ одинъ испытаетъ, что человѣческій разумъ можетъ придумать мучительнѣйшаго, а мщеніе—горьчайшаго; но и всѣ его родственники, даже до пятого колѣна,—никто не минуетъ палача; и какъ это ни жалко, но необходимо. Этотъ старый бараній пастухъ, этотъ плутъ, желаетъ, чтобъ его дочь породнилась съ королемъ. Иныя говорятъ, что его побьютъ камнями, но я говорю, что это для него слишкомъ мягко. Переставить нашъ тронъ въ овчарню,—для этого нѣтъ достаточной казни.

Поселянинъ. Ваша милость, а вы не слыхали, есть у этого старика сынъ?

Автоликъ. У него есть сынъ,—съ него

живьемъ сдерутъ кожу, затѣмъ смажутъ медомъ и поставятъ надъ осинымъ гнѣздомъ; когда онъ на три четверти помретъ,—его обольютъ водкой, или другимъ какимъ нибудь горячительнымъ напиткомъ и ободраннаго, въ самый жаркій день, прикрѣпятъ къ каменной стѣнѣ, и солнце въ знойный полдень будетъ жечь его до тѣхъ поръ, пока мухи не засидятъ его не смерть. Ну да что толковать объ этихъ негодяхъ, предателяхъ,—надъ ихъ муками только можно смѣяться, такъ громадны ихъ преступленья! Лучше скажите о себѣ; вы кажетесь такими честными, простыми людьми—что у васъ за дѣло до короля? Я человѣкъ сильный, сведу васъ къ нему на корабль, представлю васъ ему и шепну ему кое-что о васъ; если помимо короля есть человѣкъ, который можетъ помочь вашей просьбѣ—вотъ человѣкъ, который это сдѣлаетъ.

Поселянинъ. Онъ кажется очень вліятельнымъ. Поддѣлайся къ нему, предложи ему

нѣсколько золотыхъ. Хотя власть все равно, что упрямый медвѣдь, но при помощи золота ее часто водятъ за носъ. Вывороти свой кошелекъ ему на ладонь и дѣло съ концомъ. Ты вспомни: насъ побьютъ каменьями, сдерутъ съ живыхъ кожу...

Пастухъ. Если вы, ваша милость, изволите взять на себя это дѣло, воть получите все золото, что со мною. Я и еще принесу сейчасъ столько-же, а молодецъ можетъ у васъ оставаться заложникомъ.

Автоликъ. Когда я сдѣлаю, что обѣщалъ, тогда отдашь.

Пастухъ. Слушаю, ваша милость.

Автоликъ. Хорошо, давай теперь половину. А ты тоже заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ?

Поселянинъ. Да, до нѣкоторой степени, и хотя моя кожа не изъ особенныхъ, но все хочу надѣяться, что мнѣ ея не сдерутъ.

Автоликъ. А воть кожу сына пастуха содрать для примѣра необходимо.

Поселянинъ. Утѣшенье, большое утѣшенье! Намъ нужно быть у короля, показать ему наши диковины, онъ долженъ знать, что она не твоя дочь и не моя сестра, иначе мы погибли. Ваша милость, я вамъ дамъ столько-же, сколько далъ этотъ старикъ, тотчасъ по окончаніи дѣла и останусь за-

ложникомъ, пока все не будетъ вамъ доставлено.

Автоликъ. Я вамъ и такъ вѣрю. Идите къ морскому берегу, потомъ направо, а я только посмотрю черезъ заборъ и сей часъ за вами.

Поселянинъ. Этотъ человекъ для насъ—просто божеское благословеніе. Совсѣмъ божеское благословеніе!

Пастухъ. Пойдемъ, какъ онъ намъ велѣлъ. Онъ насъ, конечно, можетъ спасти.

(Пастухъ и поселянинъ уходятъ).

Автоликъ. Я вижу, что имѣй я поползновеніе къ честности, счастье отъ меня отвернулось бы,—а теперь такъ и суетъ въ ротъ добычу. Двойная радость: и золото получилъ, и оказалъ услугу моему господину принцу; и еще неизвѣстно, какое я повышеніе получу за это. Этихъ двухъ слѣпыхъ кротовъ я предоставляю къ нему на корабль. Если онъ найдетъ нужнымъ отправить ихъ снова на берегъ и ихъ просьба къ королю его не касается,—пусть назоветъ меня за излишнюю услужливость бродягой, я нисколько не обижусь этой кличкой, хотя ее и считаютъ позорной. Сведу ихъ къ принцу, можетъ изъ этого что и выйдетъ. *(Уходитъ).*

Автоликъ: Развѣ ты не видишь по наружности, что я придворный.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ Леонта.

Входятъ Леонтъ, Клеомень, Діонъ,
Паулина и слуги.

Клеомень.

О, государь, довольно вы карали
Себя. Уплаченъ долгъ священной скорби,
Раскаянье превысило проступокъ.
Вамъ небеса простили, такъ простите-жъ
И вы себѣ, забудьте ваше горе,
Забудьте все.

Леонтъ.

Пока живетъ во мнѣ
О ней, прекрасной, память,—своего
Позора я не въ силахъ позабыть.
Я ввергъ себя въ отчаяніе. Я
Лишилъ народъ наслѣдника престола,
Я лучшую изъ женъ сгубилъ,—другой
Подобной не найти...

Паулина.

О, правда, правда
Когда бы вы поочередно взяли
Всѣхъ въ мірѣ женъ, и лучшее отъ каждой
Отнявъ, одну создать хотѣли,—все-же
Она съ убитой не сравнится.

Леонтъ.

Такъ!...
Убитой... мной убитой... Ты жестока!
Убийственны слова твои, какъ то,
Что я свершилъ. Порѣже говори
Объ этомъ...

Клеомень.

Лучше—никогда! Синьора,
Могли-бы съ королемъ вы говорить
О тысячѣ другихъ вещей, что больше
Достойно сердца мягкаго.

Паулина.

Я знаю,
Хотите вы женить его.

Клеомень.

Когда
Вы не хотите этого,—отчизны
Не любите, и пресѣченіе рода
Монарха не пугаетъ васъ. А сколько
Грозить намъ смуть, когда король бездѣт-
нымъ

Останется; подумайте: весь край
Возстанемъ вспыхнетъ. Наша королева
Въ селеньяхъ праведныхъ; намъ остается
Возрадоваться и для благъ грядущихъ
И настоящихъ—нѣжную супругу
Избрать для ложа короля.

Паулина.

Но кто-же
Достоенъ быть преемницей усопшей?
А, наконецъ, пророчество боговъ?
Не общалъ-ли Аполлонъ священный,
Не прорицалъ-ли онъ, что у Леонта
Наслѣдника не будетъ, до поры—
Пока дитя пропавшее найдется?
Разсудокъ нашъ вмѣстить не можетъ, какъ
Случится это; такъ же это чудно,
Какъ если-бы мой Антигонъ, погибшій
Съ ребенкомъ вмѣстѣ, вдругъ воскресъ изъ
мертвыхъ
И къ намъ пришелъ. Но все-же вашъ со-
вѣтъ

Для короля—противенъ воли неба.
(*Леонту*). Не бойтесь—явится наслѣдникъ.
Отдалъ
„Достойнѣйшему“ Александръ Великій
Корону,—и достойный вѣдь нашелся.

Леонтъ.

Ты свято память Герміоны чтить.
О, если-бъ я всегда внималъ твоимъ
Совѣтамъ, и теперь бы я глядѣлъ
Въ глубокіе глаза моей царицы
И цѣловалъ рубины устъ ея.

Паулина.

И сколь-бы вы ни брали тѣхъ сокровищъ,
Они не изсякали...

Леонтъ.

Ты права!
Нѣтъ женъ такихъ! Жениться на другой—
Взять худшую, дать счастье ей? Тогда
Священный Герміоны духъ, вновь образъ
Пріавъ земной, здѣсь явится и спроситъ
Печально: „о, за что?“

Паулина.

Когда-бъ могла,
Явилась бы она...

Леонтъ.

Тогда убилъ бы
Я новую жену...

Паулина.

Коль тѣнью легкой
Могла-бы я придти, я-бъ вамъ велѣла
Смотрѣть въ глаза ей и спросила: „ты
За этотъ тусклый взглядъ на ней женился?“
Потомъ какъ громомъ слухъ-бы поразила,
Воскликнувъ: „помни обо мнѣ!“

Леонтъ.

То были
Не очи—звѣзды, а у прочихъ—угли
Потухшіе. Я не женюсь...

Паулина.

Клянись,
Безъ моего согласья не жениться...

Леонтъ.

Клянусь душою, Паулина!

Паулина.

Ну, синьоры,
Вы клятвъ свидѣтели?

Клеомень.

Вы черезчуръ
Связали государя.

Паулина.

Не женится—
Пока не встрѣтитъ точнаго подобья
Онъ Герміоны.

Клеомень.

О, синьора...

Паулина.

Я
Вамъ уступаю, если неизбеженъ
Бракъ короля... Вѣдь такъ, король? Но
Мнѣ выбрать королеву, пусть не будетъ
Она юна, какъ прежняя, но схожа
Настолько съ ней, что если-бъ духъ умершей
Могъ видѣть васъ, онъ бракъ благосло-
вилъ бы.

Леонтъ.

Я буду вдовъ, пока ты хочешь это.

Паулина.

Въ тотъ мигъ, когда воскреснетъ Герміона
Изъ мертвыхъ,—но не раньше *).
(Входитъ придворный).

Придворный.

Какой-то незнакомецъ,—онъ назвался—
Принцъ Флоризель, сынъ Поликсена,—вмѣстѣ

Съ принцессой удивительной красоты,
Желаетъ вамъ представиться.

Леонтъ.

Какъ? кто?
Такой прїѣздъ (ужъ слишкомъ простъ и
скроменъ).

И неожиданность его пророчить
Какую-то случайность, можетъ быть,
Несчастьемъ вызванную. Онъ со свитой?

Придворный.

Съ нимъ нѣсколько простыхъ людей.

Леонтъ.

Принцесса,
Ты говоришь?

Придворный.

О, лучшее созданье
Изъ всѣхъ, когда нибудь подъ солнцемъ
жившихъ.

Паулина.

О, Герміона! какъ всегда кичится
Все настоящее предъ прошлымъ. Ты
Должна дорогу новой дать красѣ.
Вы начертали надпись „несравненной“,
Въ порывѣ жара,—холодна теперь,
Какъ трупъ, та надпись на ея могилѣ
И вашъ приливъ поэзіи излившись
Отпрянулъ, и краса ея потускла.

Придворный.

Простите, я забылъ красу покойной.
Но эта,—снова я прошу прощенья,—
Едва вы взглянете,—со мной согласны
Вы будете. Она увлечь способна
Толпу къ какой угодно новой вѣрѣ,
Всѣхъ проповѣдниковъ затмивъ.

Паулина.

Ну, женщинъ
Не увлечетъ...

Придворный.

Онъ ее полюбитъ
За то, что доблестнѣй она мужчинъ; муж-
чины
За то, что лучшая она среди женщинъ.

Леонтъ.

Ты, Клеомень, съ знатнѣйшими друзьями
Введешь сюда ихъ.

(Клеомень съ нѣкоторыми придворными ухо-
дитъ).

Все таки мнѣ странна
Таинственность такая.

Паулина.

Да, когда бы
Былъ живъ наслѣдникъ нашъ—какого друга

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

ПОЛИКСЕНЪ НА СЕЛЬСКОМЪ ПРАЗДНИКѢ.

картина известнаго англійскаго художника Уитли (Fr. Wheatley, R. A., 1748—1801).

Нашель онъ въ этомъ гостѣ: между ними
Нѣтъ разницы на мѣсяцъ... *).

Леонтъ.

Прошу, ни слова больше: умираетъ
Онъ снова для меня, когда о немъ
Я говорю. При видѣ принца, я,
Взволнованный тобой, могу разсудка
Лишиться. Вотъ они идутъ сюда.

Входятъ Клеомень, Флоризель, Пер-
дита и придворный.

Леонтъ.

Принцъ, ваша матушка была безспорно
Вѣрна супругу: вылитымъ отцомъ
Родился сынъ. Будь мнѣ теперь лѣтъ двад-
цать,
Я назвалъ бы васъ братомъ, какъ когда-то
Я звалъ его, и о проказахъ нашихъ

Болтать бы сталъ. Вотъ до чего вы схожи,
Душевно радъ васъ видѣть. Вотъ и ваша
Принцесса,—вы прелестны, какъ богиня!
Увы, утратилъ я своихъ дѣтей,
Они, какъ вы, своей красою выше
Всѣхъ смертныхъ были,—такъ-же изумленье
Всѣхъ возбуждая, какъ и вы. Безумецъ,
Утратилъ дружбу и пріязнь отца
Я вашего. Хотя-бы разъ еще
Мнѣ, скорбному, съ нимъ встрѣтиться!

Флоризель.

Послалъ онъ

Меня въ Сицилію. Передаю
Вамъ царственный привѣтъ его, какъ брату
И другу. Если-бъ не его болѣзни,
Обычныя въ его года, онъ самъ
Черезъ моря и земли къ вамъ бы прибылъ,
Что бы взглянуть на васъ. Онъ говоритъ,
Что никого изъ нынѣшнихъ и прежнихъ
Монарховъ онъ не любитъ такъ, какъ васъ.

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Леонтъ.

О, братъ мой благороднѣйшій! Ты мною
Обиженъ былъ, и добрый твой привѣтъ
Волнуетъ вновь меня и снова совѣсть
Моя страдаетъ. Вашъ прїѣздъ мнѣ то же,
Что для земли—весна. Но неужели
Вотъ эта красота себя подвергла
Капризу грубому стихій Нептуна
Затѣмъ лишь, что бѣ привѣтствовать меня?
Такихъ трудовъ достойна-ль скорбь моя?

Флоризель.

Она, король, изъ Либіи.

Леонтъ.

Гдѣ Смалъ,
Воинственный монархъ, снискалъ любовь
И вмѣстѣ страхъ народовъ?

Флоризель.

Со слезами
Онъ дочку отпустилъ и мы оттуда,
Гонимые благопріятнымъ вѣтромъ,
Приплыли передать привѣтъ отца
Великому монарху. Я отсюда
Въ Богемію отправилъ всѣхъ вельможъ
Изъ свиты, что бѣ родитель извѣщенъ былъ
О счастіи, что въ Либіи нашелъ я.
И главное о томъ, что я прїѣхалъ
Благополучно къ вашимъ берегамъ.

Леонтъ.

Да будетъ ясно и свѣтло у насъ,
Да озарятъ спокойствіемъ насъ боги,
Пока вы здѣсь. Отецъ вашъ изъ людей
Достойнѣйшій,—но доблести его
Не помѣшали мнѣ нанести обиду
Ему,—и боги гнѣвные меня
Оставили бездѣтнымъ, а родитель
Вашъ по заслугамъ ими награжденъ
Такимъ наслѣдникомъ, какъ вы. И я бы
Теперь могъ видѣть дочь и сына въ тѣхъ-же
Лѣтахъ, какъ вы.

Входитъ вельможа.

Вельможа.

О, государь, извѣстье
Невѣроятное! Но въ подтвержденъе—
Сама дѣйствительность. Король богемскій
Привѣтъ свой шлетъ великому монарху
И проситъ сына задержать его,
Забывшаго свой долгъ и санъ высокій;
Съ простой крестьянкою онъ отъ отца
Бѣжалъ, отъ трона отказавшись.

Леонтъ.

Король?

Гдѣ-же

Вельможа.

Здѣсь, въ городѣ... Я отъ него...
Я путаюсь въ рѣчахъ, но я смущенъ
Нежданнами событіями. Король
Спѣшилъ сюда, за юною четою
Въ погоню, и дорогой повстрѣчалъ
Отца и брата подставной принцессы,
Которые, покинувши отчизну,
Бѣжали съ принцемъ.

Флоризель.

Неужель Камилло
Мнѣ измѣнилъ? Доселѣ честь и вѣрность
Его не нарушимы были.

Вельможа.

Очень
Возможно: съ королемъ онъ вмѣстѣ прибылъ.

Леонтъ.

Кто?

Камилло?

Вельможа.

Да, Камилло; видѣлъ я
Какъ онъ допросъ снимаетъ съ пастуховъ.
Они дрожатъ и на колѣняхъ землю
Цѣлуютъ, лживой клятвой подтверждая
Слова. Король не хочетъ слушать ихъ
И казнью имъ грозитъ.

Пердита.

Отецъ мой бѣдный!
Нагнать насъ боги допустили,—имъ
Союзъ нашъ не угоденъ.

Леонтъ.

Вы вѣнчались?

Флоризель.

Нѣтъ, государь, должно быть никогда
Нашъ бракъ не состоится; развѣ звѣзды
Спадутъ на землю, что едва-ль возможно.

Леонтъ.

Но дочь-ли короля она?

Флоризель.

Когда
Мы обвиняемся, то будетъ ею.

Леонтъ.

Отецъ вашъ такъ торопится, что свадьба
Едва-ли скоро будетъ. Очень жаль,
Душевно жаль, что вы его любовь
Утратили,—вы связаны съ нимъ долгомъ,
Жаль, что невѣста ваша хуже родомъ,
Чѣмъ красотою.

Флоризель.

Слушай, дорогая!

Хотя судьба враждебна намъ,—отецъ Успѣль насъ захватить,—нокто-жъ вѣвласти Любовь расторгнуть нашу? Государь, Припомните себя, какимъ вы были Въ такіе годы, и явитесь нашимъ Защитникомъ. Для васъ отецъ исполнитъ И тяжкій трудъ съ готовностью сердечной.

Леонтъ.

О, если такъ, я попрошу отдать мнѣ Ее, сокровище вотъ это!

Паулина.

Какъ!

Что за горячность юноши. За мѣсяцъ До смерти, ваша королева лучше Была чѣмъ та, въ кого впились вы взглядомъ.

Леонтъ.

О ней-то я и думаю, смотря На эту дѣвушку... Я не отвѣтилъ На вашу просьбу. Я пойду къ нему. Когда союзъ вашъ не противенъ чести, Я, вашъ защитникъ. Ну, идемъ. Смотрите, Какъ буду я стараться. Ну, идемъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Передъ дворцомъ Леонта.

Входятъ Автоликъ и 1-ый придворный.

Автоликъ. И вы, почтенный господинъ, сами были при этомъ разсказѣ?

1-ый придворный. Я присутствовалъ при вскрытіи узла и слышалъ разсказъ стараго пастуха, какъ онъ нашелъ его. Это вызвало изумленіе. Потомъ насъ всѣхъ попросили уйти, и я только мелькомъ слышалъ, что пастухъ нашелъ ребенка.

Автоликъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, чѣмъ все это кончилось?

1-ый придворный. Я вамъ могу сообщить кое-что. Настроеніе короля и Камилло сразу перемѣнилось и перешло въ восхищеніе. Они устали взирали другъ на друга, глаза ихъ выражали полное изумленіе; само молчанье ихъ было краснорѣчиво, выраженіе лицъ замѣняло слова; они казались людьми, услышавшими объ искупленіи или разрушеніи цѣлаго міра. Удивленіе ихъ все росло, но со стороны, не зная причинъ его, нельзя было сказать, что волнуетъ ихъ—радость или горе. Во всякомъ случаѣ, то, что они узнали, было чрезвычайно важно. (*Входитъ второй при-*

дворный). Вотъ идетъ лицо, которое знаетъ навѣрно больше. Что новаго, Роджеро?

2-ой придворный. Да всюду готовятся къ празднику. Предсказанья оракула сбылись: дочь короля нашлась. Въ одинъ часъ скопилось столько чудесъ, что всѣ поэты не будутъ въ состояніи ихъ воспѣть. (*Входитъ третій придворный*). Вотъ идетъ управляющій синьоры Паулины,—онъ вамъ еще прибавитъ что нибудь къ моимъ вѣстямъ. Ну, какъ дѣла, синьоръ? Эти достовѣрные событія такъ похожи на старую сказку, что къ нимъ относишься какъ-то съ подозрѣніемъ. Дѣйствительно, нашелъ король наслѣдницу?

3-й придворный. Совершенная правда: это доказано всѣми обстоятельствами и показаньями до того единодушными, что можно поклясться, будто мы сами видѣли всѣ событія, а не только слышали о нихъ. Мантія королевы Герміоны, ея ожерелье на шеѣ ребенка; записка Антигона, найденная при ней и узнанная по почерку; наконецъ, сходство царственной особы съ матерью, природное благородство ея манеръ и много другихъ мелочей говорятъ съ очевидностью, что она королевская дочь. А видѣли вы встрѣчу обоихъ королевъ?

2-ой придворный. Нѣтъ.

3-й придворный. Такъ вы потеряли зрѣлище, которое надо было видѣть, но нельзя разсказать. Если бы вы видѣли ихъ взаимную радость; казалось, горе плакало, разставаясь съ ними, и потому ихъ радость смѣнялась слезами. Они поднимали къ небу взоры и простирали руки; выраженіе ихъ лицъ было такъ ново, что ихъ узнать можно было только по ихъ одеждѣ. Нашъ король не помнилъ себя отъ радости, что нашелъ дочь; но притомъ, какъ будто эта радость, въ то-же время, была потерей, онъ началъ повторять: „О, Герміона!“ — Потомъ онъ сталъ просить прощенья у короля Богеміи, потомъ сталъ обнимать своего зятя, затѣмъ опять заключилъ въ объятья свою дочь; онъ благодарилъ стараго пастуха, что стоялъ тутъ-же, какъ разрушающійся памятникъ многихъ царствованій. Я никогда не слышалъ о другомъ подобномъ событіи, которое нельзя ни разсказать, ни описать, чтобы передать въ точности.

2-ой придворный. Скажите, а что стало съ Антигономъ, который отвезъ туда ребенка?

3-й придворный. Тутъ опять старая сказка, которую приходится продолжать,

хотя-бы ужъ никто ей не вѣрилъ и зажималъ уши. Онъ былъ растерзанъ медвѣдемъ. Это утверждаетъ сынъ пастуха; онъ не только съ простодушіемъ, которому можно вѣрить, передавалъ это, но и сохранилъ платокъ и кольцо его, хорошо знакомые Паулинѣ.

1-ый придворный. А что случилось съ его кораблемъ и спутниками?

3-ий придворный. Они потонули въ самый моментъ смерти Антигона, на глазахъ пастуха. Такимъ образомъ, всѣ, кто способствовалъ гибели ребенка, сами нашли гибель именно въ ту минуту, когда онъ былъ спасенъ. Но какая благородная борьба между радостью и горемъ бушевала въ Паулинѣ! Въ ея обращенныхъ къ небу глазахъ были и слезы о гибели мужа, и радость за то, что предсказанье оракула сбылось. Она подняла съ земли колѣнопреклоненную принцессу и такъ крѣпко сжала ее въ объятяхъ, точно хотѣла приковать къ своему сердцу, изъ боязни снова ее потерять.

1-ый придворный. Величіе этой сцены было достойно царственныхъ исполнителей!

3-ий придворный. Но самой трогательной чертой всего этого, выудившей изъ глазъ моихъ если не рыбъ, то обильныя потоки слезъ, былъ моментъ, когда слушающая съ болѣзненнымъ вниманьемъ откровенный, полный скорби, рассказъ короля о смерти ея матери и о причинахъ ея, его дочь, полная разнообразныхъ выраженій скорби, наконецъ воскликнула „увъ!“ и залилась, какъ мнѣ показалось, кровавыми слезами; по крайней мѣрѣ мое сердце плакало кровью. И твердые какъ мраморъ люди поблѣднѣли, нѣкоторые лишились чувствъ, всѣ плакали и если-бы весь міръ былъ тутъ—онъ заплакалъ бы тоже.

1-ый придворный. Теперь они во дворцѣ?

3-ий придворный. Нѣтъ еще. Принцесса узнала, что у Паулины есть статуя ея матери, надъ которой много лѣтъ трудился великій итальянскій мастеръ Джуліо Романо; когда бы онъ имѣлъ возможность оживлять свои статуи, онъ могъ бы соперничать съ природой и ея мастерствомъ,—до того онъ близокъ къ натурѣ. Его Герміона такъ схожа съ настоящей Герміоной, что, по словамъ тѣхъ, кто видѣлъ статую, хочется съ ней заговорить и ждать отвѣта. Туда, со всѣмъ нетерпѣніемъ любви, пошли они и тамъ останутся ужинать.

2-ой придворный. Я всегда думалъ, что въ домѣ Паулины есть что-то таинственно-важное; со смерти Герміоны, она по два, по три раза въ день посѣщала уединенную часть дома. Пойдемъ и мы туда и присоединимся къ общему веселью.

1-ый придворный. Кто-же, имѣя возможность попасть туда, откажется отъ этого? Каждое мгновенье нарождаетъ новую радость и мы пропускаемъ случай видѣть это. (*Трое придворныхъ уходятъ*).

Автоликъ. Вотъ когда, не будь за мной моего прошлаго, могъ бы я получить хорошее повышение: я привелъ старика и его сына на корабль принца, я передалъ ему, что слышалъ какъ они толковали о какомъ-то узелкѣ и еще о чемъ-то. Но въ это время онъ былъ такъ занятъ своей возлюбленной—этой, какъ онъ тогда полагалъ, дочерью пастуха, страдавшей тогда морской болѣзнью; да и самъ-то онъ чувствовалъ себя немного лучше ея, а буря все разыгрывалась,—и тайна такъ и осталась не открытой. Я, впрочемъ, объ этомъ не тужу, потому что если-бъ я даже открылъ мою тайну, она не помогла-бы мнѣ: ужъ очень плоха моя слава. А вотъ идутъ сюда тѣ, кого я невольно облагодѣтельствовалъ,—и въ полномъ блескѣ ихъ благополучія.

Входятъ Пастухъ и Поселянинъ.

Пастухъ. Да, сынонь, у меня-то ужъ едва-ли будутъ дѣти,—а вотъ твои сыновья и дочери ужъ всѣ родятся дворянами.

Поселянинъ. А, это вы, сударь мой, надняхъ отказались драться со мной, потому что я не дворянскаго происхожденія? Видите-ли вы это платье, можете вы теперь сказать, что ихъ не видите и что я не прирожденный дворянинъ. Тогда вы скажете, что и этотъ плащъ не дворянскаго происхожденія изобличите меня во лжи? Попробуйте испытать меня, дворянинъ я или нѣтъ.

Автоликъ. Да, я вижу, сударь, что вы прирожденный дворянинъ.

Поселянинъ. Да, вотъ уже четыре часа какъ я не перестаю быть имъ.

Пастухъ. И я, сынокъ, тоже.

Поселянинъ. И ты тоже, но я сдѣлался прирожденнымъ дворяниномъ, прежде моего отца, потому что сперва принцъ взялъ меня за руку и назвалъ братомъ, а потомъ уже оба короля назвали своимъ братомъ моего отца, и ужъ послѣ всего этого принцъ, мой братъ, и принцесса, моя сестра, на-

ГЕРМИОНА ПОДЪ ВИДОМЪ СТАТУИ.

Картина Гамильтона (W. Hamilton, R. A.) (Большая Байделевская Галлерей).

звали моего отца своимъ отцомъ. И тогда мы заплакали и это были первыя дворянскія слезы, пролитыя нами.

Пастухъ. Я надѣюсь, сынъ мой, что эти слезы были не послѣдними?

Поселянинъ. Конечно, иначе это было бы жестоко, въ томъ положеніи, въ которое мы ввержены.

Автоликъ. Я смиренно прошу васъ, сударь, простить мнѣ всѣ мои повинности, направленные противъ вашей милости и походатайствовать за меня передъ моимъ господиномъ принцемъ.

Пастухъ. Прошу тебя, сынъ мой, исполни его просьбу: разъ мы дворяне, мы должны быть благородны.

Поселянинъ. Ты хочешь измѣнить свою жизнь?

Автоликъ. Да, такъ же, какъ и ваша милость.

Поселянинъ. Дай руку, я поклянусь принцу, что ты не менѣ всякаго другого въ Богеміи человѣкъ честный и вѣрный.

Пастухъ (*тихо*). Ты можешь такъ сказать, зачѣмъ-же клясться?

Поселянинъ. Не клясться, разъ я дворянинъ? Пусть мужичье и всякая мелкота говорить, а я буду клясться.

Пастухъ. Ну, а если, сынъ мой, это ложь?

Поселянинъ. Сколько бы это ни было ложно, настоящій дворянинъ можетъ въ томъ клясться ради своего друга, и я поклянусь принцу, что ты славный малый и больше не будешь пьянствовать, хотя я знаю, что ты совсѣмъ не славный малый и пьянствовать будешь, и все таки я поклянусь, какъ будто-бы ты въ самомъ дѣлѣ былъ славнымъ малымъ.

Автоликъ. А я, сударь, съумю это подтвердить насколько хватаетъ силъ.

Поселянинъ. Да, ты долженъ сдѣлаться чѣмъ нибудь вочтобыто ни стало. Ты можешь мнѣ ни въ чемъ не вѣрить, если я не удивлюсь, что ты осмѣливаешься напиться, не сдѣлавшись добрымъ малымъ. Чу! Это короли и принцы, наши родственники; шествуютъ смотрѣть изображеніе королевы. Ступай за нами, ты увидишь, что мы снисходительные господа.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Часовня въ домѣ Паулины.

Входятъ Леонтъ, Поликсенъ, Флоризель, Пердита, Камилло, придворные и свита.

Леонтъ.

О, дорогая, милая Паулина,
За все спасибо.

Паулина.

Вамъ порой казалось,
Что дурно поступала я,—хотѣла
Я все-жъ добра. Вы не въ долгу: теперь
Вы осчастливили мой домъ убогій,
Придя сюда съ монархомъ братомъ и
Наслѣдною четой,—за эту честь
Я отплатить всей жизнію не въ силахъ.

Леонтъ.

Тебѣ хлопотъ мы много причинили.
Ты королевы статую хотѣла
Намъ показать? Съ немалымъ наслаж-
деніемъ
Твою мы осмотрѣли галерею,—
Но гдѣ-же то, что жаждетъ дочь увидѣть:
Гдѣ изваянье матери?

Паулина.

Ей равной
При жизни не было, и послѣ смерти
Ея изображеніе превосходитъ
Созданье рукъ людскихъ; его храню я
Особо отъ другихъ, вотъ здѣсь. Готовьтесь
Увидѣть то, что болѣе похоже
На жизнь, чѣмъ сонъ на смерть. Вотъ
это чудо.

(Откидываетъ занавѣсъ и открываетъ Гермионъ въ виду статуи).

Молчите вы? То признакъ изумленья!
Но все-жъ скажите что нибудь. Вы первый,
Король: Есть сходство?

Леонтъ.

Это жизнь сама!

О, укоряй меня, чудесный камень,
Что Гермионой назвалъ я тебя!
Иль нѣтъ,—не укоряй. Ты упрекать
Не можешь: ты—подобенъ ей: и нѣженъ
И кротокъ... Но, Паулина, у нея
Вѣдь не было тогда морщинъ?

Поликсенъ.

О, да!

Паулина.

Тѣмъ превосходнѣй мастеръ нашъ. Онъ ей
Шестнадцать лѣтъ прибавилъ: вѣдь такую
Она теперь была бы.

Леонтъ.

Сколько-бъ счастья
Она могла мнѣ дать,—и сколько горя
Теперь даетъ! Вотъ такъ она стояла
Невѣстой величавой,—только теплой,
Живой, а не холодной,—предо мною...
Я пристыжёнъ: мнѣ камень говоритъ,
Что камнемъ былъ я. Что за чары скрыты
Въ величьи царственного изваянья!
Оно бывшее горе воскресило
Въ моей душѣ, и дочь окаменѣть
Заставила отъ изумленья.

Пердита.

О,

Пусть это суетвѣріе, но я
Склоняюсь прошу ея благословенья.
О королева! Я едва родилась,
Ты умерла,—дай руку для лобзанья...

Паулина.

Постойте, статуя раскрашена и краски
Еще не высохли *).

Камилло.

Властитель мой,—поры минувшей горе
Вамъ тяжело на душу легло; его
Шестнадцать лѣтъ и зимъ не осушили.
Едва-ли счастье прожить такъ долго,
А горе умираетъ много раньше.

Поликсенъ.

Мой милый братъ, виновнику несчастья
Отдай часть горечи. Онъ, сколько сможетъ,
Возьметъ.

Паулина.

Когда-бъ я знала, государь,
Что изваянье бѣдное мое
(Оно мое, безспорно) васъ взволнуетъ,

*) Неоконченный стихъ у Шекспира.

Я-бъ никогда его на показала.
(*Хочетъ задернуть занавѣсъ*).

Леонтъ.
Не закрывай!

Паулина.
Довольно, не смотрите
Такъ долго,—вдругъ задвигнется она.

Леонтъ.
Оставь, оставь!... Не надо жить!... А впрочемъ
Ужъ я мертвецъ! Кто этотъ мастеръ? Братъ,
Взгляни, она вѣдь дышетъ! Кровь струится...

Поликсень.
Что за работа! Съ устъ дыханье вѣтъ...

Леонтъ.
Недвижные глаза пришли въ движеніе!
Искусство издѣвается надъ нами!

Паулина.
Задерну занавѣсъ. Мой государь
Такъ потрясенъ, что вѣрить въ жизнь статуи.

Леонтъ.
О, Паулина, двадцать лѣтъ недвижно
Могу я здѣсь пробить: вся мудрость міра
Ничто передъ моимъ безумьемъ чуднымъ...
Стоять... смотрѣть...

Паулина.
Вы слишкомъ взволновались,
Довольно, государь, волнений...

Леонтъ.
Нѣтъ,
Мои волненія сладостны, Паулина,
Какъ радости любви. Статуя дышетъ!
Какой рѣзецъ могъ изваять дыханье?
Не смѣйтесь надо мной, но я хочу
Поцѣловать ее...

Паулина.
Нѣтъ, государь,
Ея уста еще влажны отъ краски.
Вы статую испортите и сами
Запачкаетесь краской. Я задерну.

Леонтъ.
О, двадцати лѣтъ не прошло!

Пердита.
И я
Готова столько-жъ лѣтъ стоять здѣсь!

Паулина.
Нѣтъ,
Или уйдите изъ часовни, или

Готовьтесь, если силъ у васъ довольно,
Увидѣть чудеса: заставлю это
Я изваянье двинуться, сойти
Сюда, взять руку вашу. Въ волшебствѣ
Меня вы обвините, но напрасно.

Леонтъ.
Приму съ восторгомъ все, что ты свершишь
Своею властью. Пусть же говоритъ:
Ей говорить, какъ двигаться,—не трудно.

Паулина.
Молите всей душой о чудѣ! Стойте
Въ молчаніи... а кто не вѣритъ, лучше
Пускай уйдетъ...

Леонтъ.
Скорѣй, мы неподвижны.

Паулина.
Проснись подъ звуки музыки! (*Музыка*)! Пора!
Довольно камнемъ быть, сойди сюда
И порази всѣхъ чудомъ. Выходи!
Я растворю твой склепъ. Настало время:
Оставь землѣ оцѣпенѣнныя смерти
И снова къ жизни радостной вернись!
(*Герміона медленно спускается*).

Она идетъ, смотрите... Не пугайтесь,—
Она свята, какъ замыслы мои.
Не отстраняйтесь,—вы ее убьете
Вторично. Дайте руку ей. Во дни
Цвѣтушіе весны—она вамъ руку
Свою дала,—теперь свою вы дайте.

Леонтъ.
Рука тепла! Пусть это волшебство,
Но пусть оно, какъ жизнь, законно будетъ.

Поликсень.
Она его цѣлуетъ...

Камилло.
Обвила
Руками шею... Если жизнь въ ней есть,—
Пусть говоритъ!

Поликсень.
Пусть скажетъ, гдѣ жила,
Какъ смерти избѣжала...

Паулина.
Если-бъ вамъ
Сказали, что жива она, тому
Вы посмѣялись бы какъ старой сказкѣ...
Но вотъ жива она, хотя безмолвна...
Терпѣнье! Вашъ чередъ теперь, дитя
Прелестное! Склонитесь и просите

Благословенья матери. Взгляните,
О, королева: Пердита нашлась!
(*Пердита падаетъ на колѣни передъ Гер-
мионой*).

ГЕРМИОНА.

Вы, боги, къ намъ склоните ваши взоры
И дочь мою покройте благодатью!
Дитя, какъ ты спаслась? Гдѣ ты жила?
Какъ ты нашла дворецъ отца? Я знала
Черезъ Паулину, что сказалъ оракулъ:
Ты жить должна была, и для тебя
Я жизнь свою такъ долго сохраняла.

ПАУЛИНА.

На это будетъ время,—ваша радость
Смутится грустной повѣстью ея.
Пойдемте, вы несчастье побѣдили,—
И всѣ за васъ обрадуются. Я-же
Голубкой старой на изсохшей вѣткѣ
Оплакивать до смерти буду мужа,
Который не отыщется...

ЛЕОНТЬ.

Паулина,

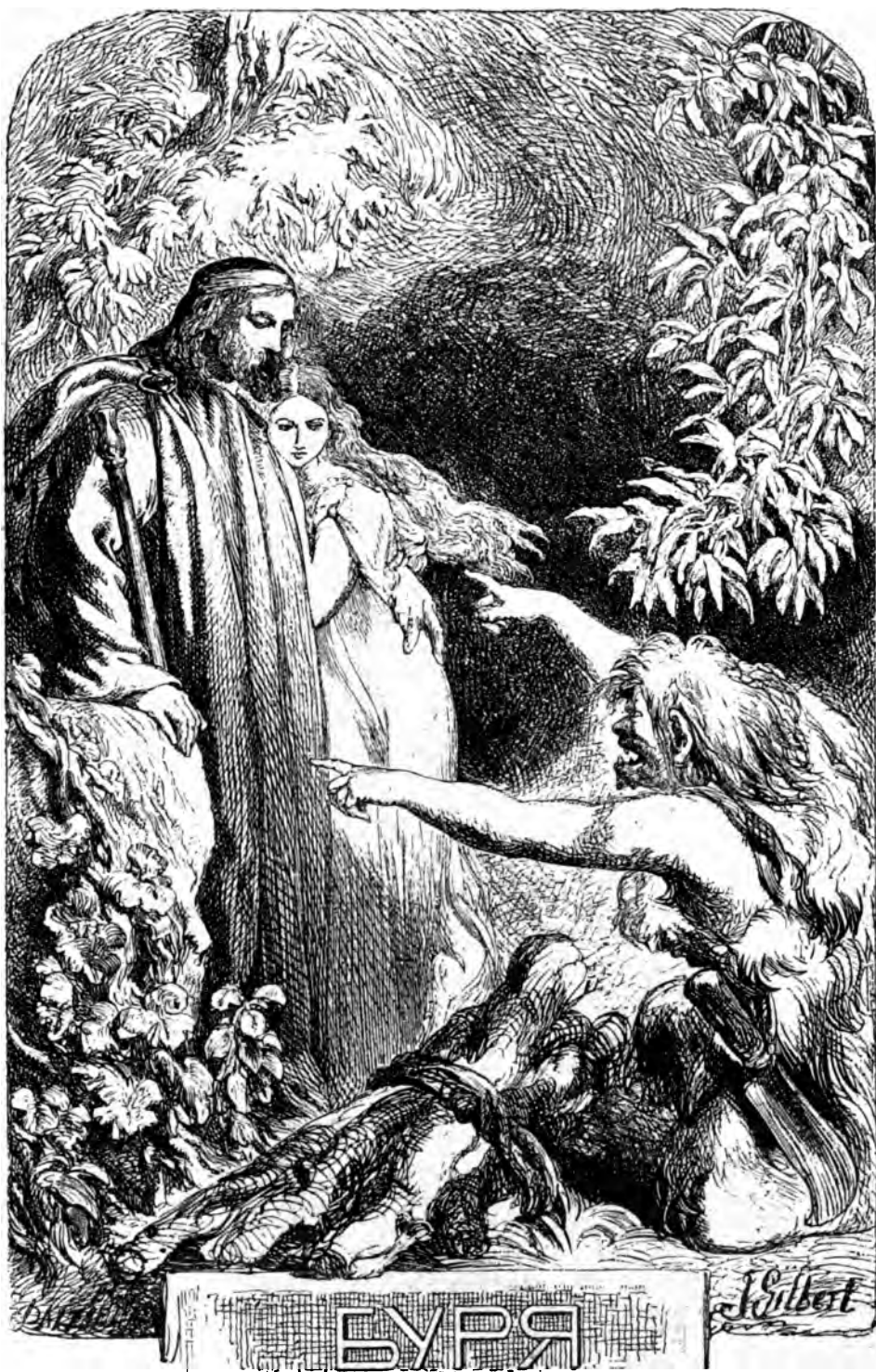
Ты мнѣ дала жену, за это я
Тебѣ дамъ мужа. Таково условье
Межъ нами было. Какъ ее нашла,—
Ты объяснишь потомъ; я видѣлъ самъ
Ее въ гробу и сколько разъ напрасно
Молился надъ могилою ея.
Сыскать тебѣ достойнаго супруга
Не долго мнѣ. Его я чувства знаю.
Камилло, подойди, дай руку. Сердце
И доблести ея сияютъ ярко,—
Два короля порукой въ томъ. Идемте.
Иль нѣтъ, постойте. Гермiona, вотъ
Мой братъ. Простите: чисты ваши души,
А я подозрѣвалъ васъ... Вотъ твой зять,—
Сынъ короля, онъ волею небесъ
Помолвленъ съ дочерью твоей. Паулина,
Ведите насъ туда, гдѣ мы могли
Не торопясь другъ другу рассказать,
Что было съ нами въ долгіе года
Разлуки... Ну, ведите насъ отсюда!

(*Уходятъ*).

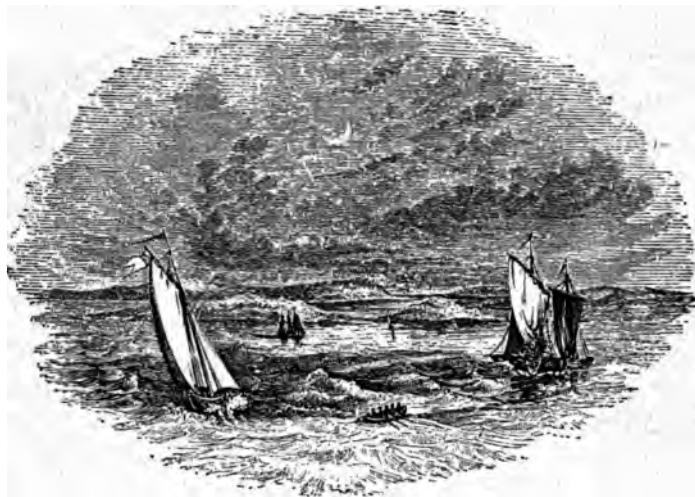
П. ГНѢДИЧЪ.

Извѣстная англійская актриса 1840-хъ гг. Уорнеръ (Warner) въ роли статуи—Гермионы.

Заглавная виньетка къ «Бурь» извѣстнаго англійскаго иллюстратора, сэра Джона Жильберта (Sir John Gilbert, род. 1817).

БЕРМУДСКІЕ ОСТРОВА.

(Изъ изд. *Найта*).

Б У Р Я.

Среди произведений Шекспира „Буря“ занимает одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ по количеству всевозможныхъ изслѣдованій, ей посвященныхъ. Обычные вопросы шекспировской литературы,—когда написана пьеса, откуда заимствованъ сюжетъ, какой общій и историческій смыслъ вложилъ Шекспиръ въ свое произведение,—относительно „Бури“ рѣшаются съ особенными трудностями и вызываютъ у изслѣдователей исключительный интересъ.

Трудности и интересъ объясняются просто: не существуетъ вполнѣ опредѣленнаго первоисточника, лежащаго въ основѣ пьесы,—и чрезвычайно яркая, для всѣхъ очевидная субъективность ея содержанія.

Субъективность—такая рѣдкая черта въ творчествѣ Шекспира—именно въ „Бурѣ“ получаетъ особенное значеніе,—высшее, чѣмъ въ „Гамлетѣ“ и „Сонетахъ“, также несомнѣнно субъективныхъ произведеній поэта.

„Буря“—одна изъ послѣднихъ, можетъ быть, даже послѣдняя драма Шекспира. Только развѣ „Генриха VIII“ пришлось бы поставить послѣдней, но и это не помѣшало бы „Бурѣ“ остаться настоящимъ личнымъ и художественнымъ завѣщаніемъ Шек-

спира, авторскимъ итогомъ столь содержательной и сильной жизни и дѣятельности.

Отсюда усиленное вниманіе изслѣдователей и настойчивое желаніе рѣшить, наконецъ, по одной драмѣ самую увлекательную и самую отвѣтственную задачу: кто былъ Шекспиръ, какъ человѣкъ и какъ художникъ?

На пути къ такому рѣшенію никакой вопросъ не кажется мелкимъ и бесполезнымъ. Кропотливости труда общается слишкомъ роскошную награду!

И предъ нами длинный рядъ изысканій, толкованій, догадокъ. Пословамъ ученѣйшаго издателя сочиненій Шекспира,—только о „Гамлетѣ“ и „Юлія Цезаря“ объяснительная литература столь же богата, какъ и о „Бурѣ“¹⁾. И богата не только количествомъ, но и въ высшей степени многообразными толкованіями. Никогда въ такой мѣрѣ остроуміе не соревновалось съ ученостью и восторженное чувство читателя не оказывало такой изумительной помощи самоотверженному усердію специалиста.

¹⁾ *A new variorum Edition of Shakespeare*. Edited by Horace Howard Furness. Vol. IX Philadelphia, 1892. Preface. V.

Отсюда широкий общедоступный интерес вопросов и ответов, вызванных „Бурей“.

I.

Когда написана „Буря“, увѣнчавшая долготѣнную литературную работу Шекспира?

Прямого отвѣта нѣтъ,—надо искать его окольнымъ путемъ, и вотъ первый точный показатель на этомъ пути—извѣстіе о постановкѣ „Бури“ на сценѣ.

Въ февралѣ 1613 года англійская принцесса Елизавета вышла замужъ за Пфальцскаго корфюрста Фридриха. По случаю свадьбы состоялись театральныя представленія, и среди другихъ пьесъ была сыграна „Буря“.

Слѣдовательно, „Буря“ не могла быть написана позже начала 1613 года. Это—одинъ точный срокъ.

О другомъ приходится догадываться по содержанію самой пьесы.

Первое естественное предположеніе: не была ли пьеса написана ради именно свадьбы принцессы? Въ четвертое дѣйствіе „Бури“ вставлена маскарадная сцена. Являются богини Ириса, Церера и Юнона съ свадебными поздравленіями. Это даетъ изслѣдователямъ право утверждать, что вся пьеса написана, какъ рамка для этой сцены. И потомъ, на свадьбѣ при королевскомъ дворѣ не стали бы возобновлять старой пьесы, а непременно заказали бы новую.

Другія соображенія менѣе значительны: сравнительная краткость пьесы рядомъ съ другими драмами Шекспира, декорации и костюмы не мѣняются,—все это рассчитано на быстроту параднаго спектакля ¹⁾.

Всѣ эти доводы врядъ-ли убѣдительны.

Появленіе богинь съ поздравленіями необходимо по роду дѣйствія: Фердинандъ и Миранда—женихъ и невѣста и Просперо для нихъ устраиваетъ зрѣлище. Потомъ другіе изслѣдователи, принимая въ расчетъ размѣры „Бури“, заключаютъ совершенно обратное: эти размѣры не соответствуютъ обычнымъ „Маскамъ“—праздничнымъ представленіямъ во времена Шекспира, всегда очень краткимъ и сжатымъ ²⁾.

¹⁾ Garnett. *Die Entstehung und Veranlassung von Shakespeare's Sturm*. Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft. XXXV Jahrgang. Брандесъ раздѣляетъ мнѣніе Гарнетта. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Москва, 1902. II, 372.

²⁾ Montegut. *Une hypothèse sur la Tempête de Shakespeare*. Revue des deux mondes, 1865, 1 août, 739.

Наконецъ, сравнительная краткость „Бури“ вообще не доказательство ¹⁾. „Комедія Ошибокъ“, напримѣръ, гораздо короче. Можно предположить, что у Шекспира задолго до свадьбы принцессы Елизаветы была готова пьеса. На сценѣ она еще не появлялась, и поэтъ, можетъ быть, отвѣчая на запросы двора, предложилъ ее.

Можно привести нѣсколько соображеній и всѣ они будутъ противъ предположенія, будто „Буря“ возникла нарочно ради свадьбы принцессы.

Свадьба совершилась послѣ очень печальнаго происшествія въ семьѣ короля: въ началѣ ноября 1612 года умеръ братъ невѣсты, принцъ Генрихъ. Король Іаковъ терялъ сына—это то же положеніе, говорятъ изслѣдователи, въ какомъ находился неаполитанскій король Алонзо въ „Бурѣ“. Съ другой стороны, Іаковъ въ лицѣ мужа дочери вновь пріобрѣтаетъ себѣ сына, а это происходитъ съ Просперо, выдающимъ свою дочь за сына неаполитанскаго короля—Фердинанда.

Все это изслѣдователямъ кажется вполне краснорѣчивыми сопоставленіями. Но если бы и согласиться съ подобными домыслами, пришлось бы для написанія „Бури“ Шекспиру отвести очень мало времени.

Принцъ Генрихъ умеръ въ ноябрѣ, свадьба состоялась въ слѣдующемъ февралѣ. Для столь обработаннаго произведенія, какимъ является „Буря“, это слишкомъ незначительный срокъ, особенно если принять во вниманіе личныя откровенія поэта, переполняющія пьесу. Поэтъ, видимо, очень тщательно писалъ ее, не менѣе тщательно чѣмъ „Гамлета“, котораго онъ старательно передѣлывалъ. Недаромъ въ первомъ же изданіи 1623 года „Буря“ оказалась съ необыкновенно чистымъ текстомъ, безпримѣрной правильности среди всѣхъ произведеній Шекспира.

Потомъ невольно бросается въ глаза одна особенность, совершенно умѣстная при общемъ лично прочувствованномъ характерѣ драмы, но едва-ли допустимая въ пьесѣ, написанной для придворнаго торжества. Немедленно послѣ явленія богинь и привѣтствій будущимъ новобрачнымъ, Просперо произноситъ рѣчь самаго грустнаго, безнадѣжнаго содержанія.

Онъ указываетъ на призрачность только что исчезнувшихъ видѣній и спѣшитъ напомнить Фердинанду и Мирандѣ: „вы ис-

¹⁾ Въ *Бурѣ* 2064 строки, въ *Комедіи ошибокъ*—1778. Ср. Furness, 271.

чезнете также", — „Самый шаръ земли, все, все сотрется въ прахъ, въ безслѣдный прахъ“. Самъ Просперо замѣчаетъ: „прискорбно думать такъ“ — и, несомнѣнно, столь прискорбныя мысли совсѣмъ не шли въ тактъ съ празднествомъ, на которомъ и безъ подобныхъ напоминаній лежала тѣнь отъ еще свѣжаго траура королевской семьи.

Шекспиръ былъ слишкомъ тонкимъ психологомъ и опытнымъ свѣтскимъ поэтомъ, когда это требовалось, чтобъ изъ такихъ сочтаній составить пьесу для королевскаго спектакля.

Приходится искать другихъ данныхъ — опредѣлить болѣе точный срокъ, когда возникла „Буря“.

Данныхъ этихъ довольно много, и они съ теченіемъ времени умножились въ зависимости отъ усердія изслѣдователей. И цѣнность данныхъ вышла далеко не одинаковой, нерѣдко даже совсѣмъ сомнительной.

Первый фактъ, наиболѣе достойный вниманія — рѣчь Гонзало во второмъ дѣйствіи. Старый придворный неаполитанскаго короля мечтаетъ объ идеальномъ человѣческомъ обществѣ, гдѣ нѣтъ ни богатства, ни нищеты, вообще личной собственности, гдѣ царствуетъ нравственная чистота и искренность. Эта рѣчь совпадаетъ съ разсужденіями Монтэня въ его „Опытахъ“, именно съ главой о каннибалахъ.

Монтэнъ желалъ превознести американскихъ дикарей предъ европейцами, гордыми своей цивилизаціей. Часть этихъ восхваленій Гонзало воспроизводитъ почти буквально.

Займствованіе — внѣ сомнѣнія. Англійскій переводъ Монтэня вышелъ въ 1603 году. До сихъ поръ сохранился экземпляръ этой книги, принадлежавшій Шекспиру и съ его подписью. Можно, слѣдовательно, думать, что Шекспиръ отсюда взялъ рѣчь своего героя. Такъ и думаетъ большинство изслѣдователей, давая обыкновенно наглядныя сопоставленія текста у Монтэня и у Шекспира. А самые осторожные только это сопоставленіе и считаютъ несомнѣнными данными для рѣшенія вопроса ¹⁾.

Но Шекспиръ могъ и изъ подлинника сдѣлать займствование: по французски онъ читалъ, — и такъ именно думаютъ нѣкоторые, а потомъ второе изданіе англійскаго перевода вышло въ 1613 году и это другимъ

изслѣдователямъ дало основаніе утверждать, что и „Буря“ относится къ этому году ¹⁾.

Въ подкрѣпленіе 1603 года и ближайшихъ лѣтъ приводится другое займствование Шекспира. Упомянутая грустная рѣчь Просперо встрѣчается со стихами трагедіи лорда Стерлинга — „Дарій“. Здѣсь говорится: „пусть величіе тщеславится своими ничтожными интересами, которые — не что иное какъ трости, способныя быстро сломаться и разлетѣться въ куски; пусть наши умники восхищаются земною пышной суетой, — все исчезаетъ, едва оставляя послѣ себя слѣдъ; эти раззолоченные дворцы, эти великолѣпныя столь роскошно убранныя залы, эти вздымающіяся до небесъ башни — все это исчезнетъ въ воздухъ какъ дымъ“ ²⁾.

Просперо говоритъ именно о дворцахъ и башняхъ. Долженъ ли былъ Шекспиръ ради этихъ предметовъ займствовать чужіе стихи — для мысли, чрезвычайно ему близкой въ теченіе всей его литературной дѣятельности? Тѣмъ болѣе, что его Просперо всю рѣчь направляетъ къ тому, чтобы доказать ничтожность и самого человѣка, а не только внѣшняго великолѣпія.

Трагедія Стерлинга вышла въ свѣтъ въ 1604 году, — слѣдовательно, Шекспиръ, если онъ чѣмъ обязанъ этому писателю, не могъ написать „Бури“ раньше этого года.

Наконецъ, одинъ нѣмецкій ученый, замѣчательный знатокъ Шекспира и современной ему литературы, открылъ намекъ, пріурочивающій „Бурю“ прямо къ 1604 году ³⁾.

Ссылки на Монтэня и Стерлинга не помѣшали англійскому изслѣдователю, очень ученому и остроумному, пойти наперекоръ общему убѣжденію, что „Буря“ одно изъ позднѣйшихъ произведеній Шекспира, — напротивъ, „Буря“ одна изъ раннихъ пьесъ. Она яко-бы указана въ извѣстной книгѣ Миреса — „Сокровищница Паллады“. Здѣсь перечисляются произведенія Шек-

¹⁾ «Voici certainement un des faits les plus curieux de l'histoire littéraire: Shakespeare traduisant Montaigne» François-Victor Hugo. Œuvres complètes de W. Shakespeare. II, 311. Note 21 — o 1613 годъ мнѣніе Chalmers'a, ср. Furness. 277 — 8.

²⁾ On the origin of Shakespeare's *Tempest* The Cornhill Magazine 1872. oct., 420. Брандесъ, 380.

³⁾ K. Elze, *Jahrbuch*, VII, 29. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы Джонсона *Volpone* говоритъ объ усиленныхъ займствованияхъ современныхъ англійскихъ писателей у Монтэня, *Volpone* представлено въ 1605 году, а намекъ мѣтилъ на Шекспира, воспользовавшагося англійскимъ переводомъ 1603 года, — слѣдовательно, „Буря“ падаетъ вѣроятнѣе всего на 1604 годъ.

¹⁾ Meissner. *Untersuchungen über Shakespeares Sturm*. Dessau, 1872, 57 — 8. — Furness, 305.

Boyle. *Shakespeare's Wintermärchen und Sturm*. S.-Petersburg. 1885, 31 — 2.

спира, написанный до 1598 года, всё они у насъ есть, за исключеніемъ одного—Love Labour's Won, т. е. „Вознагражденныя усилія любви“. Что эта за пьеса?

Ученый рѣшаетъ, что это и есть „Буря“. Фердинандъ, подвергнутый испытанію по волѣ Просперо, получаетъ руку Миранды, и „Буря“ сначала имѣла двойное названіе: „Буря или вознагражденныя усилія любви“, все равно какъ комедія: „Двѣнадцатая ночь или что вамъ угодно“.

Ученому возражали, что Фердинанду не приходится добиваться ни любви, ни руки Миранды: и то, и другое ему завѣдомо принадлежитъ¹⁾.

Такъ различно рѣшаютъ вопросъ на основаніи литературныхъ данныхъ. Но существуютъ данныя другого порядка—историческія, и они именно болѣе или менѣе помогаютъ установить хронологію „Бури“.

II.

Пьеса называется „Буря“, въ ней описывается кораблекрушеніе, Аріэль говоритъ о Бермудскихъ островахъ, знаменитыхъ бурями: вотъ точки отправленія для разныхъ соображеній и умозаключеній.

Прежде всего извѣстно, что Шекспиръ нѣкоторымъ пьесамъ давалъ названія не по ихъ содержанію, а въ зависимости отъ времени ихъ появленія на сценѣ. Напримѣръ—дѣйствіе „Зимней Сказки“ совершается не зимой, и „Сонъ въ Иванову ночь“—не лѣтомъ, а весной. Надо полагать—„Зимняя Сказка“ была поставлена въ декабрѣ, а „Сонъ въ лѣтнюю ночь“—въ іюнѣ. И „Буря“ получила свое названіе отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Въ 1612 году въ теченіе октября, ноября и декабря въ Англіи свирѣпствовали страшныя бури. Причиняли онѣ великія бѣдствія на морѣ и на сушѣ. Однажды въ продолженіе двухъ часовъ погибло около ста кораблей.

По поводу бурь возникла цѣлая литература,—съ соотвѣтственными иллюстраціями; рассказывались и чудесныя спасенія, и разные ужасы, была сочинена даже особая молитва и приложена къ одной изъ книгъ. „Буря“ и могла быть написана въ періодъ бурь,—осенью или зимой 1612 г.,—и поставлена на сцену въ началѣ слѣду-

ющаго года. Можно сдѣлать и другое заключеніе: пьеса написана лѣтомъ 1612 года и поставлена осенью того же года¹⁾.

Естественно является возраженіе: „вѣдь въ „Бурѣ“ дѣйствительно изображается буря,—она стоитъ во главѣ дѣйствія, она—виновница всѣхъ событій, какія разыгрываются на островѣ Просперо. Ничего не было проще—подобную пьесу назвать „Бурей“.

Дальше,—кораблекрушеніе и Бермудскіе острова.

Эти данныя оказались до такой степени внушательными, что обширный рядъ изслѣдователей о „Бурѣ“ можно назвать *бермудистами*.

Самое раннее упоминаніе о Бермудскихъ островахъ принадлежитъ знаменитому мореплавателю Рэли (Raleigh) въ книгѣ, напечатанной въ 1569 году—„Открытіе Гвіаны“. Здѣсь говорится о дурной славѣ острововъ, окруженныхъ вѣчно кипящимъ моремъ. Жители прозвали ихъ „Чортовыми островами“. Ходила молва, что Бермуды населены злыми духами. Но до 1609 года представленія англичанъ объ этихъ островахъ были смутны.

Въ этомъ году изъ Англіи въ Америку отправился флотъ изъ восьми кораблей подъ начальствомъ Джоржа Сомерсера съ экипажемъ, предназначеннымъ для новой колоніи—Виргиніи. Первое поселеніе относится къ маю 1607 года. Оно состояло изъ 105 колонистовъ. Компанія для заселенія Виргиніи возникла въ 1609 году, и съ этихъ поръ Виргинія стала расти. Слѣдуетъ замѣтить, что лица, близко стоявшія къ Шекспиру, принимали дѣятельное участіе въ колонизаціи,—лордъ Соутгемптонъ и Пемброкъ, главные покровители Шекспира.

Экспедиція Сомерсера должна была привлечь особенное вниманіе англичанъ. Его флотъ былъ застигнутъ бурей. Семь кораблей успѣли достигнуть Виргиніи, но адмиральскій корабль—самый новый и самый крѣпкій—далъ течь. Матросы принялись откачивать воду,—но не могли справиться, изнемогли и въ отчаяніи ждали своей судьбы. Адмиралъ съ минуты на минуту готовился погрузиться съ кораблемъ. Вдругъ онъ замѣтилъ вблизи землю. Не

¹⁾ Hunter. *Disquisition on the Scene, Origine Date of Shakespeare's Tempest*, 1839, sp. Furness 284—288.

¹⁾ Родоначальникъ этого предположенія Malone, извѣстный англійскій шекспириологъ XVIII вѣка. Современемъ самъ Malone оставилъ свою гипотезу и относилъ «Бурю» къ 1611 году,—но гипотеза нашла новыхъ сторонниковъ. Ср. Meissner, 113—4. Furness, 274—5.

игранных¹⁾. Одинъ документъ особенно цѣненъ.

Онъ относится къ Нюрнбергу и упоминаетъ «Сидею».

Въ концѣ 1613 года англійскими актерами въ Нюрнбергѣ было сыграно нѣсколько прекрасныхъ „трагедій и комедій“ и между ними названа трагедія о „Целидѣ и Седеѣ“²⁾. Можно это понимать двояко: или это заглавіе одной пьесы, или это двѣ пьесы, тѣмъ болѣе, что передъ нами несомнѣнное произведеніе нюрнбергскаго писателя—„Comedia von der schönen Sidea“—„Комедія о прекрасной Сидеѣ“. И комедія эта уже давно существовала, такъ какъ авторъ ея умеръ въ 1605 году.

Въ какомъ отношеніи она стоитъ къ „Бурѣ“?

Можетъ быть три рѣшенія: Шекспиръ обязанъ Айреру, Айреръ обязанъ Шекспиру, наконецъ, оба они обязаны какому-либо другому автору и почерпнули свои пьесы изъ одного общаго источника.

При выборѣ отвѣта надо принять во вниманіе, что пьесы Айрера были извѣстны не только англійскимъ актерамъ, игравшимъ въ Германіи; ихъ зналъ и Шекспиръ. По крайней мѣрѣ, его комедія — „Много шуму изъ ничего“ и „Виндзорскія проказницы“ имѣютъ ясныя соприкосновенія съ пьесой Айрера и двумя пьесами другого современнаго нѣмецкаго драматурга³⁾. Вообще, о взаимныхъ вліяніяхъ англійской и нѣмецкой драматической литературы въ XVI и XVII вѣкахъ не можетъ быть сомнѣнія. Культурныя связи обѣихъ странъ, благодаря реформаціонному церковному движенію, были тѣсны и многосторонни. Сочиненія Лютера читались въ Англіи, въ англійскихъ университетахъ дѣйствовали германскіе богословы, англійскіе актеры могли играть пьесы на нѣмецкомъ языкѣ. Недаромъ современникъ Шекспира, Марло, занялся обработкой германской легенды о докторѣ Фаустѣ, а самъ Шекспиръ своего любимаго героя—Гамлетазаставилъ учиться въ Виттембергскомъ университетѣ.

Но уполномочиваетъ ли все это насъ на заключеніе, что первоисточникъ „Бури“—пьеса Айрера?

Самъ виновникъ открытія—Тикъ—не видѣлъ прямыхъ заимствованій англійскаго драматурга у нѣмецкаго, признавая общій источникъ въ основѣ „Бури“ и „Прекрасной Сидеи“.

Къ тому же заключенію пришелъ и англійскій изслѣдователь, тщательно изучившій старинныя связи англійской и нѣмецкой сцены: Айреръ не изобрѣлъ сюжета своей пьесы, а передѣлалъ какую-либо нѣмецкую пьесу. До Шекспира могли дойти или эта названная нѣмецкая пьеса или передѣлка Айрера. Во всякомъ случаѣ, въ пьесахъ Шекспира и Айрера имѣются черты настолько сходныя, что общій источникъ не подлежитъ сомнѣнію¹⁾.

Позднѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи рѣшили вопросъ безповоротно: Шекспиръ обязанъ пьесой Айреру, тѣмъ болѣе, что „Буря“, несомнѣнно, моложе „Прекрасной Сидеи“.

До сихъ поръ споръ не можетъ считаться законченнымъ, и ведется онъ не безъ участія національныхъ чувствъ со стороны англійскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ относительно оригинальности Шекспира, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ Айреромъ, можетъ быть рѣшенъ безъ затрудненій и вполне независимо отъ какого бы то ни было предубѣжденія въ пользу Шекспира, какъ неизмѣримо болѣе даровитаго поэта.

Пьеса Айрера начинается борьбой двухъ князей—Лудольфа и Лейдегаста. Лудольфъ побѣжденъ; врагъ его щадитъ съ условіемъ, что онъ оставитъ страну съ своей дочерью Сидеей и возьметъ съ собой лишь то, что можетъ нести самъ и его дочь. Лудольфъ беретъ только бѣлый жезлъ. Это—орудіе его волшебства. У Лудольфа слугой является духъ Рупцифаль. Онъ предсказываетъ изгнаннику, что ему удастся скоро отомстить врагу, къ Лудольфу попадетъ плѣнникомъ сынъ Лейдегаста. Такъ это и сбывается во время охоты. Принцъ Энгельбрехтъ является слугой Си-

¹⁾ Cohn. LXVIII. XI.

¹⁾ Cohn. Shakespeare in Germany in the XVI and XVII Century. London 1865, chapter IX.

²⁾ Cohn. LXXXVII.

³⁾ Пьеса Айрера—*Phoenixia*, драматургъ Юлій, герцогъ Брауншвейгскій. Ср. *The Cornhill Magazine*, 418, Meissner. 16. и пред. проф. О. А. Брауна къ „Винд. прок.“ во II т. настоящаго изд.

²⁾ Meissner, 1 16. Есть и въ Англіи сторонники той же идеи. Ср. Furness, 341. Самъ Furness рѣшительный противникъ сн. Boyle сюжетъ пьесы Айрера приводитъ въ связь съ событіями въ Литвѣ, въ XIV вѣкѣ, исторія Лудольфа, литовскаго князя, и Лейдегаста, виленскаго владѣтеля—отраженіе отношеній между Ягелло и Витольдомъ. У Айрера дѣйствительно—Лудольфъ *«der Fürst in Littau»*, а Лейдегастъ *«der Fürst in der Wiltau»*.—Wiltau—старинное нѣмецкое названіе Вильны.

деи и она заставляет его носить дрова; потом она чувствует жалость и любовь къ Энгельбрехту, предлагаетъ ему бѣжать съ ней, стать ея мужемъ. Послѣ разныхъ приключеній молодыхъ людей, все кончается къ общему благополучію: бракъ дѣтей примиряетъ отцовъ.

При первомъ же сопоставленіи пьесъ ясны общія сходства: принцъ попадаетъ во власть волшебника, противника его отца, вызываетъ любовь у дочери волшебника и эта любовь устраняетъ старую вражду.

Не мало и отдѣльныхъ сходныхъ чертъ. Лудольфъ обезоруживаетъ Энгельбрехта силой своихъ чаръ, также какъ и Просперо Фердинанда. Энгельбрехтъ является слугою и носить дрова, такъ же какъ и Фердинандъ. Сидея, полная состраданія, подобно Мирандѣ, сама объясняетъ свою любовь несчастному принцу. У Лудольфа двое слугъ—духъ и Янъ Моситоръ—грубое созданіе; у Просперо Аріэль и Калибанъ. Особенно любопытно объясненіе Сидеи и Энгельбрехта, полное простодушія и непосредственного чувства,—основная черта Миранды.

Можно не увлекаться всѣми этими сопоставленіями, не видѣть прямыхъ заимствованій Шекспира, но нельзя отрицать очевидности, видѣть простое словесное совпаденіе въ отдѣльныхъ сценахъ. Между пьесами Шекспира и Айрера, несомнѣнно, существуетъ сходство въ сюжетъ и отчасти въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Можно припомнить, что нѣкоторые мотивы—исконное достояніе вообще европейскихъ литературъ, напримѣръ: неволя принца у волшебника и полученіе свободы подъ условіемъ наносить большую кучу дровъ. Но мы и не думаемъ „Прекрасную Сидею“ признавать непосредственнымъ источникомъ „Бури“. Мы можемъ только установить фактъ, что Шекспиръ не изобрѣтатель сюжета, онъ его получилъ изъ чужихъ рукъ точно такъ же, какъ сюжеты и другихъ своихъ пьесъ.

Это отнюдь не уменьшаетъ блеска Шекспировскаго таланта; напротивъ, только показываетъ, съ какой глубокой обдуманностью создавалъ свои произведенія поэтъ, говорить—ни разу не вычеркивавшій разъ написанныхъ стиховъ.

Именно процессъ работы Шекспира надъ заимствованными сюжетами—нашъ самый надежный путеводитель въ области его творчества. Рѣшить вопросъ, какъ Шекспиръ воспользовался чужой темой, чѣмъ

пренебрегъ, что прибавилъ, какъ видоизмѣнилъ—значитъ проникнуть въ сущность намѣреній поэта и овладѣть единственно реальной, вполне надежной нитью въ столь сложномъ сооруженіи его творческаго генія.

Это вполне примѣнимо и къ „Бурѣ“.

Посмотримъ же, какъ Шекспиръ приспособлялъ въ своей работѣ чужой матеріалъ. Это будетъ важный шагъ къ пониманію „Бури“.

V.

Прежде всего—мѣсто дѣйствія.

У Айрера—лѣсъ; у Шекспира—островъ. Зачѣмъ Шекспиру понадобился островъ?

Отвѣтъ мы знаемъ: Шекспиръ жилъ въ эпоху колонизаціоннаго движенія, безпрестанныхъ столкновеній стараго культурнаго міра съ новымъ, первобытнымъ. Въ литературѣ и въ обществѣ сталкивалось два теченія: мечтательное и реальное. Мечты—это многочисленные утопіи, возникавшія въ XVI вѣкѣ въ разныхъ европейскихъ странахъ, грезы о золотомъ вѣкѣ, объ естественномъ царствѣ правды, красоты и счастья. Въ Англіи это теченіе въ началѣ XVI вѣка представлялъ Томасъ Моръ, и къ концу вѣка по Франціи Монтэнъ, скоро ставшій извѣстнымъ и въ Англіи.

Томасъ Моръ описывалъ нѣкій островъ—Утопію. Въ шекспировской литературѣ это описаніе не считается достойнымъ вниманія, а между тѣмъ, нѣкоторыя черты чрезвычайно любопытны. Можно сказать, Моръ творецъ образцовъ, по какимъ Шекспиръ создалъ Просперо и Калибана.

На островѣ Утопіи нѣкоторые обитатели, по волѣ народа, освобождаются отъ всякой работы и получаютъ право заниматься исключительно наукой. На томъ же островѣ существуютъ рабы для тяжелыхъ и отталкивающихъ работъ: рабъ не по природѣ, а въ наказаніе за преступленіе, какъ и у Просперо Калибанъ.

Это очень краснорѣчивыя идеи для Шекспира, несомнѣнно читавшаго сочиненія Мора и извлекшаго изъ его историческаго сочиненія своего Ричарда III-го.

Но это одно направленіе мысли—утопическое. Оно по существу заключало въ себѣ отрицательную критику существующаго культурнаго строя и, слѣдовательно, могло привести къ идеализаціи естественнаго первобытнаго человѣка. Такъ это и было у Монтэня.

Возникъ вопросъ съ многовѣковымъ и необыкновенно шумнымъ будущимъ: о преимуществахъ дикаго состоянія и о порокахъ цивилизаціи.

Многочисленныя сообщенія путешественниковъ шли на встрѣчу задачъ времени и давали пищу другому, противоположному теченію въ литературѣ—реальному.

Идеальный естественный человѣкъ, избранный тоскующей душой цивилизованнаго европейца, встрѣтился съ подлиннымъ дикаремъ. Англійскіе мореплаватели неоднократно привозили съ собой въ Лондонъ индѣйцевъ, и Шекспиръ могъ наблюдать ихъ и сравнивать дѣйствительность съ художественно-философскимъ вымысломъ.

И вотъ, онъ создаетъ свою утопію, свой островъ, только съ реальнымъ, по его мнѣнію, первобытнымъ человѣкомъ. Онъ желаетъ по-своему изобразить столкновение цивилизованнаго міра съ міромъ дикарей. Для этого ему нуженъ островъ, заброшенный гдѣ-то въ таинственную даль океана. И лѣсъ первоисточника превращается въ островъ, и непременно заколдованный.

Это, во-первыхъ, соотвѣтствуетъ вкусамъ современной публики, довѣрчиво слушавшей рассказы моряковъ о разныхъ чудесахъ. А потомъ—на островѣ произойдетъ фантастическая борьба цивилизаціи и дикости, также философски-обобщенная, художественно выполненная борьба. Шекспиръ вѣритъ, что по существу его изображеніе не противорѣчитъ явленіямъ жизни. Но это—обобщеніе явленій, а не историческое воспроизведеніе фактовъ, и поэтъ выбираетъ сцену дѣйствія за предѣлами бытовой дѣйствительности. Наконецъ, есть еще причина острову быть заколдованнымъ,—такъ же, почему Просперо долженъ остаться чародѣемъ.

Чародѣемъ является и герой первичной драмы. Но Лудольфъ—просто колдунъ, какимъ вообще рисуется колдунъ въ народномъ воображеніи. У него единственное орудіе—жезлъ.

Просперо—чародѣй въ томъ смыслѣ, въ какомъ темные люди считали въ старое время великихъ ученыхъ. Чародѣйства Лудольфа для автора первичнаго сказанія вполне реальны, просты; чары Просперо—нѣчто иносказательное, метафизическое, будто переносное, фигуральное выраженіе для совершенно другого понятія, какъ напр., поэты луну называли цѣломудренной Діаной; солнце—блестящимъ Фебомъ.

Можно луну назвать Діаной, а можно и просто назвать луной; такъ и чародѣйства Просперо можно признавать за чудеса духа Аріэля, и можно свести ихъ и къ реальному понятію: воздѣйствію гениально-ученаго ума на природу.

Вѣроятно, только этимъ понятіемъ и пришлось бы пользоваться, еслибы Просперо предоставили дѣйствовать въ Миланѣ, среди человѣческаго общества, а не заставляли поселиться на пустынномъ островѣ.

Сила Просперо не въ жезлѣ, а въ книгахъ. Ихъ онъ изучаетъ цѣлую жизнь. По обычному представленію—чародѣи рождаются; Просперо дѣлается чародѣемъ путемъ самаго упорнаго труда. Его вѣдомство—вѣдѣніе въ буквальномъ смыслѣ. Онъ много можетъ, потому что много знаетъ. А знаніе есть сила, сказалъ современникъ Шекспира Бэконъ, и Просперо воплощеніе этой силы.

Шекспиръ всегда прославлялъ ее. Еще въ „Генрихъ VI-мъ“, мы слышимъ:

Въ ученьи—сила,
Которой мы паримъ на небеса,
Въ невѣжествѣ-же—Божіе проклятіе.

Позже—въ комедіи „Много шума изъ ничего“—повторена основная мысль Бэкона: „Опытъ—спутникъ науки“. А въ пьесѣ „Периклъ“ даже набросанъ первый очеркъ Просперо. Это эфесскій вельможа—Церимонъ, говорящій:

Я почиталъ
Всегда гораздо выше, чѣмъ богатство
Иль знатный родъ науки и труды.
Два первыхъ затмятся иль исчезнутъ
Въ рукахъ дурныхъ наслѣдниковъ; вторые жъ
Ведутъ людей къ безсмертію, облекая
Ихъ славою боговъ.

Наконецъ, что такое Гамлетъ? Развѣ это не Просперо въ Миланѣ, сначала не изгнанный, но гонимый, а потомъ и дѣйствительно изгнанный.

На личности Гамлета видимо сосредоточены лучшія чувства поэта, и Гамлетъ представляютъ, прежде всего, неустанно работающую мысль, беззавѣтную преданность наукѣ. И вотъ Просперо изъ этой породы, на взглядъ Шекспира—благороднѣйшей среди людскихъ породъ.

Но почему же Просперо просто не ученый и мыслитель, а еще волшебникъ? Признать-ли это также аллегоріей или здѣсь есть нѣчто, указывающее на извѣстный взглядъ поэта.

Снова вспомнимъ Гамлета.

Есть многое на небѣ и землѣ.
Что и во свѣтѣ, Гораціо, не сплюсь
Твоей учености.

Что это значить? Это говорится по поводу явленія тѣни отца Гамлета. Фактъ—не допускаемый опытной положительной наукой. Но Шекспиръ и не допускалъ, чтобы только допускаемое этой наукой исчерпывало весь безграничный океанъ жизни.

Истинный мудрецъ не тотъ, кто суетвѣрія предпочитаетъ наукѣ, и не тотъ, кто изъ науки творить себѣ кумира, новое суетвѣріе, а кто скромно сознаетъ предѣлы человѣческаго знанія и не рѣшается утверждать безусловное ничто за этими предѣлами, только потому, что онъ не въ силахъ переступить ихъ.

И въ душѣ Шекспира гордая вѣра мыслителя съ мудрымъ смиреніемъ челоѣка, и это смиреніе давало ему, какъ поэту, право говорить о невѣдомомъ и неразгаданномъ.

Здѣсь была еще и другая причина.

Шекспиръ, челоѣкъ шестнадцатаго вѣка, стоялъ на границѣ двухъ міросозерцаній. Опытное знаніе заявило свои права и ему принадлежало будущее. Но средне-вѣковые туманы не могли разсѣяться сразу предъ восходящимъ солнцемъ разума. И надъ умами лучшихъ людей разстилалась будто утренная мгла, еще не осиленная дневнымъ свѣтомъ. И даже положительныя науки носили двойственную окраску: химія не успѣла вполнѣ освободиться отъ алхиміи, все еще находились искатели философскаго камня; астрологія безпрестанно соревновалась съ астрономіей, и не переводились составители гороскоповъ, даже среди настоящихъ знатоковъ новой науки.

Въ Англіи не рѣдкость было встрѣтить вполнѣ добросовѣстнаго ученаго, вѣровавшаго въ духовъ и занятаго магическими упражненіями. Шекспиръ могъ знать одного изъ такихъ—даровитаго астронома и математика, доктора Ди (Dee). Онъ пришелъ къ убѣжденію, что высшая ступень философіи ведетъ къ сношенію съ духами. И Ди добивался этихъ сношеній и умеръ въ нищетѣ и въ поискахъ за философскимъ камнемъ¹⁾. Англичане могли читать книгу чрезвычайно внушительнаго автора, самого короля Іакова. Это цѣлое изслѣдованіе по „Демонологіи“; король дока-

зывалъ, что колдовство и духи дѣйствительно существуютъ, и что дѣйствія колдуновъ заслуживаютъ суроваго наказанія¹⁾. Наконецъ, самые успѣхи опытныхъ наукъ у людей пылкаго воображенія могли вызвать чрезвычайно смѣлыя надежды на будущія завоеванія челоѣческаго разума. И полный образъ ученаго XVI-го вѣка непременно долженъ былъ вмѣщать не только основную новую идею: опытъ—спутникъ науки, но и отражать гамлетовское поученіе Гораціо.

Такъ Шекспиръ видоизмѣнилъ или восполнилъ мотивы, найденные имъ въ первоисточникѣ „Бури“. Все это онъ сдѣлалъ на основаніи простого, давно усвоеннаго имъ правила, чѣмъ долженъ быть театръ: „Время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ“, говоритъ Гамлетъ.

Преобразованія, естественно, распространились на все дѣйствіе пьесы.

VI.

Калибану посвящена обширная литература. Всѣ изслѣдователи единодушно восхищаются силой поэтическаго творчества: Шекспиръ создалъ яркій реальный образъ, не имѣя предъ глазами подлинника. И по мнѣнію многихъ, для Калибана даже вовсе не существуетъ подлинника. Шекспиръ будто предчувствовалъ дарвиновскую теорію и создалъ типъ промежуточный, восполняющій пробѣлъ между четвероногими и челоѣкомъ²⁾. Другіе признаютъ Калибана даже по внѣшности не вполнѣ челоѣкомъ, а чѣмъ-то вродѣ полурыбы, полутолени, а одинъ артистъ изображалъ Калибана на сценѣ хвостатой обезьяной³⁾. На самомъ дѣлѣ Калибанъ туземецъ новаго свѣта—ни болѣе ни менѣе, и въ сущности творчество Шекспира здѣсь не выше, чѣмъ въ созданіи и другихъ образовъ.

Калибанъ изображенъ чрезвычайно рѣзкими чертами. Просперо говоритъ о немъ самыя презрительныя рѣчи; даже Тринкуло и Стефано, грубѣйшіе представители европейскаго общества, называютъ Калибана рыбой, чудовищемъ, уродомъ. Но все это не слѣдуетъ понимать буквально. Сильныя опре-

¹⁾ Книга вышла въ 1597 году. Цитаты изъ нея у François-Victor Hugo, 81—2.

²⁾ Furness. V. Roden *Shakespeare's Sturm*, 44, мнѣніе Вильсона, въ соч. *Caliban the Missing-Link*.

³⁾ *Clement Shakespeare's Sturm* Leipzig 1846, 86 ect. Meissner 61.

¹⁾ Drake. *Shakespeare and his Times*. II, 510.

разстается со своимъ чудодѣйственнымъ поприщемъ ¹⁾).

Это толкованіе, предложенное французскимъ писателемъ, можетъ считаться образцомъ многочисленныхъ психологическихъ объясненій „Бури“. Съ разными частными видоизмѣненіями оно повторяется другими изслѣдователями ²⁾. У нѣкоторыхъ надъ автобиографическими объясненіями преобладаютъ культурно-историческія. Доказывается, напр., что „Буря“ Шекспира изображаетъ подлинную бурю, современную Шекспиру, могучее умственное движеніе, волновавшее умы Европы съ конца XV-го вѣка и до конца XVI-го вѣка. Отдѣльныя лица представляютъ разныя умственныя направленія или культурные уровни человѣческаго общества. Просперо олицетворяетъ Возрожденіе; его братъ, его притѣснитель—схластику; Аріэль—воплощеніе естественныхъ силъ, вообще природы, естественности, занимавшихъ такое видное мѣсто въ міросозерцаніи Возрожденія. Калибанъ, разумѣется, изображаетъ варварство. Любовь Миранды и Фердинанда блещетъ такой непосредственностью, искренностью, какими вообще отличалось чувство въ эпоху Возрожденія ³⁾.

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ имѣется вѣрная основа: Шекспиръ вообще поэтъ Возрожденія и защитникъ передовыхъ идей своего времени. Но это, однако, отнюдь не уполномочиваетъ живыхъ лицъ его сцены превращать въ аллегоріи.

По указанію того-же французскаго автора, король Іаковъ сурово осудилъ духовъ, сверхъестественную власть человѣка; Шекспиръ-же всталъ на защиту и духовъ и этой власти,—какъ поэтъ, налитанный народнымъ творчествомъ, и какъ мыслитель, вѣрующій въ будущіе широкіе кругозоры человѣческаго духа ⁴⁾.

Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ можетъ быть своя доля очевидной истины, и меньше всего тамъ, гдѣ толкователи усиливаются свести всю пьесу къ притчѣ, а дѣйствующихъ лицъ къ олицетвореніямъ нравственныхъ понятій. Никогда талантъ Шекспира не могъ упасть до такого уровня, гдѣ со сцены исчезла-

бы реальная игра человѣческихъ силъ и страстей, и оставались только преднамѣренныя комбинаціи отвлеченныхъ представленій.

Совершенно напротивъ — именно въ „Бурю“ во всей полнотѣ вложена душа поэта. Мало сказать, пьеса его завѣщаніе; не всякое завѣщаніе отражаетъ всего человѣка со всѣмъ, что онъ пережилъ и передумалъ. Завѣщаніе—заключительный моментъ жизни, и воспроизводитъ настроенія человѣка въ этихъ именно моментахъ. Такъ и поняли „Бурю“ ея автобиографическіе толкователи. Для нихъ рѣшающій и руководящій фактъ—рѣчи Просперо; гдѣ говорится объ уходѣ на покой.

Мы думаемъ—смыслъ пьесы и шире, и глубже. Его слѣдуетъ искать въ связи съ другими произведеніями Шекспира. Если „Буря“ вѣнецъ его литературной дѣятельности,—онъ не могъ не воспроизвести въ ней самыхъ упорныхъ своихъ думъ, самыхъ неотвязчивыхъ своихъ образовъ. И если мы припомнимъ наиболѣе лирическія, и, несомнѣнно, наиболѣе личные рѣчи въ драмахъ поэта — мы сумѣемъ постигнуть эти думы и образы.

Шекспиръ былъ актеръ и писалъ для сцены. И вотъ сцена дала ему самое излюбленное изображеніе человѣческой жизни.

Безпрестанно переходя отъ сцены къ жизни и отъ жизни къ сценѣ, наблюдая за измѣнчивымъ круговоротомъ дѣйствительности и за пестротой сценическихъ явленій—Шекспиръ рано пришелъ къ убѣжденію: жизнь—это та же сцена, люди—актеры; и здѣсь такъ же быстро слезы смѣняются смѣхомъ, молодость—старостью, побѣды—пораженіемъ.

И при всякомъ случаѣ Шекспиръ эту истину спѣшилъ высказать, иногда влагая ее въ уста даже героямъ, лично врядъ-ли способнымъ выражать подобныя мысли.

Такъ, на примѣръ, знаменито чрезвычайно лирическое, мрачное изліяніе Макбета:

Что жизнь? Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неистово шумящій на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми.

Неожиданная рѣчь въ устахъ древняго шотландскаго короля! Но она такъ умѣстна вообще, передъ головокружительной быстротой событій, захватывающихъ Макбета. И передъ нами, конечно, самъ поэтъ.

И мы давно подготовлены къ этой рѣчи.

Еще въ комедіи „Какъ вамъ угодно“ герцога такъ утѣшалъ меланхоличнаго Жака:

¹⁾ Montégut. *Revue des deux Mondes*. 1895, 1 août.

²⁾ Boas *Des Sturm und das Wintermärchen*. Stettin 1882. Boyle. *Shakespeare's Wintermärchen und Stürm*. St. Pet. 1885.

³⁾ Roden. *Shakespeare's Sturm*. Leipzig. Своеобразное историческое толкованіе.

⁴⁾ François-Victor Hugo. *Oeuvres complètes de Shakespeare*. II.

Вотъ видишь, мы несчастны не одни.
 На міровой необозримой сценѣ
 Являются картины во сто разъ
 Ужаснѣе, чѣмъ на подмосткахъ этихъ,
 Гдѣ мы съ тобой играемъ.

Въ „Венеціанскомъ купцѣ“—Антоніо повторяетъ то же самое:

Я этотъ міръ считаю
 Лишь тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ онъ:
 Подмостками, гдѣ роль играютъ всѣ люди
 Обязаны. А мнѣ досталась роль
 Печальная.

Вотъ взгляды Шекспира на жизнь и человѣческую судьбу,—художественно-картинный и философски-опредѣленный.

„Буря“, по нашему мнѣнію—не что иное какъ драматизація этой картины, этого убѣжденія.

Прежде всего предъ нами настоящій микрокосмъ человѣческаго міра.

Отъ представителя высшей умственной культуры до дикаря—исчерпаны, кажется, всѣ возможныя проявленія человѣческой природы, призваны всѣ наиболѣе вліятельныя страсти—любовь, честолюбіе, масть, ненависть, зависть, раскрыты многообразныя воззрѣнія на жизнь и человѣка: идеальныя, пошлыя, эгоистическія, варварскія. Изображены и дѣйствія людей, соотвѣтствующія разнымъ характерамъ и страстямъ; на одномъ полюсѣ человѣческаго бытія страдающій ради любви Фердинандъ и сострадающая ему Миранда; на другомъ—подлый заговоръ на братоубійство. И какъ разрѣшаются всѣ эти коллизіи? И кто ихъ разрѣшаетъ?

Аріэль, духъ, готовый ежеминутно растаять въ воздухѣ: онъ, оказывается, сильнѣе всѣхъ этихъ мятущихся, повидимому, столь реальныхъ созданій, занимающихъ такъ много мѣста на землѣ.

Аріэль сплетаетъ и развязываетъ драмы и комедіи среди горе-богатырей, воображающихъ себя чрезвычайно мудрыми и значительными.

Нѣсколько звуковъ—и мѣняется ихъ настроеніе; нѣсколько словъ—и разстраиваются ихъ планы.

Развѣ все это не „мимолетная жизнь“, не фигляръ, шумящій на помостѣ? И кто-же виновникъ всей этой игры?

Не Аріэль,—онъ самъ орудіе въ чужихъ рукахъ. Виновникъ—Просперо. И вы видите, въ чемъ сущность его силы.

Не въ томъ, что онъ—волшебникъ, что онъ повелитель духовъ, а въ томъ, что онъ такъ много думалъ, такъ много знаетъ и такъ много цѣнитъ то, что знаетъ. Онъ не дожидается минуты, когда для него исчезнетъ необходимость пользоваться знаніемъ и властью.

Дочь—близка его сердцу, ея судьба—его высшій интересъ; онъ человѣкъ и отецъ; но все, что волнуетъ людей, что заставляетъ ихъ шумѣть на жизненныхъ подмосткахъ—все это „сказка въ устахъ глупца, богатая словами и звономъ фразъ, но нищая знаніемъ“.

И чѣмъ скорѣе перестать играть роль въ этой сказкѣ, тѣмъ лучше и разумнѣе.

Просперо не впадаетъ въ мечтательное раздумье Гамлета, не тратитъ времени на романтическія грезы о судьбѣ праха Александра Македонскаго, но его мудрость, несомнѣнно, прошла чрезъ гамлетовскій молодой романтизмъ, и Просперо подчасъ не можетъ удержаться, чтобы не впасть въ меланхолическій тонъ датскаго принца и не изобразить призрачности не только побѣдъ героевъ, а вообще всего человѣческаго величія и великолѣпія.

Но въ этомъ лирическомъ изліяніи и слышится господствующій мотивъ всей пьесы:

Придетъ пора, когда
 Подобно этимъ призрачнымъ видѣніямъ
 И все исчезнетъ также.

И „пророческія видѣнія“ призваны на сцену затѣмъ, чтобы показать призрачность „земной нашей жизни“.

Одно не призрачно среди этихъ призраковъ—великая сила духа, постигающая правду жизни.

Герой одинъ—Просперо. Только онъ знаетъ, что и зачѣмъ дѣлаетъ; только ему вѣдома настоящая цѣна человѣческихъ страстей, человѣческаго горя и счастья. И потому онъ спѣшитъ уйти изъ этой смуты призраковъ.

Съ нимъ уходитъ и самъ поэтъ, и на прощанье хочетъ сказать тѣ самыя слова, какія почти двѣсти лѣтъ спустя написалъ человѣкъ другого нравственнаго склада, другого генія, другого народа, но еще больше захваченный вихремъ человѣческихъ дѣлъ и не менѣе близко ощутившій нравственную сущность людской суеты.

Это слова Вольтера: „воздѣлывайте свой садъ“.

Ив. Ивановъ.

Дѣйствующія лица:

Алонзо, король неаполитанскій.
Себастьянъ, братъ Алонзо.
Просперо, законный герцогъ миланскій.
Антоніо, братъ Просперо, похититель
миланскаго престола.
Фердинандъ, сынъ Алонзо.
Гонзало, старый и честный неаполитан-
скій совѣтникъ.
Адріанъ
Францискъ } неаполитанскіе синьоры.
Тринкуло, шутъ.
Стефано, пьяница-ключникъ.
Калибанъ, уродливый невольникъ-дикарь.
Капитанъ корабля, боцманъ и ма-
тросы.
Миранда, дочь Просперо.
Аріэль, духъ воздуха.
Ириса
Церера } духи.
Юнона
Нимфы
Жинны
Другіе духи, подвластные Просперо.
Дѣйствіе происходитъ сначала на морѣ, на
кораблѣ, а потомъ на необитаемомъ островѣ.

Книжная рамка эпохи Ренессанса (Аугсбургъ, 1520: работы извѣстнаго Даниэля Гонсфера (Daniel Hopfer).

ГИБНУЩІЙ КОРАБЛЬ АЛОНЗО.

*Картина знаменитаго англійскаго живописца Ромнея (George Romney, Р. А. 1734—1802).
(Большая Бойделевская Галлерей).*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

МОРЕ. КОРАБЛЬ.

Буря съ громомъ и мѣліею.

*Входятъ капитанъ корабля и боцманъ
съ разными сторонами.*

Капитанъ. Боцманъ!

Боцманъ. Здѣсь, капитанъ. Что надо?

Капитанъ. Хорошо! Покрикивай-ка на матросовъ. Работайте живѣй, не то сядемъ на мель! Поворачивайтесь, поворачивайтесь!
(Уходитъ).

Входятъ матросы.

Боцманъ. Эй, дѣтки! смѣлѣй, смѣлѣй, моими-де! Живо, живо! Подберите-ка марсель! Слушать капитанскій свистокъ! Ну, теперь дуй-себѣ, пока лопнешь!

Входятъ Алонзо, Севастіанъ, Антоніо, Фердинандъ, Гонзало и другіе.

Алонзо. Постарайся, любезный боцманъ! Гдѣ капитанъ? Докажите, что вы молодцы!

Боцманъ. Прошу васъ теперь оставаться внизу.

Антоніо. Боцманъ, гдѣ капитанъ?

Боцманъ. Развѣ не слышите—гдѣ? Вы мѣшаете намъ! Сидите въ своихъ каютахъ: здѣсь вы только помогаете бурѣ.

Гонзало. Полно, любезный, успокойся.

Боцманъ. Когда море успокоится. Ступайте! Какое дѣло этимъ ревунамъ до имени короля? Ступайте въ каюты, молчите и не мѣшайте намъ!

Гонзало. Хорошо; но не забывай, однако, кто на твоёмъ кораблѣ.

Боцманъ. Да ужъ вѣрно здѣсь нѣтъ

никого, кого бы я любилъ болѣе самого себя. Вы—срѣтники: если можете повелѣвать стихіями и усмирить ихъ сію же минуту, такъ распоряжайтесь—и мы не дойдемъ ни до одного каната; а не можете, такъ благодарите Небо за то, что такъ долго прожили и приготовьтесь въ своей каютѣ къ послѣднему часу, если намъ не суждено миновать его. (*Къ матросамъ*). Смѣлѣй, мои милые! (*Къ Гонзало и прочимъ*). Убирайтесь же, говорю я вамъ! (*Уходятъ*).

Гонзало. Этотъ малый поддерживаетъ сильно мою надежду. Мнѣ кажется, что ему не суждено утонуть: онъ гораздо болѣе похожъ на человѣка, котораго ожидаетъ вистѣлица. О, благодѣтельная судьба, сохрани его для вистѣлицы! Сдѣлай предназначенную ему веревку нашимъ якорнымъ канатомъ, такъ какъ на собственный—плохая надежда. Плохо намъ, если этотъ молодецъ не рожденъ для вистѣлицы! (*Алонзо, Гонзало и прочіе уходятъ*).

Боцманъ возвращается.

Боцманъ. Отпуская брамстенгу! живо! ниже, ниже! Пусты на фок-зейль! (*Слышенъ крикъ внутри корабля*). Чтобъ чума переморила этихъ визгуновъ! Изъ-за нихъ не слышно ни бури, ни команды.

Входятъ Севастіанъ, Антоніо и Гонзало.

Боцманъ. Опять! Что вамъ здѣсь надо? Или намъ бросить все и утонуть? Развѣ вамъ хочется идти ко дну?

Севастіанъ. Чтобъ оспа перехватила тебѣ глотку, несносный крикунъ, богохульникъ, безжалостная собака!

Боцманъ. Такъ распоряжайтесь сами.

Антоніо. Повѣситъ бы тебя, негодную собаку! Повѣситъ бы тебя, дерзкаго крикуна! Мы меньше тебя боимся потонуть.

Гонзало. Я ручаюсь, что онъ не потонетъ, хотя бы корабль этотъ былъ не тверже орѣховой скорлупы и такъ же ненасытенъ, какъ развратная женщина.

Боцманъ. Поведите корабль какъ можно ближе подъ вѣтеръ! Отдай оба паруса—и опять въ море! Отваливай!

Вбѣгаютъ измокшіе матросы.

Матросы.

Къ молитвѣ, къ молитвѣ! скорѣй! все погибло! (*Уходятъ*).

Боцманъ.

Къ молитвѣ? Уже-ли пришлось намъ погибнуть?

Гонзало.

Король на молитвѣ и принцъ на молитвѣ. Пойдемте: судьба ихъ должна быть и нашей.

Севастіанъ.

Терпѣнье все я потерялъ!

Антоніо.

Какъ бы!

По милости мы пьяницы погибаемъ. Горластый враль, взглянулъ бы на тебя, Промытаго порядкомъ десятью Приливами!

Гонзало.

Нѣтъ, онъ повѣшенъ будетъ—Я убѣжденъ; хотя бы мнѣ клялись Всѣ капельки въ противномъ—не повѣрю. Хотъ всѣ онъ, чтобъ поглотить его, Разинуть пасть—онъ ускользнетъ, я знаю.

Разныя голоса (*внутри корабля*). Боже помилуй! Погибаемъ! погибаемъ! Прощай, жена! прощайте, дѣти! прощай, братья! Погибаемъ! погибаемъ! погибаемъ!

Антоніо.

Пойдемте всѣ погибнуть съ королемъ!

Севастіанъ.

Пойдемте всѣ проститься съ ними на-вѣки. (*Уходятъ*).

Гонзало. Какъ бы охотно я далъ теперь тысячу миль моря за одинъ клочекъ безплодной земли, покрытой тростникомъ, терномъ или чѣмъ угодно. Но да совершится воля неба! А все лучше бы умереть на сушѣ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Часть острова съ пещерою Просперо.

Входятъ Просперо и Миранда.

Миранда.

Родитель мой, когда своимъ искусствомъ Заставилъ ты такъ волны бушевать, То утиши ихъ. Кажется, что небо Дождило бы на землю съ высоты Пылающей и смрадной смолою, Когда-бъ валы, вздымаясь до небесъ, Огонь небесъ собой не утушили. Страдала я, взирая на страданья Несчастныхъ. Какъ прекраснѣйшій корабль, Съ пловцами благородными на немъ, Изломанъ въ щепы! Вопль ихъ отозвался!

МИРАНДА ПРОСИТЪ ПРЕСПЕРА УТИШИТЬ БУРЮ.

Картина известнаго нѣмецк. художника проф. Генриха Гофмана (Heinrich Hofmann, p. 1824).

Въ моей душѣ. Бѣдняжки—всѣ погибли!
О, если-бъ я была могучимъ богомъ,
Низринула-бъ я въ бездну это море
Но поглотить какъ нынче не дала-бы
Я нагруженный душами корабль.

Просперо.

Покойна будь, оставь напрасный страхъ
И своему чувствительному сердцу
Скажи, что всѣ остались невредимы.

Миранда.

О, горькій день!

Просперо.

Бѣды не приключилось.

Я эту бурю поднялъ для тебя,
Мое дитя, единственная дочь.
Не знаешь ты, кто ты, откуда самъ я.
Ты думаешь, что бѣдный твой отецъ
Властитель лишь пещеры этой бѣдной.

Миранда.

Мнѣ никогда желанье больше знать
Не кралось въ мысль.

Просперо.

Теперь настало время

И ты должна знать болѣе. Дай руку
И помоги мнѣ снять волшебный плащъ.

(Снимаетъ плащъ).

Покойся здѣсь, ты символъ чаръ моихъ
Утѣшься, дочь, утри остатокъ слезъ!
То зрѣлище, которымъ состраданье
Въ твоей душѣ такъ сильно потряслось,
Я произвелъ могуществомъ искусства
Съ намѣреньемъ, но такъ, что ни одинъ
Изъ всѣхъ людей, изъ всѣхъ живыхъ тво-
реній,

Которыхъ вопль ты слышала вдали,
Которыхъ ты погибшими считала,

Ни волоска съ главы не потерялъ.
Садись—узнать о многомъ ты должна.

МИРАНДА.

Ты начиналъ мнѣ часто говорить
О томъ, кто я; но каждый разъ вначалѣ
Ты свой рассказъ внезапно прерывалъ
И оставлялъ меня соображеньямъ,
Кончая такъ: *не время—подождемъ.*

ПРОСПЕРО.

Такъ; но теперь настало это время,
Насталъ тотъ часъ, въ который ты должна
Услышать все. Вниманье—повинуйся!
Припомнишь ли ты время передъ тѣмъ,
Какъ мы въ пещерѣ этой поселились?
Не думаю: не болѣе трехъ лѣтъ
Имѣла ты.

МИРАНДА.

Нѣтъ, помню, мой родитель,
Немногое.

ПРОСПЕРО.

Скажи жъ, что помнишь ты?
Другой ли домъ, или лицо другое?
Скажи мнѣ все, что память сберегла.

МИРАНДА.

Все такъ темно. Теперь припоминаю
Объ этомъ я, какъ-будто обо снѣ.
Мнѣ помнится, что я всегда имѣла
Вокругъ себя не менѣе пяти
Прислужницъ.

ПРОСПЕРО.

Да, ты ихъ имѣла больше,
Какъ память ты объ этомъ сохранила?
Ну, что еще ты видишь въ темнотѣ
И въ глубинѣ временъ, давно минувшихъ?
Ты, можетъ быть, припомнишь и о томъ,
Какъ мы съ тобой сюда переселились?

МИРАНДА.

Нѣтъ, этого не помню я, отецъ.

ПРОСПЕРО.

Двѣнадцать лѣтъ тому, моя Миранда,
Двѣнадцать лѣтъ тому, какъ твой отецъ
Былъ герцогомъ Милана и могучимъ
Властителемъ.

МИРАНДА.

Такъ ты мнѣ не отецъ?

ПРОСПЕРО.

Нѣтъ, мать твоя, живая добродѣтель,
Сказала мнѣ, что я былъ твой отецъ;
А твой отецъ былъ герцогомъ Милана;

А ты его единственная дочь,
Наслѣдница...

МИРАНДА.

Какое же несчастье,
Надъ нами такъ жестоко подшутивъ,
Насъ бросило на этотъ голый островъ?
Иль счастье насъ перенесло сюда?

ПРОСПЕРО.

Несчастье и вмѣстѣ счастье было.
Дитя мое, права ты! Надо мной
Несчастье жестоко подшутило;
Но, къ счастью, мы прибыли сюда.

МИРАНДА.

Сочится кровью сердце оттого,
Что я тебѣ напомнила печали,
Мной позабытая. Но продолжай.

ПРОСПЕРО.

Антонію, твой дядя, а мой братъ...
Но слушай же, прошу, со всѣмъ внимань-
емъ!—

Бываетъ ли когда коварный братъ?—
Я по тебѣ всего сильнѣе въ мірѣ
Его любилъ. Ему я поручилъ
Все герцогство во власть и управленье.
Оно сильнѣе всѣхъ владѣній было!
Изъ герцоговъ же первымъ былъ Просперо.
Онъ не имѣлъ соперниковъ нигдѣ
Въ своей любви къ свободному искусству.
Всего себя наукамъ посвятивъ,
Я передалъ правленье государствомъ
Антонію, а самъ остался чуждъ
Его дѣламъ. Самъ въ тайныя науки
Я былъ тогда всѣмъ сердцемъ погруженъ.
Коварный братъ! Но слушай же, Миранда!

МИРАНДА.

Внимательно я слушаю тебя.

ПРОСПЕРО.

Извѣдавъ всѣ пружины управленья,
Сталъ милости съ расчетомъ раздавать—
И понялъ онъ, кого возвысить должно,
Или кого низвергнуть съ высоты
За то, что онъ возвысился. Ну, словомъ,
Пересоздалъ всѣхъ вѣрныхъ мнѣ людей:
Хочу сказать, что всѣхъ моихъ придвор-
ныхъ
Онъ измѣнилъ иль вновь образовалъ.
Такъ, овладѣвъ вполне ключемъ держав-
нымъ
Отъ высшихъ мѣстъ и отъ сердецъ людей,
Онъ всѣ сердца настроилъ по желанью,
И скоро самъ—все крѣпче, все сильнѣй—
Обвилъ, какъ плющъ, властительное древо

И высосаль сокъ зелени моей.
Прошу тебя—вниманье! Ты не слышишь?

МИРАНДА.

О, мой отецъ, я слушаю тебя!

ПРОСПЕРО.

А я, забывъ всѣ выгоды мірскія,
Я въ тишинѣ хотѣлъ обогатить
Мой жадный умъ таинственной наукой,
Которая, не будь для пониманья
Всеобщаго такъ недоступной
Стояла-бы, конечно, выше всѣхъ.
И быстро росъ въ моемъ коварномъ братѣ
Враждебный духъ; довѣрчивость моя
Коварство въ немъ столь сильно развила,
Сколь сильную имѣлъ въ него я вѣру.
Дѣйствительно, безъ мѣры, безъ границъ
Къ нему питалъ я любовь и вѣру.
Онъ овладѣлъ доходами и всѣмъ,
Что вправѣ былъ требовать, какъ герцогу;
И до того онъ правду затемнилъ
Въ своемъ умѣ, что, наконецъ, повѣрилъ,
Какъ истинѣ, своей безстыдной лжи:
Увѣрилъ, что пользуясь правами
Властителя и исполняя всѣ
Наружные обряды управленья,
Онъ герцогу самъ—и сластолюбя духъ
Питался въ немъ безумнымъ убѣжденьемъ.
Ты слышишь ли?

МИРАНДА.

Разсказъ твой, мой отецъ,
Отъ глухоты излѣчить поневолѣ.

ПРОСПЕРО.

Чтобы вполнѣ съ желаніемъ своимъ
Согласовать характеръ новой роли,
Къ престолу онъ послѣдній сдѣлалъ шагъ.
Мнѣ, бѣдняку, моя библіотека
Была престолъ—и онъ, предположивъ,
Что царствовать я вовсе не способенъ,
Условился съ враждебнымъ королемъ
Неаполя—такъ жаденъ былъ онъ къ вла-
сти—

Платить ему съ покорностію дань
И подчинить коронѣ королевской
Внѣцъ миланскихъ герцоговъ, а съ нимъ
И герцогство, не знавшее дотолѣ
Позорныхъ узъ. О, бѣдный мой Миланъ!

МИРАНДА.

О, небеса!

ПРОСПЕРО.

Замѣть его условия
И дѣйствія—и мнѣ скажи потомъ,
Ужели братъ такъ можетъ поступать?

МИРАНДА.

О бабушкѣ дурное мнѣ грѣшно
Предположить; но добрая утроба
Не разъ дурныхъ рождала сыновей.

ПРОСПЕРО.

Послушай, вотъ въ чемъ были ихъ условия:
Мой старый врагъ, Неаполя король,
Склоняется на убѣжденья брата,
Чтобы взамѣнъ покорности его
И дани—я не знаю, сколь великой—
Навѣкъ меня со всѣмъ моимъ семействомъ
Отъ герцогства немедленно отрѣшивъ,
Всѣ почести и мой Миланъ прекрасный
Отдать ему. Чтобъ это совершить,
Измѣнниковъ они толпу набрали.
И вотъ въ одну условленную ночь
Антоніо имъ отворилъ ворота.
И въ самую глухую темноту
Изгнали насъ съ тобою изъ Милана.
Ты плакала...

МИРАНДА.

Какъ грустно, Боже мой!
Не помню я, какъ плакала тогда я,
Но хочется заплакать мнѣ опять—
Въ моихъ глазахъ ужъ чувствую я слезы.

ПРОСПЕРО.

Но слушай же. Я объясню тебѣ
Съ подробностію, зачѣмъ я вызвалъ бурю:
Безъ этого не кстати-бъ былъ разсказъ.

МИРАНДА.

Но отчего жъ они насъ не убили?

ПРОСПЕРО.

Да, дочь моя, вопросъ твой справедливъ:
Онъ вызванъ былъ въ тебѣ моимъ раз-
сказомъ.

Они убить тогда не смѣли насъ:
Я былъ всегда любимъ моимъ народомъ;
Не смѣли знакъ кровавый положить
Они на свой безсовѣстный поступокъ;
Они его старались облачить
Наружностію сколь можно благородной.
Поспѣшно насъ до барки довели
И отвезли на ней далеко въ море,
Гдѣ былъ готовъ давно изгнившій ботъ,
Безъ парусовъ, безъ мачтъ и неснащенный.
Предчувствуя опасность, изъ него
Уже давно перебрались всѣ крысы.
Въ него-то насъ съ тобою посадили—
Взывать къ волнамъ бушующимъ подъ нами,
А вздохами взывать въ тоскѣ къ вѣтрамъ,
Которые, какъ бы изъ состраданья,
Сильнѣе насъ вздыхали намъ въ отвѣтъ,
Но намъ своимъ участіемъ лишь вредили.

МИРАНДА.

Я бременем тогда тебѣ была!

ПРОСПЕРО.

Нѣтъ, дочь моя! была бы херувимомъ—
Спасителемъ. Какъ улыбалась ты,
Небесною исполненная силой,
Тогда какъ я въ печали окроплялъ
Морскую хлябь горячими слезами.
Я надъ тобой съ отчаяньемъ стоналъ,
А ты во мнѣ улыбкой пробуждала
Могучую рѣшимость перенести
Все то, что насъ въ грядущемъ ожидало.

МИРАНДА.

Но какъ же мы до берега достигли?

ПРОСПЕРО.

Намъ помогло святое Провидѣнье
И Гонзало, совѣтникъ короля,
Назначенный изгнать насъ изъ Милана.
Онъ сжалился и намъ немного далъ
Рѣчной воды, необходимой пищи,
Потомъ еще прибавилъ онъ бѣлье,
Матеріи, богатая одежда—
Все нужное, для жизни, и оно
Впослѣдствіи намъ очень пригодилось.
Онъ былъ такъ добръ, что даже не забылъ,
Какъ я любилъ занятія наукой—
И нѣсколько доставилъ онъ мнѣ книгъ,
Которыя дороже мнѣ престола.

МИРАНДА.

Какъ я его желала-бъ увидать!

ПРОСПЕРО.

Но встану я, а ты сиди и слушай,
Какъ на морѣ окончился нашъ путь.
Мы прибыли сюда, на этотъ островъ.
Я началъ самъ воспитывать тебя—
И сдѣлала ты болѣе успѣховъ,
Чѣмъ многія изъ царственныхъ дѣтей,
Которыя въ ничтожныхъ развлеченьяхъ
Проводятъ дни и у которыхъ нѣтъ
Наставниковъ, такихъ какъ я усердныхъ.

МИРАНДА.

За то тебя самъ Богъ вознаградить!
Теперь прошу тебя, о мой родитель—
Я все еще встревожена—скажи,
Зачѣмъ ты бурей море всколебалъ?

ПРОСПЕРО.

Узнай, мой другъ: не понимаю—какъ,
Но счастье на островъ нашъ приводитъ
Моихъ враговъ Предвѣдѣньемъ моимъ
Я усмотрѣлъ звѣзду въ моемъ зенитѣ:

Она блеситъ благопріятно мнѣ!

Но если я теперь ея влѣяньемъ
Пренебрегу, то всѣ мои дѣла
Идти все будутъ хуже съ каждымъ днемъ
И, наконецъ, разстроятся совѣмъ.
Но прекрати теперь свои вопросы.
Ты хочешь спать? Скорѣй предайся сну—
Онъ принесетъ тебѣ успокоенье:
Не въ силахъ ты противиться ему!
(*Миранда засыпаетъ*).

Явись сюда, явись, слуга мой вѣрный,
Мой Аріэль! приблизься—я готовъ!

Является Аріэль.

Аріэль.

Я предъ тобой, могучій повелитель!
Ученый мужъ, привѣтствую тебя!
Готовъ всегда свершать твои желанья.
Велишь ли ты летѣть мнѣ или плыть,
Велишь ли ты мнѣ погрузиться въ пламя,
Иль нестись верхомъ на облакахъ—
Во всемъ тебѣ послушенъ Аріэль,
А съ нимъ и всѣ способности его.

ПРОСПЕРО.

Такъ точно-ли ты бурю произвелъ,
Какъ я тебѣ приказывалъ сегодня?

Аріэль.

Все сдѣлано, какъ повелѣлъ Просперо.
Я на корабль Алонзо вдругъ напалъ;
То тамъ, то здѣсь, на палубѣ, въ каютахъ
Я зажигалъ отчаянье и страхъ,
По временамъ дѣлился самъ на части
И падалъ вдругъ на многія мѣста;
На стеньги, марсъ, на реи, на бугсприть,
Нежданное бросалъ я пламя врознь,
Потомъ его въ одно соединялъ я—
И молнія, предвѣстница громовъ,
Не такъ быстра, какъ я былъ въ это время.
Казалось, Нептунъ былъ осажденъ
На этотъ часъ огнемъ ревущей сѣры,
И самъ его трезубецъ трепеталъ,
И въ ужасѣ его вздымались волны.

ПРОСПЕРО.

Мой храбрый духъ, спасибо! Былъ ли тамъ
Хотя одинъ довольно-твердый духомъ.
Чтобъ бѣдный свой разсудокъ уберечь?

Аріэль.

Нѣтъ, ни души: трясла всѣхъ лихорадка
Безумія, всѣхъ ужасъ оковалъ.
На корабль остались лишь матросы,
А прочіе, отъ моего огня,
Изъ корабля всѣ бросились въ море.
Сынъ короля Алонзо, Фердинандъ,

Съ торчащими отъ страха волосами,
Похожими скорѣе на камышъ,
Былъ первый тамъ и закричалъ, бросаюсь:
„Адъ опустѣлъ—и дьяволы всѣ здѣсь!“

ПРОСПЕРО.

Ну, хорошо! Но близокъ ли былъ берегъ?

АРИЭЛЬ.

Близехонько.

ПРОСПЕРО.

А всѣ ли спасены?

АРИЭЛЬ.

Ни волоса съ головъ ихъ не пропало;
Ручаюсь я, что даже на одеждахъ,
Которыя несли ихъ по водѣ,
Нѣтъ пятнышка: онѣ свѣжѣй, чѣмъ прежде.
И помни все, что ты мнѣ приказалъ,
По острову я всѣхъ ихъ разбросалъ.
Сынъ короля, вотъ такъ скрестивши руки,
Сидитъ одинъ въ пустынномъ уголкѣ
И вздохами тамъ освѣжаетъ воздухъ.

ПРОСПЕРО.

Но гдѣ теперь матросы и корабль?
Что сдѣлалъ ты съ остатками ихъ флота?

АРИЭЛЬ.

Я къ пристани корабль ихъ подогналъ.
Ты помнишь тотъ глубокой закоулокъ,
Куда меня призвалъ ты какъ-то въ полночь
Собрать росу Бермудскихъ острововъ?
Тамъ скрытъ корабль: онъ безопасенъ тамъ.
Матросы въ немъ забилися подъ люки
И крѣпкимъ сномъ почіютъ отъ трудовъ,
Покорные моимъ могучимъ чарамъ.
А главный флотъ и въ морѣ разметалъ;
Но онъ теперь соединился снова
И невредимъ стремится по волнамъ,
Печально путь въ Неаполь направляя,
Увѣренный, что самъ король погибъ.

ПРОСПЕРО.

Ты совершилъ прекрасно порученье,
Но много дѣлъ намъ предстоитъ еще.
Который часъ?

АРИЭЛЬ.

Ужъ перешло за полдень.

ПРОСПЕРО.

Такъ, склянки на двѣ... До шести часовъ
Намъ времени осталось немного.
Съ расчетомъ мы употребимъ его.

АРИЭЛЬ.

Какъ, мнѣ еще работа предстоитъ?

Когда меня такъ много утруждаешь,
Позволь хотя напомнить здѣсь тебѣ,
Что позабылъ сдержать ты обѣщанье.

ПРОСПЕРО.

Что тамъ такое? Своенравный духъ,
Что требовать еще ты затѣваешь?

АРИЭЛЬ.

Свободу.

ПРОСПЕРО.

Ба! И говорить не смѣй,
Пока твое не совершится время!

АРИЭЛЬ.

Прошу тебя, припомни: оказалъ,
Вѣдь, я тебѣ ужъ всякую услугу.
Я никогда передъ тобой не лгалъ,
Служилъ безъ ропота и жалобъ
И въ промахи ни разу не попалъ.
Ты обѣщалъ свободу годомъ раньше.

ПРОСПЕРО.

Такъ ты забылъ, чѣмъ ты обязанъ мнѣ,
Что я тебя избавилъ отъ мученій?

АРИЭЛЬ.

Нѣтъ.

ПРОСПЕРО.

Ты забылъ и счелъ за важный трудъ,
Что ты скользишь по брызгамъ океана,
Что носишься на сѣверныхъ вѣтрахъ,
Иль въ глубь земли, служа мнѣ, проникаешь,
Когда ее окостенитъ морозъ?

АРИЭЛЬ.

О, я готовъ служить, мой повелитель!

ПРОСПЕРО.

Лжешь, хитрый духъ! Ты вѣрно позабылъ
Ужасную колдунью Сикораксу,
Которая, отъ зависти и лѣтъ,
Такъ хорошо была въ кольцо согнута?

АРИЭЛЬ.

Нѣтъ.

ПРОСПЕРО.

Ты забылъ. Гдѣ родилась она,
Скажи-ка мнѣ?

АРИЭЛЬ.

Въ Алжирѣ, повелитель!

ПРОСПЕРО.

О! точно ль тамъ? Я вижу, долженъ я
Про то, чѣмъ былъ, и что ты забываешь,
Хоть въ мѣсяцъ разъ тебѣ напоминать.

Проклятую колдунью Сикораксу
За волшебство и злобныя дѣла,
Которыя и вспомнить людямъ страшно,
Изъ родины изгнали—знаешь самъ!
Но за одно какое-то дѣянье
Чтобъ наградить, оставили ей жизнь.
Не такъ ли, духъ?

Аріэль.

Такъ точно, повелитель!

Просперо.

Въ то время былъ у синеглазой сынъ,
И съ нимъ ее покинули матросы
На островѣ. Ты, вѣрный мой слуга,
Какъ знаешь самъ, служилъ тогда колдунѣ;
Но, будучи чувствителенъ и добръ,
Ты отступалъ порой отъ исполненія
Ея земныхъ неистовыхъ затѣй.
За то, что ты ея предначертаньямъ
Не захотѣлъ усердно помогать,
Взбѣшенная колдунья Сикоракса,
При помощи другихъ своихъ духовъ,
Въ расщепъ сосны тебя заколотила.
Тамъ пробылъ ты двѣнадцать долгихъ лѣтъ
Въ безрадостномъ, тяжеломъ заключеніи.
А между тѣмъ колдунья умерла,
Забывъ тебя въ твоей тюрьмѣ сосновой,
Гдѣ вопли ты такъ часто выпускалъ,
Какъ въ мельницѣ колесъ большихъ удары.
Но островъ былъ тогда почти что пустъ:
Страшилище, отродье злой колдуньи,
Ея сынокъ скитался здѣсь одинъ.

Аріэль.

Да, Калибанъ—такъ точно—сынъ колдуньи.

Просперо.

О, глупый духъ! не то ли я сказалъ?
Онъ, Калибанъ, котораго въ услугу
Теперь я взялъ. Ты долженъ лучше знать,
Въ какомъ тебя нашелъ я здѣсь мученьи.
Ты заставлялъ стenanъемъ быть волковъ,
Ты пробуждалъ медвѣдей вѣчно-гнѣвныхъ.
Проклятые не будутъ такъ страдать,
Какъ ты страдалъ; но злая Сикоракса
Ужъ не могла тебя освободить.
Прибывъ сюда, я внялъ твоимъ стенаньямъ,
Я съ помощью искусства раздвоилъ
Опять сосну и далъ тебѣ свободу.

Аріэль.

Благодарю тебя, мой господинъ.

Просперо.

Но если я услышу вновь твой ропотъ
Противъ меня, то раздвою я дубъ,
И тамъ въ его узлистой сердцевинѣ
Оставлю быть тебя двѣнадцать зимъ.

Аріэль.

Я виноватъ: прости, мой повелитель!
Готовъ повиноваться—и смиренно
Я исполнять обязанности духа.

Просперо.

Вотъ дѣлай такъ—и чрезъ два дня свободу
Тебѣ я дамъ.

Аріэль.

Готовъ, мой повелитель!

Скажи скорѣй, что долженъ дѣлать я?

Просперо.

Преобразись—поди—въ морскую нимфу,
Будь видимъ лишь для одного меня
И невидимъ для всякаго другого.
Ступай же, духъ, и возвратись сюда
Красавицей. (*Аріэль исчезаетъ*).

Проснись, моя Миранда!

Проснись—пора: ты хорошо спала.

Миранда.

Родитель мой, отъ странности разсказа
Въ тяжелое я впала забыты!

Просперо.

Страхни его. Пойдемъ теперь со мною—
Посмотримъ, гдѣ слуга нашъ, Калибанъ.
Увѣренъ я—онъ грубостью насъ встрѣтитъ.

Миранда.

Онъ негодяй. Я не люблю его.

Просперо.

Что дѣлать, другъ; однако онъ полезенъ
Носить дрова и разводить огонь.
Эй, Калибанъ! Эй, рабъ, комокъ земли,
Откликнись!

Каливанъ (*за сценой*).

Здѣсь еще довольно дровъ.

Просперо.

Иди сюда скорѣе, черепаха:
Здѣсь для тебя другое дѣло есть.

Является Аріэль въ видѣ морской нимфы.

Просперо.

Мой Аріэль, прелестное явленіе,
Послушай-ка словечко на ушко.

Аріэль.

Исполню все, повѣрь, мой повелитель!
(*Исчезаетъ*).

Просперо.

О гнусный рабъ, самъ демонъ зародилъ

ПРОСПЕРО И КАЛИВАНЪ.

Картина знаменитого англо-швейцарскаго живописца Фюсли-Фузели (Fuseli, R. A. 1742—1825).

Тебя въ твоей проклятой Сикораксъ!
Поди сюда!

Входитъ Каливанъ.

Каливанъ.
Пусть вредная роса,
Которую собирала Сикоракса
Перомъ вороньимъ съ ржаваго болота,
Падеть на васъ! Пусть знойный вѣтеръ юга
На васъ и день и ночь упорно дуетъ
И струпиями покроетъ ваше тѣло!

Просперо.

Спасибо, другъ! за это, вѣрь же мнѣ,
Отъ судорогъ и сильнаго колотья
Ты не вздохнешь свободно во всю ночь;
Вокругъ тебя сберутся домовые,
Чтобы колоть, и мучить, и кусать,
И исщипать тебя, какъ сотъ медовый!
А каждый ихъ порядочный щипокъ
Чувствительнѣй пчелиныхъ уязвленій.

Каливанъ.

Мнѣ надобно окончить свой обѣдъ.
Вѣдь островъ мой—зачѣмъ же отнимаешь?
Ступайте прочь! Отъ матери моей
Я получилъ его одинъ въ наслѣдство.
Да, правда, ты сперва меня ласкалъ,
Ты мнѣ давалъ пить ягодную воду
И выучилъ, какъ должно называть
Тѣ двѣ свѣчи, большую и меньшую,
Которыя горять тамъ высоко,—
И я тебя тогда любилъ за это.
На островъ тебѣ я указалъ
Источники, соленые колодцы,
Безплодные и годныя мѣста.
Будь проклятъ я за то, что это дѣлалъ!
Нетопыри, и жабы, и жуки,
Всѣ гадины, всѣ чары Сикораксы
Да ниспадутъ теперь на васъ двоихъ!
Я самъ себѣ былъ королемъ сначала;
Вы прибыли—я сдѣлался рабомъ—,
И я одинъ теперь у васъ въ услугахъ.

Вы сдѣлали утѣсь моимъ жильемъ,
А островъ мой присвоили себѣ.

ПРОСПЕРО.

Ты лживый рабъ! Тебѣ нужны побои,
А милости ты ставишь ни во что.
Да, я ласкалъ тебя, какъ чловѣка,
Я раздѣлялъ съ тобой одно жилье
До той поры, пока, неблагодарный,
Ты дочь мою не вздумалъ обезчестить.

КАЛИВАНЪ.

Ого-го-го! Да, жаль, не удалось мнѣ:
Ты помѣшалъ, а то-бъ я расплодилъ
На островѣ довольно Калибановъ!

ПРОСПЕРО.

Презрѣнный рабъ, не можешь ты принять
Ни одного благого впечатлѣнья.
Твореніе, способное лишь къ злу!
Прибывъ сюда, тебя я пожалѣлъ,
Училъ тебя работать, говорить,
Чтобъ высказать ты могъ свои понятія.
Ты лишь мычалъ тогда, какъ дикій звѣрь:
Я одарилъ твое мышленіе словомъ.
Но доброе съ твоею злой природой
Я никогда не могъ соединить.
Я вынужденъ былъ бросить трудъ напрасный
И для тебя избрать жильемъ утѣсь,
Хоть большаго ты стоилъ наказанья.

КАЛИВАНЪ.

Да, говорить меня вы научили—
И я могу теперь васъ проклинать!
Пусть поразитъ васъ красная болѣзнь
За то, что я умѣю говорить!

ПРОСПЕРО.

Колдуньино отродье, вонъ отсюда!
Неси дрова! Смотри же, будь живѣй!
Я дамъ тебѣ другія приказанья.
Бездѣльникъ! Что, плечами пожимаешь?
Смотри, смотри, когда съ пренебреженіемъ
Иль нехотя исполнишь мой приказъ,
Я судоргой замучаю тебя,
Я кости всѣ твои наполню болью,
И въ бѣшенствѣ заставлю такъ рычать,
Что по лѣсамъ всѣ звѣри вострепнутся!

КАЛИВАНЪ.

Прошу, избавь!
(Въ сторону). Придется исполнять!
Онъ такъ могучъ, такъ силенъ онъ искусствомъ,
Что Сетевосъ, богъ матери моей,
Не въ силахъ съ нимъ успѣшно побороться
Онъ и его сейчасъ возьметъ въ рабы!

ПРОСПЕРО.

Ну, гадкій рабъ, ступай скорѣй отсюда!
(Калибанъ уходитъ).

Является Аріэль невидимкою. Онъ поетъ и играетъ на инструментѣ. Фердинандъ слѣдуетъ за нимъ.

Аріэль (поетъ).

На пескахъ здѣсь собиритесь,
Поклонитесь, обнимитесь,
Поцѣлуйтесь и потомъ
Здѣсь танцуйте всѣ кружкомъ!
Волны дикія смолкаютъ,
Духи въ воздухѣ играютъ.
Духи пѣсню повторяютъ
Чу, внимайте!

Голоса (съ разныхъ сторонъ).
Боу! уоу!

Аріэль (поетъ).

На цѣпи собаки лаютъ!
Чу, внимайте!

Голоса (съ разныхъ сторонъ).
Боу, уоу!

Аріэль (поетъ).

Пѣтухи ужъ на чеку!
И кричатъ: кукареку!

Фердинандъ.

Откуда же несутся эти звуки:
Изъ воздуха иль изъ земли они?
Не слышно ихъ: они теперь далеко
За божествомъ какимъ нибудь летятъ.
Я тамъ одинъ на берегу пустынномъ
Оплакивать погибель короля,
Когда ко мнѣ внезапно принеслася
Волшебная музыка по водѣ,
И звуками чудесными своими
Печаль мною, и ярость волнъ смирила.
Оттуда я послѣдовалъ за ней
Или, скорѣй, я увлеченъ былъ ею.
Потомъ она затихла... Нѣтъ, опять!

Аріэль (поетъ).

На пять сажень въ водѣ уложенъ твой отецъ,
Его кости въ кораллъ превратились,
А на мѣстѣ очей въ немъ два перла блестятъ,
Но ничто не пришло въ разрушеніе.
Только все по-морски измѣнилось тамъ,
Все въ богатое, странное что-то.
По погибшему нимфѣ разносятъ вкругъ звонъ:
Чу! внимайте! я слышу: динъ-донъ!

Голоса (съ разныхъ сторонъ).
Динъ-донъ! динъ-донъ!

ФЕРДИНАНДЪ.

Про смерть отца мнѣ пѣснь напоминаетъ!
Ее пропѣлъ не смертный: этотъ звукъ
Земная власть произвести не въ силахъ.
Его теперь я слышу надъ собой!

ПРОСПЕРО (*Миранда*).

Приподними пушистыя рѣсницы,
Взгляни туда—скажи, что видишь ты?

МИРАНДА.

Что это? духъ! О, Боже, какъ онъ смотритъ
Вокругъ себя! Повѣрь мнѣ, мой отецъ,
Хоть облеченъ въ чудесную онъ форму,
Но это духъ!

ПРОСПЕРО.

Нѣтъ, дочь, онъ ѣстъ и спитъ
И чувствуетъ, подобно прочимъ людямъ.
Тотъ юноша, который тамъ стоитъ,
На корабль погибшемъ былъ съ другими.
И если бы печаль—червь красоты—
Его теперь собою не снѣдала,
Красавцемъ бы его ты назвала.
Товарищей онъ всѣхъ своихъ лишился—
И въ горести теперь онъ ищетъ ихъ.

МИРАНДА.

Готова я божественнымъ созданьемъ
Его назвать. Въ природѣ ничего
Прелестнѣе его я не видала!

ПРОСПЕРО (*въ сторону*).

Такъ все идетъ, какъ я душой желалъ!
Духъ, чудный духъ, черезъ два дня свободу
Тебѣ я дамъ.

ФЕРДИНАНДЪ.

Должно быть, вотъ богиня
Которой служить этихъ пѣсень хоръ.
Не откажись моей молитвѣ внять:
Скажи мнѣ, ты ль на островѣ живешь—
И научи, что долженъ дѣлать я?
Но первая къ тебѣ моя молитва,
Хотя ее я послѣ произнесъ,
Откройся мнѣ, о чудо изъ чудесъ—
Ты созданная дѣва или нѣтъ?

МИРАНДА.

Не чудо я, но дѣва, безъ сомнѣнья!

ФЕРДИНАНДЪ.

Родной языкъ! Изъ тѣхъ, кому знакомъ
Онъ такъ, какъ мнѣ, я былъ бы вѣрно пер-
вымъ,
Когда бъ былъ тамъ, гдѣ говорятъ на немъ!

ПРОСПЕРО.

Какъ—первымъ? ты? Но ежели услышитъ
Тебя король Неаполя, тогда
Чѣмъ будешь ты?

ПѢСНЬ АРІЭЛЯ.

Картина известнаго англійскаго живописца
В. Гамильтона (*W. Hamilton, R. A., 1751—1801*).
(Малая Бойделевская галлерей).

ФЕРДИНАНДЪ.

Такимъ же одинокимъ,
Какъ и теперь, и удивленнымъ тѣмъ,
Что для тебя Неаполь мой извѣстенъ.
Увы! король Неаполя ужъ слышитъ,
Какъ плачу я—и отъ того я плачу.
Я самъ король Неаполя: я видѣлъ,
Какъ потонулъ король и мой отецъ—
И съ той поры глаза не осушались
Отъ горькихъ слезъ.

МИРАНДА.

Какъ жалко мнѣ его!

ФЕРДИНАНДЪ.

Да, потонулъ, со всей своею свитой,
И герцогъ съ нимъ миланскій, и его
Прекрасный сынъ—погибли всѣ!

ПРОСПЕРО (*въ сторону*).

О, герцогъ
Миланскій и его не сынъ, а дочь
Могли легко тебя бы опровергнуть,
Когда-бъ была теперь на то пора.

А! взорами они ужь обмѣнялись!
Мой Аріэль, свободенъ будешь ты!
(Фердинанду).

Позвольте, добрый господинъ, одно лишь слово:

Боюсь, что вы обидѣли себя.

МИРАНДА.

Зачѣмъ же съ нимъ такъ грубо говорить?
Вотъ третьяго ужь вижу я мужчину,
Но первый онъ изъ сердца вызвалъ вздохъ.
Пусть батюшка допустить состраданье
Склонить себя на сторону мою.

ФЕРДИНАНДЪ.

Когда руки и дѣвственности вашей
Отъ васъ никто еще не получилъ,
То я готовъ васъ сдѣлать королевой
Неаполя.

ПРОСПЕРО.

Потише, господинъ! (Въ сторону).
Они теперь во власти другъ у друга;
Но надобно немножко затруднить
Ихъ счастье, чтобъ легкость достиженья
Не сбавила для нихъ его цѣны.

(Фердинанду).

Я требую, чтобъ слушалъ ты меня.
Ты званіе высокое присвоилъ,
Но не тебѣ оно принадлежитъ.
На островъ мой ты, какъ шпионъ, прокрался,
Чтобъ у меня хитро похитить то,
Чѣмъ я одинъ законно здѣсь владѣю.

ФЕРДИНАНДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!

МИРАНДА.

Въ такомъ чудесномъ храмѣ
Не можетъ быть дурного ничего!
Когда злой духъ живетъ въ такомъ жилищѣ,
То добрые, конечно, захотятъ
Съ нимъ вмѣстѣ жить.

ПРОСПЕРО.

Скорѣй, иди за мною!
Измѣнникъ онъ: ни слова за него!
Иди—тебѣ и голову и ноги
Тяжелою я цѣпью закую;
Ты будешь пить одну морскую воду
И ракушки воды проточной ѣсть;
Еще я дамъ тебѣ сухихъ кореній
Да шелухи, и то безъ желудей.
Пойдемъ!

ФЕРДИНАНДЪ.

О, нѣтъ! я буду защищаться
До той поры, пока не побѣдитъ
Меня мой врагъ. (Вынимаетъ мечъ).

МИРАНДА.

О, милый мой родитель,
Зачѣмъ его испытывать такъ смѣло?
Онъ тихъ и намъ не можетъ быть опасенъ.

ПРОСПЕРО.

Моя нога не хочетъ ли всѣмъ тѣломъ
Распоряжаться? Злой измѣнникъ, сталь
Ты обнажилъ; но не ударишь ея—
Такъ совѣсть ты проступкомъ оковалъ!
О, не храбрись! Тебя обезоружить
Я въ силахъ въ мигъ единый этой тростью
И уронить свой мечъ могу тебя заставить!

МИРАНДА.

О, батюшка!

ПРОСПЕРО.

Не рви моихъ одеждъ!
Оставь меня!

МИРАНДА.

Имѣйте состраданье.
Я быть хочу порукой за него.

ПРОСПЕРО.

Молчи! когда еще ты скажешь слово,
Тогда тебя не только что бранить,
Но, можетъ быть, я буду ненавидѣть.
Какъ, защищать! кого? клеветника!
Видала ты его да Калибана
И думаешь—красивѣй нѣтъ людей!
О, глупая! Въ сравненіи съ другими,
Онъ Калибанъ, когда въ сравненіи съ нимъ
Всѣ прочіе, какъ ангелы, прекрасны.

МИРАНДА.

Моя любовь не прихотлива: я
Не требую красивѣй челоуѣка.

ПРОСПЕРО.

Ступай за мной! Вся сила нервъ твоихъ
Теперь опять къ ихъ дѣтству вазвратилась.
Безсиленъ ты!

ФЕРДИНАНДЪ.

Да, правда: какъ во снѣ
Я связанъ весь! Но все:—смерть короля,
Безсиліе, сковавшее меня,
Несчастіе друзей и тѣ угрозы,
Которымъ я покоренъ, какъ дитя—
Я все бы снесъ, лишь только-бъ эту дѣву
Хотя разъ въ день могъ видѣть изъ тюрьмы.
Въ такой тюрьмѣ мнѣ будетъ такъ про-
сторно,

Что прочія мѣста всѣ на землѣ
Охотно я отдамъ во власть свободѣ!

ПРОСПЕРО (въ сторону).

Все хорошо! (Фердинанду и Мирандѣ).

СИКОРАКСА ВКОЛАЧИВАЕТЪ АРІЭЛЯ ВЪ РАЗЩЕПЪ СОСНЫ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Идите же за мной! (*Аріэлю*).
Мой Аріэль, прекрасно ты исполнилъ!
(*Фердинанду и Мирандѣ*).
Сюда, за мной!
(*Аріэлю*). Послушай, что еще
Ты для меня скорѣ долженъ сдѣлать!

МИРАНДА (*Фердинанду*).
Я васъ прошу быть твердымъ. Мой отецъ,
Повѣрьте мнѣ, добрѣ несравненно,
Чѣмъ можетъ по словамъ своимъ казаться:
Такія рѣчи необычны въ немъ.

ПРОСПЕРО (*Аріэлю*).
Какъ вѣтеръ горъ свободенъ будешь ты,
Лишь въ точности исполни приказанье!

АРІЭЛЬ.
Все сдѣлаю.

ПРОСПЕРО (*Фердинанду*).
Ну, слѣдуй же за мной!
(*Мирандѣ*).
Не говори ни слова за него!
(*Всѣ уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть острова.

Входятъ Алонзо, Севастіанъ, Антоніо,
Гонзало, Адріанъ и Францискъ
и другіе.

Гонзало.
Я васъ прошу, король, развеселитесь.
Намъ есть чему порадоваться всѣмъ:
Спасенное потери нашей выше!
Обычная бѣда: жена матроса,
Купецъ-судовладѣлецъ каждый день
Подобныя имѣютъ огорченія;
Но разсказать о чудѣ, каково
Спасенье наше—довелось не многимъ.

Такъ взвѣсьте же разумно, государь,
И горести, и наши утѣшенія.

Алонзо.
Прошу тебя, молчи!

СЕВАСТІАНЪ (*Антонію*).
Его слова
Онъ слушаетъ съ такимъ-же точно вкусомъ,
Съ какимъ бы ѣлъ холодную похлебку.

Антоніо.
Отвяжется не скоро утѣшитель.
СЕВАСТІАНЪ. Смотрите, вотъ онъ за-
водитъ часы своего остроумія. Слушайте,
они сейчасъ начнутъ бить!

Гонзало. Государь!

Севастианъ. Разъ! Считайте!

Гонзало. Кто поддерживаетъ въ душѣ каждое встрѣтившееся огорченіе, тотъ приобретаетъ.

Севастианъ. Долларъ.

Гонзало. Dolore—страданіе! Да, точно такъ—тотъ приобретаетъ страданіе. Вы выразились справедливѣе, нежели думали.

Севастианъ. Авыистолковалимоислова остроумнѣе, чѣмъ я могъ предположить.

Гонзало. Слѣдовательно, государь...

Антоніо. Тѣфу! какъ онъ расточителенъ на слова!

Алонзо. Прошу тебя, оставь меня въ покоѣ!

Гонзало. Хорошо, я кончилъ; однако...

Севастианъ. Однако, онъ будетъ продолжать.

Антоніо. Поспоримъ, кто изъ нихъ, онъ, или, Адрианъ, запоетъ первый.

Севастианъ. Я держу за стараго пѣтуха.

Антоніо. А я за пѣтушка.

Севастианъ. Кончено. Закладъ?

Антоніо. Смѣхъ.

Севастианъ. Согласенъ.

Адрианъ. Хотя этотъ островъ кажется пустыннымъ...

Севастианъ. Ха-ха-ха! (Антоніо). Закладъ я уплатилъ.

Адрианъ. Необитаемымъ и почти неприступнымъ...

Севастианъ. Однако...

Адрианъ. Однако.

Антоніо. Онъ не могъ пропустить этого, однако.

Адрианъ. Кажется несомнѣнно, что кроткая и нѣжная умѣренность...

Антоніо. Да, умѣренность нѣжная женщина.

Севастианъ. И кроткая, какъ онъ замѣтилъ весьма мудро.

Адрианъ. Составляетъ достоинство его климата. Здѣсь воздухъ дышитъ такъ сладко...

Севастианъ. Какъ будто у него есть легкія, да еще вдобавокъ сгнившія.

Антоніо. Или точно, какъ будто онъ напился болотнымъ запахомъ.

Гонзало. Здѣсь имѣются всѣ удобства жизни.

Антоніо. Правда, кромѣ средствъ для жизни.

Севастианъ. Которыхъ здѣсь совершенно нѣтъ, или весьма мало.

Гонзало. Какъ свѣжа и пышна здѣсь трава! какъ зелена!

Антоніо. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь земля бронзоваго цвѣта.

Севастианъ. Впрочемъ, съ небольшимъ оттѣнкомъ зелени.

Антоніо. Онъ не во многомъ ошибается.

Севастианъ. Нѣтъ, онъ ошибается только въ истинѣ.

Гонзало. Но главное чудо въ томъ—и это почти невѣроятно...

Севастианъ. Какъ и большая часть чудесъ.

Гонзало (продолжая)... что наше платье, несмотря на то, что побывало въ морѣ, сохранило свою свѣжесть и блескъ; оно какъ-будто вновь выкрашено, а не испорчено соленой водой.

Антоніо. Если бы хотя одинъ изъ его кармановъ могъ говорить, не сказалъ ли бы онъ, что его хозяинъ лжетъ?

Севастианъ. Непремѣнно, если бы его карманъ хитрымъ образомъ не вздумалъ прикарманить ложь своего хозяина.

Гонзало. Мнѣ кажется, что наше платье такъ же свѣжо, какъ въ то время, когда мы надѣли его въ первый разъ въ Африкѣ, на свадьбѣ прекрасной дочери вашей, Кларибеллы, съ королемъ Туниса.

Севастианъ. Это была пресчастливая свадьба и весьма благопріятная для нашего возвращенія!

Адрианъ. Тунисъ никогда не имѣлъ королевой такого совершенства.

Гонзало. Конечно, нѣтъ, со временъ вдовы Дидоны.

Антоніо. Вдовы? что за вздоръ! Откуда взялась эта вдова? Вдова Дидона!

Севастианъ. Ну, еслибъ онъ къ этому назвалъ и Энея вдовцомъ—что бы вы на это сказали, любезный синьоръ?

Адрианъ. Вдова Дидона, говорите вы? Вотъ хорошо! Она была изъ Кареагена, а не изъ Туниса.

Гонзало. Но, синьоръ, этотъ Тунисъ былъ прежде Кареагеномъ.

Адрианъ. Кареагеномъ?

Гонзало. Увѣрю васъ, Кареагеномъ.

Антоніо. Его языкъ точно волшебная лира!

Севастианъ. Онъ воздвигаетъ городскія стѣны и дома.

Антоніо. Какую небывальщину онъ теперь осуществить?

Севастианъ. Онъ, пожалуй, отвезетъ этотъ островъ въ карманъ домой и подаритъ своему сыну вмѣсто яблока.

Антоніо. А сѣмечки посѣетъ по морю, чтобы выросли другіе острова.

Гонзало. Въ самомъ дѣлѣ?

Антоніо. Да, черезъ нѣсколько времени.

Гонзало. Государь, мы говорили сейчасъ, что наше платье теперь такъ же свѣжо, какъ въ то время, когда мы были въ Тунисѣ, на свадьбѣ вашей дочери, которая теперь королевой.

Антоніо. И самую лучшей королевой, которая когда-либо царила въ этой странѣ.

Себастьянъ. За исключеніемъ вдовы Дидоны—осмѣлюсь прибавить.

Антоніо. О, вдова Дидона! Да, за исключеніемъ вдовы Дидоны.

Гонзало. Не правда ли, государь, что мой камзолъ такъ же свѣжъ, какъ въ первый день, когда я его надѣлъ? то-есть, я говорю, до нѣкоторой степени.

Антоніо. Это прибавленіе не лишнее.

Гонзало. Не такой ли онъ, какимъ былъ во время свадьбы вашей дочери?

Алонзо.

Всѣхъ вашихъ словъ напрасны утѣшенія! Душа моя не принимаетъ ихъ.

Какъ-бъ желалъ, чтобъ небыло той свадьбы: Тогда-бъ мой сынъ, быть можетъ, не погибъ! И дочь моя для насъ погибла также:

Такъ далеко она теперь отъ насъ, Что увидать ее я не надѣюсь.

А ты, мой сынъ, а ты, наследникъ мой, Какимъ морскимъ чудовищемъ ты съѣденъ?

Францискъ.

Онъ не погибъ, быть-можетъ, государь. Я видѣлъ, какъ боролся онъ съ волнами, Какъ онъ верхомъ на ихъ хребтахъ сидѣлъ, Какъ разсѣкалъ ихъ мощною рукой И раздроблялъ ихъ грудью богатырской. Его чело вставало надъ волнами И, ихъ дѣля, какъ веслами, руками, Онъ къ берегу дорогу очищалъ. Казалось, самъ берегъ понижалъ Избитое волнами основанье, Чтобы принять его—и онъ достигъ До берега, конечно, невредимо.

Алонзо.

Нѣтъ, онъ погибъ!

Себастьянъ.

Себя лишь, государь, Вы можете винить въ своей потерѣ. Вы дочь свою награждать Родную вамъ Европу не хотѣли И предпочли принцессу потерять, Отдавъ ее въ супруги африканцу. Вы дочь свою изгнали съ вашихъ глазъ И можете по праву сокрушаться.

ТРИНКУЛО, СТЕФАНО и КАЛИБАНЪ.

Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Смирка (Rob. Smirke, R. A., 1752—1845). (Малая Бойделлевская Галлерей).

Алонзо.

О, замолчи!

Себастьянъ.

Мы на колѣняхъ васъ Молитвами своими утруждали. Она сама—прекрасная душа— Была тогда въ большомъ недоумѣннѣ, Не вѣдая, что превозмочь въ себѣ— Покорность ли свою, иль отвращенье. Увы, боюсь, что изъ-за этой свадьбы На вѣки мы разстались съ Фердинандомъ, И, кажется, Неаполь и Миланъ Имѣютъ вдовъ теперь гораздо больше, Чѣмъ привеземъ съ собою мы людей Ихъ утѣшать. И вы одни виновны.

Алонзо.

За то моя потеря больше всѣхъ.

Гонзало.

Себастьянъ, позвольте вамъ замѣтить, Что нѣтъ у васъ къ печали снисхожденья И что теперь для истины не время. Гдѣ вамъ бы надо пластырь приложить, Тамъ берeditъ стараетесь вы рану!

СЕБАСТИАНЪ.

Прекрасно!

АНТОНИО.

Онъ какъ медикъ говоритъ!

ГОНЗАЛО.

О, государь, когда вы такъ печальны,
Такъ пасмурны—намъ всѣмъ темно!

СЕБАСТИАНЪ.

Темно?

АНТОНИО.

Весьма темно.

ГОНЗАЛО.

Когда-бъ мнѣ поручили
Здѣсь развести плантаціи...

СЕБАСТИАНЪ.

То онъ

Засѣялъ бы плантаціи крапивой.

АНТОНИО.

Репейникомъ и конскимъ щавелемъ!

ГОНЗАЛО.

А если бы я былъ здѣсь государемъ—
Хотите знать, что-бъ сдѣлалъ я тогда?

СЕБАСТИАНЪ.

Не знаю; только-бъ пьяницею не былъ,
А потому, что не было-бъ вина.

ГОНЗАЛО.

Въ противность всѣмъ извѣстнымъ учреж-
деньямъ,

Развилъ бы я республику мою.

Промышленность, чины я бъ уничтожилъ
И грамоты никто бы здѣсь не зналъ;
Здѣсь не было-бъ ни рабства, ни богатства,
Ни бѣдности; я строго-бъ запретилъ
Условія наслѣдства и границы;
Воздѣлывать поля или сады
Не стали-бъ здѣсь; изгналъ бы я металлы,
И всякій хлѣбъ, и масло, и вино;
Всѣ въ праздности здѣсь жили бъ, безъ за-
боты,Всѣ, женщины, мужчины; но они
Остались бы всѣ чисты и невинны;
Здѣсь не было-бъ правительства...

СЕБАСТИАНЪ.

А самъ,

Какъ помнится, хотѣлъ быть королемъ.

АНТОНИО.

Увы, конецъ забылъ свое начало!

ГОНЗАЛО.

Все нужное безъ пота и трудовъ
Давалось бы природою въ избыткѣ.
Здѣсь ни измѣнъ не знали-бъ, ни преда-
тельствъ,
Ни острыхъ шпагъ, ни копій, ни ножей
И вообще орудій никакихъ.
Сама собой давала-бъ все природа,
Чтобъ прокормить невинный мой народъ...СЕБАСТИАНЪ (*Антонио*).

А подданныхъ своихъ женить онъ будетъ?

АНТОНИО.

О, вѣрно нѣтъ! Здѣсь будутъ только жить
Развратницы съ толпою негодяевъ.

ГОНЗАЛО.

И буду я такъ славно управлять,
Что затемню своимъ я управленьемъ
Вѣкъ золотой.

СЕБАСТИАНЪ.

Да здравствуетъ король!

АНТОНИО.

Дни долгіе великому Гонзалю!

ГОНЗАЛО.

Не слышитъ ли меня мой государь?

Алонзо. Прошу тебя, перестань! ты
какъ будто ничего не говорилъ.Гонзало. Я охотно вѣрю вашему вели-
честву. За то я доставилъ случай посмѣ-
яться этимъ господамъ, у которыхъ такое
чувствительное и дѣятельное легкое, что
они всегда готовы смѣяться надъ ничѣмъ.

Антонио. Мы смѣялись надъ вами.

Гонзало. Да, когда дѣло идетъ о глу-
пыхъ шуткахъ, то я ничто въ сравненіи съ
вами. Вы можете продолжать смѣяться надъ
ничѣмъ.Антонио. Каковъ ударъ онъ намъ на-
несъ!

Себастианъ. Спасибо еще, что плашмя.

Гонзало. Я знаю, господа, какіе вы
молодцы. Вы вытолкнули бы мѣсяцъ изъ
его сферы, вздумай онъ оставаться пять
недѣль сряду, не измѣняясь. (*Слышна тор-
жественная музыка*).

Аріэль является невидимкой.

Себастианъ. Да, мы бы его потрево-
жили—и потомъ дошли бы въ потемкахъ
на охоту за птицами.Антонио. Ну, ну, любезный синьоръ,
не сердитесь!

Гонзало. О нѣтъ! Увѣряю васъ, я бла-

КАЛИБАНЪ И ТРИНКУЛО.

Рисунокъ Джильберти (Gilbert).

горазумнѣе, нежели вы думаете. Не хотите ли усыпить меня вашимъ смѣхомъ? Я что-то очень утомленъ.

Антоніо. Хорошо, почивайте и слушайте насъ. (*Всѣ засыпаютъ, кромѣ Алонзо, Себастьяна и Антоніо*).

Алонзо.

Какъ, всѣ ужъ спятъ! Когда-бъ глаза и мысли
Сомкнуло сномъ! Смежаются глаза.

Себастьянъ.

О, государь, вы сонъ не отвергайте!
Въ печали онъ, повѣрьте, рѣдкій гость,
И за собой ведетъ лишь утѣшенье.

Антоніо.

Вы отдыхать извольте, государь,
А мы вдвоемъ надъ вами станемъ стражей.

Алонзо.

Благодарю; я страшно утомленъ.
(*Алонзо засыпаетъ. Аріэль исчезаетъ*).

Себастьянъ.

Вотъ въ странное всѣ впали забытье!

Антоніо.

Не здѣшній ли все это сдѣлалъ климатъ?

Себастьянъ.

Но отчего-жъ не дѣйствуетъ на насъ онъ?
Я склонности не чувствую ко сну.

Антоніо.

Я тоже свѣжъ; они жъ какъ-будто разомъ
Заснуть всѣ сговорились, словно ихъ
Пришибъ всѣхъ громъ. Себастьянъ, подумай,
Какую власть имѣемъ мы въ рукахъ!
Но я молчу—и, кажется, читаю
Въ твоёмъ лицѣ твое предназначенье.
Себѣ совѣтъ самъ случай подаетъ,
Тогда какъ мнѣ мое воображенье
Рисуетъ, какъ на голову твою
Неаполя корона упадетъ.

Себастьянъ.

Ты спишь иль нѣтъ?

Антоніо.

Да развѣ ты не слышишь?

Я говорю.

Себастьянъ.

Я слышу; но, конечно,
Ты говоришь, Антоніо, во снѣ.
Ты точно спишь. Ну, что сказалъ ты мнѣ?
Какъ можно спать съ открытыми глазами?
Вотъ странный сонъ: стоять и говорить,
И двигаться, и вмѣстѣ спать глубоко!

Антоніо.

Себастьянъ, ты позволяешь спать
Иль умирать неслыханному счастью.
Не спавши, ты глаза свои закрылъ.

Себастьянъ.

Однако ты храпишь довольно ясно:
Я нахожу въ твоёмъ храпѣннѣ смыслъ.

Антонио.

Серьезнѣе теперь я, чѣмъ бываю.
И ты, какъ я теперь, серьезень будь.
Пойми меня—и вырастешь ты втрое.

Себастьянъ.

Ну, хорошо, теперь я какъ вода
Стоячая.

Антонио.

Я дамъ тебѣ теченье.

Себастьянъ.

Увы, моя наслѣдственная лѣнь
Меня весь вѣкъ отливу только учить.

Антоній.

О, если-бъ зналъ, какъ любишь ты мечту,
Что ты на смѣхъ нерѣдко поднимаешь!
Стараніе твое—ее прогнать
Ее сильнѣй тебя связуетъ съ нею.
Какъ часто тѣ, въ которыхъ капли нѣтъ
Рѣшимости, боязнью или лѣнью
Доводятся безъ вѣдома до цѣли!

Себастьянъ.

Прошу тебя скорѣе объяснить!
Твое лицо и выраженіе глазъ
Мнѣ говорятъ о чемъ-то очень важномъ
И, кажется, не даромъ мысль твоя
На бѣлый свѣтъ такъ медленно родится.

Антонио.

Увидишь самъ! Хотя синьоръ болтливый
И съ памятью короткою, какъ та,
Которую оставить онъ по смерти,
Лишь на одни способный увѣренья,
Успѣлъ почти увѣрить короля,
Что сынъ его не потонулъ, а живъ,
Хотя ему почти что такъ же трудно
Не утонуть, какъ трудно плавать тѣмъ,
Которые здѣсь спятъ.

Себастьянъ.

Надежды нѣтъ,
Чтобъ онъ не утонулъ.

Антонио.

Такъ вотъ на чемъ
Основаны великія надежды!
Повѣрь, когда надеждъ ты не имѣешь
Съ той стороны, за то онъ съ другой
Обширны такъ, что честолюбыя взоръ,
Хотя-бъ желалъ, не можетъ дальше видѣть.
Не хочешь ли со мной предположить,
Что Фердинандъ погибъ во время бури?

Себастьянъ.

Да, онъ погибъ.

Антонио.

А если такъ, скажи—
Неаполя наслѣдникомъ кто будетъ?

Себастьянъ.

Конечно, Кларибела.

Антонио.

Та, что нынѣ
Возсѣвъ на тронъ тунисскій королевой.
Живетъ отъ насъ за тридевять земель?
Чтобъ во-время доставить ей извѣстья,
Намъ солнышко придется попросить
Курьеромъ быть: жильцу луны едва ли
Туда поспѣть. Она такъ далеко,
Что до нея пока дойдутъ извѣстья,
То вырасти успѣетъ борода
У мальчиковъ, на этихъ дняхъ рожденныхъ.
Мы за нее чуть не погибли всѣ;
Но я и ты—мы двое спасены
Лишь для того, чтобъ дѣло совершить,
Которому прошедшее прологомъ
Должны служить, а будущее все
Наполниться должно тобой и мною.

Себастьянъ.

Богъ знаетъ, что ты хочешь мнѣ сказать!
Я знаю, что въ Тунисѣ королевой
Алонзо дочь, а также, что она
Наслѣдница Неаполя, и то,
Что далеко немного тамъ она
Отъ насъ живетъ.

Антонио.

Мнѣ кажется, я слышу,
Что каждый футъ пространство ей кричитъ:
„Нѣтъ, не тебѣ, бѣдняжка Кларибела,
Меня измѣрить на пути въ Неаполь!“
Нѣтъ, пусть она останется въ Тунисѣ
И бодрствуетъ, проснувшись, Себастьянъ!
Предположи, что истинною смертью
Здѣсь вмѣсто сна они поражены—
И было бъ имъ навѣрное не хуже.
Нашелъ бы, конечно, и король,
Чтобъ управлять Неаполемъ, и слуги
Болтливѣ Гонзало, можетъ быть;
Я самъ бы могъ болтать, ей-ей не хуже.
О! если бы ты думалъ такъ, какъ я,
Ты въ этомъ снѣ увидѣлъ бы возможность
Возвыситься. Что, понялъ ли меня?

Себастьянъ.

Да, кажется.

Антонио.

Ну, какъ же ты встрѣчаешь
Нежданную фортуна?

Себастьянъ.

Помню я,

Какъ ты ссадилъ съ миланскаго престола
Просперо.

Антоніо.

Да—и самъ сѣлъ на престолъ.
За то, смотри, не больше-ль мнѣ къ лицу,
Чѣмъ нѣкогда, теперь мои одежды?
Я подданнымъ Просперо равенъ былъ,
Въ нихъ подданныхъ теперь я самъ имѣю.

Себастіанъ.

А совѣсть?

Антоніо.

Что мнѣ въ ней, и гдѣ она?
Живи она въ ногѣ моей ознобой,
Я въ башмакъ припряталъ бы ее;
Въ груди же я, признаться откровенно,
Не чувствую такого Божества.
А еслибъ въ ней хотъ двадцать совѣстей
Нашлось, чтобъ путь мнѣ заградить къ пре-
столю,

То всѣ онѣ замерзнуть и растаятъ
Скорѣй сто разъ, чѣмъ преграждать мнѣ пути!
Здѣсь спитъ твой братъ, и былъ бы онъ
землею

Не лучше той, которая подъ нимъ,
Когда бъ былъ тѣмъ, на что походить сонный.
Я уложу на вѣчную постель
Его сейчасъ послушной этой сталью,
А ты межъ-тѣмъ на вѣкъ заставь молчать
Ходячее его благоразумье,
Чтобъ онъ не могъ противорѣчить намъ.
А остальныхъ намъ нечего бояться:
Покорные всегда и всѣмъ, они
На нашу мысль всѣ бросятся, какъ кошки
На молоко, и будутъ исполнять
Все то, что мы съ тобой признаемъ нужнымъ.

Себастіанъ.

Поступокъ твой да будетъ мнѣ примѣромъ,
Любезный другъ: я получу Неаполь,
Какъ нѣкогда ты получилъ Миланъ.
Вынь мечъ, одинъ ударъ—и ты свободенъ
Отъ подати, а я всегда готовъ
Тебя любить.

Антоніо.

Мечи мы вмѣстѣ вынемъ,
И только что я руку подниму,
И ты за мной, и поражай Гонзало.

Себастіанъ.

Постой! еще дай слово мнѣ сказать.
(Они разговариваютъ тихо. Слышна музыка).

Аріэль является невидимкою.

Аріэль.

Наукою своей мой повелитель

Узналъ, что здѣсь въ опасности друзья,
И ихъ спасти прислалъ онъ Аріэля;
Не то, прощай все, что задумалъ онъ.

(Поетъ подъ ухомъ Гонзало).

Пока вы спите, заговоръ
Не спитъ и скоро совершится!
Теперь лишь сномъ закрыть вашъ взоръ,
Тогда же смертью онъ затмится!
Кто хочетъ жить, тотъ берегись,
Страхни свой сонъ, проснись, проснись!

Антоніо.

Ударимъ же скорѣй и оба вмѣстѣ!
(Антоніо и Себастіанъ обнажаютъ мечи).

Гонзало (просыпаясь).

О, ангелы! спасите короля!
(Всѣ просыпаются).

Алонзо.

Что сдѣлалось? Скорѣе всѣ вставайте!
Зачѣмъ у васъ мечи обнажены
И взоры такъ ужасны?

Гонзало.

Что случилось?

Себастіанъ.

Пока мы здѣсь вашъ сонъ оберегали,
Вдругъ раздался какой-то ревъ глухой,
Какъ будто львы иль вепри зарычали.
Вотъ этотъ шумъ всѣхъ васъ и разбудилъ
И бѣдный слухъ мой поразилъ такъ страшно.

Алонзо.

Я не слыхалъ.

Антоніо.

О! шумъ такъ силенъ былъ,
Что испугать онъ могъ бы и чудовищъ,
И землю вокругъ поколебать бы могъ!
Навѣрное тутъ цѣлыми стадами
Рычали львы.

Алонзо.

Ты не слыхалъ, Гонзало?

Гонзало.

Мой государь! клянусь вамъ въ этомъ честию,
Мнѣ странное какое-то жужжанье
Послышалось—и, пробужденный имъ,
Я закричалъ и бросился будить васъ;
Когда же я открылъ мои глаза,
Я увидалъ съ мечами ихъ въ рукахъ.
Да, государь, здѣсь былъ какой-то шумъ—
И слѣдуетъ намъ быть на сторожѣ:
Или совсѣмъ отсюда удалимся,
Иль обнажимъ мечи по крайней мѣрѣ!

Алонзо.

Пойдемте же, попробуемъ еще,
Поищемте потеряннаго сына.

Гонзало.

О, да спасутъ бѣдняжку небеса
Отъ злыхъ звѣрей! На островѣ ужъ вѣрно
Онъ гдѣ-нибудь да поджидаетъ насъ.

Алонзо.

Пойдемте же. (*Всѣ уходятъ*).

Аріэль.

Теперь мой повелитель
Узнаетъ, что здѣсь сдѣлалъ Аріэль.
А ты, король, потеряннаго сына
Иди искать: не бойся ничего. (*Исчезаетъ*).

СЦЕНА II.

Другая часть острова.

Входитъ Калибанъ съ вязанкою дровъ.
Слышны удары грома.

Калибанъ.

Всѣ вредныя, дурныя испаренья,
Которыя лучъ солнечный сосетъ
Изъ низкихъ мѣстъ, болотъ и вязкихъ рыт-
винъ,

Пускай падутъ всѣ разомъ на Просперо
И тѣло въ немъ болѣзнію проникнуть!
Я не могу его не проклинать,
Хотя меня его и слышатъ духи;
Но, вѣдь, покамѣстъ имъ онъ не прикажетъ,
Никто изъ нихъ, конечно, не посмѣетъ
Меня щипать, иль дьявольскимъ видѣньемъ
Запугивать, или въ грязи топить,
Иль въ темнотѣ сбивать меня съ дороги,
Являясь мнѣ блудящимъ огонькомъ,
За каждую бездѣлицу, однако,
Они толпой преслѣдуютъ меня—
И всѣ они, то, будто обезьяны,
Дразня меня, мнѣ дерзко корчатъ рожи,
И вдругъ потомъ кусаются ужасно;
То подъ ноги разсыплются ежами,
Чтобъ иглами мнѣ ноги исколотъ;
То вокругъ меня облѣплятся змѣями,
И всѣ шипятъ двойными языками
Несносно такъ, что хоть съ ума сойти!

Входитъ Тринкуло.

Калибанъ.

Ай! вотъ и духъ! Меня пришелъ онъ мучить
За то, что я не скоро несъ дрова.
Ухъ! Можетъ быть меня онъ не замѣтитъ,
Попробую на землю лечь ничкомъ.

Тринкуло. Здѣсь нѣтъ ни кусточка,
ни деревца, гдѣ бы можно было спрятаться
отъ дурной погоды, а между тѣмъ надвигает-
ся новая буря. Я слышу, какъ она распѣваетъ!
Это огромное, черное облако, которое про-
гуливается тамъ, похоже на большую бочку,
которая, того и жди, выпуститъ изъ себя
всю жидкость. Ну, если громъ разгремится
попрежнему, куда я спрячу свою голову?
А облако непременно и скоро лопнетъ, и
прольется цѣлыми ведрами. (*Увидавъ Кали-
бана*). Что это такое? человѣкъ или рыба?
мертвый или живой? Рыба — и пахнетъ,
точно рыба; такъ и несетъ отъ нея старой
тухлой рыбой, какъ будто отъ не совсѣмъ
свѣжей трески. Странная рыба! Еслибъ я
былъ теперь въ Англіи—я былъ тамъ ко-
гда-то—и если бы я имѣлъ хотя рисунокъ
этой рыбы, я увѣренъ, что не осталось бы
ни одного ротозѣя, который бы не отдалъ
мнѣ часть своихъ денегъ. Вотъ тамъ-то
это чудовище обогатило бы своего вла-
дѣльца! Тамъ обогащаетъ всякое странное
животное. Они не дадутъ мѣдной монеты,
чтобы помочь безногому нищему, и запла-
тятъ десять, чтобы взглянуть на мертваго
индійца! У него ноги, какъ у человѣка, и
его плавательныя перья похожи на руки;
клянусь честью, онъ еще тепелъ! О! те-
перь не остается никого сомнѣнія: это не
рыба, это житель острова, котораго только
что убило громомъ! (*Слышенъ громъ*). Ай-ай!
буря опять начинается, мнѣ ничего не ос-
тается дѣлать, какъ спрятаться подъ его
балахонъ: другого убѣжища я здѣсь не
вижу. Несчастіе даетъ иногда человѣку
странныхъ постельныхъ товарищей. Спря-
чусь здѣсь, пока уgomонится буря. (*Ложится
подъ одежду Калибана*).

*Входитъ Стефано, растывая и съ бутыл-
кою въ рукѣ.*

Стефано (*поетъ*).

Въ море, море не хочу я!
Здѣсь на сушѣ и умру я!

Дурной напѣвъ для похоронной пѣсни!
Но въ горѣ вотъ утѣха въ чемъ моя!

(*Пѣетъ и потомъ поетъ*).

Нашъ шкиперъ, юнга, боцманъ, я,
Пушкарь, помощникъ пушкаря—
Мы всѣ имѣемъ по милашкѣ;
Мы всѣ привязаны, друзья,
Кто къ Маргариткѣ, кто къ Малашкѣ.
Одной лишь Кати удалой
Морякъ любовью не тревожитъ:

СТЕФАНО ДАЕТЪ КАЛИБАНУ ВИНА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Вишь, будто запахъ смоляной
Переносить она не можетъ!
Подлѣзь-ка къ ней изъ насъ какой,
Такъ съ бранью прочь она отскочить,
А всѣмъ извѣстно, что портной
Ее щекочетъ тамъ, гдѣ хочетъ.

Для насъ лишь со злостью языкъ у нее—
Такъ въ море-жъ, ребята, и къ чорту ее!..

Опять напѣвъ ужасно не хорошъ!
Но вотъ моя утѣха въ огорченьи! (*Пѣтъ*).

Калибанъ. Прошу, не мучь меня! о-о!
Я буду скорѣе таскать дрова!

Стефано. Что это такое! Нѣтъ ли
здѣсь чертей? Не вздумали-ль они для по-
тѣхи наряжаться дикими или индѣйскими
людьми?.. Вздоръ! Я не затѣмъ вынырнулъ
изъ воды, чтобы испугаться вашихъ че-
тырехъ ногъ! Обо мнѣ не даромъ говорили:
„самый твердый человѣкъ, который когда-
либо ходилъ на четверенькахъ, не сшибетъ
его съ ногъ“! И это будетъ говорить, пока
Стефано будетъ вдыхать воздухъ своими
ноздрями.

Калибанъ. Духъ, духъ, не мучь меня!
О! о!

Стефано. Это какое-нибудь чудовище
здѣшняго острова, чудовище съ четырьмя
ногами, и, какъ мнѣ кажется, его трясетъ
лихорадка. Чортъ возьми! Гдѣ бы оно могло
выучиться говорить по нашему? За это одно
я готовъ помочь ему. Если мнѣ удастся
вылѣчить его, сдѣлать ручнымъ и увести

въ Неаполь, это будетъ подарокъ, достой-
ный любого императора, который когда-
либо топталъ бычачью кожу.

Калибанъ. Прошу тебя, не мучь меня!
Я понесу дрова скорѣе!

Стефано. Оно теперь въ припадкѣ и
оттого говорить не совсѣмъ складно. Дамъ
ему отвѣдать изъ моей бутылки: если оно
никогда не пивало вина, то вино сейчасъ
уничтожить его припадокъ. Если я его по-
ставлю на ноги и сдѣлаю ручнымъ, то за
сколько бы я его ни продалъ—все будетъ
слишкомъ дешево. Оно вознаградитъ своего
владѣльца за всѣ убытки и вознаградитъ
порядкомъ!

Калибанъ. Пока ты еще не терзаешь
меня, но сейчасъ начнешь. Я это вижу по
твоей дрожи. Просперо закликаетъ.

Стефано. Ну, ну, поворачивайся! Ра-
зинь ротъ! Вотъ это развяжетъ твой языкъ,
котенокъ. Разинь ротъ: это уничтожить
твою дрожь, уничтожить совершенно, по-
вѣрь мнѣ. Ты и не знаешь, кто тебѣ другъ.
Ну, разинь свою пасть еще.

Тринкуло. Мнѣ что-то знакомъ этотъ
голосъ: это... Да нѣтъ, онъ утонулъ! Это
черти! О, Господи помилуй!

Стефано. Четыре ноги и два голоса!
О, какое прелестное чудовище! Его передній
голосъ служить ему для того, чтобы хо-
рошо отзываться о своемъ другѣ, а его
задній голосъ для того, чтобы произносить
безумныя слова и поносить друга. Хотя бы

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Часть острова, передъ пещерою Просперо.

Входитъ Фердинандъ съ полѣномъ на плечъ.

Фердинандъ.

Есть радости, что связаны съ мученьемъ
И въ этомъ ихъ особенная прелесть.
Есть случаи, въ которыхъ можемъ мы
Унизиться, себя не унижая.
Какъ часто мы до чуднаго конца
Доходимъ вдругъ изъ грустнаго начала!
Такъ низкій трудъ, которымъ занятъ я,
Былъ для меня, конечно-бъ, нестерпимымъ,
Когда бъ она, которой я служу,
Все мертвое собой не оживляла
И радостью не дѣлала мой трудъ.
Во сколько разъ добра она душою,
Во сколько разъ отецъ ея суровъ!
Онъ, право, весь изъ грубости составленъ!
Онъ приказалъ обидно грубымъ тономъ,
Перетаскать мнѣ тысячи полѣнъевъ,
И въ кучу ихъ сложить. А дочь его,
Когда меня работающимъ видитъ,
Льетъ слезы, говоря, что для труда
Столь низкаго подобный исполнитель
Невиданъ былъ. Отрадна эта мысль,
Которой болѣе всего среди работы
Я предаюсь.

*Входятъ Миранда и Просперо. Просперо
остается въ нѣкоторомъ отдаленіи.*

Миранда.

Не будьте такъ прилежны,
Когда бъ спалила молнія полѣнья,
Которыя вы складывать должны!
Ну, бросьте же его—и отдохните!
Оно въ огнѣ заплачетъ отъ того,
Что васъ теперь собою утруждаетъ.
Родитель мой въ науки погруженъ.
Я васъ прошу—присядьте, отдохните;
Свободны вы на цѣлыхъ три часа.

Фердинандъ.

Благодарю! Но солнце ужъ склонилось,
А я еще не кончилъ мой урокъ.

Миранда.

Садитесь здѣсь, а я за васъ дрова
ну носить. Подайте мнѣ полѣно,
его на мѣсто положу.

Фердинандъ.

Нѣтъ, милое созданье, я готовъ
Переломить себѣ скорѣ спину
И мускулы порвать, чѣмъ видѣть васъ
Униженной до этого труда,
А самому спокойно здѣсь сидѣть.

Миранда.

Онъ такъ же мнѣ приличенъ, какъ и вамъ;
Притомъ его мнѣ легче перенести,
Затѣмъ, что у меня его исполнить
Желанье есть, котораго въ васъ нѣтъ.

Просперо (*въ сторону*).

Бѣдняжка! Ты заразилась ядомъ!
И твой приходъ не трудно объяснить.

Миранда.

Устали вы?

Фердинандъ.

Нѣтъ, чудное созданье,
Нѣтъ, вѣрите мнѣ, когда со мною вы,
Я чувствую прохладу утра—ночью!
Скажите мнѣ, прошу, какъ васъ зовутъ,
Чтобъ могъ въ своихъ молитвахъ ваше имя
Я понимать.

Миранда.

Мирандой. (*Въ сторону*). Мой отецъ,
Нарушила твое я запрещенье!

Фердинандъ.

Чудесная Миранда, вы, вполне
Достойная любви и уваженья,
Вы—лучшее, что въ мірѣ этомъ есть!
Да, нравилось мнѣ много женщинъ въ свѣтѣ!
Не разъ мой слухъ ихъ голосъ обольщалъ,
Я многія достоинства во многихъ
Тогда любилъ, но никогда одной
Моя душа вполне не предавалась:
Въ ихъ качествахъ я открывалъ всегда
Какой нибудь ужасный недостатокъ.
Но вы... О, вамъ подобной нѣтъ!
Достоинства вы всѣ въ себѣ храните!
Вы созданы изъ лучшихъ совершенствъ!

Миранда.

Я женщину ни разу не видала
И женскія черты знакомы мнѣ
Лишь по моимъ, которыя случалось

МИРАНДА и ФЕРДИНАНДЪ.

Картина Баульбаха (Wilhelm v. Kaulbach, 1805—1871).

Моя любовь. Прощайте же пока
На полчаса.

ФЕРДИНАНДЪ.

Сто тысячъ разъ прощайте!
(*Фердинандъ и Миранда уходятъ*).

ПРОСПЕРО.

Хоть не могу я такъ же, какъ они,
Быть восхищенъ—для нихъ все это ново,—
Но, признаюсь, вполне доволенъ я.
Занятій мнѣ еще осталось много
До ужина. За книгу сяду вновь.
(*Входитъ*).

СЦЕНА II.

Другая часть острова.

*Входятъ Стефано и Тринкуло; за ними
Каливанъ съ бутылкою.*

Стефано. Не говори мнѣ объ этомъ!
Когда бочка будетъ пуста, тогда—пожалуй,
станемъ пить воду, а до тѣхъ поръ—ни
капли. Итакъ,—смѣлѣй, пускайся на абор-
дажъ! Слуга-чудовище, пей за мое здо-
ровье!

Тринкуло. Слуга-чудовище, безобразіе
здѣшняго острова, говоритъ, что насъ только
пятеро на этомъ островѣ; изъ пятерыхъ
здѣсь трое; если у остальныхъ двухъ го-
ловы въ такомъ же порядкѣ, какъ у насъ,
то государство шатается.

Стефано. Пей, слуга-чудовище, когда
я приказываю! Твои глаза какъ будто за-
катились подъ лобъ.

Тринкуло. Да гдѣ-жъ имъ быть иначе?
Вотъ было бы презабавное чудовище, если
бы они у него закатились подъ хвостъ!

Стефано. Мой слуга-чудовище уто-
пилъ свой языкъ въ винѣ, а меня и море не
могло утопить. Я проплылъ вдоль и попе-
рекъ тридцать пять миль, прежде нежели
достигъ берега. Клянусь дневнымъ свѣтомъ,
ты будешь моимъ намѣстникомъ, чудовище,
или моимъ знаменосцемъ.

Тринкуло. Намѣстникомъ—пожалуй, а
знаменосцемъ ему не быть.

Стефано. Мы съ тобой не побѣжимъ
назадъ, господинъ чудовище.

Тринкуло. Да и впередъ не пойдете.
Вы ляжете молча, какъ собаки.

Стефано. Кусокъ мяса, заговори хоть
разъ въ жизни, если ты хорошій кусокъ
мяса.

КАЛИВАНЪ.

Вамъ, господинъ, лизнуть башмакъ до-
звольте,

Я больше не слуга ему—онъ трусъ.

Тринкуло. Ты лжешь, глупѣйшее чудо-
вище! Вотъ, напримѣръ, теперь я въ со-
стояніи толкнуть полицейскаго. Скажи,
распутная рыба: человѣкъ, который выпилъ
такъ много вина, какъ я можетъ ли быть
трусомъ? Ты хочешь сказать чудовищную
ложь, потому что ты полу-рыба, полу-чудо-
вище!

Каливанъ (*Стефано*). Посмотри, какъ
онъ меня обижаетъ. Неужели ты ему поз-
волишь, государь?

Тринкуло. Государь! И чудовище мо-
жетъ быть такъ невинно-глупо!

Каливанъ. О-о! опять! Прошу тебя, за-
кусай его до-смерти.

Стефано. Тринкуло, держи крѣпче свой
языкъ за зубами. Если ты окажешься воз-
мутителемъ, то первое дерево... Бѣдное
чудовище—мой подданный, и я не потерплю,
чтобъ его обижали.

Каливанъ. Спасибо, государь! Но поз-
воль мнѣ повторить еще разъ мою просьбу.

Стефано. Согласенъ. Становись на
колѣни и повтори свою просьбу; я же буду
стоять и Тринкуло также.

Является Аріэль невидимкою.

Каливанъ. Я, какъ уже говорилъ тебѣ,
въ рабствѣ у тирана, у колдуна, который
хитростью отнялъ у меня этотъ островъ.

Аріэль.

Ты лжешь!

КАЛИВАНЪ.

Нѣтъ, лжешь ты самъ, насмѣшникъ-обезьяна!
Желаю, чтобъ мой храбрый господинъ
Тебя своей рукою уничтожилъ.
Нѣтъ, я не лгу!

Стефано. Тринкуло, если ты еще разъ
помѣшаешь его разсказу, клянусь этой ру-
кою, я вышибу тебѣ нѣсколько зубовъ.

Тринкуло. За что же? Я ничего не
говорю.

Стефано. Такъ молчи же—и ни слова!
(*Калибану*). Ну, продолжай!

КАЛИВАНЪ.

Я говорю, что островъ
Онъ захватилъ посредствомъ колдовства
И что меня наслѣдства онъ лишилъ.

МИРАНДА.

Изъ галлерей Шекспировскихъ героинь извѣстнаго англ. иллюстратора Кини Мидоуса (Ксану Meadows 1790—1874).

Прошу тебя, ты отомсти злодѣю:
Ты храбръ и, я увѣренъ, можешь ты
Его прогнать, а этотъ вотъ не смѣетъ.
Стефано. Разумѣется.

Калибанъ.
Ты былъ бы здѣсь властителемъ вполнѣ,
И у тебя остался-бъ я въ услугахъ.
Стефано. Но какъ же это сдѣлать? Можешь ли ты довести меня до твоего злодѣя?

Калибанъ.
Да, господинъ! Я соннаго тебѣ
Его предамъ—и въ голову свободно
Ты можешь гвоздь злодѣю вколотить.

Ариэль.
Ты лжешь, ты лжешь, ты этого не можешь!

Калибанъ.
Вотъ пестрый шутъ, несносный глупый
вралъ!
Побей его—прошу твое величье—
И отними бутылку у него.
Пускай онъ пьетъ одну морскую воду,
А я ему никакъ не укажу
Источниковъ съ проточною водою.

Стефано. Смотри, Тринкуло—и берегись! Если еще разъ ты помѣшаешь чудовищу хоть однимъ словомъ, то, клянусь этой рукой, я вытолкаю за двери мое снисхожденіе и превращу тебя въ треску.

Тринкуло. Да за что же? что я сдѣлалъ. Я ничего не сдѣлалъ! Я отойду въ сторону.

онъ жегъ?

Ариэль. Ты лжешь.

Стефано. Какъ ты ни говори,
(Бьетъ Тристана). Чери не выйдешь,
вотъ, то я самъ имъ иду спать!

Тринвио. Не выходишь, а
ты лжешь. Ты истрепалъ волосы, и
и распустилъ. Сказавъ, что хочешь
значить, выйдешь, а ты не выйдешь,
такъ много. Буди, оклеветай, что
видалъ, пусть, пусть, оклеветай, что выйдешь.

Калибанъ. Ха-ха-ха!

Стефано. Ну, продолжай, ты не
скажешь. (Тринвио). А тебя прошу не
ходить близко.

Калибанъ.

Прошу, еще побей его немножко.
И самъ его я скоро буду бить!

Стефано. Отойди подальше. (Калибанъ).
Ну, продолжай.

Калибанъ.

Какъ я сказала, имѣть онъ привычку
Съ приходомъ къ намъ полудня отдыхать.

Заставъ его уснувшимъ, постарайся

Ты книгами сначала овладѣть,

А тамъ тебѣ уже не трудно будетъ

Иль размокнуть ему полвномъ лобъ

Иль выпустить кишки изъ тела, или

Иль перерѣзать отцовую жилу

Своимъ ножомъ на предвѣдѣ, а ты

Не позабудь: бей, иль ты не знаешь

Какъ Калибанъ, о миссисъ, а ты

Онъ ничего не знаетъ, а ты знаешь

А духи, какъ и ты, а ты знаешь

Когда сожжешь ты иль ты знаешь

Если у чего чудеснѣе, а ты знаешь

Чтобъ убирать при случаѣ, а ты знаешь

Но знаешь, чѣмъ можешь, а ты знаешь

Ты дочерка, красавицей явилась

Къ кому, а кто онъ неграмотенъ

Дочь женщины только въ жизни

Есть мать, колдунья Сиди

Наша мать была въ жизни

Къ кому, а кто онъ неграмотенъ

Ты знаешь, а ты знаешь

Ты знаешь, а ты знаешь

Ты знаешь, а ты знаешь

Ты знаешь, а ты знаешь

Ты знаешь, а ты знаешь

Ты знаешь, а ты знаешь

Ты знаешь, а ты знаешь

л

Но никогда не причиняютъ зла.
То тысячи звучать здѣсь инструментовъ,
То голоса, отъ сна вдругъ пробудивъ,
Опять меня ввергаютъ въ усыпленье:
И въ снахъ моихъ я вижу облака
Открытыми, а тамъ, за облаками,
Богатый міръ, готовый на меня
Какъ будто бы съ высотъ своихъ излиться.
И хочется, проснувшись, мнѣ тогда
Заснуть опять!

Стефано. Да, это превосходное королевство! Музыку я буду имѣть даромъ.

Каливанъ. Когда убьешь Просперо.

Стефано. За этимъ дѣло не станетъ.
Я помню твой рассказъ.

Тринкуло. Звуки удаляются. Пойдемте
за ними и кончимъ наше дѣло.

Стефано. Ступай, чудовище, показывай дорогу: я хочу непременно видѣть
этого барабанщика; онъ славно барабанитъ.

Тринкуло. Идешь ли ты? Я за тобой,
Стефано.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА III.

Другая часть острова.

Входятъ Алонзо, Себастьянъ, Антоніо,
Гонзало, Адрианъ и Францискъ.

Гонзало.

О, государь, клянусь вамъ Пресвятою,
Что далѣе идти я не могу:
Такъ дряхлыя мои заныли кости!
Мы бродимъ здѣсь какъ будто въ Лабиринтъ,
Что весь изъ переулковъ состоитъ
Прямыхъ и искривленныхъ. Позвольте
Мнѣ здѣсь немного отдохнуть.

Алонзо.

Я, старый другъ, тебя не осуждаю;
Я самъ усталъ и до того усталъ,
Что у меня всѣ чувства притупились.
Садись же здѣсь и отдохни, старикъ.
Теперь съ моей надеждой я прощаюсь;
Довольно былъ я ею обольщенъ.
Онъ утонулъ, а мы его все ищемъ!
Надъ нами море синее смѣется,
Что на землѣ мы ищемъ мертвецовъ.

Антоніо (*тихо Себастьяну*).
Давно-бъ пора надежду потерять!
Надѣюсь я, что первой неудачей
Не навсегда обезоруженъ ты?

СЕБАСТІАНЪ.

Конечно, нѣтъ; представься только случай—
Онъ будетъ нашъ...

АНТОНІО.

Въ сегодняшнюю ночь!
Утомлены они теперь ходьбою,
И имъ нельзя такъ осторожнымъ быть,
Какъ были бы они въ другое время.

СЕБАСТІАНЪ.

Тсъ! хорошо! Въ сегодняшнюю ночь!

Слышна торжественная и необыкновенная музыка. Входятъ разныя странныя маски и приносятъ столъ съ различными кушаньями; потомъ начинаютъ танцовать около стола, дѣлаютъ движенія и поклоны, которыми приглашаютъ короля со свитой кушать и затѣмъ исчезаютъ. Просперо въ продолженіе всей сцены находится въ высотѣ невидимкою.

Алонзо.

О, что за звукъ? Послушайте, друзья!

Гонзало.

Волшебная, отрадная музыка!

Алонзо.

О, небеса, предохраните насъ!
Кто это былъ?

СЕБАСТІАНЪ.

Живыя существа.

Ну, послѣ нихъ, повѣрить я готовъ,
Что на землѣ живутъ единороги,
Что дерево какое-то растетъ
Въ Аравіи и служить будто треномъ
Для феникса и что теперь еще
Царитъ на немъ какой-то чудный фениксъ

Антоніо.

Я вѣрить самъ теперь готовъ всему,
Что кажется вамъ выше вѣроятья,
Я побожусь, что истинно оно.
Пускай себѣ смѣются домосѣды:
Кто странствуетъ, тотъ никогда не лжетъ.

Гонзало.

Ну, если бы въ Неаполѣ я вздумалъ
Поразсказать, что видѣлъ я теперь—
Наврядъ ли бы повѣрили они,
Что существуютъ здѣсь островитяне,
Которые, подъ формой безобразной,
Таятъ такую прелестную обращеня,
Что, кажется, едва-ль кто изъ людей
Бываетъ такъ любезенъ и привѣтливъ.

ПРОСПЕРО (въ сторону).

О, честный другъ, ты правду говоришь:
Дѣйствительно, здѣсь существуютъ люди,
Которые презрѣннѣй несравненно
Самихъ чертей!

Алонзо.

О, не могу придти
Вполнѣ въ себя! Вотъ чудныя творенья!
Движенья ихъ и ихъ волшебный звукъ
Нѣмую рѣчь намъ чудно говорили,
Понятную безъ языка и словъ.

ПРОСПЕРО (въ сторону).

Чтобъ ихъ хвалить, дожидся окончанья.

ФРАНЦИСКЪ.

И странно, какъ исчезли всѣ они.

СЕБАСТІАНЪ.

Ну, что жъ—за то намъ кушанья остались;
Мы-жъ голодны. Угодно ль, государь,
Отвѣдать вамъ?

Алонзо.

О, нѣтъ! я ѣсть не буду.

Гонзало.

Вамъ нечего бояться, государь.
Не вѣрили, когда дѣтьми мы были,
Что горцы есть съ подгрудками точь-въ-точь
Какъ у быковъ, и у которыхъ къ горламъ
Прикрѣплены мясистые мѣшки;
Не вѣрили, что есть такіе люди,
Которые имѣютъ на груди
Свое лицо. Придется вѣрить тѣмъ,
Которые, изъ странствій возвратившись,
О чудесахъ рассказываютъ намъ.

Алонзо.

Пусть будетъ здѣсь послѣдній мой обѣдъ;
Я буду ѣсть. Чего же мнѣ бояться?
Я счастья не вижу впереди.
Антоньо, братъ, приблизитесь всѣ вмѣстѣ.
*Громъ и молнія. Является Аріэль въ видѣ
Гарпіи. Онъ машетъ крыльями надъ сто-
ломъ, отчего всѣ блюда исчезаютъ.*

Аріэль.

Я вижу трехъ преступниковъ. Судьба,
Которая всѣмъ въ мірѣ управляетъ,
Заставила несытую волну
Васъ изрыгнуть на этотъ дикій островъ,
Такъ какъ съ людьми вы недостойны жить.
Я всѣхъ троихъ васъ предаю безумью!

(Алонзо и прочіе обнажаютъ мечи).

Храбритесь вы, какъ вижу, но напрасно,
И храбростью похожи вы на тѣхъ,

Которые, въ безуміи своемъ,
Повѣситься хотятъ иль утопиться.
Безумные! Товарищи и я,
Судьбы святой мы исполняемъ волю,
И ваша сталь не такъ закалена,
Чтобъ нанести ударъ ревущей бурѣ,
Чтобъ умертвить упругую волну,
Иль повредить одно изъ этихъ перьевъ.
Равно какъ мнѣ, товарищамъ моимъ
Сталь не страшна. Но если бы имѣла
Насъ одолѣть могущество она,
То въ васъ самихъ достаточно нѣтъ силы,
Чтобы поднять тяжелые мечи.
Но вспомните: я вамъ пришелъ напомнить,
Какъ вы изгнали добраго Просперо,
Лишивъ его миланскаго престола;
Какъ съ дочерью невинной вы его
Покинули на волю океана,
Который вамъ теперь лишь отомстилъ.
Чтобъ наказать за ваше преступленье,
Могущество предвѣчнаго суда
Хоть медлило, но мщенья не забыло.
Противу васъ моря и берега,
И все живущее оно подъяло;
Имъ у тебя, Алонзо, отнять сынъ
И, сверхъ того, я всѣмъ вамъ предвѣщаю:
Несчастія, ужаснѣе, чѣмъ смерть,
Привяжутся ко всѣмъ дѣяніямъ вашимъ
И будутъ васъ преслѣдовать всегда.
Да, гнѣвъ его на островъ безлюдномъ
Отыщетъ васъ и умолитъ его
Вы можете лишь чистотою жизни
И истиннымъ раскаяньемъ души.

*(Аріэль исчезаетъ при ударахъ грома; по-
томъ, при звукахъ тихой музыки, являют-
ся предыдущія маски, танцуютъ, крив-
ляются и уносятъ столъ).*

ПРОСПЕРО (въ сторону).

Мой Аріэль, чудесно ты исполнилъ
Роль Гарпіи! И въ самомъ изступленіи
Своемъ ты былъ такъ нѣженъ и хорошъ;
Не измѣнилъ моихъ предначертаній
И все сказалъ. И прочими духами
Доволенъ я—такъ живо, хорошо
Исполнили они свои всѣ роли.
Вотъ дѣйствія моихъ могучихъ чаръ:
Враги мои окованы безумьемъ,
Они мои. Пока оставляю ихъ
И удалюсь взлѣзнуть на Фердинанда,
Котораго погибшимъ всѣ считаютъ;
Что дѣлаетъ онъ съ милою Мирандой!
(Просперо исчезаетъ съ высоты).

Гонзало (Алонзо).

Я всѣмъ, что есть святого, заклінаю,
О, государь, что съ вами? Ободритесь!

Алонзо.

Ужасно, о, ужасно! Слышалъ я,
Какъ волны мнѣ упреками шумѣли,
И вѣтеръ вылъ, нашептывая въ уши,
И громъ, какъ басъ въ концертѣ похорон-
номъ,

Такъ звучно, такъ ужасно рокоталъ,
По имени Просперо называя.
Теперь мой сынъ лежитъ въ подводномъ
илѣ,

Но я къ нему спущуся глубже лота
И вмѣстѣ съ нимъ тамъ лягу въ глубинѣ.

(Уходитъ).

СЕБАСТІАНЪ.

Толпу чертей на бой я вызываю,

По одному лишь только, а не вдругъ!
(Уходитъ).

АНТОНИО.

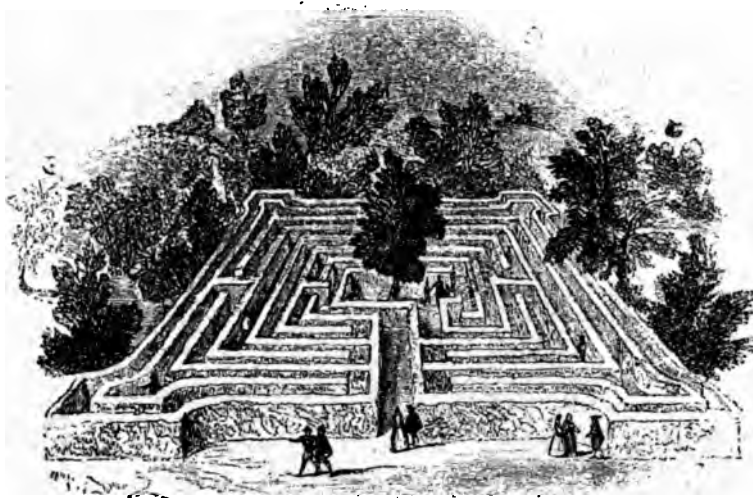
А я готовъ твоимъ быть секундантомъ.
(Уходитъ).

ГОНЗАЛО.

Всѣ трое вдругъ въ безумьи убѣжали!
Проступокъ ихъ, какъ тотъ ужасный ядъ,
Что много лѣтъ лишь дѣйствуетъ спустя,
Теперь достигъ до самой ихъ души.
(Свистъ). У васъ проворнѣй ноги, господа,
Бѣгите вслѣдъ за ними—удержите
Непомнящихъ себя отъ безразсудства.

АДРИАНЪ.

Идите всѣ за мною господа! (Уходятъ).

„Лабиринтъ, что весь изъ переулковъ состоитъ“.

(Изъ изданія Нейта).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ пещерою Просперо.

Входятъ ПРОСПЕРО, ФЕРДИНАНДЪ и МИРАНДА.

ПРОСПЕРО.

Я наказалъ тебя довольно строго;
Но ты теперь вполне вознагражденъ.
Нить жизни я своей тебѣ вручаю—
Нѣтъ, больше: то, чѣмъ я живу на свѣтѣ,
Тебѣ, въ твои я руки отдаю.
Твою любовь хотѣлъ я испытать
Обидами; но ты остался твердымъ—
И я теперь въ присутствіи небесъ
Даю тебѣ подарокъ драгоцѣнный.
О, Фердинандъ, не смѣйся надо мной,
Что я ее ужъ слишкомъ восхваляю!
Увидишь самъ, насколько превосходитъ
Всѣ похвалы возможная она.

ФЕРДИНАНДЪ.

Я этому готовъ охотно вѣрить,
Хотя-бъ оракулъ васъ опровергалъ.

ПРОСПЕРО.

Возьми, вотъ онъ, подарокъ дорогой,
Который ты такъ заслужилъ достойно,
Но если до того, пока обрядъ
Священникомъ вполне не совершится,
Ты дѣвственный развяжешь поясъ ей,
То никогда съ небесъ благословленье
На вашъ союзъ съ любовью не сойдетъ:
О, нѣтъ! раздоръ, презрѣнье съ ѣдкимъ
взоромъ

И ненависть безплодная тогда
Насыпятъ къ вамъ на брачную постель
Негодныхъ травъ, столь ѣдкихъ и колю-
чихъ,

Что оба вы соскочите съ нея.
И такъ—будь чистъ, какъ лампа Гименея,
Которая должна васъ озарить.

ФЕРДИНАНДЪ.

Какъ вѣрю я, что небо мнѣ пошлетъ
Спокойствіе, наслѣдниковъ прелестныхъ
И полную любви и счастья жизнь,
Такъ вѣрно, что ни темныя пещеры,
Ни самыя удобныя мѣста,
Ни геніевъ коварныхъ искушенья
Моимъ страстямъ мой долгъ не покорять.
О, не хочу минутнымъ наслажденіемъ

Я омрачать торжественный тотъ день—
Тотъ день, въ который будетъ мнѣ ка-
заться,

Что Фебъ коней своихъ остановилъ,
Или что ночь прикована подъ нами!

ПРОСПЕРО.

Прекрасно, другъ! Сядь съ нею здѣсь те-
перь,

Поговори. Она твоя на вѣки (*Въ сторону*).
Мой вѣрный духъ, мой Аріэль!

Является АРІЭЛЬ.

Я здѣсь!

Что хочешь мой могучій повелитель?

ПРОСПЕРО.

Ты самъ и духи низшіе твои
Въ послѣдній разъ мнѣ славно послужили,
Но я хочу васъ вновь употребить
На дѣйствія, подобныя послѣднимъ.
Поди, веди сюда толпу духовъ,
Которыхъ далъ тебѣ я въ управленье,
Да прикажи имъ поживѣе быть.
Я молодой четѣ хочу представить
Могущество искусства моего.
Я обѣщаль: она ждетъ исполненія.

АРІЭЛЬ.

Когда? теперь?

ПРОСПЕРО.

Сейчасъ, въ единый мигъ!

АРІЭЛЬ.

Не успѣешь произнести ты:
„Духъ явился! духъ пропади!“
Не успѣешь обновить ты
Воздухъ два раза въ груди—
Духи всѣ къ тебѣ примчатся,
Чтобъ плясать здѣсь и кривляться
И твердить тебѣ привѣты!
Любишь ты меня иль нѣтъ?

ПРОСПЕРО.

Люблю люблю, мой Аріэль прелестный!
Не приходи, пока не позову.

АРІЭЛЬ.

Благодарю тебя, мой повелитель!
(*Исчезаетъ*).

ПРОСПЕРО (*Фердинанду*).

Не позабудь обѣщанное слово

ПРОСПЕРО БЛАГОСЛОВЛЯЕТЪ БРАКЪ МИРАНДЫ И ФЕРДИНАНДА.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

И ласкамъ ты свободы не давай.
Въ огнѣ страстей всѣ клятвы—какъ солома.
Воздержанъ будь, или скажи прости
Тому, что ты недавно обѣщалъ мнѣ.

ФЕРДИНАНДЪ.

Нѣтъ, государь, нѣтъ, слово я сдержу.
Снѣгъ дѣвственный, который покрываетъ
Мою любовь холодной бѣлизной,
Умѣритъ пыль моихъ страстей.

ПРОСПЕРО.

Я вѣрю!

(Въ сторону).

Теперь—явись, явись, мой Аріэль,
Толпу духовъ, чѣмъ большую, тѣмъ
лучше,
Съ собой vedi! Проворнѣе явись!

(Фердинанду и Мирандѣ).

Молчите и глядите со вниманьемъ!

Слышна тихая музыка. Является Ириса.

ИРИСА.

Покинь, Церера, щедрая царица,

Поля твои, гдѣ зрѣютъ рожь, пшеница,
Овесъ, бобы; и пастбища для стадъ,
Гдѣ крышъ, соломой крытыхъ видѣнъ рядъ,
И берегъ твой, цвѣтами окаймленный,
Гдѣ нимфа вѣетъ стыдливый свой вѣнокъ;
И тѣнь дубравъ, гдѣ зеленѣетъ дрокъ,
Туда спѣшить покинутый влюбленный;
Ты поле виноградное покинь,
Пустынный берегъ со скалой безплодной,
Гдѣ дышешь ты! Богиня всѣхъ богинь
Посланицей являюсь многоводной.
И радугой. Зоветь—веселье съ ней
Дѣлится она—вотъ здѣсь, среди долины.
Чу! Слышу я: летятъ ея павлины,
Церера, ей привѣтъ неси скорѣй.

(Слетаетъ ЦЕРЕРА).

ЦЕРЕРА.

Прими привѣтъ! Юнонѣ служишь ты,
И радужной блистаешь ты красою,
Съ крылъ золотыхъ въ лугахъ мои цвѣты
Живишь своей медвяною росою.
Вѣнчаешь ты пустынный долъ и лѣсъ,
Надъ пышною землей твой шарфъ наброшенъ;
Но для чего на лугъ, что свѣже скошенъ
Я призвана богинею небесъ?

ИРИСА.

Отпраздновать союзъ любви священной
И принести четъ благословенной
Свой щедрый даръ.

ЦЕРЕРА.

Дай, дивная, отвѣтъ:
Съ царицею Венеры съ сыномъ нѣтъ?
Съ тѣхъ поръ, какъ стала жертвою Плутона,
По милости ихъ козней, дочь моя,
Развратнаго слѣпаго Купидона
И мать его—клялась не видѣть я.

ИРИСА.

Не бойся; нѣтъ Венеры при царицѣ.
Влекума голубями, въ колесницѣ,
Что разсѣкаетъ облачную высь,
Сынъ и она на паосъ пронеслись.
Надъ юною четой пытались тоже
Испробовать они соблазнъ страстей,
Но тѣ клялись тогда взойти на ложе,
Когда засвѣтитъ факель Гименей ¹⁾.
Любовница Марса назадъ возвратилась
Съ досады, что цѣли своей не добилась;
А сынъ своенравный своими стрѣлами
Рѣшается только играть съ воробьями;
И, ихъ сокрушая одна за другой,
Желаешь остаться на вѣки дитей!

ЦЕРЕРА.

Шумъ слышу я: царица къ намъ грядетъ!
Я узнаю Юноны въ немъ полетъ.

Является Юнона.

Юнона (Цереръ).

Привѣтъ тебѣ, богинѣ благодатной!
Приди чету благословить вдвоемъ
И пожелать любви ей необъятной
И почестей въ наслѣдїи своемъ.

(Поетъ).

Честь, богатство, благодать,
Безконечность наслажденья
И большое поколѣнье—
Вотъ пришла что пожелать
Вамъ Юнона въ пѣснопѣньи!

ЦЕРЕРА (поетъ).

Ваши гумны будутъ полны
И довольство снидетъ къ вамъ;
Ваши жатвы, будто волны,
Разольются по полямъ;
Вѣчно сочными гроздами
Будетъ рдѣть вашъ виноградъ,

И деревья подъ плодами
Долу вѣтви преклонять.
Не успѣете убрать вы
И плоды и сѣмена,
Снова, мать богатой жатвы,
Возвратится къ вамъ весна.
Всѣ несчастья, всѣ лишенья
Будутъ домъ вашъ обѣгать.
Вотъ чего пришла желать
Вамъ Церера въ пѣснопѣньи!

ФЕРДИНАНДЪ.

Вотъ истинно чудесное видѣнье!
Какъ пѣсни ихъ гармонїи полны!
Увѣренъ я, что передъ нами духи.

ПРОСПЕРО.

Конечно, духи—вызвалъ ихъ сюда я
Изъ ихъ жилищъ могуществомъ искус-
ства,
Чтобъ мои желанья совершить.

ФЕРДИНАНДЪ.

О, я хочу остаться здѣсь на вѣки!
Клянусь, имѣть столь мощнаго отца
Имѣть жену—да это быть въ раю!
(Юнона и Церера говорятъ тихо между
собою и отдають свои приказанія Ирисъ).

ПРОСПЕРО.

Вниманіе! богини межъ собой
Секретничать серьезно начинаютъ:
Придумали, конечно, что-нибудь.
Молчите же, не то исчезнуть чары.

ИРИСА.

Нимфы-наяды шумящихъ ручьевъ,
Въ свѣжихъ вѣнкахъ изъ рѣчныхъ трост-
никовъ,

Съ взоромъ невиннымъ, явитесь!
Бросьте жилище холодное водъ!
Гласомъ моимъ васъ Юнона зоветъ:

Волѣ ея покоритесь!
Нимфы, спѣшите на лугъ помогать
Вѣчной любви союзъ ликовать!

Нимфы, скорѣй торопитесь!

(Являются нимфы).

Изнуренные работой,
Загорѣлые жнецы,
Бросьте всѣ свои заботы
Земледѣльцы-молодцы!
Шляпы на-бокъ надѣвайте,
Будьте веселы душой
И на пляски поспѣшайте
Каждый съ нимфой молодой.

¹⁾ Предыдущія 41 строка (съ появленія Ири-
сы) заново переведены для настоящаго изданія
О. П. Чюминой.

ВОЛШЕБНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, УСТРОЕННОЕ ПРОСПЕРО.

Картина англ. художника Джозефа Райта из Дерби (Joseph Wright of Derby, 1697—1761) (Большая Бойделлевская Галерея).

Входят жнецы въ приличныхъ имъ одеждахъ. Они составляютъ съ нимфами трагический танецъ, къ концу котораго Просперо вдругъ быстро встаетъ.

ПРОСПЕРО (въ сторону).
Я позабылъ, что гнусный заговоръ
Противъ меня составленъ Калибаномъ.
Назначенный почти насталъ ужъ часъ.
(Духамъ). Благодарю! довольно, удалитесь!
(Раздается странный, глухой и неопредѣ-
ленный звукъ. Духи исчезаютъ).

ФЕРДИНАНДЪ (Миранда).
Взгляните, какъ взволнованъ вашъ отецъ.

МИРАНДА.
Да, я его ни разу не видала
Взволнованнымъ такъ сильно.

ПРОСПЕРО.

Фердинандъ,

Ты, кажется, немного самъ встревоженъ,
Какъ будто бы боишься ты чего.
Покоенъ будь; теперь забавы наши
Окончены. Какъ я уже сказалъ,
Ты духовъ видѣлъ здѣсь моихъ покорныхъ;
Они теперь исчезли въ высотъ
И въ воздухъ чистѣйшемъ утонули.
Когда-нибудь, повѣрь, настанетъ день,
Когда всѣ эти чудныя видѣнья,
И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной
Со всѣмъ, что въ немъ находится понынѣ,
Исчезнетъ все, слѣда не оставляя.
Изъ вещества того-же какъ и сонъ,
Мы созданы. И жизнь на сонъ похожа.
И наша жизнь лишь сномъ окружена.
Разстроень я. Простите эту слабость!
Мой старый мозгъ немного раздраженъ.
Но этимъ вы, прошу васъ, не тревожьтесь,
Совѣтую въ пещеру вамъ войти

И отдохнуть; а я здѣсь прогуляюсь,
Чтобъ утишить взволнованный мой умъ.

Фердинандъ и Миранда.
Желаемъ вамъ скорѣй успокоенья!
(*Входятъ въ пещеру*).

Просперо.
Благодарю. Явись, быстрѣй, чѣмъ мысль,
Явись, мой духъ!

Является Аріэль.

Аріэль.
Я здѣсь, съ твоею мыслью.
Что повелишь?

Просперо.
Ко встрѣчѣ съ Калибаномъ
Должны мы приготовиться, мой духъ.

Аріэль.
Когда Цереру я изображалъ,
Тебѣ хотѣлъ объ этомъ я напомнить.
Да побоялся разсердить тебя.

Просперо.
Скажи-ка мнѣ, гдѣ этихъ негодяевъ
Оставилъ ты?

Аріэль.
Я ужъ сказалъ тебѣ:
Они всѣ такъ виномъ разгорячились,
И храбры такъ, что даже воздухъ бьютъ
За то, что онъ въ лицо имъ смѣло дуетъ,
И землю бьютъ за то лишь, что она
Осмѣлилась до ногъ ихъ прикасаться;
Намѣренья-жъ свои не оставляютъ.
Когда же я сталъ бить въ мой барабанъ,
Тогда они, какъ будто жеребцы,
Приподняли и наострили уши,
Уставили впередъ свои зрачки,
Раздули ноздри, вздернули носы
И музыку носами стали нюхать.
Я музыкой ихъ такъ очаровалъ,
Что всѣ они за мною, какъ телята
За матерью, пустились чрезъ кусты,
Чрезъ тернія, крапиву и колючки,
Которыя порядкомъ рвали ихъ;
И, наконецъ, я всѣхъ ихъ засадилъ
По бороду въ вонючее болото,
Которое отсюда въ трехъ шагахъ—
И тамъ они, всѣ трое, какъ ни бьются,
Освободить никакъ не могутъ ногъ.

Просперо.
Прекрасно, птичка милая моя!
Будь невидимъ и принеси скорѣй

Сюда мои одежды изъ пещеры:
Намъ надобна приманка для воровъ.

Аріэль.
Лечу, лечу! (*Исчезаетъ*).

Просперо.
Онъ чортъ, рожденъ онъ чортомъ:
Воспитывалъ его напрасно я.
Мои труды и всѣ мои старанья
Потеряны—потеряны вполне.
Съ годами онъ становится все гаже,
Все безобразнѣй тѣломъ и душой.
За то теперь я всѣхъ троихъ заставлю
Порядочно отъ боли повизжать.
(*Аріэль возвращается съ блестящими одеждами*).

Ну-ну, скорѣй развѣсь все на веревкѣ.
Входятъ Стефано, Тринкуло и Каливанъ, всѣ измокшіе. Просперо и Аріэль остаются невидимыми.

Калибанъ.
Я васъ прошу, идите потихоньку,
Чтобъ даже кротъ слѣпой не услышалъ.
Вотъ мы пришли къ Прооперовой пещерѣ.

Стефано. Чудовище, твоя волшебница—хоть ты говоришь, что она добрая волшебница—сыграла съ нами шутку немногимъ развѣ лучше блудящаго огонька.

Тринкуло. Чудовище, я провонялъ чортъ знаетъ чѣмъ, и носъ мой отъ этого въ большомъ неудовольствіи.

Стефано. И мой также. Слышишь ли, чудовище? Если и я приду въ неудовольствіе—тогда берегись!

Тринкуло. Ты пропадешь тогда, чудовище!

Калибанъ.
Мой господинъ, будь милостивъ со мною,
Будь терпѣливъ. То, что получишь ты,
Вознаградить за всѣ несчастья.
Но говори потише, я прошу.

Какъ въ полночь, здѣсь пока еще все тихо.
Тринкуло. Все это хорошо, но потерять наши бутылки въ болотѣ...

Стефано. Это не только срамъ и безчестіе, чудовище,—это невозвратимая потеря.

Тринкуло. Эта потеря для меня при-
скорбнѣе, чѣмъ мое купанье въ болотѣ. И
все по милости твоей доброй волшебницы,
чудовище.

Стефано. Отыщу мою бутылку, хоть бы
пришлось увязнуть по уши.

Калибанъ.

Прошу тебя, побудь здѣсь, государь!
Смотри, вотъ входъ въ Просперову пещеру;
Войди туда тихонько, и скорѣй
Убей его,—и будешь ты владѣльцемъ
На островѣ, а я, твой Калибанъ,
За то лизать твои подошвы буду.

Стефано. Дай мнѣ твою руку. Во мнѣ
рождаются кровавые замыслы.

Тринкуло. О, король Стефано, о, бла-
городный, о, знаменитый Стефано, взгляни,
какія здѣсь для тебя богатая одежды!

Калибанъ.

Ты глупъ; оставь, ты видишь здѣсь ветошки.

Тринкуло. О-о, чудовище! Мы знаемъ
толкъ въ ветошкахъ! О, король Стефано!

Стефано. Сдерни-ка этотъ плащъ,
Тринкуло. Клянусь этою рукою, я возьму
этотъ плащъ себѣ.

Тринкуло. Онъ будетъ принадлежать
твоему величеству.

Калибанъ.

Пусть дурака задушить водяная!
Ну, стоитъ ли такъ медлить за тряпьемъ?
Оставь его и кончи прежде дѣло.

Ну, ежели проснется вдругъ Просперо—
Исциплеть онъ насъ съ головы до ногъ,
И сдѣлаетъ изъ насъ чортъ знаетъ что!

Стефано. Молчи, чудовище!—Сударыня
веревка, не мой ли это кафтанъ? Ну, вотъ
теперь кафтанъ подъ веревкой. Теперь,
кафтанъ, ты можешь потерять свой ворсъ
и сдѣлаться истертымъ кафтаномъ.

Тринкуло. Возьми, возьми его! Если
не противно твоему величеству, мы заберемъ
все, что на веревкѣ и что подъ веревкой.

Стефано. Спасибо за шутку! Вотъ тебѣ
за нее платье. Пока я буду королемъ этой
страны, умныя слова не будутъ оставаться
здѣсь безъ награды. Забрать все, что на
веревкѣ и что подъ веревкой! Вотъ славная
выдумка! Вотъ тебѣ за нее еще платье.

Тринкуло, Поди сюда, чудовище, на-
мажь клейкомъ свои когти, и убирай от-
сюда все остальное.

Калибанъ.

Я не хочу; теряемъ мы лишь время.
Того-гляди, Просперо обратитъ
Насъ всѣхъ троихъ или въ морскихъ ули-
токъ,

Иль въ обезьянъ съ уродливымъ лицомъ.

Стефано. Чудовище, протяни свои
когти, помоги намъ перенести это туда,

Церера. Шумъ слышу я; царица къ намъ грядетъ.
Я узнаю Юноны въ немъ полетъ.

*Рисунокъ извѣстнаго современнаго англ. худо-
жника Бэймъ Шоу (Byam Shaw).*

гдѣ я спряталъ бочку съ виномъ, или я
выгоню тебя изъ моего королевства. По-
шелъ, неси это!

Тринкуло. И это?

Стефано. И еще это.

*Слышны крики охотниковъ. Являются раз-
личные духи въ видѣ собакъ и бросаются
на воровъ. Просперо и Аріэль ихъ тра-
вятъ.*

Просперо. Эй, Гора! эй!

Аріэль. Серебро, сюда! сюда, Серебро!

Просперо. Эй, Фурія, Фурія, сюда! Ти-
ранъ, сюда, у-у-у!
(Калибанъ, Стефано и Тринкуло убѣгаютъ,
преслѣдуемые собаками).

Просперо (Аріэлю).

Лети, скажи покорнымъ моимъ духамъ,
Чтобы они во всѣ суставы ихъ

Конвульсіи съ жестокой болью влили,
Чтобъ судорогой сковали мышцы ихъ,
А ихъ тѣла, кусая, испестрили
Такъ язвами, что леопардъ и барсъ,
Сравнительно, имѣли-бъ меньше пятенъ!

Аріэль.

Послушай-ка, какъ всѣ они рычатъ!

Просперо.

Пусть ихъ еще порядочно пощипятъ.
Враги мои теперь въ моихъ рукахъ.
Чрезъ полчаса конецъ моей работѣ;
Тогда, какъ вѣтръ, свободенъ будешь ты.
Иди за мной, и кончимъ наше дѣло.
(Уходятъ).

Виньетка къ 5-му дѣйствию «Бури» Боулемъ Шоу (Byam Shaw).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Предъ пещерою Просперо.

*Входятъ Просперо въ волшебномъ плащѣ
и Аріэль.*

ПРОСПЕРО.

Мои дѣла приходятъ къ окончанью.
Послушенъ мнѣ могучій сонмъ духовъ,
И дѣйствуютъ прекрасно заклинанья,
А время все по прежнему идетъ,
Подъ ношею своей не спотыкаясь.
Который часъ?

Аріэль.

Шестой, мой господинъ;
Назначилъ ты его для окончанья
Своихъ трудовъ.

ПРОСПЕРО.

Я это говорилъ,
Когда еще я бурю начиналъ.
А гдѣ, скажи, король съ своею свитой?

Аріэль.

Они теперь все въ томъ же положеніи,
Въ которомъ ты ихъ отдалъ мнѣ во власть,
Они въ плѣну, тамъ, въ липовомъ лѣсочкѣ,
Который для жилища твоего

Охраною отъ непогоды служить.
Когда ты ихъ отъ чаръ освободишь?
Король, твой братъ, братъ короля Алонзо—
Въ безуміи всѣ трое до сихъ поръ;
А прочіе всѣ, въ ужасѣ и горѣ,
Съ глубокою тоской глядятъ на нихъ.
Несчастнѣе всѣхъ тотъ, кого зовешь ты
Гонзало и добрѣйшимъ старичкомъ;
По бородѣ его катятся слезы,
Какъ зимній дождь по крышѣ камышовой.
Такъ сильно чары дѣйствуютъ твои,
Что если ты теперь увидишь ихъ,
То сжалишься надъ ними непремѣнно.

ПРОСПЕРО.

Ты думаешь, я точно сжалюсь, духъ?

Аріэль.

Я-бъ сжалился, когда-бъ былъ человѣкомъ.

ПРОСПЕРО.

И мнѣ ихъ жаль. Когда безплотный духъ
Ихъ горести сочувствуетъ и тронуть,
То какъ же мнѣ, природою своей
Принадлежа вполне тому же роду,
Мнѣ, у кого, равно какъ и у нихъ,
Рождаются и страсти, и страданья,
Мнѣ ль тронутымъ не быть сильнѣе тебя?
Хоть оскорбленъ я ими былъ жестоко,

Но я мой гнѣвъ разсудку покорилъ.
Прощеніе всегда отраднѣй мщенья.
Раскаялись они—и я достигъ
Въ стремленіи моемъ желанной цѣли.
Я болѣе на нихъ ужъ не сердить.
Мой Аріэль, лети, освободи ихъ.
Хочу сейчасъ разрушивъ эти чары,
Возстановить разсудокъ помраченный
И ихъ самимъ себѣ вновь возвратить.

Аріэль.

За ними я лечу, мой повелитель. *(Исчезаетъ)*.

Просперо.

Васъ, эльфы горъ, источниковъ, лѣсовъ
И тихихъ водъ, и васъ, малютки-эльфы,
Которые привыкли безъ слѣда
Преслѣдовать бѣгущаго Нептуна
И отъ него безслѣдно убѣгать,
Когда свой бѣгъ назадъ онъ обращаетъ;
Васъ, любящихъ при мѣсяцѣ свивать
Кружки изъ травъ, столь кислыхъ и про-
тивныхъ,

Что даже ихъ и овцы не ѣдятъ;
И васъ, кому пріятно заниматься
Въ полночный часъ рожденіемъ грибовъ;
Васъ, для кого начало наслажденьямъ,
Когда пробьетъ успокоенья часъ—
Благодарю! Да, съ помощію вашей,
Хоть слабые помощники вы всѣ,
Я затемнилъ полуденное солнце,
И вѣтры я заставилъ бушевать;
Межъ небомъ и зеленоватымъ моремъ
Я пробудилъ ревущую волну,
Я влилъ огонь въ ужасный рокотъ грома
И разбудилъ могучій Зевса дубъ
Его-жъ стрѣлой; я въ твердомъ основаньи
Заставилъ мысь въ испугѣ трепетать;
Сосну и кедръ я вырвалъ вонъ съ корнями;
Я повелѣлъ—проснулись мертвецы,
Чтобъ выпустить ихъ—отворилъ я гробы
Могуществомъ искусства моего.
Отъ этихъ силъ теперь я отрекаюсь!
Лишь одного осталось мнѣ желать;
Мнѣ музыки небесной нужны звуки,
Чтобъ дѣйствовать на чувства тѣхъ людей,
Которыхъ умъ я чарами разстроилъ.
Когда-жъ они подѣйствуютъ на нихъ,
Я раздроблю тогда мой жезлъ волшебный,
И въ глубь земли зарю я его,
А книгу такъ глубоко потоплю,
Что до нея никто не достигнетъ.

Слышна торжественная музыка. Возвращается Аріэль. За нимъ слѣдуютъ: Алонзо, дѣлая неистовыя движенія, сопровождаемый Гонзаломъ; потомъ Себастьянъ и Антонио въ такомъ же положеніи, какъ Алонзо,

сопровожаемые Адрианомъ и Францискомъ. Въ они входятъ въ кругъ, очерченный Просперомъ, и остаются очарованными. Просперо наблюдаетъ ихъ и потомъ говоритъ, обращаясь къ Алонзо:

Твой мозгъ кипитъ безъ пользы въ головѣ.
Пусть дивный звукъ, какъ лучшій утѣшитель
Для тѣхъ, въ комъ умъ разстроенъ чѣмъ-
нибудь,

Его собой таинственно излѣчить!
Останься здѣсь: ты очарованъ мной.
А ты, старикъ, почтенный мой Ганзоло—
Мои глаза сочувствуютъ твоимъ,
И братскія ихъ слезы наполняютъ.

(Въ сторону).

А! чары ужъ мои ослабѣваютъ.
Какъ утра лучъ, прорвавшись сквозь ночь,
Собою мракъ ночной далеко гонитъ,
Такъ чувства ихъ, проснувшись ото сна,
Хотятъ прогнать пары неразумнѣя,
Которые въ нихъ омрачили умъ.
Гонзало—другъ, мой истинный спаситель
И подданный вѣрнѣйшій короля,
Въ Миланѣ я словами и дѣлами
За доброту тебя вознагражу. *(Алонзо)*.
А ты, король—ты поступилъ жестоко
Съ Мирандой моею и со мной. *(Себастьяну)*.
Ты вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ про-
ступкѣ,

Себастьянъ. Теперь наказанъ ты. *(Антонио)*.
И ты, мой братъ, ты, кровь моя и тѣло,
Антонио, въ которомъ гордый духъ
Такъ заглушилъ и жалость, и природу,
Который такъ недавно умертвить
Здѣсь короля хотѣлъ съ Себастьяномъ,
За то теперь, смотри, какъ страждетъ онъ!
Я и тебѣ твои вины прощаю,
Хотя того и недостойнъ ты. *(Въ сторону)*.
Въ нихъ прибывать понятія начинаютъ.
Разсудокъ ихъ ужъ близокъ береговъ,
Пока еще заволоченныхъ грязью.
Но на меня никто еще не смотритъ,
Еще никто меня не узнаетъ...
Мой Аріэль, подай мой мечъ и шляпу,

(Аріэль исчезаетъ).

Я имъ хочу предстать, какъ былъ въ Миланѣ.
Скорѣй, мой духъ! Свободенъ будешь ты.

Аріэль возвращается и помогаетъ Просперу одѣваться.

Аріэль *(поетъ)*.

Одною я пищей съ пчелами питаюсь,
Я въ буквицѣ бѣлой люблю отдыхать;
Я въ чашечкѣ дивной, свернувшись, качаюсь,
Лишь совы въ трущобѣ начнутъ завывать;

Порой же съ весельемъ надъ сонной при-
родой
Люблю я летать на летучихъ мышахъ.
Мнѣ весело, весело, будетъ съ свободой
Порхать иль, качаясь, сидѣть на цвѣтахъ.

ПРОСПЕРО.

Благодарю, мой милый Аріэль!
Мнѣ жаль тебя; но будешь ты свободенъ.
Ну, хорошо! Будь невидимкой ты—
И на корабль Алонзо отправляйся.
Подъ люками тамъ всѣ матросы спать;
Ты боцмана разбудишь съ капитаномъ
И ихъ сюда скорѣе приведешь.

Аріэль.

Передъ собой, летя, я выпью воздухъ
И ворочусь я прежде, чѣмъ твой пульсъ
Не болѣе двухъ разъ успѣетъ стукнуть.
(Исчезаетъ).

Гонзало.

О, небеса! Мы здѣсь окружены
Мученьями, тоской и чудесами.
Избавьте насъ, и помогите намъ
Ужасную страну скорѣй оставить!

ПРОСПЕРО.

Смотри, король, передъ тобой стоитъ
Обиженный тобой миланскій герцогъ.
Но, чтобы ты не сомнѣвался въ томъ,
Что говоритъ съ тобой живой Просперо,
Позволь тебя въ моихъ объятяхъ сжать.
Привѣтствую тебя съ твоею свитой
На островѣ!

Алонзо.

Просперо—точно ты,
Иль ты одно изъ страшныхъ тѣхъ видѣній,
Что такъ меня преслѣдовали здѣсь—
Не знаю я. Но пульсъ твой такъ же бьется,
Какъ и у тѣхъ, въ которыхъ кровь течетъ;
И съ той поры, какъ передо мною,
Разсудокъ мой становится свѣтлѣй,
Страхнувъ съ себя покровъ безумья злого,
Въ который былъ недавно облеченъ.
Но странныя свершились приключенья,
Когда все то, что вижу я, не сонъ!
Я возвращаю герцогство тебѣ,
И у тебя прощенія прошу.
Но Расскажи, какъ живъ еще Просперо
И какъ онъ здѣсь?

ПРОСПЕРО (къ Гонзало).

Мой благородный другъ,
Позволь сперва обнять твою мнѣ старость,
Чѣй честности нѣтъ мѣры и предѣла.

Гонзало.

Дѣйствительность все это или сонъ?
Вотъ ни за что не стану я божиться!

ПРОСПЕРО.

Здѣсь видѣннымъ еще ты очарованъ—
И оттого твое недоумѣнье.

Привѣтствую васъ всѣхъ, мои друзья!

(Тихо Себастиану и Антонию).

Съ васъ, господа, мнѣ было бы не трудно,
Когда-бъ хотѣлъ, посбавить вашу спѣсь;
Мнѣ уличить легко васъ въ преступленьи,
Но я теперь ни слова не скажу.

СЕБАСТІАНЪ (въ сторону).

Въ немъ говорить, мнѣ кажется, самъ демонъ!

ПРОСПЕРО.

О, нѣтъ! А ты, преступный больше всѣхъ,
Котораго назвать боюсь я братомъ,
Чтобы уста мои не осквернить,
Ужасный твой проступокъ я прощаю,
Прощаю все и требую, чтобы ты
Мнѣ возвратилъ миланскія владѣнья—
И знаю я, ты будешь принужденъ
Мнѣ уступить.

Алонзо.

Но если ты Просперо,
То Расскажи съ подробностію намъ,
Какъ ты спасенъ, какъ ты попалъ на островъ.
Куда, тому не больше трехъ часовъ,
Мы брошены неумолимой бурей.
О, больно мнѣ о бурѣ вспоминать:
Она меня лишила Фердинанда!
Мой бѣдный сынъ!

ПРОСПЕРО.

О, какъ я васъ жалѣю!

Алонзо.

Не возвратить потери мнѣ моей!
Терпѣніе само не уврачуетъ
Моей тоски!

ПРОСПЕРО.

Мнѣ кажется, что вы
Къ терпѣнію еще не прибѣгли.
Самъ испыталъ подобную потерю,
Прибѣгнувъ я къ могуществу его—
И не ропщу я больше на судьбу.

Алонзо.

Просперо, вы—такую же потерю?

ПРОСПЕРО.

Да, какъ и вамъ, пришлось мнѣ испытать
Недавнюю и тяжкую потерю;
Но менѣ имѣю я, чѣмъ вы,

ФЕРДИНАНДЪ И МИРАНДА, ИГРАЮЩИЕ ВЪ ШАХМАТЫ.
*Картина известнаго художника Уитли (Francis Wheatly, 1747—1801).
(Большая Бойделлевская Галлерей).*

Отраднѣхъ средствъ утѣшиться въ печали:
Я дочери единственной лишень.

Алонзо.

Какъ, дочери? О, если бы они,
Теперь вдвоемъ въ Неаполѣ царили,
А я бѣ лежалъ на мрачномъ днѣ морскомъ,
Тамъ, гдѣ лежитъ мой Фердинандъ несчаст-
ный!

Скажите, гдѣ погибла ваша дочь?

Просперо.

Въ послѣднюю она погибла бурю.
Но вижу я, что эти господа
Всѣ борются съ невольнымъ удивленьемъ;
Всѣ силятся разсудокъ напрягать
И вѣрять глазамъ своимъ не смѣютъ,
Что здѣсь стоитъ живое существо.
Хотя не разъ здѣсь были ваши чувства
Обмануты, но вѣрьте, что теперь
Вы видите Просперо предъ собою.
Дѣйствительно, тотъ самый герцогъ я,
Котораго изгнали изъ Милана.
Я случаемъ заброшенъ былъ сюда,
Куда и васъ привелъ несчастный случай—
И здѣсь теперь я полный властелинъ.
Но послѣ вамъ я расскажу объ этомъ:
Подробностей мой требуетъ разсказъ;
Его нельзя окончить за обѣдомъ
Иль въ первое свиданіе включить.
Вы здѣсь мой гость: вотъ входъ въ мою
пещеру.

Имѣю я здѣсь очень мало слугъ,
А подданныхъ и вовсе не имѣю.
Хотите ли въ пещеру заглянуть?
За то, что вы мнѣ герцогство отдали,
Позвольте васъ достойно отдарить.
Хотите ли, я покажу вамъ чудо,
Которое обрадуетъ васъ такъ,
Какъ вы меня обрадовать умѣли?

*Внутренность пещеры открывается; видны
Фердинандъ и Миранда, играющіе въ
шахматы.*

Миранда.

Вы кажется, плутуете немножко,
Мой милый другъ!

Фердинандъ.

О, нѣтъ, моя любовь!
Нѣтъ, цѣлый свѣтъ я не возьму, повѣрьте,
Чтобъ сплутовать.

Миранда.

Не только цѣлый свѣтъ,
Но даже двадцать королевствъ, и все-же
Сказала-бъ я: вотъ честная игра.

Алонзо.

О, если вновь обмануть я видѣнемъ,
То моего единственного сына
Придется мнѣ два раза потерять.

Севастьянъ.

Изъ всѣхъ чудесъ, чудеснѣй это всѣхъ!

Фердинандъ.

Хоть и грозятъ несчастьями моря,
Но милостей исполнены они,
И проклиналъ я безъ причины ихъ.
(Бросается къ ногамъ отца).

Алонзо.

Какъ счастливъ я! Дай на твою главу
Излить скорѣй мои благословенья!
Встань и скажи, какъ ты попалъ сюда?

Миранда.

О, чудеса! Какое здѣсь собранье
Прекраснѣйшихъ, божественныхъ существъ!
Какъ міръ хорошъ съ такими существами!
О, Боже мой, какъ люди хороши!

Просперо.

Да, дочь моя, тебѣ все это ново!

Алонзо *(Фердинанду)*.

Но кто же та, съ которой ты игралъ?
Вы три часа знакомы съ ней, не больше,
Не божество ль, которое насъ всѣхъ
Разъединивъ, соединяетъ снова?

Фердинандъ.

Нѣтъ, смертную ты видишь, мой отецъ!
Безсмертное свело насъ Провидѣнье—
И мнѣ теперь она принадлежитъ.
Ее избравъ, я не былъ въ состоянн
Родителя согласье испросить;
Надѣяться не смѣлъ его я видѣть.
Дочь герцога миланскаго она:
О немъ слыхалъ въ моей я жизни часто,
Но въ первый разъ недавно увидалъ.
Онъ далъ мнѣ жизнь съ подругою прекрасной.
И съ той поры сталъ мнѣ вторымъ отцомъ.

Алонзо.

А для нея вторымъ отцомъ я буду.
Но странно то, что вынужденъ просить
У дочери отецъ ея прощенье.

Просперо.

Нѣтъ, для чего намъ то припоминать,
Что ужъ прошло при помощи небесной!

Гонзало.

О, если бы я внутренно не плакалъ,

То ужь давно-бъ я началъ говорить!
О, боги, вы свой взоръ сюда склоните,
И счастья неизблемымъ вѣнцомъ
Вы юную чету благословите!
Не даромъ вы сюда насъ привели.

Алонзо.

Я говорю тебѣ аминь, Гонзало!

Гонзало.

Съ миланскаго престола свергнуть былъ
Лишь для того Просперо, чтобъ царили
Въ Неаполѣ наслѣдники его.
О, радуйтесь всѣ радостью безмѣрной,
И золотомъ вы врѣжьте этотъ день
На память всѣмъ въ столпахъ неразруши-
мыхъ!

Какъ счастливо мы съѣздили въ Тунисъ!
Тамъ отдали мы замужъ Кларибелу,
А Фердинандъ нашелъ себѣ жену
На островѣ, гдѣ думалъ онъ погибнуть.
Здѣсь герцогство Просперо возвратилъ,
И всѣ мы свой разсудокъ возвратили,
Который чуть отъ насъ не ускользнулъ.
Какъ счастливо!

Алонзо (*Фердинанду и Мирандѣ*).

Давайте ваши руки:

Пускай печаль снѣдаетъ вѣкъ того,
Кто всей душой своей не пожелаетъ
Вамъ счастья!

Гонзало.

Да будетъ такъ! Амины!

*Возвращается Аріэль; за нимъ слѣдуютъ
капитанъ корабля и боцманъ, оба въ ве-
личайшемъ удивленіи.*

Гонзало.

О, государь, еще идутъ къ намъ наши!
Я говорилъ, что если на землѣ
Осталась хоть одна веревка съ петлей,
То утонуть не можетъ нашъ чудакъ.
Ну, богохуль—не ты ли такъ горланилъ
На кораблѣ—что жъ здѣсь ты не кричишь?
Иль на землѣ ты потерялъ языкъ?
Что новаго?

Боцманъ.

Да лучше нѣтъ того,
Что мы нашли здѣсь короля со свитой
Здоровыми. Вторая новость та,
Что нашъ корабль, который мы считали
За три часа изломаннымъ въ куски,
Теперь здоровъ и оснащенъ, какъ новый,
Точь-въ-точь какъ былъ, когда пускались
въ путь.

Аріэль (*тихо Просперо*).

Все это я устроилъ, повелитель,
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь оставилъ я тебя.

Просперо.

Мой добрый духъ!

Алонзо.

Все это очень странно
И все страннѣй становится при томъ.
Скажите мнѣ, какъ вы сюда попали?

Боцманъ.

О, государь, когда-бъ я точно зналъ,
Что я не сплю, я бъ разсказалъ подробно!
Вотъ видите: мы спали мертвымъ сномъ,
Забившись, самъ не знаю какъ, подъ люки.
Вдругъ раздался какой-то странный шумъ:
Рычаніе и крики, и визжанье,
И стукъ цѣпей, и множество другихъ
Ужасныхъ и необъяснимыхъ звуковъ
Въ единый мигъ насъ пробудили всѣхъ.
Проснувшись, мы ужъ были всѣ свободны
И на ногахъ. Нашъ царственный корабль
Такъ былъ хорошъ и крѣпокъ, и исправенъ,
Что капитанъ отъ радости вспрыгнулъ.
И вдругъ потомъ насъ что-то отдѣлило
Отъ всѣхъ другихъ и, точно какъ сквозъ
сонъ,

Перенесло сюда непостижимо.

Аріэль (*тихо Просперо*).

Устроилъ я, не правда ль, хорошо?

Просперо.

Прекрасно, духъ—и будешь ты свободенъ.

Алонзо.

Едва-ль когда случилось кому
Ходить, какъ мы, въ столь странномъ ла-
биринтѣ.
Волшебное во всемъ здѣсь что-то есть.
Къ оракулу придется намъ прибѣгнуть,
Чтобъ пояснить.

Просперо.

Не мучьте, государь,
Напрасно умъ, чтобъ объяснить все это...
Въ свободный часъ я все вамъ расскажу
И дамъ вамъ ключъ, чтобъ разгадать за-
гадку.

Повѣрьте мнѣ, все будетъ хорошо;
Предайтесь пока вполне веселью.

(*Тихо Аріэлю*).

Поди, мой духъ, и, чары разорвавъ,
Освободи скорѣй Калибана
И двухъ его товарищей. (*Аріэль исчезаетъ*).

Зачѣмъ,

Мой государь, не вся здѣсь съ вами свита?
Забыли вы, конечно, кой-кого?

*Возвращается Аріэль, ионя Каливана,
Стефано и Тринкуло, одѣтые въ
украденныя платья.*

Стефано. Каждый человѣкъ долженъ
заботиться о другихъ, и ни одинъ чело-
вѣкъ не долженъ думать о самомъ себѣ,
ибо на землѣ все зависитъ отъ счастья.
Coragio, глупое чудовище, *coragio!*

Тринкуло. Если правду говорятъ шпи-
оны, которые сидятъ у меня на головѣ, то
здѣсь славное зрѣлище!

Каливанъ.

О, Сетевось, клянусь, здѣсь собрались
Какіе-то божественные духи!
О, какъ хорошъ мой старый господинъ!
Но я боюсь, чтобъ онъ меня не вздумалъ
Наказывать.

Севастьянъ.

Что это? Ха-ха-ха!

Антоніо, взгляни-ка, что за вещи!
Нельзя ли намъ за деньги ихъ купить?

Антоніо.

Я думаю, въ числѣ ихъ есть и рыба
Продажная, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ.

Просперо.

Я васъ прошу взглянуть на эти рожи:
Найдете ли вы честности въ нихъ слѣды?
Взгляните, вотъ уродливый мошенникъ,
Колдунъи сынъ. Когда-то мать его
Была такой могучею колдуньей,
Что мѣсяцемъ повелѣвать могла
И дѣлала приливы и отливы,
У мѣсяца не занимая силы.
Они меня всѣ трое обокрали;
А этотъ безобразный получортъ—
Онъ сынъ побочный чорта отъ колдуньи—
Убить меня уговорился съ ними.
Двоихъ изъ нихъ вы знаете, конечно;
А эта тварь, рожденная во тьмѣ,
Принадлежитъ, я признаюсь вамъ, мнѣ.

Каливанъ.

О-о! меня зашплетъ онъ до смерти!

Алонзо.

А, пьяница Стефано, ключникъ мой!

Севастьянъ.

Онъ пьянъ и здѣсь; но чѣмъ онъ могъ на-
питься?

Алонзо.

И Тринкуло некрѣпокъ на ногахъ.
Но гдѣ-жъ они могли найти ту жидкость,
Которая подкрасила ихъ такъ?

Гдѣ ты успѣлъ такъ славно продуться?

Тринкуло. Да, съ тѣхъ поръ, какъ я съ
вами разстался, я побывалъ въ такомъ раз-
солѣ, что кости мои будутъ долго помнить
объ этомъ. Я такъ продуненъ, что не бо-
юсь теперь мухъ.

Севастьянъ.

Стефано, ну, скажи мнѣ, что съ тобой?

Стефано. О, не дотрогивайтесь до меня:
Я не Стефано—я судорога.

Просперо.

Ты здѣсь хотѣлъ быть королемъ, мошенникъ?

Стефано.

Не королемъ я былъ бы здѣсь—болячкой.

Алонзо (*показывая на Каливана*).
Вотъ существо, котораго страннѣй
Я не видалъ!

Просперо.

Равно въ немъ безобразны
И внѣшній видъ и нравственность его.
Ну, гадкій воръ, пошелъ въ мою пещеру;
Возьми съ собой товарищей своихъ.
Коль получить прощенье вы хотите,
Прошу ее на славу мнѣ убрать!

Каливанъ.

Иду, иду. Теперь умнѣй я буду:
Все сдѣлаю, чтобъ угодить тебѣ.
Да, былъ тройнымъ осломъ я, признаюсь,
Что въ пьяницѣ я видѣлъ божество
И уважалъ безумнаго болвана.

Просперо.

Ступай скорѣй!

Алонзо (*Стефано и Тринкуло*).

Ступайте—положите
Всѣ эти вещи тамъ, гдѣ ихъ нашли.

Севастьянъ.

Иль, правильнѣй, украли.

Просперо.

Государь,
Я васъ прошу со всею вашей свитой
Въ убогое жильѣ мое войти,
Гдѣ провести намъ эту ночь придется;
Но, чтобы ночь немного сократить,
Я расскажу мои вамъ похождения,
Все, что со мной случилось съ-тѣхъ-поръ,

Рисунки из английския илюстриран прерафаелита Барнето Крэн (р. 1844)
къ „Буря“.

Illustrations to Shakespeare's *Tempest* by Walter Crane, 1893.

1

Действие I, сцена 1.

Действие I, сцена 2.

Действие I, сцена 2.

Действие III, сцена 1.

КАРДИНАЛЪ ВОЛЬСЕЙ.

(Портретъ его въ Лондонской Национальной Галлерей).

Генрихъ VIII.

О времени постановки пьесы мы имѣемъ весьма опредѣленные свѣдѣнія: театръ, гдѣ ставили „Генрихъ VIII“, сгорѣлъ во время перваго представленія. Современникъ Шекспира сэръ Уаттонъ пишетъ изъ Лондона 6-го іюля 1613 г. своему племяннику: „Отложивъ въ сторону общественныя дѣла, я расскажу вамъ о томъ, что случилось на нашихъ берегахъ на этой недѣлѣ. Королевскіе актеры играли новую пьесу „Все правда“ (All is true), которая изображаетъ главныя событія царствованія Генриха VIII.

Пьесу поставили съ необыкновенной роскошью и великолѣпіемъ; сцену покрыли коврами; кавалеры орденовъ шли со своими знаками и съ подвязками у колѣнъ; гвардія въ вышитыхъ платьяхъ и т. п.,—словомъ, было все, что могло сблизить зрителей съ величіемъ двора и даже сдѣлать его смѣшнымъ. Вдругъ, въ то время, когда король Генрихъ въ домѣ кардинала Вольсея забавлялся на маскарадѣ и при появленіи его давали залпъ изъ двухъ мортиръ, что то бумажное или въ этомъ родѣ, чѣмъ

забивали пушки, загорѣлось, пламя упало на соломенную крышу и, такъ какъ въ началѣ не обращали вниманія на дымъ, считая его маловажнымъ, такъ какъ глаза всѣхъ были направлены на сцену, то внутри что-то загорѣлось, пламя какъ по сѣрной ниткѣ побѣжало вокругъ зданія и втеченіе неполнаго часа все зданіе сгорѣло до тла". Другое письмо Томаса Лоркина отмѣчаетъ и дату пожара (29 іюня). „Когда Борбеджъ, писалъ Лоркинъ, игралъ вчера со своими актерами драму „Генрихъ VIII“ и было для большого народа произведено нѣсколько выстрѣловъ—появился огонь“. Пьеса „Генрихъ VIII“, несмотря на точность опредѣленія времени ея представленія, возбуждаетъ много недоумѣній и сомнѣній у критиковъ. Отмѣтимъ главнѣйшія. Время постановки пьесы не должно, конечно, непременно совпадать со временемъ ея композиціи. Въ этомъ вопросѣ критики рѣзко распадаются на два лагеря. Въ одномъ господствуетъ убѣжденіе (Гервинусъ, Деліусъ, Герцбергъ и др.), что „Генрихъ VIII“ былъ въ 1613 г. новой пьесой, написанной въ 1612 г. Другой лагерь (Джонсонъ, Теобальдъ, Стивенсъ, Мелонъ, Колліеръ, Галливель и др.) относитъ сочиненіе пьесы къ 1602 г. Въ пользу того и другого предположенія приводятъ соображенія, почти равносильныя. Пламенные похвалы Елисаветы въ пьесѣ основательно сопоставляются съ похвалами въ честь Іакова, что служить однимъ изъ доказательствъ въ пользу пріороченія пьесы къ концу царствованія Елисаветы или началу царствованія Іакова. Что касается до конкретнаго событія, къ которому приурочивается пьеса, то таковымъ называютъ бракосочетаніе фальцграфа Фридриха (1612—13). Шекспиръ будто-бы пригласилъ „Генриха VIII“ для этого празднества. Но достаточно бѣлаго чтенія пьесы, чтобы убѣдиться въ несостоятельности такого предположенія. Менѣе всего годилась для брачнаго торжества пьеса, темой которой служило преслѣдованіе ни въ чемъ неповинной королевы и насильственный разводъ. Это была бы жестокая насмѣшка надъ царственными бракосочетающимися. Не входя въ разносторонній анализъ аргументовъ въ пользу той или другой даты пьесы, мы постараемся высказать тѣ доводы, по которымъ считаемъ необходимымъ отнести пьесу къ 1612 г. или за нѣсколько лѣтъ раньше, во всякомъ случаѣ къ царствованію Іакова. Намъ лично представляется дѣло въ томъ видѣ, что „Генрихъ VIII“

былъ задуманъ и отчасти обработанъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы, а окончательная редакція пьесы относится къ царствованію Іакова. Дѣло въ томъ, что драма, написанная по какому-то намъ точно неизвѣстному торжественному случаю при дворѣ Елисаветы, естественно должна была льстить самолюбію властолюбивой „весталки сѣвера“. Реебилитациі ея отца и отчасти матери она и была посвящена. Затѣмъ, при постановкѣ пьесы при Іаковѣ, оказалось необходимымъ допустить лесть и по адресу короля. Похвалы Іакову были тѣмъ болѣе необходимы, что этотъ король не имѣлъ никакого основанія относиться къ памяти Елисаветы съ признательностью и благоговѣніемъ.

Приступая къ пьесѣ, можетъ быть, на заданную тему, автору драмы пришлось имѣть дѣло съ сюжетомъ благодарнымъ по драматическимъ мотивамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не подходящимъ для идеализаціи героя пьесы. Истинъ „синяя борода“, жестокой, надменный, сластолюбивый и коварный, строившій религію на личномъ разчетѣ, возвышающій и низвергающій фаворитовъ, Генрихъ VIII могъ быть выведенъ на сцену или въ отгалкивающемъ или въ несоотвѣтствующемъ дѣйствительности видѣ. Первое было невозможно при Елисаветѣ, второе — слишкомъ — бы портило пьесу. Отсюда неясность и противорѣчія въ характерѣ короля.

Къ сожалѣнію, критикамъ лишь по заглавію извѣстны тѣ драматическія обработки „Генриха VIII“, которыя существовали до Шекспира. Слѣдуетъ полагать, что въ „Генрихѣ VIII“, какъ и въ „Королѣ Джонѣ“, Шекспиръ пользовался предшествующими драматическими обработками. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ распоряженіи Шекспира былъ тотъ-же историческій документальный матеріалъ, что и у его предшественниковъ.

Источниками драмы, опредѣлившими наиболѣе существенныя черты ея возрѣній на характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ служили извѣстныя хроники, *Голиншеда* и *Галля*. Голиншедъ въ свою очередь пользовался для біографіи Уольсея трактатомъ *Кавендиша*. Драма использовала благодарный матеріалъ, доставленный ей хроникерами. Достаточно сравнить знаменитую сцену пира у кардинала Уольсея. Еще убѣдительнѣе окажется сопоставленіе, если мы обратимъ вниманіе на ту сцену, гдѣ Екатерина предстала предъ судомъ

изъ короля и духовныхъ. Ея рѣчи, исполненныя высокаго поэтическаго пафоса въ драмѣ, не менѣе хороши и въ историческихъ источникахъ и аргументація несчастной жены и королевы аналогична въ обоихъ случаяхъ. Королева въ хроникѣ призываетъ Господа Бога и людей въ свидѣтели, что она никогда не переставала быть покорной и любящей женой короля, ни въ чемъ ему не противорѣчила и обвиняетъ во всемъ дурныхъ совѣтниковъ короля. Ея рѣчь построена весьма искусно и полна неподдѣльнаго пафоса и воодушевленія.

Характеристика Уольсея у Голиншеда заключаетъ въ эмбрионѣ тѣ черты, которыя впослѣдствіи блестящимъ образомъ были развиты у Шекспира. Властный, честолюбивый и талантливый кардиналъ и у Голиншеда величественъ въ своемъ паденіи.

Слѣдуя точно указаніямъ своихъ источниковъ, Шекспиръ сдѣлалъ изъ своего сюжета все, что возможно было сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ. Онъ смягчилъ и очеловѣчилъ непривлекательный образъ Генриха VIII, не взявшись, однако, за неблагодарную задачу идеализаціи этого короля. Далѣе онъ вывелъ на сцену мать Елизаветы, полную женственности и красоты, каковой она и была въ дѣйствительности. На неприглядную ея роль въ дѣлѣ Екатерины онъ набросилъ завѣсу.

Пассивность молодой красавицы, ея нравственное безразличіе—эти существенныя черты достаточно подчеркнуты Шекспиромъ.

Отвергнутая королева изображена полной величія и горя, королевой отъ головы до пятокъ. Можно колебаться, что для нея важнѣе—утрата любви мужа или вѣнца. И то, и другое для нея одинаково важно. Умирающая, она не можетъ простить слугѣ неумѣстнаго, въ ея глазахъ, обращенія.

Непривлекательный по нравственнымъ качествамъ, но высокочаровитый государственный человѣкъ Уольсей, написанъ Шекспиромъ во весь ростъ, со всѣми его признанными исторіей недостатками и положительными чертами характера. Гордый, заносчивый, коварный и лживый, Уольсей притомъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, щедръ и демократиченъ. У него нѣтъ чертъ случайнаго выскочки, на всякомъ шагу виденъ зрѣлый умъ, опытъ, широкій взмахъ полета. Онъ падаетъ съ достоинствомъ и величіемъ, не желая изображать изъ себя ни мученика, ни жертву; это—борецъ за государственную идею, понимаемую узко и эгоистично.

Едва-ли не верхъ искусства проявилъ Шекспиръ въ изображеніи Генриха VIII. Идеализовать этого порочнаго короля не позволяла ему совѣсть поэта и историка. Выставить Генриха въ надлежащемъ свѣтѣ не позволяли обстоятельства. И Шекспиръ избираетъ такіе моменты жизни короля, которые, будучи особенно знаменательными, давали возможность поэту *очеловѣчить* этотъ гнусный обликъ жестокаго тирана. Въ процессѣ съ Екатериной король проявляетъ историческія черты деспота, лицемеря и сластолюбца; но при всемъ этомъ король, подчиняясь влеченію сильной страсти, искренно у Шекспира сожалеетъ о своей несчастной, отвергнутой первой супругѣ. Въ отношеніяхъ къ Аннѣ Болейнъ, Генрихъ VIII проявляетъ сильную и горячую любовь, отчасти примиряющую съ нимъ зрителя. Какъ отцу, ему тоже готовы сочувствовать зрители и читатели. Наконецъ, у Шекспира Генрихъ VIII далеко не безучастенъ къ участи своихъ подданныхъ.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, слѣдуетъ считать доказанными, что къ англійской реформаціи, какъ таковой, пьеса Шекспира никакого отношенія не имѣетъ. Отдѣленіе короля отъ церкви является у Шекспира совершенно случайнымъ, обусловленнымъ стремленіемъ къ разводу, а характеристика Кранмера касается его симпатичныхъ чертъ, какъ человѣка, безъ всякаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ.

По стилю Генрихъ VIII относится къ лучшему періоду творчества Шекспира. Мы полагаемъ, ее можно, вмѣстѣ съ однимъ изъ критиковъ, отнести къ началу XVII ст. Она могла быть заказана Шекспиру Елизаветой по поводу семидесятилѣтія со времени свадьбы Анны Болейнъ (12 апрѣля 1603). Пьеса ставилась послѣ смерти королевы при Іаковѣ,—отсюда необходимость соответствующихъ вставокъ и измѣненій. Не претендуя на уровень „Гамлета“, „Короля Лира“, „Макбета“ и др., пьеса „Генрихъ VIII“ обладаетъ, все-же, поэтическими достоинствами стѣсненнаго въ своихъ сюжетахъ гениальнаго писателя. Она свидѣтельствуетъ, что даже такому гению, какъ Шекспиръ, было невозможно, при навязанной свѣше темѣ, достигнуть той высоты, которой онъ достигалъ тогда, когда его орлиный полетъ не направлялся посторонней рукой.

Л. Шепелевичъ.

II.

Въ своей замѣткѣ проф. Шепелевичъ совершенно не захотѣлъ коснуться вопроса, въ какой мѣрѣ „Генрихъ VIII“ дѣйствительно можетъ считаться Шекспировской пьесой. Остановливаясь на нѣсколькихъ замѣчательныхъ сценахъ и характерахъ „Генриха VIII“, почтенный профессоръ не жалѣетъ для нихъ восторженныхъ словъ. Правда, онъ не замалчиваетъ и литературные недочеты пьесы, которые такъ бросаются въ глаза, даже самому обыкновенному читателю при ознакомленіи съ этой, въ общемъ, очень слабой и малоинтересной пьесой. Но недочеты Л. Ю. Шепелевичъ считаетъ возможнымъ въполнѣ удовлетворительно объяснить тѣмъ, что даже такого гения, какъ Шекспиръ, не могла нестѣснить тема, навязанная извнѣ и не родившаяся свободно въ творческихъ настроеніяхъ великаго писателя.

Это отношеніе къ „Генриху VIII“ еще не исчезло окончательно изъ шекспировской литературы *). Но оно несомнѣнно почти уже уступило мѣсто другому воззрѣнію, по которому участіе Шекспира въ этой пьесѣ не болѣе какъ частичное. Еще въ серединѣ 18 вѣка, нѣкоторые англійскіе критики обратили вниманіе на особенности метра „Генриха VIII“, весьма непохожаго на метръ другихъ пьесъ Шекспира. Но этому замѣчанію долго никто не придавалъ особаго значенія. Лишь въ 1850 г. Спедингъ напечаталъ замѣчательную статью въ *Gentleman's Magazine**, въ которой весьма убѣдительно доказывалъ, что болѣшая часть пьесы написана въ манерѣ извѣстнаго драматурга Флетчера. Основываясь на изображеніяхъ метрическихъ и эстетическихъ, Спедингъ приходилъ къ заключенію, что Шекспиру можетъ быть приписано только: 1) Дѣйствіе I—сцены 1 и 2; 2) Дѣйствіе II—сцены 3 и 4; 3) Дѣйствіе III—сцена 2, до того мѣста, гдѣ король уходитъ. 4) Дѣйствіе V—сцена 1. Все остальное Спедингъ приписываетъ Флетчеру, хотя не считаетъ невозможнымъ участіе еще третьяго автора.

Мнѣніе Спединга не скоро получило господство. Но въ началѣ 70-хъ годовъ статья его была перепечатана въ трудахъ

„Новаго Шекспировскаго Общества“ (*New Shakespeare Society*), во главѣ котораго стоитъ извѣстный шекспирологъ Фэрниваль (*Furnival*) и это сразу придало авторитетность теоріи Спединга. Что всего важнѣе—ее всецѣло приняли изслѣдователи Шекспировскаго метра—Флэ (*Fleay*), Абботъ и др. А метръ—это очень надежное средство распознаванія и Шекспировскаго творчества и творчества всякаго поэта вообще. Особенности метра—своего рода художественный почеркъ, которымъ можно пользоваться почти съ тою же увѣренностью, съ какою каллиграфы пользуются обыкновеннымъ почеркомъ для установленія принадлежности данной рукописи тому или другому лицу.

Въ настоящее время теорія Спединга принята всѣми англійскими авторитетными шекспирологами. И если самые осторожные изъ нихъ уклоняются отъ точнаго указанія, какія именно сцены „Генриха VIII“ должны считаться Шекспировскими, то во всякомъ случаѣ никто не оспариваетъ того, что значительнѣйшая часть слабой пьесы не принадлежитъ великому писателю, изъ пера котораго только что вышелъ такой *chef d'oeuvre* какъ „Буря“.

Есть, однако, теорія, которая идетъ еще дальше Спединга. Извѣстный нашимъ читателямъ выдающійся англо-русскій шекспирологъ—Робертъ Ивановичъ Бойль (см. т. IV, стр. 68) помѣстилъ въ „*Transactions*“ того же „Новаго Шекспировскаго Общества“ за 1880—85 г. детально-разработанное изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что въ томъ текстѣ „Генриха VIII“, который дошелъ до насъ въ знаменитомъ изданіи in folio сочиненій Шекспира 1623 г. ничего Шекспировскаго нѣтъ. По его мнѣнію, при пожарѣ театра Глобусъ (см. выше стр. 496) подлинный манускриптъ сгорѣлъ, а такъ какъ слава пьесы была очень велика, то нашлись драматурги, которые охотно написали на тотъ же сюжетъ новую пьесу. Одинъ изъ этихъ драматурговъ несомнѣнно Флетчеръ, другой—извѣстный намъ по предисловію къ „Троилу и Крессидѣ“ Мэсинджеръ.

Теорія Бойля не встрѣтила документальныхъ опроверженій и если не можетъ считаться общепризнанной (къ ней напр. относится очень отрицательно новѣйшій очень авторитетный біографъ Шекспира Сидней Ли), то все-таки, мнѣніе о непричастности Шекспира къ „Генриху VIII“ очень распространено. Брандесъ къ своему

*) Ср. напр. предисловіе Боденштедта въ относительно позднихъ нѣмецкихъ изданіяхъ Шекспира (1890), въ рус. литературѣ введенія къ „Генриху VIII“ въ изданіяхъ Гербеля (1899) и Соловскаго (1896).

справедливому заявленію, что „многіе изъ современныхъ компетентныхъ критиковъ утверждаютъ, что Шекспиръ не написалъ въ этой пьесѣ ни одного стиха“, прибавляетъ слѣдующее важное сообщеніе:

„Ф. Д. Фэрниваль разсмотрѣлъ въ своемъ большомъ изслѣдованіи, служащемъ вступленіемъ къ „The Leopold Shakespeare“ эту пьесу, какъ одну изъ тѣхъ, которыя частью должны быть приписаны Шекспиру. Впослѣдствіи онъ отказался отъ своего взгляда и написалъ на поляхъ подареннаго мнѣ экземпляра подъ Генрихомъ VIII— „not Shakespeare's“ (не Шекспировская). Артуръ Саймонсъ, помѣстившій эту пьесу въ изданіи Ирвинга и снабдившій ее вступленіемъ, сказалъ мнѣ устно, что склоняется теперь къ мнѣнію, въ виду метрическихъ особенностей, что Шекспиръ не участвовалъ въ созданіи этой пьесы. В. А. Дэнъель, глубоководный издатель столь многихъ Шекспировскихъ in quarto, заявилъ мнѣ, что не знаетъ, кто былъ авторомъ этой пьесы“ (Брандесъ, Шекспиръ, II, 321).

Въ виду такого положенія вопроса о „Генрихѣ VIII“ мы сочли полезнымъ для читателей нашего изданія просить уважаемаго Р. И. Бойля сдѣлать извлеченіе изъ его изслѣдованія. Ниже помѣщаемое извлеченіе дополнено нѣкоторыми новыми соображеніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, къ сожалѣнію, по необходимости, лишено самой доказательной своей части: 1) таблицы метровъ разныхъ частей пьесы, соотвѣтственно которымъ авторъ приписываетъ ихъ то Флетчеру, то Мэсенджеру и 2) сопоставленія тѣхъ мѣстъ „Генриха VIII“ и подлинныхъ пьесъ Шекспира, гдѣ разработаны одни и тѣ же положенія и тѣмы. Эта существеннѣйшая часть изслѣдованія г. Бойля имѣетъ значеніе только для подлинника.

С. Венгеровъ.

III.

Попытка оспаривать принадлежность Шекспиру драмы, включенной издателями знаменитаго перваго собранія его сочиненій (in folio) 1623-го года, представляется на первый взглядъ очень смѣлой. Однако изъ предисловія къ „Троилу и Крессидѣ“ мы знаемъ, какъ мало можно полагаться на издателей этого собранія, отнесшихся къ принятой ими на себя задачѣ очень небрежно. Они должны бы были знать, что многое изъ того, что было выпущено въ

свѣтъ подъ именемъ Шекспира, въ дѣйствительности было написано не имъ, а иными драматургами. Но они не считаютъ нужнымъ даже и намекнуть на это. Они заявляютъ, что издають драматическія произведенія Шекспира слово въ слово по рукописямъ поэта. А между тѣмъ по опечаткамъ можно совершенно ясно видѣть, что они печатали не съ рукописи, а съ тѣхъ самыхъ изданій in quarto, которыя они называли мародерскими. Обстоятельства, при которыхъ появилась наша драма, разсказаны выше. Сгорѣли-ли при этомъ и рукописи, въ точности неизвѣстно, но, конечно, весьма вѣроятно, что онѣ не уцѣлѣли. 3 года спустя сгорѣла такъ называемая арена для пѣтушиныхъ боевъ (Cock-pit), и въ этомъ случаѣ положительно установлено, что манускрипты затерялись. Эта утрата не только объясняетъ разныя неясности по отношенію къ „Генриху VIII“, но также и въ отношеніи другихъ драмъ Шекспира, которыя, какъ и эта пьеса, оставались въ рукописномъ видѣ до 1623 г. Существуетъ множество предположеній о времени написанія „Генриха VIII“. Нѣкоторые авторитетные писатели, напр., Эльце, относили нашу драму ко времени царствованія Елизаветы. Но когда было изслѣдовано развитіе бѣлаго стиха у Шекспира, то стало очевидно, что драма эта не могла быть написана въ столь раннюю пору. Лондонское „Новое шекспировское общество“ обнародовало нѣкоторые матеріалы, касающіеся этого вопроса, и воспроизвело разные литературные памятники, доказывающіе, что многія мѣста въ драмѣ написаны особымъ, легко распознаваемымъ размѣромъ Джона Флетчера. Это открытіе дѣлаетъ необходимымъ предположеніе, что въ завершеніе своей драматической дѣятельности и еще при полномъ обладаніи своими умственными силами Шекспиръ вступилъ въ сотрудничество съ второстепеннымъ драматургомъ, послѣдствіемъ чего было появленіе произведеній, лишенныхъ тѣхъ характеристическихъ особенностей, которыми отличаются прочія его драмы, особенно позднѣйшія. Въ запискахъ лондонскаго „Новаго Шекспировскаго общества“ (New Chakespeare society, Transactions for the years 1880—85 г.) авторъ настоящихъ строкъ напечаталъ статью, въ которой доказывается, что „Генрихъ VIII“ всецѣло принадлежитъ Флетчеру и (Мэсинджеру Massinger). Съ того времени не появилось ни одной серьезной попытки опровергнуть эту гипотезу.

Труды членовъ „Новаго Шекспировскаго общества“ уже доказали, на основаніи особенностей стихосложенія, что дата драмы—1613 г., до сихъ поръ признаваемая англійскими авторитетами, повидимому, очень близка къ истинѣ. Наша гипотеза сдѣлала шагъ далѣе. Оказалось, что фактура стиха „Генриха VIII“, въ такой же мѣрѣ отлична отъ Шекспировской, въ какой болѣе ранняя манера Мэссинджера отличается отъ „Бури“ и „Зимней сказки“. Это ясно видно изъ таблицы стихотворныхъ размѣровъ, приложенной къ упомянутой выше нашей статьѣ въ запискахъ Ново-Шекспиров. общества. Герцбергъ (Hertzberg), единственный основательный изслѣдователь Шекспировскаго бѣлаго стиха, указываетъ на частое стеченіе сильныхъ и слабыхъ окончаній, какъ на что-то необычное въ „Генрихѣ VIII“, и прибавляетъ, что тамъ, гдѣ такое стеченіе происходитъ въ сосѣднихъ строкахъ, это производитъ нѣкоторую жесткость—черта, несвойственная обыкновенно гармоничному стиху Шекспира. Но такое же точно стеченіе этихъ окончаній въ сосѣднихъ строкахъ можно въ изобиліи найти и у Мэссинджера—доказательство, что метрическія особенности „Генриха VIII“, отличающія эту драму отъ другихъ произведеній Шекспира, пошли по направленію, взятому Мэссинджеромъ въ его другихъ драмахъ.

Само собой разумѣется, что одно только различіе въ фактурѣ стиха „Генриха VIII“ и „Бури“ или „Зимней сказки“ не достаточно еще для теоріи, отрицающей на этомъ основаніи самую принадлежность драмы Шекспиру. Но дѣло мѣняется, разъ мы находимъ много другихъ звеньевъ, связывающихъ эту драму съ другими извѣстными драмами Мэссинджера, и когда видимъ, что вся обрисовка характеровъ въ драмѣ вполне въ стилѣ Мэссинджера и не имѣетъ никакого сходства съ Шекспировской. Могли бы возразить, что Мэссинджеръ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ какъ драматургъ, чтобы написанная имъ драма могла сойти за Шекспировскую, и чтобы въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ, протекшихъ со дня обнародованія драмы по день его смерти, не появилось ни малѣйшаго намека на его участіе въ созданіи ея. Но для тѣхъ, кто близко знакомъ съ условіями литературной жизни того времени, въ этомъ нѣтъ ничего ни невозможнаго, ни невѣроятнаго.

Мнѣніе, что большую часть „Генриха VIII“ написалъ Флетчеръ, основывается главнымъ образомъ на характерѣ стихосложенія. Это

мнѣніе можно доказывать (или оспаривать) только при помощи англійскаго текста. Здѣсь же достаточно сказать, что за послѣднія 30 лѣтъ въ Англии не раздалось ни одного голоса, который отрицалъ бы сотрудничество Флетчера. Поэтому мы можемъ ограничиться лишь доказательствами сотрудничества въ созданіи этой драмы еще и Мэссинджера и указаніемъ на отдѣльныя мѣста, сближающія нашу драму съ драмами, написанными однимъ Флетчеромъ. Эти совпаденія имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что Флетчеръ повторяется рѣдко. Прологъ принадлежитъ Флетчеру. Въ немъ есть стихъ, очень важный для нашего предположенія:—

To rank our chosen truth with such a show
As fool and fight.

Это же выраженіе встрѣчается и въ пьесѣ, написанной однимъ Флетчеромъ:—

To what end do I walk? for man to wonder at,
And fight and fool?

(Дешевое изданіе Рутледжа [Routledge], т. стр. 169).

Пьеса эта называется „Women Pleased“. Первые свѣдѣнія о ней мы встрѣчаемъ въ 1633 году, но она повидимому появилась много ранѣе, вѣроятно, около 1612—1615. Въ пьесѣ „Women Pleased“, представляющей собою что-то въ родѣ пародіи на „Укрощеніе строптивой“ Шекспира (Taming of the Shrew), женщины ведутъ разговоры въ томъ легкомысленномъ, двусмысленномъ духѣ, который вообще свойственъ Флетчеру. Въ V актѣ, сц. 2, Изабелла, замужняя женщина, и Клавдіо, молодой иностранецъ, увидѣвшій ея улицы, сидятъ и разговариваютъ; Клавдіо признается Изабеллѣ въ любви.

Isab. He that would proffes this. And bear
that full affection you make show of, should do.
Claudio. What should I do?

Isab. I cannot show you.

Изабелла. Тотъ, кто сознается въ этомъ и полонъ тѣмъ чувствомъ, о которомъ вы говорите, сдѣлалъ бы...

Клавдіо. Что же долженъ я сдѣлать?

Изабелла. Я не могу вамъ этого показать.

Въ приписываемой Флетчеру части „Генриха VIII“ (актъ I, сцена 4, ст. 47) въ разговорѣ лорда Сандса и Анны Болейнъ центръ тяжести въ тѣхъ-же непристойностяхъ, выраженныхъ тѣми-же самыми словами.

Lord Sands.

And pledge it, madamo,
For't is to such a thing...

А н и е.

You cannot show me.

Особенность „Генриха VIII“ составляет то, что цѣлый рядъ ситуаций мы вновь встрѣчаемъ въ пьесахъ Флетчера и Мэссинджера.

У Мэссинджера эти положенія повторяются въ драмахъ, появившихся позднѣе „Генриха VIII“, что можно истолковать въ томъ смыслѣ, что онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на свою личную собственность. Что касается Флетчера, то пьеса, гдѣ встрѣчается подобная же сцена—„Гибель Дѣвушки“ (*The Maid's Tragedy*)—появилась въ 1611 году, за два года до пожара театра „Глобусъ“.

Необходимо сравнить обѣ сцены:

„Maid's Tragedy“ Act. I, sc. 2.

Enter Calianax and Diagoras.

Calianax. Diagoras, look to the doors better, for shame! You let in all the world...

Diagoras. What now?

Melantius (*within*). Open the door.

Diagoras. Who's there?

Melantius. Melantius.

Diagoras. Stand back there! Room for my Lord Melantius! Pray, bear back; this is no place for such youths and their trulls. Let the doors shut again. No? do your heads itch? I'll scratch them for you (*Shuts the door*). Again, who is't now? I cannot blame my Lord Calianax for running away; would he were here? He would run raging among them, and break a dozen wiser heads than his own in the twinkling of an eye. What's the news now?

(*Within*). I pray you can help me to the speech of the master cook?

Diagoras. If I open the door I'll cook some of your calves heads. Peace, rogues!

Входятъ Каліанаксъ и Діагоръ.

Каліанаксъ. Діагоръ, что за срамъ! Смотря получишь за дверьми. Ты пускаешь сюда кого попало...

Діагоръ. Кто тамъ еще?

Мелантій (*снаружи*). Мелантій!

Діагоръ. Назадъ! дорожку милорду Мелантію! здѣсь не мѣсто для такихъ молокососовъ и ихъ потаскушекъ. Сдѣлайте милость — назадъ! Затворите двери. Нѣтъ? Или у васъ засвербѣло въ башкѣ? Ну такъ я почешу ее вмѣсто васъ. (*Затворяетъ дверь*). Опять! Кто тамъ еще? Не осуждаю, что господинъ мой Каліанаксъ ушелъ. Будь онъ здѣсь, — разсердился бы и въ одно мгновеніе ока разбилъ бы съ дюжину головъ поумнѣе своей собственной. Еще тамъ что?

(*Голосъ снаружи*). Послушайте, какъ бы мнѣ поговорить съ господиномъ кухаремъ?

Діагоръ. Вотъ открою и двери, да пакухарю кое-чьи болваны башки! Тише вы, бродяги!

Если сравнить эту сцену съ акт. V, сц. 4 „Генриха VIII“, то убѣдимся, что послѣдняя — не что иное, какъ передѣлка приведенной сцены изъ „Гибели Дѣвушки“.

Что касается Мэссинджера, то мы должны принимать въ расчетъ скорѣе общій характеръ письма, чѣмъ параллельность отдѣльных пассажей. Этотъ вопросъ изслѣдованъ нами въ предисловіи къ „Троилу и Крессидѣ“. Тамъ объяснено, что художественныя созданія Шекспира можно раздѣлить на два разряда чисто-художественныя и философскія. До „Гамлета“ Шекспиръ пользовался преимущественно первымъ родомъ выраженія своихъ мыслей. Второй родъ выраженія — болѣе прямой и драматическій — встрѣчается въ совершенной формѣ впервые въ „Гамлетѣ“, а затѣмъ во множествѣ мѣстъ въ позднѣйшихъ драмахъ. Если бы „Генрихъ VIII“ принадлежалъ Шекспиру, то мы должны бы были встрѣтить въ немъ пріемъ послѣдняго рода — драматическую, а не чисто описательную манеру. Но то обстоятельство, что во всей драмѣ не встрѣчается ни одного такого мѣста, убѣдительно всего свидѣтельствуешь въ пользу авторства Мэссинджера.

Въ своемъ изслѣдованіи о „Генрихѣ VIII“ въ запискахъ Ново-Шекспировскаго общества мы привели 13 образчиковъ совершенно различнаго способа обработки однихъ и тѣхъ-же положеній и тѣмъ въ „Генрихѣ VIII“ и въ подлинныхъ пьесахъ Шекспира.

Во всемъ „Генрихѣ VIII“ нѣтъ ни одной картины, которую было бы возможно поставить наряду съ картинами философскаго характера послѣ-Гамлетовскаго періода. Напротивъ того — въ немъ встрѣчаются топорнѣйшія частности, которыя могутъ вызвать только смѣхъ. Напр. I, 1. 9:

«How they clung

In their embracements as they grew together
Which had they what four throned ones could
have weighed

Such a compounded one».

Слѣжившись, другъ друга заключили

Въ объятія и будто-бы срослись.

Да и срослись они на самомъ дѣлѣ

Не отыскать-бы въ свѣтѣ четырехъ

Властителей, подобныхъ этимъ двумъ,

Въ одно соединеннымъ.

Это выраженіе напоминаетъ мѣсто

изъ другой мнимо Шекспировской пьесы. „Двухъ знатныхъ родственниковъ“ (The two Noble Kinsmen), когда Эмилия размышляетъ о своихъ двухъ поклонникахъ (V, 3. 4):

«Were they metamorphosed
Both into one! O, why, there were no woman
Worth so composed a man».

Т. е. „Если бы оба они превратились въ одного! О, тогда не нашлось бы женщины, достойной такого составного мужа“.

И все таки это не такъ смѣшно, какъ сейчасъ приведенное мѣсто изъ „Генриха VIII“.

Самое начало драмы взято изъ пьесы Мэссинджера „Императоръ Востока“. III. 1;

Комната во дворцѣ.

Входятъ Павлиникъ и Филанаксъ.

Paul.

Nor this, nor the age before us ever looked on
The like solemnity.

Philanax.

A sudden fever
Kept me at home. Pray you, mylord, acquaint me
With the particulars.

Paul.

You may presume
No pomp or ceremony could be wanting
Where there was privilege to command and mens
To cherish rare inventions.

Philanax.

I believe it;

But the sum of all in brief.

То-есть:

Paul. Ни этотъ вѣкъ, ни времена, протекшія до насъ

Не видѣли такого торжества.

Philanax. Внезапный припадокъ лихорадки удержалъ меня дома. Прошу васъ, милордъ, расскажите мнѣ о подробностяхъ.

Paul. Само собою—не было недостатка ни въ пышности, ни въ церемоніяхъ. Тутъ былъ случай и возможность пустить въ ходъ самыя хитрыя выдумки.

Philanax. Вѣрю. Но расскажи все вкратцѣ.

Въ „Генрихъ VIII“ I, 1, дѣйствіе открывается совершенно такимъ-же образомъ (см. дальше пьесу).

Мэссинджеръ неоднократно повторяетъ въ своихъ драмахъ пассажи изъ другихъ своихъ произведеній, но—насколько этотъ вопросъ изслѣдованъ—онъ никогда не присваивалъ себѣ собственности дру-

гихъ драматурговъ. Онъ пользуется разговоромъ двухъ дѣйствующихъ лицъ для описанія какого нибудь дѣйствія, происшедшаго внѣ сцены. Этотъ приемъ во всѣхъ шекспировскихъ драмахъ встрѣчается только однажды—въ „Зимней сказкѣ“. Въ „Барнавельтѣ“ Мэссинджера и Флетчера есть сцена, гдѣ принцъ Оранскій, вызванный въ Совѣтъ, получаетъ отъ Барнавельта и его друзей грубый приказъ остановиться на порогѣ и не входить въ залъ Совѣта. Въ „Генрихъ VIII“ Кранмеръ вызывается въ Совѣтъ—и его держатъ въ передней среди лакеевъ и пажей. Это историческій случай, происшедшій съ Кокомъ, (Coke) когда его лишили званія главнаго судьи. Эдъсмеръ его преемникъ, держалъ его въ своей передней среди лакеевъ, не снявшихъ даже въ его присутствіи своихъ шляпъ.

Обратимся теперь къ обрисовкѣ характеровъ въ „Генрихъ VIII“. Сначала о женскихъ характерахъ. Они отличаются отъ характеровъ болѣе раннихъ пьесъ Шекспира позднѣйшаго періода своей идеализацией. Если мы сравнимъ Миранду, Пердиту, Имогену, Изабеллу, Виргилію съ Джульетой, Порціей, Геро, Беатрисой, Розалиндой, Целіей, Віолой,—то увидимъ, что первая серія этихъ характеровъ имѣетъ нѣчто своеобразное, отличающее ее отъ другихъ серій. Это, такъ, сказать „небесныя и святыя созданія“, по опредѣленію Люціо въ разговорѣ съ Изабеллой. Другія серіи представляютъ собою „духовъ—но все таки и женщинъ“, и какъ говорить Уордсвортъ, „не слишкомъ блестящихъ, но нужныхъ какъ хлѣбъ насущный для человѣческой природы“. („Spirits but yet women too“, „no too bright and good for human nature's daily food“).

Анна, если бы она была созданіемъ Шекспира, должна бы быть отнесена къ первой серіи. Но въ дѣйствительности она очерчена въ манерѣ Бьюмонта (Beaumont) и Флетчера, и мы бы прибавили—Мэссинджера, по впечатлѣнію, которое она производитъ на другихъ. Камергеръ говоритъ о ней, II, 3. 75:

И хорошо понимъ ее; красота и добродѣтель такъ тѣсно соединены въ ней, что поразили даже короля: и кто знаетъ, не отъ этой ли леди произойдетъ брилліантъ, который озаритъ весь нашъ островъ.

Суффолькъ говоритъ о ней III, 2, 49:

Она восхитительное созданье, совершенство

по уму и по красотѣ. И убѣжденъ, что ради нея на эту страну снизойдетъ благословеніе, которое увѣковѣчитъ ея имя.

Даже Уольсей (Wolsey) говоритъ о ней:

Я знаю, что она добродѣтельная и достойная уваженія женщина.

Въ дѣйств. IV, 1, 43 второй джентельменъ говоритъ о ней:

Да благословитъ тебя небо. У тебя самое прелестное лицо, которое я когда либо видѣлъ; сэръ, она ангелъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что я имѣю душу. Король въ ея объятіяхъ имѣетъ всѣ богатства Индіи—и даже что-то болѣе драгоценное. Я не осуждаю его.

И сэръ Томасъ Ловель въ дѣйствіи V, 1, 24, говоритъ:

Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что она доброе созданье, и кроткое существо — заслуживаетъ нашихъ лучшихъ пожеланій.

Таковы впечатлѣнія, которыя она производитъ на окружающихъ, друзей и враговъ. Но, когда мы посмотримъ, что она дѣлаетъ, чтобы заслужить такую высокую оцѣнку, то мы увидимъ, что она вступаетъ въ остроумный, но скользкій разговоръ съ лордомъ Сандсомъ, какъ было указано выше, или разсуждаетъ со старой лэди, служащей вмѣстѣ съ ней у королевы, о томъ, что больше всего огорчить ихъ госпожу, если она утратитъ королевское достоинство. По мнѣнію Анны, королевѣ тяжелѣе всего будетъ разстаться съ великолѣпіемъ и пышностью, къ которымъ она привыкла за девятнадцать лѣтъ.

Это, думаетъ она, такая-же агонія, какъ разставаніе души съ тѣломъ. Гдѣ найдемъ мы что нибудь столь мелкое и тривиальное у какой либо изъ шекспировскихъ героинь, раньше или позже? Что она въ этой сценѣ играетъ комедію вмѣстѣ съ старой лэди, это ясно, и старая лэди хорошо понимаетъ это и намекаетъ на это. Однако та, кто была равной ей, пока на Анну не упалъ благосклонный взглядъ короля, бросаетъ ей суровый и заслуженный упрекъ. Невозможно считать Анну созданьемъ Шекспира, но она чрезвычайно подходитъ для галлерей женскихъ портретовъ Мэссинджеръ-Флетчеръ - Бьюмонта, — такъ какъ почти всѣ эти характеры отличаются такимъ же поверхностнымъ душевнымъ складомъ.

Катерина создана совсѣмъ по другому образцу: будучи возвышеннѣе и чище по своей природѣ, чѣмъ ея соперница, она стоитъ на ряду съ наиболѣе благородными

типами позднѣйшихъ драмъ. Впервые мы встречаемся съ нею въ актѣ I, сц. 2, гдѣ она поддерживаетъ бароновъ противъ Уольсея и дѣлаетъ робкую попытку спасти Букингама. Въ сценѣ суда мы можемъ бросить взглядъ въ глубь ея духовной природы,—а затѣмъ драма выводитъ ее въ слѣдующей сценѣ и въ четвертомъ актѣ и совершенно измѣняетъ ея образъ. Сцена суда, выказывающая Катерину съ ея лучшей стороны, естественно вызываетъ на сравненіе съ другой сценой суда, которая,—если Шекспиръ написалъ „Генриха VIII-го“ въ настоящемъ видѣ,—была бы написана почти одновременно. Катерина, конечно, благородное созданье, если сравнить ее съ хитрымъ и лукавымъ тираномъ, безсовѣстнымъ Уольсеемъ, или съ Анною, ея жалкою соперницей. Но невозможно утверждать даже ея самымъ пламеннымъ поклонникамъ, что она достигла высоты Герміоны въ „Зимней сказкѣ“. Мы можемъ глубоко заглянуть въ чистую душу послѣдней и видѣть побужденія, которыя лежатъ въ корнѣ всего, что она говоритъ и дѣлаетъ.

И та и другая отличаются женственной покорностью. Катерина говоритъ, что она никогда не относилась съ благорасположеніемъ къ людямъ, которые не нравились королю. Ея робкая попытка спасти Букингама показываетъ, что поэтъ не пытался согласовать ея дѣйствія съ ея словами. Она увѣряетъ, что всегда старалась оказывать расположеніе любимцамъ короля. Эталожная идея о женской покорности (которую она къ тому же смѣшиваетъ, очевидно, съ раболѣпствомъ) совсѣмъ не совмѣщается съ той царственностью, которую она проявила во время суда.

Здѣсь она естественна и тверда, и мы судимъ ее по ея дѣйствіямъ и забываемъ ея слова и ея прославленіе рабскаго повиновенія по отношенію къ мужу. Обѣ женщины напоминаютъ о своемъ высокомъ рожденіи, но дѣлаютъ это совершенно различными образомъ. Герміона, дочь русскаго императора, желаетъ, чтобы отецъ ея взглянулъ на ея несчастія, но глазами состраданія, а не мести. Катерина, при воспоминаніи, что она королевская дочь, выражаетъ желаніе, чтобы ея слезы обратились въ огненные искры.

Герміона защищала свое женское достоинство и свою добрую славу съ такой же энергіей, какъ Катерина, и была унесена изъ суда, повидимому, безъ признаковъ жизни. Катерина же не обнаружи-

ваетъ ни слѣда того смягчающаго вліянія несчастія, которое составляетъ преобладающую черту позднѣйшихъ характеровъ шекспировскихъ драмъ.

Она уходитъ изъ суда угрюмая и недовѣрчивая, бросивъ въ лицо своему мучителю жалобу къ папѣ. Она даже не упоминаетъ о своей любви къ королю.

Гермионѣ же стоитъ огромныхъ усилій подавить слова любви, которыя бьютъ ключемъ въ ея сердцѣ, какъ это видно изъ ея восклицанія, чтобы отецъ „взглянулъ на ея несчастія глазами состраданія, а не мести“. Смягчающее вліяніе страданій совершило свое дѣло въ ея сердцѣ. Катерина не дѣлается менѣе благороднымъ образомъ отъ того, что не обнаруживаетъ и слѣда такихъ чертъ; но это ставитъ ее въ дисгармонію со всѣми позднѣйшими образами великаго поэта. Драма намекаетъ на эту черту въ ней только въ сценѣ, гдѣ она отдастъ должную справедливость своему заклятому врагу, скончавшемуся кардиналу.

Смягчающее вліяніе страданій является идеей, {занимающей поэта еще въ драмѣ „Какъ вамъ это понравится“ (As you like it). (1600). Просперо лелѣетъ въ себѣ и достигаетъ идеала челоѣчности во время долгихъ лѣтъ изгнанія на пустынномъ островѣ. Леонтъ („Зимняя сказка“) становится подъ вліяніемъ несчастій такимъ кроткимъ, что даже Паулина—сама примѣръ этого смягчающаго вліянія—боится, что упрекала его слишкомъ безжалостно. Перикль, въ первой драмѣ четвертаго періода Шекспировскаго творчества, представляетъ прекрасный примѣръ той же черты.

Эту черту можно прослѣдить въ каждой драмѣ послѣдняго періода творчества Шекспира, хотя она не всегда проявляется у него, одинаковымъ образомъ. Она является плодомъ жизненнаго опыта поэта, научившаго его, что не тѣ люди лучше всѣхъ, которые никогда не грѣшили, или по крайнѣй мѣрѣ, казались безгрѣшными, какъ напр. Анжело въ „Мѣра за мѣру“. (Measure for Measure).

Здѣсь Маріана (актъ V сц. I.), выражаетъ взглядъ самого поэта, говоря:

«And for the most become much more the better
For being a little bad».

(Т. е. „обыкновенно люди становятся лучше отъ небольшихъ пороковъ“.) Такъ оно и есть. „Зрѣлость есть все“, говоритъ Эдгаръ въ „Королѣ Лирѣ“. (V, сц. 2.). Произведенія великаго поэта показываютъ, что онъ достигъ этой зрѣлости, если исключить „Генриха VIII-го“ и „Двухъ знатныхъ

родственниковъ“; поэтому трудно допустить, вопреки тому, что издатели in folio 1623 г. включили въ свое изданіе разбираемую драму, что Шекспиръ дѣйствительно авторъ „Генриха VIII“, который былъ бы послѣднимъ изъ твореній поэта; это уничтожило бы всякую возможность создать гармоническую картину развитія поэта.

Мужскіе характеры нашей драмы еще менѣе, чѣмъ женскіе, способны произвести впечатлѣніе подлинно-шекспировскихъ. Уольсей долженъ бы производить впечатлѣніе крупной натуры, какъ оно и было въ дѣйствительности. Но въ драмѣ его величіе зависитъ просто и единственно отъ его положенія при королѣ. Поэтому, когда король лишаетъ его своей благосклонности, онъ немедленно, не сдѣлавъ даже попытки спасти себя, возвращается въ первоначальное ничтожество. Онъ не обладалъ тѣми качествами, которыя внушили-бы уваженіе зауряднымъ натурамъ бароновъ и заставили бы ихъ относиться къ нему съ почтеніемъ и послѣ его паденія. Какъ ни груба сцена ссоры Уольсея со своими врагами, но въ характерѣ кардинала вообще такъ мало истиннаго благородства, что сцена эта ни мало насъ не поражаетъ. (Достаточно вспомнить напр. его распоряженіе объ обнародованіи указа о сложеніи налоговъ,—будто бы по его совѣту, его разговоръ относительно доктора Пэса и подобные этому эпизоды). Онъ губитъ Букингама при помощи предателя-слуги, при чемъ, беззастѣнчиво пользуясь трусостью короля, онъ укрывается отвѣтственностью Совѣта, когда королева обвиняетъ его въ угнетеніи простаго народа, хотя этотъ Совѣтъ всегда былъ лишь игрушкой въ его рукахъ. Однимъ словомъ, онъ всюду и всегда проявляетъ свое ничтожество и низость.

Личность короля неуловима на пространствѣ всей драмы. Онъ изображенъ трусливымъ тираномъ, наводящимъ на всѣхъ ужасъ, хотя съ другой стороны всѣ безъ колебанія пользуются его трусостью. Невозможно допустить, чтобы величайшій изъ поэтовъ, которыхъ когда либо видѣлъ міръ, завершилъ свой творческій путь столь плачевною фигурой.

Генрихъ точь-въ-точь такая же тиранническая, безсильная и непослѣдовательная фигура, какія мы встрѣчаемъ въ драмахъ, въ которыхъ принималъ участіе Бьюмонтъ,—какъ напр. Тьерри (въ Thierry and Theodoret), Арбасессъ (въ A King and no King), король и Мелантій (въ A Maid's

Tragedy) и другія. Сюда относятся и Тезей въ Two Noble Kinsmen и Генрихъ VIII. Букингамъ и Уольсей обращаются въ этой драмѣ въ ничтожество, какъ только ихъ коснулось несчастье, такимъ же образомъ, какъ это вообще свойственно Флетчеру, который трактуетъ Барневельта въ недавно открытой драмѣ этого же имени совершенно такъ же, какъ и Уольсея и Букингамъ въ „Генрихъ VIII“.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ относительно попытки истолкованія романтическихъ драмъ Шекспира однимъ молодымъ американскимъ ученымъ въ трудѣ его The Influence of Beaumont and Fletcher on Shakespeare (Вліяніе на Шекспира Бьюмонта и Флетчера). Его изслѣдованіе дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что три изъ ихъ романтическихъ драмъ были написаны ранѣе „Цимбелина“—первой изъ драмъ Шекспира въ этомъ родѣ. Онъ указываетъ много параллелизмовъ между „Цимбелиномъ“ Шекспира и „Филастеромъ“ Бьюмонта и Флетчера, параллелизмы, уже отмѣченные ранѣе ученымъ шекспирологомъ П. Леонгардтомъ, который, однако, не видѣлъ тутъ доказательства вліянія этихъ молодыхъ драматурговъ на Шекспира. Ashley Thorndike, авторъ упомянутого труда, показываетъ, что Бьюмонтъ и Флетчеръ пользуются въ 6 изъ своихъ раннихъ драмъ 5 основными характерами или типами. Это во 1-хъ герой, злополучное картонное существо, игральщикъ обстоятельствъ, мѣняющее свой характеръ при всякомъ новомъ положеніи. Лейкиппъ въ „Мести Амура“ (Cupid's Revenge), Филастеръ въ драмѣ того же имени, Аминторъ въ „The Maid's Tragedy“—примѣры этого типа. Во 2-хъ—младенчески-чистая, любящая, самоотверженная дѣвушка, какъ напр. Аспазія Белларіо и Уранія въ тѣхъ же драмахъ. Въ 3-хъ злодѣйка, страстное, чувственное, распущенное существо—какъ Бакка (Cupid's Revenge), Мэгра (Philaster), Эвадна (Maid's Tragedy). Въ 4-хъ хвастливый трусъ, не разъ использованный въ указанныхъ драмахъ. Въ 5-хъ вѣрный

другъ. Къ этимъ типамъ я прибавляю еще 6-ой—страстнаго лицемѣрнаго тирана въ родѣ короля въ „The Maid's Tragedy“ и Филастера въ драмѣ того же имени. Къ этому типу принадлежитъ и Генрихъ VIII. Мэссинджеръ подставляетъ этотъ типъ вмѣсто „вѣрнаго друга“ или „героя“—смотря по обстоятельствамъ. Торндайкъ предполагаетъ, что Шекспиръ сознательно пришелъ къ изученію романтической драмы, созданной младшимъ поколѣніемъ драматурговъ и что онъ написалъ „Генриха VIII“ въ сотрудничествѣ съ Флетчеромъ. Торндайкъ идетъ такъ далеко, что даже утверждаетъ, что въ трехъ послѣднихъ драмахъ Шекспира нѣтъ развитія характера; что освѣщеніе, въ которомъ дѣйствующія лица драмы являются передъ читателемъ, зависитъ не отъ ихъ характера, а отъ созданной для нихъ обстановки; другими словами, что Шекспиръ, въ заключеніе своей творческой дѣятельности, вернулся къ приемамъ своего незрѣлаго періода. Мы, разумѣется, должны отвергнуть такое скороспѣлое заключеніе; однако нѣтъ сомнѣнія, что въ трехъ послѣднихъ драмахъ Шекспира: „Цимбелинъ“, „Зимней сказкѣ“ и „Бурѣ“ сказывается огромное вліяніе Бьюмонта и Флетчера. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что изъ труда самого Торндайка вытекаетъ, что въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Шекспиръ уже освободился отъ этого вліянія. Во всякомъ случаѣ развитіе характеровъ и изобиліе событій разнообразнѣе въ позднѣйшихъ драмахъ Шекспира, чѣмъ въ его большихъ трагедіяхъ.

Торндайкъ, примыкая къ прежде установившемуся мнѣнію, что „Генрихъ VIII“ написанъ Шекспиромъ совмѣстно съ Флетчеромъ, по нашему мнѣнію, еще недостаточно близокъ къ истинѣ. Едва-ли можно утверждать въ настоящее время, что даже какая-нибудь сцена въ этой слабой драмѣ вышла изъ-подъ пера Шекспира, только что создававшего „Бурю“.

Р. Бойль 1).

1) Переводъ съ рукописи Е. А. Егорова.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ Восьмой.
 Кардиналъ Вольсей.
 Кардиналъ Кампеюсъ.
 Капуціусъ, посланникъ императора Карла Пятаго.
 Краймеръ, архіепископъ Кентерберійскій.
 Герцогъ Норфолькъ.
 Герцогъ Буклингъ.
 Герцогъ Сусфолькъ.
 Графъ Серри.
 Лордъ-камергеръ.
 Сэръ Томасъ Олп, лордъ-канцлеръ.
 Гардинеръ, епископъ Винчестерскій.
 Епископъ Линкольнскій.
 Лордъ Эбергевенни.
 Лордъ Сандсъ.
 Сэръ Генрихъ Гильфордъ.
 Сэръ Томасъ Ловель.
 Сэръ Антоній Денци.
 Сэръ Никольсъ Во.
 Кромвель, слуга Вольсея.
 Гриффитъ, гофмаршалъ королевы Екатерины.
 Докторъ Бутсъ, врачъ короля.
 Гартеръ, герольдъ.
 Управитель герцога Букингама.
 Брандонъ.
 Сержантъ.
 Привратникъ и его помощникъ.
 Пажъ Гардинера.
 Глашатай.
 Королева Екатерина, жена Генриха VIII, потомъ съ нимъ разведенная.
 Анна Болленъ, ея фрейлина, потомъ королева.
 Пожилая лэди, другъ Анны Болленъ.
 Пациенца, камеръ-фрейлина королевы Екатерины.

Придворные, секретари, писцы, офицеры, стража, слуги и духи.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, Вестминстерѣ и Кимбольтонѣ.

КНИЖНАЯ РАМКА ЭПОХИ РЕНЕСАНСА.

(Майнцъ, 1518; мастерская Иоганна Шеффера, *Johann Schöffer*; внизу кардинальская шапка).

ПОСТАНОВКА „ГЕНРИХЪ VIII“ ВЪ ЛОНДОНСКОМЪ ТЕАТРѢ ЛУСЕУМЪ (1892) ЗНАМЕНИТЫМЪ АНГЛІЙСКИМЪ АКТЕРОМЪ СВРОМЪ ГЕНРИ ИРВИНГОМЪ (SIR HENRY IRVING) ВЫХОДЪ ВОЛЬСЕЙ.

ПРОЛОГЪ.

Сегодня я пришелъ не съ тѣмъ, чтобъ васъ смѣшить;
Нѣтъ, передъ вами мы заставимъ проходить
Другія скорбныя, высокія картины,
Кладущія на лобъ глубокія морщины.
Мы вамъ покажемъ сценъ величественныхъ рядъ,
Гдѣ совмѣстилися и блескъ, и скорби ядъ—
Сценъ, орошающихъ глаза людей слезами.
Кто къ состраданію способенъ между вами,
Надъ нашей пьесой поплачетъ потому,
Что этого она достойна. И тому,
Кто деньги платить намъ, въ надеждѣ поучаться
Житейской правдою, могу я общаться,
Что онъ ее найдетъ у насъ. И господа,
Которымъ нравится пьеса лишь тогда,
Когда въ ней сцены двѣ эффектныя найдутся,
Ручаюсь, въ этотъ разъ совсѣмъ не ошибутся:
Пусть только два часа спокойно просидятъ—
И шиллингъ отданный они вознаграждать.
Одни охотники до пьесъ смѣшныхъ, безчинныхъ,

До разныхъ молодцовъ въ кафтанахъ пестрыхъ, длинныхъ,
Обшитыхъ золотомъ, до стуканья щитовъ—
Обманутся у насъ. Вѣдь, если бы шутовъ
И битвы вздорныя сегодня мы смѣшали
Съ такою истинной высокою—едва ли
Одинъ разумный другъ остался бы у насъ;
Мы одурачили бъ самихъ себя и васъ,
Которымъ показать мы правду лишь желаемъ.
Изъ городскихъ судей и критиковъ считаемъ
Мы васъ первѣйшими; такъ выслушайте жъ насъ

Съ такой серьезностью, какую видѣтъ въ васъ
Желали бъ очень мы. Пусть вамъ вообразится,
Что появляются не сказочныя лица
Въ высской драмѣ сей, какъ будто бы въ живыхъ

Они еще теперь; себѣ представьте ихъ
Во всемъ величьи и блескѣ, окруженныхъ
Народомъ и толпой друзей и приближенныхъ;
Представьте, и потомъ на вашихъ же глазахъ
Всѣ эти почести падутъ мгновенно въ прахъ.
И если можете веселыми остаться
Вы послѣ этого, то я готовъ сознаться,
Что можетъ человѣкъ лить слезы даже въ тотъ
Прекрасный день, когда вѣнчаться онъ идетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Приемная во дворцѣ.

*Входятъ, съ одной стороны, герцога Нор-
фолькъ, съ другой—герцога Букингамъ
и лордъ Эвергевенни.*

Букингамъ.

Лордъ, здравствуйте! Я очень радъ васъ
встрѣтить.

Что дѣлали, какъ поживали вы

Съ тѣхъ поръ, какъ я во Франціи васъ ви-
дѣлъ

Въ послѣдній разъ?

Норфолькъ.

Благодарю, милордъ!

Отлично мнѣ жилось—и до сихъ поръ

Не пересталъ тому я удивляться,

Что видѣлъ тамъ.

Букингамъ.

Меня жъ совсѣмъ не кстати

Въ моемъ дому горячка заперла

Какъ-разъ тогда, когда два солнца славы,

Два яркія свѣтила межъ людей,

Съѣзжались въ долину Ардской.

Норфолькъ.

Да,

Я видѣлъ ихъ межъ Гейнесомъ и Ардомъ;

Я видѣлъ, какъ еще съ коней они

Привѣтствовать другъ друга стали; видѣлъ,

Какъ, спѣшившись, другъ друга заключили

Въ объятія и будто бы срослись.

Да и сrostись они на самомъ дѣлѣ—

Не отыскать бы въ свѣтѣ четырехъ

Властителей, подобныхъ этимъ двумъ,

Въ одно соединеннымъ.

Букингамъ.

Въ это время

Я узникомъ былъ въ комнатѣ своей.

Норфолькъ.

Такъ, значить, вы величія земного

Не видѣли. Тутъ каждый могъ сказать,

Что пышный блескъ до той поры былъ хо-
лостъ,

А здѣсь нашелъ жену себѣ повыше

И самого себя. Тутъ каждый день

Превосходилъ прошедшіе, покаместъ

Послѣдній день не поглотилъ собою

Всѣ чудеса предшествовавшихъ дней.

Сегодня насъ французы затмевали:

Подобные языческимъ богамъ,

Отъ головы до ногъ они блистали

Всѣ въ золотѣ, въ каменьяхъ дорогихъ;

А завтра англичане превращались

Вдругъ въ Индію: такъ каждый былъ похожъ

На золотой рудникъ. Ихъ пажи,

Малюточки, отъ головы до ногъ

Всѣ въ золотѣ, шли, точно херувимы;

И дамы, непривычныя къ труду,

Подъ пышными нарядами своими

Едва не задыхались, такъ что ихъ

И самый трудъ румянилъ мило. Нынче

Одинъ нарядъ превозносили всѣ,

А завтра онъ былъ нищенская тряпка.

Блескъ королей обоихъ равенъ былъ,

Но тотъ изъ нихъ выигрывалъ, который

Былъ на глазахъ; когда же появлялись

Они вдвоемъ, всякъ говорилъ, что видитъ

Лишь одного, и не дерзалъ никто

Отыскивать различье между ними.

Когда же эти оба солнца—ихъ

Такъ звали всѣ—черезъ своихъ герольдовъ

Созвали все дворянство на турниръ,

Ну, тутъ дѣла такія совершились,

Какихъ нельзя вообразить—дѣла,

Которыя насъ заставляли вѣрить

Всѣмъ сказочнымъ преданьямъ, даже сказкѣ

Про Бевиса.

Букингамъ.

О, вы ужъ далеко

Заходите!

Норфолькъ.

Клянусь, какъ дворянинъ,

Какъ человѣкъ, всегда любившій честность,—

Разскажъ о томъ, что совершилось тамъ,

Безжизнененъ и въ самой пышной формѣ.

Тамъ дѣйствіе служило языкомъ;

Все царственно, согласно съ цѣлью было;

Всеу давалъ порядокъ ясный видъ;

Чиновники отлично выполняли

Свой долгъ.

Букингамъ.

Но кто, скажите, этимъ всѣмъ

Руководилъ? Кто голову и члены

Великаго такого торжества

Соединялъ искусно?

Норфолькъ.

Человѣкъ,

ВОЛЬСЕЙ И БУКИНГАМЪ.

Картина известнаго англ. художника Саломона Гарта (S. A. Hart, R. A., 1806—1881).

Котораго никто изъ насъ, конечно,
Не могъ считать малѣйшимъ знатокомъ
Въ такихъ дѣлахъ.

Букингамъ.

Но кто же онъ, скажите,
Пожалуйста?

Норфолькъ.

Его преосвящество
Архіепископъ Йоркскій это все
Устроилъ такъ.

Букингамъ.

Чортъ поberi его!

Ни одному пирожному испечся
Не можетъ онъ позволить, чтобъ не ткнуть
Въ него своимъ честолюбивымъ пальцемъ.
Ну, для чего мѣшаться вздумалъ онъ
Въ весь этотъ блескъ и суетную пышность?
Не диво ли, что этотъ сальный комъ
Ужасною своею толщиною.

Беретъ въ себя свѣтъ солнечныхъ лучей
И до земли его не допускаетъ?

Норфолькъ.

Вы правы, лордъ: владѣетъ средствомъ онъ
Осуществлять такія цѣли. Предковъ
Нѣтъ у него, которыхъ слава путь
Наслѣдникамъ прокладываетъ въ свѣтъ;
Своей странѣ онъ также никогда
Не оказалъ услуги; важныхъ связей
Онъ былъ всегда лишенъ; но какъ паукъ
Самъ изъ себя пускаетъ паутину,
Такъ онъ себѣ прокладываетъ путь
Ничѣмъ инымъ, какъ собственнымъ умъ-
емъ.

Умъ-е то—небесный даръ, и имъ
Себѣ купилъ онъ мѣсто подлѣ трона.

Эвергевенни.

Что получилъ отъ Неба онъ, какъ даръ—
Не знаю я; пускай откроетъ это
Взоръ, поострѣй и глубже моего.

За то видна отлично мнѣ надменность,
Сквозящая изъ всѣхъ его частей.
Но кто ее принесъ ему въ подарокъ?
Когда не адъ, такъ, вѣрно, сатана
Сталъ скаредомъ, иль преждеужъ растратилъ
Ее совѣмъ, и новый адъ тогда
Нашъ кардиналъ въ себѣ самомъ построилъ.

Букингамъ.

И какъ онъ смѣлъ, чортъ побори его,
Взять на себя, безъ воли государя,
Избранные лицъ для свиты въ этотъ путь
Во Францію? Онъ самъ составилъ списокъ
Дворянъ страны и выбралъ только тѣхъ,
Которыхъ могъ какъ можно посильнѣе
Обременить трудами и за нихъ
Дать самыя ничтожныя награды.
И всѣ, кого включилъ онъ въ списокъ свой,
Похвали, хоть не былъ этотъ списокъ
Почтеннѣйшимъ совѣтомъ утвержденъ.

Эвергевенни.

Да, изъ моихъ родныхъ, по крайней мѣрѣ,
Не меньше трехъ такъ сильно свой карманъ
Разстроили, что въ прежнемъ процвѣтаньи
Не будетъ онъ, навѣрно, никогда.

Букингамъ.

О, многіе себѣ сломали спины,
Взваливъ на нихъ помѣстья всѣ свои
Для этого великаго похода!
А между тѣмъ вся эта суета
Какой исходъ печальнѣйшій имѣла!

Норфолькъ.

Да, съ грустію я думаю о томъ,
Что миръ, теперь межъ нами заключенный
И Франціей, не стоилъ, чтобъ его
Съ расходами такими сопрягали.

Букингамъ.

Когда затѣмъ ужасный ураганъ
Послѣдовалъ—какъ-будто вдохновенье
Слетѣло къ намъ, и мы, не сговорясь
Между собой, всѣ тутъ же предсказали,
Что онъ, порвалъ одежду мира, сталъ
Предвѣстникомъ внезапнаго разрыва.

Норфолькъ.

И тотъ разрывъ, конечно, недалекъ:
Вѣдь, Франція союзъ уже расторгла,
Конфисковавъ въ Бордо товары наши
У англійскихъ купцовъ.

Эвергевенни.

Такъ вотъ причина,
Что ихъ посла не приняли у насъ?

Норфолькъ.

Конечно, да.

Эвергевенни.

Вотъ, право, миръ завидный
И купленный чрезмѣрною цѣной!

Букингамъ.

Что жъ, это все почтеннымъ кардиналомъ
Устроено!

Норфолькъ.

Позвольте вамъ сказать,
Милордъ, вражда межъ вами и Вольсеемъ
Всей Англіи извѣстна. Мой совѣтъ—
Онъ сердцемъ данъ, которое желаетъ
Вамъ почестей и всевозможныхъ благъ—
Подумайте о злости кардинала
И вмѣстѣ о могуществѣ его;
Потомъ и то сообразить вамъ должно,
Что если онъ кому желаетъ мстить,
То никогда не видитъ недостатка
Въ орудіяхъ. Вамъ нравъ его знакомъ:
Онъ мстителенъ; мнѣ жъ мечъ его извѣстенъ:
Онъ и остеръ, и длиненъ, и достать,
Какъ знаютъ всѣ, весьма далеко можетъ,
А ужъ куда достать ему нельзя.
Туда его добрасываютъ ловко.
Примите же всѣмъ сердцемъ мой совѣтъ;
Увидите, онъ будетъ вамъ полезенъ...
Но вотъ идетъ та самая скала,
Которой вы должны остерегаться.

*Входитъ кардиналъ Вольсей. Впередъ
него несутъ кошель; за нимъ слѣдуетъ нѣ-
сколько тѣлохранителей и два секретаря
съ бумагами. Кардиналъ, проходя, устрем-
ляетъ взоръ на Букингамъ, а этотъ послѣд-
ній—на него. Оба смотрятъ другъ на друга
съ презрѣніемъ.*

Вольсей.

Милорда Букингамъ управитель?
А! гдѣ жъ допросъ?

1-ый секретарь.

Онъ здѣсь, милордъ.

Вольсей.

А самъ

Онъ тоже здѣсь?

1-ый секретарь.

Такъ точно, ваша свѣтлость.

Вольсей.

Ну, такъ теперь узнаемъ больше мы.
И Букингамъ смирить свой взглядъ надмен-
ный.

(Уходитъ со своею свитою).

Букингамъ.

Песъ мясника наполнилъ ядомъ пасть,

А мнѣ нельзя надѣтъ ему намордникъ!
Конечно, тутъ ужъ лучше не будить
Его совсѣмъ. Да, нищая порода
Предпочтена дворянской крови!

Норфолькъ.

Какъ

Вспылили вы! Молите лучше Бога—
Умѣренность послать вамъ: въ ней одной
Спасеніе отъ вашего недуга.

Букингамъ.

Въ его глазахъ я замыслы прочелъ
Враждебные; онъ на меня надменно,
Кака на раба презрѣннаго, смотрѣлъ,
И знаю я, теперь, въ минуту эту,
Меня разитъ онъ гнусной клеветой.
Онъ къ королю отправился; я тоже
Пойду туда отстаивать себя.

Норфолькъ.

Постойте, лордъ. Пусть другъ у друга спро-
сятъ

Разсудокъ вашъ и пылкій гнѣвъ о томъ,
Что дѣлать вы хотите. Кто желаетъ
На крутизну взобраться, долженъ вверхъ
Итти всегда спокойнымъ, тихимъ шагомъ.
Запальчивость похожа на коня
Горячаго, которому, чуть только
Свободу дай, онъ утомить себя
Своею же горячностью. Повѣрьте,
Нѣтъ въ Англіи, конечно, никого,
Кому бы я такъ безгранично вѣрилъ,
Какъ вамъ, милордъ; такъ будьте для себя
Тѣмъ самымъ, чѣмъ вы были бы для друга.

Букингамъ.

Нѣтъ, я иду сейчасъ же къ королю,
И голосъ мой, какъ чести голосъ, вѣрно
Перекричитъ надменное нахальство
Ипсвичскаго мерзавца; если жъ нѣтъ,
Такъ я тогда провозглашу, что больше
Различья нѣтъ между людьми.

Норфолькъ.

Совѣтъ

Примите мой: не разжигайте печи
Для вашего врага такъ горячо,
Чтобъ вы же въ ней сгорѣли. При излишней
Поспѣшности мы можемъ обогнать
Того, за кѣмъ мы гонимся, и послѣ
Его совсѣмъ изъ виду потерять.
Какъ будто вы не знаете, что пламя,
Когда оно такъ жидкость вскипятить,
Что черезъ край она польется, только
Наружно ей даетъ большой объемъ,
На дѣлѣ же до капли разрушаетъ?
Подумайте. Я повторяю вамъ:

Нѣтъ въ Англіи такого человѣка,
Который вамъ совѣтовать бы могъ
Такъ хорошо, какъ сами вы; старайтесь
Лишь погасить иль только укротить
Огонь страстей разсудка сокомъ.

Букингамъ.

Сэръ,

Благодарю, и, слѣдуя совѣту,
Я ухожу. Но этотъ негодяй
Нахальнѣйшій— не отъ разлива жолчи
Ему даю название это я,
Но вслѣдствіе прямого убѣжденья—
Продажное созданье и измѣнникъ,
Я въ этомъ убѣжденъ— и у меня
Есть множество на это доказательствъ,
Которыя такъ ясны, какъ вода
Въ іюльскій день, когда на днѣ потока
Малѣйшая песчинка намъ видна.

Норфолькъ.

Измѣнникомъ его не называйте.

Букингамъ.

Нѣтъ, назову предъ самымъ королемъ,
И доводы мои такъ прочны будутъ,
Какъ проченъ грунтъ скалистыхъ береговъ.
Послушайте: ханжѣ, лисицѣ этой,
Иль волку, иль обоимъ имъ—вѣдь, онъ
Равно хитеръ и хищенъ, такъ же гадокъ
Для замысловъ преступнѣйшихъ, какъ ловокъ
Въ осуществленьи ихъ; душа и санъ
Другъ друга въ немъ взаимно заражаютъ—
Ему блеснуть величьемъ захотѣлось
Предъ Франціей и дома у себя,
И для того склонилъ онъ короля
И нашего властителя на этотъ
Убыточный для Англіи союзъ,
На этотъ сѣздъ, который столько денегъ
Унесъ съ собой и лопнулъ, какъ стаканъ,
Когда его ты всполоснешь немного.

Норфолькъ.

Да, это такъ.

Букингамъ.

Позвольте мнѣ, милордъ,

Договорить. Всѣ пункты договора
Составилъ такъ лукавый кардиналъ,
Какъ самъ хотѣлъ, и чуть онъ только кри-
кнулъ:

„Быть по сему!“, какъ утвердили ихъ,
Хоть точно такъ они полезны были,
Какъ мертвому полезны костыли.
Но сочинилъ ихъ кардиналъ почтенный—
Такъ спора нѣтъ, что хороши они;
Тутъ дѣло рукъ достойнаго Волсея,
А онъ въ дѣлахъ своихъ непогрѣшимъ.

Вотъ вслѣдъ за тѣмъ—мнѣ кажется, что это
Ужъ выкидышь измѣны, старой суки—
Къ намъ пріѣзжаетъ императоръ Карлъ
Какъ будто-бы затѣмъ, чтобъ повидаться
Здѣсь съ королевой, теткою своей.
Дѣйствительно, такой предлогъ поѣздкѣ
Придумалъ онъ; но собственно затѣмъ
Явился онъ, чтобъ пошептать Вольсею:
Боялся онъ, что повредитъ ему
Свиданіе и дружба государей
Французскаго и нашего; понявъ
Онъ ясно могъ, что многими бѣдами
Грозилъ ему союзъ ихъ—и вступилъ
Въ секретный торгъ съ почтеннымъ карди-
наломъ.

И знаю я, увѣренъ твердо въ томъ,
Что Карлъ платилъ еще до обѣщаній,
И потому желаніе его
Исполнилось еще до заявленія
О немъ. Итакъ, дорогу проложивъ
И вымостивъ червонцами, желанье
Онъ выразилъ, чтобъ былъ Вольсей такъ
добръ—

Переимѣнилъ всѣ мысли государя
И убѣдилъ нарушить договоръ.
Да, пусть король узнаетъ—а узнаетъ
Навѣрно онъ, и скоро, отъ меня—
Что кардиналъ честь царскую его
То продаетъ, то снова покупаетъ,
Какъ вздумаетъ, но къ выгодѣ своей.

Норфолькъ.

Прискорбно мнѣ такія вещи слышать
О немъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы
Ошиблись.

Букингамъ.

Нѣтъ, нѣтъ, каждый слогъ мой—правда;
Я вамъ его представилъ точно такъ,
Какъ докажу, когда для доказательствъ
Придетъ чередъ.

*Входитъ Брандонъ; впереди него началь-
никъ стражи и нѣсколько стражей.*

Брандонъ.

Извольте, капитанъ.
Исполнить долгъ свой.

Сержантъ.

Герцогъ Букингамъ,
Графъ Герфордскій, Страффордскій, Норд-
гемптонскій,
Я, именемъ великимъ короля,
Беру тебя подъ стражу за измѣну
Отечеству.

Букингамъ.

Что, видите, милорды:

Сѣтъ на меня накинута. Паду
Я жертвою коварства и измѣны.

Брандонъ.

Мнѣ очень жаль, что я обязанъ быть
Свидѣтелемъ отнятія свободы
У васъ, милордъ, и этой сцены всей.
Должны идти вы въ Тоуэръ. Это воля
Монаршая.

Букингамъ.

Напрасно сталъ бы я
Доказывать мою невинность; краской
Такой меня покрыли, что мои
Бѣлѣйшія всѣ части почернѣли.
Да будетъ воля Божья, какъ теперь,
Такъ и всегда, во всемъ. Я повинуюсь.
Прощайте, лордъ Эбергевенни.

Брандонъ.

Нѣтъ,

Онъ долженъ вамъ сопутствовать.
(Къ Эбергевенни). Желанье
Монаршее, чтобъ въ Тоуэръ вы были
До той поры, пока вамъ сообщать
Дальнѣйшее рѣшеніе.

Эбергевенни.

Какъ герцогъ,
И я скажу: да будетъ воля Божья!
И выполню желанье короля.

Брандонъ.

Здѣсь у меня еще приказъ монаршій—
Отправить въ Тоуэръ лорда Монтекьюта,
А также Іоанна Де-ла-Кара,
Духовника милорда Букингамъ,
И канцлера его Гильберта Пекъ.

Букингамъ.

Такъ, такъ; все это члены заговора.
Надѣюсь, всѣ?

Брандонъ.

Монахъ картезіанскій
Еще..

Букингамъ.

Неужто Никольсъ Гопкинсъ?

Брандонъ.

Да.

Букингамъ.

Мнѣ измѣнилъ дворецкій мой; за деньги
Его купилъ всесильный кардиналъ.
Теперь мой вѣкъ измѣренъ. Букингамъ
Несчастнаго я бѣдной тѣнью сталъ.
Его черты затмила эта туча,

ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ.

Постановка «Генрихи VIII» знаменитымъ англ. актеромъ сэромъ Генри Ирвингомъ (Sir Henry Irving, род. 1838) въ его театрѣ «Лусеитъ» (1892).

И передъ ней блескъ солнца моего
Померкнулъ вдругъ навѣки. Лордъ, про-
щайте!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Зала государственнаго совѣта.

Трубы. Входятъ король Генрихъ, кардиналъ Вольсей, лорды совѣта, сэръ Томасъ Ловель, дворяне и свита. Король идетъ, опираясь на плечо Вольсея.

Король.

Вся жизнь моя, и все, что только въ ней
Есть лучшаго, благодарятъ васъ нынче
За полную заботливость о насъ.
Ужъ я стоялъ подъ выстрѣлами бунта
Смертельнаго—вы разогнали ихъ.
Благодарю отъ сердца. Пусть теперь
Войдетъ сюда служитель Букингама;
Желаю я, чтобъ лично мнѣ теперь
Онъ повторилъ свои всѣ показанья
И снова здѣсь по пунктамъ передалъ
Подробности измѣны господина.

(Король садится. Лорды совѣта занимаютъ свои мѣста. Кардиналъ помѣщается у ногъ короля, по правую его сторону. За сценой крикъ: „Мѣсто королевы!“).

Входитъ королева Екатерина, ведома герцогами Норфолькомъ и Суффолкомъ. Она становится на колѣни; король встаетъ съ своего мѣста, поднимаетъ ее, цѣлуетъ и сажаетъ подлѣ себя.

Королева.

Нѣтъ, должно мнѣ остаться на колѣняхъ:
Вѣдь, я теперь просительница.

Король.

Встань,

Сядь подлѣ насъ, и только половину
Скажи того, о чемъ пришла просить:
Вѣдь, наша власть—твоя наполовину.
Вторая жъ часть прошенья твоего
Исполнена заранѣ; говори же,
И исполняй желаніе свое.

Королева.

Благодарю, король мой. Сущность просьбы
Моей лишь въ томъ, чтобъ вы, любя себя,

Вниманіе большое обращали
На честь свою и на величье долга
Монаршаго.

Король.

Прошу васъ продолжать.

Королева.

Отъ многихъ лицъ, и все людей честнѣй-
шихъ,

Мнѣ жалобы приносятся на то,
Что вашъ народъ большое горе терпитъ;
Еще на-дняхъ ему сообщены,
Я слышала, такіа повелѣнья,
Которыя, конечно, истребятъ
Въ его душѣ всю преданность къ престолу.
(Кординалу).

Сильнѣй всего, мой добрый кардиналъ,
Онъ, правда, васъ винить и называетъ
Винникомъ поборовъ этихъ; но,
Вѣдь, и король—да охраняетъ Небо
Всю честь его отъ пятенъ—вѣдь, и онъ
Становится предметомъ неприличныхъ
Рѣчей—такихъ, которыя въ сердцахъ
И преданность, и вѣрность истребляютъ
И кажутся открытымъ мятежомъ.

Норфолькъ.

Не *кажутся*, а таковы на дѣлѣ.
Такъ, вслѣдствіе налога, цѣлый цехъ
Суконщиковъ, возможности лишившись
Держать своихъ рабочихъ, распустилъ
Прядильщиковъ, чесальщиковъ, ткачей;
И всѣ они, негодные къ другому
Занятію, лишеныя всѣхъ средствъ
И голодомъ томимые, возстали
Въ отчаяньи—и мало дѣла имъ,
Какой исходъ грозитъ ихъ возмущенью:
Опасность имъ не значить ничего.

Король.

Налогъ! на что? какой налогъ? Почтенный
Лордъ-кардиналъ, вы, наравнѣ со мной,
Несущіе все бремя обвиненья—
Извѣстно ль вамъ, что это за налогъ?

Вольсей.

Мнѣ, государь, извѣстно то, что только
Относится до общихъ дѣлъ страны:
Я наряду иду со всѣми.

Королева.

Правда,

Вы знаете не болѣе другихъ;
Но вы такихъ вещей изобрѣтатель,
Которыя извѣстны тоже всѣмъ
И пагубны для тѣхъ, кто не желаетъ
Ихъ вовсе знать, но съ ними принужденъ
Знакомиться. Налоги, о которыхъ

Мой государь желаетъ получить
Извѣстіе—убійственны для слуха;
Носить же ихъ—надломится спина.
Всѣ говорятъ, что вы ихъ сочинили.
Коль это ложь, то слишкомъ сильно вы
Обвинены.

Король.

Все о налогѣ дѣло!

Какой налогъ? Скажите, наконецъ,
Что за налогъ?

Королева.

Я слишкомъ дерзко ваше
Терпѣніе испытываю, но
Ободрена я вашимъ обѣщаньемъ
Прощенія. Народный ропотъ вызванъ
Указомъ, чтобы каждый гражданинъ
Вносилъ въ казну, безъ всякихъ отлага-
тельствъ,

Шестую часть имущества; предложъ
Къ взысканію такому—близость нашей
Большой войны съ французами. Народъ,
Узнавъ о томъ, сталъ дерзко выражаться;
Всѣ языки выплевываютъ долгъ
Покорности; въ сердцахъ охолодѣлыхъ
Морозъ сковалъ все чувство къ королю;
Тамъ, гдѣ всегда молитвы возносились,
Теперь живутъ проклятыя; и дошло
Ужъ до того, что добрая покорность
Теперь у всѣхъ не больше, какъ раба
Разгоряченной воли. Умоляю
Васъ, государь, на это обратить
Вниманіе; для васъ важнѣе дѣла
Не можетъ быть.

Король.

Я жизнью вамъ клянусь,
Что это все противно нашей волѣ.

Вольсей.

Что до меня касается, такъ я
Участвовалъ здѣсь только тѣмъ, что голосъ
Свой подавалъ съ другими наравнѣ;
Да и на то меня подвигнулъ только
Совѣтъ людей ученыхъ. Если мнѣ
Приходится быть жертвою злословья
Тѣхъ языковъ, которымъ ни мои
Способности, ни свойства неизвѣстны,
Но хочется, на это несмотря,
Быть хроникой всѣхъ дѣлъ моихъ—такъ это,
Скажу всегда, служебный мой удѣлъ,
Тернистый путь, которымъ добродѣтель
Должна итти. Но никогда боязнъ
Завистливыхъ, лукавыхъ порицаній
Насъ не должна стѣснять нимало въ томъ,
Что сдѣлать намъ необходимо. Эти
Хулители, какъ стая хищныхъ рыбъ,

Всегда плывутъ за новымъ кораблемъ,
Но никакой не извлекаютъ пользы
Изъ этой всей погони. Часто такъ
Случается, что лучший нашъ поступокъ
Невѣжество иль злоба назовутъ
Совсѣмъ другимъ, или его другому
Припишутъ вдругъ; а худшія дѣла,
Которыя для грубаго мышленья
Понятнѣе, провозгласятъ дѣлами
Прекрасными. Когда-бъ, страшась того,
Что наши всѣ движенья встрѣтитъ хохотъ
Или хула, рѣшились мы стоять,
Не двигаясь, то корни бы пустили
Мы на своихъ мѣстахъ, иль какъ статуи
Сидѣли тамъ.

Король.

Коль дѣло свершено
Обдуманно, оно самособою
Опасности предотвращаетъ всѣ.
Но дѣло то, которому примѣра
Никто не зналъ, бояться заставляетъ
За результатъ. Извѣстенъ вамъ примѣръ
Подобнаго налога? Полагаю,
Что нѣтъ. Народъ нельзя намъ отрывать
Отъ нашихъ же законовъ и цѣпями
Приковывать къ простому произволу.
Шестая часть! Ужаснѣйшій налогъ!
Вѣдь, этакъ мы беремъ у всѣхъ деревень
И ихъ кору, и вѣтви, даже часть
Отъ ихъ ствола—и хотъ, положимъ, корня
Не трогаемъ, но, при увѣчьи ихъ,
Не мудрено, что воздухъ выпьетъ соки.
Прошу послать въ тѣ графства, гдѣ налогъ
Взимается былъ, скорѣе извѣщеніе,
Что мы прощаемъ всѣхъ, кто возставалъ
Противъ него. Прошу поторопиться.
Я это дѣло поручаю вамъ.

Вольсей (*тихо секретарю*).

Послушайте: сейчасъ пишите письма
О милости, прощеньи короля,
И ихъ повсѣмъ пошлите графствамъ. Сильно
Всѣ общины возстали на меня,—
Поэтому вездѣ распространите,
Что моему ходатайству страна
Отмѣною налога и прощеньемъ
Обязана. Дальнѣйшія мои
Желанія узнаете вы послѣ.

(*Секретарь уходитъ*).

Входитъ управитель Букингама.

Королева.

Какъ грустно мнѣ, что герцогъ Букингамъ
Въ немилость впалъ.

Король.

Прискорбно это многимъ.

Онъ джентельменъ ученый и ораторъ
Прекраснѣйшій; природой надѣленъ
Онъ, какъ никто; воспитанъ такъ, что мо-
жетъ

Учителей великихъ научать
И наставлятъ; себѣ же не имѣтъ
Нужды искать онъ помощь внѣ себя.
Но помните, чуть въ умъ залѣзетъ порча
И эти всѣ прекрасные дары
Неправильно въ душѣ распредѣлятся—
Какъ примутъ вдругъ порочный видъ они
И въ десять разъ превзойдутъ безобразьемъ
Всю красоту прошедшую свою.
Вотъ такъ теперь и этотъ человекъ
Прекраснѣйшій, котораго считали
Въ числѣ чудесъ, котораго рѣчамъ
Внимали мы съ восторгомъ, такъ что, право,
Минутами казались намъ часы—
Вотъ такъ и онъ, любезная супруга,
Всѣ прежнія достоинства свои
Облекъ теперь чудовищной одеждой
И черенъ сталъ, какъ будто бы въ аду
Его лицо испачкали. Немного
Побудьте здѣсь. Вотъ этотъ джентельменъ—
Онъ былъ лицомъ довѣреннымъ милорда—
Разскажетъ вамъ такое, отъ чего
На честь тоска глубокая находить.
Пусть повторитъ онъ снова свой разсказъ
О замыслахъ злодѣйскихъ; мы не можемъ
Ни холодно ихъ къ сердцу принимать,
Ни съ равнодушіемъ объ этомъ слушать.

Вольсей.

Подойдите

И смѣло здѣсь скажите все, что вы,
Какъ подданный заботливый и вѣрный,
О герцогѣ узнали.

Король.

Говори

Свободно все.

Управитель.

Во первыхъ, ежедневно
Всю рѣчь свою онъ вотъ чѣмъ зачумлялъ:
Онъ говорилъ, что если безъ потомства
Король умретъ, то онъ устроитъ такъ,
Что самъ британскимъ скиптромъ завла-
дѣетъ.

Все это слышалъ лордъ Эбергевенни,
Тотъ, что на дочери его женатъ.
При этомъ герцогъ клялся отомстить
Вамъ, кардиналъ.

Вольсей.

Прошу покорно, ваше

Величество, вниманье обратить
На замыселъ опасный этотъ. Герцогъ
Враждебныя желанія свои

Распространилъ не только на особу
Священнѣйшую вашу, но имѣлъ
Въ виду и тѣхъ, кто преданъ вамъ.

Королева.

Почтенный
Лордъ-кардиналъ, судите не съ такой
Суровостью.

Король.

Ну, далѣе. На чемъ
Основывалъ онъ эти притязанья
На нашъ престолъ по смерти нашей? Ты
На этотъ счетъ чего-нибудь не слышалъ
Отъ герцога?

Управитель.

На эту мысль его
Пророчествомъ недѣльнымъ Никольсъ Гоп-
кинсъ

Навелъ.

Король.

Кто этотъ Гопкинсъ?

Управитель.

Духовникъ
При герцогѣ, монахъ картезіанскій.
По цѣлымъ днямъ онъ все кормилъ его
Бесѣдами о будущемъ престолѣ.

Король.

Какъ ты узналъ объ этомъ?

Управитель.

Незадолго
Предъ тѣмъ, какъ вы собрались, государь,
Во Францію, мы были въ домѣ Розы—
Лаврентія Полтнейскаго приходъ—
И герцогъ тамъ спросилъ меня, что слышалъ
Я въ лондонскомъ народѣ о поѣздкѣ
Во Францію? Я отвѣчалъ ему,
Что многіе боятся, чтобъ французы
На гибель короля не оказались
Коварными друзьями. Онъ на это
Замѣтилъ мнѣ, что точно поводъ есть
Такъ говорить и что тогда, пожалуй,
Исполнятся на дѣлѣ тѣ слова,
Которыя сказалъ ему однажды
Святой монахъ. „Не разъ онъ присылалъ
Просить меня“, такъ разсказалъ мнѣ гер-
цогъ:

„Чтобъ я ему позволилъ выбрать часъ
Для тайнаго свиданья съ Де-ла-Каромъ,
Духовникомъ моимъ. Онъ говорилъ,
Что сообщить ему имѣетъ дѣло
Важнѣйшее; ему-то, взявъ съ него,
Какъ будто бы на исповѣди, клятву
Формальную, что мнѣ лишь одному

Мой духовникъ, и никому другому,
Не передать того, что скажетъ онъ
Монахъ сказалъ, подумавши серьезно:
„Ни самъ король—такъ герцогу скажи—
Ни родъ его ужъ процвѣтать не будутъ.
Пусть герцогъ вашъ стремится пріобрѣсть
Любовь всего народа; будетъ править
Онъ Англіей“.

Королева.

Коль не ошиблась я,
Вы—бывшій управитель Букингама
И должности лишились своей
По жалобамъ отъ вашихъ подчиненныхъ?
Подумайте: не злоба ли виной,
Что обвинять стали вы человѣка
Достойнаго и благородный духъ
Въ себѣ пятнать? Подумайте, я снова
Вамъ говорю и даже отъ души
Прошу о томъ.

Король.

Оставь его. Что дальше?

Управитель.

Клянусь душой, я правду говорю!
Я герцогу замѣтилъ, что, быть можетъ,
Самъ сатана монаха ввелъ въ обманъ;
Что для него опасно думать долго
Объ этомъ всемъ, что могутъ, наконецъ,
Въ душѣ его созрѣть такіе планы,
Которые его погубятъ. „Вздоръ!“
Онъ отвѣчалъ: „намъ повредить не можетъ
Ничто!“ И тутъ еще прибавилъ онъ:
„Когда бъ болѣзнь послѣднюю не вынесъ
Нашъ государь—не жить бы головамъ
Вольсеевой и Томаса Ловеля“.

Король.

Ого, такъ вотъ какая злоба въ немъ!
О, человѣкъ онъ вредный! Можешь
Ты что-нибудь еще сказать?

Управитель.

Могу,
Мой государь.

Король.

Такъ говори скорѣе.

Управитель.

Однажды въ Гринвичѣ милорду былъ
Данъ выговоръ за Бломера Вилльяма
Отъ вашего величества...

Король.

Да, помню.
Онъ былъ моимъ слугой, а герцогъ взялъ
Его къ себѣ. Что жъ дальше?

У П Р А В И Т Е Л Ъ .

„Если бъ я“,
Такъ онъ сказалъ: „за это былъ отправленъ
Ну, на примѣръ, хотъ въ Тоуэръ, вѣрно-бъ
мнѣ

Пришло на умъ то сдѣлать, что когда-то
И мой отецъ готовился свершить
Надъ хищникомъ Ричардомъ въ Салисбери,
Когда просилъ себѣ свиданья съ нимъ;
И если бы желанье это было
Исполнено, онъ, будто-бы съ почтеніемъ
Поклонъ отдавъ, вонзилъ бы въ грудь Ри-
чарда

Свой острый ножъ“.

Король.

Чудовищный предатель!

Вольсей.

Что скажете, монархиня? Ужель
Король дышать свободно можетъ, если
Въ тюрьмѣ сидѣть не будетъ Букингамъ?

Королева.

Устрой Господь все къ лучшему!

Король.

Ты что-то

Сказать еще желаешь? Говори.

У П Р А В И Т Е Л Ъ .

Произнесъ слова: „отецъ мой, герцогъ“
И „острый ножъ“, онъ выпрямился вдругъ,
Одной рукой схватилъ кинжалъ, другую
Прижалъ къ груди, возвелъ глаза наверхъ
И произнесъ ужаснѣйшую клятву.
Онъ поклялся, что если дурно кто
Поступить съ нимъ, то превзойдетъ на
столько

Онъ своего отца, на сколько планъ
Несбывшійся неизмѣримо ниже
Свершеннаго поступка.

Король.

Положбнъ

Конецъ его желанью—для кинжала
Ножнами насъ избрать. Онъ подъ арестомъ.
Позвать его немедленно къ суду.
Когда найдетъ онъ милость у закона—
Пусть будетъ такъ; не сыщеть—пусть ужъ
къ намъ

Не думаетъ прибѣгнуть. Днемъ и ночью
Клянусь, что онъ ужаснѣйшій злодѣй!

(Уходятъ).

АННА БОЛЕНЪ.

Современный портретъ.

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ лордъ-камергеръ и лордъ
Сандсъ.

КАМЕРГЕРЪ.

Я никогда не думалъ бы, что чары
Французскія способны облекать
Людей такой причудливою формой.

Сандсъ.

У новыхъ модъ, хотъ будь онѣ смѣшны,
Хотъ женственный имѣй онѣ характеръ,
Приверженцы отыщутся всегда.

КАМЕРГЕРЪ.

Сдается мнѣ, что наши англичане
Изъ этой всей поѣздки извлекли
Хорошаго лишь двѣ иль три гримасы,
Но ужъ за то отличныя. Когда
Иной начнетъ ихъ корчить, такъ охотно
Ты присягнешь, что самый носъ его
Совѣтникомъ Пепина иль Клотара

Еще служилъ—такъ гордо-величавъ
Весь видъ его.

Сандсъ.

У нихъ и ноги тоже
Все новыя, хромыя. Если кто
Походки ихъ не видѣлъ прежде, вѣрно
Подумаешь, что шпаты иль наколѣнникъ
Напалъ на нихъ.

Камергеръ.

Чортъ побери, милордъ!
А въ платьѣ ихъ такой покрой, замѣтете,
Языческій, что христіанскій духъ,
Навѣрное, они ужъ износили.

Входитъ сэръ Томасъ Ловель.

Камергеръ.

Что новаго, сэръ Ловель?

Ловель.

Ничего,
Почтенный лордъ, коль не считать указа,
Прибитаго къ дворцовымъ воротамъ.

Камергеръ.

Указъ? о чемъ?

Ловель.

Да о реформѣ франтовъ,
Пріѣхавшихъ изъ Франціи и дворъ
Лишь ссорами и шумомъ, и портными
Наполнившихъ.

Камергеръ.

Вотъ это хорошо!

Теперь бы мнѣ весьма хотѣлось нашихъ
Господчиковъ просить сознаться въ томъ,
Что англійскій придворный тоже можетъ
Разумнымъ быть, хотя бы Лувра онъ
И не видалъ.

Ловель.

Въ указѣ говорится,
Что всѣ они немедленно должны
Отбросить всѣ остатки шутовства,
Добытаго во Франціи; отречься
Отъ признаковъ почтенныхъ своего
Безумія—дуэлей, фейерверковъ,
Отъ всяческихъ насмѣшекъ надъ людьми,
Получше ихъ, но мудрости заморской
Не знающихъ; отречься отъ любви
Къ мячу, къ чулкамъ длиннѣйшимъ, къ пан-
талонамъ
Коротенькимъ и съ буффами, отъ всѣхъ,
Всѣхъ признаковъ поѣздки заграничной
И сдѣлаться вновь честными людьми;
А не хотятъ, такъ могутъ убираться

Къ товарищамъ стариннымъ игръ своихъ.
Тамъ можно имъ, за это я ручаюсь,
Cum privilegio свое распутство
Растрчивать и отдавать себя
На общее посмѣшище.

Сандсъ.

Давно бы
Пора имъ дать лѣкарство: ихъ болѣзнь
Ужъ сдѣлалась прилипчивой.

Камергеръ.

Однако,
Для нашихъ дамъ не малая бѣда—
Лишиться вдругъ всѣхъ этихъ новыхъ фран-
товъ.

Ловель.

Еще бы нѣтъ! Конечно, будетъ тутъ
И стонъ, и плачъ; вѣдь, эти негодяи
Искусные имѣли чудный даръ
Брать женщинъ въ плѣнъ; тутъ скрипка
или пѣсня
Французская—вѣрнѣйшая приманка.

Сандсъ.

Пусть чортъ на нихъ играетъ! Какъ я радъ,
Что имъ отъ насъ придется убираться,
Затѣмъ что нѣтъ надежды никакой
Исправить ихъ. Теперь и дворянинъ
Такой, какъ я, простой, провинціальный,
Котораго такъ долго изъ игры
Всѣ гнали вонъ, имѣть возможность будетъ
Спѣть пѣсенку; надѣюсь, что его
Часокъ-другой послушаютъ; и, право,
Онъ въ тактъ споетъ.

Камергеръ.

Вполнѣ вы правы, лордъ.
Какъ видно, вы еще не потеряли
Своихъ зубовъ молочныхъ.

Сандсъ.

Нѣтъ, милордъ,
И сохраню, пока хоть корешокъ
Останется.

Камергеръ.

Куда вы шли, сэръ Ловель?

Ловель.

Къ Вольсею шелъ; вы тоже гость его,
Мнѣ кажется?

Камергеръ.

Конечно. Нынче ужинъ
Роскошный онъ даетъ для многихъ дамъ
И лордовъ; тутъ, могу я васъ увѣрить,
Сберется все, что въ королевствѣ есть
Прекраснаго.

Ловель.

Да, надо согласиться,
Что очень добръ почтенный нашъ прелать;
Его рука, какъ почва, плодоносна,
Которая питаетъ насъ; роса
Его на все ложится.

Камергеръ.

Безъ сомнѣнья,
Онъ человѣкъ прекрасный. Злой языкъ
Имѣетъ тотъ, кто мнѣнія другого
О немъ.

Сандсъ.

Да, онъ и можетъ быть такимъ;
Вѣдь, у него всего довольно; хуже
И ереси была бы скупость въ немъ.
Быть щедрыми должны такіе люди:
Они въ примѣръ поставлены другимъ.

Камергеръ.

Да, это такъ; но мало въ наше время
Такихъ, какъ онъ, примѣровъ. Катеръ мой
Тамъ ждетъ меня; я васъ везу съ собою,
Почтенный лордъ. Сэръ Томасъ, намъ пора:
Иначе мы, пожалуй, опоздаемъ,
А это было-бъ жаль, вѣдь весь надзоръ
За праздникомъ порученъ мнѣ и сэру
Гильфорду.

Сандсъ.

Я къ услугамъ вашимъ, лордъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Зала въ Йоркскомъ дворцѣ.

*Трубы. Небольшой столъ подъ балдахиномъ
для кардинала; длинный столъ для юстей.
Въ одну дверь входятъ Анна Болленъ,
разные лорды, лэди и двѣицы; въ другую—
сэръ Генрихъ Гильфордъ.*

Гильфордъ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ, милэди, посылаетъ
Свѣтлѣйшій лордъ. Сегодняшнюю ночь
Онъ отдаетъ прекрасному веселью
И вамъ; его надежда—что никто
Изъ этого высокаго собранья
Своихъ заботъ домашнихъ не принесетъ
Сюда съ собой; желаетъ онъ, чтобъ были
Всѣ веселы, на сколько только дать
Веселости хорошимъ людямъ могутъ
Хорошая компанія, вино
Хорошее и наконецъ хорошій
Пріемъ.

*Входятъ лордъ-камергеръ, лордъ
Сандсъ и сэръ Томасъ Ловель.*

Гильфордъ.

О, лордъ, какъ запоздали вы!
Одна ужъ мысль объ этомъ превосходномъ
Собраніи мнѣ крылья придала.

Камергеръ.

Вы молоды, сэръ Гильфордъ.

Сандсъ.

Ахъ, сэръ Ловель,
Когда бъ хотя отчасти кардиналъ
Могъ раздѣлять мой свѣтскій образъ мыслей,
То не одна, предъ тѣмъ какъ спать итти,
Нашла бы здѣсь такое угощенье,
Которое понравилось бы ей
Сильнѣй всего. Клянусь своею жизнью,
Здѣсь чудныя красавицы сошлись.

Ловель.

Вотъ если бы духовникомъ васъ сдѣлать
Одной иль двухъ!

Сандсъ.

Я былъ бы очень радъ
И легкому, конечно, покаянью
Подвергнулъ ихъ.

Ловель.

Какому же?

Сандсъ.

Тому,
Которое возможно на перинѣ.

Камергеръ.

Прекрасныя милэди, я прошу
Васъ сѣсть къ столу. Сэръ Генрихъ, вы
займитесь

Той стороною, я—этой; кардиналъ
Сейчасъ войдетъ. Нѣтъ, мерзнуть вамъ не
надо;

Двѣ женщины, одна съ другою рядомъ
Сидящія, сейчасъ нагонять холодъ.
Лордъ Сандсъ, вы ихъ съумѣете занять;
Садитесь-ка межъ ними.

Сандсъ.

Постараюсь,
И отъ души благодарю, милордъ.
Позволите, прекрасныя милэди?

*(Садится между Анною Болленъ и другою
дамой).*

Прошу простить, когда, быть можетъ, я
Заговорю отчасти дико: это
Я получилъ въ наслѣдство отъ отца

Анна Болленъ.
Онъ развѣ былъ помѣшанъ, сэръ?

Сандсъ.

О, очень,
До крайности, особенно въ любви.
Онъ никогда, конечно, не кусался,
Но двадцать разъ поцѣловалъ бы васъ
Въ одинъ приемъ, точь-въ-точь какъ я.
(Цѣлуетъ ее).

Камергеръ.

Прекрасно,
Любезный лордъ! Ну, всѣ теперь сидятъ,
Какъ слѣдуетъ. Джентльмены, виноваты
Вы будете, когда изъ-за стола
Веселыми не выйдутъ эти дамы
Прекрасныя.

Сандсъ.

Я сдѣлаю свое,—
Свободу мнѣ вы только предоставьте.

*Трубы. Входитъ кардиналъ Вольсей со
свитомъ и садится на свое мѣсто.*

Вольсей.

Привѣтствую васъ, дорогие гости.
Кто у меня изъ этихъ милыхъ дамъ
Или мужчинъ не будетъ нынче веселъ,
Тотъ мнѣ не другъ. Чтобъ повторить при-
вѣтъ—
За общее здорье! (*Пьетъ*).

Сандсъ.

Ваша свѣтлость,
Какъ вы добры! Позвольте же мнѣ взять
Такой бокалъ, который благодарность
Мою вмѣститъ бы могъ и тѣмъ меня
Освободить отъ слишкомъ долгой рѣчи.

Вольсей.

Благодарю душевно васъ, милордъ.
Ну, потчуйте своихъ сосѣдокъ. Лэди,
Невеселы вы что-то. Господа,
Кто виноватъ?

Сандсъ.

Пусть прежде, ваша свѣтлость,
Прекрасныя ихъ щеки отъ вина
Покроются румянцемъ—насъ заставятъ
Онъ молчать болтливостью своей.

Анна Болленъ.
Вы весельчакъ, лордъ Сандсъ.

Сандсъ.

Когда играю
Въ свою игру. Сударыня, я пью,

И вы должны отвѣтить точно тѣмъ же,
Затѣмъ что пью я за такую вещь...

Анна Болленъ.

Которой вы мнѣ показать, конечно,
Не можете.

Сандсъ.

Сказалъ я, ваша свѣтлость,
Что и онъ сейчасъ болтать начнутъ.
(*За сценою трубы, барабаны и пушечные
выстрѣлы*).

Вольсей.

Что это тамъ?

Камергеръ.

Узнайте поскорѣе.

(*Одинъ изъ слугъ уходитъ*).

Вольсей.

Воинственные звуки! Для чего?
Нѣтъ, лэди, нѣтъ, не бойтесь. По законамъ
Войны вы внѣ опасности.

Слуга возвращается.

Камергеръ.

Ну что?

Что тамъ?

Слуга.

Толпа блестящихъ чужеземцевъ,
Какъ кажется; здѣсь къ берегу они
Причалили и, точно какъ посольство
Высокое отъ королей чужихъ,
Идутъ сюда.

Вольсей.

Лордъ-камергеръ почтенный,
Подите къ нимъ на встрѣчу; по-французски
Вы знаете; прошу, примите ихъ,
Какъ слѣдуетъ, и послѣ проводите
Сюда, гдѣ это небо красоты
Прольетъ на нихъ весь блескъ свой луче-
зарный.

Пусть кто-нибудь сопровождаетъ васъ.

(*Камергеръ уходитъ съ нѣсколькими джентль-
менами. Всѣ встаютъ; столъ отодвигаютъ
въ сторону*).

Ну, вотъ нашъ пиръ и прерванъ; мы однако
Возобновимъ его. Желаю я
Хорошаго вамъ всѣмъ пищеваренья
И снова васъ привѣтствую. Привѣтъ
Всѣмъ вамъ!

*Трубы. Входитъ король, замаскированный
пастухомъ, предшествуемый лордомъ-ка-*

ЛОРДЪ ГИЛЬФОРДЪ.

Современный портретъ, работы знаменитаго нѣмец. художника Гольбейна Младшаго (Hans Holbein, 1497—1543).

МЕРГЕРОМЪ и сопровождаемый двѣнадцатью масками, одѣтыми такъ же, какъ и онъ, и шестнадцатью факелоносцами. Они направляются прямо къ кардиналу и любезно раскланиваются съ нимъ.

Вольсей.

Вотъ славное собранье! Что угодно Вамъ, господа?

КАМЕРГЕРЪ.

Они не говорятъ По-англійски, и потому просили Вамъ передать, что и до нихъ дошло Молва о томъ, что нынче соберется Здѣсь общество прекрасное такое И что они, какъ всякой красоты Глубокіе поклонники, невольно Свои стада оставили и къ вамъ

Пришли просить—подъ вашимъ руковод-
ствомъ
Позволить имъ увидѣть этихъ дамъ
И часъ-другой провести въ бесѣдѣ съ ними.

Вольсей.

Скажите имъ, милордъ, что ихъ приходъ
Для моего убогаго жилища—
Большая честь; я ихъ благодарю
Сто тысячъ разъ и вмѣстѣ веселиться
Прошу ихъ всѣхъ, какъ только захотятъ.

*(Кавалеры выбираютъ дамъ для танцевъ.
Король приглашаетъ Анну Болленъ).*

Король.

Такой рукой прекрасной не касался
Ни разу я. О, красота, тебя
До этихъ поръ не зналъ я никогда!

(Музыка. Танцы).

Вольсей.

Лордъ-камергеръ!

КАМЕРГЕРЪ.

Что хочетъ ваша свѣтлость
Мнѣ приказать?

Вольсей.

Прошу васъ передать
Имъ отъ меня, что есть одинъ межъ ними,
Который здѣсь, по сану своему,
Достойнѣ меня сидѣть на мѣстѣ
Хозяина,—и если бы я могъ
Его узнать, то по любви и долгу
То мѣсто уступилъ бы.

КАМЕРГЕРЪ.

Передамъ

Немедленно.

*(Подходитъ къ маскамъ и, поговоривъ съ ними,
возвращается къ кардиналу).*

Вольсей.

Ну, что вамъ отвѣчали?

КАМЕРГЕРЪ.

Дѣйствительно, межъ ними есть такой.
Они того не скрыли и сказали,
Что если вы узнаете его,
То онъ займетъ, пожалуй, ваше мѣсто.

Вольсей.

Попробуемъ. *(Подходитъ къ маскамъ).*

Позвольте, господа,
Вотъ царственный мой выборъ.

Король *(снимая маску).*

Угадали,

Лордъ-кардиналъ! Ну, славное у васъ
Собрание! Отлично вы живете!
Не будь вы, лордъ, духовное лицо,
О васъ бы я понятие составилъ
Не лестное.

Вольсей.

Какъ радъ я, государь,
Что вы въ такомъ веселомъ настроеніи!

Король.

Лордъ-камергеръ, подите-ка сюда;
Скажите мнѣ, пожалуйста, кто эта
Красавица?

КАМЕРГЕРЪ.

Дочь Томаса Болленъ,
Ричфордскаго виконта, и статсъ-дама
Ея величества.

Король.

Клянуса Небомъ,
Прелестное созданіе она! *(Къ Аннѣ Болленъ).*
Дитя мое прекрасное! Я былъ бы
Невѣжливымъ, когда бы пригласилъ
На танцы васъ и не далъ поцѣлуя.
Ну, господа, пускай теперь пойдеть
Заздравная и круговая чаша!

Вольсей.

Готовъ ли столикъ, сэръ Ловель, въ залѣ той?

Ловель.

Готовъ, милордъ.

Вольсей.

Боюсь я, государь,
Что танцы васъ слегка разгорячили.

Король.

Да, черезчуръ.

Вольсей.

Въ той комнатѣ свѣжей.

Король.

Пойдемте же. Ведите каждый даму.
Красавица, я не оставлю васъ.
Веселіе на сцену! Мой добрыйшій
Лордъ-кардиналъ, намѣренъ нынче я
Съ полдюжины бокаловъ осушить
За этихъ всѣхъ красавицъ; послѣ снова
Мы пригласимъ на танцы ихъ, а тамъ
Пусть каждому пригрезятся побѣды
Надъ милыми. Велите-ка трубить.

(Трубы. Всѣ уходятъ).

БАЛЪ У ВОЛЬСЕЯ.

(Появленіе короля и его свиты въ маскахъ). Постановка Ирвинга въ театрѣ «Луситъ» (1892).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Вестминстеръ. Улица.

Два джентльмена *встрѣчаются*.

Первый джентльменъ.
Куда вы такъ спѣшите? Богъ вамъ въ помощь!

Второй джентльменъ.
Я прямо въ судъ, чтобы услышать тамъ,
Что станется съ великимъ Букингамомъ?

Первый джентльменъ.
Я отъ труда избавить васъ могу.
Все кончено: въ тюрьму идетъ онъ снова.

Второй джентльменъ.
Вы были тамъ?

Первый джентльменъ.
Да, былъ.

Второй джентльменъ.
Скажите жъ мнѣ,
Пожалуйста, какъ дѣло порѣшили?

Первый джентльменъ.
Вы можете и сами отгадать.

Второй джентльменъ.
Нашли виновнымъ?

Первый джентльменъ.
Да—и осудили.

Второй джентльменъ.
Жалѣю я...

Первый джентльменъ.
И многимъ также жаль.

Второй джентльменъ.
Скажите же, какъ все происходило?

Первый джентльменъ.
Я вкратцѣ все скажу. Великій герцогъ
Къ рѣшеткѣ всталъ и противъ обвиненій
Все говорилъ, что не виновенъ онъ,
И приводилъ искусно оправданья,
Чтобъ сбить судей. Но стряпчій короля
Всѣ выставилъ допросы, показанья,

Признанія свидѣтелей; тогда
Онъ пожелалъ очную вставку съ ними.
Тутъ выступилъ сперва его дворецкій
И секретарь, сэръ Пекъ, и духовникъ,
Джонъ Каръ, и самъ монахъ проклятый,
Гопкинсъ,

Виновникъ зла.

Второй джентльменъ.

Тотъ, что сбивалъ его
Своими предсказаниями?

Первый джентльменъ.

Тотъ самый.

Всѣ герцога жестоко обвиняли;
Никакъ не могъ онъ опровергнуть ихъ
И, уличенный пѣрами, былъ признанъ
Преступнымъ онъ въ измѣнѣ государству.
Онъ говорилъ и много, и учено,
Чтобъ жизнь спасти; но всѣ его слова
Иль сожалѣнье возбуждали, или
Сейчасъ же всѣ позабывали ихъ.

Второй джентльменъ.

Ну, а потомъ какъ онъ себя держалъ?

Первый джентльменъ.

Когда опять онъ подошелъ къ рѣшеткѣ,
Чтобъ выслушать свой похоронный звонъ—
Свой приговоръ, тогда имъ овладѣла
Тоска предсмертная, и обдалъ тѣло
Холодный потъ, и что-то онъ дурное
Проговорилъ поспѣшно, въ сильномъ гнѣвѣ.
Но скоро онъ опять пришелъ въ себя
И ужъ потомъ, все остальное время,
Держалъ себя съ терпѣньемъ благороднымъ.

Второй джентльменъ.

Не думаю, чтобъ онъ боялся смерти.

Первый джентльменъ.

Конечно, нѣтъ; онъ не былъ никогда
Такъ женствененъ; причина осужденья
Могла его немного огорчить.

Второй джентльменъ.

Да, тутъ не обошлось безъ кардинала.

Первый джентльменъ.

Да, по всему судя, должно быть такъ.
Во-первыхъ, обвиненіе Кильдѣра,
Ирландіи правителя въ то время,
А во-вторыхъ, и то, что вслѣдъ за тѣмъ
Отправленъ былъ въ Ирландію графъ Сэрри,
Съ поспѣшностью большою, для того,
Чтобъ онъ къ отцу не могъ притти на помощь.

Второй джентльменъ.

Вотъ злобная и тайная интрига.

Первый джентльменъ.

За то, пускай вернется только графъ—

Отплатить онъ за это, безъ сомнѣнья.
Да что! вѣдь, всѣмъ извѣстно хорошо,
Что каждому, кого король полюбитъ,
Сейчасъ найдетъ мѣстечко кардиналъ,
Чтобъ отъ двора подальше.

Второй джентльменъ.

Ненавидятъ

Всѣ общины его чистосердечно,
И честью вамъ ручаюсь, что ему
Желають всѣ поглубже провалиться;
А герцога всѣ любятъ, обожаютъ,
Зовутъ великодушнымъ Букингамомъ
И зеркаломъ изящнаго всего...

*Входитъ Букингамъ, котораго ведутъ изъ
суда. Передъ нимъ служители правосудія съ
сѣкирами, остриемъ обращенными къ нему.
По бокамъ стража съ аллебардами. Его про-
вожатъ: сэръ Томасъ Ловель, сэръ
Никольсъ Во, сэръ Вилліамъ Сандсъ
и народъ.*

Первый джентльменъ.

Постойте, вотъ несчастный, знатный мужъ.
О комъ теперь толкуемъ мы.

Второй джентльменъ.

Хочу я

Поближе стать и на него взглянуть.

Букингамъ.

Вы, люди добрые, изъ состраданья
Такъ далеко пришедшіе за мной,
Послушайте слова мои, а послѣ
Идите всѣ спокойно по домамъ
И про меня забудьте. Какъ измѣнникъ,
Отечеству, я нынче осужденъ
И умереть обязанъ, какъ измѣнникъ,
Но Небо я въ свидѣтели зову,
И если я еще имѣю совѣсть,
Пусть, какъ топоръ она сразитъ меня,
Когда хоть разъ я былъ клятвопреступникъ.
Я не виню судей за смерть мою:
Ихъ приговоръ былъ правъ, по ходу дѣла;
Но тѣмъ, кто былъ виновникомъ всего,
Желалъ бы я побольше христіанской
Любви къ другимъ. Кто-бъ ни были они,
Отъ сердца имъ я все теперь прощаю;
Но пусть они злодѣйствомъ не кичатся
И злобныхъ дѣлъ не строятъ на гробахъ
Людей достойныхъ: иначе противъ нихъ
Я вопіять безвинной кровью стану.
Жить долѣе ужъ не надѣюсь я
И не прошу пощады, хоть и знаю,
Что въ король есть больше милосердья,
Чѣмъ у меня проступковъ. Вы, друзья...
Немногіе, любившіе меня,

ГЕНРИХЪ VIII и АННА БОЛЕЕНЪ НА БАЛУ У ВОЛЬСЕЯ.
Картина изъясняющая англ. революцію 1735—1736
 (Большая бойовая о-да Голландск.).

ЛЕПЫНХЪ VIII АНА БОЛГЕПЪ

Классификация (Адол Мейер).

Дерзнувшіе по Букингамѣ плакать—
Вы, славные товарищи мои,
Съ которыми разлука только—горечь
И смерть моя, идите вы со мной,
Какъ ангелы-хранители, до плахи;
Когда жъ падетъ на голову мою
Разлуки сталь—молитвами своими
Прекрасную вы жертву сотворите
И вознесите духъ мой въ небеса.
Теперь идемъ впередъ, во имя Бога!

Ловель.

Лордъ, я прошу, какъ милости, у васъ—
Когда была когда-нибудь сокрыта
Въ груди у васъ досада на меня—
Простите мнѣ теперь чистосердечно.

Букингамъ.

Я вамъ простилъ такъ искренно, сэръ Ловель,
Какъ бы желалъ я самъ прощеннымъ быть.
Я всѣмъ простилъ: обидѣ, мнѣ нанесенныхъ,
Число еще не слишкомъ велико,
Чтобы не могъ я съ ними примириться;
Я не создамъ свой гробъ изъ злобы черной.
Привѣтъ мой передайте королю,
А если онъ про Букингама вспомнитъ,
Прошу сказать ему, что въ половину
Вы видѣли меня ужъ въ небесахъ.
До сей поры, мои молитвы, мысли
Ему принадлежать, и до минуты,
Когда меня душа покинетъ, буду
О благоденствіи его молиться.
Пусть больше лѣтъ живетъ онъ на землѣ,
Чѣмъ насчитать могу я въ это время;
Пусть царствуетъ, любимый и любя;
Когда жъ года къ нему приблизятъ часъ
кончины,
Его и доброту пусть скроетъ гробъ единый!

Ловель.

Я проводить обязанъ вашу свѣтлость
До берега, а тамъ смѣнитъ меня
Сэръ Никольсъ Во, который васъ проводитъ
До мѣста казни.

Во.

Эй, готовьтесь тамъ!
Ужъ герцогъ приближается. Смотрите,
Чтобъ ботикъ былъ готовъ и убранъ такъ,
Какъ требуетъ высокій санъ милорда.

Букингамъ.

Нѣтъ, сэръ, къ чему? Оставьте это все:
Мой санъ теперь—насмѣшка надо мною.
Когда сюда пріѣхалъ я, я былъ
И славный лордъ, и герцогъ Букингамъ,
И конетабль великій—нынѣ жъ сталъ я
Простой бѣднякъ Эдвардъ Боганъ; но все жъ

Богаче я, чѣмъ низкіе мои
Доносчики, которые не знаютъ,
Что значить честь. Сегодня это здѣсь
Я кровію своей запечатлѣю,
И день придетъ, когда она стеною
Заставитъ ихъ. Отецъ мой благородный,
Лордъ Генрихъ Букингамъ, скорѣе всѣхъ
Поднявшійся на хищника Ричарда,
Бѣжалъ спастись у своего слуги,
Банистера, а тотъ бездѣльникъ предалъ
Несчастнаго—и палъ онъ безъ суда.
Миръ Божій будь съ его душою! Генрихъ
Седьмой, о немъ жалѣя отъ души,
Мнѣ возвратилъ, какъ истинный король,
Всѣ почести и вывелъ изъ развалинъ
Меня въ двойномъ величьи. А теперь
Вотъ сынъ его и жизнь мою, и имя,
И честь мою—все, чѣмъ я счастливъ былъ—
Уноситъ вдругъ однимъ своимъ ударомъ.
Я былъ судимъ—и принужденъ сознаться,
Что этотъ судъ—былъ благородный судъ;
И этимъ я счастливѣе немного,
Чѣмъ мой отецъ несчастный; въ остальномъ
У насъ двоихъ судьба одна и та же:
Черезъ нашихъ слугъ погибли оба мы,
Черезъ тѣхъ, кого мы больше всѣхъ любили
Коварное, противное природѣ,
Возмездіе! Богъ цѣль всему даетъ,
Но вы—вы всѣ, внимающіе мнѣ—
Послушайте, что человекъ, идущій
На смерть, теперь, какъ правду, скажетъ
вамъ:

Гдѣ щедры вы на ласки и совѣты,
Тамъ, вѣрно, вамъ грозитъ опасность; тѣ,
Съ кѣмъ вы друзьями стали и кому
Вы отдались душою—чуть замѣтятъ
Толчекъ малѣйшій въ счастья вашемъ—
вдругъ

Отхлынуть всѣ, какъ быстрая волна,
И если къ вамъ когда вернутся снова,
Такъ для того, чтобъ утопить совѣтъ.
О, люди добрые, молитесь обо мнѣ!
Я долженъ васъ оставить: наступилъ
Послѣдній часъ печальной, долгой жизни.
Прощайте!

Захочется ль вамъ рассказать порой
О чемъ-нибудь печальномъ—расскажите,
Какъ я погибъ. Прости мнѣ, Боже мой!

(Букингамъ и свита уходятъ).

Первый джентльменъ.

О, какъ о немъ глубоко я жалѣю!
Навѣрное, проклятій много, сэръ,
Посыплется на головы виновныхъ
Въ его судьбѣ?

Второй джентльменъ.

Да, если только онъ

Невиннымъ палъ—ужасно это дѣло!
Но я еще могу вамъ намекнуть
На близкое другое злодѣянье,
Которое—коль сбудется оно—
Еще страшнѣй.

Первый джентльменъ.

Святые духи неба,
Храните насъ! Скажите, что такое?
Надѣюсь, вы увѣрены во мнѣ—
И скажете.

Второй джентльменъ.

Все такъ, но эта тайна
Такъ велика, что требуетъ она
Глубокаго и вѣрнаго молчанья.

Первый джентльменъ.

Скажите жъ мнѣ: вѣдь, я не изъ болтливыхъ.

Второй джентльменъ.

Ну, хорошо. Вотъ видите ли, сэръ:
Дошла ль до васъ молва, на этихъ дняхъ
Прошедшая, о расторженіи брака
Межъ королемъ и Катериной?

Первый джентльменъ.

Да,
Но вѣдь, потомъ она опять замолкла,
Затѣмъ что чуть король о ней узналъ,
Какъ въ гнѣвъ онъ лордъ-мэру повелѣнье
Послалъ—сейчасъ всѣ толки прекратить
И ротъ зажать ихъ распускать дерзнувшимъ.

Второй джентльменъ.

Все это такъ, но оказалось, сэръ,
Что этотъ слухъ—не клевета пустая:
Нѣтъ, онъ растетъ теперь опять сильнѣй,
Чѣмъ былъ когда—и каждый въ томъ увѣ-
ренъ,

Что на разводъ рѣшился ужъ король.
Самъ кардиналъ или другой придворный,
На добрую озлобась королеву,
Такое въ немъ сомнѣнье поселилъ,
Которое ее, навѣрно, сгубить.
Къ тому жъ теперь и кардиналъ Кампеюсъ
Приѣхалъ къ намъ—и общая молва,
Что именно для этого онъ прибылъ.

Первый джентльменъ.

Ну, это все работа кардинала,
Въ отмщеніе императору за то,
Что тотъ ему въ епископствѣ Толедскомъ,
Котораго искалъ онъ, отказалъ.

Второй джентльменъ.

Вы угадали, сэръ; но не жестоко ль
За то всю месть обрушить на нее?

О, кардиналъ свою исполнить волю—
И королева бѣдная падетъ!

Первый джентльменъ.

Да, очень жаль. Однако, такъ открыто
Объ этомъ говорить—опасный рискъ;
Пойдемте-ка и дома потолкуемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Передняя во дворцѣ.

Входитъ лордъ-камергеръ, читая письмо.

КАМЕРГЕРЪ. „Милордъ, лошади, за ко-
торыми ваша свѣтлость присылали, вы-
браны мною, обѣзжены и снабжены сбруею
со всевозможнымъ раченіемъ. Онѣ молоды
и красивы, и лучшей сѣверной породы.
Когда онѣ ужъ были готовы для того,
чтобы отправляться въ Лондонъ, одинъ
изъ служителей лорда-кардинала, снаб-
женный его приказаніемъ, взялъ ихъ отъ
меня, приводя то основаніе, что его гос-
подинъ хочетъ, чтобы ему повиновались
прежде, чѣмъ другому подданному, если
не прежде, чѣмъ королю—что и зажало
намъ рты“.

Да, этого онъ, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ.
Ну, что жъ? Пускай беретъ онъ ихъ себѣ;
Онъ скоро всѣмъ, пожалуй, завладѣетъ.

*Входятъ герцоги Норфолькъ и Суф-
фолькъ.*

Норфолькъ.

Лордъ-камергеръ, пріятно мнѣ васъ встрѣ-
тить.

КАМЕРГЕРЪ.

Привѣтъ мой вамъ.

Суффолькъ.

Что дѣлаетъ король?

КАМЕРГЕРЪ.

Его я одного оставилъ полнымъ
Печальныхъ думъ и тягостныхъ заботъ.

Норфолькъ.

А отчего?

КАМЕРГЕРЪ.

Да, видно, мысль о бракѣ
Съ супругою родного брата слишкомъ
Ужъ къ совѣсти его подобралась.

Суффолькъ.

Нѣтъ, къ совѣсти подобралась ужъ слишкомъ
Страсть къ женщинѣ другой.

Норфолькъ.

Вотъ это такъ.

И это все надѣлалъ кардиналъ—
Прелать-король. Какъ первенецъ фортуны,
Священникъ, со слѣпу, всѣмъ вертитъ.
Когда-нибудь король его узнаетъ!

Суффолькъ.

Ахъ, дай-то Богъ! Иначе не узнаетъ
До той поры онъ самого себя.

Норфолькъ.

Смотрите, какъ въ дѣлахъ благочестивъ онъ,
Какъ ревностенъ! Расторгнувъ нашъ союзъ
Съ племянникомъ великимъ королевы,
Германскимъ императоромъ, ныряетъ
Онъ въ душу короля и съетъ въ ней
Опасности, сомнѣнія, боязнь,
Отчаянье и совѣсти упреки,
И ко всему предлогъ—лишь этотъ бракъ.
А чтобъ его отъ мукъ такихъ избавить,
Совѣтуетъ разводъ, разлуку съ тою,
Которая, какъ бриллиантъ, виситъ
Ужъ двадцать лѣтъ на шеѣ короля
И свѣтлый блескъ ни разу не теряла;
Разлуку съ той, которая его
Любила такъ, какъ любятъ добрыхъ духи
Небесные; разлуку, наконецъ,
Съ той женщиной, которая въ то время,
Когда ее судьба сразитъ жестоко,
Благословлять все будетъ короля.
И это все еще ль не благочестье?

Камергеръ.

Не дай намъ Богъ совѣтниковъ такихъ!
Все это такъ. Вездѣ ужъ эта новость;
Всѣ языки толкуютъ ужъ о ней;
Всѣ вѣрные оплакиваютъ это.
Кто заглянуть поглубже въ дѣло можетъ—
Увидитъ въ немъ цѣль главную одну:
Бракъ короля съ принцессою французской.
Но Богъ ему откроетъ же глаза,
Которые такъ долго осыплялись
Надменнѣйшимъ, недобрымъ человѣкомъ.

Суффолькъ.

И насъ тогда отъ рабства онъ спасетъ.

Норфолькъ.

Да, мы должны молиться горячо
О томъ, чтобъ Богъ намъ далъ освобожденье;
Иначе онъ; надменный человѣкъ,
Насъ обратитъ въ простыхъ пажей изъ
принцевъ.

Вѣдь, передъ нимъ всѣ почести людей
Лежать, какъ тѣста комъ, и имъ, по волѣ,
Онъ придаетъ, какую хочетъ, форму.

Суффолькъ.

Что до меня касается, милорды,
Я не люблю и не боюсь его—
И вотъ какой мой символъ вѣры: я
И безъ его содѣйствія родился,
И безъ него я также проживу,
Коль королю угодно будетъ это;
Его благословенья и проклятья
Меня равно не трогаютъ: они,
По-моему, дыханіе пустое,
Въ которое совсѣмъ не вѣрю я.
Я зналъ его и знаю, и тому
Его предоставляю я, кто сдѣлалъ
Его такимъ высокомернымъ—папѣ.

Норфолькъ.

Войдемъ туда и чѣмъ-нибудь другимъ
Отъ короля отгонимъ злыя мысли,
Которыми ужъ слишкомъ занятъ онъ.
А вы, милорды, пойдете тоже съ нами?

Камергеръ.

Простите: я въ другое мѣсто посланъ
Его величествомъ; притомъ же вы
Не во-время пришли его разсѣять.
А впрочемъ, я желаю вамъ успѣха.

Норфолькъ.

Благодарю, мой добрый камергеръ.

(Камергеръ уходитъ).

*Норфолькъ отдергиваетъ завѣсу боковой
двери. Король сидитъ и задумчиво читаетъ.*

Суффолькъ.

Какъ мраченъ онъ! должно быть, сильно
грустенъ.

Король.

Кто тамъ?

Норфолькъ.

Дай Богъ, чтобъ не былъ онъ сердитъ.

Король.

Кто тамъ, я повторяю? Какъ вы смѣли,
Притти сюда въ часъ тайныхъ думъ моихъ?
Кто я? кто я?

Норфолькъ.

Вы, государь, король

Привѣтливый, прощающій обиды,
Когда отъ нихъ злой умыселъ далекъ.
И если мы дерзнули долгъ нарушить,
Такъ потому, что дѣло государства
Насъ привело, чтобъ царственную волю
О немъ узнать.

Король.

Вы черезчуръ ужъ дерзки.
Идите прочь; я научу васъ знать
Часы для государственныхъ занятій.
Для дѣлъ мірскихъ теперь ли время—а?

Входятъ Вольсей и Кампеюсъ.

Король.

Кто тамъ? ахъ, вы, мой добрый кардиналъ!
О, мой Вольсей!—мое успокоенье,
Бальзамъ тревожной совѣсти моей,
Вѣрнѣйшее лѣкарство государя! (*Кампеюсу*).
Ученѣйшій, достопочтенный сэръ,
Привѣтствую я васъ въ моихъ владѣннѣхъ.
Располагайте нами, какъ хотите (*Вольсею*).
Мой добрый лордъ, смѣтрите хорошенько,
Чтобы луномъ не оказался я.

Вольсей.

Нѣтъ, этого не можетъ быть. Позвольте
У вашего величества просить
Намъ удѣлить для тайныхъ совѣщаній
Одинъ лишь часъ.

Король (*Норфольку и Суффольку*).

Мы заняты; ступайте.

Норфолькъ (*тихо Суффольку*).
Совѣтъ не гордъ, не правда ль, этотъ попъ?

Суффолькъ (*тихо Норфольку*).
Да, нечего сказать! Не согласился бъ
Я ни за что—хоть мѣсто онъ свое
Мнѣ отдавай—страдать такой болѣзнью.
Но это такъ не можетъ продолжаться.

Норфолькъ (*тихо*).

А ежели продолжится, такъ я
Рѣшусь съ нимъ сосчитаться.

Суффолькъ (*тихо*).

Рѣшусь и я.

(*Норфолькъ и Суффолькъ уходятъ*).

Вольсей.

Вы государь, такъ мудро поступили,
Какъ ни одинъ король не поступалъ,
Отдавъ свои сомнѣнья добровольно
На Церквисудъ. Кто жъ будетъ золь на васъ?
Чья ненависть достигнетъ васъ? Испанецъ,
Съ ней связанный и дружбою, и кровью,
Сознается—когда хотъ капля въ немъ
Есть добраго—что это благородный
И честный судъ. Всѣ члены духовенства—
Ученѣйшихъ я разумѣю здѣсь—
Имѣютъ въ христіанскихъ государствахъ
Свободу голоса: вы пожелали—
И Римъ, отецъ разсудка, къ вамъ послалъ

Вотъ этого почтеннаго прелата
Ученаго и праведнаго мужа—
Кампеюса, котораго я снова
Осмѣлюсь вамъ представить, государь.

Король.

И снова я привѣтствую его
Объятьями—и вновь благодарю я
Святой конклавъ за всю его любовь.
Онъ мнѣ прислалъ такого человѣка,
Какого я имѣть всегда желалъ.

Кампеюсъ.

О, государь! неволью вы влечете
Къ себѣ любовь всѣхъ чужеземцевъ—въ васъ
Такъ много благородства. Въ ваши руки
Передаю мое уполномочье,
Которымъ дворъ приказываетъ римскій
Вамъ, кардиналъ, и мнѣ, его слугѣ,
Здѣсь обсудить все дѣло безпристрастно.

Король.

Два, равныхъ добродѣтелями, мужа!
Немедленно узнаетъ королева,
Зачѣмъ сюда вы присланы теперь.
Гдѣ Гардинеръ?

Вольсей.

Я знаю, государь,
Что вы всегда ее любили нѣжно,
Отъ всей души и что, навѣрно, ей
Дадите то, чего законно можетъ
И женщина простѣйшая просить—
Защитниковъ ученыхъ, чтобъ свободно
Они могли отстаивать ее.

Король.

Конечно, да; притомъ же самыхъ лучшихъ;
И царское тому благоволенье,
Кто лучше всѣхъ свое исполнить дѣло—
Избави Богъ иначе поступать!
Пожалуйста, скажите, чтобъ явился
Къ намъ Гардинеръ, мой новый секретарь;
Онъ человѣкъ, какъ кажется, искусный.

Вольсей уходитъ и тотчасъ же возвра-
щается съ Гардинеромъ.

Вольсей (*тихо Гардинеру*).

Жму руку вамъ. И милостей, и счастья
Желаю вамъ... вы—близкій короля.

Гардинеръ (*тихо Вольсею*).

И человѣкъ, готовый исполнять
Всѣ ваши повелѣнья, ваша свѣтлость.
Я вамъ моимъ обязанъ возвышеньемъ.

Король.

Приблизьтесь, Гардинеръ.

(*Разговариваетъ съ нимъ*).

КАМПЕЮСЪ (*Вольсею*).
Милордъ, скажите,
Не занималъ ли прежде эту должность
Какой-то докторъ Пэсъ?

ВОЛЬСЕЙ.
Да, занималъ.

КАМПЕЮСЪ.
Считался онъ ученымъ челоѣкомъ?

ВОЛЬСЕЙ.
Конечно, да.

КАМПЕЮСЪ.
Такъ знайте, кардиналъ,
Что и о васъ на этотъ счетъ дурная
Идетъ молва.

ВОЛЬСЕЙ.
Дурная?

КАМПЕЮСЪ.
Говорятъ,
Что стали вы завидовать ему,
И побоясь, чтобъ онъ не сталъ высоко,
Какъ доблестныхъ достоинствъ чело-
вѣкъ,
Его всегда держали въ отдаленнѣ,
И этимъ огорчили сильно такъ,
Что онъ съ ума сошелъ и умеръ
вскорѣ.

ВОЛЬСЕЙ.
Да будетъ миръ съ его душою—это
Велитъ сказать долгъ христіанскій
мнѣ;
Ну, а живыхъ хулителей моихъ
Смирить легко. Онъ просто былъ
глупецъ
И безчестнѣ любилъ ужъ добродѣтель.
(*Показывая на Гардинера*).
А этотъ вотъ добрякъ всегда испол-
няетъ,
Что захочу ему я приказать—
И оттого лишь одному ему
Стоять такъ близко къ трону позволяю.
Поймите, братъ, мы не за тѣмъ живемъ,
Чтобъ младшіе могли насъ вытѣснять.

Король (*Гардинеру*).
Почтительно все это королевѣ
Представьте вы. (*Гардинеръ уходитъ*).
По мнѣнью моему,
Для нашего ученаго совѣта
Приличнѣйшее мѣсто—Блекфрейарсъ;
Сойдитесь тамъ для этихъ важныхъ дѣлъ.
Вы, мой Вольсей, устройте все, какъ должно.
О, тяжело—не правда ли, милорды?—
Еще совсѣмъ здоровому мужчинѣ

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА.

*Портретъ работы голландскаго художника 17 вѣка
Яна-дере Верфа (van-der Werf).*

Вдругъ связь прервать съ такой подругой
милой!
Но совѣсть, совѣсть! щекотлива ты
И мнѣ велишь рѣшиться на разлуку.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Переднія въ комнатахъ королевы.
Анна Болленъ и пожилая лѣди.

Анна Болленъ.
Нѣтъ, даже ни за это—ни за это.
Тутъ острые, колючіе шипы.
Король съ ней жилъ такъ много лѣтъ; она же
Всегда была такъ истинно-добра,

Что ни одинъ языкъ не повернется
Сказать о ней дурное что-нибудь.
Да, жизнью я клянусь, что королева
Не знала никогда, какъ дѣлать зло.
И что жъ? Теперь, когда свершило солнце
Ужъ столько разъ свой путь надъ воцаренной,
Надъ взросшею въ величьи и блескъ—
Теперь ее отвергнуть!—о, само
Чудовище тутъ сжалилось бы!

Лэди.

Правда—

И самыя суровыя сердца
Смягчаются, скорбя о ней.

Анна Болленъ.

О, Боже!

Ужъ лучше ей совсѣмъ не знать величья!
Пусть суетно, пусть временно оно;
Но ежели капризная фортуна
Съ нимъ разведетъ того, кто имъ владѣть—
О, это боль такая, точно тѣло
Съ душою разстается.

Лэди.

Ахъ, бѣдняжка!

Теперь она вновь чужестранкой станетъ.

Анна Болленъ.

Тѣмъ болѣе должны о ней мы плакать.
Ахъ, лучше быть рожденной въ низкой долѣ
И съ бѣднякомъ въ довольствѣ жизнь вести,
Чѣмъ на себѣ страданье золотое
И въ блестящихъ скорбь торжественно носить.

Лэди.

Да, чучшее изъ нашихъ благъ—довольство.

Анна Болленъ.

Клянусь моей невинностью и честью,
Я не желала-бъ королевой быть.

Лэди.

Ну, нѣтъ, а я желала-бъ и, пожалуй,
Рискнула бы невинностью своей.
Да вѣдь и вы готовы-бъ, несмотря
На маленькій припадокъ лицемѣрья:
Въ васъ много женскихъ прелестей, но въ васъ
И сердце женское—а это сердце
Всегда любило почести, богатство,
Владычество—все то, что справедливо
Мы благами зовемъ. И хоть вы здѣсь
Жеманитесь—а въ замшевую совѣсть
Вы впустите, конечно, эти блага,
Ее слегка порастянувъ.

Анна Болленъ.

Неправда!

Лэди.

Нѣтъ, правда! правда! Будто-бъ королевой
И въ правду вы не пожелали быть?

Анна Болленъ.

Нѣтъ, ни за всѣ сокровища земныя!

Лэди.

Вотъ чудеса! а я, какъ ни стара,
За старый пенсъ сейчасъ бы согласилась.
Ну, а насчетъ названья герцогини
Что скажете? Чтобъ этотъ титулъ несть,
Достанетъ ли въ васъ силы?

Анна Болленъ.

Нѣтъ, признаться.

Лэди.

Такъ черезчуръ ужъ слабы тѣломъ вы.
Ну, спустимся еще пониже. Впрочемъ,
И графомъ молодымъ я-бъ не хотѣла
Столкнуться съ вами: лишь покраснѣли-
бъ вы

И не пошло бы дѣло дальше.
Но если вамъ и это бремя трудно
Нестъ на себѣ, то немощны вы такъ,
Что мальчика родить не въ состояньи.

Анна Болленъ.

Какая вы болтунья! Снова я
Клянусь вамъ, что королевой быть
За цѣлый мѣръ не захотѣла-бъ.

Лэди.

Право?

Но маленькая Англія могла-бъ
Васъ соблазнить. А я бы согласилась
За это взять одинъ Кернарвоншейръ,
Когда-бъ лишь онъ принадлежалъ коронѣ.
Сюда идутъ. Кто это?

Входитъ лордъ-камергеръ.

Камергеръ.

Добрый день,

Милэди. Что вамъ надо заплатить,
Чтобы узнать бесѣды вашей тайну?

Анна Болленъ.

И спрашивать не стоитъ, добрый лордъ!
Скорбѣли мы о нашей королевѣ.

Камергеръ.

Прекрасное занятъ! совершенно
Приличное натурѣ добрыхъ женщинъ.
Однако же—еще надежда есть,
Что все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

Анна Болленъ.

Дай Богъ!

Камергеръ.

Вы истинно добры душою. Небо
Такихъ, какъ вы, всегда благословляетъ.
Но чтобы вы увѣрились, милэди,
Что рѣчь моя отъ сердца и что ваши

АННА БОЛЛЕНЪ (Anne Bolleyn).

Портретъ ея въ Лондонской Национальной портретной галлерей.

Достоинства вниманье обратили
Монаршее—меня король послалъ
Вамъ изъяснить свое благоволенье
И объявить, что жалуетъ онъ васъ
Пэмброкскою маркизой; сверхъ того
Онъ тысячу назначилъ фунтовъ вамъ
Годичнаго дохода.

Анна Болленъ.

Я не знаю,
Чѣмъ доказать ему мою покорность.
Все, что мое—не значить ничего;
Мои мольбы еще не столько святы,
Желанія мои—пустые звуки;
А это—все, чѣмъ я воздать могу.
Итакъ, милордъ, прошу васъ, передайте
Его величеству мою покорность
И благодарность глубоко-смущенной
Его рабы, молящейся отъ сердца
О здоровіи и царствіи его.

КАМЕРГЕРЪ.

Я поспѣшу усилить благосклонность,
Которую питаетъ къ вамъ король.
(Тихо). Теперь ее я понялъ; добродѣтель
И красота такъ тѣсно въ ней сплелись,
Что короля легко имъ было спутать,
И, можетъ быть — какъ знать? — вотъ эта
 леди-
Намъ дать брильянтъ, который озаритъ
Весь островъ нашъ.
(Громко). Прощайте; поспѣшу
Я къ королю и доложу, что съ вами
Я говорилъ.

Анна Болленъ.

Прощайте, добрый лордъ!
(Камернеръ уходитъ).

Лэди.

Такъ вотъ какъ! Ну, скажите же на милость!

Я при дворѣ шестнадцать лѣтъ скиталась,
Да и теперь скитаюсь точно также—
И хоть бы разъ мнѣ удалось попастьъ
Съ малѣйшей просьбой во-время; а вамъ—
Судьба! судьба! вамъ, новичку такому—
Срамъ срамъ и срамъ навязчивому счастью!—
Вамъ до-полна набили ротъ, едва
Его раскрыть успѣли вы.

Анна Болленъ.

Сама я

Дивлюсь тому.

Ләди.

Ну, какъ оно, по вкусу?
Не горько ли? Держу я сорокъ пенсовъ,
Что нѣтъ. Была когда-то лэди—это

Ужъ старая исторія—она
Царицей быть никакъ не соглашалась,
Никакъ, за всю египетскую грязь...
Слышали вы про это?

Анна Болленъ.

Полно, вы

Все шутите.

Лэди.

О, я на вашемъ мѣстѣ
Повыше птицъ взлетѣла бы. Маркиза
Пэмброкская! годичный пенсіонъ!
И это все изъ уваженья только!
И никакихъ за это обязательствъ!
О, жизнию поклясться я могу,
Что здѣсь еще не мало тысячъ скрыто!
Шлейфъ почестей длиннѣй, чѣмъ ихъ пе-
редникъ.

Ну, ужъ теперь я поручусь, что вы
И титулъ герцогини вынести въ силахъ.
Признайтесь-ка, ужъ вы теперь сильнѣе,
Чѣмъ прежде?

Анна Болленъ.

Добрая милзди, тѣшьтесь
Фантазіей своею, какъ хотите,
Но отъ нея увольте вы меня—
Я умерла сейчасъ бы, если-бъ это
Извѣстіе меня развеселило.
Напротивъ, я дрожу при мысли только
О томъ, что можетъ ждать меня еще.
Однако, королева тамъ горюетъ,
А мы о ней забыли здѣсь совсѣмъ.
Пожалуйста, не проболтайте ей,
Что слышали вы здѣсь.

Ләди.

Да за кого же,
Милэди, вы считаете меня? (Уходят).

СЦЕНА IV.

Залъ въ Блекфрейарсѣ.

Грубы, литавры и рога. Входятъ два констабля съ короткими серебряными жезлами; за ними два писца въ докторской одеждѣ, потомъ архіепископъ кентерверійскій одинъ; за нимъ епископы линкольнскій, элійскій, рочестерскій и сентъ-асафскій; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ джентльменъ съ кошелёмъ, большою печатью и кардинальскою шляпой; потомъ два священника съ серебрянными крестами; маршалъ съ непокрытой головой, въ сопровожденіи герольда съ серебряной булавою; два джентльмена съ большими серебрянными стол-

бами; за ними рядомъ оба кардинала: Вольсей и Кампеюсъ; два лорда, каждый съ копьемъ и жезломъ, и, наконецъ,—король и королева со свитою.—Король садится подъ балдахиномъ; кардиналы—ниже его, какъ судьи; королева—въ нѣкоторомъ разстояніи отъ короля. Епископы помѣщаются по обѣимъ сторонамъ, какъ на соборахъ; ниже ихъ—писцы. Лорды садятся подлѣ епископовъ. Глашатай и остальная свита размѣщаются на сценѣ въ приличномъ порядкѣ.

Вольсей.

Пока читать мы полномочье будемъ
Отъ римскаго престола, всѣ должны
Молчать.

Король.

Къ чему читать его? Публично
Ужъ прочтено оно, и всѣ признали
Дѣйствительность его.

Вольсей.

Пусть будетъ такъ.

Пойдемъ впередъ.

Писецъ (*машатаю*). Провозглашай:
Генрихъ, король Англіи, явись къ суду.

Глашатай. Генрихъ, король Англіи,
явись къ суду!

Король. Здѣсь!

Писецъ (*машатаю*). Провозглашай: Ека-
терина, королева Англіи, явись къ суду.

Глашатай. Екатерина, королева Англіи,
явись къ суду!

Королева

(*не отвѣчая, встаетъ съ своего мѣста. об-
ходитъ судилище, подходитъ къ королю и
преклоняетъ предъ нимъ колѣни*).

Я, государь, молю о правосудьи
И въ жалости молю не отказать
Мнѣ, женщинѣ бѣднѣйшей, чужестранкѣ,
Родившейся не въ нашемъ государствѣ.
Здѣсь для меня нѣтъ праведныхъ судей,
Нѣтъ вѣры въ судъ и дружбу безъ при-
страстия.

Ахъ, государь, чѣмъ васъ я оскорбила?
Чѣмъ навлекла я гнѣвъ такой, что вы
Меня теперь отвергнуть захотѣли
И милости лишить меня своей?
Свидѣтель Богъ, всегда я оставалась
Вамъ вѣрною, покорною женой;
Всегда я уступала вашей волѣ.
Боясь вашъ гнѣвъ воспламенить; всегда
Я вашему покорствовала взгляду,
И то грустна, то весела была,
Смотря, какимъ я васъ самихъ встрѣчала.

Припомните, бывалъ ли часъ, когда
Я вашему противилась желанью

Или его не дѣлала своимъ?

Кого я не старалась изъ вашихъ

Друзей любить, хотъ знала въ то же время,

Что онъ мнѣ врагъ? Кого изъ мной люби-
мыхъ,

Любить я продолжала и тогда,

Когда вашъ гнѣвъ навлекъ онъ? Государь,

Припомните, что я такой покорной

Женой была вамъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ,

Что вы меня дѣтми благословили,

И если вы мнѣ въ силахъ доказать,

Что чѣмъ-нибудь за это время я

Нарушила супружескія узы

И честь мою, любовь и долгъ мой къ вашей

Священнѣйшей особѣ—ну, тогда

Отвергните меня, во имя Бога!

Пусть злѣйшее презрѣніе захлопнетъ

За мною дверь и пусть предастъ меня

Строжайшимъ наказаньямъ. Государь,

Подумайте, что вашъ отецъ державный

Всегда, вездѣ былъ признанъ, какъ монархъ

Разумнѣйшій, правдивѣйшій, умнѣйшій;

Что мой отецъ, король испанскій, также

Изъ королей, какіе были тамъ,

Правителемъ мудрѣйшимъ почитался.

Такъ есть ли въ томъ сомнѣнье, что они

Вокругъ себя мудрѣйшихъ всѣхъ собрали

Совѣтниковъ изъ нашихъ государствъ,

И тѣ нашъ бракъ нашли вполне законнымъ?

Вотъ почему смиренно я молю

Васъ, государь, помиловать меня

До той поры, пока не получу я

Извѣстій отъ моихъ друзей испанскихъ;

У нихъ хочу совѣта я просить.

А если нѣтъ, пусть будетъ воля Божья—

Исполните желаніе свое.

Вольсей.

Монархиня, теперь передъ собою

Вы видите отцовъ почтенныхъ; вы

Избрали ихъ—все это люди рѣдкой.

Учености и чести, украшенье

Всей Англіи. Они сошлись здѣсь,

Чтобъ обсудить вопросъ о вашемъ дѣлѣ.

Поэтому, нѣтъ цѣли вамъ желать

Отсрочить судъ, который принесетъ

И вамъ самимъ спокойствіе, и вмѣстѣ

Разсѣетъ всѣ сомнѣнья короля.

Кампеюсъ.

Лордъ говоритъ умно и справедливо,

И потому—прилично, королева,

Чтобъ царственный совѣтъ не прерывался

И чтобъ сейчасъ всѣ аргументы были

Представлены и заслушаны всѣми.

СУДЪ НАДЪ КОРОЛЕВОЙ ЕКАТЕРИНОЙ.

Постановка Ирвинга (Irving) въ театрѣ «Lyceum» (1892).

Королева.

Лордъ-кардиналь, я съ вами говорю.

Вольсей.

Что вашему величеству угодно?

Королева.

Лордъ, я почти готова плакать; только
Та мысль одна, что королева я—
Иль можетъ быть, все это были грезы—
Что, наконецъ, я государя дочь—
А это уже не грезы—обращаетъ
Въ струи огня потоки слезъ моихъ.

Вольсей.

Терпѣніе, монархиня, терпѣніе!

Королева.

Да, буду я терпѣть, когда и вы
Смиритесь—но не прежде, пусть иначе
Меня накажетъ Богъ. Я твердо знаю,
На сильныя причины опираясь,
Что вы мой врагъ, и объявляю здѣсь,
Что вамъ нельзя моимъ судьей быть,
Затѣмъ что вы раздули это пламя
Межъ мной и повелителемъ моимъ.
Пусть Божія роса его потушитъ!

И потому—я снова повторяю,
Что всей душой я отвергаю васъ
И не хочу имѣть своимъ судьей
Того, кого еще сильнѣй, чѣмъ прежде,
Я признаю зловреднѣйшимъ врагомъ
И далеко не другомъ правды.

Вольсей.

Я

Не узнаю васъ больше; вы всегда
Такъ кротки были: доброта и мудрость
Въ васъ превзошли всю мѣру женскихъ
силъ—

И вами я обиженъ, королева.
Я злости къ вамъ малѣйшей не питаю;
Несправедливъ я не былъ никогда
Ни къ вамъ и ни къ кому; что сдѣлалъ я
И что еще я дальше дѣлать стану—
Ограждено все это полномочьемъ,
Мнѣ даннымъ отъ духовнаго суда,
Отъ римскаго духовнаго суда.
Меня вы обвиняете, что пламя
Я раздувалъ—я это отрицаю.
Король нашъ здѣсь; и если-бъ видѣлъ онъ,
Что я отъ дѣлъ своихъ отрекся—какъ бы
На ложь мою возсталъ онъ справедливо!

Немедленно печать большую, сами жъ
Отправились сейчасъ же въ Ашергоуъ,
Владѣніе епископское ваше,
И ждали тамъ дальнѣйшихъ приказаній
Его величества.

Вольсей.

Позвольте, лорды—

Гдѣ жъ тотъ приказъ? Такой высокій санъ
Одни слова сломить не могутъ.

Суффолькъ.

Кто же

Ослушаться посмѣетъ ихъ, когда
Заклучена въ нихъ воля государя,
Которую онъ лично произнесъ?

Вольсей.

До той поры, пока я буду видѣть
Одни слова, желанія, одинъ
Вашъ злобный духъ, заботливые лорды,
То знайте—я и долженъ, и могу
Ослушаться. Теперь я вижу ясно,
Какой металлъ призрѣнный послужилъ,
Чтобъ вылить васъ: металлъ тотъ—злая
зависть.

Какъ горячо въ паденіи за мной
Слѣдите вы, какъ будто служить пищей
Оно для васъ! Какъ гладко, хорошо
Вамъ кажется все то, что только можетъ
Сгубить меня! Ну, слушайтесь своихъ
Завистливыхъ внушеній, злые люди!
Теперь вы ихъ прикрыли христіанскимъ
Усердіемъ, но вѣрьте, что за нихъ
Современемъ найдете вы награду.
Итакъ, печать, которую теперь
Такъ горячо вы требуете, лорды,
Мнѣ собственной рукою далъ король,
И мой, и вашъ властитель; вмѣстѣ съ саномъ
И почестями онъ мнѣ вручилъ ее
На весь мой вѣкъ, и эту милость тутъ же
Онъ подтвердилъ патентами. Кто жъ можетъ
Ее отнять?

Серри.

Король, который вамъ

Ее вручилъ.

Вольсей.

Такъ пусть онъ самъ и вырветъ
Ее изъ рукъ.

Серри.

Попъ, ты измѣнникъ гордый!

Вольсей.

Лжешь, гордый лордъ! О, день еще назадъ,
Скорѣй бы свой языкъ ты выжегъ, Серри,
Чѣмъ произнесъ слова такіа!

ВОЛЬСЕЙ И НАСМѢХАЮЩІЕСЯ НАДЪ НИМЪ
ПОСЛѢ ЕГО ПАДЕНІЯ ПРИДВОРНЫЕ.

*Картина извѣстнаго англ. живописца Вестола
(Rich. Westall, R. A., 1765—1836).*

СЕРРИ.

Ты,

Пурпурный грѣхъ, твой духъ честолюбивый
Всю Англію скорбящую лишилъ
Того, кто былъ мнѣ тестемъ—Букингама
Великаго; всѣмъ головамъ твоихъ
Собратьевъ-кардиналовъ—и съ тобою,
И съ лучшими изъ качествъ всѣхъ твоихъ—
Не замѣнить его малѣйшій волосъ.
Проклятіе коварству твоему!
Въ Ирландію меня отправилъ ты
Правителемъ: я былъ тогда далеко
Отъ короля, далеко отъ того,
Чѣмъ могъ помочь несчастному; далеко
Отъ всего, что принесло-бъ прощенье
Его винъ, придуманной тобой;
А между тѣмъ, съ великимъ милосердіемъ
И съ жалостью святою, вы ему
Съкироу грѣхи прощали.

Вольсей.

Это

И все, въ чемъ лордъ болтливый упрекнетъ
Еще меня—полнѣйшая неправда.

Лордъ Букингамъ извѣщаетъ судью:
 Что въ табели естъ я недоумѣнья
 Какой-нибудь вѣрный лхей—въ томъ
 Свидѣтели нѣтъ естъ я лхей
 Почтенныя судьи естъ.
 Будь я блудливъ, нахоръ, я хожу въ
 Чтѣ чести естъ я чести нѣтъ, въ застѣ.
 Чтѣ почтенной чести естъ я чести,
 Благородному вѣдать нѣтъ.
 Я прелестно лхей, лхей Серри
 И вѣдь лхей лхей естъ.

СЕРРИ.

Лордъ, извѣщаю ты только лхей лхей.
 Клянусь тебѣ; иначе ты нѣтъ нѣтъ
 Почувствовалъ въ свѣтъ сердечной лхей.
 Милордъ, что жъ, уже ли лхей въ
 Переиспытъ извѣстныя лхей лхей
 И отъ кого? Когда нѣтъ лхей лхей.
 Что пурпура кусокъ безъ лхей лхей
 Ругается нѣтъ лхей, то лхей
 Дворянское достоинство. Лхей
 Епископу—и пусть онъ лхей лхей.
 Какъ лхей лхей, шляпой.

Вольскій.

Все благо

Для твоего желудка—лхей.

СЕРРИ.

Благое, да! Не эти ли лхей,
 Которыми богатства естъ страны
 Въ твоихъ рукахъ скоплялись? Неписьма ль,
 Которыя ты противъ короля
 Отправилъ въ Римъ? О, если ты ужъ лхей
 Меня на то все лхей лхей
 И поспѣшу предъ всѣми обнаружить.
 Милордъ Норфолькъ, коль славы родомъ вы,
 Коль вы полны заботъ о лхей обществѣ,
 О поправкѣ словъ дворянъ,
 О нашихъ лхей потомкахъ, у которыхъ
 Дворянское достоинство естъ лхей
 Останется, когда онъ лхей лхей—
 Подайте намъ нѣтъ перечень большой
 Его грѣховъ, вѣдь дѣлъ его собранье!
 Лордъ-кардиналъ, тебѣ сильнѣе я
 Пугну, чѣмъ звонъ колоколовъ священныхъ,
 Раздавшійся, когда лежитъ въ твоихъ
 Объятыя любовница-скуплянка.

Вольскій.

Какъ глубоко, мнѣ кажется, его бы
 Я презиралъ, когда-бъ не связанъ былъ
 Любовью христіанскою!

Норфолькъ.

Лордъ Серри,
 Тотъ перечень въ рукахъ у короля,
 И гнусными поступками онъ полонъ.

Вольскій.

Тѣмъ же, тѣмъ предостереженъ нѣтъ
 Слѣдуетъ извѣстна, что лхей
 С нѣтъ лхей.

СЕРРИ.

Вѣдь лхей лхей лхей.

Вѣдь лхей лхей лхей лхей.
 Я лхей лхей лхей лхей
 И лхей лхей лхей лхей лхей.
 И лхей лхей лхей лхей лхей.
 И лхей лхей лхей лхей лхей.
 И лхей лхей лхей лхей лхей.
 И лхей лхей лхей лхей лхей.

Вольскій.

Я лхей. Вотъ лхей лхей лхей
 Не лхей лхей. И лхей лхей лхей,
 Такъ лхей лхей лхей лхей лхей
 Вотъ лхей лхей лхей.

СЕРРИ.

Я готовъ

Скорѣ быть безъ лхей, тѣмъ безголовнымъ.
 Ну, слушайте. Во-первыхъ, безъ согласия
 И вѣдома монарха, къ тому
 Стремилась вы, чтобъ лхей лхей лхей
 И тѣмъ права епископовъ лхей лхей
 Во всей странѣ.

Норфолькъ.

Потомъ, во всѣхъ посланьяхъ,

Которыя писали намъ вы
 Или другимъ монархамъ, выражались
 Всегда вы такъ: ego et rex meus—
 И формулой такую короля
 Вы дѣлали своимъ слугамъ.

Суффолькъ.

Дальше,

Когда къ двору австрійскому посланъ
 Послалъ васъ, безъ вѣдома совѣта
 И короля, вы были дерзки такъ,
 Что увезли во Фландрію большую
 Печать.

СЕРРИ.

Затѣмъ, безъ воли короля,

Григорію Кассадю полномочье
 Вручили вы, чтобъ заключить союзъ
 Межъ нашимъ государемъ и Феррарой.

Суффолькъ.

Сверхъ этого, изъ честолюбія вы
 Всю царскую монету съ вашей шляпой
 Епископской чеканили.

СЕРРИ.

Вы Римъ

Безмѣрными богатствами снабжали—

А какъ вы ихъ приобрѣли, о томъ
Расскажетъ пусть вамъ собственная со-
вѣсть—

Чтобъ проложить себѣ широкій путь
Къ величію—и это все на гибель
Всей Англіи. Не мало и другихъ
Есть дѣлъ еще, но такъ какъ это ваши
Дѣла и въ нихъ все гнусность и позоръ,
То не хочу марать я ими губы.

КАМЕРГЕРЬ.

О, графъ, къ чему такъ сильно нападать
На павшаго? Несправедливо это.
Его вина открытою лежитъ
Передъ судомъ законнымъ. Судъ законный
Пусть его караетъ, а не вы,
Душа моя льетъ слезы, видя это
Паденіе величія.

СЕРРИ.

Ему

Прощаю я.

СУФФОЛЬКЪ.

Затѣмъ, лордъ-кардиналъ,
Какъ все, что вы, воспользовавшись властью,
Надѣлали недавно, подлежатъ
Вполнѣ должно закону *praemunire*,
То государь желанье изъявилъ,
Чтобъ тотъ законъ былъ противъ васъ на-
правленъ:

Онъ повелѣлъ немедленно у васъ
Конфисковать имущество все ваше,
Имѣнія, аренды, зѣмки—все
И объявить васъ внѣ закона. Это
Поручено мнѣ вамъ сказать.

НОРФОЛЬКЪ.

За симъ
Вы можете предаться размышленьямъ,
Какъ жизнь свою исправить. Вашъ строптивый
Отказъ отдать печать большую намъ—
Мы доведемъ до короля, и, вѣрно,
За это онъ спасибо скажетъ вамъ.
Прощайте же, мой мало-добрый
Лордъ-кардиналъ!

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Вольсея*).

ВОЛЬСЕЙ.

И съ маленькимъ добромъ,
Которое вы мнѣ давали, тоже
Прощаюсь я. Прощай, навѣки прощай,
Величіе! Вотъ участь чловѣка:
Сегодня въ немъ раскрылись листки
Нѣжнѣйшіе надежды, а на завтра
Ужъ цвѣтъ пришелъ, всего его покрывъ
Багряною, почетною одеждой;
Но третій день приводитъ за собой

Морозъ, морозъ убійственный. Въ то время,
Какъ думаетъ онъ, въ простотѣ своей,
Съ увѣренностью полною, что зрѣетъ
Величіе его, морозъ грызетъ
Всѣ корни въ немъ и падаетъ онъ такъ же,
Какъ я упалъ. Ахъ, много, много лѣтъ
Носился я по морю честолюбыя,
Какъ рѣзвые мальчишки, что плывутъ
На пузыряхъ; но слишкомъ ужъ далеко
Я вглубь зашелъ. Высоко вздутый, мой
Надменный нравъ вдругъ лопнулъ подомною,
И вотъ теперь на службѣ посѣдѣлый,
Измученный, неистовымъ волнамъ
Я отданъ весь, и навсегда сокроютъ
Онъ меня. Я ненавижу васъ,
О блескъ земной и суетная слава!
Для новыхъ чувствъ открылась грудь моя,
О, жалокъ тотъ и бѣденъ, кто зависить
Отъ милости властителей земныхъ!
Межъ этою улыбкой, за которой
Онъ гонится, межъ благосклонныхъ взгля-
домъ

Властителя и карою его
Есть болѣе, конечно, опасеній
И болѣе мученій, чѣмъ въ войнѣ
И женщинѣ. Когда жъ придется падать,
Онъ падаетъ, подобно Люциферу,
Лишенному надежды навсегда.

Входитъ Кромвель въ смущеніи.

ВОЛЬСЕЙ.

Ну что, Кромвель?

Кромвель.

Я говорить не въ силахъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Ужель могло несчастье мое
Тебя смутить? Ужель дивиться можетъ
Паденію великаго твой умъ?
Да, если ты заплакалъ—значить, правда,
Что я упалъ.

Кромвель.

Какъ чувствуете вы,
Милордъ, себя?

ВОЛЬСЕЙ.

Отлично. Въ жизни не былъ
Такъ счастливъ я, любезный мой Кромвель.
Теперь себя я знаю, ощущаю
Въ себѣ я міръ, превыше благъ земныхъ—
Спокойную, нетронутую совѣсть.
Король меня навѣки исцѣлилъ:
Съ смиреніемъ его благодарю я.
Онъ съ этихъ плечъ, съ разрушенныхъ стол-
бовъ,
Изъ жалости снялъ бремя, подъ которымъ

Могъ цѣлый флотъ пропасть — обильный
грузъ

Величія и почестей. О, бремя,
Ужасное то бремя, мой Кромвель,
Для тѣхъ людей, которые на Небо
Надѣются!

Кромвель.

Я радъ, милордъ, что вы
Такъ хорошо воспользовались этимъ
Несчаціемъ.

Вольсей.

Надѣюсь, хорошо.
Мнѣ кажется, что я теперь способенъ
Окрѣпнувшей душою перенести
И больше мукъ, и далеко страшнѣе,
Чѣмъ тѣ, какимъ грозятъ меня обречь
Мои враги. Что новаго?

Кромвель.

Важнѣе,
Грустнѣй всего — немилость короля
Къ вамъ, кардиналь.

Вольсей.

Господь, благословенье
Пошли ему!

Кромвель.

Затѣмъ, сэръ Томасъ Моръ
Лордъ-канцлеромъ на ваше мѣсто выбранъ.

Вольсей.

Вотъ это ужъ немного скоро. Но
Онъ человѣкъ ученый. Я желаю,
Чтобъ сохранялъ онъ долго за собою
Привязанность монаршую, чтобъ вѣренъ
Былъ совѣсти и правдѣ, чтобъ сиротъ
Рыданія воздвигнули гробницу
Надъ нимъ, когда, свершивъ свой путь,
уснетъ

Навѣки онъ. Еще что скажешь?

Кромвель.

Кранмеръ
Вернулся вновь и въ милости такой,
Что ужъ теперь онъ лордъ-архіепископъ
Кентерберійскій.

Вольсей.

Право? Это вотъ
Дѣйствительно ужъ новость.

Кромвель.

Лэди Анна,
Съ которою король обвинчанъ тайно
Уже давно, сегодня въ церковь съ нимъ
Пришла при всѣхъ открыто королевой —
И разговоръ теперь у всѣхъ одинъ
О будущемъ ея коронованьи.

Вольсей.

Вотъ бремя то, которое меня
Низвергнуло. О, мой Кромвель, обмануть
Я королемъ. Всѣхъ почестей моихъ
Навѣки я лишился черезъ эту
Лишь женщину. Отнынѣ никогда
Не освѣтитъ заря мое величье,
Не позлатитъ ту знатную толпу,
Которая ждала моей улыбки.
Оставь меня, оставь меня, Кромвель!
Теперь я палъ — я бѣдный, недостойный
Повелѣвать тобою. Къ королю
Иди: его не закатится солнце —
О томъ молюсь. Ему я говорилъ,
Кто ты и какъ ты вѣренъ. Онъ возвыситъ
Тебя. Живетъ въ немъ благородный духъ —
То знаю я — и память обо мнѣ,
Хоть слабая, его побудитъ, вѣрно,
Не пренебrecь служеніемъ твоимъ,
Блестящія надежды подающимъ.
Служи ему усердно, мой Кромвель,
И пользуйся, какъ должно, настоящимъ,
Чтобъ будущность упрочить за собой.

Кромвель.

О, кардиналь, ужели васъ оставить
Мнѣ суждено? Навѣки потерять
Васъ, добрый мой, хорошій, благородный
Мой господинъ? Свидѣтелемъ пусть будутъ
Всѣ, въ комъ душа не изъ желѣза, какъ
Скорбитъ Кромвель, прощаясь съ господи-
номъ.

Служебный долгъ отдамъ я королю,
Молитвы же — вамъ, вамъ однимъ навѣки!

Вольсей.

Кромвель, никакъ не думалъ я пролить.
Надъ всѣмъ моимъ несчаціемъ хотъ сле-
зину;

Но вѣрностью и честностью меня
Роль женщины играть ты заставляешь.
Теперь глаза осушимъ — и меня
Ты выслушай, Кромвель: когда я буду
Забывать людьми, а это будетъ скоро —
И буду спать въ нѣмомъ, холодномъ гробѣ,
Когда никто не вспомнитъ обо мнѣ,
Скажи ты всѣмъ, скажи: „Вольсей, который
Когда-то шелъ по славному пути
И камни всѣ подводные и мели
Величія извѣдалъ, потерпѣвъ
Крушеніе, — тебѣ для возвышенья
Путь указалъ — надежный, вѣрный путь,
Съ котораго самъ сбился“. Помни только
Ты мой конецъ и то, что погубило
Меня. Кромвель, спасеніемъ твоимъ
Молю тебя — бѣги отъ честолюбія!
И ангеловъ низринуть этотъ грѣхъ —

ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ.

Портретъ кисти знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Гольбейна (Hans Holbein, 1497—1543).

• • •

Journal of Management Education 30(6)p. 789-804
© The Author(s) 2006

ВОЛЬСЕЙ ВЪ ОПАЛѢ.
Картина известнаго англ. художника Вестмала (Richard Westall, R. A., 1765—1836).
(Большая Бойцовская Галерея).

Они ее, но не пришла она.
Вотъ, вслѣдствіе неявки и желая
Разсѣять всѣ сомнѣнья короля,
Ученые отцы единодушно
Разводный актъ супруговъ утвердили,
И первый бракъ признали незаконнымъ.
Потомъ ее послали въ Кимбольтонъ,
Гдѣ и теперь лежитъ она, больная.

Второй джентльменъ.
Несчастная!
(Трубы). Чу, слышите, трубятъ.
Пойдемте же—ужь близко королева.

Входитъ, при громкихъ звукахъ трубъ, процессія въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Двое судей.
2. Лордъ-канцлеръ. *Передъ нимъ несутъ кошель и жезлъ.*
3. Хоръ пѣвчихъ и музыканты.
4. Мэръ Лондона съ жезломъ. *За нимъ первый герольдъ въ латахъ и съ мѣдной, позолоченной короной на головѣ.*
5. Маркизь Дорсетъ, съ золотымъ скипетромъ; на головѣ золотая полукорона. *Съ нимъ графъ Серри въ графской коронѣ и съ серебрянымъ жезломъ, на верху котораго изображенъ голубь. На шеѣ у обоихъ рыцарскія цѣпи.*
6. Герцогъ Суффолкъ въ парадной одеждѣ, съ короной на головѣ и съ длиннымъ бѣлымъ гофмейстерскимъ жезломъ въ рукѣ. *Съ нимъ герцогъ Норфолкъ, съ гофмаршальскимъ жезломъ и съ короной на головѣ. На шеѣ у обоихъ рыцарскія цѣпи.*
7. Балдахинъ, несомый четырьмя баронами пяти гаваней. *Подъ нимъ королева въ мантии; волосы ея убраны жемчугомъ, на головѣ корона. По бокамъ ея епископы Лондонскій и Винчестерскій.*
8. Старая герцогиня Норфолкъ, въ золотой коронѣ, переплетенной цвѣтами, несетъ шлейфъ королевы.
9. Другія лэди и графини съ гладкими золотыми вѣнцами безъ цвѣтовъ.

Второй джентльменъ.
Вотъ истинно ужь царственная пышность!
Кто тамъ идетъ со скипетромъ?

Первый джентльменъ.
Маркизь
Дорсетъ; а тотъ, что держитъ жезлъ—
графъ Серри.

Второй джентльменъ.
Достойный, храбрый джентльменъ. А это,
Мнѣ кажется, вѣдь, герцогъ Суффолкъ?

Первый джентльменъ.
Да.

Второй джентльменъ.
А рядомъ съ нимъ лордъ Норфолкъ?

Первый джентльменъ.
Угадали.

Второй джентльменъ
(*идя на королеву*).
Благослови тебя, святое Небо!
Я не видалъ прекраснѣе лица.
Клянусь душой, принцесса—сущій ангелъ!
Когда король ее въ объятяхъ держитъ,
То Индіи богатство въ нихъ лежитъ...
Нѣтъ—болѣе, богаче, драгоценнѣй...
Его винить не смѣю, право, я!

Первый джентльменъ.
Тѣ, что несутъ надъ нею балдахинъ—
То гаваней почтенные бароны.

Второй джентльменъ.
Счастливые!—какъ счастливы всѣ тѣ,
Кто близъ нея. Когда не ошибаюсь,
Такъ та, что шлейфъ несетъ за королевой—
Старуха герцогиня Норфолкъ?

Первый джентльменъ.
Да,
Она сама; а дальше двѣ графини.

Второй джентльменъ.
Я ихъ узналъ по золотымъ вѣнцамъ.
То звѣзды все—падучія нерѣдко.

Первый джентльменъ.
Ну, ну, зачѣмъ объ этомъ говорить?
(*Процессія уходитъ при громкихъ звукахъ трубъ*).

Входитъ третій джентльменъ.

Первый джентльменъ.
Здорово, сэръ! О, какъ вы раскраснѣлись!
Гдѣ это?

Третій джентльменъ.
Я въ аббатствѣ былъ, въ толпѣ;
Тамъ тѣсно такъ, что пальца не просунешь
Едва-едва не задохнулся я
Отъ шумнаго избытка ихъ веселья.

Второй джентльменъ.
Вы видѣли все торжество?

Третій джентльменъ.
Все видѣлъ.

Первый джентльменъ.
Что жъ?

Третій джентльменъ.
Стоило взглянуть.

Второй джентльменъ.
Такъ расскажите.

Третій джентльменъ.
Готовъ служить—не знаю, какъ сѹмѣю.
Когда потокъ блестящей свиты лѣди
И лордовъ королеву проводилъ
На хоры, гдѣ ей тронъ былъ приготовленъ,
Онъ отъ нея отхлынулъ. Королева
Тутъ съ полчаса сидѣла, отдыхая
На дорогомъ престолѣ; и народъ
Ея красой вполнѣ могъ наслаждаться.
Повѣрьте мнѣ, красавицы такой
Не видѣло еще мужское ложе.
Едва народъ лицо ея увидѣлъ—
Поднялся шумъ ужасный, разногласный,
Какъ шумъ снастей на морѣ въ ураганъ.
Платки, плащи и шляпы, даже куртки
Взлетѣли вверхъ—и если-бъ лица ихъ
Могли сорваться, вѣрно бы и лица
Взлетѣли вверхъ сегодня. Никогда
Я не видалъ подобнаго восторга.
Беременные женщины, которымъ
Носить дня три, не больше, оставалось,
И тѣ въ толпу врывались, какъ тараны
Старинныхъ войскъ, и лѣзли на проломъ.
Всѣ странно такъ въ одну смѣшались массу,
Что ужъ никто не могъ сказать: „вонъ это
Моя жена“.

Второй джентльменъ.
Что жъ дальше?

Третій джентльменъ.
Наконецъ,
Ея величество поднялась съ трона,
Приблизилась смиренно къ алтарю
И, преклонивъ колѣна, какъ святая,
Съ горячею молитвой возвела
Свои глаза плѣнительные къ небу
И, помолясь, народу поклонилась.
Когда жъ архіепископъ Кентербери
Свершилъ надъ ней обрядъ коронованья,
Ее помазалъ мѹромъ, возложилъ
На голову корону Эдуарда,
Вручилъ ей скиптръ державный, птицу мира
И прочія эмблемы—грязнулъ хоръ
Съ отборнѣйшимъ оркестромъ королевства
Торжественно Te Deum. А затѣмъ
Процессія съ торжественностью прежней
Пошла назадъ до Іоркскаго дворца,
Гдѣ пиршество назначено.

Первый джентльменъ.
Напрасно

Вы называете дворецъ тотъ Іоркскимъ.
Не Іоркскій онъ съ тѣхъ поръ, какъ палъ
Вольсей.

Теперь онъ королевскій и зовется
Вайтголемъ.

Третій джентльменъ.
Да, но эта переменъ
Недавно такъ случилась, что въ умѣ
Моемъ свѣжо все старое названье.

Второй джентльменъ.
А кто тѣ два епископа, что шли
По сторонамъ у королевы?

Третій джентльменъ.
Стоксли
И Гардинеръ. Одинъ изъ нихъ епископъ
Винчестерскій, еще недавно бывшій
Секретаремъ у короля, другой—
Епископъ Лондонскій.

Второй джентльменъ.
Про Стоксли ходитъ
Вездѣ молва, что не въ большихъ ладахъ
Онъ съ Кранмеромъ почтеннѣйшимъ.

Третій джентльменъ.
Про это
Ужъ знаютъ всѣ, но явнаго разрыва
Покаместъ нѣтъ межъ ними; а дойдетъ
До этого, то Кранмеръ съестъ друга—
И тотъ его не кинетъ никогда.

Второй джентльменъ.
Кто жъ этотъ другъ, пожалуйста, скажите.

Третій джентльменъ.
Кромвель. Его король высоко цѣнитъ
И вѣрный онъ, достойный другъ. Король
Его избралъ хранителемъ сокровищъ
И мѣсто далъ въ совѣтѣ у себя.

Второй джентльменъ.
Конечно, онъ подымется и выше.

Третій джентльменъ.
Сомнѣнья нѣтъ! Пойдемте господа,
Со мной: иду я во дворецъ. Гостями
Вы будете моими. Я и самъ
Кой-что теперь ужъ значу. По дорогѣ
Я вамъ могу побольше рассказать.

Первый и второй джентльмены.
Почтенный сэръ, располагайте нами.
(Уходятъ).

ВОЛЬСЕЙ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ.

Картина известнаго англ. художника Копа (C. W. Cole, R. A., 1811—1890).

СЦЕНА II.

Кимбольтонъ.

Входитъ Екатерина, больная; ее ведутъ Гриффитъ и Пациенца.

Гриффитъ.

Что, легче ли теперь вамъ, королева?

Екатерина.

Нѣтъ, Гриффитъ, мнѣ до смерти тяжело. Какъ вѣтви, отягченныя плодами, Такъ подо мной мои колѣна гнутся, Какъ будто бы желая сбросить бремя. Подвинь мнѣ стулъ. Такъ. Кажется теперь Немного мнѣ полегче стало. Гриффитъ, Ведя меня, ты, ты кажется, сказалъ, Что кардиналъ, сынъ исполинскій славы, Окончилъ жизнь.

Гриффитъ.

Такъ точно, королева.

Но думалъ я, что вы отъ сильной боли Не слышали разсказа моего.

Екатерина.

Ну, какъ же онъ скончался? Добрый Гриффитъ,

Скажи мнѣ все. Коль хорошо онъ умеръ, То онъ меня опередилъ затѣмъ, Чтобъ послужить хорошимъ мнѣ примѣромъ.

Гриффитъ.

Да, говорятъ, что очень хорошо. Когда Нортонберландскимъ графомъ въ Йоркѣ Онъ арестованъ былъ, какъ обвиненный Въ жестокихъ преступленіяхъ, и графъ Его къ суду повезъ, то онъ внезапно Такъ заболѣлъ, что могъ едва держаться На лошацѣ.

ЕКАТЕРИНА.
Несчастный человек!

ГРИФФИТЪ.
Въ дорогѣ безпрестанно отдыхая,
Онъ въ Лейчестеръ прѣхалъ, наконецъ,
Гдѣ былъ аббатомъ съ братією принять
Съ большимъ почетомъ, и сказалъ онъ такъ:
„Отецъ аббатъ! старикъ, разбитый жизнью,
Усталою склониться головою.
Пришелъ сюда. Изъ состраданья дайте
Клочокъ земли, одинъ клочокъ ему!“
Онъ слегъ въ постель. Сильнѣе и сильнѣе
Все шла болѣзнь. Чрезъ трое сутокъ, ночью,
Часу въ восьмомъ, который самъ себѣ
Онъ предсказалъ, какъ свой послѣдній часъ,
Съ раскаяньемъ, въ слезахъ, въ глубокихъ
думахъ,
Отдавъ землѣ всѣ почести мірскія,
А небесамъ—часть лучшую свою,
Онъ опочилъ.

ЕКАТЕРИНА.
Да почіетъ онъ съ миромъ
И да грѣхи отпустятся ему!
Но, Гриффитъ, я, безъ всякой, впрочемъ,
злости,
Скажу еще, что думаю о немъ.
Онъ человекъ былъ непомѣрно-гордый,
Себя считавшій равнымъ королямъ;
Онъ торговалъ духовными мѣстами,
Внушеньями своими государство
Поработалъ, закономъ поставлялъ
Свой личный взглядъ; предъ королемъ всегда
Онъ говорилъ неправду, былъ двуличенъ,
Какъ въ помыслахъ, такъ и въ рѣчахъ своихъ;
Безжалостный, выказывалъ участие
Онъ лишь тогда, какъ гибель замышлялъ.
Что обѣщалъ—то было такъ же сильно,
Какъ онъ тогда; что исполнялъ—ничтожно,
Какъ онъ теперь. Грѣшилъ онъ даже тѣломъ
И подавалъ дурной примѣръ духовнымъ.

ГРИФФИТЪ.
Монархиня, людей поступки злые
Мы на мѣди вырѣзываемъ ясно,
А добрые—мы пишемъ на водѣ.
Не будетъ ли теперь угодно вамъ
И похвалу послушать кардиналу?

ЕКАТЕРИНА.
Да, добрый Гриффитъ, а иначе я
Злопамятна была бы.

ГРИФФИТЪ.
Кардиналъ
Происходилъ изъ низшаго сословья,
Однако жъ былъ отъ самой колыбели

Для славнаго величья предназначенъ.
Еще дитя, онъ былъ смысленъ, какъ взрос-
лый,

Краснорѣчивъ, уменъ необычайно,
Имѣя даръ великій убѣжденъя.
Онъ былъ суровъ и грубъ со всѣми тѣми,
Кто не любилъ его; но милъ, какъ лѣто,
Къ своимъ друзьямъ. Въ стяжаньяхъ не-
насытныи—

Что грѣхъ большой—онъ въ то же время былъ
По-царски щедръ. Свидѣтели тому
Два близнеца науки, имъ взрожденныхъ—
Ипсвичъ и Оксфордъ. Первый палъ съ нимъ
вмѣстѣ,

Какъ будто не желая пережить
Того, кто былъ отцомъ его; другой,
Хотя еще и не вполне готовый,
Но славенъ такъ, такъ знаменитъ въ искус-
ствѣ,

Такъ съ каждымъ днемъ идетъ все дальше
къ славлъ,
Что никогда въ народахъ христіанскихъ
Хвалебный слухъ о немъ не замолчитъ.
Упавъ, Вольсей сталъ только больше сча-
стливъ,

Затѣмъ что тутъ позналъ онъ самъ себя
И радости обрѣлъ въ ничтожной долѣ.
И, наконецъ, онъ получилъ такую
Большую честь, какой бы отъ людей
Не могъ добыть: онъ умеръ въ страхѣ бо-
жьемъ.

ЕКАТЕРИНА.
Ахъ, Гриффитъ, я по смерти не желала-бъ
Оратора иного и судьи
Всѣхъ дѣлъ моихъ, какъ ты, мой честный
Гриффитъ!

Твои слова любви и кроткой правды
Заставили меня чтить прахъ того,
Къ кому всегда я ненависть питала.
Да будетъ миръ съ душой его! Побудь
Со мной еще немного, Пациенца;
Поправь подушки. Я уже не долго
Тебя тревожить буду. Добрый Гриффитъ,
Вели играть тѣ грустные аккорды,
Что я зову моимъ предсмертнымъ звономъ,
А я межъ тѣмъ забудусь въ созерцаньи
Гармоніи небесной, отъ которой
Теперь ужъ я совсѣмъ недалеко.

(Грустная и торжественная музыка).

ГРИФФИТЪ.
Она заснула. Тише, Пациенца.
Ахъ, какъ бы намъ ея не разбудить!
(Видѣнія. Входятъ торжественно, одна за
другою, шесть фигуръ въ бѣлыхъ одеждахъ; на
головахъ у нихъ лавровые вѣтви, на лицахъ—

золотыя маски, въ рукахъ—лавровыя или пальмовыя вѣтви. Онѣ сперва кланяются Екатеринѣ, потомъ начинаютъ танцовать; при поворотахъ, двѣ первыя держатъ надъ нею узкій вѣнокъ, а другія дѣлаютъ почти-тельные поклоны; послѣ этого тѣ, которыя держали вѣнокъ, передаютъ его двумъ слѣдующимъ, и тотъ же порядокъ продолжается. Въ это время Екатерина, какъ будто по вдохновенію, выражаетъ знаками радость и подымаетъ руки къ небу. Призраки, продолжая пляску, исчезаютъ и уносятъ вѣнокъ. Музыка продолжается).

ЕКАТЕРИНА (просыпанъ).
О, гдѣ вы, духи мира? Вы исчезли—
И снова я одна съ моимъ страданьемъ.

ГРИФФИТЪ.
Мы оба здѣсь.

ЕКАТЕРИНА.
Ахъ, я не васъ зову.
Скажите, кто здѣсь былъ, пока спала я?

ГРИФФИТЪ.
Мы никого не видѣли здѣсь.

ЕКАТЕРИНА.
Какъ,
Не видѣли вы сонма духовъ неба,
Пришедшихъ звать на празднество меня?
Ихъ свѣтлый ликъ несмѣтными лучами
Мое лицо, какъ солнце, озарялъ.
Мнѣ вѣчное блаженство обѣщая,
Они вѣнцы протягивали мнѣ,
Которыхъ я покамѣстъ недостойна,
Но сдѣлаюсь достойною потомъ.

ГРИФФИТЪ.
Я радуюсь душевно, королева,
Что сладкій сонъ лелѣетъ вашу мысль.

ЕКАТЕРИНА.
Скажи, чтобъ замолчали музыканты:
Мнѣ тяжелы и рѣзки звуки ихъ.
(Музыка прекращается).

ПАЦИЕНЦА.
Смотрите, какъ она вдругъ измѣнилась!
Ея лицо вытягиваться стало...
Какъ холодно, безжизненно оно!
Смотрите-ка, смотрите на глаза..

ГРИФФИТЪ.
Молись! молись! Она отходитъ съ миромъ.

ПАЦИЕНЦА.
О, Господи! не оставляй ее.

КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА ВЪ КИМБОЛТОНѢ.
Картина Вестолъ (Westall).
(Малая Бойделлевская галлерей).

Входитъ слуга.
Слуга.
Позвольте мнѣ, монархиня...

ЕКАТЕРИНА.
Наглець!
Иль мы уже не стоимъ уваженья?

ГРИФФИТЪ (слѣдъ).
Ты виноватъ кругомъ; какъ могъ ты, зная,
Что прежній санъ еще такъ дорогъ ей,
Съ ней обойтись такъ грубо? Ну, ступай
И преклони колѣна.

Слуга.
Униженно
Молю меня, монархиня, простить.
Въ поспѣшности я позабылъ приличье.
Здѣсь, джентельменъ: онъ проситъ позво-
ленья
Увидѣть васъ... его послалъ король.

ЕКАТЕРИНА.
Введи его ты, Гриффитъ; а вотъ этотъ

Пусть съ глазъ моихъ уходить навсегда.
*Гриффитъ уходитъ съ слугою и сейчасъ же
 возвращается съ Капуціусомъ.*

ЕКАТЕРИНА.

Вы, если я не ошибаюсь только,
 Капуціусъ, посланникъ моего
 Державнаго племянника—не такъ ли?

КАПУЦИУСЪ.

И вашъ слуга—такъ точно, королева.

ЕКАТЕРИНА.

О, лордъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы меня узнали,
 И времена, и титулы мои
 Ужасно измѣнились. Но скажите,
 Что привело сюда васъ?

КАПУЦИУСЪ.

Королева,

Во-первыхъ, долгъ почтенья моего,
 А во-вторыхъ, желанье короля.
 Онъ огорченъ недугомъ вашимъ сильно,
 Шлетъ чрезъ меня вамъ царственный при-
 вѣтъ
 И отъ души васъ проситъ быть спокойной.

ЕКАТЕРИНА.

О, добрый лордъ, привѣтъ явился поздно;
 Такой привѣтъ—прощенье послѣ казни.
 Будь во-время дано лѣкарство это—
 Оно меня спасло бы; но теперь
 Молитва мнѣ—одно успокоенье.
 Что, какъ его величества здоровье?

КАПУЦИУСЪ.

Въ прекрасномъ состояннн.

ЕКАТЕРИНА.

И дай Богъ,

Чтобъ такъ оно навѣки сохранилось
 И все цвѣло, тогда какъ я ужъ буду
 Съ червями жить и бѣдное мое
 Названье въ государствѣ позабудутъ.
 Что, Пациенца, послано письмо,
 Которсе я написать просила?

ПАЦИЕНЦА.

Нѣтъ, вотъ оно. *(Отдаетъ ей письмо).*

ЕКАТЕРИНА.

Покорнѣйше прошу,
 Милордъ, отдать вотъ это государю.

КАПУЦИУСЪ.

Съ великимъ удовольствіемъ отдамъ.

ЕКАТЕРИНА.

Въ немъ ласкамъ королю я поручаю

Залогъ любви невинной нашей—дочь.

Да ниспадетъ небесною росою
 На голову ея благословенье!
 Прошу, чтобъ онъ воспитывалъ ее
 Въ началахъ добродѣтели. Она
 Такъ молода, кротка и благородна,
 Что прочно къ ней привьется добродѣтель
 Прошу, чтобъ онъ любилъ ее немного
 Для матери, которая его—
 То знаетъ Богъ—такъ горячо любила.
 Потомъ, моя вторая просьба въ томъ,
 Чтобы король хотъ каплю состраданья
 Имѣлъ къ моимъ прислужницамъ несчаст-
 нымъ,

Которыя такъ долго и такъ вѣрно
 Служили мнѣ и въ счастья, и въ несчастьи.
 Нѣтъ ни одной изъ нихъ—завѣрить смѣю,
 А я теперь, вѣдь, лгать не захочу—
 Которая по нравственности доброй
 И истинной душевной красотѣ,
 И честности, и строгому приличью
 Не стоила-бъ прекраснѣйшаго мужа,
 Хотъ родомъ будь онъ истый дворянинъ.
 Кто ихъ возьметъ, тотъ, вѣрно, будетъ
 счастливъ.

Послѣдняя же просьба—не оставить
 Служителей моихъ. Бѣдны они,
 Но отъ меня не отвратила бѣдность
 Ни одного изъ нихъ, и я прошу
 Имъ выплатить все жалованье ихъ
 И, сверхъ того, на память обо мнѣ
 Хотъ что нибудь прибавить. Если-бъ Небо
 Хотѣло жизнь мою еще продлить
 И дать мнѣ средствъ побольше, не разсталась
 Я никогда бы съ этими людьми.
 Вотъ все, о чемъ пишу я. Добрый лордъ,
 Молю васъ всѣмъ, что дорого вамъ въ мірѣ,
 Останьтесь другомъ этихъ несчастливцевъ,
 Склоните государя оказать
 Послѣднюю мнѣ милость.

КАПУЦИУСЪ.

Богъ свидѣтель,

Исполняю все, какъ честный человѣкъ.

ЕКАТЕРИНА.

Благодарю, милордъ. Вы государю
 Привѣтъ смиреннѣйшій мой передайте.
 Его Величеству, прошу, скажите,
 Что въ мірѣ другой ужъ скоро перейдетъ
 Виновница его мученій долгихъ;
 Скажите, что оставила я жизнь,
 Его благословляя... такъ умру я...
 Въ глазахъ моихъ темнѣетъ. Лордъ, про-
 щайте!

Прощай, мой Гриффитъ! Ты же, Пациенца,
 Побудь со мной: мнѣ надо лечь въ постель.
 Да позови другихъ моихъ прислужницъ.

ТОМАСЪ МОРЪ.

Портретъ кисти Гольбейна (Holbein).

Когда умру я, милая моя,
Воздайте мнѣ всѣ почести; усыпьте
Меня цвѣтами дѣвственными—пусть
Узнаютъ всѣ, что я была до гроба
Супругой цѣломудренною. Тѣло
Мое набальзамируйте потомъ

И выставьте его передъ народомъ.
Хоть нѣтъ на мнѣ вѣнца, но я прошу
Меня похоронить, какъ королеву,
Какъ государей дочь... Мнѣ дурно, дурно...

(Ее уводятъ).

КРАНМЕРЪ (CRANMER).

Портретъ ея въ Лондонской National Portrait Gallery.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Галлерей въ дворцѣ.

Входитъ Гардинеръ, епископъ Винчестерскій, передъ нимъ пажъ съ факеломъ; съ ними встрѣчается сэръ Томасъ Ловель.

Гардинеръ.
Что? первый часъ пробилъ?

Пажъ.
Такъ точно.

Гардинеръ.

Часы прилично посвящать дѣламъ
Необходимымъ—не забавамъ. Намъ
Они нужны для подкрѣпленья тѣла
Спасительнымъ спокойствіемъ, и мы
Ихъ не должны безъ пользы расточать
Сэръ Томасъ, вы! Откуда же такъ поздно?

Ловель.
А вы, милордъ, отъ короля теперь?

Гардинеръ.

Да; съ Суффолкомъ играетъ онъ въ примеро.

Ловель.

Его необходимо видѣть мнѣ,
Пока въ постель не легъ онъ. До свиданья!

Гардинеръ.

Позвольте, сэръ. Въ чемъ дѣло? Что-то вы
Торопитесь ужъ очень. Коль разспросы
Мои неоскорбительны, такъ пусть
Вашъ другъ теперь хоть что-нибудь узнаетъ
О томъ, что васъ тревожитъ въ поздній часъ.
Вѣдь, тѣ дѣла, которыя блуждаютъ,
Какъ духи тьмы, въ полночные часы,
Страшнѣе тѣхъ, что днемъ мы исполняемъ.

Ловель.

Я васъ люблю, милордъ, и будь секретъ мой
Еще важнѣй—я бы открылся вамъ.
Все дѣло въ томъ, что наша королева
Теперь въ родахъ, и, говорятъ, въ большой
Опасности. Бояться, что погубятъ
Они ее.

И правая рука: такъ кто жъ посмѣетъ
Противъ него хоть что-нибудь сказать?

Гардинеръ.

Нѣтъ, сэръ Томасъ, есть люди, есть, по-
вѣрьте,

Которые осмѣлятся. Я самъ
О немъ сказать свое рѣшился мнѣне.
Сегодня—сэръ, я вамъ могу открыться—
Сегодня мнѣ въ совѣтъ удалось
Воспламенить всѣхъ лордовъ, показавши
Его архи-еретикомъ, чумою,
Которая страну всю заражаетъ:
Что онъ таковъ, такъ это мнѣ и имъ
Давно уже извѣстно. Негодуя,
Все королю представили они.
Онъ выслушалъ моленье, и въ великой
Заботливости царственной, предвидя
Ужасныя послѣдствія того,
О чемъ ему сказали мы, велѣлъ,
Чтобъ вызванъ былъ поутру завтра Кран-
меръ

Въ собраніе совѣта. Да, сэръ Ловель,
Онъ—вредная трава, и мы должны
Вонъ выполоть ее: Но я ужъ слишкомъ
Васъ задержалъ. Сэръ Ловель, доброй ночи!

Ловель.

Вамъ тысячу ночей спокойныхъ, лорды!

(Гардинеръ и нажъ уходятъ).

Входятъ король и герцога Суффолкъ.

Король.

Чарльзъ, нынче я играть не буду больше.
Разсѣянъ я, и для меня сегодня
Ты чересчуръ искусенъ.

Суффолкъ.

Государь,

Сегодня въ первый разъ я выигралъ у Васъ.

Король.

И то пустякъ какой-то; но, конечно,
И этого не можетъ быть, когда
Внимательно слѣжу я за игрою.
Ну, Ловель, какъ здоровье королевы?
Что новаго?

Ловель.

Ей лично передать
Не могъ я то, что вы мнѣ поручили,
И передалъ черезъ одну изъ фрейлинъ.
Съ смиреніемъ полнѣйшимъ королева
Благодарить велѣла и просить,
Чтобъ за нее вы отъ души молились.

Король.

Что ты сказалъ? молиться за нее?
Такъ начались ужъ муки?

Ловель.

Такъ сказали

Мнѣ женщины ея, и говорятъ,
Что каждая изъ этихъ мукъ ужасна,
Какъ смерть сама.

Король.

Ахъ, бѣдная!

Суффолкъ.

Дай Богъ,

Чтобъ безъ большихъ страданій королева
Спокойно разрѣшилась и скорѣе
Наслѣдникомъ порадовала васъ.

Король.

Ужъ полночь, Чарльзъ. Иди ложиться спать
И помяни въ молитвахъ королеву
Страдалицу. Оставь меня; я долженъ
О томъ еще подумать, что не любить
Сообщества.

Суффолкъ.

Желаю доброй ночи

Вамъ, государь, и помолюсь сегодня
О доброй государынѣ моей.

Король.

Спокойной ночи, Чарльзъ.

(Суффолкъ уходитъ).

Входитъ сэръ Антоній Денни.

Ну, что, сэръ Денни?

Что скажете?

Денни.

Я, государь, привелъ,

По вашему велѣнію, милорда
Архіепископа.

Король.

А, Кентербери?

Денни.

Да, государь.

Король.

Такъ, такъ. А гдѣ онъ, Денни?

Денни.

Онъ здѣсь и ждетъ, что будетъ вамъ угодно
Сказать ему.

Король.

Зови его сюда. (Денни уходитъ).

Ловель (съ стороны).

Онъ по тому здѣсь дѣлу, о которомъ
Мнѣ говорилъ епископъ. Какъ я кстати
Пришелъ сюда!

Денни возвращается съ Кранмеромъ.

Король.

Оставьте насъ, милорды!

(Ловель медлитъ).

Га! что стоите?—убирайтесь вонъ!

(Ловель и Денни уходятъ).

Кранмеръ (въ сторону).

Мнѣ страшно: онъ наморщилъ брови; гнѣвно
Его лицо... Все это не къ добру.

Король.

Ну, что, милордъ, вы, вѣрно, знать хотите,
Зачѣмъ я васъ велѣлъ позвать?

Кранмеръ (преклоня колѣна).

Мой долгъ—

Ждать вашего величества велѣній.

Король.

Мой добрый лордъ Кентерберійскій, встаньте,
Я васъ прошу. Походимъ вмѣстѣ здѣсь.
Я новости вамъ сообщить имѣю.
Ну, дайте же мнѣ вашу руку. Ахъ,
Мой добрый лордъ, и самому мнѣ больно
Вамъ говорить объ этомъ; очень грустно
То повторять, что здѣсь вы отъ меня
Услышите. Недавно много жалобъ
Серьезнѣйшихъ—милордъ, я повторяю—
Серьезнѣйшихъ на васъ дошло ко мнѣ,
Къ прискорбію большому. Разсмотрѣвъ ихъ,
Рѣшили мы съ совѣтомъ нашимъ—васъ
Потребовать къ отвѣту нынче утромъ.
Но знаю я, что тутъ вамъ трудно будетъ
Сейчасъ же оправдаться, и пока
Не разберутъ подробнѣй обвиненій,
Терпѣньемъ вамъ вооружиться надо—
И Тоуэръ нашъ избрать своимъ жилищемъ.
Вы нашъ собратъ въ совѣтъ: потому-то
Такъ поступить должны мы, а иначе
Кто жъ противъ васъ осмѣлится явиться
Свидѣтелемъ?

Кранмеръ (преклоня колѣна).

Нижайше благодаренъ

Я вашему величеству и радъ
Я случаю прекрасному такому,
Который все провѣсть хорошо,
Зерно мое отбросивъ отъ мякины.
Да, знаю я, нѣтъ никого, кто былъ бы
Преслѣдуемъ такъ сильно клеветой,
Какъ бѣдный, я.

Король.

Встань, добрый Кентербери.

Мы—другъ тебѣ, и въ насъ укоренился
Твой честный нравъ и правота твоя.

ГЕНРИХЪ VIII и КРАНМЕРЪ.

Картина Вестоля (Westall R. A.).

Малая Бойделевская Галлерей.

Ну, встаньте же и дайте вашу руку—
Походимъ. Удивляюсь вамъ; я думалъ,
Что вы меня начнете умолять—
Лицомъ къ лицу поставить васъ съ врагами
И выслушать, не отправляя въ Тоуэръ.

Кранмеръ.

Я, государь, защиту всю мою
Лишь въ честности и правдѣ полагаю.
Падутъ онѣ—тогда я самъ начну
Торжествовать съ врагами надъ собою,
Затѣмъ, что чтить себя я не могу
Безъ этихъ двухъ достоинствъ. Обвиненій
Я не страшусь нисколько.

Король.

Развѣ вы

Не знаете, въ какомъ вы положеніи
Находитесь по отношенію къ свѣту?
Враговъ у васъ не мало, и не слабыхъ,
И козни ихъ, какъ и они, сильны.
А не всегда, вѣдь, правота и честность,
Какъ должно бы, выигрываютъ тяжбу.
Испорченнымъ созданіямъ легко
Сыскать себѣ такихъ же точно плутовъ.

Испорченныхъ, которые, подъ клятвой,
Свидѣтелями вышли-бъ противъ васъ.
Случаются дѣла такія часто.
У васъ, милордъ, противники сильны,
И злоба ихъ не меньше этой силы.
Ужели вы, по отношенью къ ложнымъ
Свидѣтельствамъ, считаете себя
Счастливымъ, чѣмъ былъ Спаситель нашъ —
Котораго служитель вы—въ то время,
Какъ въ мірѣ семъ испорченномъ Онъ жилъ?
Оставьте, лордъ, оставьте! Черезъ пропасть
Не кажется вамъ гибельнымъ прыжокъ,
И сами вы на явную погибель
Себя обречь хотите.

КРАНМЕРЪ.

Богъ и вы,
Мой государь, мою спасутъ невинность;
А безъ того мнѣ не уйти, конечно,
Отъ западни, раскрытой предо мной.

Король.

Такъ будьте же покойны. Не пойти
Имъ далѣе, чѣмъ это мы позволимъ.
Вамъ нечего тревожиться. Въ совѣтъ
Явитесь вы поутру. Коль они,
Васъ обвинивъ, приговорятъ къ темницѣ,
Возстаньте вы всей силой убѣждены
На приговоръ такой и къ жесткой рѣчи
Прибѣгните, коль это будетъ нужно.
А если же всѣ убѣждены пользы
Не принесутъ—вручите этотъ перстень
Противникамъ и объявите имъ,
Что дѣло вы свое передаете
На личное рѣшеніе мое.
Добрѣмъ, онъ плачетъ. Онъ, клянуся честью,
Прекрасный, благородный человѣкъ!
Да, Матерь Божья, въ цѣломъ государствѣ
Мнѣ не найти души вѣрнѣй и чище.
Идите же теперь и поступайте,
Какъ я сказалъ. (*Кранмеръ уходитъ*).

Въ немъ слезы заглушили
Способность говорить.

Джентльменъ (*за сценой*).
Назадъ! Зачѣмъ?

Лэди (*за сценой*).
Нѣтъ, не уйду! Извѣстіе, съ которымъ
Явилась я, оправдываетъ дерзость.

Входитъ пожилая лэди; за ней сэръ
Томасъ Ловель.

Лэди.
Да носятся святыя духи неба
Надъ царственной твоею головой
И крыльями блаженными своими
Да осѣнятъ тебя!

Король.

Я вѣсть твою
Въ глазахъ твоихъ читаю. Королева
Ужъ родила? Ну говори же: да,
И мальчика?

Лэди.

Да, да, мой повелитель!—
И мальчика прекраснаго. Господь,
Благослови ее теперь и вѣчно!..
Нѣтъ, дѣвочку—но дѣвочка собой
И мальчиковъ въ грядущемъ общаетъ.
Монархиня желаетъ видѣть васъ,
Мой государь, и вмѣстѣ познакомить
Съ пришельцемъ маленькимъ; на васъ по-
хожъ онъ,
Какъ вишенка на вишенку.

Король.

Сэръ Ловель!

Ловель.

Здѣсь, государь.

Король.

Пусть ей дадутъ сто маркъ,
А я теперь отправлюсь къ королевѣ.
(*Уходитъ*).

Лэди.

Сто маркъ! ну, мнѣ побольше надо дать;
Такъ, вѣдь, дарятъ и конюха простого.
Да, надо мнѣ побольше, иль поссорюсь
Я съ королемъ. Затѣмъ ли я сказала,
Что дѣвочка похожа на него?
Такъ пусть дадутъ мнѣ больше, иль иначе
Отъ словъ своихъ я отрекусь. Теперь же
Желѣзо куй, покамѣстъ горячо (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Сѣни передъ комнатою совѣта.

Пажы, рассыльные и проч. стоятъ у двери.
Входитъ КРАНМЕРЪ, архіепископъ Керт-
берійскій.

КРАНМЕРЪ.

Надѣюсь, я не опоздалъ явиться,
Хоть посланный за мною изъ совѣта.
Просилъ меня, какъ можно, поспѣшить.
Все заперто! Что жъ это значитъ? Эй!
Кто у дверей дежурнымъ?

Входитъ привратникъ.

КРАНМЕРЪ.

Ты, вѣдь, знаешь
Меня, привратникъ?

Привратникъ.

Точно такъ, милордъ;
Но не могу ничѣмъ вамъ быть полезнымъ.

Кранмеръ.

А почему?

Привратникъ.

Вы обождать должны,
Покаместъ васъ не позовутъ.

Входитъ докторъ Ботсъ.

Кранмеръ.

Вотъ какъ!

Ботсъ (*въ сторону*).

Вотъ злоба гдѣ примѣрная. Я радъ,
Что, къ счастью, пришлось пройти мнѣ мимо.
Сейчасъ же все скажу я королю. (*Уходитъ*).

Кранмеръ (*въ сторону*).

А, это Ботсъ, врачъ короля. Какъ мрачно
Онъ, проходя, свой взоръ въ меня вперилъ!
Дай только Богъ, чтобъ моего несчастья
Не разгласилъ онъ всюду. Нѣтъ сомнѣнья,
Враги мои придумали все это—
Исправи Богъ сердца ихъ: не искалъ
Я злобы ихъ—для моего позора;
Иначе бы, конечно, постыдились
Они меня заставить ждать у двери,
Меня—сочлена своего въ совѣтъ—
Въ толпѣ пажей, жокеевъ и лакеевъ.
Но подожду съ терпѣньемъ. Пусть свершится
Желанье ихъ.

Наверху въ окнѣ показываются король и Ботсъ.

Ботсъ.

Сейчасъ вамъ, государь,
Я покажу одну изъ самыхъ странныхъ
Вещей.

Король.

Что, Ботсъ, такое?

Ботсъ.

Можетъ быть,
Ужъ вашему величеству случилось
Свидѣтелемъ такихъ явленій быть?

Король.

Но, чортъ возьми, гдѣ эту вещь ты видишь?

Ботсъ.

Здѣсь, государь! Смотрите, какъ повышенъ
Свѣтлѣйшій лордъ Кентерберійскій! Вотъ
Онъ тамъ стоитъ у двери межъ разсыль-
ныхъ,
Пажей и слугъ.

Король.

Га! Это точно онъ.

Такъ вотъ они какъ воздаютъ другъ другу
Почтеніе! Ну, хорошо, что есть
Еще одинъ глава надъ всѣми ими.
Я полагалъ, что есть у нихъ на столько
Правдивости, иль, наконецъ, приличья,
Что потерпѣть не захотятъ они,
Чтобъ человѣкъ въ такомъ высокомъ санѣ,
Столь близкій намъ, ждалъ приказаній ихъ
И милости—у двери, какъ разсылный
Съ пакетами. Клянусь Святою Дѣвой,
Такъ подлецы лишь могутъ поступать!
Задержни занавѣску; намъ сегодня
Еще не то придется услышать.
(*Скрываются*).

СЦЕНА III.

Зала совѣта.

*Входятъ лордъ-канцлеръ, герцоги Нор-
фолькъ и Суффолькъ, графъ Серри,
лордъ-камергеръ, Гардинеръ и Кром-
вель. Канцлеръ садится въ верхнемъ концѣ
стола, по лѣвую сторону; выше его мѣсто
архіепископа Кентерберійскаго остается пу-
стымъ. Остальные всѣ садятся по порядку
по обѣимъ сторонамъ. Кромвель, какъ секре-
тарь, занимаетъ мѣсто на нижнемъ концѣ.*

Привратникъ стоитъ у двери.

Канцлеръ.

Лордъ-секретарь, приступимъ прямо къ дѣлу.
Зачѣмъ сюда мы собрались?

Кромвель.

Милорды

Почтенные, главнѣйшая причина
Касается милорда Кентербери.

Гардинеръ.

Онъ извѣщенъ объ этомъ?

Кромвель.

Точно такъ.

Норфолькъ.

Кто ждетъ тамъ?

Привратникъ.

Гдѣ? за дверью, лорды?

Гардинеръ.

Да.

Привратникъ.

Милордъ архіепископъ. Съ полчаса
Уже онъ ждетъ, что будетъ вамъ угодно
Сказать ему.

КАНЦЛЕРЬ.
Впустить его сюда!

ПРИВРАТНИКЪ.
Теперь взойти вамъ можно, ваша свѣтлость.

Входитъ Кранмеръ и приближается къ столу.

КАНЦЛЕРЬ.
Добрѣйшій лордъ архіепископъ, больно
Мнѣ здѣсь сидѣть и видѣть ваше кресло
Незанятымъ. Но мы, вѣдь, люди всѣ,—
Намъ слабости дала сама природа
И сдѣлала рабами плоти. Мало
Есть ангеловъ. По слабости-то этой
И мудрости отсутствію, вы сами,
Который намъ служить примѣромъ долженъ,
Попались въ грѣхъ, немаловажный грѣхъ;
Онъ короля касается, во-первыхъ,
А во-вторыхъ, его законовъ: вы—
Какъ знаемъ мы о томъ—по государству,
Какъ собственнымъ ученіемъ, такъ посред-
ствомъ

Священниковъ своихъ, распространяли
Всѣ новыя и пагубныя мнѣнья,
Которыя мы ересью зовемъ.
Искоренить ихъ можно намъ—иначе
Грозить бѣда большая.

ГАРДИНЕРЪ.
Да, милорды,

И мѣрою искоренить внезапной,
Рѣшительной. Вѣдь, дикаго коня
Кто укротить берется, тотъ не станетъ
Ласкать его и гладить, а зажметъ
Строптивый ротъ стальными удилами
И будетъ бить и шпорами до тѣхъ поръ
Его, пока не усмирится онъ.
Такъ если мы, изъ лѣности безпечной,
Изъ жалости ребяческой, боясь
Честь чью-нибудь задѣть, не остановимъ
Губительной заразы этой вдругъ—
Прощай тогда спасенье! И какія
Послѣдствія отъ этого? Лишь бунты
Да мятежи, да общая зараза
По всей странѣ. Еще недавно наши
Германскіе сосѣди показали
Такой примѣръ печальный—и свѣжо
У насъ въ сердцахъ воспоминанье это.

КРАНМЕРЪ.
Почтенные и добрые милорды,
До этихъ поръ, въ теченье жизни всей
И службы, я старался постоянно
И ревностно, чтобы мои слова
И строгія обязанности сана
Однимъ путемъ и безупречно шли

Всегда къ одной и той же цѣли—къ благу.
Нѣтъ на землѣ, милорды, человѣка—
Безъ хвастовства я это говорю—
Который бы, по совѣсти, по мѣсту
Служебному, былъ болѣе меня
Противникомъ и больше ненавидѣлъ
Смушающихъ общественный покой.
Дай Богъ, чтобы всѣ служили государю
Съ неменьшею любовью. Люди тѣ,
Которые питаются лишь злобой
Да завистью, вѣдь, не боятся грызть
И самое прекрасное. Милорды,
Я васъ молю, въ теперешнемъ процесѣ,
Кто-бъ ни были винящіе меня,
Поставить ихъ лицомъ къ лицу со мною,
И пусть они свободно говорятъ,
Что думаютъ.

СУФФОЛЬКЪ.
Нѣтъ, это невозможно,
Милордъ, вы членъ совѣта, и никто
Васъ обвинить открыто не посмѣетъ.

ГАРДИНЕРЪ.
Милордъ, у насъ еще есть много дѣлъ
Значительнѣй, чѣмъ ваше. Потому-то
Мы поспѣшимъ. По волѣ государя
И нашему согласію, для того,
Чтобъ лучший ходъ имѣлъ нашъ судъ надъ
вами,
Отсюда вы должны сейчасъ же въ Тоуэръ
Отправиться. Тамъ частнымъ человѣкомъ
Вы станете, какъ прежде, и тогда
Увидите, что многіе посмѣютъ
Васъ обвинить открыто; и такихъ,
Я думаю, найдется много больше,
Чѣмъ сами вы предвидите.

КРАНМЕРЪ.
Ахъ, добрый
Лордъ Винчестеръ, благодарю васъ; вы
Всегда, вѣдь, мнѣ хорошимъ другомъ были.
О, сдѣлайся по вашему, конечно
Нашелъ бы въ васъ я своего судью:
Вы такъ добры и милосерды. Вижу
Я вашу цѣль: она—моя погибель.
Почтенный лордъ, смиреніе и любовь
Приличнѣе, чѣмъ жажда честолюбія,
Духовному лицу: не отвергать
Оно должно, а кротостію слова
Къ себѣ сердца заблудшихъ приближать.
Что я вполне успѣю оправдаться—
Чѣмъ ни было-бъ терпѣніе мое
Терзаемо—я сомнѣваюсь въ этомъ.
Столь мало-же, какъ мало вы стыдитесь
Свершать дѣла дурныя каждый день.
Сказалъ бы я и больше, но смирюсь,
Затѣмъ что въ васъ я званье ваше чту.

Гардинеръ.

Милордъ, милордъ, вы еретики—и въ этомъ сомнѣнья нѣтъ. Кто понимаетъ васъ, Тотъ различить подъ этимъ яркимъ лоскомъ Одни слова и слабости.

Кромвель.

Милордъ,

Простите мнѣ, но вы немного рѣзки Въ своихъ рѣчахъ. Такой почтенный мужъ, Когда-бъ и былъ виновенъ, все жъ имѣеть На уваженъе право, хотъ бы въ память Того, чѣмъ былъ онъ прежде. Оскорблять Упавшаго—жестоко.

Гардинеръ.

Извините,

Любезнѣйшій нашъ секретарь, но, право, Такъ говорить вамъ можно меньше, чѣмъ Кому-нибудь изъ всѣхъ сидящихъ съ нами.

Кромвель.

А почему, милордъ?

Гардинеръ.

Да развѣ мнѣ

Невѣдомо, что къ этой новой сектѣ Привязаны вы также? сами вы Нечисты.

Кромвель.

Я нечистъ?

Гардинеръ.

Да, повторяю,

Нечисты вы.

Кромвель.

Когда бъ хотъ въ половину Вы были такъ же чисты, вѣрно насъ, Не страхъ людей—молитвы провожали-бъ.

Гардинеръ.

Рѣчь дерзкую я эту не забуду.

Кромвель.

Я очень радъ. Да не забудьте также И дерзкую жизнь вашу.

Канцлеръ.

Это слишкомъ!

Милорды, перестаньте; постыдитесь!

Гардинеръ.

Я все сказалъ.

Кромвель.

И я.

Канцлеръ (Кранмеру).

Что васъ, милордъ,

Касается, такъ здѣсь единодушно Рѣшили всѣ, что въ Тоуэръ вы должны Отправиться сейчасъ и тамъ остаться, Пока король дальнѣйшихъ приказаній Не сообщитъ совѣту. Такъ, милорды? Согласны вы?

Всѣ.

Согласны.

Кранмеръ.

Неужели

Другого нѣтъ спасенья для меня, Идолженъ яитти, какъ плѣнникъ, въ Тоуэръ?

Гардинеръ.

Чего жъ еще вы ждете? Вы ужасно Докучливы. Позвать сюда изъ стражи Кого-нибудь!

Входитъ стража.

Кранмеръ.

Какъ, стража для меня?

И я пойду подъ стражей, какъ измѣнникъ?

Гардинеръ.

Эй, взять его и въ Тоуэръ отвести!

Кранмеръ.

Позвольте мнѣ два слова вамъ сказать, Почтенные милорды. Въ силу перстня Вотъ этого, процессъ мой исторгаю Я изъ когтей людей жестокосердныхъ И отдаю его судѣ другому, Правдивому—монарху, моему Властителю.

Камергеръ.

То—перстень королевскій.

Серри.

Дѣйствительно,—онъ не поддѣльный.

Суффолькъ.

Да.

Свидѣтель Богъ, то настоящій перстень. Я говорилъ вамъ всѣмъ, что этотъ камень— Чуть тронемъ мы—на насъ же упадетъ.

Норфолькъ.

Неужли же вы думали, милорды, Что государь позволить повредить Хотя мизинецъ этого прелата?

Канцлеръ.

Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнья: жизнь его

Такъ высоко онъ цѣнить... Мнѣ душевно
Хотѣлось бы остаться въ сторонѣ.

Кромвель.

Я твердо былъ увѣренъ, что, собирая
Со всѣхъ сторонъ доносы на него—
Правдивости котораго лишь дьяволъ
И дьявола служители способны
Завидовать—вы пламя раздували,
Которое самихъ же васъ, теперь
Сожжетъ. Ну, что жъ, и расправляйтесь сами!

*Входитъ король; онъ inteno взмладываетъ
на присутствующихъ и садится на свое
мѣсто.*

Гардинеръ.

Великій повелитель, каждый день
Благодарить обязаны мы Бога,
Что далъ онъ намъ такого короля,
Въ комъ доброта и мудрость сочетались
Съ прекраснѣйшимъ религіознымъ чув-
ствомъ;

Кто, полный весь смиренья, ставитъ церковь
Вѣнцомъ своей державной славы; кто,
Изъ чистаго почтенья къ ней и съ цѣлью
Еще сильнѣй окрѣпнуть въ этомъ долгѣ
Священнѣйшемъ, самъ, царственной особой,
Пришелъ сюда, чтобъ выслушать процессъ
Межъ церковью и этимъ человѣкомъ,
Такъ глубоко обидѣвшимъ ее.

Король.

Лордъ Винчестеръ, всегда вы отличались
Способностью—похвальныя слова
Произносить экспромтомъ; но сюда я
Пришелъ не съ тѣмъ, чтобъ слушать эту
лесть.

Въ ней пошлости и низости такъ много,
Что ей не скрыть поступковъ вашихъ злыхъ.
Не обмануть меня вамъ. Какъ болонка,
Вилля языкомъ, хотите вы
Меня прельстить. Но что бы обо мнѣ
Ни думалъ ты—я твердо въ томъ увѣренъ,
Что и жестокъ и кровожаденъ ты.

(Кранмеру).

Сядь, добрый человѣкъ. Теперь посмотримъ,
Гдѣ дерзкій тотъ, который погрозитъ
Осмѣлится тебѣ однимъ хотъ пальцемъ?
Клянусь я всѣмъ священнымъ, что ему
Ужъ лучше бы отъ голоду издохнуть,
Чѣмъ только мысль простую возымѣть,
Что этого ты мѣста не достоинъ.

Серри.

Коль будетъ вамъ угодно, государь.

Король.

Нѣтъ, сэръ, совсѣмъ не будетъ мнѣ угодно.

Я полагалъ, что люди съ здравымъ смысломъ
И мудрые сидятъ въ моемъ совѣтѣ;
Но страшно я ошибся. Хорошо ль,
Милорды, вы, скажите, поступили,
Заставивши у двери ждать его,
Какъ вшиваго разсыльнаго—его,
Который добръ и честенъ, и по сану
Вамъ равенъ всѣмъ? Позоръ и срамота!
Да развѣ вамъ я далъ уполномочые
Забиться такъ? Я правомъ васъ облекъ
Судить его—но такъ судить, какъ члена
Совѣта моего, не какъ лакея.
Я знаю, здѣсь такіе люди есть,
Которые—скорѣй по хитрой злобѣ,
Чѣмъ по любви къ правдивости—надъ нимъ
Желали-бъ судъ произнести ужасный;
Но не бывать тому, пока я живъ.

Канцлеръ.

Позвольте мнѣ, великій нашъ властитель,
Къ вамъ рѣчь держать и ея оправдать
Сидящихъ здѣсь. Коль мы приговорили
Его къ тюрьмѣ—то не по злобѣ такъ
Рѣшили мы, а съ тѣмъ, чтобъ только сред-
ство

Подать ему предъ свѣтомъ оправдаться
И доказать невинность; за себя
Ручаться я могу, по крайней мѣрѣ.

Король.

Такъ чтите же, милорды, всѣ его,
Въ свою среду его примите снова
И искренно любите—онъ достоинъ
Того вполнѣ. Скажу еще я больше:
Коль государь обязанъ можетъ быть
Кому-нибудь изъ подданныхъ, такъ это,
Конечно, я—за преданность его
И вѣрное служенье. Обнимитесь
И станьте всѣ друзьями. Добрый мой
Милордъ Кентерберійскій, я имѣю
Еще одну къ вамъ просьбу—вы не вправѣ
Мнѣ отказать. Прекрасная малютка
Нуждается въ крещеньи. Воспринять
Обязаны ее вы отъ купели.

Кранмеръ.

Такая честь составила бы гордость
Славнѣйшаго изъ всѣхъ живыхъ царей;
Такъ чѣмъ же я, вашъ подданный смиренный,
Могъ заслужить ее?

Король.

Ну, полно, полно!

Я думаю, что рады были-бъ вы
Не тратиться на ложки. Благородныхъ
Товарищей я дамъ вамъ: герцогиню
Норфолькъ и съ ней маркизу Дорсетъ
Что жъ,

КРЕСТИНЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

*Картина известнаго англ. художника Петерса (Rev. Matthew Peters 1740—1814).
(Большая Бойдслейская Галлерей).*

Довольны вы? Лордъ Винчестеръ я снова
Прошу его обнять и полюбить.

ГАРДИНЕРЪ.

Цѣлую васъ отъ искренняго сердца
И съ братскою любовью.

КРАМНЕРЪ.

Видитъ Богъ,
Какъ сладостно мнѣ это увѣреніе!

КОРОЛЬ.

Мужъ праведный, по радостнымъ слезамъ
Я узнаю, что говоришь ты правду.
Да, видно, справедлива поговорка
Народная: „милорду Кентербери
Ты сдѣлай зло—твоимъ онъ другомъ ста-
нетъ“.

Идемте же, милорды; время тратимъ
Мы только понапрасну; мнѣ-бъ хотѣлось
Скорѣй мою малютку окрестить.
Я примирить успѣлъ, милорды, васъ.
Совѣтую навѣкъ друзьями намъ остаться,
Чтобъ власть мою поднять, самимъ же воз-
вышаться. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Дворцовый дворъ.

*Шумъ и суматоха за сценой. Входятъ
привратникъ со своимъ помощникомъ.*

Привратникъ. Да перестанете ли вы
шумѣть, каналы? Никакъ вы королевскій
дворъ приняли за Парижскій садъ. Довольно
вамъ горланить, бѣшеные!

Голосъ за сценой. Добрый господинъ
привратникъ, я принадлежу къ кухнѣ.

Привратникъ. Ты принадлежишь къ
висѣлицѣ, и на ней бы висѣть тебѣ, не-
годяй! Ну, мѣсто ли здѣсь шумѣть тебѣ?
Принесите-ка мнѣ дюжину яблонныхъ па-
локъ, да поплотнѣе; эти—просто хлыстики.
Вотъ я понагрѣю вамъ головы! Тоже за-
хотѣли посмотрѣть на крестины! Захотѣ-
лось, видно, элю да пироговъ, каналы!

Помощникъ.

Оставьте ихъ въ покоѣ; невозможно
Ихъ отгонять отъ двери—развѣ къ пушкамъ

Прибѣгнете—какъ невозможно спать
Заставить ихъ въ день первый мая. Право,
Скорѣ храмъ святого Павла съ мѣста
Вы сдвинете, чѣмъ эту всю толпу.

Привратникъ. Да какъ же, чортъ ихъ
поberi, ворвались они сюда?

Помощникъ.

Я этого не знаю; вѣрно, такъ же,
Какъ и приливъ. Что можно было сдѣлать
Здоровою и длиною дубиной—
Вы видите ея остатокъ жалкій—
Я сдѣлалъ, сэръ.

Привратникъ.

Ты ничего не сдѣлалъ.

Помощникъ. Да, вѣдь, я не Самсонъ,
не сэръ Гугъ, не Кольбрандъ, чтобъ ко-
сить ихъ передъ собою. Но если я поща-
дилъ кого-нибудь, кому можно было про-
ломить голову—старика или молодого, его
или ее, того, кто носить рога, или ту, что
приставляетъ рога—чтобъ не видать мнѣ
больше ни куска мяса. А на это я не со-
глашусь даже за корону—спаси ее Гос-
поди!

Голосъ за сценой. Послушайте, гос-
подинъ привратникъ!

Привратникъ. Сейчасъ явлюсь къ
вамъ, мой милѣйшій. Эй, ты! запри двери
и не пускай никого.

Помощникъ. Да что же прикажете
мнѣ дѣлать?

Привратникъ. Что дѣлать? Да валять
ихъ цѣлыми дюжинами. Что это—Мурское
поле, что ли? или ужъ не явился ли ко
двору какой-нибудь индѣецъ съ большими
снастями, что женщины такъ осаждаютъ
насъ? (*Шумъ*). Господи помилуй, что это
за безпутная сволочь толпится у воротъ!
Клянусь своею христіанскою совѣстью,
однѣ эти крестины породятъ тысячи; тутъ
и настоящіе, и крестные отцы—все, что
хочешь.

Помощникъ. Тѣмъ больше будетъ ло-
жекъ, сэръ. Вонъ тамъ, у воротъ, стоитъ
человѣкъ; судя по лицу его, онъ долженъ
быть мѣдникъ, потому что, клянусь со-
вѣстью, у него въ носу царствуетъ теперь
двадцать каникулярныхъ дней, и стоящіе
подлѣ него находятся подъ экваторомъ—
другого наказанія имъ уже не нужно. Этого
дракона я уже три раза съѣздилъ по го-
ловѣ, и всѣ три раза носъ его обдавалъ
меня огнемъ; онъ стоитъ, точно мортира,
готовая выстрѣлить въ насъ. Около него
сутилась какая-то полоумная торговка и

принялась ругать меня за то, что я надѣ-
лалъ такой пожаръ въ государствѣ—и ру-
гала до тѣхъ поръ, пока ея приплюснутая
миска не полетѣла съ головы. Замахнув-
шись на мой метеоръ, я нечаянно съѣз-
дилъ по затылку эту бабу, и она зарѣ-
вѣла! „палокъ! палокъ!“ Тутъ къ ней на
помощь кинулось человѣкъ сорокъ палоч-
никовъ—надежда Странда, гдѣ она живетъ.
Всѣ капали на меня—я не сдавался; на-
конецъ, подошли на разстояніе метлы—я
все стоялъ твердо. Вдругъ изъ-за ихъ
спины толпа мальчишекъ пустила въ меня
такимъ градомъ камней, что я принужденъ
былъ спасти честь свою бѣгствомъ и усту-
пить имъ поле сраженія. Что между ними
былъ дьяволъ—въ этомъ я совершенно
увѣренъ.

Привратникъ. Это гуляки, которые
въ театрѣ шумятъ и дерутся изъ-за отвѣ-
даннаго яблока и шума, которыхъ не мо-
гутъ выносить никакіе слушатели, кромѣ
товергильскаго цеха да членовъ Лаймгоуза,
ихъ дорогихъ собратьевъ. Нѣсколькихъ изъ
нихъ я засадилъ уже въ *Limbo Patrum*,
гдѣ они могутъ свободно танцовать эти
три дня, въ ожиданіи десерта, который бу-
детъ состоять изъ розогъ.

Входитъ лордъ-камергеръ.

КАМЕРГЕРЪ.

Создатель мой, что за толпа такая!
Со всѣхъ сторонъ тѣсняются и бѣгутъ,
Какъ будто-бы на ярмарку. Да гдѣ же
Привратники—негодные лѣнтяи?
Ну, хорошо жъ работаете вы,
Хорошую вы напустили сволочь!
Ужъ это все не ваши ли друзья
Достойные изъ городскихъ предмѣстій?
Ну, мѣста тутъ не будетъ нашимъ лѣди,
Когда онѣ пойдутъ назадъ съ крестинъ.

Привратникъ.

Почтенный лордъ, я доложить осмѣлюсь:
Вѣдь, люди мы. Что можно было сдѣлать,
Безъ страха быть разорваннымъ въ куски—
Мы сдѣлали. А съ ними совладать
И арміи, повѣрьте, не удастся.

КАМЕРГЕРЪ.

Пусть только мнѣ дастъ выговоръ король—
И я, клянусь; немедленно въ колодки
Васъ засажу за дерзкую небрежность!
Негодные лѣнтяи! вы съ виномъ
Тутъ возитесь, а службу позабыли.
Но, чу! трубятъ: они идутъ съ крестинъ.
Эй, вы! скорѣй раздвиньте эту сволочь,

Прочистите свободную дорогу

Процессіи, не то—я васъ упрячу

Недѣль на восемь въ ближнюю тюрьму.

Привратникъ. Дайте дорогу принцессѣ!

Помощникъ. Эй, ты, длинноногій, посторонись, коли не хочешь приобрести головную боль.

Привратникъ. Ты фуфаяшникъ, проваливай отсюда, не то—переброшу черезъ рѣшетку. *(Уходятъ).*

СЦЕНА V.

Во дворцѣ.

Трубы. Входятъ два альдермена, лордъ-мэръ, герольдъ, Кранмеръ, герцогъ Норфолькъ, съ маршалскимъ жезломъ, и герцогъ Суффолькъ; два нобльмена несутъ крестинные подарки—большія чаши на ножкахъ; четыре нобльмена несутъ балдахинъ, подъ которымъ идетъ крестная мать, герцогиня Норфолькъ, съ ребенкомъ, одѣтымъ въ богатую мантию и т. д. Шлейфъ ея несутъ лѣди. За нею слѣдуютъ маркиза Дорсетъ, другая крестная мать, и прочія лѣди. Вся процессія проходитъ по сценѣ.

Герольдъ. Да даруетъ Небо, въ своей безконечной благодати, долгую, спокойную, вѣчносчастливую жизнь высокой и могущественной принцессѣ англійской, Елизаветѣ!

Трубы. Входитъ король со свитой.

Кранмеръ *(преклоняя колѣни).*

О вашемъ же величествѣ и доброй Монархинѣ, за славныхъ восприемницъ И за себя, я такъ молюсь: дай Богъ, Чтобъ каждый часъ въ ребенкѣ чудномъ этомъ Для васъ росли вся радость, счастье все, Какія лишь давать способно Небо Родителямъ.

Король.

Благодаренье вамъ,

Мой добрый лордъ архіепископъ. Какъ же Ее зовутъ?

Кранмеръ.

Елизаветой.

Король.

Лордъ,

Прошу васъ встать.

(Цѣлуетъ дитя). Прими съ лобзаньемъ этимъ Мое благословенье. Пусть Господь

Хранить тебя! Въ Его святыхъ руки Я отдаю всю жизнь твою.

Кранмеръ.

Аминь.

Король.

У васъ, моихъ достойныхъ восприемницъ, Рука щедрѣе ужъ слишкомъ. Отъ души Благодарю. Васъ точно также будетъ Благодарить и барышня моя, Когда начнетъ, какъ должно, выражаться По-англійски.

Кранмеръ.

Позвольте, государь,

Сказать вамъ то, что мнѣ внушаетъ Небо, И да никто не приметъ словъ моихъ За лесть: они на дѣлѣ подтвердятся. Сей царственный ребенокъ—да хранить Его Господь вѣки—въ колыбели Уже сулитъ для этой всей страны Несмѣтное число благословеній: Отъ времени созрѣютъ всѣ они. Она—дожить до этой благодати Немногимъ намъ удастся—образцомъ Послужить всѣмъ, какъ современнымъ съ нею

Властителямъ, такъ и позднѣйшимъ. Саба Во весь свой вѣкъ такъ не любила мудрость И добрыхъ дѣяній, какъ ихъ Любить ея душа святая будетъ. Удвоится въ ней царственный всѣ Достоинства великаго отца И доблести, что украшаютъ добрыхъ; Правдивость ей кормилицею будетъ, А помыслы небесные—ея Всегдашними совѣтниками; людямъ Она вселитъ любовь и вмѣстѣ страхъ; Друзья ея благословятъ; враги же, Какъ смятые колосья, задрожатъ И въ ужасѣ поникнутъ головами. Съ ней возрастетъ и счастье страны; При ней всегда спокойно будетъ каждый Подъ собственной лозой питаться тѣмъ, Что самъ же онъ посѣялъ, и сосѣдямъ Пѣть пѣсни мира, полная любви. Творца земли познаютъ всѣ, какъ должно; Всѣ близкіе узнаютъ отъ нея, Какъ слѣдовать прямой дорогой чести И ею лишь величье достигать— Не знатностью. И это счастье съ нею Не кончится: какъ дѣвственница-фениксъ, Волшебница, изъ праха своего Творитъ себѣ преемницу, такую жъ Чудесную, какъ и она сама, Такъ и она, когда изъ сей юдоли Печальной тьмы ее возьметъ Господь,

Свою красу преемнику оставить;
Его создасть священный прахъ ея
Величія, и изъ него звѣздою
Возникнетъ онъ и славою своей
Сравнится съ ней. И миръ, и изобиліе,
И истина, и ужасъ, и любовь,
Служившіе вотъ этому ребенку
Чудесному—все перейдетъ къ нему
И, какъ лоза, вокругъ него повеется.
Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только свѣтитъ солнце
Небесное, блескъ имени его
И доблести великія пребудутъ
И новые народы создадутъ.
Онъ зацвѣтетъ и, точно кедръ нагорный,
Широкими вѣтвями осѣнитъ
Окрестныя долины. Дѣти нашихъ
Дѣтей увидятъ это все—и Небо
Благословятъ.

Король.

Какія чудеса
Пророчишь ты!

Кранмеръ.

Для счастья отчизны
Она до лѣтъ преклонныхъ доживетъ;
И много дней надъ нею пронесется,
И ни одинъ не минетъ безъ того,
Чтобъ подвигомъ благимъ не увѣнчаться.
О, если бы я больше ничего
Не могъ прозрѣть! Но умереть ей должно
Когда-нибудь: святыя ждутъ ее;
И дѣвою сойдетъ она въ могилу,
Какъ лилія чистѣйшая, и миръ
Одѣнется глубокою печалью.

Король.

О, лордъ архіепископъ, лишь теперь
Меня отцомъ ты сдѣлалъ настоящимъ!
До этого счастливаго ребенка,
Могу сказать, дѣтей я не имѣлъ.
Ты такъ меня хорошимъ предсказаньемъ
Обрадовалъ, что даже и съ небесъ

Я захочу на этого ребенка
Смотрѣть сюда и воздавать хвалу
Создателю. Васъ всѣхъ благодарю я;
Вамъ, добрый мой лордъ-мэръ, и вашимъ
всѣмъ

Товарищамъ душевно я обязанъ;
Присутствіемъ своимъ большую честь
Вы сдѣлали, и быть вамъ благодарнымъ
Счумъ я. Пойдите, господа,
Я долженъ васъ представить королевѣ,
И васъ должна она благодарить,
Иначе ей не выльчиться. Нынче.
Забудьте всѣ домашнія дѣла,—
Вы—гости всѣ мои. Молюшки этой сила
День нынѣшній для насъ въ день празднествъ
превратила. (Уходятъ).

ЭПИЛОГЪ.

Пари готовъ держать, что не могла для всѣхъ
Піеса эта быть вполне цѣнимою. Тѣхъ,
Что отдохнуть хотятъ, собираясь въ этой залѣ,
И актъ иль два соснуть—пожалуй, напугали
Мы звукомъ нашихъ трубъ; такъ эти господа,
Конечно, поспѣшатъ негодной никуда
Назвать ее. И тѣ, кого влечетъ желанье
Взглянуть на общее всѣхъ гражданъ осмѣянье
И крикнуть: „какъ остро!“, здѣсь тоже ничего
По сердцу не нашли сегодня. Оттого
Похвалъ обычныхъ мы никакъ не ожидаемъ
И всю надежду лишь на женщинъ возлагаемъ
Съ душою мягкой, затѣмъ что мы для нихъ
Представили одну изъ добрыхъ женъ такихъ,
Когда съ улыбкою сегодня одобренье
Онѣ намъ выскажутъ, въ то самое мгновенье,
Я знаю, перейдутъ вслѣдъ за ними къ намъ
Мужчины лучшіе: вѣдь, былъ бы стыдъ и
срамъ,

Чтобъ эти господа молчаніе хранили,
Когда бы дамы ихъ похлопать попросили!

П. Вейнбергъ.

ГЕНРИХЪ VIII.

Портретъ Голбейна (Hans Holbein).

«Примите въ вашемъ воображеніи эту сцену за корабль, на палубѣ котораго выступаетъ Перикль, обвѣянный страхомъ бури».

Стр. 37. Перикль:

*Пусть будетъ кривъ твой кротокъ потому,
Что никогда на свѣтъ не появлялся
Съ такимъ привѣтомъ грубымъ дочь царя.*

Полагають, что въ сохранившемся шекспировскомъ текстѣ здѣсь пропускъ, такъ какъ у Уилькинса этотъ эпизодъ переданъ слѣдующимъ образомъ: «Между тѣмъ какъ добрый государь бранилъ ураганъ и умолялъ луну, явилась на палубу мамка Лихорида и положила въ его руки новорожденное дитя, которое онъ поцѣловалъ со словами: «Бѣдный ты кусочекъ природы, бурный пріемъ получаешь ты при появленіи на свѣтъ, какъ ни одна дочь царицы; такъ бурно твое рожденіе, какъ только могли сдѣлать огонь, воздухъ, земля и небо». Выраженіе «бѣдный кусочекъ (собств. дѣймъ — роог inch of Nature) природы» носитъ вполнѣ шекспировскій отпечатокъ.

Стр. 40. Церимонъ: *Слышалъ я*

*Разсказъ объ египтянкѣ, что лежала,
Какъ бы обвѣта смертію, въ продолженіе
Восьми часовъ. Она затѣмъ воскресла,
Благодаря хорошему узду.*

Какъ испорчено это мѣсто въ сохранившемся текстѣ, показываетъ разсказъ Уилькинса: «Я слышалъ объ египтянкахъ, что они черезъ четыре часа послѣ—если можно это такъ назвать—смерти, пробуждали къ прежнему бытію безжизненные тѣла, вродѣ этого».

Стр. 40. Церимонъ: *Дай мнѣ склянку.*

Въ старѣйшихъ изданіяхъ vial, т. е. склянка; въ 1 изданіи quarto уже viol, то-есть скрипка, что также подходило бы къ словамъ Церимона, зовущаго музыкантовъ. Однако, Уилькинсъ говоритъ: «Вливъ ей въ ротъ драгоцѣнную жидкость, онъ замѣтилъ, какъ понемногу усиливается жизненная теплота».

Стр. 40. Таиса: *Діана, идѣ же я? Кто эти люди? Гдѣ мой супругъ?*

Слова эти взяты буквально изъ «Confessio amantis» Говера; но текстъ и здѣсь очевидно испорченъ, такъ какъ у Уилькинса Таиса получаетъ отвѣтъ Церимона на свой отчаянный вопросъ.

Стр. 43. *Берегъ моря.*

Точнѣе: открытое мѣсто у морского берега.

Стр. 51. Лизимахъ: *Не думалъ,*

Чтобы говорить такъ складно ты могла.

Нѣкоторые комментаторы находятъ, что переломъ въ Лизимахѣ совершается слишкомъ ужъ быстро. Дѣйствительно, соответственное мѣсто у Уилькинса показываетъ, что рѣчь Морины и вся эта сцена въ драмѣ сильно сокращены.

Стр. 1. Сводня: *Подожди, перестанешь кичиться своимъ цѣломудріемъ.*

Точнѣе: «Ты, блюдо невинности, украшенное лавромъ и розмариномъ». Въ такомъ видѣ подавалась при Шекспирѣ рождественскія блюда.

Стр. 55. *Морина поетъ.*

Текстъ пѣсни Морины, не включенный въ драму, сохранился у Туэйна и Уилькинса; она поетъ: «Я среди распутницъ, но сама не стала распутницей; роза цвѣтетъ въ терновникѣ, но неуязвима для терній. Разбойникъ, похитившій меня, навѣрное давно погибъ; сводня купила меня, но я не осквернила себя плотскимъ преступленіемъ. Не было бы для меня ничего отраднѣе, какъ узнать моихъ родителей; я отпрыскъ короля, и кровь моя

королевская кровь. Надѣюсь, что Господь измѣнитъ мое положеніе и пошлетъ мнѣ лучшій день. Осушите слезы, вдохните мужество и прогоните вашу горе, исполнитесь радостію, подымите веселые глаза. Ибо живъ Богъ, создавшій изъ ничего небо и землю. И онъ не хочетъ, чтобы вы провели всю жизнь въ горѣ и скорби я все понапрасну».

Стр. 57. Перикль... *Дайте мнѣ*

*Другое платье. Въ траурной одеждѣ
Я мраченъ и унылъ...*

Должно помнить, что, согласно обѣту, Перикль до сихъ поръ ходилъ въ траурномъ платьѣ.

Стр. 55. Перикль: *Что я слышу.*

При этомъ Перикль, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго, отталкиваетъ Морину. Поэтому она ниже говоритъ:

Когда-бъ ты зналъ мое происхожденіе,
Не сталъ бы ты, о, царь, гнущаться мной.
Уилькинсъ передаетъ этотъ эпизодъ рѣзче.

ТРОИЛЬ И КРЕССИДА.

(Troilus and Cressida).

Стр. 69. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ появился впервые въ изданіи Roy (1709 г.).

Стр. 70. Прологъ.

Всѣ шесть воротъ у города Приама.

Названія воротъ Шекспиръ нашелъ въ «Троу-Воке» Лидгата.

Стр. 70. Прологъ.

*И если я, Прологъ, являюсь здѣсь
Вполнѣ вооруженнымъ.*

Обыкновенно, актеръ, исполнявшій роль Пролога, былъ одѣтъ въ черное платье; на этотъ разъ онъ въ вооруженіи—и объясняетъ, почему.

Стр. 72. Пандаръ: *Дура она, что остается здѣсь безъ отца.*

Въ источникѣ, которымъ здѣсь пользовался Шекспиръ (Rescues of or Destruction of Troy) Какстона) разсказано, что отецъ Крессиды, троянскій жрецъ Калхастъ, былъ отправленъ царемъ Трои Приамомъ въ Грецію узнать у дельфійскаго оракула объ исходѣ войны; получивъ отъ прорицалища роковой отвѣтъ о неминуемой гибели Трои, онъ перешелъ къ грекамъ и оставался въ лагерѣ осаждающихъ, между тѣмъ какъ Крессиды жила въ городѣ подъ охраною своего дяди Пандара.

Стр. 72. Троиля:

Межъ ней и мной и нашимъ Иліономъ.

Иліономъ называлась крѣпость (кремль) Трои, гдѣ былъ расположенъ и царскій дворецъ—жилище царевича Троиля.

Стр. 73. Александръ: *Онъ, говорятъ, весьма своеобразенъ.*

Въ подлинникѣ латинское выраженіе per se — самъ по себѣ.

Стр. 73. Александръ: *Это какой-то паралитикъ Бриарей: сто рукъ и не управляется съ ними, или Ариусъ: весь въ глазахъ и ничего не видитъ.*

Два образа греческой мифологіи: Бриарей — сторукий великанъ, Ариусъ — стоглазый богатырь, обращенный впоследствии въ павлина.

Стр. 75. Пандарь: *У тебя на подбородкѣ всею пятьдесятъ одинъ волосъ.*

У Шекспира сказано пятьдесятъ два, но такъ какъ въ дальнѣйшихъ словахъ Пандара заключаются намеки на Пріама съ его пятьюдесятью сыновьями, то пятьдесятъ два измѣняютъ въ пятьдесятъ одинъ. *Съдой* волосъ—Пріамъ; Парисъ—раздвоенный, т. е.—рогатый.

Стр. 75. *Троилъ такъ плачетъ о тебѣ, какъ будто въ апрѣлѣ родился.*

Апрѣль—самый дождливый мѣсяцъ.

Стр. 75. *Станемъ здѣсь и поглядимъ.*

На Шекспировскомъ театрѣ они при этомъ всходили на балконъ въ глубинѣ сцены и оттуда, оставаясь невидимыми для прочихъ дѣйствующихъ лицъ, смотрѣли на войска и вождей, возвращающихся съ поля битвы въ крѣпость.

Стр. 76. Крессидъ: *Человѣкъ изъ особеннаго тѣста, въ которое и финиковъ класть не надо.*

Игра словъ, недоступная передачѣ: *date* значить и финикъ и человѣческій вѣкъ.

Стр. 78. Несторъ:

Корабль... несется,

Похожій на Персея коня.

Въ *Destruction of Troy* разсказывается, что Персей изъ крови убитой имъ Медузы сдѣлалъ корабль въ видѣ коня по имени Пегасъ, необычайно быстрый.

Стр. 79. Улиссъ:

И, какъ актеръ бездарный, въ шаланты

Котораго лишь въ подкольной жилѣ,

Въ беснѣ ногъ съ кроватю деревянной.

Весь комизмъ этого актера заключается въ томъ, что онъ ходитъ, согнувши ноги, и стучитъ по деревянной сценѣ.

Стр. 79. *Какъ на Вулкана мощнаго—жена.*

Женой колченогаго уродливаго Вулкана была Венера.

Стр. 82. Несторъ:

... Заглавье, что въ себѣ

Таитъ суть книги.

Собственно, не «заглавіе», а «оглавленіе» (index), въ небольшомъ объемѣ воплощающее все содержаніе цѣлой книги; такъ и прихитренный поединокъ греческаго воина съ Гекторомъ будетъ воплощеніемъ, символомъ всей борьбы грековъ съ троянцами.

Стр. 82. Улиссъ: *Излѣчимъ навсегда и Мирмидона Великаго.*

Мирмидоняне, ахейское племя, были подъ Троей подъ начальствомъ Ахилла.

Стр. 82. *Чѣмъ даже лукъ сверхающей Ириды.*

Ирида—въ греч. мифол.—божество радуги.

Стр. 83. Терситъ: *Чтобы греческая проказа тебѣ взяла.*

Въ греческомъ лагерѣ свирѣствовало повѣтріе.

Стр. 84. *Возьми тебѣ чесотка съ твоими лошадиными наклонностями.*

Въ подлинникѣ Терситъ желаетъ Аяксу получить сибирскую язву, такъ какъ онъ брыкается ногами по-лошадиному.

Стр. 84. *Какъ Церберъ на красоту Прозерпины.*

Церберъ—трехглавый сторожевой песъ у преддверія преисподней; Прозерпина—жена Плутона, богиня ада.

Стр. 84. Аяксъ: *Видѣмъ помѣтъ.*

Въ подлинникѣ *stool for a witch*, стулъ для вѣдьмы, то-есть особое сидѣніе, къ которому въ шекспирово время привязывали женщинъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ, для «испытанія водою».

Стр. 84. Терситъ: *Мозгъ его не стоитъ и робынаго хвоста.*

Въ подлинникѣ Терситъ употребляетъ латинскій терминъ *ria mater*, обозначающій мозговую оболочку.

Стр. 84. *Я служу здѣсь самъ по себѣ.*

Терситъ хочетъ сказать, что участвуетъ въ троянской войнѣ въ качествѣ добровольца.

Стр. 85. Гекторъ: *Если поклоненье преувеличитъ божество...*

Сохранившіеся тексты этой фразы расходятся. По чтенію изданія folio выходитъ, что нелѣпое самодурство склоняется къ тому, къ чему почувствовало болѣзненное влеченіе. По чтенію quarto—это самодурство приписываетъ предмету своего влеченія качества, которыхъ онъ не имѣетъ.

Стр. 86. Троилъ:

... Онъ привозитъ

Взвѣсъ старухи тетки—дивный перлъ.

Путешествіе Париса въ Грецію, откуда онъ возвратился съ Еленой, имѣло цѣлью привезти оттуда тетку Гезіону, сестру его отца Пріама. Ея отецъ Лаомедонъ обѣщалъ ее Геркулесу, но не сдержалъ слова; тогда Геркулесъ отобралъ ее силой и отдалъ своему другу Теламону; отъ этого брака произошелъ Аяксъ (одинъ изъ двухъ Аяксовъ, личности которыхъ объединены въ драмѣ Шекспира). Пріамъ требовалъ ея возвращенія черезъ Антенора—того самаго, на котораго обмѣниваютъ Крессиду; но греки отказали въ ея выдачѣ—и за нею былъ отправленъ самъ царевичъ Парисъ, но привезъ вмѣсто старой тетки Елену Прекрасную.

Стр. 87.

Входитъ Кассандра въ дикомъ возбужденіи.

Въ изданіи folio сказано: съ волосами, всклокоченными выше ушей.

Стр. 87. Кассандра:

... Насъ сожжетъ Парисъ—

Онъ страшный факель.

По преданію, царица Гекуба, во время беременности Парисомъ, видѣла во снѣ, что рождаетъ горящій факель.

Стр. 88. Гекторъ:

... которыхъ Аристотель

Считаетъ неспособными учиться

Моральной философіи.

Шекспиръ такъ же не читалъ Аристотеля, какъ и Гекторъ, относимый преданіемъ за нѣсколько вѣковъ до Аристотеля. Полагаютъ, что мнѣніе, ошибочно приписываемое здѣсь Аристотелю, который считаетъ молодежь неспособной лишь къ политикѣ, взято изъ знаменитаго труда Бэкона.

Стр. 88. *Я послалъ*

Въ станъ греческій свой громоносный вызовъ...

Въ подлинникѣ онъ называетъ свой вызовъ хвастливымъ; быть можетъ, онъ сдѣлалъ его въ самоувѣренномъ тонѣ, чтобы раздражить противниковъ.

Стр. 88. Терситъ: *Пусть неаполитанская костюмъда пожираетъ ихъ.*

Неаполитанской называлась (ср. «Отелло», д. III, сд. I) та болѣзнь, которую теперь называютъ иногда французской.

Стр. 89. Терситъ: *Патроклъ дуракъ самъ по себѣ, коренной.*

Въ подлинникѣ: положительный; другіе—дураки въ сравненіи съ тѣми, кто умнѣе ихъ, а Патроклъ—дуракъ безъ всякаго сравненія.

Стр. 90. Улиссъ: *У слона есть суставы, но не для любезностей. Ноги ему даны лишь на потребу, а не для коленопреклоненій.*

При Шекспирѣ было распространено убѣжденіе, что у слона ноги не сгибаются и что онъ поэтому не можетъ становиться на колѣни.

Стр. 91. Улиссъ:

Въ созвѣздіе Рака ули подсыпаетъ.

Созвѣздіе Рака, въ которомъ солнце (Оіонъ Гиперіона) проходитъ лѣтомъ, считалось очень жаркимъ.

Стр. 92. Улиссъ: *Самъ Милонъ, Кротонскій волоносецъ.*

Милонъ, знаменитый греческій силачъ изъ Кротоны (жившій около 520 г. до Р. Хр.), нѣсколько разъ побѣждалъ на олимпійскихъ играхъ и однажды, поднявъ на плечи четырехлѣтняго быка, четыре раза обошелъ съ нимъ все ристалище, а затѣмъ въ теченіе дня съѣлъ всего этого быка.

Стр. 92. Улиссъ:

*Пусть лучший цвѣтъ дружинъ
Пошлутъ на бой.*

Въ подлинникѣ: «и пусть (витязи) срываютъ свои цвѣты» — намекъ на цвѣтокъ, который дама вручала побѣдителю на турнирѣ.

Стр. 95. Пандаръ: *Такъ ты не забудешь извиниться за него передъ царемъ-отцомъ?*

Пандаръ извиняется въ томъ, что не можетъ быть на ужинѣ у Пріама.

Стр. 96. Пандаръ: *Значитъ, тебя слѣдовало бы проманежить хорошенько, чтобы сдѣлать ручной.*

Въ подлинникѣ онъ намекаетъ на способъ, которымъ приручали соколовъ, утомля ихъ. Въ связи съ этимъ и ниже идутъ намски на соколиную охоту. По поводу того, что онъ клянется утками, комментаторы напоминаютъ, что утка считалась очень похотливой птицей.

Стр. 96. Трояль: *Чудовища никогда не смѣютъ проникнуть во владѣнія Купидона.*

Въ подлинникѣ говорится, что въ представленіяхъ Купидона нѣтъ мѣста для изображенія чудовища. Рѣчь идетъ о торжественныхъ представленіяхъ и шествіяхъ въ честь божества любви съ аллегорическими фигурами и сценами.

Стр. 97. Трояль: *Сама зависть не найдетъ въ немъ ничего для насмѣшки, развѣ — кромѣ его неизмѣримой откровенности.*

Переводчикъ придерживался объясненія Мелона. Деліусъ понимаетъ эти слова иначе: самое дурное, что можетъ быть сказано о Троялѣ, покажется клеветою предъ лицомъ его вѣрности и будетъ лишь предметомъ насмѣшки для нея.

Стр. 99. Агамемнонъ: *Ахиллъ тамъ что-то говоритъ?*

Агамемнонъ уже прошелъ мимо палатки Ахилла и, оборачиваясь, обращаетъ эти слова къ Нестору, который идетъ за нимъ и въ это время проходитъ мимо Ахилла.

Стр. 101. Улиссъ: *Что даже Марсъ отъ зависти бѣсился.*

Въ подлинникѣ говорится, что подвиги Ахилла «вызвали даже пристрастное внимательство (emulous missions) самихъ боговъ и заставили великаго Марса стать на одну сторону».

Стр. 101. Улиссъ:

... Золото, что въ недрахъ земли хранитъ Плутосъ.

Плутонъ — божество преисподней или Плутосъ — по-гречески богатство.

Поликсена можетъ быть красива.

Поликсена — дочь Пріама.

Какое горе Пируу ты принесешь.

Пирръ — сынъ Ахилла, болѣе известный подъ другимъ своимъ именемъ — Неоптолемъ.

*Процай — уже стоитъ на льду мупецъ,
Взломай тотъ ледъ и вновь возьми вѣнецъ.*

То-есть: подъ легковѣснымъ дуракомъ ледъ не ломается; взойди на него — и сломай.

Стр. 104. Эней: *Небесный интъ лишь мой меня-бъ отвлечъ отъ жаркаго томительнаго ложа.*

Въ подлинникѣ Эней говоритъ: ничто, кромѣ небеснаго дѣла (heavenly business), не могло бы меня отвлечь и т. д.

Стр. 104. Эней:

*Клянуся головою Анхиза, ты
Желаннымъ гостемъ будешь въ ней. Я даже
Готовъ рукой Венеры клясться.*

Эней клянется своими родителями: Венера — его мать, Анхизъ, знатный троянецъ, — его отецъ.

Стр. 105. Диомедъ:

*Но, впрочемъ, онъ съ роцатымъ украшенъемъ
Ей болѣе подходитъ.*

Въ подлинникѣ Диомедъ говоритъ: вы одного вѣса, но онъ тяжелѣе на вѣсѣ развратницы (присоединенной къ нему, брошенной на его чашу).

Стр. 106. Пандаръ: *О, моя мупенкакая бѣдненька.*

Въ текстѣ непонятное итальянское слово *chirochia*; принято вмѣсто него *chiaroscchia* — дурачекъ; Деліусъ предлагаетъ также *chiocchia* — насѣдка.

Стр. 111. Трояль:

*Я дерзость не прощу тебѣ, и ты
Изъ-за нея не разъ скрывается станешь.*

То-есть: Диомедъ въ сраженіи будетъ избѣгать Трояла, чтобы избѣжать должнаго возмездія за свое хвастовство (brave).

Стр. 112. Аяксъ:

Дуй, дуй

Въ ея жерло, чтобы вътрюмъ налилося.

Точнѣе: чтобы налились и округлились твои щęki.

Какъ чрево Аквилона отъ натузъ.

Въ текстѣ чрево Аквилона — сѣвернаго вѣтра напряжено не отъ натузъ, но отъ болѣзни (cholic).

Стр. 112. Патроклъ:

*Изъ этого не слѣдуетъ, однако,
Чтобы сохранилъ ты право и теперь.*

При этихъ словахъ Патроклъ становится между Крессидой и Менеласомъ, который ее хочетъ поцѣловать, и цѣлуетъ ее. Поэтому и слѣдующая его реплика:

Вотъ поцѣлуй ... онъ былъ за Менелая

въ подлинникѣ имѣетъ другой оттѣнокъ; онъ говоритъ: *первый поцѣлуй былъ за Менелая.*

Стр. 112. Менелай: *И то, и это, если пожелаешь.*

Этотъ отвѣтъ приписанъ Менелая въ слѣдствіе опечатки. Крессиды, дѣйствительно, спрашиваетъ Менелая, но отвѣчаетъ ей Патроклъ.

Стр. 115. Несторъ: *Самъ великій Неоптолемъ.*

Рѣчь идетъ не о Пиррѣ-Неоптолемѣ, юномъ сынѣ Ахилла, но о самомъ Ахиллѣ; Шекспиръ думалъ, что Неоптолемъ — его родовое имя. Однако, среди греческихъ вождей, отличившихся въ войнѣ, «Троянская книга» Лидгата называетъ также какого-то Неоптолема.

Стр. 115. Несторъ: *Я дѣда твоего*

Когда-то зналъ, онъ былъ достойный воинъ.

То-есть царя троянскаго Лаомедона, противъ котораго Несторъ нѣкогда шелъ вмѣстѣ съ Геркулесомъ.

Стр. 117. Аяксъ:

*Не думаю, что даже всѣмъ совѣтомъ
Уговарять тебя тлѣться съ нимъ.*

Аяксъ намекаетъ на извѣстный эпизодъ, когда Ахиллеса, разсердившагося на соотечественниковъ, всѣ греческіе вожди тщетно упранивали принять участіе въ сраженіяхъ.

Стр. 118. Ахиллъ:

Что, зависти волдырь,

Позорище природы.

Волдырь зависти—ибо Терситъ такъ полонъ зависти, какъ нарывъ—гноя. Въѣсто «позорище природы» въ подлинникѣ—корка природы: онъ покрытъ корою, которая дѣлаетъ его отвратительнымъ.

Стр. 118. Терситъ: *Изъ Трои, олицетвореніе дураковъ.*

Ахиллъ называетъ Терсита оскребкомъ (fragment); за то Терситъ его обзываетъ цѣлымъ блюдомъ дураковъ.

Стр. 118. Терситъ: *Фельдшерская связка инструментовъ.*

Въ подлинникѣ игра словъ между tent—палатка и tent—зондъ для изслѣдованія раны.

Стр. 118. Терситъ: *Онъ ничего себѣ парень и большой любитель перепелокъ.*

По англійски quail значить перепелка и распутница.

Стр. 119. Терситъ: *Что касается исполненія, если его предскажутъ звѣзды, берегись ка-кого-нибудь бѣдствія.*

То, что Діомедъ исполняетъ свое обѣщаніе—явленіе настолько необычайное, что астрологи его предсказываютъ, какъ нѣчто чудовищное. Такое событіе извращаетъ естественный ходъ вещей: не луна становится получать свѣтъ отъ солнца, а солнце отъ луны и т. д.

Стр. 122. Троиля: *Своимъ жирнымъ, толстымъ пальцемъ такъ и щекочетъ обоихъ.*

Въ подлинникѣ «картофельнымъ пальцемъ». Картофель считался возбуждающимъ средствомъ (aphrodisiacum). Ср. «Виндзорскія проказницы» (т. II, стр. 571).

Стр. 122. *Клянусь Діаной и дѣвственною свитой.*

Въ подлинникѣ она клянется «прислужницами Діаны», богини луны, т. е. звѣздами.

Стр. 123. Улисъ: *Я не вызыватель духовъ.*

Улисъ хотѣлъ сказать: нѣтъ, это была сама Крессидъ, а во ея призракъ, ибо я не умѣю вызывать духовъ.

Стр. 124. Троиля:

едва-ли между ними

Съумѣетъ Арахнея нить продѣть.

Арахнея (по греч.—паукъ) знаменитая пряжа древней мѣлологіи, состязаніе которой съ Аенной въ искусствѣ пряденія и тканья поэтически изображено въ «Метаморфозахъ» Овидія.

Какъ врата Плутона, ты непреложна.

То есть непоколебима, какъ врата преисподней.

Стр. 125. Троиля:

Великодушье; человеку меньше

Подходитъ онъ, чѣмъ леву.

Шекспиръ читалъ у Плинія, что левъ по трогаетъ животныхъ, которыя, въ сознаніи своего безсилія, смиренно преклоняются предъ нимъ.

Стр. 127. Пандаръ: *Что съ тобой? Послушай.*

Слова слѣдующія до конца этой сцены вѣроятно должны быть исключены изъ нея, такъ какъ повторяются въ концѣ этого дѣйствія (стр. 132), гдѣ они болѣе уместны.

Стр. 128. Агаммемнонъ: *Свирѣпый Полидамъ поверь Менона, Маргарелонъ, ублюдохъ, взялъ Дорей.*

Полидамъ и Маргарелонъ—два побочныхъ сына Приама. Всѣ эти имена, равно какъ эпизодъ съ конемъ Троиля, Шекспиръ нашелъ у Лидгата.

Какой-то разъярившійся Центавръ.

«Свирѣпый стрѣлокъ», какъ его называетъ Шекспиръ, выглядылъ, по описанію Лидгата, сзади какъ лошадь, а спереди какъ человекъ. Онъ нагналъ ужасъ на грековъ и многихъ изъ нихъ уложилъ своими стрѣлами.

Стр. 128. Сцена IV.

Опечатка, слѣдуетъ *Сцена VI.*

Стр. 129. *Появляется воинъ въ великолѣпномъ вооруженіи.*

Этотъ безымянный воинъ вѣтъ у Лидгата.

Стр. 130. Ахиллъ: *Убей его! (Мирлидонцы бросаются на Гектора. Онъ нападетъ).*

Ни въ «Иліадѣ», ни въ источникахъ Шекспира не говорится, что Гектора убили Мирлидонскіе солдаты: у Лидгата это относится къ Троилю.

Стр. 132. Троиля: *О подлый, о, вѣроломный трусъ.*

Эти слова относятся къ Діомеду, предыдущій (*Вашъ выскочка Титанъ*)—къ Аяксу.

Стр. 131. Пандаръ: *Да, друзья мои, торгующіе человѣческимъ мясомъ,—зарубите себѣ это на носу.*

Въ подлинникѣ: напишите на вашихъ обояхъ.

Стр. 132. Пандаръ: *Свистъ винчестерскихъ тусей...*

Вульгарное названіе женщинъ дурного поведенія.

КОРІОЛАНЪ.

(Coriolanus).

Стр. 145. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ приложенъ впервые къ изданію 1709 года.

Стр. 146. 1-й гражданинъ: *Рышлись вы скоро въ умереть, чѣмъ терпѣть юлоды?*

Плутархъ рассказываетъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за войною, въ которой—вопреки Шекспиру—плебеи принимали дѣятельное участіе: «У кого было состояніе средней руки, лишилась всего, закладывая его, или посредствомъ аукціона; у кого же не было ничего, тѣхъ тащили въ тюрьмы, несмотря на ихъ многочисленныя раны и лишнія, которымъ они подвергались въ походахъ за отечество, въ особенности въ послѣднемъ—противъ собищевъ... Народъ дрался героически и разбилъ непріятеля; но кредиторы нисколько не стали снисходительнѣе, Сенатъ же дѣлалъ видъ, что забылъ данное имъ обѣщаніе, и равнодушно смотрѣлъ, какъ кредиторы тащили должниковъ въ тюрьму или брали въ кабалу».

Вы знаете, конечно, что Кайй

Марцій—первый врагъ народу?

Плутархъ рассказываетъ, что магистраты, желавшіе уступить требованіямъ народа, напали въ Марцій противника. По его мнѣнію, главною причиною волненій были не денежные дѣла, но дерзость и наглость черни; поэтому, онъ совѣтовалъ сенаторамъ, если у нихъ есть умъ, прекратить, уничтожить попытки, нарушить законы въ ихъ сѣмъ началъ.

Стр. 147. 1-й гражданин: *Поднялась и та часть города.*

Находящаяся по другую сторону Тибра, куда онъ указываетъ рукой.

Изъ законы поддерживаютъ одниъ ростовщиковъ.

Въ подлинникѣ двусмысленность: *edicts for usury* можетъ значить законы противъ ростовщичества или законы для ростовщиковъ.

Стр. 147. Менений Агриппа:

Вы знаете, что въ сказкѣ самъ живетъ.

Не только говоритъ, смѣяться можетъ.

Собственно, у Шекспира говорится, что животъ можетъ только улыбаться; смѣхъ исходить изъ легкихъ.

Стр. 150. Сициній: *Надъ скромною луной онъ посылается.*

То есть надъ самою Діаной, невинной и тихой богиней луны.

Стр. 153. Марцій:

... пусть въ кровавыхъ латахъ

Поспѣемъ мы къ друзьямъ своимъ на помощь.

Къ римскому войску, оставшемуся въ открытомъ полѣ подъ предводительствомъ Коминія, между тѣмъ какъ Марцій и Титъ Ларцій расположились лагеремъ подъ Коріоли.

Стр. 154. Марцій:

... Пусть смрадъ и вонь

Идутъ отъ васъ по ветру.

Въ подлинникѣ: «пустъ ваши язвы такъ воняютъ, что всякій ужаснется прежде чѣмъ ихъ увидитъ; пусть этотъ смрадъ будетъ чувствоваться за милю противъ ветра».

Стр. 154. Титъ Ларцій:

Въ мечтахъ своихъ Катонъ не создавалъ Такого воина.

Шекспиръ воспользовался здѣсь словами Плутарха: «Въ немъ было все, что требуетъ отъ солдата Катонъ,—не только рука, наносившая тяжелые удары, но и громкій голосъ и взглядъ, наводившіе ужасъ на неприятелей, обращавшіе его въ бѣгство».—но забылъ, что Катонъ жилъ много позже Тита Ларція.

Стр. 154. *Входитъ Марцій, весь въ крови, преследуемый вольсками.*

Сообразно съ слѣдующими словами Тита Ларція, Марцій остается въ городѣ, что плохо согласуется съ указаніемъ надъ IV сценой: «Передъ Коріоли». Можно думать, что онъ на мгновеніе показывается въ воротахъ города.

Стр. 154. Марцій:

... тряпки,

Какихъ палачъ съ преступника не снялъ бы.

Достояніе казеннаго было и въ Шекспировское время наслѣдіемъ палача.

... Не конченъ бой,

А ужъ они хватаютъ кто подушку,

Кто ложку оловянную.

Плутархъ говоритъ, что Марцій былъ возбѣшенъ поведеніемъ войска. «По его мнѣнію, подло солдатамъ ходить по городу, собирая цѣнныя вещи, или прятаться отъ опасности подъ предлогомъ паживы, въ то время, когда консулъ со своимъ войскомъ встрѣтилъ, быть можетъ, неприятеля и вступилъ съ нимъ въ сраженіе».

Стр. 155. Коминій:

Скорый пастухъ не распознаетъ грома отъ звука бубна.

Пастухъ, чуткій къ явленіямъ природы, конечно, легко отличить привычнымъ ухомъ громъ отъ бубна.

Стр. 156. Марцій:

Изъ васъ

Я четвернымъ вождемъ всею избралъ Охотниковъ...

Чтобы показать свое безпристрастіе, Марцій отказывается отъ выбора охотниковъ, поручая его вождамъ.

Стр. 156. Титъ Ларцій. *При немъ вожди.*

По подлиннику при Титѣ Ларціи только одинъ офицеръ, солдаты и проводники.

Стр. 157. Авфидій: *Со всею твоею злобою и славой.*

Это выраженіе вызываетъ разныя толкованія: «ненавистная слава», «твои слова и коварство» и др.

Хотя бы ты Гекторъ былъ, которымъ въ Римѣ

Такъ хвалятся.

Въ подлинникѣ: «хотя бы ты былъ Гекторъ, который былъ бичомъ вашихъ предковъ». Римляне вели свое происхожденіе черезъ Энея отъ троянцевъ.

Стр. 157. Титъ Ларцій: *Мы съ тобою одинъ уборъ его.*

Сравненіе, заимствованное у Плутарха.

Стр. 157. Коминій:

Изъ всѣхъ коней, а ихъ добыто много,

Изъ городскихъ сокровищъ, мы даемъ

Тебѣ одну десятую.

Указываютъ на странность того, что Коминій, только что заявивъ, что будетъ говорить о заслугахъ Марція «безъ мысли о наградахъ», заговорилъ прежде всего о наградахъ.

Стр. 158. Коріоланъ:

... Я въ Коріоли не разъ

Нимѣлъ ночлежъ въ дому у одного

Изъ гражданъ города.

Фактъ, заимствованный у Плутарха, который однако называетъ этого коріольскаго жителя не бѣднымъ, а состоятельнымъ. «У меня—говоритъ у него Марцій—есть среди вольсковъ знакомый и другъ, человѣкъ добрый и честный. Теперь онъ въ плѣну и изъ счастливаго богача сдѣлался рабомъ. Надъ его головой собралось много горя, надо избавить его, по крайней мѣрѣ, хоть отъ одного—продажи».

Стр. 160. Менений Агриппа: *Вы толкуете про гордость, а кабы умудрились заглянуть въ свои мышки за спинами.*

Джонсонъ видитъ здѣсь намекъ на поговорку, по которому у всякаго есть два мѣшка: одинъ впереди, куда онъ кладетъ чужіе недостатки, другой позади, куда онъ прячетъ свои.

Говорятъ, что я таю отъ первой жалобы, Загораюсь, какъ труть, отъ малой искры.

Это отношеніе Мененія къ кліентамъ діаметрально противоположно медлительности въ судѣ трибуновъ, которую онъ дальше ставитъ имъ въ упрекъ: «вы рады тратить цѣлое утро, рѣшая споръ между торговой апельсинами и продавщицомъ». Надо однако сказать, что творить судъ не было обязанностью трибуновъ, и Джонсонъ думаетъ даже, что здѣсь Шекспиръ и его Мененій смѣшиваютъ функціи трибуновъ съ обязанностями городского префекта; быть можетъ, это заблужденіе Шекспира, быть можетъ—ошибка Мененія, характерная для патриціи.

Стр. 162. Менений Агриппа: *Васъ трехъ весь Римъ лелѣть долженъ.*

По мнѣнію однихъ трехъ вождей: Коріолана, Коминія, Ларція; по мнѣнію другихъ—Коріолана его жену и мать.

*Здѣсь есть дички, къ которымъ не привынешь
Расположенія къ вамъ.*

Въ подлинникѣ: «которыхъ не облагородишь такъ, чтобы ихъ кислые плоды нравились вамъ». Мененій имѣетъ въ виду трибуновъ и другихъ плебеевъ.

Стр. 163. Брутъ:

*Не станеть надѣвать передъ народомъ
Смирненія одежду и на раны
Показывая и т. д.*

Шекспиръ допустилъ и здѣсь анахронизмъ. Плутархъ говорить: «Въ то время не было въ обычаѣ, чтобы кандидаты на консульскую должность просили содѣйствія гражданъ, брали ихъ за руку, расхаживая по форуму въ одной тогѣ, безъ туники, для того, быть можетъ, чтобы своею скромною внѣшностью расположить въ пользу исполненія ихъ просьбы, или же для того, чтобы показать свои раны, какъ знакъ своей храбрости,—у кого онѣ были».

Стр. 164. Брутъ: *Не выше тѣхъ верблюдовъ,
что при войскахъ везутъ припасы.*

Въ подлинникѣ: «чѣмъ верблюды на войнѣ». Деліусъ полагаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о верблюдахъ, бывшихъ — по мнѣнію Шекспира — въ римскомъ обозѣ; Стивенсъ толкуетъ иначе: плебен такъ же годны для государственной службы, какъ верблюды для сраженія.

Стр. 166. Коминій:

*... Какъ щетинистыя зубы
Бѣжали передъ юнымъ подбородкомъ.*

Въ подлинникѣ: «предъ подбородкомъ амазонки». Храбрый юноша напоминалъ амазонокъ и своимъ дѣвичьимъ лицомъ, и своей отвагой.

Стр. 167. Сициній: *Когда бы догадались о томъ
плебей.*

Въ подлинникѣ Сициній прибавляетъ: «онъ какъ бы хочетъ показать, что презираетъ того, кто долженъ ему дать то, что онъ ищетъ», то-есть презираетъ народъ, который долженъ ему дать санъ консула.

Стр. 169. Коріоланъ:

*... Зачѣмъ стою я здѣсь
Въ одеждѣ жалкой.*

Въ изданіи folio—выраженіе Woolwsh tongue мало понятное и вызывающее разнообразныя предположенія. Думаютъ, что здѣсь испорченъ текстъ: вмѣсто tongue слѣдовало бы logue—тога; woolwsh значитъ овчинный, wolwsh—волчій. Возможно также, Коріоланъ имѣетъ въ виду ту жалкую одежду, въ которой, по обычаю, долженъ просить голосовъ у народа; возможно, что онъ называетъ себя волкомъ въ овечьей шкурѣ. Stuntton предлагаетъ читать wolfish throng, что значило бы: «зачѣмъ я стою здѣсь среди стаи волковъ?»

И у Дика съ Гобомъ я голосовъ прошу.

Уменьшительныя Дикъ (отъ Ричардъ) и Гобъ (отъ Роберта) обозначали въ эпоху Шекспира чернь, толпу.

Стр. 169. Сициній:

*Ты выполнилъ прошенія обрядъ,
Народъ согласенъ—и теперь осталось
Избранье утвердить.*

Впослѣдствіи оказывается, что выборы — по окончательнымъ. Здѣсь Шекспиръ уклоняется отъ Плутарха, который рассказываетъ, что плебен сразу не избрали его, хотя обѣщали — не ему, а другъ другу — избрать его: «граждане, изъ уваженія къ его храбрости, дали другъ другу слово избрать его консуломъ. Въ назначенный для голосованія день

Марцій торжественно явился въ форумъ въ сопровожденіи сенаторовъ. Всѣ окружавшіе его патриціи ясно показывали, что ни одинъ кандидатъ не былъ такъ пріятенъ имъ, какъ онъ. Но это-то и лишило Марція расположенія народа, которое смѣнили ненависть и зависть. Къ нимъ присоединилось еще новое чувство—страха, что ярый сторонникъ аристократіи, глубоко уважаемый патриціями, сдѣлавшись консуломъ, можетъ совершенно лишить народъ его свободы. На этомъ основаніи, Марцій потерпѣлъ при выборахъ неудачу».

Глаза его восторгомъ такъ и блещутъ.

Точнѣе: «По его взгляду было видно, какъ кипѣло его сердце», кипѣло, по толкованію Деліуса, не восторгомъ, а злобой и ненавистью.

Стр. 170. Сициній:

*На то-ли вамъ случалось отвергать
Чужія просьбы . . .*

Трибунъ напоминаетъ плебемъ, что имъ случилось уже отказывать въ своихъ голосахъ. Такой отказъ получилъ предшественникъ Коріолана.

Стр. 170. 1-й гражданинъ. *Я тысячу и больше.* Въ подлинникѣ онъ прибавляетъ: «и ихъ друзей».

Стр. 171. Брутъ:

*И Цензоринусъ, дорогой плебелямъ,
Такъ названный за то, что дважды былъ
Здѣсь цензоромъ.*

«Дорогой плебемъ»,—переводъ выраженія darling of the people, вставленнаго въ Шекспировскій текстъ для пополненія пропуска Попомъ и нынѣшней критикой устраненнаго. Здѣсь Шекспиръ строго слѣдовалъ Плутарху, не обращая вниманія на то, что Плутархъ говоритъ не только о предкахъ, но и о потомкахъ Коріолана.

Стр. 173. Коминій: *Способенъ ты на это.*

Теобальдъ приписываетъ эти слова Коріолану. Отвѣтъ Брута:

Такъ же мало, какъ и хвалить тебя

не совсѣмъ точно передаетъ смыслъ подлинника; въ отвѣтъ на упрекъ Коминія Брутъ говорить: «Мы на это такъ же способны, какъ исправлять то, что натворите вы, патриціи».

Стр. 173. Коріоланъ: *... Напомните смѣютъ
они про хлѣбъ!*

Коріоланъ былъ противникомъ даровой раздачі хлѣба, присланнаго Риму въ подарокъ Гелонамъ, царемъ сиракузскимъ. Но, по Плутарху, его рѣчь въ сенатѣ, повторенная почти буквально у Шекспира, была произнесена безъ отношенія къ его кандидатурѣ, которая уже окончилась рѣшительной неудачей.

Стр. 175. Коріоланъ:

*... Потому теперь
Я заступаю вѣсть, кто дорожитъ
Законами родной земли.*

Передъ этимъ пропущено обращеніе: «(заклинаю) васъ, которые не столько трусливы, сколько осторожны». Здѣсь Коріоланъ, очевидно, обращается къ патриціямъ.

Стр. 179. Коріоланъ:

*... Пусть взроизродятъ
Утесовъ десять на утесъ Тарпейскій,
Пусть до небесъ они его поднимутъ.*

Въ подлинникѣ Коріоланъ вмѣсто послѣдняго стиха прибавляетъ: «Такъ что паденіе съ этой (удесатеренной) Тарпейской скалы будетъ глубже, чѣмъ глазъ за нимъ можетъ слѣдить».

Стр. 179. Коріоланъ:

*Какъ мать моя, изъ знавшая всегда
Презрѣнными рабами.*

Въ подлинникѣ *woollen vassals*, что значить шерстяные рабы, то-есть мягкіе, уступчивые, какъ шерсть или одѣтые въ мирную шерсть, а не боевое желѣзо.

Стр. 182. Сициній: *Ихъ помѣстилъ по трибамъ?*

Этотъ вопросъ объясняется слѣдующимъ мѣстомъ у Плутарха: «Когда собрался народъ, трибуны начали съ того, что устроили голосованіе не по центуріямъ, а по трибамъ, чтобы бѣдный, безпokoйный и не заботящійся ни о чемъ порядочномъ народъ имѣлъ, при голосованіи, перевѣсъ надъ богатыми, уважаемыми и обязанными нести военную службу гражданами». При голосованіи по центуріямъ (сотнямъ) перевѣсъ имѣли патриціи.

Стр. 183. Сициній:

*Тебя мы обвиняемъ въ томъ,
Что умышлялъ ты . . . власть верховную присвоить.*

У Плутарха обвиненіе трибуновъ построено совсѣмъ иначе: «отказавшись отъ обвиненія подсудимаго въ стремленіи къ тиранніи, какъ несостоятельнаго, они снова стали говорить о томъ, что Марцій раньше говорилъ въ Сенатѣ, мѣшая дешевой продажей хлѣба и совѣтуя уничтожить званіе народнаго трибуна. Трибуны придумали новое обвиненіе—обвинили его въ томъ, что онъ неправильно распорядился добычей, взятой въ области Анціи,—не внесъ ея въ государственную казну, а раздѣлилъ между участниками похода. Это обвиненіе, говорятъ, смутило Марція всего болѣе: онъ не былъ подготовленъ, не могъ отвѣчать народу тотчасъ же какъ слѣдуетъ».

Стр. 182. Коріоланъ:

*Что, если бы супругой Геркулеса
Завладе ты, то шестъ его трудовъ
Окончила бъ герою помогаи.*

По мнѣю на Геркулеса возложено было совершеніе двѣнадцати подвиговъ; Волумнія вызывалась раздѣлить труды и опасности мужа.

Стр. 186. Сициній (Волумнія):

Иди своею дорогою, безумная.

Въ подлинникѣ *age you mankind*, что можетъ значить также мужина, мужской породы: на это намекается Волумнія, называя въ своемъ отвѣтѣ трибуновъ лисейей породой (пропущено въ переводѣ).

Стр. 186. Волумнія:

*Я бѣ хотѣла,
Чтобъ сынъ мой былъ въ Аравіи теперь.*

То-есть въ аравійской пустынѣ, гдѣ никто не могъ бы придти ему на помощь.

Стр. 187. Волумнія: *О, сколько ранъ онъ получилъ за Римъ.*

Нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что слова эти Волумнія относитъ не къ своему сыну, но—съ извѣстельной проныей—къ Сицинію, у котораго не было и случая получать раны за Римъ.

Такъ возьми жъ съ собой мои молитвы.

По мнѣнію Деліуса здѣсь *prayer* значить никакъ не молитвы, но, наоборотъ,—проклятія.

Стр. 188. Волумнія:

*Нѣтъ: кроль ильва,
Мнѣ пищи нѣтъ друиой.*

Въ подлинникѣ она прибавляетъ: «я ѣмъ себя; отъ такой жизни я умру отъ голода».

Стр. 190. 1-й слуга: *Что тебѣ здѣсь нужно, пріятель? Откуда ты? Здѣсь тебѣ не мѣсто. Ступай ка за двери.*

Это отношеніе слугъ къ Коріолану и дальнѣйшая ихъ перебранка вставлены Шекспиромъ во-

преки Плутарху, который рассказываетъ объ этомъ совсѣмъ иначе: «Быль вечеръ. Съ нимъ встрѣчались многіе, но никто его не узналъ. Онъ направился къ дому Тулла и, войдя, сѣлъ помолденно у очага, съ покрытою головою, не говоря ни слова. Бывшіе въ домѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, но заставить его встать не смѣли,—въ его наружности, какъ и въ молчаніи, было что-то величественное. Объ этомъ странномъ случаѣ рассказали Туллу, который въ то время ужиналъ. Тотъ всталъ, подошелъ къ незнакомцу и спросилъ, кто онъ, откуда пришелъ и что ему надо».

Но начиная отъ вопроса Авфидія (Коріолану): *Откуда ты? Чего тебѣ здѣсь надо?*

Шекспиръ буквально слѣдуетъ Плутарху.

Стр. 194. Мененій Агриппа:

*Онъ высунулъ опять свои рога,
Которые, покажишь Марцій славный
За Римъ стоялъ, показывать не смѣлъ.*

Въ подлинникѣ вмѣсто «показывать не смѣлъ»—«втянулъ въ скорлупу»: Мененій говоритъ о рогахъ улитки, съ которой сравниваетъ Авфидія.

Стр. 194. Вѣстники:

*Что онъ грозитъ мѣстью столь огромной,
Какъ разнища огромна въ этомъ свѣтѣ
Между древнѣйшей и новѣйшей вещью.*

Буквальный переводъ. По толкованію нѣкоторыхъ комментаторовъ это мѣсто подлинника значить: мѣсть Коріолана охватить все, что заключается между самымъ раннимъ дѣтствомъ и преклонной старостью, то-есть онъ истребитъ всѣхъ.

Стр. 195. Мененій Агриппа:

*Какъ Геркулесъ, сбивая сильный плодъ,
Надѣлали вы славныхъ дѣлъ.*

Геркулесъ похитилъ нѣсколько золотыхъ яблокъ изъ сада Гесперидъ. Но Геркулесъ ихъ не «сбивать»—ихъ сорвалъ для него гигантъ Атласъ, пока Геркулесъ исполнялъ его работу: поддерживалъ небесный сводъ.

Стр. 196. 3-й гражданинъ: *Мы хлопотали объ общей пользѣ и хотѣ соглашались на измѣненіе, однако, соглашались противъ воли.*

Наоборотъ, по Плутарху, извѣстіе о томъ, что Коріоланъ двинулся на Римъ и уже взялъ городъ Лавиній, произвело въ настроеніи народной массы удивительную перемену, въ мысляхъ патриціевъ—совершенно невѣроятную и неожиданную: народъ хотѣлъ отмѣнить приговоръ по отношенію къ Марцію и призвать его въ городъ, Сенатъ—обсуждалъ предложеніе въ одномъ изъ засѣданій, отвергъ его, не давъ привести въ исполненіе.

Стр. 196. Военачальникъ:

*И за столомъ, и кончивши обѣдъ,
Лишь Марція, какъ Бога величаютъ.*

Это мѣсто нѣкоторые понимаютъ иначе: солдаты не буквально обожествляютъ Марцію, но говорятъ постоянно о немъ, иди къ столу, за ѣдою и послѣ обѣда.

Стр. 197. Авфидій:

*Онъ схватитъ Римъ, какъ мелкіхъ рыбъ
звываетъ*

Морской орелъ.

Въ подлинникѣ прибавлено выраженіе *by sovereignty of nature*—по вѣстію природы; было по-вѣрье, что, когда морской орелъ пролетаетъ надъ моремъ, рыба непобѣдимымъ инстинктомъ влечетъ къ поверхности, чтобы такимъ образомъ стать его добычей.

Стр. 198. Мененій Агриппа:

*Васъ долю будутъ помнить: въ цѣлоу Римъ
Подешевѣють уголья тенеръ.*

Точнѣе: «Вы сдѣлали благое дѣло: два трибуна поработали таки для Рима, чтобы сдѣлать уголья дешевле». Менений хочетъ сказать, что, благодаря трибунамъ, Коріоланъ сожжетъ весь Римъ.

Стр. 199. Комяній:

И значимась тамъ клятва,

Какой себя связалъ онъ противъ насъ.

Это мѣсто возбуждаетъ разнообразныя толкованія; нѣкоторые считаютъ текстъ испорченнымъ. По Деліусу, смыслъ таковъ: онъ выславъ вслѣдъ за мною записку, гдѣ изложилъ, что онъ сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ; онъ заставилъ меня принести клятву, что я подчинюсь его условіямъ.

Стр. 199. Менений Агриппа:

Я ручаюсь,

Что про меня онъ говоритъ.

Въ подлинникѣ: «Какъ число выигршей въ лотерею относится къ числу проигршей, такъ вѣроятность того, что мы слышали мое имя, относится къ тому, что вы его не знаете».

Стр. 199. Менений Агриппа:

Я въ позвѣхъ переступилъ границы

*И слишкомъ заносился въ даль, какъ шаръ,
Когда его толкнулъ съ крутого спуска.*

Точнѣе: Менений сравниваетъ свои преувеличенія съ шаромъ, который *противъ воли бросаемо* летитъ неожиданно по неровной почвѣ (а не «съ крутого спуска») дальше, чѣмъ тотъ ожидалъ.

Стр. 202. Коріоланъ: *Клянусь ревнивою царицей ночи.*

Опечатка вм. «царицею неба» (of heaven). Коріоланъ клянется въ вѣрности богиней Юнопой, супругой Юпитера, о ревности которой много разсказовъ въ мифологіи.

Стр. 202. Коріоланъ: *Достойная сестра великаго Валерія.*

Эту похвалу Виргиліи Шекспиръ нашель у Плутарха, который разсказываетъ, что Виргилію и Волумнію уговорили идти къ Коріолану «Валерія, сестра знаменитаго Попликолы, оказавшаго Риму много важныхъ услугъ во время войны и во время мира. Изъ біографіи Попликолы видно, что онъ умеръ раньше. Валерія пользовалась въ столицѣ извѣстностью и уваженіемъ — своимъ поведеніемъ она поддерживала славу своего рода».

Стр. 202. Волумнія: *И безъ рѣчей, по нашимъ блѣднымъ лицамъ и т. д.*

Этотъ монологъ почти дословно взятъ у Плутарха и лишь переложень въ стихи.

Стр. 204. Коріоланъ:

За женскій подвигъ въ Римъ

Вамъ храмъ соорудятъ.

Шекспиръ перенесъ въ уста Коріолана разсказъ Плутарха о позднѣйшихъ событіяхъ: когда Валерія и Волумнія возвратились, «радостное настроеніе населенія столицы доказали всего болѣе — любовь и уваженіе къ названнымъ женщинамъ со стороны Сената и народа; всѣ называли и считали ихъ единственными виновницами спасенія государства. Сенатъ рѣшилъ, что консулы должны давать все, что они ни потребуютъ себѣ въ знакъ почта или благодарности; но онѣ просили только позволенія выстроить храмъ богинѣ Женскаго Счастія».

Стр. 205. Менений Агриппа: *Сидитъ онъ — точно Александрова статуя.*

Одинъ изъ обычныхъ анахронизмовъ Шекспира: Александръ Македонскій жилъ приблизительно черезъ полтора столѣтія послѣ Коріолана.

Стр. 207. 1-й сенаторъ:

Пожертвовать напрасно

Издержками, народомъ и трудами.

Въ подлинникѣ сенаторъ говоритъ и о выгодѣ, которую должнъ бы доставить народу снаряженіе (the benefit of our levies).

Стр. 208. Авфидій: *Да, ребенокъ.*

Въ подлинникѣ No more — не больше, и это выраженіе возбуждаетъ разныя объясненія. Если оно относится къ предыдущимъ словамъ Авфидія, то оно имѣетъ тотъ смыслъ, который приданъ ему въ переводѣ; другіе думаютъ, что оно значить «Довольно!»

Стр. 209. 1-й сенаторъ:

Славные прага

Герольды не провожали еще до урны.

Стивенсъ напоминаетъ, что при погребеніи английскихъ государей, за прахомъ шелъ герольдъ, возглашавшій титулы усопшаго. Шекспиръ перенесъ этотъ обычай къ древнимъ.

Авфидій: *Пусть коня преклонятся.*

Англійскіе солдаты дѣлали это въ знакъ траура.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА.

(Antony and Cleopatra).

Стр. 227. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ дѣйствующихъ лицъ появился впервые въ изданіи 1709 г.

Авторъ предисловія къ «Антонию и Клеопатрѣ» проф. Ф. Ф. Зѣлинскій недоволенъ обычною транскрипціею именъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи и въ нижеслѣдующей замѣткѣ даетъ рядъ историко-филологическихъ соображеній.

Съ особымъ удовольствіемъ давая мѣсто замѣткѣ талантливаго ученаго, думаемъ, однако, что онъ нѣсколько увлекается въ своей филологической примолниности. *Хармиана*, несомнѣнно, больше говоритъ уху русскаго читателя, чѣмъ *Хармионъ*. Что-же касается исправленія ошибокъ Шекспировскаго текста, то эта задача всего менѣе входитъ въ обязанности перевода. Тутъ дѣло не въ «плетенности», а въ томъ, что грубѣйшія ошибки историческія, географическія, филологическія и нынѣ составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей Шекспира.

Замѣтка Ф. Ф. Зѣлинскаго.

«Имена дѣйствующихъ лицъ въ этой пьесѣ отчасти римскія, отчасти греческія или греко-восточныя. Первая никакого сомнѣнія не допускаютъ, исключая имени приближеннаго Антонія, Домитія Аэнобарба (Aenobarbus или Аѣнобарбусъ, «мѣдная борода», Barbasossa), которое у Шекспира, вслѣдствіе неправильнаго чтенія (Aenob. вмѣсто Aënob) искажено въ Enobarbus. Слѣдовало бы возстановить римскую форму, но первые два слога «Аэнобарбъ» читать слитно (ср. прим. т. I, стр. 197). Зато вторая категорія представляетъ нѣсколько затрудненій. Того приближеннаго Антонія, который принесъ Цезарю его мечъ, Плутархъ зоветъ Деркетеемъ Dercetatos, перев. Норта: Dercetaeus); Шекспиръ, очевидно ради размѣра, измѣнилъ его въ Dercetas (д. V, сд. 1: I am call'd Dercetas). Отпущенника Цезаря, высвѣченнаго Антоніемъ, Плутархъ зоветъ Θυρсомъ (Thyrso); у Шекспира подъ влияніемъ опечатки вышло (вмѣсто Thyrso) Thyrens. Подъ влияніемъ такихъ-же опечатокъ евуи: Клеопатры Мардіонъ (Mardiön, уменьшительное

отъ *Mardios*) и — что особенно прискорбно — ся подруга Хармионъ (*Charmiôn*, уменьшительное отъ *charmê* «отрада») превратились въ *Mardian* и *Charmiân*. Издатели и переводчики изъ «плетета» сохраняютъ шекспировскія опечатки; мы полагаемъ, что этотъ пietetъ по своей цѣнности равенъ тому, въ силу котораго издатели Шуберта увѣковѣчиваютъ его французскую безграмотность (*poèmes musicaux*). Русскому же переводчику, который все равно не можетъ сохранить имена Шекспира въ ихъ чистотѣ, кажется и подавно такой пietetъ не присталъ.

Къ этимъ затрудненіямъ, представляемымъ шекспировскою формою имени, прибавляются другія, вызываемыя ихъ русской транскрипціей; и тутъ онѣ касаются не столько римской группы, для которой законы транскрипціи установлены, сколько греческой. *Egos* (род. *Egôis*), *Phio* (род. *Philônis*) должны дать «Эротъ», «Филонъ»; такъ же несомнѣнно изъ *Iras* (род. *Iradis*; греч. *Eirás*, *Eirâdos*) должно получиться «Ирада» — ср. *Hellas* «Эллада», *Ilias*, «Илиада» и др. Имена *Aloxas*, *Ménas* имѣютъ по-гречески ударенія на окончаніи (*Alexâs*, уменьш. отъ *Alexandros* *Ménâs* отъ *Ménodôros*), у насъ такія имена сохраняютъ свое *a* (*Achilla*: «Ахилла» и др.; спец. *Ménâs* дано у насъ въ святцахъ, по византійскому произношенію, «Мина» — слѣдовало-бы поэтому читать «Алекса», «Мена».

Ө. Зѣлинскій.

Стр. 228. Филонъ: *Чтобъ охладятъ любовный жаръ цыганки.*

Англійское слово *gipsy* (цыганка, бродяга) — исковерканное *Egypcian* — уроженецъ Египта, откуда преданіе выводило происхожденіе цыганъ.

Увидишь самъ, какъ третій столбъ все-ленной

Шутомъ блудницы сталъ.

Антоній называется третьимъ столбомъ все-ленной, какъ триумвиръ, раздѣлившій съ Октавіемъ и Лепидомъ господство надъ тогдашнимъ міромъ. Почему Филонъ называетъ его «шуткомъ блудницы», поясняетъ Плутархъ. «Вмѣстѣ съ нимъ играла она въ кости, пила, охотилась или смотрѣла на его военныя упражненія. Ночью Антоній подходилъ иногда къ дверямъ или окнамъ домовъ простыхъ горожанъ и шутилъ съ ихъ хозяйками. Клеопатра была съ нимъ, шатаясь вмѣстѣ въ платѣ рабыни; Антоній старался одѣваться точно такъ же. Такимъ образомъ на его счетъ всегда отпускали остроты, иногда же его подчивали и кулаками».

Стр. 228. Антоній: *Коль такъ, то землю новую создай подъ новымъ небомъ.*

Антоній хочетъ сказать, что если Клеопатра собирается назвать предѣлъ его любви, то ей для этого надо создать новый міръ.

Стр. 228. Клеопатра: *Скудобродный Цезарь.*

Октавій, который былъ въ это время молодъ.

Стр. 229. Клеопатра: *Гдѣ вызовъ въ судъ отъ Фульвіи?*

Въ подлинникѣ «process» — судебное требованіе. Такъ Клеопатра иронически называетъ строгіе призывы Фульвіи, жены Антонія.

Стр. 229. Клеопатра:

Я глупой лишь кажусь теперь, но знаю:

Самихъ собою останетесь всегда Антоній.

Отдавая Антонію, котораго сама называетъ невѣрнымъ, она можетъ казаться глупой; но она не такова, ибо знаетъ его вѣроломство. Но толкуютъ это мѣсто и иначе: Клеопатра въ самомъ дѣлѣ называетъ себя глупой и противопоставляетъ

Антонію, на имени котораго эта связь не отразится.

Стр. 229. Антоній: *А вы молчите.*

Эти слова, по мнѣнію большинства комментаторовъ, обращены къ слугѣ, который хочетъ продолжать свое сообщеніе изъ Рима.

Стр. 229. *Входятъ Хармиана, Ира, Алексасъ и предсказатель.*

По изданію folio съ ними входятъ еще: Ламирій, Ранній, Луцилій, свнукъ Мардіанъ и Алексасъ.

Стр. 230. Хармиана: *Въ такомъ случаѣ я предпочла бы грѣхъ печени виномъ.*

Печень при Шекспирѣ считалась источникомъ похоти. Безъ взаимной любви ужъ лучше, чтобы печень пылала отъ вина, чѣмъ отъ неудовлетворенной страсти.

Дай мнѣ родить сына, который заткнетъ за поясъ Ирода Иудейскаго.

Царь Иудей Иродъ изображался на старо-англійской сценѣ — вслѣдъ за обще-европейскимъ народнымъ представленіемъ — страшнымъ злодѣемъ и тираномъ.

Я долую жизнь предпочитаю всемъ прелестямъ.

Англійская народная поговорка.

Значитъ, мои дѣти останутся безъ имени.

По объясненію Стивенса: «значитъ, мои дѣти будутъ незаконнорожденными»; по мнѣнію Джонсона: «значитъ, у меня никогда не будетъ мужа, а стало быть и дѣтей, которымъ я смогу дать имя». Последнее толкованіе Деліусъ считаетъ менѣе искусственнымъ.

Стр. 231. Вѣстникъ:

... Либіенъ ... съ паряискимъ войскомъ всю занялъ Азію.

Римскаго полководца Лабіена паряискіе вожди провозгласили царемъ Мессопотаміи.

Стр. 232. Антоній:

Мы производимъ сорную траву,

Когда не вѣетъ вѣтеръ благодѣтельный.

Вѣтеръ препятствуетъ появленію сорныхъ травъ, которыя пышно расцвѣтаютъ во время душнаго зстоя.

Стр. 233. Антоній:

Въ чемъ жизнь, какъ въ конскомъ волосѣ, таится,

Хоть не грозитъ оно змѣинымъ ядомъ.

У современниковъ Шекспира обычно повѣрье, что конскій волосъ, положенный въ навозъ, обращается въ ядовитыхъ змѣй.

Стр. 234. Клеопатра:

Если бь

Имѣла я твой ростъ, узналъ бы ты,

Что храбрый сердца есть и въ Египтѣ.

Клеопатра говоритъ, что отплатила бы Антонію за его вѣроломство, если бы была такъ же сильна, какъ онъ.

Стр. 234. Антоній:

Секстъ Помпей

Къ стѣнамъ подходитъ Рима.

Въ подлинникѣ портъ, что переводчикъ — вслѣдъ за другими — принялъ за «ворота Рима». Но, какъ видно изъ Плутарха, рѣчь идетъ о портѣ Рима, гавани Остіи, которой грозилъ Помпей; онъ отрѣзалъ Римъ отъ моря и тѣмъ вызвалъ здѣсь голодъ.

Стр. 234. Клеопатра:

Хотя не отъ безумья,

Мой возрастъ отъ ребячества защита.

Ея возрастъ не спасъ ея отъ безумной любви, но охраняетъ отъ дѣтскаго довѣрія.

Гдѣ-жъ урны съ влагой слезъ твоихъ?

По мнѣнію Джонсона, Клеопатра имѣетъ здѣсь въ виду не античныя священныя урны для слезъ, но глаза Антонія.

Стр. 234. Антоній:

... *Клянусь*

Онеи, живиотворящимъ нильскій иль.

То-есть солнцемъ, оплодотворяющимъ иль, несенный разлитіемъ Нила.

Стр. 235. Клеопатра:

Потомъ простись со мною, уверяя,

Что это слезы по Египту.

По указанію Деліуса Егуртъ здѣсь не Египетъ, но царца Египта; эта форма обычна у Шекспира.

Стр. 235. Клеопатра:

... *Взгляни, о, Харміана,*

На Геркулеса римскаго.

По Плутарху «красивая борода, широкій лобъ и горбатый носъ дѣлали Антонія похожимъ на героя Геракла, какимъ его рисуютъ на картинахъ или представляютъ въ статуяхъ. По древнему преданію, онъ даже происходилъ отъ Геракла, считаясь потомкомъ сына Геракла, Антона. Антоній доказывалъ справедливость этого преданія своею внѣшностью, о которой я говорилъ выше, и затѣмъ своею одеждой,—когда ему приходилось появляться въ многочисленномъ обществѣ, онъ застегивалъ туніку на бедра, опоясывался большимъ мечомъ и накидывалъ на плечи грубый солдатскій плащъ».

Стр. 235. Клеопатра:

... *Только память у меня*

Положа на Антонія.

Ср. вступительную статью, стр. 224.

Стр. 235. Цезарь: *Вотъ всѣ извѣстія изъ Александрии.*

Въ изданіи folio указаніе, что Цезарь читаетъ эти свѣдѣнія объ Антоніи въ письмѣ.

Вдова же Птолемея не больше

На женщину похожа, чѣмъ онъ самъ.

Клеопатра была женой своего брата Птолемея.

Стр. 236. Вѣстникъ: *Еще извѣстѣе, Цезарь.*

Есть предположеніе, что это говоритъ второй вѣстникъ, хотя соотвѣтственнаго указанія у Шекспира нѣтъ.

Стр. 236. Цезарь:

... *Говорятъ, на Альпахъ*

Такимъ питался мясомъ, что при видѣ

Его иной бы умеръ.

Послѣдняя гипербола прибавлена Шекспиромъ. Плутархъ говоритъ: «Послѣ такой роскошной жизни и блеска онъ безъ отвращенія пилъ гнилую воду и ѣлъ лѣсные плоды и корни. Говорятъ, его армія при переходѣ черезъ Альпы питалась древесной корой и животными, которыхъ раньше никто не употреблялъ въ пищу».

Стр. 237. Клеопатра:

... *Атласа,*

Кто полъ-земли подымалъ.

Въ подлинникѣ: «полу-Атласа этой земли». Атласъ несетъ на себѣ небо, Антоній—землю (а не полъ-земли).

Стр. 237. Клеопатра: *И этотъ чудодѣйственный напитокъ тебя позолотилъ.*

Намекъ на жидкость, обращающую неблагородные металлы въ золото.

Стр. 238. Клеопатра:

... *Каждый день*

Я буду присылать привѣтъ особый,

Хотя-бъ пришла Египетъ обезлюдить.

То есть послать всѣхъ жителей его одного за другимъ послами къ Антонію.

Стр. 239. Помпей:

... *Всѣ прелести любви*

Пусть блеклыя уста твои украсятъ,

О, Клеопатра жгучая!

Одно изъ многихъ указаній на то, что Клеопатра ужъ не молода.

Стр. 240. Энобарбъ: *Будь я съ бородою*

Антонія—не сталъ бы нынче бриться.

Чтобы уже своимъ неряшливымъ видомъ доказать, какъ мало его почтеніе къ Октавію. Ниже (стр. 244) Энобарбъ рассказываетъ, какъ «учтивый» Антоній «брѣется, на пиръ пѣя, разъ десять». Плутархъ говоритъ о «красивой бородѣ» Антонія, а на египетской монетѣ онъ изображенъ бритымъ.

Стр. 240. Цезарь: *Не знаю, Меценатъ, спроси Агриппу.*

Антоній намѣренно разговариваетъ съ Вентидіемъ, Цезарь—съ Меценатомъ и оба демонстративно не обращаютъ другъ на друга вниманія.

Стр. 240. Антоній: *Садись и ты.*

Стивенсъ ставитъ здѣсь восклицательный знакъ желая отмѣтить, что Антоній, считающій себя выше, не позволяетъ Октавію приглашать его сѣсть. Деліусъ полагаетъ, что они просто обмѣниваются любезностями.

Стр. 243. Ленидъ: *Вблизи горы Мизены.*

То есть вблизи Мизенскаго мыса, недалеко отъ Неаполя.

Стр. 244. Меценатъ: *Правда ли, что для двѣнадцати человѣкъ вы зажаривали къ завтраку восемь кабановъ?*

Это взято у Плутарха: «Филота ввели на кухню, гдѣ онъ увидалъ большую стражию и, между прочимъ, восемь жарившихся кабановъ. Онъ удивился массѣ гостей—за обѣдомъ. Поваръ со смѣхомъ отвѣчалъ, что обѣдаютъ за однимъ столомъ не много: всего около двѣнадцати человѣкъ, но что каждое подаваемое къ столу кушанье должно быть приготовлено прекрасно». Равнымъ образомъ почти дословно по Плутарху передаетъ дальнѣйшій рассказъ Энобарба о первой встрѣчѣ Антонія съ Клеопатрой. Но «невидимый запахъ» неся не съ галеры, но съ береговъ.

Стр. 246. Прорицатель:

... *Твой демонъ (духъ-хранитель)*

Отваженъ, гордъ, великъ и несравнимъ,

Когда нѣтъ духа Цезаря.

Дословно по Плутарху: «Твой геній боится его генія. Гордый и высокій одинъ,—онъ становится униженнымъ и менѣе замѣтнымъ при его приближеніи». Плутархъ считаетъ возможнымъ, что прорицатель, говоря такъ, хотѣлъ угодить Клеопатрѣ.

Стр. 247. Клеопатра:

... *А себѣ*

Филиппа мечъ я сбоку прицѣпила.

Намекъ на то, что Антоній—побѣдитель Брута и Кассія при Филиппахъ.

Стр. 247. Харміана:

А водолазъ твой рыбу прикрѣпилъ

Соленую на крюкъ ея, и важно

Ее тянулъ Антоній...

Намекъ на забавный эпизодъ, рассказанный Плутархомъ: «Однажды онъ ловилъ рыбу; но охота была неудачной. Его обѣсило это, такъ какъ здѣсь находилась Клеопатра. Онъ велѣлъ рыбакамъ незамѣтно нырять въ воду и сажать на крючокъ пойманныхъ прежде рыбъ. Онъ вытащилъ одну рыбу два-три раза, что не укрылось отъ глазъ египтянки. Она притворилась удивленною, стала рассказывать своимъ друзьямъ и пригласила ихъ на слѣдующій

день на рыбную ловлю. Многие вошли в рыбачью лодку. Антоний закинул удочку. Клеопатра приказала одному из своих рабов вынуть и насадить на крючок соленую понтийскую рыбу. Антоний, думая, что попалась живая рыба, стал тащить ее, при хохотѣ, конечно. «Оставь удочку, императоръ, намъ, рыбакамъ Фара и Каноба!—Ты долженъ ловить города, царей и земли», сказала Клеопатра.

Стр. 249. Клеопатра:
*Превознося Антонія, хулила
Я Цезаря.*

Рѣчь идетъ, конечно, не объ Октавіи, а о Юліи Цезарѣ.

Стр. 250. Помпей: *Заложниковъ обманъ мы совершили.*

Заложники даны въ обезпеченіе взаимной безопасности во время мирныхъ переговоровъ.

Стр. 250. Помпей:
*Имѣешь ты и мой отцовскій домъ.
Хозяйничай покуда въ немъ: кукушка
Не съестъ тызда...*

Намекъ на фактъ, сообщенный Плутархомъ: «Когда продавался домъ Помпея, Антоній купилъ его, но когда съ него стали требовать деньги, разразился брашью».

Стр. 251. Помпей:
*Почтилъ другъ друга пиромъ на прощанье
По жребію: кто первый.*

По Плутарху: «Бросили жребій. Угощать первымъ досталось Помпею. Антоній спросилъ, гдѣ они будутъ обѣдать. «Тамъ», отвѣтилъ Помпей, показавъ рукой на адмиральскій корабль съ шестью рядами веселъ, «тамъ—домъ, оставленный Помпею отцомъ!» Онъ сказалъ это въ укоръ Антонію, жившему въ домѣ отца его, Помпея».

*Вотъ что я слышалъ:
Что приносилъ къ нему Аполлодоръ..*

Разсказъ о первомъ любовномъ свиданіи Цезаря съ Клеопатрой такъ переданъ Плутархомъ: «Цезарь тайно призвалъ къ себѣ Клеопатру. Она взяла съ собою сирійца Аполлодора, одного изъ своихъ приближенныхъ, сѣла въ челнокъ и подъѣхала къ дворцу въ сумеркахъ. Она не могла пробраться незамѣченной и потому легла въ мѣшокъ для постели и вытянулась въ немъ во всю длину. Аполлодоръ обернулъ свертокъ ремнями и принесъ его Цезарю прямо черезъ двери».

Стр. 252. *Ихъ выводитъ нѣсколько слугъ, накрывающихъ столъ для пиршества.*

Пиршество, собственно, происходитъ въ смежномъ залѣ. Здѣсь слуги накрываютъ лишь столъ для послѣобѣденнаго десерта.

Стр. 252. Антоній:
*Такъ дѣлаютъ (?) на пирамидахъ, Цезарь,
Отмытки есть о прибылѣ воды.*

О табличкѣ на пирамидахъ для опредѣленія подъема воды въ Нилѣ, Шекспиръ могъ читать у Плинія.

Стр. 253. Антоній: *Когда его составныя части
распадаются, онъ переселяется въ другія вещества.*

Шуточный намекъ на переселеніе душъ встрѣчается также въ «Какъ вамъ угодно» (д. III, сц. 2).

Стр. 253. Антоній:

*... Этой мели
Страшися, Лепидъ, ты сядешь на нее.*

Пьяный Лепидъ качается, какъ корабль, нагнувшись на мель.

Стр. 253. Менасъ: *Желаешь быть владыкой
міра?*

Сцена съ предложеніемъ Менаса и знаменитымъ отвѣтомъ Помпея очень близка къ разсказу Плутарха, гдѣ однако діалогъ много короче.

Стр. 254. Энобарбъ: *И все ему подмывайтесь
въ лодѣ.*

Въ подлинникѣ Энобарбъ приглашаетъ всѣхъ только подхватить припѣвъ п., дѣйствительно, послѣдній стихъ *Пѣсни* мальчика повторенъ въ текстѣ два раза.

Стр. 254. Цезарь:
*... Помпей, спокойной ночи,
Дозволь тебя, братъ милый, увести.*

Послѣднія слова обращены уже не къ Помпею, а къ Антонію, такъ какъ лишь ого—мужа сестры—Цезарь называетъ братомъ.

Стр. 255. Вентидій: *Страна парянъ, на стрѣлы
не взирая, ты сражена.*

Стрѣлы—типичное оружіе парянъ.

*Ородъ,
Твой сынъ Накоръ за Марка Красса платитъ.*
Этотъ стихъ объясняется Плутархомъ: «Сынъ парянскаго царя, Накоръ, вторгся въ Сирію. Вентидій его разбилъ, причемъ масса парянъ осталась на мѣстѣ, въ томъ числѣ и Накоръ. Римляне получили полное удовольствіе за пораженіе Красса». Крассъ былъ убитъ въ сраженіи Ородомъ.

Стр. 255. Вентидій:
*И Цезарь, и Антоній побѣждаемъ
Благодаря помощникамъ скорымъ,
Чьимъ доблестямъ своимъ.*

Здѣсь Шекспиръ вкладываетъ въ уста Вентидія то, что Плутархъ говоритъ отъ себя по поводу побѣды Вентидія.

Стр. 255. Вентидій: *Утратилъ Соссій,
Мой въ Сиріи предшественникъ, всю милость
Антонія.*

Этого у Плутарха нѣтъ.

Стр. 255. Силій:
*Ты качества имѣешь, безъ которыхъ
Не отличишь солдата отъ меча.*

То есть разумъ.

Стр. 256. Агриппа: *Ну, что? Простились,
братъ?*

Агриппа говоритъ объ Октавіи и Антоніи.

Стр. 256. Агриппа: *О, доблестный Лепидъ.*

Энобарбъ: *Достойнейшій, какъ Цезаря онъ
любитъ.*

Въ этихъ и дальнѣйшихъ фразахъ собесѣдники съ ядовитой ироніей повторяютъ напыщенные и неискренніе похвалы, которыми союзники осыпаютъ другъ друга.

Стр. 256. Цезарь:
*Къ тебѣ да будутъ благосклонны
Стихи всѣ, тебѣ даря радость.*

По объясненію Малона, Октавія сопровождаетъ мужа черезъ море въ Грецію; Стаунтонъ и Джонсонъ полагаютъ, что рѣчь идетъ о жизненныхъ стіхяхъ.

Стр. 258. Гонецъ:
*И лобъ ея такъ низокъ, какъ возможно
Лишь пожелать.*

Низкій лобъ считался при Шекспирѣ особенно некрасивымъ (ср. «Два Веронца», т. I, стр. 45).

Стр. 259. Эросъ:
*И удавить грозитъ вождя, который
Помпея умертвилъ.*

По разсказу Плутарха, бѣжавшаго Секста Помпея убилъ Маркъ Тиній по приказанію Антонія.

Стр. 259. Энобарбъ: *Миръ! У тебя двѣ нати
остаются.*

То есть, за устраненіемъ Лепида, двое изъ триумвировъ, пожирающихъ міръ.

Стр. 260. Цезарь: *Въ виду всего народа,*

На площади въ Александріи... волею онъ на помостъ и т. д.

Въ уста Цезаря вложенъ дословно рассказъ Плутарха. Тронъ былъ поставленъ въ народномъ собраніи, устроенномъ въ Гимназіи. Земли между своими дѣтьми Антоній распредѣлилъ не совсѣмъ такъ, какъ указано у Шекспира: «Александръ оный отдалъ Арменію (въ переводѣ по ошибкѣ — «Сирію») и Мидію; Парвій оный хотѣлъ отдать ему тогда, когда покорить ее.

Стр. 261. *Мой добрый братъ, сюда безъ принужденія,*

По доброй воли такъ явилась я.

Здѣсь Шекспиръ совершенно измѣнилъ хронологію отношеній Антонія къ Октавію. Во время этого разрыва между триумвирами, она уже все знала и была открыто отвергнута мужемъ. Ранѣе, когда она только вернулась изъ Греціи, она не послушалась брата и отказалась покинуть домъ мужа, заботясь о своихъ и его дѣтяхъ, о дѣтяхъ Фульвіи и даже о друзьяхъ Антонія. Но ко времени открытаго разрыва и битвы при Акціумѣ Антоній отправилъ въ Римъ своихъ людей, чтобы выгнать Октавію изъ ея дома. Говорятъ, она вышла со всеми дѣтьми Антонія, кромѣ самаго старшаго его сына, отъ Фульвіи, — оны находились при отцѣ. Она скорбѣла, терзалась о своей участи, при мысли, что ее могутъ считать одной изъ причинъ войны. Въ Римѣ же жалѣли не столько ее, сколько Антонія, въ особенности, когда видѣли, что красотою и молодостью Октавіи не уступала Клеопатрѣ.

Стр. 262. Клеопатра: *Морское—да. Какое же иное?*

Материаломъ для дальнѣйшаго діалога во всѣхъ его частностяхъ является рассказъ Плутарха: «Клеопатра имѣла надъ Антоніемъ такую власть, что оны, въ угоду ей, хотѣли рѣшить войну флотомъ, хотя далеко превосходила неприятели въ отношеніи сухопутныхъ силъ и видѣла, что, вслѣдствіе недостатка въ матросахъ, его адмиралы устранили охоты на путешественниковъ, погонщиковъ муловъ, жнецовъ и молодыхъ людей въ Греціи, и безъ того терпѣвшей многое. И все-таки корабли были плохо вооружены; большинство изъ нихъ не имѣло достаточнаго числа матросовъ и двигалось медленно. Октавіанъ не имѣлъ высокихъ или огромныхъ, построенныхъ на показъ кораблей, зато владѣлъ поворотливыми, быстрыми и снабженными достаточнымъ числомъ экипажа судами».

Стр. 262. Канидій: . . . *При Фарсаль, Гдѣ ты желалъ уравновѣсить бой Помпея съ Цезаремъ.*

Битва при Фарсаль, вессалійскомъ городкѣ, происходила въ 45 г. до Р. Хр. между Цезаремъ и Помпеемъ.

Стр. 262. Воинъ:

Не бейся на морѣ, не довѣрляйся Гималѣмъ доскамъ.

О настроеніи, въ которомъ Антоній говорилъ съ этимъ заслуженнымъ и не простымъ воиномъ, свидѣлствуетъ Плутархъ: «Говорятъ, одинъ изъ начальниковъ пѣхотныхъ войскъ, съ массою рубцовъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ дѣловъ рядѣ сраженій за Антонія, узнавъ въ проходившемъ мимо—Антонія и сказалъ со слезами на глазахъ: «Зачѣмъ, императоръ, забылъ ты о моихъ ранахъ и мечѣ и вѣрнѣе свои надежды

ненадочному дереву?—Пусть сражаются на морѣ египтяне и финикійцы, ты же дай намъ землю, на которой мы привыкли стоять твердо, умирая или побѣждая враговъ!»... Антоній не отвѣчалъ ему ни слова, только рукой и взглядомъ какъ бы далъ знакъ мужаться, и пошелъ дальше. Самъ оны не вѣрилъ въ успѣхъ».

Стр. 265. Антоній:

Октавій при Филиппахъ

Носилъ свой мечъ, какъ въ танцахъ.

Октавій принималъ въ битвѣ при Филиппахъ настолько ничтожное участіе, что какъ будто носилъ лишь мечъ для украшенія—какъ носили его при танцахъ. Нѣкоторые думаютъ, что Шекспиръ имѣлъ въ виду пляску съ мечомъ, каковы были приняты у древнихъ.

Оны дѣйствовали всегда черезъ помощниковъ.

Антонію вложено въ уста то, что Плутархъ говорилъ объ Октавіи и о немъ.

Стр. 268. Клеопатра:

И Цезаря отецъ устами часто

Руки моей касался недостойной.

Октавій Цезарь былъ приемнымъ сыномъ Юлія Цезаря.

Стр. 268. Антоній: *Какъ? Милостью она съ даритъ.*

Эпизодъ съ Тиреемъ, какъ оны называлъ въ Портовскомъ переводѣ Плутарха, — или Тирсомъ, какъ его называетъ греческій оригиналъ, пореданъ довольно близко къ источнику: «Тирсу приходилось разговаривать съ ней дольше, чѣмъ другимъ, вслѣдствіе чего оны приобрѣлъ со стороны ея глубокое уваженіе. Антоній сталъ подозрѣвать ее. Оны приказалъ схватить Тирса, высѣчь плетями и затѣмъ отпустить къ Октавіану. Антоній написалъ ему письмо, гдѣ говорилъ, что Тирсъ своей заносчивостью и презрѣніемъ раздражилъ его, сдѣлавшагося легко раздражительнымъ вслѣдствіе своихъ несчастій».

Стр. 270. Антоній: . . . *Зачѣмъ я*

Не на холмъ Базанскомъ.

Базанскій холмъ упоминается въ Псалмахъ Давида (пс. XXII, ст. 13 и пс. LXVIII, ст. 16).

Стр. 272. Цезарь:

Пусть знаетъ забѣлка старый: мною

Есть къ смерти у меня иныхъ путей.

Здѣсь Шекспиръ не понялъ Плутарха, у котораго Цезарь говоритъ, что у Антонія и помимо поединка есть много способовъ покончить съ собой.

Стр. 274. Антоній:

Еще сегодня мнѣ поужождатьте.

Кто знаетъ, не конецъ ли нашей службѣ?

«Рассказываютъ,—сообщаетъ Плутархъ, что Антоній за этимъ обѣдомъ приказывалъ рабамъ наливать ему больше вина и кормить его лучше,—неизвѣстно, говорилъ оны, придется ли имъ дѣлать это завтра: быть можетъ, они должны будутъ служить новымъ господамъ, въ то время какъ оны станутъ лежать труномъ, обратятся въ ничто. Замѣтивъ, что друзья заплакали въ отвѣтъ на его слова, оны сказалъ, что не возьметъ ихъ съ собою въ сраженіе, гдѣ ищетъ себѣ скорѣй почетной смерти, нежели спасенія или побѣды». Такимъ образомъ Шекспиръ, у котораго Антоній «возлагаетъ свѣтлыя надежды на завтрашній день», совершенно измѣнилъ здѣсь біографу Антонія.

Стр. 274. 4-й воинъ: *Тсс... Что за звуки?*

У Шекспира звуки эти, какъ и всегда у него всякіе таинственные звуки, принадлежатъ го- боямъ. У Плутарха они сложнѣе: «Говорятъ, въ

эту ночь, около двенадцати часовъ, среди молчанія и унынія, царствовавшего въ столицѣ, вслѣдствіе страха въ ожиданія будущаго, неожиданно раздались стройные звуки различнаго рода музыкальных инструментовъ и крики толпы, выступавшей съ восторженными восклицаніями и сатирическими прыжками, какъ будто шла съ шумомъ толпа вакханокъ. Процессія направилась черезъ центръ города къ воротамъ, обращеннымъ къ сторонѣ непріятеля. Здѣсь шумъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ раньше, и, наконецъ, прекратился.

Стр. 274. 2-й воинъ:

*Богъ Гerkулесъ, Антоніемъ любимый,
Угодитъ отъ него.*

Въ вступительной статьѣ (стр. 222, примѣч.) указана ошибка, въ которую здѣсь впалъ Шекспиръ.

Стр. 276. Антоній: *Привѣтъ мой въ сталь закованъ, какъ и я.*

Въ подлинникѣ *mechanic compliment*, — по объясненію Деліуса, — «формальности прощанія, приличныя простымъ людямъ, ремесленникамъ, а не человѣку изъ стали, воину, который покидаетъ милую съ однимъ солдатскимъ поцѣлуемъ».

Стр. 278. Скаръ:

*Была похожа рана
На букву Т и превращалась въ Н.*

Деліусъ замѣчаетъ, что это было Т лежачее (т-э), новой раной обращенной въ Н.

Стр. 278. Антоній:

*Я расскажу великой этой феѣ
Твои дѣла.*

Эти слова обращены къ Скару.

Стр. 279. Клеопатра:

*Другъ, дажь тебѣ достпхи золотые.
Ихъ прежде царь носилъ.*

Плутархъ: «Гордясь побѣдой, Антоній вернулся во дворецъ, не снимая оружія, поцѣловалъ Клеопатру и хотѣлъ представить ей солдата, отличившагося болѣе другихъ. Она подарила ему въ награду золотую броню и золотой шлемъ. Ночью солдаты бѣжали съ ними къ Октавіану».

Стр. 280. *Отдаленный шумъ морской битвы.*

У Шекспира сказано «какъ бы морской битвы» и, дѣйствительно, какъ видно изъ Плутарха, битвы не было: «Рано утромъ Антоній поставилъ нѣхоту на холмахъ, расположенныхъ передъ городомъ, и сталъ смотрѣть на корабли, выступившіе противъ непріятеля. Онъ спокойно глядѣлъ на нихъ, ожидая, что они сдѣлаютъ. Приблизившись, корабли Антонія сдѣлали веслами знакъ привѣтствія кораблямъ Октавіана. Тѣ отвѣчали тѣмъ же, и суда Антонія перешли на сторону непріятеля».

Стр. 280. Скаръ: . . . *Въ парусахъ*

Царицы свиты ласточкили гнѣзда.

У Плутарха это знаменіе предшествуетъ битвѣ при Акціумѣ среди многихъ другихъ. «На кормѣ адмиральскаго корабля Клеопатры («Антоніада») ласточки свили гнѣздо; но прилетѣли другія ласточки, выгнали ихъ и заклевали ихъ дѣтей».

Стр. 280. Антоній: *О, трижды въроломная блудница.*

Въ подлинникѣ собственно не трижды въроломная, а просто тройная блудница: Клеопатра продавала себя Юлію Цезарю, Помпею и Антонию.

Стр. 280. Антоній:

*Какъ истая цыганка, ты фальшивой
Игрой мое опустошила сердце.*

Въ подлинникѣ *fast and loose*—фокусы, которые показывали цыгане на ярмаркахъ.

Стр. 280. Антоній: *Вотъ на мнѣ рубашка Несса. Алкидъ мой предокъ!*

Геркулесъ (Алкидъ) умеръ, одѣвъ отравленную рубашку, которую коварно прислалъ ему черезъ его жену Дѣянейру центавръ Нессъ.

О, дай мнѣ силу

Забросить на рога луны Лихаса.

Геркулесъ въ порывѣ бѣшенства разбилъ о скалу своего слугу Лихаса.

Стр. 281. Клеопатра:

*Бьется онъ больше, чѣмъ Аяксъ
Изъ-за щита Ахилла.*

У Шекспира по ошибкѣ «Теламонъ». Аяксъ, сынъ Теламона, одинъ изъ героевъ Троянской войны, пришелъ въ безумную ярость оттого, что греки присудили оружіе Ахилла (между прочимъ, замѣчательный щитъ, выкованный Гефестомъ) не ему, а хитрому Одиссею.

Фессалийскій вепрь—въ греч. миеологіи—чудище, убитое Мелеагромъ.

Стр. 281. Харміана:

Скорѣй къ гробницѣ!

О «великолѣпныхъ, высокихъ и красивыхъ гробницахъ», пристроенныхъ по приказанію Клеопатры къ храму Изиды, говорятъ Плутархъ. Сюда она стала сносить при извѣстии о египетскомъ походѣ Октавія всѣ царскія драгоценности и массу горючихъ матеріаловъ.

Стр. 282. Антоній: *Не могъ бы семипластный щитъ Аякса ..*

Щитъ Аякса, по описанію «Иліады», состоялъ изъ семи слоевъ воловьей кожи.

Стр. 282. *Теперь меня оставь здѣсь на мнѣненье.*

Переводъ сдѣланъ согласно съ толкованіемъ, которое принимаютъ не всѣ комментаторы. Деліусъ находитъ, что это не приказаніе Эросу, но начало слѣдующей фразы: «Такъ какъ ты на мгновеніе оставила меня, такъ какъ ты умерла, Клеопатра, то я догоню тебя» и т. д.

Стр. 282. Антоній:

*Эней съ Дидоной
Лишатся провожатыхъ.*

Духи, окружающіе въ преисподней влюбленную пару, Энея съ Дидоной, покинуть ихъ, когда появится новая пара, Антоній и Клеопатра. Здѣсь Шекспиръ ошибся: у Виргилія Дидона въ загробной жизни соединена не съ своимъ вѣроломнымъ возлюбленнымъ Энеемъ, но съ своимъ супругомъ Сихеемъ.

Стр. 282. Антоній: *Идущаго съ скрещенными руками.*

Быть можетъ, *pleached arms* означаетъ здѣсь связанные руки.

Стр. 284. *Моимъ памятникъ. На верху появляются Клеопатра, Харміана... Внизу появляется Диомедъ.*

Гробница—сооруженіе въ глубинѣ сцены; въ верхней части ея отверстіе, въ которое видна Клеопатра съ женщинами; дѣйствіе происходитъ наверху и внизу, на сценѣ.

Стр. 284. *Клеопатра таскиваетъ Антонія къ себѣ.*

Трагизмъ внѣшнихъ подробностей этой тяжелой сцены превосходно переданъ Плутархомъ: «Антонія принесли на рукахъ къ дверямъ гробницы. Клеопатра не отворила дверей, но, подойдя къ окну, спустила веревки и небольшіе канаты. Антонія привязали къ нимъ, и затѣмъ Клеопатра, вмѣстѣ съ двумя женщинами, кото-

рыхъ взяла съ собою въ усыпальницу, стали тянуть его наверхъ. По словамъ присутствовавшихъ здѣсь, онѣ не видали ничего печальнѣе этой картины. Обрызганнаго кровью, умирающаго Антонія ткнули вверхъ. Вися въ воздухѣ, онъ протягивалъ руки къ Клеопатрѣ: женщинамъ трудно было поднимать его. Клеопатра только съ трудомъ, вливаясь, такъ сказать, руками въ веревку, съ дрожащими мускулами лица, тянула ее, въ то время, какъ стоявшіе внизу ободряли ее и помогали ей».

Стр. 284. Клеопатра: . . . *со злости*

Она свое сломасть колесо.

Фортуна въ видѣ женщины съ прямой изобразена также въ «Какъ вамъ угодно» (д. I. сд. 2).

Стр. 285. Антоній:

Я римлянинъ, и римляниномъ честно

Былъ побѣжденъ.

Эти слова взяты у Плутарха: въ остальномъ діалогъ нѣсколько измѣненъ: «Когда Антонія подняли, она положила его на кровать и стала рвать на себѣ платье. Она била себя въ грудь, царапала ее руками, отирала своимъ лицомъ его кровь, называла его своимъ господиномъ, мужемъ и императоромъ и, изъ чувства состраданія къ нему, почти забыла о своемъ горѣ».

«Антоній уговорилъ ее перестать плакать и попросилъ себѣ вина. Быть можетъ, ему хотѣлось жить или же онъ надѣялся скорѣй умереть. Навпившись, онъ совѣтовалъ Клеопатрѣ подумать о самой себѣ и спасти свою честь безъ позора. Изъ друзей Октавіана онъ совѣтовалъ ей довѣрять всего болѣе Прокулею. Просилъ не плакать надъ нимъ за его послѣднія несчастія, но называть его счастливымъ за его прежнія удачи: «онъ пользовался огромною извѣстностью, огромнымъ вліяніемъ и теперь умираетъ честною смертію римлянина, побѣжденнаго римляниномъ».

Стр. 286. Клеопатра: *А вы, друзья, не унывайте.*

Слова эти обращены, какъ показали Дайсъ, не къ «стражѣ, оставшейся внизу», а къ женщинамъ ея свиты.

. . . *А потомъ*

Все доблестно свершимъ и благородно,

Какъ намъ велитъ обычай славный Рима.

Ужъ въ «Гамлетѣ» (д. V, с. 2) есть указанія на то, что Шекспиръ считалъ самоубійство, на которое здѣсь намекаетъ Клеопатра, проявленіемъ римской доблести.

Стр. 288. *Александрія. Могильный памятникъ.*

Нѣкоторые считаютъ, что здѣсь дѣйствіе происходитъ внутри гробницы. По мнѣнію Делюса, сцена та же, что и въ д. IV, сд. 13, гдѣ Клеопатра съ приближенными видна въ верхнемъ откѣстѣ гробницы.

Стр. 288. *Входятъ Прокулей и Галлъ; за ними воины.*

Входятъ на сцену, но не во внутрь гробницы.

Стр. 290. Галлъ:

. . . Вы до прибытъя Цезаря ее

Здѣсь вѣдь стережите.

Плутархъ рѣче отбѣняетъ роль Галла. По-славный Октавіемъ, онъ «подошелъ къ дверямъ и съ умысломъ сталъ затягивать разговоръ. Въ это время Прокулей подставлялъ лѣстницу и вошелъ тѣмъ самымъ окошкомъ, которымъ женщины вѣщали Антонія. Онъ быстро спустился къ дверямъ, у которыхъ стояла Клеопатра, разговаривавшая съ Галломъ. Съ нимъ было двое рабовъ. Одна изъ запершихся съ Клеопатрой женщинъ вскричала:

«Несчастная Клеопатра, тебя поймали!» Царица обернулась и увидѣла Прокулея».

Стр. 290. Клеопатра: *Скорѣй, о руки вѣрныя, на помощь.*

Плутархъ даетъ указанія, имѣющія значеніе при исполненіи этой сцены: «Она хотѣла убить себя,—за поясомъ у нея былъ небольшой разбойничій мечъ;—но Прокулей быстро подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее обѣими руками и сказалъ: «Ты, Клеопатра, обижашь себя и Октавіана, лишая его прекраснаго случая выказать его милосердіе, и навлекаешь несправедливое обвиненіе въ предательствѣ и жестокости на одного изъ самыхъ гуманныхъ полководцевъ!» Онъ отнял у нея мечъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стряхнулъ на ней платье, съ цѣлью узнать, не спрятано ли въ немъ яда».

Стр. 291. Клеопатра: . . . *Приходи ея*

Высоко поднимались, какъ дельфины,

Надъ той стѣпной, средѣ которой жили.

На прыжки дельфиновъ, которые, играя, выскакиваютъ высоко изъ воды, Шекспиръ намекаетъ и въ «Конечъ дѣлу вѣнецъ» (д. II, сд. 3).

Стр. 291. *Клеопатра преклоняетъ колѣни.*

Плутархъ даетъ рядъ подробностей, относящихся къ этой сценѣ. Она происходила не тотчасъ же послѣ смерти Антонія и захвата Клеопатры, а нѣсколько позже, послѣ похоронъ Антонія. «Отъ страшной печали и боли грудь ея распухла отъ ударовъ и покрылась гнойными ранами, у ней открылась лихорадка... Черезъ нѣсколько дней Октавіанъ самъ пришелъ къ ней, съ цѣлью навѣстить ее и утѣшить. Она лежала на постели, въ грустномъ настроеніи. При его входѣ она вскочила въ одномъ нижнемъ платьѣ и упала передъ нимъ на колѣни. Ея голова и лицо представляли изъ себя что-то ужасное, голосъ ея дрожалъ, глаза потухли отъ слезъ. На ея груди было видно множество знаковъ бичеванія.. Октавіанъ просилъ ее лечь и сѣлъ рядомъ».

Стр. 292. Клеопатра: . . . *Межъ ними*

Нѣтъ ни единой бездѣлушки.

Она настаиваетъ на томъ, что въ списокъ вошли лишь самыя цѣнныя вещи, чтобы придать ему большее значеніе въ глазахъ Цезаря. На самомъ дѣлѣ она утѣлила лучшее.

Стр. 292. Клеопатра: *Подлецъ бездушный! Песъ! какалъ низость!*

У Плутарха она не только бранитъ Селевка. «Одинъ изъ управлявшихъ дворцомъ, Селевкъ, сталъ уличать ее, что она нѣсколько вещей скрыла, но показала. Тогда она вскочила, схватила его за волосы и нѣсколько разъ ударила по лицу. Октавіанъ, улыбаясь, старался успокоить ее. «Развѣ это не ужасно, Цезарь», вскричала она,—ты удостоилъ меня чести придти ко мнѣ и говорить о моемъ положеніи, мои же рабы обвиняютъ меня, что я не показала нѣкоторыхъ изъ женскихъ вещей, не для украшенія себя, несчастной, но для того, чтобы поднести ихъ Октавію или твоей Ливіи для того, чтобы задобрить ихъ».

Стр. 292. Клеопатра: *Будь мужемъ ты, меня-бъ ты пожалѣлъ.*

Евнуха - Селевка Клеопатра не считаетъ мужчиной.

Стр. 293. Клеопатра:

. . . Я давно

Дала приказъ и, вѣрно, все готово.

Она говоритъ о ядовитой змѣйкѣ, которую приказала принести.

Стр. 293. Клеопатра:

А я увижу, как ныксивый мальчиш

Придаст мнѣ видъ и голосъ потаскуги.

Роль Клеопатры, какъ и въ Шекспирово время, долженъ былъ исполнять мальчиш.

Стр. 292. Поселянинъ: *Ея укусъ безсмертенъ.*

Поселянинъ, по обыкновенію, выведенъ Шекспиромъ въ образѣ дурака, перевирающаго трудныя слова: здѣсь вмѣсто mortal—смертеленъ—онъ говоритъ immortal—безсмертенъ.

Стр. 295. *Клеопатра вынимаетъ змѣю и прикладываетъ къ своей груди.*

Шекспиръ взялъ здѣсь самое популярное изъ преданій о смерти Клеопатры, передаваемыхъ Плутархомъ: «По другимъ разсказамъ, Клеопатра держала аспиду въ кружкѣ для воды и предварительно разозлила его золотымъ веретенкомъ. Тогда онъ бросился и шныря ей въ руку. Правды, однако, не узналъ никто. Разсказывали также, что она носила ядъ въ пустой внутри булавкѣ для волосъ, булавку же скрывала въ волосахъ. Тѣмъ не менѣе на ея трущѣ не было ни одного пятна, никакого признака отравленія. Въ комнатѣ также не нашли змѣи. Говорятъ, впрочемъ, видѣли слѣды, что она ползла въ одной изъ комнатъ, выходившихъ окнами въ море».

Стр. 295. Клеопатра:

Какъ Цезаря великаго зовешь

Ослонъ безмозглый.

Въ подлинникѣ ass unpolicied: змѣйка назвала бы Цезаря ослонъ, негоднымъ къ государственнымъ дѣламъ.

Стр. 295. Хармиана:

Отличное, достойное царицы,

Считающей среди предковъ столько славныхъ.

Плутархъ сообщаетъ подробности этой сцены: «Въ царскомъ одѣяніи, лежала Клеопатра на золотой постели. Одна изъ женщинъ, Ирада, умерла въ ея ногахъ, другая, Хармиа, начинавшая уже шататься и чувствовать тяжесть въ мозгу, поправляла діадему на ея головѣ. «Прекрасно, Хармиа!» вскричалъ въ бѣшенствѣ одинъ изъ людей Октавіана. «Да, это вполне прекрасно и прилично для потомка столькихъ царей», отвѣчала Хармиа. Больше она не сказала ни слова и свалилась мертвою у кровати».

ЦИМБЕЛИНЪ.

(Cymbeline).

Стр. 305. *Дѣйствующія лица.*

Списокъ ихъ появился впервые въ изданіи Роу (1709 г.).

Стр. 306. 1-й дворянинъ: *Наша кровь*

Не больше покорна небсамъ,

Чѣмъ королю придворный.

Смыслъ этой фразы таковъ: при дворѣ Цимбелина теперь всѣхъ мраченъ, потому что мраченъ король и потому что придворные такъ же покорно подлаживаются подъ королевское настроеніе, какъ наша кровь (наше состояніе) послушна климатическимъ вліяніямъ неба.

Ну, королева, желавшая союза.

То есть брака Имогены съ ея сыномъ отъ перваго брака Клотеномъ.

Стр. 307. 1-й дворянинъ: . . . *Сицилій,*

Его отецъ, ходилъ съ Кассибеланомъ.

Король южной Британіи Кассибеланъ успѣшно боролся съ римскими легіонами Юлія Цезаря, но его преемникъ и племянникъ, отецъ Цимбелина Тенанцій, о которомъ говорится нѣсколько ниже, сдѣлался римскимъ данникомъ.

И прозванъ былъ за храбрость Леонатомъ.

Leonatus—львомъ рожденный.

Назвалъ его Постумомъ-Леонатомъ.

Postumus—по латыни—рожденный послѣ смерти отца.

Стр. 308. Постумъ:

Хоть желчью будь чернила.

Точнѣе: «хоть бы чернила были сдѣланы изъ желчи». Это не только фигуральное выраженіе; что чернила дѣлались не только изъ чернильнаго орѣшка, но и изъ бычьей желчи, показываетъ рецензъ чернилъ, приводимый Стивенсомъ.

Стр. 308. Имогена:

. . . И вѣрно, меня собой далеко превосходить.

Точнѣе: «Онъ уплачивалъ за меня дороже на всю сумму, которую платить». То есть: онъ даетъ за меня, ничего не стоящую, себя, стоящаго такъ много.

Стр. 310. Имогена:

Вотъ лучше бѣ въ Африкѣ они сошлись.

То есть въ безлюдной странѣ, гдѣ никто не могъ бы защищать ничтожнаго Клотена, сильнаго не своей силой, а поддержкой другихъ.

Стр. 312. *Входятъ Филаріо, Іахимо, французъ, голландецъ и испанецъ.*

Нѣкоторые издатели устранили двухъ послѣднихъ, такъ какъ они безмолвны въ теченіе всей сцены. Между тѣмъ Шекспиръ очевидно намѣренъ сдѣлать свидѣтелями заклада Постума представителей разныхъ народностей.

Стр. 315. Королева:

Онъ, какъ скали, стоитъ за господина.

Упорное молчаніе и мимическая игра Пизаніо должны оправдать это убѣжденіе королевы.

Стр. 315. Имогена:

О, несчастный! Вѣнецъ моей тоски.

Эти слова относятся къ ея мужу Постуму. •

Стр. 315. Іахимо:

Не то, какъ парсъ, я убитая долженъ биться.

Но парсъ, а парянинъ (Parthian), которые извѣстны своей особой боевой тактикой: превосходные стрѣлки, они въ притворномъ бѣгствѣ метали вдругъ въ ошеломленнаго противника свои мѣткія стрѣлы. До сихъ поръ «парянская стрѣла» остается символомъ боевого коварства.

Стр. 320. Іахимо: . . . *Такъ Тарквиній*

По тростнику подкрадывался, разбудилъ

Невинность злодѣяньемъ.

Собственно не Тарквиній, а сынъ его Секстъ (итальянецъ Іахимо называетъ его въ подлинникѣ «нашъ Тарквиній») обезчестилъ жену Коллатина Лукрецію. *По тростнику*—т.-е. по камышевой цинковкѣ, которой устлана спальня Лукреціи. *О, Цитера*—Венера, чтимая на остр. Цитерѣ.

Стр. 320. Іахимо: *Она сейчасъ читала*

Исторію Терезъ: листъ заложенъ

На мѣстѣ, гдѣ сдается Филомела.

На этотъ мнѣе, художественно обработанный въ извѣстныхъ Шекспиру «Метаморфозахъ» Овидія, особенно много намековъ въ трагедіи «Титъ Андроникъ» (ср. т. V).

Стр. 320. Іахимо:

Разъ, два, три. Ну, теперь пора ложиться.

Любопытно, что въ началѣ сцены, по словамъ Елены, еще даже нѣтъ полночи. Такимъ образомъ эта коротенькая сцена занимаетъ болѣе трехъ часовъ.

Стр. 323. Клотенъ:

*Дианиныя мѣсичихъ закупасть,
Такъ что они приномятъ сами къ вору
На встрѣчу дичь.*

Диана здѣсь не только богиня охоты, но и невинности и чистоты.

Стр. 323. Дама:

*Другимъ портной обходится дешевле,
Чѣмъ вамъ.*

Точнѣе: «Тѣмъ можетъ похвалиться не всякій изъ тѣхъ, чей портной такъ же дорогъ, какъ и вамъ». Это значитъ: многіе люди изъ разодѣтыхъ въ пышныя платья, какъ Клотенъ, не могутъ похвалиться благороднымъ происхожденіемъ со стороны матери, тогда какъ онъ прямо говорить о себѣ:

И знатной дамы сынъ.

Стр. 326. Іахимо:

*Чуть не забылъ—ющеры для огня:
Изъ серебра два милыхъ Купидона.*

Это не ющеры для факеловъ, но два Амура съ опрокинутыми факелами, составляющіе рѣшетку камина и пренятствующіе дровамъ выпадать оттуда.

Стр. 327. Тамъ же. Другая комната въ домѣ Филаріо.

Монологъ Постума перенесенъ въ другую комнату того же дома позднѣйшими издателями. На шекспировской сценѣ онъ произносился тутъ же и воображенію зрителей предоставлялось найти для него болѣе подходящее время и мѣсто.

Стр. 327. Постумъ: *О, еслибъ мнѣ*

Все женское въ себѣ искоренить.

Сынъ мужнины и женщины, мужчина носитъ въ себѣ также стихіи женской природы, которыя Постумъ желалъ бы истребить въ себѣ.

Стр. 328. Королева:

*И впередъ я не буду, чтобъ дивиться
Вы перестали, наконецъ.*

Если римляне удивлены, что Цимбелинъ такъ заноздѣлъ съ уплатой дани, то они могутъ перестать удивляться; чтобы убить ваше удивленіе — говоритъ королева — такъ оно и впредь будетъ.

Стр. 329. Луцій:

За себя же благодарю.

Заявивъ Цимбелину о враждѣ къ нему своего повелителя, Луцій отъ себя благодаритъ его за пріемъ при дворѣ.

Стр. 329. Цимбелинъ:

Твой Цезарь сохлалъ воиномъ меня.

Шекспиръ читалъ у Голлиншеда, что Цимбелинъ служилъ въ войскахъ Августа Цезаря, который сдѣлалъ его «рыцаремъ».

Стр. 330. Имогена: *Молитвы*

Любовниковъ и должниковъ различны.

Виновныхъ вы просите въ тюрьму.

Восковыя печати равно скрѣпляютъ письма возлюбленныхъ и обязательства должниковъ, но первыхъ онѣ приводятъ къ тюрьмѣ, вторыхъ дарятъ счастье.

Стр. 332. Беларій:

*Хоть целою поклонъ отвѣситъ тотъ,
Кимъ онъ одѣтъ, но счетъ все будетъ
Счетомъ.*

Хотя тотъ, кто далъ шеголю въ кредитъ шелкъ на его платье и отвѣситъ ему поклонъ, однако, платить за этотъ шелкъ все-таки придется.

Стр. 333. Беларій:

*И речъ мою живить, волнуясь больше,
Чѣмъ слушаю.*

Достовѣно «вливаетъ жизнь въ мои слова»: въ жестахъ Кадвала рассказы Беларія отражаются съ болѣею силой, чѣмъ та, которой полно ихъ содержаніе.

Стр. 333. Имогена (читаетъ): *«Госпожа твоя, Пизаніо, какъ потискушка, опозорила мое брачное ложе».*

Однѣ изъ комментаторовъ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ письмѣ Постума повторяются не буквально, но лишь приблизительно обращенія его, которыя мы уже слышали въ этомъ же дѣйствіи (стр. 330) въ передачѣ Пизаніо.

Стр. 333. Имогена:

*Римская сорока,
Обязанная красотой румянамъ.*

Јау — сорока — въ англійскомъ языкѣ того времени обозначало также женщину легкаго поведенія — но ея пестрому наряду.

Стр. 334. Имогена: *Синона плачь позорилъ честныхъ слезы.*

Гречъ Синонъ, притворившись перебѣжчикомъ, явился въ троянскую войну въ крѣпость противниковъ и, разжалобивъ ихъ, предалъ Трою. Плачь коварнаго предателя лишаетъ довѣрія слезы честныхъ людей.

Стр. 334. Имогена:

*А, письма Леоната. Вы теперь
Не ересью ли стали?*

При словахъ *Прочь, не нужно ей* (груди) *никакой охраны*, Имогена открываетъ свою грудь — и находитъ здѣсь письма мужа. Она называетъ ихъ *scriptures* писанія съ очевиднымъ намекомъ на богословскій смыслъ этого слова. Они были для нея священны, но «стала ересью» и «сгубили ей свитую вѣру». Конечно, но мѣняетъ дѣла то, что эти намеки произносятся въ дохристіанскую эпоху; это обычный шекспировскій анахронизмъ.

Стр. 337. Цимбелинъ: *Проводите за Севернъ.*

Чтобы дойти до порта Милльфорда на Уэльскомъ побережьи, онъ долженъ перейти черезъ рѣку Севернъ.

Стр. 337. Королева:

*О, еслибъ онъ причиной былъ того,
Что онъ исчезъ.*

То есть: о, если бы мое лѣкарство было причиною того, что Пизаніо скрылся.

Стр. 339. Клотенъ: *Третья—чтобъ ты никому не говорилъ о моемъ намѣреніи.*

Въ подлинникѣ прибавлено: «какъ добровольный пѣмой» — намекъ на тѣхъ подневольныхъ пѣмьхъ, которыми при турецкомъ дворѣ отрѣзывали языки, чтобы сдѣлать ихъ безгласными исполнителями порученій.

Стр. 340. Имогена:

Зачѣмъ не братьями? Тогда-бъ отецъ мой

Былъ ихъ отцомъ, и я въ цѣнь упала-бъ.

Имѣя братьевъ, Имогена не считалась бы наслѣдницей престола и Постумъ былъ бы равенъ ей, простой принцессѣ.

Стр. 341. 1-ый сенаторъ: *Вотъ содержанье Цезаря письма.*

Содержаніе этого письма, излагаемое сенаторомъ, заимствовано почти дословно у Голлиншеда.

Стр. 342. Имогена: *Я не такой роскошный горожанинъ.*

Горожанки—особенно богатые жены и дочери лондонских купцов—часто являются в пьесах шекспировского времени образцами напыщенности и мотовства.

Стр. 343. Имогена:

*Мои украсть лишь самого себя
Умру, но эта кража не большая.*

В подлиннике не *украсть*, а *обокрасть* себя, то есть лишить себя жизни.

Стр. 344. Гвидерий: *Ни даже дыда твоего портмани.*

Так как Клотена дѣлает человекомъ его платье, то онъ—сынъ своего платья и, стало быть, внукъ отца платья—своего портного.

Стр. 345. Гвидерий: *Будь ты, Клотенъ, двойной мошенникъ—этимъ меня не испугаешь.*

Гвидерий притворяется, будто думаетъ, что имя Клотена—«Клотенъ-мошенникъ».

Стр. 346. Клотенъ:

*И въ Люди ваши головы повѣшу
На воротахъ.*

Луд—старинное названіе Лондона, основанного—какъ сообщаютъ извѣстные Шекспиру лѣтописи—королемъ Людомъ, который возстановилъ разрушенный городъ тринобантовъ и назвалъ его своимъ именемъ.

Стр. 346. Беларій:

*Иной бываетъ страшенъ
Отсутствіемъ ума.*

Это мѣсто, очень важное для пониманія характера Клотена, возбуждаетъ разныя толкованія. Дословный переводъ текста былъ бы таковъ: «Ибо недостатокъ (defect) разсужденія часто бываетъ причиною страха». Между тѣмъ Шекспиръ очевидно—и таково мнѣніе переводчика—хотѣлъ сказать нѣчто противоположное: Клотенъ страшенъ потому, что безстрашенъ и безстрашенъ—потому что глупъ. Поэтому издатели предлагаютъ весьма различныя исправленія этого явно испорченнаго текста. Деліусъ вслѣдъ за Теобальдомъ печатаетъ effect вм. defect, то есть: «дѣйствіе разсужденія бываетъ причиною страха» и т. д.

Стр. 347. Арвиратъ:

*Лучше мнѣ бы
Въ шестнадцать лѣтъ стать вдругъ на
шестьдесятъ.*

Одинъ изъ комментаторовъ видитъ въ этихъ словахъ доказательство пренебреженія Шекспира къ мелочной точности: Арвиратъ украденъ двадцать лѣтъ назадъ и потому не можетъ теперь быть шестнадцатилѣтнимъ. Однако, онъ можетъ сказать эту фразу, имѣя двадцать лѣтъ отъ роду.

Стр. 348. Арвиратъ: *Къ тебѣ носить все это будутъ птицы...*

Повѣрье, будто одна птичка (guddock—плистовка) трясогуска (латин.) покрываетъ непогребенныхъ покойниковъ мхомъ, часто упоминается у современниковъ Шекспира.

Стр. 348. Гвидерий: *Терсити трутъ Аякса трупу равенъ.*

При жизни презрѣнный Терситъ не могъ равняться съ мужественнымъ Аяксомъ; послѣ смерти ихъ брѣнные останки равны.

Стр. 349. Беларій:

*Они, ночной омытые росой,
Встаютъ лучше для моги.*

Въ подлинникѣ слѣдуетъ фраза *сыньте на лица*, пропущенная переводчикомъ, очевидно, той причинѣ, что у обезглавленнаго трупа

Клотена нѣтъ лица. Этотъ недосмотръ Шекспира впервые отмѣтилъ Малоне.

Стр. 349. Имогена: *Нѣтъ, все это сонъ! на-
дѣюсь, это сонъ.*

Ходъ мыслей въ этомъ несвязномъ монологѣ Имогены таковъ: увидѣвъ трупъ, она успокаиваетъ себя надеждой, что видитъ все это во снѣ: вѣдь грезилось ей, что она жила въ пещерѣ, и все это оказалось «созданьемъ мозга». Однако, трупъ передъ нею. Тогда она ищетъ успокоенія въ томъ, что не только мысли, но и физическія чувства вводятъ людей въ заблужденіе:

*... Все сонъ внутри меня и вѣнь,
И не въ мечтахъ, а въ чувствахъ.*

Но несмотря на всѣ эти попытки успокоить себя, ея страхъ растетъ—и она убѣждается въ страшной дѣйствительности.

Стр. 349. Имогена: *Убийство въ небѣ?*

То есть: если убито созданіе столь божественное, то неужто и на небесахъ совершаются убійства?

Проклятія отчаянной Гекубы

На грековъ пусть разлетѣ тебя съ моими.

То есть проклятія престарѣлой троянской царицы Гекубы, которыми она осыпала грековъ, перебившихъ ея сыновей.

Стр. 350. Луцій: *Ты показалъ себя такимъ
на дѣлѣ.*

Показалъ себя вѣрнымъ, такъ какъ Фиделію—имя принятое Имогеной—означаетъ вѣрный.

Стр. 351. Пизаніо: *Богъ безъ руля несетъ
домой теченье.*

Если счастье благопріятствуетъ человѣку, то теченіе и безъ руля принесетъ его домой.

Стр. 354. Постумъ:

Имъ скорый пристало

*Подъ музыку плясать, чѣмъ биться въ
стѣхъ.*

Въ подлинникѣ говорится не о пляскѣ, а о состязаніи въ бѣгѣ, обычномъ у тогдашнихъ крестьянъ; объ ихъ простой одеждѣ, а не объ ихъ молодости говорить здѣсь Постумъ.

Стр. 354. Постумъ:

*Съ лицомъ на видъ красивой всякой маски,
Скрывающей стыдливость или прелесть.*

Лица обоехъ годились бы для масокъ, какія вѣкъ дома носили современники Шекспира изъ стыдливости или для сохраненія цвѣта лица («скрывающей.. прелесть»).

Стр. 355. 1-й тюремщикъ:

Теперь тебя никто здѣсь не украдетъ:

Пасись, коль есть трава.

По замѣчанію Джонсона, здѣсь тюремщикъ намекаетъ на обыкновеніе приковывать пасущихся лошадей за ногу.

Стр. 355. Постумъ: *А бои, вѣдь, добрыѣ.*

Это мѣсто возбуждаетъ разныя толкованія. Деліусъ объясняетъ: простымъ заявленіемъ, что проступки мучаютъ ихъ, могутъ дѣти умножить своихъ земныхъ, «временныхъ» отцовъ; боги въ своей добротѣ не удовлетворяются этимъ и въ интересахъ грѣшника—требуютъ истиннаго раскаянія. Другіе понимаютъ эти слова иначе: Постумъ старается успокоить себя убѣжденіемъ, что, хотя онъ не можетъ исправить невозможное, онъ можетъ еще искушить его; если суровые заимодавцы удовлетворяются частью долга, то милостивые боги, получивъ отъ него все, что онъ въ силахъ дать, конечно, помилуютъ его:

Возьмите же меня, какъ свой чеканъ.

Если въ обиходѣ не взвѣшиваютъ каждую

моноту, но принимаетъ ее по вычеканеннымъ на ней знакамъ, то тѣмъ болѣе должны боги принять малоцѣнную жизнь Постума, вычеканенную ими самими.

Теперь къ тебѣ въ молчаньи обращаюсь.

Съ богами онъ говорилъ громко, съ Имогеной молча. По мнѣнію Деліуса, логическое удареніе падаетъ въ этой фразѣ на слово *тебѣ*.

Стр. 356. *Торжественная музыка. Видныя.*

Въ вступительной статьѣ (стр. 302) уже указано общее мнѣніе всѣхъ критиковъ, что сцена видныя Постума принадлежитъ не Шекспиру; въ доказательство приводятъ стиль этой сцены, ея приемованный стихъ и внѣшнюю сложность ея постановки, мало соответствующіе художественнымъ и сценическимъ средствамъ великаго поэта. Должно однако отмѣтить, что Деліусъ не раздѣляетъ этого мнѣнія; эта, якобы вставленная впоследствии, сцена необходима для развитія дѣйствія; ея стиль—обычный условный стиль традиціонныхъ «масокъ», т.-е. мнѣологическихъ или аллегорическихъ представлений. Въ «Бурѣ» мы находимъ такую же «Masque», столь же подлинную и дающую намъ возможность отнестись созданіе «Цимбелина» къ одной эпохѣ съ «Бурей».

Стр. 356. Мать:

Луцина мнѣ не помоги

И я въ мукахъ умерла.

Луцина—богиня дѣторожденія. Мать Постума умерла отъ родовъ.

Стр. 356. Младшій братъ:

Храни Тенанцій права

И честь земли своей.

Тенанцій—отецъ Цимбелина.

Стр. 357. Сицилій: *Сводъ мраморной со-
мкнулся.*

Небосводъ не разъ называется у Шекспира мраморнымъ.

Стр. 357. Постумъ: . . . *Но въ ней*

Подобіе судьбы моей несчастной.

Прорицаніе непонятно, но самая темнота его есть символъ странной, непоследовательной судьбы Постума.

Давно готовъ, почти ужъ пережарился.

Постумъ говоритъ о себѣ, какъ о блюдѣ, изготовленномъ для того, чтобы его съѣлъ кто-то.

Стр. 358. Тюремщикъ: *Ну, такъ ваша смерть въ глаза; я никогда не видывалъ, чтобы се такъ писали.*

Смерть изображается въ видѣ скелета съ пустыми впадинами вмѣсто глазъ.

Стр. 358. Цимбелинъ: *(Беларій, Гендерій и Арвиратъ становятся на колѣни; Цимбелинъ посвящаетъ ихъ въ рыцари).*

Эта ремарка прибавляется далеко не всѣми изданіями. Въ подлинникѣ сказано: «Склоните колѣни. Встаньте, какъ мои рыцари, съ поля битвы». Деліусъ полагаетъ, что они посвящены въ рыцари еще на полѣ сраженія. Анахронизмъ посвященія древняго британца въ рыцари заимствованъ у Голиншеда, который рассказываетъ, какъ Цезарь въ Римѣ посвятилъ въ рыцари Цимбелина.

Стр. 359. Цимбелинъ: *Такъ взвѣсь теперь судьбу свою.*

То есть, приготовься къ смерти. Цимбелинъ, несомнѣнно, обращается не къ одному римскому полководцу, но ко всѣмъ военнопленнымъ:

Стр. 359. Имогена:

Грутъ есть другое; вижу я, оно

Страшнѣе смерти мнѣ.

Она говоритъ о судьбѣ Постума.

Стр. 361. Іахимо: *Однажды въ Римъ—о, несчастный часъ и т. д.*

Разсказъ Іахимо не вполне совпадаетъ съ д. I, сд. 5, гдѣ Постумъ совсѣмъ не описываетъ красоты Имогены и другіе событія такъ же не изображаютъ своихъ красавицъ. Но все это дѣйствительно происходитъ въ новеллѣ Боккаччо, которою пользовался Шекспиръ.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА.

(The Winter's Tale).

Стр. 381. Герміона: *Вторымъ—на время друга.*

При этомъ Герміона протягиваетъ руку Поликсену; это указаніе прибавлено позднѣйшими издателями для объясненія дальнѣйшихъ словъ Леонта.

Стр. 381. Леонтъ: *О, какъ сердце трепещетъ.*

Въ подлинникѣ онъ говоритъ: «У меня трепогъ cordis (по латыни дрожаніе сердца): сердце мое пляшетъ», это ближе объясняетъ слѣдующія слова . . . *не отъ радости, о, нѣтъ!*

Стр. 382. Леонтъ: *Зачѣмъ вздыхать, какъ раненый олень?*

Въ подлинникѣ онъ сравниваетъ свой вздохъ не со стономъ раненаго оленя, но съ мелодіей, которую играютъ на охотничьемъ рожкѣ, когда убить преслѣдуемый олень. Пѣмецкій переводъ Гильдмейстера употребляетъ здѣсь выраженіе «громовая музыка», употребляя намекъ, который слышится въ дальнѣйшихъ словахъ Леонта: «И сердце, и мой лобъ страдаютъ».

Стр. 382. *Герміона, Поликсенъ и свита уходятъ.*

Нѣкоторые полагаютъ, что они уходятъ уже послѣ словъ Леонта: *Я васъ вездѣ найду подъ солнцемъ*. Въ противномъ случаѣ, начиная со словъ *Ловля ужъ началась*, онъ говоритъ при нихъ въ сторону. Такъ у Деліуса.

Стр. 383. Леонтъ:

*Есть звѣзды сводни—и подъ ихъ вліяніемъ
Весь свѣтъ: востокъ и западъ, югъ и сѣверъ.*

Вообще планеты имѣютъ опредѣленное вліяніе на человѣческое поведеніе лишь при извѣстныхъ сочетаніяхъ. Но планета сводничества дѣйствуетъ во всякомъ положеніи и со всѣхъ точекъ небосвода: такова астрологія раздраженаго Леонта.

Стр. 384. Леонтъ:

. . . Тѣмъ, у кого

Она виситъ на шеѣ, какъ медаль.

Подлинникъ не такъ рѣзокъ. По мнѣнію Леонта, Поликсенъ относится къ Герміонѣ, какъ къ медальону съ ея изображеніемъ, висящему на его шеѣ.

Стр. 385. Леонтъ:

Если ты не трюшишь,

Такъ будь же проклятъ.

Этимъ восклицаніемъ Леонтъ прерываетъ Камилло, не обращая вниманія на его увѣренія въ преданности.

Стр. 388. Мамиллій: . . . *Для зимы*

Печальныя подходятъ сказки.

Намекъ на заглавіе пьесы. Судя по одному мѣсту въ «Дидонѣ» Марло, полагаютъ, что на-

звание зимней сказки вообще примѣнялось къ необычайной и чувствительной исторіи.

... *Я буду тихо*

Разсказывать, а то сороки слышатъ.

Въ подлинникѣ «сверчки». Такъ называетъ Мамилій придворныхъ дамъ за ихъ неугомонность.

Стр. 389. Король (опечатка вм. *Леонтъ*, какъ раньше и послѣ):

... *А то лгуны начнутъ*

Ее вводитъ вездѣ, забывъ различье

Межъ королевъ и нищихъ.

Слѣдовало вм. прелюбодѣйка употребить еще болѣе грубое слово, но король останавливается, боясь, что и другіе станутъ примѣнять его къ высшимъ слоямъ общества.

... *То вся земля не въ силахъ*

Поднять простой волчекъ.

Въ подлинникѣ—центръ земной, который считался непоколебимой основой всего земного шара.

... *Что же приказъ мой? Ну!...*

Король обращаетъ эти слова къ слугамъ, которымъ онъ только что сказалъ «въ тюрьму ее» и которые медлятъ.

Стр. 390. Антигонъ:

О, если такъ, я въ хлѣвъ запру жену.

Это мѣсто вызвало разнообразныя толкованія. Нѣкоторые понимали слово *stable* не въ смыслѣ конюшни, а просто въ смыслѣ мѣсто-пробыванія и объяснили слова Антигона такъ: я буду всегда тамъ, гдѣ моя жена. Другіе понимали ихъ въ томъ смыслѣ, который переданъ переводомъ: если королева Герміона грѣшна, то нельзя вѣрить ни одной женщинѣ.

Стр. 390. Леонтъ:

... *Какъ ты видишь*

И чувствуешь вотъ эту руку.

При этомъ Леонтъ хватается Антигона, напр., за руку.

Не нужны намъ совѣты ваши.

Комментаторы обращаютъ вниманіе на близость этихъ словъ къ тону Елизаветы или Якова I въ ихъ отношеніяхъ къ парламенту.

Мы юнцовъ отправили въ святыя Дельфы.

Въ повѣсти Грина спросить дельфійскаго оракула предлагаетъ королева.

Стр. 392. Леонтъ: ... *Онъ такъ*

Силенъ въ своемъ могуществѣ; въ союзъ

Съ друзьями онъ.

У Грина Пандосто (Леонтъ) также не рѣшаетъ мстить Эгисту (Поликсену), такъ какъ тотъ имѣетъ много друзей и союзниковъ, между прочимъ своего тестя, русскаго императора.

Стр. 394. Паулина:

Будь я мужчиною, хоть самымъ слабымъ,

Мечомъ я убила бы васъ.

Конечно не насиліемъ, которое никого не убѣждаетъ, но въ судебномъ поединкѣ, въ то время обычнымъ видомъ процессуальнаго доказательства.

... *По старой*

Пословицѣ, до радости похожа

Она на васъ.

Стаунтонъ нашелъ эту поговорку; она говоритъ о сытѣ: онъ такъ похожъ на отца, что это ему во вредъ. Первоначально, она, очевидно, примѣнялась къ дѣтямъ некрасивыхъ или неприятныхъ отцовъ.

Не попусти, чтобъ желчное сомнѣнье

Заставилъ бы (опечатка вм. заставило-бъ) ее подозрѣвать,

Что не отъ мужа дѣти у нея.

Какъ можетъ женщина подозрѣвать, что отъ нея дѣтей не съ мужъ? Паулина очевидно желаетъ, чтобы дѣвочка, столь похожая во всемъ на своего истиннаго отца Леонта, не унаслѣдовала также его безсмысленной и болѣзненной подозрительности.

Стр. 395. Леонтъ:

... *Иначе смерть*

Тебѣ со всей семьей.

Въ подлинникѣ: «я отниму у тебя жизнь и все, что ты называешь своимъ». Нѣкоторые видѣли въ этомъ угрозу смертью и отобраніемъ имущества; но очевидно, угроза взбѣшеннаго Леонта идетъ дальше.

Съ Маргаритой, и свою повитуху.

Въ подлинникѣ *Lady Margery*—презрительное названіе простой женщины.

Стр. 397. Киломень: *Центуцій край!*

Въ подлинникѣ Киломень, восхваляя Дельфы, говоритъ: «плодородный островъ»,—географическая нелѣпость, заимствованная Шекспиромъ у Грина и устраненная русскимъ переводчикомъ.

Стр. 399. Герміона:

Отцомъ моимъ былъ русскій императоръ.

У Грина русскій императоръ упоминается какъ отецъ жены Эгиста (Поликсена).

Стр. 399. Слуга:

... *Принцъ—отъ страхи и сомнѣнья*

За королеву—въ вѣчность отошелъ.

Шекспиръ нашелъ нужнымъ дать естественное объясненіе смерти мальчика; у Грина она является сверхъестественнымъ слѣдствіемъ рѣшенія оракула.

Стр. 399. Судья (читаетъ): *Герміона—цѣломудренна; Поликсенъ безвѣненъ* и т. д.

Стр. изреченіе оракула у Грина, приведенное въ вступительной статьѣ, на стр. 370.

Стр. 401. Паулина:

... *Честъ Камилло*

Ты лжешь запятнать хотѣлъ.

Мэлоне обращаетъ вниманіе на то, что Леонтъ лишь только что и въ отсутствіи Паулины сознался въ этомъ коварномъ намѣреніи.

Стр. 402. Паулина:

... *Да, не вправъ,*

Да, виновата я и сознаюсь.

Рѣзкая перемена въ тонѣ Паулины, которая послѣ яростныхъ нападокъ на Леонта, вдругъ проситъ у него прощенія, въ достаточной степени объясняется его внезапною горестью. Вызвать его раскаяніе было цѣлью Паулины, которая тѣмъ болѣе имѣетъ основанія смягчиться, что она вѣдь выдумала о смерти Герміоны.

Стр. 402. *Богема. Дикій морской берегъ.*

Авторъ этой географической нелѣпости не Шекспиръ, а Гринъ.

Стр. 403. Антигонъ:

... *Вся погибнетъ*

Ее считаютъ. Пердитой ее

Ты назовешь.

Perdita значитъ по-латыни утерянная.

Стр. 404. Антигонъ: *Охота!*

Дословный переводъ; смыслъ выраженія подлинника (*this is the chase*)—«вотъ преслѣдуемый звѣрь».

Уходитъ преслѣдуемый медвѣдемъ.

У Шекспира, какъ и вездѣ, общее латинское выраженіе *exit*—уходитъ, удаляется. Антигонъ, конечно, не уходитъ, а убѣгаетъ.

Стр. 404. *Входитъ поселянинъ.*

Это сынъ пастуха, который въ спискѣ дѣй-

ствующихъ лицъ значится, какъ *Шутъ*. Это, однакоже, не означаетъ, что онъ у кого нибудь служить шутомъ: у Шекспира часто съ постояннымъ типомъ шута совпадаетъ какая нибудь эпизодическая фигура пьесы; таковы даже, напр., могильщики въ «Гамлетѣ». *Поселянинъ*, выступающій ниже (стр. 406), тотъ же Шутъ, сынъ пастуха. По англійски Clown означаетъ одновременно: и *шутъ* (клоунъ), и *деревенщина*.

Стр. 404. Пастухъ: *Хорошо было-бы, кабы не было никакого возраста между десятью и двадцатью тремя годами.*

Такъ какъ изданіе folio печатаетъ числа арабскими цифрами, то нѣкоторые предполагали опечатку и предлагали читать 19 или 16 вмѣсто 10, что болѣе соответствовало бы общему смыслу текста.

Помочь бы старику.

Многіе отмѣчали, однако, что пастухъ не знаетъ возраста Антигона и потому Теобальдъ предлагалъ читать вм. old man (старикъ) — nobleman (дворянинъ).

Пеленки-то: хотъ юсподскому ребенку впору.

Въ подлинникѣ bearing-kloth — покрывало, въ которомъ несутъ ребенка къ крещенію.

Это, должно быть, похищенный ребенокъ.

Въ подлинникѣ changeling—дѣтя, похищенное или подмѣненное феями.

Стр. 405. *Входитъ Время, изображающее хоръ.*

Вѣрнѣе было бы: хоръ, изображающій Время. Идею олицетворить Время Шекспиру, очевидно, подсказало самое заглавіе повѣсти Грина, которая въ первомъ изданіи называлась «Пандосто, торжество времени».

Время: *Я вселяю ужасъ. Я — добро и зло. Точнѣе: «Я радую добрыхъ и ужасаю злыхъ».*

Стр. 406. Автоликъ *входитъ и поетъ.*

Болѣе близкій переводъ пѣсни Автолика, рисующей прелести его бродячей жизни, таковы: «Когда зацвѣтутъ пролѣски (цвѣты) и «гей-гей» дѣвокъ пронесется по долинамъ, придетъ самое сладкое въ году и красная кровь воцарится въ предѣлахъ зимы. Полотно бѣлится на заборахъ, а милые птички — какъ онѣ поютъ; воровскіе зубы острѣютъ отъ этого, и кварта эля становится напитокомъ короля. Жаворонокъ поетъ; «тирра-лирра», сорока и дроздъ кричатъ «гей-гей»; всѣ дѣтнія пѣсни для меня и моихъ дѣвокъ, съ которыми мы барахтаемся въ снѣгъ».

Я промышляю простынями.

Точнѣе — «холстами», которые Автоликъ крадетъ весной, когда ихъ выставляютъ для бѣленія.

Автоликъ, какъ и я, родился подъ знакомъ Меркурія и былъ воришкой.

Въ греч. мифологіи Автоликъ, сынъ Меркурія, былъ ловкимъ воромъ, о чемъ Шекспиръ читалъ у Овидія.

Стр. 407. Автоликъ: *Я, сударь, съ нимъ познакомился, играя съ фортуною.*

Въ подлинникѣ trol-lu-dames (отъ франц. trol madame) — игра, въ которой надо попадать шарами въ отверстія, сдѣланныя въ доскѣ.

Впередъ, впередъ жисте

Шагай черезъ плетень и т. д.

Это начало народной пѣсни, не принадлежащей Шекспиру и сохранившейся цѣлымъ въ одномъ сборникѣ 1651 года.

Стр. 408. Пердита: *... Это рута*

И розмаринъ.

Въ цвѣточной символикѣ рута означаетъ ми-

лость и спасеніе, розмаринъ — вѣрность. Съ намеками на это значеніе раздаетъ ихъ и Офелія въ «Гамлетѣ».

Стр. 409. Пердита:

*О, Прозерпина, иди твои цвѣты,
Въ испугъ оброненные тобою.*

Овидій, извѣстный Шекспиру по переводу Гольдинга, рассказываетъ, какъ Прозерпина, когда ее увозилъ на своей колесницѣ богъ преисподней Плутонъ, въ испугъ уронила только что сорванные цвѣты.

Стр. 410. Пердита:

Точъ въ точъ

Въ день Троицы актриса пасторами.

Намекъ на весенніе маскарады и представленія, о которыхъ говорится также въ «Двухъ веронцахъ» (д. IV, сц. 4).

Стр. 410. Пастухъ:

*Но если женится Дорикль,
Получитъ то, чего ему не снилось.*

Онъ имѣетъ въ виду приданое Пердиты — мѣшечекъ съ золотомъ, найденный вмѣстѣ съ нею.

Стр. 412. Автоликъ:

Перчатки, что розы въ Дамаскѣ.

Надушенные перчатки были въ большомъ употребленіи у современницъ Шекспира. Дамаскъ славился своими розами.

Вотъ еще баллада о рыбѣ.

Такія баллады многочисленны въ шекспировское время. Мэлонъ полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о сочиненіи «Необычайное извѣстіе о чудовищной рыбѣ, явившейся въ видѣ женщины» (1604).

Стр. 414. Работники: *Говорятъ, что ихъ зовутъ задирами.*

Онъ хочетъ сказать — сатирами, но коверкаетъ это слово.

Стр. 414. Поликсенъ: *Старикъ! намъ только смерть даритъ прозрѣнье.*

Этими словами Поликсенъ обрываетъ разговоръ, который велъ со старикомъ во время всей предыдущей сцены.

Стр. 416. Флоризель: *... Вы, Камилло?*

Онъ лишь здѣсь узнаетъ переодѣтаго Камилло и все еще сомнѣвается.

Стр. 419. Камилло: *Хотя его костюмъ и не плохъ, ты возьмишь его себѣ вотъ съ этой прибивкой.*

Шекспиръ забылъ, что принцъ Флоризель все еще не въ своемъ платьѣ, а въ костюмѣ пастуха.

Стр. 420. Поселянинъ: *Я ручаюсь, что это великій человекъ: онъ въ зубахъ ковыряетъ зубочисткой.*

Зубочистки были въ это время французской модой, лишь недавно перенесенной въ Англію. Ср. т. II, 555, примѣч. къ стр. 11.

Стр. 422. Автоликъ: *А я только посмотрю черезъ заборъ.*

Болѣе пристойное обозначеніе отправленія естественныхъ нуждъ.

Стр. 427. 3-й придворный: *Статуя... надъ которой трудился великій итальянскій мастеръ Джуліо Романо.*

Быть можетъ, Шекспиръ и полагалъ, что знаменитый живописецъ его времени, Джуліо Романо, былъ также скульпторомъ; онъ, во всякомъ случаѣ, звалъ, что во времена дельфійскаго оракула художникъ итальянскаго Возрожденія никакихъ картинъ не рисовалъ. Поэтому нѣтъ основанія упрекать его въ невѣжествѣ или вслѣдъ за нѣкоторыми комментаторами полагать, что Джуліо Романо на-

званъ здѣсь не какъ скульпторъ, выдѣлившій стату, но какъ живописецъ, раскрасившій изваяніе Герміоны.

Онъ могъ бы соперничать съ природой.

Въ подлинникѣ: «онъ лишилъ бы природу ея заказчиковъ».

Стр. 432. Герміона: . . . *Я знала*

Черезъ Паулину, что сказалъ оракулъ.

Это не точно: Герміона сама была при томъ, какъ читали изреченіе оракула.

Б У Р Я.

(The Tempest).

Стр. 449. Капитанъ: *Хорошо.*

Англійское good — здѣсь не восклицаніе «хорошо», какъ думали многіе (также нѣмецкіе) переводчики, но обращеніе къ боцману — «любезный», «другъ» и т. п.

Близкое знакомство съ мореходнымъ дѣломъ, высказанное Шекспиромъ въ этой сценѣ, выяснено лордомъ Мюльгрэвомъ, который показалъ, какъ послѣдовательно и ясно выражаютъ приказанія боцмана и капитана крѣпическое положеніе судна. Эти слова команды не только умѣстны въ данныхъ условіяхъ, но они — единственные возможны. Особенно любопытенъ приказъ боцмана — *Опускъ брантены*: во времена Шекспира это былъ пріомъ, только что изобрѣтенный и признаваемый далеко не всѣми специалистами. Книгъ объ этихъ предметахъ не было, и Шекспиръ, очевидно, узналъ о нихъ изъ бесѣдъ съ знатоками морского дѣла.

Стр. 451. Просперо:

Покойся здѣсь, ты символъ чаръ моихъ.

«Покойся, мое искусство», — говоритъ онъ въ подлинникѣ. Стивенсъ напоминаетъ по этому поводу: «Лордъ Бурлой, казначей королевы Елизаветы, сбрасывалъ по вечерамъ свое должностное платье, говорилъ: полежа, лордъ казначей».

Стр. 451. Просперо: *Но встану я.*

Таковъ дословный переводъ выраженія, смыслъ котораго остается невыясненнымъ. По мнѣнію Блэкстона слова эти произноситъ Миранда, на что Просперо отвѣчаетъ ей: *Сиди и слушай*. Стивенсъ полагаетъ, что Просперо встаетъ, выражая этимъ повышенный интересъ своего дальнѣйшаго разсказа. По указанію, прибавленному Дайсомъ, Просперо здѣсь снова облачается въ свою волшебную мантию. Стаунтонъ полагаетъ, что эти слова обращены къ Аріэлю.

Окорный предайся сну—

Онъ принесетъ тебѣ успокоеніе.

Въ подлинникѣ онъ говоритъ: «это хорошій сонъ». Комментаторы, ссылаясь на прежніе настоячивые вопросы Просперо: *Но слушай же, Миранда* (стр. 452), *Ты не слышишь?* (стр. 453) и т. п., утверждаютъ, что Миранда усыплена отцомъ.

Стр. 464. Аріэль:

*На стѣнѣ, марсѣ, на реп, на бусприпѣ
Нежданное бросаю я нѣмля.*

Рѣчь идетъ объ электрическомъ свѣтовомъ явленіи, извѣстномъ подъ названіемъ огней св. Эльма; это огоньки, появляющіеся во время грозъ на остроконечныхъ и возвышенныхъ мѣстахъ. При Шекспирѣ ихъ считали дѣйствіемъ духовъ.

Стр. 455. Просперо: *Такъ, склянки на ден.*

То есть на два часа. Въ морскомъ обиходѣ и теперь каждый часъ «бьютъ склянки».

Такъ ты забылъ, чѣмъ ты обязанъ мнѣ.

По народному повѣрью надшіе духи обитали въ стихіяхъ; самыми недоброжелательными считались духи земли, жившіе въ пещерахъ и пропастьяхъ (Калибанъ), болѣе милостивыми представлялись духи огня и воздуха; ихъ можно было покорять своей волѣ, но они страдали отъ этого. Отсюда просьбы Аріэля о свободѣ.

Стр. 456. Просперо:

Но за одно какое-то дѣланье

Чтобъ наградить, оставили ей жизнь.

Точнѣе: «по одной причинѣ ее оставили въ живыхъ». Деліусъ полагаетъ, что объясненія этой причины надо искать въ дальнѣйшихъ словахъ Просперо о томъ, что въ это время у нея былъ сынъ: Сикораксу не убили въ Алжирѣ, потому что у нея былъ ребенокъ.

Въ то время былъ у синеглазой сынъ.

Синіе бѣлки или синяки подъ глазами — обычный признакъ вѣдмы.

Отъ истомленья

Ея земныхъ, неистовыхъ затѣй.

Земныхъ — earthy — грубыхъ, пошлыхъ, похотливыхъ.

Стр. 457. Калибанъ:

Пусть вредная роса,

Которую сбирала Сикоракса

Перомъ вороньимъ.

Въ книгѣ «De proprietatibus rerum» (1582), вѣроятно, извѣстной Шекспиру, говорится о вороньихъ перьяхъ вѣдмъ. Здѣсь упоминается греческое названіе ворона согах, которое могло быть источникомъ имени Сикораксы. Въ той же книгѣ говорится о вредоносномъ и горячемъ южномъ вѣтрѣ, о которомъ ниже говоритъ Калибанъ:

Пусть знойный вѣтеръ юга

Струнгами покроетъ ваше тѣло.

Стр. 457. Просперо: *И исцѣпять тебя, какъ сотъ медовый.*

Чтобы укусы такъ плотно покрывали его тѣло, какъ ячейки въ сотахъ.

Стр. 458. Калибанъ: *Ою-ю-ю!*

Это не обычное восклицаніе: О ho! — характерный возгласъ дьявола въ старой англійской мистеріи.

Пусть поразитъ васъ красная болѣзнь.

Нѣкоторые думаютъ, что эта «красная болѣзнь», не разъ упоминаемая Шекспиромъ, есть рожа.

Что Сетебось, богъ матери моей.

Дьяволъ патагонцевъ, о которомъ Шекспиръ могъ читать въ Edew's Historie of Travayle in the West und East Indies. (Въ вступит. статьѣ на стр. 438 по ошибкѣ напечатано Сатебось).

Стр. 458. *Является Аріэль невидимкою.*

Невидимкою, конечно, лишь для дѣйствующихъ лицъ. Вѣроятно, это отмѣчалось условнымъ платьемъ. Въ старинномъ спискѣ театральнаго гардероба (1598), между прочимъ, значится «костюмъ для невидимки».

Стр. 459. Фердинандъ:

Увы! Король Неаполя ужъ слышитъ,

Какъ плачу я.

Утонувшій король Неаполя—его отецъ—обратился въ духа и слышитъ его съ того свѣта.

И герцогъ съ нимъ миланскій, и его

Прекрасный сынъ—погибли вѣсь.

Очевидная ошибка поэта, такъ какъ ниже, гдѣ являются на сцену всѣ спасенные отъ ко-

раблекрушенія, никакого сына миланскаго герцога нѣтъ. Отвѣтъ Просперо покоится на томъ, что единственнымъ подлиннымъ герцогомъ миланскимъ онъ считаетъ себя.

Стр. 460. Просперо:

Боюсь, что вы обидѣли себя.

Объявивъ себя неаполитанскимъ королемъ, Фердинандъ напрасно обидѣлъ себя, такъ какъ онъ не оспротѣлъ и отецъ его живъ.

Стр. 460. Фердинандъ (*вынимаетъ мечъ*).

Въ изданіи folio прибавлено: «я цѣпенѣтъ отъ движенія» (чародѣя Просперо).

Стр. 426. Себастьянъ: *Закладъ я уплатилъ.*

Изд. folio приписываетъ эти слова Антонію. Но такъ какъ Адрианъ первый началъ споръ, старый пѣтухъ запѣлъ раньше, то Антонію выигралъ, а Себастьянъ платилъ—смѣхомъ.

Стр. 462. Антонію: *Да, умирненность нѣжная женщины.*

Непереводимая игра словъ. Говоря о климатѣ острова, Адрианъ вм. temperature употребляетъ вычурное выраженіе temperance, которое Антонію принимаетъ за имя какой-то своей знакомой и подтверждаетъ: Да, Темперенція нѣжная женщина.

Стр. 462. Гонзало: *Конечно, нѣтъ, со временъ вдовы Дидоны.*

Благодаря Гоуэру, Чосеру и особенно Марло (драма Dido, Queen of Carthage) Дидона, царица Карфагена и покинутая возлюбленная Энея сдѣлалась въ шекспировской Англіи популярнымъ образомъ; у Шекспира особенно часты намеки на нее.

Стр. 462. Антонію: *Его языкъ точно волшебная флейта.*

Въ подлинникѣ волшебная арфа: намекъ на арфу Зевесова сына Амфіона, по чародѣйственнымъ звукамъ которой камни сами сложились въ стѣны еванской крѣпости. Имъ подобенъ языкъ Антонію, однимъ звукомъ соединившій Карфагенъ съ Тунисомъ.

Стр. 463. Гонзало: *Въ самомъ дѣлѣ?*

Ироническое «Лу?—Въ самомъ дѣлѣ?»—которымъ Гонзало заканчиваетъ остроты придворныхъ; въ редакціи Staunton'a вложено въ уста королю Алонзо въ видѣ вздоха, съ которымъ онъ пробуждается отъ своего глубокаго раздумья.

Стр. 463. Францискъ:

*Казалось, самъ берегъ понижалъ
Избитое волнами основанье,
Чтобы принять его.*

Смыслъ подлинника таковъ: нижняя часть берега подрыта волнами и верхняя свѣшивается надъ нею. Казалось, что она склоняется еще болѣе къ водѣ, чтобы приблизиться къ плывущему Фердинанду.

Стр. 464. Гонзало.

Въ противность вѣтъмъ извѣстнымъ учрежденьямъ

Развѣтъ бы я республику мою.

Это сатирическое изображеніе государственной утопіи опирается—въ нѣкоторыхъ частяхъ, вплоть до обещанія Гонзало затмить своимъ правленіемъ золотой вѣкъ, дословно на одно мѣсто изъ «Опытовъ» Монтэня, а именно изъ гл. 30, кн. I, озаглавленной «О каннибалахъ»; этотъ заголовокъ могъ навести на имя Калибана. Въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ хранится экземпляръ англійскаго перевода «Опытовъ» Монтэня (1603 г. пер. Флоріо), принадлежавшій самому Шекспиру съ его собственноручной надписью «Willm. Shakspere»

Стр. 464. Себастьянъ: *И почили бы въ потемкахъ на охоту за птицами.*

Намекъ на употребительный при Шекспирѣ способъ охоты на птицъ ночью при факелахъ, подробно описанный въ современной поэту книгѣ «Markham's Hunger's Prevention» (1600).

Стр. 466. Антонію:

*Нѣтъ, пусть она останется въ Тунисѣ
И бодрствуетъ, проснувшись, Себастьянъ!*

Эти слова также должны быть заключены въ кавычки, такъ какъ въ подлинникѣ они принадлежатъ къ возгласамъ «каждаго фута пространства», вызывающаго къ Кларибеллѣ: Оставайся въ Тунисѣ, пусть Себастьянъ не спитъ.

Стр. 468. Калибанъ:

Они толпой преслѣдуютъ меня.

Дальнѣйшее описаніе мученій, причиняемыхъ духами, заимствовано изъ той же книги Nagrett's Declaration of Popish Impostures, откуда Шекспиръ черпалъ соответственныя свѣдѣнія для разсказовъ Эдгара-Тома въ «Королѣ Лирѣ».

Стр. 468. Странная рыба? *Если бѣ я былъ теперь въ Англіи п. т. д.*

Странныя животныя и рыбы выставлялись на показъ и привлекали толпы любопытныхъ. Ср. разсказъ Автолика въ «Зимней сказкѣ».

Заплатятъ десять, чтобы взять у мертвца индѣйца.

Также за деньги показывали привезенныхъ изъ-за моря дикарей, не только живыхъ, но также набальзамированныхъ покойниковъ и чучела.

Стр. 469. Стефано: *Нѣтъ ли здѣсь чертей? Не вздумали ли они для потѣхи наряжаться дикими или индѣйскими людьми?*

Уарбертонъ видитъ въ этомъ насмѣшку надъ расказами Мандевилля, который въ описанія своихъ путешествій внесъ всѣ баснословные разсказы Плинія объ одноглазыхъ, одноногихъ, безголовыхъ людяхъ и т. п.

Обо мнѣ не даромъ говорили: «самый твердый человекъ, который когда-либо ходилъ на четверенькахъ» и т. д.

Стефано принимаетъ за четвероногое чудище сдѣлавшихся Тринкуло и Калибана и сообразно этому измѣняетъ пословицу, которая говоритъ о твердомъ человѣкѣ на двухъ ногахъ.

За сколько бы я его ни продалъ, все будетъ слишкомъ дешево.

По объясненію Босвелля, Стефано говоритъ иронически: возьму за него, сколько могу; Мэлонъ, наоборотъ, толкуетъ эти слова такъ: сколько я ни получу за него, все будетъ слишкомъ много, то-есть онъ ничего не стоитъ: объясненіе, прямо противоположное принятому переводчикомъ.

Вотъ это развяжетъ твой языкъ, котенокъ.

Намекъ на англійскую пословицу: отъ хорошей выпивки и кошка заговоритъ.

Стр. 470. Стефано: *Уйти отъ него поскорѣе: у меня нѣтъ длинной ложки.*

Намекъ на англійскую пословицу: кто ѣстъ съ чортомъ, долженъ запастись длинной ложкой.

Стр. 470. Калибанъ!

*Тебѣ, твою собаку и твой кустъ
Миранда мнѣ показывала часто.*

Пятна на лунѣ, дѣлающія ее схожей съ чело-вѣческимъ лицомъ, объяснялись средне-вѣковыми воображеніемъ по своему; нѣкоторые видѣли въ «лунномъ человѣкѣ» Каина, нѣкоторые израиль-ты

нина, собиравшаго въ субботу дрова и зато побитаго камнями. Быть можетъ, въ связи съ этимъ «лунный человѣкъ», бывшій постояннымъ типомъ старо-англійской сцены, изображался здѣсь съ вырваннымъ кустомъ или связкой хвороста на спинѣ и съ собакою. Ср. «Сонъ въ лѣтнюю ночь», д. V, сд. I.

Стр. 472. Фердинандъ: *Есть радости, что связаны съ мученьемъ.*

Въ подлинникъ: «Есть игры, связанные съ напращиваніемъ».

Стр. 472. Миранда: *Оно въ огнь заплачетъ оттого.*

Намекъ на капли воды, выступающія въ огнѣ изъ сырого дерева.

Стр. 472. Фердинандъ: *Чудесная Миранда.*

Въ подлинникъ игра словъ: *Admired Miranda*—оба слова происходятъ отъ одного корня и оба означаютъ: возбуждающая удивленіе.

Стр. 474. *Входятъ Стефано и Тринкуло; за ними Калибанъ.*

Въ согласіи съ изд. folio Дайсъ исправилъ это указаніе: впереди, какъ и было указано въ концѣ прошлаго акта, идетъ Калибанъ, указывающій путь, а за нимъ уже Стефано и Тринкуло.

Стр. 474 Тринкуло: *Намѣстникомъ—пожалуй, а знаменосцемъ ему не быть.*

Игра словъ: *standard* значить и знаменосецъ и прямо растущее дерево, между тѣмъ Калибанъ пьянъ.

Стр. 474. Калибанъ: *Лжешь ты самъ, намѣстникъ—обезьяна.*

Такъ называетъ Калибанъ Тринкуло, которому приписываетъ слова Аріэля.

Стр. 476. Калибанъ:

*Заставь его уснувшимъ, постарайся
Ты книгами сначала овладѣть.*

Книги съ волшебными формулами считались вмѣстѣлищемъ и орудіемъ тайной мудрости.

Стр. 476. Тринкуло: *Это голосъ нашей тѣни, напирываемой господникомъ Никто.*

Никто—комическая фигура на популярной въ то время каррикатурѣ-выѣскѣ. Тринкуло называетъ такъ музыканта, такъ какъ Аріэль невидимъ.

Стр. 477. Стефано: *Я хочу непременно видѣть этого барабанщика.*

О духѣ, заманивающимъ путниковъ звуками барабана, Шекспиръ могъ читать въ путешествіи Марко Поло, англійскій переводъ котораго былъ сдѣланъ Фрамитономъ (1579).

Стр. 477. Алонзо: *О, что за звукъ? Послушайте, друзья!*

Эти слова Алонзо произноситъ еще до появленія «масокъ»; при появленіи ихъ говорить:

О, небеса, предохраните насъ.

И наконецъ, когда онѣ исчезаютъ:

Кто это былъ?

Стр. 477. Себастьянъ:

Живыя существа.

Въ подлинникъ онъ говоритъ а *living drollery*—живая потѣха; такъ назывались представленія, гдѣ пьесы, написанныя для кукольнаго театра, исполнялись живыми людьми.

Что дерево какое-то растетъ

Въ Аравіи и служитъ будто трономъ

Для феникса.

Плиній рассказываетъ о чудесномъ деревѣ, которое умираетъ вмѣстѣ съ живущей на немъ и отъ него получившей названіе птицей фениксъ, которая затѣмъ возрождается.

Стр. 478. Гонзало:

*Что горцы есть... у которыхъ къ горламъ
Прикрыты мясистые мѣшки.*

Обыкновенный зобъ, столь обычный у альпійскихъ горцевъ, казался въ Шекспировской Англіи столь необыкновеннымъ явленіемъ, что его приравнивали къ баснословнымъ людямъ съ ляцомъ на груди, о какихъ рассказывалъ Отелло (д. I, сд. 3).

Придется вѣрять тѣмъ,

*Которые, изъ странствій возвратившись,
О чудесахъ рассказываютъ намъ.*

Въ подлинникъ говорится о чудесахъ «за которые ручаются застраховавшіеся въ пять разъ». Такъ Шекспиръ называетъ путешественниковъ въ далекія страны въ связи съ обычаемъ, по которому всякій, отправлявшійся въ далекое путешествіе, вносилъ извѣстную сумму въ видѣ страховки: онъ терялъ ее, если погибалъ, и получалъ въ уплатереномъ размѣрѣ, если оставался цѣль.

Является Аріэль въ видѣ Гарпіи.

Идея изобразить Аріэля Гарпіей—мифологическимъ чудовищемъ—могла быть подсказана Шекспиру Виргиліемъ.

Стр. 458. Просперо:

И въ самомъ изступленіи

Своемъ ты былъ такъ нѣженъ и хорошъ.

Въ подлинникъ говорится, что Аріэль былъ хорошъ, поглощая яства.

Стр. 482. Церера:

Съ тѣхъ поръ, какъ стала жертвою Плутона

По милости изъ козней дочь моя.

Прозерпина, дочь Цереры, унесена влюбленнымъ въ нее Плутономъ въ его царство—преисподнюю.

Стр. 482. Ириса: *Сынъ и она на новость про-
неслись.*

По ошибкѣ вм. Павось—мѣстопробываніе Венеры.

Стр. 485. Тринкуло: *О, король Стефано, о благородный Стефано.*

Намекъ на популярную балладу о *скутомъ* королѣ Стефанѣ. Въ «Отелло» ее поетъ Яго.

Ну вотъ теперь кафтанъ подъ вереской.

Въ дальнѣйшемъ діалогѣ рядъ непереводаемыхъ и отчасти непристойныхъ каламбуровъ.

Стр. 487. Просперо:

Васъ эльфы горъ, источниковъ, льсовъ.

Въ этомъ заклинаніи Шекспиръ заимствовалъ кой что изъ заклинанія Меды у Овидія.

Стр. 488. Просперо: *Ну, хорошо.*

По мнѣнію Делюса, эти слова относятся къ помощи, которую Аріэль оказываетъ Просперо при переодѣваніи. Другіе видятъ въ нихъ утвердительный отвѣтъ Просперо на просьбы Аріэля о свободѣ.

Стр. 492. Стефано, *Coragio, милое чудовище, coragio.*

Это итальянское выраженіе—смѣль!—было въ модѣ въ шекспировской Англіи.

Стр. 492. Калибанъ:

О какъ горюю мой старый господинъ.

Калибанъ никогда не видѣлъ Просперо въ герцогскомъ одѣяніи.

Стр. 493. Эпилогъ:

И бремя узъ падетъ отъ вашихъ рукъ.

Эти намеки на желательныя рукописскія публички заключаются почти во всѣхъ эпилогахъ шекспировскихъ драгъ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VIII.

(King Henry VIII).

Стр. 507. Прологъ:

*Одни охотники до пьесъ смѣшныхъ, безчинныхъ,
До разныхъ молодцовъ въ кафтаныхъ перстрыхъ, длинныхъ.*

Эти пестрые балахоны, къ которымъ подлинникъ прибавляетъ еще желтую строчку, — обычный нарядъ театральнѣхъ шутовъ, которыхъ не будетъ въ этой серьезной и торжественной пьесѣ.

Стр. 508. Норфолькъ: *Я видѣлъ ихъ межъ Гейнесомъ и Ардомъ.*

Города въ Пикардїи, первый принадлежалъ англичанамъ, второй—французамъ. Въ расположенной между ними Ардской долинь, о которой упоминается выше, произошло знаменитое и пышное свиданіе королей англійскаго и французскаго.

Стр. 508. Норфолькъ: *А завтра англичане превратятся вдругъ въ Индію.*

Въ подлинникѣ Англія превращалась въ Индію. Англичане были такъ усыпаны драгоценностями, точно ихъ отечествомъ была Индія, родина драгоценныхъ камней.

Стр. 508. Норфолькъ:

Такъ что изъ

И самый трудъ румянилъ мило.

Обремененныя тяжелыми и драгоценными уборами, дамы раскраснѣлись, какъ будто нарумяненыя. Напыщенный оборотъ, характерный для придворной изысканности елизаветинской эпохи.

Стр. 508. Норфолькъ:

*Которая насъ заставляла вѣрить
Всѣмъ сказочнымъ преданьямъ, даже сказку
Про Бевица.*

Подвиги рыцарей были такъ невѣроятны, что внушали вѣру даже въ баснословные рассказы о богатырѣ Бевицѣ, саксонцѣ, побѣдившемъ въ поединкѣ великана Аскапарту и получившемъ отъ Вильгельма Завоевателя графскій титулъ.

Стр. 509. Букингемъ: *Не диво ли, что этотъ салый комъ.*

Въ подлинникѣ «мясной комъ», по предположенію Стивенса — одинъ изъ нѣсколькихъ, встрѣчающихся въ этой пьесѣ, намековъ на происхожденіе Вольсея, который былъ сыномъ мясника.

Стр. 510. Букингемъ: *О, многие себя сжюмали спины, взаимно на нихъ полнѣесть въ свои.*

То-есть многие, потративъ все свое состояніе на роскошныя одѣяніе и вооруженіе, пали подъ ихъ тяжестью, т.-е. раззорились.

Стр. 510. Букингемъ:

*Когда затѣмъ ужасный ураганъ
Послѣдовалъ.*

Хроника Голлиншеда сообщаетъ: «въ понедѣльникъ 18 іюня разразилась страшная буря, которую многие приняли за предсказаніе неминуемыхъ раздоровъ и распри между государями».

Стр. 510. *Входитъ кардиналъ Вольсей. Внепреди него несутъ кошель.*

Въ кошелѣ этомъ находится государственная печать, которую онъ завѣдустъ въ качествѣ хранителя печати. О пышности, съ которой кардиналъ появлялся при исполненіи своихъ обязанностей, Голлиншедъ и другіе источники Шекспира рассказываютъ: когда онъ шествовалъ къ суду, онъ былъ облаченъ въ пурпурную тафту съ собольей оторочкой; въ рукахъ онъ держалъ пустой апельсинъ, содержащій губку, пропитанную ароматическимъ уксусомъ, — чтобы предохра-

нить себя отъ дурного запаха въ переполненныхъ залахъ. Государственную печать, кардинальскую шапку и два большихъ епископскихъ креста несли передъ нимъ; два кавалера съ обнаженными головами шли впереди, восклицая: «Дорогу его лордской милости»... За ними слѣдовали скиптроносцы и драбанты съ вызолоченными аллебардами. Затѣмъ слѣдовалъ онъ самъ на мулѣ съ красной попоной и съ золотыми стремянами. Шествіе заключала длинная вереница лордовъ и джентльменовъ.

Стр. 510. Вольсей: *А! идѣ-жъ допросъ?*

То-есть протоколъ о показаніяхъ управляющаго Букингема.

Стр. 510. Букингемъ: *Песъ мясника наполнилъ ядомъ нать.*

Это прозваніе Вольсея — сына мясника — было въ ходу еще въ его время.

Стр. 511. Букингемъ:

Да, нищая порода

Предпочтена дворянской крови.

Въ подлинникѣ: «книга нищаго выше знатной крови», т.-е. ученость незнатнаго Вольсея оказывается выше породы благороднаго Букингема.

Надменное нахальство

Ипсвичскаго мерзавца.

Вольсей былъ родомъ изъ города Ипсвича.

Душа и самъ

Другъ друга въ немъ взаимно заражаютъ.

Министръ въ Вольсеѣ портитъ челоуѣка, челоуѣкъ портитъ министра.

Сцена II. Стр. 513. Король:

Ужъ я стою подѣ выстрѣлами бунта

Смертельную—вы разогнали ихъ.

Такъ фигурально выражается король о предполагаемомъ заговорѣ Букингема, сравнивая его съ зараженной пушкой.

Стр. 516. Управитель:

Мы были въ домѣ Розы—

Лаврентія Полтнейскаго приходъ.

Въ старомъ Лондонѣ, — какъ и въ другихъ городахъ,—дома обозначались по эмблемамъ и названіямъ; указывались и приходы, здѣсь—церкви св. Лаврентія.

Стр. 516. Управитель: *Однажды въ Гринвичѣ милорду былъ данъ выговоръ за Бломера Вильяма.*

Голлиншедъ относитъ къ 1520 г. слѣдующее сообщеніе: «Король, засѣдая въ Звѣздной Камерѣ въ судѣ, порицалъ рыцаря Сэра Вильяма Бломера за то, что тотъ, несмотря на присягу, отказался отъ королевской службы и поступилъ къ герцогу Букингему; но въ заключеніе король простилъ его».

Стр. 517. Камергеръ: . . . *Что самый носъ его*

Совѣтникомъ Пепина или Клотара

Еще служилъ.

Англичане въ поѣздѣ научились придавать себѣ видъ опытныхъ и старыхъ государственныхъ мужей, точно они служили еще при древнихъ короляхъ франковъ—Пипинѣ и Лотарѣ.

Стр. 517. Камергеръ: *Я никогда не думалъ бы, что чары и т. д.*

Французскія

О разнообразныхъ модахъ, вывезенныхъ молодыми англичанами изъ Франціи, Голлиншедъ рассказываетъ: «эти молодые люди, возвратившись въ Англію, обратились совсѣмъ во французовъ не только въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ, но и въ порокахъ и хвастовствѣ, такъ что, сдѣлались посмѣшнымъ для всѣхъ сословій родины. Они оскорбляли благородныхъ женщинъ, и все, что было не по французскому образцу, вызывало ихъ порицаніе».

Стр. 558. Екатерина:

*Что, Пациенца, послано письмо,
Которое я написать просила?*

Письмо это, сообщенное Голлиншедомъ въ извѣщеніи, сохранилось въ «Жизни Генриха VIII» Герберта.

Стр. 558. Екатерина: *Не стоила-бъ прекраснѣйшаго мужа, хоть родомъ будь онъ истый дворянинъ.*

Малонъ толковалъ слова подлинника въ томъ смыслѣ, что Екатерина проситъ короля выдать ей прислужницъ за дворянъ. Но дѣйствительное письмо Екатерины не даетъ на это права.

Стр. 560. Гардинеръ: *Да; съ Суффолькомъ играетъ онъ въ примеро.*

Primerо или prima vista—при Шекспирѣ любимая карточная игра, правила которой неизвѣстны.

Стр. 565. *Наверху въ окна показываются король и Вотсъ.*

На Шекспировскомъ театрѣ король показывался въ одномъ изъ двухъ оконъ балкона. Затѣмъ Вотсъ задерживалъ занавѣску подъ балкономъ—и изъ-за нея позже выходилъ разгнѣванный король.

Стр. 566. Гардинеръ:

*Германскіе сосѣди показали
Такой примѣръ печальный.*

Гардинеръ намекаетъ на возстаніе саксонскихъ и тюрингенскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ реформатора Томаса Мюнцера (1524 г.).

Стр. 568. Король:

*Я думаю, что рады были бъ вы
Не тратиться на ложки.*

Дожина серебряныхъ вызолоченныхъ ложекъ была обычнымъ подаркомъ крестнаго отца. Онѣ назывались «апостольскими ложками», такъ какъ на ручкахъ ихъ были изображенія двѣнадцати апостоловъ.

Стр. 569. Привратникъ: *Никакъ вы королевскій дворъ приняли за Парижскій садъ.*

Названіе Парижскаго сада носила мѣстность въ Лондонѣ на южномъ берегу Темзы неподалеку отъ шекспировскаго «Глобуса». Во времена Ричарда II Робертъ Парижскій завелъ здѣсь медвѣжь бои, которые оставались любимымъ развлеченіемъ мѣстнаго населенія.

Стр. 570. Помощникъ: *Да вѣдь я не Самсонъ, не сэръ Гуго, не Кольбрандъ.*

Три знаменитыхъ силача: Самсонъ изъ Ветхаго Завета, сэръ Гуго (Guy) графъ Варвикъ и побѣжденный имъ въ турнирѣ датскій великанъ Кольбрандъ.

Стр. 570. Привратникъ: *Что это—Мурское поле, что ли?*

Мурфильдъ—большое поле на сѣверѣ Сити—предназначенное для военныхъ упражненій городской милиціи, было такою же приманкою для любопытныхъ, какъ какой-нибудь индійскій ди-каръ, какихъ тогда показывали въ Лондонѣ. На

послѣднихъ намекъ также въ «Бурѣ» (д. II, сц. II)

Стр. 570. Помощникъ:

*Онъ долженъ быть льдинокъ, потому что,
Клянусь совѣстью, у него въ носу цар-
ствуетъ теперь двадцать канникулярныхъ
оней.*

Намеки на красный носъ любопытнаго.

*Пока ея приплюснутая лиска не полетѣла
съ ея головы.*

Женщины изъ народа носили чепцы, напоминающие миски.

*Къ ней на помощь кинулось человѣкъ со-
рокъ палочниковъ—надежда Странда.*

Страндъ—людная улица Лондона: здѣсь было много той буйной молодежи изъ простонародья, о которой говорить ниже привратникъ.

Стр. 570. Привратникъ: *Кромѣ товерильскаго
чеха да членовъ Лаймгоуза.*

Шумъ, который поднимаютъ въ партерѣ молодые бездѣльники, дерущіеся изъ-за обгрызаннаго яблока, брошеннаго имъ изъ хорошихъ мѣстъ, такъ великъ, что его могутъ стерпеть лишь столь смиренные люди, какъ пуритане, собирающіеся у Тоуэра и въ Лаймгоузъ—въ двухъ миляхъ по Темзѣ отъ Лондона.

Я засадилъ уже въ Limbo Patrum.

In limbo patrum—въ преддверіи ада, здѣсь—въ тюрьмѣ.

Стр. 570. Камергеръ:

Я васъ упрячу

Недѣль на восемь въ ближнюю тюрьму.

Въ подлинникѣ болѣе опредѣленно: онъ грозитъ заставить ихъ играть (исполнять принудительныя работы) въ тюрьмѣ Марчелъзи.

Стр. 571. Король: *У васъ, моиже достойныхъ
восприѣмницъ, рука щедра ужъ слишкомъ.*

Хроникеръ рассказываетъ: архіепископъ кантерберійскій подарилъ новорожденной принцессѣ золотую чашу; герцогиня Норфолькъ золотую чашу съ жемчугомъ; маркиза Дорсетъ три вызолоченныхъ чаши. и т. д.

Стр. 571. Кранмеръ: *Саба*

Во весь свой вѣкъ такъ не любила мудрость.

Царица Савская,—извѣстная своимъ умомъ почитательница Соломона Мудраго.

Творца земли познаютъ всѣ, какъ должно.

Намекъ на религіозную реформу, проведенную въ правленіе Елизаветы.

И новые народы создадутъ.

Намекъ на заселеніе Виргиніи въ Сѣв. Америкѣ, въ 1612 г. получившей отъ Якова II новыя учрежденія.

Стр. 572. Эпilogъ:

Вѣдь, былъ бы стыдъ и срамъ,

Чтобъ эти господа молчаніе хранили,

Когда бы оамы ихъ похлопать попросили.

Призывами къ рукоплесканіямъ зрительницъ кончаются также «Какъ вамъ угодно» и «Гонимыхъ IV», ч. II.

РИСУНКИ.

I.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

587. Периклъ. Заглавная виньетка къ «Периклу» извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта (Sir John Gilbert, род. 1817) 1
588. Греческій юноша. Античная статуя 2
589. Вооруженіе эллинскаго востока. (Изъ Пергамскихъ раскопокъ; барельефъ) 15
590. Покровительница города Антиохіи (Tiche Antiochia). Античная статуя IV вѣка до Р. X. (Ватиканъ) 17
591. Периклъ добываетъ руки дочери Антиоха. Рисунокъ Джильберта (Gilbert) 19
592. Царь изъ династіи Антиоховъ. Антиохъ III; античная статуя II вѣка до Р. X. въ парижскомъ Луврѣ 21
593. Древне-греческій корабль 24
594. Пентаполнскіе рыбаки. Рисунокъ Джильберта (Gilbert) 25
595. Древне-греческій рыбакъ. Античная статуя III вѣка до Р. X. (Римъ) 29
596. Рыбакъ. Античная статуя II вѣка до Р. X. (Римъ) 31
597. Периклъ-побѣдитель. Рисунокъ Джильберта (Gilbert) 33
598. Вооруженіе эллинскаго востока. Изъ пергамскихъ раскопокъ; III—II в. до Р. X. 35
599. Нептунъ. Античная статуя 36
600. Церионъ читаетъ грамоту Перикла. Рисунокъ Джильберта (Gilbert) 41
601. Гонцовка Джильберта (Gilbert) 42
602. Одежды гречанокъ (Античныя статуетки изъ Танагры) 45
603. Древне-греческія женскія украшенія. Древности С.-Петербургскаго Эрмитажа. («Художественныя Сокровища Россіи») 49
604. Бульть. Рисунокъ Джильберта (Gilbert) 52

605. Митилены стр. 53
606. Діана. (Знаменитая античная статуя въ Версали—такъ называемая «Версальская Діана») 59
607. Заглавная виньетка къ Троилу и Крессидѣ. (Древнѣйшій греческій орнаментъ. Глиняный саркофагъ изъ Клазоменъ: русская надпись и розетка подъ ней стилизованы) 61
608. Гомеръ. Античная статуя III—II в. до Р. X. (Потсдамъ, Сансусси) 62
609. Герои Троянской войны въ изображеніяхъ античныхъ вазъ; ваза въ Луврѣ: Ахиллесъ и Патроклъ прощаются съ родителями; James Millingen, Painted Greek vases. London. 1822 69
610. Мѣстность древней Трои. (Schliemann, Troja, Leipzig, 1884) 70
611. Древне-греческій юноша. (Аѳинскій акрополь, VI—V в. до Р. X.) 73
612. Пандаръ и Крессидѣ. (Дѣйствіе I. сл. 2). Картина англійскаго художника Кирка (Th. Kirk, † 1797). (Малая Бойделевская галлерея) 77
613. Древне-греческій воинъ, въ полномъ вооруженіи. (Античная статуя, Вердинъ, Антиквариумъ) 88
614. Парисъ. (Одна изъ статуй фронтона Эгинскаго храма Аѳины, нынѣ въ Мюнхенѣ; VI—V в. до Р. X.) 85
615. Меналей и Елена. Античная ваза, изъ коллекціи Бартольди въ Римѣ; James Millingen, Painted Greek vases. London. 182) 89
616. Крессидѣ. Картина президента Лондонской Академіи Художествъ Пойнтера (Edward John Poynter. R. A. P., род. 1836) 93
617. Древне-греческая золотая корона. Изъ микенскихъ раскопокъ Шлимана 102
618. Изъ Троянскихъ раскопокъ Шлимана (кубокъ) 103

	стр.		стр.
619. Остатки Троя. (Раскопки Шлимана в 1870-х гг.)	105	644. Семья Кориолана умоляет его пощадить Рима. Картина немецкого художника <i>Адамо</i> (Max Adamo, род. 1837)	205
620. Крессиды. Рисунок известного английского иллюстратора <i>Кини Медуса</i> (Kenpy Meadows, 1780—1874)	107	645. Кориолан и молящая его о пощаде Рима семья. Из незаконченных эскизов <i>Каульбаха</i> (Wilhelm Kaulbach)	207
621. Английская актриса XVIII вѣка <i>Килеръ</i> (Cuyler) в роли Крессиды	113	646. Концовка <i>Джилберта</i> (Gilbert)	209
622. Древне-греческий воин (Античная ваза в Ватиканском музее древностей)	117	647. Антоний и Клеопатра. Верх и низ. Виньетки—египетский орнамент (коршун—эмблема высшей силы; нижний рисунок—живопись на ящике с мумией). Медальоны (сильно увеличенная египетская серебряная монета с изображением Антония и Клеопатры в качестве супругов)	211
623. Троян подслушивает разговор Крессиды с Диомедом. Картина знаменитой швейцарско-английской художницы <i>Анджелики Кауфманъ</i> (Angelica Kauffmann, 1741—1807)	121	648. Смерть Антония и Клеопатры. Посмертный, незаконченный эскиз <i>Каульбаха</i> (Wilhelm Kaulbach)	212
624. Гекторъ, Андромаха и Кассандра. Картина английского художника <i>Кирка</i> (Thomas Kirk, † 1797). (Малая Бойделевская галерея)	125	649. Сфинкс. Древне-греческая статуя	226
625. Ахилл: «Гекторъ пал!» Рисунок <i>Джилберта</i> (Gilbert)	131	650. Аллегорическое изображение Нила. (Колоссальная античная группа II вѣка до Р. X. в Ватикане)	227
626. Кориоланъ. Капитолийская волчица. (Античная бронза, вѣроятно, IV вѣка до Р. X.; сосущие волчицу Ромуль и Ремъ—придѣланы в XVI вѣкѣ)	133	651. Древне-египетский орнамент. (Живопись на ящике с мумией)	228
627. Остатки древнѣйшей части Рима. (Стѣна Сервия Тулия)	134	652. Золотая монета с изображением Антония. Обратная сторона аллегория семейного счастья	
628. Капитолийский холмъ. Храмъ Юпитера. Храмъ Юноны. Тарпейская скала. Реконструкция итальянского архитектора-археолога <i>Канини</i> (Luigi Canina, 1795—1856)	145	653. Древне-египетская прическа. (Древне-египетское изображение принцессы Неферти)	231
629. Остатки древнѣйшей части Рима. (Круглый храмъ на берегу Тибра)	146	654. Клеопатра в видѣ Изиды. Египетский барельефъ эпохи Клеопатры	234
630. Волумния и Виргилия. Картина английского художника <i>Портера</i> (Robert Kere Porter, 1777—1842). (Малая Бойделевская галерея)	151	655. Клеопатра. Античная статуя в Британском музее	237
631. Кориоланъ. Рисунок <i>Джилберта</i> (Gilbert)	159	656. Египетская мѣдная монета с изображением Клеопатры	238
632. Кориоланъ-триумфаторъ. (Барельефъ английской скульпторши <i>Анны Дамеръ</i> (Anne S. Damer, 1748—1828). Большая Бойделевская галерея)	161	657. Богиня-покровительница города Александрии. (Серебряная чаша времени Августа из числа вещей, найденных в Воскореале; Париж, Лувръ)	238
633. Консулы, сенаторы и Кориоланъ. Рисунок <i>Джилберта</i> (Gilbert)	165	658. Римский орнамент. Помпейская мозаика	239
634. Остатки древнѣйшей части римского форума. (Храмъ <i>Кастора и Полукса</i> , V в. до Р. X.)	171	659. Золотая монета (увеличена) с изображением Лепида (Берлинский музей)	242
635. Кориоланъ: «Прочь, гниль негодная!» Рисунок <i>Джилберта</i> (Gilbert)	175	660. Цезарь Август. (Античная статуя; Флоренция, Уффици)	243
636. Римская матрона. Античная статуя	177	661. Клеопатра на Киднѣ. Картина знаменитого англо-голландского живописца <i>Альмы Тадемы</i> (Alma Tadema) род. 1836)	245
637. Палатинский холмъ. (Древнѣйшая часть Рима). Реконструкция <i>Канини</i>	185	662. Английская актриса XVIII вѣка <i>Гартлей</i> (Mrs. Hartley) в роли Клеопатры	247
638. Волумния проклинаетъ Брута и Цициния. Картина английского художника <i>сэра Джона Линтона</i> (sir John Drogmole Linton, род. 1840)	187	663. Знаменитая современная итальянская актриса <i>Дузе</i> (Eleonora Duse) в роли Клеопатры	249
639. Древне-итальянский городъ. (Реконструкция <i>Канини</i> древнихъ Вей)	189	664. Древне-римский орнамент. (Берлинский музей)	255
640. Кориоланъ в домѣ Авфида. Картина английского художника <i>Портера</i> (Robert Kere Porter, 1777—1842). (Малая Бойделевская галерея)	191	665. Английская актриса XVIII вѣка <i>Попъ</i> (Mrs. Pope) в роли Клеопатры	257
641. Римский центурионъ древнѣйшихъ временъ. (Античный барельефъ в Веронѣ)	197	666. Антоний в отчаяніи. (Дѣйствіе III, сц. 9). Картина английского художника <i>Трешема</i> (Henry Tresham, R. A. 1749—1814). (Большая Бойделевская галерея)	265
642. Англ. актриса XVIII в. <i>Йетсъ</i> (Yates) в роли Волумнии (дѣйствіе V, сц. 3)	201	667. Антоний: «Дай поцѣлуй одинъ». Онъ будетъ мнѣ за все вознагражденъ». Картина известного английского художника <i>Франка Дикси</i> (Frank Dicksee, род. 1853)	269
643. Мать и жена умоляютъ Кориолана пощадить Римъ. Картина английского живописца <i>Гавина Гамильтона</i> (Gavin Hamilton, 1730—1795). (Большая Бойделевская галерея)	203	668. Древне-египетская бездѣлушка	271
		669. Общій видъ пирамидъ	272
		670. Клеопатра. Картина <i>Альмы Тадемы</i> (Alma Tadema)	273
		671. Клеопатра помогаетъ Антонию одѣть доспѣхи. Картина <i>Генри Трешема</i> (Henry Tresham, R. A. 1749—1814)	275

672. Египтянка эпохи эллинизма. (Живопись на ящикѣ съ муміей II и III в. послѣ Р. Х.)	276	696. Милфордъ. Гравюра 1840-хъ гг. съ рисунка <i>Сарджента</i> (Sargent)	343
673. Египтянинъ эпохи эллинизма. (Живопись на ящикѣ съ муміей II и III в. послѣ Р. Х.)	277	697. Гвидерій: Я такъ тебя люблю, что и отецъ Родной мнѣ такъ но милъ. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	345
674. Древне-египетская религиозная живопись. (Судъ надъ усопшими въ подземномъ царствѣ; изъ рукописи «Книга о мертвыхъ», находящейся въ Британскомъ музеѣ)	285	698. Постумъ: Я сберегу тебѣ платокъ кровавый. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	353
675. Древне-египетскій сфинксъ (съ чертами царицы Гатчепсавиты. XVI вѣкъ до Р. Х.)	286	699. Зимняя сказка. Заглавная вѣньетка къ «Зимней сказкѣ» <i>Джильберта</i> (Gilbert)	367
676. Одна изъ древнѣйшихъ египетскихъ пирамидъ. (Вблизи Саккары)	287	700. Знаменитый итальянскій живописецъ <i>Джулио Романо</i> . Портретъ имъ самимъ рисованный (Julio Romano, 1492—1546)	368
677. Августъ—императоръ (Античная статуя, найденная въ 1863 г. въ виллѣ Ливии подъ Римомъ; теперь въ Ватиканѣ)	289	701. Рамка эпохи итальянскаго Ренессанса (1513), работы знаменитаго типографика-художника <i>Оттавиано деи Петручи</i> (Otaviano dei Petrucci) изъ Фоссампроне (въ Папской области)	378
678. Клеопатра передъ смертью. Барельефъ английской скульпторши <i>Анны Дамеръ</i> (Anno S. Damer, 1748—1828). (Большая Бойделевская галлерей)	295	702. Общій видъ на Сицилію. Гравюра 1840-хъ гг. съ рисунка <i>Сарджента</i> для изданія «The Book of Shakespeare Gems»	379
679. Хармиана: Потѣше, не будите спящей! Картина <i>Трешема</i> (Henry Tresham, R. A.). (Малая Бойделевская галлерей)	296	703. Леонть: Все руки не разнимають. Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника <i>Адамо</i> (Max. Adamo, род. 1837)	383
680. Цимбелинъ. Вѣньетка къ «Цимбелину» извѣстнаго англійскаго иллюстратора <i>сэра Джона Джильберта</i> (Sir John Gilbert), род. 1817	297	704. Леонть и Камилло. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	387
681. Древнѣйшіе остатки британской культуры (Стонгенджъ — Stonehenge — остатки храма или кладбища; повидимому, древнѣе вторженія римлянъ)	298	705. Леонть отнимаетъ сына у Герміоны. Картина <i>В. Гамильтона</i> (W. Hamilton, R. A.). (Малая Бойделевская галлерей)	389
682. Древняя монета съ изображеніемъ Кунобеллина	304	706. Антигонъ клянется бросить ребенка Герміоны. Картина извѣстнаго англійскаго живописца <i>Опи</i> (Opie, 1761—1807). Большая Бойделевская галлерей	393
683. Древне-британскіе щиты	305	707. Вѣгство Поликсена и Камилло. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	396
684. Цимбелинъ изгоняетъ Постума. Картина извѣстнаго англійскаго живописца <i>Гамильтона</i> (W. Hamilton, R. A., 1751—1801). (Большая Бойделевская галлерей)	306	708. Улица въ Сициліи. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	397
685. Прощаніе Имогены и Постума. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	309	709. Судъ надъ Герміоной. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	400
686. Корнелій даетъ королевѣ коробку съ ядомъ. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	317	710. Судъ надъ Герміоной. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	401
687. Іахимо въ спальнѣ Имогены. Картина извѣстнаго англійскаго живописца <i>Вестоля</i> (Richard Westall, R. A., 1765—1836). (Малая Бойделевская галлерей)	321	711. Антигонъ, преслѣдуемый медвѣдомъ. Картина англійскаго живописца <i>Джозефа Райта</i> (Joseph Wright of Derby, 1697—1764). (Большая Бойделевская галлерей)	403
688. Іахимо снимаетъ браслетъ съ руки Имогены. Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго художника проф. <i>Лиценмейера</i> (Liesenmeier, род. 1839)	323	712. Автоликъ. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	407
689. Іахимо показываетъ Постуму браслетъ Имогены. Картина <i>Вестоля</i> (Richard Westall). (Малая Бойделевская галлерей)	325	713. Поселянинъ помогаетъ Автолику встать. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	409
690. Августъ. (Античная статуя въ Мюнхенѣ)	327	714. Автоликъ расхваливаетъ свой товаръ. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	411
691. Аудіенція Луція у Цимбелина. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	329	715. Автоликъ расхваливаетъ свой товаръ. Картина извѣстнаго англійскаго художника <i>Лесли</i> (C. R. Leslie, R. A. 1794—1859)	413
692. Беларій, Гвидерій и Арвиратъ на молитвѣ. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	331	716. Пердита и Флоризель. Картина извѣстнаго англійскаго художника <i>Вильяма Гамильтона</i> (W. Hamilton R. A. 1751—1801)	415
693. Имогена: рази Любви пріютъ невинной — это сердце. Картина англійскаго художника <i>Гопнера</i> (John Hoppner, R. A., 1758—1810)	335	717. Флоризель и Пердита. Картина знаменитаго нѣмецкаго живописца <i>Габриеля Макса</i> (Gabriel Max, род. 1840)	417
694. Имогена въ пещерѣ. Картина <i>Ричарда Вестоля</i> (Richard Westall, R. A.). (Большая Бойделевская галлерей)	339	718. Поликсенъ и Камилло наблюдаютъ за Флоризелемъ и Пердитой. Картина англійскаго живописца <i>Лесли</i> (C. R. Leslie, R. A.)	421
695. Имогена въ пещерѣ. Картина англійскаго художника <i>Грехэма</i> (Graham)	341	719. Автоликъ: Развѣ ты не видишь по наружности, что я придворный. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert)	422
		720. Поликсенъ на сельскомъ праздникѣ.	

	СТР.		СТР.
Картина известного английского художника <i>Уитли</i> (Fr. Wheatley, R. A., 1748—1801) . . .	425	1747—1701). (Большая Бойделевская галерея) . . .	489
721. Гермиона под видом статуи. Картина <i>Гамильтона</i> (W. Hamilton, R. A.). (Большая Бойделевская галерея) . . .	429	743. Концовка . . .	493
722. Известная английская актриса 1840-х гг. <i>Уарнер</i> (Wagner) в роли статуи Гермионы . . .	432	744. Кардинал Вольсей. (Портрет его в Лондонской Национальной галерее) . . .	495
723. Заглавная виньетка к «Бурь» известного английского иллюстратора сэра <i>Джона Джильберта</i> (Gilbert, род. 1817) . . .	433	745. Книжная рамка эпохи Ренессанса. (Майнц, 1518; мастерская <i>Иоганна Шеффера</i> , Johann Schöffner; внизу кардинальская шапка) . . .	506
724. Бермудские острова. (Из издания <i>Найта</i>) . . .	434	746. Постановка «Генриха VIII» в Лондонском театре «Лусеум» (1892) знаменитым англ. актером сэром <i>Генри Ирвингом</i> (Sir Henry Irving). Выход Вольсея . . .	507
725. Книжная рамка эпохи Ренессанса (Аугсбург, 1520), работы известного <i>Данниела Гопфера</i> (Daniel Hopfer) . . .	448	747. Вольсей и Букпигамъ. Картина известного англ. художника <i>Соломона Гарта</i> (S. A. Hart, R. A., 1806—1881) . . .	509
726. Гибнущий корабль Алонзо. Картина знаменитого английского живописца <i>Ромнея</i> (George Romney, R. A. 1734—1802). (Большая Бойделевская галерея) . . .	449	748. Передъ дворцомъ. Постановка «Генриха VIII» знаменитым английским актером сэром <i>Генри Ирвингом</i> (Sir Henry Irving, род. 1838) в его театре «Лусеум» (1892) . . .	513
727. Миранда проситъ Просперо утишить бурю. Картина известного немецкого художника проф. <i>Генриха Гофмана</i> (Heinrich Hofmann род. 1842) . . .	451	749. Анна Болленъ. Современный портретъ . . .	517
728. Просперо и Калибанъ. Картина знаменитого англо-швейцарского живописца <i>Фюсли-Фузели</i> (Fuseli, R. A., 1742—1826) . . .	457	750. Лордъ Гильфордъ. Современный портретъ работы знаменитого немецкого художника <i>Гольбейна Младшего</i> (Hans Holbein, 1497—1543) . . .	521
729. Письмъ Ариэля. Картина известного английского живописца <i>В. Гамильтона</i> (W. Hamilton, R. A. 1751—1801). (Малая Бойделевская галерея) . . .	459	751. Балъ у Вольсея. (Появление короля и его свиты в маскахъ). Постановка Ирвинга в театре «Лусеум» (1892) . . .	523
730. Сякоракса вколачиваетъ Ариэля въ распещъ сосны. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert) . . .	461	752. Королева Екатерина. Портретъ работы голландского художника XVII вѣка <i>фанъ деръ Верфи</i> (van der Werf) . . .	529
731. Тринкуло, Стефано и Калибанъ. Картина известного английского жанриста <i>Смирки</i> (Rob. Smirke, R. A., 1752—1845). (Малая Бойделевская галерея) . . .	463	753. Судъ надъ королевой Екатериной. Постановка <i>Ирвина</i> (Irving) в театре «Лусеум» (1892) . . .	533
732. Калибанъ и Тринкуло. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert) . . .	465	754. Знаменитая английская актриса <i>Сиддонс</i> (Sarah Siddons, 1755—1831) в роли королевы Екатерины. Гравюра <i>Роджерса</i> (G. Rogers) . . .	536
733. Стефано даетъ Калибану вина. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert) . . .	469	755. Королева Екатерина слушаетъ письмо. Картина известного английского художника <i>Лесли</i> (Ch. Rob. Leslie, 1794—1859) . . .	537
734. Калибанъ: Свобода! у-у! Свобода! у-у Свобода! Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert) . . .	471	756. Кардиналы и королева Екатерина. Постановка <i>Irving'a</i> в театре «Лусеум» (1892) . . .	539
735. Миранда и Фердинандъ. Картина <i>Вильяма Гамильтона</i> (W. Hamilton, R. A.). (Малая Бойделевская галерея) . . .	473	757. Королева Екатерина и кардиналы. Картина известного английского художника <i>Петерса</i> (Rev. Mathew Peters, R. A. 1740—1814). (Большая Бойделевская галерея) . . .	541
736. Миранда. Изъ галлерей Шекспировскихъ героинь известного английского иллюстратора <i>Кини Мидоуса</i> (Keany Meadows 1790—1874) . . .	475	758. Графъ Серри (Earl of Surry). (Портретъ его в Лондонской Национальной портретной галерее) . . .	543
737. «Лабиринтъ, что весь изъ пероулковъ состоитъ». (Изъ издания <i>Найта</i>) . . .	479	759. Герцогъ Суффолькъ (Suffolk). Портретъ его в Лондонской National Portrait Gallery . . .	545
738. Просперо благословляетъ бракъ Миранды и Фердинанда. Рисунокъ <i>Джильберта</i> (Gilbert) . . .	481	760. Вольсей и насмѣхающіеся надъ нимъ послѣ его паденія придворные. Картина известного английского живописца <i>Весталл</i> (Rich. Westall, R. A., 1765—1836) . . .	547
739. Волшебное представление, устроенное Просперо. Картина английского художника <i>Джозефа Райта</i> изъ Дерби (Joseph Wright of Derby, 1697—1764). (Большая Бойделевская галерея) . . .	483	761. Герцогъ Норфолькъ. Портретъ кисти знаменитого немецкого художника <i>Ганса Гольбейна</i> (Hans Holbein, 1197—1543) . . .	551
740. Церера: Шумъ слышу я; царца къ намъ грядетъ. Я узнаю Юноны в немъ полетъ. Рисунокъ известного современного английского художника <i>Бэймъ Шоу</i> (Byam Shaw) . . .	485	762. Вольсей передъ смертью. Картина известного английского художника <i>Кона</i> (C. W. Cope R. A., 1811—1890) . . .	555
741. Виньетка къ 5-му действию «Буря». <i>Бэймъ Шоу</i> (Byam Shaw) . . .	486	763. Королева Екатерина в Кимболтонѣ. Картина <i>Весталл</i> (Westall). (Малая Бойделевская галерея) . . .	557
742. Фердинандъ и Миранда, играющие въ шахматы. Картина известного английского художника <i>Уитли</i> (Francis Wheatly,		764. Томасъ Моръ. Портретъ кисти <i>Гольбейна</i> (Holbein) . . .	559

765. Кранмеръ. (Kranmer). Портретъ его въ Лондонской National Portrait Gallery . . . 560
766. Докторъ Ботсъ (Sir William Butts. M. D.). (Портретъ его въ Лондонской національной портретной галлерей) . . . 561
767. Генрихъ VIII и Кранмеръ. Картина *Вестоля* (Westall, R. A.). (Малая Бойделевская галлерей) . . . 563
768. Крестины Елизаветы. Картина известнаго англійскаго художника *Петерса* (Rev. Matthew Peters, 1740—1814). (Большая Бойделевская галлерей) . . . 569
769. Книжная рамка эпохи Ренессанса.

II.

Автотипиіи на отдѣльныхъ листахъ.

35. Знаменитый англійскій актеръ *Кембл* (John Kemble, 1757—1823) въ роли Коріолана.
- 36, 37. Рисунки известнаго англійскаго иллюстратора-прерафаэлиты *Вальтера Крэн* (род. 1845) къ «Бурѣ». (Illustrations to Shakespeare's Tempest by Walter Crane. 1893).
38. Генрихъ VIII. Портретъ кисти знаменитаго нѣмецкаго художника *Гольбейна младшаго* (Hans Holbein, 1497—1513).
39. Генрихъ VIII и Анна Болленъ на балу у Вольсея. Картина известнаго англ. художника *Стотарда* (Thomas Stothard, 1755—1834). Большая Бойделевская галлерей).

40. Анна Болленъ (Anne Bolleyn) Портретъ ея въ Лондонской Национальной портретной галлерей.

41. Вольсей въ опалѣ. Картина известнаго англ. художника *Вестоля* (Richard Westall, R. A., 1765—1836). (Большая Бойделевская галлерей).

III.

Фотогравюры и хромолитографіи.

31. Кассандра. Картина знаменитаго англ. художника *Ромпея* (George Romney, R. A., 1734—1802).
32. Юная Клеопатра и Юлій Цезарь. Картина знаменитаго франц. художника *Жерома* (Gérôme, p. 1824).
33. Смерть Клеопатры. Картина знаменитаго нѣм. художника *Макарта* (Hans Makart, 1840—1884).
34. Фердинандъ и Миранда. Картонъ знаменитаго нѣм. художника *Вильгельма фонъ-Каульбаха* (Wilhelm von Kaulbach, 1805—1874).
35. Калибанъ, Стефано и Тринкуло. Картонъ *Вильгельма фонъ-Каульбаха*.
36. Генрихъ VIII и Анна Болленъ на балу у Вольсея. Картина знаменитаго нѣм. художника *Менцеля* (Adolf Menzel, p. 1815).
37. Генрихъ VIII. Портретъ во весь ростъ знаменитаго нѣм. художника *Гольбейна Младшаго* (Hans Holbein).

Книжная рамка эпохи Ренессанса. (Базельская мастерская Иоганна Фробена, 1515 г. по рисунку Urs Graf'a).